

6046

The image shows the front cover of an old book. The cover is decorated with a marbled paper pattern, featuring large, irregular, dark brown or black spots separated by a network of thin, reddish-orange veins. The overall appearance is aged and textured. On the left side, there is a dark, possibly leather or cloth, spine. A small, rectangular, light-colored paper label is affixed to the top left corner of the cover, containing the handwritten number '6046' in blue ink.

~~4960~~

ИСТОРИЯ РОССИИ.

ИСТОРИЯ РОССИИ
СЪ
ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1875.

9с
С.60

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ III.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

6046

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1875.

НБ ПНУС



6046



78
73a

Г Л А В А I.

Царствованіе Императора Петра III Ѳеодоровича.

25 декабря 1761—28 июня 1762 года.

Милости новаго государя.—Возвращеніе смыльных.—Новый генераль-прокуроръ Глѣбовъ.—Новый совѣтъ.—Голштинскіе принцы и другіе вліятельные люди.—Первыя распоряженія въ Сенатѣ.—Манифестъ о вольности дворянской.—Уничтоженіе Тайной Канцеляріи.—Судный департаментъ въ Сенатѣ; раздѣленіе Юстиціи и Вотчиной Коллегій и Суднаго приказа на департаменты.—Рѣшеніе по дѣлу о церковныхъ имѣніяхъ.—Указъ о возвращеніи бѣжавшихъ раскольниковъ.—Крестьянскія волненія.—Состояніе финансовъ.—Военныя приготовленія.—Миръ и союзъ съ Пруссіею.—Столкновенія съ Даніею.—Сношенія съ Австріею, Франціею, Англіею, Швеціею, Польшею и Турціею.—Неудовольствіе въ Россіи на перемѣну внѣшней политики.—Затруднительное положеніе канцлера Воронцова и Ив. Ив. Шувалова.—Неудовольствіе самыхъ приближенныхъ лицъ.—Неудовольствіе духовенства и войска.—Признаки разстройства правительственной машины.—Общее неудовольствіе вслѣдствіе поведенія Петра III-го.—Опасенія прусскихъ министровъ относительно этого неудовольствія.—Переписка Фридриха II съ Петромъ III по этому поводу.—Румянцевъ и граничная армія.—Иванъ Антоновичъ.—Тяжкое положеніе императрицы Екатерины.—Н. И. Панинъ; гегманъ Разумовскій.—Движенія въ гвардіи.—Княгиня Дашкова.—Орловы.—Ускореніе движенія въ пользу Екатерины.—Провозглашеніе ея самодержавною императрицею 28 іюня.—Походъ ея въ Петергофъ.—Неудачныя попытки Петра III; онъ отзывается отъ престола.

Большинство встрѣтило мрачно новое царствованіе: знали характеръ новаго государя, и не ждали ничего хорошаго. Меньшинство людей, обѣщавшихъ себѣ важное значеніе въ царствованіе Петра III, разумѣется, должно было стараться разсѣять грустное расположеніе большинства, доказывать, что оно обманывается въ своихъ черныхъ предчувствіяхъ.

«Безконечна будетъ на вѣки память въ Бозѣ опочивающей государыни императрицы. Безконечно и наше къ Подателю всѣхъ благъ благодареніе, когда видимъ, что его императ. величество, вступя на прародительскій престолъ, милосердіе и щедроты на всѣхъ изливаетъ какъ милосердая Елисавета, и къ трудамъ въ государственномъ правленіи спѣшитъ и прилежитъ, какъ неотомленный Великій Петръ; а ея величество государыня императрица, непрестанно посѣщая тѣло любезнѣйшія своея тетки и смѣшивая свои слезы со слезами приходящихъ для прощенія, самое то бремя на себя снимать является, которое налагаетъ на насъ естество и усердная любовь къ имени и крови Петра Великаго».

Такъ окончилъ свое описаніе кончины Елисаветы конференц-секретарь Волковъ. Новый императоръ сравненъ здѣсь съ покойною теткою своею относительно милосердія и щедротъ. На какія же щедроты можно было указать? Отъ новаго правителя ждуть обыкновенно милосердія къ опальнымъ прошедшаго царствованія. На другой день по вступленіи на престолъ Петра, 26 декабря по именному указу велѣно было прекратить слѣдствіе надъ губернаторами Салтыковымъ и Пушкинымъ; но здѣсь могли видѣть заступничество сильныхъ людей за свою братью; только послѣ услышали объ освобожденіи людей, долго страдавшихъ въ заточеніи, хотя и тутъ чуждыя и даже ненавистныя имена мѣшали впечатлѣнію. 17 января подписаны были указы о возвращеніи изъ ссылки сына Менгдена, жены, сына и дочери Диліенфельда, Натальи Лопухиной, Миниха съ сыномъ; двое послѣднихъ могли возвратиться въ Петербургъ, остальнымъ запрещено было вѣзжать туда, гдѣ живетъ императоръ. Знаменитый сложностію и обширностію своего слѣдственного дѣла, пензенскій воевода Жуковъ освобожденъ изъ-подъ ареста ¹. По указу 4 марта возвращенъ изъ Ярославля въ Петербургъ бывшій герцогъ Биронъ съ фамиліею. Легко себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ и старые, и молодые смотрѣли на этихъ когда-то заклятыхъ враговъ, Бирона и Миниха, появившихся во дворцѣ и обществѣ. Минихъ, несмотря на лѣта и несчастія, отличался большою живостію и умѣлъ стать однимъ изъ близкихъ людей къ императору. 6 мая состоялся указъ: вмѣсто взятаго у генераль-фельдмаршала графа Миниха на Васильевскомъ

острову каменнаго двора, въ которомъ теперь Морской Корпусъ, купя изъ казны за 25,000 рублей у шталмейстера Нарышкина, состоящій на адмиралтейской сторонѣ близъ Семеновскаго моста Каменный дворъ, отдать графу Миниху въ вѣчное и потомственное владѣніе ³. Возвращены были Минихъ и Биронъ; этой парѣ соотвѣствовала другая пара такихъ же заклятыхъ враговъ, сосланныхъ при Елисаветѣ, то были — Лестоку и Бестужевъ-Рюминъ; о Лестоку было кому напомнить: въ первый же день восшествія на престолъ, 25 декабря канцлеръ графъ Воронцовъ подалъ императору докладъ, въ которомъ между прочимъ находилась статья: «О помилованіи и освобожденіи изъ ссылки несчастнаго графа Лестока» ³. Но понятно, что въ докладахъ Воронцова мы не найдемъ статьи о возвращеніи изъ ссылки *несчастнаго* графа Бестужева; да и кромѣ Воронцова никто изъ имѣвшихъ доступъ къ императору и вліяніе на него не имѣлъ побужденій просить за Бестужева; подлѣ Петра III не было ни одного человѣка расположеннаго къ бывшему канцлеру, а самъ Петръ былъ сильно нерасположенъ къ нему. У иностранцевъ находимъ извѣстіе, будто Петръ объявилъ Воронцову, Волкову и Глѣбову относительно Бестужева: «Я подозрѣваю этого человѣка въ тайномъ соумышленничествѣ съ моею женою и кромѣ того держу въ памяти, что покойная тетушка на смертномъ одрѣ говорила мнѣ о Бестужевѣ: она мнѣ строго наказывала никогда не освобождать его изъ ссылки» ⁴. Разумѣется мы не можемъ вполне успокоиться на этомъ извѣстіи, потому что свидѣтели подозрительны—Воронцовъ, Волковъ и Глѣбовъ; но, какъ бы то ни было, Лестоку былъ возвращенъ, а Бестужевъ по прежнему остался въ ссылкѣ ⁵. Впечатлѣніе, произведенное этимъ на безпристрастное большинство, представить легко: возвращенъ Лестоку, возвращенъ Биронъ, возвращены другіе люди съ чуждыми именами; не возвращенъ одинъ русскій человѣкъ, такъ долго и дѣятельно служившій русскимъ интересамъ.

Но, быть можетъ, другія милости изглаживали непріятное впечатлѣніе; быть можетъ радовались приближенію къ государю людей достойныхъ, удаленію отъ него людей, не слывшихъ благонамѣренными?

25 декабря, когда Елисавета находилась при послѣднемъ издыханіи, за двѣ комнаты отъ спальни умирающей помѣстились

бывшій генераль-прокуроръ, князь Никита Юр. Трубецкой, и бывшій оберъ-прокуроръ Сената, теперь генераль-кригсъ-комиссаръ, Александръ Ив. Глѣбовъ. Здѣсь, расположась за письменнымъ столомъ, подзывали они къ себѣ то того, то другого изъ людей близкихъ къ наслѣднику, перешептывались съ ними, потому что-то писали и ходили какъ будто съ докладами или для полученія наставленій къ великому князю, который, большею частію, находился передъ спальнею умирающей тетки. Тутъ же между прочими придворными, въ страшномъ горѣ, какъ тѣни, *шатались* два старика—одинъ птенецъ Петра Великаго, знаменитый сенаторъ и конференцъ-министръ Ив. Ив. Неплюевъ, другой генераль-прокуроръ князь Шаховской. Но присутствіе этихъ стариковъ было непріятно людямъ, ходившимъ съ докладами къ наслѣднику, и Неплюеву съ Шаховскимъ именемъ великаго князя было сдѣлано внушеніе, чтобъ они удалились. Вскорѣ послѣ этого Шаховской долженъ былъ опять отправиться во дворецъ, потому что получилъ повѣстку о кончинѣ императрицы. Не ожидая для себя ничего хорошаго въ новое царствованіе, Шаховской обратился къ одному изъ приближенныхъ императора, Льву Александр. Нарышкину, чтобъ тотъ доложилъ Петру его просьбу объ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ ⁶. Просьба была исполнена: того же 23 декабря Шаховской былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, а генераль-прокуроромъ назначенъ Глѣбовъ, оставшійся и генераль-кригсъ-комиссаромъ, потому что не хотѣлось разстаться съ доходною должностію. Того же числа была оказана милость Воронцовымъ, одной изъ наиболѣе любимыхъ фамилій: родной братъ канцлера, дядя фаворитки, Елисаветы Романовны Воронцовой, Иванъ Ларіоновичъ былъ назначенъ сенаторомъ и отправленъ въ Москву на первенствующее мѣсто въ старой столицѣ, мѣсто управляющаго сенатскою конторою. Черезъ два дня, 28 декабря узнали о другихъ милостяхъ: фельдмаршалъ князь Никита Юр. Трубецкой былъ пожалованъ въ подполковники Преображенскаго полка (полковникомъ былъ самъ государь); Шуваловы, Петръ и Александръ были произведены въ фельдмаршалы ⁷. Графъ Петръ не долго пользовался почестями новаго званія, дни его уже были сочтены; но, не смотря на тяжкую болѣзнь, истощившую его силы, онъ жаждалъ государственной дѣятельности и велѣлъ перенести себя на рукахъ изъ соб-

ственного дома въ домъ своего пріятеля, выведеннаго имъ въ люди, новаго генераль-прокурора Глѣбова, потому что Глѣбовъ жилъ ближе къ дворцу. Императоръ не только сносился съ нимъ черезъ Глѣбова, но и самъ часто пріѣзжалъ къ нему говорить о дѣлахъ; но такое умственное напряженіе, какъ думали тогда, ускорило смерть графа Петра, послѣдовавшую 4 января ⁸. Ив. Шуваловъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ управленіе тремя корпусами—сухопутнымъ, морскимъ и артиллерійскимъ, и, оставаясь кураторомъ Московскаго университета, былъ такимъ образомъ какъ бы министромъ новорожденнаго русскаго просвѣщенія; только Академія Наукъ находилась по прежнему подъ президентствомъ графа Кирилла Разумовскаго. О старшемъ Разумовскомъ, графъ Алексѣй 6 марта былъ объявленъ указъ: «Генераль-фельдмаршалу графу Разумовскому быть уволеннымъ и вѣчно свободнымъ отъ всей военной и гражданской службы, съ тѣмъ, что какъ у двора, такъ и гдѣ бы онъ жить ни пожелалъ, отдается ему по чину его должное почтеніе, общая его импер. величество сами сохранить къ нему непремѣнную милость и высочайшее благоволеніе» ⁹.

На пятый мѣсяць царствованія обозначились лица, пользовавшіяся особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ императора. 20 мая Сенатъ слушалъ указъ: «Чтобъ многія его импер. в—ства къ пользѣ и славѣ имперіи его и къ благополучію вѣрныхъ подданныхъ принятія намѣренія наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли, то избрали его импер. в—ство трудиться подъ собственными его импер. в—ства руководствомъ и призрѣніемъ надъ многими до того принадлежащими дѣлами его высочество герцога Георгія, его свѣтлость принца Голштейн-Бекскаго, генераль-фельдмаршала Миниха, генераль-фельдмаршала князя Трубецкаго, канцлера графа Воронцова, генераль-фельдцейгмейстера Вильбоа, генераль-поручика князя Волконскаго, генераль-поручика Мельгунова и дѣйств. статск. совѣтника тайнаго секретаря Волкова ¹⁰.

На первыхъ мѣстахъ въ этомъ совѣтѣ видимъ родственниковъ императора по отцу, принцевъ голштинскихъ. Первый, дядя Петра III, принцъ Георгій, генераль прусской службы, вызванный въ Россію тотчасъ по восшествіи на престолъ Петра, который былъ чрезвычайно къ нему привязанъ: онъ произвелъ его въ

генераль-фельдмаршалы и полковники лейб-гвардіи Коннаго полка съ жалованьемъ по 48,000 рублей въ годъ. Другой принцъ Петръ Августъ-Фридрихъ Голштейнъ-Бекскій былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, петербургскимъ генераль-губернаторомъ, командиромъ надъ всеми полевыми и гарнизонными полками, находившимися въ Петербургѣ, въ Финляндіи, Ревелѣ, Эстляндіи и Нарвѣ¹¹. Слѣдующіе три члена совѣта—Минихъ, Трубецкой и Воронцовъ намъ извѣстны. Генераль-поручикъ Вильбоа получилъ должность генераль-фельдцейгмейстера, прайдную по смерти графа Петра Ив. Шувалова; какъ видно изъ отзывовъ современниковъ, Вильбоа пользовался хорошою репутациею. Князь Волконскій намъ извѣстенъ особенно какъ посланникъ въ Польшѣ. Генераль-поручикъ Алексѣй Петр. Мельгуновъ выдвинулся съ помощію Ив. Ив. Шувалова, и сблизился съ Петромъ при Елисаветѣ по управленію кадетскимъ корпусомъ, котораго великій князь былъ шефомъ. Наконецъ Волковъ пріобрѣлъ славу самаго искуснаго составителя рескриптовъ во время управленія своего канцеляріею конференціи; кромѣ того могъ быть указанъ Шуваловыми и Воронцовымъ какъ человекъ преданный, и занялъ мѣсто въ новомъ совѣтѣ, какое занималъ въ прежней, упраздненной теперь конференціи: съ 31 января Волковъ назывался тайнымъ секретаремъ.

Если къ этимъ членамъ новаго совѣта присоединимъ генераль-прокурора Глѣбова и Ив. Ив. Шувалова, то исчерпаемъ кругъ людей, хотѣвшихъ и могшихъ имѣть вліяніе на важныя правительственныя рѣшенія въ началѣ царствованія Петра III, ибо люди близкіе, какъ-то генераль-адъютанты Гудовичъ и Унгернъ-Штернбергъ и шталмейстеръ Левъ Нарышкинъ этого вліянія имѣть не могли.

17 января императоръ прибылъ въ Сенатъ, гдѣ оставался отъ 10 до 12 часовъ. Тутъ онъ подписалъ указы о возвращеніи изъ ссылки Менгдена, Лиліенфельдовъ, Миниховъ, Лопухиной; потомъ соизволилъ указать: въ продажѣ соли цѣну уменьшить и положить умѣренную, если совѣтъ вольною торговлею сдѣлать нельзя, о чемъ Сенату разсуждать. Кронштадтскую гавань, которая весьма повреждена, такъ что съ трудностію корабли приставать могутъ, немедленно починить, углубя оную и обдѣлывая камнемъ. Сенату разсуждать, какъ бы Рогервицкую га-

ванъ долѣывать вольными людьми, а каторжныхъ перевести въ Перчинскъ. Тутъ же Петру доложено было предложене покойнаго графа Петра Ив. Шувалова о водяномъ сообщеніи отъ рѣки Волхова до Рыбной слободы; въ предложеніи говорилось: отъ слободы Рыбной чрезъ Тверь, Боровицкіе пороги, Новгородъ до Новой Ладogi суда ходятъ 1120 верстѣ, а есть отъ Рыбной слободы до Новой Ладogi другой водяной трактъ, а именно: отъ Рыбной рѣками Волгою, Мологою, Чагодощею, Горюномъ, озеромъ Соминскимъ, рѣкою Соминою, рѣчкою Болчинкою, озеромъ Крупинымъ, рѣкою Тихвиною, Сясю, а изъ Сяси надобно быть каналу до рѣки Волхова и противъ Ладожскаго канала прямо на семи верстахъ; этимъ трактомъ всего 392 версты. Сенатъ доложилъ при этомъ, что для освидѣтельствованія и описанія этого тракта отправленъ былъ генераль-лейтенантъ Рязановъ, который уже исполнилъ свое порученіе. Императоръ разсмотрѣлъ планы, одобрилъ и приказалъ всю эту работу производить вольными людьми.

Въ то же засѣданіе императоръ приказалъ Сенату имѣть попеченіе о Петербургѣ, котораго строеніе происходятъ весьма обширно и по большей части деревянное; надобно стараться его ограничить и производить строеніе каменное, и хотя не очень пространно, но регулярно, и болѣе въ вышину, нежели въ широту. За этимъ императоръ приказалъ Сенату имѣть конференцію съ Синодомъ о монастырскихъ крестьянахъ. Въ заключеніе Петръ объявилъ свое рѣшеніе относительно дворянской службы: «Дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ, и когда военное время будетъ, то они всѣ явиться должны на такомъ основаніи, какъ и въ Лифляндіи съ дворянами поступается.» На другой день, 18 января генераль-прокуроръ Глѣбовъ словесно предложилъ: не соизволить ли прав. Сенатъ въ знакъ отъ дворянства благодарности за оказанную къ нимъ всевысочайшую милость о продолженіи ихъ службы по своей волѣ гдѣ пожелаютъ, сдѣлать его импер. величества золотую статую, расположа отъ всего дворянства и о томъ подать его император. величеству докладъ ^{12?} Докладъ не былъ утвержденъ; есть извѣстіе, что императоръ отвѣчалъ: «Сенатъ можетъ дать золоту лучшее назначеніе, а я своимъ царствованіемъ надѣюсь воздвигнуть болѣе долговѣчный на-

мятникъ въ сердцахъ моихъ подданныхъ ¹³» Только черезъ мѣсяць, 18 февраля былъ обнародованъ манифестъ о вольности дворянской ¹⁴; въ немъ императоръ говорилъ, что при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ нужно было принуждать дворянъ служить и учиться, отъ чего послѣдовали неисчетныя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножили въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставили свѣдущихъ и годныхъ людей къ дѣлу, однимъ словомъ заключить, благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патриотовъ безпредѣльную къ намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отчужденіе къ службѣ нашей ревность, а потому и не находимъ мы той необходимости, въ разсужденіи къ службѣ, какая до сего времени потребна была». Всѣ дворяне, на какой бы службѣ они ни находились, на военной или на гражданской, могли продолжать ее или выйти въ отставку; но военные не могли проситься въ отставку и брать отпускъ во время кампаніи и за три мѣсяца до ея начатія. Неслужащій дворянинъ могъ безпрепятственно ѣхать за границу и вступать въ службу иностранныхъ государей, но обязанъ былъ возвратиться со всевозможною скоростію по первому призыву правительства. «Мы надѣемся, говорилось въ манифестѣ, что все благородное русское дворянство, чувствуя толикія наши къ нимъ и потомкамъ ихъ щедроты, по своей къ намъ всеподданической вѣрности и усердію, побуждены будутъ не удалаться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностію и желаніемъ въ оную вступать, и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную, по крайней возможности, продолжать, не меньше и дѣтей своихъ съ прилежностію и раченіемъ обучать благопристойнымъ наукамъ, ибо всѣ тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли, но только какъ сами въ лѣности и праздности все время препровождаютъ будутъ, такъ и дѣтей своихъ въ пользу отечества своего ни въ какія полезныя науки не употреблять, тѣхъ мы, яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподаннымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже ко двору нашему пріѣздъ или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ».

Здѣсь прежде всего останавливаетъ насъ то обстоятельство, что манифестъ о вольности дворянской явился спустя мѣсяць послѣ того, какъ императоръ объявилъ свою волю въ Сенатѣ. Зная характеръ Петра ¹⁵, мы не удивимся этому. Люди приближенные, желавшіе удержать за собою важное значеніе въ новое царствованіе и естественно желавшіе сообщить этому царствованію блескъ и популярность, разсѣять мрачныя мысли тѣхъ, которые знали, въ чьихъ рукахъ теперь судьбы Россіи,—люди приближенные къ Петру постарались внушить ему о необходимости принять нѣкоторыя мѣры, которыя облегчатъ, обрадуютъ народъ, въ числѣ этихъ мѣръ было и желанное многими освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы. Императоръ заявилъ все эти мѣры въ одно присутствіе въ Сенатѣ; но, заявивъ свою волю объ освобожденіи дворянъ отъ службы, онъ не поручилъ Сенату заняться дѣломъ, обдумать его хорошенько и поднести докладъ на высочайшее утвержденіе. Воля императора была заявлена; Сенатъ пошелъ съ докладомъ о золотой статуѣ, получилъ въ отвѣтъ не очень скромную фразу и все дѣло этимъ кончилось, императоръ занялся другими дѣлами. Повятно, что люди, которымъ дорога была слава царствованія и которымъ хотѣлось поскорѣе объявить и привести въ исполненіе популярную мѣру, очень безпокоились, видя, что о ней забываютъ. Князь Щербатовъ, въ известномъ сочиненіи своемъ «о поврежденіи правовъ въ Россіи», передаетъ рассказъ, слышанный имъ отъ Дмитр. Вас. Волкова, какъ императоръ, желая скрыть отъ фаворитки, графини Елизаветы Романовны Воронцовой свои ночныя забавы, сказалъ при ней Волкову, что хочетъ провести съ нимъ всю ночь въ занятіяхъ важнымъ дѣломъ, касающимся государственнаго благоустройства. Ночь наступила, Петръ пошелъ веселиться, сказавши Волкову, чтобъ онъ къ утру написалъ какой-нибудь важный указъ, и Волковъ былъ запертъ въ пустую комнату съ датскою собакою. Несчастный секретарь не зналъ, о чемъ писать, а писать надобно; наконецъ вспомнилъ онъ, о чемъ всего чаще твердилъ государю графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, именно о вольности дворянской. Волковъ написалъ манифестъ, который на другой день былъ утвержденъ государемъ.

Ясно, что рассказъ Щербатова или Волкова относится къ

написанію манифеста, а не къ первой мысли о вольности дворянства, ибо мысль была заявлена мѣсяць тому назадъ. Разсказъ этотъ важенъ для насъ потому, что открываетъ человѣка, который твердилъ императору о вольности дворянской: то былъ графъ Романъ Воронцовъ, особенно заинтересованный популярностью новаго царствованія, по отношеніямъ своего семейства къ императору. Но представляются сомнѣнія на счетъ справедливости Щербатовскаго разсказа; говорятъ, что манифестъ былъ написанъ не Волковымъ, а Глѣбовымъ и приводятъ объ этомъ свидѣтельство Штелина; но по какому праву мы будемъ вѣрить болѣе Штелину чѣмъ Щербатову, или самому Волкову? Говорятъ, что тотъ же Волковъ въ оправдательномъ письмѣ своемъ, написанномъ по восшествіи на престолъ Екатерины II, ни полслова не говоритъ, что онъ былъ сочинителемъ манифеста о вольности дворянской въ томъ мѣстѣ письма, гдѣ хвалится произведеніями своего пера. Дѣйствительно Волковъ не говоритъ, что написалъ манифестъ о вольности дворянской; но не говоритъ, что и не писалъ его, слѣдовательно нисколько не противорѣчитъ своему разсказу, приведенному Щербатовымъ. Волковъ говоритъ: «что жь до внутреннихъ дѣлъ надлежитъ; то *главные* моихъ трудовъ суть три: 1) о монастырскихъ вотчинахъ; 2) о тайной канцеляріи и 3) пространный указъ о коммерціи ¹⁶⁾», а что онъ не включилъ манифеста о вольности дворянской въ число главныхъ трудовъ своихъ, заблагоразсудилъ умолчать о немъ, на то онъ имѣлъ важныя причины. Какъ человѣкъ очень умный, Волковъ не могъ не сознавать, что манифестъ написанъ плохо; да и трудно было написать лучше безъ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія такого важнаго дѣла. Съ одной стороны слышались сильныя жалобы, что дворяне, обязанные вѣчною службою, не могутъ заниматься устройствомъ своихъ имѣній; съ другой стороны недостатокъ въ людяхъ, необходимость для государства поддержать свое значеніе и выгоды многочисленнымъ регулярнымъ войскомъ, не позволяли ему освободить дворянъ отъ обязательной службы. Давно уже принимались мѣры для соглашенія интересовъ государства съ интересами землевладѣльцевъ: продолжительные отпуска при Екатеринѣ I, сокращеніе срока службы при Аннѣ. Манифестомъ 1736 года дворянинъ обязанъ былъ служить только 25 лѣтъ, начиная отъ

двадцатилѣтняго возраста; но когда явилось слишкомъ много охотниковъ воспользоваться закономъ о двадцатилѣтнемъ срокѣ, то въ 1740 году правительство, въ виду войны, принуждено было всячески затруднять увольненіе въ отставку ¹⁷ и потому, какъ видно, двадцатипятилѣтній срокъ остался только на бумагѣ, ибо Ив. Ив. Шуваловъ въ предложеніи своемъ императрицѣ Елисаветѣ о фундаментальныхъ законахъ, говорить: «дворянину служить 26 лѣтъ, считая отъ времени дѣйствительной службы его, т.-е. отъ 20 лѣтъ возраста ¹⁸.» Этотъ двадцатипятилѣтній срокъ, назначаемый Шуваловымъ, показываетъ намъ, съ какою осторожностію самые образованные и либеральные люди относились тогда къ вопросу о дворянской вольности относительно службы; ихъ пугала мысль, что множество дворянъ выйдетъ въ отставку, нѣкоторые дѣйствительно для хозяйственныхъ занятій, но другіе для праздної жизни въ имѣніяхъ и многія мѣста въ войскѣ останутся незанятыми, въ слѣдствіе чего нужно будетъ наполнять ихъ иностранцами. Страхъ предъ усиленіемъ иностраннаго элемента въ войскѣ заставилъ того же Шувалова предложить какъ фундаментальный законъ, чтобъ въ гвардіи, арміи и флотѣ три части генераловъ и офицеровъ были русскіе, а четвертая лифляндцы, эстляндцы и иностранные.

Въ манифестѣ 18-го февраля не только не было указано никакихъ мѣръ противъ слишкомъ большаго выхода въ отставку и противъ нерадѣнія о воспитаніи дворянъ, но даже ничего не было упомянуто о томъ призывѣ дворянъ къ службѣ, на который указалъ императоръ въ Сенатѣ: «когда военное время будетъ, то они все явиться должны на такомъ основаніи, какъ и въ Лифляндіи съ дворянами поступается.» Манифестъ 18-го февраля долженъ былъ очень обрадовать многихъ; но эту радость въ такой степени не могли раздѣлять дворяне, занимавшіе высшія должности, которые имѣли все побужденія продолжать службу, дававшую имъ значеніе и выгоды. У этихъ людей гораздо больше на сердцѣ были другія льготы—освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, уничтоженіе конфискаціи дворянскихъ имуществъ. Ив. Ив. Шуваловъ внесъ въ свой проектъ фундаментальныхъ законовъ: «Впадшее въ преступленіе дворянство теряетъ только конфискаціею собственно нажитое собою имѣніе, а не родовое. Отъ безчестной политической казни дворянство сво-

бодить». Этих-то наиболѣе желанныхъ льготъ дворянству не было дано, а безъ нихъ свобода отъ службы не имѣла особенно важнаго значенія, особенно для дворянъ, составлявшихъ высшій петербургскій кругъ, предъ которымъ Волковъ и былъ въ отвѣтѣ. Здѣсь, въ этомъ кругу хвалиться манифестомъ 18-го февраля было неудобно, и Волковъ ловко обошелъ его, не поставилъ его въ число *главныхъ* дѣлъ своихъ.

Въ числѣ этихъ трехъ главныхъ трудовъ, которыми хвалится Волковъ, былъ трудъ о тайной Канцеляріи. 7-го февраля императоръ объявилъ въ Сенатѣ, что отнынѣ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи быть не имѣетъ. 21-го февраля изданъ былъ манифестъ, въ которомъ говорилось: «Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію тайныхъ розыскныхъ канцелярій, сколько разныхъ именъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, монарха великодушнаго и челоуѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и не исправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ; но какъ тайная канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей. Вышеупомянутая тайная розыскныхъ дѣлъ Канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ положатся. Ненавистное израженіе, а именно: «слово и дѣло» не долженствуетъ отнынѣ значить ничего, и мы запрещаемъ—не употреблять онаго никому; о семъ кто отнынѣ оное употребитъ, въ пьянствѣ или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники. Напротивъ того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому или второму пункту, такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто или къ ближайшему же воинскому командиру немедленно явиться и доносъ свой на письмѣ подать или донести словесно, если кто не умѣетъ грамотѣ. Всѣ въ воровствѣ, смертоубійствѣ и въ другихъ смертныхъ преступленіяхъ пойманные, осужденные и въ ссылки, такъ же на каторги

4362

сосланные колодники ни о какихъ дѣлахъ доносителями быть не могутъ. Если явится доноситель по первымъ двумъ пунктамъ, то его немедленно подь караулъ взять и спрашивать, знаетъ ли онъ силу помянутыхъ двухъ пунктовъ, и если найдется, что не знаетъ и важнымъ дѣломъ почель другое, такъ тотчасъ отпустить безъ наказанія. Если же найдется, что доноситель прямое содержаніе двухъ первыхъ пунктовъ знаетъ, такого спрашивать тотчасъ, въ чемъ самое дѣло состоитъ; когда же дѣло свое доноситель объявитъ, а къ доказательству ни свидѣтелей, ниже что либо достовѣрнаго на письмѣ не имѣеть, такого увѣщевать, не напрасноли на кого затѣялъ? Если доноситель не отречется отъ своего доноса, то посадить его на два дня подь крѣпкой караулъ и не давать ему ни питья, ни пищи, но оставить ему все сіе время на размышленіе; по прошествіи же сихъ дней паки спрашивать со увѣщаніемъ, истиненъ ли его доносъ, и буде и тогда утвердится, въ такомъ случаѣ доносителя подь крѣпкимъ карауломъ отсылать, буде близко отъ Санктпетербурга или Москвы, то въ Сенатъ или Сенатскую Контору, буде же нѣтъ, то въ ближайшую губернскую Канцелярію, а того или тѣхъ, на кого онъ безъ свидѣтеля или письменныхъ доказательствъ доносить, подь караулъ не брать, ниже подозрительными не почитать до того времени, пока дѣло въ вышнемъ мѣстѣ надлежаще разсмотрѣно будетъ, и объ тѣхъ на кого донесено, указъ воспослѣдуетъ. Буде же доказатель имѣеть и доказательства, и свидѣтелей, что доносъ его правъ, то и доносителя и свидѣтелей, и тѣхъ или того, на кого доносъ, забравъ подь крѣпкой караулъ, тотчасъ доносить со всеми обстоятельствами въ нашъ Сенатъ и ожидать указа. Если кто изъ дворянъ, офицеровъ или знатнаго купечества доносителемъ найдется и въ первомъ судебномъ мѣстѣ въ томъ утвердится, такого тотчасъ подь крѣпкимъ карауломъ для изслѣдованія отсылать въ Сенатъ, но до указа изъ онаго однакожь отнюдь не забирать подь караулъ и подозрительными не почитать тѣхъ, на кого доносъ будетъ. Что до резиденціи принадлежитъ, то свѣдѣніе дѣлъ, могущихъ касаться до двухъ первыхъ пунктовъ, нарочно намъ самимъ предоставляется, дабы показать и въ томъ примѣръ, какъ можно и принадлежитъ кротостію изслѣдованія, а не кровопролитіемъ прямую истину раздѣлять отъ клеветы и коварства, и смотрѣть, не

найдутся ли способы самимъ милосердіемъ злонаправныхъ привести въ раскаяніе, и показать имъ путь къ своему исправленію; но какъ не всякій и съ справедливымъ своимъ доносомъ можетъ иногда такъ скоро до насъ дойти, какъ того нужда требовала бы, да притомъ и то отвращать надлежить, чтобъ позволеніемъ свободнаго каждому доступа не поострить людей къ доносамъ, то повелѣваемъ, чтобъ каждый, кто имѣетъ намъ донести о дѣлѣ важномъ, справедливомъ и дѣйствительно до двухъ первыхъ пунктовъ принадлежащемъ, приходилъ съ онымъ безъ всякаго опасенія къ нашимъ генераль-поручикамъ Льву Нарышкину и Алексѣю Мельгунову, да тайному секретарю Дмитрію Волкову, кои для того монаршею нашею довѣренностію удостоены»¹⁹.

Давно уже жаловались, что Сенатъ обремененъ судными дѣлами по апелляциямъ и не имѣетъ времени заниматься государственными дѣлами. Ив. Ив. Шуваловъ предлагалъ императрицѣ Елисаветѣ: «въ Москвѣ учредить въ сенатской конторѣ нѣсколько сенаторовъ, придавъ къ нимъ достойныхъ членовъ, дабы апелляціонныхъ челобитчиковъ дѣла вершались, а Сенату оставили время для дѣлъ государственныхъ»²⁰. Теперь эту мысль успѣшили привести въ исполненіе, учредили особый департаментъ, только не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ. 29 января Сенатъ слушалъ именной указъ: «Его импер. величеству извѣстно, что въ Сенатѣ, Юстицъ и Вотчинной Коллегіи и въ Судномъ Приказѣ нерѣшенныхъ дѣлъ умножилось: такъ для лучшаго порядка и скорѣйшаго рѣшенія указовъ какъ въ Сенатѣ для рѣшенія юстицкихъ, вотчинныхъ и всякихъ апелляціонныхъ дѣлъ учинить особый департаментъ, такъ и въ Юстицъ и Вотчинной Коллегіяхъ, и въ Судномъ приказѣ учредить для челобитчиковыхъ дѣлъ въ каждомъ мѣстѣ по три департамента; въ Сенатѣ быть изъ Сенаторовъ тремъ или четыремъ особамъ, а въ Коллегіяхъ и Приказѣ изъ членовъ тѣхъ мѣстъ, и правленіе дѣлъ въ этихъ департаментахъ расписать по губерніямъ; когда же департаментамъ чего-либо рѣшить собою нельзя будетъ, съ такими дѣлами приходите въ полное собраніе». Въ тотъ же день послѣдовалъ указъ — конференціи не быть, и дѣла изъ нея принять въ Сенатъ и въ иностранную Коллегію;²¹ но мы видѣли, что 20 мая учреждено было что-то безъимянное, чтобъ намѣренія императора

наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли. Въ члены этого безѣмяннаго учрежденія изъ сенаторовъ вошли только двос: канцлеръ графъ Воронцовъ и фельдмаршалъ князь Никита Юр. Трубецкой. Сенатъ въ это время состоялъ изъ 13 членовъ, кромѣ генераль-прокурора; эти члены были: графъ Михаилъ Лар. Воронцовъ, графъ Романъ Лар. Воронцовъ, князь Никита Юр. Трубецкой, князь Петръ Никитичъ Трубецкой, князь Мих. Мих. Голицынъ, кн. Алексѣй Дмитр. Голицынъ, графъ Александръ Шуваловъ, князь Ив. Вас. Одоевскій, Ив. Ив. Неплюевъ, Александръ Борис. Бутурлинъ, Александръ Григ. Жеребцовъ, Петръ Спиридон. Сумароковъ, Ив. Ив. Кастюринъ.

Сенатъ спѣшилъ окончить дѣло, тянувшееся съ 1757 года, дѣло о церковныхъ имѣнiяхъ. 7-го января онъ пересмотрѣлъ дѣло и рѣшилъ имѣть съ Синодомъ общую конференцію, принявъ тѣ основанія соглашенія, чтобъ монастырскіе крестьяне платили по 50 копѣекъ въ казну и по 50 копѣекъ въ монастырь или архіерейскій домъ, которымъ принадлежали. 17-го января самъ императоръ приказалъ Сенату имѣть конференцію съ Синодомъ о крестьянахъ на положенномъ основаніи. Но это намѣреніе было отклонено; сочли нужнымъ повершить дѣло покруче, и 16 февраля данъ былъ именной указъ: «Какъ ея величество государыня императрица Елисавета Петровна, соединяя благочестіе съ пользою отечества и премудро различая вкравшіяся злоупотребленія и предубѣжденія отъ прямыхъ догматовъ вѣры и истинныхъ основаній православныя восточныя церкви, за потребно нашла монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій и въ слѣдствіе того, присутствуя своею особою въ тогдашней конференціи, а именно 30 сентября 1757 года, сама такое полезное всему государству о управленіи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ узаконеніе положить изволила, которое одно, независимо отъ прочихъ великихъ ея импер. величества дѣлъ и благодѣяній своему отечеству, достаточно было бы учинить славную ея память безсмертною: но хотя его императ. величество, присутствуя недавно самъ въ Сенатѣ, и повелѣли помянутое узаконеніе немедленно и обще съ Синодомъ въ дѣйствительное исполненіи привести, однакоже какъ въ разсужденіи важности сей матеріи, такъ и дабы паки въ бесплодныхъ порѣшенныхъ толь

справедливо и предусмотрительно дѣлу совѣтованіяхъ и сношеніяхъ не тратить напрасно время, восхотѣли его импер. величество чрезъ сіе точнѣе Сенату повелѣть, чтобы выше изображенное узаконеніе императрицы Елисаветы Петровны какъ на искоріе по точному и прямому содержанию безъ всякаго изыятія самымъ дѣломъ въ дѣйство произведено и непременно навсегда исполняемо было. Заѣготребно еще его импер. величество находить указъ императора Петра Великаго о непостриженіи въ монастыри безъ особливыхъ именныхъ указовъ подтвердить чрезъ сіе во всемъ его содержаніи и силѣ. По этому указу должна была выполниться и первоначальная мысль Елисаветы, чтобъ монастырскія имѣнія управлялись не монастырскими служками, но отставными штабъ и оберъ-офицерами, и Сенатъ приказали: 1) для управленія всѣхъ синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и къ церквамъ приписанныхъ вотчинъ быть Коллегіи экономіи, въ которую опредѣлить президента съ членами и прокурора, наравнѣ съ другими Коллегіями, и состоять ей подѣ вѣдомствомъ Сената. 2) Крестьянамъ платить рубль, при чемъ отдать имъ землю, которую они прежде пахали на архіереевъ, монастыри и церкви. 3) Доходъ собирать весь на монастыри, но употреблять изъ него въ расходъ только то, что по штатамъ положено, а остальное хранить, такъ чтобъ, всегда зная о числѣ сберегаемой суммы, раздавать изъ нея на монастырское строеніе. Коллегіи экономіи стараться всѣмъ монастырямъ и пустынямъ, располагая ихъ по классамъ, сочинить штаты, послѣ чего платить: монахамъ денегъ по 6 рублей, хлѣба по 5 четвертей, дяконамъ по 8 рублей и хлѣба по 7 четвертей, казначею 18 рублей и 8 четвертей, намѣстнику 24 рубля и 8 четвертей, проповѣднику 30 рублей и 30 четвертей, игумену 50 рублей и 8 четвертей, архимандриту 100 рублей и 8 четвертей; втораго класса монастыри получаютъ половинное противъ этого содержаніе. Находящихся въ монастыряхъ отставныхъ офицеровъ и рядовыхъ, которыхъ всѣхъ 1358 человекъ, содержать Коллегіи на прежде опредѣленномъ жалованьѣ. Президентомъ въ Коллегію экономіи опредѣленъ тайный сов. князь Василій Оболенскій²². Во всенародное извѣстіе это распоряженіе объявлено было въ указѣ 21-го марта: здѣсь тропнѣ архіереевъ, Московскому, Новгородскому и С.-Петербуржскому опредѣлено годовое содержаніе

въ 5000 рублей, остальнымъ архіереямъ въ 3000, да на содержаніе семинарій по 3000 рублей; архимандритамъ: «перваго класса ставропигіальнымъ десяти монастырямъ по 500 рублей, а прочимъ половинѣ втораго класса по 200 рублей, а послѣднимъ третьяго класса по 150 рублей каждому въ годъ, противъ тогожъ на три класса всѣ монастырскіе въ штатѣ опредѣленные расходы расположены быть имѣють». Но когда еще не было ничего сдѣлано для того, чтобъ новое учрежденіе получило правильное движеніе, когда монастыри еще не были распредѣлены на классы, не были окончательно составлены штаты, 4-го апрѣля Сенату былъ объявленъ именной указъ — со времени высочайшихъ указовъ 16-го февраля и 21-го марта (съ какого же именно времени?) всѣ собранныя денежныя суммы возвратитъ и содержать впредь на опредѣленные тѣмъ епархіямъ по тому указу расходы; а съ крестьянъ во всѣхъ тѣхъ епархіяхъ никакихъ сборовъ не чинить и посланныхъ отъ нихъ (т. е. отъ епархій) для того взыскація изъ тѣхъ вотчинъ выслать»²³.

Волковъ въ своемъ оправдательномъ письмѣ говоритъ: «Чтожъ до внутреннихъ дѣлъ надлежитъ, то главные моихъ трудовъ суть три: 1) о монастырскихъ вотчинахъ; 2) о тайной Канцеляріи, и 3) пространнй указъ о коммерціи. На первый поступалъ я тѣмъ охотнѣе, что и дѣло казалось мнѣ справедливое, и радъ я былъ случаю — воздать должную хвалу памяти покойной государыни императрицы. Но, по несчастію, перепорчена въ Сенатѣ совѣтмъ вся сія исторія». Какимъ образомъ однако исторія перепорчена была въ Сенатѣ, объ этомъ Волковъ не говоритъ, и мы не знаемъ. Мы знаемъ, что Сенатъ долженъ былъ 1-го іюня поднести императору докладъ: положенный съ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ годовой оброкъ по рублю съ души высочайше повелѣно начать собирать со второй половины этого года, который сборъ не иначе, какъ въ исходѣ этого года начать будетъ, а между тѣмъ на монастырскія и жалованныя монашествующимъ и отставнымъ дачи производить не изъ чего; а какъ тѣ вотчины изъ владѣнія архіереевъ и монастырскихъ властей были почти съ начала этого года, т. е. отъ марта мѣсяца, къ томужъ и земли крестьянамъ отданы: то не соизволитъ ли ваше импер. величество указать съ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ окладъ по рублю взять на весь нынѣшній 1762 годъ

при наступленіи перваго платежа подушныхъ денегъ? Императоръ конфирмовалъ докладъ ²⁴.

Соперникъ Волкова по участию въ главныхъ трудахъ, по сочиненію манифестовъ, генераль - прокуроръ Глѣбовъ 29 января объявилъ Сенату именной указъ, что государь позволяетъ бѣжавшимъ въ Польшу и другія заграничныя страны раскольникамъ возвратиться въ Россію и поселиться въ Сибири, въ Барабинской степи и другихъ подобныхъ мѣстахъ, при чемъ имъ не должно дѣлать никакого препятствія въ содержаніи закона по ихъ обыкновенію и старопечатнымъ книгамъ, ибо «внутри Всероссийской имперіи и иновѣрные яко магометане и идолопоклонники состоятъ, а тѣ раскольники—христіане, точію въ единомъ застарѣломъ суевѣрїи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ бесполезно ²⁵». Въ слѣдъ за тѣмъ Сенатъ далъ указъ: развѣдать, нѣтъ ли гдѣ раскольническихъ для сожженія своего сборищъ, и если такія богомерзкія сборища гдѣ окажутся, то немедленно посылать туда достойныхъ людей и велѣтъ имъ всячески стараться чрезъ увѣщанія отъ такого пагубнаго намѣренія удерживать, и спрашивать ихъ, для чего они хотятъ это дѣлать; если будутъ показывать, что такое намѣреніе приняли они отъ притѣсненій и забиранія подь караулъ, то увѣрить ихъ, что производимыя о нихъ слѣдствія уже велѣно уничтожить, и дѣйствительно ихъ теперь оставить, и содержащихся подь караулъ тотчасъ отпустить подомамъ, и вновь никого не заирать.—Въ Петербургъ явился Аѳанасій Ивановъ, повѣренный записныхъ раскольниковъ, разныхъ лѣсовъ келейныхъ жителей Нижегородской губерніи, Балахонскаго и Юрьеveckаго уѣздовъ. Ивановъ подалъ въ Сенатъ просьбу, въ которой раскольники жаловались, что терпятъ притѣсненія отъ духовныхъ правленій изъ за взятокъ; что въ 1716 году въ Нижегородской губерніи по переписи было раскольниковъ обоаго пола до 40,000 душъ, въ томъ числѣ келейныхъ жителей до 8000; но отъ притѣсненій принуждены они были разойтись врознь, и теперь осталось не болѣе 5000 душъ; раскольники просили, чтобы положенныя на нихъ деньги платить прямо въ раскольническую контору, а для защиты отъ обидъ припи-

сать ихъ къ желѣзному Верхъ-исетскому заводу графа Романа Лар. Воронцова на вѣки. Сенать приказаль для защиты этихъ раскольниковъ назначить изъ отставныхъ оберъ-офицеровъ опеку — на человѣка достойнаго, на котораго въ этомъ дѣлѣ можно было бы положиться, и деньги за расколъ платить имъ прямо въ раскольничью контору ²⁶.

Раскольники просили приписать ихъ къ заводу; но крестьяне, приписные къ заводамъ верхотурскаго купца Походяшина, подали жалобу на хозяина, и Сенать нарядилъ слѣдствіе; черезъ полтора мѣсяца подали челобитную крестьяне приписные къ заводамъ графа Ив. Григ. Чернышева и Демидовыхъ Николая и Евдокима, жаловались, что управители и прикащики притѣсняютъ ихъ, бьютъ, а нѣкоторыхъ и до смерти убили. Сенать поручилъ слѣдствіе генераль-майору Кокоскину и полковнику Лопатину. Такъ какъ до сихъ поръ волновались преимущественно крестьяне приписные къ фабрикамъ и заводамъ, то запрещено было фабрикантамъ и заводчикамъ покупать деревни съ землями и безъ земель, пока не будетъ подтверждено новое уложеніе, велѣно имъ довольствоваться вольнонаемными людьми. Но скоро пришло извѣстіе и о волненіяхъ пашенныхъ крестьянъ. Въ вотчинахъ стат. совѣт. Евграфа Татищева (сына знаменитаго Василья Никитича) и гвардіи поручика Петра Хлопова въ Тверскомъ и Клинскомъ уѣздахъ, крестьяне отложились отъ помѣщиковъ по наученію тверскаго отставнаго подъячаго Ивана Собакина, у Татищева хоромы срыли и разбросали, у Хлопова домъ и житницы съ хлѣбомъ и оброчныя деньги разграбили, а помѣщикамъ своимъ приказывали сказать, чтобъ они къ нимъ не ѣздили, прикащиковъ и дворовыхъ людей хотѣли побить до смерти и изъ вотчинъ выбили вонъ. Вслѣдъ за тѣмъ поступили донесенія: отъ прокурора Московской Губернской Канцеляріи Зыбина о возмущеніи его бѣлевскихъ крестьянъ; отъ княгини Елены Долгорукой о возмущеніи галицкихъ; отъ капитана Балкъ-Полева каширскихъ; коллеж. совѣтн. Афросимова тульскихъ и епифанскихъ; жены полковника Дмитріева-Мамонова волоколамскихъ. У Татищева возмутилось 700 душъ, у Хлопова 800, у Зыбина 340, у кн. Долгорукой 2000, у Балкъ-Полева 950, у Афросимова 650, у Дмитріева-Мамонова 400. Кромѣ того, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Вишенкахъ староста и крестьяне

съ дубьемъ пришли въ домъ помѣщицы Эрчаковой, ругали ее и выгнали изъ сельца. Въ Сенатъ явилось четверо крестьянъ Татищева съ жалобою на помѣщика, что онъ не малое число изъ нихъ развелъ въ другія свои деревни и беретъ къ себѣ въ дворовые люди; остальные всегда на его работѣ, и взыскиваетъ съ нихъ оброкъ съ прибавкою и рекрутскія деньги. Сенатъ велѣлъ этихъ крестьянъ наказать нещадно плетями, Собакина сыскивать всѣми способами, а противъ возмущившихся крестьянъ послать военную команду. Но крестьяне Татищева и Хлопова напали на команду, ранили одного офицера, солдаты были всѣ побиты или ранены, а 64 человекъ не явились, и гдѣ находятся никто не зналъ. Послѣ получены были подробнѣйшія извѣстія: крестьяне разбили команду, разсирѣпѣвъ отъ того, что она убила у нихъ трехъ человекъ и переранила до двѣнадцати человекъ; крестьяне захватили 64 человекъ солдатъ и держали подъ карауломъ три дня, потомъ отправили въ Тверь съ постороннимъ сотскимъ, а съ лошадьми послали пятерыхъ крестьянъ съ женщинами и дѣтьми. По рѣшенію Сената, противъ нихъ отправлена была команда изъ 400 человекъ и съ четырьмя пушками; но по указу императора отправленъ былъ генераль-майоръ Виттенъ съ кирасирскимъ полкомъ. Наконецъ въ Вяземской Воскресенской волости 1000 человекъ крестьянъ князей Долгорукихъ прибили и разграбили прикащиковъ и послали въ Сенатъ съ просьбою приписать ихъ къ дворцовымъ волостямъ.

Волненіе обнаружилось и въ Москвѣ между фабричными рабочими. Содержатель главной московской суконной мануфактуры Василій Суровицковъ донесъ, что мастеровые и рабочіе, согласясь съ находящимися на той фабрикѣ солдатскими дѣтьми, присланными изъ школъ по непонятности къ ученію, начали волноваться какъ прежде въ 1746 и 1749 годахъ. Въ послѣднихъ числахъ февраля суконщикъ Федоръ Андреевъ сказалъ за собою *важность*, почему и отосланъ въ мануфактуръ-контору; и въ то же время нѣкоторые изъ солдатскихъ дѣтей подали доношеніе въ главный коммиссаріатъ съ жалобою, что удерживаются у нихъ заработанныя деньги и дается на дѣланіе суконъ негодная шерсть. 22 февраля юнкеръ князь Мещерскій и два солдата привели суконщика Андреева изъ мануфактуръ-конторы съ тѣмъ, чтобъ наказать за ложную важность; но когда хотѣли наказыв-

вать при собраніи всѣхъ фабричныхъ, то суконщикъ сталъ противиться, а солдатскія дѣти подняли страшный крикъ и наказывать его не дали. Юнкеръ отвелъ Андреева назадъ въ мануфактуръ-контору безъ наказанія; а солдатскія дѣти прибили начальствующаго надъ ними сержанта и немалыми партіями стали своевольно отлучаться отъ суконнаго дѣла, нѣкоторые стали разглашать, что посланные въ 1749 году въ ссылку возвращены, а содержатель Суровщиковъ, по прошенію ихъ, въ Петербургѣ подъ арестомъ²⁷.

Но болѣе всего озабочивали Сенать финансы. Мы видѣли, что Волковъ хвалился «пространнымъ указомъ о коммерціи», какъ своимъ произведеніемъ. Указъ этотъ былъ написанъ по поводу просьбы Шемякина и Саввы Яковлева объ отдачѣ имъ на откупъ таможенныхъ сборовъ еще на 10 лѣтъ. Таможенный сборъ былъ имъ отданъ на откупъ; но тутъ же приказано вывозить хлѣбъ безпрепятственно изъ всѣхъ портовъ, не исключая лежащихъ на Каспійскомъ и Черномъ моряхъ, при чемъ пошлину собирать половинную противъ той, которая собирается въ рижскомъ, ревельскомъ и перновскомъ портахъ, по той причинѣ, что тамъ этотъ торгъ давно уже заведенъ и привозъ и отпускъ хлѣба не такъ затруднителенъ. Также позволенъ отпускъ за море изъ всѣхъ портовъ не только соленого мяса, но и живой скотины. Изъ архангельскаго порта дозволенъ свободный вывозъ товаровъ также и привозъ въ него съ равною противъ петербурскаго и другихъ портовъ пошлиною; нѣкоторые товары, которые сдѣланы беспошлинными натянутымъ истолкованіемъ прежнихъ указовъ, обложены пошлиною, напримѣръ, сахарный песокъ и хлопчатая бумага.

Выгоды отъ этихъ мѣръ были еще впереди, а между тѣмъ въ казнѣ денегъ не было.

8 мая Сенать принужденъ былъ принять зловѣщее рѣшеніе: начатіемъ новой водяной коммуникаціи отъ Рыбной слободы до Волхова до разсмотрѣнія удержаться по случаю нынѣ въ деньгахъ крайней нужды. Государю было доложено: государственныхъ доходовъ состоитъ 15,350,636 рублей 93¹/₄ копѣйки; изъ нихъ расходуется: 1) на войско 10,418,747 рублей 70³/₄ коп.; 2) въ комнату императора изъ соляныхъ и таможенныхъ доходовъ идетъ миллионъ сто пятьдесятъ тысячъ рублей; 3) на со-

держаніе двора, придворные отпускаи и на канцелярію строеній 603,333 рубля 33 $\frac{1}{4}$ коп.; 4) малороссійскому гетману 98,147 рублей 85 коп.; 5) на окладные и чрезвычайные по штатсъ-конторѣ отпускаи и жалованныя дачи вмѣстѣ съ долгомъ, считающимся на штатсъ-конторѣ, 4,232,432 рубля, итого 16,502,660 рублей, слѣдовательно приходовъ въ расходъ не достаетъ на 1,152,023 рубля; а когда изъ винныхъ, соляныхъ и новоположенныхъ съ чернососныхъ крестьянъ, употребляемые теперь единовременно на удовлетвореніе заграничной арміи 1,400,000 рублей отданы будутъ въ штатсъ-контору, тогда въ ея расходахъ такого недостатка быть не можетъ ²⁸.

Сенатъ указывалъ, что дефицитъ происходитъ отъ содержанія арміи за границу; но избѣжать этого расхода не предполагалось и потому прибѣгли къ средству, котораго такъ остерегались при Елисаветѣ. На третій день послѣ доклада государю о дефицитѣ, 25 мая объявленъ былъ Сенату именной указъ объ учрежденіи банка: «По восшествіи нашемъ на престолъ первое наше попеченіе было о тѣхъ дѣлахъ, кои по своей важности скорѣйшаго требовали исправленія и рѣшенія. Передѣлъ мѣдныхъ денегъ, ихъ облегченіе и умноженіе по составленному еще до того и Сенатомъ уже утвержденному проекту, казался однимъ изъ самонужнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и такимъ намъ отъ Сената представленъ, почему и не умедлили мы тогда жъ наше на то соизволеніе дать; но какъ тогда жъ предусматривали мы, что сіе по нуждѣ сысканное средство хотя и дѣлаетъ нѣкоторое облегченіе, но не отвращаетъ однакожъ всѣхъ сопряженныхъ съ тѣмъ несходствій, такъ искусство (опытъ) и время утвердили насъ и болѣе въ сей истинѣ; сего ради и не переставали мы помышлять о изобрѣтеніи легчайшаго и надежнѣйшаго средства хожденіе мѣдныхъ денегъ облегчить и въ самой коммерціи удобнымъ и полезнымъ сдѣлать. Учрежденіе знатнаго государственнаго банка, въ которомъ бы всѣ и каждый, по мѣрѣ своего капитала и произволенія, за умѣренныя проценты пользоваться могли, и хожденіе банковыхъ билетовъ представилось тотчасъ яко самое лучшее и многими въ Европѣ примѣрами извѣданное средство. Оставляя времени великую отъ банка всему государству пользу дать чувствовать и приохотить, чтобъ партикулярными своими капиталами въ ономъ

участвовали, хотимъ теперь собственно отъ насъ сіе важное всей имперіи, а паче купечеству и коммерціи показать благодѣяніе, и для того повелѣваемъ: надѣлать какъ наискорѣе банковыхъ билетовъ на пять милліоновъ рублей на разныя суммы, а именно на 10, 50, 100, 500 и 1000. По надѣланіи вдругъ-сихъ пяти милліоновъ, будутъ оныя тотчасъ раздѣлены по такимъ казеннымъ мѣстамъ, откуда наибольшая выдача денегъ бываетъ съ тѣмъ, дабы оныя употребляли ихъ въ расходъ, какъ самыя наличныя деньги, ибо мы хотимъ и чрезъ сіе повелѣваемъ, чтобъ сіи билеты и въ самомъ дѣлѣ за наличную монету ходили. Отъ сего жъ времени собственнымъ нашимъ капиталомъ государственный въ пяти милліонахъ рубляхъ состоящій банкъ учреждаемъ, который двумя равными, здѣсь и въ Москвѣ конторами управляемъ быть имѣть. Сямъ конторамъ ввѣряемъ мы теперь тотчасъ два милліона рублей, одинъ въ серебряной, а другой въ мѣдной монетѣ состоящіе, а прочіе три милліона рублей вступятъ въ оныя чрезъ три года, а именно въ каждый годъ по милліону. Конторы и помянутый капиталъ къ тому только назначаются, чтобъ тѣмъ, кто съ билетами у нихъ явится и наличныя вмѣсто того деньги имѣть похочетъ, тотчасъ наличными жъ за пріемъ билетовъ деньгами выдавали безъ всякихъ росписокъ и письменнаго производства, а еще больше безъ всякаго задержанія и волокиты; или кто наличныя деньги принесетъ, а вмѣсто того на равную сумму билеты имѣть похочетъ, то и таковыхъ равномерно довольствовались». Директорами конторы въ Петербургѣ назначались: оберъ-директоръ Роговиковъ, петербургскіе купцы Барминъ и Ямщиковъ, тульскій купецъ Пастуховъ, калужскій Губкинъ, англійскій купецъ Риттеръ; въ Москвѣ: тамошніе купцы Земскій, Журавлевъ, Ситниковъ, тульскій Лугининъ, ярославскій Иванъ Затрапезновъ, иностранный купецъ Вольфъ. Въ концѣ указа о банкѣ говорилось: «Передѣлъ мѣдныхъ денегъ въ легчайшую монету изъ тяжелой, по прежнему плану неотмѣнно продолжать, но вновь изъ мѣди не дѣлать и оной въ казну не брать, а велѣтъ, чтобъ заводчики отпускали оной больше за море и продавали на ефимки». За день до конца царствованія Сенатъ слушалъ именной указъ: въ розданныхъ займы изъ дворянскаго и купческаго банковъ деньгахъ отсрочекъ больше не дѣлать, но всѣ неотложно со-
брать ²⁹.

Деньги были нужны, потому что главныхъ расходовъ, расходовъ на войско уменьшить было нельзя, напротивъ они должны были увеличиться въ слѣдствіе усиленныхъ военныхъ приготовленій. 6 марта Сенатъ слушалъ именной указъ: «Съ того времени, какъ регулярство и военная дисциплина дѣйствительно заведены въ войскахъ нашихъ, имперія наша и большую гораздо знатность и новое расширение получила; но какъ почти все европейскіе государи, а особливо съ нѣкотораго времени, не утомленное прилагаютъ стараніе войска свои сколько можно въ лучшее состояніе приводить, и въ двухъ неоспоримыхъ истинахъ признаться надобно: первое, что военное званіе и ремесло во многомъ весьма перемѣнились и гораздо большаго достигли совершенства, и второе, что и долгъ насъ обязуетъ и внутренно чувствуемъ мы превеликое, но справедливое удовольствіе, прилагая всевозможные къ тому труды и старанія, чтобъ, приводя имперію нашу въ цвѣтущее состояніе, поставить и военную нашу силу сколько можно въ лучшее еще и для пріятелей почтительнѣйшее, а для непріятелей страшное состояніе: — то за потребно разсудили мы, для достиженія сего намѣренія, учредить нарочную военную комиссію, а главную дирекцію оной на насъ самихъ снимаемъ, членами же оной опредѣляемъ: его высочество голштинскаго принца Георгія, нашего любезнаго дядю, яко генераль-фельдмаршала, генераль-фельдмаршала князя Трубецкаго, генераль-фельдмаршала принца Голштейнъ-Бекскаго, генераль-фельдцейгмейстера Вильбоа, генераль-прокурора и генераль-кригсъ-коммиссара Глѣбова, генераль-поручика Мельгунова и нашего генераль-адъютанта барона Унгерна³⁰.» Еще прежде, 16 февраля по именному указу учреждена была нарочная комиссія для приведенія флота въ надлежащее и съ безопасностію и честію имперіи сходственное состояніе³¹. По приказанію императора, данному 4 марта, флотъ должно было вооружить весь³². 11 мая императоръ приказалъ остановить все публичныя каменныя работы и прочія сверхъ штатнаго положенія раздачи на то время, пока доходы паки умножатся, по причинѣ великаго числа доставляемой къ арміи суммы³³.

Кромѣ русскаго войска Петръ вознамѣрился составить особое голштинское войско и вербовщики отправились въ Лифляндію

и Эстляндію съ наказомъ вербовать вольныхъ людей, а не изъ подданныхъ его императ. величества; отправились и въ Малороссію для набора изъ Волоховъ и Поляковъ, но никакъ не изъ Малороссіянъ ³⁴.

Для чего же нужно было усиленіе войска и флота и столько издержекъ на содержаніе заграничной арміи? Быть можетъ это было нужно, чтобъ сдѣлать послѣднее усиліе для окончанія войны съ Пруссією, для полученія себѣ и союзникамъ честнаго мира? Но мы уже видѣли ³⁵, что Петръ давно обнаруживалъ сильное уваженіе къ Фридриху II и несочувствіе къ политической системѣ, господствовавшей при его теткѣ. Мы считаемъ себя въ правѣ принимать съ большею осторожностію разные извѣстія о таинственныхъ сношеніяхъ наслѣдника рѣскаго престола съ Фридрихомъ II-мъ; объ этихъ сношеніяхъ заключали изъ собственныхъ словъ Петра; но мы знаемъ, какъ рябчески онъ могъ увлекаться въ своихъ разсказахъ, какія небывалыя вещи могъ себѣ приписывать. Слѣдующіе два разсказа княгини Дашковой, какъ нарочно одинъ за другимъ помѣщенные, всего лучше могутъ установить взглядъ на это дѣло. Однажды, говоритъ кн. Дашкова, Петръ III ужиналъ у канцлера Воронцова; Дашкова находилась подлѣ императора и слышала разговоръ его съ графомъ Мерси, австрійскимъ посломъ: Петръ разсказывалъ, какъ отецъ его, герцогъ голштинскій, поручилъ ему экспедицію противъ цыганъ, и какъ онъ въ минуту разбилъ ихъ съ своимъ отрядомъ. Вслѣдъ за тѣмъ кн. Дашкова разсказываетъ, какъ въ другой разъ на праздникѣ во дворцѣ, долго разговаривая о своемъ любимомъ предметѣ, о королѣ прусскомъ, Петръ вдругъ обратился къ Волкову съ вопросомъ: «Неправда ли, сколько разъ мы съ тобою смѣялись надъ секретными приказаніями, которыя императрица Елисавета посылала къ своему войску въ Пруссію?» Волковъ былъ сильно смущенъ этимъ обращеніемъ, и кн. Дашкова, въ своемъ нерасположеніи къ Петру и Волкову, считая разсказъ о цыганахъ сказкою, принимаетъ слова о сношеніяхъ съ Фридрихомъ II за правду и обвиняетъ Волкова, что тотъ, въ угоду великому князю, пересылалъ копіи секретныхъ рескриптовъ прусскому королю. Но мы, отдаленные слишкомъ на сто лѣтъ отъ описываемыхъ лицъ и событій, не можемъ успокоиваться на этихъ противорѣчіяхъ, и

должны основываться только на доказательствах бесспорных³⁶.

Но если мы и не имѣемъ права принимать на вѣру рассказы за обѣдомъ, подобные рассказамъ о разбитіи цыганъ въ Голштиніи, тѣмъ не менѣе мы должны признать, что прусскія привязанности Петра не уменьшились во время Семилѣтней войны, поддерживаясь особенно голштинскими офицерами, въ кругу которыхъ Петръ всего болѣе любилъ проводить время: нѣкоторые изъ этихъ голштинцевъ сами служили въ прусскомъ войскѣ, а всѣ вообще, по зѣлверо-германскому патріотизму, благоговѣли предъ своимъ національнымъ героемъ, Фридрихомъ II. Штелинь рассказываетъ, что чѣмъ сильнѣе разгаралась Семилѣтняя война, тѣмъ сильнѣе становились выходки Петра противъ политической системы, которой слѣдовала Россія; онъ говорилъ, что императрицу обманываютъ относительно короля прусскаго, что совѣтники ея подкуплены Австрією и проведены Францією. Читая въ газетахъ извѣстія о побѣдахъ союзниковъ, смѣялся и говорилъ: «Это все неправда, мои извѣстія говорятъ иное.» Изъ этихъ словъ заключали, что Петръ получалъ свѣдѣнія изъ Пруссіи; если онъ самъ давалъ такой видъ дѣлу, что имѣлъ какія то таинственныя сношенія, то рассказъ о цыганахъ невольно приходитъ на память; но всего скорѣе въ этихъ словахъ заключалась полная правда: Петръ получалъ прусскія газеты, вѣрилъ только извѣстіямъ, въ нихъ заключающимся, и потому называлъ эти извѣстія своими, въ противоположность извѣстіямъ, шедшимъ отъ враждебной ему стороны.

Въ этомъ отношеніи любопытно донесеніе саксонскаго совѣтника посольства Прассе своему двору осенью 1758 года. Полковникъ Розенъ привезъ въ Петербургъ извѣстіе о Цорндорфской битвѣ. Слуга, пріѣхавшій съ нимъ, началъ рассказывать здѣсь и тамъ, что битва проиграна Русскими, за что былъ посаженъ на дворцовую гауптвахту. Узнавши объ этомъ, великій князь велѣлъ привести его къ себѣ и сказалъ: «Ты поступалъ какъ честный малый, расскажи мнѣ все, хотя я хорошо и безъ того знаю, что Русскіе никогда не могутъ побить Пруссаковъ.» Когда слуга Розена рассказалъ все, какъ умѣлъ или хотѣлъ, то Петръ, указывая ему на голштинскихъ офицеровъ, сказалъ: «Смотри! это все Пруссаки: развѣ такіе люди могутъ быть по-

биты Русскими?» Петръ отпустилъ разскащика, подаривши ему пять рублей и обнадеживъ своимъ покровительствомъ ³⁷.

Послѣ этого легко понять, чтъ было въ головѣ Петра относительно войны и переменъ политической системы во время кончины Елисаветы. Въ самый день кончины императрицы канцлеръ Воронцовъ подалъ докладъ, въ которомъ, между прочимъ, спрашивалось: «Не изволить ли его императ. величество указать отправить одного изъ придворныхъ кавалеровъ (къ родственникамъ) къ королю шведскому, да гвардіи офицера къ владѣтельному принцу Ангальтъ-Цербстскому съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ? и какимъ образомъ отправить обвѣстительную къ королю прусскому грамоту: чрезъ генераль-фельдмаршала графа Бутурлина, или чрезъ находящагося при австрійской арміи графа Чернышева, или же, по собственному сего государя примѣру, чрезъ обрѣтающихся въ Варшавѣ министровъ, російскаго и прусскаго ³⁸?»

Исполненіе по докладу не замедлило, только не чрезъ Бутурлина, не чрезъ Чернышева или русскаго министра въ Варшавѣ: въ тотъ же самый день, 25-го декабря любимецъ новаго императора, бригадиръ и камергеръ Андрей Гудовичъ отправленъ былъ къ принцу Ангальтъ-Цербстскому съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Петра, и вмѣстѣ повезъ грамоту императора къ Фридриху II-му. Послѣ извѣщенія о кончинѣ Елисаветы и о восшествіи на престолъ Петра, въ грамотѣ говорилось: «Не хотѣли мы умедлить чрезъ сіе ваше королевское величество увѣдомить, въ совершенной надеждѣ пребывая, что ваше величество, по имѣвшейся съ нашими императорскими предками дружбѣ, въ такомъ новомъ происшествіи не токмо участіе воспріять, но особливо въ томъ, что до возобновленія, распространенія и постояннаго утвержденія между обоими дворами, къ взаимной ихъ пользѣ, добраго согласія и дружбы касается, съ нами единого намѣренія и склонности быть изволите, даже мы по отличнымъ къ вашему величеству миѣніямъ съ своей стороны всегда особое стараніе о томъ прилагать и ваше величество и нашей истинной и ненарушимой къ тому склонности вѣще и вѣще удостоивать всякими случаями съ удовольствіемъ пользоваться будемъ ³⁹.»

Гудовичъ нашелъ прусскій дворъ и министра, завѣдывавшего

иностранными дѣлами, графа Финкенштейна, въ Магдебургѣ; но самъ Фридрихъ II былъ въ Бреславлѣ. Первое извѣстіе о смерти Елисаветы получилъ онъ изъ Варшавы 19-го января н. с. Легко понять, какія мысли и надежды возбудило въ немъ это извѣстіе при такомъ отчаянномъ положеніи, въ какомъ онъ тогда находился. Разумѣется онъ не могъ надѣяться на молноту счастья, какое готовилось для него въ Петербургѣ; онъ не думалъ, что оттуда сдѣланъ будетъ первый шагъ къ началію непосредственныхъ сношеній, и потому поручилъ англійскому послу въ Петербургѣ Кейту поздравить императора и императрицу отъ имени ихъ «старого друга». 31-го января получилъ Фридрихъ изъ Магдебурга извѣстіе о пріѣздѣ Гудовича и о привезенномъ имъ письмѣ Петра. «Благодареніе небу», написалъ король брату своему Генриху: «нашъ тылъ свободенъ»⁴⁰. «Голубица, принесшая масличную вѣтвь въ ковчегъ»⁴¹,—Гудовичъ былъ приглашенъ въ Бреславль и принять съ распростертыми объятіями.

28 января с. с. Фридрихъ отвѣчалъ Петру: «Особенно я радуюсь тому, что ваше императ. величество получили нынѣ ту корону, которая вамъ давно принадлежала не столько по наследству, сколько по добродѣтелямъ, и которой вы придадите новый блескъ. Удовольствіе мое о помянутомъ происшествіи усугубляется тѣмъ, что ваше императ. величество благосклонно изволили меня обнадежить о непремѣнной дружбѣ вашей и склонности къ возобновленію и распространенію полезнаго обоимъ дворамъ согласія. Я всегда ласкалъ себя надеждою, что ваше императ. величество не измѣните въ склонности вашей ко мнѣ, и что я опять найду въ васъ прежняго и такого друга, къ которому я, съ своей стороны, имѣю неотмѣнно самое истинное и особенное высокопочитаніе и преданность. Увѣряю, что всего искреннѣе желаю соблюсти несказанно драгоценную мнѣ дружбу вашу, и, возстановивъ прежнее обоимъ дворамъ столь полезное доброе согласіе, распространить его и утвердить на прочномъ основаніи, чему я, съ своей стороны, всячески способствовать готовъ»⁴².

Отъ словъ спѣшили перейти къ дѣлу. Плѣнные съ обѣихъ сторонъ были освобождены. Въ самый день востшествія своего на престолъ Петръ освободилъ двоихъ значительнѣйшихъ прусскихъ плѣнниковъ, генерала Вернера и полковника графа Гордта

(родомъ Шведа), которые явились при дворѣ и стали въ число любимѣйшихъ собесѣдниковъ императора. 15 февраля Петръ писалъ Фридриху: «Не умедлилъ я ни мало потребные указы отиправить, дабы плѣнные вашего величества, въ моей державѣ находящіеся, немедленно освобождены и возвращены были, сколь скоро мнѣ донесено, что ваше величество, освобождая моихъ плѣнныхъ, ревнуете съ вашей стороны тотъ узелъ утвердить, который уже съ давняго времени насъ обоихъ соединялъ, и который вскорѣ наши народы соединить имѣетъ. Согласно симъ взаимнымъ склонностямъ, не могу я далѣе здѣсь удерживать вашего генераль-поручика Вернера и вашего полковника графа Горта, хотя всегда съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ бы я ихъ при моемъ дворѣ. Я не могу безъ того обойтись, чтобъ не отдать справедливость ихъ поведенію и ревности, которую они къ службѣ вашего величества являть не преставали, такъ что первому изъ нихъ не усумнился я довѣрить мои мнѣнія, а потому и прошу ваше величество благосклонно его выслушать и вѣру тому подать, что онъ съ моей стороны вамъ донесетъ. Но ваше величество крайне обяжете меня, когда соизволите къ поданнымъ уже мнѣ дружбы вашей опытамъ присовокупить еще единый, дозволяя Вернеру въ мою службу вступить и показуя Горту отличную и единственную милость, которой онъ уповать смѣетъ, премѣнивъ нынѣшнее состояніе его полку въ состояніе напольнаго полка. Одинъ здѣсь, а другой въ арміи вашего величества будутъ мнѣ залогомъ вашей дружбы и свидѣтельствомъ для всего свѣта сентиментовъ почтенія и преданности, съ коими я есмь, господинъ мой братъ, вашего величества добрый братъ и другъ Петръ». Фридрихъ отвѣчалъ: «Вы просите генерала Вернера: располагайте имъ; но такъ какъ я теперь совершенно безъ генераловъ и на рукахъ у меня сильная война, то не позволите ли ему остаться при мнѣ еще одну кампанію? Впрочемъ если вамъ угодно взять его и ранѣе, то онъ будетъ у ногъ вашихъ къ назначенному вами времени⁴³»

Генераль князь Волконскій, находившійся въ Помераніи, увѣдомилъ императора отъ 28 января, что штетинскій губернаторъ, герцогъ Бевернскій предлагаетъ заключить генеральное перемиріе. Петръ немедленно приказалъ Волконскому исполнить желаніе герцога, и перемиріе было заключено 5 марта: Русскіе

удержали свои квартиры въ Помераніи и Неймаркѣ; Одеръ до Варты составлялъ границу. Волковъ по этому случаю разсказываетъ слѣдующее: «Князю Михаилу Никитичу Волконскому предложилъ принцъ Беверскій перемиріе, а онъ безъ указа на то не поступалъ. За то тотчасъ пожалованъ онъ былъ въ дураки и въ злонамѣренныя. Но я, не устрасая его оправданія, сочинилъ ему въ отвѣтъ такія кондиціи перемирія, кои предъ всѣмъ свѣтомъ, къ чести нашего государства и оружія, служатъ, и коимъ не токмо дивились многіе, что я смѣлъ положить толь строгіе законы королю прусскому, но между другими, помню я, сказалъ мнѣ князь Никита Юрьевичъ (Трубецкой), что онъ мнѣ за то статую поставилъ бы. Но, признаться надобно, что въ то время [еще не весьма трудно было служить отечеству и исполнять свою присягу. Тогда не было еще здѣсь Гольца и Штебена и не возвратилось еще громкое наше посольство изъ Бреславля. Пріѣздъ сихъ людей скоро далъ другую форму и дѣламъ, и моему состоянію».

Кто же были эти люди, пріѣздъ которыхъ далъ другую форму дѣламъ?

Посольство Гудовича Волковъ называетъ въ насмѣшку громкимъ, указывая на ничтожность посланника. Но люди ничтожные дѣлаются сильными чрезъ подчиненіе страстямъ, слабостямъ сильныхъ. Гудовичъ былъ отправленъ къ Фридриху какъ человѣкъ вполнѣ раздѣлявшій симпатію своего государя; пріемъ «голубицы» въ Магдебургѣ, и особенно въ Бреславлѣ, былъ таковъ, что «голубица», по возвращеніи, уже не знала мѣры своему усердію къ прусскому королю, а усердіе было выгодно, потому что очень нравилось: за вѣрныя и усердныя службы Гудовичъ получилъ шесть слободъ въ Стародубскомъ и Черниговскомъ полкахъ⁴⁴. Гудовичъ пробылъ въ Бреславлѣ до 12 февраля; въ это время прусскій король уже получилъ извѣстіе, что Чернышеву велѣно отдѣлиться отъ австрійскаго войска и идти къ Вислѣ, и потому въ письмѣ, которое повезъ Гудовичъ, Фридрихъ писалъ Петру: «Я узналъ, что корпусъ графа Чернышева получилъ приказаніе отдѣлиться отъ Австрійцевъ. Надобно быть совершенно безчувственнымъ, чтобъ не сохранить вѣчной признательности къ вашему величеству. Да угодно будетъ небу помочь мнѣ найти случай доказать мою признатель-

ность на дѣлѣ; ваше величество можете быть увѣреннымъ, что чувство благодарности никогда во мнѣ не изгладится.

Съ Гудовичемъ Фридриху нельзя было вести никакихъ переговоровъ, потому что онъ не имѣлъ никакихъ инструкцій. Чтобы заключить миръ, а, если можно, и союзъ съ Россіею, надобно было отправить въ Петербургъ своего посланника. Выборъ палъ на двадцатипестилѣтняго Гольца, адъютанта и камергера, котораго король передъ посылкою въ Россію произвелъ въ полковники. Гольцъ повезъ подарокъ Петру — прусскій орденъ, при чемъ Фридрихъ писалъ: «Льщу себя надеждою, что вы примете его (орденъ) въ знакъ дружбы и искреннихъ отношеній, въ которыхъ желаю быть съ вами. Вы обязывали меня еще до вступленія вашего на престолъ и несчетное число разъ обязали меня съ того недавняго времени, какъ вы на престолѣ. Льщу себя надеждою, что представится случай, и я на дѣлѣ докажу всю благодарность. Поступая столь благородно, столь необыкновенно, какъ рѣдко поступаютъ въ нашемъ вѣкѣ, вы должны ожидать къ себѣ удивленія, которое столь справедливо вызвано дѣяніями вашего величества; первыя же распоряженія вашего величества, по восшествіи на престолъ, привлекли на васъ благословеніе всѣхъ вашихъ подданныхъ и самой благомыслящей части Европы. Да будетъ царствованіе ваше долго и счастливо!» Петръ отвѣчалъ: «Ваше величество конечно смѣетесь надо мной, когда хвалите такъ мое царствованіе, дивитесь ничтожностямъ, тогда какъ я долженъ удивляться дѣяніямъ вашего величества; добродѣтели и качества ваши необыкновенны, я вижу въ васъ одного изъ величайшихъ героевъ міра.»

Фридрихъ II, отправляя Гольца для заключенія мира, далъ ему слѣдующую инструкцію: «Существенная цѣль вашей посылки состоитъ въ прекращеніи этой войны и въ совершенномъ отвлеченіи Россіи отъ ея союзниковъ. Доброе расположеніе русскаго императора позволяетъ надѣяться, что условія не будутъ тяжки. Я вовсе не знаю видовъ императора въ точности; все, что я объ нихъ знаю, вращается около двухъ главныхъ пунктовъ, а именно: что дѣла голштинскія по крайней мѣрѣ также близки къ сердцу императора, какъ и дѣла русскія, и въ которыхъ, что онъ принимаетъ большое участіе въ моихъ интересахъ. Вы должны внушать голштинскимъ фаворитамъ, или импе-

ратрицѣ, или что еще лучше, самому императору, что я до сихъ поръ отклонялъ всѣ предложенія союза со стороны Даніи, такъ какъ императоръ желалъ этого отъ меня при началѣ войны и такъ какъ я надѣялся, что это будетъ ему пріятно. Теперь рассмотримъ, какія мирныя предложенія могутъ намъ дѣлать эти люди. 1) Они предложатъ отвести свои войска за Вислу, возвратитъ намъ Померанію, но захотятъ удержать Пруссію или навсегда, или до заключенія общаго мира. На послѣднее вы соглашайтесь; но 2) если они захотятъ оставить за собою Пруссію навсегда, то пусть они вознаградятъ меня съ другой стороны. 3) Если они захотятъ очистить всѣ мои владѣнія, подъ условіемъ, чтобъ я гарантировалъ имъ Голштинію, то подписывайте сейчасъ же, особенно если вы успѣете выговорить у нихъ гарантію Силезіи. 4) Если императоръ захочетъ, чтобъ я обязался сохранять нейтралитетъ во время войны его съ Даніею, подписывайте, но требуйте величайшей тайны. 5) Вы можете сказать, что я сильно бы желалъ, чтобъ императоръ помогъ шведскому королю противъ преслѣдующей его партіи, и чтобъ русскій посланникъ объявилъ Сенату о мирныхъ намѣреніяхъ своего государя: это объявленіе непременно понудитъ Шведовъ къ миру и такимъ образомъ императоръ сдѣлается умиротворителемъ всего сѣвера и блестящимъ образомъ начнетъ свое царствованіе. 6) Старайтесь проникнуть въ виды петербургскаго двора: хочетъ ли онъ окончить войну для устройства внутреннихъ дѣлъ или для приготовленія къ датской войнѣ, или хочетъ играть роль посредника между воюющими державами. 7) Вы должны пользоваться всякимъ случаемъ для внушенія петербургскому двору недовѣрія къ Австрійцамъ и Саксонцамъ; если недовѣріе можетъ дойти до зависти, то тѣмъ лучше. Вы можете рассказывать, съ какимъ лукавствомъ Австрійцы выставляли русскія войска на опасность, чего сами вы были очевидцемъ въ нынѣшнемъ году; можете указывать коварство Австрійцевъ и недостойныя средства, какія они позволяютъ себѣ въ политикѣ для достиженія своихъ цѣлей».

Фридрихъ самъ рассказываетъ, въ какомъ безпокойствѣ находился онъ относительно успѣха Гольцова порученія въ Петербургѣ. «На какомъ основаніи можно было предполагать, что переговоры въ Петербургѣ примутъ благопріятный оборотъ? Дворы

версальскій и вѣнскій гарантировали Пруссію покойной императрицѣ; Русскіе спокойно владѣли ею; молодой государь, вступившій на престоль, откажется ли самъ собою отъ завоеванія, которое ему обезпечено союзниками? Любостяжаніе или слава, какую бросаетъ на начало царствованія всякое приобрѣтеніе, не удержать ли его? Для кого, для чего, по какому побужденію онъ откажется отъ него? Всѣ эти трудные для разрѣшенія вопросы наполняли духъ неизвѣстностію относительно будущаго.

«Но, продолжаетъ Фридрихъ, исходъ дѣла былъ болѣе счастливъ, чѣмъ какъ можно было ожидать. Такъ трудно угадать причины второстепенныя и распознавать различныя пружины, опредѣляющія волю человѣческую. Оказалось, что Петръ III имѣлъ превосходное сердце и такія благородныя и возвышенныя чувства, какихъ обыкновенно не бываетъ у государей. Удовлетворяя всѣмъ желаніямъ короля, онъ пошелъ даже далѣе того, чего можно было ожидать»⁴⁵.

Гольцъ пріѣхалъ въ Петербургъ 21 февраля и прежде всего обратился къ англійскому посланнику Кейту, который оставался вѣренъ политикѣ прежняго кабинета и отличался приверженностію къ прусскому союзу. Кейтъ указалъ Гольцу вліятельныхъ людей, которые расположены къ Пруссіи, и тѣхъ, которыя противъ нея. Оказывалось, что послѣднихъ гораздо болѣе, чѣмъ первыхъ, но собственный взглядъ императора и расположеніе людей самыхъ близкихъ къ нему ручались Кейту и Гольцу за успѣхъ; въ пользу прусскаго дѣла служило и то, что послы австрійскій, французскій и испанскій раздражили императора, отказавшись сдѣлать визитъ самому любимому, самому близкому къ нему человѣку, принцу голштинскому Георгію. Само собою разумѣется, что Гольцъ поспѣшилъ къ принцу Георгію съ привѣтствіемъ отъ своего короля, у котораго принцъ находился до того времени въ службѣ.

24 февраля Гольцъ представлялся императору. Едва только успѣлъ онъ выговорить поздравленіе съ восшествіемъ на престоль и увѣреніе въ дружбѣ своего короля, какъ Петръ осыпалъ его самыми горячими увѣреніями въ дружбѣ и безконечномъ уваженіи своемъ къ Фридриху II-му, ясныя доказательства чему онъ надѣется представить, и потомъ сказалъ на ухо Гольцу, что у него много есть о чемъ съ нимъ переговорить. Послѣ

аудиенціи Петръ пошелъ къ обѣднѣ, и Гольцъ послѣдовалъ за нимъ въ церковь. Во время службы императоръ все говорилъ съ нимъ то о Фридрихѣ II-мъ, то о прусской арміи, подробными свѣдѣніями о которой изумлялъ Гольца; не было полка въ которомъ бы Петръ не зналъ трехъ или четырехъ послѣднихъ поколѣній шефовъ и главныхъ офицеровъ. Въ тотъ же день вечеромъ, во время карточной игры, Петръ показалъ Гольцу на своемъ пальцѣ перстень съ портретомъ Фридриха II и велѣлъ также принести большой портретъ прусскаго короля. Послѣ ужина Петръ долго разговаривалъ съ Гольцомъ о томъ, сколько онъ терпѣлъ въ прошедшее царствованіе за привязанность къ Фридриху, о томъ, какъ онъ радовался, что былъ удаленъ изъ конференціи, ибо причиною тому было уваженіе его къ королю.

2 марта Петръ сказалъ Гольцу, что ему было бы очень пріятно, еслибъ король прислалъ проектъ мирнаго договора. Донося объ этомъ Фридриху, Гольцъ просилъ, чтобъ проектъ былъ присланъ какъ можно скорѣй, ибо противная партія, которая очень многочисленна, можетъ воспользоваться медленностію съ прусской стороны. Англійскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, Митчель далъ знать Кейту въ Петербургѣ, что Пруссаки перехватили депешу французскаго министра въ Петербургѣ Бретейля, въ которой говорится, что нечего бояться переворота въ русской политикѣ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ все пойдетъ по старому, какъ было при Елисаветѣ, потому что Волковъ душою и тѣломъ преданъ старой системѣ. Гольцъ писалъ по этому поводу къ Фридриху, что заодно съ Волковымъ Шуваловъ (Ив. Ив.) и Мельгуновъ, и что перехваченное письмо поможетъ сломить Волкову шею. Волковъ, въ извѣстномъ письмѣ своемъ, рассказываетъ, какъ и дѣйствительно старались сломить ему шею: «Штебенъ (капитанъ Штеубенъ, бывшій вмѣстѣ съ Гольцомъ въ Петербургѣ) явился на меня доносителемъ въ тайныхъ съ графомъ Мерсіемъ (австрійскимъ посломъ) свиданіяхъ, а король прусскій, изъ особливой ко мнѣ атенціи, прислалъ перехваченное будто Бретелево письмо, въ коемъ изъ всей силы превозносятъ мои таланты и усердіе. Потому взять я былъ въ допросъ какъ злодѣй, но допрашиванъ такъ, что обвинители мои были отъ меня скрыты. Императоръ самъ меня не спрашивалъ, но токмо Левъ Александровичъ (Нарышкинъ) и Алексѣй Петро-

вичъ (Мельгуновъ) успокоивали меня обнадеживаніями, что когда миръ совершится, то и опасность моя минуется, давая мнѣ чувствовать, что я не долженъ ничего упоминать противъ желаній короля прусскаго».

Фридрихъ, получивши отъ Гольца извѣстіе, что Петръ представилъ ему составленіе проекта мирнаго договора, не медлилъ этимъ дѣломъ, и для большаго еще усиленія своего вліянія въ Петербургѣ, отправилъ туда съ проектомъ графа Шверина, хорошо извѣстнаго императору, потому что онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими войсками и жилъ извѣстное время въ Петербургѣ. Шверинъ повезъ письмо: «Вамъ угодно, писалъ Фридрихъ, получить отъ меня проектъ заключенія мира—посылаю его, потому что вашему императ. величеству это угодно; но вѣвряюсь другу; распорядитесь этимъ проектомъ какъ угодно, я все подпишу; ваши выгоды мои, я не знаю другихъ. Природа надѣлила меня чувствительнымъ и благодарнымъ сердцемъ; я искренно тронуть вѣмъ, что для меня сдѣлано вашимъ императ. величествомъ. Я никогда не въ состояніи заплатить за все, чѣмъ вамъ обязанъ. Отнынѣ все, чѣмъ могу я васъ обязать, все, что вамъ нравится, все, что отъ меня зависитъ, все будетъ сдѣлано, чтобъ убѣдить ваше императ. величество въ моей готовности предупреждать всѣ ваши желанія.—Посылаю графа Шверина; я долженъ былъ бы присылать къ вашему императ. величеству лицъ высшихъ чиновъ; но еслибъ вы знали положеніе, въ которомъ нахожусь я теперь, то увидали бы, что мнѣ невозможно посылать такихъ лицъ; ихъ нѣтъ, всѣ въ дѣлѣ. Въ теченіе этой войны я потерялъ 120 генераловъ, 14 въ плѣну у Австрійцевъ, наше истощеніе ужасно. Я отчаялся бы въ своемъ положеніи; но въ величайшемъ изъ государей Европы нахожу еще вѣрнаго друга: рассчитаю политики онъ предпочитаетъ чувство чести».

29 марта императоръ сказалъ Гольцу, чтобъ онъ переговаривалъ о мирѣ съ тайнымъ секретаремъ Дмитр. Васил. Волковымъ, потому что канцлеръ былъ боленъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Гольцъ писалъ Фридриху, что онъ употребитъ всѣ усилія для удовлетворительнаго окончанія дѣла, отстраняя, по возможности, препятствія, которыя противная сторона всѣ болѣе и болѣе старается ему ставить. Для поясненія этихъ послѣднихъ словъ можетъ служить рассказъ Волкова: «Императоръ велѣлъ

Гольцу, чтобъ присланный къ нему отъ короля мирный проектъ онъ мнѣ подалъ, и самъ часъ къ тому назначилъ, сказавъ мнѣ, чтобъ я его дожидался. Господинъ Гольцъ, зная, что я живу во дворцѣ, поѣхалъ въ Семеновскій полкъ къ Андр. Андр. Волкову и, не заставъ его дома, тотчасъ отпраповалъ, что меня нигдѣ наитить не могъ. Тутъ мой арестъ и совершенное несчастье были рѣшены; но чудеснымъ образомъ весь тотъ день прокурилъ у меня табакъ баронъ Унгарнъ, и такъ онъ меня оправдалъ, а дѣло обратилось въ шутку надъ Андреемъ Андреевичемъ. И, съ моей стороны, вѣдая, что война съ Данією всегда была рѣшеннымъ дѣломъ и противное тому упоминаніе могло бы стоить жизни, устремлялся къ тому: 1) чтобъ сію войну самими къ ней приготовленіями, сколько можно, въ даль протягивать; 2) между тѣмъ и Пруссію, и Померанію за нами удерживать и оными пользоваться, и притомъ 3) смотрѣть, не будетъ ли способъ, хотя похлѣбствуя королю прусскому, вмѣшаться въ примиреніе Европы, и тѣмъ не такъ вѣчный свой стыдъ загладить, какъ паче обнадежиться, что, по замиреніи Европы, лучшей нашъ другъ и государь король прусскій самъ не допуститъ насъ начать войну съ Данією. Сего ради, пользуясь претекстомъ датской войны, толковалъ я непрестанно, что пока наша армія останется внѣ границъ, намъ никакъ не можно возвратитъ его прусскому величеству завоеванныя у него земли, и тѣмъ до того довелъ было, что велѣно мнѣ, обще съ тайнымъ совѣтникомъ Вольфомъ, сдѣлать контра-проектъ. Черное сочиненіе найдется всемѣрно въ моихъ бумагахъ. Не совѣмъ оно согласно съ моимъ желаніемъ, но кто зналъ тогдашнее время, стремительное желаніе бывшаго императора и мое состояніе, тотъ удивится и едва ль повѣритъ, чтобъ я смѣлъ столь много стоять за интересы и славу отечества, а тому еще болѣе, что когда я съ чернымъ пришелъ, а тутъ были принцъ Георгій и баронъ Гольцъ, то господинъ Вольфъ, обробѣвъ и солгавъ своему слову, отперся отъ того, что онъ со мною согласенъ, сказавъ мнѣ въ пагубную похвалу, что онъ не успѣлъ въ окошко выглянуть, какъ у меня уже все готово было; яжъ, напротивъ того, довольно имѣлъ не смѣлости, но вѣрно истиннаго усердія вооружиться не токмо противъ принца Георгія и барона Гольца, но и противъ самага бывшаго императора, такъ что, наконецъ, первые

молчать, а онъ мое сочиненіе опробовать принуждены были. Такой негоціаторъ не по вкусу былъ барона Гольца, потому онъ, выпрося съ моего проекта копію, чтобъ ея лучше высмотрѣть, сочинилъ новый проектъ по своему».

Этотъ проектъ договора Гольцъ постарался прочесть императору одному, безъ свидѣтелей, и, получивъ согласіе Петра на всѣ статьи, отправилъ проектъ къ канцлеру при запискѣ: «Имѣю честь препроводить къ его сіятельству г. канцлеру Воронцову проектъ мирнаго трактата, который я имѣлъ счастье вчера поутру читать его императорскому величеству и который удостоился его одобренія во всѣхъ частяхъ». По этому договору, подписанному 24 апрѣля, прусскому королю возвращались всѣ его земли, занятые русскимъ войскомъ въ бывшую войну; оба государя соглашались включить въ свой миръ короля и корону шведскую. Въ отдѣльномъ параграфѣ говорилось, что оба государя, искренно желая соединиться еще тѣснѣе для безопасности своихъ владѣній и для взаимныхъ выгодъ, согласились приступить немедленно къ заключенію союза.

Послѣ заключенія мира начали составлять проектъ союзнаго договора «сходнаго съ нынѣшними конъюнктурами.» Договоръ былъ оборонительный. Если сдѣлано будетъ нападеніе на одну изъ договаривающихся сторонъ, или и начатыя непріятельскія дѣйствія будутъ продолжаться, то другой союзникъ обязанъ отправить на помощь войско, состоящее изъ 12,000 пѣхоты и 4000 конницы, и это войско не можетъ быть отозвано прежде, пока обиженная сторона не получитъ совершеннаго вознагражденія или выплачиваетъ ежегодно по 800,000 рублей. Одинъ союзникъ не можетъ заключить ни мира, ни перемирія съ непріятелемъ безъ вѣдома и согласія другаго. Въ первомъ секретномъ артикулѣ говорилось, что его королевское величество прусское, будучи весьма доволенъ оказанными ему со стороны его императ. величества всероссійскаго какъ сначала восшествія его величества на всероссійскій престолъ, такъ и при заключеніи вѣчнаго мира великими весьма снисхожденіями и уступками, желаетъ въ знакъ своего за то признанія дѣйствительно и всѣми способами помогать, чтобъ его величество всероссійское могъ получить отъ короля датскаго герцогство шлезвигское и удовлетвореніе во всѣхъ своихъ справедливыхъ и законныхъ

притязаніяхъ: поэтому королевское величество прусское обѣщаетъ и торжественнѣйше обязуется употребить сперва при датскомъ дворѣ всевозможныя представленія и сильнѣйшія увѣщанія, чтобъ Данія удовольствовалась его императорское величество, а его императ. величество обѣщать всякую съ своей стороны податливость показывать. Но если, несмотря ни на что, датскій дворъ будетъ упорствовать и всероссійскій императоръ будетъ принужденъ доставать прародительскія наследственные свои владѣнія силою оружія, то королевское величество прусское не только не будетъ тому препятствовать, но и отдастъ въ распоряженіе императора корпусъ своихъ войскъ, и если во время датской войны Россія подвергнется нападению, то король прусскій обязуется послать ей на помощь выговоренное въ трактатѣ число войска, независимо отъ корпуса, отправленнаго для датской войны, или выплачивать означенную сумму денегъ, если нападуть на Россію Турки или Татары.

Во второмъ секретномъ артикулѣ Фридрихъ II обязался помогать избранію голштинскаго герцога Георга Лудвига въ герцогіи курляндскіе, а бывшему герцогу Бирону возвратить владѣніе Вартембергъ съ титуломъ княжества, амтъ Бигенъ, имѣнія Милчъ и Гаскичъ, такъ какъ Биронъ отрекся за себя и потомковъ своихъ отъ всѣхъ правъ на Курляндію. Въ третьемъ секретномъ артикулѣ союзники обязались не допускать никакой перемѣны въ формѣ польскаго правленія, и въ случаѣ кончины нынѣшняго короля польскаго Фридрихъ II обязался всѣми силами содѣйствовать, чтобъ избрана была въ польскіе короли особа, угодная императору всероссійскому.

Въ первомъ сепаратномъ артикулѣ было постановлено, что прусскій король не помогаетъ войскомъ Россіи въ войнѣ ея съ Персією, Турцією и Татарами, а русскій императоръ не помогаетъ Пруссіи войскомъ въ войнѣ ея съ Францією или Англією, а помогаютъ деньгами по милліону двѣсти тысячъ рублей ежегодно. Во второмъ сепаратномъ артикулѣ говорилось: «Его императ. величество всероссійское и его королев. величество прусское, видя съ великимъ сожалѣніемъ тяжкое угѣсненіе, въ которомъ отъ многихъ лѣтъ находятся единовѣрные обѣихъ сторонъ въ Польшѣ и Литвѣ, между собою соединились и обязались помянутыхъ своихъ единовѣрныхъ, а именно: подъ име-

немъ диссидентовъ разумѣющихся греческаго исповѣданія и реформатской и лютерской религіи обывателей Польши и Литвы наилучшимъ образомъ защищать и дружескими сильными представленіями у короля и республики польской къ тому привести, чтобъ помянутые диссиденты могли паки достигнуть отнятыхъ у нихъ правъ въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ; или, если этого тотчасъ получить нельзя, то чтобъ соблюдены быть могли въ томъ состояніи, въ какомъ теперь обрѣтаются, до лучшихъ временъ и конъюнктуръ».

Полномочнымъ посломъ въ Пруссію былъ отправленъ генераль-майоръ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, который нашель Фридриха II въ лагерь въ деревнѣ Зейтендорфъ, недалеко отъ Бреслава. 29 іюня Репнинъ представился королю и поднесъ ему шарфъ и знакъ, присланные отъ Петра III; Репнинъ доложилъ, не соизволитъ ли король переѣхать чего-нибудь какъ въ нихъ, такъ и въ мундиръ; но Фридрихъ II изъявилъ свое удовольствіе и признательность за учтивость, приказалъ чтобъ все по прежнему осталось. Потомъ Репнинъ доложилъ, что императоръ требуетъ новаго доказательства дружбы, и желаетъ, чтобъ король былъ посредникомъ на берлинскомъ конгрессѣ между Россіею и Даніею и для этого отправилъ бы туда полномочнаго министра. Фридрихъ отвѣчалъ, что онъ уже предупредилъ желаніе императора и отправилъ въ Берлинъ графа Финкенштейна, которому императоръ долженъ прямо приказывать, а онъ, король, велѣлъ ему повиноваться во всемъ императору. Король спросилъ объ отъѣздѣ императора въ армію; Репнинъ отвѣчалъ, что вѣрнаго ничего не знаетъ, но что при отъѣздѣ его изъ Петербурга императоръ имѣлъ это намѣреніе.

Репнинъ обѣдалъ у короля 29 и 30 іюня. Оба раза Фридрихъ пилъ здоровье Петра, говоря, что онъ «не можетъ довольно часто пить столь дражайшее здравье ^{46.}»

Фридриха не нужно было просить о томъ, чтобъ онъ былъ посредникомъ между Петромъ и датскимъ королемъ; война Россіи съ Даніею ему очень не нравилась, во первыхъ потому, что онъ долженъ былъ принять въ ней участіе, отдѣлить для нея часть своего войска, а ввторыхъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, онъ боялся удаленія Петра изъ Россіи для датской войны. Мы видѣли, какъ Фридрихъ при первомъ извѣстіи о восшествіи на

престоль Петра разсчиталъ, что отношенія новаго императора къ Даніи могутъ имѣть самое полезное вліяніе на отношенія Россіи къ Пруссіи, но теперь, когда успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія, надобно было постараться, чтобъ датской войны не было или чтобъ началась она какъ можно поздиѣе.

Извѣстіе о восшествіи на престоль Петра III имѣло въ Даніи необходимымъ слѣдствіемъ усиленное вооруженіе, о которомъ русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, Корфъ и сообщилъ въ Петербургѣ. «Все вниманіе императора, доносилъ Гольцъ Фридриху отъ 25 февраля, обращено на Голштинію.» — «Я знаю навѣрное, что Датчане меня атакуютъ», сказалъ онъ Гольцу. Тотъ отвѣчалъ, что сомнѣвается: не захочетъ Данія нажить себѣ такого страшнаго врага, какъ русскій императоръ; она конечно предпочтетъ дружественную сдѣлку, и конечно съ достоинствомъ великаго русскаго монарха гораздо сообразнѣе стать умиротворителемъ Сѣвера, чѣмъ отнимать силу оружія то, что Датчане, по всѣмъ вѣроятностямъ, отдадутъ добровольно, въ слѣдствіе категорическаго требованія, сдѣланнаго со стороны Россіи. «Я подозреваю, прибавилъ Гольцъ, что извѣстія о враждебныхъ намѣреніяхъ датскаго двора выдуманы непріязненными дворами для запутанія дѣлъ, изъ боязни передъ готовящимся соглашеніемъ между Россіею и Пруссіею».

1 марта отправленъ былъ Корфу рескриптъ, въ которомъ приказывалось объявить датскому министерству, что чѣмъ искреннѣе желаніе императора продолжать и увеличивать постоянную дружбу и доброе сосѣдство съ датскимъ королемъ, тѣмъ прискорбнѣе видѣтъ противное съ датской стороны, именно угрозы, вооруженія, и потому императоръ видитъ себя принужденнымъ требовать формальнаго объясненія, намѣренъ ли его величество король жить съ нимъ въ согласіи и удовлетворить справедливымъ его требованіямъ относительно герцогства Шлезвигскаго, ибо въ противномъ случаѣ какъ по нуждѣ, такъ и для того, чтобъ дать силу неоспоримымъ правамъ своимъ, императоръ будетъ принужденъ принять такія мѣры, отъ которыхъ могутъ послѣдовать крайнія бѣдствія; но теперь еще бѣдствія эти могутъ быть предупреждены. На это объявленіе Корфъ получилъ отвѣтъ, что король нимало не уклоняется формально объявить императору, что онъ съ его величествомъ готовъ жить

не только въ мирѣ, но и въ согласіи и дружбѣ. Почему, если его величество, російскій императоръ соизволитъ возобновить прежніе трактаты, и, назнача кого-нибудь изъ своихъ министровъ, приметъ или предложитъ мѣстомъ конференцій удобный для обѣихъ сторонъ городъ, какъ напримѣръ Гамбургъ или Любекъ, то и король сдѣлаетъ то же.

Въ концѣ марта, Гольцъ снова внушалъ Петру, что гораздо соответственнѣе его величію пожертвовать какими нибудь ничтожными землями, какія онъ можетъ завоевать у Даніи, и приобрести славу умиротворенія Сѣвера. Датчане никогда не нападуть первые и всѣ ихъ движенія происходятъ отъ страха подвергнуться нападению. 24-го мая отправленъ былъ къ Корфу такой рескриптъ: «Послѣдній отвѣтъ датскаго двора и усиленные съ того времени приготовленія къ войнѣ на морѣ и сухомъ пути могутъ не только для насъ, но и для всего свѣта служить неопровержимымъ доказательствомъ, что Данія вовсе не имѣетъ никакой склонности раздѣлаться съ нами полюбовно, но, почитая долгое и спокойное владѣніе похищенными землями за право, видимымъ образомъ старается только выиграть время, въ надеждѣ, что не всегда армія наша будетъ въ близости къ Даніи и потому въ состояніи доставить намъ справедливое удовлетвореніе, а тѣмъ временемъ обстоятельства могутъ измѣниться въ пользу Даніи. Поэтому датскій дворъ, не упоминая ничего въ своемъ отвѣтѣ о надлежащемъ намъ удовлетвореніи, коротко указываетъ на медленные переговоры. Намъ не оставалось бы другаго рѣшенія, какъ, объявивъ извѣстную и безъ того свѣту справедливость нашего дѣла, воспользоваться слѣдующими обстоятельствами: 1) что армія наша находится, по большей части, въ Помераніи, слѣдовательно въ близости отъ Голштиніи, и, по благополучномъ нынѣ заключеніи мира съ королемъ прусскимъ, ничто ей не препятствуетъ оказать намъ въ Голштиніи новыя заслуги и возвратиться въ отечество съ новою славою. 2) Что не только можемъ мы выставить превосходныя противъ датскихъ силы; но надобно отдать справедливость нашимъ войскамъ, что они привыкли къ трудамъ и побѣдамъ, тогда какъ датскія войска уже много лѣтъ не знали войны. 3) Данія имѣетъ нѣкоторыя мѣстныя противъ насъ выгоды, потому что армія ея всегда будетъ находиться внутри своихъ областей и близко отъ своихъ крѣ

постей. Но и наша армія, кромѣ того что не имѣеть нужды падать чужія области, имѣеть и другія выгоды: тылъ ея будутъ окружать области или нейтральныя или очень намъ дружескія; сверхъ того король прусскій, по особенной къ намъ дружбѣ, предоставилъ намъ одну изъ наилучшихъ своихъ крѣпостей, именно Штетинъ какъ плацдармъ, а еслибъ нужда потребовала, то мы увѣрены, что не откажетъ намъ и въ Кистринѣ. 4) Быть можетъ Данія имѣеть на своей сторонѣ много доброжелателей, ибо не много такихъ, которые желаютъ нашего усиленія на Балтійскомъ морѣ и въ Германіи; но затѣмъ нисколько не замѣчаемъ мы, чтобъ датскій дворъ имѣлъ прямыхъ союзниковъ, отъ которыхъ могъ бы ожидать существенной помощи. Мы имѣемъ напротивъ короля прусскаго, государя для этой войны необходимаго, совершенно въ нашихъ интересахъ; а Швеція, если не въ состояніи воспользоваться этимъ случаемъ противъ Датчанъ, то тѣмъ менѣе можетъ намъ помѣшать, имѣя много побужденій желать намъ успѣха.

«Несмотря на то, намѣрены мы испытать послѣдній способъ, нельзя ли избѣжать этихъ крайностей, и потому положили: 1) принять конгрессъ, предложенный датскимъ дворомъ. 2) Мѣсто ему назначить въ Берлинѣ. 3) Срокъ собранію положить первое число іюля. 4) Полномочнымъ на конгрессъ назначаемъ васъ и нашего конференцъ-совѣтника Сальдерна. 5) Предложенія наши на конгрессѣ должны служить ультиматомъ, и непринятіе ихъ разрушаетъ весь конгрессъ. 6) Король прусскій будетъ посредникомъ. — Впрочемъ пока эти переговоры будутъ производиться, было бы для насъ непростительно спокойно ожидать ихъ окончанія, тѣмъ болѣе, что не съ большою надеждою ожидаемъ мы себѣ плода отъ нихъ, а потомъ, принявъ участіе въ войнѣ между королемъ прусскимъ и императрицею-королевою и желая участвовать въ будущемъ мирѣ, мы должны приготовить къ походу наши войска, находящіяся въ Помераніи»⁴⁷.

Датскій дворъ согласился на все, и въ Пруссіи были очень довольны. Гольцъ писалъ Фридриху: «Я почти увѣренъ, что война не начнется нынѣшнимъ годомъ. Съ какою бы поспѣшностію ни выслали съ обѣихъ сторонъ комиссаровъ въ Берлинъ, все они пріѣдутъ не ранѣе половины іюля (по новому стилю); прежде чѣмъ будутъ сдѣланы первыя предложенія и начнутся серіозныя

переговоры, наступить августъ, а тутъ уже будетъ поздно выступатьъ въ походъ». Возлагали большія надежды на втораго уполномоченнаго, Голштинца Сальдерна, челоуѣка вполнѣ преданнаго Пруссіи. Въ одномъ изъ рескриптовъ Фридриха Гольцу король предписываетъ послѣднему сойтись съ конференцъ-совѣтникомъ Сальдерномъ, и объявить ему, что король существенными знаками докажетъ ему свою благодарность; Гольцъ долженъ былъ также удержать Сальдерна отъ возвращенія въ Голштинію, потому что онъ могъ быть еще полезенъ Фридриху въ Петербургѣ. По поводу назначенія Сальдерна уполномоченнымъ въ Берлинъ, Гольцъ писалъ королю, что онъ очень желалъ бы удержать Сальдерна въ Петербургѣ; но что онъ будетъ очень полезенъ и въ Берлинѣ для улаженія дѣла, если только есть возможность его уладить.

Фридрихъ II желалъ отклонить датскую войну, потому что она мѣшала ему добить Австрію, покинутую Россією. Тотчасъ по восшествіи Петра на престолъ, на представленіи дипломатическаго корпуса новому императору, австрійскій посолъ, графъ Мерси, игравшій до сихъ поръ первую роль въ Петербургѣ, поздравивъ Петра, выразилъ увѣренность, что новый императоръ будетъ слѣдовать славнымъ принципамъ своей покойной тетки и поддержитъ прежнія союзническія отношенія къ императрицѣ-королевѣ и ея супругу, римскому императору. Петръ отвѣчалъ коротко и сухо: «Надѣюсь, что мы останемся друзьями съ ихъ величествами». Черезъ три дня послѣ этого канцлеръ Воронцовъ объявилъ, что императоръ непременно хочетъ мира, для достиженія котораго употребитъ всѣ свои старанія. Петръ не допускалъ къ себѣ болѣе Мерси, который вслѣдствіе этого потерялъ все свое прежнее значеніе: люди, которые прежде заискивали въ немъ, теперь заботливо избѣгали съ нимъ встрѣчи; изъ высшихъ сановниковъ никто не отваживался говорить съ нимъ о дѣлахъ. Отъ 9-го февраля былъ отправленъ въ Вѣну къ князю Дмитрію Мих. Голицыну рескриптъ такого содержанія: «сколь свято ни почитаемъ мы принятыя для настоящей войны обязательства блаженной памяти государынею императрицею, нашу любезную теткою, и сколь ни желали бы оныя во всей ихъ силѣ содержать: но въ настоящемъ состояніи дѣлъ, по причинѣ несноснаго въ имперіи нашей истощенія денежной казны и людей,

находимъ сіи обязательства весьма тягостными; и такъ для пользы и благосостоянія нашихъ вѣрнополданныхъ, при счастливомъ началіи государствованія нашего, желая видѣть конецъ чрезъ толь долгое время продолжающемуся кровопролитію, не хотимъ умедлить объявить сіе участвующимъ съ нами въ сей войнѣ союзнымъ дворамъ. Мы довольно предусматриваемъ, что такое наше, хотя и на самой справедливости основанное, намѣреніе сперва однакожь покажется союзнымъ дворамъ, а паче вѣнскому, страннымъ, и потому конечно будутъ происходить всякія противныя толкованія; но предпочитая всему на свѣтѣ благосостоянію государствъ нашихъ, не можемъ мы иначе поступать, и для того довольствуемся желать, чтобъ и союзники сію правду, въ разсужденіи собственныхъ ихъ земель, равно признали: ибо по неизвѣстности военного жребія ничего точно предвидѣть и предопредѣлить не можно. Стараясь единственно о возстановленіи толь нужнаго всей Европѣ мира, и чтобъ доказать еще, сколь безкорыстны наши въ томъ виды, повелѣваемъ мы вамъ ея величеству императрицѣ-королевѣ пристойнымъ образомъ дать знать, что со дня вступленія нашего на престолъ отступаемся мы отъ субсидій вѣнскаго двора; сверхъ того можете вы по усмотрѣнію обстоятельствъ твердить, что для способствованія сему общепользному предмету, не жалѣемъ мы жертвовать и всѣми въ нынѣшнюю войну пріобрѣтеніями, которыя однако Россіи столь много крови и иждивенія стоили. Впрочемъ надлежитъ вамъ вѣнскому двору при всѣхъ додающихся случаяхъ внушать, что къ поспѣшествованію мирной негодіаціи лучше всего начать онуя нереміріемъ.

Когда Голицынъ объявилъ содержаніе рескрипта графамъ Коллоредо и Кауницу, тѣ отвѣчали, что вѣнскій дворъ вмѣстѣ съ союзниками своими давно уже доказалъ всему свѣту склонность свою къ миру, и аугсбургскій конгрессъ не состоялся единственно по нежеланію англійскаго двора и союзниковъ его; что вѣнскій дворъ не можетъ отвѣчать на русскую декларацію безъ соглашенія съ союзниками, а между тѣмъ будутъ дожидаться отъ русскаго двора дополнительныхъ изъясненій, какимъ образомъ императоръ желаетъ способствовать возстановленію тишины въ Европѣ. Потомъ они спросили, правда ли, что корпусъ Чернышева отозванъ отъ австрійской арміи и между рус-

скимъ и прусскимъ войскомъ заключено перемиріе. Голицынъ отвѣчалъ, что не имѣеть объ этомъ извѣстій.

Надобно было дать дополнителныя изъясненія, какимъ образомъ Петръ хочетъ способствовать возстановленію тишины въ Европѣ. Эти изъясненія заключались въ рескриптѣ отъ 9-го апрѣля. «Дождаться такого генеральнаго мира, каковъ былъ Вестфальскій, говорилось въ рескриптѣ,—значить воевать безконечное время и притомъ быть увѣреннымъ, что постановляемый такимъ образомъ миръ не можетъ всѣхъ удовлетворить, слѣдовательно не можетъ быть и прочнымъ. На Вестфальскомъ мирѣ надобно было за каждымъ утвердить пріобрѣтенныя уже владѣнія, права и вольности, а теперь дѣло идетъ о томъ, чтобъ удовлетворить претензіямъ и желаніямъ, родившимся изъ самой войны; но эти претензіи такъ различны, что къ совершенному ихъ соглашенію почти нѣтъ способовъ, и надобно признаться, что въ началѣ нынѣшней войны прилагалось больше старанія о томъ, чтобъ вовлечь въ нее какъ можно болѣе державъ, а не разсуждалось, каково будетъ окончаніе столь многихъ наскоро сдѣланныхъ трактатовъ и принятыхъ обязательствъ. Русскій дворъ одинъ только всегда настаивалъ на томъ, чтобъ согласить различныя интересы и желанія прежде чѣмъ генеральный конгрессъ начнется, справедливо предусматривая, что безъ такого соглашенія конгрессъ скоро можетъ поссорить самихъ союзниковъ между собою и, вмѣсто мира, разжечь войну еще больше. Вѣнскій дворъ и Франція чувствовали, кажется, то и другое, а именно, что и различныя претензіи согласить трудно, и отъ собираемаго конгресса мало плода ожидать должно. Потому, не отвѣчая никогда прямо на здѣшнія требованія и домогательства, вѣнскій дворъ коротко ссылался на постановленные въ пользу его догворы, и, оставляя притязанія другихъ въ молчаніи, всего успѣха ожидалъ, повидимому, отъ могущаго быть счастья въ оружіи, а Франція, отклоняя и болѣе притязанія другихъ, такъ хлопотала объ отдѣльномъ и *самокорыстливомъ* мирѣ, что вѣнскій дворъ о томъ только и думалъ, чтобъ не было чего-нибудь постановлено прямо противъ него, и дѣйствительно вѣнскій дворъ обязанъ освобожденіемъ отъ этой опасности только великимъ запросамъ съ англійской стороны. Съ другой стороны Швеція, безъ всякой пользы и надежды, съ большимъ ущербомъ

прежней славы, нынѣшнюю войною истощенная, кажется, будто не смѣетъ ни продолжать, ни окончить ее. А Данія напротивъ того, начавъ дѣлать превеликія вооруженія въ такое время, когда мы сами не удалены отъ переговоровъ, явно тѣмъ показываетъ, какого мы должны ожидать удовлетворенія въ справедливыхъ нашихъ притязаніяхъ. При этомъ ничего не было бы желательнѣе для датскаго двора, какъ еслибы мы продолжали истощать силы наши и государственныя изживенія на постороннюю войну. Мы навлекли бы на себя упреки цѣлаго свѣта, когда бы, защищаясь столько лѣтъ единственно правотою своего дѣла и не промѣнявъ ни на какія предложенія того, чѣмъ мы должны нашему достоинству и нашему дому, теперь, когда мы вдвойнѣ обязаны заботиться о благосостояніи и знатности нашего дома и когда имѣемъ дарованные намъ отъ Бога къ тому способы, не послѣдовали датскому примѣру и не приложили старанія подкрѣпить наши неоспоримыя права съ такою же готовностію, съ какою датскій дворъ думаетъ повидимому утвердить за собою свои приобрѣтенія, хотя и намѣрены мы испытать всѣ пути и средства къ полюбовному соглашенію по голштинскимъ дѣламъ прежде, нежели рѣшимся на какую-либо крайность.

«Всѣ участвующіе въ нынѣшней войнѣ дворы, кажется, только выжидаютъ, кто сдѣлаетъ первый и самый важный шагъ къ достиженію мира; страждущіе народы ищутъ того, кого они должны благодарить за свое избавленіе и благополучіе; а мы, благоволеніемъ Божиимъ, одни теперь въ такомъ состояніи, что единственно изъ любви къ миру, изъ сожалѣнія о страждущемъ человѣчествѣ и изъ личнаго уваженія къ дружбѣ и оказываемымъ намъ угодностямъ отъ его величества короля прусскаго, можемъ услужить роду человѣческому своимъ безкорыстіемъ: намъ слѣдовательно и надобно сдѣлать этотъ первый шагъ. Поэтому повелѣваемъ вамъ все вышензображенное представить тамошнему двору и прибавить отъ нашего имени совѣтъ послѣдовать нашему примѣру и предупредить всѣ слѣдствія, могущія произойти отъ продолженія войны, а чрезъ это доставить намъ способъ безмятежно соблюдать и распространять давнюю дружбу между обонми императорскими дворами.»

На это сообщеніе Голицына Кауницъ отвѣчалъ, что вѣнскій дворъ считалъ и себя не менѣе другихъ полезнымъ союзникомъ

Россіи, а имперскій вице-канцлеръ Коллоредо сказалъ, что его дворъ и самъ очень радъ миру, но нельзя его заключить по упорству непріятелей, которые не дали состояться аугсбургскому конгрессу. 2-го мая пошелъ къ Голицыну другой рескриптъ: «Доставя нынѣ имперіи нашей вождельный миръ, могли бы мы удалиться вовсе отъ войны; но извѣстно, что покой государства не можетъ быть проченъ, когда окрестные народы находятся во враждѣ, и потому находимъ мы, что по вкоренившейся ненависти австрійскаго дома къ королю прусскому, съ которымъ издавна соединяетъ насъ взаимная дружба, и по корыстнымъ этого двора намѣреніямъ получить, во что бы то ни стало, Силезію и графство Глацкое, вся причина продолженія войны происходитъ отъ австрійскаго дома, и, по упорству его въ своихъ проектахъ, нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы императрица-королева, пока силы ея будутъ такъ знатны и велики, согласилась добровольно на возстановленіе мира: почему предвидя, что употребленіе съ нашей стороны добрыхъ услугъ не только не принесло бы никакой пользы, но и отверженіе ихъ послужило бы къ предосужденію нашего достоинства,—соображая всѣ эти обстоятельства, къ сожалѣнію нашему удостоверяемся, что мы должны употребить послѣднее средство для возвращенія человѣчеству драгоцѣннаго покоя, именно помочь его величеству королю прусскому нашимъ войскомъ, ибо причину продолженія военныхъ бѣдствій должно приписывать одному только упорству вѣнскаго двора и извѣстному намѣренію его отнять у короля прусскаго то, что ему уступлено торжественнѣйшими трактатами».

На это сообщеніе Кауницъ отвѣчалъ: «Ея величество императрица-королева въ деклараціи русскаго посланника видитъ слѣдствіе сильнаго желанія со стороны его величества, императора всероссійскаго, возстановить миръ между нею и королемъ прусскимъ. Ея величество льститъ себя надеждою, что декларація дѣйствительно продиктована этимъ чувствомъ, и потому только рѣшилась отвѣчать дружелюбно. Ея величество, которая никогда не обнаруживала удаленія отъ справедливаго и разумнаго мира съ королемъ прусскимъ, не знаетъ до сего дня самаго главнаго, именно: расположенъ ли къ миру этотъ государь? Объ этомъ-то прежде всего и нужно увѣдомить импе-

ратрицу. Предполагая согласіе на миръ короля прусскаго, я имѣю приказаніе императрицы объявить, что она искренно расположена къ миру съ нимъ и для ускоренія этого дѣла готова заключить перемиріе и начать переговоры».

Въ Петербургѣ графъ Мерси, на конференціи съ канцлеромъ, далъ пространное объясненіе этого отвѣта: «Австрійскій домъ говорилъ онъ, находясь такъ давно въ дружбѣ съ Россіею, привыкъ почитать эту державу своею постоянною и естественною пріятельницею, и потому, не взирая на недавно случившеся, въ Вѣнѣ не могутъ еще себѣ вообразить, что петербургскій дворъ перемѣнитъ самый существенный пунктъ своей политической системы, именно нарушеніемъ союза съ австрійскою монархіею. Хотя извѣстно все то, что настоящее поведеніе императора всероссійскаго заключаетъ въ себѣ досадительнаго для древнихъ его союзниковъ, однако римско-императорскія величества утѣшаютъ себя надеждою, что такой поступокъ только временный и что наконецъ императоръ взглянетъ на дѣло другимъ, болѣе сходнымъ съ его интересами взглядомъ; тогда убѣдится онъ, какъ необходимо ему предпочитать австрійскій союзъ всякому другому. Вотъ что побудило императрицу-королеву дать такой умѣренный отвѣтъ. Было бы несправедливое и неслыханное дѣло, еслибъ императоръ всероссійскій, думая, что къ исполненію его желанія находятся затрудненія, сталъ бы ихъ приписывать такой державѣ, которая съ самаго начала болѣе всѣхъ оказывала склонность къ примиренію, и къ примиренію съ такою державою, которая еще не заблагоразсудила о томъ изъясниться. Если императоръ всероссійскій приметъ способы, сходные съ правосудіемъ, чистосердечіемъ и съ уваженіемъ должными той державѣ, которая издавна была ему искреннею союзницею; если склонитъ онъ короля прусскаго къ изъясненію его намѣреній и вѣдѣній; если наконецъ употребитъ средства безпристрастныя, то можетъ быть увѣренъ, что скоро достигнетъ своей цѣли и достигнетъ ея честнымъ образомъ, достойнымъ государя, на котораго теперь вся Европа обратила свои взоры, въ ожиданіи, какое мнѣніе она должна принять о его правилахъ и намѣреніяхъ»⁴⁸.

Но эти объясненія не вели ни къ чему. Фридрихъ сѣвшиалъ пользоваться обстоятельствами и потребовалъ у Петра гарантіи

не только Силезіи и Глаца, но и всѣхъ тѣхъ земель, которыя онъ завоюетъ у Маріи Терезіи до заключенія мира. Петръ отвѣчалъ: «Я въ восторгѣ и готовъ на все; но я буду просить ваше величество заключить такое же условіе со мной: обезпечить за мной то, что я буду въ состояніи взять у Датчанъ, чтобъ разомъ заключить съ ними миръ, славный для моего голштинскаго дома». Фридрихъ писалъ ему: «Я не удовольствуюсь только гарантіей за вами всего того, что вы найдете нужнымъ; независимо отъ этого я добиваюсь чести способствовать предпріятіямъ в. и. в. Распоряжайтесь штетинскимъ портомъ и всѣмъ, что я имѣю, какъ вашей собственностію. Скажите, сколько нужно вамъ прусскихъ войскъ, нисколько не стѣсняйтесь, и просто скажите, чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ? Хотя я старъ и изломанъ, но самъ пошелъ бы противъ вашихъ враговъ, еслибъ зналъ, что принесу пользу, жертвуя собою для столь достойнаго государя, для такого великодушнаго и рѣдкаго друга. Вы великодушно предлагаете мнѣ вашу гарантію и ваше войско; будьте увѣрены, я вполнѣ чувствую всю цѣну столь благороднаго поступка. Если вамъ угодно дать мнѣ изъ своихъ войскъ тысячъ 14 съ тысячею козаковъ, то этого будетъ достаточно». Петръ отвѣчалъ: «Союзный договоръ будетъ готовъ чрезъ нѣсколько дней, и чтобъ задержка его не могла помѣшать вашему величеству противъ вашихъ враговъ, *которые также и мои*, я приказалъ генералу Чернышеву сдѣлать все возможное, чтобъ прибыть по крайней мѣрѣ въ началѣ іюня въ вашу армію съ 15,000 регулярнаго войска и тысячею козаковъ. Ему приказано состоять въ распоряженіи в. в. Чернышевъ лучший генералъ послѣ Румянцева, котораго я не могу отозвать: онъ противъ Датчанъ. Но если бы Чернышевъ и ничего не смыслилъ, то онъ не можетъ худо дѣйствовать подъ командою такого великаго генерала, какъ в. в.»⁴⁹ Такимъ образомъ въ Берлинѣ собирався конгрессъ съ цѣлію если не отвратить датскую войну, то по крайней мѣрѣ оттянуть ее до будущей весны и не имѣть надобности посылать прусскаго войска на помощь Петру; а между тѣмъ 16,000 русскаго войска уже соединились съ прусскимъ для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ Австріи!

Австрія употребила послѣднее средство, предложила деньги и вспомогательное войско противъ Даніи. Императоръ отвѣчалъ:

«Деньги мнѣ не нужны, я надѣюсь одинъ управиться съ своими врагами, а понадобится помощь, стану искать ее въ другомъ мѣстѣ, только не въ Вѣнѣ».

Австрія, находившаяся въ крайне затруднительномъ положеніи, считала необходимымъ умѣрять тонъ своихъ протестовъ противъ перемѣны русской политики; но Франція не считала этого необходимымъ.

Когда Чернышевъ подалъ герцогу Шуазелю декларацію о заключеніи мира между Россією и Пруссією, тотъ, съ трудомъ скрывая свое раздраженіе, отвѣчалъ: «Не могу скрыть, что эта декларація крайне насъ удивляетъ: какъ безъ всякаго предварительнаго сношенія съ союзниками, система, казавшаяся такъ твердо установленною, вдругъ и до основанія разрушена! Иначе поступилъ третьяго и прошлаго года король, мой государь, хотя также сильно чувствовалъ надобность дать миръ своимъ подданнымъ; во всѣхъ случаяхъ онъ предпочиталъ интересъ союзниковъ своему собственному. Вы должны отдать нашему двору полную справедливость, потому что черезъ васъ шли тогда переговоры.» — «Тогда были одни обстоятельства, а теперь другія», отвѣчалъ Чернышевъ, и распространился о томъ, какъ поступокъ Петра доказываетъ попеченіе его о благѣ своего народа и вообще его человѣколюбіе. — «Однако, возразилъ Шуазель, исполненіе принятыхъ обязательствъ надобно предпочитать всему другому.» — «Нашъ разговоръ, замѣтилъ Чернышевъ, начинаетъ касаться правъ, но такимъ образомъ мы можемъ далеко зайти, и все же другъ съ другомъ не согласимся». Этимъ разговоръ о русской деклараціи и кончился.

Здѣшняго двора обстоятельства теперь очень критическія, доносилъ Чернышевъ. Сухопутное войско въ дурномъ состояніи и мало надежды на его успѣхи въ будущую кампанію, а флотъ еще хуже. Англичане хватаютъ множество французскихъ судовъ, другія не смѣютъ отходить отъ берега, въ слѣдствіе чего торговля страдаетъ. Въ казнѣ сильный недостатокъ, народъ обѣднѣлъ и съ крайнею нуждою взыскиваютъ съ него деньги, налагая налогъ на налогъ».

Отвѣтная декларація французскаго короля была написана въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: «Его величество готовъ согласиться на предложенія прочнаго и честнаго мира, но онъ всегда

будетъ поступать въ этомъ дѣлѣ съ совершеннаго согласія своихъ союзниковъ и будетъ принимать только такіе совѣты, которые будутъ продиктованы честію и честностію (*par l'honneur et par la probité*); король счелъ бы себя виновнымъ въ измѣнѣ, еслибы принялъ участіе въ тайныхъ переговорахъ; король помрачилъ бы свою и своего государства славу, еслибы покинулъ своихъ союзниковъ; король увѣренъ, что каждый изъ нихъ съ своей стороны останется вѣренъ тѣмъ же принципамъ. Король не можетъ забыть главнаго закона, предписаннаго государямъ отъ Бога—вѣрности договорамъ и точности въ исполненіи обязательствъ». Людовикъ XV пересталъ говорить съ Чернышевымъ на выходахъ.

А въ Петербургѣ между тѣмъ занимались важнымъ дѣломъ: отъ иностранныхъ министровъ потребовали, чтобъ они сдѣлали первый визитъ принцу Георгію голштинскому. Бретейль, Мерси и министр испанскій маркизь Алмодовара отвѣчали, что сдѣлаютъ первый визитъ, если принцъ первый объявитъ имъ о своемъ пріѣздѣ. Принцъ не согласился, и канцлеръ, пригласивъ ихъ къ себѣ, именемъ императора объявилъ, что они не будутъ допущены на аудіенцію къ императору, пока не согласятся съ принцемъ Георгіемъ на счетъ визитовъ. Графъ Шуазель говорилъ Чернышеву, какъ странно и удивительно въ Петербургѣ смѣшиваются два разныя дѣла: одно совершенно частное и никакой важности въ себѣ не заключающее, согласятся ли извѣстные лица между собою на счетъ визитовъ или нѣтъ; такіе случаи при всѣхъ дворахъ часто бываютъ; и сму самому Шуазелю случилось въ Вѣнѣ столкнуться на счетъ визитовъ съ принцемъ Карломъ лотарингскимъ, братомъ императорскимъ, не согласившись, и до сихъ поръ визиты съ обѣихъ сторонъ не дѣлаются. Однако вѣнскій дворъ считалъ это дѣло постороннимъ для себя, а при русскомъ дворѣ приняло оно такое неожиданное и необыкновенное значеніе. Другое же дѣло, касающееся аудіенціи, государственное: необходимо, чтобъ министры допускались къ государямъ, при которыхъ они аккредитованы, ибо безъ этого они не могутъ исполнять свою должность и пребываніе ихъ при дворахъ было бы совершенно лишнее. «Прошу васъ, окончилъ Шуазель, донести объ этомъ ко двору его импер. величества, представить о различіи, какое находитъ въ этомъ

дѣлъ здѣшній дворъ и о необходимости допустить нашего министра на аудіенцію безъ дальнѣйшаго отлагательства; странное смѣшеніе двухъ различныхъ дѣлъ можетъ объясниться развѣ тѣмъ, что нарочно ищутъ предлоговъ къ разрыву». На донесеніи объ этомъ Чернышева Воронцовъ написалъ для императора: «Вчера баронъ Бретель, будучи у меня, равномерныя представленія чинилъ, на что ему вопреки довольные резоны сказаны были, и сей несприятный разговоръ съ горячестію съ обѣихъ сторонъ продолжался около часа съ заключеніемъ тѣмъ, что о представленіи его вашему импер. величеству мною донесено будетъ, но что я не надѣюсь, чтобъ ваше величество отмѣнили объявленное ему свое намѣреніе, какъ бы впрочемъ охотны ни были королю французскому оказать знаки своей дружбы. Наконецъ г. Бретель просилъ только о сообщеніи ему послѣдней резолюціи вашего величества, отозвался притомъ, что ежели бы она не полезна для него послѣдовала, онъ съ первымъ курьеромъ просить станетъ своего рапеля.»

Послѣ описаннаго разговора, Чернышевъ сообщилъ Шуазелю, что министры шведскій, датскій и англійскій имѣли уже аудіенціи у императора, потому что не сдѣлали никакого затрудненія относительно перваго визита принцу Георгію; но аудіенція барона Бретейля отложена, потому что онъ не хочетъ слѣдовать примѣру другихъ министровъ. Императоръ надѣется отъ дружбы французскаго двора, что онъ уступитъ его требованію, впрочемъ медленность въ допущеніи Бретейля на аудіенцію не можетъ быть вовсе причиною холодности между двумя дворами, а уступчивость французскаго двора въ дѣлѣ визита императоръ признаетъ за новый знакъ дружбы, которую онъ, съ своей стороны, имѣетъ неотмѣнное намѣреніе соблюдать и еще болѣе утверждать. «Послѣдніе два пункта, писалъ Чернышевъ, принялъ онъ, графъ Шуазель, пристойнымъ образомъ и съ оказаніемъ удовольствія, что я примѣтивъ, нарочно повторилъ ему то же самое, въ такомъ точно разсужденіи, что здѣшній дворъ, взявъ въ надлежащее уваженіе столь знатный для него пунктъ, легче склонится на рѣшеніе дѣла, касающагося до визиты его высочеству принцу Георгію, происшедшаго единственно отъ грубаго, упрямаго и малоразсудительнаго Бретелева права и загладитъ тѣмъ нескладный его въ томъ поступокъ».

Но французскій дворъ не склонился къ уступкѣ въ дѣлѣ визита. Отъ 27 мая Чернышевъ писалъ: «Здѣшній дворъ самъ довольно видитъ неблагоразуміе свое въ этомъ дѣлѣ; но, зайдя такъ далеко, изъ гордости и упрямства своего отступить стыдится; и такъ опредѣлено: Бретейля изъ Петербурга отозвать и назначить его посломъ къ шведскому двору». Шуазель объявилъ Чернышеву, что въ Петербургъ назначенъ будетъ повѣренный въ дѣлахъ или резидентъ, однимъ словомъ, министръ третьяго класса, который бы не былъ подверженъ никакому церемоніалу, въ слѣдствіе чего Чернышевъ объявилъ, что отъѣзжаетъ изъ Франціи, оставляя въ ней повѣреннымъ въ дѣлахъ секретаря посольства Хотинскаго ⁵⁰.

Въ Петербургѣ думали, что перемена политики, тѣсное сближеніе съ Пруссіею и удаленіе отъ Австріи и Франціи сблизятъ Россію съ Англіею. Съ первыхъ минутъ воцаренія своего Петръ обратился съ полнымъ довѣріемъ къ англійскому посланнику Кейту, какъ человѣку, который долженъ былъ болѣе всѣхъ другихъ сочувствовать его новой политикѣ. Гольцъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, также обратился къ Кейту за совѣтами и указаціями, и Кейтъ оказалъ ему самыя дружественныя услуги. Но Кейтъ въ Петербургѣ и Митчель въ Берлинѣ держались старой англійской политики, политики Питта; а мы уже видѣли, что новое англійское министерство Бюта смотрѣло иначе на дѣло, и не желало тратиться, поддерживая прусскаго короля въ войнѣ, теперь совершенно бесполезной для Англіи. Но какъ Петръ не справился о взглядахъ новаго англійскаго министерства, взглядахъ, которые такъ сильно поддерживалъ русскій посланникъ въ Лондонѣ, такъ точно Бютъ не зналъ, что съ новымъ императоромъ рушатся всѣ прежнія политическія отношенія.

По полученіи извѣстія о восшествіи на престолъ Петра, графъ Бютъ выразился кн. Голицыну, что теперь единственно состоитъ въ волѣ императора дать миръ Европѣ. «У насъ, говорилъ Бютъ, довольно чувствуютъ, что прусскій король при настоящихъ своихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ не можетъ ласкать себя надеждою получить миръ безъ значительныхъ уступокъ изъ своихъ владѣній; почти уже шесть недѣль тому назадъ какъ я, по указу королевскому, поручилъ нашему министру при берлинскомъ дворѣ Митчелю объявить прусскому министерству,

что давно уже пришло время серьезно о томъ подумать, и что здѣшній дворъ не можетъ вѣдо воевать въ угоду его прусскаго величества. По словамъ здѣшнихъ прусскихъ министровъ, король ихъ надѣется найти теперь больше къ себѣ расположенія при русскомъ дворѣ, но конечно надежда эта химерическая; прусскимъ министрамъ естественно, какъ утопающимъ, хвататься за все и ласкать себя малѣйшею надеждою; но я не могу думать, чтобъ императоръ промѣнялъ своихъ естественныхъ союзниковъ на короля прусскаго. Здѣшній дворъ, стараясь о мирѣ, не можетъ притомъ сильно желать, чтобъ русскія войска, дѣйствовавшія противъ Пруссіи, были возвращены, какъ бытъ можетъ прусскій король надѣется, ибо чрезъ это вмѣсто мира надобно ожидать продолженія войны: съ одною императрицею-королевою король прусскій можетъ долго воевать, чего здѣшній дворъ не желаетъ, а напротивъ старается—избавя короля прусскаго отъ конечной гибели, склонить его пожертвовать Маріи Терезіи своими областями, какъ требуетъ справедливость. Прошу васъ эти мои рѣчи содержать въ глубочайшей тайнѣ, ибо я съ вами говорилъ не какъ министръ королевскій, но какъ пріятель, вполне на васъ полагающійся. Откровенность за откровенность, желалъ бы я отъ васъ узнать, какую часть изъ прусскихъ завоеваній государь вашъ хочетъ за собою удержать».

— «До сихъ поръ, отвѣчалъ Голицынъ, я не имѣю еще извѣстія о намѣреніяхъ государя, только изъ манифеста его могу заключить, что онъ хочетъ во всемъ подражать своимъ предкамъ, слѣдовательно хочетъ пребывать неразлучно съ своими естественными союзниками, именно съ вѣнскимъ дворомъ; потому, также по примѣру предковъ, сохранять и утверждать дружбу съ его британскимъ величествомъ. Мира мой государь искренно желаетъ, но мира честнаго, и, какъ вы, графъ, справедливо замѣтили, прусскій король не иначе можетъ получить миръ какъ жертвуя значительною частію своихъ областей, и невозможно ему ласкать себя надеждою, чтобъ императоръ, въ предосужденіе славы высочайшаго своего имени и пользы своей имперіи, промѣнялъ интересы своихъ главныхъ и полезныхъ союзниковъ на интересъ такого опаснаго сосѣда, какъ король прусскій, чтобъ вывелъ свои войска изъ прусскихъ областей и возвратилъ ихъ Фридриху II-му, который самъ почитаетъ ихъ

невозвратно потерянным: такой поступок не был бы согласен ни съ славою, ни съ честью, ни съ безопасностію императора. который намѣренъ начало своего царствованія прославить присоединеніемъ къ имперіи всего королевства Прусскаго по праву завоеванія, тѣмъ болѣе, что эта провинція никакой связи съ Германскою имперіею не имѣетъ; что же принадлежитъ до другихъ завоеваній, то они могутъ быть уступлены за какія-нибудь не столь тягостныя для короля прусскаго вознагражденія».

Описавъ этотъ разговоръ, Голицынъ прибавлялъ: «Графъ Бютъ, казалось, былъ очень доволенъ моими отвѣтами. Я долженъ донести, что здѣсь теперь крайне скучаютъ союзомъ съ королемъ прусскимъ и съ радостію воспользовались бы первымъ удобнымъ случаемъ оставить его; слѣдовательно теперь въ волѣ вашего величества не только исходатайствовать высокимъ союзникамъ справедливое удовлетвореніе, но и Пруссію (провинцію) удержать въ вѣчномъ владѣніи: англійскій дворъ охотно на это согласится». Канцлеръ Воронцовъ написалъ на реляціи: «Сія реляція князя Голицына заслуживаетъ великой похвалы и апробаціи, на которую въ отвѣтъ гисторически ему отписать о нынѣшнемъ состояніи дѣлъ и о высочайшемъ соизволеніи его императ. величества въ разсужденіи прежней системы и что съ королемъ прусскимъ, кромѣ дружеской обсылки, еще никакой негоціаціи здѣсь не начато, хотя повѣренная персона отъ его величества сюда и прислана». Реляція Голицына была отъ 26 января; императоръ читалъ ее 2 марта.

Голицынъ еще при Елисаветѣ получилъ указъ, что отзывается изъ Лондона на вице-канцлерское мѣсто. На мѣсто его былъ назначенъ извѣстный Гроссъ; но король Георгъ III велѣлъ объявить Голицыну, что онъ, по разнымъ причинамъ, не можетъ принять Гросса; тогда назначенъ былъ полномочнымъ министромъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.

Передъ отъѣздомъ Голицына графъ Бютъ сообщилъ ему полученныя извѣстія изъ Магдебурга, гдѣ находился тогда Фридрихъ II, о посылкѣ Гольца въ Петербургъ. Бютъ выражалъ сильное неудовольствіе, что Фридрихъ не сообщилъ лондонскому двору инструкцій, данныхъ Гольцу. «Это значитъ, говорилъ Бютъ, что инструкціи не могутъ быть намъ пріятны; здѣсь догадываются, что, вопервыхъ, прусскій король будетъ всяче-

ски стараться поднять Россійскую имперію противъ вѣнскаго двора къ немалому предосужденію европейской вольности; вторыхъ, для полученія себѣ выгоднѣйшихъ отъ русскаго императора условій что-либо заключить съ русскимъ дворомъ противъ датскаго короля».

Бютъ давалъ знать Голицыну, чтобъ разговоръ ихъ оставался въ величайшей тайнѣ; но Петръ иначе распорядился реляціею Голицына: онъ показалъ ее Гольцу и не только позволилъ снять копію, но и прямо приказалъ переслать эту копію Фридриху. Получивши ее, Фридрихъ писалъ Петру: «Я былъ бы самый неблагодарный и недостойный изъ людей, еслибъ не чувствовалъ и вѣчно не благодарилъ бы васъ за великодушные поступки. Ваше импер. величество открываете измѣну моихъ союзниковъ, помогаете мнѣ въ то время, когда весь свѣтъ меня покинулъ и я единственно вашей особѣ обязанъ тѣмъ, что случается со мною счастливаго». Фридрихъ велѣлъ Финкенштейну показать голицынскую депешу англійскому посланнику въ Берлинѣ, Митчелю, и когда послѣдній увѣдомилъ объ этомъ свое правительство, то Бютъ отвѣчалъ, что русскій посланникъ или не понималъ его, или память ему измѣнила, или Голицынъ слишкомъ увлекся своею преданностію австрійскому дому; но что онъ, Бютъ ничего подобнаго ему не говоритъ.

Новый русскій министръ, назначенный въ Англію, графъ Александръ Воронцовъ получилъ отъ императора такую инструкцію: «1) Надлежитъ всѣми мѣрами стараться, чтобъ привести короля англійскаго въ такія же добрыя намѣренія касательно короля прусскаго, въ каковыхъ онъ прежде сего находился. 2) Надлежитъ изыскивать случай, чтобъ открыть королю, а наипаче англійскому народу обману фаворита его графа Бюта касательно короля прусскаго, представляя имъ послѣдуемый изъ того для всей націи неописанный стыдъ, и особливо въ томъ, если Англія вознамѣрится, оставляя короля прусскаго, заключить съ королевою венгерскою особенный миръ. 3) Стараться всевозможнымъ образомъ о истребленіи остальной королевской дружбы съ Даніею, и притомъ домогаться, чтобъ совершенно разрушить ихъ союзъ. 4) Всѣми жъ силами стараться, чтобъ Англію вовлечь въ заключенный между королемъ прусскимъ и мною союзъ, давая, съ одной стороны, разумѣть, сколь великую пользу ка-

сательно торговли получить они могутъ, а съ другой доказывая происходимое въ прѣтивномъ случаѣ бѣдствіе. 5) А особливо примѣтить имъ надлежитъ, что если Россія слѣдующіе товары отниметъ у Англіи, а именно: пеньку, мачтовья деревья, мѣдь, желѣзо и конопляное масло, безъ которыхъ Англичане не могутъ обойтись, то будутъ они приведены въ конечное разореніе. 6) Наблюдать доброе согласіе съ министромъ короля прусскаго столь прилежно, что если услышите вы или отъ англійскаго министерства получите какія-либо его величеству предосудительныя піесы, то долженствуете его министру немедленно оныя сообщить, дабы могъ онъ о томъ къ своему двору доносить»⁵⁴.

Мы видѣли, что при первыхъ сношеніяхъ Россіи съ Пруссіею въ новое царствованіе, сношеніяхъ, отъ которыхъ находились въ зависимости всѣ политическія дѣла, уже былъ вопросъ о Швеціи.

Остерманъ изъ Стокгольма писалъ новому императору, что большая часть шведскихъ предпріятій много зависитъ отъ узнанія его воли. «Вся здѣшняя публика, доносилъ Остерманъ, почитаетъ неизбѣжною войну между Россіею и Даніею и толкуетъ о желаніи вашего величества заключить тройной союзъ между Россіею, Пруссіею и Швеціею». Послѣ толковъ Остерманъ сообщилъ сдѣланное ему министромъ иностранныхъ дѣлъ Экеблаттомъ заявленіе, что Швеція, будучи истощена войною, должна помышлять о честномъ соглашеніи съ королемъ прусскимъ.

Императоръ былъ очень радъ этому соглашенію, которое дѣйствительно и послѣдовало; но онъ не обратилъ вниманія на побужденіе къ соглашенію, выставленное Экеблаттомъ, именно истощеніе Швеціи, и потребовалъ, чтобъ Швеція приняла участіе въ войнѣ его съ Даніею.

4 іюля Остерманъ имѣлъ разговоръ съ Экеблаттомъ. Выслушавши предложеніе Остермана относительно совокупнаго дѣйствія Россіи и Швеціи противъ Даніи, шведскій министръ отвѣчалъ, что доложитъ объ этомъ королю, но потомъ объявилъ собственное мнѣніе не формальнымъ и не министеріальнымъ образомъ: онъ началъ рѣчь съ объявленія крѣпкой надежды короля, что императоръ, какъ по родству, такъ и по доброжелательству къ Швеціи, будетъ смотрѣть снисходительнымъ окомъ

на настоящее положеніе шведскаго двора. Тѣ же самыя причины, которыя побудили этотъ дворъ къ заключенію мира съ Пруссіею, побуждаютъ его не желать новой войны, и потому королю очень пріятно будетъ слышать о полюбовномъ соглашеніи Россіи съ Даніею; и какъ съ одной стороны уваженіе къ императору, такъ съ другой уваженіе къ прежде принятымъ Швеціею обязательствамъ по гарантіи (Шлезвига Даніи) заставляютъ искать такого средства, которое никого не могло бы раздражить. «Обнадеживаю васъ, закончилъ Экеблаттъ, что здѣшній дворъ не склонится ни на какія лестныя предложенія датскаго двора, противныя интересу императора».—«Когда дѣйствительно ваше желаніе, возразилъ Остерманъ, состоитъ въ томъ, чтобъ видѣть полюбовное соглашеніе по нашему дѣлу съ Даніею, то мнѣ кажется, что пристойное внушеніе отъ вашего двора датскому и въ случаѣ, если внушеніе не подѣйствуетъ, подкрѣпленіе претензій императора на самомъ дѣлѣ, равно какъ вспоможеніе русскому флоту въ шведскихъ гаваняхъ и русскому войску въ Помераніи, послужить лучшимъ средствомъ къ достиженію вашей цѣли». Экеблаттъ отвѣчалъ, что по такому деликатному дѣлу онъ не можетъ дать никакого формальнаго отвѣта.

Но изъ его словъ уже легко было догадаться, въ какомъ смыслѣ будетъ королевскій отвѣтъ, который былъ переданъ Остерману 18 іюня: «Король не можетъ оказать императору большей довѣренности, какъ повторить съ прежнею откровенностію объ изнурительномъ состояніи своего государства, не позволяющемъ принимать никакихъ мѣръ, которыя бы могли дать малѣйшій поводъ къ разрыву дружбы съ какою-либо державою. Въ такомъ разсужденіи королю очень пріятно было слышать достохвальную миролюбивую склонность императора къ добровольному соглашенію съ датскимъ дворомъ и сердечно онъ будетъ желать, чтобъ это дѣло совершилось, чему онъ, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать сколько возможно. Что же касается желаемаго императоромъ вспоможенія русскимъ войскамъ въ Помераніи за справедливую уплату и входа русскихъ кораблей въ шведскія гавани, то король не преминетъ сдѣлать все то, что обыкновенно называется officia humanitatis (обязанности человѣчества), если какой-нибудь изъ русскихъ кораблей по-

рознѣ принужденъ будетъ зайти въ шведскую гавань для полученія необходимой помощи; также и войску русскому за справедливую уплату показано будетъ всевозможное удовольствіе». Когда Экеблаттъ передалъ королевскій отвѣтъ Остерману, тотъ спросилъ: «можно надѣяться, что officia humanitatis не будутъ распространяться на Данію?»—«Трудно будетъ, отвѣчала Экеблаттъ, отказать въ нихъ датскому двору».

Остерманъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначили дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Миниха ⁵².

Также отозванъ былъ и Воейковъ изъ Варшавы съ назначеніемъ къ арміи, по собственному его всегдашнему желанію, какъ видно изъ письма его къ Воронцову; на мѣсто Воейкова былъ назначенъ бывший уже въ Польшѣ и потомъ въ Вѣнѣ графъ Кейзерлингъ.

Король польскій и курфирстъ саксонскій, какъ слабѣйшіи, долженъ былъ болѣе всѣхъ другихъ союзниковъ сокрушаться переменною русской политикой. По всей Польшѣ распространились тревожные слухи, что страшная опасность будетъ грозить этой странѣ, если Пруссія соединится съ Россією, ибо нѣтъ сомнѣнія, что между этими обѣими державами произойдетъ соглашеніе на счетъ Польши: она непременно потеряетъ нѣсколько областей, которыя пойдутъ на вознагражденіе Россіи за возвращеніе Пруссіи Фридриху II-му. Графъ Брюль началъ хлопотать о примиреніи Чарторыйскихъ со дворомъ въ надеждѣ, что племянникъ Чарторыйскихъ, стольникъ литовскій Понятовскій можетъ дѣйствовать въ пользу польскаго двора чрезъ новую императрицу по ея благосклонности къ нему въ прежнее время въ Петербургѣ. Надежда эта очень скоро рушилась; но люди безъ надежды не живутъ, и въ мартѣ въ Варшавѣ стали надѣяться, что политика Петра, особенно отобраніе церковныхъ имѣній, произведетъ безпокойства въ Россіи ⁵³.

Надеждою этою питались до тѣхъ поръ, пока она осуществилась, а между тѣмъ переживали тяжелое время. Между Россією и Пруссією непримѣрный въ исторіи тѣсный союзъ. Отъ Фридриха II ждать добра нечего, а Петръ III, по привязанности своей къ Фридриху, давно уже враждебно относился къ саксонскому дому, и вражда эта усилилась, когда императрица Елисавета согласилась на возведеніе въ курляндскіе герцоги сына Августа

III, принца Карла саксонскаго, тогда какъ Петръ прочилъ на это мѣсто дядю своего, принца Георгія голштинскаго. Великій князь обошелся очень холодно съ принцемъ Карломъ, когда тотъ явился при дворѣ Елисаветы, и, узнавши чрезъ Шувалова, что императрица сердится на эту холодность, Петръ написалъ теткѣ, что онъ не можетъ лучше обходиться съ принцемъ, заятнавшимъ себя постыднымъ бѣгствомъ при Цорндорфѣ⁵⁴. Разумѣется, одною изъ первыхъ мыслей Петра III-го, по восшествіи его на престолъ, была мысль о сверженіи принца Карла съ курляндскаго престола и о возведеніи на его мѣсто принца Георгія. Сдѣлать это было легко: Курляндія была Польша въ миниатюрѣ, подвергаясь вліянію перваго сильнаго, который считалъ нужнымъ заняться ею, а сильнѣе всѣхъ былъ императоръ русскій, въ слѣдствіе чего Курляндцы давно привыкли смотрѣть на своихъ герцоговъ, какъ на губернаторовъ, назначаемыхъ въ Петербургѣ. Опираясь при этихъ назначеніяхъ на волю шляхетства, на его избраніе было легко, ибо постоянно существовали партіи, преданныя тому или другому изъ кандидатовъ; партію легко было унотребить для почина дѣла, а равнодушное большинство готово было признавать герцогомъ всякаго, кого поддерживало русское войско, и кто обѣщаль чины и аренды. Петръ не велѣлъ извѣщать о своемъ восшествіи на престолъ принца Карла, и тѣмъ заявилъ, что не признаетъ его законнымъ герцогомъ курляндскимъ. Русскій уполномоченный въ Мптавѣ, Симолинъ, старавшійся при Елисаветѣ объ избраніи въ герцогн принца Карла, теперь получилъ приказаніе раздѣлать собственное дѣло и поддерживать партію, противную Карлу. Симолинъ схватился за главную причину неудовольствія противъ принца Карла въ протестантской Курляндіи, именно, что принцъ былъ католикъ. Курляндской денутации, пріѣхавшей въ Петербургъ поздравить Петра съ восшествіемъ на престолъ, было объявлено сожалѣніе императора, «сколь мало съ фундаментальными правами герцогства Курляндскаго сходственно имѣть имъ католическаго принца своимъ герцогомъ, умалчивая о другихъ нарушеніяхъ ихъ правостей». Сначала движеніе, направленное противъ принца Карла, шло во имя стараго Бирона, и только въ концѣ іюня Симолинъ выставилъ принца Георгія, которому Биронъ уступилъ свои права. Въ слѣдствіе этого образовались въ Курляндіи три партіи: принца Карла, Бирона и принца Георгія⁵⁵.

Перемена русской политики должна была отразиться и на отношеніяхъ къ Турціи.

Обрѣзковъ, не зная о рѣзкой переменѣ политики своего двора, отъ 19 февраля доносилъ новому государю о дѣйствіяхъ прусскаго посланника въ Константинополь и доносилъ, по привычкѣ, въ очень нелестныхъ выраженіяхъ. Онъ писалъ о сугубомъ стараніи посланника склонить Порту, прежде весны прибавить къ дружественному и торговому трактату артикуль союза; кромѣ «надмѣрныхъ посуловъ» посланникъ старался доказать сановникамъ Порты, какой вредъ получитъ Порта, если она не соединитъ своихъ интересовъ съ интересами короля прусскаго, при чемъ превозносилъ могущество и необыкновенныя воинскія способности своего короля; но потомъ, увидя, что эти восхваленія ни къ чему не служатъ и что взятіе Кольберга нельзя болѣе утаивать, переменялъ, по выраженію Обрѣзкова, высокомѣрный языкъ даже до подлости, сталъ объявлять Портѣ, что безъ дѣйствительной и скорой ея помощи его государь непременно будетъ стѣсненъ множествомъ непріятелей, въ слѣдствіе чего принужденъ будетъ предаться русскому двору, ожидающему его съ отверстыми объятіями, а это не можетъ быть Портѣ полезно. Увидавъ, что Порта и отъ этихъ представлений его не приходитъ въ жалость и страхъ, прусскій посланникъ сталъ домогаться, чтобъ по меньшей мѣрѣ Порта сдѣлала какое-нибудь движеніе, которое принудило бы петербургскій и вѣнскіе дворы выставить нѣсколько военныхъ силъ на южныхъ границахъ. Видя такія домогательства Порты рѣшила попытать русскаго, австрійскаго и французскаго пословъ на счетъ состоянія европейскихъ дѣлъ. Къ Обрѣзкову явился секретарь Рейсъ-эффенди, и послѣ разныхъ разговоровъ спросилъ, что онъ думаетъ о домогательствахъ прусскаго посланника и какое, по его мнѣнію, должно быть рѣшеніе Порты. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что эти домогательства нисколько не удивительны: прусскій король, обманувшись въ своихъ замыслахъ завоевать значительную часть Европы, угрожаемый совершеннымъ разореніемъ, ищетъ охотниковъ раздѣлить давящую его тяжесть, какъ обезьяна, видя разгорѣвшимися брошенные ею въ огонь каштаны, ищетъ кошкной лапы, чтобъ ихъ вытащить; что же касается рѣшенія Порты, то его не трудно угадать, принимая въ соображеніе

мудрость великаго визиря, который не захочетъ лишить Турцію покоя и подвергнуть опасностямъ войны въ угодность королю прусскому, другу Порты со вчерашняго дня, тѣмъ болѣе, что религія запрещаетъ ей вмѣшиваться въ раздоры христіанскихъ державъ. Секретарь соглашался вполнѣ съ Обрѣзковымъ, что Порта никогда не заключитъ союза съ прусскимъ королемъ, но прибавилъ почти сквозь зубы: «одно развѣ Порта можетъ сдѣлать, предложить свои добрыя услуги для примиренія Россіи съ Пруссіею.» — «Это опять хитрости прусскаго посланника, отвѣчалъ Обрѣзковъ: онъ хочетъ другимъ путемъ достигнуть той же цѣли — охлажденія между Россіею и Портою, ибо держава, предлагающая свои добрыя услуги, обижается когда ихъ не принимаютъ, а Россія не можетъ принять добрыхъ услугъ Порты, не желая оскорбить другія державы, предлагающія подобныя услуги и самое посредничество.» Чтобъ еще болѣе убѣдить секретаря, Обрѣзковъ на прощаніи подарилъ ему золотые часы въ 72 рубля. Но въ Петербургѣ хотѣли совсѣмъ другаго.

28 апрѣля любимецъ императора Гудовичъ пріѣхалъ къ канцлеру съ устнымъ указомъ императора предписать Обрѣзкову внушить Портѣ, что если она разсудитъ теперь начать непріятельскія дѣйствія противъ австрійскаго дома, то императоръ въ эту войну отнюдь вмѣшиваться не будетъ. Этотъ указъ внушенъ былъ Петру прусскимъ посланникомъ Гольцомъ, который 11 мая пріѣхалъ къ канцлеру навѣдаться, отправленъ ли указъ къ Обрѣзкову, потому что онъ, Гольцъ, уже писалъ о немъ своему государю. Воронцовъ отвѣчалъ, что въ коллегіи готовится обыкновенная въ каждомъ мѣсяцѣ экспедиція и указъ пошлется при ней; но такъ какъ въ Петербургѣ совершенно извѣстно о миролюбіи Порты, которая дала сосѣднимъ державамъ точныя увѣренія въ дружбѣ, то исполненіе упомянутаго указа подвержено будетъ весьма предосудительной огласкѣ безъ малѣйшей пользы; и такъ не лучше ли бы было съ русской стороны внушенія Портѣ не дѣлать до тѣхъ поръ, какъ прусскій посланникъ Рексенъ успѣетъ побудить Порту къ войнѣ съ Австріею; пусть турецкое министерство само отзовется къ русскому резиденту о намѣреніи своемъ сдѣлать диверсію противъ Австріи въ пользу Пруссіи, и въ такомъ случаѣ русскій резидентъ объявитъ, что его государь въ предпринимаемой войнѣ

участія имѣть не будетъ. Притомъ же русскій дворъ имѣеть съ вѣнскимъ особенный вѣчный трактатъ противъ Порты: оба двора обязались взаимно помогать другъ другу противъ Турокъ. Гольцъ согласился съ канцлеромъ, что прежде долженъ дѣлать представленія Рексенъ, русскій резидентъ долженъ его подкрѣплять, а не мѣшать, и просилъ Воронцова отправить указъ въ этомъ смыслѣ. Воронцовъ отвѣчалъ, что такъ какъ это дѣло великой важности и должно быть содержано въ высшемъ секретѣ, то надобно остерегаться, чтобъ себя не компрометировать. Гольцъ и съ этимъ согласился и обѣщалъ писать отъ себя къ Рексену. Это согласіе Гольца на представленія канцлера объясняется свидѣтельствомъ Волкова, что онъ съ другой стороны дѣйствовалъ въ пользу принятія предложенія Воронцова. Какъ видно канцлеръ и Волковъ дѣйствовали въ этомъ случаѣ не безъ взаимнаго согласія. «Императоръ, говоритъ Волковъ, по домогательству принца Георгія и барона Гольца, приказалъ канцлеру отправить въ Константинополь къ Обрѣзкову указъ, и велѣть, чтобъ онъ старался поднять Турокъ противъ вѣнскаго двора, и объявилъ бы, что наши съ онымъ обязательства разорваны. Каково коротко было приказаніе, не много пространнѣе того сочиненъ былъ и указъ въ коллегію. Но коль скоро принесли ко мнѣ изъ коллегіи протоколъ для подписанія, я не только въ коллегію мнѣніе противъ того письменно послалъ, но осмѣлился и самому бывшему императору сдѣлать представленіе, и столько одержалъ, что не велѣно уже Обрѣзкову самому вызываться, но развѣ Турки спросятъ: будемъ ли мы вѣнскому двору помогать, то отвѣтствовалъ бы онъ собою, что послѣ столь тягостной войны конечно не поступимъ мы на новую.»

А между тѣмъ Обрѣзковъ отъ 20 мая писалъ императору: «принялъ я вольность вашему императ. величеству съ рабскимъ подтвержденіемъ всеподданиѣйше предложить о употребленіи старанія преклонить его величество короля прусскаго на отзывъ пребывающаго здѣсь посланника его Рексена и вовсе уничтожить основанное при Портѣ министерство его, которое дерзновеніе принять не что иное побудило меня какъ всеподданиѣйшая рабская моя ревность къ службѣ и искренняя усердность къ высочайшимъ вашимъ интересамъ, по предусматриванію, что отъ продолженія при Портѣ прусскаго министерства для оныхъ

вашихъ интересовъ впредь разныя неудобства быть могутъ, чему уже и неоспоримыя доказательства являться начинаютъ.» По донесенію Обрѣзкова, Фридрихъ II писалъ Портѣ, что по причинѣ медленности ея заключеніемъ съ нимъ союза, онъ былъ принужденъ помириться съ Россією; несмотря на то однако онъ имѣетъ истинное, точное и непоколебимое намѣреніе сохранять дружбу съ Портою и во всемъ поступать по ея совѣтамъ.

Получивъ указъ объясниться съ Портою относительно диверсіи ея противъ Австріи, Обрѣзковъ писалъ, что Порта не только не готова къ такому предпріятію, но и едва ли о томъ серьезно когда-нибудь думала. При этомъ Обрѣзковъ увѣдомлялъ, что 20 мая у министровъ Порты было разсужденіе—заключать ли союзъ съ прусскимъ королемъ, и рѣшено: заключить союзъ, но постановить, что его дѣйствіе не простирается на настоящую войну, а только на будущее время; узнавъ же о тѣсномъ союзѣ Пруссіи съ Россією и о посылкѣ съ русской стороны на помощь Фридриху II вспомогательнаго корпуса, Порта отложила заключеніе союза и на этомъ условіи, принявъ выжидательное положеніе ⁵⁶.

Такъ произошла внезапная, рѣзкая, рѣшительная перемѣна въ политикѣ Россіи. Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвела эта перемѣна въ различныхъ государствахъ Европы, смотря по тому, какъ она относилась къ ихъ интересамъ; теперь взглянемъ какое впечатлѣніе она произвела внутри Россіи.

Послѣ Петра Великаго, послѣ сокрушенія могущества Швеціи, русскіе люди привыкли считать себя безопасными со стороны Запада, гдѣ нечего было бояться ни отъ слабой Швеціи, ни отъ слабой Польши, гдѣ союзъ съ Австрією обезпечивалъ со стороны Турціи, гдѣ самымъ главнымъ врагомъ Россіи считалась отдаленная Франція, не могшая однако враждовать непосредственно, могшая вредить только интригами, подкупами: борьба съ Францією ограничивалась борьбою дипломатическою. Но въ концѣ первой половины XVIII вѣка эта безопасность со стороны Запада исчезла: здѣсь вдругъ выдвинулась на первый планъ Пруссія, игравшая до тѣхъ поръ второстепенную роль; знаменитый король ея, искуснѣйшій полководецъ времени, не разбиралъ средствъ для усиленія своего государства захватомъ чужихъ

областей; Швеція, Польша, Турція вошли въ кругъ дѣятельности Фридриха II, и вездѣ интересы его необходимо сталкивались съ русскими. Россія приняла дѣятельное участіе въ союзѣ, составленномъ для сокращенія силъ прусскаго короля. Война выказала еще болѣе эти силы, выказала вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость со стороны союзниковъ не уставать въ преслѣдованіи своей цѣли, и Россія дѣйствовала неутомимо, несмотря на все внутреннія и виѣшнія препятствія. Цѣль великихъ усилій и пожертвованій достигалась, Фридрихъ II доведенъ былъ до послѣдней крайности:—и въ эту самую минуту вдругъ все перемѣняется. Эта перемѣна не была торжествомъ извѣстной стороны, которая держалась совершенно противоположныхъ взглядовъ и теперь воспользовалась перемѣною царствующаго лица для проведенія этихъ взглядовъ; не было русскихъ людей, которые сочувствовали Фридриху II и не сознавали необходимости сдержать его въ непосредственныхъ интересахъ отечества. Русскіе люди безспорно тяготились продолжительною войною и желали мира, но мира честнаго, и этотъ честный миръ былъ уже въ рукахъ, дожидаться его было не долго; награда за всю кровь, за все пожертвованіе были готовы. Новый императоръ возбудилъ бы къ себѣ полное сочувствіе въ русскихъ людяхъ, еслибы явился вооруженнымъ посредникомъ въ умирненіи Европы, еслибы, признавая по примѣру англійскаго министерства, необходимость для Фридриха II удовлетворить требованіямъ противниковъ, въ то же самое время умѣрилъ бы эти требованія. Самъ Фридрихъ сознавалъ необходимость уступокъ съ своей стороны, что ясно видно изъ его инструкціи Гольцу; онъ готовъ былъ уступить Россіи Восточную Пруссію, заявляя желаніе получить вознагражденіе съ другой стороны (очень вѣроятно, что онъ имѣлъ въ виду западную, польскую Пруссію, которая дала бы ему возможность удержать титулъ прусскаго короля, и понятно опасеніе, возникшее между Поляками, что соглашеніе между Россією и Пруссією произойдетъ на счетъ Польши). Фридрихъ II хотѣлъ стать въ то же положеніе, въ какое при концѣ своего поприща становился Карлъ XII относительно Петра Великаго, уступая Россіи все ея завоеванія съ тѣмъ, чтобъ Россія помогла ему получить *эквивалентъ* въ другомъ мѣстѣ. Но что имѣлъ право сдѣлать Петръ I, раздраженный непріязненными поступ-

ками своихъ союзниковъ, на то не имѣлъ права Петръ III относительно союзниковъ Россіи въ Семилѣтнюю войну. На одно имѣлъ онъ право—въ случаѣ сильныхъ препятствій къ мирному соглашенію отказаться отъ своей доли вознагражденія отъ Пруссіи, ибо хотя великодушіе въ политикѣ обыкновенно не приносятъ плодовъ, но было бы удовлетворено чувство народа, нуждавшагося въ честномъ мирѣ, а не въ лишнемъ клочкѣ не русской земли. Но сдѣланное Петромъ III глубоко оскорбляло русскихъ людей, потому что шло наперекоръ всеобщему убѣжденію, отзывалось насмѣшкою надъ кровью, пролитою въ борьбѣ, надъ тяжелыми пожертвованіями народа для дѣла народнаго, праваго и необходимаго; миръ, заключенный съ Пруссією, никому не представлялся миромъ честнымъ; но, что всего было оскорбительнѣе, видѣли ясно, что русскіе интересы приносятся въ жертву интересамъ чуждымъ и враждебнымъ; всего оскорбительнѣе было то, что Россія подпадала подъ чужое вліяніе, чужое иго, чего не было и въ печальное время за двадцать лѣтъ тому назадъ, ибо и тогда люди, стоявшіе на верху, люди не русскаго происхожденія, Остерманъ, Минихъ, Биронъ были русскіе подданные и не позволяли посламъ чужихъ государей распоряжаться, какъ теперь распоряжался прусскій камергеръ Гольцъ. Прожили двѣдцать лѣтъ въ утѣшительномъ сознаніи народной силы, въ сознаніи самостоятельности и величія Россіи, имѣвшей могущественное, рѣшительное вліяніе на европейскія дѣла, а теперь до какого позора дожили! Иностраннѣйшій посланникъ заправляетъ русскою политикою, чего не бывало со временъ татарскихъ баскаковъ, но и тогда было легче, ибо рабство невольное не такъ позорно какъ добровольное. И хотя бы такую страшно дорогою цѣною купленъ былъ миръ? Но одна война кончалась для того, чтобъ начать другую,—какую, зачѣмъ? зачѣмъ, что русскій государь не могъ рѣшиться быть только русскимъ государемъ.

Къ чести тогдашнихъ русскихъ людей, стоявшихъ на верху, надобно сказать, что они не могли помириться съ новымъ положеніемъ дѣлъ, исключая очень немногихъ ничтожностей, какъ напр. голубицу Фридриха II, Андрея Гудовича. Затруднительнѣе другихъ было положеніе великаго канцлера графа Мих. Лар. Воронцова, потому что при перемѣнѣ внѣшней политики на него

были обращены глаза всѣхъ, его требовали къ отвѣту, зачѣмъ не противодѣйствуетъ своими совѣтами, представленіями, зачѣмъ соглашается, подписываетъ свое имя подъ актами, возбуждающими всеобщее негодованіе? Воронцовъ все это чувствовалъ, ему слышались эти страшные вопросы; но, вопервыхъ, у него не доставало твердости характера и выдающихся способностей для борьбы; затрудняло его и разстройство денежныхъ дѣлъ, наконецъ болѣзненное состояніе, невозможность постоянно слѣдить за дѣлами, противодѣйствовать чуждымъ вліяніямъ. Несмотря на то, Воронцовъ боролся сколько могъ. Въ запискѣ объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ, поданной императору 23-го января, Воронцовъ говорилъ: «россійскій императорскій дворъ принялъ въ войнѣ противъ короля прусскаго участіе по двумъ причинамъ: первая состояло въ томъ, чтобъ умножившуюся чрезъ мѣру силу сего государя, которая всѣмъ сосѣднимъ дворамъ становилась страшною, возвратитъ для будущей безопасности въ умѣренные предѣлы и отворитъ себѣ въ европейскія, а особливо имперскія дѣла путь, и ближайшую инфлюенцію, которыя по натуральному своему интересу старался король прусскій затруднять явнымъ образомъ; наипаче же не допустить его до новыхъ завоеваній, слѣдственно, при уменьшеніи силъ сосѣдовъ его, и до вящаго приращенія; а другая (причина) происходила отъ принятыхъ съ вѣнскимъ дворомъ общихъ обязательствъ». Въ заключеніе записки, упомянувъ, что едвали аугсбургскій конгрессъ можетъ теперь повести къ миру, Воронцовъ продолжаетъ: «Вашему импер. величеству предоставлено отъ Всевышняго Провидѣнія слава совершить къ общему благополучію сіе великое дѣло. Россія чувствуетъ тягость войны, но меньше другихъ: не претерпѣла она во внутреннихъ своихъ провинціяхъ опустошенія и не знаетъ, каковы бываютъ слѣды непріятельскаго нашествія. Отъ высочайшей вашего импер. величества воли зависитъ употребить къ поспѣшествованію мира тѣ способы, кои вы сами избрать изволите; но должности моей дѣло представить, что нужно весьма объявить союзнымъ дворамъ о правилахъ, по какимъ ваше величество впредь систему имперіи вашей учредить намѣрены. Многожды оказывали они всѣ, что искренне желаютъ мира, да нельзя имъ онаго не желать, когда послѣдніе истощаются способы къ продолженію

войны, но желаютъ прочнаго и удовлетворительнаго. Не меньше надобень миръ Англїи и королю прусскому. Первая изнурила себя, при всѣхъ своихъ успѣхахъ, жертвованіемъ ужасныхъ суммъ, отъ которыхъ народный кредитъ, все богатство ея составляющій, однимъ ударомъ невозвратно потрясти можетъ; а король прусскій видитъ большую часть земель своихъ разоренными почти въ конецъ. Трудность состоитъ въ томъ, какъ согласовать множество толь разнствующихъ интересовъ; но нужда заставитьъ каждаго уменьшать свои требованія и довольствоваться чѣмъ ни есть малымъ вмѣсто того, чтобъ, гонясь за мечтами, доводить себя до крайности и совершеннаго изнеможенія».

Представленіи канцлера не могли быть приняты: въ нихъ указывалось на необходимость для Россіи принять участіе въ Семилѣтней войнѣ для сдержанія прусскаго короля; въ нихъ совѣтовалось принять вооруженное посредничество и склонить всѣхъ умѣрить свои требованія, тогда какъ было рѣшено заставитьъ всѣхъ отказаться отъ своихъ требованій и удовлетворить требованіямъ одного короля прусскаго. Для достиженія этой цѣли мѣшала противная елисаветинская конференція, начавшая и поддерживавшая съ такимъ постоянствомъ борьбу противъ Фридриха II-го; ея члены и теперь не откажутся отъ своихъ мнѣній. 29-го января объявленъ указъ о небытіи конференціи и о принятіи изъ нея дѣлъ частію въ Сенатъ, частію въ иностранную Коллегію. Воронцовъ счелъ своею обязанностію представить о рановременности этой мѣры, облакая это представленіе въ самыя льстивыя формы: «Достойно и праведно превозносить съ благоговѣніемъ монаршее в. и. в. намѣреніе, прямо великаго самодержца достойное, чтобъ всѣ дѣла управлять собственнымъ вашимъ трудомъ и руководствовать вашимъ просвѣщеніемъ. Въ семъ разсужденіи не настоятъ дѣйствительно никакой надобности продолжать конференцію или учредить другой совѣтъ, и я крайне удаленъ что-либо такое вашему величеству представлять, что бы противно было монаршему намѣренію всѣ дѣла своимъ трудомъ управлять. Но, почитая главною и существительною всеподданнѣйшею должностію содѣйствовать сему великодушному о пользѣ и славъ имперіи вашей попеченію, обязаннымъ себя нахожу всеподданнѣйше представить: 1) что генеральныя дѣла

Европы въ такую теперь кризу пришли, что систему или со-всѣмъ новую принять, или же во многомъ переимѣнить надобно будетъ. Сію новую систему составить, ни одной пользы не про-пустить, а все то предусмотрѣть, что слѣдствіи вреднаго про-извести могутъ и всѣ распоряженія согласно тому учредить, не можетъ ни Сенатъ, ни иностранная Коллегія. Пачеже 2) когда пойдутъ дѣла на перепискахъ между Сенатомъ и Коллегіями, то секретъ подверженъ во многихъ рукахъ великой опасности, а дѣла промедленію, а притомъ и то легко случиться можетъ, что между разными мѣстами произойдутъ отъ неясности разныя мнѣнія, отъ того несогласія, а отъ несогласія разногласные в. и. в-ству доклады». Изъ этого канцлеръ выводилъ необходи-мость или продолжить конференцію или учредить какой-нибудь тому подобный совѣтъ съ прежними или другими членами. Воронцовъ рѣшился даже защитить старую конференцію: «Я почти напередъ увѣрить смѣю, что чрезъ краткое время конференція прилежными трудами и ревнительнымъ исполненіемъ монаршей вашей воли, удостоится высочайшей апробаціи и довѣренности, какъ я и теперь предъ в. и. в. по чести и съ чистою совѣстію справедливо засвидѣтельствовать могу, что управление ея по сію пору дѣлами было всегда руководствовано истиннымъ и усерд-нымъ о пользѣ государственной попеченіемъ и патриотическою къ в. в. вѣрностію, да и не сдѣлано опять здѣшнему двору ни отъ кого нареканія, но наче служило къ пріобрѣтенію оному у всѣхъ дворовъ почтенія». ⁵⁷ Это патриотическое заявленіе о па-триотической вѣрности конференціи уничтожало дѣйствіе ея, востановлена, и совѣтъ съ самымъ неопредѣленнымъ характеромъ былъ учрежденъ только 20-го мая, а между тѣмъ новая си-стема устанавливалась подъ руководствомъ прусскаго министра Гольца.

Уже было упомянуто, что разстройство въ денежныхъ дѣлахъ увеличивало печальное положеніе канцлера. Въ мартѣ онъ былъ принужденъ подать императору просьбу: «Я теперь болѣе 200,000 рублей долгу на себѣ имѣю и не остается мнѣ другаго спосо-ба, какъ всенижайше просить в. и. в., дабы изъ великодушія и особливо ко мнѣ милости высочайше повелѣть изволили домъ мой со всѣми уборами въ казну взять, съ заплатою изъ монетной

канцеляріи или мѣднаго банка 250,000 рублей (которые по истинной цѣнѣ новой монеты сочиняють только 62,500 рублей); а ежели неугодно будетъ домъ мой за оную цѣну взять, то повелѣть изъ мѣднаго банка безъ процентовъ выдать мнѣ взаймы 300,000 рублей. Довольно понимаю я, всемилостивѣйшій государь, что въ настоящихъ обстоятельствахъ казна в. в. великіе расходы имѣть должна; но когда нынѣ, при счастливомъ вашемъ царствованіи Всемогущій Богъ Европѣ драгоцѣнный миръ испосылаетъ, слѣд. и всѣ чрезвычайныя въ государствѣ издержки прекратятся, а по возвращеніи арміи и расточенные многіе милліоны въ Россію возвратиться имѣють, то и полагаюсь я съ совершенною надеждою на сродное в. и. в. милосердіе, что сіе мое всеподданнѣйшее прошеніе милостиво услышать соизволите.

Затруднительныя денежныя обстоятельства заставляли Воронцова держаться своего мѣста, хотя онъ чувствовалъ, что со степени канцлера низошелъ на степень правителя канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, заготовляющаго бумаги по требованіямъ объявленнымъ ему Гольцомъ или принцемъ Георгіемъ Голштинскимъ. Воронцовъ видѣлъ себя принужденнымъ подчиниться требованію Петра, чтобъ не смѣлъ поперечить ему въ прусскихъ дѣлахъ. Но иногда горечь положенія становилась нестерпимою, и въ одну изъ такихъ минутъ Воронцовъ писалъ Петру: «Несчастное состояніе чрезъ продолженіе долговременной моей болѣзни и слабости лишаетъ меня удовольствія видѣть часто дражайшія очи в. и. в. и получать монаршія ваши повелѣнія, равно какъ и по званію чина и должности моей имѣть счастье по дѣламъ докладывать в. в.—ству. Сіе несчастное для меня состояніе мнѣ крайнюю печаль приносить, что я какъ по вѣрности и усердной моей ревности, такъ паче по преданности моей къ собственной персонѣ в. в.—ства и къ службѣ вашей, не могу надлежаще, какъ я желаю, должность мою исполнить и принужденъ чрезъ пересылку и чрезъ третьи руки в. в.—ству доклады чинить, подвергаясь тѣмъ нѣкоторому непріятному истолкованію и гнѣву, какъ и въ самомъ дѣлѣ случилось, якобы в. и. в.—ству чрезъ господина Волкова донесено, что я предпріятія ваши противъ Дави химерическими поставлялъ, когда я говорилъ, что рановременнымъ походомъ нашей арміи безъ заготовленія довольныхъ магазейновъ въ пути въ Германіи и безъ готовыхъ въ на-

личности великихъ суммъ денегъ, безъ подкрѣпленія сильнаго флота и безъ помощи короля прусскаго или какой-либо другой державы сей походъ былъ бы совсѣмъ безплоденъ и къ невозвратному убытку и безславію послѣдовалъ, что и нынѣ по совѣсти и вѣрности моей къ в. в.—ству иного сказать не могу. В. и. в. повелѣли мнѣ поступать согласно съ мнѣніемъ вашимъ въ разсужденіи склонности вашей къ его в.—ству королю прусскому. Мое наиглавнѣйшее правило было и нынѣ есть да и впредь будетъ исполнять во всемъ волю моихъ самодержцевъ, въ чемъ я и ни малѣйше не престаю. В. и. в. соизволите быть совершенно увѣрены, что я ни къ какой державѣ ни малѣйшей предилекціи не имѣлъ и нынѣ не имѣю; а что касается до мирнаго трактата съ е. в. королемъ прусскимъ, я до нынѣ о содержаніи его никакого сообщенія и свѣдѣнія не имѣю и не знаю ни воли, ни намѣренія вашего, на какихъ кондиціяхъ оный постановленъ и заключенъ быть имѣетъ. Впрочемъ я съ крайнею горестію слышалъ отзывъ вашъ, якобы я къ Франціи преданъ былъ. Сіе мнѣ смертельную печаль наноситъ; ежели в. в. о вѣрности моей къ вамъ и отечеству сумнѣнія имѣть изволите, я конечно недостоинъ ни единого часа въ званіи чина моего остаться: сего ради, припадая къ стопамъ вашимъ, всеижайше прошу отъ сего напраснаго нареканія и горестной печали меня освободить, и буде, по несчастію и паче чаянія моего, какое-либо сомнѣніе, ненадежность или неугодность въ продолженіи моей службы в. в. имѣть изволите, то всеижайше прошу пожаловать меня милостиво уволить и дать мнѣ свободу остальное время страждущей моей жизни въ тишинѣ и покоѣ препроводить, не лишая меня, но паче обнадежа монаршею в. в. протекціею, которую я при сохраненіи репутаціи моей внутри и внѣ отечества почту себѣ за верхъ благополучія моего, предпочитая всякому видимому награжденію и многимъ сокровищамъ. Я не могу и не умѣю лицѣмривить и льстить, а хочу и стараюсь в. в.—ству служить съ честію и славою, равно какъ съ доброю вѣрою и правдою, и въ сихъ сентиментахъ до конца жизни моей пребуду, и ежели иногда завидующіе мнѣ и недоброжелательные какія-либо внушенія противъ меня в. в.—ству учинили, всеижайше прошу для оправданія моего мнѣ немедленно дать звать. Что же касается до даннаго мнѣ вчера пове-

ѣнія говорить англійскому министру Кейту о присылкѣ нынѣшнимъ лѣтомъ въ диспозицію вану англійскаго флота, я при первомъ свиданіи съ г. Кейтомъ говорить буду; токмо в. в. съ англійскимъ дворомъ союзнаго трактата не имѣете, и что Англія, будучи нынѣ въ двойной войнѣ противъ Франціи и Гішпаніи, не въ состояніи, да и безъ взаимныхъ себѣ отъ васъ авантажей не похочетъ прислать нѣкоторое число кораблей, къ тому же, сколько мнѣ извѣстно, Англія уже декларовала, что въ имѣющихся расприхъ между в. и. в.—ствомъ и королемъ датскимъ участія принимать не будетъ, то сіе требованіе можетъ подвержено быть непріятному отказу, а о семъ дѣлѣ испрашиваю я дальнѣйшаго повелѣнія»⁵⁸.

Подлѣ великаго канцлера видимъ и вице-канцлера, князя Александра Мих. Голицына, перемѣщеннаго въ послѣднее время елисаветинскаго царствованія изъ Лондона; но если и канцлеръ не зналъ о важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней политики, то тѣмъ менѣе зналъ объ нихъ вице-канцлеръ. Въ послѣднее время Елисаветинскаго царствованія канцлеру помогаль Ив. Ив. Шуваловъ, котораго мы видимъ и участвующимъ въ конференціяхъ съ иностранными послами. Но при Петрѣ III Шуваловъ долженъ былъ потерять всякое вліяніе по противоположности тѣхъ началъ въ политикѣ, которыя онъ проводилъ *въ свое время*, съ началами, господствовавшими теперь. Ему предоставлена была скромная въ то время дѣятельность въ завѣдываніи учебными заведеніями; и тутъ онъ долженъ былъ обращаться къ Волкову за совѣтомъ, какъ ему лучше сдѣлать императору необходимыя по устройству ввѣренныхъ ему учрежденій представленія, при чемъ долженъ былъ выставлять важное значеніе этихъ учрежденій: «Вы лучше меня знаете, писалъ онъ Волкову, что счастье государства состоитъ въ томъ, когда всѣ части, его образующія, направляются стройно и опредѣленно. Я поручаю вашей благосклонности двѣ изъ таковыхъ частей, которыя въ образованный вѣкъ составляютъ славу и честь народовъ, именно науки и искусства. Въ моемъ завѣдываніи находится университетъ и академія (художествъ), и мнѣ нужны правила, мнѣ нужны инструкціи»⁵⁹.

Ив. Ив. Шуваловъ призналъ необходимымъ для себя, для своей славы быть безкорыстнымъ и не искать почестей; въ одномъ

изъ своихъ писемъ онъ говорить, что отказался отъ званія вице-канцлера и отъ земель, которыя предлагалъ ему Петръ Ш, приводить въ свидѣтели Гудовича, какъ онъ, Шуваловъ, на колѣняхъ умолялъ императора избавить его отъ всѣхъ знаковъ милости ⁶⁰. Но онъ не могъ быть доволенъ, потерявши всякое вліяніе, на которое считалъ себя въ правѣ по своимъ нравственнымъ средствамъ; онъ не могъ быть доволенъ, когда система, которой онъ такъ ревностно служилъ, была ниспровергнута, когда все пошло такимъ образомъ, что бѣда грозила Россіи внутри и униженіе извнѣ. Шуваловъ высказалъ свое неудовольствіе; тогда съ нимъ перестали обращаться съ прежнею благосклонностію, и Шуваловъ счелъ нужнымъ держать себя въ отдаленіи отъ двора и отъ особы императора. Пруссаки, Гольцъ и Шверинъ произвели Шувалова въ главы заговора. «Первый и самый опасный человѣкъ здѣсь, писалъ Шверинъ Фридриху II, это Ив. Ив. Шуваловъ, фаворитъ покойной императрицы. Этотъ человѣкъ, живущій интригами, хотя внутренно и ненавидимъ императоромъ, однако такъ хорошо умѣлъ уладить свои дѣла посредствомъ друга своего генерала Мельгунова, любимца императора, что государь поручилъ ему кадетскій корпусъ и главный надзоръ за дворцомъ, должности, которыя дѣлаютъ пребываніе его въ столицѣ необходимымъ, тогда какъ это самый вредный и опасный человѣкъ! Этотъ господинъ не умѣетъ притворяться и скрывать недостойные и позорные замыслы, питаемые имъ въ сердцѣ. Бѣшенство и негодованіе написаны на его лицѣ, и я готовъ прозакладывать что угодно, что у негодня страшные планы въ головѣ. Второй изъ этихъ вредныхъ людей есть генераль Мельгуновъ; онъ пожалуй былъ бы еще опаснѣе перваго, еслибы былъ также уменъ. Императоръ совершенно ему довѣрился; а между тѣмъ этотъ человѣкъ, вмѣстѣ съ господиномъ Иваномъ Ивановичемъ и еще однимъ Волковымъ, самые главные его враги и ждуть только перваго удобнаго случая, чтобъ лишить его престола. Я пространно говорилъ объ этомъ съ императоромъ, и даже назвалъ имена опасныхъ лицъ; но его величество отвѣчалъ, что знаетъ о неблагонамѣренности этихъ людей, но онъ далъ имъ столько занятій, что у нихъ нѣтъ досуга думать о заговорахъ и потому онъ безопасенъ съ этой стороны. Очень прискорбно, что этотъ государь такъ побла-

жаеть этимъ господамъ, которые живутъ одною мыслию, какъ бы его погубить, а чрезъ удаленіе этихъ негодаевъ онъ могъ бы сидѣть на престолѣ совершенно покойно. Но какъ нарочно онъ готовъ дать имъ самый благопріятный случай, которымъ они конечно какъ можно скорѣ воспользуются: императоръ рѣшился принять лично начальство надъ войскомъ, назначеннымъ противъ Датчанъ.»

И такъ Ив. Ив. Шуваловъ глава заговора, по увѣренію Гольца и Шверина, онъ ждетъ только удаленія Петра изъ Россіи, чтобъ свергнуть его: ясно, что если Петръ непременно хочетъ уѣхать, то нельзя оставлять безъ него Шувалова въ Петербургѣ. Петръ самъ говоритъ Шувалову: «Прусскій король мнѣ пишетъ, что ни одинъ изъ подозрительныхъ мнѣ людей, не долженъ оставаться въ Петербургѣ въ мое отсутствіе.» Шуваловъ могъ подумать, что это къ нему вовсе не относится; но въ слѣдъ за тѣмъ Петръ чрезъ Мельгунова велѣлъ сказать Шувалову, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ въ армію въ качествѣ волонтера ⁶¹.

Ив. Ив. Шуваловъ не могъ быть главою заговора, потому что не былъ способенъ къ этому по своей природѣ; но важно то, что Гольцъ и Шверинъ говорятъ о его сильномъ неудовольствіи, котораго онъ не могъ скрыть, говорятъ о бѣшенствѣ и негодованіи, написанномъ на его лицѣ. Но еще важнѣе то, что Гольцъ и Шверинъ считаютъ заговорщиками и Мельгунова съ Волковымъ и этимъ вполне подтверждаютъ показанія Волкова относительно ненависти къ нему Прусаковъ и принца Георгія: «Принцъ Георгій, говоритъ Волковъ, озлобился на меня столькожъ, какъ Гольцъ, буде не больше, будучи наущаемъ и съ другой стороны Хорватами и Глѣбовыми, и до того дошелъ, что 9-го іюня, будучи пьянъ, слѣдовательно, откровененъ и искрененъ, обвинилъ меня ненавистію къ Нѣмцамъ, угрожая доказать мнѣ, какъ дважды два четыре, что я тотъ человекъ, который составилъ проектъ выгнать изъ Россіи всѣхъ Нѣмцевъ, и сему странному происшествію, а моей на весь день горести, былъ весь дворъ свидѣтель».

Прусаки ничего не говорятъ о Глѣбовѣ, вѣроятно потому, что онъ не имѣлъ вліянія на иностранныя дѣла. Два главные дѣльца Волковъ и Глѣбовъ были въ ссорѣ и старались вредить другъ другу. Смотря потому, что Глѣбовъ, при перемѣнѣ пра-

вительства, остался въ прежнемъ значеніи, нельзя думать, чтобъ его считали очень довольнымъ при Петрѣ; да и трудно было кому-нибудь быть довольнымъ при анархіи, когда не было никакой силы, на которую можно было бы опереться, когда, захвативши удобную минуту, можно было провести какое-нибудь дѣло, но это дѣло раздѣлялось другимъ въ слѣдующую минуту. Такимъ образомъ люди, которые на первыхъ порахъ, желали и могли поддерживать правительство Петра III, дѣлать его популярнымъ, очень скоро увидали, что ничего сдѣлать не въ состояніи, и съ отчаяніемъ смотрѣли на будущее отечества, находившееся въ рукахъ иностранцевъ бездарныхъ и министровъ чужого государя, накануне бывшаго заклятымъ врагомъ Россіи.

Къ неудовольствію отдѣльныхъ лицъ присоединилось неудовольствіе могущественныхъ сословій—духовенства, войска. Рѣзкое, крутое рѣшеніе вопроса о церковныхъ имуществѣхъ возбудило сильное негодованіе духовенства. Гольцъ доносилъ своему государю 25-го мая: «Духовенство подало императору представленіе на русскомъ и латинскомъ языкахъ, гдѣ жалуется на насилія и странныя поступки съ собою въ слѣдствіе указа объ отобраніи церковныхъ имуществъ; такихъ поступковъ духовенство не могло ожидать и отъ варварскаго правительства, а теперь принуждено терпѣть ихъ отъ правительства православнаго, и это тѣмъ горестнѣе, что духовные люди терпятъ насиліе потому только, что они суть служители Божіи. Эта бумага, подписанная архіепископами и многими изъ духовенства, составлена въ чрезвычайно сильномъ тонѣ: это не просьба, а скорѣе протестъ противъ государя. Донесенія, полученные вчера и третьяго дня отъ воеводъ отдаленныхъ областей, говорятъ о стараніи духовенства подуть народъ противъ монарха. Въ донесеніяхъ говорится, что духъ мятежа и неудовольствія сталъ до того всеобщимъ, что они, воеводы, не знаютъ, какія мѣры предпринять, а потому требуютъ настановленій отъ правительства». Мы знаемъ, что крестьянскія возстанія были сильныя и не въ однихъ отдаленныхъ областяхъ, но знаемъ также, что причины ихъ были другія, и потому можемъ не принимать второй половины Гольцова извѣстія; но первую не принять трудно. Когда Петръ былъ великимъ княземъ, то выражалъ свое нерасположеніе къ русскому духовенству ребяческимъ образомъ, высываніемъ языка

священникамъ и дьяконамъ во время богослуженія ⁶². Но теперь дѣло пошло серіознѣе. 26-го марта былъ данъ императоромъ такой указъ Синоду: «Уже съ давняго времени къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну примѣчено, что приходящія въ Синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ Синодѣ или не исполняется существительная онаго должность или же и того хуже дѣлается одна только потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семь пунктѣ Синодъ походить больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ. Приложенныя при семь челобитныя черниговской епархіи священника Бордяковского и діакона Шаршановскаго суть новымъ и неоспоримымъ тому доказательствомъ, ибо несмотря на данныя Синоду еще съ 1754 года именныя указы о рѣшеніи ихъ дѣла неисполнены потому и донинѣ, а только отсылаются они на разсмотрѣніе въ ту же епархію. Мы видимъ, какія тому причины могутъ быть поводомъ, но оныя соблазнительнѣе еще самаго дѣла. Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ Синоду чрезъ сіе стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить и не только по симъ двумъ челобитнымъ немедленное рѣшеніе здѣсь сдѣлать, но и всегда по подобнымъ здѣсь же рѣшить, нашимъ императорскимъ словомъ чрезъ сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины накажется какъ злѣйшее государственное преступленіе, а сей указъ не токмо для всенароднаго извѣстія напечатать, но въ Синодѣ къ настоячимъ указамъ присокупить ⁶³.» Для наблюденія, чтобъ не было неправильностей въ ходѣ дѣлъ, въ Синодѣ былъ оберъ-прокуроръ: оберъ-прокурору нужно было сдѣлать строгое внушеніе, смѣнить его, если онъ не исполнялъ своихъ обязанностей, или поддерживать его въ борьбѣ съ членами коллегіи, когда онъ ратовалъ противъ «нарушенія истины,» въ оскорбительныхъ же указахъ не было никакой нужды.

Черное духовенство было раздражено внезапнымъ отнятіемъ

монастырскихъ вотчинъ; бѣлое—повелѣніемъ брать въ военную службу священническихъ и дьяконскихъ сыновей; а тутъ раздраженнымъ дается средство передавать свое раздраженіе и другимъ. Упомянувъ о нѣкоторыхъ постановленіяхъ новаго царствованія, возбудившихъ удовольствіе, русскій современникъ говоритъ: «Но послѣдовавшія за тѣмъ другія распоряженія императора возбудили сильный ропотъ и негодованіе въ подданныхъ, и болѣе всего то, что онъ вознамѣрился было перемѣнить совершенно религію нашу, къ которой оказывалъ особенное прервеніе. Онъ призвалъ первенствующаго архіерея (новгородскаго) Дмитрія Сѣченова и приказалъ ему, чтобъ въ церквахъ оставлены были только иконы Спасителя и Богородицы, а другихъ бы не было, также, чтобъ священники обрили бороды и носили платье какъ иностранные пасторы. Нельзя изобразить, какъ изумился этому приказанію архіепископъ Дмитрій. Этотъ благо-разумный старецъ не зналъ, какъ и приступить къ исполненію такого неожиданнаго повелѣнія и усматривалъ ясно, что государь имѣлъ намѣреніе перемѣнить православіе на лютеранство. Онъ принужденъ былъ объявить волю государеву званѣйшему духовенству, и хотя дѣло на этомъ до времени остановилось, однако произвело во всемъ духовенствѣ сильное неудовольствіе, содѣйствовавшее потомъ очень много перевороту ⁶⁴» Домовыя церкви были запечатаны. Писатель иностранный, сочувствующій Петру, выставляетъ все неблагоразуміе распоряженія относительно выноса иконъ изъ церкви, прибавляя, что Дмитрій Сѣченовъ за протестъ противъ этой мѣры былъ удаленъ, но скоро опять возвращенъ изъ страха предъ народнымъ неудовольствіемъ ⁶⁵.

Къ неудовольствію духовенства присоединилось неудовольствіе войска. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго царствованія было распущеніе елисаветинской лейбъ-компаніи. Уничтоженіе этой «гвардіи въ гвардіи» разумѣется могло возбудить только удовольствіе, еслибы на мѣстѣ старой русской лейбъ-компаніи не увидали тотчасъ же новой, только иностраннаго происхожденія, голштинской гвардіи, пользовавшейся явнымъ предпочтеніемъ императора, что и возбуждало сильнѣйшее неудовольствіе въ русской гвардіи. Первенствующее значеніе въ войскѣ получилъ иностранный принцъ, Георгъ голштинскій, не имѣвшій ника-

нихъ заслугъ и постаравшійся тотчасъ же своимъ характеромъ и поступками возбудить противъ себя ненависть. Самъ Гольцъ долженъ былъ потомъ сознаться предъ Фридрихомъ II, что принцъ Георгій много содѣйствовалъ возбужденію сильной ненависти противъ Нѣмцевъ и ускорилъ паденіе своего государя ⁶⁶. Опять, какъ во времена Бирона, стали говорить, что гвардіи придетъ скоро конецъ, что ее распредѣлять по армейскимъ полкамъ; Петръ, будучи еще великимъ княземъ, часто говорилъ, что гвардейцы, живя въ своихъ казармахъ съ семействами, точно держатъ резиденцію въ осадѣ и будутъ опасны правительству; Петръ называлъ гвардейцевъ янычарами ⁶⁷. При такихъ основныхъ причинахъ неудовольствія все несправилось, все возбуждало ропотъ, роптали на перемѣну формы, на частое и долгое ученье по новому, прусскому образцу. Русскій современникъ очевидецъ такъ говоритъ о неудовольствіи въ войскѣ и его причинахъ: «Негодование во многихъ произвелъ и число недовольныхъ собою увеличилъ онъ Петръ и тѣмъ, что съ самаго того часа, какъ скончалась императрица, не сталъ уже онъ болѣе скрывать той непомѣрной приверженности и любви, какую имѣлъ всегда къ королю прусскому. Онъ носилъ портретъ его на себѣ въ перстнѣ непрерывно, и другой, большой повѣшенъ былъ у него подлѣ кровати. Онъ приказалъ тотчасъ сдѣлать себѣ мундиръ такимъ покроемъ, какъ у Прусаковъ, и не только сталъ самъ всегда носить оный, но восхотѣлъ и всю гвардію свою одѣть такимъ же образомъ; а сверхъ того носилъ всегда на себѣ и орденъ прусскаго короля, давая ему преимущество предъ всѣми русскими. А всѣмъ тѣмъ не удовольствуясь, восхотѣлъ перемѣнить и мундиры во всѣхъ полкахъ, и вмѣсто прежнихъ одноцвѣтныхъ зеленымъ подѣлалъ разноцвѣтные узкіе, и такимъ покроемъ, какимъ шьются у Прусаковъ оныя. Наконецъ и самымъ полкамъ не велѣлъ болѣе называться по прежнему, по именамъ городовъ, а именоваться уже по фамиліямъ своихъ полковниковъ и шефовъ; а сверхъ того, введя уже во всемъ настражайшую военную дисциплину, принуждалъ ихъ ежедневно экзерцироваться, не смотря, какая бы погода ни была, и всѣмъ тѣмъ не только отяготилъ до чрезвычайности всѣ войска, но и огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, и особливо отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе ⁶⁸».

Вельможи, старики, имѣвшіе почетное мѣсто въ гвардіи, должны были подчиниться новымъ порядкамъ, если не хотѣли навлечь на себя неудовольствія и насмѣшекъ императора. Извѣстный Болотовъ, пріѣхавшій въ это время въ Петербургъ, такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него проходившимъ отрядомъ гвардіи: «шелъ тутъ строемъ detachmentъ гвардіи, разряженный, распудренный и одѣтый въ новые тогдашніе мундиры и маршировалъ церемонію. Но ничто меня такъ не поразило, какъ идущій предъ первымъ взводомъ низенькій и толстенный старичокъ съ своимъ эспантономъ и въ мундирѣ, унизанномъ золотыми нашивками, со звѣздою на груди и голубою лентою подъ кафтаномъ и едва примѣтною». — «Это что за человекъ? спросилъ я. — «Какъ! развѣ вы не узнали? это князь Никита Юрьевичъ Трубецкой!» — «Какъ же это? я считалъ его дряхлымъ и такъ болѣзненною ногъ отягощеннымъ старикомъ, что, какъ говорили, онъ затѣмъ и во дворецъ и въ Сенатъ по нѣскольку недѣль не ѣздилъ, да и дома до него не было почти никому доступа?» — «О! отвѣчали мнѣ: это было во время оно; а нынѣ, рече Господь, времена перемѣнились, нынѣ у насъ больные и небольшие, и старички самые поднимаютъ ножки и, на ряду съ молодыми, маршируютъ и также хорошононько топчутъ и мѣсятъ грязь какъ солдаты»⁶⁹. Старшій Разумовскій, Алексѣй Григорьевичъ избавился отъ подобнаго положенія увольненіемъ отъ всѣхъ должностей; но младшій, гетманъ Кирилла долженъ былъ держать у себя на дому молодого офицера, который давалъ ему уроки въ новой прусской экзерциціи⁷⁰, и все же не спасался отъ выговоровъ и насмѣшекъ Петра III, и говорили, что императоръ находилъ особенное удовольствіе смѣяться надъ Разумовскимъ, неспособнымъ, по природѣ, къ военнымъ упражненіямъ⁷¹.

Много веселыхъ минутъ доставляли императору также придворныя дамы, которыхъ онъ заставлялъ перемѣнить старый русскій поклонъ на французское присѣданье; многіе дамы, особенно старухи, никакъ не умѣли приловчиться къ присѣданью, и комическое положеніе ихъ при этомъ доставляло Петру величайшее удовольствіе: онъ наблюдалъ за ними и потомъ передразнивалъ⁷². — «Я была очень смѣшлива, рассказывала потомъ одна знатная дама-современница: государь бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя⁷³».

Сильное неудовольствіе распространялось въ Петербургѣ; но и въ мѣстахъ отдаленныхъ не могли не замѣтить, что въ правительственной машинѣ какое-то разстройство. Въ началѣ царствованія государь велѣлъ перевести мануфактуръ-коллегію изъ Москвы въ Петербургъ; но потомъ опять указъ: «хотя и повелѣли Е. И. В. мануфактуръ-коллегію изъ Москвы взять сюда, а тамъ Контору оставить: но какъ всѣ фабрики или въ Москвѣ или по близости отъ оной, и здѣсь такъ мало, что и ни въ какое противъ того сравненіе поставить нельзя, слѣдовательно мануфактуръ-коллегія, будучи здѣсь, имѣла бы, такъ сказать, заочное за своею должностію смотрѣніе, то повелѣваетъ коллегію паки немедленно къ Москвѣ возвратить; а здѣсь по прежнему Контору оставить ⁷⁴». 9 января именнымъ указомъ уничтожены полицеймейстеры въ городахъ, полиція поручена губернскимъ провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ; а 22 марта именнымъ же указомъ полицеймейстеры возстановлены ⁷⁵.

И въ мѣстахъ отдаленныхъ видѣли разстройство въ правительственной машинѣ; въ Петербургѣ видѣли отъ чего происходитъ это разстройство. Въ слѣдствіе дѣтской слабости характера Петръ быстро перенималъ все у людей, среди которыхъ обращался, къ которымъ привязывался. Пристрастившись къ голштинскимъ офицерамъ, заключившись въ ихъ обществѣ, Петръ перенялъ казарменные привычки и грубый кутежъ сдѣлалъ своимъ любимымъ препровожденіемъ времени. При императрицѣ Елисаветѣ о табакѣ не было слышно во дворцѣ, потому что она терпѣть его не могла, и самъ Петръ сначала не могъ его терпѣть; но какъ скоро увидалъ, что Голштинцы, которыхъ онъ считалъ образцовыми людьми, героями, куряты, то и началъ курить. Когда прежній наставникъ его Штелинь изумился, увидавъ его въ первый разъ съ трубкою за пивомъ, то Петръ сказалъ ему: «чему ты удивляешься, глупая голова! развѣ ты видалъ хотя одного настоящаго браваго офицера который бы не курилъ?» За пивомъ послѣдовало и вино ⁷⁶. «Всеобщія негодованія, по словамъ современника-очевидца Болотова, увеличались еще болѣе, когда стали разсѣиваться повсюду слухи и достигать до самаго подлага народа, что государь не успѣлъ вступить на престолъ, какъ предался публично всѣмъ своимъ невоздержностямъ и совсѣмъ неприличнымъ такому великому монарху дѣламъ, и что онъ не

только съ графинею Воронцовою, какъ съ публичною своею любовницею, препровождалъ почти все свое время, но сверхъ того, въ самое еще то время, когда скончавшаяся императрица лежала въ дворцѣ еще во гробѣ, цѣлыя ночи провождалъ съ любимцами, льстецами и прежними друзьями своими, въ пиршествахъ и питьѣ, приглашая иногда къ тому такихъ людей, которые ни мало не достойны были общества и дружескаго собесѣдованія съ императоромъ, какъ напримѣръ, италіянскихъ театральныхъ пѣвицъ и актрисъ, вкупѣ съ ихъ толмачами; а что всего хуже, разговаривая на пиршествахъ таковыхъ въявь обо всѣхъ и обо всемъ, и даже о самыхъ величайшихъ тайнствахъ и дѣлахъ государственныхъ.... Голосъ у него былъ очень громкій, скаросый и неприятный, и было въ немъ нѣчто особое и такое, что отличало его такъ много отъ всѣхъ прочихъ голосовъ, что можно было его не только слышать издалека, но и отличать отъ всѣхъ прочихъ». Болотовъ былъ адъютантомъ главнаго начальника полиціи, генерала Корфа (Николая), ѣздилъ съ нимъ во дворецъ и наблюдалъ издали, что тамъ происходило за обѣдами и ужинами. «Мы, говоритъ онъ, могли всегда въ растворенныя двери слышать, что государь ни говорилъ съ другими, а иногда и самого его и всѣ дѣянія видѣть. Но сіе было для насъ удовольствіемъ только сначала, а въ послѣдствіи времени скоро дошло до того, что мы желали уже, что бы таковые разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо какъ рѣдко стали уже мы заставать государя трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ, а всего чаще уже до обѣда нѣсколько бутылокъ аглинскаго пива, до котораго онъ былъ превеликій охотникъ, уже опорознившимъ, то сіе и бывало причиною, что онъ говаривалъ такой вздоръ и такія нескладницы, что при слушаніи оныхъ обливалось даже сердце кровію отъ стыда предъ иностранными министрами, видящими и слышащими то и безсомнѣнно смѣющимися внутренно. Истинно, бывало, вся душа такъ поражается всѣмъ тѣмъ, что бѣжалъ бы неогладкою отъ зрѣлища таковаго: такъ больно было все то видѣть и слышать. Но никогда такъ много не поражался я досадными зрѣлищами таковыми, какъ въ то время, когда случалось государю ѣзжать обѣдать къ кому-нибудь изъ любимцевъ и вельможей своихъ и куда должны были послѣдовать всѣ тѣ, къ которымъ оказывалъ онъ отмѣнное свое благоволеніе, какъ напр.

и генералъ мой и многіе другіе, а за ними и всѣ ихъ адъютанты и ординарцы. Табунъ бывало цѣлый поскачетъ вслѣдъ за поѣхавшими, и хозяинъ успѣвай только всѣхъ угаживать и потчивать. Одни только трубки и табакъ приваживали мы съ собою изъ дворца свои. Ибо какъ государь былъ охотникъ до куренія табака и любилъ, чтобъ и другіе курили, а всѣ тому натурально въ угодность государю и подражать старались; то и приказывалъ государь всюду, куда ни поѣдетъ, возить съ собою цѣлую корзину голандскихъ глиняныхъ трубокъ и множество картузовъ съ кнастеромъ и другими табаками, и не успѣемъ куда пріѣхать, какъ и закурятся у насъ нѣсколько десятковъ трубокъ и въ одинъ мигъ вся комната наполнится густѣйшимъ дымомъ, а государю то было и любо, и онъ ходючи по комнатѣ только что шутилъ, хвалилъ и хохоталъ. Но сіе куда бы уже ни шло, еслибъ не было ничего дальнѣйшаго и для всѣхъ Россіянъ постыднѣйшаго. Но то-то и была бѣда наша! Не успѣютъ, бывало, сѣсть за столъ, какъ и загремятъ рюмки и покалы и столъ прилежно что вставши изъ-за стола, сдѣлаются иногда всѣ какъ маленькіе ребячочки и начнутъ шумѣть, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущія. А однажды, какъ теперь вижу, дошли до того, что вышедши съ балкона прямо въ садъ, ну играть всѣ тутъ на усыпанной пескомъ площадкѣ, какъ играютъ маленькіе ребятки; ну всѣ прыгать на одной ножкѣ, а другіе согнутымъ колѣномъ толкать своихъ товарищей. А по сему судите, каковожь намъ было тогда смотрѣть на зрѣлище сіе изъ оконъ и видѣть симъ образомъ всѣхъ первѣйшихъ въ государствѣ людей, украшенныхъ орденами и звѣздами, вдругъ спрыгивающихъ, толкущихся и другъ друга на земь валяющихъ? Хохотъ, крики, шумъ, бѣвіе въ ладоши раздавались только всюду, а покалы только что гремѣли».

У русскихъ людей сердце обливалось кровію отъ стыда предъ иностранными министрами. Эти иностранные министры въ донесеніяхъ своимъ дворамъ оставили единогласныя свидѣтельства о неприличіи пирушекъ Петра III ⁷⁷, возбуждавшихъ сильное неудовольствіе въ народѣ. Объ этомъ неудовольствіи приведемъ слова того же очевидца: «Ропотъ на государя и негодованіе ко всѣмъ дѣяніямъ и поступкамъ его, которые чѣмъ далѣе, тѣмъ становились хуже, но только во всѣхъ знатныхъ съ часу на часъ

увеличивалось, но начинало дѣлаться уже почти и всенароднымъ, и всѣ будучи крайне недовольными заключеннымъ съ Прусаками перемиріемъ и жалѣя о ожидаемомъ потеряннн Пруссіи, также крайне негодуя на безпредѣльную цриверженность государя къ королю прусскому, на ненависть и претензіи его къ закону, на крайнюю холодность, оказываемую къ государынѣ, его супругѣ, на слѣпую его любовь къ Воронцовой, и паче всего наоказываемое потому болѣе презрѣніе ко всѣмъ Русскимъ и даваемое преимущество предъ ними всѣмъ иностранцамъ, а особливо Голштинцамъ,—отваживались публично и безъ всякаго опасенія говорить, и судить, и ридить всѣ дѣла и поступки государевы. Всѣмъ намъ тяжелый народный ропоть и всеобщее часть отъ часу увеличивающееся неудовольствіе на государя было извѣстно, и какъ со всякимъ днемъ доходили до насъ о томъ непріятные слухи, а особливо когда извѣстно сдѣбалось намъ, что скоро съ прусскимъ королемъ заключится миръ и что приготовлялся уже для торжества мира огромный и великолѣпный фейерверкъ, то нерѣдко сошедшись на досугѣ, всѣ вмѣстѣ говаривали и разсуждали мы о всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ и начинали опасаться, чтобъ не сдѣбалось вскорѣ бунта и возмущенія, и особливо отъ огорченной до крайности гвардіи».

Мы видѣли, что посланцы Фридриха II, Гольць и Шверинъ скоро замѣтили сильное неудовольствіе и дали знать о немъ своему государю, выставляя самыми опасными для Петра людьми Ив. Ив. Шувалова, Мельгунова и Волкова. Они были увѣрены и увѣряли короля, что эти люди воспользуются отъѣздомъ Петра къ арміи по поводу датской войны и произведутъ возстаніе. Поэтому они стали уговаривать императора не ѣздить, увѣряя, что его присутствіе въ Россіи необходимо для блага имперіи; но Петръ отвѣчалъ, что онъ изумляется ихъ словамъ, которыя доказываютъ ему только одно, что они его не любятъ. Тогда они обратились къ Фридриху II, и Шверинъ писалъ королю 8-го апрѣля: «Никто въ мірѣ, кромѣ в. в., не можетъ отвратить императора отъ этого опаснаго пѣтешествія. Письмо отъ в. в., въ которомъ вы посовѣтуете ему остаться въ Россіи, заставитъ его перемѣнить намѣреніе. Онъ навѣрное послѣдуетъ вашему совѣту, потому что питаетъ къ в. в. совершенное довѣріе».

Гольць 2-го мая писалъ королю о томъ же, выставляя необ-

ходимость для Петра прежде похода короноваться. Но 4-го мая (н. с.) Фридрихъ уже писалъ Петру: «Признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ в. в. уже короновались, потому что эта церемонія производитъ сильное впечатлѣніе на народъ, привыкшій видѣть коронованіе своихъ государей. Я вамъ скажу откровенно, что не довѣряю Русскимъ. Всякій другой народъ благословлялъ бы небо, имѣя государя съ такими выдающимися и удивительными качествами, какія у в. в. (*éminentes et admirables qualités*); но эти русскіе чувствуютъ ли они свое счастье, и проклятая продажность какого-нибудь одного ничтожнаго человѣка развѣне можетъ побудить его къ составленію заговора или къ поднятію возстанія въ пользу этихъ принцевъ брауншвейгскихъ? Припомните, в. и. в., что случилось въ первое отсутствіе императора Петра I, какъ его родная сестра составила противъ него заговоръ! Предположите, что какой-нибудь негодяй съ безпокойною головою начнетъ въ ваше отсутствіе интриговать для возведенія на престолъ этого Ивана, составитъ заговоръ съ помощію иностранныхъ денегъ, чтобъ вывести Ивана изъ темницы, подговорить войско и другихъ негодяевъ, которые и присоединятся къ нему:— не должны ли вы будете тогда покинуть войну противъ Датчанъ, хотя бы все шло съ отличнымъ успѣхомъ, и поспѣшно возвратиться, чтобъ тушить пожаръ собственнаго дома. Эта мысль привела меня въ трепеть, когда пришла мнѣ въ голову, и совѣсть мучила бы меня всю жизнь, еслибъ я не сообщилъ эту мысль в. и. в. Я здѣсь въ глубинѣ Германіи, я вовсе не знаю вашего двора, ни тѣхъ, къ которымъ в. в. можетъ имѣть полную довѣренность, ни тѣхъ, кого можете подозрѣвать: по этому вашему высокому разуму принадлежитъ различить, кто преданъ и кто нѣтъ; я думаю одно, что если в. в. угодно принять начальство надъ арміею, то безопасность требуетъ, чтобъ вы прежде короновались, и потомъ, чтобъ вы вывели въ своей свитѣ за границу всѣхъ подозрительныхъ людей. Такимъ образомъ в. в. будете обезпечены; для большей безопасности надобно заставить также всѣхъ иностранныхъ министровъ слѣдовать за вами, этимъ вы уничтожите въ Россіи всѣ сѣмена возмущенія и интриги, а чтобъ всѣ эти господа не были вамъ въ тягость, вы можете всегда ихъ отправить въ Ростокъ или Висмаръ или въ какое-нибудь другое мѣсто позади арміи, чтобъ они не могли

передавать Датчанамъ вашихъ плановъ. Я не сомнѣваюсь также, что вы оставите въ Россіи вѣрныхъ надсмотрщиковъ, на которыхъ можете положиться, Голштинцевъ или Ливонцевъ, которые зорко будутъ за всѣмъ наблюдать и предупреждать малѣйшее движеніе».

Что же отвѣчалъ Петръ? «В. в. пишете, что, по вашему мнѣнію, я долженъ короноваться прежде выступленія въ походъ, именно по отношенію къ народу. Но я долженъ вамъ сказать, что такъ какъ война почти начата, то я не вижу возможности прежде короноваться точно также по отношенію къ народу; коронація должна быть великолѣнна по обычаю, и я не могу сдѣлать великолѣнной коронаціи, не имѣя возможности ничего въ скорости здѣсь найти. Что касается Ивана, то я держу его подъ крѣпкою стражею, и еслибы Русскіе хотѣли сдѣлать мнѣ зло, то могли бы уже давно его сдѣлать, видя, что я не принимаю никакихъ предосторожностей, предавая себя въ защиту Господа Бога, ходя пѣшкомъ по улицамъ, что Гольцъ можетъ засвидѣтельствовать. Могу васъ увѣрить, что когда умѣешь обходиться съ ними, то можно быть покойнымъ на ихъ счетъ. В. В.! что подумаютъ обо мнѣ эти самые Русскіе, видя, что я сижу дома въ то самое время, когда идетъ война въ моей родной землѣ, Русскіе, которые всегда желали одного — быть подъ властію государя, а не женщины; двадцать разъ я самъ слышалъ отъ солдатъ моего полка: «Дай Богъ, чтобъ вы скорѣе были нашимъ государемъ, чтобъ не быть намъ больше подъ властію женщины.» Но, что всего важнѣе: я никогда не прощу себѣ этой подлой трусости, я умру съ тоски отъ мысли, что я, будучи первымъ принцемъ моего дома, остался въ бездѣйствіи, когда велась война для возвращенія того, что было несправедливо отнято у его предковъ, и в. в. много потеряли бы изъ своего уваженія ко мнѣ, еслибы я это сдѣлалъ».

Такимъ образомъ отъѣздъ къ арміи былъ рѣшенъ, несмотря даже на отсаватовавія Фридриха II-го. Послѣдній главнокомандующій арміею, графъ Бутурлинъ былъ отозванъ въ Петербургъ еще при жизни Елисаветы. Онъ ѣхалъ оправдываться предъ государынею, которая хотя и была согласна съ конференціею на счетъ ошибокъ его; но все же онъ могъ рассчитывать на милостивый пріемъ, какъ видно изъ письма его къ Ив. Ив. Шувалову:

«Я въ моей горести единое утѣшеніе имѣю, когда отъ в. п-ства милостивое письмо удостоюсь получить, какъ и сегодня отъ 17-го сентября принялъ съ моимъ вѣчнымъ благодареніемъ, а наипаче къ сердечному моему обрадованію, что я еще въ числѣ вѣрныхъ рабовъ у с. и. в. нахожусь, и что по милости конференціи давно бы меня на свѣтѣ не было. Сперва не только величали меня и ублажали паче мѣрѣ моихъ, а нынѣ живаго во гробъ вселяютъ и поютъ: святой Боже! Моего промедленія нигдѣ и никогда промедленіе не было напрасное. Вступитесь за вѣрнаго раба е. в.: еще нынѣ получилъ къ обидѣ моей, чтобы и Ангиринова отдалъ графу Румянцеву, кой у меня одинъ и есть и все секретныя дѣла на него положены, а я остался одинъ писаремъ и копистомъ. Я нечаялъ бы такой жестокой обиды отъ его высокородія Волкова ⁷⁸». Бутурлинъ не засталъ въ живыхъ Елисаветы; онъ на дорогѣ получилъ рескриптъ новаго императора, въ которомъ обнадеживался въ непремѣнной милости и благоволеніи. ⁷⁹ Графъ Ферморъ 19 февраля былъ вовсе уволенъ отъ службы ⁸⁰. Главное начальство надъ заграничною арміею поручено было графу Петру Семен. Салтыкову. Но уже при Елисаветѣ, по распоряженіямъ относительно Бутурлина, было ясно видно, что старые главнокомандующіе не будутъ болѣе дѣйствовать, ибо Семилѣтняя (для Россіи пятилѣтняя) война выказала молодья способности. Между ними первое мѣсто принадлежало покорителю Кольберга, графу Петру Александр. Румянцову. Понятно, что и Петръ, замысливъ датскую войну, послѣдовалъ общему указанію и поручилъ ему кампанію. Февраль мѣсяцъ Румянцевъ пробылъ въ Петербургѣ, вызванный туда императоромъ; и въ началѣ марта, заручившись дружбою перваго дѣльца по всемъ частямъ, Волкова, отправился къ своему корпусу въ Померанію для приготовленій къ походу. 21-го мая отправлены были ему наставленія считать войну съ Даніей не только неизбежною, но и дѣйствительно объявленною, и потому спѣшить утвердиться въ Мекленбургѣ прежде чѣмъ Датчане туда войдутъ ⁸¹. Наставленіе было отправлено съ большою тайною, но одинъ пріятель показалъ копію съ него Гольцу, и тотъ остался очень недоволенъ, потому что Пруссаки надѣялись, что дѣло уладится или оттянется Берлинскимъ конгрессомъ. «Излишне указывать в. в-ству, писалъ Гольцъ королю, на коварство составителя этого

указа относительно конгресса и непослѣдовательность, которая обнаруживается въ каждомъ словѣ; приказаніе устроить магазины въ Ростокъ и Висмарѣ, и особенно ввести армію въ Мекленбургъ въ высшей степени странно, по моему мнѣнію. Не надобно приписывать этого е. и. в-ству, потому что рѣшеніе состоялось иначе въ совѣтѣ; виноватъ г. Волковъ, который осмѣлился дать ему такую окончательную форму. Императоръ утаилъ отъ меня это приказаніе. В. в-ство усмотрите, какъ это мнѣ непріятно, что при всѣхъ милостяхъ и довѣрїи императора ко мнѣ, противная партія можетъ заставить его скрыть отъ меня самыя важныя дѣла, которыя в. в-ство должны знать прежде всякаго другаго». Между тѣмъ принцъ Георгъ Голштинскій настоятельно убѣждалъ Гольца упросить Фридриха II, чтобъ тотъ уговорилъ Петра не ѣздить къ арміи. «Вамъ хорошо извѣстно, сказалъ ему на это Гольцъ, какъ е. и. в-ство отвѣчалъ королю на подобные совѣты: онъ отвѣчалъ, что лучше его знаетъ внутреннее состояніе своей страны, что увѣренъ въ преданности своихъ подданныхъ, и что его слава требуетъ отъѣзда къ арміи. Послѣ такого отвѣта я конечно уже не рѣшусь просить короля моего государя повторить тѣ же самыя свои совѣты императору. Зачѣмъ такъ поспѣшили обнародовать объ отъѣздѣ императора, зачѣмъ дали знать министрамъ иностраннымъ, чтобъ они слѣдовали за нимъ? теперь я уже не вижу, какъ можетъ императоръ остаться безъ потери своего достоинства, послѣ всѣхъ этихъ разглашеній: въ Европѣ увидятъ, что причиною такой перемѣны намѣренія было опасеніе какихъ-нибудь волненій въ странѣ въ слѣдствіе отсутствія государя». Принцъ продолжалъ толковать о дурномъ состояніи войска, назначаемого въ походъ, о недостаткѣ денегъ и сѣстныхъ припасовъ. «Два мѣсяца, отвѣчалъ Гольцъ, я толкую съ вами и съ самимъ императоромъ, что надобно принять мѣры противъ этого, если уже война казалась ему неизбѣжною; что нечего грозиться задавить Датчанъ, если еще нѣтъ увѣренности, что все готово; мнѣ постоянно отвѣчали, что всѣ приготовленія сдѣланы, тогда какъ я хорошо зналъ что нѣтъ. Видя наконецъ, что мои представленія ни къ чему не служатъ, и могутъ только навлечь на меня гнѣвъ е. и. в-ства, я замолчалъ; теперь зная дурное состояніе дѣлъ, надобно обречь себя на неудачную войну, которой можно было избѣжать переговорами.»

До полученія инструкціи 21 мая Румянцевъ находился въ сильномъ безпокойствѣ: его мучила мысль, что войны не будетъ, что ему не удастся отличиться блестящимъ походомъ. Получивъ инструкцію, онъ писалъ Волкову изъ Кольберга 8 іюня: «Правда, что мое смущеніе не мало было и на время большое, что я отъ васъ, моего вселюбезнаго друга, не получалъ никакого отвѣта. Я уже отчаялъ вовсе быть для меня дѣлу каковому-либо; нынѣ же, получа всепріятнѣйшее ваше письмо со ободреніемъ вашей дружеской милости продолженія и съ подтвержденіемъ мнѣ наибезцѣннѣйшей милости и благоволенія, я столь больше обрадоваѣ: вы знаете, что всякій ремесленникъ работѣ радъ. Дай Боже только, чтобъ всѣ обстоятельства соответствовали моему желанію и усердію, то не сомнѣваюсь, что я всевысочайшую волю моего великаго государя исполню. Въ полковники и штабъ-офицеры я докладъ подалъ. Правда, что умедлилъ маленько, да и разборъ мой великъ былъ, я все притомъ соблюлъ, что мнѣ только можно было для пользы службы, я тѣхъ, кои не изъ дворянъ и не офицерскихъ дѣтей вовсе не произвелъ: случай казался мнѣ наимоспособнѣйшій очиститься отъ проказы, чрезъ подлые поступки вся честь и почтеніе къ чину офицерскому истреблись ^{82.}»

Но вслѣдъ за этимъ письмомъ, выражавшимъ радость ремесленника, добывшаго себѣ работу, Румянцевъ принужденъ былъ посылать совсѣмъ другіе донесенія императору; онъ писалъ, что недостатокъ съѣстныхъ припасовъ приводитъ его въ крайнее отчаяніе, а съ другой стороны, Прусаки, вмѣсто помощи, затрудняютъ его своими требованіями возвращенія померанскихъ мѣстъ. Но послѣднія донесенія Румянцева уже не застали Петра на престолѣ ^{83.}

Въ іюнѣ мѣсяцѣ «время было шаткое и самое критическое: опасались, чтобъ не сдѣлалось вскорѣ бунта и возмущенія, а особливо отъ огорченной до крайности гвардіи ^{84.}» Но въ чье же имя могло произойти возстаніе? Фридрихъ II указывалъ соперника Петру въ человѣкѣ, который прежде Петра носилъ титулъ императора всероссійскаго и который теперь томился въ шлюсбургской крѣпости ^{85.} Петръ отвѣчалъ Фридриху, что держитъ Ивана подъ крѣпкою стражею. Черезъ недѣлю послѣ своего восшествія на престолъ, 1 января Петръ, командуя на

смѣну извѣстнаго намъ Овцына капитана гвардіи князя Чурмантѣва «для караула нѣкотораго важнаго арестанта въ шлюссельбургской крѣпости.» далъ ему указъ: «Буде сверхъ нашего чаянія ктобъ отважился арестанта у васъ отнять, въ такомъ случаѣ противиться сколько можно и арестанта живаго въ руки не отдавать.» Въ инструкціи Чурмантѣву, подписанной графомъ Александромъ Шуваловымъ, говорилось: «Если арестантъ станетъ чинить какіе непорядки или вамъ противности или же что станетъ говорить непристойное, то сажать тогда на цѣпь, доколѣ онъ усмирится, а буде и того не послушаетъ, то бить по вашему разсмотрѣнію палкою и плетью.» Въ слѣдъ за тѣмъ, отъ 11 января Чурмантѣвъ получилъ секретнѣйшій указъ: «Безъ нашего указа того арестанта никуда не перевозить и никому не отдавать, а когда соизволеніе наше будетъ въ какое другое мѣсто арестанта перевести, тогда присланъ будетъ нашъ генераль-адъютантъ князь Голицынъ или генераль же адъютантъ баронъ фонъ-Унгернъ съ именнымъ указомъ за подписаніемъ собственной нашей руки, а окромѣ оныхъ хотябъ кто и съ именнымъ указомъ за подписаніемъ собственной руки нашей пріѣхалъ и сталъ требовать арестанта, тому не вѣрять и, задержавъ подъ карауломъ, писать для донесенія намъ къ нашему генераль-фельдмаршалу графу Шувалову.» Того же числа отправленъ былъ секретнѣйшій указъ шлюссельбургскому коменданту Бередникову, чтобъ допустилъ Голицына или Унгерна, и если прикажутъ Чурмантѣву съ арестантомъ и его командою изъ крѣпости выѣхать, то не воспрещать.»

Приведенное предписаніе прямо указываетъ на желаніе императора взять на нѣкоторое время Ивана Антоновича изъ Шлюссельбурга, и подтверждаетъ извѣстіе, что узникъ дѣйствительно былъ привозимъ въ Петербургъ, гдѣ Петръ его видѣлъ. Это свиданіе должно было происходить 22-го марта, потому что въ этотъ день Чурмантѣвъ получилъ указъ: «къ колоднику имѣете тотчасъ допустить нашего генераль-адъютанта барона Унгерна и съ нимъ капитана Овцына, а потомъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ баронъ Унгернъ пропустить прикажетъ». Между «всѣми тѣми» долженъ былъ находиться и самъ императоръ. 24-го марта другой указъ Чурмантѣву: «Арестантъ, послѣ учиненнаго ему третьяго дня посѣщенія легко получить можетъ какія-либо новыя мысли, и потому новыя

вранья дѣлать станеть. Сего ради повелѣваю вамъ примѣчаніе ваше и находящаго съ вами офицера Власьева за всѣми словами арестанта умножить и что услышите или новаго примѣтите, о томъ со всѣми обстоятельствами и немедленно ко мнѣ донесите. Петръ. PS. Рапорты ваши имѣете отправлять прямо на мое имя».

1 апрѣля Угернъ опять былъ допущенъ къ Иезуу. 3 апрѣля завѣдываніе дѣлами шлюссельбургскаго арестанта было взято отъ гр. Александра Шувалова и поручено Нарышкину, Мельгунову и Волкову въ слѣдствіе общаго распоряженія, по которому всѣ дѣла, вѣдавшіяся прежде въ тайной канцеляріи, переходили къ упомянутымъ тремъ лицамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ къ узнику были приставлены новые офицеры: премьеръ-майоръ Жихаревъ и капитаны Уваровъ и Батюшковъ ⁸⁶.

Петръ писалъ Фридриху, что держитъ Ивана подъ крѣпкою стражею, и потому нечего опасаться; онъ могъ убѣдиться теперь, что несчастный Иванъ не можетъ быть опаснымъ соперникомъ и по состоянію своихъ умственныхъ способностей. То, что прежде извѣстно было очень немногимъ, сохранявшимъ глубочайшую тайну, то теперь, въ слѣдствіе свиданія Петра при свидѣтеляхъ, должно было распространиться въ кругу болѣе обширномъ, и англійскій посланникъ Кейтъ имѣлъ возможность сообщить своему дрору совершенно вѣрныя извѣстія объ Иванѣ Антоновичѣ. Императоръ, писалъ Кейтъ, видѣлъ Ивана III-го и нашель его физически совершенно развитымъ, но съ разстроенными умственными способностями. Рѣчь его была безсвязна и дика. Онъ говорилъ между прочимъ, что онъ не тотъ, за кого его принимаютъ, что государь Іоаннъ давно уже взятъ на небо, но онъ хочеть сохранить притязанія особы, имя которой онъ носить ⁸⁷.

Поэтому попытка произвести переворотъ во имя правнука царя Іоанна Алексѣевича противъ внука Петра Великаго могла произойти только отъ людей темныхъ, не имѣвшихъ соприкосновенія съ высшими сферами; для другого же рода людей было одно средство—не прерывая наследственной линіи, замѣнить отца сыномъ, средство, съ одной стороны, легкое, ибо сынъ, великій князь Павелъ Петровичъ былъ еще ребенокъ и потому не могло быть никакихъ столкновеній съ его волею, съ его сыновними отношеніями; но съ другой стороны, малолѣтство того,

въ чье имя должно было происходить движеніе, отнимало вожда у движенія, отнимало у этого движенія единство, силу, стройность, отнимало твердость у его послѣдствій, ибо надобно было искать другого вожда, изъ подданныхъ, и какъ было его найти? надобно было имѣть дѣло со многими, съ партіями. Поэтому естественно и необходимо вниманіе всѣхъ обращалась на императрицу Екатерину, которая уже давно была извѣстна и славна противоположностію своего поведенія съ поведеніемъ мужа, давно была извѣстна и славна своими блестящими способностями, своимъ обворожительно ласковымъ обращеніемъ, своимъ вниманіемъ ко всему достойному вниманія, своимъ уваженіемъ къ русскимъ людямъ и ко всему, что имъ было дорого: только отъ ея вліянія на мужа можно было ожидать хорошаго, но этого вліянія не было; самое близкое лицо явилось самымъ далекимъ, супруга была отвергнута, отвергнутъ былъ совѣтъ и разумъ; Екатерина подвергалась явнымъ оскорбленіямъ; она страдала вмѣстѣ съ русскими людьми, и крѣпкій союзъ образовался между ними и ею. Фридрихъ III, получавшій очень неудовлетворительныя извѣстія изъ Петербурга, думалъ сначала, что Екатерина будетъ имѣть большое вліяніе на дѣла, и только 7-го марта прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Финкенштейнъ писалъ Гольцу, что по точнѣйшимъ свѣдѣніямъ Екатерина не имѣетъ никакого вліянія, и можетъ произойти только вредъ, если къ ней обращаться, притомъ она вовсе и не такъ благосклонна къ Пруссіи, какъ самъ императоръ.⁸⁸ Но французскій посоль Бретейль еще съ 31-го декабря 1761 года началъ писать своему двору о печальномъ положеніи Екатерины: «Въ день поздравленія съ восшествіемъ на престолъ, доносилъ онъ, на лицѣ императрицы была написана глубокая печаль; ясно, что она не будетъ имѣть никакого значенія, и я знаю, что она старается вооружиться философіею: но это противно ея характеру.—Императоръ удвоилъ вниманіе къ графинѣ Воронцовой. Надобно признаться, что у него странный вкусъ: она не умна; что же касается наружности, то трудно себѣ представить женщину безобразнѣе ея; она похожа на трактирную служанку.—Императрица находится въ самомъ жестокомъ положеніи, съ нею обходятся съ явнымъ презрѣніемъ. Она неравнодушно переноситъ обращеніе императора и высокомеріе Воронцовой. Трудно себѣ представить, чтобъ Екатерина

(я знаю ея отважность и страстность), рано или поздно не приняла какой-нибудь крайней мѣры. Я знаю друзей, которые стараются ее успокоить, но, если она потребуетъ, они пожертвуютъ всѣмъ для нея.—Императрица пріобрѣтаетъ всеобщее расположеніе. Никто усерднѣе ея не выполнялъ обязанностей относительно покойной императрицы, обязанностей, предписываемыхъ греческимъ исповѣданіемъ: духовенство и народъ этимъ очень тронуты и благодарны ей за это. Она наблюдаетъ съ точностію праздники, посты, все, къ чему императоръ относится легкомысленно и къ чему Русскіе не равнодушны. Наконецъ она не пренебрегаетъ ничѣмъ для пріобрѣтенія всеобщей любви и расположенія отдѣльныхъ лицъ. Не въ ея природѣ забыть угрозу императора заключить ее въ монастырь, какъ Петръ Великій заключилъ свою первую жену. Все это, вмѣстѣ съ ежедневными униженіями, должно страшно волновать женщину съ такою сильною природою и должно вырваться при первомъ удобномъ случаѣ.—Императрица сильно предается горю и мрачнымъ мыслямъ; люди, ее выдающіе, говорятъ, что она не узнаваема, что она чахнетъ и скоро сойдетъ въ могилу». Это послѣднее извѣстіе было написано въ началѣ апрѣля, и въ началѣ іюня Бретейль доносилъ: «Императрица обнаруживаетъ мужество: она любима и уважаема всѣми въ той же степени, какъ Петръ ненавидимъ и презираемъ⁸⁹».

Эта хроника вскрываетъ намъ лучше всего страшное положеніе Екатерины въ шесть мѣсяцевъ, отъ 25-го декабря 1761 до 28-го іюня 1762 года; она указываетъ намъ эти переходы отъ мрачныхъ мыслей къ отчаянію, разрушительно дѣйствующему на здоровье, и отъ отчаянія къ твердости, когда надежда на избавленіе усиливалась и когда надобно было ободрять своихъ приверженцевъ. Екатерина говоритъ, что эти приверженны, со дня смерти императрицы Елисаветы, внушали ей о необходимости отстранить Петра и самой стать въ челѣ правленія; но что она начала склоняться на ихъ представленія съ того дня, когда Петръ публично нанесъ ей страшное оскорбленіе. Во время празднованія мира съ Пруссіею, за торжественнымъ обѣдомъ императоръ предложилъ три тоста: 1) здоровье императорской фамиліи; 2) здоровье короля прусскаго; 3) за сохраненіе счастливаго мира, заключеніе котораго праздновалось. Когда Ека-

терина, выпила за здоровье императорской фамилии, Петръ велѣлъ Гудовичу, стоявшему сзади его кресель, пойти спросить императрицу, зачѣмъ она не встала, когда пили первый тостъ. Екатерина отвѣчала, что императорская фамилія состоитъ только изъ троиухъ членовъ, изъ ея супруга, сына и ея самой, и потому она не понимаетъ, почему нужно вставать. Когда Гудовичъ передалъ этотъ отвѣтъ, Петръ снова велѣлъ ему подойти къ Екатеринѣ и сказать ей бранное слово, ибо она должна знать, что двое его дядей, принцы голштинскіе принадлежатъ также къ императорской фамиліи; но, боясь, чтобъ Гудовичъ не ослабилъ выраженія, императоръ самъ закричалъ Екатеринѣ бранное слово, которое и слышала большая часть обѣдавшихъ. Императрица сначала залилась слезами отъ такого оскорбленія, но потомъ, желая оправиться, обратилась къ стоявшему за ея кресломъ камергеру Александру Серг. Строганову и попросила его начать какой-нибудь забавный разговоръ для разсѣянія, что Строгановъ и исполнилъ ⁹⁰.

Но дѣло не кончилось однимъ оскорбленіемъ. Въ тотъ же вечеръ императоръ приказалъ своему адъютанту, князю Борятинскому арестовать Екатерину. Борятинскій, испуганный этимъ приказаніемъ, не торопился его выполнить, и, встрѣтивъ принца Георгія Голштинскаго, рассказалъ ему о порученіи, полученномъ отъ императора. Тотъ бросился къ Петру и уговорилъ его отмѣнить приказаніе. ⁹¹ Приказаніе было отмѣнено; но никто не могъ поручиться, что оно не будетъ повторено, ибо приказанія отдавались по первой вспышкѣ, по первому внушенію, сдѣланному въ пользу или во вредъ извѣстнаго лица, и Екатерина начинаетъ слушать предложенія своихъ приверженцевъ. Кто же были эти приверженцы?

Мы видѣли, что Шверинъ и Гольцъ указывали на Ив. Ив. Шувалова, Мельгунова и Волкова, какъ на самыхъ опасныхъ людей, ждущихъ перваго удобнаго случая для отнятія у Петра престола. Но Фридрихъ II долженъ былъ убѣдиться, какъ обманулись его министры въ своихъ наблюденіяхъ: «Лица, пишетъ онъ, на которыхъ смотрѣли какъ на заговорщиковъ, всего менѣе были виновны въ заговорѣ. Настоящіе виновники работали молча и тщательно скрывались отъ публики». ⁹² Было однако время, когда Ив. Ив. Шуваловъ предлагалъ Екатеринѣ свои услуги. Въ одной изъ

записокъ о событіяхъ своего времени Екатерина рассказываетъ, что предъ кончиною императрицы Елисаветы Ив. Ив. Шуваловъ обратился къ Никитѣ Ив. Панину, говоря что «иные клонятся, отказавъ и выславъ изъ Россіи великаго князя Петра съ супругою, сдѣлать правленіе именемъ сына ихъ Павла Петровича, которому былъ тогда седьмой годъ; что другіе хотятъ выслать лишь отца, а оставить мать съ сыномъ, и что всѣ единодушно думаютъ, что Петръ не способенъ. Панинъ отвѣтствовалъ, что всѣ сіи проекты суть способы къ междоусобной гибели, что въ одномъ критическомъ часу того переменить безъ мятежа и бѣдственныхъ слѣдствій не можно, что двадцать лѣтъ всѣми клятвами утверждено. Панинъ, продолжаетъ Екатерина, о семъ мнѣ тотчасъ далъ знать, сказавъ мнѣ притомъ, что больной императрицѣ еслибъ представили, чтобъ мать съ сыномъ оставить, а отца выслать, то большая въ томъ вѣроятность, что она на то склониться можетъ. Но къ сему, благодаря Богу, ея фавориты не приступили, но оборота всѣ мысли свои къ собственной безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра III, въ коемъ отчасти и пред- успѣли»⁹³.

Записка эта, написанная, разумѣется, позднѣе событія, можетъ быть и очень поздно, требуетъ нѣкотораго объясненія. Выраженіе: «благодаря Богу,» очень понятно: еслибы фавориты приступили къ удаленію Петра Федоровича отъ престола, то императоромъ былъ бы провозглашенъ великій князь Павелъ Петровичъ, и Екатерина не царствовала бы; кромѣ того, неспособность Петра не была еще такъ очевидна, какъ послѣ шестимѣсячнаго его царствованія, и удаленіе его могло бы повести къ тому, что выставилъ въ своемъ отвѣтѣ Панинъ. «Фавориты не приступили,» потому что Шуваловъ отъ Панина услышалъ рѣшительный отказъ въ содѣйствіи великой княгини и ея приверженцевъ ихъ плану. Быть можетъ отказъ этотъ былъ и не искренній; Панинъ счелъ нужнымъ обезопасить себя этимъ отказомъ, онъ могъ заподозрить предложеніе, исходившее отъ непріязненныхъ ему людей; что Панинъ не успокоился на своемъ отвѣтѣ, доказательствомъ служить то, что онъ имѣлъ съ Екатериною разговоръ о предложеніи и внушалъ о возможности, со стороны Елисаветы, согласиться на удаленіе Петра. О своемъ отвѣтѣ Пани-

ну на это внушеніе Екатерина намъ не говорить. Можетъ быть положено было ждать новаго предложенія отъ «фаворитовъ». Но послѣдніе, получивъ рѣзкій отказъ, не сочли болѣе нужнымъ и безопаснымъ повторять свое предложеніе, а, можетъ быть, не имѣли уже для того и времени, и отвергнутые Екатериною, должны были обратиться къ Петру. Теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они имѣли печальное удовольствіе видѣть, какія страданія должна была терпѣть Екатерина за отвергнутіе ихъ предложенія. Быть можетъ, теперь они ждали отъ нея предложенія. Но дѣло начато было безъ нихъ, было и кончено безъ нихъ.

Шуваловъ передъ смертію Елисаветы обращался къ Панину съ предложеніемъ измѣнить порядокъ престолонаслѣдія, и это показываетъ намъ важное значеніе Панина. Въ царствованіе Елисаветы мы имѣли часто случай говорить о его дѣятельности въ Швеціи, гдѣ онъ былъ посланникомъ. Носились слухи, что онъ былъ удаленъ въ Швецію въ слѣдствіе придворной интриги, удаленъ Шуваловыми, которые хотѣли отстранить къ немъ соперника **Ив. Ив. Шувалову**⁹⁴. Если это правда, то, разумѣется, здѣсь должно было залечь основаніе вражды его къ Шуваловымъ и преимущественно къ **Ив. Ивановичу**. Но и безъ этого были другія сильныя причины вражды. Тѣсно связанный съ канцлеромъ Бестужевымъ, будучи, можно сказать, его воспитанникомъ, Панинъ, въ довольно долгое пребываніе свое въ Стокгольмѣ, ревностно проводилъ бестужевскую систему, борясь дипломатически съ господствовавшимъ въ Швеціи французскимъ вліяніемъ. Панинъ воспитался, окрѣпнъ въ этой борьбѣ, ненависть къ Франціи, необходимость борьбы съ нею стали его политическимъ символомъ вѣры. И вдругъ ему велятъ перемѣнить политику, собственно говоря, велятъ переродиться, дѣйствовать заодно съ французскимъ посланникомъ. Но мы знаемъ очень хорошо, что сдѣлать это русскому посланнику въ Стокгольмѣ было страшно тяжело: ему нужно было бросить своихъ друзей и подчиниться французскому посланнику, который, по своимъ средствамъ, теперь еще болѣе усилившимся, не хотѣлъ и не могъ уступить русскому посланнику равнаго съ собою значенія. Чѣмъ самостоятельнѣе, сильнѣе духовными средствами былъ русскій посланникъ, тѣмъ тягостнѣе становилось ему его поло-

женіе. Панинъ не вытерпѣлъ, протестовалъ; но мы видѣли, какой *reprimandъ* получилъ онъ за этотъ протестъ. Оскорбленный выговоромъ, удрученный своимъ невыносимымъ положеніемъ, Панинъ приписывалъ всѣ эти бѣды Шуваловымъ, ихъ обвинялъ въ сближенія съ Франціею. Скоро покровитель его, Бестужевъ, былъ сверженъ, что также Панинъ приписывалъ Шуваловымъ и Воронцову, котораго и прежде считалъ своимъ врагомъ. Теперь Воронцовъ сталъ завѣдывать иностранными дѣлами при помощи, или, лучше сказать, подъ вліяніемъ Ив. Ив. Шувалова; Панину не было возможности болѣе оставаться на дипломатическомъ поприщѣ, и онъ былъ отозванъ изъ Швеціи. Но мы видѣли, что Елисавета не любила отнимать дѣятельность у людей, выдававшихся своими способностями и образованностію, и бывшій посланникъ въ Швеціи получилъ важное мѣсто воспитателя великаго князя Павла Петровича. Это-то новое значеніе Панина, предполагавшее необходимо большое довѣріе къ нему Елисаветы и въ то же время приводившее его въ сношенія съ Екатериною, которая не могла не сочувствовать ему, какъ ближнему человѣку къ А. П. Бестужеву, — это-то значеніе Панина и заставило Шувалова обратиться къ нему по вопросу о возведеніи на престолъ великаго князя Павла по удаленіи отца его изъ Россіи.

Обращеніе не имѣло послѣдствій; Петръ III вступилъ на престолъ и оправдалъ опасенія тѣхъ, которые не ждали отъ его правленія ничего хорошаго. Панину было тяжело болѣе другихъ. Правда, къ Франціи послѣдовало сильное охлажденіе; но дѣло шло не о французскихъ отношеніяхъ, когда внѣшнею политикою Россіи заправлялъ прусскій посланникъ Гольцъ, а гдѣ дѣло дѣлалось мимо Гольца, такъ это именно только тамъ, гдѣ желанія Гольца совпадали съ русскими интересами, т. е. въ дѣлахъ датскихъ. Кромѣ общихъ для всѣхъ русскихъ людей причинъ къ неудовольствію, у Панина были особыя причины. Онъ не могъ поддерживать своего значенія, ибо по своему образу мыслей, по своимъ привычкамъ онъ не могъ быть въ приближеніи у Петра III, принимать участія въ его забавахъ; по своей флегматической, жаждущей физическаго спокойствія природѣ, Панинъ болѣе, чѣмъ кто-либо не выносилъ капральства, введеннаго Петромъ, за что послѣдній рѣзко обнаруживалъ про-

тивъ него свое неудовольствіе ⁹⁵. Въ донесеніи Гольца Фридриху II отъ 30 марта находится любопытное извѣстіе относительно Панина: «е. и. в. съ удовольствіемъ соглашается на желаніе в. в—ства включить Швецію въ мирный договоръ. Онъ мнѣ сказалъ по секрету, что пошлетъ туда Панина, воспитателя великаго князя. Это человѣкъ очень способный, и потому не можетъ быть сомнѣнія въ успѣхѣ переговоровъ.» И такъ Панину грозила опасность отправиться въ Швецію и хлопотать тамъ, согласно съ требованіемъ Пруссіи, о возстановленіи самодержавія, противъ чего онъ, находясь прежде въ Швеціи, ратовалъ всѣми средствами. Но, дѣлать нечего, пришлось бы отправиться и въ Швецію, ибо въ Россіи онъ могъ потерять свое значеніе воспитателя великаго князя наслѣдника престола: громко говорили, что Петръ намѣренъ развестись съ женою, заточить ее, намѣренъ отвергнуть и сына. Отъ характера Петра и отъ слѣдствій образа жизни, который онъ велъ, всего можно было ожидать; разъ уже велѣлъ онъ арестовать Екатерину; въ другой разъ и заступничество принца Георга не поможетъ. Одинаковость интересовъ естественно сближала Панина съ Екатериною, которая могла разсчитывать на его согласіе на перемѣну, могла быть увѣрена, что при перемѣнѣ найдетъ въ немъ человѣка, готоваго служить ей добрымъ совѣтомъ, способнаго помочь ей въ трудныхъ обстоятельствахъ, — но этимъ все и должно было ограничиться: Панинъ, по своему характеру и образу мыслей, не могъ принять непосредственнаго участія въ движеніи, направленномъ къ перемѣнѣ, тѣмъ менѣе могъ стать во главѣ его.

Панинъ не былъ въ приближеніи у Петра III; но и между людьми пользовавшимися особеннымъ расположеніемъ императора, Екатерина знала нѣсколько лицъ, на которыхъ могла положиться при движеніи, которыя, такъ или иначе, заявили ей о своей преданности. Это были: генераль-фельдцейгмейстеръ Вильбуа, генераль-прокуроръ Глѣбовъ, князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, племянникъ бывшаго канцлера Бестужева, уже извѣстный намъ на дипломатическомъ и военномъ поприщѣ, директоръ полиціи Николай Корфъ. Одни изъ этихъ лицъ побуждались патріотизмомъ; другіе, видя, что при всеобщемъ неудовольствіи дѣло неминуемо должно кончиться дурно для Петра, спѣ-

шили заранѣе стать подъ то знамя, которому принадлежало торжество. Но изъ тогдашней знати Екатерина болѣе всѣхъ должна была надѣяться на гетмана графа Кирилла Разумовскаго, который жилъ тогда въ Петербургѣ и пользовался, повидимому, расположеніемъ императора. Но это расположение не препятствовало ему питать прежнюю преданность къ Екатеринѣ: если она такъ рассчитывала на эту преданность шесть лѣтъ тому назадъ ⁹⁶, то имѣла основаніе рассчитывать и теперь. Приближеніе къ Петру не могло повредить этой преданности, ибо, мимо всѣхъ другихъ побужденій, никто изъ приближенныхъ къ этому государю не могъ рассчитывать на слѣдующую минуту, и шель слухъ, что Петру хочется наградить малороссійскимъ гетманствомъ своего любимца Гудовича ⁹⁷. вмѣстѣ съ гетманомъ Разумовскимъ къ услугамъ Екатерины былъ и его наставникъ Тепловъ, безнравственный, смѣлый, умный, ловкій, способный хорошо говорить и писать. Ревность Теплова въ пользу перемѣны правленія усиливалась еще тѣмъ, что онъ, по приказу императора, сидѣлъ уже въ крѣпости за нескромныя слова ⁹⁸. Изъ оффиціального извѣстія объ отношеніяхъ Теплова къ правительству въ описываемое время до насъ дошелъ любопытный указъ Петра III отъ 23 марта: «Всемиловѣннѣе пожаловали мы статскаго совѣтника и нашего голштинскаго двора камергера Григорья Теплова за извѣстную намъ его къ службѣ ревность въ наши дѣйствительные статскіе совѣтники, которому повелѣваемъ быть въ отставкѣ по прежнему ⁹⁹.»

Но понятно, что какъ бы ни было много людей, желавшихъ перемѣны и какъ бы ни были сильны средства этихъ людей, они не могли тронуться, начать дѣло безъ помощи гвардіи. Гвардія была недовольна; но надобно было сосредоточить и направить это неудовольствіе, сдѣлать его готовымъ выразиться при первомъ удобномъ случаѣ. Екатерина нашла два орудія, способныя дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, и однимъ изъ этихъ орудій была молодая осьмнадцатилѣтняя женщина, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная Воронцова, родная сестра фаворитки. Лишившись въ младенчествѣ матери, графиня Екатерина Воронцова была воспитана въ домѣ дяди своего, канцлера Михаила Ларіоновича. Получивши средства въ изученіи иностранныхъ языковъ, преимущественно французскаго, живая и способная дѣвочка

бросилась пользоваться этими средствами тѣмъ болѣе, что въ окружавшихъ ее не находилось людей, которые бы заняли ея чувство и умъ, привлекли къ себѣ. Не находя по себѣ живыхъ людей, она со всею страстностію своей натуры предалась чтенію: Баль, Монтескьё, Буало и Вольтеръ были прочитаны, что повело къ рановременному развитію. Эта образованность и страсть къ чтенію сблизили Екатерину Романовну съ другою образованнѣйшею женщиною въ Россіи, такую же усердною читательницею Бэля, Монтескьё и Вольтера, великою княгинею Екатериною Алексѣевною: «Многіе изъ друзей моего дяди, говоритъ Дашкова, описали меня великой княгинѣ молодою дѣвушкою, которая посвящала все свое время наукѣ; уваженіе, которымъ она удостоила меня въ послѣдствіи, очевидно пронестало изъ этого пристрастнаго описанія; взаимно великая княгиня внушила мнѣ энтузіазмъ и преданность, заставившіе меня броситься въ сферу дѣятельности, о которой я такъ мало тогда думала, и имѣли вліяніе на всю остальную мою жизнь. Я не побоюсь утверждать, что въ то время, о которомъ говорю, въ цѣлой имперіи было только двѣ женщины, великая княгиня и я, которыя занимались серіознымъ чтеніемъ, и такъ какъ ея восхитительное обращеніе производило неотразимое вліяніе на тѣхъ, кому она хотѣла нравиться, то легко понять, какъ сильно было это вліяніе на молодое созданіе, какъ я, имѣвшее едва пятнадцать лѣтъ и столь способное подчиниться ему¹⁰⁰».

Легко понять также, что на сколько великая княгиня производила обаянія надъ молодою Екатериною Романовною, на столько великій князь отталкивалъ женщину, начитавшуюся Монтескьё и Вольтера. Тщетно онъ обращался къ сестрѣ своей фаворитки съ фразою, кѣмъ-нибудь ему продиктованною: «Вспомните, что гораздо лучше имѣть дѣло съ людьми грубыми, но честными, какъ ваша сестра и я, чѣмъ съ умницами, которыя высасываютъ сокъ апельсина и потомъ бросаютъ корку». Екатерина Романовна не могла выносить общества и развлеченій Петра Федоровича. «Любимое удовольствіе великаго князя, говоритъ она, состояло въ томъ, чтобъ курить табакъ съ Голштинцами. Эти офицеры были, большею частію, капралами и сержантами въ прусской службѣ; это была сволочь, сыновья нѣмецкихъ сапожниковъ. Вечера оканчивались баломъ и ужиномъ въ залѣ, убранной сосновыми

вѣтками и носившей нѣмецкое названіе въ соотвѣтствіе вкусу убранства и съ фразеологією, бывшею въ модѣ у компаніи; компанія эта въ своихъ разговорахъ примѣшивала столько нѣмецкихъ словъ, что необходимо было знаніе нѣмецкаго языка для избѣжанія насмѣшекъ отъ нея. Иногда великій князь давалъ свои праздники въ маломъ загородномъ домѣ недалеко отъ Ораниенбаума: адѣсь пуншъ, чай, табакъ и смѣшная игра *campis* служили развлеченіемъ. Какой поразительный контрастъ съ духомъ, вкусомъ, здравымъ смысломъ и приличіемъ, царствовавшими на праздникахъ великой княгини!

Въ то страшное время, когда всѣ убѣдились, что Елисаветѣ осталась не много дней жизни, княгиня Дашкова является ночью къ Екатеринѣ съ вопросомъ: «Можно ли принять какія-нибудь мѣры предосторожности противъ грозящей опасности и отворотить гибель, готовую васъ постигнуть? Ради Бога, положитесь на меня; я докажу, что достойна вашего довѣрія. Составили ли вы какой-нибудь планъ? Обезпечена ли ваша безопасность? Благоволите дать мнѣ приказанія и научить меня, что дѣлать». — «Я не составила никакого плана, отвѣчала Екатерина, я ничего не предприиму, и думаю, что мнѣ остается одно: мужественно встрѣтить событія, какія бы они ни были. Поручаю себя Всемогущему и на Его покровительство полагаю всю мою надежду».

Новый императоръ скоро усилилъ безпокойство Дашковой, начавши однажды говорить съ нею тихо, отрывочными фразами, изъ которыхъ однако не трудно было понять, въ чемъ дѣло; дѣло шло о томъ, чтобъ удалить ее, какъ выражался Петръ, разумѣя Екатерину, и на ея мѣсто возвести *Романову*, какъ онъ обыкновенно называлъ Елисавету Воронцову: «Будьте къ намъ немножко повнимательнѣе, говорилъ онъ Дашковой: придетъ время, когда вы будете жалѣть о томъ, что съ такимъ пренебреженіемъ, обходились съ своею сестрою; ваши интересы требуютъ, чтобъ вы изучили мысли своей сестры и старались снять ея покровительство.»

У мужа Дашковой были товарищи, пріатели между гвардейскими офицерами, капитаны Преображенскаго полка, Пассекъ и Бредихинъ, майоръ Рославлевъ и братъ его капитанъ, оба въ Измайловскомъ полку. Всѣ эти молодые офицеры были согласны съ княгинею въ необходимости произвести перемѣну въ пра-

вительствѣ, и пылкая молодая женщина уже начала смотрѣть на себя, какъ на главу заговора, долженствовавшего рѣшить судьбу имперіи. Кромѣ Рославлевыхъ она познакомилась еще съ третьимъ офицеромъ Измайловскаго полка, Ласунскимъ, о которомъ ей сказали, что онъ имѣетъ вліяніе на гетмана Разумовскаго: этого богача и любимца гвардіи за щедрость Дашкова хотѣла привлечь на свою сторону, не зная, что уже опоздала съ Никит. Ив. Панинымъ она могла сноситься непосредственно, потому что онъ доводился ей дядя; она заговаривала съ нимъ о необходимости перемѣны на престолѣ; Панинъ иногда соглашался съ нею и прибавлялъ, что не дурно было бы также установить правительственную форму на началахъ шведской монархіи; но Дашкова сама признается, что ей нельзя было надѣяться вдругъ приобрести довѣріе такого благоразумнаго и расчетливаго политика какъ Панинъ. Гораздо откровеннѣе съ нею былъ любимый племянникъ Панина, знаменитый впоследствии князь Николай Васил. Репнинъ. Однажды послѣ пира въ новомъ зимнемъ дворцѣ Репнинъ является ночью къ Дашковой и съ отчаяніемъ говоритъ: «Все погибло, любезная кузина: ваша сестра получила Екатерининскій орденъ, и мнѣ предстоитъ опасность быть послану къ королю прусскому министромъ, или, лучше сказать, лакеемъ.» Мы видѣли, что опасенія Репнина оправдались: онъ долженъ былъ ѣхать къ Фридриху II-му.

Дашкова сознается, что когда, послѣ тревожнаго посѣщенія Репнина, она серьезно задумалась о своемъ дѣлѣ, то всѣ толки объ исполненіи дѣла, которые ей приходилось до сихъ поръ слышать отъ своихъ соумышленниковъ, показались ей или фантазіями, не могшими осуществиться, или замыслами безъ опредѣленнаго принципа, безъ твердости и безъ средствъ къ исполненію. Всѣ были согласны въ одномъ только, что отъѣздъ императора къ заграничной арміи могъ служить сигналомъ къ движенію. Видя, что оставалось еще много сдѣлать, а рѣшительное время приближалось, она обратилась къ Панину, чтобъ добиться отъ него наконецъ чего-нибудь опредѣленнаго. Сцена была любопытная, потому что трудно себѣ представить большую противоположность, чѣмъ та, какая существовала между осторожнымъ, медленнымъ Панинымъ и его пылкою осьмнадцатилѣтнею племянницею. Молодая женщина начала съ признанія, что состав-

лень заговоръ съ цѣлю произвести революцію. Панинъ выслушалъ внимательно, и началъ настаивать на соблюденіи формъ при такомъ событіи, на необходимость участія Сената. Дашкова отвѣчала, что это было бы очень хорошо, да трудно сдѣлать. Потомъ Панинъ началъ настаивать, и Дашкова должна была ему уступить, чтобъ не выставить правъ Екатерины на престолъ, а передать ей только регентство до совершеннолѣтія сына. Но болѣе всего Панинъ выражалъ свое безпокойство на счетъ дальнѣйшихъ слѣдствій переворота, на счетъ возможности междоусобія. «Только начнемъ дѣйствовать, возражала Дашкова, и не найдется ни одного человѣка изъ ста, который бы не призналъ причиною событія гибельныхъ злоупотребленій, для уничтоженія которыхъ нѣтъ другаго средства, кромѣ перемѣны царствующаго лица». Наконецъ Дашкова объявила имена соумышленниковъ: двое Рославлевыхъ, Ласунскій, Пассекъ, Бредихинъ, Баскаковъ, Хитрово, князь Борятинскій и Орловы. Нѣкоторыхъ изъ этихъ соумышленниковъ Дашкова никогда и не видывала ¹⁰¹; но Панинъ встревожился, какъ далеко она зашла безъ предварительныхъ соглашеній съ императрицею. Дашкова отвѣчала, что она не могла сообщать Екатеринѣ своихъ плановъ, потому что исходъ дѣла былъ еще сомнителенъ; такое сообщеніе могло поставить императрицу въ затруднительное положеніе и подвергнуть безполезной опасности. Изъ своего разговора съ Панинымъ Дашкова замѣтила, что въ немъ не было недостатка въ мужествѣ и въ охотѣ присоединиться къ нимъ, но его нерѣшительность происходила отъ незнанія, какъ они должны были дѣйствовать.

Изъ разсказа Дашковой ясно видно, какого рода былъ этотъ заговоръ, главою котораго она себя считала. Она знала о сильномъ всеобщемъ неудовольствіи, сама близко видѣла причины этого неудовольствія, сама раздражалась и потому хорошо понимала раздраженіе другихъ; говорила нѣкоторымъ молодымъ офицерамъ о необходимости произвести перемѣну въ пользу императрицы, способной, по общему убѣжденію, дать ручательство въ лучшемъ будущемъ; молодые офицеры совершенно соглашались, называли и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ офицеровъ, которые также были согласны съ ними, говорили, что надобно непремѣнно исполнить замыселъ, какъ скоро императоръ

уѣдетъ къ заграничной арміи; Дашкова говорила съ Панинымъ: и тотъ соглашался, что другого средства нѣтъ спасти Россію; но какъ сдѣлать, и какія будутъ послѣдствія? Дашкова постоянно употребляетъ слово заговоръ; но изъ ея разсказа прямо выходитъ, что заговора не было, а былъ одинъ разговоръ. Дашковой очень хотѣлось привлечь гетмана Разумовскаго въ единомысліе; для этого она то подговаривала офицера Ласунскаго, то внушала Панину, чтобъ тотъ сблизился съ Тепловымъ и посредствомъ послѣдняго дѣйствовалъ на гетмана; но о послѣдствіяхъ этихъ внушеній она ничего не знала. Репнинъ уѣхалъ въ Пруссію. По словамъ Дашковой, было извѣстно, что новгородскій архіепископъ Димитрій Сѣченовъ раздѣлялъ ея мысли, хотя и не находился въ числѣ соумышленниковъ, чему препятствовало его высокое положеніе. Дядя мужа Дашковой, князь Михайла Никит. Волконскій разсказывалъ, что и въ заграничной арміи господствовало всеобщее неудовольствіе, солдаты сердились, что ихъ заставляютъ теперь сражаться противъ старой союзницы Маріи Терезіи въ пользу короля прусскаго, на котораго они привыкли смотрѣть какъ на заклятого врага, и для Дашковой было очевидно, что Волконскій вполне готовъ помогать *имъ*. Мы не имѣемъ никакого основанія отвергать свидѣтельства Дашковой о собственной дѣятельности, ибо изъ нихъ выходитъ одно, что она хотѣла перемѣны въ пользу Екатерины и при удобномъ случаѣ толковала о своемъ желаніи съ нѣкоторыми людьми; но этимъ все и ограничивалось. Ея свидѣтельства очень важны, ибо ей очень хочется преувеличить свою роль, выставить себя главою заговора, но изъ собственныхъ ея словъ выходитъ, что роль ея была очень не велика.

Иностранные описыватели июньскихъ событій 1762 года преувеличили участіе въ нихъ Дашковой, точно также какъ преувеличили значеніе Одара, котораго дѣятельность тѣсно связали съ дѣятельностію Дашковой, не умѣя однако показать, въ чемъ собственно состояло участіе иностранца, не знавшаго порусски. Одаръ былъ родомъ Шиемонтецъ; канцлеръ Воронцовъ опредѣлилъ его въ коммерцъ-коллегію; но здѣсь было ему служить неудобно по незнанію русскаго языка, и Дашкова предложила императрицѣ взять его къ себѣ въ секретари, и у иностранныхъ писателей онъ является въ этомъ значеніи. Но Дашкова гово-

рить, что Екатерина не взяла Одара въ секретари, вопервыхъ, потому, что иностранная переписка ея была очень ограничена, а главное потому, что, стараясь приобрести расположеніе Русскихъ, не хотѣла имѣть при себѣ секретаремъ иностранца, и Одаръ былъ сдѣланъ управителемъ одного небольшого имѣнія, принадлежавшаго собственно императрицѣ. Дашкова утверждаетъ, что Одаръ никогда не былъ ея повѣреннымъ, что она рѣдко его видала, и вовсе не видала три послѣднія недѣли передъ переворотомъ. Мы не имѣемъ никакого основанія не вѣрить словамъ Дашковой; но хотя сочиненія иностранцевъ о Россіи и русскихъ событіяхъ обыкновенно преисполнены ошибками, преувеличеніями и смѣшеніями всякаго рода; однако нѣтъ права предполагать, что участія Одара въ іюньскихъ событіяхъ не было никакого, что оно выдуманно имъ самимъ и съ его хвастливыхъ словъ повторено иностранцами: по всѣмъ вѣроятностямъ ловкій Одаръ былъ употребляемъ для сношеній Екатерины съ преданными ей лицами, точно такъ, какъ въ 1758 году для подобнаго же дѣла служилъ Екатеринѣ италіанецъ бриллианщикъ Бернардъ ¹⁰²; но Дашковой было неизвѣстно, что императрица сносится, мимо ея, съ своими приверженцами.

Дашковой были неизвѣстны непосредственныя сношенія Екатерины съ человѣкомъ, который больше всѣхъ хлопоталъ въ ея пользу въ войскѣ, съ Григор. Григор. Орловымъ. Артиллерійскій офицеръ Григорій Орловъ былъ воспитанникъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и рѣзко выдавался изъ толпы товарищей красотою, силою, молодцоватостію, общительностію; сильная молодая природа (Орлову было въ описываемое время 27 лѣтъ) требовала сильной дѣятельности, и Орловъ всюду искалъ ей удовлетворенія, и въ устройствѣ веселостей для товарищей, и въ масонской ложѣ ¹⁰³, и наконецъ въ возбужденіи возстанія въ защиту обожаемой императрицы, которой грозила бѣда, бывшая бѣдою и цѣлою Россіи. Кромѣ Орлова съ братьями, по свидѣтельству самой Екатерины, въ конной гвардіи двадцати-двухлѣтній офицеръ Хитрово и семнадцатилѣтній унтеръ-офицеръ Потемкинъ «направляли все благо-разумно, смѣло и дѣятельно» ¹⁰⁴.

Къ концу іюня, по словамъ Екатерины, между соумышленниками въ гвардіи считалось до сорока офицеровъ и около 10,000

рядовыхъ. Въ этомъ числѣ не оказалось ни одного измѣнника; соумышленники раздѣлялись на четыре группы и вожди группъ собирались для рѣшеній; настоящимъ же секретомъ владѣли трое братьевъ Орловыхъ. Исполненіе замысла отлагалось до отъѣзда Петра къ заграничной арміи; но было рѣшено, въ случаѣ открытія умысла, собрать гвардію и провозгласить Екатерину царствующею императрицею.

Какъ въ 1741 году сверженіе брауншвейгской фамилии было ускорено приказомъ гвардіи выступить противъ Шведовъ въ Финляндію: такъ и теперь провозглашеніе Екатерины было ускорено нежеланіемъ гвардіи выступать въ походъ противъ Датчанъ. Солдаты волновались, и соумышленники, торопя дѣло, стали разглашать, что жизнь императрицы въ опасности. Императоръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ съ своею любимою компаніею; императрица жила въ Петергофѣ, куда къ 29 іюня, къ своимъ имявинамъ долженъ былъ пріѣхать и Петръ. 27 іюня волненіе въ гвардіи усилилось, рѣчи, что императрица въ опасности, раздавались громче, солдаты кричали, чтобъ ихъ вели въ Ораніенбаумъ противъ Голштинцевъ. Къ капитану Пассеку, главному въ одномъ изъ четырехъ отдѣловъ, входитъ солдатъ и объявляетъ, что императрица навѣрное погибла. Пассекъ отвѣчаетъ, что все это вздоръ; но солдатъ не успокоивается и прямо отъ него идетъ къ другому офицеру съ тѣми же рѣчами. Этотъ офицеръ не принадлежалъ къ числу соумышленниковъ; услыхавъ страшныя слова и узнавъ отъ солдата, что онъ былъ у Пассека, и тотъ отпустилъ его, офицеръ арестуетъ солдата, и идетъ къ майору Воейкову донести ему обо всемъ. Воейковъ арестуетъ Пассека и посылаетъ донесеніе императору въ Ораніенбаумъ. Вѣсть объ арестѣ Пассека привела въ движеніе весь Преображенскій полкъ, взволновала соумышленниковъ и въ другихъ полкахъ. Рѣшено было отправить Алексѣя Орлова въ Петергофъ къ императрицѣ и привезти ее въ Петербургъ, а Григорій Орловъ съ другимъ братомъ должны были приготовить все къ ея приему. Гетманъ Разумовскій, князь Волконскій и Панинъ знали объ этомъ рѣшеніи, замѣчаетъ Екатерина.

Она не упоминаетъ ни слова объ участіи княгини Дашковой; напротивъ, она говоритъ объ ней слѣдующее: «Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хочетъ присвоить

себѣ честь этой революціи; но не говоря уже о ея родствѣ, девятнадцатилѣтній возрастъ не позволялъ никому имѣть къ ней довѣрія. Она говорила, что все доходило до меня чрезъ нее: но въ продолженіи шести мѣсяцевъ я сносила со всѣми главами предпріятія, прежде чѣмъ она узнала первое слово. Правда, что она очень умна; но умъ ея испорченъ чудовищнымъ тщеславіемъ и сварливымъ характеромъ; главы предпріятія ее ненавидятъ, но она была въ дружбѣ съ пустыми людьми, которые и рассказывали ей, что знали, т.-е. мелочи.

Это свидѣтельство въ сущности справедливо и подтверждается, какъ мы видѣли, рассказомъ самой Дашковой. Но для полноты слѣдовало бы прибавить, что Дашкова во всемъ этомъ дѣлѣ показала необыкновенное усердіе и самопожертвованіе, за что Екатерина сочла своею обязанностію ее отличить и наградить. Екатерина умолчала объ этомъ, позабывъ о противорѣчьи, какое произойдетъ между ея словами и дѣлами. Знаменитая императрица иногда позволяла себѣ такія умолчанія подъ вліяніемъ раздраженія и предубѣжденія противъ непріятныхъ ей людей. Минута, въ которую она высказала приведенное свидѣтельство о Дашковой, не принадлежала къ числу покойныхъ минутъ въ жизни Екатерины: она была очень раздражена претензіями Дашковой и столкновеніями ея въ этихъ претензіяхъ съ людьми, принять сторону которыхъ Екатерина имѣла сильныя побужденія. Но выслушаемъ рассказъ Дашковой о событіяхъ 27 іюня.

У нея сидѣлъ Панинъ въ то время, когда пріѣхалъ къ ней Григорій Орловъ съ извѣстіемъ объ арестѣ Пассека. Дашкова встревожилась; но Панинъ съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ началъ разсуждать, что Пассекъ посаженъ за какой-нибудь безпорядокъ по службѣ. Дашкова просила Орлова поѣхать и освѣдомиться точнѣе о причинѣ ареста, и если онъ арестованъ за государственное преступленіе, то чтобъ возвратился къ ней съ подробнымъ извѣстіемъ, а брата своего послалъ бы съ тѣмъ же къ Панину. Послѣ отъѣзда Орлова, Дашкова выпроводила и Панина, подъ предлогомъ, что хочетъ успокоиться, а сама, накинувъ мужской плащъ, отправилась пѣшкомъ къ дому Рославлева. Отошедши не много отъ своего дома, она замѣтила всадника, быстро мчащагося по направленію къ ея дому; какъ-будто кто-то шепнулъ ей, что это долженъ быть Алексѣй Орловъ, ибо она

не знала никого изъ братьевъ, кромѣ Григорья. Она громко выкрикнула эту фамилію, всадникъ остановился, подѣхалъ къ ней, и когда Дашкова назвала себя, сказала: «Я ѣхалъ васъ увѣдомить, что Пассекъ арестованъ за государственное преступленіе, четверо часовыхъ стоятъ у дверей, по двое у оконъ. Братъ мой отправился сообщить объ этомъ Панину, а я сію минуту былъ за этимъ же у Рославлева. Тогда Дашкова стала ему говорить, чтобы онъ велѣлъ Рославлеву и Ласунскому ѣхать немедленно въ свой Измайловскій полкъ, для принятія императрицы, когда она вѣдетъ въ Петербургъ, а самъ или кто-нибудь изъ его братьевъ мчался бы въ Петергофъ и упросилъ Екатерину отъ имени ея, Дашковой, сѣсть тотчасъ же въ карету и ѣхать въ Петербургъ, гдѣ Измайловскій полкъ уже готовъ принять ее и провозгласить государынею. Дашкова прибавляетъ, что карета, въ которой Екатерина должна была пріѣхать изъ Петергофа, была выслана съ четверкою лошадей, по ея же, Дашковой, письму, камеръ-лакеемъ императрицы Шкуринымъ. Дашкова распорядилась отправленіемъ кареты, предвидя затрудненія, какія могла встрѣтить Екатерина на счетъ экипажа въ Петергофѣ отъ людей вовсе нерасположенныхъ помогать ей, и Панинъ смѣлся надъ этою предосторожностію, какъ лишнею.

Переговоривъ съ Алексѣемъ Орловымъ на дорогѣ, Дашкова возвратилась домой и въ страшномъ волненіи легла въ постель, чтобы не возбуждать подозрѣнія въ прислугѣ. Вдругъ сильный ударъ въ дверь съ улицы заставилъ ее затрепетать. Она вскочила съ постели и велѣла впустить кто бы ни стучался. Вошелъ неизвѣстный молодой человекъ и объявилъ, что онъ Осдоръ Орловъ. «Я пришелъ, сказалъ онъ, спросить, не слишкомъ ли рано ѣхать брату къ императрицѣ, полезно ли ее беспокоить преждевременнымъ призывомъ въ Петербургъ?» При этихъ словахъ Дашкова вышла изъ себя: «Вы потеряли самое дорогое время, закричала она; что тутъ думать о безпокойствѣ императрицы! лучше привезти ее въ обморокъ въ Петербургъ, чѣмъ подвергать заточенію въ монастырь или возведенію на эшафотъ вмѣстѣ со всѣми нами». Молодой Орловъ ушелъ, увѣряя Дашкову, что братъ его немедленно поѣдетъ въ Петергофъ.

Можно сказать, что, принимая все это невыдуманымъ, отъ чего не допустить догадку, что вожди предпріятія, не любя Даш-

ковой и не довѣря сестрѣ фаворитки, внутренно смѣялись надъ распоряженіями Дашковой, когда уже они давно были рѣшены между ними и Екатериною, что Григорій Орловъ пришелъ къ ней потому, что искалъ Панина, что встрѣча съ Алексѣемъ Орловымъ, возвращавшимся отъ Рославлева, была случайная, что наконецъ младшій Орловъ пришелъ ночью къ Дашковой за тѣмъ только, чтобъ узнать, что дѣлаетъ и думаетъ другая Романовна, не затѣяла ли чего-нибудь въ пользу близкихъ родственниковъ, а если вѣрна императрицѣ, то не замыслила ли, незваная, непрошенная, вмѣшаться въ дѣло? Но оставимъ догадки и обратимъ вниманіе на свидѣтельства неоспоримыя: въ списокѣ наградъ за участіе въ событіи 28 іюня назначено: «гетману, князю Волконскому, Панину по 5000 пенсіона,» и непосредственно за ними «Дашковой 12,000». Кромѣ того, отъ 5 августа сохранилась записка Екатерины: «Выдать княгинѣ Катеринѣ Дашковой за ея ко мнѣ и къ отечеству *отмѣнныя заслуги* 24,000 рублей ¹⁰⁵».

Екатерина занимала въ Петергофѣ павильонъ Монплезиръ. Въ шесть часовъ утра 28 іюня она была разбужена Алексѣемъ Орловымъ, который вошелъ въ ея комнату и сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ: «Пора вставать; все готово для вашего провозглашеній». — «Какъ? что?» спросила Екатерина. — «Пассекъ арестованъ», отвѣчалъ Орловъ. Екатерина болѣе не спрашивала, поспѣшно одѣлась кой-какъ и сѣла въ карету, въ которой *пріѣхалъ* Орловъ. Орловъ сидѣлъ на козлахъ, у дворецъ ѣхалъ верхомъ другой офицеръ, Вас. Ил. Бибииковъ. За пять верстъ отъ Петербурга они встрѣтили Григорія Орлова и младшаго князя Борятинскаго, который уступилъ свой экипажъ императрицѣ, потому что ея лошади выбились изъ силъ. Она подѣхала прямо къ казармамъ Измайловскаго полка. Здѣсь начинаютъ бить тревогу; солдаты выбѣгаютъ, кидаются къ императрицѣ, цѣлуютъ ея руки, ноги, платье, называютъ ее своею избавительницею. Двое солдатъ ведутъ подъ руки священника съ крестомъ и начинается присяга. Потомъ просятъ императрицу сѣсть опять въ карету; священникъ съ крестомъ идетъ впереди; отправляются въ Семеновскій полкъ. Семеновцы выходятъ на встрѣчу съ крикомъ: ура! Въ сопровожденіи Измайловцевъ и Семеновцевъ Екатерина поѣхала въ Казанскій соборъ, гдѣ была встрѣчена архіепископомъ Димитріемъ; начался моле-

бенъ; на эктеніяхъ возглашали самодержавную императрицу Екатерину Алексѣевну и наслѣдника великаго князя Павла Петровича. Изъ Казанскаго собора Екатерина отправилась въ новоотстроенный зимній дворецъ.

Между тѣмъ въ Преображенскомъ полку, въ третьей ротѣ часу въ осьмомъ увидали скачущаго изъ конной гвардіи рейтара, который кричалъ, чтобъ шли къ матушкѣ въ зимній каменный дворецъ (новый). Въ Измайловскомъ полку былъ слышенъ барабанный бой, тревога и въ городѣ повсюду движеніе. Солдаты выбѣжали на плацъ; прибѣжали и офицеры запыхавшись, изъ нихъ нѣкоторые были совершенно равнодушны, какъ будто знали о причинѣ тревоги. Такъ какъ всѣ офицеры молчали, то солдаты, безъ всякаго отъ нихъ приказанія, заряжая ружья, помчались къ полковому двору. На дорогѣ встрѣтился штабсъ-капитанъ Ниловъ, останавливалъ, но его не послушались и вошли на полковой дворъ. Тутъ нашли майора Текутьева: ходилъ онъ въ задумчивости взадъ и впередъ и не говорилъ ни слова, его спрашивали, куда прикажетъ идти, но онъ ничего не отвѣчалъ; рота на нѣсколько минутъ пріостановилась; но увидала, что по Литейной идетъ гренадерская рота; майоръ Воейковъ хотѣлъ ее остановить, подѣхалъ верхомъ съ обнаженною шпагою и бранился; гренадеры не слушались; Воейковъ сталъ шпагою рубить ихъ по ружьямъ и шапкамъ: тогда они крикнули и бросились на него съ устремленными штыками; Воейковъ бросился скакать отъ нихъ во всю прыть, и боясь, чтобъ не захватили его на Симеоновскомъ мосту, повернувъ направо и вѣхалъ въ Фонтанку по грудь лошади: тутъ только гренадеры отстали отъ него. Видя это, третья рота двинулась, а остальные роты Преображенскаго полка бѣжали по другимъ мостамъ, одна за другой, къ зимнему дворцу. Здѣсь поставили ихъ внутри дворца; а Семеновскій и Измайловскій полкъ, пришедшіе прежде, окружили дворецъ и всѣ выходы заставили своими караулами. Вышелъ архіерей съ крестомъ и привелъ Преображенцевъ къ присягѣ¹⁰⁶. По словамъ Екатерины Преображенцы кричали ей: «Просимъ прощенья въ томъ, что пришли послѣдніе: наши офицеры насъ задержали; но вотъ мы привели изъ нихъ четверыхъ, чтобъ показать наше усердіе; мы того же хотимъ, чего и наши братья хотятъ». Конная гвардія обнаруживала необыкновенную радость.

Императрица вспомнила, какую страшную ненависть питала эта гвардія къ своему начальнику принцу Георгію, и потому отправила къ нему отрядъ пѣшей гвардіи съ просьбою, чтобъ принцъ, для избѣжанія бѣды, не выходилъ изъ дому. Распоряженіе опоздало: толпа конногвардейцевъ уже побывала у принца, прибила его, разграбила домъ.

Въ новомъ зимнемъ дворцѣ Екатерина нашла въ собраніи Сенатъ и Синодъ. Тепловъ наскоро составилъ манифестъ и форму присяги. Въ манифестѣ говорилось: «Всѣмъ прямымъ сынамъ отечества Россійскаго явно оказалось, какая опасность всему Россійскому государству начиналась самымъ дѣломъ, а именно, законъ нашъ православный греческій первѣе всего восчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности переменною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Второе, слава Россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе, а между тѣмъ внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, совсѣмъ испровержены. Того ради убѣждены будучи всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ таковою опасностію, принуждены были, принявъ Бога и Его правосудіе себя въ помощь, а особливо видѣвъ къ тому желаніе всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ явное и нелицемѣрное, вступили на престолъ нашъ всероссійскій и самодержавный, въ чемъ и всѣ наши вѣрноподданные присягу намъ торжественную учинили ¹⁰⁷».

Манифестъ дѣйствительно былъ составленъ наспѣхъ (à la hâte). Дѣла было очень много. Императрица вышла изъ новаго зимняго дворца и пѣшкомъ обошла войска, около него расположенныя: здѣсь было болѣе четырнадцати тысячъ, какъ гвардіи, такъ и арміи. Потрясающіе крики войска и народа привѣтствовали государыню. На счетъ этого войска и петербургскихъ жителей можно было успокоиться; но надобно было распорядиться относительно флота, приморскихъ мѣстъ и заграничной арміи. Для этихъ распоряженій императрица удалилась въ старый зимній дворецъ, вмѣстѣ съ сенаторами и Тепловымъ, который испол-

нялъ должность секретаря въ этомъ чрезвычайномъ совѣтѣ. Въ Кронштадтѣ отправленъ былъ съ полномочіемъ адмиралъ Талызинъ. Вице-адмиралу Полянскому посланъ былъ рескриптъ — объявить флотскимъ и адмиралтейскимъ воинскимъ людямъ о восшествіи на престолъ Екатерины, привести ихъ къ присягѣ и до дальнѣйшаго указа никакихъ военныхъ дѣйствій не производить. Въ заграничную армію посланъ былъ указъ генераль-поручику Петру Ив. Панину, находившемуся въ Кенигсбергѣ, смѣнить Румянцева въ начальствѣ надъ померанскимъ корпусомъ, потому что Румянцева подозрѣвали въ приверженности къ Петру III; въ рескриптѣ Панину говорилось: «Мы вступили сего числа благополучно на самодержавный престолъ всероссійскій, при чемъ мы, вѣдая вашу ревность и усердіе къ намъ, жалуемъ васъ полнымъ генераломъ, и повелѣваемъ вамъ принять корпусъ, состоящій подъ командою генерала Румянцева, въ свою полную команду, съ которымъ, получа сіе, немедленно въ Россію возвратиться имѣете. А понеже мы намѣреніе имѣемъ заключенный вновь вѣчный миръ съ его величествомъ королемъ прусскимъ содержать, того ради вы всѣ осторожности принять имѣете, дабы его величества землямъ никакихъ причинъ не подавать къ озлобленію, а генералу Румянцеву особый указъ нашъ посланъ о сдачѣ вамъ команды и возвращеніи его къ намъ въ Россію». Еще имѣя причины думать, что войска могутъ понадобится въ Россію, желая сохранять поэтому миръ съ королемъ прусскимъ, Екатерина не могла желать вести вмѣстѣ съ нимъ войну противъ Австріи, и потому отправленъ былъ указъ Чернышеву «намѣреніе наше было и нынѣ есть всѣ средства употребить къ полученію общаго въ Европѣ мира; но тишина и благосостояніе нашего престола требуютъ того неотмѣнно, чтобъ вы немедленно возвратились со всѣмъ вашимъ корпусомъ въ Россію. Ежели же король прусскій въ томъ препятствовать начнетъ, то вы имѣете со всѣмъ вашимъ корпусомъ соединиться съ арміею и ближайшимъ корпусомъ императрицы цесаревы римской; что же касается до заключеннаго въ послѣднее время мира съ его величествомъ королемъ прусскимъ, то мы нашего императорскаго величества именемъ повелѣваемъ его величеству объявить торжественно, что мы оный миръ продолжать будемъ свято и ненарушимо,

доколѣ его величество къ разрыву онаго, а особливо при нынѣшнемъ случаѣ, явныхъ къ тому видовъ не подастъ». Наконецъ къ рижскому генераль-губернатору Броуну былъ посланъ рескриптъ: «Понеже, по желанію всѣхъ сыновъ отечества, мы вступили благополучно на престолъ всероссійскій, того ради вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше объявляя и упоая на ваше къ намъ усердіе, повелѣваемъ всѣ мѣры къ тому принять, чтобъ сіе народное желаніе, съ Божиємъ благословеніемъ начатое, споспѣшествовано было добрымъ вашимъ учрежденіемъ, и въ противномъ случаѣ всѣ силы и мѣры употреблять имѣете къ отвращенію какого либо злаго сопротивленія, не взирая ни на чье достоинство и ни отъ кого кромѣ что за нашимъ подписаніемъ никакихъ повелѣній не принимать ^{108.}»

Но одними распоряженіями на бумагѣ ограничиться было нельзя; успѣхъ этихъ распоряженій главнымъ образомъ зависѣлъ отъ рѣшеній Петра III: онъ имѣлъ средство во имя своихъ правъ поднять внутреннюю борьбу, могъ послѣшно удалиться къ заграничной арміи и найти поддержку у Фридриха II, который «особливо при нынѣшнемъ случаѣ, могъ подать явные виды къ разрыву мира», какъ говорилось въ указѣ Чернышеву. Поэтому рѣшено было предупредить Петра III, и Екатерину, въ челѣ преданнаго ей войска, хотѣла сама выступить къ Петергофу. Сенатъ получилъ собственноручный указъ: «Господа сенаторы! Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобъ утвердить и обнадежить престолъ, оставляя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полною довѣренностію, подъ стражу: отечество, народъ и сына моего. Графамъ Скавронскому, Шереметеву, генераль-аншефу Корфу и подполковнику Ушакову присутствовать съ войсками, и имъ, такъ какъ и дѣйствит. тайному совѣтнику Неплюеву жить во дворцѣ при моемъ сынѣ ^{109.}»

Около 10 часовъ вечера, Екатерина верхомъ, въ гвардейскомъ мундирѣ Преображенскаго полка, въ шляпѣ, украшенной дубовыми вѣтвями, изъ-подъ которой распущены были длинныя красивыя волосы, выступила съ войскомъ изъ Петербурга; подлѣ императрицы ѣхала княгиня Дашкова также верхомъ и въ преображенскомъ мундирѣ; но это были старинныя мундиры, введенныя при Петрѣ Великомъ, и потому слывшіе уже національными, ибо какъ только Екатерина была провозглашена,

гвардейцы, какъ будто по указу, сбросили съ себя новые мундиры, введенные Петромъ III, которые они называли иностранными, разодрали ихъ или продали за безцѣнокъ и надѣли старые ¹¹⁰. При самомъ выступленіи изъ Петербурга, передъ императрицею явился великій канцлеръ Воронцовъ съ упреками за ея дѣйствія: вмѣсто отвѣта, говоритъ Екатерина, его повели въ церковь давать присягу. Иначе рассказываетъ Дашкова: по ея словамъ, Воронцовъ, видя, что его увѣщанія не дѣйствительны, удалился, отказываясь принести присягу: «будьте увѣрены, в. в. сказалъ онъ, что я никогда, ни словомъ, ни дѣломъ, не буду вредить вашему правленію, и для доказательства искренности моихъ словъ, прикажите одному изъ преданнѣйшихъ вашихъ офицеровъ наблюдать за моимъ домомъ; но никогда, при жизни императора, я не нарушу данной ему присяги». До насъ дошло письмо Воронцова Екатеринѣ отъ того же 28-го іюня: «Всемилоствѣйшая государыня! По неиспытаннымъ судьбамъ Всемогущаго угодно было васъ на императорскій престолъ возвести, я за первую должность мою почелъ, припадая къ стопамъ вашего императорскаго (величества пропущено) всенижайше просить о милостивомъ увольненіи отъ настоящаго моего чина и пожаловать великодушно свободить меня отъ всѣхъ дѣлъ, дабы я могъ достальную жизнь мою въ тишинѣ и покоѣ препроводить и скончать. Не возмни, всемилост. государыня, чтобъ я для какихъ-либо видовъ, или охоты не имѣлъ жизнь мою въ службѣ в. в.—ства окончить, но единственно призываю Всевышняго въ свидѣтельство, что я отнюдь не въ состояніи за весьма изнуреннымъ моимъ здоровьемъ и ежедневно разными болѣзнями одержимъ будучи, не могу какъ бы желалъ должность мою исправлять. Равномѣрное мое прошеніе было вѣчно достойной памяти государынѣ императрицѣ еще въ прошломъ году и по вступленіи на престолъ его величества, токмо сея милости получить не удостоился, которую изъ щедрыхъ рукъ в. и. в.—ства съ оказаніемъ сроднаго твоего милосердія ожидаю и повергаю себя къ стопамъ в. в.—ства, съ рабскимъ благоговѣніемъ пребываю в. и. в.—ства всеподданнѣйшій рабъ Г. Михаилъ Воронцовъ». Изъ этого письма никакъ нельзя догадаться, что писавшій его отказался принести присягу; притомъ послѣднее исключало надобность проситься въ отставку: неприсягнувшій не могъ

служить; но Воронцовъ остался на службѣ въ прежнемъ канцлерскомъ достоинствѣ. Пріѣхаль изъ Петергофа князь Никита Трубецкой и графъ Александръ Шуваловъ: ихъ также повели къ присягѣ, при чемъ Екатерина прибавляетъ, что они пріѣхали въ Петербургъ, чтобъ убить ее. Но Екатерина такъ хорошо знала этихъ людей, ихъ неспособность убивать, что могла сказать подобное только въ сильномъ раздраженіи.

Воронцовъ, Трубецкой и Александръ Шуваловъ пріѣхали въ Петербургъ за вѣстями, а, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, это было для нихъ только предлогъ, чтобъ ускользнуть изъ Петергофа отъ Петра. Мы видѣли, что императоръ жилъ въ Ораніенбаумѣ; съ нимъ были тамъ: канцлеръ Воронцовъ съ братомъ Романомъ, фельдмаршалъ графъ Минихъ, графъ Александръ Шуваловъ, князь Никита Трубецкой, вице-канцлеръ князь Александръ Мих. Голицынъ, прусскій посланникъ Гольцъ, трое Нарышкиныхъ, Мельгуновъ, гофмаршалъ Измайловъ, генераль-адъютанты—князь Ив. Фед. Голицынъ и Гудовичъ, тайный секретарь Волковъ, тайный кабинетскій совѣтникъ Олсуфьевъ, старый наставникъ Штелинъ и нѣсколько другихъ. Изъ дамъ были графиня Елисавета Ром. Воронцова, графиня Анна Карловна Воронцова (жена канцлера) съ дочерью, графинею Строгановою, графиня Разумовская (жена гетмана), княгиня Трубецкая (жена князя Никиты), графиня Шувалова (жена графа Александра), дочь принца Голштейн-Бекъ, графиня Брюсъ, Нарышкины и другія. 28-го іюня утромъ, въ то самое время когда Екатерина провозглашалась самодержавною императрицею всероссійскою въ Казанскомъ соборѣ, Петръ въ Ораніенбаумѣ дѣлалъ обычный парадъ голштинскимъ войскамъ, послѣ чего, въ 10 часовъ отправился съ своею свитою, въ шести экипажахъ, въ Петергофъ. Гудовичъ поѣхалъ впередъ, и вдругъ возвращается встревоженный и тихонько рассказываетъ Петру, что императрицы съ ранняго утра нѣтъ въ Петергофѣ и никто не знаетъ, куда она дѣвалась. Императоръ выходитъ изъ себя при этой вѣсти, выскакиваетъ изъ экипажа и пѣшкомъ вмѣстѣ съ Гудовичемъ спѣшитъ черезъ садъ къ павильону Монплезиръ, входитъ туда—нѣтъ нигдѣ, лежитъ только ея бальное платье, приготовленное къ завтрашнему празднику. Когда Петръ послѣ напрасныхъ розысковъ выходилъ изъ Монплезира, подошло остальное общество: «Не говорилъ ли я вамъ,

что она на все способна! крикнулъ ему Петръ; съ его проклятіями смѣшался безсвязный говоръ и вопль женщинъ. Потомъ въ отчаяніи бросился онъ искать Екатерину по всему саду: во время этихъ поисковъ подошелъ къ нему крестьянинъ съ запискою отъ Брессона, котораго Петръ изъ камердинеровъ своихъ сдѣлалъ директоромъ gobелиновой мануфактуры; въ запискѣ заключалось извѣстіе о петербургскомъ переворотѣ. Тутъ-то Воронцовъ, Трубецкой и Шуваловъ отправляются въ Петербургъ за подробными извѣстіями. Въ три часа пріѣзжаетъ изъ Петербурга Голштинецъ фейерверкеръ и рассказываетъ, что тамъ съ утра начались волненія въ Преображенскомъ полку. Такъ какъ, по слухамъ, вождемъ предпріятія былъ гетманъ Разумовскій, то послали за старшимъ Разумовскимъ Алексѣемъ, который жилъ недалеко въ имѣніи своемъ Гостилицахъ; старикъ пріѣхалъ, но это несколько не помогло дѣлу. Разумнѣе была другая мѣра: отправленіе адъютанта императорскаго, графа Девьера въ Кронштадтъ для обезпеченія за Петромъ этого важнаго мѣста на всякій случай. Въ то время, какъ въ Петербургѣ въ старомъ зимнемъ дворцѣ при Екатеринѣ Тепловъ писалъ рескрипты и указы, въ Петергофѣ Волковъ также писалъ манифесты и указы. Три солдата, отправленные съ этими манифестами въ Петербургъ для распространенія ихъ въ народѣ, встрѣтили Екатерину по выѣздѣ ея изъ города и отдали ей всѣ бумаги, говоря, что очень рады быть заодно съ своею братьею. Петръ мѣнялъ свои намѣренія; сначала онъ хотѣлъ защищаться въ Петергофѣ и послалъ за голштинскимъ войскомъ въ Ораніенбаумъ. Въ 8 часовъ вечера пришло это войско; но потомъ взяли верхъ представленія Миниха: защищаться съ Голштинцами противъ большаго войска Екатерины найдено невозможнымъ, Голштинцы отправлены назадъ въ Ораніенбаумъ, и рѣшено плыть въ Кронштадтъ.

Въ 10 часовъ вечера Петръ со всѣми находившимися въ Петергофѣ лицами, мужчинами и женщинами, отправился въ Кронштадтъ на галерѣ и яхтѣ. Но въ Кронштадтѣ уже начальствовалъ Талызинъ именемъ императрицы Екатерины II-й, а Девьеръ, присланный Петромъ, сидѣлъ подъ арестомъ. Въ первомъ часу ночи галера и яхта приблизились къ Кронштадтскому рейду; но изъ крѣпости велѣно было имъ удалиться; на извѣщеніе, что

пріѣхалъ самъ императоръ, отвѣчали, что въ Россіи нѣтъ больше императора, а императрица Екатерина II, и если суда сейчасъ же не уйдутъ, то начнется противъ нихъ пушечная стрѣльба. Гудовичъ, подговариваемый Минихомъ, представлялъ Петру, что не должно обращать вниманія на угрозы, стоитъ только ему втроемъ съ ними срыгнуть на берегъ; въ минуту крѣпость и флотъ признаютъ его власть. Но испуганный Петръ скрылся въ нижнюю часть корабля; между женщинами раздавались рыданія и вопли, и суда поплыли назадъ. Тутъ Минихъ приступилъ съ новымъ планомъ: съ помощію гребцовъ доплыть до Ревеля, тамъ сѣсть на военный корабль и отправиться въ Померанію. «Вы примете начальство надъ войскомъ, говорилъ Минихъ, поведете его въ Россію, и я ручаюсь в. в-ству, что въ шесть недѣль, Петербургъ и Россія опять будутъ у вашихъ ногъ». Но другіе нашли этотъ планъ слишкомъ смѣлымъ и совѣтовали, возвратясь въ Ораніенбаумъ, войти въ переговоры съ императрицею: этотъ совѣтъ былъ принять.

Екатерина, отойдя десять верстъ отъ Петербурга, остановилась въ Красномъ Кабачкѣ, чтобъ дать нѣсколько часовъ отдохнуть войску, которое цѣлый день было на ногахъ. Екатерина вмѣстѣ съ княгинею Дашковою провела эти нѣсколько часовъ отдыха въ маленькой комнатѣ, гдѣ была одна грязная постель для обѣихъ. Первые были слишкомъ возбуждены и сна не было. Безсонница однако не была тяжка: императрица и Дашкова были бодры, сердца ихъ были наполнены веселыми предчувствіями ¹¹¹.

Въ Красномъ Кабачкѣ настигъ войска Никита Ив. Панинъ, и въ дретъемъ часу пополуночи написалъ Сенату: «Имѣю честь чрезъ сіе увѣдомить прав. Сенатъ, что ея и. в-ство благополучно маршъ свой продолжаетъ, которую я со всѣми полками засталъ у Краснаго Кабачка на ростахѣ. Впрочемъ ревность неописанную и нимаю неумаляющуюся къ намѣренію предпріятому во всѣхъ полкахъ вижу; о семъ и удостовѣряю». На встрѣчу этому удостовѣренію шло донесеніе Сената, отправленное также въ 2 часа по полуночи: «Государь цесаревичъ въ желаемомъ здоровьи находится, и въ домѣ ея и. в-ства, потому жъ и въ городѣ, состоитъ благополучно и повелѣнныя учрежденія исправны». Повелѣнныя учрежденія состояли въ томъ, чтобъ не пропускать

ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга ни людей, ни бумагъ. Такъ секретарь ямской канцеляріи представилъ Сенату записку, переданную ему старостою ямскихъ слободъ, а староста получилъ ее изъ Петергофа чрезъ почтаря; въ этой запискѣ, за рукою генераль-поручика Овцына, заключался приказъ въ ямскія слободы: «получа сей приказъ, выбравъ 50 лошадей самыхъ хорошихъ, прислать сюда въ Петергофъ съ выборнымъ и явиться на конюшнѣ; а ежели потребуеть адъютантъ Костомаровъ пару лошадей, то дать ему безъ всякой отговорки». Костомаровъ былъ арестованъ и на допросѣ отвѣчалъ: «какъ его Мельгуновъ и Михайла Львовичъ Измайловъ посылали изъ Ораніенбаума, объявляя именной бывшаго императора указъ, въ Петербургъ, то приказывали ему, чтобъ онъ въ ихъ полкахъ сказалъ полковникамъ, дабы они съ полками своими слѣдовали въ Ораніенбаумъ»¹¹².

Въ пять часовъ утра Екатерина опять сѣла на лошадь и выступила изъ Краснаго Кабачка. Въ Сергіевской пустыни была другая небольшая остановка. Здѣсь встрѣтилъ императрицу вице-канцлеръ князь Александръ Мих. Голицынъ съ письмомъ отъ Петра: императоръ предлагалъ ей раздѣлить съ нимъ власть. Отвѣта не было. Затѣмъ пріѣхалъ генераль-майоръ Измайловъ и объявилъ, что императоръ намѣренъ отречься отъ престола. «Послѣ отреченія вполнѣ свободнаго я вамъ его привезу и такимъ образомъ спасу отечество отъ междоусобной войны», говорилъ Измайловъ. Императрица поручила ему устроить это дѣло. Дѣло было устроено, Петръ подписалъ отреченіе, составленное Тепловымъ въ такой формѣ: «Въ краткое время правительства моего самодержавнаго россійскимъ государствомъ самымъ дѣломъ узналъ я тягость и бремя, силамъ моимъ несогласное, чтобъ мнѣ не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительство владѣть россійскимъ государствомъ, почему и восчувствовалъ я внутреннюю онаго перемѣну, наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣтенію себѣ вѣчнаго чрезъ то безславія: того ради, помысливъ я самъ въ себѣ безпристрасно и непринужденно, чрезъ сіе объявляю не только всему россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что я отъ правительства россійскомъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюся, не желая ни самодержавнымъ, ниже инымъ

какимъ либо образомъ правительства во всю жизнь мою въ россійскомъ государствѣ владѣть, ниже онаго когда либо или черезъ какую-либо помощь себѣ искать, въ чемъ клятву мою чистосердечную предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приношу нелицемѣрно. Все сіе отрицаніе написалъ и подписалъ моею собственною рукою».

Въ пять часовъ утра 29 іюня, гусарскій отрядъ подъ начальствомъ поручика Алексѣя Орлова занялъ Петергофъ; потомъ стали приходять полки одинъ за другимъ, располагаясь вокругъ дворца. Въ 11 часовъ пріѣзжаетъ императрица верхомъ въ гвардейскомъ мундирѣ, въ сопровожденіи одѣтой такимъ же образомъ княгини Дашковой; раздаются пушечная пальба и восторженные крики войска; въ первомъ часу Григорій Орловъ и Измайловъ привозятъ отрекшагося императора вмѣстѣ съ Гудовичемъ, и помѣщаютъ въ дворцовомъ флигелѣ, а около вечера Петра отвозятъ въ Ропшу, загородный дворецъ въ 27 верстахъ отъ Петергофа. Въ 9 часовъ вечера императрица отправилась изъ Петергофа, и на другой день, 30 числа, имѣла торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

Фридрихъ II, разговаривая впослѣдствіи съ графомъ Сегюромъ, который ѣхалъ посланникомъ отъ французскаго двора въ Петербургъ, сдѣлалъ такой отзывъ о событіяхъ 28—29 іюня: «По справедливости, императрицѣ Екатеринѣ нельзя приписать ни чести, ни преступленія этой революціи: она была молода, слаба, одинока, она была иностранка, наканунѣ развода, заточенія. Орловы сдѣлали все; княгиня Дашкова была только хвастливою мухою въ повозкѣ. Екатерина не могла еще ничѣмъ управлять; она бросилась въ объятія тѣхъ, которые хотѣли ее спасти. Ихъ заговоръ былъ безразсуденъ и плохо составленъ; отсутствіе мужества въ Петрѣ III-мъ, не смотря на совѣты храбраго Миниха, погубило его: онъ позволилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенка, котораго отсылаютъ спать ^{113.}»

Не смотря на видимую мѣткость послѣдняго выраженія, мы не можемъ признать справедливости этого приговора. Фридрихъ не объяснилъ, какихъ бы условій онъ требовалъ отъ заговора, хорошо составленнаго. Мы видимъ одно, что, при всеобщемъ возбужденіи, людямъ энергическимъ было не трудно достигнуть своей цѣли. Движеніе произошло въ гвардіи, но оказалось не-

медленно, что Екатерина точно также опиралась на сенатъ и синодъ. Средства Петра III были истощены, когда сломлено было сопротивление ничтожнаго числа офицеровъ, хотѣвшихъ удержать полки. Мы не будемъ утверждать, что Петръ III отличался смѣлостію; но если бы онъ принялъ совѣтъ Миниха, то есть ли основаніе утверждать, что въ Ревель и въ заграничной арміи онъ не испыталъ бы такого же приѣма, какъ и въ Кронштадтѣ?

Какъ бы то ни было, ликование по поводу восшествія на престолъ Екатерины усиливалось и тѣмъ, что переменѣ произошла безъ пролитія капли крови; пострадали только виновные торговцы. День (30 іюня) былъ самый красный, жаркій, рассказываетъ Державинъ. Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены: пошелъ пиръ на весь міръ; солдаты и солдатки, въ неистовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медъ, шампанское и всякія другія дорогія вина и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и боченки, что у кого случилось. Въ полночь на другой день, съ пьянства Измайловскій полкъ, обуявъ отъ гордости и мечтательнаго своего превозношенія, что императрица въ него пріѣхала и прежде другихъ имъ препровождаема была въ зимній дворецъ, собравшись безъ свѣдѣнія командующихъ, приступивъ къ лѣтнему дворцу, требовалъ, чтобъ императрица къ нему вышла и увѣрила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошелъ до нихъ слухъ, что она увезена хитростями прусскимъ королемъ, котораго имя всему русскому народу было ненавистно. Ихъ увѣряли дежурные придворные, Ив. Ив. Шуваловъ и подполковникъ ихъ графъ Разумовскій, также и господа Орловы, что государыня почиваетъ и, слава Богу, въ вождѣльномъ здравіи; но они не вѣрили и непремѣнно желали, чтобъ она имъ показала. Государыня принуждена встать, одѣться въ гвардейскій мундиръ и проводить ихъ до ихъ полка. Поутру (на другой день) изданъ былъ манифестъ, въ которомъ хотя съ одной стороны похвалено было ихъ усердіе, но съ другой напоминалась воинская дисциплина, и чтобъ не вѣрили они разсѣваемымъ злонамѣренныхъ людей метежничьимъ слухамъ, которыми хотятъ возмутить ихъ и общее спокойствіе; въ противномъ случаѣ впредъ за непослушаніе они своимъ начальникамъ и всякую

подобную дерзость наказаны будутъ по законамъ. За всѣмъ тѣмъ съ того самаго дня приумножены пикеты, которые въ многомъ числѣ съ заряженными пушками и съ зажженными фитилями по всѣмъ мѣстамъ, площадямъ и перекресткамъ разставлены были. Въ таковомъ военномъ положеніи находился Петербургъ, а особливо вокругъ дворца, въ которомъ государыня пребываніе свое имѣла дней съ 8».

11 Августа 1764 года сенать слушала челобитную купца Дьяконова, о возвращеніи ему за растащенные у него при благополучномъ ея и. в-ства на императорскій престоль восшествіи въ собственномъ его домѣ изъ погреба виноградные напитки солдатствомъ и другими людьми по цѣнѣ на 4044 рубля. Приказали: оную челобитную, по примѣру челобитной купца Медера о такомъ же растащеніи виноградныхъ напитковъ, отослать въ камеръ-контору для разсмотрѣнія. Въ концѣ года камеръ-коллегія представила о поднесеніи ея и. в-ству вновь доклада о растащенныхъ при благополучномъ восшествіи ея и. в-ства на престоль солдатствомъ и другими людьми съ кабаковъ напитковъ. Приказали: какъ уже о томъ былъ докладъ 763 года іюля 9, то вновь другаго не подавать, а ожидать конфирмаціи на прежній. Но въ іюнѣ 1765 года Сенать рѣшилъ подать докладъ о растащенныхъ 28 іюня 1762 года изъ погребовъ виноградныхъ винахъ на 24331 рубль, сказать, что цѣны обозначены вѣрно и что Сенать признаетъ справедливымъ удовлетворить за растащенное изъ кабаковъ простое вино зачетомъ откупщикамъ въ откупную сумму, а продавцамъ винограднаго вина въ пошлинный сборъ ¹¹⁴.

Г Л А В А II.

Царствованіе Императрицы Екатерины II Алексѣевны.

1762 годъ.

Награды участникамъ въ событіи 28 іюня. — Возвращеніе графа Бестужева-Рюмина и князя Шаховскаго. — Торжественное оправданіе Бестужева. — Адауровъ и Елагинъ. — Судьба Гудовича, Волкова и Мельгунова. — Положеніе Ив. Ив. Шувалова. — Воронцовы. — Минихъ. — Екатерина въ Сенатъ. — Кончина Петра III. — Мысль о монументѣ Екатеринѣ. — Финансовыя мѣры. — Мѣры: противъ взяточничества; противъ монополій. — Крестьянскія волненія. — Дѣло о церковныхъ имѣніяхъ. — Дѣло объ учрежденіи императорскаго совѣта. — Приготовленія къ коронаціи. — Переписка Теплова съ Панинымъ. — Приѣздъ императрицы въ Москву. — Коронація. — Дѣло Гурьевыхъ и Хрущова. — Забота объ улучшеніи состоянія обѣихъ столицъ. — Отмѣна сыщиковъ. — Продолженіе крестьянскихъ волненій. — Коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ. — Вызовъ иностранныхъ колонистовъ. — Стараніе возвратить русскихъ бѣглецовъ. — Окончаніе дѣла объ императорскомъ совѣтѣ. — Общій характеръ внѣшней политики Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. — Сношенія съ Пруссією, Данією, Швецією, Польшею, Курляндією, Турцією, Австрією, Францією и Англією.

Кончились заботы о приобрѣтеніи власти; начинались болѣе тяжкія заботы о ея сохраненіи. Нужно было наградить людей, помогшихъ достигнуть власти — дѣло тяжелое, ибо каждый цѣнилъ свою услугу дорого и ревниво смотрѣлъ вокругъ, не получилъ ли кто больше за услугу меньшую; видѣлись только радостныя лица, слышались восторженные клики, а между гѣмъ бушевало цѣлое море страстей. Нужно было цѣнною, удовлетворяющею наградою закрѣпить старыхъ приверженцевъ, не возбудить между ними соперничества, не произвести между ними столкновенія, не произвести вражды между ними и собствен-

нымъ ихъ дѣломъ; нельзя было, по крайней мѣрѣ вдругъ, удалить людей, стоявшихъ наверху въ прежнее царствованіе и не участвовавшихъ въ перемѣнѣ, ибо и они, исключая очень немногихъ, не были довольны прежнимъ царствованіемъ и не были виновны въ томъ, чѣмъ возбуждалось всеобщее неудовольствіе; нужно было показать, что никто изъ людей видныхъ, полезныхъ, своею дѣятельностію, не потерялъ отъ перемѣны; нужно было сдѣлать такъ, чтобъ прошлое не напоминало о себѣ ничѣмъ добрымъ, не высказывалось ни въ одной силѣ, которая бы не осталась неупотребленною и которой не было бы дано лучшее направленіе въ настоящемъ. Въ прошлое царствованіе почти не было опаль, потому что наступило спокойно, безъ переворота; новое царствованіе должно было показать свое превосходство тѣмъ, что не допускало опаль, хотя и произошло вслѣдствіе переворота; не желалось показать, что были люди, и люди видные, которые враждебны новому царствованію, нельзя было нарушить всеобщности признанія новаго, всеобщности сочувствія къ нему; а между тѣмъ естественно рождалось соперничество между людьми, которые считались своими, и между чужими, которые введены были въ права своихъ. Нужно было неусыпными попеченіями о дѣлахъ внутреннихъ показать народу, что Россія дѣйствительно избавлена отъ страшнаго разстройства, происходившаго вслѣдствіе отсутствія разумной власти; а въ дѣлахъ внѣшнихъ нужно было дать народу требуемый миръ и въ то же время возстановить значеніе, славу имперіи, потерю которыхъ порицалось прошлое царствованіе.

Всѣ видные участники событій 28 іюня были щедро награждены повышеніями по службѣ, военные получили вмѣстѣ и придворные чины; кромѣ того награждены населенными имѣніями, получили одни по 800, другіе по 600, иные по 300 душъ крестьянъ; нѣкоторые получили одновременныя денежныя награды по 24, 20 и 10,000 рублей; гетманъ Разумовскій, Никита Ив. Панинъ и князь Мих. Никит. Волконскій получили пожизненныя пенсіи по 5000 рублей въ годъ. Кн. Дашкова пожалована въ *кавалеры* ордена св. Екатерины и получила денежную награду. Григорій Орловъ сдѣланъ камергеромъ, Алексѣй Орловъ секундъ-майоромъ Преображенскаго полка, оба получили Александровскія ленты, братъ ихъ Ѳедоръ сдѣланъ капитаномъ Се-

меновскаго полка, всѣ трое получили по 800 душъ крестьянъ, Теплоу получилъ 20,000 рублей. Богатою наградою указано было на участіе въ событіи 28 іюня двоихъ братьевъ ярославскихъ купцовъ, извѣстныхъ основателей русскаго театра, Федора и Григорья Волковыхъ: они получили дворянство и 700 душъ ¹¹⁵.

Екатерина спѣшила возвратить двоихъ опальныхъ прежняго царствованія, бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина и бывшаго генераль-прокурора князя Якова Шаховскаго. Въ первые дни царствованія императрица пользовалась совѣтами преимущественно двухъ лицъ, Никиты Ив. Панина и стараго сенатора, птенца Петра Великаго, Ив. Ив. Неплюева; ей важно было имѣть подлѣ себя еще двоихъ людей, знаменитыхъ своею опытностію, одного во виѣшнихъ, другаго во внутреннихъ дѣлахъ — Бестужева и Шаховскаго. 1 іюля князь Яковъ, пріѣзжавшій изъ деревни на короткое время въ Москву, уже собрался ѣхать опять въ деревню, какъ вошелъ къ нему пасынокъ, гвардейскій офицеръ Лопухинъ и съ тревожнымъ видомъ объявилъ, что встрѣтилъ на улицѣ двѣ дорожныя коляски; сидѣвшій въ первой изъ нихъ гвардейскій офицеръ Колышкинъ, увидавъ его, велѣлъ остановить лошадей, подбѣжалъ къ его каретѣ и въ восторгѣ сказалъ ему: «поздравляю тебя съ новою императрицею, Екатериною Алексѣевною, которая на престолъ Богомъ возведена, и я теперь скачу не останавливаясь съ указомъ ея в—ства къ графу Алексѣю Петровичу Бестужеву, чтобъ онъ немедленно ѣхалъ въ Петербургъ». Послѣ этихъ новостей Шаховской отложилъ отъѣздъ въ деревню, и на другой день получилъ изъ Сенатской Канторы экземпляръ манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины, и извѣщеніе, что тотъ же князь Меншиковъ, который привезъ въ Москву манифестъ, привезъ также указъ, повелѣвающій ему, Шаховскому, немедленно ѣхать въ Петербургъ. Большой колоколъ на Иванѣ Великомъ уже гудѣлъ, Успенскій соборъ и вся площадь наполнена была разнаго званія людьми, «которые съ радостными восторгами благодарили Всемогущаго за сію ко всеобщему благополучію содѣланную въ отечествѣ нашемъ перемѣну». Очутившись вслѣдствіе этой перемѣны опять въ Петербургѣ, Шаховской при первомъ представленіи услышалъ изъ устъ императрицы самыя лестныя отзывы о прежней своей службѣ и желаніе, чтобъ онъ опять занялъ мѣсто сенатора.

«День отъ дня оказываемые знаки милости е. и. в. и особливо со мною о многихъ внутреннихъ дѣлахъ къ свѣдѣнію ея потребныхъ частые разговоры и являемыя довѣренности ободряли меня и дѣлали неутомленнымъ», говоритъ Шаховской ¹¹⁶.

Въ половинѣ іюля пріѣхалъ изъ Горетова и старый Калхасъ, давно пророчествовавшій и составлявшій проекты о томъ, что теперь совершилось. Бестужевъ пріѣхалъ прямо во дворецъ и былъ принятъ императрицею какъ старый другъ. Старикъ казался очень дряхлымъ. Никто не сомнѣвался, что онъ будетъ имѣть большую долю участія въ правленіи, хотя никто не могъ указать мѣсто, какое онъ могъ занять; никакихъ перемѣнъ не предвидѣлось: Воронцовъ оставался великимъ канцлеромъ и Панинъ по прежнему считался довѣреннымъ лицомъ императрицы ¹¹⁷. Екатерина не могла не возвратитъ Бестужева и считала его полезнымъ совѣтникомъ; старикъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что къ нему обращались за совѣтомъ въ важныхъ случаяхъ и обращались въ самыхъ лестныхъ формахъ, Екатерина обыкновенно писала ему: «Батюшка Алексѣй Петровичъ!» Но канцлерства она ему возвратитъ не хотѣла; она хорошо знала упрямство Бестужева въ проведеніи своей любимой, разъ принятой системы, въ поддержаніи разъ принятыхъ отношеній. Особенно такой канцлеръ былъ неудобенъ теперь при заутанности европейской политики, когда и для Россіи должна была выработаться новая система; а главное, такой канцлеръ былъ неудобенъ для Екатерины, которая, по своей энергіи, хотѣла сама управлять виѣшною политикою, при чемъ, разумѣется, искала въ канцлерѣ собственно секретаря. Воронцовъ, не смотря на личное нерасположеніе къ нему Екатерины, былъ очень удобенъ теперь въ началѣ, въ переходное время, а потомъ имѣлся въ виду Панинъ, который хотя также былъ человѣкъ самолюбивый и пристрастный къ своей системѣ, но по характеру своему, по своей медленности и осторожности, онъ уже былъ эластичнѣе, а главное, онъ былъ свѣжѣе, доступнѣе новому, съ нимъ было легче сойтись въ мысляхъ, чѣмъ съ Бестужевымъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ казаться пришельцемъ изъ другаго міра.

Очень вѣроятно, что Бестужевъ мечталъ о возвращеніи канцлерства; но до него стали доходить слухи, что его считаютъ уже слишкомъ дряхлымъ для этой трудной должности. Но было

еще другое важное препятствіе для полнаго возстановленія его значенія: если бы онъ подвергся опалѣ при Петрѣ III, то при переменѣхъ, въ слѣдствіе которой всѣ событія этого царствованія являлись въ черномъ цвѣтѣ, всѣ опальные того времени само собою являлись невинными и не нуждались въ оправданіи; но Бестужевъ подвергся опалѣ при Елисаветѣ, которая оставила по себѣ такую добрую память [между русскими людьми; теперь ея память стала еще дороже для нихъ послѣ шестимѣсячнаго царствованія ея племянника, и Бестужевъ чувствовалъ, что сильно нуждается въ оправданіи. Любопытно въ этомъ отношеніи письмо его къ племяннику князю Мих. Никит. Волконскому: «Мнѣ просимое оправданіе столь нужнѣйшимъ есть, что хотя многія отъ высочайшаго ея и. в. милосердія неизреченныя милости получилъ, однакожь бы оное за верхъ своего благополучія и обрадованія при недолговременной своей жизни имѣлъ; а инако бы я въ прежнемъ поношеніи бывшимъ арестомъ какъ преступникъ остался къ великому оскорбленію и печали, которая прежде времени меня въ гробъ свести легко можетъ; да и безъ того уже слышу о себѣ изъ зависти за повѣрренность ея и. в-ства ко мнѣ разныя толкованія, будто я младенчеству, и никакой памяти не имѣю и ни къ какимъ дѣламъ не способенъ. Разсудите ваше сіятельство: буде я за старостію и слабою памятію къ службѣ неспособнымъ почитаемъ, то хотя бы другой кто и въ половинѣ 70 лѣтъ былъ, но въ гоненіяхъ и утѣсненіяхъ будучи полпята года, притомъ лишаясь наималѣйшаго свѣдѣнія о происхожденіяхъ и дѣлахъ въ Европѣ, едва ли возможетъ понятіе и разсужденіе объ оныхъ явственно и такъ скоро имѣть, какъ я сюда пріѣхалъ. Однакожь при всегдашней отъ Бога помощи, въ дѣлахъ могъ бы еще нѣсколько и я по своей обыкновенной ревности службу показать, когда бъ только состояніе мое нынѣшнее поправлено и отъ поношенія избавлено было. А впрочемъ я не завидливъ, но, по пословицѣ, отдаю тому книги, кто лучше знаетъ, и ничего себѣ не желаю, ни славы въ великой знатности, ни богатства, будучи одною ногою почти во гробѣ, а только желаю оставить по себѣ честное имя» ⁴¹⁸.

Но именно побужденія, по которымъ Бестужевъ такъ сильно желалъ оправданія, и затрудняли дѣло: оправдать Бестужева

значило обвинить Елисавету. Желаніе Бестужева однако было исполнено: 31 августа изданъ былъ оправдательный манифестъ, въ которомъ Екатерина говорила: «Графъ Бестужевъ-Рюминъ ясно намъ открылъ, какимъ коварствомъ и подлогомъ недоброжелательныхъ доведенъ онъ былъ до сего злополучія, и тѣмъ возбудилъ въ насъ самихъ не токмо о немъ достойное сожалѣніе, но и крайнее удовольствіе, что наше ему освобожденіе нашлось соотвѣтствующее тому правосудію, съ которымъ мы царствовать начали. Паче всего симъ подтвердилъ онъ намъ, что чѣмъ тягчайшее на кого-либо приносится обвиненіе, тѣмъ глубочае и осторожнѣе прежде въ изслѣдованіи поступить надлежитъ, а инако осужденіе безвинно быть можетъ; ибо хотя наше вселюбезнѣйшая тетка, императрица Елисавета Петровна, какъ намъ самимъ и всему свѣту извѣстно было, прозорливая, просвѣщенная и милосердая, и притомъ и правосудная монархиня была, но кромѣ сердецѣдца Бога, никому изъ смертныхъ въ человѣческія помышленія проникнуть невозможно, и потому несомнѣнно противу воли и намѣренія ея дѣло къ несчастію его графа Бестужева-Рюмина до сего времени обращалось. И такъ въ защищеніе ея имени и добродѣтелей, съ которыми она царствовала милосердо и человѣколюбиво, за истинную къ ней любовь и почтеніе, а паче за долгъ христіанскій и монаршій, мы приняли: его графа Бестужева-Рюмина всенародно показать паче прежняго достойнымъ покойной тетки нашей, бывшей его государыни, довѣренности, и нашей особливой къ нему милости, яко симъ нашимъ манифестомъ исполняемъ, возвратя ему съ прежнимъ старшинствомъ чины генерала-фельдмаршала, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалера съ пенсіономъ по 20,000 рублей въ годъ¹¹⁹. Какъ-нибудь соблюдено было приличіе относительно памяти императрицы Елисаветы; но съ какимъ чувствомъ должны были читать манифестъ живые люди — Трубецкой, Бутурлинъ и Александръ Шуваловъ, члены слѣдственной комиссіи по дѣлу Бестужева? Воронцовъ, который считался главнымъ врагомъ послѣдняго, Ив. Ив. Шуваловъ, котораго считали отвѣтственнымъ за важнѣйшія явленія второй половины елисаветинскаго царствованія? Но эти люди не считали теперъ удобнымъ для себя быть очень обидчивыми.

Бестужевъ требовалъ и получилъ торжественное оправданіе; но было двое опальныхъ по его дѣлу, двое людей бывшихъ близкими къ Екатеринѣ—Ададуровъ и Елагинъ. Эти не домогались торжественнаго оправданія, они просто были возвращены и щедро награждены. Ададуровъ изъ статскихъ совѣтниковъ былъ пожалованъ въ тайные, получилъ мѣсто президента мануфактуръ-коллегии; полковникъ Елагинъ былъ произведенъ въ дѣйстви. статскіе совѣтники съ тѣмъ, чтобъ ему быть у кабинетныхъ дѣлъ императрицы ¹²⁰. Въ письмѣ къ Понятовскому Екатерина такъ упоминаетъ о людяхъ, извѣстныхъ послѣднему: «Тепловъ оказалъ мнѣ большія услуги; Ададуровъ бредитъ; Елагинъ у меня ¹²¹».

Изъ лицъ, близкихъ или считавшихся близкими къ бывшему императору, вначалѣ подверглись кратковременному аресту Гудовичъ, Волковъ и Мельгуновъ ¹²², какъ видно изъ предосторожности, чтобъ они не стали дѣйствовать въ пользу Петра III; точно такъ сначала боялись Гольца, и сильно старались узнать содержаніе его переписки, даже мелькала мысль захватить бумаги Гольца и сложить вину на солдатъ; но мысль эта только мелькнула и исчезла ¹²³. Гудовичъ вышелъ въ отставку и удалился въ свою Черниговскую деревню. Волкова, какъ чловѣка даровитаго и могшаго быть очень полезнымъ, въ отставку не пустили, а отправили вице-губернаторомъ въ Оренбургъ, поступили съ нимъ точно также, какъ Елисавета поступила съ Неплюевымъ при своемъ воцареніи; но мы увидимъ, что Волковъ не останется такъ долго на среднеазиатской украинѣ, какъ Неплюевъ; извѣстныя оправдательныя письма его могли произвести впечатлѣніе, особенно когда ничего не было найдено ему въ обвиненіе. Мельгуновъ былъ такъ же временно удаленъ на южную Украину. Имя Мельгунова тѣсно соединялось съ именемъ Ив. Ив. Шувалова. Послѣднему легко было оправдаться въ своихъ невольныхъ сборахъ сопровождать Петра III въ заграничную армію; онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго затрудненія въ признаніи новаго правительства; но его не любила Екатерина, не любили его люди, къ ней близкіе: онъ имѣлъ слишкомъ большое значеніе при Елисаветѣ, большое вліяніе на судьбу всѣхъ, начиная съ Екатерины, былъ слишкомъ крупенъ, нравственно силенъ, безпрестанно попадался на глаза и потому сильно мѣ-

шалъ. Онъ имѣлъ извѣстность за границую, переписывался съ людьми, мнѣніемъ которыхъ очень дорожили тогда въ Европѣ. Екатеринѣ передали, что Шуваловъ въ письмѣ къ Вольтеру, неуважительно отозвался о событіи 28-го іюня, приписавъ его молоденькой женщинѣ Дашковой. Масло было подлито въ огонь; задѣта была самая живая струна, потому что Екатерина приписывала себѣ направленіе движенія, другіе были только орудіями ¹²⁴; сильное раздраженіе ея противъ Шувалова высказалось въ чрезвычайно рѣзкихъ выраженіяхъ ¹²⁵. Шуваловъ нашелся въ самомъ непріятномъ положеніи, изъ котораго, чрезъ нѣсколько времени, могъ выйти только отъѣздомъ за границу.

Кратковременному удаленію должна была подвергнуться графиня Елисавета Романовна Воронцова, по тому значенію, какое она имѣла въ бывшее царствованіе. 29-го іюня она возвратилась въ домъ къ отцу своему, который, по словамъ другой своей дочери, княгини Дашковой, вовсе не радъ былъ этому возвращенію, во первыхъ потому, что никогда очень не любилъ Елисаветы, а во вторыхъ потому, что Елисавета, будучи *во времени*, не подчинялась его вліянію въ той степени, въ какой бы онъ хотѣлъ. До насъ дошла записка Екатерины Елагину на счетъ Елисаветы Воронцовой: «Перфильевичъ, сказывалъ ли ты кому изъ Лизаветиныхъ родственниковъ, чтобъ она во дворець не размахнулась, а то боюсь къ общему соблазну завтра прилетитъ ¹²⁶». Для предотвращенія этого соблазна Елисавету отправили въ отцовскую подмосковную, а послѣ коронаціи, когда дворъ уѣхалъ изъ Москвы, Елисавета поселилась въ этомъ городѣ, гдѣ и жила до своего выхода за мужъ за бригадира Полянскаго, послѣ чего переѣхала въ Петербургъ. На Елисавету сердились родственники за то, что при Петрѣ III она ничего для нихъ не сдѣлала; теперь сердились за то же на Екатерину Романовну (Дашкову). Канцлеръ Воронцовъ въ августѣ писалъ въ Лондонъ племяннику своему, графу Александру Романовичу: «О сестрѣ вашей княгинѣ Дашковой увѣдомить имѣю, что мы отъ нея столько же ласковости и пользы имѣемъ, какъ и отъ Елисаветы Романовны, и только что подъ именемъ ближняго свойства слышемъ, а никакой искренности, ни откровенности, и еще менѣе какого-либо вспомошествованія или надежды, чтобъ въ пользу нашу старанія прилагала, отнюдь не имѣемъ; и она, сколько мнѣ

кажется, имѣть нравъ развращенный и тщеславный, больше въ суетахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, въ наукахъ и пустотѣ время свое проводить. Я опасаясь, чтобъ она капризами своими и неумѣреннымъ поведеніемъ и отзывами столько не прогнѣвала государыню императрицу, чтобъ отъ двора отдалена не была, а чрезъ то наша фамилія, въ ея паденіи, напраснаго порока отъ публики не имѣла. Правда, она имѣла многое участіе въ благополучномъ восшествіи на престолъ всемилостивѣйшей нашей государыни, и въ томъ мы ее должны весьма прославлять и почитать; да когда поведеніе и добродѣтели не соотвѣтствуютъ заслугамъ, то не иное что послѣдовать имѣеть, какъ презрѣніе и уничтоженіе. Я истинно на нее сердца или досады не имѣю и желаю ей имѣть всякое благополучіе; только индифферентность ея къ намъ чувствительна и по свойству несносна, тѣмъ болѣе, что отъ благополучія ея не имѣемъ пользы, а отъ паденія ея можемъ претерпѣть напрасное неудовольствіе. Вы, сіе зная, должны имѣть въ перепискѣ съ нею всякую осторожность. Что же касается до мужа ея, то онъ намъ непременно прежнюю ласковость и учтивость оказываетъ и ведетъ себя скромно и разумно. Господинъ Одаръ имѣлъ также участіе въ счастливой переѣздѣ и, какъ весьма разумный человѣкъ, поведеніе свое осторожно имѣеть и къ намъ преданность и благодарность свою оказываетъ. Онъ получилъ позволеніе отъѣхать въ Италію, для привезенія сюды своей фамиліи, уже съ мѣсяць времени какъ отъѣхалъ; понынѣ онъ не получилъ еще награжденія, какъ токмо 1000 рублей для проѣзду своего.

Графъ Александръ Романовичъ, узнавъ о возвышеніи одной сестры и о паденіи другой, сталъ въ своихъ письмахъ осыпая упреками первую, зачѣмъ не помогаетъ второй. «По всѣмъ извѣстіямъ изъ Петербурга, писалъ онъ Дашковой, ея и. в—ство оказываетъ вамъ великія милости, и потому я не могу оправдать вашего равнодушія къ судьбѣ нашей сестры Елисаветы, я не знаю даже, что съ нею сдѣлалось. За ваши заслуги вы должны были бы просить одной награды — помилованія сестры и предпочесть эту награду екатерининской лентѣ: вы бы тогда не измѣнили проповѣдуемымъ вами философскимъ убѣжденіямъ, которыя заставляли меня думать, что вы равнодушны къ величію человѣческому». Графъ Александръ прямо обратился къ им-

ператрицѣ съ просьбою о милости къ сестрѣ, и получилъ отвѣтъ: «Вы не ошиблись, вѣря, что я не измѣнилась, относительно васъ. Я съ удовольствіемъ читаю ваши донесенія и надѣюсь, что вы будете продолжать вести себя также похвально. Вы должны успокоиться на счетъ судьбы вашего семейства, о которомъ я видѣла все ваше безпокойство. Я улучшу положеніе вашей сестры какъ можно скорѣе».

Но эта возможность представилась не скоро, и нетерпѣливый графъ Александръ не переставалъ колоть Дашкову въ своихъ письмахъ. Онъ кололъ ее дошедшими до него слухами, будто она отобрала у сестры все ей принадлежавшее и даже не дала ей самыхъ необходимыхъ вещей при отправленіи въ деревню. Графъ Александръ писалъ, что не только родственная привязанность, но и благодарность заставляють его заступаться за сестру Елисавету. Дашкова хотѣла его поймать на этомъ, и, отвергая слухи о завладѣніи сестринными вещами, писала, что она не позволила бы себѣ такъ поступить съ сестрою, которую любить искренно. «Вы конечно знаете, писала она, что я ничѣмъ не обязана ни ей, никому-либо изъ моей родни; я ее люблю и забочусь о ней искренно, не будучи принуждаема къ тому благодарностію, поэтому чувства мои проистекають изъ источника болѣе чистаго.» Графъ Александръ еще больше рассердился: въ отвѣтъ своемъ онъ съ злою ироніею повторялъ извѣстія о болѣе, чѣмъ челоуѣколюбивомъ способѣ, какой употребила Дашкова для утѣшенія своей несчастной сестры, писалъ, что такой способъ утѣшенія будетъ служить памятникомъ ея безкорыстія въ потомствѣ, что этотъ поступокъ ея будутъ приводить въ назиданіе: «Вы благоразумно поступаете, писалъ онъ, желая уменьшить достоинство благодарности, потому что не имѣете этого чувства въ значительномъ количествѣ, и чтобъ совершенно отъ него освободиться, говорите, что ничѣмъ не обязаны всей своей роднѣ. Позвольте напомнить вамъ, что вы ошибаетесь. Вопервыхъ, вы обязаны своей сестрѣ тѣмъ, что мужъ вашъ былъ посланъ въ Константинополь ¹²⁷ и множествомъ другихъ мелкихъ услугъ; она, по вашему желанію, удержала отправленіе ваше въ Москву и предложила вамъ домъ, ей тогда подаренный. Относительно отца нашего я не распространяюсь объ обязанностяхъ, которыя вы къ нему имѣете.

Всѣмъ извѣстны также заботы дяди и тетки о вашемъ воспитаніи и объ устройствѣ вашей судьбы ¹²⁸.

Императрица, разумѣется, не сочла позволительнымъ для себя не быть великодушною относительно человѣка съ европейскою извѣстностію, Миниха, безопаснаго по своей старости и *иностранству*, дѣлавшему его одинокимъ; притомъ старикъ могъ еще быть полезенъ. При Петрѣ III Минихъ просилъ или сдѣлать его сибирскимъ губернаторомъ по знанію тамошнихъ обстоятельствъ, или поручить ему главную дирекцію надъ Ладожскимъ каналомъ ¹²⁹. При Петрѣ онъ не получилъ ни того, ни другого; при Екатеринѣ онъ сдѣланъ генераль-директоромъ надъ портомъ Балтійскимъ, портомъ Нарвскимъ, надъ Кронштадтскимъ и Ладожскимъ каналами и надъ Волховскими порогами ¹³⁰.

Люди, содѣйствовавшіе переменѣ, были награждены: противники были прощены или наказаны очень легко сравнительно съ наказаніями, сопровождавшими прежнія переменны; оставалось дѣятельностію неутомимою и серіозною показать противоположность новаго правленія съ прежнимъ.

Между бумагами Екатерины II-й находится ¹³¹ собственноручная ея записка на французскомъ языкѣ: въ этой запискѣ говорится, что на пятый или на шестой день по своемъ восшествіи на престолъ, императрица присутствовала въ Сенатѣ, которому приказала собираться въ лѣтнемъ дворцѣ, чтобъ ускорить теченіе дѣлъ. Сенатъ началъ съ представленія о крайнемъ недостаткѣ въ деньгахъ; представилъ также, что цѣна хлѣба въ Петербургѣ поднялась вдвое противъ прежняго. На первое Екатерина отвѣчала, что употребить на государственныя нужды собственныя комнатныя деньги, что «принадлежитъ сама государству, она считаетъ и все принадлежащее ей собственностію государства, и на будущее время не будетъ никакого различія между интересомъ государственнымъ и ея собственнымъ». Сенаторы встали и со слезами на глазахъ благодарили императрицу за такія чувства. Екатерина велѣла выдать изъ комнатныхъ денегъ сколько было нужно на государственныя потребности. Для пониженія же цѣны на хлѣбъ въ Петербургѣ она запретила временно вывозъ хлѣба за границу, что въ два мѣсяца произвело дешевизну всѣхъ припасовъ. Потомъ на очереди было дѣло о позволеніи Евреямъ въѣзжать въ Россію, и это дѣло привело

императрицу въ большое затрудненіе: «не прошло еще осьми дней, думала она, какъ я вступила на престолъ и была возведена на него для защиты православной вѣры; я имѣю дѣло съ народомъ религіознымъ, съ духовенствомъ, которому не чѣмъ жить въ слѣдствіе отобранія имѣній, мѣры необдуманной; умы въ сильномъ волненіи, какъ обыкновенно бываетъ послѣ такого важнаго событія; начать царствованіе указомъ о свободномъ въѣздѣ Евреевъ было бы плохимъ средствомъ къ успокоенію умовъ; признать же свободный въѣздъ Евреевъ вреднымъ было невозможно». Изъ этого затрудненія вывелъ Екатерину сенаторъ князь Одоевскій, который всталъ и сказалъ ей: «Не угодно ли будетъ в. в—ству, прежде рѣшенія дѣла, взглянуть, что императрица Елисавета собственноручно написала на поляхъ подобнаго же доклада». Екатерина велѣла принести дѣло и прочла: «Отъ враговъ Христовыхъ не желаю корыстной прибыли». Прочитавши, Екатерина обратилась къ генераль-прокурору Глѣбову и сказала ему: «Я желаю, чтобъ это дѣло было отложено».

Въ журналахъ и протоколахъ Сената мы не найдемъ тѣхъ извѣстій и подробностей, какія находимъ въ запискѣ Екатерины. Изъ нихъ видимъ, что со дня вступленія на престолъ до 1-го сентября, когда императрица отправилась въ Москву для коронаціи, она присутствовала въ Сенатѣ 15 разъ. Въ первый разъ ея присутствіе записано 1-го іюля. Въ это засѣданіе Сенатъ доложилъ императрицѣ, что 27 іюня полученъ имъ былъ указъ бывшаго императора о построеніи къ будущей кампаніи 1763 года девяти или, по крайней мѣрѣ, шести кораблей и о забраніи для того всѣхъ лѣсовъ, чьи бы то ни были; Сенатъ представилъ, что отъ этого произойдетъ обывателямъ раззореніе; для такого чрезвычайнаго строенія и особенно вооруженія денегъ и людей нѣтъ, да и нужды въ такомъ строеніи не признается. Екатерина не велѣла исполнять этотъ указъ, равно какъ и другіе: указъ 27-го же іюня, чтобъ не дѣлать отсрочекъ платежамъ въ банки, и указъ 24 мая объ учрежденіи банковыхъ билетовъ. На другой день, 2 іюля, Екатерина также присутствовала въ Сенатѣ и отмѣнила всѣ нововведенія, сдѣланныя въ полкахъ въ царствованіе Петра III; 4 іюля вышло распоряженіе, чтобъ гетманъ малороссійскій графъ Разумовскій имѣлъ въ командѣ всѣ пѣхотные полки, около Петербурга расположен-

ные, и гарнизоны петербургскій и Выборгскій, а графу Бутурливу имѣть команду надъ полками кавалерійскими, около Петербурга стоящими.

6 іюля Екатерина вошла въ Сенатъ въ началѣ одиннадцатаго часа и объявила подписанный ею манифестъ съ обстоятельнымъ описаніемъ своего восшествія на престолъ. «Отечество вострепетало, говорилось въ манифестѣ, видя надъ собою государя и властителя, который всѣмъ своимъ страстямъ прежде повинованіе рабское учинилъ и съ такими качествами воцарился, нежели о благѣ вѣреннаго себѣ государства помышлять началъ». Слѣдуютъ обвиненія Петра III-го въ томъ, что онъ неприлично велъ себя при гробѣ покойной императрицы: «радостными глазами на гробъ ея взиралъ, отзываясь притомъ неблагодарными къ тѣлу ея словами». Потомъ «коснулся перво всего древнее православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персоною церковь Божию и моленіе, такъ что когда добросовѣстные изъ его подданныхъ, видя его иконамъ непоклоненіе и къ церковнымъ обрядамъ презрѣніе или паче ругательство, приходя въ соблазнъ, дерзнули ему о томъ напомнить съ подобострастіемъ въ осторожность, то едва могли избѣгнуть тѣхъ слѣдствій, которыя отъ самовольнаго, необузданнаго и никакому человѣческому суду неподлежащаго властителя произойти бы могли. Потомъ началъ помышлять о разореніи и самихъ церквей и уже нѣкоторыя и повелѣлъ было разорить самымъ дѣломъ; а тѣмъ, которые по теплотѣ и молитвѣ къ Богу за слабымъ иногда здоровьемъ не могли отъ дому своего отлучаться, вовсе законъ предписалъ никогда церквей Божіихъ въ домѣхъ не имѣть. Презрѣлъ онъ и законы естественные и гражданскіе: ибо имѣя онъ единаго Богомъ дарованнаго намъ сына, при самомъ вступленіи на престолъ, не восхотѣлъ объявить его наслѣдникомъ престола, оставляя самовольству своему предметъ, который онъ въ погубленіе намъ и сыну нашему въ сердцѣ своемъ положилъ, и вознамѣрился или вовсе право ему преданное отъ тетки своей испровергнуть, или отечество въ чужія руки отдать, забывъ правило естественное, что никто большаго права другому дать не можетъ, какъ-то, которое самъ получилъ. Законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе объ нихъ слышать не хотѣлъ, доходы госу-

дарственные расточать началъ вредными государству издержками; изъ войны кровопролитной начиналъ другую безвременную и государству российскому крайне бесполезную, возненавидѣлъ полки гвардіи, освященнымъ его предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды неудобносимые. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единого государя войско то было, но чтобъ каждый въ полѣ удобіе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единомушіе». Относительно отреченія Петра III, въ манифестѣ сообщены нѣкоторыя подробности: «Онъ два письма одно за другимъ къ намъ прислалъ: первое чрезъ вице-канцлера нашего кн. Голицына, въ которомъ просилъ, чтобъ мы его отпустили въ отечество его Голстинію, а другое чрезъ генерала майора Мих. Измайлова, въ которомъ самъ добровольно вызвался, что онъ отъ короны отрицается и царствовать въ Россіи болѣе не желаетъ, гдѣ притомъ упрощиваетъ насъ, чтобъ мы его отпустили съ Лизаветою Воронцовою да съ Гудовичемъ также въ Голстинію. И какъ-то, такъ и другое письмо, наполненныя ласкательствами, присланы были нѣсколько часовъ послѣ того, что онъ повелѣніе давалъ дѣйствительно насъ убить, о чемъ намъ тѣ самые заподлинно донесли, съ истиннымъ удостовѣреніемъ, кому сіе злодѣйство противу живота нашего препоручено было дѣломъ самимъ исполнить». Манифестъ оканчивался обѣщаніемъ: «Наше искреннее и величественное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ: то такимъ же образомъ здѣсь наиторжественнѣйше обѣщаемъ нашимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость имперіи и нашей самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣрно-усердствующихъ своему отечеству вывести изъ унынія и оскорбленія»¹³².

По прочтеніи этого манифеста, императрица «изволила Прав. Сенату отдать въ ковертѣ бывшаго императора Петра III свое-ручное и за подписаніемъ его объ отрицаніи отъ правительства россійскимъ государствомъ удостовѣреніе въ оригиналѣ, пове-лѣвая оное, прочтя и запечатавъ всѣмъ сенаторамъ своими пе-чатями, хранить въ Сенатѣ, которое тогдажъ въ собраніи Пр. Сената читано и гг. сенаторами запечатано ¹³³».

Но того же 6 іюля случилось событіе, которое потребовало новаго манифеста: пришло извѣстіе о смерти бывшаго императора въ Ропшѣ, смерти насильственной. «Я нашла императрицу, гово-ритъ Дашкова, въ совершенномъ отчаяніи; видно было, подѣ влія-ніемъ какихъ тяжкихъ думъ она находилась. Вотъ что она мнѣ сказала: «эта смерть наводитъ на меня невыразимый ужасъ; этотъ ударъ меня сокрушаетъ ¹³⁴» 7 іюля былъ изданъ манифестъ: «Въ седьмой день послѣ принятія нашего престола всероссійскаго, получили мы извѣстіе, что бывший императоръ Петръ III, обыкно-венными прежде часто случавшимся ему припадкамъ геморойди-ческимъ впалъ въ престестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христіанскаго и заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ пове-лѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежде-нію слѣдствъ изъ того приключенія, опасныхъ въ здравіи его и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради мы повелѣли тѣло его привезти въ монастырь Невскій, для погребенія въ томъ же монастырѣ, а между тѣмъ всѣхъ вѣрно-поданныхъ возбуждаемъ и увѣщаемъ нашимъ императорскимъ и матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прошед-шаго, съ тѣломъ его послѣднее учинили прощаніе и о спасе-ніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе принимали за про-мысль Его Божественный, который онъ судьбами Своими неисповѣдимыми намъ, престолу нашему и всему отечеству строить путемъ, Его только Святой волѣ извѣстнымъ» ¹³⁵.

На другой день послѣ изданія этого манифеста, 8 іюля, въ собраніи Сената всталъ и началъ говорить сенаторъ Никита Ив. Панинъ: «Извѣстно мнѣ, что ея и. в-ство намѣреніе положить со-

изволила шествовать къ погребенію императора Петра III въ Невскій монастырь; но какъ великодушное ея в—ства и не памятозлюбивое сердце наполнено надѣбною о семъ приключеніи горестію и крайнимъ соболѣзнованіемъ о столь скорой и нечаянной смерти бывшаго императора, такъ что съ самаго полученія сей нечаянной вѣдомости ея в—ство въ непрерывномъ соболѣзнованіи и слезахъ о такомъ приключеніи находится: то хотя я, почитая за необходимый долгъ, обще съ г. гетманомъ, графомъ К. Г. Разумовскимъ и представляли, чтобъ ея в—ство, сохраняя свое здравіе, по любви своей къ російскому отечеству, для всѣхъ истинныхъ ея вѣрноподданныхъ и для многихъ неприятныхъ слѣдствъ изволила бѣ намѣреніе свое отложить; но ея в—ство на то благоволенія своего оказать не соизволила, и потому я за должное призналъ потомъ Пр. Сенату объявить, дабы весь Сенатъ, по своему усердію къ ея в—ству, о томъ съ рабскимъ своимъ прошеніемъ предсталъ». — «Сенатъ, уважа всѣ учиненныя г. сенаторомъ Панинымъ справедливыя изъясненія, тотчасъ пошелъ во внутреннія ея в—ства покои и раболѣпнѣйше просилъ, дабы ея в—ство шествіе свое въ Невскій монастырь отложить соизволила, и хотя ея в—ство долго къ тому согласія своего и не оказывала, но напоследокъ, видя неотступное всего Сената рабское и всеусерднѣйшее прошеніе, намѣреніе свое отложить благоволила». Петръ III былъ погребенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Неизвѣстно, по чьему внушенію Сенатъ нашелъ нужнымъ показать новый знакъ своего усердія къ Екатеринѣ и своего сочувствія къ дѣлу 28 іюня. 17 іюля былъ призванъ въ Сенатъ генераль-поручикъ Бецкій и услышалъ такое предложеніе: «такъ какъ ея и. в—ство привятіемъ императорскаго престола толико изліяла всѣмъ ея вѣрноподданнымъ матернихъ щедротъ, что оныя до позднихъ временъ въ сердцахъ искреннихъ сыновъ отечества въ незабвенной памяти остаются должныя, то Сенатъ за рабскую должность признаваетъ въ безсмертную ея и. в—ства славу сдѣлать монументъ, къ чему вы, по вашему довольному къ подобнымъ знаніямъ искусству, избраны, и потому Сенатъ на ваше разсужденіе предастъ, какой вы заприличнѣе столь славнымъ дѣламъ ея и. в—ства монументъ сдѣлать найдете, о томъ бы Сенату свое мнѣніе съ планами ста-

туямъ, обелискамъ и медалямъ подали». Беккій отвѣчалъ, что онъ «порученіе ему столь великаго дѣла признаваетъ за особенное для себя счастье, и хотя онъ къ исполненію того находитъ себя недостаточнымъ, однако жъ, по долговременной своей бытности въ чужихъ краяхъ и получа тамъ знакомство со многими учеными и искусными людьми, надѣется съ помощію ихъ сіе къ удовольствію Прав. Сената исполнить».

Но среди этихъ движеній, порожденныхъ событіями 28 іюня и 6 іюля, въ Сенатѣ шла сильная дѣятельность, показывавшая, что новое правительство хочетъ сдержать свои обѣщанія. 3 іюля, присутствуя въ Сенатѣ, императрица приказала сбавить съ соли по гривнѣ съ пуда, и Сенатъ долженъ былъ стараться какъ можно скорѣе отыскать средства сбавить еще больше. Сбавка гривны составляла 612,021 рубль; надобно было ихъ замѣнить въ доходѣ, и 12 іюля состоялся именной указъ брать изъ миллионной комнатной суммы, вносимой къ императрицѣ изъ солянаго же сбора, по 300,000 рублей въ годъ, а остальные брать изъ передѣла мѣдныхъ денегъ. Этимъ указомъ объясняются слова Екатерины о пожертвованіяхъ для государства изъ комнатной суммы. 23 іюля Сенатъ получилъ указъ: «Понеже въ бывшее предъ симъ правительство государственная казна истощена, излишнихъ расходовъ приумножено, отъ чего неисчислимыя приключаются въ государствѣ неполезности, и для того надлежитъ Прав. Сенату стараться: 1) розданныя изъ казны займы деньги взыскать; 2) бывшія застѣки и гдѣ есть порожнія, а дворянамъ надобныя земли, продать, чрезъ что многимъ помѣщикамъ въ размноженіи экономіи прибавятся способы, а казнѣ при нынѣшнихъ недостаткахъ къ исправленію государственныхъ надобностей спомоществованіе; 3) военные и гражданскіе штаты рассмотреть, и что къ полезнѣйшему тѣхъ впредь состоянію потребно, представить ея и. в—ству; 4) тщиться, чтобъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ судейскія мѣста достойными наполняемы были и чтобы справедливая служба награжденной была и малоимущіе не имѣли причинъ къ лихоимству склоняться, назначить каждому пристойное жалованье, изыскавъ на то деньги не вновь налагаемыми съ народа сборами, но другими благопристойнѣйшими способами и подать ея и. в—ству немедленно; 5) потщиться къ пресѣченію ябедническихъ происковъ и къ

скорѣйшему обидимыхъ удовольствію сыскать пристойные способы ¹³⁶.

Относительно лихоимства Екатерина въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ повторила указъ Елисаветы 16 августа 1760 года, причѣмъ прямо указала на вынесенное изъ древней Россіи зло и на привычку смотрѣть на службу какъ на кормленіе: «Мы уже отъ давняго времени слышали довольно, говорить именной указъ 18 іюля, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возрасло: ищетъ ли кто мѣста — платитъ; защищается ли кто отъ клеветы — обороняется деньгами; клевететь ли на кого кто — всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Напротивъ того: многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именованъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздопримствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ. Таковымъ примѣрамъ, которые вкоренилися отъ единаго безстрашія въ важнѣйшихъ мѣстахъ, послѣдуютъ наипаче въ отдаленныхъ находящіяся и самыя малые судьи, управители и разные къ досмотрамъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей не токмо за дѣла незаконныя, дѣлая привязки по силѣ будто указовъ, но и за такія, которыя не иначе, какъ нашего благоволенія достойны, такъ что сердце наше содрогнулося, когда мы услышали отъ нашего лейбъ кирасирскаго вице-полковника, князя Михайла Дашкова ¹³⁷, что новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Ренберъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ cadaго себѣ деньги, кто присягалъ, котораго Ренбера мы и повелѣли сослать на вѣчное житіе въ Сибирь на работу, и никто, обвиненный въ лихоимствѣ, яко прогнѣвающій Бога, не избѣжитъ и нашего гнѣва, такъ какъ мы милость и судъ Богу и народу обѣщали» ¹³⁸.

Въ упомянутой запискѣ своей Екатерина жалуется, что до нея «почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ

монополью». Поэтому съ самаго же начала мы должны ожидать распоряженій, направленныхъ противъ монополій. 31 іюля изданъ былъ указъ о торговлѣ; принятыя въ ея пользу мѣры были слѣдующія: 1) хлѣбомъ торгъ производить изъ всѣхъ портовъ съ половиною пошлиною противъ той, которая собирается въ Ригѣ, Ревелѣ и Пернау; но возобновляется постановленіе Петра Великаго, что хлѣбъ отпускается за границу только тогда, когда онъ дешевле внутри Россіи; 2) изъ всѣхъ портовъ отпускать соленое мясо и самую скотину съ тѣми же условіями; 3) портъ архангельскій снабдить всѣми тѣми выгодами, какими пользуется петербургскій, лишнюю пошлину отставить, да и генерально всѣ порты и таможи такими сдѣлать, чтобъ все то привозимо и отпускаемо быть могло, что сюда (въ Петербургъ) привозится и отсюда отпускается; 4) ревеню быть въ вольной торговлѣ; 5) поташъ и смольчугъ оставить казеннымъ товаромъ для сбереженія лѣсовъ, по мысли Петра Великаго; 6) смолу отдать въ вольную торговлю; 7) узкій холстъ и хрящъ вольно вывозить за границу; 8) льняную пряжу за границу не выпускать; 9) выписываніе шелку и выпускъ бобровъ сдѣлать вольнымъ, отнявъ у Шемякина привилегію; 10) китайскую торговлю сдѣлать вольною; 11) тюленьи и рыбные откупа уничтожить; 12) табачный откупъ уничтожить. Черезъ нѣсколько дней велѣно было взять у Шемякина и таможенный откупъ, который онъ держалъ съ 1758 года, платя въ казну два милліона ежегодно; откупъ отнимали за безпорядочное правленіе и нарушеніе контракта.

Сенатъ, исполнивъ порученіе, возложенное на него 3 іюля, представилъ, что съ соли можно еще сбавить гривну и продавать ее во всей Россіи по 30 коп. пудъ, въ Астрахани и Красномъ Яру, гдѣ производилась обширная солка рыбы, по 10 коп., въ Архангельскѣ, однимъ рыбнымъ промышленникамъ, по 15 коп. Такъ какъ элтонская соль въ провозѣ до Нижняго становится казнѣ дорого, притомъ черна и не очень хорошаго качества, а есть лучше ея, соль илецкая, то стараться вмѣсто элтонской ставить илецкую; продавать соль изъ казны, но позволить и вольную торговлю, продавая вольнымъ торговцамъ изъ магазиновъ также по 30 коп.; нечего бояться, что они станутъ продавать соль дорого, обвѣшивать, мѣшать съ пескомъ и соромъ, потому что покупатели, замѣтивъ это, станутъ брать соль изъ

казны. Вслѣдствіе сбавки другой гривны убудетъ изъ дохода 604,027 рублей въ годъ, и для пополненія этого недостатка Сенатъ думалъ наложить: 1) во всемъ государствѣ на продаваемое изъ кабаковъ горячее вино по 30 коп., на пиво и медъ по 5 коп. на ведро. Этихъ прибавочныхъ денегъ отъ вина, по сложности съ 1750 и 1761 годъ, должно быть 352,565 рублей отъ пива и меду 182,559 рублей, и того 635,122 рубля; установить этотъ налогъ можно, потому что въ кабакахъ напиткамъ продажа вольная и народнаго отягощенія не производящая. 2) Съ явки пивъ и полпивъ вмѣсто прежнихъ 5 коп. брать съ четверти хлѣба по 20 коп. 3) Отдать герберги (гостинницы) на откупъ, кто больше дастъ. 4) Позволить брать соль по продажной цѣнѣ изъ казны и отвозить за границу. 5) Со всѣхъ протестованныхъ векселей брать въ казну по два процента ¹³⁹.

Еще не исполнено было приказаніе покойной императрицы Елисаветы о вспоможеніи купцамъ, сильно пострадавшимъ отъ пожара 29-го іюня 1761 года, когда сгорѣли пеньковые и другіе амбары. Екатерина потребовала отъ Сената, чтобъ поднесенъ ей былъ докладъ объ этомъ дѣлѣ. Сенатъ отвѣчалъ, что 21-го марта бывшимъ императоромъ утверждено было выдать купцамъ половину той суммы, которую они потеряли отъ пожара, изъ мѣднаго банка на 10 лѣтъ безъ процентовъ; но эта выдача до сихъ поръ не сдѣлана, потому что изъ мѣднаго банка назначено взять деньги на самые нужные расходы, да и впередъ нельзя надѣяться, чтобъ можно было взять изъ мѣднаго банка такую большую сумму, и потому сенатъ возвращается къ докладу, заготовленному для покойной императрицы Елисаветы, но не конфирмованному по случаю ея смерти; докладъ состоялъ въ томъ, чтобъ зачесть купцамъ половину потерянной ими суммы въ пошлину съ ихъ товаровъ при петербургскомъ портѣ въ продолженіе пяти лѣтъ. Императрица утвердила этотъ докладъ; а для предотвращенія подобнаго несчастія приказала Сенату составить планы каменныхъ амбаровъ; если же Сенатъ не сыщетъ суммы, нужной для этой постройки, то она дастъ ее отъ себя ¹⁴⁰.

Описывая печальное состояніе имперіи во время своего вступленія на престолъ, Екатерина говоритъ: «Заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи

властей и къ нимъ начали присоединяться мѣстами и помѣщичьи. Заводскихъ крестьянъ непослушаніе унимали посланные генераль-майоры: Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и Александръ Ильичъ Бибииковъ, разсмотря на мѣстѣ жалобы на заводо-держателей; но не однажды принуждены были употребить противъ нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей, дондеже Гороблагодатскіе заводы за двухмилліонный казнѣ долгъ графа Петра Ив. Шувалова возвращены въ казенное управленіе, также Воронцовскіе, Чернышевскіе, Ягужинскіе и нѣкоторые другіе заводы по таковымъ же причинамъ паки въ казенное поступили вѣдомство. Весь вредъ сей произошелъ отъ самовластной раздачи Сенатомъ заводовъ сихъ съ приписными къ онымъ крестьянами. Сии заводскія безпокойства пресѣклись не прежде 1779 года манифестомъ моимъ о работахъ заводскихъ крестьянъ». — Здѣсь, разумѣется, мы должны принять что-нибудь одно: или волненіе заводскихъ крестьянъ прекратилось вслѣдствіе передачи заводовъ отъ частныхъ людей въ казну, или вслѣдствіе манифеста о рабочихъ. Если принять послѣднее, то нельзя будетъ приписать всего зла тому, что Сенатъ роздалъ заводы частнымъ лицамъ.

9-го августа, въ присутствіи императрицы въ Сенатѣ, былъ поданъ ей докладъ о собираніи въ казну впредь десятой доли съ мѣди, желѣза, чугуна и со всего выдѣлывающагося на частныхъ заводахъ, но со вновь устраивающихся заводовъ этотъ платежъ взыскивать только по прошествіи десяти лѣтъ. Екатерина подписала: «Быть по сему, а о розданныхъ казенныхъ заводахъ и о приписныхъ крестьянахъ разсмотрѣніе сдѣлать». Въ томъ же присутствіи она дала Сенату два приказанія: 1) опредѣлить «какіе достаточные способы къ весьма нужному размноженію и сбереженію лѣсовъ для переду принять надлежитъ; 2) для разсмотрѣнія гражданскихъ штатовъ быть особой комиссіи при сочиненіи Уложенія и въ оной быть главнымъ князю Якову Петр. Шаховскому».

Относительно крестьянскихъ волненій Екатерина еще 3-го іюля подписала указъ: «Понеже благосостояніе государства, согласно божескимъ и всенароднымъ узаконеніямъ, требуетъ, чтобъ всѣ и каждый при своихъ благонажитыхъ имѣніяхъ и правахъ сохраняемъ былъ, такъ какъ и напротивъ того, чтобы

никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности, то и намѣрены мы помѣщиковъ при ихъ имѣнiяхъ и владѣнiяхъ не нарушимо сохранять, и крестьянъ въ должномъ имъ повиновенiи содержать». Но приходили извѣстiя о новыхъ крестьянскихъ волненiяхъ. 19-го iюля въ присутствiи императрицы, въ Сенатѣ читали просьбу генераль-майора Тевкелева на возмущившихся крестьянъ въ Казанской и Оренбургской губернiяхъ.

9-го iюля Екатерина велѣла распечатать домовыя церкви, запечатанныя въ предшествовавшее царствованiе. Но предстоялъ трудный вопросъ о монастырскихъ имѣнiяхъ. 3-го iюля присутствуя въ Сенатѣ, Екатерина приказала ему имѣть разсужденiе о духовенствѣ, какъ бы ему учинить удовольствiе къ его содержанiю. Духовенство не дождалось и подало прошенiе объ отдачѣ ему во владѣнiе вотчинъ, и 5 iюля императрица передала это прошенiе Сенату съ приказанiемъ—имѣть разсужденiе и мнѣнiе свое ей донести ¹⁴¹. Опять разсужденiе! а между тѣмъ ростовскiй митрополитъ Арсенiй (Мацѣвичъ) въ письмѣ къ графу Алексѣю Петр. Бестужеву-Рюмину такъ описывалъ положенiе, произведенное распоряженiями по указу Петра III: «Не надлежало бы мнѣ утруждать теперь ваше высокографское сiятельство просьбою. Однако крайняя нужда влечетъ, яко за отобранiемъ нынѣ отъ дома архiерейскаго и отъ монастыря вотчинъ приходится съ голоду умирать, понеже хлѣбъ у насъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ, а при себѣ въ самомъ домѣ архiерейскомъ не держалъ кромѣ какъ только на пищу молотый. А какъ указъ застигъ, то воевода Ростовскiй тотчасъ по всемъ вотчинамъ житницы опечатавъ, и скоть и птицы описавши, въ свою команду взявъ, оставивъ меня со всемъ духовенствомъ и мiрскими служителями безъ пропитанiя, и нетокмо будетъ ѣсть нечего, когда смелотое и лежавшее въ сушилахъ прiѣдимъ, но и литургiи святой служить нечѣмъ и некому, все принуждены идти съ нищими въ мiръ. Всепокорно прошу показать милость къ домамъ Божiимъ, дабы старанiемъ вашимъ возвращены вотчины были по прежнему. Лошадей хотя малое число очень оставлено у насъ, да и тѣхъ будетъ нечѣмъ кормить: не жаль того, что лошади у насъ, все съ кобылицами и малыми жеребятами, нарочнымъ полковникомъ, изъ военной коллегiи присланнымъ, отобраны и въ Петербургъ сведены. только жаль того,

что заводъ, отчасти славный въ государствѣ, совсѣмъ переведенъ и отъ насъ не въ прислугу высокомонаршей власти, но какъ бы за вину нѣчто конфискованное отобрано. Въ Ростовѣ у насъ воеводою надворный совѣтникъ Петръ Протасевъ: невозможно ли постараться его отсюда перемѣнить ¹⁴²».

Преосвященные, пораженные указомъ Петра III, передавали другъ другу въ письмахъ свои сѣтованія. Московскій митрополитъ Тимоѳей писалъ Арсенію Ростовскому: «Что же касается до упомянутой въ писаніи в. п. печали, то теперь не только вашу святость, но и всѣхъ насъ коснулась эта скорбная метаморфоза, которая жизнь нашу приводитъ къ стенаніямъ и горестямъ (nunc non solum vestram sanctitatem, sed omnes nos dolenda ista tetigit metamorphosis, quae vitam nostram ad gemitus et dolores ducit). Архіепископъ Амвросій писалъ тому же Арсенію 15-го іюля: «Поздравляю общемою радостію со вступленіемъ ея п. в—ства на престоль: слава Богу, что мы всѣ отъ мысленнаго ига избавленіе получили, и теперь, какъ изъ манифеста (о коронаціи) изволите усмотрѣть, къ сентябрю мѣсяцу просимъ и ваше преосвященство къ намъ въ Москву пожаловать и намъ о извѣстномъ дѣлѣ помогать». Митрополитъ Тимоѳей 2-го августа писалъ Арсенію: «августа 1-го принялъ я писаніе в. п. всепріятно, въ коемъ объявленныя въ прошедшемъ времени послѣдовавшія несчастныя приключенія читалъ не безъ сожалѣнія. У насъ въ отдаленныхъ только мѣстахъ такимъ образомъ поступлено и скотъ по описи весь взять, а въ Москвѣ ихъ наглостей не видѣли. Лошади хотя всѣ описаны, однако и понынѣ не отобраны и остались подъ вѣдѣніемъ нашимъ; но и намъ сія отрада не велика, ибо съ другой стороны не безъ жалости видѣть можно, что въ вотчинахъ отъ тѣхъ же нашихъ крестьянъ невозвратныя подѣланы разоренія, лѣса порублены, сѣно расхищено, мелкій скотъ и птицы индѣ прежде описи еще побраны, а индѣ при описи искоренены, въ прудахъ рыба выловлена, и какія только вообразить можно надѣланы какъ при описи бывшіе офицеры, такъ и сами крестьяне опустошенія. Да и при Москвѣ въ Черкизовскомъ моемъ прудѣ не однажды описатели дерзостно рыбу ловили, однакоже не единожды за то и смѣняемы были. Въ такихъ-то смутительныхъ обстоятельствахъ одна только суть отрадою надежда». Но митрополитъ оканчиваетъ письмо печаль-

ными словами: «Надежду истребляетъ рознь между братьями (spem mutat discordia fratrum) ¹⁴³».

16-го іюля Сенатъ составилъ докладъ по поводу просьбы духовенства объ отдачѣ ему отобранныхъ имѣній: 1) имѣнія возвратить; 2) со всѣхъ крестьянъ кромѣ семигривеннаго подушнаго оклада, брать рубль, изъ котораго 50 коп. пойдетъ въ казну на содержаніе инвалидовъ, а 50 архіереямъ, въ монастыри и прочія мѣста, куда крестьяне будутъ возвращены; 3) крестьяне должны управляться не служками монастырскими, а выборными и старостами, которыхъ будутъ выбирать сами крестьяне съ перемѣною погодно. По поводу этого доклада, 18-го іюля у Сената съ Синодомъ была конференція. Преосвященные объявили, что первымъ пунктомъ доклада довольны; но относительно платежа 50 коп. въ казну, Афанасій Тверской объявилъ, что это будетъ крестьянамъ тяжело, другой же половины на содержаніе монастырей и семинарій мало; по его мнѣнію, надобно было возвратиться къ рѣшенію Синода, состоявшемуся при императрицѣ Елисаветѣ, именно: духовенство будетъ вносить ежегодно по 300,000 рублей; а что касается сбора на архіереевъ и монастыри, то это оставить на ихъ усмотрѣніе. Къ мнѣнію тверскаго преосвященнаго пристали Гедеонъ псковской и Веніаминъ петербургскій; а Палладій рязанскій соглашался съ сенатскимъ мнѣніемъ, равно какъ и Димитрій Сѣченовъ новгородскій, въ чемъ и обнаружилась «рознь между братьями», которую оплакивалъ Тимоѣей московскій. Димитрій новгородскій прибавилъ, что необходимо учредить комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для сочиненія монастырямъ, архіерейскимъ домамъ и семинаріямъ штатовъ. На счетъ управленія крестьянъ выборными всѣ архіереи согласились съ Сенатомъ ¹⁴⁴.

Надобно было принять мнѣніе Димитрія Сѣченова о комиссіи для составленія штатовъ, ибо только послѣ этого составленія можно было опредѣлить, достаточно или недостаточно 50 коп., и тѣмъ прекратить споры и жалобы. Но комиссія, разумѣется, должна была затянуть дѣло, и раждался вопросъ, чѣмъ же до ея рѣшенія будутъ содержаться монастыри и архіерейскіе дома; отдать до окончанія дѣла монастырямъ имѣнія или не отдавать? Екатерина находила вопросъ труднымъ, что видно изъ письма ея къ Бестужеву отъ 8-го августа: «Батюшка Алексѣи Пе-

тровичъ, прошу васъ приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, комиссію ли учинить нынѣ, не отдавая деревень духовнымъ, или отдавать ли нынѣ, а послѣ сдѣлать комиссію. Въ первой бумагѣ написано отдавать, а въ другой только, чтобъ они вступили во владѣніе до комиссіи. Пожалуй помогай совѣтами ¹⁴⁵. Какъ видно, вслѣдствіе совѣтовъ Бестужева, на которые могло имѣть вліяніе письмо ростовскаго архіерея, 12-го августа состоялся именной указъ объ отдачѣ всѣхъ синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній, для благопрістойнаго духовнаго чина содержанія, имъ въ управленіе, и объ отставленіи коллегіи экономіи и небытіи посланнымъ для управленія церковныхъ вотчинъ офицерамъ.

Такова была внутренняя дѣятельность Екатерины въ два первые мѣсяца ея царствованія. Время было тяжелое для нея. Перемѣна 28-го іюня не могла остаться безъ нравственныхъ послѣдствій, безъ извѣстной нравственной разнузданности. Екатеринѣ нужно было много лѣтъ искусства, твердаго и счастливаго правленія, чтобъ пріобрѣсти тотъ авторитетъ, то обаяніе, которое она производила въ Россіи и въ цѣлой Европѣ, чтобъ заставить признать законность своей власти. Въ первое время царствованія это признаніе не было всеобщимъ, и въ Европѣ не было еще увѣренности, что Екатерина удержится на престолѣ. Такія отношенія заставляли Екатерину стараться объ удержаніи при себѣ своихъ старыхъ приверженцевъ, объ увеличеніи ихъ числа, заставляло сдерживаться, уступать, идти на сдѣлки. Екатерина писала Понятовскому, что ей необходима величайшая осторожность, что за нею наблюдаютъ. «Меня принудятъ, писала она, сдѣлать еще тысячу странностей; если я уступлю, меня будутъ обожать; если нѣтъ, то не знаю, что случится». Предположимъ въ этихъ словахъ преувеличеніе, преувеличеніе намѣренное; предположимъ, что Екатерина хотѣла выставить всю затруднительность своего положенія, чтобъ отвратить Понятовскаго отъ пріѣзда въ Петербургъ; но за этимъ преувеличеніемъ все же останется что-то вѣрное. Разумѣется, Екатерина не думала, что ее заставятъ сдѣлать ровно тысячу странностей; но въ числѣ странностей она считала настаиваніе нѣкоторыхъ сильныхъ людей на учрежденіи постоянного совѣта, казавшагося для

Екатерины очень неудобнымъ, особенно по извѣстнымъ взглядамъ чловѣка, болѣе другихъ толковавшаго о необходимости совѣта, Никиты Ив. Панина. Тѣ самые люди, которые хотѣли, по отстраненіи Петра III, возвести на престолъ малолѣтняго сына его Павла, а Екатерину провозгласить только правительницею до совершеннолѣтія императора,—тѣ самые люди, послѣ неудачи своего замысла, настаиваютъ на учрежденіи постоянного совѣта. Зачѣмъ это настаиваніе? Хотятъ оградить себя отъ вліянія фаворитовъ? Раздражающее, оскорбительное побужденіе! Предполагаютъ въ Екатеринѣ такую слабость, что она будетъ руководиться въ дѣлахъ управленія волею фаворитовъ. Но и при постоянномъ совѣтѣ, при надстройкѣ этого верхняго этажа надъ Сенатомъ, вліяніе фаворитовъ можетъ быть преобладающимъ. При Петрѣ II Верховный тайный совѣтъ не спасалъ отъ вліянія Долгорукихъ. Значитъ есть какой-нибудь другой умыселъ, и постоянный императорскій совѣтъ будетъ служить только средствомъ къ достиженію чего-нибудь другого.

Дѣло не правилось, возбуждало подозрѣніе, а между тѣмъ считалось нужнымъ уступать, соглашаться хотя на время, изыскивать способы впослѣдствіи уклониться отъ него. Въ оправдательномъ манифестѣ Бестужеву, написанномъ или переписанномъ рукою самой Екатерины, находимъ слѣдующія слова: «и сверхъ того жалуюмъ его (Бестужева) первымъ императорскимъ совѣтникомъ и первымъ членомъ новаго, учреждаемаго при дворѣ нашемъ императорскаго совѣта». Но удалось исключить эти слова въ печатномъ манифестѣ.

Для обезпеченія себя отъ разныхъ *странностей* надобно было поспѣшить коронаціею, и выѣздъ императрицы для этого въ Москву назначенъ былъ на 1-е сентября. Распоряженія по торжеству коронаціи были поручены князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому. Князь Никита долженъ былъ устроить для императрицы помѣщеніе въ Кремлѣ, и по этому случаю писалъ къ завѣдывавшему кабинетомъ Олсуфьеву: «Я всячески разсматривая положеніе покоевъ въ Кремлѣ, въ которыхъ нынѣ резидовать изволить всемилостивѣйшая государыня, не нахожу мѣста, гдѣбы можно было быть церкви, а зная же великое благоговѣніе ея и в—ства къ Богу, разсуждая, что безъ церкви, дабы она въ близости была, обойтись нельзя, нашель средства тому помочь,

то есть, чтобъ съ церковію Стрѣтенскаго собора, которая въ самой близости отъ апартаментовъ ея в—ства состоятъ и церковь изрядная, сдѣлать изъ покоевъ ея в—ства покрытую и съ оконченными деревянную коммуникацію, и какъ очень церковь холодная, то изъ находящейся около нея паперти теплые покои. Это распоряженіе было одобрено Екатериною ¹⁴⁶.

Приготовленіе короны было поручено Н. И. Бецкому. По этому случаю кн. Дашкова рассказываетъ любопытное происшествіе, изъ котораго ясно видно, какъ событіе 28-го іюня кружило головы. На четвертый день послѣ переворота, когда императрица находилась вдвоемъ съ Дашковою, Бецкій испрашиваетъ позволенія войти, входитъ, бросается на колѣна и начинаетъ умолять императрицу признаться, чьему влиянію она приписываетъ свое воцареніе. «Я обязана своимъ воцареніемъ, отвѣчаетъ Екатерина, Богу и избранію моихъ подданныхъ».—«Въ такомъ случаѣ, говоритъ отчаяннымъ тономъ Бецкій, я не имѣю болѣе права носить этотъ знакъ отличія», и при этихъ словахъ начинаетъ снимать съ себя александровскую ленту. Екатерина спрашиваетъ его, что это значить.—«Я самый несчастный человѣкъ, отвѣчаетъ Бецкій, потому что в. в. не признаете во мнѣ единственнаго виновника своего воцаренія! развѣ не я настроилъ къ этому умы гвардейцевъ? развѣ не я бросалъ деньги въ народъ?» Императрица и Дашкова обѣ пришли въ безпокойство, подумавши, что Бецкій сошелъ съ ума; но Екатерина скоро нашла средство успокоить Бецкаго. «Я признаю, сказала она, сколько я вамъ обязана; и такъ какъ я вамъ обязана короною, то кому же лучше какъ не вамъ поручить приготовленіе всего того, что я должна буду надѣть во время моей коронаціи? И такъ позаботьтесь объ этомъ: всѣ брилліантники имперіи будутъ въ вашемъ вѣдомствѣ». Бецкій пришелъ въ восторгъ и разсыпался въ благодарностяхъ ¹⁴⁷.

Изъ 25 сенаторовъ 20 отправлялись въ Москву на коронацію, именно: гр. Бестужевъ, гр. Разумовскій, кн. Трубецкой, Бутурлинъ, канцлеръ гр. Воронцовъ, гр. Александръ Шуваловъ, Сумароковъ, Петръ Чернышевъ, кн. Одоевскій, кн. Алексѣй Голицынъ, гр. Петръ Шереметевъ, кн. Шаховской, Никита Панинъ, гр. Скавронскій, кн. Волконскій, гр. Романъ Воронцовъ, гр. Иванъ Воронцовъ, кн. Мих. Голицынъ, Суворовъ, Брылкинъ. Пятеро оста-

вались въ Петербургѣ: Неплюевъ, Николай Андр. Корфъ, Жеребцовъ, Ушаковъ и Костюринъ. По этому случаю Панинъ подалъ записку: «Когда адмиралъ Голицынъ былъ оставленъ здѣсь членомъ сенатской конторы (во время коронаціи Елисаветы), яко одинъ сенаторъ, тогда въ указѣ ему велѣно было имѣть надъ всѣми гражданскими и военными дѣлами главную команду. Нынѣ оставляется здѣсь цѣлый департаментъ сенатскій, состоящій въ пяти сенаторахъ, такъ не соизволено ли будетъ повелѣть главному изъ нихъ, что хотя все правленіе должно производимо быть въ сенатской конторѣ купно со всѣми сенаторами, однакоже попеченіе о неупущеніи и добромъ порядкѣ болѣе ему принадлежитъ. Старшій сенаторъ Неплюевъ, по бѣдности своей не имѣетъ здѣсь такого дома, гдѣбъ пристойно жить могъ; да къ тому же, яко главному въ городѣ, надлежитъ ему имѣть караулъ какъ для чести, такъ и для случающихся надобностей. Не меньше долженъ онъ принимать у себя въ домѣ знатныхъ чужестранныхъ проѣзжающихъ и праздновать торжественные дни; того ради не соизволено ли будетъ указать ему, по прежнимъ примѣрамъ, переѣхать жить въ деревянный зимній дворецъ и имѣть караулъ, а на столъ опредѣлить по 500 рублей на мѣсяцъ. Въ разсужденіе важной новости общаго положенія и оставаемаго столь люднаго столичнаго города, въ которомъ такъ свѣжо еще остается въ памяти великое происшествіе, требуетъ наипаче штатскій резонъ, чтобъ сей распорядокъ соображаемъ былъ съ зрѣлою политикою, которая должна быть приведена въ пристойную знатность предъ публикою. Слѣд., пристойно бѣ было, еслибы соизволено при самомъ отъѣздѣ пожаловать голубую ленту ему, Неплюеву, чѣмъ публика, слѣд., и общее послушаніе къ нему вяще въ респектъ приведены будутъ. А сей публичный знакъ высокой повѣренности не можетъ быть никому въ предосужденіе, потому что онъ не токмо всѣхъ тѣхъ старѣе, кои его не имѣютъ, но и большая часть имѣющихъ его моложе. Онъ же служитъ 50 лѣтъ и обращался всегда въ отличныхъ дѣлахъ съ пользою ¹⁴⁸».

Панинъ поручилъ Теплому передать эту записку императрицѣ, а самъ 27-го августа выѣхалъ съ наслѣдникомъ престола въ Москву. Выѣхалъ онъ, какъ видно, не очень довольный отношеніями своими къ Екатеринѣ; его беспокоило вліяніе Григорія

Орлова, беспокоило и то, что учрежденіе императорскаго совѣта было отложено. Не такъ дѣйствовалъ Бестужевъ; хитрый старикъ помнилъ, какую силу при Елисаветѣ давала ему дружба Алексѣя Разумовскаго; онъ заискала и теперь у Орлова, не настаивалъ на томъ, что было непріятно, выказывалъ преданность безграничную, и былъ за то «батюшка Алексѣй Петровичъ». Дашкова и Тепловъ были также недовольны. Относительно первой исполнилось предсказаніе дяди, канцлера: выставкою своего участія въ событіи 28-го іюня она раздражила Екатерину, раздраженіе усилилось ея столкновениями съ Орловыми. Тепловъ жаловался, что не пользуется прежнею довѣренностію императрицы, что Елагинъ перебиваетъ у него дорогу. Екатерина могла охладѣть къ Теплову за его тѣсную связь съ Панинымъ и Дашковою; но могъ повредить ему и Бестужевъ. Мы видѣли ¹⁴⁹, что по своемъ возвращеніи, стремясь къ торжественному оправданію себя, Бестужевъ пересмотрѣлъ слѣдственное дѣло, по которому онъ былъ осужденъ, и сдѣлалъ свои замѣчанія, конечно не оставшіяся тайною для Екатерины. Эти замѣчанія указывали на Теплова, какъ на измѣнника, который донесъ о перепискѣ Екатерины съ гетманомъ Разумовскимъ: «О семъ секретѣ, писалъ Бестужевъ, никому извѣстно быть не могло, кромѣ Теплова: онъ единственно злѣя на Елагина и Бестужева, тайнымъ доносителемъ былъ; ежели онъ, подобно тому, въ новомъ тайномъ совѣтѣ поступать будетъ и всѣхъ перессоривать, то не нахальствомъ, но скромностію; чистою совѣстію и искусствомъ Ададуровъ превосходить будетъ».

Какъ бы то ни было, Тепловъ былъ недоволенъ, что видно изъ писемъ его къ уѣхавшему Панину ¹⁵⁰. Отъ 29-го августа онъ писалъ: «Того момента, какъ вы побѣхали, я, потуживши о вашемъ отъѣздѣ съ любезною нашею княгинею (Дашковою), пошелъ къ е. в. и имѣлъ счастье подать ваше запечатанное письмо. Ея в—ство прочитавши оное, думая, что матерія мнѣ письма вашего извѣстна, сказать изволила: я не знаю, гдѣ тотъ указъ, вить де есть у тебя черный, принеси мнѣ копію! Услышавши отъ меня, что содержанія письма не знаю и что о какомъ указѣ изволить говорить—я разумѣть не могу, тогда изволила сказать: о Неплюевѣ. Это было поутру до обѣдни. Пополудни въ 3½ часа я принесъ вторично чисто переписанный и подаль

ея в—ству, послѣ чего изволила мнѣ показать одну резолюцію своеручную на докладѣ кажется о Перфильевѣ, а подлинно не рассмотрѣлъ: нѣтъ ли де противъ языка ошибки? я счастье имѣлъ объ одной только самой малой представить, впрочемъ очень правильно написана была. Потомъ я о Тотлебенѣ доложилъ, и ея в—ство очень сожалѣть изволила, что запаматовала о немъ, надобно де дѣло его до отъѣзда кончить; и когда я доложилъ, что въ прежнихъ дѣлахъ сентенція оригинальная объ Тотлебенѣ находится, то ея в—ство повелѣтъ мнѣ изволила оную принести, съ чѣмъ я и отошелъ. Скоро послѣ того ея в—ство прислать ко мнѣ изволила Минихово письмо съ цедулкою и параллелями между порта балтискаго и ревельскаго, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ я, когда буду писать къ в. п—ству, то бѣ оныя отослать, что я при семъ и исполняю. Содержаніе письма Минихова показываетъ, что ея в—ство для забавы вамъ оное посылаетъ. И подлинно экспрессіи больше, нежели всѣхъ прежнія смѣха достойны. Къ вечеру я подаль сентенцію о Тотлебенѣ. Въ заключеніе поговоримъ о княгинѣ Дашковой, которая, кажется мнѣ, въ большемъ горѣ послѣ вашего отъѣзда. Я почти постоянно у нея. Духъ ея хотя и въ безпокойствѣ обрѣтающійся, порождаетъ постоянно идеи, отъ которыхъ я ротъ разѣваю. Наши уединенныя бесѣды съ сею дамою добродѣтельною и разума исполненною составляютъ единственное утѣшеніе для моего духа, удрученнаго безпокойствомъ. Я имѣлъ честь обѣдать съ нею. Напитала она меня обильно. Моя одна порція составила бы четыре вашихъ обѣда. Мы ужинали въ сообществѣ съ княгинями Куракиною и Репниною. Смѣхъ содѣйствовалъ много нашему пищеваренію, тѣмъ болѣе, что наша любезная хозяйка подбавляла соли. Я теряю терпѣніе, но я привожу себѣ на память, что человекъ солидный не долженъ помрачать свою добродѣтель простыми предположеніями и что два мѣсяца не достаточны, чтобъ сказать, что имѣешь довольно опытности при дворѣ. Императорскій совѣтъ рѣшить все. Когда я въ Москвѣ, то по крайней мѣрѣ могу сказать, что я ближе къ моимъ украинскимъ пенатамъ. Вѣрно то, что не стануть удерживать силою того, отъ кого хотять отдѣлаться. Служить, не имѣя довѣренности государя, все равно, что умирать отъ сухотки. Ради Бога берегите ваше здоровье и успокойтесь отъ тѣхъ волненій

въ крови, которыя причинили вамъ дѣла петербургскія. Это единственное средство для в. п—ства, для княгини и для того, который всю свою жизнь не перестанетъ васъ любить» и проч.

1-го сентября Тепловъ писалъ: «Ив. Ив. Неплюеву ея в—ство вчерашняго вечера указъ сама изволила отдать. Я прилагаю точную копию того, который подписанъ для вашего прочтенія, а притомъ и нашъ первый концептъ, дабы вы изволили сами слить, въ чемъ состоитъ отмінна. По моему мнѣнію различіе главное состоитъ въ томъ, что прописка указа о сенатской конторѣ выставлена, чѣмъ сей новый и укороченъ. Впрочемъ сила и содержаніе все прежнее оставлены, но какъ всякій стилистъ любить больше себя авторомъ видѣть нежели другаго, то и тутъ во многомъ переправщикъ слова первыя назадъ, а заднія напередъ переставилъ, и тѣмъ великую будто поправку нашего концепта доказалъ. Гораздо труднѣе дать идею сочиненію въ его созданіи, чѣмъ перемѣнять слова. Но человекъ безъ кредита, какъ я, долженъ все проглатывать. Г. Елагинъ мой другъ, но я думаю онъ самъ признается, что не ему меня учить языку, тѣмъ больше, что его *можете*, которое вы найдете въ указѣ вмѣсто *можете*, служить убѣдительнымъ доказательствомъ моего честолюбія, которое не совсѣмъ неумѣстно. Прилагаю манифестъ печатный о графѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ. Оригинальный написанъ рукою мнѣ неизвѣстною. Всѣ любопытствуютъ знать кѣмъ онъ сочиненъ, говоря, что очень хорошо составленъ. Но такъ какъ я объ этомъ ничего не знаю, то мнѣ не трудно отвѣчать. Мой отвѣтъ: «не знаю и первый разъ вижу и слышу» заставляетъ нѣкоторыхъ думать, что вы его авторъ». — Панинъ имѣлъ удовольствіе узнать, что его представленіе о Неплюевѣ исполнено.

Въ назначенный день, 1 сентября, Екатерина выѣхала въ Москву, и 9 числа остановилась въ подмосковномъ селѣ гетмана Разумовскаго, Петровскомъ (-Разумовскомъ). 11 числа въ Петровскомъ собрались члены Синода и высшее духовенство, придворныя дамы, кавалеры, генералитетъ и прочія знатныя обою пола особы для поднесенія всеподданнѣйшихъ поздравленій. Первымъ выступилъ новгородскій архіерей Дмитрій, какъ первый членъ Синода; не о надеждахъ въ будущемъ говорилъ ора-

торъ, онъ прославлялъ совершенный уже подвигъ: «Се царствующій градъ Москва, вмѣсто возженныхъ свѣтильниковъ, съ горящими любовію сердцами усрѣщаетъ вождельнную мать и государыню свою, преславная дѣла и заслуги отечеству и церкви показавшую. Гряди, защитница отечества, гряди защитница благочестія, вниди во градъ твой и сяди на престолѣ предковъ твоихъ». Явился и запорожскій кошевой атаманъ съ старшиною, и писарь говорилъ императрицѣ рѣчь отъ всего войска. Запорожецъ началъ съ того, что выставилъ необходимость власти и повиновенія ей: «Вся премудростію сотворивый Господь, говорилъ писарь, вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ, солнцу западъ, намъ же человѣкамъ— учрежденную надъ собою власть. Сей нашъ всеобщій и непремѣнный долгъ такъ насъ крѣпко понуждаетъ и къ наблюденію своему влечетъ, что аки бы онъ на скрижаляхъ сердца нашего былъ написанъ. Чего всего въ разсужденіи, когда Царь Небесный в. и. в. на престолѣ всероссійскій всесильною своею десницею возвелъ, и мы всѣ, сыны и питомцы Низоваго Днѣпровскаго Запорожскаго коша, какъ дѣти и птенцы орляго твоего гнѣзда, не могли отъ несказанной радости не вострепетать и слѣдующаго привѣтствія не возгласить: Богъ духовъ и всякія плоти в. и. в.—ства духъ жизни, которымъ вся Россія живетъ, движется и процвѣтаетъ, въ священнѣйшемъ ковчезѣ августѣйшаго тѣла дражайшимъ здравіемъ и свѣтозарнымъ долгоденствіемъ да оградить!» и проч.

13 сентября происходилъ торжественный вѣздъ въ Москву: «По улицамъ убрано было ельникомъ, на подобіе садовыхъ шпалеръ, обрѣзаннымъ разными фигурами; а для смотрѣнія народу обыватели, каждый предъ своимъ домомъ, имѣлъ построеныя преизрядныя галереи, по которымъ снаружи, также въ домахъ, изъ оконъ и по стѣнамъ, свѣшены были ковры и другія разныя матеріи». Въ Успенскомъ соборѣ, когда императрица, приложившись къ иконамъ и мощамъ, стала на своемъ мѣстѣ, а наслѣдникъ на мѣсто царицъ, то Дмитрій новгородскій началъ говорить проповѣдь: «Красуйся, царствующій градъ и удивляйся, глаголя: откуда мнѣ сіе, яко прииде мати отечества ко мнѣ? Виждь въ св. храмъ сей, аки въ сердце всего Россійскаго царства, благочестно входящую. Прииде къ намъ благочестивыя вѣ-

ры защитница, церковь и отечество матернимъ покровомъ покрывшая и сохранившая; приде всѣхъ скорбей и печалей нашихъ окончаніе, всѣхъ радостей нашихъ вина. Видѣла мать свою, св. церковь бѣдствуему и озобляему, восхотѣла отъ страха и вредныхъ перемѣнъ избавити; не допустила отечеству прийти въ наглое расхищеніе, въ горестъ и воздыханіе; не дала Россіи отъ сопостатовъ быти въ посмѣхъ, въ стыдъ и поношеніе. Да какъ ужасно слышати: мечемъ ли, оружіемъ ли или кровопролитіемъ? Никако; и презря животъ свой, не бояся смерти, съ единымъ на Бога упованіемъ».

Коронація произошла съ обычными церемоніями 22 сентября. И тутъ новгородскій митрополитъ говорилъ рѣчь, величая событіе 28 іюня, какъ дѣло Божіе: «Господь положилъ на главѣ твоей вѣнецъ. Знаеть Онъ благочестивые отъ напасти избавляти, зналь предъ Собою чистое сердце твое, зналь непорочные пути твои, зналь въ несносномъ терпѣніи твоёмъ ни откуда помощи ищущую, на Него единого уповающую. Знаемъ и всѣ единодушно скажемъ, что ни глава твоя царскаго вѣнца, ни рука твоя державы поискала славы ради, или снисканія высокой власти, или приобрѣтенія временныхъ сокровищъ; но едина матерняя ко отечеству любовь, едина вѣра къ Богу и ревность къ благочестію, едино сожалѣніе о страждущихъ и утѣсняемыхъ чадѣхъ Россійскихъ понудили тебѣ пріяти великое сіе къ Богу служеніе. Видѣла озобленіе людей твоихъ; видѣла все и воздыхала яко близъ паденія церковь, близъ опасности все благосостояніе Россійское, но ты едина ревнуя поревновала еси. Господи Боже Вседержителю, и сіе чудное строеніе не человѣческаго ума и силы, но Божіихъ несказанныхъ судьбъ и Его премудраго совѣта. Будуть чудо сіе восклицать проповѣдники; напишуть въ книгахъ историки; прочтуть съ охотою ученые; послушаютъ въ сладость не книжные; будутъ и послѣдніе роды повѣствовать чадомъ своимъ и прославлять величія Божія. Нынѣ, когда, по мрачныхъ тучахъ оныхъ, наступило ведро и самая осень претворилася въ красную весну, начинай лѣто, Господеви пріятно. Поздравляемъ и тебе, дражайшій всероссійскаго престола наслѣднице Богомъ вѣнчанною нынѣ, вселюбезною матерію твою. Что нынѣ самодержавная мать твоя воспріяла, тое и тебѣ понести иногда должно будетъ; помышлай, яко ея корона — твоя

корона; вся елико имать дасть тебѣ; ея престоль—твой престоль, твой сикглатъ, твое воинство, твое всероссійское царство».

На медаляхъ, выбитыхъ въ честь коронаціи на лицевой сторонѣ изображенъ былъ бюстъ императрицы, а на оборотѣ «православіе и Россійское отечество, спасенныя геройскимъ духомъ ея и. в—ства отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій, радостно возносятся украшенный дубовыми листьями щитъ съ именемъ ея в—ства, на который провидѣніе Божіе императорскую корону налагаетъ; передъ ними стоитъ курящійся жертвенникъ съ изображеніемъ знаковъ духовнаго, военнаго и гражданскаго чина, на который Россійское отечество сыплеть ошіямъ, во изъявленіе всенародныхъ молитвъ и усердныхъ желаній о долгоденствіи и благополучномъ государствованіи вседражайшія ихъ монархини и избавительницы, съ подписаніемъ: вверху: «За спасеніе вѣры и отечества», внизу: «Коронована въ Москвѣ, сентября 22 дня 1762 года».

Великороссійскій архіерей повторялъ о благодѣтельномъ значеніи событія 28 іюня для церкви и отечества; но къ торжеству коронаціи пріѣхалъ въ Москву православный архіерей изъ чужого государства: онъ также въ своей рѣчи прославилъ восшествіе на престоль Екатерины, какъ событіе спасительное для русской церкви, но указалъ для новой императрицы новыя обязанности, о которыхъ не упоминалъ митрополитъ новгородскій. 29 сентября, въ послѣдній день коронаціонныхъ торжествъ говорилъ Екатеринѣ рѣчь извѣстный Георгій Конискій, епископъ могилевскій или бѣлорусскій. Въ самомъ началѣ рѣчи Конискій не усомнился назвать себя и весь бѣлорусскій народъ подданными русской императрицы: «Между подданными народами в. и. в—ства, о всерадостнѣйшей коронаціи торжествующими, приносятъ и бѣлорусскій народъ чрезъ меня, подданника в. в—ства, всеподданнѣйшее поздравленіе. Знаю, какъ далече отстоитъ Богомъ благословенная Палестина отъ тѣснаго Израилю Египта, состояніе, сказую, людей, предѣлами Россійскими огражденныхъ, отъ состоянія людей хотя единовѣрныхъ, но въ польской области заключенныхъ. Здѣ свѣтильникъ вѣры, отъ дней Владиміровыхъ зажженный, блистаетъ; доселѣ потрясенъ былъ нечаянно, но опять утверждень: у насъ свѣтильникъ тотъ свярѣпо,

дышущіе отъ запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣ храмы Господни славославіемъ имени Его свободно гремятъ; замолкло было пѣніе ¹⁵¹, но опять возгремѣло: у насъ храмы Господни множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатлѣны, развѣ совѣ и врановѣ гнѣздящихся гласы издають. Здѣ чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честиѣе; пришло было благочестіе въ нечесть, но опять на первое достоинство возвратилось: у насъ благочестивымъ именоватись въ стыдъ ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе, а не рѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ. Однакъ, и въ толикихъ египетскихъ озлобленіяхъ и столько отстоя отъ благополучія подданныхъ в. в—ства, не хотимъ уступить имъ въ разсужденіи радости настоящей. Смѣемся и сквозь слезы утѣшаемся и въ горести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣшеніи. А для чего такъ? Надежда избавленія нашего веселитъ насъ; надежда не въ травѣ, какъ говорятъ, ниже въ одномъ цвѣтѣ, но и въ самомъ плодѣ состоящая. Тобою, благочестивѣйшая государыня, свѣтильникъ вѣры, бывшій въ Россіи потрясенный, сталъ утверждёнъ. Тобою храмы Господни и красоту и гусли своя съ неалтирю удержали. Тобою благочестивые и вѣрные подданные твои въ первую честь и достоинство приведены. Сіи тобою въ едино лѣто принесенные плоды обнадеживаютъ насъ крѣпко, что и намъ подобные принесеши въ грядущее время. Или бо не можеша сего сотворити намъ, или не соблаговолиши? Могла въ немощи: можеша въ силѣ; могла престола лишаема: можеша на престолѣ Богомъ посажденна; могла въ страстѣ и опасности житія пребывая: можеша страхомъ и угрожаніемъ смерти непріязненныхъ исполняя. Могла и соблаговолила тогда, когда животъ твой за вѣру и отечество въ жертву Богу предала: можеша и соблаговолиши теперь, когда Богъ тебѣ животъ твой для вѣры и отечества, еще же и для покровительства единовѣрныхъ вмѣстѣ со скипетромъ возвратилъ. Молимъ же в. п. в—ство, не посрами насъ, надежда наша, въ чаяніи нашемъ, спаси насъ десницею твоею и мышцею твоею покрой насъ» ¹⁵²!

Графъ Алексѣй Петр. Бестужевъ-Рюминъ не хотѣлъ предоставить однимъ архіереямъ прославленіе подвига Екатерины 28 іюня. За четыре дня до коронаціи императрица получила

отъ него проектъ предложенія его Сенату. Приводя въ примѣръ Петра Великаго, получившаго по случаю шведскаго мира названіе Великаго и Отца отечества, Бестужевъ говорилъ въ проектѣ: «Не можетъ справедливѣе и одолжительнѣе случай быть нынѣ благополучно государствующей императрицѣ Екатерины Алексѣевны, избавительницѣ Россіи отъ неизбѣжной почти опасности Имперіи сей разрушенія, погубленія нажитой славы, предвидимаго уже ига и низложенія, достойный принести знакъ благодарности. Я должности моей быть нахожу правит. сенату, почтеннымъ собратіямъ моимъ, какъ старшій между ими членъ, предложить, чтобы, призвавъ Св. Синодъ и прочихъ главныхъ, положить согласіе, по совершеніи коронаціи, ея в—ству, именемъ всего російскаго народа, при благодареніи за ея попеченіе и труды, не только оберегая, но не щадя собственной своей всевысочайшей особы для пользы вѣрноподанныхъ своихъ, принести торжественно титуло и именованіе матери отечества. Екатерина написала на проектѣ: «Видится мнѣ, что сей проектъ еще рано предложить, потому что растолкуютъ въ свѣтъ за тщеславіе, а за ваше усердіе благодарствую ¹⁵³».

Екатерина была совершенно довольна приѣмомъ, какой сдѣлали ей московскіе жители. На третій день послѣ коронаціи, 25 сентября, она писала посланнику своему въ Варшавѣ, графу Кейзерлингу: «Невозможно вамъ описать радость, какую здѣсь безчисленный народъ оказываетъ при видѣ меня: стоитъ мнѣ выйти или только показаться въ окнѣ, и клики возобновляются ¹⁵⁴». Но въ то же время между нѣкоторыми офицерами повторялось имя *Иванушки* (Ивана Антоновича). Мы видѣли, что Петръ III имѣлъ свиданіе съ шлюссельбургскимъ заточникомъ, участь котораго не была послѣ этого облегчена. Екатерина, на другой же день своего царствованія, 29 іюня уже сдѣлала распоряженіе на счетъ немедленнаго свиданія своего съ Иваномъ. Генераль-майоръ Силинъ отъ этого числа получилъ указъ изъ Петергофа: «Вскорѣ по полученіи сего имѣете, ежели можно, того же дни, а по крайней мѣрѣ на другой день безыменнаго колодника, содержащагося въ шлюссельбургской крѣпости подъ вашимъ смотрѣніемъ, вывезти сами изъ оной въ Кексгольмъ; а въ Шлюссельбургѣ, въ самой оной крѣпости очистить внутренней крѣпости самые лучшіе покои и прибрать, по крайней мѣрѣ по

лучшей опрятности, оные, которые изготовивъ, содержать до указу.» 4 июля изъ деревни Мордя, лежащей въ 30 верстахъ отъ Шлюссельбурга, Силннъ доносилъ, что ихъ разбило на озерѣ бурю и они съ арестантомъ находятся въ означенной деревнѣ, дожидаясь новыхъ судовъ изъ Шлюссельбурга, на которыхъ и поплывуть въ Кексгольмъ. При личномъ свиданіи своемъ съ Иваномъ, Екатерина убѣдилась, какъ нелѣпы были толки людей, невидавшихъ Ивана и думавшихъ, что Екатерина можетъ скрѣпить свои права на престоль, выйдя за мужъ за правнука царя Іоанна Алексѣевича. Иванъ былъ отвезенъ обратно въ Шлюссельбургъ въ прежнее помѣщеніе, приготовленное было для Петра III. Арестантъ былъ порученъ надзору двоихъ офицеровъ, Власьева и Чекина, а коменданту шлюссельбургскому Бередникову не велѣно было вмѣшиваться въ ихъ дѣла; Власьевъ и Чекинъ должны были непосредственно обращаться къ Никитѣ Ів. Панину, который далъ имъ инструкцію: «Разговоры вамъ употреблять съ арестантомъ такіе, чтобъ въ немъ возбуждать склонность къ духовному чину, т.-е. къ монашеству, и что ему тогда имя надобно будетъ переимѣнить, а называть его будутъ вмѣсто Григорья Гервасій. Ежели случится, чтобъ кто пришелъ съ командою или одинъ, хотябъ то былъ и комендантъ безъ именнаго повелѣнья или безъ письменнаго отъ меня (Панина) приказа и захотѣлъ арестанта у васъ взять, то онаго никому не отдавать и почитать все то за подлогъ или непріятельскую руку. Буде же такъ оная сильна будетъ рука, что опастись не можно, то и арестанта умертвить, а живаго никому его въ руки не отдавать». На увѣщанія Власьева и Чекина Иванъ отвѣчалъ: «я въ монашескій чинъ желаю, только страшусь Св. Духа, притомъ же я безплотный». Потомъ сказалъ, что ему позволено постричься, образамъ молиться и кланяться, но Гервасіемъ называться не хочетъ, а пусть назовутъ его Θεодосіемъ¹⁵⁵.

Но все это содержалось въ глубочайшей тайнѣ; о неспособности Ивана къ правленію знали очень немногіе и его имя являлось въ устахъ каждаго недовольнаго. Къ графу Григорію Григ. Орлову¹⁵⁶ явился капитанъ Московскаго драгунскаго полка Побѣдинскій съ извѣстіемъ о существованіи партіи, которая считаетъ между своими членами Ів. Ів. Шувалова и которая хочетъ возвести на престоль Ивана Антоновича, что онъ Побѣ-

динскій слышалъ объ этомъ отъ поручика Петра Чихачева, а Чихачевъ отъ капитанъ-поручика Измайловскаго полка Ивана Гурьева. Орловъ сказалъ, чтобъ Побѣдинскій съ товарищами безъ боязни вступали въ это дѣло для подробнѣйшаго развѣдыванія. Въ слѣдствіе этого развѣдыванія нѣсколько офицеровъ были допрошены и показали: Семеновскаго полка подпоручикъ Вепрейскій показалъ, что сержантъ Левъ Толстой до коронаціи дней за семь сказывалъ ему, что онъ слышалъ отъ поручика Семена Гурьева, будто собирается партія, къ которой и Толстой отъ Гурьева приглашенъ. Толстой сказывалъ Вепрейскому, что посланъ Лихаревъ за принцемъ Иваномъ, что Семень Гурьевъ приглашенъ Александромъ Гурьевымъ, знаетъ о томъ Ив. Ив. Шуваловъ, князь Иванъ Голицынъ, да нѣтъ ли тутъ Измайловыхъ также. Въ день коронаціи Вепрейскій рассказалъ объ этомъ Дмитрію Измайлову и предлагалъ на другой день ѣхать и объявить Григ. Григ. Орлову; но Измайловъ сказалъ, что не съ чѣмъ ѣхать, все это вранье, и если оговоренные запрутся, то донощикамъ придется терпѣть истязаніе. Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Иванъ Гурьевъ на допросѣ показалъ: говорилъ Петру Чихачеву, что Иванъ Шуваловъ и съ нимъ четыре знатныя особы, а прочихъ до 70 человекъ въ согласіи, чтобъ быть государемъ Ивану Антоновичу, только скоро дѣлать этого нельзя, потому что солдаты любятъ государыню, а современемъ можетъ быть великое кровопролитіе, съ Шуваловымъ называли и князя Никиту Трубецкаго.

Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Домогацкій показалъ: своякъ его Степацъ Бибииковъ сказывалъ ему, что слышалъ отъ Петра Хрущова бранныя слова противъ е. и. в. Петръ же Хрущовъ, прощаясь съ Бибииковымъ, говорилъ: «Чего трусишь? насъ въ партіи около 1000 человекъ!» Михайла Шиповъ, разговаривая съ Семеномъ Гурьевымъ, жаловался, что онъ несчастливъ: другіе произведены, а онъ не произведенъ; Гурьевъ его утѣшалъ: «слышно, говорилъ онъ, что собирается партія противъ государыни, можете быть въ хорошей партіи: тутъ Иванъ Шуваловъ, Александръ Гурьевъ, князь Иванъ Голицынъ». Михайла Шиповъ замѣтилъ, что тутъ и Никита Ив. Папинъ; Гурьевъ отвѣчалъ: «Это правда, что Никита Ив. Папинъ тутъ; но есть еще другая партія, въ которой Корфъ: онъ собирается возстановить Иванушку; наша

партія гораздо лучше, мы стоимъ за то, для чего цесаревичъ не коронованъ, а теперь сомнѣніе у Панина съ Шуваловымъ, кому правителемъ быть». Семенъ Гурьевъ показалъ, что говорилъ о нѣкоторыхъ противныхъ партіяхъ, къ чему и солдаты армейскіе нѣкоторыхъ полковъ расналены; ихъ сержантовъ въ ту партію приглашалъ и сказывалъ имъ, что посланъ Лихаревъ за принцемъ Иваномъ, чтобъ привезти его къ одному дѣлу; обо всемъ этомъ слышалъ отъ Петра Хруцова, а о посылкѣ Лихарева самъ выдумалъ съ досады, что 28 іюня былъ на караулѣ въ Петергофѣ, обѣщаны были ему награды, но ничего не получилъ. Петръ Хруцовъ, на очной ставкѣ съ Гурьевымъ, показалъ, что дѣйствительно все это говорилъ, а о князѣ Трубецкомъ и Шуваловѣ имъ объявлялъ по одной *эпи*, слышалъ на дорогѣ, идучи съ батальономъ, а подлинно отъ кого слышалъ, показать не можетъ ¹⁵⁷.

Екатерина поручила изслѣдовать дѣло безъ пытокъ. Изъ приведенныхъ показаній открыто было оскорбленіе величества и умыселъ къ общему возмущенію. Сенатъ въ полномъ собраніи, вмѣстѣ съ президентами коллегій, приговорилъ Петру Хруцову и Семену Гурьеву отсѣчь головы, Ивану и Петру Гурьевымъ каторжную работу, а имѣніе ихъ оставить дѣтямъ и наследникамъ. Императрица перемѣнила смертную казнь на вѣчную ссылку въ Камчатку, а каторжную работу на вѣчную ссылку въ Якутскъ. Въ манифестѣ объ этомъ говорилось: «Мы можемъ, не похвалившись, предъ Богомъ цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли всероссійскій престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на расширение славы Его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ. Къ сему достохвальному намѣренію мы приступили не словомъ, но истиннымъ дѣломъ, и о добрѣ общемъ ежедневно печемся. Но при сихъ нашихъ чистосердечныхъ намѣреніяхъ нашлись такіе неспокойные люди, которые покусились дѣлать умыселъ къ ниспроверженію Божію о насъ промысла и къ оскорбленію нашего величества, и тѣмъ безумно вознамѣрились похитить Богомъ врученнаго намъ народа общее блаженство, о которомъ мы безпрестанно трудимся съ матернимъ попеченіемъ ¹⁵⁸».

Дѣло было ничтожное; Дмитрій Измаиловъ сказалъ справед-

ливо, что «все это вранье». Но изъ этого вранья обозначилось, что можетъ быть предметомъ вранья: возстановленіе Ивана Антоновича и то, зачѣмъ не коронованъ цесаревичъ. По отношенію къ первому Екатерина послала предложить свободу только одному принцу Антону: «Мы его одного намѣрены теперь освободить и выпустить въ его отечество съ благопристойностію, а дѣтей его для государственныхъ резонновъ, которые онъ по благоразумію своему понимать самъ можетъ, до тѣхъ поръ освободить не можемъ, пока дѣла наши государственныйя не укрѣпятся въ томъ порядкѣ, въ которомъ они, къ благополучію имперіи нашей, новое свое положеніе теперь приняли. И ежели онъ, принцъ, пожелаетъ быть свободенъ одинъ, а надежду на насъ положить, что мы дѣтей его въ призрѣніи своемъ до времени оставимъ, держа ихъ не токмо въ пристойномъ довольствѣ, но и, какъ скоро поводъ къ свободѣ ихъ усмотримъ, выпустимъ и къ нему пришьемъ: то онъ можетъ искренне свое точное желаніе объявить. Ежели съ дѣтьми своими на обѣщанное нами время разлучиться не похочетъ, тобы принялъ на себя терпѣніе до тѣхъ поръ остаться въ нынѣшнемъ его состояніи, доколѣ и въ свободѣ дѣтей его ту же удобность увидимъ, которая теперь для него только одного открылась ¹⁵⁹». Принцъ Антонъ не согласился быть свободнымъ безъ дѣтей.

Дѣло Хрущева и Гурьевыхъ было ничтожное, но оно должно было произвести сильное впечатлѣніе на Екатерину. Это было первое искушеніе. При всемъ ея стараніи представить своею дѣятельностію противоположность бывшему царствованію, привсемъ стараніи показать, что «о добрѣ общемъ ежедневно печемся», при первомъ личномъ неудовольствіи уже толкуютъ объ Иванѣ Антоновичѣ или, что еще хуже, о томъ, за чѣмъ цесаревичъ не коронованъ, рѣшаются *распялать* солдатъ, прямо указываютъ на знатныхъ людей, какъ на соумышленниковъ, и это болѣзненное настроеніе есть слѣдствіе событія 28-го іюня: однимъ удалось тогда, отъ чего намъ не можетъ удасться теперь? Даже коронація не прекратила этого настроенія.

Екатерина, несмотря на все свое умѣнье владѣть собою, не могла въ октябрѣ 1762 года скрыть тяжелаго состоянія своего духа: печаль была написана на ея лицѣ. Она призналась англійскому посланнику, графу Бекингаму, что въ обществѣ она все

больше и больше становится разсѣянною, сама не зная отчего¹⁶⁰. Тотъ же посланникъ такъ описываетъ положеніе Екатерины: «императрица по своимъ талантамъ, просвѣщенію и трудолюбію выше всѣхъ ее окружающихъ. Стѣсненная обязательствами, полученными въ послѣднее время, сознавая затруднительность своего положенія и страшась опасностей, которыми до сихъ поръ она должна была считать себя окруженною, она еще не можетъ дѣйствовать самостоятельно и освободиться отъ многихъ окружающихъ ея людей, которыхъ характеръ и способности она должна презирать. Въ настоящее время она употребляетъ всѣ средства для пріобрѣтенія довѣрія и любви подданныхъ; если она успѣетъ въ этомъ, то воспользуется пріобрѣтенною властію для чести и пользы своей имперіи»¹⁶¹.

Съ этимъ отзывомъ сходенъ и отзывъ французскаго посланника Бретейля. «Кромѣ Панина, который скорѣе имѣетъ привычку къ извѣстному труду, чѣмъ большія средства и познанія, у этой государыни нѣтъ никого, кто бы могъ помогать ей въ управленіи и въ достиженіи величія, и однако она должна выслушивать и въ большей части случаевъ слѣдовать мнѣніямъ этихъ отъявленныхъ русаковъ (*vieux russes*), которые, чувствуя выгоду своего положенія, осаждаютъ ее безпрестанно, то для поддержанія своихъ предразсудковъ относительно государства, то по своимъ частнымъ интересамъ. Въ большихъ собраніяхъ при дворѣ любопытно наблюдать тяжелую заботу, съ какою императрица старается поправиться всѣмъ, свободу и надобдливость, съ какими всѣ толкуютъ ей о своихъ дѣлахъ и о своихъ мнѣніяхъ. Зная характеръ этой государыни и видя съ какою необыкновенною ласковостію и любезностію она отвѣчаетъ на все это, я могу себѣ представить, чего ей это должно стоить; значить сильно же чувствуетъ она свою зависимость, чтобъ переносить это. Въ одно изъ послѣднихъ собраній, когда она была утомлена болѣе обыкновеннаго разговорами съ разными лицами и особенно съ пьянымъ Бестужевымъ, съ которымъ у неѣ былъ долгій и живой разговоръ, несмотря на ея старанія избѣгать его, — императрица подошла ко мнѣ и спросила, видаль ли я охоту за зайцемъ. Когда я отвѣчалъ, что видаль, то она сказала: такъ вы должны находить большое сходство между зайцемъ и мною: меня поднимаютъ и гонятъ изъ всѣхъ силъ, какъ я ни

стараюсь избѣжать представленій, не всегда разумныхъ и честныхъ. Однако я отвѣчаю, сколько могу, удовлетворительно, и если не могу исполнить чье-нибудь желаніе, то объясняю, почему....» Въ другомъ донесеніи Бретейль пишетъ: «Императрица высказывала мнѣ высокое мнѣніе о величїи и могуществѣ своего положенія. Она повторила, быть можетъ, разъ тридцать: «такая обширная, такая могущественная имперія, какъ моя». Она мнѣ говорила о многихъ предположеніяхъ относительно внутренняго благосостоянія Россіи. Она мнѣ сказала, что по прибытіи въ эту страну, ее не покидала мысль, что она будетъ здѣсь царствовать одна. Императрица мнѣ призналась, что она не совершенно счастлива, что она должна управлять людьми, которыхъ нельзя удовлетворять; что она старается всѣми средствами сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми, но чувствуетъ, что надобны года да и года, чтобъ они привыкли къ ней. Выставляя свои успѣхи и блескъ своего положенія, она обнаруживала вмѣстѣ безпокойство, что ей не по себѣ. Она въ обаяніи отъ престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то ее безпокоитъ и волнуетъ. Это легко понять, если приглядѣться къ поведенію и чувствамъ людей, пользующихся ея довѣріемъ въ чемъ бы то ни было. Ни при одномъ дворѣ не господствовало такое раздѣленіе на партїи, а императрица обнаруживаетъ слабость и колебаніе,—недостатки, которыхъ никогда не замѣчалось въ ея характерѣ. Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій сколько-нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ нею. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи. Ея гордый и высокомерный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ, во первыхъ потому, что здѣсь нѣтъ личной опасности; во вторыхъ потому, что такой тонъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ нравится ея подданнымъ» ¹⁶².

Но какъ бы ни было затруднительно, тяжело положеніе Екатерины, необыкновенная живость ея счастливой природы, чуткость ко всѣмъ вопросамъ, царственная общительность, стремленіе изучить каждаго замѣчательнаго человѣка, исчерпать его умственное содержаніе, его отношенія къ извѣстному во-

просу, общеніе съ живыми людьми, а не съ бумагами, не съ официальными докладами только, — эти драгоценныя качества Екатерины поддерживали ея дѣятельность, не давали ей ни на минуту упасть духомъ, и эта-то невозможность ни на минуту сойти нравственно съ высоты занятого ею положенія и упрочила ея власть; затрудненія всегда заставляли Екатерину на ея мѣстѣ, въ царственномъ положеніи и достойною этого положенія, потому затрудненія и преодолевались.

Послѣ коронаціонныхъ торжествъ дворъ оставался въ Москвѣ послѣдніе три мѣсяца 1762 года и первую половину 1763. Состояніе обѣихъ столицъ одинаково возбуждало опасенія и заботы правительства, что мы видѣли относительно Петербурга и въ предшествовавшее царствованіе. Теперь учреждена была коммиссія изъ генераль-аншефа Чернышева, генераль-поручика Бецкаго и лейбъ-кирасирскаго полка вице-полковника князя Дашкова: коммиссія эта должна была представить въ сенатъ, какимъ образомъ ограничить распространеніе города Петербурга, чтобъ жители его избавились отъ затрудненія въ сообщеніяхъ, производимаго безмѣрною обширностію города; предполагалось необходимымъ назначить предѣлъ, за которымъ поселенія уже составляли предмѣстія; равнымъ образомъ коммиссія должна была представить свои соображенія о Москвѣ, которая, по древности строенія своего, въ надлежащій порядокъ не пришла, жители терпятъ разореніе отъ частыхъ пожаровъ вслѣдствіе тѣснаго деревяннаго строенія ¹⁶³. Въ обѣихъ столицахъ запрещено было вновь строить фабрики и заводы ¹⁶⁴. Мы видимъ, что Екатерина въ своей запискѣ помѣстила въ первое или въ одно изъ первыхъ присутствій своихъ въ сенатѣ распоряженіе о прекращеніи дороговизны хлѣба въ Петербургѣ, именно временное запрещеніе вывозить хлѣбъ за границу, и тутъ же говоритъ о полномъ успѣхѣ этой мѣры: въ два мѣсяца наступила дешевизна всѣхъ припасовъ. Но изъ протоколовъ сената мы узнаемъ, что 20 ноября въ Москвѣ императрица присутствовала въ сенатѣ и объявила о донесеніи изъ Петербурга директора полиціи Корфа о цѣнахъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ въ этой столицѣ: оказывалось, что съ сентября мѣсяца цѣна хлѣбу возвысилась на 20 коп. По этому поводу Екатерина приказала сенату стараться объ учрежденіи казенныхъ магазиновъ, также изыскивать спо-

собы, какъ бы сдѣлать провозъ съѣстныхъ припасовъ въ Петербургъ дешевле, ибо купцы объявляютъ, что и при такой дорогой цѣнѣ барыша мало получаютъ.

Кромѣ извѣстія о дороговизнѣ, изъ Петербурга приходили другого рода неурядныя извѣстія: отъ 20 ноября фельдмаршалъ Минихъ репортовалъ, что въ Петербургѣ происходятъ такіе грабительства и разбои, что ночью безъ конвоя никто изъ своей квартиры отлучиться не можетъ. Сенатъ переслалъ это донесеніе въ свою петербургскую контору; здѣсь приказали: въ сенатъ сообщить вѣдѣніе, что были беспорядки, о которыхъ старшій сенаторъ Неплюевъ доносилъ императрицѣ, сдѣланы распоряженія о ихъ прекращеніи, нѣсколько подозрительныхъ людей и злодѣевъ переловлено, послѣ чего съ 21 ноября водворилась полная тишина; чтоже касается репорта фельдмаршала Миниха, что безъ конвоя нельзя никому ночью выходить, то объ этомъ никакого свѣдѣнія ни отъ кого контора не имѣетъ ¹⁶⁵. Приходили извѣстія о разбояхъ и изъ другихъ мѣстъ: изъ Новгородскаго уѣзда доносили, что разбойники грабятъ и жгутъ помѣщичьи дома; послана была противъ нихъ драгунская команда изъ 15 человекъ; но разбойники убили изъ нея двоихъ да ранили 5 человекъ, сами всѣ ушли и производятъ разбой по прежнему, присылаютъ въ помѣщичьи дома съ требованіемъ денегъ, угрожая поджогомъ.

17 сентября Екатерина приказала отмѣнить сыщиковъ и обязанности ихъ возложить на губернаторовъ и воеводъ, причемъ каждому губернатору и вице-губернатору велѣно прислать въ сенатъ мнѣніе, какія они въ своихъ губерніяхъ находятъ лучшіе способы къ искорененію воровъ. Но скоро опять пришло извѣстіе, что воровскіе люди напали на ярославскую монетную фабрику. Потомъ пришло извѣстіе о разбояхъ по дорогамъ шлюссельбургской, ладожской, нарвской; а на юго-востокѣ въ Троицкій Битюцкій монастырь пріѣхала разбойничья шайка въ 27 человекъ, монастырскихъ казначей и ключника били плетями, прочихъ монаховъ жгли и вымучали монастырскихъ денегъ 1630 рублей и прочія вещи пограбили ¹⁶⁶.

Крестьянскія волненія продолжались. Крестьянинъ Азебаевъ принесъ въ казанскую губернскую канцелярію копию съ манифеста, будто бы состоявшагося 7 іюля, о восшествіи на пре-

столя Екатерины; въ манифестъ вписаны были «самыя пасквильныя рѣчи», на примѣръ: которые собственные ея и в—ства крестьяне отданы были въ прежнихъ годахъ архіереямъ и монастырямъ и которые подписаны подъ заводы, такимъ отнюдь на этихъ заводахъ не работать и быть по прежнему ясачными. Открылось, что бумагу писалъ казанскаго уѣзда, села Красной Горки дьячекъ Кузьминъ, который признался, что сочинилъ ее умышленно въ бытность свою подъ карауломъ въ Казанской духовной консисторіи, вмѣстѣ съ содержащимся въ ней подъ карауломъ заводскимъ крестьяниномъ графа Шувалова, Куликовымъ. Азебаевъ объявилъ, что заводскіе крестьяне Шувалова списали копии съ мнимаго манифеста и, ѣздя по своей братіи, возмущаютъ и берутъ подписки не работать на заводахъ, а желающихъ работать бьютъ, разоряютъ и выгоняютъ изъ домовъ. Въ ноябрѣ Сенатъ слушалъ донесеніе канцеляріи главнаго правленія заводовъ, что приписанные къ казеннымъ и партикулярнымъ заводамъ крестьяне единогласно состоятъ въ упорствѣ и со многихъ заводовъ отъ работъ насильно ушли и по неоднократнымъ посылкамъ изъ канцеляріи ни въ какія работы нейдутъ; по мнѣнію канцеляріи, крестьянъ этихъ, кромѣ строгости военныхъ командъ, ничѣмъ другимъ усмирить нельзя, и Бергъ-коллегія была согласна въ этомъ. Изъ донесенія канцеляріи ясно, что и приписанные къ казеннымъ заводамъ крестьяне волновались точно также, какъ и приписанные къ частнымъ заводамъ ¹⁶⁷.

Для усмиренія заводскихъ крестьянъ отправленъ былъ генералъ-квартирмейстеръ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, въ инструкціи которому говорилось, что онъ прежде всего долженъ привести крестьянъ въ рабское послушаніе и усмирить, потомъ сыскивать подстрекателей. исполнивши это, изслѣдовать на счетъ притѣсеній, которымъ они подвергались. Если не будетъ подъ руками прикащиковъ, на которыхъ они жаждутся, то для скорѣйшаго прекращенія дѣла, крестьянъ заставить работать, если они правильно принадлежать къ заводу, а съ прикащиковъ взять подписки, чтобъ они отнюдь съ крестьянъ ничего лишняго не требовали, особенно же удерживались отъ мучительства, какое оказалось на Петровскомъ заводѣ Евдокима Демидова. Если, несмотря на увѣщанія и угрозы,

крестьяне не придуть въ повиновеніе, то смирить ихъ оружіемъ, однако къ дѣлу не приступать безъ самой крайности. При изслѣдованіи ихъ жалобъ поступать такимъ образомъ: взять отъ крестьянъ повѣренныхъ, по ихъ добровольному выбору, или самому Вяземскому оцредѣлить къ нимъ депутата, и забравши отъ него или повѣренныхъ всѣ ихъ жалобы съ доказательствами, изслѣдовать безпристрастно, выслушивая обѣ стороны, ибо какъ крестьянская продерзость всегда вредна, такъ и человѣколюбіе наше терпѣть не можетъ, чтобъ поработали крестьянъ свыше мѣръ человѣческихъ, особенно съ мучительствомъ. И если дѣйствительно найдется, что прикащики виноваты, то наказать ихъ, причемъ надобно брать предосторожность, чтобъ крестьяне не возмечтали, что ихъ начальники и тогда должны ихъ бояться, когда имъ не понравится и правильная работа. Если кто изъ прикащиковъ уличится въ крайнемъ безчеловѣчїи, такого можно наказать и публично; а если кто требовалъ работы сверхъ должнаго, такого можно наказать секретно, не подавая повода простому народу выходить изъ надлежащей покорности. Окончивъ это дѣло, Вяземскій долженъ былъ разсмотрѣть состояніе заводовъ, освѣдомиться, не лучше ли горныя работы производить вольнонаемными работниками, чтобъ этимъ, если можно, отвратить на будущее время всѣ причины къ безпокойствамъ и работу сдѣлать прочнѣе и полезнѣе ¹⁶⁸.

7 ноября Екатерина присутствуя въ Сенатѣ, объявила, что государственные крестьяне, живущіе въ Казанской, самой лучшей губерніи, приведены въ великую бѣдность и, безъ дозволенія мѣстныхъ смотрителей, не смѣютъ завести ни одного поросенка, будто для того, чтобъ эти животныя не бѣли дубовыхъ желудей, которыхъ однако ни одного не было посажено. Императрица приказала для освидѣтельствованія всѣхъ этихъ безпорядковъ послать туда надежнаго чиновника. Выбранъ былъ вице-президентъ штатсъ-конторы Швевсъ.

Оставались крестьяне церковныхъ имѣній. Предположенная коммиссія объ этихъ имѣніяхъ составила только въ концѣ ноября; членами ея были: митрополитъ новгородскій Димитрій, архіепископъ петербургскій Гавріилъ, епископъ переяславскій Сильвестръ; сенаторъ графъ Иванъ Воронцовъ, гофмейстеръ князь Борисъ Куракинъ, шталмейстеръ князь Сергѣй Гагаринъ,

прокуроръ Синода князь Алексѣй Козловскій, дѣйств. стат. совѣт. Григорій Тенловъ. Коммиссія состояла подъ единственнымъ вѣдѣніемъ императрицы; она должна была руководствоваться духовнымъ регламентомъ и указами Петра Великаго: «Яко ничего лучшаго уже опредѣлить намъ невозможно», говорила Екатерина въ инструкціи коммиссіи. Поэтому коммиссія должна была распредѣлить доходы съ церковныхъ имѣній: 1) на содержаніе домовъ архіерейскихъ, монастырей и церквей; 2) на учрежденіе училищъ; 3) на учрежденіе инвалидовъ домовъ. Въ началѣ инструкціи говорилось: «Св. Синодъ самъ довольно вѣдаетъ, что познаніе слова Божія есть первое основаніе благополучія народнаго и что изъ сего источника истекаетъ вся народная добродѣтель. Но мы съ прискорбіемъ видимъ, что народъ нашъ простой весьма удаленъ еще отъ должнаго исправленія, такъ что и самыя многіе священники не токмо не вѣдаютъ истиннаго пути къ просвѣщенію народному, но и будучи сами часто малограмотныя, нерѣдко простому народу служатъ собственными примѣрами къ поврежденію. Св. Синодъ вѣдаетъ и то, сколь великій соблазнъ въ законѣ, а паче въ нашемъ православномъ, когда имущество церковное расточается иногда на временныя житейскія попеченія, а вѣчныя и богоугодныя дѣла остаются въ забвеніи или и вовсе въ уничтоженіи ¹⁶⁹».

Коммиссія должна была слѣшить своимъ дѣломъ: 12 декабря, въ присутствіи императрицы, въ Сенатѣ читалось донесеніе, что монастырскіе крестьяне, въ числѣ 8539 душъ, не дали подписокъ, что будутъ послушны монастырскимъ властямъ.

Въ одной изъ записокъ своихъ Екатерина говоритъ, что заводскихъ крестьянъ въ явномъ возмущеніи было 49,000 человекъ, а монастырскихъ и помѣщичьихъ до 150,000. Въ другой запискѣ императрица говоритъ, что заводскихъ крестьянъ посланы были унимать генералы, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и Александръ Ильичъ Бибииковъ, которые «не единожды принуждены были употребить противъ нихъ оружіе и даже до пушекъ».

Въ инструкціи кн. Вяземскому былъ поставленъ вопросъ: нельзя ли замѣнить приписныхъ къ заводамъ крестьянъ вольнонаемными работниками? Вопросъ долженъ былъ рѣшиться отрицательно по малочисленности народонаселенія сравнительно съ простран-

ствомъ. 15 октября Сенатъ получилъ указъ императрицы: такъ какъ въ Россіи много непоселенныхъ мѣстъ, а многіе иностранцы просятъ позволенія поселиться: поэтому ея и. в-ство дозволяетъ Сенату принимать въ Россію безъ дальняго доклада всѣхъ желающихъ поселиться, кромѣ жидовъ. Несмотря однако на исключеніе жидовъ, многимъ могло не понравиться позволеніе селиться иностранцамъ иновѣрцамъ, и потому въ указѣ было прибавлено: «ея и. в-ство надѣется современемъ чрезъ то умножить славу Божию и его православную греческую вѣру и благополучіе здѣшней имперіи». Надобно замѣтить, что наканунѣ, 14 октября надворный совѣтникъ Андрей Шелигъ объявилъ въ сенатской конторѣ въ Петербургѣ, что онъ подалъ Никитѣ Ив. Панину доношеніе на имя императрицы, съ секретнымъ проектомъ о поселеніи въ Оренбургской губерніи на пустой землѣ иностранныхъ народовъ, и что Панинъ велѣлъ ему ѣхать въ Москву ¹⁷⁰.

Если рѣшено было пригласить иностранныхъ поселенцевъ, то тѣмъ болѣе должны были стараться о возвращеніи русскихъ бѣглецовъ и удержаніи отъ побѣговъ. Семнадцать раскольничьихъ стародубовскихъ и черниговскихъ слободъ подали челобитную: эти слободы построили предки ихъ, перешедшіе изъ-за границы; они, поселясь въ лѣсныхъ мѣстахъ, распахали немалыя поля и раскосили сѣнокосы. Въ правленіе императрицы Елисаветы три слободы отданы Кіевопечерскому монастырю, а бывшимъ императоромъ отдано шесть слободъ Андрею Гудовичу, въ которыхъ состоитъ больше 4000 душъ; чрезъ это выѣздъ изъ-за рубежа и вовсе прекратится, ибо уже не можетъ быть свободной жизни во владѣльческихъ рукахъ: поэтому жители слободъ просятъ перевести ихъ въ дворцовое вѣдомство. За «голубицу» Фридриха II теперь не было заступниковъ, и Сенатъ приказали: подать императрицѣ докладъ, что слободы къ отдачѣ Гудовичу во владѣніе не слѣдуютъ, потому что населены бѣглецами, и еслибы они ему отданы были, то прежніе помѣщики, чьи эти бѣглецы были, имѣли бы право требовать ихъ назадъ или просить за нихъ вознагражденія ¹⁷¹.

Имѣя въ виду, чтобъ какъ можно менѣе было недовольныхъ, Екатерина съ очень непріятнымъ чувствомъ просмотрѣла поданный ей Сенатомъ длинный реестръ казенныхъ должниковъ,

которые безъ потери своего состоянія не могли удовлетворить требованіямъ казны: однихъ дворянскихъ домовъ было около 50, а съ людьми другихъ сословій болѣе 100. Императрица послала Сенату указъ, что хотя она и не можетъ похвалить людей, которые ввали въ долги въ слѣдствіе неумѣренныхъ и только роскоши служащихъ расходовъ, и никогда не согласится дать такимъ людямъ средства къ расточительности, а воздержнымъ людямъ соблазнъ: однако желаетъ сдѣлать нѣкоторое облегченіе впадшимъ въ долги до ея царствованія, чтобъ невинныя дѣти расточительныхъ отцовъ не страдали въ нищетѣ и горести, но это облегченіе не должно быть въ ущербъ казнѣ. Коммиссія изъ Петра Ив. Панина, Елагина, Еропкина и Яковлева должна была разсмотрѣть состояніе дѣлъ каждого должника и подать императрицѣ мнѣніе, какъ удобнѣе избавить ихъ отъ разоренія ¹⁷².

Извѣстія о взяточничествѣ областныхъ правителей не прекращались. 23 октября, въ присутствіи императрицы въ Сенатѣ, слушалась челобитная слободского Острогожскаго полка сотника Коновецкаго, что отъ генераль-поручика князя Кантемира отяготителямъ тамошняго народа, полковнику Тевяшову и прочимъ оказывается великое послабленіе, за что онъ получилъ отъ нихъ въ собственность, подъ видомъ перепродажи, немалое количество казенной земли, которую онъ населилъ козаками изъ Слободскихъ полковъ, построено было до 300 дворовъ. Екатерина приказала назначить коммиссію на мѣстѣ и сама назначила предсѣдателемъ ея секундъ-майора Измайловскаго полка Щербинина ¹⁷³.

Съ сентября до конца года Екатерина присутствовала въ Сенатѣ одиннадцать разъ. Въ первое изъ этихъ присутствій въ Москвѣ было опредѣлено: сенаторамъ быть въ Сенатѣ отъ половины девятаго до половины перваго часа и постороннихъ рѣчей отнюдь не говорить ¹⁷⁴. Между тѣмъ дѣло объ императорскомъ совѣтѣ въ связи съ преобразованиемъ Сената не прекращалось. Главнымъ двигателемъ дѣла былъ по прежнему Никита Ив. Панинъ, желавшій обезопасить правленіе отъ вліянія фаворитовъ. Мы видѣли отношенія его къ царствованію Елисаветы, противъ котораго у него сильно накопило на сердцѣ: послѣ несбывшихся надеждъ играть первую роль, удаленіе въ

Стокгольмъ и здѣсь крайне затруднительное и унижительное положеніе въ слѣдствіе переменъ политики, которую онъ приписывалъ ненавистному сопернику Ивану Шувалову и его родственнику, графу Петру Ивановичу, — вотъ какія воспоминанія вынесъ Панинъ изъ царствованія Елисаветы, и потому неудивительно, что въ докладѣ своемъ о необходимости императорскаго совѣта, онъ отозвался въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ объ этомъ царствованіи. «Сенатъ, говорилъ Панинъ въ докладѣ, имѣетъ подъ управленіемъ все коллегіи, канцеляріи, конторы, яко центръ, у котораго все стекается, но онъ подъ государевою державною властію не можетъ имѣть права законодавца, а управляетъ по предписаннымъ законамъ и уставамъ, которые изданы въ разныя времена и, можетъ быть, по большей части въ наивредительнѣйшія, то-есть тогда когда при настоянїи случая что востребовалось. Слѣдовательно, какія бы предписанія Сенатъ ни имѣлъ о попеченїи, чтобъ натуральная перемена времени, обстоятельствъ и вещей всегда были обращены въ пользу государственную, ему, въ разсужденіе его существительнаго основанія, невозможно сего исполнить, ибо его первое правило наблюдать теченіе дѣлъ и производить ему принадлежащія по силѣ выданныхъ законовъ и указовъ; въ противномъ случаѣ Сенатъ выдѣлетъ изъ своей границы и теченіе дѣлъ въ правленїи государства часто будетъ останавливаться и вмѣсто скорыхъ резолюцій будутъ нескончаемыя разсужденія и споры о новыхъ законахъ, умалчивая, что физическій и моральный резоны не дозволяютъ трактовать о законоданїи въ такомъ людномъ собранїи. Сенаторъ и всякій другой судья прїѣзжаетъ въ засѣданіе такъ, какъ гость на обѣдъ, который еще не знаетъ не токмо вкусу кушанья, но и блюдо, коими будетъ потчиванъ. Изъ сего само собою заключается, что главное, истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ государевой. Онъ же никакъ иначе и въ полезное дѣйство произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ.

«Еслибъ одна простая рѣчь указа сочиняла одно прямое дѣло, тобъ генераль-прокуроръ могъ быть почтенъ такимъ общимъ попечителемъ, которому все приказано. Въ инструкціи онъ названъ государевымъ окомъ, но самодержавный государь, оста-

вляя при себѣ право законоданія, конечно не можетъ чрезъ одно око разсматривать всѣ разныя въ управленіи государства надобности по перемѣнамъ времени и обстоятельствъ, почему въ существѣ генераль-прокуроръ остается только тѣмъ окомъ, которое въ Сенатѣ порядокъ производства дѣлъ и точность законовъ наблюдать долженъ. Согласиться можно, что Ягужинскій и Трубецкой распространяли гораздо далѣе свое званіе; но то надлежитъ примѣтить, что первый былъ въ то время ближайшей совѣтникъ того государя, который тогда самъ имперію и правительство устанавливалъ, а изъ какихъ людей и какими средствами, о томъ извѣстно. Къ чему довольно одно то напечатать, что вице-канцлеръ былъ положенъ на плаху, чтобъ только научить тогдашнихъ новыхъ сенаторовъ, какъ съ благопристойностью сидѣть и разсуждать въ Сенатѣ. Взявъ эпоку царствованія императрицы Елисаветы Петровны, князь Трубецкой тогда первую часть времени своего прокурорства производилъ по дворскому фаверу, какъ случайный человѣкъ, слѣдовательно не законы и порядокъ наблюдалъ, но все могъ, все дѣлалъ и, если осмѣлится сказать, все прихотливо развращалъ, а потомъ самъ сталъ быть угодникомъ фаворитовъ и припадочныхъ людей. Сей эпоку заслуживаетъ особливое примѣчаніе: въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ, малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ. Образъ восшествія на престолъ покойной императрицы требовалъ ея разумной политики, чтобъ, хотя сначала, сообразоваться сколько возможно съ неоконченными уставами правленія великаго ея родителя, въ слѣдствіе чего тотчасъ былъ истребленъ учрежденный до того во всей государственной формѣ кабинетъ, который, особливо наконецъ когда Биронъ упалъ, принялъ такую форму, которая могла произвести государево общесю всемъ попеченіе. Ея величество вспомнила, что у ея отца—государя былъ домовый кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ приказаній, ордеровъ и писемъ, ничего не выходило, приказала и у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ, и поставили средствомъ онаго всегда злоключительный общему благу интервалъ между государя и правительства. Они, временщики и куртизаны,

дѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всеѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю. Вредное государству, потому что стали изъ него выходить все сюрпризы и обманы, развращающіе государственное правосудіе, его уставы, его порядокъ и его пользу подъ формою именныхъ указовъ и повелѣній во все мѣста; вредное самому государю, потому что и тѣ сами, кои такіа коварныя средства употребляютъ для прикрытія себя предъ публикою, особливо стараются возлагать на счетъ собственнаго государева самопозволенія все то, что они такимъ образомъ ни производили, ибо въ такомъ безгласномъ и въ основаніи своемъ несвойственномъ правительству государственному мѣстѣ опредѣленная персона для производства дѣлъ можетъ себя почитать не подверженнымъ суду и отвѣту предъ публикою. Ласкатели же государю говорятъ: вѣдь де у васъ есть свой кабинетъ: извольте чрезъ него приказывать. Вредное различіе! Будто бѣ все мѣста правительства не равно собственныя были самодержавнаго государя, когда и государство все его быть должно. Да только разница въ томъ, что когда государевы дѣла выходятъ изъ сихъ мѣстъ правительства, всякій сюрпризъ и ошибку публика приписываетъ министрамъ государевымъ, которые особливимъ побужденіемъ обязаны оное предостерегать, и сами такъ дерзко не могутъ возлагать то на государя, будучи честью и званіемъ также обязаны къ отчету въ ихъ поведеніи не токмо предъ своимъ государемъ, но и передъ публикою.

«Въ такомъ положеніи государство оставалось подлинно безъ общаго государскаго попеченія съ теченіемъ только обыкновенныхъ дѣлъ по однимъ указамъ всякаго сорта. Государь былъ отдаленъ отъ правительства. Прихотливые и припадочные люди пользовались кабинетомъ, развращали форму и порядокъ и хватили отовсюду въ него дѣла на безконечную нерѣшимость пристрастными изъ него указами и повелѣніями. Сего не довольно: они тутъ родили еще новое мѣсто, страннѣе уже перваго, и по дежурству отъ генераль-адъютантства не военными командами распоряжались, но государственныя распорядки дѣлали и ими правила; въ наслѣдство и дѣлежъ партикулярныхъ людей безъ законовъ и причинъ мѣшались; дома ихъ печатали; у одно-

го отнимали, другому отдавали. Между тѣмъ большіе и случайные господа предѣловъ не имѣли своимъ стремленіямъ и дальнимъ видамъ, государственныя оставались безъ призрачія; все было смѣшано; всѣ наиважнѣйшія должности и службы претворены были въ ранги и въ награжденія любимцевъ и угодниковъ; вездѣ фаворъ и старшинство людей опредѣляло; не было выбору способности и достоинству. Каждый по произволу и по кредиту дворскихъ интригъ хваталъ и присвоивалъ себѣ государственныя дѣла, какъ кто которыми думалъ удобнѣе своего завистника истребить или съ другимъ противъ третьяго соединиться. Если, кромѣ самоизвольства, оставались еще какія штатскія правила, то, конечно, они были тѣ, по которымъ внутреннее государства состояніе насильствовано и жертвовано для виѣшнихъ, политическихъ дѣлъ, чѣмъ, наконецъ, и едва не взаимными ли сюрпризами зависти между собою, завелася война въ то самое время, когда дошло до высочайшей степени безстрашіе, лихоимство, расхищеніе, роскошь, мотовство и распутство въ имѣніяхъ и въ сердцахъ. Увидѣли скоропостижную войну, требующую дѣйствительныхъ ресурсовъ. Нужно стало собрать въ одно мѣсто раскиданныя части, составляющія государство и его правленіе. Сдѣлали конференцію, монстръ, ни на что не похожій: не было въ ней ничего учрежденнаго, слѣдовательно все безотвѣтственное, и, схватя у государя законъ, чтобъ по рескриптамъ, за подписаніемъ конференціи вездѣ исполняли, отлучили государя отъ всѣхъ дѣлъ, слѣдовательно и отъ свѣдѣнія всего ихъ производства. Фаворитъ остался душою животворящею или умерщвляющею государство; онъ, вѣтромъ и непостоянствомъ погруженъ, не трудясь тутъ, производилъ однѣ свои прихоти; работу же и попеченіе отдалъ въ руки дерзновенному Волкову. Сей подъ видомъ управленія канцелярскаго порядка, котораго тутъ не было, исполнялъ существительную ролю перваго министра, былъ правителемъ самихъ министровъ, избиралъ и сочинялъ дѣла по самохотѣнію, заставлялъ министровъ оныя подписывать, употребляя къ тому или имя государево или подъ маскою его воли желанія фаворитовы. Таково истинное существо формы или, лучше сказать, ея недостатки въ нашемъ правительствѣ. Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерью съ работникомъ и нанимаетъ каждаго къ своему званію. А мнѣ,

напротивъ того, случилось слышать у престола государева отъ людей, его окружающихъ, половицу льстивую за штатское правило: была бы милость, всякова на все станетъ.

«Спасительно нашему претерпѣвшему отечеству матернее намѣреніе в. и. в—ства, чтобы Богомъ и народомъ врученное вамъ право самодержавства употребить съ полною властію къ основанію и утверженію формы и порядка въ правительствѣ. Во исполненіе всевысочайшаго в. и. в. мнѣ повелѣнія, я всеподданнѣйше здѣсь подношу о томъ проектъ въ формѣ акта на подписаніе вашему величеству. Осмѣлюсь себя ласкать, что въ семь проектъ устанавливаемое формою государственною верховное мѣсто лежислаціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единого государя и изъ единого мѣста истекать будетъ собственное монаршее изволеніе, оградить самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя. Впрочемъ я долженъ съ подобострастіемъ примѣтить, что есть, какъ вамъ извѣстно, между нами такія особы, которымъ для извѣстныхъ и имъ особливыхъ видовъ и резоновъ противно такое новое распоряженіе въ правительствѣ. И потому невозможно в. и. в—ству почестъ совѣмъ оконченнымъ къ пользѣ народно и единое ваше всевысочайшее соизволеніе на сейли предложенный проектъ или на что другое, но требуетъ еще оно вашего монаршаго попеченія и цѣломудренной твердости, чтобъ Совѣтъ в. и. в. взялъ тотчасъ свою форму и приведенъ бы былъ въ теченіе, ибо почти невозможно сумнѣваться, чтобы при самомъ началѣ тѣ особы не старались изыскивать трудностей къ остановкѣ всего, или по послѣдней мѣрѣ къ обращенію въ ту форму, какову они могутъ желать. Въ такомъ случаѣ несравненно полезнѣе теперь по ней сдѣлать установленіе, нежели допустить такъ, какъ прежде бывало, развращать единожды установленное.»

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе на Екатерину долженъ былъ произвести этотъ докладъ. Екатерина сама имѣла слабость относиться несправедливо къ популярному правленію Елисаветы, рѣзко выставлять на видъ недостатки его и умалчивать о достоинствахъ; но въ своемъ глазу не видно и бревна, а сучекъ въ глазу другаго очень замѣтенъ: тутъ же бревно въ глазу зтора доклада было такихъ размѣровъ, что не могло не поразить и не возбудить подозрѣнія; какъ ни непріязненно бы-

ла расположена Екатерина къ Шуваловымъ, все же картина правленія Елисаветы, начертанная Панинымъ, не могла не показаться, ей пасквилемъ, продиктованнымъ крайнею личною враждою; но человекъ, который позволяетъ себѣ такъ увлекаться, не можетъ рассчитывать на то, что онъ возбудитъ уваженіе и вниманіе къ своему совѣту, тѣмъ болѣе, что у того, кому подавался совѣтъ, имѣлось побужденіе смотрѣть на него подозрительно. Панинъ билъ мимо, потому что вооружалъ противъ своего дѣла самолюбіе Екатерины: при Елисаветѣ, представлялъ онъ, дѣла находились въ ужасномъ положеніи, недостойные люди, похитивъ довѣріе государыни, дѣлали что хотѣли; для того, чтобъ при Екатеринѣ не было того же, необходимо учредить императорскій совѣтъ: значитъ умъ, способности Екатерины не внушали никакого довѣрія, ея фавориты уже обозначились, и противъ нихъ надобно было поскорѣе прибѣгнуть къ единственному средству спасенія, къ учрежденію совѣта! Но дѣйствительно ли это средство? При императрицѣ Аннѣ былъ такой совѣтъ подъ именемъ Кабинета, и это было время Бироновщины. Кабинетъ, по словамъ Панина принялъ «такую форму, которая могла произвести государево общее обо всемъ попечаніе»; слѣдовательно эта чудодѣйственная форма, къ которой Панинъ взывалъ какъ къ средству противъ всѣхъ золъ, средству противъ *припадочныхъ* людей, была вовсе не такъ дѣйствительна, не могла предохранить Россію отъ Бироновщины. И это-то недѣйствительное средство предлагается съ такою настойчиностію: есть люди, которые не одобряютъ учрежденія совѣта, такъ императрица не должна обращать вниманія на ихъ мнѣнія, не должна прежде рѣшенія важнаго дѣла, выслушивать различныя мнѣнія о немъ. только при учрежденіи Совѣта должна отказаться отъ совѣта, подписать, не думая, поданный проектъ!

Въ проектѣ совѣта, поднесенномъ Екатеринѣ Панинымъ для подписанія, говорилось: «за долго до нашего принятія Россійской державы, мы, познавая существо правленія сей великой и сильной имперіи, познали и причины, которыя такъ часто при всякихъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ, подвергали оное пренебреженію государственныхъ дѣлъ, т.-е. слабости народнаго правосудія, упущенію его благосостоянія и наконецъ всѣмъ

тѣмъ порокамъ, которые по временамъ виѣдривались во все теченіе правленія, какъ особливо при возведеніи на престолъ покойной императрицы Анны Іоанновны и самая самодержавная власть уже потрясена была. Таковыя государству вредныя приключенія происходили несумнѣнно частію отъ того, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣсть государственныхъ, частію же и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердую сохранять могли.... Отъ начала недостаточныя установленія чрезъ долгое время, частію и въ томъ еще злоупотребленія наконецъ привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, что при наиважнѣйшемъ происшествіи на монаршемъ престолѣ почиталось излишнимъ и ненадобнымъ собраніе верховнаго правительства. Кто вѣрный и разумный сынъ отечества безъ чувствительности можетъ себѣ привести на память, въ какомъ порядкѣ восходилъ на престолъ бывшій императоръ Петръ III, и не можетъ ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало».

Императорскій совѣтъ, по проекту, долженъ былъ состоять изъ шести членовъ, которые называются императорскими совѣтниками. «Въ числѣ семъ должны быть нѣкоторые департаментовъ государственныхъ статскими секретарями, и потому мѣсто свое въ тѣхъ департаментахъ для засѣданія имѣть, яко то: 1) статскій секретарь иностранныхъ дѣлъ и членъ того департамента, т.-е. иностранной коллегіи; 2) статскій секретарь внутреннихъ дѣлъ, который не токмо сенаторъ, но и мѣсто имѣеть во всѣхъ коллегіяхъ, принадлежащихъ къ тому департаменту; 3) статскій секретарь военнаго департамента, который въ военной коллегіи, въ комиссаріатѣ и въ провіантской, въ артиллеріи, въ инженерномъ и кадетскомъ корпусахъ мѣсто имѣеть; 4) статскій секретарь морскаго департамента, который и членъ коллегіи адмиралтейской. Всѣ дѣла, принадлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу монаршей самодержавной власти нашему собственному попеченію и рѣшенію, яко то вносимыя къ намъ не въ присутствіи въ Сенатѣ доклады, мнѣнія, проекты, всякія къ намъ принадлежащія просьбы, точное свѣдѣніе всѣхъ

разныхъ частей, составляющихъ государство и его пользу, словомъ все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о приращеніи и исправленіи государственномъ, имѣеть быть въ нашемъ императорскомъ совѣтѣ, яко у насъ собственно. Императорскій совѣтъ не что иное, какъ то самое мѣсто, въ которомъ мы объ имперіи трудимся, и потому всѣ доходящія до насъ дѣла должны быть по ихъ свойству раздѣляемы между тѣми статскими секретарями, а они по своимъ департаментамъ должны ихъ разсматривать, вырабатывать, въ ясность приводить, намъ въ совѣтѣ предлагать и по нихъ отправленія чинить нашимъ резолюціямъ и повелѣніямъ. Въ присутствіи нашемъ каждый статскій секретарь по своему департаменту предлагаетъ дѣла, принадлежащія къ докладу и высочайшему императорскому рѣшенію; а совѣтники императорскіе своими мнѣніями и разсужденіями оныя оговариваютъ и мы нашимъ самодержавнымъ повелѣніемъ опредѣляемъ нашу послѣднюю резолюцію». Въ заключеніе проекта говорилось о раздѣленіи сената на шесть департаментовъ.

Екатерина не вдругъ подписала проектъ. Она прежде сама сдѣлала замѣчанія на нѣкоторыя выраженія. Такъ противъ выраженія во введеніи: «и не можетъ ли сіе злключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ *варварскимъ* временамъ,» она замѣтила: «правда что жалѣть было о томъ должно, но неправда то, чтобъ мы потому были хуже Татаръ и Калмыковъ: а хотябъ и были таковы, то и притомъ кажется мнѣ, что употребленіе столь сильныхъ словъ неприлично нашей собственной славы, да и персональнымъ интересамъ нашимъ противно такое, на всю націю и на самихъ предковъ нашихъ указующее поношеніе.» Въ проектѣ статскіе секретари были названы министрами; Екатерина замѣтила: «слово *министры* не можно ль переименовать русскимъ языкомъ и точную дать силу?» Екатерина не замѣтила или не хотѣла замѣтить еще странности: во введеніи находилась жалоба, что всѣ безпорядки происходили отъ того, что дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, и дѣло дошло до того, что при возведеніи на престолъ Анны Іоанновны даже потрясена была самодержавная власть; но всѣ знали, что въ это время Россія управлялась верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Слово: «министръ» не стумѣли перевести по-

русски и дать ему точную силу, и просто выпустили, равно какъ и выраженіе «варварскія времена». Проектъ переписали; Екатерина и тутъ перемѣнила: вмѣсто шести членовъ совѣта написала: до осьми. Написаны уже были имена членовъ: графъ Бестужевъ, гетманъ Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцовъ, князь Яковъ Шаховской, Панинъ, гр. Захаръ Чернышевъ, кн. Мих. Волконскій, гр. Григорій Орловъ. Статскими секретарями назначались: Панинъ ввутренняго департамента, Воронцовъ—чужестраннаго, Чернышевъ—военнаго. Наконецъ 28 декабря Екатерина подписала манифестъ — и все же онъ не былъ обнародованъ, императорскій совѣтъ не былъ учрежденъ;¹⁷⁵ въ важныхъ случаяхъ, какъ увидимъ, по прежнему созывался совѣтъ или конференція изъ лицъ по назначенію императрицы. Екатерина поступила и тутъ съ тою робостію, нерѣшительностью, внимательностью ко всѣмъ мнѣніямъ, что порицаютъ въ ней министры иностранные въ это время, иностранные министры, смотрѣвшіе и на поведеніе Екатерины тѣми же полузакрытыми глазами, какими смотрѣли прежде на поведеніе Елисаветы, упрекая ее въ медленности и нерадѣніи. Екатерина не послушалась Панина, собрала мнѣнія; нѣкоторые ограничились замѣчаніями второстепенными, одинъ совѣтовалъ возстановить прежнее названіе — Верховный Тайный Совѣтъ. Но, конечно, любопытнѣе другихъ для Екатерины были замѣчанія, сдѣланныя генераль-фельдцейгмейстеромъ Вильбуа: «я не знаю, писалъ Вильбуа, кто составитель проекта; но мнѣ кажется какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный императорскій совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Императрица, по своей мудрости, отстранить все то, изъ чего въ послѣдствіи могутъ произойти вредныя слѣдствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ совѣтѣ, только здравіе ея требуетъ облегченія отъ невыносимой тяжести необработанныхъ и восходящихъ къ ней дѣлъ. Но для этого нужно только раздѣленіе ея частнаго кабинета на департаменты съ статсъ-секретаремъ для каждаго. Также необходимо и раздѣленіе сената на департаменты. Императорскій совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ¹⁷⁶».

Мы видѣли, что французскій посланникъ Бретейль, приписывая Екатеринѣ слабость и нерѣшительность въ дѣлахъ внутреннихъ, жалуется на ея гордый и высокомерный тонъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и объясняетъ это, во первыхъ тѣмъ, что здѣсь не было личной опасности, а во вторыхъ тѣмъ, что такимъ тономъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ Екатерина хотѣла поправиться своимъ подданнымъ. Мы не станемъ отвергать послѣдняго объясненія; но замѣтимъ, что положеніе Россіи, благодаря дѣятельности Елисаветы въ Семилѣтнюю войну, было очень выгодно. Всѣ державы выходили изъ этой войны съ крайнимъ истощеніемъ, Россія чувствовала его меньше всѣхъ, и значеніе, приобретенное ею въ Семилѣтнюю войну, было таково, что ея движеніе въ ту или другую сторону рѣшало судьбу главныхъ воюющихъ державъ. Елисавета довела Фридриха II до края гибели, Петръ III спасъ его: теперь отъ Екатерины зависѣло или снова повергнуть его въ отчаянное положеніе, или спасти; все затрудненіе состояло въ выборѣ.

Разумѣется, можно было ожидать, особенно по словамъ манифестовъ, что Екатерина возвратится къ Елисаветинской политикѣ, опять двинетъ свои войска на помощь Австріи и заставитъ Фридриха II-го мириться на всей волѣ союзниковъ, при чемъ Восточная Пруссія отойдетъ къ Россіи. Такъ понялъ дѣло и старшій фельдмаршалъ Солтыковъ; тотчасъ по полученіи извѣстія о событіи 28 іюня онъ занялъ войскомъ очищенныя-было прусскія области. Но Солтыковъ получилъ указъ снова ихъ очистить; императрица объявила, что будетъ соблюдать миръ съ Пруссією. Конечно она не поступила бы такимъ образомъ, еслибъ была увѣрена, что войско и народъ непременно хотятъ возобновленія войны съ Пруссією; но она знала, что раздраженіе происходило не отъ прекращенія наскучившей всѣмъ, дорого стоившей войны, а отъ того подчиненія прусскимъ интересамъ, какое позволилъ себѣ Петръ III, отъ того значенія, какое прусскій министръ получилъ въ Петербургѣ; раздраженіе происходило отъ того, что такимъ униженіемъ покушался союзъ Пруссіи для войны совершенно бесполезной для русскихъ интересовъ, для войны, къ которой чувствовалось полное отвращеніе. Поэтому Екатерина не опасалась никакого неудовольствія, если не нарушала заключенный миръ съ Пруссією, если при этомъ от-

страняла датскую войну и поддерживала достоинство Россіи, не тратя русской крови и денегъ; за всѣ нравственныя невыгоды, за всю неловкость прусскаго мира отвѣчало предшествовавшее правительство. Миръ былъ нуженъ Екатеринѣ по неупроченности ея положенія, по желанію заняться внутренними дѣлами, улучшить положеніе народа, пріобрѣсти этимъ право на его привязанность, оправдать событіе 28 іюня, — для всего этого нужны были деньги и важно было прекратить расходы на заграничную армію. На войну можно было рѣшиться только въ крайнемъ случаѣ; но предстояла ли эта крайность, надобилось ли охранять цѣлость имперіи и значеніе ея въ Европѣ, нужно ли было сдержатъ сосѣда сильнаго и не разбиравшаго средствъ для достиженія честолюбивыхъ цѣлей? Этотъ упорный сосѣдъ былъ уже сдержанъ; Фридрихъ II выходилъ изъ Семилѣтней войны безъ внутреннихъ средствъ начать другую, безъ союзниковъ, съ страхомъ затронуть Россію, увеличить ея число своихъ враговъ, съ желаніемъ всѣми средствами пріобрѣсть ея дружбу. Было ли согласно теперь съ интересами Россіи обезсиловать окончательно Пруссію, приносить ее въ жертву Австріи и Франціи, преимущественно первой, которая получала тогда преобладающее вліяніе въ Германіи? Не нужна ли была поэтому Пруссія для сохраненія политическаго равновѣсія въ Европѣ? Конечно могутъ сказать, что пестрая по своему составу Австрія никогда не могла быть такъ опасна для Россіи какъ Пруссія; но мы не имѣемъ права отъ вѣковъ предшествовавшихъ требовать тѣхъ взглядовъ, которые опытъ и вліяніе новыхъ началъ и явленій дали вѣкамъ послѣдующимъ. Для Екатерины и ея совѣтниковъ прежде всего представлялся вопросъ: такъ какъ Россіи нечего болѣе бояться Фридриха II, которому притомъ недолго остается жить, то слѣдуетъ ли для окончательнаго сокрушенія Пруссіи въ угоду Австріи, для возвращенія ей Силезіи, нарушить миръ, начать войну, которая можетъ затянуться при личныхъ средствахъ Фридриха, при истощеніи Австріи и Франціи?

Миръ былъ нуженъ по отношенію къ польскому вопросу, приближавшемуся къ рѣшенію: со дня на день ждали смерти короля Августа III. Въ Европѣ было тогда признано и подтверждено

въ знаменитомъ сочиненіи Монтеस्कѣ (Духъ Законовъ)¹⁷⁷, что для государствъ выгоднѣе сосѣди слабые: отсюда стремленіе поддерживать слабость сосѣднихъ державъ, поддерживать правительственныя формы, которыя условливали эту слабость, заключать между собою договоры о поддержаніи этихъ формъ: отсюда договоры между Россією, Пруссією, Австрією, Данією о поддержаніи извѣстныхъ правительственныхъ формъ въ Польшѣ и Швеціи. Но съ признанною въ наукѣ и практикѣ выгодною соединены были и большія затрудненія. Государство слабое не могло сохранять своей самостоятельности, должно было подвергаться вліянію сильныхъ сосѣдей; эти вліянія сталкивались, слабое государство становилось ареною для борьбы сильныхъ, которые такимъ образомъ теряли выгоду имѣть безопасныя границы, ибо боролись другъ съ другомъ по поводу слабаго, не раздѣлявшаго, но сталкивавшаго ихъ. Такъ слабая Польша представляла изъ себя открытую арену для борьбы Россіи, Пруссіи, Австріи, Турціи, Швеціи, Франціи. Борьба производилась съ особенною силою при королевскихъ выборахъ, и къ этой-то борьбѣ надобно было теперь готовиться. Могъ быть выбранъ или иностранный принцъ, или природный Полякъ, какъ говорилось тогда, Пясть. Интересъ Россіи требовалъ такого короля, который былъ бы избранъ исключительно по ея вліянію, былъ бы ей одной обязанъ престоломъ и потому могъ бы отслужить ей за это удовлетвореніемъ ея требованіямъ, которыхъ было три: облегченіе участи православныхъ Русскихъ, опредѣленіе границъ, возвращеніе бѣглыхъ. Польша была слаба, а между тѣмъ сильная Россія не могла отъ нея добиться ничего относительно этихъ требованій, что производило сильное раздраженіе, ибо нарушало существенныя интересы и достоинство Россіи. Понятно, какъ важно было для Екатерины, чтобъ эти требованія получили удовлетвореніе въ самомъ началѣ ея царствованія, особенно первое, чтобъ она для русскихъ людей явилась защитницею православія, отвѣтила дѣломъ на призывъ Конискаго въ его знаменитой рѣчи послѣ коронаціи, а въ глазахъ европейскихъ философовъ явилась защитницею свободы совѣсти, укротительницею католическаго фанатизма. Первымъ искателемъ польскаго престола былъ сынъ Августа III, наслѣдный принцъ саксонскій; но онъ не удовлетворялъ глав-

ному условію, не могъ быть возведенъ на престолъ исключительно съ помощію Россіи: его поддерживали Австрія и Франція, подъ преимущественнымъ вліяніемъ которыхъ онъ и долженъ былъ находиться. При Елисаветѣ это былъ и русскій кандидатъ, ибо тогда основаніемъ политики было сдерживаніе Пруссіи въ союзѣ съ Австріею, Франціею и Саксоніею; но теперь миръ съ Пруссіею перемѣнялъ основаніе политики. Миръ Россіи съ Пруссіею, даже и несопровождаемый союзомъ, наносилъ тяжкій ударъ Австріи и Франціи, особенно первой, которую принуждалъ къ невыгодному миру съ Пруссіею, слѣд. велъ необходимо къ охлажденію между Австріею и Россіею, а при такихъ обстоятельствахъ нельзя было поддерживать австро-французскаго кандидата, надобно было противодѣйствовать ему всѣми силами, что еще болѣе увеличивало охлажденіе Австріи и Франціи къ Россіи. Этого мало: при Елисаветѣ, когда борьба съ Пруссіею была на первомъ планѣ, послѣдовательно было поддерживать враждебный Пруссіи саксонскій домъ, вознаграждать его за ущербъ нанесенный Пруссіею, послѣдовательно было дать Курляндію одному изъ сыновей Августа III; но теперь, когда найдено необходимымъ не допускать саксонскаго принца до польскаго престола, непослѣдовательно было оставлять брата его курляндскимъ герцогомъ, надобно было прогнать его изъ Курляндіи, что вело прямо къ враждѣ съ саксонскимъ домомъ и покровительствующими ему державами — Австріею и Франціею. Эта вражда естественно и необходимо вела къ сближенію съ Пруссіею. Фридрихъ II, благодаря окончательному выходу Россіи изъ войны, пріобрѣталъ возможность заключить выгодный миръ, удержать Силезію; но онъ хорошо зналъ, что Австрія, именно за это, будетъ питать къ нему постоянную вражду; сблизиться съ Франціею не было надежды, съ Англіею была болѣе, чѣмъ холодность, и потому Фридрихъ долженъ былъ заискивать дружбы съ Россіею, для чего надобно было предложить содѣйствіе въ курляндскомъ и польскомъ дѣлѣ. Фридриху было, разумѣется, выгодно отстраненіе принца изъ враждебнаго ему саксонскаго дома; онъ соглашался на Пяста, соглашался именно на того, кого избрала Екатерина. Она избрала своего стараго знакомаго, Станислава Понятовскаго. Мы видѣли, что еще при Елисаветѣ толковали, будто Понятовскій имѣетъ въ

виду достигнуть польскаго престола съ помощію великой княгини Екатерины; теперь ему легко было этого достигнуть съ помощію императрицы всероссійской.

Екатерина говорила Бретейлю: «Обо мнѣ нельзя судить до истеченія нѣсколькихъ лѣтъ; мнѣ надобно по крайней мѣрѣ пять лѣтъ для возстановленія порядка, а между тѣмъ со всѣми государи Европы я веду себя какъ искусная кокетка ¹⁷⁸.» Екатерина хотѣла мира, не хотѣла вступать ни съ кѣмъ въ союзныя обязательства, которыя могли иногда и противъ воли заставить воевать, и когда всѣ государи заискивали ея расположенія, ея союза, она хотѣла отдѣлываться, какъ искусная кокетка, не отказывать, не лишать надежды, и не давать рѣшительныхъ обѣщаній. Она хотѣла, говоримъ, вести себя такъ; но это было трудно.

Россія выходила изъ войны и отказывалась отъ союзовъ; но при такомъ положеніи державъ трудно сохранить важное значеніе. Для поддержанія своего вліянія Екатерина хотѣла быть посредницею мира; но воюющія державы не хотѣли принимать ея посредничества, ибо не видали въ этомъ никакой пользы для себя; притомъ Пруссія была недовольна переменною русскою политикою и угрозами, которыми Екатерина понуждала ее къ миру, Австрія была еще недовольнѣе тѣмъ, что Екатерина, своимъ выходомъ изъ войны, принуждала ее отказаться отъ Силезіи, разрушала всѣ ея надежды. Со стороны петербургскаго кабинета было заявлено, что Россія относительно Польши и другихъ державъ будетъ держаться Пруссіи но что это не помѣшаетъ ей относительно Турціи держаться Австріи, имѣть съ нею одинакіе интересы; въ Вѣнѣ не хотѣли признавать такой двойственности и, сердясь на Россію за союзъ съ Пруссією, тѣмъ тѣснѣе соединялись съ Францією и вмѣстѣ съ нею дѣйствовали противъ Россіи въ Константинополѣ. Точно также Россія должна была выдерживать сильную борьбу съ Францією въ Стокгольмѣ. Наконецъ Россія не могла долго сохранить свободное положеніе. Фридрихъ II соглашался содѣйствовать Россіи по дѣламъ польскимъ, но онъ не хотѣлъ дѣлать этого даромъ. Боясь вражды Австріи и Франціи, находясь въ разладѣ съ Англією, Фридрихъ нуждался въ союзѣ съ Россією, въ формальномъ оборонительномъ союзѣ, которымъ бы онъ могъ страцать

своихъ враговъ: Семилѣтняя война доказала какъ опасно бороться съ державою, на сторонѣ которой Россія. Напрасно петербургскій кабинетъ медлилъ, уклонялся отъ вступленія въ нежеланныя обязательства: Фридрихъ II настаивалъ, и чтобъ имѣть помощь его въ дѣлахъ польскихъ должны были заключить съ нимъ союзъ.

Обратимся къ подробностямъ.

Извѣстіе о событіи 28-го іюня поразило Фридриха II какъ громомъ, по его собственному признанію ¹⁷⁹; хотя донесенія Гольца и возбуждали сильныя опасенія въ самомъ Фридрихѣ и министрѣ его, однако все же не ожидали такой скорой развязки. Министръ Финкенштейнъ писалъ Гольцу: «Я желаю одного, чтобъ этотъ государь (Петръ III), котораго мы имѣемъ столько причинъ любить, и который, кажется, рожденъ для счастія Пруссіи, жилъ и держался на русскомъ престолѣ ¹⁸⁰.» Тяжело было лишиться могущественнаго государя, который, по словамъ Фридриха, служилъ Пруссіи, какъ ея министр ¹⁸¹. Но, дѣлать нечего, надобно было покориться обстоятельствамъ. Чернышевъ первый объявилъ королю о восшествіи на престолъ Екатерины и о приказаніи ему отдѣлиться отъ прусской арміи. Король сталъ упрашивать его подождать три дня, и Чернышевъ позволилъ себѣ согласиться; этими тремя днями Фридрихъ воспользовался для того, чтобъ начать наступательное движеніе противъ Австрійцевъ: онъ не могъ разсчитывать на успѣхъ, еслибъ отступленіе Чернышева ободрило Австрійцевъ; расчетъ былъ вѣренъ, движеніе Пруссаковъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Швейдницъ опять перешелъ въ ихъ руки. Вслѣдъ за тѣмъ начали приходять успокоительныя для короля извѣстія, что Екатерина не намѣрена разрывать съ нимъ мира, и хотя удаленіе Чернышева было для него очень чувствительно, но онъ могъ утѣшаться тѣмъ, что не будетъ обязанъ отдѣлять части своихъ войскъ на помощь Русскимъ въ датской войнѣ. Противъ однихъ Австрійцевъ можно было съ успѣхомъ вести войну и между тѣмъ наблюдать что дѣлалось въ Петербургѣ. 29-го іюня подписанъ былъ Екатериною рескриптъ къ князю Репнину въ Берлинъ: «Какимъ образомъ мы, по всеобщему и единогласному нашихъ вѣрныхъ подданныхъ желанію и прошенію, всероссійскій императорскій престолъ воспріять и тѣмъ государство и имперіумъ

нашъ отъ всякихъ безпокойствъ и разореній освободить и прежде благополучіе и порядокъ въ ономъ возстановить за благо и потребно разсудили, оное усмотрите вы изъ приложеннаго при семъ манифеста. Мы умедлить не хотимъ о семъ Божескимъ справедливымъ и непостижимымъ руковожденіемъ и благословеніемъ воспослѣдованномъ важномъ происшествіи чрезъ сіе вамъ знать дать со всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ, чтобъ вы предварительно тамошнему двору чрезъ министерство о томъ сообщили, обнадеживая о непремѣнномъ нашемъ намѣреніи сохранять добрую дружбу». Къ рескрипту приложена была также нота ко всемъ иностраннымъ министрамъ въ Петербургѣ отъ 28-го іюня; въ этой нотѣ императрица увѣряла ихъ, что она имѣетъ непремѣнное намѣреніе сохранять добрую дружбу съ ихъ государями. 1-го іюля написанъ былъ Реннину другой рескриптъ: «Не можетъ вамъ быть безъизвѣстно, что во время послѣдняго правленія, корпусъ генерала графа Чернышева въ диспозицію королю прусскому посланъ былъ безъ всякаго однако соглашенія ни о времени его при семъ государѣ пребыванія, ни о взаимныхъ на противъ того съ прусской стороны выгодахъ. Хотя и не имѣемъ мы еще точнаго извѣстія, соединился ли тотъ корпусъ съ королемъ или нѣтъ, однако, гдѣ бы оный ни былъ, повелѣли графу Чернышеву не только отъ прусской арміи отдѣлиться, но и прямо въ Россію назадъ идти. Нѣтъ однако намѣренія нашего разрушать нововозстановленный съ симъ государемъ миръ и согласіе, но паче пока не подастъ онъ съ своей стороны явныхъ къ разрыву причинъ, склонны мы сохранять заключенный въ 24-й день минувшаго апрѣля мѣсяца трактатъ. Увѣдомляя васъ о сей нашей резолюціи, повелѣваемъ мы вамъ не таить оной въ вашемъ мѣстѣ, но паче при всякомъ случаѣ именно изъяснять, что по челоуколюбію ничего мы столько не желаемъ, какъ видѣть и поспѣшествовать скорѣйшему прекращенію военнаго пламени, отъ котораго народы только уже пострадали». 4-го іюля передана была Гольцу нота, что императрица не считаетъ нужнымъ берлинскій конгрессъ для улаженія голштинскихъ дѣлъ, а слѣдовательно становится ненужнымъ и посредничество короля прусскаго.

Въ первой депешѣ своей новой императрицѣ, отъ 12-го іюля изъ лагеря при Бегендорфѣ, Реннинъ описывалъ, какъ онъ изъ

вѣстиль Фридриха II о событіи 28-го іюня, когда король еще не зналъ, что распоряженія Солтыкова не одобрены въ Петербургѣ. Во все продолженіе разговора король, по словамъ Репнина, «весьма былъ смутонъ, опасаясь чрезвычайно, чтобъ не разрушилось какъ настоящее согласіе между имъ и императрицею». Вечеромъ король опять призвалъ къ себѣ Репнина и спрашивалъ, не можетъ ли онъ дознаться, что подало поводъ сдѣланнымъ въ Пруссіи объявленіямъ (по поводу обратнаго движенія русскихъ войскъ), не сомнѣніе ли какое, чтобъ онъ, по прежнимъ обязательствамъ, хотѣлъ какимъ-нибудь образомъ препятствовать царствованію императрицы; при этомъ Фридрихъ увѣрялъ, что такъ какъ бывший императоръ самъ письменно отрекся отъ престола, то противъ такого обнародованнаго доказательства никому идти нельзя, и что онъ, хотябъ и хотѣлъ, но собственныя его дѣла къ тому бы его не допустили; наконецъ онъ тотчасъ и призвалъ Екатерину царствующею императрицею. Фридрихъ требовалъ также, чтобъ Репнинъ доложилъ императрицѣ, угодно ли будетъ, чтобъ баронъ Гольцъ остался министромъ при ея дворѣ.

Гольцъ не могъ оставаться въ Россіи. 10-го іюля онъ писалъ королю: «Императрица питаетъ ко мнѣ отвращеніе за мою тѣсную связь съ покойнымъ (Петромъ III), предполагая, хотя и очень несправедливо, что я одобрялъ поведеніе покойнаго относительно ея. При моемъ видѣ она невольно должна припоминать дурное обращеніе, какое Петръ позволялъ себѣ съ нею въ моемъ присутствіи. Я и секретарь мой Дитель имѣемъ противъ себя и дворъ и народъ. Стоитъ намъ поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ Русскихъ, чтобъ сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ другихъ». Но еще Гольцъ могъ увѣдомить короля, что въ будущемъ представляется возможность союза между нимъ и преемницею Петра III. Въ Петербургѣ въ это время находился графъ Кейзерлингъ, назначенный при Петрѣ III посломъ въ Варшаву. Кейзерлингъ, пріятель Бестужева (Алексѣя), подобно Корфу и Панину былъ заклятымъ врагомъ Франціи, и сильно охладѣлъ къ Австріи, когда та сама вошла въ союзъ съ Франціею и ввела въ него Россію; въ послѣднее время пребыванія Кейзерлинга въ Вѣнѣ охлажденіе превратилось во вражду, ибо онъ потерялъ прежнее значеніе, когда важнѣйшія дѣла во

время Семилѣтней войны производились австрійскими послами въ Петербургѣ, и когда пріятелиамъ падшаго канцлера Бестужева не оказывалось большого довѣрія. Екатерина, наслышавшись отъ Бестужева о способностяхъ Кейзерлинга, была рада прїѣзду послѣдняго въ Петербургъ, желая посовѣтоваться съ нимъ вообще о внѣшнихъ дѣлахъ и особенно о польскихъ. Кейзерлингъ, считая необходимымъ для Россіи союзъ съ Германіею противъ Франціи, и не желая теперь видѣть представительницу Германіи въ Австріи, явился въ Петербургъ съ мыслию о необходимости прусскаго союза, особенно по отношеніямъ къ польскимъ дѣламъ, веденіе которыхъ поручалось ему. Онъ объявилъ Гольцу: «хотя теперь и не въ интересахъ русскаго двора заключать оборонительные союзы съ сосѣдними державами, ибо эти союзы могутъ впутать его въ чуждыя ему распри, безо всякой прибыли, такъ какъ Россія не имѣетъ притязаній на какія-либо части сосѣднихъ владѣній: однако я не думаю, чтобъ императрица была далека отъ вступленія съ вашимъ государемъ въ связи болѣе тѣсныя, чѣмъ въ какихъ они теперь, а именно, можетъ быть заключенъ союзный договоръ, въ которомъ можно постановить мѣры относительно Польши».

Но пока будущіе союзники вели не очень дружественные переговоры.

Репнинъ опять писалъ, что Фридрихъ все еще не довѣряетъ миролюбивымъ намѣреніямъ императрицы, и когда онъ, Репнинъ, старался его успокоить, то король потребовалъ, чтобъ онъ изложилъ свои увѣренія на бумагѣ, которую можно показать иностраннымъ министрамъ; но Репнинъ на это не рѣшился. Скоро впрочемъ успокоило короля письмо Екатерины (отъ 24-го іюля), гдѣ императрица увѣдомляла его о посылкѣ своего указа исправить въ Пруссіи слѣдствія недоразумѣній, возникшихъ отъ «излишней ревности», разумѣя ревность Солтыкова. Послѣ этого Фридрихъ началъ толковать, что начинается несогласіе между Австріею и Турціею и дѣло идетъ къ разрыву; но Репнинъ писалъ, что не совѣмъ вѣрить словамъ короля. Въ августѣ Репнинъ имѣлъ съ Фридрихомъ разговоръ. Король началъ говорить что между французскимъ и англійскимъ дворами начаты переговоры, какъ ему кажется, успѣха не имѣютъ, и это ему удивительно, ибо онъ увѣренъ, что обѣимъ сторонамъ война сильно

наскучила. — «Я думаю, сказалъ Репнинъ, что и всѣмъ воюющимъ державамъ война въ тягость». Когда король съ этимъ согласился, то Репнинъ продолжалъ: «Графъ Чернышевъ доносилъ уже императрицѣ о миролюбивыхъ склонностяхъ вашего величества, которыя сходны и съ желаніями императрицы, и ея величество не отречется употребить и посредничество свое для достиженія мира.» — «Я этому очень радъ, отвѣчалъ король, но безъ согласія своихъ союзниковъ не могу приступить къ такому важному дѣлу, впрочемъ отъ нихъ препятствій не предвижу; опасаюсь вѣнскаго двора, который, видя возвращеніе вашихъ войскъ, не такъ будетъ согласенъ на русскую медиацию.» — «Видя двойкость его мысли», Репнинъ отвѣчалъ, что русская армія находится еще такъ близко, что можетъ «содѣйствовать къ сокращенію безразсудныхъ препятствій къ спокойствію свѣта.» — «Вышедъ изъ войны, возразилъ король, непріятно опять въ нее вступать, а между тѣмъ войска могутъ быть нужны и въ отечествѣ.» — «Россія, сказалъ на это Репнинъ, не имѣетъ, кажется причины чего-нибудь бояться, а хотя бы и была причина безпокойства, то войско ея величества такъ многочисленно, что часть его можетъ возвратиться для умротоверенія Европы, а другая остаться для безопасности отечества». Король не отвѣчалъ ничего.

Въ концѣ іюля Екатерина дала своимъ совѣтникамъ 8-мь собственноручно написанныхъ пунктовъ: 1) что мнѣ надлежитъ дѣлать въ теперешнія конъюнктуры, клонящіяся во всей Европѣ къ миру по сообщеніямъ аглицкаго министра Кейта? 2) Послать ли въ Аугсбургъ на конгрессъ министровъ и съ какими инструкціями? 3) Надлежитъ ли сообщать другимъ державамъ пропозиціи о медиации, которую король прусскій мнѣ чрезъ генерала Чернышева оферировалъ? 4) Надлежитъ ли нашимъ войскамъ въ Россію повернуться по теперешнимъ обстоятельствамъ? 5) Имѣемъ ли мы причины, давъ слово о содержаніи мира съ королемъ прусскимъ, оный миръ за полезный почитать, и въ противномъ случаѣ оный по своему передѣлать, къ чему намъ можетъ ли служить сепаратный артикуль онаго мира? 6) Надлежитъ ли возобновительный трактатъ союзный съ вѣнскимъ дворомъ содержать въ своей силѣ, или что въ немъ поправить? 7) Надлежитъ ли нынѣ королю прусскому представить, чтобъ разоренную Саксонію отъ войскъ своихъ очистилъ и возвра-

тилъ въ прежнее владѣніе? 8) Не подается ли поводъ къ непринятію здѣшней медиации тѣмъ, что войска въ Россію возвращены быть имѣютъ, и не ослабѣютъ ли такія же здѣшнія негодности на конгрессѣ?

10-го августа старикъ Бестужевъ представилъ свои отвѣты при слѣдующемъ письмѣ: «По даннымъ отъ в. и. в. собственноручно писаннымъ осьми пунктамъ, сколько я могъ, не будучи у дѣль чрезъ полпята года, также при настоящей старости, и отъ понесенныхъ печалей слабости и короткой памяти, въ разсужденіе взять и примыслить, о томъ всеподданнѣйше приношу при семъ же мое слабѣйшее мнѣніе, и понеже оное не столь обширно сдѣлано, какъ я за 17 лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1745 году, будучи тогда непрестанно при дѣлахъ и въ лучшей памяти, обстоятельное свое мнѣніе имѣлъ честь поднести ея в—ству блаж. памяти любезной теткѣ вашей г. и. Елисаветѣ Петровнѣ: того ради дерзаю толь пространнымъ приложеніемъ онаго в. и. в. утруждать, по причинѣ, что в. в. изволили ко мнѣ отзываться, что той ли я былъ системы, дабы короля прусскаго ослабить въ его силахъ. И в. в. изъ онаго усмотрѣть изволите, что я подлинно такимъ былъ, да и нынѣ при той же системѣ пребываю неотмѣнно, предоставляя впрочемъ высочайшему и просвѣщенному в. в. разсужденію и повинуюсь всегда къ раболѣпному исполненію монаршихъ вашихъ повелѣній».

На первый пунктъ Бестужевъ отвѣчалъ, что Россія должна побуждать воюющія державы къ миру. На второй: надобно стараться, чтобъ русскіе министры были приглашены на конгрессъ, хотя и трудно теперь этого достигнуть велѣдствіе заключенія отдѣльнаго мира Россіи съ Пруссією; когда русскіе министры приглашены будутъ на конгрессъ, то имъ должно дать инструкцію, чтобъ прежніе русскіе союзники получили, сколько возможно, умѣренное вознагражденіе за ихъ убытки и разоренія, и чтобъ тѣмъ отчасти сокращены были многія силы короля прусскаго, какъ весьма опаснаго для сосѣдственныхъ державъ на будущія времена, а особливо дабы не въ состояніи онъ былъ за нынѣшнюю войну отомстить Россіи, и чтобъ присутствіемъ на конгрессѣ русскихъ министровъ императрица получила не только славу, но и могла быть ручательницею договора, не допуская ничего противнаго русскимъ интересамъ. На третій: со-

общить другимъ державамъ прусское предложеніе о посредничествѣ неприлично, ибо король упомянулъ объ немъ графу Чернышеву только въ разговорѣ, и хотя повторилъ то же и князю Репнину, но такія предложенія обыкновенно дѣлаются на письмѣ. На четвертый: полезнѣе было бы всей русской арміи остаться еще въ завоеванныхъ у Пруссіи земляхъ; но когда уже дано повелѣніе арміи возвратиться, то надобно до 30,000 войска оставить въ Польшѣ по рѣкѣ Вислѣ и сверхъ того на границахъ содержать до 50,000 войска, и тѣмъ заставить желать русскаго посредничества и заставить уважать его. На пятый: когда государственная казна истощена, то и худой миръ надобенъ; но такъ какъ миръ съ Пруссіею заключенъ въ ущербъ славы и чести русскаго двора и безъ вѣдома союзниковъ, то полезнымъ считаться не можетъ и лучше было бы его передѣлать, какъ только будетъ къ тому справедливая причина. На шестой: такъ какъ прежній договоръ съ вѣнскимъ дворомъ ослабленъ миромъ съ Пруссіею, то надобно его возобновить, какъ съ естественнымъ союзникомъ по отношенію къ Турціи и прочимъ сосѣдямъ. На седьмой: надобно требовать отъ Пруссіи и Австріи, чтобъ вывели свои войска изъ Саксоніи. На осьмой: если всѣ русскія войска возвратятся внутрь Россіи, то, разумѣется, у воюющихъ державъ не будетъ побужденія требовать русскаго посредничества.

Неплюевъ утверждалъ наоборотъ, что содержать русскую армію въ Польшѣ на Вислѣ, въ мѣстахъ уже опустошенныхъ, будетъ страшно дорого, и потомъ этимъ возбудится подозрѣніе въ сосѣднихъ державахъ, ибо чѣмъ объяснить такую останковку войска? Наконецъ Поляки станутъ волноваться.

Князь Волконскій подалъ мнѣніе, почти буквально сходное съ мнѣніемъ дяди своего, Бестужева.

Вице-канцлеръ князь Голицынъ подалъ мнѣніе, что когда русскіе министры будутъ приглашены къ конгрессу, то должны помогать, чтобъ умножившуюся чрезъ мѣру силу короля прусскаго привести въ умѣренные предѣлы удовлетвореніями въ пользу прежнихъ русскихъ союзниковъ, для будущей безопасности его сосѣдей и для германскаго равновѣсія. Это тѣмъ полезнѣе для Россіи, что уменьшится сила единственнаго теперь опаснаго для Россіи сосѣда; а сила эта должна увеличиться

барейтскою и аншахскою областями, которые отойдутъ къ бранденбургскому дому вслѣдствіе бездѣтной кончины ихъ маркграфовъ. Не возвращать хотя часть войскъ изъ прусскихъ областей до общаго мира, для сдерживанія этимъ смѣлаго и предприимчиваго права короля прусскаго. По словамъ графа Мерси, вѣнскій дворъ съ радостію сталъ бы продолжать субсидію, еслибъ только русскія войска остались на Вислѣ. Нужно возобновить оборонительный договоръ съ вѣнскимъ дворомъ, какъ съ естественнымъ союзникомъ.

Воронцовъ также полагалъ, что хорошо бы оставить корпусъ русскихъ войскъ въ Пруссіи и Польшѣ; но «должно въ разсужденіе принять, что для благосостоянія имперіи нужно сохранить миръ, каковъ онъ ни есть, ибо и счастливые успѣхи воинскіе изнуряютъ довольно силы государства, умалчивая о несчастныхъ приключеніяхъ всякаго рода. Миръ съ королемъ прусскимъ не можетъ быть почтенъ полезнымъ; но не остается почти способа передѣлать его».

Рѣшено было сохранять миръ и выводить войска изъ прусскихъ областей, а между тѣмъ понуждать прусскаго короля къ миру съ Австрією и Саксонією; но, разумѣется, послѣдняго трудно было достигнуть при первомъ.

Къ Репъину былъ отправленъ такой рескриптъ: «Изъ реляціи вашей усматриваемъ мы къ сожалѣнію нашему, что король прусскій, по мѣрѣ удаленія войскъ нашихъ изъ земель его, сталъ все больше открывать предъ вами свое отвращеніе къ миру. Не такъ удивителенъ, какъ непріятенъ намъ его поступокъ, ибо изъ него не безъ основанія можно заключить, что онъ намѣренъ продолжать войну, можетъ быть въ той надеждѣ, что мы, оставя разъ войну, не захотимъ скоро опять ее начать; съ другой стороны взятіе Швейдница приводитъ его въ состояніе дѣйствовать наступательно противъ австрійскаго дома и принудить императрицу-королеву силою оружія къ такому миру, которымъ бы онъ могъ на будущее время сохранить и утвердить перевѣсъ свой и бранденбургскаго дома въ Германіи. Такъ какъ наше желаніе и стараніе совѣмъ другія, а именно, чтобъ скорымъ окончаніемъ войны установить въ Германіи столь нужное для интересовъ нашей имперіи равенство силъ, и для того способствовать императрицѣ-королевѣ въ удержаніи того, что ею

уже дѣйствительно завоевано; то не можемъ мы теперь оставаться спокойны, пока не узнаемъ прямо и точно мысли его прусскаго величества, дабы, примѣняясь къ нимъ, располагать и собственныя наши мѣры. Вы поэтому должны сыскать удобный случай внушить королю въ разговорѣ, будто отъ себя, что примѣтная его склонность къ продолженію войны отнюдь не можетъ намъ быть пріятна по миролюбію нашему и принятымъ правиламъ, и потому вы опасаетесь, чтобъ она не удержала насъ отъ вступленія съ нимъ въ большую дружбу и короткость, хотя и есть между обоими дворами нѣкоторые общіе интересы. Когда рѣчи и поступки короля прусскаго и впредь будутъ обнаруживать упорство его въ продолженіи войны, то вы должны выказывать нашу склонность и доброжелательство къ вѣнскому двору; по требованію обстоятельствъ вы должны отзываться, что по естественнымъ интересамъ обоихъ императорскихъ дворовъ мы не можемъ оставить вовсе императрицу-королеву. Если бы король прусскій былъ убитъ въ какомъ-нибудь сраженіи, что на войнѣ случиться можетъ, то повелѣваемъ вамъ преемнику его формально и немедленно предложить нашу медицію, съ общаніемъ несомнѣннаго чрезъ посредство наше мира».

Репнинъ увеличивалъ безпокойство императрицы, донося, что Фридрихъ имѣетъ намѣреніе овладѣть Саксоніею, и что когда онъ, Репнинъ, сталъ представлять ему объ очищеніи этой страны, то онъ сталъ обходиться съ нимъ холодно, такъ что Репнинъ просилъ у императрицы позволенія уѣхать изъ лагеря въ Берлинъ, чтобъ не подвергнуть неучтивости свой посольскій характеръ. Когда Репнинъ представилъ Фридриху о миролюбіи вѣнскаго двора и о согласіи его вступить въ мирныя переговоры и заключить перемиріе, то король отвѣчалъ, что онъ не отрекается отъ выгоднаго мира, но на невыгодныя никогда не согласится и прежде постановленія прелиминарныхъ пунктовъ перемирія заключено быть не можетъ; вѣнскій дворъ, если желаетъ, можетъ сдѣлать предложеніе, но онъ, съ своей стороны, не имѣетъ сдѣлать никакихъ предложеній и на конгрессъ никогда не согласится; военныя заботы не оставляютъ ему времени для мирныхъ переговоровъ, тѣмъ болѣе, что министерства своего при себѣ не имѣетъ. Репнинъ замѣтилъ: «зима приближается и дастъ вашему величеству свободное время; о мѣстѣ и

способѣ переговоровъ нечего говорить, лишь бы было желаніе мира», — «На конгрессъ никакъ не соглашусь, отвѣчалъ Фридрихъ, предложеній никакихъ дѣлать не имѣю, и оставляю на волю вѣнскаго двора ихъ сдѣлать». — «Ваше императ. величество, доносилъ Репнинъ, изволить усмотрѣть, что негоціаціями способу итъ короля къ миру склонить, развѣ ему оставить все тѣ же владѣнія, которыя прежде войны имѣлъ, и никакой индемнизациі никому не требовать; ежели же вѣнскій дворъ какіе-либо ни есть авантажи получить желаетъ, то оныя иначе достать не можетъ, какъ твердостію своего оружія. Кампанія нынѣшняго года совсѣмъ въ пользу короля обратилась, чѣмъ еще болѣе его мысли возвысились, и если сверхъ того какіе авантажи еще получить, то боюсь, чтобъ самъ не задумалъ хотѣть индемнизацию за убытки сей войны».

Екатерина настаивала, чтобъ прежде всего Фридрихъ вывелъ свои войска изъ Саксоніи, и далъ ея курфюрсту, королю польскому, вознагражденіе за разореніе его земли. «Мы предусматриваемъ, говорилось въ рескриптѣ императрицы Репнину, что сія матерія непріятна будетъ королю; но справедливость тѣмъ не меньше требуетъ, чтобъ обидчикъ сдѣлалъ обиженному удовольствіе, и для того надобно вамъ при всякомъ случаѣ пристойно напоминать, что безъ удовольворенія королю польскому, какъ саксонскому курфюрсту, миръ прочно установленъ быть не можетъ.» — «Король, писалъ Репнинъ, когда я чуть коснусь этой матеріи или возстановленія мира, прерываетъ разговоръ и съ неудовольствіемъ отъ меня уходитъ. Такъ, получа извѣстіе, что Австрійцы покушались напасть на принца Генриха, сказалъ мнѣ: «Я вижу, какъ они намѣрены оставить Саксонію; они только стараются всячески меня оттуда выбить». Я замѣтилъ ему, что Австрійцы безъ его согласія не могутъ оставить Саксонію; но сами они вполнѣ на это готовы, лишь бы онъ показалъ такую же готовность. — «Я уже давно знаю, чему вѣрить и чему не вѣрить», отвѣчалъ король. Репнинъ писалъ, и конечно, слова его должны были произвести непріятное впечатлѣніе, показывая вредъ, происшедшій отъ измѣненія елисаветинской системы относительно Фридриха II-го: «При восшествіи вашего величества на престолъ, графъ Чернышевъ и я доносили, что король не прочь отъ мира. Но обстоятельства съ тѣхъ поръ совсѣмъ

перемѣнились; страхъ оружія вашего величества миновался съ возвращеніемъ русскихъ войскъ въ отечество; Швейдницъ взятъ, Австрійцевъ захвачено въ плѣнъ до 15,000 человекъ, а у нихъ только отъ 2,000 до 3,000 прусскихъ плѣнныхъ. Помянутыя преимущества возвысили здѣсь желанія и совершенно перемѣнили мнѣнія, и сверхъ того и природный нравъ короля много участія въ томъ имѣеть».

Екатерина собственноручно написала иностранной коллегіи для передачи Репнину: «При пристойномъ случаѣ князю Николаю Репнину въ разговорѣ внушить королю прусскому, будто бы отъ себя, что видимая его склонность къ войнѣ можетъ удержать меня отъ вящей дружбы съ нимъ, королемъ, хотя и нѣкоторые между нами есть сходственные интересы. Когда королевскія рѣчи покажутся склонны къ войнѣ, тогда посланнику подавать виды склонности къ вѣнскому двору; а когда къ миру покажетъ желанье, тогда на его сторону говорить, показывая при всякомъ случаѣ крайнее мое желанье видѣть миръ и тишину. Еще секретнѣйшее наставленіе князю Репнину дать: если король, въ его князя бытность, убить бы былъ, чтобъ онъ тогда формально наслѣднику медицію нашу офиривалъ съ обѣщаніемъ неизмѣннаго мира». Наконецъ Репнинъ долженъ былъ внушить Фридриху, что въ случаѣ продолженія войны Россія принуждена будетъ всеми способами помогать вѣнскому двору. «Сомнѣваюсь, отвѣчалъ Репнинъ, чтобъ можно было склонить короля къ какой-нибудь уступкѣ, развѣ сдѣлать это силою оружія, а иначе невозможно». Представленія посланника подкрѣплялись письмомъ самой государыни: «Я была бы очень рада, писала Екатерина Фридриху, устранить все то, что можетъ вредить доброму согласію между нами; но я не вижу къ тому средства, если в. в. не выйдете изъ настоящей войны. Я вамъ скажу просто: нѣтъ ли возможности заключить миръ? Я бы могла дѣйствовать иначе, у меня были средства въ рукахъ и теперь еще есть. Я пожертвовала существенными выгодами войны любви къ миру; надобно надѣяться, что другіе послѣдуютъ этому примѣру, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ они могутъ имѣть въ виду выгоды еще идеальныя только. Вся трудность состоитъ въ вознагражденіи саксонскому двору: можно устроить какое-нибудь помѣщеніе для одного изъ принцевъ этого дома». Письмо окан-

чивается угрозою: «Я знаю, что вѣнскій дворъ склоненъ къ миру. Я могла бы сообщить вамъ его предложенія, еслибы со стороны в. в—ства могла ожидать того же; но къ несчастію вы отказались отъ этого, и я боюсь, что наконецъ мои лучшія намѣренія не исполнятся и я буду принуждена принять мѣры, противныя моимъ желаніямъ, склонностямъ и чувству дружбы».

26 ноября Репнинъ имѣлъ разговоръ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Финкенштейномъ. Репнинъ представилъ рѣшительно о необходимости очищенія Саксоніи и вознагражденія ей, безъ чего прочный миръ невозможенъ. Финкенштейнъ отвѣчалъ: «Правда, Саксонія страдаетъ, но гнѣвъ королевскій на нее происходитъ отъ увѣренности, что она была причиною войны, на что есть и письменныя доказательства. Прежде съ русской стороны упоминалось только объ очищеніи Саксоніи, а теперь пошло дѣло уже и о вознагражденіи». — «Секреты кабинетовъ остается втайнѣ между государями, сказалъ Репнинъ, и я объ нихъ ничего не знаю; а извѣстно мнѣ и всему свѣту, что король прусскій первый вошелъ въ Саксонію, и съ тѣхъ поръ какія страданія она терпитъ? вознагражденіе же Саксоніи справедливо слѣдуетъ по натуральному праву: обиженный долженъ получить удовлетвореніе отъ обидчика. Удаленіе его величества отъ очищенія Саксоніи и отъ мира приводитъ меня въ страхъ, чтобъ отъ этого упорства не послѣдовала холодность между нимъ и ея императ. величествомъ; боюсь, чтобъ ея величество не была принуждена совершенно обратиться къ вѣнскому двору». — «Холодности съ нашей стороны никогда не будетъ», отвѣчалъ Финкенштейнъ, король твердо намѣренъ сохранять дружбу съ императрицею». Во все время разговора, доносилъ Репнинъ, Финкенштейнъ былъ въ великой *торопости*, говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ и самъ дрожалъ.

21 декабря Финкенштейнъ объявилъ Репнину именемъ королевскимъ, подъ крайнимъ секретомъ, что вѣнскій дворъ сдѣлалъ мирныя предложенія чрезъ посредство саксонскаго двора, и король отвѣчалъ, что онъ не удаленъ отъ мира, лишь бы условія были разумныя, въ слѣдствіе чего съ обѣихъ сторонъ назначены повѣренныя въ дѣлахъ. Вѣнскій дворъ требовалъ, чтобъ дѣло велось тайно; но король, будучи обязанъ истинною дружбою съ русскою императрицею, признавая съ благодарностію

человѣколюбивое желаніе ея относительно возстановленія общей тишины, также и въ доказательство, что онъ отъ мира не удаляется, не хотѣлъ этого скрыть. Решившій отвѣчалъ, что императрица конечно съ удовольствіемъ услышитъ объ этомъ началѣ къ прекращенію бѣдствій человѣчества и по возможности будетъ способствовать къ отвращенію всякихъ тому препятствій, если только король откровенно и точно изъяснится. Финкенштейнъ отвѣчалъ королевскимъ именемъ, что король немедленно отправитъ прямо къ императрицѣ свои мирныя условія.

А между тѣмъ преемникъ Гольца графъ Сольмсъ, пріѣхавши 18 декабря къ канцлеру на вечеръ, вступилъ съ нимъ, подъ видомъ разговора, въ подробныя разсужденія о дѣлахъ. Король его государь удивляется, началъ Сольмсъ, какъ сильно ея величество изволить интересоваться саксонскимъ дворомъ, когда тотъ поступками своими не только не заслуживаетъ заступленія ея величества, но болѣе достоинъ мести за радость, оказанную имъ при извѣстїи о заговорѣ (Хрущевскомъ) противъ ея величества; онъ, графъ Сольмсъ, можетъ увѣрить, что при этомъ случаѣ дрезденскій дворъ вездѣ разглашалъ въ Польшѣ, что хотя первое покушеніе было и неудачно, однако новое покушеніе, которое послѣдуетъ въ ноябрѣ, непременно произведетъ перемѣну въ правленїи. Еслибы король, въ угодность императрицѣ, захотѣлъ очистить Саксонію, то какъ бы онъ могъ увѣриться, что не подвергнется нападенію въ сердцѣ своихъ владѣній, имѣя столько опытовъ вражды и ненависти дворовъ вѣнскаго и дрезденскаго, которые до войны думали уже о раздробленїи областей его. Король готовъ заключить миръ съ австрійскимъ домомъ, если только тотъ отстанетъ отъ своихъ требованій и захочетъ удовольствоваться тѣмъ, чѣмъ каждый владѣль до войны. Такъ какъ великобританскій дворъ, при заключенїи мира съ Франціею, въ противность торжественныхъ обнадеживаній, вовсе пренебрегъ интересами его прусскаго величества и вообще началъ оказывать къ нему большую холодность, то король опасается, чтобъ лондонскій дворъ, скрывая несправедливость своего поступка, не захотѣлъ распространить своихъ вредныхъ для короля внушеній и при здѣшнемъ дворѣ, тогда какъ король напротивъ употребляетъ всевозможное стараніе сохранить дружбу съ ея величествомъ. — Канцлеръ отвѣчалъ,

что ея величество заступаетъ за польскаго короля по дружбѣ къ нему, по его усиленнымъ домогательствамъ, и особенно по принятому однажды навсегда правилу стараться по возможности о скорѣйшемъ прекращеніи народныхъ бѣдствій. Ея величество не безъ причины ожидала со стороны прусскаго короля большей податливости и снисхожденія къ ея заступленію, тѣмъ болѣе, что Саксонія и безъ того уже почти въ конецъ разорена. Опасеніе австрійскаго нападенія чрезъ Саксонію на прусскія земли не можетъ служить отговоркою, ибо въ русскомъ предложеніи точно обозначено, что Саксонія будетъ немедленно занята войскомъ своего курфюрста, который во всю войну будетъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Внушеніе о странной радости, будто бы оказанной польскимъ дворомъ по поводу заговора тѣмъ удивительнѣе, что объ этомъ не было извѣщенія ни отъ русскаго министра въ Польшѣ, ни отъ кого другого; наконецъ мнимый раздѣлъ прусскихъ земель, въ которомъ обвиняются теперь дворы вѣнскій и дрезденскій, никогда не былъ доказанъ, хотя съ прусской стороны весь саксонскій архивъ силою взяли и многія бумаги изъ него изданы. На это Сольмесъ замѣтилъ, что у короля въ рукахъ находятся явные доказательства замысла о раздѣлѣ его владѣній.

Фридрихъ не думалъ, чтобъ Екатерина при тогдашнихъ обстоятельствахъ рѣшилась начать войну, и особенно войну съ нимъ изъ-за Австріи и Саксоніи. Въ декабрѣ онъ писалъ Финкенштейну: «при настоящихъ обстоятельствахъ надобно выигрывать время и идти потихоньку (*à pas mesurés*). До сихъ поръ я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ мы съ Россіею; я имѣю важныя причины думать, что тамъ не захотятъ разорвать съ нами; императрица уводитъ свои войска внутрь страны и я не думаю, чтобъ Австрія имѣла большое вліяніе въ Петербургѣ»¹⁸².

Какую печаль произвело событіе 28 іюня въ Пруссіи, такую же радость возбудило оно въ Даніи.

29 іюня уже былъ отправленъ къ Корфу рескриптъ, что если онъ находится на дорогѣ въ Берлинъ, то пусть возвращается туда, гдѣ находится датскій король, и удостовѣрить его въ искреннемъ желаніи императрицы ненарушимо сохранять и продолжать союзническую дружбу; внушить, что императрица съ сожалѣніемъ видѣла, какъ доходили до крайности несогласія съ Даніею

по голштинскимъ дѣламъ и всѣ предпріятія противъ Даніи признавала за несходныя съ интересомъ своего государства, благополучіе котораго предпочитала всѣмъ постороннимъ видамъ. Теперь императрица желаетъ оставить все на прежнемъ основаніи, полагая за правило, что голштинскія дѣла не могутъ служить поводомъ къ нарушенію добраго согласія Россіи съ датскимъ дворомъ.

Король былъ уже въ Берлинѣ, когда получилъ этотъ рескриптъ; онъ немедленно отправился въ Копенгагенъ и оттуда въ загородный королевскій замокъ Фриденбургъ, гдѣ его ожидали съ нетерпѣніемъ и приняли съ великою радостію. Король не находилъ словъ для выраженія своей благодарности императрицѣ за ея увѣренія въ дружбѣ и распространился о своемъ уваженіи къ русскому народу: «Вы свидѣтель, говорилъ онъ Корфу, какъ я всегда почиталъ русскій народъ; это почтеніе усилилось въ слѣдствіе храбрыхъ дѣйствій русскихъ войскъ въ настоящей войнѣ; мнѣ было жаль вступить въ кровопролитную борьбу съ народомъ, котораго я ни чѣмъ не оскорбилъ». — «Не только дворъ, писалъ Корфъ, но и всѣ жители датскихъ провинцій, чрезъ которыя я проѣзжалъ, до послѣдняго крестьянина, обнаруживали радость въ слѣдствіе нечаянной перемѣны въ ихъ судьбѣ; да исполнитъ Всевышній все то, чего эти бѣдные люди желали вашему величеству. Совершенно другое обнаружилось въ Берлинѣ и бранденбургскихъ земляхъ, когда тамъ узнали о вступленіи на престолъ вашего величества: ужасъ былъ такъ великъ, что королевскую казну ночью отвезли въ Магдебургъ».

Но въ Даніи слишкомъ много разсчитывали на равнодушіе Екатерины къ Голштиніи. Датскій король объявилъ, что по договору между нимъ и шведскимъ королемъ, какъ принцемъ Голштинскаго дома, послѣдній отказался въ его пользу отъ опекуинства въ случаѣ малолѣтства герцога Голштинскаго. Теперь, по мнѣнію датскаго короля, этотъ случай насталъ по малолѣтству великаго князя Павла Петровича, и онъ, король датскій, долженъ вступить въ опекуинство, слѣдовательно и управление герцогствомъ. Но Екатерина собственноручно написала иностранной коллегіи: «Тѣмъ наипаче, что при вступленіи моемъ на всероссійскій престолъ всѣмъ державамъ объявлено, сколько я желаю миръ и тишину, нынѣ удивленія достойнъ поступокъ

короля датскаго, который объявилъ мнѣ, будто онъ права имѣть обще со мною, опекунство сына моего въ Голштиніи на себя взять. И оныя права признать не могу. Въ римской имперіи младшій принцъ безъ вѣдома старшаго своего дома не можетъ въ поврежденіе того заключить трактатъ. Бывшій императоръ не вѣдалъ и никогда не апробовалъ трактатъ короля шведскаго, младшаго принца голштинскаго дома, съ королемъ датскимъ, въ предосужденіе своихъ братьевъ и наслѣдника Петра III. Мать, по всѣмъ римской имперіи правамъ, имѣетъ опекунство сына своего, и король датскій самъ подкрѣплялъ въ саксенъ-веймарскомъ домѣ недавно случившійся случай. Сколько наиболѣе при всего умнаго свѣта (т.-е. по признанію всѣхъ умныхъ людей) права самодержавной императрицы подкрѣпляетъ повѣренность цѣлаго обширнаго народа — всякому на разсужденіе отдается. Съ королемъ датскимъ же въ негоціацію отнюдь вступать не буду до тѣхъ поръ, что всѣ его войска изъ Голштиніи не выведены». Екатерина назначила администраторомъ извѣстнаго принца Георгія въ награду за его родственное заступничество за нее при Петрѣ III-мъ. Разумѣется, Данія должна была уступить, и министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Бернсторфъ, объявилъ Корфу, что намѣреніе короля въ этомъ дѣлѣ было самое невинное: онъ хотѣлъ только съ своей стороны дѣйствительно доказать участіе въ интересѣ, въ приращеніи германскихъ владѣній великаго князя, слѣдовательно получить болѣе случаевъ къ изъясненію его высочеству опытовъ своей искренности, дабы приобрѣсть будущую этого государя дружбу, которая королю и землямъ его очень нужна; но усмотря, что императрица относительно соопекунства и администраціи голштинскихъ земель не одного мнѣнія съ королемъ, послѣдній не преминетъ отказаться отъ своего права для показанія высокопочитанія и самой искренней дружбы своей, какую только ея величество вообразить себѣ изволить ¹⁸³».

Событіе 28 іюня, возвратившее Корфу изъ Берлина въ Копенгагенъ, удержало Остермана въ Стокгольмѣ. 29 іюня отправленъ былъ къ нему рескриптъ съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Екатерины и съ приказаніемъ увѣрить короля въ намѣреніи новой императрицы непремѣнно содержать добрую дружбу съ шведскимъ дворомъ. Король велѣлъ отвѣчать, что хотя

не могъ безъ сожалѣнія услышать, по близкому родству съ бывшимъ императоромъ Петромъ III, о наведенномъ имъ самимъ на себя приключеніи, однако, принявъ въ уваженіе важныя причины, принудившія императрицу предаться материнскому пожеланію о благѣ россійской имперіи и еще ближайшее родство съ нею, съ наиболѣе чувствительнѣйшимъ удовольствіемъ услышалъ о счастливомъ ея восшествіи на престолъ и о намѣреніи сохранить дружбу со Швеціею: король съ своей стороны не преминетъ утверждать эту дружбу всеми силами. Это Адольфъ Фридрихъ доказалъ немедленно совершеннымъ отстраненіемъ своимъ отъ участія въ дѣлѣ по претензіямъ датскаго короля на голштинскую администрацію.

Относительно новой инструкціи графу Остерману канцлеръ Воронцовъ подалъ императрицѣ докладъ: «графу Остерману въ началѣ еще послѣдняго правленія данъ былъ указъ—шведскаго короля и королеву, также и партію ихъ подкрѣплять вездѣ и при всякомъ случаѣ; но такъ какъ это *безпредѣльное* повелѣніе можетъ касаться и ниспроверженія установленной въ Швеціи формы правленія, то не соизволено ль будетъ его отмѣнить?»—Екатерина отвѣчала собственноручно: «Ограничивая форму правленія, подкрѣплять партію, противную господствующей».

Въ сентябрѣ Остерману удалось добыть и переслать въ Петербургъ донесеніе шведскаго посланника при русскомъ дворѣ Поссе о состояніи Россійской имперіи. Поссе начинаетъ ближайшимъ къ себѣ дѣломъ—отношеніями Россіи къ Швеціи, о которыхъ пишетъ, что было бы желательно, еслибъ они навсегда остались такими, какъ теперь. Затѣмъ Поссе переходитъ къ военной силѣ Россіи: регулярное войско простиралось до 304953 человекъ, нерегулярное до 32000; но изъ этого числа въ поле не можетъ быть выведено болѣе 100,000 человекъ; полки никогда въ комплектѣ не находятся: такъ въ пѣхотномъ полку слѣдуетъ быть 2637 человекамъ, но въ немъ постоянно недостаетъ отъ 600 до 700 человекъ, ибо военная коллегія старается имѣть сколько возможно порожнихъ мѣстъ, чтобъ остающимся жалованьемъ обогащать свою казну. Кромѣ того отъ безпрестанныхъ переходовъ армейскихъ полковъ по такому обширному государству изъ одной провинціи въ другую много людей пропадаетъ; сюда же должно присоединить природную ненависть

Русскихъ къ военной службѣ и трудность въ наборѣ и пересылкѣ рекрутъ. Въ счетъ людей въ полкахъ входятъ офицеры, унтеръ-офицеры, капралы, лѣкаря, попы, писаря, музыканты, плотники, кузнецы, денщики, погонщики, что составляетъ отъ 600 до 700 человекъ въ каждомъ полку. Русскій солдатъ питается дурною пищею, находится постоянно въ тяжелой работѣ, лишень хорошихъ лѣкарей и лѣкарствъ; по этимъ причинамъ четвертая доля полка лежитъ въ госпиталѣ, а больного солдата можно почитать пропавшимъ по дурному за нимъ уходу, такъ что въ каждомъ полку остается только отъ 800 до 900 человекъ. Русскіе къ солдатству неспособны и не имѣютъ искусныхъ генераловъ, исключая нѣкоторыхъ иностранцевъ. Во время настоящей войны находившіеся въ русской службѣ чужестранцы и ливляндцы обойдены и пренебрежны и въ послѣдніе годы нѣсколько тысячъ способныхъ и искусныхъ иностранныхъ офицеровъ принуждены были просить увольненія и получили его безъ всякаго затрудненія. Сухопутный и морской кадетскій корпусъ могутъ почитаться плодовитымъ садомъ, доставляющимъ способныхъ офицеровъ. Флотъ состоитъ изъ 31 линейнаго корабля, а съ судами другихъ названій число военныхъ кораблей 42, галеръ 99. Старшіе корабли въ плохомъ состояніи и такъ гнили, что едва можно ихъ починить; вообще флотъ въ дурномъ состояніи, потому что корабли строятъ неискусно: 99-пушечный корабль Елисавета, построенный въ 1745 году, не могъ быть употребляемъ на морѣ, потому что на бокъ валится; казанскій дубовый и архангельскій сосновый лѣсъ, употребляемые для кораблестроенія, мягки и неплотны; Кронштадтская гавань не имѣетъ соляной воды; семимѣсячное въ году окруженіе корабля снѣгомъ и льдомъ очень много вредитъ имъ. Русскій флотъ будетъ всегда въ посредственномъ состояніи по недостатку искусныхъ матросовъ: этотъ недостатокъ будетъ существовать, до тѣхъ поръ, пока Россія не будетъ употреблять для своей торговли собственныхъ морскихъ судовъ.

Еслибы Россія умѣла пользоваться выгодами, которыми такъ богато одарила ее природа, то она могла бы довести свою торговлю до высшей степени процвѣтанія; но у Русскихъ нѣтъ для этого ни достаточной вольности, ни достаточнаго знанія и кредита, ни достаточнаго количества денегъ; ихъ знатиѣише

купцы суть только комиссіонеры купцовъ иностранныхъ, преимущественно англійскихъ. Въ Россію ввозится иностранныхъ товаровъ на три милліона 2715 рублей, а вывозится на четыре милліона 700,000 рублей; но для избѣжанія тяжкой пошлины привозимые товары по меньшей мѣрѣ объявляются третью ниже истинной цѣны, а сверхъ того мимо таможенъ тайнымъ образомъ провозится множество товаровъ, такъ что большой разницы между вывозомъ и ввозомъ быть не можетъ. Торговля сильно страдаетъ отъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ; можно положить, что всѣ товары платятъ по 40 процентовъ пошлины. Не мало способствовало уменьшенію русской торговли на нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и навсегда, запрещеніе отпуска изъ государства нѣкоторыхъ произведеній. Пока лифляндскіе закромы были отворены, Швеція ежегодно брала оттуда по нѣсколько тысячъ ластовъ хлѣба; но когда вывозъ хлѣба изъ Россіи былъ запрещенъ, то Швеція нашла внутри себя средство помочь этой бѣдѣ: запрещено было безразсудное винокурение и введена лучшая система въ земледѣліи. Монополіи принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ причинъ, умаляющихъ торговлю; сюда же должно отнести проволочку времени, обиды, безконечныя хлопоты и взятки, берущіяся во всѣхъ таможенныхъ. Когда таможи были у короны, то купцы платили пошлины въ концѣ года оптомъ и капиталъ былъ у нихъ свободенъ цѣлый годъ; но когда таможи были отданы на откупъ, то купцы принуждены очищать таможенную пошлину тотчасъ по выходѣ товара изъ таможи. Таможенные откупщики обязались платить въ годъ 3,000,000 рублей; но такъ какъ въ слѣдствіе повышенія пошлинъ торговли уменьшилась, то они оказались несостоятельными.

О фабрикахъ правительство не заботится надлежащимъ образомъ, а частные люди не имѣютъ достаточно денегъ и кредита, и потому фабрики или совершенно упадаютъ, или не совершенствуются; русскіе ремесленники не въ состояніи добыть себѣ лучшихъ инструментовъ и матеріаловъ и потому работаютъ дурно; хотя работа ихъ и дешево продается, но по добротѣ никакъ не можетъ сравниться съ иностранною.

Остерманъ съ своей стороны доносилъ императрицѣ о печальномъ состояніи Швеціи, недостаткѣ денегъ, страшной доро-

говизнѣ, всеобщемъ ропотѣ на правительство, о мысли созвать чрезвычайный сеймъ. Остерманъ писалъ, что въ слѣдствіе всеобщаго неудовольствія можетъ быть восстановлено самодержавіе, ибо никогда еще не слыхалъ онъ такихъ ожесточенныхъ выходокъ противъ настоящей формы правленія. Противники придворной партіи утверждали, что она имѣетъ цѣлю восстановленіе самодержавія, указывая на то, что ею управляетъ королева, и самый вліятельный членъ партіи, полковникъ Синклеръ, вполне преданъ королевѣ. Остерманъ при случаѣ завелъ съ Синклеромъ рѣчь о его намѣреніяхъ: тотъ отперся отъ намѣренія ввести самодержавіе, объяснилъ, что единственная его цѣль — уничтоженіе извѣстныхъ беспорядковъ, а это не можетъ быть сдѣлано безъ пересмотра существующей формы правленія, безъ отстраненія заключающихся въ ней противорѣчій, установленія фундаментальнаго закона, котораго нельзя было бы перемѣнять при каждомъ сеймѣ, и безъ точнаго опредѣленія границъ королевской и сенатской власти. На вопросъ Остермана, какимъ способомъ онъ можетъ этого достигнуть при такой силѣ французской партіи, которая до этого не допустить, Синклеръ отвѣчалъ, что безъ денегъ что-либо сдѣлать трудно, и еслибъ онъ могъ получить только третью часть того, что издерживаетъ французскій дворъ въ Швеціи, то могъ бы достигнуть большихъ результатовъ. На вопросъ — а если онъ этихъ денегъ не получитъ, что предприметъ въ такомъ случаѣ? — Синклеръ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ надобно потерпѣть до времени, пока народъ не откроетъ наконецъ глаза и самъ не подумаетъ о своемъ спасеніи. Послѣдній сеймъ, писалъ Остерманъ, кончился безъ рѣшительнаго перевѣса ни придворной, ни французской партіи ¹⁸⁴.

Важнѣе были польскія дѣла. Мы видѣли, что при Петрѣ III вмѣсто Воейкова русскимъ посломъ въ Варшаву былъ назначенъ графъ Кейзерлингъ; Екатерина не перемѣнила этого назначенія, но оставила Кейзерлинга на нѣсколько времени въ Петербургѣ для совѣщаній, и дѣлами посольства въ Варшавѣ управлялъ резидентъ Ржичевскій. Мы видѣли, что королевскій дворъ, повергнутый въ отчаяніе перемѣною русской политики и тѣснымъ союзомъ Петра III съ Фридрихомъ II, утѣшался слухами, что въ Петербургѣ произойдетъ скоро переворотъ. Въ депешѣ отъ 16-го іюня прусскій министръ Бенуа доносилъ своему королю,

что прїѣзжіе изъ Петербурга рассказываютъ, какъ императрица любима русскимъ народомъ. Слухи оказались справедливыми, въ Россіи произошла перемѣна; но польско-саксонскій дворъ ничего отъ нея не выигралъ, выиграла враждебная ему партія Чарторыйскихъ. Ржичовскій не умѣлъ или не хотѣлъ отстать отъ старыхъ елисаветинскихъ инструкцій, по которымъ русскіе министры въ Польшѣ должны были держать себя безпристрастно относительно тамошнихъ партій и не раздражать двора изъ-за Чарторыйскихъ: притомъ же Ржичевскій теперь могъ бояться Бестужева, извѣстнаго приверженца польско-саксонскаго двора, а посломъ въ Польшу былъ назначенъ Кейзерлингъ, пріятель Бестужева. Но Чарторыйскіе послали жалобу на Ржичевского, который въ слѣдствіе этого получилъ выговоръ отъ канцлера: «Изъ полученныхъ мною отъ вашего высокоблагородія писемъ, также изъ отправленныхъ вами къ высочайшему двору реляцій съ неприятностію усмотрѣно здѣсь о невоспослѣдовавшемъ согласно здѣшнимъ видамъ успѣхѣ въ порученныхъ вамъ дѣлахъ. Вамъ точно предписано, чтобъ вы въ разсужденіи сеймовыхъ дѣлъ въ Польшѣ съ князьями Чарторыйскими, яко благонамѣренными въ крайней конфиденціи о здѣшнихъ намѣреніяхъ изъяснились и до прїѣзда господина посла графа Кейзерлинга въ семь пувѣтъ по присовѣтованіямъ ихъ поступки ваши учредили, такожь, чтобъ вы со стороны высочайшаго нашего двора у его польскаго величества домогались, дабы на прошеніе канцлера князя Чарторыйскаго пожалованіемъ обонхъ литовскихъ писарей въ порожніе чины, воеводы виленскаго и гетмана литовскаго снизойти соизволилъ, и что король самъ себѣ обяжетъ такую фамилію, которая прежде много усердія и преданности къ интересамъ его величества оказывала, и только обстоятельства отъ продолженія оныхъ отведена была, и напослѣдокъ чтобъ вы увѣдомили онаго канцлера и обонхъ кандидатовъ о здѣшнемъ заступленіи, требуя взаимно при всякомъ случаѣ содѣйствованія ихъ для успѣшествованія здѣшнихъ интересовъ, кои толь тѣсно соединены съ благосостояніемъ ихъ отечества. Но содержаніе сихъ рескриптовъ вы весьма худо поняли и совсѣмъ противное здѣшнимъ намѣреніямъ исполненіе сдѣлали, ибо вы, вмѣсто того, чтобъ согласное и откровенное сношеніе съ фамилією князей Чарторыйскихъ имѣть, совсѣмъ другое имѣ,

какъ о томъ здѣсь увѣдомлено, внушали, хотя всего больше надлежало вамъ стараться, чтобъ по довольно извѣстнымъ тамошнихъ разныхъ партій распрямъ и интригамъ графа Бриля и прочихъ, ссоры ихъ до крайности не доводить, преклоняя ихъ къ умѣреннымъ поступкамъ и прекращенію вражды, тѣмъ болѣе, что ея императорскаго величества намѣренія отнюдь нѣтъ, чтобъ чрезъ здѣшнюю протекцію фамилии князей Чарторыйскихъ малѣйшее огорченіе королю польскому учинить. А когда вы принуждены были для разрыва сейма подкупить посла Цехановскаго, то не должно было ему дозволить внести въ манифестацію укорительныя для Россіи дѣла. Впрочемъ имѣю еще примѣтить, чтобъ вы воздержались по внушеніямъ другихъ писать неправильно въ предосужденіе дознанной здѣсь благонамѣренности фамилии князей Чарторыйскихъ, но впредь по точному содержанію отправляемыхъ къ вамъ отсюда наставленій поступали, и вообще въ поступкахъ вашихъ наблюдали здѣшніе виды и сопряженные съ оными интересы высочайшаго нашего двора».

Ржичевскій оправдывался въ письмѣ къ канцлеру: «Упомянутое мною злоупотребленіе князьями Чарторыйскими высочайшаго покровительства состоитъ въ томъ, что когда я ихъ объ этомъ покровительствѣ увѣдомилъ, то они совѣтовали мнѣ ѣхать къ примасу, коронному гетману и прочимъ, дать имъ знать о новыхъ отношеніяхъ русскаго двора къ нимъ, Чарторыйскимъ, склоняя упомянутыхъ вельможъ войти съ ними въ соглашеніе и держаться ихъ, и прежде чѣмъ я успѣлъ переговорить съ примасомъ и гетманомъ, Чарторыйскіе уже разгласили объ императорскомъ покровительствѣ, ибо нѣкоторые сенаторы и министры на другой же день спрашивали меня, правда ли, что императрица готова одобрить все сдѣланное Чарторыйскими и во всемъ ихъ подкрѣплять. На мой вопросъ: откуда они это взяли? я получилъ отвѣтъ, что сами Чарторыйскіе хвастаются полученіемъ такого объявленія отъ русскаго двора черезъ меня. Тогда я принужденъ былъ объявить, что подобной деклараціи Чарторыйскимъ не дѣлалъ, а объявилъ имъ только желаніе императрицы доставить имъ своимъ ходатайствомъ у короля тѣ чины, которыхъ имъ хотѣлось. Правда, князья Чарторыйскіе люди великіе, только не составляютъ же здѣсь большую часть республики,

много еще есть сильныхъ и къ Россіи расположенныхъ домовъ, которые также за честь себѣ почитаютъ получить высочайшую благосклонность, хотя бы съ князьями Чарторыйскими и находились въ несогласіи: слѣдовательно поступаю я такъ, какъ за лучшее разсуждаю, т.-е. чтобъ не только князей Чарторыйскихъ подкрѣплять, но и другихъ не раздражать. Князья Чарторыйскіе сами жалѣютъ теперь о своей поспѣшности, которая имъ никакой чести не приноситъ, и по которой они съ графомъ Брилемъ такъ разсорились, что нѣтъ никакого средства ихъ примирить. Они предъявляли мнѣ, что у шляхетства имѣютъ кредитъ, но тотчасъ оказалось, что онъ былъ на другой сторонѣ: подъ изданнымъ ими манифестомъ подписались гораздо менѣе, чѣмъ подъ манифестомъ графа Бриля. Какъ старыхъ друзей ихъ нельзя покинуть, чтобъ и другіе имѣли на Россію добрую надежду; но дѣйствовать противъ графа Бриля и двора, особенно въ нынѣшнемъ дѣлѣ, было бы предосудительно».

Оправданіе не помогло, что видно изъ собственноручной записки Екатерины: «Тѣсная голова Ржичевскаго не могла понять, что если ему приказано было у двора рекомендовать къ произведеніямъ тѣхъ персоны, о которыхъ Чарторискіе просили, онъ могъ ихъ также рекомендовать и у примаса и прочихъ; лучше всего видится, дабы впередъ тамъ не думали, что мы двоякую роль играемъ, приказать ему по наставленьямъ Кейзерлинга; я сверхъ того вижу, что Ржичевскій весьма влюбленъ въ графа Бриля, а я желаю, чтобъ не по собственнымъ страстямъ, но по моимъ приказаніямъ поступлено было. Въ силѣ сего однакожь безъ выговора и умѣря слова, наставленіе ему дать надлежитъ для переду».

Самое тяжелое порученіе, которое долженъ былъ выполнить Ржичевскій, состояло въ подачѣ польскому министерству грамоты, извѣщавшей о рѣшеніи Екатерины возстановить на курляндскомъ престолѣ Бирона. Ржичевскій долженъ былъ внушить, что такъ какъ исчезли причины, по которымъ нельзя было герцога Бирона выпустить изъ Россіи, то нѣтъ никакихъ затрудненій возстановить его въ герцогскомъ достоинствѣ, на которое онъ уже разъ навсегда получилъ инвеституру; справедливость требуетъ возвратить ему все имѣнія, подаренныя ему императрицею Анною и купленныя имъ самимъ на собственные деньги.

«Натурально думать, говорилось въ рескриптѣ Ржичевскому, что хотя король, какъ великодушный государь, съ одной стороны и признаетъ наше правосудіе относительно пострадавшей фамилии, которая никогда ни въ чемъ не погрѣшила ни передъ нами, ни передъ его короною; съ другой стороны, какъ отецъ, не можетъ онъ не почувствовать горести. Желая сколько возможно утѣшить короля въ печали, и притомъ доказать, что мы дружески заботимся о благосостояніи его и всего его дома, повелѣваемъ вамъ подать обнадеживаніе, что такъ какъ есть надежда на скорое прекращеніе военныхъ бѣдствій, то мы будемъ содѣйствовать не только справедливому удовлетворенію Саксоніи за претерпѣнные ею разоренія, но содѣйствовать также и вознагражденію принца Карла за потерю Курляндіи посредствомъ секуляризаціи какихъ-либо епископствъ или доставленіемъ другихъ выгодъ, на примѣръ можно было бы доставить ему епископство минстерское или городъ Эрфуртъ, за который манцскай епископъ получить эквивалентъ: прусскій король въ секретныхъ мирныхъ предложеніяхъ 1737 года выражалъ свою склонность къ этому».

Августъ III потребовалъ, чтобъ Биронъ представилъ прямо ему свои требованія. На это Ржичевскій получилъ рескриптъ: «Нѣтъ нужды разсматривать здѣсь, справедливо или нѣтъ такое желаніе его величества, и обязанъ ли герцогъ Эрнестъ Юганнъ просить о томъ, чего у него никто и ни по какимъ правамъ отнять не могъ. Мы обращаемъ ваше вниманіе на одно, что королевская отвѣтная грамота написана въ саксонской канцеляріи, которая по дѣламъ Польши, а слѣдовательно и Курляндіи никакого участія имѣть не можетъ, и потому впредь по курляндскимъ и польскимъ дѣламъ вы не должны принимать никакихъ бумагъ изъ саксонской канцеляріи.»

Отъ 14-го августа Ржичевскій далъ знать, что онъ еще не примѣтилъ, чтобъ кто-нибудь изъ польскихъ вельможъ вступался за герцога Бирона; но всѣ говорятъ, что такъ какъ король и республика такъ долго не могли допроситься освобожденія герцога Бирона и получили отъ императрицы Елисаветы декларацію, что Биронъ съ своимъ семействомъ никогда освобожденъ не будетъ, то былъ бы нанесенъ большой ущербъ власти короля и республики, еслибъ теперь король лишилъ сына сво-

его принца Карла княжества курляндскаго, ибо онъ далъ ему это княжество вслѣдствіе декларацій русскаго двора и по усиленнымъ прошеніямъ Курляндцевъ. Обстоятельство, что отвѣтная королевская грамота императрицы была написана въ саксонской канцеляріи Ржичевскій объяснялъ тѣмъ, что такъ какъ Поляки не даютъ русскимъ государямъ императорскаго титула, и въ коронной канцеляріи поэтому грамота была бы написана безъ этого титула, то боялись, что Ржичевскій не возьметъ ея и потому рѣшились написать въ саксонской канцеляріи. «Не могу угадать, писалъ Ржичевскій, что король находится въ большомъ горѣ, боится, чтобъ сынъ не потерялъ герцогства курляндскаго въ пользу Бирока, и весь дворъ опасается, чтобъ здоровье короля не пострадало отъ этой печали, говорятъ: потерпѣвъ великое разореніе въ Саксоніи, король возлагалъ всю свою надежду на великодушіе русской императрицы, а теперь и съ русской стороны терпитъ притѣсненія по курляндскому дѣлу».

Между тѣмъ Кейзерлингъ въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ Бестужевымъ занимался разными дѣлами по порученію императрицы. Относительно курляндскаго дѣла существуетъ любопытная записка Бестужева отъ 29-го августа: «Присланная реляція Ржичевскаго для сочиненія по курляндскимъ дѣламъ отвѣтовъ за невѣдѣніемъ графу Кейзерлингу времени, прежде окончаемы быть не могли, какъ сегодня въ седьмомъ часу пополудни (ибо онъ упражненъ былъ голштинскими дѣлами), которые (т.-е. отвѣты) при семъ и съ тою реляціею прилагаются на всевысочайшую апробацію. Что же принадлежитъ до письма принца Карла къ ея императ. величеству, которое графъ Кейзерлингъ ему Бестужеву-Рюмину сообщилъ, то онъ, припамятуя ему, что по примѣру, какъ нынѣшній король прусскій въ 1746 году своеручное письмо императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (безъ предварительной прежде копіи) писалъ, и по повелѣнію ея величества, чтобъ на то письмо отмстительный отвѣтъ сочинить, представлено было ея величеству по-русской пословицѣ: «доброе молчаніе ни о чемъ отвѣтъ», а по-нѣмецки: «Keine Antwort ist auch eine Antwort», что ея величество въ тогдашнее время и апробовать соизволила, на чемъ графъ Кейзерлингъ и согласился, чтобъ не вступая съ нимъ въ переписки, безъ отвѣта оставить ¹⁸⁵». Бестужевъ достигалъ наконецъ исполненія давняго и силь-

наго желанія своего—возстановить своего благодѣтеля Бирона на курляндскомъ престолѣ, чего, какъ мы видѣли, онъ напрасно добивался при Елисаветѣ, будучи великимъ канцлеромъ. Но съ другой стороны, тотъ же Бестужевъ былъ преданъ саксонскому дому; чтобъ не измѣнить и этой своей преданности, Бестужевъ настаивалъ на требованіе отъ Пруссіи, чтобъ саксонскій домъ, при заключеніи общаго мира былъ вознагражденъ въ Германіи посредствомъ секуляризаціи.

Но вознагражденіе въ Германіи—дѣло не вѣрное; Россія, отказавшаяся отъ войны, теряла право предписывать условія мира; а между тѣмъ эта самая Россія отнимала Курляндію у саксонскаго дома.

Несчастный Августъ II хотѣлъ удержать своего сына въ Курляндіи посредствомъ польскаго сейма; но сеймъ, какъ мы видѣли, былъ разорванъ въ слѣдствіе предписанія Екатерины отъ 28-го августа: «Писать къ Ржичевскому, дабы онъ всевозможное старанье приложилъ разорвать нынѣ собираемый сеймъ и отнюдь не допустилъ бы до выбиранья маршала во что оное бы ни стало, и объ ономъ сообщась съ фамилією Чарторискихъ и посовѣтовался съ ними, поступалъ по сему еще до пріѣзда гр. Кейзерлинга». Тогда король потребовалъ, чтобъ сенатъ и министерство озаботились о принцѣ Карлѣ: 7-го октября (н. с.) примасъ созвалъ къ себѣ до сорока сенаторовъ на конференцію и королевскимъ именемъ предложилъ, чтобъ они совѣтовались о средствахъ не допустить Бирона на герцогство курляндское, освободить Курляндію, какъ польскую область, отъ русскихъ войскъ, представить жалобу на русскаго министра въ Митавѣ Симолина, будто онъ поступалъ въ Курляндіи самовольно и отправить въ Митаву двоихъ сенаторовъ на помощь принцу Карлу. Но нѣкоторые сенаторы, выслушавъ предложеніе примаса, начали говорить, что такая конференція должна происходить въ присутствіи короля, которому они прямо будутъ открывать свои мысли. Во время этихъ разсужденій нѣкоторые сенаторы сидѣли, другіе ходили по комнатѣ, и наконецъ между ними произошли великія ссоры, «которыми безъ всякаго совѣта оная конференція и счастливо кончилась», писалъ Ржичевскій.

Австрійскій посолъ въ Варшавѣ графъ Штернбергъ пріѣзжалъ къ Ржичевскому и сильно заступался за принца Карла, говоря,

что никакой дворъ не можетъ быть надеженъ въ своихъ рѣшеніяхъ, когда государи ниспроверяютъ то, что предки ихъ общали. Графъ Бриль неоднократно давалъ знать Ржичевскому, что при будущемъ конгрессѣ всѣ союзные дворы безъ сомнѣнія вступятъ за принца Карла. Все это было передаваемо Ржичевскимъ въ Петербургъ и не производило тамъ никакого впечатлѣнія. Не произвело дѣйствія и письмо, которое король писалъ Бестужеву, по извѣстнымъ намъ причинамъ. Впрочемъ по польскимъ дѣламъ Бестужевъ долженъ былъ разойтись съ своимъ прежнимъ пріателемъ Кейзерлингомъ: мы видѣли, что послѣдній вошелъ совершенно въ виды Екатерины возвести на престолъ Пяста и именно Понятовскаго, причемъ предвидѣлась необходимость въ Прусскомъ союзѣ; Панинъ держался того же мнѣнія, чѣмъ и пролагалъ себѣ дорогу къ будущему значенію главнаго совѣтника Екатерины по веѣмъ дѣламъ, хотя временно и было между ними охлажденіе въ слѣдствіе настаиванія на учрежденіе императорскаго совѣта. Бестужевъ, не смотря на всѣ его забгнанія и кажденія, проигрывалъ тѣмъ, что упорно держался своихъ прежнихъ взглядовъ, постоянно твердилъ о необходимости удержать саксонскую династію на польскомъ престолѣ. Отсюда толки, что бывшій канцлеръ устарѣлъ, потерялъ способности; съ другой стороны толки, что онъ упрямъ, никакъ не можетъ сообразоваться съ новыми обстоятельствами. На это обвиненіе въ упрямствѣ и на столкновеніе между двумя старыми пріателями, Бестужевымъ и Кейзерлингомъ, указываетъ нисьмо Бестужева къ Екатеринѣ отъ 29 августа: «Всемилющійшая государыня! позвольте мнѣ припамятовать о тайномъ совѣтникѣ Гросѣ, что я, какъ уже одною ногою въ гробъ стою, не похлѣбствуя ему, да изъ всеглубочайшаго моего усердія къ в. в.—ству, что онъ весьма присутствующимъ здѣсь случаѣ былъ бы вамъ потребенъ, на всѣхъ трехъ языкахъ, на російскомъ французскомъ и нѣмецкомъ равнобрно, а притомъ на латинскомъ, наипаче же римско-имперскія права не меньше графа Кейзерлинга знающъ, и притомъ дѣйствительно искусный министръ, буде же кто его оклеветалъ упрямымъ, то и я такимъ бывалъ у государыни въ Бозѣ почившей императрицы въ томъ, что я прекословилъ, что французскій дворъ домогался между Россією и Швецією въ послѣдней войнѣ быть медиаторомъ, да

меня въ тогдашнее время оправдали російскаго при французскомъ дворѣ посла князя Кантемира реляціи, находящіяся въ коллегіи Иностр. Д., которыя тому свидѣтельство подадутъ, что французскій дворъ, дружескую медицію къ примиренію съ Шведами представляя, въ то же время Турковъ возбуждалъ противу Россіи войну объявить, я же потомъ и при многихъ случаяхъ газываемъ былъ упрямымъ, что я не привыкъ жить по пословицѣ: не говори правды, не теряй дружбы, такъ и нынѣ, при моей глубокой старости, до послѣдняго моего издыханія в. в.—ству вѣрнымъ рабомъ и сыномъ отечества пребуду»¹⁸⁶.

Кейзерлингъ поѣхалъ въ Варшаву съ полною милостію императрицы: «Прошу васъ подавать мнѣ совѣты издалика, какъ вы мнѣ подавали ихъ вблизи», писала къ нему Екатерина¹⁸⁷. Къ Понятовскому она писала: «Я не могу отпустить къ вамъ Волконскаго, у васъ будетъ Кейзерлингъ, который вамъ будетъ отлично служить». По извѣстію, сообщенному англійскому двору посломъ его въ Петербургъ, Бекингамомъ, Екатерина тотчасъ послѣ своего восшествія на престолъ послала сказать Понятовскому, чтобъ онъ не пріѣзжалъ въ Петербургъ, но что дружба ея къ нему неизмѣнна, и, въ случаѣ королевскихъ выборовъ въ Польшѣ, она постарается доставить престолъ ему, а въ случаѣ невозможности, одному изъ членовъ фамиліи Чарторыйскихъ.

Непріятности между дворами усиливались. 10-го декабря Екатерина писала Воронцову: «Велите внушить графу Брилю, что если по курляндскимъ дѣламъ онъ единаго противнаго моей воли шага сдѣлаетъ, я велю покинуть все мои старанія у короля прусскаго объ Саксоніи, а въ Польшѣ сутенировать всеѣмъ чѣмъ только вздумать онъ можетъ все тѣ, которые ему злодѣи, и до тѣхъ поръ не перестану, покаместъ его изъ Польши не выгоню. Сіе внушеніе г. канцлеръ разговоромъ съ которымъ изъ здѣсь резидующихъ министрамъ чужестраннымъ онъ за способнаго къ тому выберетъ имѣть, а мнѣ кажется датскій или шведскій способѣе, и то начинавъ индеферентно и разговориться съ великимъ уничтоженіемъ о мнимомъ стараньѣ графа Бриля по курляндскимъ дѣламъ и что онъ хотѣлъ выбрать польскихъ двухъ сенаторовъ и посылать въ Митаву, и что такой и всякой иной его Бриля поступокъ меня доведетъ сутенировать все тѣ которые стараются о его гибели, и то всеѣмъ тѣмъ, чѣмъ силу

имѣю; и такъ стараться, чтобъ сіе до Прасса дошло дабы знали мои намѣренія, а графъ Бриль блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяць».

Въ концѣ ноября пріѣхалъ въ Варшаву Кейзерлингъ и началъ «отлично служить». Увѣдомивъ императрицу о страшныхъ раздорахъ между придворною партіею и «нашими друзьями», Кейзерлингъ ставилъ вопросъ: «Намѣрена ли Россія друзей и сообщниковъ своихъ въ Польшѣ оставить въ упадкѣ или нѣтъ? Если ихъ не оставлять въ упадкѣ, какъ этого требуетъ честь и польза Россіи, то надобно заблаговременно предупредить все, что можетъ привести ихъ въ безсиліе, ибо что утратятъ русскіе друзья, то утратитъ Россія. Если и впредь исполняемъ будетъ планъ, чтобы нашихъ друзей въ важные чины не допускать, а опредѣлять въ нихъ или непріятелей Россіи, или людей, неимѣющихъ никакихъ заслугъ, кромѣ малаго разума и большаго богатства да склонности къ насиліямъ, тогда число нашихъ друзей мало-по-малу будетъ уменьшаться и совсѣмъ они исчезнутъ, и въ случаѣ нужды намъ нечѣмъ будетъ приняться. Для отвращенія такихъ непріятныхъ послѣдствій, не разсудите ли ваше императ. величество прислать мнѣ рескриптъ слѣдующаго содержанія для показанія всѣмъ, именно, что ваше величество ничего столько не желаете, какъ непремѣннаго продолженія дружбы и прежняго добраго согласія съ королемъ польскимъ, только требуете, чтобъ дѣла въ Польшѣ также приведены были въ прежнее состояніе; а прежде друзья Россіи никогда не были отличены отъ друзей двора, и тѣхъ и другихъ всегда почитали за одну партію, за общихъ друзей; ваше величество надѣетесь, что король Чарторыйскихъ, Понятовскихъ и друзей ихъ изволятъ признать за достойныхъ его милости при раздачѣ чиновъ; что они вѣрныя слуги своему королю; что стараются они о пользѣ и благополучіи своего отечества; что изъ усердія къ отечеству они друзья Россіи, зная, что ваше величество, по примѣру предковъ своихъ, намѣрены охранять благополучіе республики, ея вольность и права; что ваше величество никогда не были намѣрены рекомендовать королю никого другаго, кромѣ людей ему вѣрныхъ и полезныхъ; что ваше величество будете всегда слѣдовать сему правилу, всегда будете поддерживать въ Польшѣ патриотовъ, не допуская ихъ до притѣсненія». Импера-

трица на этой реляціи подписала: «Быть по сему». Кромѣ того она писала Воронцову: «Графу Кейзерлингу наставленіе дать, дабы не переписавшись сюда, онъ при ваканціяхъ рекомендовалъ у польскаго двора всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ за россійскихъ партизановъ признаетъ, дабы не утратить иногда въ такихъ ваканціяхъ время чрезъ переписку, по причинѣ великаго разстоянія Варшавы отъ здѣшнихъ мѣстъ. Также графъ Кейзерлингъ имѣетъ сказать графу Брилю, что я съ великимъ удивленіемъ вижу, что моимъ друзьямъ всѣ чины и милости отказываются, тогда когда я вседневно о Саксоніи и прочихъ удовольствованіяхъ его королю стараюсь, и что чрезъ такой непріятельскій (и много иныхъ) поступокъ меня принудитъ онъ иныхъ мѣръ брать».

Кейзерлингъ переслалъ императрицѣ двѣ промеморіи, поданныя ему обоими братьями Чарторыйскими 3 и 4 декабря: «Въ первой говорилось о необходимости составить конфедерацію, потому что обыкновенныхъ средствъ недостаточно для уничтоженія зла, которымъ страдаетъ Польша. Многие молодые люди владѣютъ важными мѣстами и ведутъ себя на нихъ такъ, что считаются бичами народа, а король не имѣетъ права отнимать мѣста, разъ данныя. Страшное искаженіе монеты требуетъ ея перелитія, что можетъ быть опредѣлено только сеймомъ. Такъ какъ на успѣхъ сейма надѣяться нельзя, то необходимо прибѣгнуть къ конфедераціи, чтобъ замѣстить важныя мѣста людьми достойными, отстранить потери денежныя и торговыя, *чтобъ дать лучшую форму національнымъ совѣщаніямъ* (conseils de la nation), чтобъ дать всероссійской императрицѣ титулъ, достойный ея могущества и личныхъ качествъ, чтобъ установить навсегда доброе согласіе между обоими государствами. Но для конфедераціи нужны деньги и огнестрѣльное оружіе. Помощь, какую русскій императорскій дворъ окажетъ вождямъ благонамѣренныхъ должна соответствовать ихъ намѣреніямъ. Они не могутъ ни за что приняться до тѣхъ поръ, пока не будутъ съ точностію увѣдомлены и удостовѣрены на этотъ счетъ. Непродолжительная революція есть наименѣе бѣдственная для страны; чѣмъ сильнѣе она, тѣмъ менѣе нуждается въ продолжительномъ времени для достиженія своей цѣли; но она не будетъ сильна, если существенныя средства будутъ слишкомъ урѣзаны вначалѣ и потомъ доставляемы медленно.

Во второй промеморіи говорилось: «Если желательно, чтобъ русская партія усилила свое значеніе въ странѣ, то важнѣе всего—не ошибиться въ выборѣ средствъ для этого. Одно изъ главныхъ средствъ безъ сомнѣнія состоитъ во вліяніи на раздачу должностей и милостей. Но это средство не должно быть никогда куплено на счетъ общественнаго уваженія. Мы потеряемъ это уваженіе, если торжественно помиримся съ графомъ Брюлемъ. Вотъ причины. Всякое примиреніе по своей натурѣ предполагаетъ забвеніе и прекращеніе обидъ; но такъ какъ предметы нашихъ взаимныхъ жалобъ не должны и не могутъ кончиться, то не можетъ быть и примиренія. Они не могутъ окончиться съ нашей стороны, потому что честные люди не берутъ назадъ того, что они предъявили публично на основаніяхъ твердыхъ и законныхъ и могутъ доказать. Они не могутъ кончиться со стороны графа Брюля, потому что его прошедшія ошибки заставили его продолжать маневры, которые мы всегда будемъ порицать и опровергать. Всѣ эти маневры Брюля имѣютъ цѣлю сохраненіе своего положенія, а главное средство, для этого употребляемое—деньги. Ему постоянно нужно много денегъ: 1) для подкупа мелкихъ людей, окружающихъ короля и для содержанія шпионовъ во всѣхъ частныхъ домахъ, чтобы король ни съ какой стороны не довѣдался о настоящихъ причинахъ своихъ несчастій. 2) Для удовлетворенія своей безграничной роскоши, которая удовлетворяетъ не одной собственной его склонности, но и желанію королевскому: Августу III нравится представительность фаворита, которую считаетъ знакомъ собственного величія. 3) Для доставленія королю средствъ къ любимымъ удовольствіямъ, Брюль продаетъ милости съ аукціона и портитъ монету съ громадною для себя прибылью. Но такъ какъ скандалъ этихъ злоупотребленій заставляетъ его бояться общаго неудовольствія, то онъ старается приобрести себѣ защитниковъ, наполняя всѣ мѣста низкими и корыстолюбивыми душами, какими всякая страна наполнена во всякое время. Отсюда происходитъ порча Сената, который представляетъ не иное что, какъ органъ ласкательства и невѣжества. Отсюда судебныя мѣста продажныя, составленныя насиліемъ, готовые притѣснять всякаго, кто осмѣлится возстать противъ беззаконій Брюля или главныхъ его потворщи-

ковъ. Отсюда наконецъ эти сеймы, на которыхъ невозможно провести ничего хорошаго, ибо *требуемое единогласіе постоянно прерывается кѣмъ-нибудь*, котораго подкупилъ Брюль. Вотъ связь между ошибками и потребностями графа Брюля. Если онъ перестанетъ имъ удовлетворять, то потеряетъ фаворъ, слѣдовательно онъ не исправится, и потому мы не можемъ сдѣлаться его друзьями. Сдержатъ алчность Брюля можетъ одинъ страхъ предъ юридическими доказательствами, что онъ не польскій шляхтичъ и слѣдовательно не по праву пользуется имѣніями и почестями въ Польшѣ. Нападеніе на Брюля съ этой стороны, хотя чрезвычайно опасное для насъ, если бы мы не были увѣрены въ поддержкѣ Россіи, съ поддержкою Россіи доставить намъ столько же явныхъ сторонниковъ, сколько уже сдѣлало тайныхъ друзей. Но такъ какъ надобно испомѣстить и обогатить этихъ сторонниковъ, то должно держаться середины. Не беря назадъ того, что уже мы предъявили противъ правъ Брюля на польское шляхетство, безъ примиренія съ нимъ, мы можемъ пріостановить процессъ противъ Брюля относительно польскаго шляхетства; Брюль будетъ находиться между страхомъ и надеждою, и будетъ раздавать милости какъ намъ надобно, если только Русскій дворъ и его посланникъ станутъ употреблять тонъ, приличный съ такимъ министромъ, наставляя сухо, чтобъ каждая милость давалась намъ и нашимъ»¹⁸⁸.

Чарторыйскіе высказались. Они потребовали отъ Екатерины, чтобъ она или дипломатическимъ путемъ заставила Августа III и Брюля отдаться имъ во власть, дать имъ возможность составить себѣ могущественную партію, въ челѣ которой они могли отважиться на все, или послать имъ деньги и оружіе для вооруженнаго возстанія. Цѣль въ томъ и другомъ случаѣ одна — преобразованія для усиленія Польши, прежде всего преобразованіе сейма, уничтоженіе *liberum veto*. Россія должна употребить всѣ средства, чтобъ помочь Польшѣ усилиться, — а въ награду Екатерина получить императорскій титулъ и водворится согласіе между Россією и Польшею! Съ перваго раза поражаетъ дерзость подобныхъ предложеній; но изумленіе предъ поступкомъ Чарторыйскихъ исчезаетъ, когда узнаемъ, что Кейзерлингъ не только переслалъ императрицѣ ихъ промеморіи, но и прямо былъ за конфедерацію, предлагаемую ими: для чего же послѣ того Чарторыйскимъ было церемониться?

Съ другой стороны Кейзерлингъ и въ Варшавѣ продолжалъ хлопотать о прусскомъ союзѣ: онъ говорилъ Бенуа, что самое спасительное дѣло — это тѣсная связь, одинаковость видовъ между императрицею и королемъ прусскимъ, особенно когда возникнетъ вопросъ о замѣщеніи польскаго престола. Бенуа, разумѣется, согласился съ этимъ; но онъ былъ несогласенъ съ русскимъ посломъ во взглядѣ на дѣйствія Чарторыйскихъ. Онъ трубилъ тревогу; писалъ королю, что надобно посредствомъ подкупа сорвать сеймъ, если захотятъ на немъ провести противныя Пруссіи планы — умноженіе войска и рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ, ибо планы на счетъ умноженія войска и рѣшенія большинствомъ голосовъ приобрѣли много приверженцевъ, благодаря книгѣ объ этомъ отца Конарскаго ¹⁸⁹.

Между тѣмъ въ Курляндіи дѣйствовали противъ принца Карла. 5-го іюля отправленъ былъ къ Симолину рескриптъ, что всѣ насланные ему въ минувшее правленіе указы о наложеніи на герцогскіе доходы ареста, о сопротивленіи распоряженіямъ принца Карла, о раздраженіи противъ него Курляндцевъ, о склоненіи ихъ въ пользу принца Георга — отмѣняются, и что ему должно подъ рукою болѣе всѣхъ другихъ партій покровительствовать партіи Бироновой. 22-го іюля Екатерина писала канцлеру Воронцову: «дать знать г. Симолину, дабы онъ отъ часу сильнѣе подкрѣплялъ партію герцога Бирона по причинѣ справедливости его правъ». Симолинъ доносилъ, что когда Биронъ прислалъ свои протестаціи уполномоченному своему барону Книге и тотъ разослалъ ихъ по кирхшпилямъ, то глава партіи принца Карла, оберъ-гауптманъ Гейкингъ собралъ всѣхъ герцогскихъ офицеровъ и солдатъ и разодралъ передъ ними и выбросилъ за окно копію съ этихъ протестацій. Принца Карла въ это время не было въ Митавѣ, онъ находился у отца въ Варшавѣ; но приверженцы его, Гейкингъ съ сыномъ и другіе сильно дѣйствовали въ его пользу, разглашая, что сама императрица поддерживаетъ принца Карла, а нѣкоторые министры только, безъ ея вѣдома, поддерживаютъ Бирона. Симолинъ подалъ правительству промеморію съ требованіемъ запретить Гейкингѣ продолжать такіа разглашенія. Въ началѣ августа пріѣхалъ въ Митаву принцъ Карлъ; Гейкингъ, считавшійся комендантомъ Митавы, приказалъ праздновать день этого счастливаго прибытія молебствіемъ по

церквамъ и иллюминаціею всего города, съ объявленіемъ, что кто не иллюминируетъ свой домъ, тотъ будетъ признанъ за противника. Не смотря однако на это, большая часть жителей иллюминаціи не сдѣлали. Принцъ Карлъ объявилъ, что не признаетъ Симолина русскимъ министромъ, потому что онъ къ нему не аккредитованъ, запретилъ придворнымъ ѣздить къ нему въ домъ и имѣть какое-либо сношеніе. Въ отвѣтъ явился изъ Риги въ Митаву батальонъ русскаго войска, и Симолинъ объявилъ, что батальонъ присланъ для потушенія бываемыхъ иногда при настоящихъ обстоятельствахъ безпорядковъ. Принцъ Карлъ велѣлъ раздать своему войску (котораго считалось 180 человекъ) патроны съ пулями и вылить нѣсколько пушечныхъ ядеръ, грозясь поступить какъ съ бунтовщиками съ тѣми, которые обнаружатъ склонность къ герцогу Бирону; во дворцѣ удвоенъ былъ караулъ.

Биронъ пріѣхалъ въ Ригу, и многіе курляндскіе дворяне стали туда къ нему ѣздить; а принцъ Карлъ отправилъ въ Варшаву молодого Гейкинга съ прошеніемъ въ пользу принца, составленнымъ отъ имени всей Курляндіи. Симолинъ писалъ своему двору, что нельзя болѣе держать эту страну въ такомъ междуумочномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что въ Курляндію вошли русскіе полки, возвращавшіеся изъ Пруссіи, и принцъ Карлъ дѣлалъ всякія препятствія относительно ихъ продовольствія. Тогда рескриптомъ изъ Москвы отъ 17-го октября ему было приказано объявить о своемъ аккредитованіи при герцогѣ Биронѣ. Въ концѣ рескрипта говорилось: «Имѣете вы стараться тамошніе кирхшпили довести если не до чрезвычайнаго сеймика, то по меньшей мѣрѣ до какихъ-либо братскихъ собраній, въ которыхъ бы могло произойти явное раздѣленіе въ земскомъ правленіи и мы бы приглашены были къ ихъ соединенію по той протекціи, которую мы всей Курляндіи всегда обѣщали, дабы мы, какъ призванные могли прямо въ дѣла ихъ вмѣшаться и утвердить тамъ стараго герцога Эрнеста Іоганна». Симолинъ вызвалъ изъ кирхшпилей по нѣсколько человекъ; сѣхались они къ нему въ числѣ 30 человекъ и въ присутствіи присланнаго Бирономъ гофмаршала разсуждали, какъ бы исполнить волю ея императ. величества, не тая истинной любви и преданности къ его свѣтлости, герцогу Эрнесту Іоганну; они говорили, что при настоящихъ обстоятельствахъ нельзя думать ни о чрезвычайномъ сеймикѣ, ни о

братской конференціи, когда правленіе продолжается именемъ принца Карла и когда онъ все въ рукахъ своихъ имѣеть. Они сочли возможнымъ сдѣлать одно: написать императрицѣ письмо, гдѣ поздравить ея съ благополучно совершившеюся коронаціею и благодарить за освобожденіе стараго ихъ герцога, чѣмъ явно покажется ихъ склонность къ нему; они обѣщали склонить всѣ кирхшпили къ подписанію этого письма. Биронъ писалъ Симолину, что переговорами съ Польшею ничего нельзя достигнуть; польскій дворъ будетъ тянуть время, чтобъ долѣе продержатъ принца Карла въ Курляндіи на ея доходахъ; но если императрица рѣшилась возстановить его, Бирона въ Курляндіи, то и возстановляла бы немедленно и безъ церемоній. Симолинъ донося объ этомъ, прибавлялъ отъ себя, что почти все шляхетство и все мѣщанство, лучше сказать, почти вся земля нетерпѣливо желаетъ возстановленія Бирона.

13-го декабря Симолинъ получилъ рескриптъ, въ которомъ приказывалось ему наложить секвестръ на всѣ доходы принца Карла, на томъ основаніи, что онъ, пренебрегая правомъ добраго сосѣдства, отказалъ русскимъ войскамъ въ зимнихъ квартирахъ и продовольствіи. Принцъ Карлъ запретилъ арендаторамъ и сообщникамъ обращать вниманіе на объявленіе Симолина о секвестрѣ; но Симолинъ разослалъ куда нужно русскихъ офицеровъ для исполненія секвестра. По новому рескрипту императрицы Биронъ долженъ былъ пріѣхать въ Курляндію, а принцу Карлу Симолинъ долженъ былъ внушить, что императрица неотмѣнно намѣрена возстановить герцога Эрнеста Іоганна на курляндскомъ престолѣ и потому онъ, принцъ Карлъ выѣхалъ бы изъ Митавы, а ея величество не оставитъ заботиться о его пристроеніи; если же онъ упорно будетъ сопротивляться намѣреніямъ императрицы, то легко можетъ статься, что и собственную особу подвергнетъ неприяностямъ. Принцъ отвѣчалъ, что не зависить отъ себя, но отъ своего государя родителя, къ которому посылалъ за рѣшеніемъ; а между тѣмъ Карлъ уже отослалъ большую часть своего экипажа изъ Митавы и распродалъ почти всю свою мебель. 30-го декабря пріѣхалъ въ Митаву Биронъ съ сыномъ Петромъ и былъ принятъ ожидавшими его дворянами, которыхъ было до 200; но изъ правительственныхъ лицъ былъ тутъ только одинъ оберъ-бургграфъ, остальные же

члены правительства не явились вслѣдствіе запрещенія принца Карла. Биронъ, пообедавши и поужинавши у Самолина, подписалъ универсалы, которыми назначалось публичное собраніе на 10 февраля н. с. 1763 года, и уѣхалъ назадъ въ Ригу.¹⁹⁰

Восшествіе на престолъ Екатерины произвело неприятное впечатлѣніе въ Константинополь. Обрѣзковъ писалъ (отъ 27-го августа), что въ то время когда Порта находилась въ самыхъ пріятныхъ мысляхъ, видя вѣнскій дворъ въ крайнемъ ослабленіи, извѣстіе о восшествіи на престолъ Екатерины поразило ея какъ громомъ. Переводчикъ Порты, приходившій къ Обрѣзкову съ поздравленіемъ, навѣдывался: какія будутъ теперь отношенія между русскимъ и австрійскимъ дворами? сохранится ли заключенный съ прусскимъ королемъ мирный договоръ? датское дѣло дойдетъ ли до крайности или полюбовно уладится? Обрѣзковъ отвѣчалъ, что прежнія отношенія между императорскими дворами нисколько не прекращены, и если союзъ ослабѣлъ по личному пристрастію бывшаго императора, то теперь получить прежнюю силу, чему служитъ доказательствомъ возвращеніе Чернышевскаго корпуса. Мирный договоръ съ Пруссіею будетъ соблюденъ ненарушимо, если самъ король прусскій его не нарушитъ. Въ датскомъ дѣлѣ ни до какой крайности не дойдетъ, но все дружелюбнымъ образомъ уладится. Все это говорилось съ тою цѣлію, чтобъ заставить Порту отложить всякіе враждебные замыслы противъ Австріи. Между тѣмъ Фридрихъ II далъ знать Портѣ, что его влияніе при дворѣ Екатерины II также сильно, какъ было при дворѣ Петра III. Переводчикъ Порты ходилъ поэтому къ французскому и русскому посламъ провѣдать, что они думаютъ объ этихъ увѣреніяхъ прусскаго короля. Французскій посолъ отвѣчалъ, что сильно сомнѣвается въ справедливости этихъ увѣреній и потому совѣтуетъ Портѣ быть осторожною. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что это новыя хитрости прусскаго короля; въ доказательство, что прусскаго влиянія въ Петербургѣ нѣтъ, Обрѣзковъ представлялъ, какъ выражался о прусскомъ королѣ манифестъ Екатерины о восшествіи ея на престолъ и возвращеніи Чернышевскаго корпуса.¹⁹¹

Константинополь отсталъ относительно новостей; въ Вѣнѣ скорѣе узнали, что событіе 28-го іюня не принесетъ большихъ выгодъ Австріи. Марія Терезія собственноручнымъ письмомъ поз-

дравила Екатерину съ восшествіемъ на престолъ: «По моему мнѣнію, писала императрица-королева, послѣ покойной императрицы Елисаветы, никто не могъ быть достойнѣе престола, и никто не могъ достойнѣе замѣнить ее въ моемъ сердцѣ, какъ ваше величество. Жажду случая доказать вашему величеству мои чувства. Я такъ много полагаюсь на проникательность и взаимную вашу ко мнѣ дружбу, что надѣюсь отъ нея всего, чего только требуютъ наши общіе интересы и чего можно ожидать отъ вашего великодушія.» Екатерина отвѣчала также собственноручно: «Я всегда пренеполнена была отличнѣйшимъ почтеніемъ къ особѣ вашей, сердечно интересуюсь всѣмъ тѣмъ, что до васъ касается, и въ этомъ поступаю по примѣру дражайшей моей тетки, покойной императрицы Елисаветы, которой память намъ обвѣимъ такъ драгоценна. Ничто не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ получить отъ васъ предложеніе дружбы, и я надѣюсь подать вамъ опытъ такой же дружбы и съ моей стороны, тѣмъ болѣе, что дружба эта утверждается нашими общими интересами». 6-го іюля австрійскій посоль Мерси д'Аржанто, находясь на конференціи съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ, освѣдомился, угодно ли императрицѣ сохранить силу прежнихъ обязательствъ Россіи съ Австріею и великодушно объявить свѣту, что не перестанетъ заботиться о пользѣ древнихъ союзниковъ. Ему отвѣчали, что хотя ея величество, по истощенію своего народа отъ долговременной войны, и не изволитъ принимать въ ней теперь участія, однако склонна подавать императрицѣ-королевѣ всевозможные опыты истинной своей дружбы, яснымъ доказательствомъ чему должно служить отозваніе чернышевскаго корпуса отъ прусской арміи; впрочемъ императрица не имѣла еще времени разсмотрѣть прежнія обязательства Россіи съ императрицею-королевою.

Послѣ разсмотрѣнія этихъ обязательствъ Мерси были предложены добрыя услуги Россіи для заключенія мира между Австріею и Пруссіею, съ которою у Россіи миръ подтвержденъ. Мерси по этому случаю позволилъ себѣ выходку, которая могла произвести только лишнее раздраженіе. Въ конференціи 20-го августа онъ объявилъ, что между данною ему запискою и манифестомъ, опубликованнымъ при восшествіи на престолъ императрицы, находится противорѣчіе, именно, подтвержденъ съ Прус-

сѣю такой миръ, о которомъ въ манифестѣ всенародно объявлено, что онъ заключенъ съ самымъ опаснымъ для Россіи неприятелемъ съ ущербомъ славы русскаго оружія. Мерси объявилъ, что императрица-королева охотно воспользуется предложениемъ добрыхъ услугъ, для ускоренія мира; но навѣдывался, какъ далеко намѣрена императрица распространить эти добрыя услуги. Ему отвѣчали, что ея величество не уклонится и отъ принятія на себя медиации, если усмотрить, что она обѣимъ сторонамъ будетъ угодна. Относительно требованія Россіи объ очищеніи Саксоніи войсками обѣихъ воюющихъ сторонъ, Мерси объявилъ, что императрица-королева немедленно исполнить это требованіе, какъ только прусскій король исполнитъ его.

На конференціи 14-го октября въ Москвѣ, Мерси обратился съ просьбою о разъясненіи, намѣрена ли императрица исполнять всѣ обязательства относительно Австріи, какъ они опредѣлены при императрицѣ Елисаветѣ, или съ какимъ-нибудь ограниченіемъ; вѣнскому двору нужно знать объ этомъ тѣмъ болѣе, что заключенный въ бывшее правленіе договоръ съ Пруссіею теперь подтвержденъ и вѣнскому двору еще не сообщенъ, а, какъ извѣстно, одною статьею этого договора постановлено всѣ прежнія обязательства русскаго двора уничтожить.

Отвѣтъ послѣдовалъ только 7-го ноября; онъ состоялъ въ слѣдующемъ: война, которая еще ведется съ королемъ прусскимъ и изъ которой Россія вышла по обстоятельствамъ и государственнымъ причинамъ, война эта представляетъ такой кризисъ въ Европѣ, что никакое государство не можетъ составить себѣ опредѣленной системы, ни обозначить своихъ интересовъ относительно будущаго мира. При такихъ обстоятельствахъ всего вѣрнѣе искать утвержденія дружбы и добраго согласія въ пользу дѣйствительной, въ интересѣ общемъ, основанномъ на положеніи государствъ. Хотя внутреннія дѣла и государственныя причины потребовали, чтобъ императрица не участвовала болѣе въ войнѣ, однако она доказала вѣнскому двору, что смотритъ на его благосостояніе, какъ на свой истинный интересъ и сердечно желаетъ имѣть съ нимъ дружбу и тѣсную связь. Такъ какъ вѣнскій дворъ уже знаетъ, что императрица не намѣрена участвовать въ настоящей войнѣ, то ея величество думаетъ, что ея

стараніе объ общемъ мирѣ будетъ имѣть гораздо больше значенія, если противная сторона положительно знаетъ, что русскій дворъ не вышелъ изъ центра своей системы, и что, стараясь доставить выгоды своему естественному союзнику, онъ сохранилъ себѣ свободныя руки и держитъ значительную армію на границахъ.

Но Мерси не хотѣлъ удовольствоваться этимъ отвѣтомъ; онъ указывалъ на его неясность, ибо въ немъ не означено, намѣрена ли императрица Екатерина исполнять обязательства императрицы Елисаветы всѣ или съ какою-нибудь перемѣною, ибо эти обязательства, будучи уничтожены послѣднимъ договоромъ съ Пруссіею, даютъ причину думать, будто русскій дворъ въ настоящую минуту не имѣетъ никакихъ союзныхъ договоровъ, кромѣ упомянутаго прусскаго. Если императрица смотритъ на благополучіе вѣнскаго двора какъ на свой существенный интересъ, то этотъ дворъ долженъ бы ласкать себя надеждою, что императрица объявитъ это его непріятелямъ и будетъ на самомъ дѣлѣ стараться, чтобъ вѣнскій дворъ не пришелъ въ крайній упадокъ и истощеніе отъ настоящей войны. Заключенный съ прусскимъ дворомъ договоръ и неподтверженіе съ вѣнскимъ прежнихъ обязательствъ не только русскому двору не оставляетъ свободныхъ рукъ, но напротивъ связываетъ ихъ. Простое содѣйствіе русскаго двора вѣнскому при общемъ мирѣ предвозвѣщаетъ мало пользы послѣднему. Прусскій король, несмотря на великія благодѣянія, оказанныя ему русскою императрицею, выведшею его изъ совершенной гибели, не обращаетъ никакого вниманія на русскія представленія и заступничества. Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, королю прусскому объявить, что русскія войска изъ его владѣній прежде не выйдутъ, пока онъ не исполнитъ требованій императрицы. На это канцлеръ отвѣчалъ, что при нынѣшнемъ состояніи дѣлъ вѣнскій дворъ самъ долженъ признать, что русскій дворъ не можетъ вступить въ новую войну съ королемъ прусскимъ. Въ то время, какъ шли эти непріятныя объясненія въ Петербургѣ и Москвѣ, въ Вѣну отправленъ былъ къ князю Дмитрію Голицыну рескриптъ, которымъ предписывалось попытаться у австрійскаго министерства искуснымъ образомъ, не приметъ ли Марія Терезія русскую медиацию въ примиреніи съ Пруссіею, и усмотрѣвши склонность къ принятію

этого предложенія, открыть, что онъ Голицынъ можетъ принять медиацию и выслушать условія, на какихъ Австрія желаетъ заключить миръ. Голицынъ отвѣчалъ, что хотя вѣнскій дворъ очень благодаренъ императрицѣ за попеченіе о его пользѣ и очень хвалитъ челоуѣколюбивое намѣреніе принять на себя посредничество въ прекращеніи войны, но не хочетъ прежде времени откровенно высказать свои мысли, чтобъ прусскій дворъ не возгордился и не приписалъ такого съ австрійской стороны поступка слабости и недостатку силъ къ продолженію войны; притомъ обязательства и тѣсная дружба вѣнскаго двора съ французскимъ не позволяютъ первому лишней откровенности ни съ какою другою державою иначе какъ по согласію съ Франціею. «Здѣшній дворъ, писалъ Голицынъ, изъявляя искреннѣйшую свою благодарность за посредничество, считаетъ однако себя въ правѣ быть осторожнымъ, видя, къ своему сожалѣнію, что Россія хочетъ дѣйствовать заодно съ Австріею только по дѣламъ, касающимся Оттоманской Порты».

Голицынъ внушалъ Кауницу, что и одинъ видъ тѣсной дружбы между Россіею и Австріею достаточенъ къ достиженію выгоднаго для послѣдней мира. Но Кауницъ отвѣчалъ, что главная цѣль прусскаго двора всегда состояла и состоитъ въ томъ, чтобъ уменьшить силы Австріи; поэтому Пруссія хочетъ продолженія войны, которая не прекратится до тѣхъ поръ пока прусскій король не будетъ принужденъ желать мира, и для этого одного вида тѣсной дружбы между Россіею и Австріею мало. «При семъ, доносилъ Голицынъ, не могу обойтись, чтобъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше не донести, что графъ Кауницъ все мною ему представленное принялъ отъ меня съ особливою скромностію, и ничего въ немъ не можно было примѣтить, кромѣ прискорбія и сожалѣнія, что издавна установленный между императорскими дворами союзъ остается на одной дружбѣ и согласіи».

25-го декабря Голицынъ извѣстилъ свой дворъ о началѣ мирныхъ переговоровъ между Австріею и Пруссіею въ Губертсбургѣ (между Дрезденомъ и Мейсеномъ). «Начало сей негоціаціи, писалъ онъ, происходитъ отъ саксонскаго дома, который, не надѣясь уже себѣ никакого удовлетворенія за понесенные имъ въ нынѣшнюю войну убытки; и желая скорѣе получить во владѣніе свои земли и возвратиться изъ Варшавы въ Дрезденъ, убѣ-

даль здѣшній дворъ къ примиренію съ прусскимъ; на это съ здѣшной стороны тѣмъ охотнѣе согласились, чѣмъ меньше осталось способовъ къ продолженію войны, такъ что въ будущую кампанію не иначе, какъ оборонительнымъ образомъ, и то съ трудомъ, могли бы дѣйствовать, когда не только оставленны союзниками, но и того ожидать должны, что имперскіе штаты не въ состояніи будутъ подавать помощь войскомъ ¹⁸²».

Франція должна была естественно раздѣлить съ Австріею неприятность обманутыхъ надеждъ. «Восшествіе ваше на всероссійскій престолъ, писалъ Чернышевъ Екатеринѣ, здѣсь не только при дворѣ, но и во всемъ народѣ причинило неизреченную радость; ибо, признавая силу и инфлюенцію имперіи вашего императорскаго величества въ европейскихъ обращеніяхъ, ласкаютъ себя надеждою, что ваше императорское величество наилучше соблюсти изволите согласіе съ симъ дворомъ, нежели какъ то предъ симъ было, и почитай уже къ явному разрыву клонилось, также и желая нетерпѣливо скорого мира, въ которомъ необходимо во всѣхъ частяхъ сея монархіи имѣютъ нужду, и не могутъ болѣе продолжать войну безъ совершеннаго разоренія,— ожидаютъ, что ваше императорское величество въ томъ способствовать соизволите». Къ радости примѣшивалась досада, что французскій посланникъ баронъ Бретейль слишкомъ рано оставилъ Петербургъ; на Бретейля сердились тамъ болѣе, что ему было извѣстно о готовившемся переворотѣ. Бретейля возвратили въ Петербургъ съ выговоромъ за то, что слишкомъ поспѣшилъ оставить этотъ городъ, и за то, что, узнавши въ Варшавѣ о событіи 28 іюня, не поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, а поѣхалъ далѣе въ Вѣну. Людовикъ XV призналъ въ Екатеринѣ женщину, способную начать и совершить великія дѣла; такое выгодное мнѣніе она внушила ему о себѣ своею скрытностію до 28 іюня и мужествомъ, оказаннымъ въ этотъ день. Но король признавалъ трудность ея положенія. «Нѣтъ сомнѣнія, писалъ онъ Бретейлю, что память Петра III будетъ имѣть мало защитниковъ, и потому нельзя предполагать смуть въ слѣдствіе желанія мщенія; но императрица, иностранка по происхожденію, не связанная ничѣмъ съ Россіею и племянница короля шведскаго, должна прибѣгать къ постояннымъ усиліямъ для удержанія себя на престолѣ, которымъ не обязана ни любви поддан-

ныхъ, ни уваженію ихъ къ памяти отца, какъ покойная императрица. Какъ бы осторожно она себя ни вела, всегда будутъ недовольные. При твердости духа у Екатерины слабое сердце. У нея будетъ фаворитъ, наперсница. Кто будетъ именно, намъ до этого дѣла нѣтъ; надобно только знать тѣхъ, которые будутъ преимущественно пользоваться ея довѣренностію, и занскивать ихъ расположенія. Княгиня Дашкова, разумѣется, должна пользоваться большими милостями императрицы; но можно ли отвѣчать, что эта молодая женщина содѣйствовала перевороту изъ одной любви къ отечеству и привязанности къ государынѣ? Страсть царя къ Воронцовой могла возбудить ея ревность. Если эта причина прекратилась со смертію этого государя, то княгиня Дашкова, съ романическою головою и ободренная успѣхомъ, можетъ подумать, что она не довольно награждена, что къ ней не имѣютъ достаточной довѣренности, наконецъ, по какому бы то ни было побужденію, снова заведетъ волненіе. Императрица, открывши кое-что, можетъ ее наказать, что опять перемѣнитъ видъ двора. Надобно ожидать много партій, особенно если будетъ фаворитъ». Относительно политическихъ видовъ Людовикъ XV требовалъ отъ своего посланника, чтобъ онъ не давалъ усиливаться австрійскому вліянію въ Петербургѣ, ибо король боялся, что Мерси воспользуется отсутствіемъ Бретейя и станетъ на первомъ планѣ. Что касается Россіи, то Людовикъ XV высказался прямо: «Вы уже знаете, и я повторю здѣсь самымъ яснымъ образомъ, что цѣль моей политики относительно Россіи состоитъ въ удаленіи ея, по возможности, отъ европейскихъ дѣлъ. Не вмѣшиваясь лично, чтобъ не возбудить противъ себя жалобъ, вы должны поддерживать всѣ партіи, которыя непременно образуются при этомъ дворѣ. Только при господствѣ внутреннихъ смуть Россія будетъ имѣть менше средствъ вдаваться въ виды, которые могутъ внушить ей другія державы. Наше вліяніе въ настоящую минуту можетъ быть полезно въ томъ отношеніи, что дастъ благопріятный оборотъ всѣмъ польскимъ дѣламъ и перемѣнитъ тонъ, съ какимъ петербургскій дворъ обращается къ этой республикѣ. Будущее вліяніе должно воспрепятствовать Россіи принимать участіе въ войнѣ противъ меня, противъ моихъ союзниковъ и особенно противиться моимъ видамъ въ случаѣ королевскихъ выборовъ въ Польшѣ. Вы знаете,

что Польша есть главный предмет моей секретной переписки, и слѣдовательно вы должны обращать вниманіе на все, что касается этой страны».

Бретейль былъ очень хорошо принятъ Екатериною; она не могла отказать себѣ въ удовольствіи поговорить съ французскимъ дипломатомъ, который блестѣлъ среди представителей другихъ державъ какъ блеститъ столичный житель среди грубыхъ провинціаловъ; но разговорами все и ограничивалось. Герцогъ Шуазель съ самаго начала долженъ былъ отказаться отъ надежды удержать Россію при прежнемъ австро-французскомъ союзѣ.

Чернышевъ изъяснялъ Шуазелю, что русская императрица способнѣе всѣхъ другихъ государей къ установленію мира, потому что ея величество будетъ дѣйствовать безъ всякаго пристрастія, имѣя единственно въ виду благо челоувѣчества. Шуазель замѣтилъ на это, что если дойдетъ до прямого дѣла, то французскій дворъ ласкаетъ себя, по крайней мѣрѣ, надеждою, что все же императрица будетъ болѣе склоняться на сторону своихъ вѣрныхъ союзниковъ. Чернышевъ отвѣчалъ, что такъ и непремѣнно быть должно; впрочемъ необходимо употреблять слово: *безпристрастіе* во всѣхъ изъясненіяхъ по этому дѣлу, дабы приобрести довѣріе всѣхъ дворовъ. Шуазель замѣтилъ опять, что было бы всего лучше, еслибъ императрица для усиленія своего посредничества, оставила свои войска въ завоеванныхъ у Пруссіи земляхъ. Чернышевъ отвѣчалъ, что когда миръ съ Пруссіею уже былъ разъ заключенъ, то императрица, въ интересахъ своей имперіи и по челоувѣколюбію, признала за лучшее сохранять его и въ настоящей войнѣ не принимать участія, развѣ будетъ къ тому снова принуждена, и хотя русскія войска и возвратятся внутрь имперіи, однако до возстановленія мира въ Европѣ, всегда будутъ готовы, въ случаѣ надобности, исполнить данное имъ повелѣніе ¹⁹³.

Но въ то время, какъ Версальскій дворъ внушалъ Русскому, что всего лучше было бы занятіемъ прусскихъ областей принудить Фридриха II къ миру, Лондонскій дворъ также возбуждалъ Россію противъ Фридриха, утверждая, что скоро Франція сблизится съ Пруссіею, и потому необходимъ старый елисаветинскій союзъ между Россіею, Англіею и Австріею.

Мы видѣли, что англійскій посланникъ въ Петербургѣ Кейтъ

послѣ Гольца пользовался особенною благосклонностью Петра III; это, разумѣется, дѣлало его положеніе затруднительнымъ при Екатеринѣ, и онъ просилъ свое правительство отозвать его, ибо хотя императрица приняла его ласково, но онъ знаетъ изъ вѣрнаго источника, что особа его ей противна даже болѣе, чѣмъ онъ самъ думалъ. Преемникомъ Кейта былъ графъ Бѣкинггамъ; въ Лондонѣ русскимъ министромъ остался по прежнему графъ Александръ Ром. Воронцовъ. Сначала, видя несогласіе Фридриха II на миръ, въ Москвѣ хотѣли дѣйствовать за одно съ Англіею. 21 сентября Екатерина написала канцлеру Воронцову: «Писать къ графу Александру Воронцову, дабы онъ въ разговорѣ отозвался, сколь велико мое желанье видѣть миръ; но съ немалымъ прискорбіемъ понимаю несклонность короля прусскаго къ такому полезному для рода человѣческаго предмету и что столь несходственные сентименты весьма отдаляютъ меня отъ сего государя, слѣдовательно всѣ тѣ мѣры, которыя къ пресѣченію войны полезны, весьма мнѣ пріятны, а почитаю за немалый способъ пресѣчь войну не платежемъ субсидій (отъ Англіи Пруссіи) и согласіе между Россіею и Англіею, которое я умножить и утвердить охотно себя склонною покажу».

Отъ 8 ноября Воронцовъ писалъ императрицѣ: «Позвольте мнѣ изъяснить вамъ рабскую мою усердность и радость о томъ справедливомъ и мужественномъ намѣреніи покой въ Германіи установить, понудя всеми способами короля прусскаго властолюбивые свои виды оставить. Европа вамъ надолго обязанною будетъ, и честь и поверхность Россійской имперіи достиженіемъ сего толь желаемаго предмета не малымъ умножится въ европейскихъ дѣлахъ подъ счастливымъ царствованіемъ толь великой государыни. Самые берлинскаго двора здѣсь друзья весьма не похваляютъ короля прусскаго, что столь мало податливости съ своей стороны оказывалъ на вашего импер. величества о мирѣ предложенія: но нравъ его таковъ оказывался во всякомъ случаѣ, и безъ самой крайности предпріятій и намѣреній своихъ онъ не отлагалъ. Но кто опять можетъ способіе оныя въ ничто обратить и равновѣсіе въ Германіи непремѣнно соблюсти; какъ толь сильная держава, какова есть Россія подъ скипетромъ такой самодержицы, которая знаетъ источники силы ея къ общему благосостоянію и чести подданныхъ своихъ употреблять».

Не скрылъ я отъ статскаго секретаря (по сѣвернымъ иностраннымъ дѣламъ, графа Галифакса), что ваше императорское величество съ справедливою было ожидали болѣе податливости отъ прусскаго короля на мирныя предложенія княземъ Репнинымъ ему учиненныя, и что противность онаго не можетъ инако какъ весьма васъ удалить отъ сео государя. По возможности и непримѣтнымъ образомъ не оставляю я конечно во всякомъ случаѣ недовольство здѣшнихъ на берлинскій дворъ не уменьшать, но и то опять можно сказать, что никакія внушенія дѣйствительнѣе быть не могутъ для совершеннаго разрыва между сими дворами, какъ самое продолженіе поступковъ его прусскаго величества и неумѣренныя въ томъ его здѣсь резидующихъ министровъ отзывы: имъ предоставить можно совершенство всего того начатаго здѣсь ими».

Отъ 12 ноября Воронцовъ писалъ, что настоящая политическая система Англіи состоитъ въ томъ, чтобъ какъ можно меньше вмѣшиваться въ дѣла твердой земли, и потому нельзя ожидать содѣйствія лондонскаго двора въ принятіи твердаго рѣшенія принудить Фридриха II къ миру. Прежнія неудачи отбили къ тому охоту у англійскаго министерства, потому что Фридрихъ принималъ здѣшнія предложенія безъ всякаго уваженія.

Лондонскій дворъ хотѣлъ принять твердое рѣшеніе относительно Пруссіи не иначе, какъ вмѣстѣ съ русскимъ дворомъ. 19-го декабря у канцлера и вице-канцлера была конференція съ англійскимъ посломъ графомъ Бѣкингамомъ. Бѣкингамъ объявилъ, что его государь, будучи твердо намѣренъ не только сохранить, но и распространить прежнюю дружбу съ Россією, положилъ сообщить русскому двору въ откровенности, до какихъ неприятныхъ изъясненій принужденъ онъ былъ дойти напоследокъ съ королемъ прусскимъ. Король желаетъ знать мнѣніе императрицы относительно короля прусскаго, чтобъ согласить съ нимъ собственныя свои мнѣнія и единодушнымъ стараніемъ скорѣе и надежнѣе достигнуть желаемаго обоими дворами восстановленія общаго покоя. За этимъ вступленіемъ Бѣкингамъ распространился о томъ, что естественные интересы русскаго, лондонскаго и вѣнскаго дворовъ требуютъ тѣснаго между ними соединенія, а польза Франціи сопряжена съ сохраненіемъ короля прусскаго. Бѣкингамъ считалъ за вѣрное, что въ короткое

время между дворами вѣнскимъ и версальскимъ, по разногласію интересовъ, произойдетъ холодность, чѣмъ надобно воспользоваться и сдѣлать вѣнскому двору пристойныя внушенія для возобновленія старой и единственно натуральной системы. Что касается до отношеній между Франціею и Пруссіею, то эти державы, по мнѣнію Бѣкингама, могли одно время порозниться, но современемъ, а можетъ быть и скоро, они должны вступить въ прежнія тѣсныя обязательства: недаромъ бывший въ Петербургѣ прусскій министръ баронъ Гольцъ дружественно обходился съ барономъ Бретейлемъ, а съ нимъ, Бѣкингамомъ холодно и даже не простаясь уѣхалъ; а при самомъ отъѣздѣ своемъ имѣлъ онъ, Гольцъ съ Бретейлемъ длинный и безъ сомнѣнія важный разговоръ. Канцлеръ и вице-канцлеръ довольствовались съ своей стороны отвѣтомъ послу въ генеральныхъ отзывахъ, располагая ихъ по внушеніямъ его, потому что еще 1-го ноября канцлеръ Воронцовъ получилъ такую инструкцію отъ императрицы относительно Англіи: «При настоящемъ нерѣшимомъ состояніи европейскихъ дѣлъ осторожность въ новыхъ альянціяхъ и доброе внутреннее состояніе должны быть нашимъ политическимъ правиломъ. Нѣтъ политическаго положенія, которое бѣ воспрещать могло производить возможные для пользы коммерціи распоряжки, потому и съ Англіею такой трактатъ яко полезный должно негоцировать безъ потерянія времени. Но при томъ особливо наблюдать, чтобъ не отнять у себя способности вступать въ подобныя обязательства и съ другими державами, какъ для конкурсу, такъ и для умноженія вывоза нашихъ продуктовъ. Чтобъ поступки наши во всемъ были откровенны и тверды, надлежитъ англійскій дворъ увѣрить, что мы признаваемъ полезнымъ и конечно охотно возобновимъ съ нимъ альянціи, а притомъ въ конфиденціи ему объявить, что теперь оное отлагаемъ только для того, что мы на настоящее время отклонилась отъ возобновленія старыхъ обязательствъ съ вѣнскимъ дворомъ и довольствуемся наблюдать съ нимъ наше доброе согласіе и дружбу на основаніи натуральныхъ и непоколебимыхъ нашихъ съ нимъ общихъ интересовъ, пока увидимъ въ какомъ политическомъ положеніи система сего двора останется послѣ возстановленія мира».

Бѣкингамъ напомнилъ о печальномъ событіи прошлаго царствованія, по поводу меморіала графа Финкенштейна, что прус-

скій король имѣеть въ рукахъ подлинную русскую депешу, изъ которой видно, какимъ образомъ англійскій дворъ старался препятствовать прусскимъ переговорамъ въ Петербургѣ при Петрѣ III. Канцлеръ и вице-канцлеръ донесли императрицѣ, что подъ этою депешю разумѣется реляція вице-канцлера, князя Голицына, бывшаго тогда министромъ въ Лондонѣ; реляція содержитъ въ себѣ откровенный разговоръ графа Бюта—о прусскихъ отношеніяхъ. Прусскій король напрасно утверждаетъ, что у него въ рукахъ подлинная депеша: подлинная находится въ цѣлости здѣсь въ Петербургѣ, и очень разнится отъ выражений, употребленныхъ въ прусскомъ меморіалѣ. Канцлеръ и вице-канцлеръ замѣтили объ этомъ Бёкингаму, хотя и не скрыли, что можетъ быть бывший императоръ, по слѣпой своей къ королю прусскому преданности, сообщилъ ему въ собственномъ письмѣ или словесно передалъ Гольцу содержаніе реляціи. Императрица отвѣчала Воронцову: «Объ депешѣ увѣрить можно послѣ, что ни единая оригинальная не бывала и не есть въ рукахъ прусскаго короля, а что страсть бывшаго императора такъ велика была, что онъ иногда невинныя слова какъ будто вредныя королю прусскому толковалъ и такъ ему сообщалъ, и то не въ оригиналѣ. Сіе можетъ служить графу Бютѣ въ оправданіе противъ великаго множества его злодѣевъ, которые ищутъ ему кримъ (преступленіе) дѣлать изъ его разговора съ нынѣшнимъ вице канцлеромъ» ¹⁹⁴.

Г Л А В А Ш.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны.

1763 годъ.

Отставка старыхъ вельможъ. — Непріятности Ив. Ив. Шувалову по университетскому управленію; отѣздъ его за границу. — Отѣздъ за границу канцлера графа Воронцова. — Н. И. Панинъ старшій членъ иностранной коллегіи. — Распоряженіе императрицы по этой коллегіи. — Захарь Чернышевъ и Румянцевъ. — Волковъ оренбургскій губернаторъ. — Тотлебенъ вывезенъ за границу. — Столкновеніе Бестужева и Панина. — Дѣло Арсенія Мацѣевича. — Путешествіе Екатерины въ Ростовъ. — Дѣло Хитрово. — Возвращеніе двора въ Петербургъ. — Раздѣленіе Сената на департаменты. — Злоупотребленія въ областяхъ. — Окончаніе дѣла иркутскаго слѣдователя Крылова. — Паденіе генераль-прокурора Глѣбова. — Донесенія кн. Вяземскаго о состояніи восточныхъ областей. — Смуты между купечествомъ. — Ограниченіе пытки и конфискаціи. — Неудачный исходъ комиссіи о правахъ дворянства. — Дѣло о раскольникахъ. — Крестьянскія волненія. — Миѣніе Петра Ив. Панина о крестьянскихъ побѣгахъ. — Ревизія. — Новые штаты. — Распоряженія о соли. — Мѣры относительно торговли. — Основаніе Воспитательнаго Дома. — Учрежденіе медицинской коллегіи. — Пожары. — Русскія поселенія на Востокъ. — Иностранныя поселенія. — Паденіе Хорвата. — Дѣла киргизскія и калмыцкія. — Движеніе въ Малороссіи для установленія наслѣдственнаго гетманства. — Вопросъ объ избраніи польскаго короля по смерти Августа III. — Сношенія по этому вопросу съ иностранными державами.

Новый 1763 годъ дворъ встрѣтили въ Москвѣ съ обычными торжествами. Въ новой приморской столицѣ 1-го января происходило торжество особаго рода: морской и сухопутной генералитетъ, штабъ-и оберъ-офицеры пировали въ домѣ вице-адмирала князя Мещерскаго, пушки палили при питѣ за высо-

чайшія здоровья, вечеромъ сожженъ былъ фейерверкъ, по окончаніи котораго начался балъ. Причиною торжества было назначеніе наследника цесаревича Павла Петровича генераль-адмираломъ. Императрица сдѣлала это, говорилось въ указѣ, имѣя ревностное и неутомимое попеченіе о пользѣ государственной, съ которою неразрывно цвѣтущее состояніе флота, и желая въ нѣжныя еще младенческія лѣта вперить въ великаго князя знаніе государственныхъ дѣлъ съ подражаніемъ Петру Великому. Старый генераль-адмиралъ, кн. Мих. Мих. Голицынъ за шестидесятилѣтнюю службу былъ уволенъ въ вѣчную отставку, съ удержаніемъ по смерти генераль-адмиральскаго жалованья (7000 рублей) ¹⁹⁵.

Вслѣдъ за извѣстіемъ объ отставкѣ Голицына пришло извѣстіе объ отставкѣ графа Александра Шувалова, съ утвержденіемъ за нимъ 2000 душъ, пожалованныхъ ему на выборъ «при бывшемъ послѣднемъ правленіи ¹⁹⁶». Ив. Ив. Шувалову не хотѣли дать вѣчной отставки, ибо такая отставка могла считаться наградою только при условіи долговременной службы; Ив. Ив. Шуваловъ остался на службѣ, но получилъ отпускъ за границу, потому что положеніе его при дворѣ и въ столицѣ стало невыносимо. Императрица оказывала къ нему нерасположеніе; его имя было въ устахъ недовольныхъ, какъ имя главнаго недовольнаго; ему не могли быть неизвѣстны выходы противъ него людей, недовольныхъ послѣднимъ временемъ царствованія Елисаветы, когда онъ имѣлъ такое важное значеніе, а эти недовольные—Панинъ, Бестужевъ были главными совѣтниками Екатерины. И. Ив. Шуваловъ долженъ былъ испытать слѣдствія падшаго величія. Вторымъ кураторомъ московскаго университета былъ назначенъ извѣстный Ададуровъ, принадлежавшій къ числу очень недовольныхъ послѣднимъ временемъ царствованія Елисаветы. Еще 17 декабря въ присутствіи императрицы, Сенатъ слушалъ доношеніе Ададурова, который прописывалъ все уплаты и выдачи, заимообразно сдѣланныя Шуваловымъ изъ университетскихъ суммъ *не въ силу указовъ*. Ададуровъ жаловался, что отданныя займы деньги не взысканы до сихъ поръ, не смотря на то, что сроки прошли. Деньги истрачены не въ силу указовъ, а между тѣмъ служащимъ въ университетѣ не изъ чего заплатить жалованье за сентябрьскую треть, равно какъ нечѣмъ

заплатить и долговъ, числящихся на самомъ университетѣ. Ададуровъ требовалъ указа, что ему дѣлать; требовалъ также, чтобъ Шуваловъ отдалъ въ университетскую канцелярію по описи все безъ остатка, что находится у него изъ принадлежащаго университету, какъ-то письменныя дѣла, инструменты и прочее. По выслушаніи донесенія, императрица приказала взять отвѣтъ отъ Шувалова.

Черезъ мѣсяць читали этотъ отвѣтъ: въ немъ всѣ затраты были перечислены и оказались необходимыми. Шуваловъ указывалъ, что на проектъ объ учрежденіи университета императрица Елисавета подписала собственноручно: «дополненіе штата отдается въ волю кураторовъ», въ слѣдствіе чего всѣ дѣла университетскія правились высочайшею довѣренностію къ его кураторскому чину, да иначе и быть не могло по причинѣ недостатка штата, регламента и за неимѣніемъ на всѣ случаи указовъ, особенно по новости мѣста, когда онъ, Шуваловъ, прилагалъ болѣе старанія для его основанія и распространенія, чѣмъ для подробнаго наблюденія канцелярскаго порядка: иначе дѣлать было нельзя. Канцелярія при университетѣ учреждена не для управленія университетомъ, который исключительно отданъ на попеченіе кураторовъ. Шуваловъ представлялъ, до какого совершенства приведенъ имъ университетъ, какъ достаточно снабженъ всѣмъ нужнымъ; имѣетъ библіотеку, состоящую почти изъ 5000 томовъ, не считая тѣ книги, которыя употребляются ежегодно для раздачи въ классы ученикамъ, и кромѣ тѣхъ, которыя ежегодно раздаются прилежнымъ ученикамъ въ награжденіе: такихъ книгъ считается почти на 12,000 рублей; университетъ имѣетъ богатый минеральный кабинетъ, доставленный имъ, Шуваловымъ, и стоящій не менѣе 20,000 рублей, лабораторію, довольное число нужныхъ и лучшихъ математическихъ инструментовъ; типографія, стоящая не меньше 25,000 рублей, находится въ изрядномъ состояніи. Но наибольшая польза та, что съ основанія университета вышло изъ него 1800 учениковъ, изъ которыхъ только 300 разночинцевъ, остальные всѣ дворяне, и большая часть выпущена съ хорошими аттестатами; изъ нихъ девять человекъ служатъ въ кадетскомъ корпусѣ достойными учителями, преподаютъ математику, латинскій, французскій и нѣмецкій языки; также находящіеся въ чужихъ краяхъ

студенты своими знаніями и приложеніемъ обѣщаютъ быть полезными своему отечеству; притомъ еще и недавно заведенная гимназія въ Казани начинаетъ приносить довольные плоды. Наконецъ относительно состоятельности университета, Шуваловъ указывалъ, что университетъ получаетъ доходу 35,000 рублей, а расходъ въ 1761 году простирался до 31,675 рублей. Деньги, данныя займы—генераль-майоршѣ Племянниковой 6,000 рублей, гвардіи подпоручику Дебриньи 1000 рублей, графу Ягужинскому 2500 и совѣтнику Хераскову 500 рублей пропасть не могутъ, потому что имѣются заклады, обязательства и поруки. Бывшій директоръ университета Аргамаковъ далъ займы Екатеринѣ Корфѣ 500 рублей, она умерла и взыскать этихъ денегъ не съ кого; тотъ же Аргамаковъ взялъ себѣ 2000 рублей и умеръ незаплативши; но за то Аргамаковъ много и своего въ университетъ отдалъ; данныя комедіанту Серини на вексель 4744 рубля за смертію его взыскать не съ кого. Въ заключеніе Шуваловъ жаловался, что Адауровъ представленіемъ своимъ нанесъ ему обиды и огорченія, стараясь объ одномъ, чтобъ ему повредить. Сенатъ рѣшилъ: данныя комедіанту Серини деньги взыскать съ Шувалова, за чѣмъ отдалъ безъ поруки и заклада. Взятые Аргамаковымъ деньги взыскать съ его наслѣдниковъ, впрочемъ на основаніи представленія Шувалова, что Аргамаковъ много отдалъ своего въ университетъ, Сенатъ предаетъ это дѣло на соизволеніе ея и. в. Что же касается жалобы Шувалова на Адаурова, то она написана съ обстоятельствами несходно, ибо Адауровъ сдѣлалъ свое представленіе только для возстановленія порядка. Екатерина на докладъ сената отвѣчала собственноручнымъ указомъ: «указомъ императрицы Елисаветы университетъ отданъ въ правленіе генераль-поручику Ивану Шувалову, на котораго, какъ всѣмъ извѣстно, можно смотрѣть какъ на основателя онаго мѣста и, повидимому, онъ больше добра установилъ, нежели худова находится по новости мѣста какой недостатокъ въ порядкѣ; 4000 рублей, отданные Серинію, не взыскивать на немъ Шуваловѣ по причинѣ, что онъ столько, если не болѣе, своего иждивенія употребилъ въ новое сіе мѣсто; также и съ Аргамакова не взыскивать по той же причинѣ. А куратору Адаурову приказать, взявъ въ разсужденіе приходъ, заготовить для университета планъ и штатъ къ апробаціи, а

если онъ хотя сверхъ положенной суммы усмотритъ за полезное къ порядку и приведенію въ лучшее состояніе университета, то и оное представить, дабы для большаго добра малыя издержки не препятствовали ¹³⁷.

Шуваловъ отправлялся за границу, оставаясь кураторомъ университета, котораго былъ основателемъ; въ кругу, котораго императрица считала себя представительницею, въ кругу образованныхъ людей, Шуваловъ слылъ меценатомъ; въ томъ же значеніи онъ былъ извѣстенъ и за границею, онъ велъ переписку съ главною литературною силою Европы, съ Вольтеромъ. Взглядъ на Шувалова нѣкоторыхъ изъ толпы долженъ былъ возбуждать къ нему еще большее уваженіе въ людяхъ, которые смѣялись надъ взглядами этой толпы и считали своею обязанностию противоборствовать имъ. Какова рода были эти взгляды, видно изъ разсказа Державина, который будучи тогда солдатомъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, находился съ нимъ въ Москвѣ, а услыхавъ, что Шуваловъ ѣдетъ за границу, вздумалъ подать ему просьбу, чтобъ тотъ взялъ его съ собою для образованія. Но у Державина была въ Москвѣ тетушка, которая считала Шувалова главою масоновъ, а масоновъ считали отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, людьми, которые заочно за нѣсколько тысячъ верстъ умерщвляютъ своихъ непріятелей. Тетушка дала Державину сильный нагоняй и запретила накрѣпко ходить къ Шувалову, съ угрозою написать къ матери, если не послушается. Державинъ послушался ¹³⁸.

Въ то время какъ представитель новаго образованія, Ив. Ив. Шуваловъ почетно удаленъ былъ за границу, членъ старой «ученой дружины» Теофана Прокоповича, другъ Кантемира, князь Никита Юрьевичъ-Трубецкой уволенъ былъ въ полную отставку съ полнымъ жалованьемъ вмѣсто пенсіи и съ выдачею одновременно 50,000 рублей ¹³⁹. Канцлеръ Воронцовъ, относительно Трубецкого еще молодой, отправился за границу на два года по нездоровью. Воронцовъ никогда не пользовался вполнѣ плодами своего торжества надъ Бестужевымъ, потому что честолюбію его не соотвѣтствовали духовныя средства: при Елисаветѣ дѣятельное участіе въ иностранныхъ дѣлахъ принималъ Ив. Ив. Шуваловъ; при Петрѣ III распоряжался Гольцъ, а гдѣ не Гольцъ, тамъ Волковъ; наконецъ при Екатеринѣ II Воронцовъ видѣлъ,

что не пользуется вовсе довѣріемъ императрицы, что главными ея совѣтниками по иностраннымъ дѣламъ двое людей ему враждебныхъ, Панинъ и Бестужевъ, которые хотя скоро вступили въ соперничество другъ съ другомъ, но это нисколько не облегчило положенія Воронцова. Слабый здоровьемъ по природѣ, не могшій укрѣпить его при постоянномъ недовольствѣ своимъ служебнымъ положеніемъ, недостаткомъ въ средствахъ къ жизни, требовавшей слишкомъ большихъ расходовъ, при семейныхъ непріятностяхъ въ слѣдствіе неудачнаго брака единственной дочери съ гр. Строгановымъ, — Воронцовъ могъ постоянно выставлять нездоровье причиною, побуждавшею его оставить службу. Такъ какъ Воронцовъ убѣждалъ на два года, оставляя за собою званіе канцлера, то управление иностранными дѣлами было временно поручено Панину: «По теперешнимъ не безтруднымъ обстоятельствамъ, говорилось въ указѣ, разсудила ея и. в. за благо, во время отсутствія канцлера препоручить дѣйств. тайн. совѣт. Панину исправленіе и производство всѣхъ по иностранной коллегіи дѣлъ и присутствовать въ оной коллегіи старшимъ членомъ, поколику позволятъ ему другія его должности.» Объ отношеніяхъ императрицы къ иностранной коллегіи въ это время свидѣтельствуется любопытная записка ея отъ 21 августа: «Министры наши при чужестранныхъ дворахъ жалуются, что многія ихъ реляціи отвѣтовъ и резолюцій нѣтъ; а мнѣ одной, прочитавъ реляціи, нельзя столько прилежности имѣть за множествомъ дѣлъ, чтобъ всегда придумать все то, что къ доброму успѣху дѣлъ принадлежитъ: и тако симъ приказывается коллегіи иностранныхъ дѣлъ членамъ каждые два мѣсяца по крайней мѣрѣ, прочитавъ сряду всякаго министра реляціи, положить на мѣрѣ, соображая съ прямыми нашими интересами и съ собственными нашими приказаньями все то, что онымъ министрамъ въ отвѣтъ и въ наставленіе служить можетъ, чрезъ которую аппликацію нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ мы надѣемся весьма изряднаго успѣха въ дѣлахъ ей порученныхъ, а намъ о томъ подастся докладъ для апробаціи. А нынѣ изъ коллегіи иначе отвѣта не бываетъ, какъ только что получены реляціи и ждуть отъ меня резолюціи, которая всегда за вышеписанными резонами послѣдовать не можетъ³⁰⁰»

Уволенъ былъ въ отставку генераль, вышедшій вторымъ изъ

школы Семилѣтней войны, графъ, Захаръ Чернышевъ, уволенъ былъ по причинѣ неизвѣстной. Какъ видно, Чернышевъ думалъ, что его стануть удерживать, и обманулся, отставку дали; онъ сталъ просить представиться императрицѣ, думая поправить свое дѣло при личномъ свиданіи, надѣясь привести на память прежнюю благосклонность къ нему Екатерины, когда еще она была великою княгинею; но и въ этомъ было ему отказано. Тогда Чернышевъ написалъ покорное письмо, просилъ прощенія и высказалъ готовность вступить снова въ службу. Онъ былъ принятъ въ службу въ слѣдующемъ году²⁰¹, получилъ прежнее мѣсто вице-президента военной коллегіи.

Не такъ было съ генераломъ, котораго считали первымъ въ выпускѣ изъ школы Семилѣтней войны. Румянцевъ, думая, что его поприще кончено при Екатеринѣ въ слѣдствіе благосклонности къ нему Петра III, подалъ просьбу объ отставкѣ; но получилъ отъ императрицы слѣдующее письмо: «Господинъ генералъ Румянцевъ! Я получила письмо ваше, въ которомъ пишете и просите объ отставкѣ. Я разсудила, что необходимо мнѣ пришло съ вами изъясниться и открыть вамъ мысли мои, которыя вижу, что совсѣмъ вамъ неизвѣстны. Вы судите меня по стариннымъ поведеніямъ, когда персоналитетъ всегда превосходилъ качества и заслуги всякаго челоуѣка, и думаете, что бывший вашъ фаворъ нынѣ вамъ въ порокъ служить будетъ, непріатели же ваши тѣмъ подкрѣплять себя имѣютъ. Но позвольте сказать: вы мало меня знаете, пріѣзжайте сюда, если здоровье ваше вамъ то дозволить, вы приняты будете съ тою отнѣнностію, которую ваши отечеству заслуги и чинъ вашъ требуютъ. Не думайте же, чтобъ я противъ желанія вашего хотѣла сама принудить васъ къ службѣ: мысль моя отъ того отдалена. Не токмо заслуженный генералъ, но и всякій російскій дворянинъ по своей волѣ диспонируетъ о службѣ и отставкѣ своей, и не то, чтобъ я убавить оный прерогативъ хотѣла, оный паче при всякомъ случаѣ подкрѣблю, а сіе единственно пишу, дабы мы другъ друга разумѣли и вы могли бы ясно видѣть мое мнѣніе. Если тогда какъ вамъ на смѣну другой былъ присланъ обстоятельства казались и были дѣйствительно конфузны, что можетъ быть и вамъ поводомъ служило къ подозрѣнію о моей къ вамъ недовѣренности, то оное приписать должно случаю тѣхъ временъ, кои

уже миновались и которых и слѣду въ моихъ мысляхъ не осталось ²⁰².» Румянцевъ остался на службѣ.

Екатерина не забыла и о пріятелѣ Румянцева, Волковѣ, не забыла о блестящихъ дарованіяхъ этого человѣка. Къ ней стали приходять частыя жалобы на оренбургскаго губернатора Давыдова; она рѣшилась смѣнить его и назначить на этотъ важный постъ Волкова, при чемъ особенно важно было довѣріе къ нему императрицы, выраженное въ указѣ: «Оренбургскаго вице-губернатора Волкова туда же въ губернаторы съ тѣмъ полномочіемъ, что ея и. в—ство ему довѣряетъ по его въ дѣлахъ способности къ ея и. в—ству отъ себя самого всякія представленія дѣлать и присылать проекты ²⁰³». Третье лицо, о которомъ часто упоминалось «въ бывшее правленіе», Гудовичъ не отличался ничѣмъ, чтобы заставило объ немъ помнить и удерживать на службѣ. Мы видѣли, что Сенатъ указывалъ на необходимость отнять у него слободы, пожалованныя Петромъ III; Екатерина согласилась со мнѣніемъ Сената, слободы были взяты, и въ вознагражденіе Гудовичъ получилъ 10,000 рублей! ²⁰⁴ Старый слуга, который пользовался особеннымъ расположеніемъ Екатерины, когда она еще была великою княгинею, и пострадалъ за это расположеніе ²⁰⁵, Андрей Чернышевъ оказался бесполезнымъ на службѣ, былъ отставленъ, но получилъ генераль-майорскій чинъ ²⁰⁶.

Только въ этомъ году было покончено съ Тотлебенемъ. Военный судъ приговорилъ его къ смерти, но императрица, принимая во вниманіе, что злой его умыселъ никакихъ вредныхъ слѣдствій для государства еще не имѣлъ и преступникъ около трехъ лѣтъ сидѣлъ подъ арестомъ, приказала вывезти его за границу подъ крѣпкимъ карауломъ, отнявъ всѣ чины и ордена ²⁰⁷.

Исчезали совершенно или только на время дѣятели прошлыхъ царствованій, другіе изъ ихъ же среды выступали впередъ послѣ кратковременной опалы; но людей новыхъ еще не было, тѣхъ людей, которыхъ Екатерина называла своими воспитанниками и къ которымъ была такъ пристрастна. На первомъ планѣ стояли Бестужевъ и Панинъ, первый знаменитый канцлеръ елисаветинскаго времени, другой—его воспитанникъ относительно внѣшней политики. Но теперь, когда они стали рядомъ предъ развалинами старой системы, между воспитателемъ и воспитанникомъ возникло несогласіе, соперничество. Въ одномъ они оба

были согласны—въ отвращеніи ко всякому сближенію съ Франціею: но сильно разнились въ томъ, что старикъ Бестужевъ не хотѣлъ слышать ни о Франціи, ни о Пруссіи, хотѣлъ возстановленія старой системы, стараго союза между Россіею, Австріею, Англіею и Саксоніею, съ тѣмъ, чтобы курфюреть саксонскій по прежнему царствовалъ въ Польшѣ; но Панинъ совершенно порвалъ съ старинною, и думалъ о новой системѣ, о сѣверномъ союзѣ, сѣверномъ *concert* или *accord*, по тогдашнему выраженію, союзѣ между Россіею, Пруссіею, Польшею, Англіею и Скандинавіею, противопоставленномъ южному союзу между Франціею, Испаніею и Австріею. Упрямый Бестужевъ не уступалъ своему воспитаннику и между ними произошелъ явный разрывъ. Панинъ объявилъ прусскому посланнику Сольмсу: «я расчитался съ графомъ Бестужевымъ, я заплатилъ ему за всѣ прежнія обязательства, я ему не долженъ ничего и онъ не въ числѣ моихъ друзей ²⁰⁸». Вѣроятно Панинъ разумѣлъ свои хлопоты по дѣлу объ оправданіи Бестужева; оправдательный манифестъ былъ написанъ имъ. Спустя слишкомъ полгода послѣ этого разговора, Панинъ жаловался Сольмсу на свое положеніе и высказывалъ желаніе удалиться отъ дѣлъ въ слѣдствіе вліянія Бестужева ²⁰⁹. Это вліяніе понятно: Екатерина видѣла, что Бестужевъ уже не прежній великій канцлеръ и не можетъ снова завѣдывать иностранною политикою, знала, что онъ упрямъ, чувствовала непріятныя слѣдствія этого упрямства; но не могла не чувствовать уваженія къ старику, хотя бы даже за это самое упрямство; она помнила хорошо, что этотъ самый Бестужевъ былъ заклятой врагъ ея вліянія, преимущественно вліянія ея матери, когда это вліяніе было вредно интересамъ имперіи; но онъ обратился къ ней и былъ самымъ вѣрнымъ ея союзникомъ, когда этого потребовали тѣ же интересы имперіи, угрожаемой страшною будущностью. Екатерина съ негодованіемъ опровергала клеветы на Бестужева, котораго иностранцы выставляли человѣкомъ продажнымъ: «Это ложь, говорила она: Бестужевъ обладалъ упорною твердостію и никто никогда не могъ подкупить его». Другаго мнѣнія она была о соперникѣ Бестужева, Воронцовѣ: «Гипокритъ, какого не бывало; вотъ кто продавался первому покупщику; не было двора, который бы не содержалъ его на жалованьѣ ²¹⁰». Наконецъ Бестужевъ могъ брать верхъ предъ

Павинымъ и тѣмъ, что не настаивалъ на учрежденіе императорскаго совѣта.

Не умѣя жертвовать своими убѣжденіями, зная, что досажаетъ своимъ упрямствомъ, Бестужевъ, для уничтоженія этой досады, считалъ необходимымъ прибѣгать ко всевозможной лести и угодничеству. Легко себѣ представить, какъ встревожился старикъ, когда въ мартѣ мѣсяцѣ совершенно неожиданно возбудилъ противъ себя гнѣвъ императрицы. Мы видѣли, какъ Екатерина считала необходимымъ показывать свое милосердіе къ людямъ болѣе или менѣе виновнымъ противъ нея. Удаленіе, и удаленіе, по большей части, съ почетомъ, съ наградою, было наказаніемъ для людей, нерасположеніе къ которымъ императрицы было извѣстно. Тѣмъ съ большимъ удивленіемъ должны были узнать, что Екатерина поступила чрезмѣрно строго, обнаруживала личное раздраженіе, можно сказать, личную злобу въ преслѣдованіи лица, которое, по своему сану, казалось требовало болѣе внимательнаго къ нему отношенія. Это лицо былъ ростовскій архіерей Арсеній Мацѣевичъ.

Мы видѣли, какой трудный вопросъ наслѣдовала Екатерина отъ предшествовавшихъ царствованій, вопросъ о церковныхъ имуществѣхъ, поднятой въ слѣдствіе непрестававшихъ волненій монастырскихъ крестьянъ. Имѣнія, отобранныя при Петрѣ III подъ свѣтское управленіе, были возвращены Екатериною, архіереи и монастырскія власти успокоились, но не хотѣли успокоиться крестьяне и своими волненіями торопили учрежденіе комиссіи для рѣшенія этого вопроса. Комиссія была учреждена, и первымъ дѣломъ ея было, разумѣется, собраніе самыхъ полныхъ и подробныхъ свѣдѣній о церковныхъ имѣніяхъ, что могло быть сдѣлано только посредствомъ описи, производимой людьми посторонними, которые не имѣли никакихъ побужденій къ неточнымъ показаніямъ. Опять комиссія, опять явились офицеры, переписываютъ все церковное имущество: признаки зловѣщія; опять неудовольствіе, ропотъ. Объявлено было, что этого не будетъ, что для уничтоженія этого и престоль былъ принять, а теперь начинается то же самое! Одни роптали тихо, между собою; но нашелся человѣкъ, который, по характеру своему, былъ способенъ подать громкій голосъ, и подалъ.

Арсеній Мацѣевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ

малороссійскихъ монаховъ, которые начали вызываться въ Великую Россію при Петрѣ I-мъ для замѣщенія архіерейскихъ кафедръ, нуждавшихся въ пастыряхъ образованныхъ, способныхъ наблюдать за школьнымъ дѣломъ. Но Арсеній не былъ похожъ ни на одного изъ двухъ главныхъ представителей этой ученой дружины; не имѣлъ ни высокихъ духовныхъ стремленій Дмитрія Ростовскаго, ни ловкости, уклончивости, умѣнья жить «въ свѣтѣ» Θεοφана Прокоповича; Арсеній отличался отсутствіемъ сдержанности, болѣзненною раздражительностью, которая вела его къ очень нецрїятнымъ столкновеніямъ; кромѣ того сохранились преданія о его необыкновенной жестокости. Извѣстія о его жизни до вступленія на престолъ Елисаветы отличаются краткостію и темнотою; но можно видѣть, что онъ былъ въ постоянной опалѣ, его удаляли изъ столицы, отъ высшихъ степеней духовной іерархіи, посылали въ камчатскую экспедицію. Эта судьба нѣсколько объясняется приверженностію его къ направленію Стефана Яворскаго: такому человѣку трудно было подняться въ царствованіе Анны. Изъ камчатской экспедиціи онъ вынесъ цынготную болѣзнь, которая не могла успокоительно дѣйствовать на его характеръ. Только въ правленіе Анны Леопольдовны онъ былъ посвященъ въ митрополиты въ Тобольскъ, причемъ нельзя не обратить вниманія на его слова въ послѣдующемъ доношеніи императрицѣ Елисаветѣ, что онъ отказался присягать Бирону какъ регенту. Къ началу царствованія Елисаветы, которая постоянно ему покровительствовала, Арсеній былъ переведенъ изъ Тобольска въ Ростовъ и назначенъ членомъ Синода; но въ Синодъ не вступилъ, потому что завелъ споръ относительно текста присяги для членовъ Синода. Арсеній уѣхалъ въ свою Ростовскую епархію, и отсюда, по поводу синодскаго указа о приѣмѣ въ монастырь одного колодника, показаннаго въ нездравомъ умѣ, написалъ доношеніе, въ которомъ синодское опредѣленіе называлъ неосмотрительнымъ, продерзостнымъ и противнымъ указамъ Петра Великаго и Елисаветы. Синодъ послалъ ему строгій выговоръ съ угрозою, что если впередъ осмѣлится писать такія доношенія, то будетъ лишенъ не только архіерейства, но и монашества. Это было въ 1743 году, а въ 1745 Арсеній подалъ въ Синодъ просьбу объ увольненіи его на покой въ Спасовъ Новгородосѣверскій монастырь, въ слѣдствіе скорбу-

тичной болѣзни, прибрѣтенной на морѣ, къ которой въ настоящемъ году присоединилась еще головная боль. Синодъ подалъ докладъ, что по его мнѣнію Арсенія уволить надлежитъ; но увольненія не послѣдовало. Въ 1753 году Арсеній поднесъ Елисаветѣ двѣ книги: 1) Обличеніе на книгу раскольниковскую олопецкую; 2) Возраженіе на нашквиль лютеранскій, на книгу Камень Вѣры сочиненный. Елисавета послала ему венгерскаго вина, и Арсеній писалъ, что вино, по ея приказанію, началъ употреблять по совѣту лѣкаря, съ *салволатилемъ*. Мы упоминали о перепискѣ Арсенія съ духовными лицами, недовольными указомъ Петра III о церковныхъ имуществвахъ, о письмѣ его къ Бестужеву о томъ же предметѣ уже при Екатеринѣ II. Въ это время Ростовъ получилъ особенное значеніе: въ него стекались толпы богомольцевъ для поклоненія мощамъ новоявленнаго чудотворца, св. Димитрія митрополита. Мощи были открыты еще при Елисаветѣ; но только теперь сдѣлана была рака; Екатерина хотѣла непременно сама присутствовать при переложеніи мощей въ новую раку, и, зная характеръ Арсенія, очень беспокоилась, что видно изъ письма ея къ Олсуфьеву: «Понеже я знаю властолюбіе и бѣшенство Ростовскаго владыки, я умираю боюсь, чтобъ онъ не поставилъ раки Дмитрія Ростовскаго безъ меня; извѣстите меня какъ вы ее отправили, съ какимъ приказаньемъ и подъ чьимъ смотрѣніемъ она находится, и если не взяты, то возьмите всѣ осторожности, чтобъ она рака безъ меня отнюдь не поставлена была». Олсуфьевъ успокоивалъ ее, писалъ, что въ слѣдствіе письма его къ митрополиту такого дерзновенія чаять не можно; что майоръ, который повезъ раку, до такого самовольства не допуститъ; надобно, чтобъ у его преосвященства была непонятная смѣлость, если бы онъ осмѣлился прикоснуться къ ней.

Переписка эта шла въ концѣ февраля, а въ началѣ марта Арсеній удивилъ другого рода смѣлостію. Онъ прислалъ въ Синодъ, находившійся тогда въ Москвѣ, одно за другимъ два доношенія, гдѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ вооружался противъ новыхъ распоряженій относительно церковныхъ имуществъ. По поводу разсылки изъ синода по архіерейскимъ домамъ и монастырямъ шнуровыхъ книгъ для записыванія приходовъ и расходовъ, Арсеній писалъ: «которое одолженіе присланныхъ

ко мѣ книгъ кажется сану архіерейскому не безъ уничиженія, понеже въ той силѣ имѣются, яко архіереи о пользѣ церкви всё не старатели; присланныя отъ Св. Синода книги по архіереямъ и монастырскимъ настоятелямъ, акибы къ прикащикамъ, тяжесть, не токмо архіереямъ, но и всему духовному чину не-сносная и никогда же слыханная». Отъ временъ апостольскихъ, по словамъ Арсенія, церковныя имущества не подчинялись никому, кромѣ апостоловъ, а послѣ нихъ архіереямъ, оставались въ ихъ единственной волѣ и разсмотрѣніи. Никто не долженъ церковныя имѣнія отбирать и употреблять для другихъ цѣлей; отобранное должно непременно возратить; но теперь не только не думаютъ возвращать, но хотятъ и послѣднее взять, какъ уже и видѣли въ бывшее правленіе. Первый началъ отнимать церковныя имѣнія царь Іуліанъ отступникъ; у насъ же отъ временъ князя Владиміра не только во время царствованія благочестивыхъ князей, но и во времена татарской державы церковныя имѣнія оставались свободными. При Петрѣ Великомъ Мусинъ-Пушкинъ сдѣлалъ постановленіе относительно доходовъ съ церковныхъ имѣній и управленія ими. Это постановленіе Мусина Пушкина превосходило не только турецкія постановленія, но и уставы нечестивыхъ царей римскихъ идолослужителей: св. Киріанъ Карфагенскій, приведенный на мѣсто казни, велѣлъ домашнимъ своимъ выдать палачу 25 золотыхъ; но еслибы тогда имѣло силу *заопредѣленіе* Мусина-Пушкина, то такого благодѣянія оказать было бы не изъ чего. Но хотя заопредѣленіе Мусина-Пушкина превосходило и поганскій обычай, однако церковь и бѣдные архіереи поневолѣ привыкли терпѣть такую нужду, потому что не допрашивали у нихъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, что было дано. А теперь, когда началось такое истязаніе, то узники и богадѣленные стали счастливѣе бѣдныхъ архіереевъ, и такое мучительство терпимъ не отъ поганыхъ, но отъ своихъ, которые выставляютъ себя овцами правотѣрными; въ манифестѣ о восшествіи на престолъ императрицы сказано, что она вступила на престолъ для поддержки православія, которому въ прежнее правленіе предстоила опасность. Сказано о пастыряхъ: «Аще слово воздати хотяще, да съ радостію сіе творять, а не съ воздыханіемъ»: но какъ теперь не воздыхать и при самой безкровной жертвѣ отъ такого нга мучительскаго, которое лю-

тѣе ига турецкаго? Чтобы архіереи изъ своихъ доходовъ заводили академіи, объ этомъ нигдѣ не написано; да еслибы это и не было противно, то на какіе доходы заводить, когда послѣднее отнимаютъ? да и приходскіе священники находятся, по большей части, въ крайней бѣдности, обложены податями не меньше мужиковъ, для своего пропитанія принуждены воздѣлывать землю; будь священникъ богословъ или астрономъ, больше доходовъ не получить. Дѣйствительно нужны и школы, и академіи, но надлежащимъ порядкомъ, какъ въ старину бывало въ Греціи и теперь на западѣ, т.-е. по мѣстамъ знатнымъ, въ царствующиxъ городахъ, на иждивеніи государственномъ, по значительнымъ городамъ, а не по грязямъ и болотамъ. Надобно прежде всего церкви умножить и порядочно содержать; но у насъ въ нынѣшній вѣкъ объ этомъ и въ мысль не приходитъ, когда многіе предпочитаютъ кормить собакъ, а не священниковъ и монаховъ, и смотрятъ, чтобъ за церквами и монастырями имѣнія лишняго отнюдь не было; подъ видомъ излишества и послѣднее отнимаютъ; церкви и монастыри многіе пусты стоятъ, остальные въ крайней бѣдности, и все же возбуждаютъ зависть. И теперь охотниковъ до постриженія насилу сыскать, а послѣ негдѣ будетъ и взять; безъ монашества неоткуда быть архіереямъ, а безъ архіереевъ какое наше благочестіе и какая наша церковь? сохрани Богъ отъ такого случая, чтобъ нашему государству быть безъ архіереевъ! тогда произойдетъ отъ древней апостольской церкви отступленіе; сначала еще будетъ поповщина, а потомъ безпоповщина, и государство наше со всѣми своими академіями сдѣлается раскольническимъ, лютеранскимъ, атеистическимъ. Говорятъ, что имѣній у церквей не отнимутъ, но штаты сдѣлаютъ, будто бы отсѣкая излишество: но и этому образецъ Иуда Искаріотскій, который, желая продать Христа и видя Его помазуема отъ жены многоцѣннымъ муромъ по теплотѣ вѣры и любви, говорилъ: «чесо ради муро сіе не продано бысть на трехъ стахъ пенязъ и дано нищимъ?» Какая же тому *штатнику* похвала тамъ въ Евангеліи, можетъ всякій знать и дочитаться. Какова-то и наша будетъ молитва предъ Богомъ: «да святится имя Твое!» и каковы мы будемъ желатели, чтобъ имя Божіе святилось въ насъ и въ государствѣ нашемъ, когда не намъ, но другими данное на прославленіе имени Божія будемъ штатовать

какъ ненужное? — Въ слѣдъ за тѣмъ Синодъ получилъ второе доношеніе отъ Арсенія, отъ 15 марта, написанное въ томъ же духѣ, по поводу пріѣзда офицеровъ для составленія описей церковному имуществу.

Синодъ представилъ первое доношеніе императрицѣ, прописывая, что по его мнѣнію оно заключаетъ въ себѣ оскорбленіе величества, за что авторъ подлежитъ суду; но онъ, св. Синодъ безъ вѣдома императрицы приступить къ дѣлу не смѣетъ, а передаетъ его въ ея благоразсмотрѣніе и снисхожденіе. Какъ видно, Синодъ, принимая въ соображеніе осторожное и снисходительное поведеніе Екатерины относительно неприятныхъ, враждебныхъ ей лицъ; принимая также въ соображеніе деликатность вопроса и званіе Арсенія, разсчитывалъ, что императрица не дастъ сильнаго хода дѣлу, велитъ ограничиться выговоромъ, внушеніемъ проситься на покой и т. п. Но Синодъ ошибся въ своемъ разсчетѣ: Екатерина обнаружила небывалое до сихъ поръ раздраженіе, и причина понятна: чѣмъ яснѣе въ сознаніи трудности какого-нибудь дѣла, чѣмъ яснѣе представляются возраженія противъ него, чѣмъ эти возраженія, не имѣя въ основаніи дѣйствительной правды, доступнѣе для толпы, тѣмъ болѣе происходитъ раздраженіе, когда эти затрудненія и возраженія являются на самомъ дѣлѣ. Сильно раздражало указаніе на манифестъ, изданный при восшествіи на престолъ, желаніе поставить въ противорѣчіе, желаніе запугать: ты хочешь слыть защитницею православія, и въ то же время хочешь сдѣлать то, чѣмъ сравнишься съ Іуліаномъ отступникомъ, съ Іудею. Не забудемъ и литературнаго вліянія, подъ которымъ находилась Екатерина вмѣстѣ со всѣми читавшими тогда людьми, вліянія господствовавшей тогда темы въ разсужденіяхъ заправителей литературныхъ, темы о фанатизмѣ, сословномъ эгоизмѣ духовенства, монаховъ, которымъ нужно положить преграду для благосостоянія общества.

Екатерина написала собственноручно: «Святѣйшій Синодъ! Въ поданномъ вашемъ вчера мнѣ докладѣ представлено, что архіерей ростовскій Арсеній прислалъ доношеніе отъ 6-го дня марта въ Синодъ, въ которомъ все что ни есть написано, слѣдуетъ къ оскорбленію величества императорскаго, за что его признаете подлежательнымъ сужденія, но безъ вѣдома моего приступить къ

тому не смѣете, и предаете въ мое благоразсмотрѣніе и снисхожденіе. А какъ я уповаю, что и св. Синодъ безъ сумнѣнія признаеть, что власть всѣхъ благочестивыхъ монарховъ, въ числѣ коихъ и я себя включаю и дѣлами моими вами свидѣтельствуемыми доказую, не для нихъ единственно, но паче для общаго всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества благосостоянія, сохраняема и защищаема быть должна, также что въ его архіерея Арсенія присланномъ ко мнѣ отъ васъ для прочтенія оригинальномъ доношеніи, которое я при семъ къ вамъ обратно посылаю, усмотрѣла превратныя и возмутительныя истолкованія многихъ словъ Св. Писанія и книгъ святыхъ, того ради впредь (для) охраненія моихъ вѣрноподанныхъ всегдашняго спокойства, онаго архіерея Арсенія, такимъ преступникомъ отъ васъ признаннаго, св. Синоду на справедливый, законами утвержденный судъ предаю, а какая по суду сентенція ему назначена будетъ, оную представить намъ для конфирмаціи, при чемъ еще будетъ имѣть мѣсто мое снисхожденіе и незлобіе».

Получивъ извѣстіе о грозящей бѣдѣ, Арсеній испугался, и подалъ просьбу объ увольненіи отъ епархіи опять въ Спасскій Новгородъ-Сѣверскій монастырь на обѣщаніе; но уже было поздно, его взяли подъ стражу и отвезли въ Москву на синодскій судъ. Еще прежде взятія подъ стражу, Арсеній отправилъ копию съ своихъ доношеній синоду къ духовнику Фёдору Яковлевичу Дубянскому и графу Алексію Петр. Бестужеву-Рюмину. Неизвѣстно, что сдѣлалъ съ этими бумагами духовникъ; но Бестужевъ рѣшился ходатайствовать за Арсенія и внушить императрицѣ о необходимости покончить неприятое дѣло какъ можно тише и скорѣе; 31-го марта онъ писалъ императрицѣ: «какъ содержаніе доношеній въ Синодъ (Арсенія) наполнено не только дерзостями, но и чувствительнѣйшими оскорбленіями, за которыя ея и. в.-ство справедливо на него прогнѣвана,—графъ Бестужевъ, не вступая отнюдь ни въ малѣйшее за сего архіерея заступленіе, осмѣливается токмо, по долгу къ ближнему, въ преступленіе впадшему, рабски просить о показаніи ему монаршаго и матерняго милосердія въ томъ приговорѣ, который по суду, конечно, ему тягостенъ будетъ, а притомъ не въ указъ свое слабѣйшее разсужденіе присовокупить, не соизволить ли ея и. в. въ его явномъ и никакого уже изслѣдованія не требующемъ преступ-

ленія скорѣе сентенцію на монаршую конфирмацію сочинить и тѣмъ сіе дѣло кончить въ предупрежденіе разныхъ о семъ и безъ того въ публикѣ происходящихъ толкованій».

Мягкія формы не помогли. Бестужевъ, которому въ прошломъ году писалось: «Батюшка Алексѣи Петровичъ, пожалуй, помогай совѣтами!» теперь получилъ на свое внушеніе грозный отвѣтъ. «Я чаю ни при которомъ государѣ столько заступленія не было за оскорбителя величества, какъ нынѣ за арестованнаго всѣмъ синодомъ митрополита ростовскаго, и не знаю, какую я бзъ причину подаю сумнѣваться о моемъ милосердіи и челоувѣколюбіи. Прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю, какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благоденствіе народа (умолча о защищеніи и сохраненіи мнѣ отъ Бога данной власти), еслибъ возмутители не были бзъ наказаны».

Конечно Бестужевъ и никто другой никакъ не могли бы припомнить, когда преосвященнымъ не по столь еще важнымъ дѣламъ головы сѣкали безо всякой церемоніи и формы; но повѣрка этихъ словъ Екатерины могла только показывать Бестужеву всю степень раздраженія императрицы, и онъ спѣшилъ успокоить это раздраженіе: «Во всенижайшій отвѣтъ всеподданнѣйшій рабъ доносить, что какъ онъ прежде за ростовскаго архіерея никогда не заступался, но паче въ С.-Петербургъ присланную отъ него цыдулку представилъ съ своимъ примѣчаніемъ, такъ и нынѣ по его подлинно великимъ преступленіямъ не дѣлалъ заступленія, а такмо о скоромъ рѣшеніи упомянулъ, дабы чрезъ то пресѣчь излишнія толкованія и разсужденія въ народѣ, который о точности дѣла не вѣдаетъ; но ежели въ чемъ старикъ погрѣшилъ, то токмо отъ одного усердія, чѣмъ теперь отъ невинности своей и сокрушается». На этой же запискѣ Екатерина написала: «сожалѣю, что сокрушается: я писала съ тѣмъ, чтобъ вы имѣли что отвѣтствовать тѣмъ, кто васъ просьбою мучить. Желаю вамъ спокойно опочивать».

7 апрѣля Синодъ подаль докладъ: «св. прав. Синодъ, довольно имѣя разсужденія, что оный митрополитъ Арсеній въ оскорбленіи ея и. в—ства безъ всякаго извиненія виновнымъ оказывается, тѣмъ именно, что онъ въ противность слова Божія и

апостольскихъ правилами преданій и презря свою архіерейскую и генеральную присяги и въ противность же государственныхъ узаконеній, на именные ея и. в—ства въ 1762 и 1763 годахъ состоявшіеся о церковныхъ имѣніяхъ указы, присланными въ Синодъ своими, первымъ отъ 6, а потомъ и вторичнымъ отъ 15 марта доношеніями таковыя учинилъ возраженія, которыя единственно до оскорбленія ея и. в. слѣдуютъ, приводя въ оныхъ изъ многихъ словъ св. Писанія и изъ нѣкоторыхъ книгъ превратныя отъ себя толкованія, съ самымъ оныхъ словъ разумомъ и силою отнюдъ несходственные, а именно (слѣдуютъ извѣстные мѣста изъ доношеній). Хотя то доношеніе и окончено тѣмъ, что якобы все то писать и отъ слова Божія и закона предлагать не иная причина его привела, токмо ревность по Бозѣ и законѣ Божиємъ, ея и. в—ства довольно въ манифестахъ и указахъ ея монаршихъ изображенная, аще же возымѣется въ томъ его быти погрѣшность, просить о прощеніи. Но онаго ни за каковой резонъ почестъ не можно, ибо не токмо на высочайшіе указы, но и на повелѣнія своей команды никакихъ, а кольми паче язвительныхъ представленій и возраженій чинить подъ наптяжѣйшимъ штрафомъ запрещено, да и таковой причины, чтобъ вышеозначенное возраженіе съ такою дерзостною отвагою выдумывать и дѣйствительно якобы подъ образомъ своей ревности представлять ему митрополиту и никому отнюдъ не было и нѣтъ. Хотя онъ въ допросѣ и показалъ, что якобы онъ въ тѣхъ своихъ доношеніяхъ ко оскорбленію ея и. в—ства ничего быти не уповаль, все то писалъ по ревности и совѣсти, чтобъ не быть двоедушнымъ, а сочинялъ де онъ все то не для возраженія на указы, но на представленія другихъ, по коимъ представленіямъ и тѣ указы послѣдовали, что де разумѣется на представленія комиссіи, и въ чаяніи томъ, что какъ тѣ представленія не отвержены, такъ де и оное его представленіе отвержено не будетъ, и по крайней мѣрѣ за то не воспослѣдуетъ оскорбленія ея и. в—ства, но понеже оное вошло во оскорбленіе ея и. в—ства, того ради всепокорнѣйше и всеподданнѣйше припадалъ къ ногамъ ея и. в—ства просить прощенія и помилованія. Но оное его митрополита показаніе не истинное, ибо по показанію находившагося при немъ для письма канцеляриста Жукова копія съ обоихъ доношеній въ Синодъ были

отправлены въ Москву къ двумъ знатнымъ персонамъ. Въ 1743 году ему сдѣланъ былъ отъ Синода письменный выговоръ за то, что въ доношеніи своемъ въ Синодъ весьма противные и уразительные термины написать дерзнулъ. Выговоръ сдѣланъ былъ съ такимъ подтвержденіемъ, что если онъ въ подобное тому противленіе и презорство паки вступать будетъ, то не то-чю сана архіерейскаго, но и клобука лишится, того ради приговорили: онаго митрополита Арсенія, яко уже и прежде въ немалыхъ преступленіяхъ, а нынѣ и наипаче въ тяжкомъ и оскорбительномъ, также архіерейской и генеральной присяги и всѣхъ государственныхъ узаконеній преступничествѣ оказавшагося, за тѣ его тяжкія вины и за оскорбленіе ея п. в—ства, въ силу апостольскаго 84 правила, архіерейства, а по его на означенномъ въ 743 году чинимомъ ему выговорѣ подпискѣ, и клобука лишитъ и послать въ отдаленный монастырь подь крѣпкое смотрѣніе, и бумаги и чернилъ ему не давать». Подписали: Дмитрій митрополитъ новгородскій, Тимоѳей митрополитъ московскій, Гавріилъ архіепископъ санктпетербургскій, Гедеонъ епископъ псковскій, Амвросій архіепископъ крутицкій, Аѳанасій епископъ тверской, Мисаилъ архимандритъ новоспасскій.

Испуганный старикъ умолялъ о помплованіи. Но если не смотря на то, требовалось необходимо осужденіе, то кто требовалъ вносить въ это осужденіе странность, что показаніе канцеляриста Жукова о посылкѣ копій съ доношеній духовнику и Бестужеву свидѣтельствуесть о неистинности показаній Арсенія? Екатерина написала на докладѣ: «по сей сентенціи санъ митрополита и священства снять, а если правила святыхъ и другія церковныя узаконенія дозволяютъ, то для удобяйшаго покаенія преступнику, по старости его лѣтъ, монашескій только чинъ оставить, отъ гражданскаго же суда и истязанія, мы, по чловѣколюбію, его освобождаемъ, повелѣвая нашему Синоду послать его въ отдаленный монастырь подь смотрѣніе разумнаго начальника съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ тамъ невозможно было ему развращать ни письменно, ни словесно слабыхъ и простыхъ людей». Синодъ назначилъ мѣстомъ ссылки вологодской епархіи Терапонтовъ монастырь; но 13 апрѣля обер-прокуроръ объявилъ синоду именной указъ, чтобъ Арсеній

сосланъ былъ въ архангельскую епархію, въ Николаевскій Корельскій монастырь, съ производствомъ ему кормовыхъ денегъ по 50 коп. въ день.

Прошло четыре года, въ 1767 году опять поднялось слѣдственное дѣло о монахѣ Арсеніи въ слѣдствіе доноса на него іеродиакона Іоасафа Лебедева. Арсеній, по словамъ доносчика, говорилъ, что Екатерина не природная наша и не слѣдовало ей принимать престола; цесаревичъ боленъ золотухою, и Богъ знаетъ, кто послѣ будетъ; а надобно быть Ивану Антоновичу и содержащимся въ Холмогорахъ, отцу его и прочимъ. Арсеній бранилъ синодальныхъ членовъ; о Димитріи Сѣченовѣ говорилъ: «Кабы пропалъ, то бы и я былъ свободенъ; до тѣхъ поръ онъ поживетъ, пока оберъ-секретарь Остолоповъ живъ, безъ котораго онъ ничего не дѣлаетъ. Еслибы не были согласны Сѣченовъ и петербургскій Гавріиль, то деревень у архіереевъ и монастырей не отобрали бы». Сравнивалъ себя съ Златоустомъ, заточеннымъ также царицею. Толковалъ о пророчествѣ, будто бы взятомъ изъ житія св. Кирилла Бѣлозерскаго, что въ Россіи будутъ царствовать двое юношей, которые выгонятъ Турка и возьмутъ Царьградъ: первый юноша великій князь (Павель Петровичъ), другой — братъ принца Ивана (это говорилось уже по смерти послѣдняго). Эти толки Арсенія, доносилъ Лебедевъ, надъ архимандритомъ Корельскаго монастыря Антоніемъ, надъ караульными солдатами и начальникомъ ихъ подпрапорщикомъ Алексѣевскимъ произвели желаемое дѣйствіе: увѣрясь, что двое юношей будутъ царствовать скоро и что Арсеній будетъ архіереемъ по прежнему, стали содержать его гораздо слабѣе, почитали его какъ архіерея, принимали отъ него благословеніе, позволяли ему публично говорить проповѣди. Подвергнутые допросу, Антоній и Алексѣевскій признались въ своемъ послабленіи, Алексѣевскій подтвердилъ доносъ, подтвердилъ, что Арсеній говорилъ: «Государыня наша не природная и не тверда въ законѣ нашемъ и не надлежало ей престола принимать.» Екатерина замѣтила при этомъ: «Сии слова Арсеній говорилъ и въ 1763 году капитану Николаю Дурново, когда сей послѣдній его пріѣзжалъ братъ въ Синодъ, и такъ Алексѣевскій то не выдумалъ».

Но Арсеній, въ новой бѣдѣ, еще надѣялся поколебать осно-

ваніе своей главной опалы. 22 октября онъ обратился въ архангельскую губернскую канцелярію съ просьбою, чтобъ записала его объявленіе и представила императрицѣ. Объявленіе состояло въ слѣдующемъ: 1) Просить онъ, Арсеній, чтобъ ея и. в—ство сотворила съ нимъ милость и соизволила бы подлинное его доношеніе, за которое онъ и осужденъ, сама прочесть; тогда конечно соизволить увидать его правость, ибо онъ, когда еще при покойной государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ получилъ копію съ доклада (а подлинный подписанъ бывшимъ канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ и прочими знатными господами, окромѣ графа Петра Шувалова) объ отобраніи отъ церкви деревень, написалъ письмо къ императрицѣ; это письмо сходно съ его доношеніемъ, за которое онъ теперь страдаетъ. Императрица Елисавета, разсмотря, что онъ писалъ справедливо, подлиннаго доклада, когда ей поднесли его, утвердить не изволила, единственно послушавъ его Арсеніева письма, и сказала, что не подпишетъ: какъ де послѣ смерти моей хотите. 2) По доношенію его и по слѣдствію докладывано, какъ онъ, Арсеній, думаетъ, изъ Синода экстрактомъ и на словахъ ея величеству; а еслибъ подлинное доношеніе ея в—ство изволила читать, то конечно онъ такъ наказанъ не былъ бы. 3) Онъ, Арсеній, и нынѣ утверждаетъ, что деревень отъ церкви для прописанныхъ резоновъ въ посланномъ отъ него въ Синодъ доношеніи отбирать не надлежало.

Состоялось рѣшеніе: «Лишить Арсенія монашескаго чина и, по разстриженіи, переименовать Андреемъ Вралемъ и послать къ неисходному содержанію въ Ревель».

Такъ кончилась борьба за вопросъ, поднятой въ русской жизни еще въ XV вѣкѣ. Борьба, какъ и слѣдовало ожидать по важности вопроса, была сильная, ожесточенная изначала; но въ началѣ восторжествовало мнѣніе, что за монастырями должны быть удержаны населенныя земли. Въ эпоху преобразованія, въ ту эпоху, когда русскій человѣкъ, во имя разума считалъ себя въ правѣ допросить всякое освященное древностію явленіе о правѣ и пользѣ его существованія, въ эпоху преобразованія вопросъ о церковныхъ имуществахъ долженъ былъ подняться съ новою силою. Но мѣры преобразователя, принятыя относительно этихъ имуществъ, были временныя, отмѣненныя имъ какъ

только онъ покончилъ съ главнымъ вопросомъ о формѣ церковнаго управленія; съ одной стороны Преобразователь при своихъ послѣднихъ распоряженіяхъ относительно церковныхъ имуществъ имѣлъ въ виду новыя обязанности чернаго духовенства, новый строй его жизни; съ другой, онъ такъ вѣрилъ въ силу новаго, коллегіальнаго управленія, что не считалъ возможнымъ повторенія старыхъ злоупотребленій. Въ началѣ второй половины вѣка снова поднимаетъ вопросъ дочь Преобразователя, которую нельзя было заподозрить въ недостатокъ благочестія, или въ «философскомъ умѣ» (которымъ такъ любовалась въ себѣ Екатерина), и это обстоятельство уже показывало, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ такъ, какъ былъ рѣшенъ въ XV вѣкѣ, и Арсеній Ростовскій палъ, защищая въ XVIII вѣкѣ мнѣніе Іосифа Волоцкаго. Но какъ бы историкъ ни отнесся къ этому мнѣнію, нельзя не признать за Арсеніемъ мужества въ отстаиваніи своего мнѣнія до конца. Онъ просилъ снисхожденія, просилъ, чтобъ мнѣніе его было прочтено внимательно, въ цѣлости, надѣясь, что убѣдятся его резонами; но не жертвовалъ своимъ убѣжденіемъ для полученія прощенія, освобожденія отъ наказанія. Онъ закончилъ свою просьбу словами: «Я и теперь утверждаю, что деревень отъ церквей отбирать не надлежало ²¹¹».

Екатерина исполнила свое намѣреніе, въ маѣ 1763 года отправилась въ Ростовъ. Погода была неблагоприятная: «Вѣтры, холодъ и непрестанные дожди съ происходящею отъ того грязью отнимаютъ у насъ удовольствіе, которое бы могли мы при хорошемъ времени въ пути имѣть», писала императрица Панину изъ Переяславля; изъ того же города она писала генераль-прокурору Глѣбову: «Я получила всѣ ваши посылки и надѣюсь послѣдніе доклады скоро къ вамъ возвращать. Пенастье и скука въ Переяславлѣ равны; домъ, въ которомъ живу, очень великъ и хорошъ и наполненъ тараканами». Изъ Ростова Екатерина писала Панину: «Завтра будетъ перенесеніе мощей св. Димитрія; вчерашній день еще чудеса были, женщина одна исцѣлилась, а преосвященной Сѣченой хочетъ запечатовать раку, дабы мощей не украли; однако я просила, дабы подлый народъ не подумалъ, что мощи отъ меня скрылись, оставить ихъ еще нѣсколько время снаружи ²¹²».

Изъ письма къ Глѣбову мы видимъ, что Екатерина во время

путешествіе занималась дѣлами. Въ Ростовѣ она получила очень неприятныя вѣсти о ссорѣ между людьми, которые наиболѣе участвовали въ событіи 28 іюня. Ссора произошла въ слѣдствіе сильнаго возвышенія, фаворитства Григорія Орлова, братъ котораго Алексѣй своимъ обращеніемъ всего болѣе возбуждалъ негодованіе людей, считавшихъ свои заслуги 28 іюня не менѣе важными. Одинъ изъ нихъ, Ласунскій, говорилъ другому, Хитрову: «Орловы раздражили насъ своею гордостью и своимъ поступкомъ: мы было чаяли, что наша общая служба къ государынѣ утвердитъ нашу дружбу, а нынѣ видимъ, что они развратъ». Для объясненія отношеній любопытна записка Екатерины Елагину отъ 25 февраля 1763: «Ты имѣешь сказать камергерамъ Ласунскому и Рославлевымъ, что понеже они мнѣ помогли взойти на престолъ для поправленія непорядковъ въ отечествѣ своемъ, я надѣюсь, что они безъ прискорбіи примутъ мой отвѣтъ, и что дѣйствительная невозможность нынѣ раздавать деньги, тому ты самъ свидѣтель очевидный ²¹³!» Но эти господа могли считать себя въ правѣ принимать отказъ въ своихъ просьбахъ съ прискорбіемъ, думая или и говоря, что Орловымъ нѣтъ отказа. 24 мая, изъ Ростова Екатерина отправила письмо къ сенатору Вас. Ив. Суворову: «По полученіи сего, призовите къ себѣ камеръ-юнкера, князя Ив. Несвижскаго и прикажите ему письменно вамъ подать или при васъ написать все то, что онъ отъ камеръ-юнкера Федора Хитрова слышалъ и, по важности его показанія, пошлите за Хитровымъ, и если придетъ(ся) арестовать его, Хитрова, тогда для дальнѣйшаго произвожденія онаго дѣла призовите себѣ въ помощь кн. Мих. Волконскаго и кн. Петра Петр. Черкаскаго и рапортуйте ко мнѣ, какъ часто возможно. Я при семъ рекомендую вамъ поступать весьма осторожно, не тревожа ни городъ, и сколь можно никого; однакожъ такимъ образомъ, чтобъ досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова съ предпріятіемъ. Впрочемъ по полкамъ имѣете уши и глаза».

Заявленіе кн. Несвижскаго состояло въ слѣдующемъ: возвращаясь изъ деревни, онъ встрѣтился съ Хитровымъ, который спросилъ его, что новаго? «Какія у меня новости, когда я былъ въ деревнѣ», отвѣчалъ Несвижскій.—«А у насъ много новыхъ вѣстей, только дурныхъ, сказала Хитровъ: первая новость—госу-

дарыня поѣхала въ Воскресенскій монастырь для того, чтобъ старый чортъ Бестужевъ удобнѣе могъ въ ея отсутствіе производить начатое дѣло. Онъ написалъ прошеніе къ государынѣ, чтобъ вышла замужъ за Григорья Орлова, и къ этому прошенію духовенство и нѣсколько сенаторовъ подписались, а какъ дошло до Панина и Разумовскаго, то Панинъ спросилъ государыню, съ ея ли позволенія это дѣлается, и получилъ въ отвѣтъ, что нѣтъ. Однако Панинъ могъ примѣтить изъ лица и поступковъ ея, что все происходило по ея повелѣнію, и согласился съ гетманомъ и Захаромъ Чернышевымъ уничтожить дѣло; для этого они пригласили къ себѣ Репнина, Рославлевыхъ, Ласунскаго, Пассека, Теплова, Борятинскихъ, Каревыхъ, Хованскихъ—Петра и Сергѣя, Петра Апраксина, Николая Ржевскаго, и разсуждали, что дѣло нехорошее, отечеству вредное, всякій патріотъ долженъ вступиться, искоренить. Этого ничего не было бы, продолжалъ Хитровъ, потому что Григорій Орловъ глупъ; но больше все дѣлаетъ братъ его Алексѣй: онъ великій плутъ и всему дѣлу причиной». — «Правда ль это? спросилъ Несвижскій, я хочу у Орловыхъ это высмотрѣть». — «Это очень и для насъ полезно, сказалъ Хитровъ, ѣзди почаще къ Орловымъ и присматривай, а мы на собраніи своемъ положили просить государыню, что если намѣрена выйти замужъ, то у Иванушки есть два брата; а если не согласится за нихъ, то схватя Орловыхъ всѣхъ отлучить, въ то время уже можно отвлечь ее отъ этого дѣла; она сама намъ будетъ благодарна, что мы нарушителя покоя отъ нея оторвемъ. Когда я былъ на караулѣ при покойномъ бывшемъ государѣ, то случилось мнѣ говорить о порядкѣ восшествія на престолъ государыни съ Алексѣемъ Орловымъ. Орловъ сказывалъ, что Панинъ сдѣлалъ было подписку съ тѣмъ, чтобъ быть государынѣ правительницею, и она на то согласилась; а когда пришли въ Измайловскій полкъ и объявили про ту подписку капитанамъ Рославлеву и Ласунскому, то они ей объявили, что на то несогласны, а поздравляютъ ее самодержавною императрицею и велѣли солдатамъ кричать ура. — Если можно, продолжалъ Хитрово, то и скорѣе при первомъ удобномъ случаѣ Орловыхъ погубить. Меня въ этотъ заговоръ привела княгиня Дашкова, Глѣбовъ также нашей партіи и денегъ будетъ давать сколько надобно».

Хитрово на допросѣ 27 мая показалъ: недѣли двѣ тому на-

заявить его двоюродный Василий Брылкинъ говорилъ ему: слышалъ онъ отъ своего роднаго брата Ивана Брылкина, что прѣзжалъ къ нему Бестужевъ съ подпискою, чтобъ просить государыню идти замужъ, выбравъ изъ своихъ подданныхъ, кого ей угодно, потому что государь цесаревичъ слабъ и въ оспѣ еще не лежалъ; духовенство и нѣсколько сенаторовъ подписались. Николай Рославлевъ говорилъ ему: слышалъ онъ о подпискѣ, и какъ скоро дошло до Панина, гетмана и Чернышева, то они сказали, что не подпишутъ, и Панинъ государынѣ доложилъ, съ ея ли позволенія такая подписка у Бестужева? государыня сказала, что она про то не знаетъ, на что Панинъ представилъ: если Бестужевъ тому причиною, такъ надобно его предать суду, и на то государыня промолчала, и тѣмъ та подписка уничтожена. Услыхавъ объ этомъ отъ Рославлева, онъ, Хитровъ, поѣхалъ къ кн. Дашковой спросить, правда ли это; Дашкова рассказала ему все такъ, какъ говорилъ Рославлевъ и удивлялась не мало такому дурному предпріятію.

Екатерина была недовольна этими показаніями, и, между прочимъ, писала Суворову: «Нельзя, чтобъ онъ (Хитрово) не къ чему-нибудь вздумалъ, будто я общала Панину быть правительницею; нельзя стать, чтобъ онъ ложъ такую отъ Ал. Гр. Орлова, какъ онъ сказываетъ, слышалъ. Прикажете освѣдомиться, арестованіе Хитрова тревожитъ ли любопытныхъ или еще не вѣдаютъ въ городъ?» Результаты допросовъ находятся въ слѣдующей запискѣ Екатерины Суворову: «Хитровъ двухъ человѣкъ уговаривалъ, чтобъ они въ его партію пошли, которая, по его разсказу, намѣрена была, если я соглашусь на извѣстный проектъ Алексѣя Петровича, собравшись придти ко мнѣ и представить мнѣ худобу онаго дѣла, и если я не соглашусь на ихъ мнѣнія, тогда убить графовъ Орловыхъ всѣхъ четырехъ. Въ семь Хитровъ обличенъ и по многомъ заpiresствѣ, наконецъ, самъ мнѣ признался и просилъ о томъ прощенія, признавая себя и сообщниковъ въ томъ виновными. А хотя онъ тѣмъ двумъ, которыхъ онъ приглашалъ, и называлъ многихъ персонъ Н. П. (Никиту Панина), Ал. Глѣб. (Глѣбова), Гр. Теплова, двухъ Рославлевыхъ, двухъ Борятинскихъ, двухъ Каревыхъ, двухъ Хованскихъ, Пассека, кн. Дашкова, но онъ въ томъ тѣхъ двухъ персонъ на него показательствѣ отпирается, а мнѣ

признался, что онъ только съ двумя Рославлевыми, да съ Ласунскимъ согласіе имѣлъ, и Николай Рославлевъ ему сказалъ, что всѣ оныя персоны въ томъ согласны, но онъ самъ, какъ дѣло уже утихло, думаетъ, чтобъ нынѣ отложить ихъ предпріятіе. Но вѣрить не можно, что зная, что то ихъ предпріятіе мнѣ будетъ въ огорченіе и какъ они сами положили противъ моей воли, чтобъ у нихъ не были взяты мѣры спастись отъ моего гнѣва, и посему кажется отдалить или арестовать надобно двухъ Рославлевыхъ, да Ласунскаго. Когда же Хитрова арестовали, тогда Пассекъ и Борятинскій пріѣхали къ Орловымъ и сказали, что будто говорятъ по городу, что Орловыхъ убить хотятъ, а меня свергнуть; а когда я объ томъ спрашивала, отъ кого они такія рѣчи слышали, тогда сказали отъ сержанта, а тотъ отъ гренадера, и сей отъ незнакомаго дворника, и изъ сего видно, что они дѣло супционировали (подозрѣвали) или, лучше сказать, знали» ²¹⁴.

Такъ какъ «дѣло уже утихло», то предпріятіе не имѣло смысла и все ограничивалось отголосками старыхъ рѣчей; поднимать дѣло о несостоявшемся замыслѣ противъ Орловыхъ было неудобно, потому что его надобно было поднять въ связи съ другимъ дѣломъ. Оставалось подозрѣніе на счетъ того, какъ хотѣли соумышленники спастись отъ гнѣва императрицы, замышляя дѣйствовать противъ ея воли, и только въ слѣдствіе этого подозрѣнія считалось нужнымъ, кромѣ Хитрова, удалить Рославлевыхъ и Ласунскаго. Хитрово одинъ былъ сосланъ въ свое имѣніе орловскаго уѣзда; Ласунскій уволенъ въ отставку генералъ-поручикомъ въ 1764 году, а Рославлевъ Александръ тѣмъ же чиномъ въ 1765. Но чѣмъ тайнѣе велось дѣло, чѣмъ менѣе оно имѣло явныхъ и ясныхъ результатовъ, тѣмъ болѣе толковали о немъ, и въ началѣ іюня по московскимъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ читали манифестъ «о молчаньѣ». Въ манифестѣ говорилось: «Воля наша есть, чтобъ всѣ и каждый изъ нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены странными

разсужденіями о дѣлахъ, совѣтъ до нихъ не принадлежащихъ, не имѣи о томъ прямого свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ.... Если сіе наше матернее увѣщеваніе и поощреніе не подѣйствуетъ въ сердцахъ развращенныхъ и не обратитъ на путь истиннаго блаженства, то вѣдалъ бы всякъ изъ такихъ невѣждъ, что мы тогда уже поступимъ по всей строгости законовъ» ²¹⁵.

О стараніи Екатерины предупреждать народные толки видно изъ слѣдующаго: архіепископъ Амвросій писалъ Бестужеву отъ 12 марта: «Объявилъ намъ синодальный г. оберъ-прокуроръ высочайшее повелѣніе, чтобъ мы по бывшемъ императорѣ Петрѣ III панихиды и публичныя поминовенія отправляли, что предъ днемъ рожденія его въ Архангельскомъ соборѣ и исполнено. Не соблаговолили о семъ паки доложить, ибо ежели намъ отправлять панихиды, то въ народѣ объ немъ иначе, нежели въ манифестахъ изображено, могутъ толковать; да и церковь святая отъ раскольниковъ не безъ поношенія останется». Бестужевъ доложилъ, и Екатерина написала на докладѣ: «И объ злодей Богъ приказалъ молиться, наипаче о заблужденной душѣ, а о непоминовеніи въ народѣ толки были бѣ, что онъ живъ». Но толки послышались: Молдавскаго гусарскаго полка прапорщикъ Войновичъ показалъ, что 7 сентября, въ бытность его въ крѣпости св. Елисаветы, зашелъ онъ въ квартиру подполковника Ездемировича, который говорилъ: былъ у меня вчера Мельгунова камердинеръ Иванушка и сказывалъ: у Мельгунова въ гостяхъ былъ майоръ гвардіи Рославлевъ и съ Мельгуновымъ говорилъ, что бывший императоръ живъ и посланъ въ Шлюшинъ (Шлюссельбургъ), и для того его послали, что Орловъ хочетъ съ государынею вѣнчаться» ²¹⁶.

Екатерина окончила свое путешествіе Ярославлемъ, о которомъ писала: «Городъ Ярославль весьма всѣмъ нравится, и я почитаю его третьимъ городомъ изъ тѣхъ, которые я видѣла въ Россіи» ²¹⁷. Послѣднимъ дѣломъ ея пребыванія въ Москвѣ было учрежденіе Павловской больницы, по просьбѣ, какъ сказано въ указѣ, цесаревича Павла Петровича. Больница названа въ указѣ свободною; для ея помѣщенія купленъ загородный домъ генераль-прокурора Глѣбова. ²¹⁸ 14 іюня императрица выѣхала изъ Москвы, и 19 числа вечеромъ прибыла въ Царское Село, отку-

да, въ годовщину своего восшествія на престолъ, 28 іюня, имѣла торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

Въ продолженіе описываемаго года Екатерина восемь разъ присутствовала въ Сенатѣ, четыре раза въ Москвѣ, и четыре раза въ Петербургѣ. Москву Сенатъ оставилъ, выслушавъ слѣдующій указъ императрицы: «Гг. сенаторы! Я не могу сказать, чтобъ вы не имѣли патріотическаго попеченія о пользѣ моей и о пользѣ общей, но съ соболѣзнованіемъ должна вамъ сказать и то, что не съ такимъ успѣхомъ дѣла къ концу своему приходятъ, съ какимъ желательно. Причины единственно въ томъ только и состоятъ, что присутствующіе въ Сенатѣ имѣютъ междоусобное несогласіе, вражду и ненависть и одинъ другаго дѣла не терпятъ, а потому и раздѣляются на партіи, и стараются изыскать одинъ другому причины огорчительныя. Что жъ отъ того рождается? одна только безпредѣльная злоба и раздоръ. Не послѣдняя причина и сія къ несогласію, что нѣкоторые порочатъ дѣла другихъ, хотябъ они и полезны были, для того только, что не ими сдѣланы, хотя сами однакожъ ихъ никогда не сильны сдѣлать. Но въ такомъ случаѣ здраво разсудить должно, что не всѣ люди равныя таланты имѣютъ»²¹⁹. Еще раньше, въ мартѣ мѣсяцѣ сенаторы должны были выслушать наставленіе на счетъ неприличія нѣкоторыхъ занятій для нихъ. Слушалось дѣло по злоупотребленіямъ виннаго откупа въ Иркутскѣ, и сенаторы объявили одному изъ своихъ сочленовъ, Сумарокову, что ему нельзя присутствовать при разсужденіи объ этомъ дѣлѣ, ибо онъ самъ имѣетъ винный откупъ въ Бахмутской провинціи, на основаніи закона Петра В.: ежели судья равное дѣло имѣетъ съ челобитчикомъ или отвѣтчикомъ, напримѣръ, если ищетъ кто въ обидѣ отнятаго двора, и такое же равное дѣло имѣетъ судья въ другомъ мѣстѣ, то ему не судить, чтобъ для своего примѣра дѣло не испортилъ. Сумароковъ обидѣлся и подалъ жалобу императрицѣ, что отстраненъ несправедливо, указъ до него не касается, ибо на него никто не жалуется въ притѣсненіяхъ по откупу. Екатерина написала такое рѣшеніе на просьбу Сумарокова: «Откупъ винный въ городѣ Иркутскѣ и откупъ винный въ Бахмутской провинціи разнятся тѣмъ межъ собою, что одинъ въ Сибири, а другой въ Россіи. По партикулярнымъ спорнымъ дѣламъ сенаторы выходятъ

по силѣ Петра Великаго указа безъ огорченія изъ Сената. А если по откупнымъ дѣламъ огорчительно, то способъ оставаться въ Сенатѣ въ ихъ рукахъ»²²⁰, т.-е. не заниматься откупами.

Въ Петербургѣ Сенатъ получилъ указъ: «Ея и. в-ство усмотрѣла изъ поднесенной генераль-прокуроромъ вѣдомости о всѣхъ со вступленія на престолъ по 5 сего августа состоявшихся именныхъ указахъ, что изъ оныхъ многіе, не токмо по партикулярнымъ челобитчиковымъ, но и по государственнымъ дѣламъ еще не исполнены, по инымъ еще разсматривается. Сего ради, а паче желая, чтобъ собственные ея и. в-ства о пользѣ государственной и о безостановочномъ правосудія теченіи неусыщные труды не оставались безъ желаемаго ея величествомъ успѣха, повелѣваетъ Сенату, исключая только свободные отъ засѣданія дни, съѣзжаться пополудни по трижды въ недѣлю до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣла исполнены будутъ». Указъ былъ объявленъ 20 августа, а 4 сентября Екатерина, присутствуя въ Сенатѣ, объявила: такъ какъ много дѣлъ уже рассмотрѣно, то съѣзжаться пополудни только разъ въ недѣлю вмѣсто трехъ: такъ какъ канцелярскіе служители, какъ она слышала, несутъ немалый трудъ²²¹. Въ ноябрѣ императрица опять жаловалась на «ужасную медлительность» Сената²²². Но она не хотѣла ограничиться жалобами. Еще 17 апрѣля данъ былъ указъ «Собранію, въ которомъ совѣтъ происходилъ о вольности дворянской», о раздѣленіи Сената на департаменты «дабы тѣмъ способомъ не одно дѣло въ Сенатѣ и въ одинъ день трактовалось, но столько производимо ихъ было, колікое число департаментовъ опредѣлится, а каждый бы департаментъ опредѣленные роды себѣ дѣлъ въ отиравленіи узаконеніемъ имѣлъ»²²³. 15 декабря былъ изданъ манифестъ: «Правило неоспоримое, что всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей, и что тогда только обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видятъ, что подвластный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ постановленныхъ надъ нимъ начальниковъ и правителей; но нельзя иначе сего достигнуть, какъ только добрымъ учрежденіемъ внутреннихъ распорядковъ и всѣхъ государственныхъ и судебныхъ правительствъ, которыя въ имперіи нашей, по состоянію нынѣшняго времени, весьма недостаточны, что

можно наиболѣе всего усмотрѣть въ нашемъ Сенатѣ, въ который не только апелляціонныя; но и всякаго рода дѣла изъ всего государства съ требованіемъ резолюціи вступаютъ, и который столь отягченъ множественнымъ числомъ оныхъ, что превосходить силы человѣческія всѣ оныя дѣла рѣшить въ надлежащее время». Въ слѣдствіе этого Сенатъ раздѣлялся на 6 департаментовъ, изъ которыхъ четыре должны были находиться въ Петербургѣ, и два въ Москвѣ, вмѣсто бывшей тамъ сенатской конторы. 1-й департаментъ занимался государственными внутренними и политическими дѣлами; 2-й судными; 3-й дѣлами Малороссіи, остзейскихъ провинцій, Финляндіи, Академіи Наукъ, Университета, Академіи Художествъ, полиціи и проч.; 4-й дѣлами военными и морскими; 5-й московскій отправлялъ всякія государственныя текущія дѣла, какія исправляла прежде сенатская контора; 6-й московскій вѣдалъ судныя дѣла, соотвѣтственно второму петербургскому. При первомъ департаментѣ оставался генераль-прокуроръ, во всѣхъ другихъ по оберъ-прокурору въ каждомъ. Дѣла рѣшались единогласіемъ. При невозможности соглашенія оберъ-прокуроръ объявляетъ генераль-прокурору, съ объясненіемъ, въ чемъ сенаторы не соглашаются, или въ чемъ самъ сомнѣвается. Тогда генераль-прокуроръ, взявши дѣло въ первый департаментъ, и созвавши всѣхъ наличныхъ сенаторовъ отъ прочихъ департаментовъ, предлагаетъ на общее разсужденіе. Если и сенаторы перваго департамента не будутъ согласны, то дѣло предлагается въ общемъ собраніи. Если и тутъ сенаторы не согласятся или по дѣлу точнаго закона не будетъ, то генераль-прокуроръ все дѣло съ сенаторскими мнѣніями и съ своимъ разсужденіемъ представляетъ императрицѣ. По тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ раздѣленъ былъ Сенатъ, раздѣлены были на департаменты юстиціи, вотчинная и ревизіонъ-коллегія и судный приказъ. Ревизіонъ-коллегія была раздѣлена на 5 департаментовъ, потому что въ ней до такой степени умножилось число неревизованныхъ счетовъ, что многіе милліоны государственной казны были въ неизвѣстности. Ревизіонъ-коллегіи было предписано имѣть главнымъ правиломъ при свидѣтельствѣ счетовъ смотрѣть не на одно только то, чтобъ приходъ съ расходомъ былъ вѣренъ, но смотрѣть особенно за тѣмъ, всѣ ли денежныя и прочія выдачи произведены по силѣ зако-

новъ. Сибирскіи и розыскной приказы и раскольниковская контора были уничтожены ²²⁴.

20 августа состоялся именной указъ: камеръ-юнкеру графу Федору Орлову повелѣвается ея и. в—ство быть безпрерывно въ Сенатѣ при текущихъ дѣлахъ, и особливо при собраніяхъ, и мѣсто свое имѣть за генераль-прокурорскимъ столомъ, дабы онъ слушаніемъ дѣлъ и разсужденій сенаторскихъ, также чтеніемъ и собственнымъ иногда сочиненіемъ текущихъ резолюцій и всего того, что для лучшаго пріобрѣтенія себѣ знанія дѣлъ за потребно найдетъ, навывкалъ бы быть искуснымъ и способнымъ впредь къ службѣ ея и. в—ства по сему мѣсту ²²⁵.

Екатерина требовала особенной и согласной дѣятельности Сената въ искорененіи злоупотребленій въ областномъ управленіи, въ искорененіи взяточничества. Въ приведенномъ выговорѣ Сенату за несогласіе она выставяла въ примѣръ дѣло о калужскомъ воеводѣ Мясоѣдовѣ. По этому дѣлу сохранилась любопытная записка императрицы къ ген.-прокурору Глѣбову: «По Мясоѣдову дѣлу кой часъ пріѣду въ городъ, соберу Сенатъ и сама господъ сенаторовъ въ полномъ собраніи намѣрена согласить и всякаго выслушать, а инако скажутъ, что тотъ или другой по клочкамъ бы меня рвутъ» ²²⁶. Екатерина боялась слуховъ, что сенаторы стараются наединѣ представлять ей свои мнѣнія и склонять на свою сторону. Изъ этого уже видно, какой сильный интересъ возбуждало это дѣло. Мясоѣдовъ, товарищъ его, секретарь и канцеляристъ были уличены и сами признались во взяткахъ по подрядамъ; Мясоѣдовъ и товарищъ его были лишены чиновъ и сосланы въ деревни, секретаря написали вѣчно въ коліисты и сослали въ отдаленный городъ, канцеляристъ высѣченъ плетью и отданъ въ солдаты въ отдаленный горнизонъ ²²⁷.

Не менѣе заботъ стоило Екатеринѣ дѣло о смоленскомъ губернаторѣ Аршеневскомъ, обвиненномъ во взяткахъ. Опять несогласіе между сенаторами, опять толки, которые вызвали такую записку Екатерины къ Глѣбову: «Когда не накажешь людей, говорить: послабленіе; когда же накажешь, тогда говорятъ: строго. Пускай Аршеневскій останется до моего пріѣзда безъ чиновъ, и тогда въ Сенатъ пріѣду съ вышеписанными рефлексіями, да облегчу сентенцію. Я чаю порочать оный поступокъ или тѣ,

у кого совѣсть нечиста, или тѣ, которые не сочиняли или мнѣ не совѣтовали въ резолюціи. Есть у насъ родъ людей, которые все то порочать, гдѣ они не призваны были вмѣсто оракула, а оракула дѣла опять порочать генерально всё»²²⁸. Мысль, что у многихъ совѣсть не чиста, не оставляла Екатерину; такъ, узнавши, что Тверь выгорѣла, она писала Глѣбову: «старайтесь о вспоможеніи симъ несчастнымъ людямъ; я думаю многимъ не печально, что дѣла всё почти сгорѣли.»²²⁹

Сенаторы, князь Яковъ Шаховской и графъ Скавронскій, объявили въ Сенатѣ письма, полученные ими отъ коломенскаго епископа Порфірія: епископъ жаловался на коломенскаго воеводу Ивана Орлова, что онъ дни и ночи проводитъ въ пьянствѣ, въ канцеляріи мало бываетъ, да и то приходитъ пьяный же; что колодниковъ въ тюрьмѣ больше ста человекъ, а рѣшенія нѣтъ никакого; онъ же, Орловъ, оставя канцелярію и городъ никому не приказавъ, самовластно уѣхалъ въ Москву на маскарадъ.²³⁰

Это были дѣла новыя; но было еще старое дѣло, о знаменитомъ иркутскомъ слѣдователѣ Крыловѣ.²³¹ Мы видѣли, что по слѣдствію, произведенному Крыловымъ, иркутскіе купцы повинились въ расхищеніи 130,000 рублей казенныхъ денегъ. Но когда началось дѣло о насильственныхъ поступкахъ самого Крылова, купцы стали показывать, что повинныя ихъ были вымучены пытками, при чемъ Крыловъ дѣйствовалъ въ интересахъ бывшаго тогда оберъ-, а теперь генераль-прокурора Глѣбова. Глѣбовъ взялся ставить вино въ Иркутскѣ: купцы представили, что цѣна, по которой онъ договорился ставить вино, гораздо дороже той, какая оказывается по десятилѣтней сложности. Кромѣ того купцы оцѣнили казенные винные заводы гораздо дороже, чѣмъ Глѣбовъ хотѣлъ ихъ взять за себя; такимъ образомъ посылка Крылова оказывалась личною местию Глѣбова иркутскимъ купцамъ. Кромѣ Глѣбова, оказался виновнымъ и весь Сенатъ, который позволялъ вести дѣло неправильнымъ образомъ: отдалъ кабацкіе сборы Глѣбову на откупъ безъ всякихъ должныхъ справокъ; когда Глѣбовъ донесъ о злоупотребленіяхъ иркутскаго купечества и присоединилъ свои частныя жалобы на него, то Сенатъ назначилъ слѣдствіе, тогда какъ оберъ-прокуроръ не имѣлъ никакого права мѣшаться въ глас-

ныя дѣла, а какъ обиженный долженъ былъ искать суда въ опредѣленныхъ закономъ мѣстахъ. Крыловъ былъ отправленъ изъ сенатской конторы, и доношенія свои присылалъ прямо въ Сенатъ; за такой беспорядокъ Сенатъ наградилъ его тысячею рублями и тѣмъ поощрилъ его къ дальнѣйшимъ беззаконнымъ поступкамъ. Прошеніе, присланное вице-губернаторомъ иркутскимъ Вольфомъ на имя императрицы Елисаветы, Сенатъ удержалъ и не велѣлъ изслѣдовать, какимъ образомъ печать на прошеніи оказалась подрѣзанною. Когда иркутскіе купцы повинились въ растратѣ казенныхъ денегъ, то самовольно простилъ имъ знатную сумму денегъ. Такъ какъ сенаторы, причастные этимъ беспорядкамъ, одни умерли, другіе вышли въ отставку, то императрица простила оставшихся въ живыхъ, подведя ихъ подъ милостивый манифестъ по случаю ея коронаціи, предавая ихъ единственно угрызеніямъ совѣсти.

Относительно генераль-прокурора Глѣбова императрица усмотрѣла, какъ мало онъ имѣлъ старанія о правильномъ производствѣ дѣлъ и о казенномъ интересѣ и ко всему беззаконному производству этого дѣла единственно подалъ поводъ своимъ неправильнымъ доношеніемъ и принадлежавшее казнѣ при откупѣ приращеніе обратилъ на собственный прибыльокъ: за что и подлежалъ не только лишенію всѣхъ чиновъ, но и большому наказанію: однако, въ слѣдствіе того же милостиваго манифеста онъ былъ только удаленъ на вѣки отъ всѣхъ должностей съ чиномъ генераль-поручика. Крыловъ, за долговременное содержаніе въ оковахъ, освобожденъ отъ смертной казни, высѣченъ кнутомъ въ Иркутскѣ и сосланъ на вѣчную каторгу. Но сама императрица объявила, что эти приговоры послѣдовали тогда, какъ слѣдствіе къ законному окончанію не приведено: «Однако, говорить она, мы нашли въ немъ довольно обстоятельство, ясно открывающихъ истинное состояніе сего дѣла; чего ради за справедливое почли рѣшить оное по видимымъ въ немъ окрестностямъ (обстоятельствамъ), нежели входить въ законный порядокъ, и тѣмъ вновь начинать слѣдствіе, а чрезъ то и такъ уже много претерпѣвшимъ иркутскимъ купцамъ призывомъ ихъ сюда, для улики и очныхъ ставокъ, сдѣлать еще болѣе отягощенія ²³²»

Оказались также слѣды стараго дѣла о злоупотребленіяхъ во-

ронжскаго губернатора Пушкина, которое велѣлъ потушить Петръ III. Капитанъ Кара повинился, что въ 1758 году регистраторъ Савиновъ далъ ему знать, что Пушкинъ приказываетъ ему Кара объявить бирюченскимъ обывателямъ, чтобъ они собрали 1000 рублей денегъ ему, губернатору, и за то съ ними благосклонность учинена будетъ; обыватели добровольно деньги собрали и съ нимъ въ Воронежъ послали. Потомъ Пушкинъ приказалъ, чтобъ Бирюченцы отдали поклонъ вице-губернатору Кошелеву, и бирюченскіе уполномоченные подарили Кошелеву 300 рублей. Наконецъ Пушкинъ потребовалъ съ той же Бирючей слободы 500 рублей, чтобъ отъ проѣзжающихъ командъ разоренія не было. Ассессоръ Вельяминовъ повинился, что изъ получаемыхъ имъ при лѣсномъ смотрѣніи денегъ далъ Пушкину 300 рублей, да адъютанту его 100 рублей ²²².

Князь Александръ Алекс. Вяземскій, отправленный для усмиренія горнозаводскихъ крестьянъ и имѣвшій также порученіе присматриваться къ ходу управленія, доносилъ: «Выѣхавъ изъ Казани, старался я въ разнородныхъ деревняхъ развѣдать о поведеніяхъ казанской канцеляріи: вездѣ я нашелъ не только подтвержденіе донесенному уже о мздоимствахъ; но нашелъ еще и то, сколько собираемо было съ каждой души ясачныхъ крестьянъ для поднесенія приказнымъ служителямъ за поданныя въ прошедшемъ году къ будущей ревизіи сказки, и сколько собирается на вальдмейстеровъ при каждомъ ихъ посѣщеніи. Въ Татарской деревнѣ, называемой Агрызы, два сотника увѣряли, что за поданныя сказки разошлось по 9 и 10 коп. съ души; а съ Ботяковъ, какъ съ людей очень простыхъ и добросовѣстныхъ, и болѣе. Вальдмейстеру, въ каждый его пріѣздъ, собирается по 3 и 4 коп. съ души, а съ Ботяковъ по 4 и 5 коп. Когда я спросилъ, за что же они такіе большіе подарки даютъ, то получилъ въ отвѣтъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ поупрямились они своею сотнею и не дали ничего вальдмейстеру, который за то репортовалъ, что они рубятъ заповѣдный дубовый лѣсъ, и губернская канцелярія, не принимая ихъ оправданія, взыскала штрафа 800 рублей; такъ они теперь уже и даютъ подарки, потому что хотя никакого дубоваго лѣса вальдмейстеръ не найдетъ, то смотреть сани, и найдя дубовые полозья, репортуетъ въ губернскую канцелярію о порубленномъ дубѣ. По при-

бытіи моемъ изъ Сибирской губерніи въ Оренбургскую развѣдалъ я, что лихоимство нижнихъ губернскихъ чиновъ не менѣе прочихъ: главный между ними надворный совѣтникъ Каптяжевъ, который, по слухамъ, не давалъ безъ взятки жалованья нижнимъ чинамъ. Въ Симбирскѣ нынѣшнимъ воеводою подовольнѣе, но сильно негодование дворянства на бывшего воеводу, князя Назарова, который самъ старался заводить между дворянствомъ ссоры, и послѣ безпримѣрными взятками пользовался; по воровскимъ и разбойническимъ дѣламъ приметывался и разорялъ до самой крайности съ мучительствомъ ²³⁴».

При изложеніи русской исторіи XVIII вѣка мы имѣли возможность замѣтить, что не отъ однихъ воеводъ страдали города. Сильный своимъ богатствомъ обыватель, «мужикъ-горланъ» по старому выраженію, не считалъ себя обязаннымъ сдерживаться относительно слабѣйшихъ, особенно когда достигалъ главнаго мѣста въ городѣ, мѣста магистратскаго президента; онъ составлялъ себѣ сильную партію и надѣялся, что она его поддержитъ. Но случалось, что онъ встрѣчался въ городѣ съ другимъ мужикомъ-горланомъ, который также имѣлъ сильную партію и не хотѣлъ уступить; тутъ-то начиналась ожесточенная борьба между этими Борецкими XVIII вѣка, причемъ и вооруженныя нападенія одной партіи на другую усиливали сходство съ явленіями изъ жизни Великаго Новгорода. Замѣчается и еще сходная черта: въ борьбѣ видны партіи лучшихъ и меньшихъ людей. Въ описываемое время мы не можемъ обойти одного любопытнаго явленія въ этомъ родѣ.

Въ Орлѣ магистратскимъ президентомъ былъ богатый купецъ Дмитрій Дубровинъ. По жалобамъ гражданъ на его насилія главный магистратъ смѣнилъ Дубровина. Противная партія, которая, какъ видно, устроила все дѣло, воспользовалась своимъ торжествомъ и вынесла въ президенты своего вождя Кузнецова. Но Дубровинъ и его партія не хотѣли уступить. Сынъ Дубровина Михайла, человекъ извѣстный, портовыхъ таможенъ директоръ, отъ имени отца своего, подалъ въ Сенатъ челобитную на неправоe рѣшеніе главнаго магистрата въ отрѣшеніи отца его отъ президентства по доносу орловскаго купца Николая Кузнецова, который показывалъ, что онъ, Михайло Дубровинъ, содержалъ въ Орлѣ кружечный дворъ; а самъ онъ Николай Кузнецовъ, въ

бытность брата его Степана президентомъ, вмѣстѣ съ нимъ, обижалъ и разорялъ все купечество, въ доказательство чего Мих. Дубровинъ приложилъ отъ орловскаго купечества челобитную, за подписью 142 человекъ. Въ этой челобитной президентъ Дубровинъ одобрялся, о Кузнецовѣ же говорилось, что онъ какъ прежде, такъ и теперь производитъ безпокойства и купечество разоряетъ, отъ чего они, купцы, не желаютъ, чтобъ онъ и оставался между ними, тогда какъ Дубровинъ и прежде купечество защищалъ и теперь защищаетъ; показываемое Кузнецовымъ на него подозрѣніе, будто сынъ его содержитъ кружечный дворъ, недѣйствительно, потому что Мих. Дубровинъ отъ того отрекся. Въ заключеніе купцы просили доносу Кузнецова не вѣрить и его изъ купечества выключить, а быть президентомъ Дмитрію Дубровину. Но въ слѣдъ за тѣмъ явилась въ Сенатъ челобитная 150 человекъ орловскихъ купцовъ, которые писали о Кузнецовѣ, что онъ человекъ добрый и первостатейный купецъ, и не только за себя, но и за прочихъ немущихъ и умершихъ платить поборы бездонмочно, въ чемъ имѣетъ квитанціи; потому просятъ не исключать его изъ купечества и показанію Дубровина не вѣрить, потому что его челобитная неправильная, руки къ ней приложены безъ совѣта первостатейныхъ купцовъ по дворамъ, рядамъ и улицамъ, не давая прочитывать, а объявляя обманомъ, что въ пользу купечества. Получивши такія противорѣчивыя челобитныя, Сенатъ приказалъ: послать въ Орель оберъ-офицера и съ нимъ члена московскаго магистрата; пріѣхавши въ городъ, они должны собрать на сходъ все наличное орловское купечество первой и второй статьи, кромѣ Дубровина и Кузнецова, и взять съ нихъ подписки, кто кого желаетъ въ президенты, Дубровина или Кузнецова ²³⁵.

Какъ видно, эта посылка почему то не состоялась, и орловскіе соперники управлялись сами. Дубровскій опять сдѣлался президентомъ, и о Кузнецовѣ поднято было дѣло прошлаго 1762 года: 5 февраля этого года человекъ 200, собравшись разбоемъ къ однодворческому правленію, били караульныхъ смертно и отводили въ домъ орловскаго купца и суконнаго фабриканта Кузнецова; потомъ приходили опять ночью, выломали ворота и изъ караульной избы увезли рекрута, а прочихъ колодниковъ распустили; въ этомъ разбоѣ участвовали фабричные и привка-

щикъ Кузнецова; а орловскіе однодворцы объявляютъ, что прочіе ихъ братья однодворцы, отбывая очерёдные службы, укрываются у Кузнецова, будто заживаютъ долги по векселямъ ²⁸⁶. Но въ концѣ года печальная участь постигла торжествующаго повидимому Дубровина. Генераль-прокуроръ представилъ Сенату въ пакетѣ прошеніе его, написанное на трехъ разныхъ лоскуткахъ; Дубровинъ жаловался на орловскую провинціальную канцелярію, которая безо всякой причины, какъ видно только по пропискамъ купцовъ Кузнецовыхъ, захвата его, держитъ подъ карауломъ, не давая ни бумаги, ни чернилъ, такъ что онъ и эту челобитную едва могъ написать въ 8 дней, собирая бумагу по лоскуткамъ. Сенатъ приказалъ сенатской конторѣ потребовать отъ орловской провинціальной канцеляріи отвѣта, для чего Дубровина такъ крѣпко держать, что бумаги и чернилъ не даютъ ²⁸⁷. Дѣло объяснилъ московскій генераль-губернаторъ, графъ Солтыковъ, въ вѣдомствѣ котораго находилась и орловская провинція. По доношенію Солтыкова, отъ 17 ноября, Дубровинъ «производилъ въ Орлѣ притѣсненія, грабежи, смертоубійства, расхищенія казны, за что главн. магистратомъ и былъ отрѣшенъ отъ присутствія, но несмотря на то, правилъ президентскую должность своевольно; во время этого *нахальнаго* правленія фабрика купца Кузнецова товарищами Дубровина разграблена и разорена, бывшіе на ней работники разогнаны, избиты и переувѣчены. Кузнецовъ жаловался въ сенатскую контору, которая и послала указъ къ находящемуся тамъ полковнику кирасирскаго полка Давыдову изслѣдовать все дѣло вмѣстѣ съ орловскимъ воеводою и съ депутатомъ отъ гл. магистрата, а Дубровина съ сообщниками взять подъ караулъ; для пресѣченія неспорядковъ и для возстановленія тишины разставить въ городѣ частые пикеты, почему онъ, Дубровинъ, и взять подъ караулъ. А какъ между тѣмъ кирасирскій полкъ въ походъ выступилъ, то мятежники ходятъ и понынѣ такъ какъ и прежде, въ великомъ множествѣ съ заряженными ружьями и дубьемъ, бьютъ смертно и увѣчатъ всѣхъ тѣхъ, которые съ ними не согласны. А сынъ Дубровина Михайла съ шестью человекѣми приходилъ къ воеводѣ въ домъ и требовалъ отъ него, угрожая побоями, чтобы освободилъ отца его. Получивъ отказъ, бѣжалъ въ Москву, гдѣ по приказанію моему былъ взятъ въ полицію съ пятью сообщни-

ками. Но вчера по утру прїѣхалъ ко мнѣ генераль-полицей-стеръ Юшковъ и сказывалъ, что третьяго дня, 13 числа, будучи въ гостяхъ у сенатора Воронцова (Ив. Лар.), видѣлъ Дубровина тамъ же въ компаніи; а вчера вечеромъ генераль-полицейстеръ мнѣ донесъ, что Дубровинъ изъ полиціи бѣжалъ ²³⁸.

Въ то же время императрица приказала учредить особую комиссію для изслѣдованія по жалобамъ, пришедшимъ изъ Мценска. Тамошній воевода Емельяновъ жаловался на азартные поступки съ нимъ купцовъ; Муромскаго пѣхотнаго полка капитанъ Овиновъ жаловался, что его и съ нимъ гренадеръ его въ мценскомъ магистратѣ били и отняли шпаги; а магистратъ, въ свою очередь, жаловался, что Овиновъ приходилъ въ магистратъ съ командою и вытащилъ бургомистра изъ магистрата, причеиъ солдаты едва не порубили магистратскихъ судей обнаженными шпагами и столъ судейскій съ зеркаломъ и дѣлами повалили ²³⁹.

Неудивительно было, что грубость нравовъ производила такія явленія въ отдаленныхъ областяхъ, когда та же грубость нравовъ высказывалось рѣзко и въ указахъ коллегій. Дворянинъ Прокофій Демидовъ жаловался императрицѣ, что въ указѣ, данномъ ему изъ бергъ-коллегіи, сдѣлано ему напрасное поношеніе бранными словами, названъ онъ душевредникомъ и непримиримую злобу имѣющимъ человѣкомъ. Екатерина приказала рассмотреть въ Сенатѣ, правильно ли рѣшено дѣло Демидова въ коллегіи, а за неприличную брань сдѣлать коллегіи выговоръ, приказавъ ей возвратитъ всѣ разосланные въ поношеніе его указы, и во всѣ судебныя мѣста подтвердить, чтобъ отнюдь въ указахъ и повелѣніяхъ никогда не было употребляемо брани и словъ поносныхъ ²⁴⁰.

Правительство именно могло содѣйствовать смягченію этой грубости нравовъ, преслѣдуя ея проявленія въ сферахъ административной и судебной. Мы видѣли, какъ при Елисаветѣ старались ограничить случаи пытки. При Екатеринѣ, которая такъ внимательно прислушивалась къ тому, что говорила европейская наука, разумѣется, движеніе въ этомъ смыслѣ не могло остановиться. Въ первое присутствіе свое въ Сенатѣ въ этомъ году Екатерина повелѣла: преступниковъ обращать къ чистому признанію больше милосердіемъ и увѣщаніемъ, особенно же изысканіемъ происшедшихъ въ разныя времена околичностей,

нежели строгостію и истязаніями; стараться, какъ возможно, при такихъ обстоятельствахъ, уменьшить кровопролитіе; если же всѣ средства будутъ истощены, тогда уже пытатъ; однако въ приписныхъ городахъ пытокъ не производить, отсылать преступниковъ въ провинціальныя и губернскія канцеляріи, и тутъ поступать съ крайнею осторожностію, чтобъ какъ-нибудь вмѣстѣ съ виновными и невинные не потерпѣли напраснаго истязанія. Всѣхъ тѣхъ, которые дойдутъ до пытокъ, прежде увѣщевать ученымъ священникамъ, чтобъ признались, а такъ какъ по инымъ городамъ ученыхъ священниковъ нѣтъ, то для увѣщанія сочинить особенную книжку ²⁴¹.

«Чтобъ какъ-нибудь невинные не потерпѣли вмѣстѣ съ виноватыми», говорила императрица. Но невинные постоянно страдали вмѣстѣ съ виновными, невинная жена и дѣти преступника наказывались конфискаціею имущества, осуждались ходить по міру. Екатерина смягчила и эту жестокость закона. Въ описываемое время рѣшено было еще печальное для Сената дѣло, кромѣ глѣбовскаго. Оберъ-секретарь Сената Брянчаниновъ и секретарь Веймарнъ уличены были въ утаеніи алмазныхъ вещей и золотой табакерки графа Алекс. Петр. Бестужева-Рюмина во время его опалы. Императрица утвердила такой приговоръ преступникамъ: Брянчанинова, лиша чиновъ, вывести на площадь предъ Сенатомъ и коллегіями съ надписью на груди: преступникъ указовъ и мздоимецъ, и поставить у столба на четверть часа, потомъ заключить въ тюрьму на полгода и впередъ ни къ какимъ государственнымъ дѣламъ, ни къ дѣлу народному, ни къ партикулярному не допускать; секретаря Веймарна, въ уваженіе достоинствъ и службы генераль-поручика того же имени, лиша чиновъ, посадить на двѣ недѣли на хлѣбъ и на воду, потомъ заключить на полгода въ тюрьму, послѣ чего нигуда не принимать, а имѣніе ихъ отдать женамъ и дѣтямъ, раздѣля по закону ²⁴².

Въ данномъ случаѣ конфискаціи не послѣдовало, имѣніе преступниковъ отдано было ихъ семействамъ; но только въ данномъ случаѣ. Желали отмѣны конфискаціи навсегда, закономъ; желало этого дворянство, которое не могло успокоиться на манифестѣ о вольности дворянской Петра III, по неполнотѣ и неопредѣленности дарованнаго.

Между записками Екатерины II. II. Панину сохранилась одна, въ которой императрица говоритъ о ропотѣ дворянства на то, что вольность его не подтверждена, и потому, пишетъ она, «надлежитъ о томъ не позабыть приступить сдѣлать».

Приступъ былъ сдѣланъ назначеніемъ комиссіи о дворянствѣ, членами которой были: фельдмаршалъ графъ Бестужевъ-Рюминъ, гетманъ графъ Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцовъ, сенаторы князь Як. Петр. Шаховской и Панинъ, генераль-аншефы графъ Захарь Чернышевъ и князь Мих. Волконскій и генераль-адъютантъ, графъ Григорій Орловъ; дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ Тепловъ. 11 февраля комиссія была созвана во внутренне покое ея и. в—ства; Екатерина вышла и передала Теплову свой собственноручный указъ, который онъ прочелъ вслухъ предъ собраніемъ: «Бывшій императоръ Петръ III-й, говорилось въ указѣ, далъ свободу благородному российскому дворянству. Но какъ сей актъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще болѣе стѣсняетъ ту свободу, нежели общая отечества польза и наша служба теперь требуютъ могутъ, при перемѣнившемся уже государственномъ положеніи и воспитаніи благороднаго юношества; то мы вамъ повелѣваемъ, собравшись вмѣстѣ у двора нашего, оный актъ рассмотреть и для приведенія его содержанія въ лучшее совершенство между собою совѣтовать, какимъ отъ насъ особливимъ собственнымъ государственнымъ установленіемъ российское дворянство могло бы получить въ потомки свои изъ нашей руки новый залогъ нашего монаршаго къ нему благоволенія. А чтобъ благоразумная политика была всему основаніемъ, то надлежитъ при распоряженіи правъ свободы дворянской учредить такія статьи, которыя бы наивыяще поощряли ихъ честолюбіе къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго отечества»²⁴³.

Изъ мнѣній членовъ комиссіи до насъ дошло мнѣніе старика Бестужева. Чтобъ заставить дворянина служить, Бестужевъ полагалъ дворянамъ, служившимъ не менѣе семи лѣтъ, дать преимущество предъ вовсе неслужившими: послѣднимъ запретить покупать недвижимое имѣніе и заставить ихъ уступать мѣсто послѣднему оберъ-офицеру, дабы дворяне не пришли въ нерадѣніе о произведеніи себя и въ древнюю лѣность. Между правами дворянства Бестужевъ полагалъ: не брать дворянина подъ ка-

рауль безъ предварительнаго судебнаго приговора, освободить его отъ пытки и конфискаціи имѣнія; дозволить ему на судѣ выбрать адвокатомъ другого дворянина; дать дворянамъ безпредѣльную власть надъ крестьянами и крѣпостными людьми; отъ крестьянъ и холопей не принимать никакихъ прошеній и дозовъ на господъ и не допускать въ свидѣтели. Чтобъ уволенное изъ службы дворянство, живя въ своихъ деревняхъ, не проводило время въ вредной праздности и безнечности, полезно сдѣлать такое постановленіе: пусть эти дворяне избираютъ попеременно между собою ландратовъ, которые, по представленіи отъ нихъ отъ общества Сенату и по полученіи отъ Сената подтвержденія, должны имѣть въ своемъ вѣдомствѣ принадлежащія тому дворянскому обществу уѣзды и въ нихъ исправлять все потребное какъ для службы государственной, такъ и для пользы дворянства, разбирая притомъ между дворянами споры и ссоры: такіе ландраты были бы своему обществу во всемъ опекунами и ходатаями по судебнымъ земскимъ мѣстамъ въ причиняемыхъ иногда дворянамъ утѣсеніяхъ и обидахъ; а чтобъ еще болѣе уволенное дворянство отвратить отъ праздности, то можно бы было дать ему волю избирать между собою достойныхъ людей къ замѣщенію мѣстъ губернаторскихъ товарищей, воеводъ и воеводскихъ товарищей.

Бестужевъ понялъ смыслъ наказа, даннаго Екатериною комиссіи: прискаты средство для привлеченія дворянъ къ службѣ при уничтоженіи обязательной службы: «Чтобъ благоразумная политика была всему основаніемъ, то надлежитъ при распоряженіи правъ свободы дворянской учредить такія статьи, которыя бы навянцше поощряли ихъ честолюбіе къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго отечества». Но комиссія, взявъ въ основаніе требованія Бестужева относительно правъ дворянскихъ, отстранила въ своемъ докладѣ все то, что онъ говорилъ о необходимости выборной службы для дворянъ, живущихъ по деревнямъ, и распространилась о томъ, что не должно стѣснять дворянской вольности ничѣмъ другимъ, кромѣ *вкорененнаго уже* воспитаніемъ честолюбія: «Дворянство, говорилось въ докладѣ, любочестіемъ столь много уже движется, что нѣтъ ни малаго сумнѣнія, чтобъ просвѣщеніе увидѣвшіе дворяне, или уже и родившіеся въ томъ, обратились къ прежнему нерадѣнію о службѣ,

но всякъ самъ старается сына своего и сродника въ оную вмѣстить, такъ что едва ли и мѣста довольно желающимъ службы остается. Всякъ за милость признавать, когда онъ только къ службѣ допущенъ, а особливо въ пылнѣе премудрое правленіе в. и. в—ства, столь трудолюбивой и пекущейся объ отечествѣ всемилостивѣйшей государыни, достойный дворянинъ и старающійся объ отличеніи своемъ коснѣть къ службѣ не можетъ». Но льстивая фраза не могла успокоить раздраженія Екатерины, когда она увидала такое явно невѣрное представленіе о тогдашнемъ дворянствѣ. Раздраженіе высказалось въ замѣчаніяхъ на нѣкоторыя мѣста доклада. Напримѣръ, коммиссія, настаивая на необходимости для русскаго дворянина выѣзжать за границу и вступать въ службу иностранныхъ государствъ, говорила: «ничто такъ не приводитъ военнотружашаго въ совершенное званіе его должности, ничто такъ не вкореняетъ въ него храбрость и честолюбіе, какъ многіе добрые примѣры, подражаніе и экспериенція». Екатерина написала на полѣ: «NB: а ничто такъ какъ въ Парижѣ по спектаклямъ и въ вольныхъ домахъ шататся». Далѣе коммиссія говоритъ: «Безпрекословно все согласуютъ, что дворянинъ, во многіхъ арміяхъ (иностраннѣхъ) служа, почитается за генерала пекучаго». Екатерина написала: «Есть бродяга».

Недовольная докладомъ коммиссіи, императрица оставила дѣло безъ рѣшенія до 1783 года; а между тѣмъ извѣстія, которыя она получала изъ-за границы о поведеніи тамъ русскихъ дворянъ, утверждали ее въ мнѣніи, что коммиссія слишкомъ зашла впередъ. Такъ между прочимъ она писала вице-канцлеру кн. Голицыну: «Князь Александръ Михайловичъ, меня просятъ, дабы я вывезла изъ Парижа Дмитрія Мих. Матюшкина, который тамъ во всемъ разерительную и развращенную жизнь ведетъ. Я все оное напередъ пророчествовала, но меня не послушали. Прикажите писать, чтобъ онъ сюда безъ замедленія вѣхалъ»²⁴⁴. Этотъ примѣръ не былъ единственнымъ.

Кромѣ постановленія о вольности дворянской, требовавшаго пересмотра, отъ Петра III оставалось постановленіе о раскольникахъ 29 января, утверждавшее за ними свободное отправленіе вѣры, съ указаніемъ на магометанъ и идолопоклонниковъ, не терпящихъ никакого притѣсненія въ ихъ вѣрѣ. Указъ возбудилъ

сильныя надежды раскольниковъ, которые обращались теперь къ Екатеринѣ съ новыми требованіями. Дѣло было передано въ Синодъ; но Синодъ медлилъ по важности и трудности дѣла. Отъ 28 февраля сохранилась записка императрицы къ Глѣбову: «Александръ Ивановичъ, разбуди преосвященныхъ новгородскаго и псковскаго объ раскольническомъ дѣлѣ, что они хотѣли написать: я отъ оныхъ людей (т.-е. отъ раскольниковъ) еще сегодня просительное письмо получила»²⁴⁵. Преосвященные — Дмитрій новгородскій и Гедeonъ псковскій подали мнѣніе: «Пастыри российской церкви крайнее стараніе прилагали и прилагаютъ о единствѣ вѣры не только относительно догматовъ и обрядовъ, и многія книги ими сочинены на показаніи самой истины; но кроткіе способы не великое возымѣли дѣйствіе. Тогда также ревностію приведены, пастыри стали устранять клятвою и отсѣченіемъ отъ церкви совершеннымъ; но и это средство не помогло. И такъ по примѣру искусныхъ врачей, которые, когда одно лѣкарство не пользуетъ, другимъ цѣлить болѣзнь стараются, и намъ слѣдуетъ теперь помышлять о другомъ способѣ собрать заблудшихъ овецъ. Теперь хотятъ они возвратиться, но требуютъ сохраненія нѣкоторыхъ только своихъ обрядовъ, семи просвиръ, двуперстнаго сложенія и проч., общія во всемъ другомъ повиноваться церкви и принимать нашихъ священниковъ. Первый вопросъ здѣсь: можемъ ли мы это позволить, когда эти обряды на соборахъ прокляты? Отвѣчаемъ: не обряды, но больше содержащія ихъ сей клятвѣ подвергаются и то не за обряды точно самыя, но за сопротивленіе ихъ св. церкви и отторженіе самовольное отъ нея, а паче еще за произносимыя отъ многихъ изъ нихъ на оную хулы и ругательства разныя, въ чемъ и мы правильную находимъ причину: если же бы за одни обряды проклятiе то было положено, то была бъ причина почитать оное за недѣйствительное и отъ непомѣрной не по разуму ревности происходящее. По апостола Павлу по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ, то уже премѣненіе обрядовъ или обычаевъ не больше ли измѣненія въ вѣрѣ причинять не должно? Пусть только они во всемъ, хотя кромѣ обрядовъ, будутъ съ православною нашею церковію единомысленны, то въ такомъ случаѣ и нѣтъ сомнѣнія, что ихъ принять и присоединить православному нашему обществу, а прочее устроить Богъ. И сіе есть

мнѣніе наше. Уповаемъ, что и прочіе братія наши и сопастыри св. церкви по сей причинѣ согласны въ томъ быть имѣютъ, а когда и соборное разсужденіе приложится къ сему нашему разсужденію, то какъ ему придастся твердость, такъ и восторжествовать имѣетъ несумнѣнно вся церковь о спасеніи отлученныхъ чадъ своихъ».

Но двое другихъ преосвященныхъ, Гавріилъ петербургскій и Амвросій крутицкій подали особое мнѣніе: «Принять раскольниковъ и содержать безъ всякаго притѣсненія можно только на такомъ основаніи, какъ здѣшніе записные раскольники содержатся. А чтобъ позволить имъ на все то, чего они требуютъ, а именно: допустить имъ строить церкви особыя, держать поповъ своихъ, имѣть старопечатныя книги и при тѣхъ же обрядахъ жить, какъ они повынѣ за рубежомъ живутъ, того позволять предосудительно. Синкретизмъ или допущеніе разныхъ вѣръ въ самодержавное государство отъ всѣхъ умныхъ людей за вредъ оному почитается, потому что ничто такъ не обвязуетъ подданныхъ къ своему государю какъ единовѣріе съ нимъ; вопреки же разность въ вѣрѣ за весьма опасную поставляется. Чего избѣгая, многіе государи у себя возникшихъ разновѣрцевъ всячески истребляли и истребляютъ. Ежели дозволить имъ церкви особыя строить и поповъ особыхъ имѣть, то и архіереевъ особыхъ же дозволить слѣдуетъ, которые не захотятъ отъ насъ святиться, и потому раскольники начнутъ или бѣглыхъ изверговъ нашихъ принимать или сами ставить. И такъ церковь въ Россіи можетъ раздраться надвое. Еще въ разсужденіе приходитъ и сіе: не кроется ли здѣсь какой обманъ и не подають ли поводу имъ заграничнымъ наши домашніе раскольники домогаться такихъ кондицій и привилегій? Ибо чтобъ заграничнымъ возвращаться въ Россію нужды крайней не предвидится для того, что они тамъ всякую свободу имѣютъ и какъ хотятъ, такъ вѣруютъ и живутъ. Правда, что въ Россійской имперіи инославнымъ христіанскимъ религіямъ кирхи публичныя, такъ и магометанамъ свои мольбища имѣть дозволяется: но то раскольникамъ не въ примѣръ, ибо отъ тѣхъ нашимъ православнымъ никакого поврежденія не происходитъ»²⁴⁶.

Трудное дѣло остановилось; но нуть къ такъ называемому «единовѣрію» уже былъ проложенъ. 15 сентября Сенатъ и Синодъ

имѣли общую конференцію по вопросу, изложенному въ именномъ указѣ: такъ какъ въ указѣ о ревизіи не опредѣлено о таинственныхъ раскольникахъ, какой имъ платитъ окладъ: для того имѣть Сенату разсужденіе въ общей конференціи съ Синодомъ. Синодъ объявилъ, что опредѣленіе оклада для раскольниковъ есть дѣло свѣтское и потому предоставляется прав. Сенату, съ тѣмъ однако, что тѣхъ, которые православной церкви не чуждаются и принимаютъ таинства отъ православныхъ священниковъ, а только крестятся двоенерстнымъ сложеніемъ, отъ входа церковнаго и таинствъ не отлучать ²⁴⁷.

По докладу комиссіи о духовныхъ имѣніяхъ учреждена была снова коллегія экономіи духовныхъ имѣній, которая должна была управлять духовными вотчинами, устранять хозяйство, увеличивать доходныя статьи, собирать денежные и хлѣбныя сборы, содержать утвержденныя штаты архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и прочимъ духовнымъ мѣстамъ, содержать штаты большимъ по епархіямъ и малымъ по монастырямъ училищнымъ домамъ, довольствовать деньгами и хлѣбомъ инвалидныя дома, по скольбу куда опредѣлено, и самихъ инвалидовъ содержать въ послушаніи. Президентомъ новой коллегіи назначенъ гофмейстеръ князь Борисъ Куракинъ ²⁴⁸.

Мы видѣли, что одинъ изъ Орловыхъ, графъ Федоръ, былъ назначенъ въ Сенатъ навѣвать тамошнимъ дѣламъ; другой видный дѣятель въ событіи 28 іюня, Григор. Александр. Потемкинъ былъ назначенъ съ тою же цѣлію въ Синодъ ²⁴⁹.

Переводомъ монастырскихъ крестьянъ въ управленіе коллегіи экономіи надѣялись прекратить волненія между ними. Думали, что подобная же мѣра, переводъ горныхъ заводовъ съ приписными крестьянами изъ частнаго въ казенное владѣніе также прекратитъ волненія; но здѣсь это труднѣе было сдѣлать, нельзя было отобрать все заводы у частныхъ владѣльцевъ, и потому надобно было употреблять и другія мѣры, тѣмъ болѣе, что волновались не одни заводскіе крестьяне. По доношеніямъ князя Вяземскаго оказалось, что приписка крестьянъ къ заводамъ производилась пристрастно, въ угоду владѣльцамъ заводовъ: крестьянъ приписывали на выборъ не по селамъ и деревнямъ, но по домамъ и выборнымъ людямъ, включая однихъ годныхъ къ работѣ, отъ чего произошло великое неравенство и отягощеніе

крестьянамъ; расчисленіе дней рабочихъ со днями, оставляемыми для земледѣлія на прокормленіе крестьянамъ себя и семей своихъ, такъ худо уравнено, что крестьянамъ произошла отсюда наибольшая тягость; работы такъ велики, что крестьянинъ въ одинъ день никакъ не можетъ отработать своего урока, ни пѣшій, ни конный; плата крестьянамъ должна производиться зачетомъ въ подушный окладъ за всѣ въ перепись положенныя души, а производится только написаннымъ годными въ работу, отъ чего крестьянамъ великое неуравненіе, страшная тягость и разореніе; наконецъ приписные крестьяне живутъ иногда очень далеко отъ заводовъ, верстахъ въ 400, и въ нарядахъ изъ такихъ далекихъ мѣстъ работникамъ круглый годъ великая потеря времени, заводамъ прибыли нѣтъ, а крестьянамъ крайнее разореніе. Поэтому бергъ-коллегіи велѣно было объявить всѣмъ заводчикамъ, что крестьяне не сами собою возмутились, но, по простотѣ своей, повѣрили людямъ злоумышленнымъ, которые и наказаны; а такъ какъ и крестьянамъ было большое отягощеніе, такъ что равенство между работою и платою за нее совсѣмъ потеряно, то они, содержатели заводовъ, не могутъ теперь взыскивать съ крестьянъ всѣхъ своихъ убытковъ, а должны съ ними войти въ нѣкоторый примирительный договоръ, потому что и для самихъ содержателей заводовъ не полезно, чтобъ крестьяне, приписанные къ заводамъ, совершенно были разорены ²⁵⁰.

Мы видѣли, что волновались не одни заводскіе крестьяне и не на одной восточной крайнѣ. Весною пришло извѣстіе, что въ Уфимскомъ уѣздѣ взбунтовались крестьяне Тевкелева; они были усмирены; были указаны 14 человекъ главныхъ возмутителей изъ крестьянъ и одинъ отставной жившій въ тѣхъ мѣстахъ солдатъ. Сенатъ велѣлъ этихъ возмутителей наказать по волѣ помѣщика и отдать ему опять въ крестьянство, а солдата бить плетью публично и нещадно ²⁵¹. Но въ срединѣ года узнали, что въ Новгородскомъ уѣздѣ Бѣжецкой пятины крестьяне духовника ея и. в. Дубянского, князей Мещерскихъ и другихъ помѣщиковъ, числомъ до 600 человекъ возмутились и въ послушаніе не приходятъ, вступаютъ въ бой противъ посланной на нихъ команды ²⁵². Мы видѣли изъ донесеній Вяземскаго, какъ чиновники наживались насчетъ крестьянъ, особенно инород-

цовъ. Но кромѣ Вяземскаго, имѣвшаго порученіе непосредственно отъ государыни навѣдываться о лихоимствѣ и прямо доносить ея, въ Казанскую губернію отправленъ былъ подполковникъ Свѣчинъ для осмотра дубовыхъ рощъ и доносилъ Сенату, что государственные крестьяне терпятъ обиды и разоренія отъ вальдмейстеровъ, канцелярій и отъ посылаемыхъ по разнымъ дѣламъ чиновниковъ. Эти обиды и разоренія состояли въ томъ: 1) вальдмейстеры собирали ежегодно отъ 3 до 6 коп. съ души, а лѣсные сотники по рублю съ деревни. 2) Посылаемые отъ канцелярій приказные и солдаты для сбора во время урожая хлѣба, для взятія сказокъ и объявленія разныхъ указовъ брали по копѣйкѣ и по двѣ съ души, а съ деревни по рублю и больше. 3) При подачѣ сказокъ въ канцеляріяхъ во время платежа подушныхъ денегъ, о наблюденіи за корчемствомъ, ворами и разбойниками, каждая сказка становилась по два и по три рубля съ деревни, а безъ того подушныхъ денегъ не принимали. 4) Во время подушнаго сбора на офицеровъ и приказныхъ собирается въ каждую треть по 10 и 15 коп. съ души. 5) За печатные паспорта берутъ по 50 коп. съ каждаго. 6) На идущія вверхъ по Волгѣ съ мѣдью суда берутся люди въ работу по большому числу бесплатно. 7) Посланные изъ канцеляріи берутъ подводы и харчевой припасъ бесплатно, а хотя этимъ проѣзжимъ до обывателей никакого дѣла нѣтъ, однако объявляютъ на того или другаго записки, стращаютъ слѣдствіемъ, и такъ какъ обыватели неграмотные, ничего не понимаютъ, то отплачиваются деньгами. Сенатъ приказалъ: для чего это дѣлать допускается, о томъ для положенія штрафа казанской губернской канцеляріи прислать отвѣтъ, и показать особливимъ экстрактомъ, отъ кого именно жалобы на обиды въ канцелярію вступили въ прошломъ и нынѣшнемъ году, и чѣмъ просители удовлетворены; если же нѣтъ рѣшенія, то зачѣмъ дѣло оставилось ^{233?}

На западѣ крестьяне по прежнему стремились за польскій рубежъ. Новгородскіе помѣщики подали доношеніе, что изъ деревень ихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, по подговору бѣглаго рекрута Гаврюшки, выходящаго изъ-за польскаго рубежа, бѣжало не малое число крестьянъ ихъ и дворовыхъ людей; а въ нынѣшнемъ 1763 году, по его же подговору, ушло не менѣ

ста семей, въ которыхъ было до 500 душъ обоего пола. Сенатъ приказалъ назначить 300 рублей награды тому, кто найдетъ Гаврюшку ²⁵⁴. Мбра была частная, успѣхъ ненадеженъ. Хотѣли изслѣдовать причины зла и указать надежныя средства противъ него. Петръ Ив. Панинъ подалъ мнѣніе о средствахъ пресѣчь побѣги за границу; онъ указывалъ слѣдующія причины: 1) строгость духовенства и разныя какъ отъ него, такъ и отъ свѣтскаго начальства корыстныя приметки къ раскольникамъ; 2) рекрутскіе поборы изъ ближнихъ границамъ селеній и привычка: у нѣкоторыхъ помѣщиковъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни и безъ всякаго вниманія къ огорченію и разоренію остающихся семействъ, въ которыхъ отдачу въ рекруты почитаютъ за убійство и вѣчную разлуку; 3) чрезвычайно дурное содержаніе рекрутъ до отправленія къ полкамъ и тяжкія корыстныя къ нимъ придирки: вмѣсто того, чтобъ этихъ людей, огорченныхъ разлукою съ своими, всячески приманивать къ службѣ, ихъ обираютъ и употребляютъ въ частныя работы; въ самыхъ столицахъ зимою прежде набирали рекрутъ, чѣмъ приготовляли имъ квартиры, и набираемые рекруты зимою принуждены были день проводить на дворѣ въ стужѣ, а ночь въ торговыхъ баняхъ въ жару, а семействамъ ихъ было это горестнѣйшимъ зрѣлищемъ и примѣромъ, что готовится ихъ дѣтямъ, при будущихъ наборахъ; 4) ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть, при чемъ неумѣренная роскошь заставляетъ собирать съ подданныхъ подати и употреблять въ работы не только болѣе тяжкія, чѣмъ за ближайшею границей, но и превосходящія силы человѣческія; 5) возвышеніе цѣнъ соли и вина и затрудненія при продажѣ ихъ безъ обращенія вниманія на то, что за границей эти предметы дешевле и продажа вольная; 6) отъ вкоренившагося лихоимства неправосудіе и нерадѣніе къ общему дѣлу, особливо въ отдаленныхъ областяхъ; 7) выборъ городскихъ начальниковъ для пользы посылаемыхъ туда особъ, а не для пользы поручаемыхъ имъ дѣлъ. Изданъ манифестъ о прощеніи бѣглыхъ и о призывѣ ихъ къ возвращенію, о вызовѣ иностранныхъ поселенцевъ, о вызовѣ раскольниковъ. Но въ сосѣднихъ государствахъ довольно разгласилось, что въ русскихъ судебныхъ мѣстахъ приходящимъ съ пустыми руками двери не открываются:

такъ для привлеченія переселенцевъ надобно отдать ихъ въ особенное попеченіе кого-нибудь изъ министровъ или сенаторовъ— одному иностранцевъ, другому раскольниковъ, и объ этихъ лицахъ объявить въ иностранныхъ земляхъ, чтобъ желающіе переселиться могли прямо къ нимъ обращаться за помощію и защитою. На возвращающихся раскольниковъ положить по 2 рубля 70 коп. въ годъ, раздѣляя платежъ по третямъ. За нежелающихъ возвратиться къ помѣщикамъ платить по 100 рублей за мужскую душу, и то только за тѣхъ, которые сами бѣжали, а не отцы ихъ и дѣды. Съ деревень и городовъ, лежащихъ близь границы не далѣе 70 верстъ, рекрутъ въ натурѣ не брать, но брать за каждаго рекрута по 100 рублей и употреблять эти деньги на вербованіе въ гусарскіе полки вольныхъ людей. Запретить варварскій обычай продавать помѣщикамъ своихъ крестьянъ въ рекруты за чужія деревни для ненасытной роскоши; позволить продавать крестьянъ только цѣлыми семьями. Издать новый государственный законъ съ наиспособнѣйшими распоряженіями для совершеннаго приласканія вновь набирающихся поселенъ въ солдатскую службу и къ лучшему утѣшенію различающемуся съ ними ихъ семейству. Сочинить примѣрное на все государство положеніе крестьянскимъ для помѣщиковъ работамъ и податямъ не для изданія къ содержанію того во всемъ государствѣ, но ради секретнаго предписанія всѣмъ губернаторамъ: въ случаѣ, когда крестьяне побѣгутъ отъ помѣщика цѣлыми селеніями или семьями или возмутятся, то команды для усмиренія и сыску крестьянъ по требованію помѣщиковъ безпрекословно отправлять; но губернаторы при этомъ должны надежнымъ людямъ поручать развѣдывать въ тѣхъ мѣстахъ, какъ эти помѣщики владѣли своими крестьянами, и, соображая полученные извѣстія съ упомянутымъ генеральнымъ примѣрнымъ положеніемъ и съ обыкновенною надлежащею строгостію въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, если найдутъ, что помѣщики вышли изъ предѣловъ умѣренности, такихъ призывать въ губернскія канцеляріи и объявлять, чтобъ они впередъ отнюдь не выступали изъ примѣрныхъ положеній, и если отъ ихъ поданныхъ дойдутъ до правительства жалобы, то деревни у нихъ будутъ взяты подъ коронное управленіе; а потомъ губернаторы должны за такими неумѣренными помѣщиками осо-

бенно надзирать и о невоздержныхъ представлять Сенату: Помѣщики не должны требовать отъ крестьянъ болѣе четырехъ рабочихъ дней въ недѣлю, и въ сутки взыскивать съ крестьянина, чтобъ онъ или испахалъ доброю землею десятину, или накосилъ сѣна три конны, или нарубилъ однополѣнныхъ дровъ полторы сажени, не болѣе; величина же оброка не должна превышать двухъ рублей. Наконецъ когда будутъ избираться люди въ пограничные градоначальники, то кромѣ особенныхъ способностей, надобно обращать вниманіе и на хорошее по европейскому обычаю воспитаніе ²⁵⁵.

Мнѣнія эти не могли облегчить разрѣшеніе тяжелаго вопроса. Екатерина знала причины печальнаго явленія и напряженно, какъ увидимъ, думала о ихъ устраненіи; но помощи не находила. Легко было сказать, что надобно издать постановленіе о томъ, какъ бы приманить рекрутъ къ службѣ и для семействъ ихъ сдѣлать разлуку съ ними не столь тяжкою: но въ чемъ должно было состоять это постановленіе — не говорилось. Люди, которые считали себя образованными и требовали этого образованія отъ другихъ, должны были знать, что еще по указу Петра Великаго у помѣщиковъ, притѣснявшихъ и разорявшихъ своихъ крестьянъ, отнимали ихъ. Дѣло было не въ указахъ, а въ ихъ исполнителяхъ, которыхъ не было, образованія которыхъ надѣялись еще въ будущемъ, а между тѣмъ коммиссія о вольности дворянства отстраняла вопросъ о содѣйствіи дворянъ правительству, объ обязанностяхъ неслужащихъ землевладѣльцевъ, толкуя о необходимости для русскаго дворянина служить въ разныхъ иностранныхъ государствахъ, служить, по словамъ старой пѣсни, «въ семи ордахъ семи королямъ,» толкуя, что благодаря воспитанію честь такъ развита, что заставляеть служить и безъ другихъ побужденій, тогда какъ воспитаніе было только въ зародышѣ и ничего еще развить не могло; а между тѣмъ старшій членъ коммисіи требовалъ безпредѣльной власти помѣщика надъ крестьянами, да и въ мнѣніи Панина, который рѣзко выставлялъ вредъ этой безпредѣльной власти, рекомендовалось *секретное* примѣрное постановленіе о томъ, чего долженъ требовать помѣщикъ отъ крестьянина!

Екатерина выслушивала всѣ мнѣнія, и убѣждалась все болѣе и болѣе, что полезныя мѣры для улучшенія народнаго быта

могутъ быть приняты только въ связи другъ съ другомъ, при общемъ устройствѣ государственнаго организма, при чемъ должны быть выслушаны не отрывочныя мнѣнія того или другого отдѣльнаго лица, но мнѣнія всѣхъ заинтересованныхъ частей. Но пока этотъ планъ всесловной комиссіи новаго уложенія зрѣлъ въ головѣ воспитанницы европейской политической науки XVIII вѣка, самолюбіе владычицы могущественнаго государства не могло переносить того, что сосѣднее слабое государство безнаказанно позволяло себѣ постоянно уводить часть населенія у сильнаго сосѣда, издѣваясь надъ его жалобами и требованіями. Въ августѣ Сенатъ получилъ указъ императрицы: въ Польшѣ многіе русскіе укрываются и въ областяхъ ея и в. производятъ великіе разбои; поляки на наши жалобы не обращаютъ никакого вниманія, подговариваютъ къ побѣгу, насильно удерживаютъ бѣглыхъ и не выдаютъ разбойниковъ. Сенатъ въ Москвѣ подавалъ докладъ, чтобъ въ Польшу и Литву послать нарочно и скрытно воинскія команды для забранія разбойниковъ и бѣглыхъ. Подобное представленіе сдѣлано было ея и. в.—ству и прежде; но тогда императрица велѣла обождать, чтобъ не разорвать сосѣдственную дружбу; теперь же ея и. в. видитъ, что снисхожденіе и умѣренность обращаются во вредъ и разореніе подданныхъ ея и потому соизволяетъ на посылку команды.²⁵⁶ По этому указу отправился за польскую границу генераль-майоръ Масловъ съ отрядомъ; 7 октября онъ возвратился и привелъ бѣглыхъ мужескаго пола 1013, женскаго 512, всего 2027 душъ.²⁵⁷ Но въ томъ же мѣсяцѣ внутри Россіи былъ пущенъ въ народъ фальшивый указъ императрицы въ Сенатъ: «Время уже настало, чтобъ лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаютъ Божій законъ и государственныя права и въ томъ много чинятъ россійскому государству недобро. Прадѣды и праотцы россійскаго государства монархи ихъ жаловали вотчинами и деньгами награждали, и они въ томъ забыли, что во истину дворянство было въ первомъ классѣ, а нынѣ дворянство вознеслось, что въ послушаніи быть не хотятъ, тогда впредь было въ Россіи, когда любезный монархъ Петръ Великій царствовалъ, тогда весьма предпочитали законъ Божій и государственныя права крѣпко наблюдали. А нынѣ правду всю изри-

нули да и изъ Россіи вонъ выгнали, да и слышать про нее не хотять, что російской народъ осиротѣлъ, что дѣти малыя безъ матери осиротѣли. Или онымъ дворянамъ не умирать, или имъ предъ Богомъ на судѣ не быть? Такой же имъ судъ будетъ, его же мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ. Екатерина». ²⁵⁸

Съ конца 1761 года шло дѣло о новой ревизіи. Екатерина такъ рассказываетъ о рѣшеніи этого дѣла: «Возвратясь въ Петербургъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1763 года, спустя нѣсколько времени побѣхала я въ Сенатъ. Слушали дѣло о новой ревизіи, которой двадцатилѣтній срокъ настоялъ, потребовали отъ меня повелѣнія нарядить ревизоровъ по всей имперіи и безсчетныя воинскія команды; считали, что менѣе 800,000 рублей ревизія не станеть. Сенаторы въ разговорахъ между собою упоминали о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, которыя ревизія за собою повлечеть, о побѣгахъ въ Польшу и за границу ревизскихъ душъ, о ущербѣ имперіи отъ всякой ревизіи, почитая однакожь всё ревизію за нужную вещь. Я слушала весьма долго все что говорили. Господа Сенатъ наконецъ, уставъ говорить, замолчали; тогда я спросила, на что таковой нарядъ войскъ и тягостныя суммы для казны? Нельзя ли инако? Миѣ сказали: такъ дѣлывалось прежде. Я на сіе отвѣтствовала: а миѣ кажется вотъ какъ: публиковать по всей имперіи, чтобъ каждое селеніе послало о наличномъ числѣ душъ реестръ въ свою воеводскую канцелярію, чтобъ канцеляріи прислали въ губерніи, а губерніи въ Сенатъ. Человѣка четыре сенаторовъ встали, представляя миѣ, что прописныхъ будетъ безъ числа. Я имъ сказала: поставьте штрафъ на прописныхъ. Паки представляли, что за всѣми уже положенными жестокими наказаніями многое множество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: простите всѣхъ до днесь прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ донинѣ внести въ нынѣшнія ревизіонныя сказки. Здѣсь князь Я. П. Шаховской разгорячаяся, сказалъ: тутъ правосудіе нарушается и винные будутъ наравнѣ съ невинными. Я ревностно объявлялъ и у меня прописныхъ нѣтъ, а кто пользовался прописными, тотъ станеть со мною наравнѣ. Генераль-прокуроръ былъ тогда Александръ Ив. Глѣбовъ. Онъ, слыша у своего стола сей разговоръ и видя горячность кн. Шаховскаго, вскочилъ съ своего стула и, пришедъ ко миѣ, просилъ меня, чтобъ я ему

сказала, какъ мнѣ угодно, чтобъ ревизія сдѣлана была, что мнѣ мнѣ весьма легко было. Онъ все то записать велѣлъ и выработать взялся, что и выполнилъ, и доднесъ ревизіи такъ дѣлаются въ каждомъ уѣздѣ безъ наряда и убытка, прописныхъ нѣтъ и объ нихъ не слышно ²⁵⁹».

Въ сенатскихъ протоколахъ дѣло записано подъ 10 февраля, слѣдовательно въ Москвѣ, а не по возвращеніи двора изъ нея. Въ присутствіи императрицы слушано о начатой вновь въ 1761 году ревизіи дѣло, по коему значитъ, что въ 1761 году декабря 20 опубликованными отъ Сената во всемъ государствѣ указами велѣно о числѣ душъ собрать сказки по посланнымъ изъ Сената при указахъ формамъ въ губернскихъ провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ при платежѣ подушныхъ денегъ отъ публикованія тѣхъ указовъ въ 5 мѣсяцахъ, *а нарочныхъ ревизоровъ не посылать*, которыхъ сказокъ нѣсколько уже и собрано; а какъ потомъ Прав. Сенату извѣстно стало, что въ городахъ отъ канцелярій происходили невольнительныя великія сказконодателямъ приманки, затрудненія и тягости, то въ уваженіе сихъ обстоятельствъ 1762 года іюля 31 Сенатъ взяты сказокъ съ тѣхъ, кто еще не подалъ, остановилъ впредь до указа; но какъ окончаніе ревизіи весьма есть нужно, то ея и. в—ство повелѣла подачу сказокъ оканчивать и учинить слѣдующее: 1) чтобъ сказконодатели ни малѣйшей тягости не чувствовали, то вольно, написавъ сказку, подать самому или послать, запечатавъ и написавъ на пакетѣ на имя губернатора или воеводы, и чтобъ не было ошибки разослать печатные листы безденежно по всемъ церквамъ для раздачи обывателямъ, и кто пожелаетъ купить по 8 листовъ на копѣйку, тѣ деньги священники могутъ употреблять на церковныя потребности. 2) Кто утаитъ, съ такимъ поступать настрояйшимъ образомъ: помѣщика лишать всѣхъ чиновъ и изъ числа честныхъ низвергнуть; съ прикащиками и старостами поступать по указамъ.

Не выпустить платящаго и рабочаго человѣка за границу, не пропустить въ ревизіи, возвратитъ бѣгло, призвать добровольнаго колониста — все это для того, чтобъ увеличить число плательщиковъ, наполнить скудную казну государственную. Въ февралѣ императрица писала Глѣбову: «Въ Ригѣ генералитетъ не имѣетъ уже мѣсяцевъ десять жалованья; рядовые солдаты

иные по осьми, а иные по шести мѣсяцевъ ничего не получали. Жалобы происходятъ великія; да и хорошаго послушанія требовать не можно, если солдатъ служить безъ жалованья. Многіе офицеры, отправленные къ отставкѣ въ Россію, не получивъ ни полунки заслуженнаго жалованья, уѣзжать оттуда принуждены ²⁰⁰.

Не получали стараго жалованья, а между тѣмъ признано было необходимымъ увеличить жалованье чиновникамъ, чтобъ не было оправданія лихоимству. Сенатъ получилъ указъ: сыскать на штаты денегъ полтора милліона рублей. Прежде было рѣшено сбавить еще по гривнѣ съ пуда соли, и Сенатъ придумалъ, чѣмъ вознаградить этотъ убытокъ; но теперь эти новые доходы пошли на штаты, а соль должна была продаваться по прежней цѣнѣ, по 40 коп. пудъ. Кромѣ того Сенатъ опредѣлилъ на штаты слѣдующіе сборы: 1) съ продаваемаго изъ кабаковъ вина по 30 коп., съ пива и меда по 5 коп. на ведро, что по сложности съ 1750 по 1761 годъ должно было составить 452,565 рублей, отъ пива и меду 182,557 рублей, итого 635,122 рубля, ибо «та продажа, говорилъ Сенатъ, вольная, къ народному отягощенію не касающаяся». 2) Съ поборовъ при явкѣ крѣпостей, съ земли по 3 коп. съ четверти; также съ пошлинъ при писемѣ и совершеніи крѣпостей. 3) Съ явки пивъ и поливѣ. 4) Съ герберговъ (гостинницъ). 5) Съ векселей. 6) Съ челобитенъ. 7) Съ переоброченія вновь по высшимъ цѣнамъ амбаровъ, лавокъ, кузницъ и прочихъ оброчныхъ мѣстъ. 8) Съ фабричныхъ становъ. 9) Съ заводскихъ домовъ. 10) Съ увеличенной пошлины съ покормежныхъ паспортовъ. 11) Съ патентовъ. 12) Съ дипломовъ. 13) Съ вѣчныхъ памятей. 14) Съ заклеяменія кубовъ. 15) Съ переоброченія мельницъ. 16) Съ прибылыхъ пошлинъ съ потаенныхъ раскольниковъ. 17) Со взятія клея въ казенную продажу. 18) Двѣ копейки съ рубля, платимыя при отдачѣ подушныхъ денегъ на жалованье находящимся при сборѣ лицамъ, должны идти также на штаты. 19) Съ увеличенія цѣны на гербовую бумагу, которая должна продаваться вдвое дороже ²⁶¹.

Въ слѣдствіе этихъ указаній Сената, 15 декабря изданъ былъ манифестъ о новыхъ штатахъ: «къ крайнему нашему огорченію и прискорбности, изъ повседневныхъ обстоятельствъ принуждены мы видѣть, что многіе наши вѣрноподданные отъ разныхъ су-

дебныхъ правительствъ, а особливо въ отдаленныхъ отъ резиденціи нашей мѣстахъ, не только не получаютъ въ дѣлахъ своихъ скорого и справедливаго по законамъ рѣшенія, но еще отъ насилія и лихоимства или, лучше сказать, отъ самыхъ грабежей во всеконечное разореніе и нищенство приходятъ. Правда, хотя къ прекращенію сего еще съ самыхъ временъ государя Петра Великаго дѣланы были по состоянію тогдашнихъ обстоятельствъ нѣкоторыя учрежденія, и потому и всѣ строгости законовъ употребляемы были, но недовольно произошли желаемые успѣхи. Частію видится отъ того, что не всегда съ надлежащимъ и прилежнымъ разсмотрѣніемъ опредѣлялись судящіе къ мѣстамъ безъ всякаго званія и способности, коими потому и дѣйствовали ихъ подчиненные, частію жъ и отъ того, что со всѣмъ люди не только съ нѣкоторымъ достаткомъ, но ниже имѣя дневное пропитаніе, отсылались къ дѣламъ, не получая притомъ никакого жалованья, и немного лучше, какъ бы немущіе въ богадѣльнѣ для одного только пропитанія, а не для исправленія дѣлъ; и по истинѣ сказать, казалось, что всякій живетъ только для себя, не помышляя о добрѣ общемъ. Мы находимъ ко истребленію упомянутой гибели справедливѣйшее и ближайшее средство: всѣ судебныя мѣста наполнять достойными въ знаніи и честными людьми; а чтобъ прямо таковыхъ имѣть, то необходимо нужно дать имъ къ безбѣдному пропитанію по мѣрѣ каждаго довольное жалованье; въ слѣдствіе чего мы не только коллегіямъ и канцеляріямъ, но губерніямъ, провинціямъ и городамъ по состоянію каждаго мѣста и входящихъ въ оныя дѣлъ постановили и утвердили штаты ²⁶³.

Новые штаты не позволили уменьшать цѣну соли, относительно которой Сенатъ подалъ докладъ, что пермская соль въ казну приходитъ дешевле, да и народъ охотнѣе ее употребляетъ, чѣмъ элтонскую; баронамъ Строгоновымъ и Пескорскому монастырю въ Нижнемъ выдается $8\frac{1}{10}$ коп., и болѣе изъ казны никакихъ расходовъ не бываетъ, содержится соль въ ихъ магазинахъ за ихъ усышкою и утечкою, а элтонская соль ставится и содержится совершенно на казенномъ коштѣ, и по сложности за поставку до Нижняго элтонская и илецкая соль пришлись по 17 коп. пудъ. Поэтому пермскимъ промышленникамъ платить по 10 коп. за пудъ съ тѣмъ, чтобъ они построили пильныя мель-

ницы, своимъ коштомъ, и возили соль на судахъ, сдѣланныхъ изъ пильнаго, а не изъ топорнаго тесу, и ставили бы соль не опредѣляя количества, а сколько могутъ. Соляная контора умножаетъ поставку той соли, которая обходится дешевле, и когда контора усмотритъ, что поставку пермской соли надобно уменьшить или вовсе прекратить, то дастъ знать промышленникамъ за часъ до наступленія новаго завара; равно, если промышленники пожелаютъ уменьшить поставку, то должны объ этомъ давать знать въ контору за годъ, чтобъ можно было запастись другою солью. Здѣсь подлѣ элтонской соли поставлена илецкая. Медицинская канцелярія объявила, что по испытаніи въ соленин мяса и рыбы илецкая соль оказалась хорошаго качества. Оренбургскій губернаторъ Волковъ представилъ, что эта соль считается лучшею въ мірѣ; но Главная Соляная Контора донесла, что илецкая соль явилась въ большихъ и мелкихъ глыбахъ вся въ пыли, а на нѣкоторыхъ глыбахъ грязь и соръ и часть песку, который и отдѣлнить начисто отъ соли нельзя, и изъ мелкой соли выбрать сору также нельзя. Сенатъ потребовалъ, чтобъ соль была прислана къ нему на пробу и приказалъ Волкову ѣхать на то мѣсто, гдѣ соль ломается, и осмотрѣть, въ какомъ она состояніи, сама ли собою нечиста или дурной видъ ея произошелъ на пути отъ небреженія ²⁵³.

Въ тѣсной связи съ финансовыми вопросами находилоя вопросъ о торговлѣ. Взглядъ свой на торговлю Екатерина высказала въ письмѣ къ Ив. Ив. Неплюеву изъ Москвы отъ 10-го іюня: «Таможенные откупщики жалобу приносятъ на стат. сов. Яковлева о вымышляемомъ притѣсненіи не токмо имъ откупщикамъ, но и всей коммерціи: которому (т. е. Яковлеву) однакожъ съ товарищи не внако надсмотръ надъ ними порученъ, какъ съ тѣмъ нашимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ поступалъ, не разрушая благосостоянія коммерціи; вы сами знаете, что коммерція по большей части процвѣтаетъ вольностію и свободою, и что нашего никогда намѣренія не было такія строгости въ сіе откупное коммерческое дѣло вводить, чтобъ одни тутъ приказные порядки наблюдаемы были; но главный предметъ нашъ тотъ, чтобъ такимъ или другимъ образомъ, только бѣ интересъ нашъ, положенный на откупщиковъ, въ казну нашу доходилъ, а въ порядкахъ, каковыя оными откупщиками учреждаются для сборовъ, отнюдь имъ, яко

знающимъ торгъ и купечество, помѣшательства не дѣлать. Коммерція есть дѣло по натурѣ своей такое, что одного часа по-периодичнымъ учрежденіемъ кредитъ ея повреждается, который многими годами трудно напослѣдокъ бываетъ возстановить. Сего ради изволите сіе дѣло въ конторѣ сенатской немедленно раз-смотреть²⁶⁴. Но не смотря на то, что въ данномъ случаѣ Екатерина считала необходимымъ оказать защиту таможеннымъ откупщикамъ, вообще она была противъ откупной системы. Сенатъ доложилъ о карачевскомъ купцѣ Суловѣ, что онъ желаетъ взять на 6 лѣтъ на откупъ продажу иностранныхъ и русскихъ игральныхъ картъ съ платежемъ въ казну каждый годъ по 60.000 рублей. Екатерина замѣтила: «Чортъ его возьми съ откупомъ: всѣхъ купцовъ тревожите и скажутъ, что въ Сенатѣ есть склонность къ откупамъ²⁶⁵». Въ концѣ года данъ былъ указъ Неплюеву, князю Якову Шаховскому и графу Миниху, чтобъ они рассмотрѣли коммерцію російскаго государства и купечество; а такъ какъ по важности этой комиссіи и сама императрица въ ней бывать будетъ, то комиссія должна состоять въ единственномъ вѣдѣніи и покровительствѣ ея и. в.—ства. Дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ Тепловъ²⁶⁶. Нашли нужнымъ назначить консула въ Польшу, и Сенатъ опредѣлилъ смоленскаго мѣщанина Давыдова; по примѣру консуловъ, назначаемыхъ въ Персію, Сенатъ назначилъ Давыдову жалованья 500 рублей въ годъ, да въ прибавокъ съ купечества 1500 рублей. Екатерина написала на докладѣ: «Помнитея, что купечество астраханское само консуламъ въ Персіи опредѣлило жалованье, къ тому отъ насъ прибавкою 500 рублей, а тако и нынѣ купечеству на волю отдать, сколько оно Давыдову опредѣлить похочеть, а надобны ли ему два или только одинъ подъячій? чтобъ миновать напрасныхъ убытковъ». Консуломъ въ Персію назначенъ былъ по просьбѣ московскаго и астраханскаго купечества симбирскій купецъ Илья Игумновъ; другого консула туда же Сенатъ велѣлъ также выбрать московскому и астраханскому купечеству²⁶⁷. Въ Сенатѣ происходилъ споръ: хотѣли увеличить число мѣдныхъ денегъ; но князь Яковъ Шаховской былъ противъ этого увеличенія. Императрица написала: «Я не могу согласиться съ мнѣніемъ кн. Шаховскаго о мѣдной монетѣ, и не могу признать, чтобъ описанныя имъ вредности столь важны были, для которыхъ бы

мѣдную монету не умножать вѣсомъ по 16 рублей изъ пуда, а до надлежащей пропорціи по числу обитателей въ нашей имперіи, понеже вѣсѣмъ извѣстно, сколь мало еще въ народѣ денегъ, а особливо мѣдныхъ, хотябъ исчислить и со времянь царя Алексѣя Михайловича, то ни по пяти рублей на всякаго человѣка живущаго въ имперіи нашей не придетъ. И то не великая бѣда, буде бы изъ города въ городъ партикулярные люди перестали деньги возить возами, а переводилибъ чрезъ вексели, къ чему потребны по разнымъ мѣстамъ большіе государственные банки, банковъ же безъ большаго числа денегъ учредить не можно, и банкъ не что иное, какъ вѣрное хранилище денегъ. Дурное же предъ симъ учрежденіе въ государствѣ нашемъ мѣдныхъ банковъ не можетъ служить примѣромъ, понеже худой примѣръ не законъ, но законы должны истреблять оный, а Прав. Сенатъ, какъ хранилище законовъ, не допустить до вреда, сверхъ того и я еще жива ²⁶⁸».

Затруднительное положеніе финансовъ заставило съ особеннымъ удовольствіемъ принять проектъ Бецкаго объ основаніи въ Москвѣ Воспитательнаго дома, какъ учрежденія, которое должно было содержаться на добротныя пожертвованія. Князь Як. Шаховской, Панинъ и графъ Минихъ (дѣйств. тайн. совѣт.), разсматривавшіе и одобрившіе проектъ, прежде всего выставили, что «основаніе и содержаніе онаго дома учреждается на единомъ самоизвольномъ подаваніи отъ публики, и потому не можетъ быть ни въ малѣйшее отягощеніе штату в. н. в—ства, ниже подданнымъ вашимъ ²⁶⁹». При заботѣ о дѣтяхъ, надобно было позаботиться и о взрослыхъ. Генераль-прокуроръ Глѣбовъ объявилъ Сенату, что въ петербургскомъ генеральномъ гошпиталѣ больныхъ 671 человѣкъ, и между ними болѣе двухъ частей одержимы францъ-венерією, которую получаютъ отъ непотребныхъ женщинъ. По мнѣнію Глѣбова, надобно было ко вѣсѣмъ воинскимъ командамъ послать указы—которые изъ воинскихъ чиновъ въ этой болѣзни найдутся, такихъ допрашивать, отъ кого ее получили, и тѣхъ женщинъ велѣть сыскивать, осматривать, и если найдутся одержимы тою болѣзнію, лѣчить ихъ на казенный счетъ, а по излѣченіи отсылать въ Нерчинскъ на поселеніе или въ другое мѣсто, солдатскихъ женъ отдавать мужьямъ съ росписками и подтвержденіемъ, чтобъ ихъ содер-

жали и до непотребства не допускали, а помѣщичьихъ и прочихъ посылать къ ихъ владѣльцамъ. Сенатъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, прибавивъ о крѣпчайшемъ наблюденіи, чтобъ женщины не были напрасно оклеветаны ²⁷⁰. Для усиленія медицинскіхъ средствъ въ концѣ года учреждена была особая медицинская коллегія, первымъ президентомъ которой былъ отставной гвардіи капитанъ баронъ Александръ Черкасовъ ²⁷¹.

Обычное русское бѣдствіе не замедлило потребовать заботъ отъ новаго царствованія. 22-го апрѣля сгорѣла Старая Руса. 12-го мая пожаръ истребилъ Тверь: сгорѣло обывательскихъ дворовъ 832, людей 33 человекъ, сгорѣли — канцелярія, дворецъ, острогъ, архіерейскій и воеводскій дома. Сенатъ распорядился выдать погорѣвшимъ 100,000 рублей на десять лѣтъ безъ процентовъ, да на 100,000 рублей заготовить изъ казны же матеріаловъ для каменнаго строенія; эту сумму — 200,000 рублей надѣлать мѣдною монетою въ прибавку къ прежде опредѣленному числу по 16 рублей изъ пуда, отъ чего казнѣ никакого убытка не послѣдуетъ. Подушныхъ денегъ съ погорѣвшихъ не взыскивать три года; кто работать не въ состояніи, тѣмъ выдать хлѣба безденежно; въ городѣ строить дома каменные только по плану, а въ предмѣстіи и деревянные, только чтобъ между домами были сады, огороды или переулки; какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстіи оставить пустыя мѣста для площадей. Для распоряженій по этому возобновленію Твери отправился туда Бецкій. 25-го іюня сгорѣла Устюжна ²⁷².

Большихъ заботъ требовали украины. Жалобы на притѣсненія, претерпѣваемые сибирскими инородцами, не переставали въ продолженіе 130 лѣтъ, почти въ каждое царствованіе въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ заявлялось объ этихъ притѣсненіяхъ. Такое же заявленіе получилъ Сенатъ 6-го февраля въ именномъ указѣ: «Извѣстно намъ, что во всей сибирской губерніи и иркутской провинціи положенный ясакъ съ тамошнихъ жителей съ крайнимъ отягощеніемъ и безпорядкомъ собираютъ, или, справедливѣе сказать, посылаемые для сбора ясака сибирскіе дворяне, козаки и дѣти боярскіе не настоящіе положенные ясаки въ казну нашу собираютъ, но безсовѣстнымъ образомъ всѣхъ таковыхъ безгласныхъ и беззаступныхъ ясачныхъ, какъ-то: Якутовъ, Тунгусовъ, Чукчъ, братскихъ козаковъ (Бурятъ) и прочихъ наро-

довъ грабятъ и до конца разоряютъ». Для отвращенія всѣхъ упомянутыхъ вредностей, Сенату повелѣвалось отправить въ Сибирь гвардейскаго капитана Щербакова ²⁷³.

Съ 1736 года введена была римская система, учреждено поселеніе отставныхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ Казанской губерніи по Закамской линіи и въ пригородкахъ: Новомашминску, Заинску, Тиньску. Въ описываемое время оказывалось, что поселенцевъ было 1477 человекъ, при нихъ дѣтей одного мужскаго пола 3489 душъ, поселенцы жили на выгодныхъ, плодородныхъ земляхъ, пользуясь ими безъ всякихъ податей. Теперь на тѣхъ, которые жили тамъ болѣе 5 лѣтъ, наложена была обязанность: каждые десять дворовъ должны были построить дворъ для новоприбывающихъ поселенцевъ, для большаго приохочиванія послѣднихъ, чтобъ они по приходѣ не бродили праздно и не тратили время. Въ каждой слободѣ не должно быть болѣе 100 дворовъ; новоприбывшему отводится земля въ количествѣ отъ 20 до 30 четвертей и два первые года дается солдатскій провіантъ, кромѣ того для обзаведенія дается рожь, овесъ и по 8 рублей денегъ; но деньги въ руки не давались, а велѣно было изъ поселенцевъ же быть выборнымъ надежнымъ людямъ, которые и должны покупать все нужное для обзаведенія. Дѣтей поселенцевъ не велѣно было брать въ рекруты и вносить въ подушный окладъ, «чтобъ въ поселеніи своемъ лучше укрѣпиться и экономію свою утвердить могли». На томъ же основаніи рѣшено было устроить поселенія въ Сибири, и такъ какъ тамъ еще никого не было, то дома для поселенцевъ велѣно строить отъ казны ²⁷⁴.

Мы видѣли, что Екатерина рѣшила вызвать иностранныхъ поселенцевъ и видѣли, что Петр. Ив. Панинъ совѣтовалъ назначить особыхъ довѣренныхъ людей для завѣдыванія устройствомъ колонистовъ, иначе будетъ мало охотниковъ переселяться въ слѣдствіе дурныхъ слуховъ о правосудіи въ Россіи. Именнымъ указомъ Сенату отъ 22 іюля учреждена была «канцелярія опекунства иностранныхъ» и президентомъ ея былъ назначенъ генераль-адъютантъ и дѣйств. камергеръ графъ Орловъ (Григорій). Иностранные поселенцы, пріѣхавъ въ Россію, должны были явиться въ эту канцелярію и объявить — хотятъ ли записываться въ купцы, мѣщане и цеховые, или селиться колоніями

и мѣстечками на свободныхъ и выгодныхъ для хлѣбопашества земляхъ. Всѣ они имѣютъ свободное отправление вѣры по ихъ уставамъ и обрядамъ; въ своихъ отдѣльныхъ колоніяхъ могутъ строить церкви и колокольни, имѣть потребное число пасторовъ и прочихъ церковнослужителей, только не могутъ строить монастырей. Они ни подъ какимъ видомъ не могутъ привлекать къ своему исповѣданію другихъ христіанъ, живущихъ въ Россіи; но могутъ обращать въ христіанство магометанъ и дѣлать ихъ себѣ крѣпостными. Поселенцы свободны отъ всякихъ податей, службъ и налоговъ — земледѣльцы на 30 лѣтъ, горожане, записавшіеся въ Петербургѣ и мѣстахъ, пріобрѣтенныхъ по Ништадтскому миру, также въ Москвѣ, на пять лѣтъ, а въ другихъ городахъ на 10 лѣтъ. Каждому давалось вспоможеніе деньгами безъ процентовъ, съ уплатою въ три года и то по прошествіи 10 лѣтъ. Поселившимся особыми колоніями и мѣстечками оставялась внутренняя юрисдикція въ ихъ благоучрежденіе, русскіе начальники во внутреннихъ распорядкахъ колонистовъ никакого участія не имѣли ²⁷⁵.

Въ то время какъ учреждалась канцелярія опекунства иностранныхъ, надобно было измѣнить управленіе славянскими колонистами, населившими при Елисаветѣ Новую Сербію. Знаменитый выводчикъ колоніи, Хорватъ позволилъ себѣ разнуздаться на украинѣ. Мы видѣли, что сначала жалобамъ на него не хотѣли вѣрить въ Петербургѣ, но еще при Елисаветѣ должны были нарядить слѣдствіе. При Петрѣ III, 21-го марта учреждена была коммиссія по дѣлу Хорвата; ²⁷⁶ рассказываютъ, что въ это время большими подарками знатнымъ лицамъ онъ успѣлъ остановить дѣло ²⁷⁷; но при Екатеринѣ оно опять началось. Нашли, что онъ употребилъ въ противныя указамъ расходы 64999 рублей казенныхъ денегъ, ²⁷⁸ и деньги эти велѣно возвратитъ въ казну чрезъ продажу его имѣнія; отъ управленія дѣлами ново-сербскихъ поселеній Хорвата, разумѣется, отрѣшили, и на мѣсто его былъ назначенъ, какъ мы видѣли, генераль-поручикъ Мельгуновъ, на помощь которому былъ приданъ бригадиръ Зоричъ, какъ человекъ, знающій нравы и обычаи поселенцевъ. Мельгуновъ былъ поставленъ однако подъ главное начальство кіевского генераль-губернатора; что же касается военныхъ дѣлъ, то ново-сербскому корпусу, какъ людямъ воинскаго званія, велѣно быть

подъ вѣдомствомъ военной коллегіи. Такъ какъ число выходцевъ изъ указныхъ народовъ (сербскаго, болгарскаго, волошскаго и македонскаго) оказалось не велико, то вѣдно принимать возвращающихся изъ Польши бѣглыхъ, какъ малороссіянъ, такъ и великороссіянъ и всякой народности людей, «дабы тамошнія пустыя мѣста, какъ по пограничности нужныя, сколько возможно, настоящимъ кордономъ заселить и умножить ²⁷⁹».

Запорожье и Донъ были спокойны; но старая козацкая жизнь съ ея обычаями и притязаніями видимо отливала отъ запада къ востоку, и начинались движенія на далекомъ Яикѣ. Въ самомъ началѣ года въ Яицкомъ городкѣ подъ дирекцію генерал-майора Брахвелта учреждена комиссія для изслѣдованія о поступкахъ атамана Бородина, который обвинялся въ излишнихъ денежныхъ сборахъ съ козаковъ и въ удержаніи у нихъ денежнаго жалованья, пороха и свинца; комиссія должна была изслѣдовать также о своевольствахъ старшины .Логинова, который позволялъ себѣ развратныя и непристойныя толкованія посылаемыхъ къ Яицкому войску указовъ. Дѣло началось въ слѣдствіе жалобы, поданной козаками императрицѣ на военную коллегію. Но въ то же время султанъ меньшей киргизской орды прислалъ просить канцлера, нельзя ли смѣнить Бородина и на его мѣсто позволить Яицкому войску выбрать добраго и умнаго человѣка. Когда въ степяхъ узнали о смѣнѣ Бородина, то въ Москву явилось двое яицкихъ козаковъ съ письмомъ къ канцлеру отъ того же киргизскаго султана. «Нѣкоторыя просьбы наши, писалъ султанъ, приняты, Андрей Бородинъ отставленъ, чѣмъ я много доволенъ; но слышу, будто полученъ изъ военной коллегіи указъ быть атаманомъ одному старшинѣ изъ команды мужика и пришлеца атамана Могутова; но Яицкое войско, съ зачатія Яицкаго городка отъ 40 козаковъ, выбирало атамана всегда между собою; козаки за великую себѣ обиду и поруганіе будутъ считать, если ихъ отдадутъ въ команду Могутову, да и братъ мой, и я, и весь киргизъ-кайсацкій народъ будутъ этимъ недовольны. Я, услыша о разореніи Яицкаго войска и о горькихъ слезахъ его, не могъ не донести вашему сіятельству, дабы оное войско удовольствовано было». Когда канцлеръ препроводилъ письмо къ императрицѣ, то она написала: «отъ оныхъ козаковъ мнѣ подана челобитна, въ которой прописываютъ нарушенья ихъ правъ

и вольностей отъ военной коллегіи и я о семъ уже писала къ президенту: только сумнительно весьма, что киргисцы объ нихъ просятъ».

Екатерина думала, что русскихъ силъ на восточной украинѣ недостаточно, чтобъ страхомъ держать степные народы въ повиновеніи, и потому писала канцлеру: «Михайла Ларіоновичъ! Оренбургскій губернаторъ между прочимъ ко мнѣ пишетъ о чинимыхъ въ пути до Оренбурга иностраннымъ купцамъ отъ киргизскаго народа остановкахъ и притѣсненіяхъ: и тако прикажите коллегіи, чтобъ она не умедля употребила съ онымъ киргизскимъ народомъ пристойныя средства, коими бы такія чинимыя обиды и притѣсненія отвращены были». А потомъ прибавила: «Всего лучше бы съ ними договариваться, дабы они хоть за деньги проводили безопасно караваны».

Кромѣ Киргизовъ, безпокоили и Калмыки. Вдова извѣстнаго намъ хана Дундука-Омбы въ царствованіе Елисаветы приняла крещеніе съ троици сыновьями и названа Вѣрою. Въ 1762 году она стала проситься въ родныя степи, выставляя свою старость и нездоровье; но прямо въ степи ее не отпустили, а позволили жить съ сыномъ Алексѣемъ, въ Енотаевскѣ, при чемъ надзирававшему надъ Калмыками бригадиру Бехтѣеву было приказано не пускать ее въ калмыцкіе улусы, также смотрѣть, чтобъ она не сносилась съ калмыцкими попами и не держала ихъ при себѣ. Бехтѣевъ донесъ, что калмыцкіе попы находятся при княгинѣ съ самаго ея пріѣзда въ Енотаевскъ, и, судя по калмыцкимъ обрядамъ, которые происходятъ въ ея домѣ, онъ сомнѣвается, твердо ли она держитъ православную христіанскую вѣру; хотя на первой недѣлѣ великаго поста она и говѣла, но со второй недѣли и даже на страстной недѣлѣ ѣла мясо. Екатерина написала надонесеніи: «Когда княгиня Дондукова жила въ кадетскомъ корпусѣ съ сыновьями, она всегда ѣла мясо, и докторы того корпуса знаютъ, что она рыбы ѣсть не можетъ: и такъ надлежитъ весьма осторожно быть, чтобъ не конфондировать законъ съ тою политикою, которую они, можетъ быть, употребляютъ для приласканія Калмыкъ». Но когда Бехтѣевъ далъ знать, что изъ Енотаевска распущенъ слухъ, будто князь Іона Дундуковъ скоро привезетъ указъ — быть матери его, княгинѣ Вѣрѣ главною правительницею всего калмыцкаго народа, сыну ея Алек-

сѣю ханомъ, а настоящій намѣстникъ ханства Убаша останется только при своемъ наслѣдственномъ улусѣ; что кабардинскій владѣлецъ Касай съ сотнею Черкесъ намѣренъ пріѣхать къ княгинѣ Вѣрѣ въ Енотаевскъ, — то императрица написала: «Видно, что ея интриги далеко простираются. Енотаевскому начальнику или коменданту приказать за матерью и за сыномъ Дондуковымъ смотрѣть, дабы они не ушли, какъ уже и прежде отъ нихъ случилось». Княгинѣ Вѣрѣ отправлена была грамота съ угрозою, что она будетъ взята въ Москву, если не успокоится. Иностранная коллегія подала докладъ, что Дундуковыхъ надобно взять изъ Енотаевска и помѣстить въ Москвѣ, княгинѣ давать жалованье по двѣ тысячи рублей въ годъ, а сыну ея Алексѣю по тысячѣ; кромѣ того за улусы, отошедшіе къ намѣстнику ханства, дать имъ изъ русскихъ деревень каждому душѣ по тысячѣ.

Мы видѣли, что Екатерина назначила оренбургскимъ губернаторомъ Волкова, облакая его полною своею довѣренностію; несмотря на то, Волковъ сначала отказывался отъ этого мѣста, выставя свою несостоятельность при сильномъ соперникѣ, генераль-майорѣ Тевкелевѣ, магометанинѣ, имѣвшемъ важное значеніе среди инородцевъ. Тевкелевъ былъ въ это время въ Петербургѣ. Императрица велѣла вице-канцлеру посоветоваться съ нимъ о киргизскихъ дѣлахъ; но Тевкелевъ объявилъ, что онъ не можетъ подать никакого мнѣнія, пока не будетъ знать, угодно ли императрицѣ послать его на восточную украину; если будетъ посланъ, то подастъ мнѣніе, какимъ образомъ онъ думаетъ поступать, и иначе для другого человѣка мнѣнія написать не можетъ, при чемъ превозносилъ прежнія свои службы. Коллегія доносила: «примѣчено изъ его словъ, что онъ охотно бы поѣхалъ туда; можетъ быть захочетъ онъ получить главную команду въ Оренбургѣ, но кажется, въ разсужденіи его магометанскаго закона, то было бы не весьма прилично». Императрица сказала вице-канцлеру, чтобъ оставилъ Тевкелева въ покоѣ, о Волковѣ же замѣтила, что ему даны достаточныя средства держаться на своемъ мѣстѣ ²⁸⁰.

Въ самомъ концѣ года, именно 27-го декабря пришли неприятныя извѣстія изъ Кіева, доносили, что въ среднихъ числахъ декабря пріѣзжалъ туда старшій канцеляристъ генеральной войсковой канцеляріи Туманскій (родной братъ гене-

рального писаря) по магистратскимъ дѣламъ; но по отъѣздѣ его узнали, что онъ дѣлалъ нѣкоторыя представленія кievскому митрополиту и печерскому архимандриту. Послѣдній разсказалъ, что дѣло шло о челобитной, которую хотѣли подать отъ всего общества, объ избраніи и утвержденіи новаго гетмана изъ сыновей настоящаго гетмана Разумовскаго. Архимандритъ отказался подписать челобитную, а митрополитъ сказалъ: «Кажется гетману и тою высочайшею милостію, которую имѣеть, довольнымъ быть должно». Старшины, кромѣ генеральнаго писаря Туманскаго, не согласились и не подписали; но полковники подписались всѣ, кромѣ черниговскаго Милорадовича. Сочинили челобитную Туманскій да два полковника, Горленко и Хованскій. Содержаніе челобитной было такое: въ прежнее время, съ гетмана Богдана Хмельницкаго, въ гетманы все выбирались новыя лица, въ слѣдствіе чего были безпорядки; поэтому нашли полезнымъ, какъ для ненарушимой цѣлости высокихъ ея и. в. и всей имперіи интересовъ, такъ и для всегдашняго утвержденныхъ малороссійскихъ правъ, вольностей и привилегій сохраненія, и для избѣжанія народу разорительныхъ трудностей, имѣть гетмана всегда отъ такой фамиліи, которая въ непоколебимой своей ко всероссійскому престолу вѣрности болѣе другихъ утверждена. За этимъ слѣдовала похвала Разумовскому: онъ имѣеть высочайшую довѣренность, владѣеть столькими же имѣніями въ великой Россіи, какъ и въ Малороссіи, сыновья его будутъ подражать въ качествахъ и благоведеніяхъ родителю своему: поэтому послѣ нынѣшняго гетмана просятъ объ избраніи въ гетманы его сыновей, по примѣру Юрія Хмельницкаго, избраннаго послѣ отца въ благодарность за услуги послѣдняго Россійской имперіи. По гетманскимъ посылкамъ полковники и полковая старшина съѣхались въ Глуховъ и слушали челобитную въ генеральной канцеляріи. Выслушавъ, нѣкоторые сказали: хорошо; но большинство молчало. Тутъ генеральный судья Дублянскій объявилъ: «теперь-то хорошо, а впредь что будетъ? узнать невозможно, и для того подписывать не буду». Только что онъ это сказалъ, всѣ одинъ за другимъ ушли изъ канцеляріи. На слѣдующій день приказано было опять собраться; собрались и подписались полковники кромѣ черниговскаго, а полковая старшина и старшина генеральная, кромѣ писаря, не под-

писались. Обозный Кочубей сказалъ: «мнѣ нельзя подписывать-ся по свойству». Есаулъ Скоропадскій сказалъ: «Хотя онъ мой шефъ, только я не подпишусь». Хорунжій Апостоль объявилъ: «Есть старше меня, пускай они подписываются». Бунчуковій Тарновскій сказалъ: «я согласенъ съ Скоропадскимъ». Послѣ этого собраніе разошлось ²⁸¹.

Эти явленія на югозападной украинѣ были тѣмъ болѣе не-пріятны, что польскія дѣла требовали особеннаго вниманія.

11 января Симолинъ описывалъ императрицѣ торжественный въѣздъ Бирона въ Митаву; за каретой герцога ѣхало больше пятидесяти каретъ курляндскаго дворянства. Когда Биронъ поровнялся съ русскимъ батальономъ, то встрѣченъ былъ барабаннымъ боемъ, музыкою и пушечными выстрѣлами. «И можно выговорить, писалъ Симолинъ, что такой радости и толь великаго удовольствія здѣшній городъ никогда не видалъ, ибо все то, что слухъ въ движеніе приводитъ, употреблено при семь случаѣ столь много, что нельзя было другихъ разговоровъ разумѣть, понеже ко всѣмъ прочимъ упомянутымъ военнымъ инструментамъ и орудіямъ присовокупилось народное восклицаніе и звонъ колокольный съ церковей, хотя и сіе звона-рямъ отъ принца Карла прещено было». Но полной радости мѣшало то, что Биронъ долженъ былъ остановиться въ домѣ кушца Фермона, потому что дворецъ былъ занятъ прежнимъ герцогомъ. Число дворянъ, представлявшихся Бирону, простира-лось до 500 человекъ обоого пола; не явились только оберъ-раты и члены придворной партіи, число которыхъ простиралось до 20 человекъ. Симолинъ послалъ сказать оберъ-ратамъ, что императрицѣ пріятно будетъ, если и они покажутъ своему го-сударю уваженіе, любовь и послушаніе. На это они отвѣчали, что очень чувствуютъ милость императрицы къ ихъ отечеству, и крайне жалѣютъ, что не могутъ явиться къ герцогу Эрнесту Іогану, потому что это имъ наикрѣпчайше запрещено принцемъ Карломъ, къ которому они, какъ его служители, привязаны при-сягою, и еще сегодня отъ короля родителя его полученъ на имя ихъ и всей земли рескриптъ, которымъ строжайше повелѣ-вается оставаться вѣрными его сыну и не имѣть никакого со-общенія съ герцогомъ Эрнестомъ Іоганомъ и съ чужимъ дво-ромъ подъ лишеніемъ имущества и жизни; а принцу Карлу пред-

писано отъ короля отнюдь не трогаться изъ Митавы. Остальные дворяне просили Симолина представить императрицѣ, нельзя ли какъ-нибудь заставить принца Карла выѣхать изъ Митавы до начала такъ-называемой братской конференціи, которая назначена на 30 января, ибо его присутствіе въ это время причинитъ только препятствія и замѣшательства, у оберъ-ратовъ и земскихъ служителей будутъ связаны руки относительно ихъ присяги.

Для борьбы съ Симолинымъ за принца Карла пріѣхалъ въ Митаву королевскій комиссаръ кастелянъ Липскій и ожидался другой воевода Платеръ. Симолинъ далъ знать оберъ-ратамъ, чтобъ они не имѣли сношенія съ польскими комиссарами, и такъ какъ императрица не признаетъ другаго курляндскаго герцога кромѣ Эрнеста Югана, то не будетъ признавать и тѣхъ оберъ-ратовъ, которые будетъ служить кому-нибудь другому, а не Эрнесту Югану. Угроза подѣйствовала, и оберъ-бургграфъ Оффенбергъ немедленно явился на поклонъ къ Бирону, а другіе пошли къ принцу Карлу и объявили, что если онъ защититъ ихъ не въ состояніи, то они не смѣютъ производить земскія дѣла въ противность Бирону и намѣрены отложить ихъ до сейма; но принцъ застрашалъ ихъ королемъ и велѣлъ исполнять должность. Тогда несчастные оберъ-раты обратились къ Симолину съ просьбою засвидѣтельствовать передъ Бирономъ непоколебимую ихъ преданность и вѣрность въ исполненіи его повелѣній, какъ скоро они освободятся отъ присяги и не увидятъ причины опасаться гнѣва и наказанія отъ короля, что они ждутъ только прямого приказанія императрицы оставить принца Карла; хорошо было бы также, по ихъ мнѣнію, еслибъ принцъ поскорѣе уѣхалъ изъ Митавы.

Потомъ Симолинъ поѣхалъ къ комиссару Липскому и объявилъ ему, что императрица не признаетъ въ Курляндіи никакого другаго герцога кромѣ Эрнеста Югана. Липскій сталъ говорить, что не понимаетъ, какое право имѣетъ Россія на Курляндію, въ которой онъ, Липскій, находится теперь уполномоченнымъ у настоящаго герцога принца Карла; что по прибытіи сюда провѣдалъ онъ, что какой-то Биронъ вѣхалъ въ городъ съ великимъ торжествомъ; что видитъ въ Митавѣ такъ много русскихъ солдатъ, и что съ русской стороны все дѣлается силою, а онъ, кромѣ законовъ, не привезъ съ собою никакого

другого орудія. Симолинъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ къ нему не требовать отвѣта въ его поведеніи, но объявить волю императрицы, а воля эта состоитъ въ соблюденіи правъ и преимуществъ польской республики и здѣшнихъ герцогствъ.—«Я не оспариваю, продолжалъ Симолицъ, что у васъ нѣтъ никакихъ орудій кромѣ законовъ, нарушенныхъ съ вашей стороны, которые императрица въ силу трактатовъ, по сосѣдству и по примѣру своихъ предковъ, обязана охранять; поэтому не будетъ вамъ позволено ни малѣйшаго поступка въ предосужденіе здѣшней земли и ея правъ, и когда на дружескія представленія императрицы при польскомъ дворѣ не оказано никакого вниманія, то остаются способы, какіе употребляются въ крайнихъ случаяхъ для доставленія справедливости обиженной сторонѣ». Но эти слова не успокоили Липскаго, который повторилъ, что будетъ исполнять свои инструкціи.

Чтобъ отнять у комиссара средство исполнять его инструкцію, Биронъ, по совѣту преданнаго ему дворянства, велѣлъ запечатать герцогскую судебную камеру и канцелярію, чѣмъ правительство приведено было въ совершенное бездѣйствіе.

Къ назначенному сроку съѣхалось въ Митаву много дворянъ для братской конференціи. Утромъ того самаго дня, когда началась конференція, Липскій приказалъ на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ прибить копии королевскаго рескрипта, запрещающаго всякія сношенія съ Бирономъ. Пріѣхавшіе въ Митаву литовскій оберъ-егермейстеръ Забѣлло и генералъ Левицкій намѣрены были въ церкви, куда дворянство должно было собраться предъ началомъ конференціи, протестовать противъ всего, что было сдѣлано въ послѣднее время съ русской стороны. Но Симолинъ, опасаясь, какъ писалъ, непостоянства и трусости нѣкоторыхъ дворянъ, велѣлъ снять со всѣхъ мѣстъ прибитые рескрипты, а къ Липскому послалъ напомнить декларацію императрицы и потребовать, чтобъ онъ не вмѣшивался въ курляндскія дѣла, которыя совершенно до него не касаются. Эти распоряженія ободрили дворянство, которое въ церкви, безъ обычнаго крика и шума, выбрало въ директоры преданнаго Россіи человѣка Гейкинга изъ Дурбена, а на другой день отправилось на поклонъ къ Бирону. Симолинъ приказалъ выпроводить изъ Митавы въ Литву Левицкаго за то, что онъ вручилъ инстингаторскіе позывы

къ суду въ Польшу, которые пугали дворянъ. Такъ какъ для конференціи необходимы были оберъ-раты, то собранное дворянство послало звать ихъ какъ старшихъ братьевъ. Но они, кромѣ оберъ-бургграфа Оффенберга, не пріѣхали, отговариваясь болѣзнію; впрочемъ дали знать дворянству, что не смѣютъ присутствовать въ конференціи, когда принцъ Карлъ еще въ Митавѣ, и по ихъ мнѣнію, лучше было бы, еслибъ дворянство послало къ королю челобитную съ описаніемъ послѣднихъ событій и съ просьбою разрѣшить землю отъ присяги принцу Карлу. Часть дворянства требовала, чтобъ поступлено было такимъ образомъ; но Симолинъ, который, по его словамъ, не оставлялъ конференцію при всякихъ трудныхъ ея задачахъ, устроилъ такъ, что составлена была манифестація, гдѣ дворянство, объявляя, что Курляндія желаетъ остаться при польской республикѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ не желаетъ имѣть герцогомъ никого другаго, кромѣ Бирона. Изъ оберъ-ратовъ только одинъ не соглашался признать Бирона, а такъ какъ по законамъ дѣла могли отправляться и тремя оберъ-ратами, то считали, что Биронъ вступилъ въ дѣйствительное обладаніе Курляндіею.

Но принцъ Карлъ жилъ во дворцѣ, а Биронъ въ частномъ домѣ, и какъ ни старался послѣдній вмѣстѣ съ Симолинымъ уговорить дворянство, чтобъ оно потребовало у принца Карла очищенія дворца и въ то же время обратилось къ императрицѣ съ просьбою о защитѣ, дворянство никакъ не соглашалось: «воелвку, писалъ Симолинъ, вперены у нихъ законы ихъ, прямымъ нарушеніемъ которыхъ они и сей пунктъ разумѣютъ». 15 апрѣля собрались къ принцу Карлу изъ деревень его приверженцы, человекъ 18; вечеромъ онъ со всѣми ними ужиналъ у старостины Корфъ, гдѣ и простился съ ними, увѣряя въ скоромъ своемъ возвращеніи и уговаривая остаться ему вѣрными; а на другой день рано утромъ выѣхалъ въ Варшаву со всѣмъ дворомъ, оставя для охраненія своихъ интересовъ двоихъ польскихъ сенаторовъ Платера и Липскаго. Какъ только Симолинъ узналъ объ отъѣздѣ принца Карла, то немедленно послалъ подполковника Шредера занять дворецъ, что и было исполнено; а 14 іюля уѣхали сенаторы Платеръ и Липскій. Мѣсто для Бирона было совершенно очищено ²⁸².

Разумѣется, эти явленія производили все большее и большее

раздраженіе между русскимъ и польскимъ дворами. 21 февраля Екатерина писала Воронцову: «Надлежитъ писать къ графу Кейзерлингу, что я при теперешнихъ обстоятельствахъ съ великимъ удивленіемъ слышу, что при польскихъ близъ Курляндіи и Лифляндіи границахъ собирается войско, что на то я индифферентными глазами смотрѣть не буду, и терпѣть не могу, чтобъ присвоилъ себѣ оный дворъ выйтить изъ узаконеній своего королевства, которыя королю не позволяютъ безъ сейма собирать на чужой границѣ войско; а если оное собраніе войскъ дѣлать обезпочить законнаго курляндскаго герцога Эрнста Іоанна, то я имъ объявляю, что я королевскую власть безъ сейма надъ онымъ не признаю, и все что безъ республики сдѣлано будетъ въ ономъ дѣлѣ, приму какъ нарушеніе польской вольности, которой гарантію я имѣю и защищать намѣрена, а герцога Эрнста Іоанна въ свое покровительство принимаю, какъ незаконно утѣсненнаго владѣтеля».

Августъ III прислалъ въ Москву уполномоченнаго для ходатайства за сына у императрицы; но этому уполномоченному Борху не позволили ни представиться императрицѣ, ни вступать въ переговоры съ канцлеромъ или вице-канцлеромъ. Курляндскія дѣла были дѣла чисто польскія; но Борхъ не могъ быть допущенъ въ качествѣ уполномоченнаго Августа III, какъ польскаго короля, ибо у Россіи съ Польшею не было непосредственныхъ сношеній въ слѣдствіе того, что республика не признавала императорскаго титула Русскихъ государей; въ качествѣ же саксонскаго министра Борхъ не могъ быть допущенъ до переговоровъ о курляндскихъ дѣлахъ, ибо саксонскому курфирсту не было никакого дѣла до Курляндіи. 24 февраля Екатерина писала Воронцову: «Можно г. Борху сказать, что всѣ оныя труды лишни, что я не перемѣню своихъ сентиментовъ по курляндскимъ дѣламъ, понеже они основаны на справедливости; что его (Борха) персона пріятна мнѣ, а его коммиссія весьма не такова, что удивительна слѣдность его короля, который, любя сына, нарушаетъ правосудіе и узаконенія своего королевства и, что того удивительнѣе, вездѣ упоминаетъ, будто по наученіямъ чьимъ-либо поступаю. Можете ему сказать, что уже приходитъ моему достоинству противно оное дѣло болѣе трактовать en avocat и что твердо намѣрена сугенировать то, что я начала, всѣми отъ Бога мнѣ данными способами».

Кейзерлингъ доносилъ, что хотятъ предать суду герцога Бирона, литовскаго канцлера Чарторыйскаго и стольника литовскаго — Понятовскаго, послѣдняго за то, что при Елисаветѣ вель переговоры о допущеніи русскихъ войскъ въ польскія владѣнія. Екатерина, получивъ это извѣстіе, написала: «Неужли польской дворъ въ горячкѣ, если стольника судить, что онъ домогался российской арміи въ Польшу ввести, такъ и короля судить надо, что онъ ему такія для саксонской интересъ наставленія давалъ». Въ началѣ февраля Кейзерлингъ писалъ: «По нынѣшнимъ обстоятельствамъ необходимо умножить число нашихъ друзей; а такъ какъ видно, что здѣшній дворъ не намѣренъ намъ въ этомъ помогать раздачею чиновъ и наградъ, то мы должны сами изыскивать къ тому способы. Примасъ въ государствѣ первая особа по королѣ, особенно онъ важенъ во время междоцарствія, и я всячески буду стараться пріобрѣсть его склонность и дружбу. Прежде примасъ Потоцкій получалъ пенсію въ годъ по 15,000 рублей, и если вашему импер. величеству будетъ угодно, то можно эту пенсію раздѣлить такъ, чтобы примасъ и литовскій гетманъ Масальскій получали въ годъ по 8000 рублей. Сколько мнѣ извѣстно, еще никто изъ нихъ ни къ какой иностранной державѣ не привязанъ; а чтобъ этого сдѣлаться не могло, то не угодно ли будетъ вашему императорскому величеству надлежащіе указы о пенсіяхъ прислать ко мнѣ немедленно». Канцлеръ сдѣлалъ на этой реляціи замѣтку: «Извѣстное дѣло, что безъ раздачи въ Польшу денегъ и пенсіоновъ невозможно по намѣреніямъ своимъ съ успѣхомъ достигнуть: не соизволите ли ваше величество указать г. Кейзерлингу изъ посланной къ нему суммы денегъ представленнымъ отъ него персонамъ нынѣ выдать по 3000 червонныхъ съ обнадеживаніемъ ежегодныхъ впредь пенсіоновъ, и чтобъ графъ Кейзерлингъ постарался и гетмана Бравицкаго въ наши интересы преклонить, представя ему знатную сумму денегъ». Императрица написала: «Быть по сему и отдать на разсмотрѣніе графу Кейзерлингу. Извѣстно, что онъ по пустому не раздастъ». Отъ 4 февраля Кейзерлингъ доносилъ: «Время созваннаго къ 23 числу этого мѣсяца сенатусъ-консиліума приближается и уже нѣкоторые сенаторы находятся здѣсь; думаютъ, что это собраніе будетъ очень многочисленно, потому что всячески стараются большинствомъ голо-

совъ достигнуть въ сенатѣ по курляндскому дѣлу того, чего нельзя достигнуть законами и справедливостію. По нынѣшнему состоянію республики дворъ въ этомъ собраніи можетъ всегда имѣть большинство голосовъ, ибо чины и награды, которые по раста conventa должны доставаться только заслуженнымъ и искуснымъ людямъ, слишкомъ 12 лѣтъ получали только такіе, которые соглашались на все угодное двору, слѣдовательно слѣбое послушаніе заступаеть теперь мѣсто всѣхъ заслугъ. Легко поэтому разсудить можно, сколько нынѣшнее правленіе этой вольной республики отстupaеть отъ перваго своего учрежденія и походить почти на аристократію: отъ этого наконецъ мало по малу можетъ произойти и неограниченная власть. Еслибъ нынѣшній король былъ другихъ мыслей, и еслибъ министерство имѣло болѣе разума, искусства и силы, то было бы легко королевскую власть распространить. Шляхта можетъ о правахъ своихъ говорить только на сеймахъ, а такъ какъ сеймы постоянно разрываются, то не остается ей способа оспаривать то, что противно законамъ и вольности. Состоятельность сеймовъ есть защита вольности; но кажется, что шляхта этого не примѣчаетъ, ибо она слишкомъ 20 лѣтъ привыкла видѣть, какъ сеймы разрываются и чрезъ это вырывается у нея изъ рукъ случай говорить о своихъ правахъ. Шляхетская вольность есть одно только пустое имя; власть, подкрѣпляющая государственную вольность, роздана теперь такимъ, которые слѣдуютъ желаніямъ двора и совершенно пренебрегаютъ уставами государственными. Доказательствомъ служить отдача Курляндіи принцу Карлу безъ согласія сейма, что прямо запрещено конституціей 1607 года. Противная партія оспорить этого не можетъ, и только заявляетъ, что рѣшеніе курляндскихъ дѣлъ принадлежитъ королю и республикѣ, а не Россіи. Я имъ отвѣчаю на это, что въ Россіи не намѣрены ничего рѣшать, что дѣло рѣшено конституціей 1736 года, когда Курляндіа отдана герцогу Бирону, а ваше величество никогда не допустите, чтобъ рѣшеніе всей республики было испровергнуто частію ея; а что рѣшено, того нечего рѣшать. Говорятъ, что послѣ нынѣшняго сенатусъ-консиліума созванъ будетъ въ маѣ мѣсяцѣ чрезвычайный сеймъ. Не бесполезно было бы, еслибъ ваше императорское величество указать соизволили стоящимъ по польской границѣ войскамъ вашимъ быть въ готовности къ походу».

Въ сенатусъ-консиліумѣ изъ 60 сенаторовъ 48 признали принца Карла законнымъ герцогомъ курляндскимъ и рѣшили начать уголовный процессъ противъ Бирона и его приверженцевъ. Получивши объ этомъ извѣстіе, Екатерина написала Воронцову: «Пошлите г. Борху сказать, что видя отъ его короля не иное, какъ крайнее мнѣ оскорбленіе и его собственный (Борха) поступокъ по двора его наставленію (равно сослаться на декларацию объ императорскомъ титулѣ), я повелѣваю ему въ 48 часовъ отселѣ выѣхать; въ противномъ случаѣ прикажу его вынрывать. И прибавить къ тому, что результатъ сенатусъ-консиліума тому причиною, изъ которой видится, что они хотятъ меня принудить изъ пріятельскаго поступка выходить, хотя въ семьъ случаѣ саксонская министерія не болѣе благопрістойныхъ мѣръ взяла какъ и во всемъ, и столь республику оскорбила, сколь и меня. Чтобъ они знали, что я герцога Эрнста Іоанна и вольности польской защищать буду всемъ, чѣмъ Богъ меня благословилъ».

Этимъ раздраженіемъ пользовались Чарторыйскіе. Приведенное донесеніе Кейзерлинга показываетъ, что старикъ находился подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ; подъ ихъ вліяніемъ онъ натолковывалъ своему двору, какъ опасно единогласіе на польскихъ сеймахъ: Чарторыйскимъ нужно было мало по малу склонить русскій дворъ къ подаванію помощи въ нужныхъ имъ преобразованіяхъ. Между тѣмъ Чарторыйскіе по прежнему настаивали на необходимость конфедераціи. Въ промеморіи, поданной ими Кейзерлингу, они писали: «Въ актахъ конфедераціи будетъ говорить отъ имени короля Августа III, которому можно сказать то же, что Граммонъ сказалъ Людовику XIV-му: «мы вели войну съ Мазариномъ, исполняя свои обязанности къ вашему величеству». Для успѣха конфедераціи Чарторыйскіе требовали, чтобъ Екатерина назначила комиссію для вознагражденія Полякамъ, потерпѣвшимъ въ послѣднюю войну, для чего комиссія должна была имѣть 50,000 дукатовъ; учредить въ Смоленскѣ складъ оружія и приготовить экипажи, на которыхъ оно должно быть перевезено въ Шкловъ, имѣніе князя Чарторыйскаго, воеводы русскаго, а другой складъ учредить въ Кіевѣ, изъ котораго оружіе должно быть перевезено въ Меджибожь, другое имѣніе Чарторыйскихъ; чтобъ сто человекъ русскихъ артиллеристовъ и 400 гусаръ поступили въ команду начальниковъ конфедераціи.

Кромѣ 50,000 дукатовъ, писали Чарторыйскіе, нужно сдѣлать еще многія подобныя же выдачи, но, прибавляли они, «мы далеки отъ того, чтобъ предписывать что-нибудь великой душѣ, которая никогда ничего не предпринимаетъ безъ исполненія и которая такъ хорошо знаетъ, что сила средствъ сокращаетъ трудъ».

Но «великой душѣ» не вравились эта крутая мѣра, особенно потому, что требовала много русскихъ денегъ. Раздраженная безсильными хотѣніями и угрозами польскаго двора, Екатерина писала Кейзерлингу 1 апрѣля: «разгласите, что если осмѣлятся схватить и отвезти въ Кеннигштейнъ кого-нибудь изъ друзей Россіи, то я населю Сибирь моими врагами и спущу запорожскихъ козаковъ, которые хотятъ прислать ко мнѣ депутацію съ просьбою позволить имъ отомстить за оскорбленія, наносимыя мнѣ королемъ польскимъ²⁸²». Но въ другомъ тонѣ было написано письмо къ Кейзерлингу 14-го іюля: «Я вижу, что наши друзья очень разгорячились и готовы на конфедерацію; но я не вижу, къ чему поведетъ конфедерація при жизни короля польскаго? Говорю вамъ сущую правду: мои сундуки пусты и останутся пусты до тѣхъ поръ, пока я не приведу въ порядокъ финансовъ, чего въ одну минуту сдѣлать нельзя; моя армія не можетъ выступить въ походъ въ этомъ году: и потому я поручаю вамъ сдерживать нашихъ друзей, а главное, чтобъ они не вооружались, не спросясь со мною: я не хочу быть увлечена далѣе того, сколько требуетъ польза моихъ дѣлъ». Отъ 26-го іюля дополнительное распоряженіе: «Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я приказывала вамъ удерживать друзей моихъ отъ преждевременной конфедераціи; но въ то же время дайте имъ самыя положительныя удостовѣренія, что мы ихъ будемъ поддерживать во всемъ, что благоразумно, будемъ поддерживать до самой смерти короля, послѣ которой мы будемъ дѣйствовать, безъ сомнѣнія, въ ихъ пользу». Какъ берегла въ это время Екатерина деньги, видно изъ записки ея къ вице-канцлеру по поводу просьбы какого-то барона Ливзингена: «Уладьте дѣло по его претензіямъ къ моему и его удовольствію, дабы волки были сыты, и овцы цѣлы, а овцы — червонныя».

Екатерина считала всякую сильную мѣру преждевременною до смерти короля. Въ началѣ года она была встревожена извѣ-

стіемъ объ опасной болѣзни Августа III-го; немедленно созвана была конференція: Бестужевъ настаивалъ, что всего лучше возвести на престолъ сына Августа III-го, будущаго курфюрста саксонскаго; но его мнѣніе не было принято, и рѣшено, что при будущихъ выборахъ надобно дѣйствовать въ пользу Пяста (природнаго Поляка), и именно стольника литовскаго, графа Станислава Понятовскаго; если же его нельзя, то двоюроднаго брата его, князя Адама Чарторыйскаго, сына князя Августа, воеводы русскаго (т.-е. Галицкаго); хранить это втайнѣ, держать 30,000 войска на границѣ и еще 50,000 наготовѣ.

Отъ 8-го февраля пошелъ къ Кейзерлингу рескриптъ: «Какъ старость лѣтъ, такъ и настоящее болѣзненное состояніе короля польскаго великую подають намъ причину заблаговременно принять надлежащія мѣры, дабы въ случаѣ кончины его величества возведенъ былъ на польскій престолъ такой король, отъ котораго государственные наши интересы не токмо бы никакого ущерба не претерпѣли, но паче вѣщшее приращеніе возымѣть моглибъ. Изъ саксонскихъ принцевъ не находимъ мы никого, кто бы съ пользою интересовъ нашихъ въ сіе достоинство возведенъ быть могъ: нынѣшняго куръ-принца Поляки конечно не похотятъ имѣть своимъ королемъ по причинѣ слабаго его сложенія; принцъ Кеаверій, будучи преданъ совѣтмъ Франціи, а принцъ Карль по нынѣшнимъ обстоятельствамъ будучи огорченъ противъ насъ, много отъ нихъ ожидать нельзя, какъ явнаго недоброжелательства къ имперіи нашей; изъ прочихъ же чужестранныхъ принцевъ не знаемъ никого къ тому способнымъ, почему надобно избрать къ тому и въ готовности содержать достойную особу изъ Пиастовъ. По совершенному знанію, которое вы чрезъ долговременное искусство пріобрѣли, о всѣхъ княжескихъ домахъ, также и о добродѣтеляхъ всѣхъ польскихъ вельможъ, имѣете вы какъ наискорѣе намъ донести обстоятельно, кто бы по вашему разсужденію наиспособнѣйшимъ къ тому быть могъ, изъ чужестранныхъ ли принцевъ, или изъ Пиастовъ, и на кого бы мы въ разсужденіи государственнаго нашего интереса больше надежду имѣть могли. Мы думаемъ, что хотя республика польская при избраніи въ короли чужестраннаго принца и находилась бы при нынѣшнемъ же своемъ раздѣленіи и слабости кой для интересовъ нашихъ не иначе какъ полезны, и сверхъ того

отъ германскаго принца, въ разсужденіи инфлюенціи въ германскихъ дѣлахъ, больше надежности въ обязательствахъ ожидать надлежитъ, да и такой принцъ, имѣя собственныя свои области и достаточные доходы, не имѣлъ бы слѣдовательно нужды желать отъ какой иностранной державы субсидей, и потому отъ оной зависѣть, и мы бы также не были принуждены въ тягость нашей казны оныя субсидіи ему давать: но понеже способнаго къ тому избрать не можемъ, то лучше былобъ, когдабъ назначенъ былъ къ тому благонамѣренный къ намъ Царствъ, однакожъ въ ожиданіи доношенія вашего отлагаемъ принять конечную въ томъ резолюцію. Между тѣмъ, дабы въ случаѣ дѣйствительной кончины нынѣшняго короля можно было ревностно подкрѣплять представляемаго кандидата, мы учинили уже потребныя распоряженія, чтобъ какъ корпусъ войскъ нашихъ до 30,000 человекъ въ готовности находился по первому указу вступить въ Польшу, такъ и знатная денежная сумма въ наличіи содержима была. Равномѣрно жъ не оставите вы и съ вашей стороны стараніе прилагать примаса регии и другихъ инфлюенцію имѣющихъ знатныхъ Поляковъ приласкать, обнадеживая ихъ императорскою нашею протекціею и вспоможеніемъ, чтобъ, когда случай настоять будетъ, могли мы отъ содѣйствованія ихъ ожидать успѣха въ нашемъ намѣреніи, которое конечно деньгами и оружіемъ сильно подкрѣплять не оставимъ. А какъ всѣ сіи предпринимаемыя запасныя мѣры имѣютъ единственно въ виду пользу интересовъ нашихъ и сопряжены съ великимъ истощеніемъ казны нашей, то справедливость требуетъ обнадежиться напередъ отъ новаго кандидата полученіемъ нѣкоторыхъ для имперіи нашей выгодностей; а оныя, какъ и вамъ довольно извѣстно, состоятъ въ томъ, чтобъ въ исполненіе мирнаго трактата между обоихъ государствъ точныя границы установлены и захваченныя Поляками у нашихъ подданныхъ земли возвращены были, также чтобъ живущіе въ Польшѣ и Литвѣ многія тысячи нашихъ подданныхъ людей бѣглыхъ назадъ въ Россію выданы, а впредь бы такіе бѣглецы тамо отнюдь не принимаемы и не укрываемы были, и чтобъ собственные польскіе и литовскіе обыватели греческаго исповѣданія купно съ ихъ монастырями и церквами отъ приключаемаго имъ донынѣ несноснаго угѣсненія въ вѣрѣ и отправленіи службы Божіей совершенное избавленіе получили, а отвя-

тое у нихъ имѣніе и превращенныя на унию церкви возвращены бѣ были, и чтобъ все сіе стараніемъ такого новаго короля вновь накрѣпко узаконено и въ дѣйствительность приведено быть могло».

Кромѣ этого рескрипта отправленъ былъ еще секретнѣйшій, въ которомъ предписывалось, въ случаѣ королевской смерти: «Имѣете вы обнадеживать вообще всѣхъ Поляковъ именемъ нашимъ о дружбѣ и доброжелательствѣ нашемъ къ республикѣ польской, что мы о сохраненіи ея вольности и конституцій всегдашнее почтеніе имѣя, приемлемъ истинное участіе въ ихъ благополучіи, что мы для собственнаго блага республики желаемъ, чтобъ королемъ избранъ былъ собственный ихъ патриотъ, талантъ и достоинство къ тому имѣющій, къ чему мы съ своей стороны назначиваемъ стольника литовскаго графа Понятовскаго или князя Адама Чарторыйскаго, который по нашему разсужденію кажется одаренъ всеми достоинствами и добродѣтелями государю надлежащими, и о преданности котораго къ нашей имперіи мы извѣстны, и для утвержденія его на польскомъ престолѣ употребимъ всѣ отъ Бога дарованныя намъ силы, и что впрочемъ республика сама признать должна, какой существительный интересъ и участіе имѣемъ мы въ избраніи короля польскаго, и для того не подвергала бы отечество свое бѣдствіямъ, кои неминуемо послѣдуютъ, ежели рекомендація наша въ надлежащее уваженіе принята не будетъ».

Но Кейзерлингъ отъ 9-го марта увѣдомилъ, что слухъ о смертельной болѣзни короля разглашенъ съ французской стороны нарочно для того, чтобъ вывѣдать намѣренія русскаго двора относительно избранія новаго польскаго короля. Король оправился, а такъ какъ онъ живетъ умѣренно, то можетъ протянуть еще нѣсколько лѣтъ, и если въ это время будетъ продолжаться въ Польшѣ существующій порядокъ, то Франціи конечно удастся сдѣлать по своему при будущихъ выборахъ, особенно если въ это время и дофинъ вступитъ на престолъ отца своего, а съ русской стороны не употребятся всѣ старанія безъ потери времени, чтобъ прусскій король былъ выхваченъ изъ рукъ и сѣтей французскихъ и былъ привлеченъ къ русскому интересу, который здѣсь съ прусскимъ одинаковъ; а въ Вѣнѣ уже установлена французская система: за эрцгерцога выдана принцесса

изъ бурбонскаго дома, и пока Кауницъ дѣлами править, до тѣхъ поръ тамъ не можетъ быть никакой другой системы, кромѣ нынѣшней.

Касательно особы будущаго короля Кейзерлингъ писалъ, что саксонскаго принца допустить опасно еще и потому, что многіе въ Польшѣ склонны установить у себя наслѣдственное правленіе вмѣсто избирательнаго. Сильный польскій король никогда не будетъ полезенъ Россіи; если онъ богатъ, то можетъ жить собственными средствами; если наслѣдныя его земли далеко отъ русскихъ границъ, то онъ о Польшѣ мало, а о Россіи вовсе не будетъ заботиться, хотя и чрезъ нее получить корону. Благодарность теперь стала рѣдкою добродѣтелью. Вообще иностранный принцъ, который съ великими и сильными домами въ Европѣ состоитъ въ родствѣ и обязательствахъ, не можетъ никогда быть полезенъ Россіи на польскомъ престолѣ, и потому изъ иностранныхъ принцевъ онъ, Кейзерлингъ, не знаетъ никого, кто бы достоинъ былъ польской короны въ разсужденіи русскаго интереса. Всѣ эти препятствія исчезаютъ при избраніи Пяста, и именно изъ русскихъ друзей.

Екатерина отвѣчала на эти донесенія, что она очень рада королевскому выздоровленію и возможности продлиться его жизни еще нѣсколько лѣтъ, ибо въ противномъ случаѣ могли бы произойти для нея великія и почти неминуемыя трудности, особенно при вмѣшательствѣ другихъ державъ. «Мы, писала Екатерина, согласно съ вами, признаемъ нужду присоединить въ этомъ дѣлѣ короля прусскаго къ нашему интересу, отводя его отъ Франціи, и конечно не оставимъ о томъ помышлять, къ чему есть довольно время по нынѣшнему состоянію здоровья короля польскаго».

Кейзерлингъ сильно ошибался въ своихъ обнадеживаніяхъ относительно продолжительности королевской жизни. 6 октября Екатерина получила отъ него извѣщеніе о смерти Августа III-го. «Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о смерти короля польскаго: Король прусскій изъ за стола вскочилъ, какъ услышалъ», писала потомъ Екатерина Панину. Немедленно во внутреннихъ покояхъ императрицы собралась конференція изъ графа Бестужева-Рюмина, Неплюева, Панина, графа Григорія Орлова, вице-канцлера кн. Голицына, тайнаго со-

вѣтника Одсубьева и вице-президента военной коллегіи графа Чернышева. Бестужевъ опять началъ исчисленіемъ причинъ, которыя заставляютъ предпочитать курфюрста саксонскаго: первая причина та, что на него указано уже при императрицѣ Елисаветѣ, и объявлено дворамъ — вѣнскому, французскому и самому саксонскому; вторая: всякій природный Полякъ или Пястъ, какъ бы знатенъ и богатъ ни былъ, безъ помощи иностранныхъ государствъ содержать себя не въ состояніи, и, получивъ больше денегъ отъ какой-нибудь враждебной намъ державы, будетъ дѣйствовать противъ Россіи; третья: опасенъ для Россіи и какой-нибудь принцъ иностранный, особенно изъ усилившагося бранденбургскаго дома; четвертая: Петръ Великій старался объ удержаніи польской короны въ саксонскомъ домѣ (?); пятая: избраніе курфюрста саксонскаго совершится легко, ибо безъ сомнѣнія Поляки приготовлены уже къ этому, слѣдовательно не нужно будетъ тратить много денегъ. Извѣстно, что Поляки уже обращаютъ свои взоры на двоихъ иностранныхъ принцевъ, на принца Карла лотарингскаго и ландграфа гессенъ-кассельскаго, изъ которыхъ за перваго хлопочетъ вѣнскій, а за послѣдняго берлинскій дворъ; но избраніе того или другаго изъ этихъ принцевъ не можетъ быть полезно русскимъ интересамъ въ слѣдствіе ихъ зависимости отъ упомянутыхъ дворовъ, а потому необходимо немедленно назначить изъ другихъ иностранныхъ принцевъ или изъ Пястовъ такого кандидата, на котораго бы Россія совершенно могла полагаться, который бы своимъ возвышеніемъ былъ обязанъ единственно императрицѣ и отъ нея одной зависѣлъ. Если е. и. в—ству не угодно будетъ назначить своимъ кандидатомъ курфюрста саксонскаго, то выборъ изъ другихъ иностранныхъ домовъ и даже изъ саксонскаго равенъ будетъ по невыгодѣ выбору Пяста, потому что и ему, для удержанія при себѣ, надобно будетъ платить ежегодныя субсидіи. Чтоже касается Пястовъ, то ему, Бестужеву, извѣстны только двое способныхъ къ коронѣ и надежныхъ для Россіи людей: это князь Адамъ Чарторыйскій и стольникъ литовскій, графъ Понятовскій. Но такъ какъ первый очень богатъ, то не захочетъ быть въ полной зависимости отъ Россіи, а потому Понятовскій будетъ гораздо надежнѣе.

Хотя Бестужевъ, выставляя, повидимому, и выгоды избранія

Понятовскаго, такъ искусно билъ въ больное мѣсто, настаивая на томъ, что только избраніе саксонскаго курфюрста избавить Россію отъ большихъ денежныхъ издержекъ, конференція однако не согласилась и теперь назначить послѣдняго русскимъ кандидатомъ.

Подтвердивъ прежнее рѣшеніе относительно особы новаго короля, конференція постановила: въ разсужденіи старости графа Кейзерлинга и частыхъ болѣзненныхъ припадковъ отправить въ Варшаву ему на помощь полномочнаго министра, къ чему императрица тутъ же опредѣлила генераль-майора князя Репнина, бывшаго прежде министромъ при прусскомъ дворѣ. Императрица объявила, что хотя по частной перепискѣ съ королемъ прусскимъ она обнадежена, что онъ по дѣламъ польскимъ намѣреніямъ ея препятствовать не будетъ, однако для лучшаго его утвержденія напишетъ собственноручно къ его величеству и также для приласканія и къ римской императрицѣ писать будетъ. Содержать войско на польскихъ границахъ въ такой готовности, чтобъ могли выступить по первому указу. Но если производить такіе наряды обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ, то тайна не сохранится, и потому императрица приказала графу Чернышеву заготовить указъ, которымъ повелѣно будетъ производить это дѣло ему одному. Наконецъ въ конференціи читанъ поднесенный государынѣ графомъ Чернышевымъ секретный проектъ о присоединеніи къ Россіи, для лучшаго округленія и безопасности границъ рѣками Днѣпромъ и Двиною, нѣкоторыхъ польскихъ земель. И хотя великую для Россіи пользу этаго проекта, по многимъ обстоятельствамъ и уваженіямъ, болѣе желать, нежели дѣйствительнаго исполненія легко надѣяться можно, однако положено, чтобъ, не выпуская этого проекта изъ виду, первымъ движеніемъ здѣшнихъ войскъ быть со стороны тѣхъ мѣстъ, о которыхъ въ немъ показано. Проектъ Чернышева заключался въ томъ, что необходимо «сдѣлать нашимъ границамъ окруженіе по рѣкѣ Двинѣ, и, соединяя оную отъ Полоцка на Оршу съ Днѣпромъ къ Кіеву, захватить по сю сторону Двины Крейцбургъ, Динабургъ, и всю польскую Лифляндію, Полоцкъ и полоцкое воеводство, Витебскъ и витебское воеводство, по сю сторону отъ мѣстечка Ула къ Оршѣ, и оное мѣстечко включая, отъ Орши, Могилевъ, Рогачевъ, изъ Мстиславскаго воеводства все лежащее по сю сторону Днѣпра и по Днѣпру до на-

шихъ нѣзаконныхъ границъ». Средствомъ къ занятію этихъ областей Чернышевъ считалъ движеніе русскихъ войскъ по поводу избранія королевскаго; право на это онъ видѣлъ въ нарушеніи договоровъ и неисполненіи справедливыхъ требованій Россіи съ польской стороны. На другой же день отправленъ былъ Кейзерлингу рескриптъ, въ которомъ повторялось прежнее наставленіе, чтобъ избранъ былъ въ короли Пясть, обязанный престоломъ единственно Россіи, зполнѣ ей преданный и готовый исполнять извѣстныя уже требованія. Екатерина писала: «Чтобъ графъ Кейзерлингъ, во что ни стало, примаса къ намъ сдѣлалъ преданнымъ; если менѣе не можно, хотя до ста тысячъ рублей дать можно». Кейзерлингъ далъ знать, что для приведенія въ исполненіе русскаго намѣренія надобно сдѣлать слѣдующіе распоряженія и приготовленія: 1) согласиться съ берлинскимъ дворомъ и поступать съ нимъ сообща. 2) Иностранныхъ кандидатовъ лишить надежды на корону еще прежде избирательнаго сейма, что можно сдѣлать, когда на сеймикахъ и созывательныхъ сеймахъ постановится исключеніе иностранцевъ. 3) Сильно стараться о приведеніи въ согласіе Чарторыйскихъ и Потоцкихъ, иначе будетъ раздѣленіе въ избраніи, и противная партія передастся иностранной державѣ. 4) Такъ какъ во время междоцарствія бывають разорительныя для земли безпокойства, то надобно Полякамъ внушать, что имъ никакой пользы не будетъ, если они изъ своихъ выберутъ стараго человѣка, которому не долго царствовать; такимъ образомъ коронный гетманъ, воевода кievскій и многіе другіе старики близкіе къ могилѣ исключатся изъ списка кандидатовъ. 5) Между Поляками ходять слухи о намѣреніи изъ республики сдѣлать державу; но такъ какъ эта перемѣна для безопасности сосѣдей будетъ невыгодна, то не надобно ли будетъ по этому дѣлу сдѣлать соглашеніе съ королемъ прусскимъ и Полякамъ дать знать, что Россія и Пруссія не допустятъ такой перемѣны? Императрица на все это изъявила согласіе.

Для ясности послѣдующаго разсказа намъ надобно здѣсь привести нѣкоторыя подробности относительно партій, на которыя дѣлилась польская шляхта въ минуту смерти Августа III.

Мы знаемъ, что «фамилія», какъ называли князей Чарторыйскихъ съ родственниками ихъ, стояла въ челѣ партій, имѣв-

шей въ виду преобразование польской конституціи, уничтоженіе *liberum veto*, усиленіе королевской власти, ея наследственность, однимъ словомъ, все то, что могло бы усилить Польшу, спасти ее отъ страшнаго безнарядья, отнимающаго у нея всякое значеніе среди другихъ державъ. Но масса шляхты была противъ преобразованія; она хотѣла сохранить нетронутыми свои старыя права и вольности, поэтому вельможи, враждебные фамиліи, всегда могли найти сильную подпору. Старшими въ фамиліи были двое братьевъ князь Михаилъ, канцлеръ литовскій, и Августъ, воевода русскій (галицкій); третье мѣсто занималъ сынъ Августа, князь Адамъ, генералъ земель подольскихъ; за нимъ слѣдовали четверо его двоюродныхъ братьевъ, Понятовскихъ: Казиміръ, подкоморій коронный, Андрей, генералъ, находившійся въ австрійской службѣ, Михаилъ, бывшій въ духовномъ званіи, и знаменитый Станиславъ, стольникъ литовскій. Къ фамиліи же принадлежалъ писарь литовскій Огинскій, зять Михаила Чарторыйскаго, Масальскій, гетманъ литовскій съ сыномъ, епископомъ виленскимъ, Флемингъ, подскарбій литовскій, Мостовскій воевода поморскій, Андрей Замойскій воевода иновроцлавскій, Станиславъ Любомирскій стражникъ коронный. Эта партія была сильна своимъ единствомъ и, главное тѣмъ, что Чарторыйскіе умѣли отыскивать людей даровитыхъ и образованныхъ: между послѣдними особенно выдавался Замойскій, первый обратившій вниманіе на необходимость улучшенія участи сельскаго населенія. Относительно королевскихъ выборовъ, Чарторыйскіе хотѣли провести одного изъ своихъ, чтобъ тѣмъ легче осуществить свой преобразовательный планъ.

Въ челѣ другой партіи стоялъ Янъ Браницкій, великій гетманъ коронный; эта партія хотѣла выбора одного изъ саксонскихъ принцевъ, а еслибы это не удалось, то самого Браницкаго, рассчитывая на помощь Австріи и Франціи. Эта партія была не прочь отъ реформъ, лишь бы они были проведены не Чарторыйскими.

Многочисленная партія безъ опредѣленнаго политическаго характера сосредоточивалась около богачей Потоцкихъ; но, несмотря на свою многочисленность, эта партія не имѣла значенія, не имѣя среди себя способныхъ людей. Въ томъ же родѣ была партія, во главѣ которой находился князь Радзивиллъ, вое-

вода виленскій, первый богачъ Литвы. Простотою и ласкостію обращенія способный привлекать къ себѣ толпу, Радзивиллъ ни по чему другому не былъ способенъ руководить партією: это былъ человекъ недалекій, совершенно необразованный и поддававшійся первому впечатлѣнію; избалованный своимъ положеніемъ и богатствомъ, онъ не зналъ предѣловъ своимъ порывистымъ желаніямъ, постоянно готовъ былъ предпринять насильственные мѣры.

Краковскій воевода Вацлавъ Ржевускій, желавшій умноженія войска, но не позволявшій и думать о какомъ-нибудь нарушеніи священной польской старины, находился, по своимъ способностямъ, во главѣ остатковъ прежней придворной саксонской партіи, къ которой принадлежали великій маршалъ коронный Бѣлинскій, надворный маршалъ Мнишекъ, краковскій епископъ Солтыкъ, каменецкій епископъ Красинскій.

Легко было понять, что на королевскихъ выборахъ должна была взять верхъ та партія, которая отличалась наибольшею сплоченностію и считала между своими членами наиболѣе способныхъ людей, понимавшихъ, что дѣло не обойдется безъ вмѣшательства чуждыхъ державъ, что отъ Франціи и Австріи нечего ждать ни помощи, ни помѣхи, что только Россія хочетъ и можетъ провести своего кандидата. Такою партією была партія Чарторыйскихъ. Главное лицо въ республикѣ во время междуцарствія, примасть Владиславъ Любеньскій, какъ ни старался сначала показывать свое безпристрастіе, долженъ былъ пойти одною дорогою съ Чарторыйскими.

По смерти короля къ Кейзерлингу пріѣхалъ литовскій гетманъ Масальскій вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, виленскимъ епископомъ, съ литовскимъ референдаремъ и генераломъ Сосновскимъ. Они прямо спросили у посла, кого императрица имѣетъ въ виду при королевскихъ выборахъ, ибо за того и они будутъ стоять; угодно ли императрицѣ видѣть на польскомъ престолѣ курфюрста саксонскаго или болѣе желаетъ Пяста, и есть ли соглашеніе о Пястѣ съ королемъ прусскимъ? Кейзерлингъ отвѣчалъ, что императрица желаетъ избранія Пяста и съ прусскимъ королемъ объ этомъ соглашено, при чемъ обѣщала сильную помощь всѣмъ тѣмъ, которые, какъ прямая дѣти отечества, будутъ способствовать намѣреніямъ ея величества для собствен-

наго и отечества своего благополучія. Тогда гости подали промеморію, гдѣ говорилось, что для Литвы по причинѣ наступающихъ сеймиковъ и созывательнаго сейма требуется 50,000 червонныхъ, да для арміи 20,000 червонныхъ; на избирательный сеймъ нужно 100,000 червонныхъ; этими деньгами они станутъ распорядиться вмѣстѣ съ русскими друзьями, раздавать мелкому шляхетству для пріобрѣтенія большинства голосовъ. Увѣдомляя объ этомъ свой дворъ, Кейзерлингъ писалъ, что, по его мнѣнію, такъ много денегъ имъ давать не слѣдуетъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что если русскіе друзья на созывательномъ сеймѣ, гдѣ все опредѣляется большинствомъ голосовъ, одержать перевѣсъ, то этимъ дѣло избранія облегчится.

Новый курфюрстъ саксонскій объявилъ себя кандидатомъ на польскій престолъ и писалъ къ русской императрицѣ, прося согласиться на его избраніе; но получилъ отказъ. Кейзерлингъ доносилъ отъ 17 ноября: «Изъ отвѣтныхъ вашего в—ства грамотъ курфюрсту и курфюрстинѣ саксонскимъ ясно видно, какъ мало ваше имп. в—ство намѣрены способствовать имъ къ достиженію короны польской, несмотря на это, приверженцы ихъ говорятъ, что *хотя изясненіе русской императрицы и не соответствуетъ желанію саксонскаго двора, однако есть надежда еще пріобрѣсть согласіе Россіи*». Панинъ замѣтилъ на донесеніи: «Въ подчеркнутыхъ линейкахъ и состоитъ несумнѣнно вся настоящая саксонскаго двора и его союзниковъ система, на которой они теперь работаютъ». Екатерина приписала тутъ же: «Тщетно льстятся».

Кейзерлингъ имѣлъ свиданіе съ гетманомъ Браницкимъ, при чемъ объявилъ ему, что императрица отказала въ помощи курфюрсту саксонскому и желаетъ избранія Пяста. Браницкій отвѣчалъ, что прославляетъ намѣренія императрицы, но желаетъ, чтобъ имъ не навязывали ниодного кандидата. На донесеніи объ этомъ Кейзерлинга Панинъ написалъ: «Самому несумнѣнно хочется». Екатерина прибавила: «А я часто въ непріятныхъ хлопотахъ не желаю быть». Панинъ сдѣлалъ еще другое замѣчаніе: «Пускай онъ о своемъ кандидатствѣ работаетъ: оно не опасно, лишь бы тѣмъ сдѣлалъ шизму въ партіи саксонской и ея союзниковъ. Графъ Кейзерлингъ разумно повелъ его на уду».

Курфюрстъ саксонскій поручилъ Браницкому начальство надъ

саксонскимъ войскомъ, оставленнымъ для охраны королевскихъ вещей и дворцовъ: такимъ образомъ онъ сталъ не только гетманомъ коронной арміи, но и генераломъ саксонскихъ войскъ. Это обстоятельство, равно какъ поведеніе кievскаго воеводы Потоцкаго и военныя приготовленія князя Радзивилла въ Литвѣ побудили фамилію Чарторыйскихъ обратиться къ Кейзерлингу съ просьбою исходатайствовать у императрицы присылку для ихъ безопасности русскаго войска отъ 800 до 1000 человекъ; Чарторыйскіе основывались на томъ, что если коронный гетманъ и кievскій воевода, явно вопреки законамъ, могли принять иностранныя войска подъ видомъ, будто они у нихъ состоятъ на жалованьѣ и въ службѣ, то и русскихъ друзей нельзя винить за то, что они воспользуются иностранною помощію не для обиды другихъ, но для собственной защиты. Между тѣмъ нужно было вздаты отъ имени русскаго императрицы декларацію относительно ея желанія видѣть на польскомъ престолѣ Пяста, ибо нѣкоторые дворы старались увѣрить Поляковъ, что между Россією и Пруссією уже заключенъ договоръ о раздѣлѣ Польши.

Присланный на помощь Кейзерлингу, князь Репнинъ привезъ съ собою наставленіе — говорить съ Кейзерлингомъ едиными устами и поступать во всемъ согласно. Между прочимъ Репнинъ долженъ былъ, по своимъ инструкціямъ, всѣми силами стараться, чтобъ преданные Россіи Поляки, а всего лучше еслибъ между ними и самъ примасъ, прислали къ императрицѣ, и къ ней одной, формальное прошеніе о покровительствѣ свободному выбору королевскому. «Черезъ это, говорилось въ инструкціи, кромѣ собственныхъ нашихъ интересовъ, получимъ мы нѣкоторое право мѣшаться прямымъ образомъ въ сіе толь важное дѣло». Кандидату на польскій престолъ, Понятовскому, назначено было императрицею 3,000 червонныхъ ежегодной пенсіи; кромѣ того, Кейзерлингу было приказано заплатить всѣ его долги въ три ерока, такъ чтобы къ концу 1764 года не оставалось на немъ никакого долга. Но Понятовскій долженъ былъ знать заранѣе, чѣмъ онъ въ послѣдствіи долженъ заплатить за эти милости. Въ инструкціи Репнину говорилось: «при удобныхъ случаяхъ не оставите вы ему (Понятовскому) искуснымъ и пристойнымъ образомъ внушать, что когда мы, по особливому нашему къ нему благоволенію, не жалѣемъ жертвовать въ пользу его множество

денегъ, и когда опять, еслибы онѣ однѣ не были достаточны, непремѣнное имѣемъ намѣреніе, для доставленія ему высшей чести, какую партикулярный человекъ едва ли когда ожидать могъ, употребить въ самомъ дѣлѣ все намъ отъ Бога дарованныя силы, что натурально не можетъ быть безъ отягощенія вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, слѣдовательно и безъ огорченія матеріаго нашего къ нимъ сердца: то и имѣемъ справедливѣйшую причину ожидать и требовать отъ благодарности и честности его, что онъ какъ нынѣ, въ нѣкоторое благодѣяніемъ нашимъ соотвѣтствіе, точно обнадежитъ насъ о сильнѣйшемъ съ своей стороны по возвышеніи на престолъ стараніи, дабы многія между нами и Поляками пограничныя дѣла къ совершенному нашему удовольствію окончены были, такъ и во все время государственоваія своего интересы россійскіе собственными своими почитать и остерегать и имъ всеми силами по возможности поощрять и поддерживать, и лицемѣрную и непремѣнную сохранить къ нимъ преданность и во всякомъ случаѣ намѣренія наши поддерживать не стечетъ; всякими способами, на основаніи вѣчнаго мирнаго трактата, стараться будетъ возвратитъ намъ бѣглецовъ нашихъ, пресѣчь попускаемые отъ Поляковъ воровства и разбои, защищать единовѣрныхъ нашихъ при ихъ правахъ, вольностяхъ и свободномъ отправленіи Божіей службы по ихъ обрядамъ, а особливо не только не допускать впредь отнятія церквей и монастырей съ принадлежащими имъ землями и другими имѣніями, но и возвратитъ при первомъ удобномъ случаѣ все прежде у нихъ отнятыя; исходатайствовать отъ республики какъ нынѣ на сеймѣ коронаціи признаніе нашего императорскаго титула и подтвержденіе герцога курляндскаго Эрнеста Юганна въ княжествахъ его съ засвидѣтельствованіемъ, буде бы можно, въ самой конституціи, что республика одолжена Россіи за охраненіе въ семь случаѣ законовъ и вольности ея отъ нарушенія, а при томъ еще, что намъ всего нужнѣе, и съ точнымъ въ оной же (конституціи) опредѣленіемъ просить торжественно отъ ея стороны нашей гарантіи на всегдашнее время для соблюденія установленной законами формы правительства, вольности и цѣлости всей республики».

Первымъ донесеніемъ Репнина по пріѣздѣ его въ Варшаву было донесеніе о смерти главнаго соперника Понятовскому,

новаго курфюрста саксонскаго, умершаго отъосны. «Этотъ случай, писалъ Реннинъ, можетъ только благопріятствовать намѣреніямъ вашего величества; саксонскіе приверженцы будутъ совершенно сбиты съ пути». Далѣе онъ писалъ: «Самое счастливое обстоятельство—это раздѣленіе саксонской партіи между княземъ Ксавье и Карломъ (братьями покойнаго курфюрста); ожидаютъ, что они начнутъ драться. Гетманъ Браицкій также думаетъ о коронѣ, и если принцъ Ксавье потеряетъ надежду на успѣхъ, то будетъ поддерживать гетмана, потому что послѣдній старъ, можетъ скоро умереть». А между тѣмъ Кейзерлингъ даль знать, что саксонскіе приверженцы находятся не въ одной Варшавѣ; онъ писалъ императрицѣ: «въ величайшемъ секретѣ примасъ сказалъ намъ (ему и Реннину), что Мерси открылся ему о своей перепискѣ съ Бестужевымъ, который совершенно противенъ намѣреніямъ императрицы относительно Польши. Екатерина написала на донесеніи: «переловить бы здѣсь или тамъ писемъ ихъ»²⁸⁴».

Масальскій прежде всего допытывался у Кейзерлинга, существуетъ ли на счетъ ихъ королевскихъ выборовъ соглашеніе между Россією и Пруссією, и получилъ въ отвѣтъ, что соглашеніе существуетъ. Какъ же произошло это соглашеніе?

Въ началѣ года, между обоими дворами отзывалась еще прошлогодняя горечь. Берлинскій дворъ еще безпокойно заступничество Екатерины за Саксонію. Воронцовъ старался успокоить Сольмса на этотъ счетъ: «Лично, говорилъ онъ, императрица вовсе не такъ расположена въ пользу Саксоніи, чтобъ изъ-за нея объявила войну вашему государю; но я боюсь, что Бестужевъ, который все также продолжаетъ ненавидѣть вашего короля и который сохраняетъ еще большое вліяніе на императрицу, не ослабилъ современемъ ея миролюбиваго расположенія». Сольмсъ началъ ободрять Воронцова, уговаривать его, чтобъ онъ не покидать своего мѣста до окончательнаго улаженія дѣлъ между Россією и Пруссією. Сольмсъ представлялъ Воронцову, что если онъ, канцлеръ, соединится съ Панинымъ, то соединенными силами они одолѣютъ Бестужева, ибо Панинъ, хотя и обязанъ послѣднему, однако не доведетъ своей благодарности до того, чтобъ жертвовать ему собственной мирною системою. Воронцовъ обязался не просить объ увольненіи этою зимою.

Заключеніе мира между Пруссіею, Австріею и Саксонію положило конецъ непріятнымъ объясненіямъ между русскимъ и прусскимъ дворами. Началось сближеніе, котораго такъ сильно желалъ Фридрихъ. «Пруссія, шипеть онъ въ своихъ мемуарахъ, очутилась послѣ войны въ одиночествѣ безъ союзниковъ: прежній союзъ съ Англіею смѣнился враждою и ненавистію; правда, что никто не нападалъ на короля (Фридриха), но не было также никого, кто бы его защитилъ. Такое положеніе не должно было продолжаться.... Начались переговоры съ Россіею о союзѣ»....

Поводомъ къ сближенію была Польша.

Отъ 8 февраля изъ Москвы къ русскому послу въ Берлинѣ, князю Владиміру Долгорукому пошелъ рескриптъ, что императрицѣ и королю прусскому надобно поступать взаимно съ откровенностію и дѣйствовать въ Польшѣ чрезъ своихъ министровъ единогласно, положи за правило—сохраненіе тишины и возведеніе на престолъ пріятнаго обѣимъ сторонамъ короля; Долгорукій долженъ былъ представить Фридриху II, что у императрицы нѣтъ намѣренія стѣснять свободу избранія, но охранять и защищать ее по силѣ принятой Россіею гарантіи въ 1716 году. «Сихъ представленій, говорилось въ рескриптѣ, кажется на первый случай довольно будетъ, ибо дальнѣйшія наши резолюціи будутъ зависѣть отъ обстоятельствъ и отъ знанія, которое будемъ мы имѣть о намѣреніяхъ короля прусскаго, о распознаніи которыхъ надлежитъ вамъ всевозможное употребить стараніе, а особливо не думаетъ ли онъ котораго изъ братьевъ своихъ или изъ другихъ ему преданныхъ германскихъ принцевъ возвысить на престолъ польскій». Фридрихъ II только этого и ждалъ. Долгорукій отвѣчалъ: «Король, выслушавъ мои рѣчи, показалъ очень довольный видъ, что узналъ намѣренія вашего импер. величества и сказалъ мнѣ, что теперь самое время принять мѣры касательно Польши, потому что по послѣднимъ письмамъ извѣстился онъ, что король польскій отчаянно боленъ и въ жизни его надежды никакой нѣтъ; онъ къ тому прибавилъ, что ему все равно, кто ни будетъ королемъ польскимъ, и въ томъ онъ легко можетъ согласиться съ вашимъ императ. величествомъ, лишь бы выключены были все принцы австрійскаго дома, въ чемъ онъ надѣется, что и ваше императ. величество сами согласны будете; впрочемъ онъ думаетъ, что лучше будетъ, ежели въ ко-

роди выбранъ будетъ природный Полякъ, а не кто-нибудь изъ чужестранныхъ принцевъ. Король потомъ сказалъ, что какъ ваше императ. величество имѣете партизеновъ въ Польшѣ, такъ и онъ имѣетъ своихъ, которые, соединясь, могутъ и королевство все склонить, что весьма полезно будетъ для того, что окончивъ нынѣ долгую и многокровливую войну, онъ бы очень не желалъ начинать новую. Я на то королю доносилъ, что ваше императорское величество, не желая также ничего другаго, кромѣ мира и добраго согласія, находите нужнымъ съ нимъ о томъ совершенно согласиться посредствомъ партикулярной и персональной переписки, на что король сказалъ, что онъ самъ думаетъ, что этимъ способомъ дѣло скорѣе и надежнѣе къ концу привести можно. Предъ тѣмъ, какъ я пошелъ отъ короля, онъ еще мнѣ сказалъ, что нѣкоторыя мысли имѣетъ съ вашимъ императ. величествомъ заключить такой союзъ, чтобъ отъ того могло быть на долгое время спокойствіе во всей Европѣ».

Переписка началась. Фридрихъ сообщалъ Екатеринѣ извѣстія изъ Вѣны, что тамъ думаютъ, какія имѣютъ подозрѣнія относительно видовъ Россіи на Польшу; просилъ не тревожиться мѣшными и подозрѣніями вѣнскаго двора, потому что въ Вѣнѣ нѣтъ денегъ и Марія Терезія вовсе не въ такомъ выгодномъ положеніи, чтобъ могла начать войну: «Вы достигнете своей цѣли, писалъ Фридрихъ, если только немножко прикроете свои виды и накажете своимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Константинополѣ опровергать ложные слухи, тамъ распускаемые; въ противномъ случаѣ ваши дѣла пострадаютъ. Вы посадите на польскій престолъ короля по вашему желанію и безъ войны, и это послѣднее во сто разъ лучше, чѣмъ опять низвергать Европу въ пропасть, изъ которой она едва вышла. Крики Поляковъ—пустые звуки; короля польскаго бояться нечего: онъ едва въ состояніи содержать семь тысячъ войска. Но они могутъ заключить союзы, которымъ надобно воспрепятствовать; надобно ихъ усилить, чтобъ они заранѣе не приняли мѣръ, могущихъ повредить вашимъ намѣреніямъ.» Фридрихъ писалъ, что желалъ бы видѣть на польскомъ престолѣ Паста; Екатерина отвѣчала, что это и ея желаніе, только бы этотъ Пастъ не былъ старикъ, смотрящій въ гробъ, ибо въ такомъ случаѣ сейчасъ же нач-

нутя новыя движенія и интриги съ разныхъ сторонъ въ ожиданіи новыхъ выборовъ.

Въ апрѣлѣ Долгорукій доносилъ о второмъ разговорѣ своемъ съ Фридрихомъ: «Императрица пишетъ, сказалъ король, что не желаетъ избраніи на польскій престолъ кого-нибудь изъ бурбонской фамиліи: по моему, ни вѣнскому, ни версальскому двору въ томъ помогать не надобно, а впрочемъ, какъ я уже писалъ императрицѣ, я на все соглашаюсь, только думаю, что лучше будетъ природный Полякъ. Въ этомъ дѣлѣ надобно имѣть великую осторожность и стараться, чтобъ до времени намѣреніе императрицы не могло открыться; и въ этомъ я сильно сомнѣваюсь: когда я былъ въ Саксоніи и имѣлъ свиданіе съ королевскою фамиліею, то наследная принцесса мнѣ говорила, что императрица старается объ избраніи въ польскіе короли князя Чарторыйскаго; я ей отвѣчалъ, что все пустое, что король еще здоровъ, и пока онъ живъ думать не для чего о его преемникѣ, и что я, равно какъ императрица, не намѣрены лишать Поляковъ свободы въ королевскихъ выборахъ». Потомъ Фридрихъ началъ говорить о союзѣ, который онъ намѣренъ заключить съ Россіей: «Такой союзъ, говорилъ онъ, не можетъ быть противенъ императрицѣ, ибо извѣстна склонность ея къ миру, и ни что не можетъ такъ способствовать миру, какъ нашъ союзъ: хотя вѣнскій дворъ теперь со мною и заключилъ мѣръ, однако какъ скоро поправитъ свои внутреннія дѣла, то вступитъ въ новую войну; а этого не осмѣлится сдѣлать, когда узнаетъ о союзѣ между мною и Россіею. Мнѣ уже отъ версальскаго и стокгольмскаго дворовъ сдѣланы предложенія вступить съ ними въ союзъ; но я отвѣчалъ въ учтивыхъ и нерѣшительныхъ выраженіяхъ, ожидая рѣшенія императрицы».

Фридрихъ прямо объявлялъ, что ему нуженъ союзъ съ Россіею и для чего нуженъ; соглашеніе въ дѣлахъ польскихъ будетъ слѣдствіемъ этого союза. Фридрихъ желалъ Пяста; но его министръ въ Варшавѣ, Бенуа, былъ опытиѣе и внимательнѣе Кейзерлинга; онъ хорошо зналъ, что Чарторыйскіе воспользуются своимъ торжествомъ для проведенія преобразованій несогласныхъ съ интересами Россіи и Пруссіи. «Я, писалъ Бенуа своему королю, твержу постоянно графу Кейзерлингу, что у Россіи и Пруссіи одинакія отношенія къ Польшѣ, и потому ихъ

существенный интерес требует не позволять, чтобы республика стала значительною державою, пришла въ такое состояніе, въ которомъ могла бы быть опасна обоимъ дворамъ. Онъ далъ мнѣ честное слово, что не допуститъ до этого». Но для Бенуа было ясно, что не допускать до этого, значитъ раздѣлять собственное дѣло, что Россія и Пруссія будутъ теперь усиловать людей, съ которыми послѣ неминуемо должны будутъ вступить въ борьбу. Онъ писалъ королю: «У Чарторыйскихъ, и особенно у стольника Понятовскаго, только и въ головѣ, что преобразование польской конституціи; они приступятъ къ реформѣ, какъ только образуется конфедерація, которую, какъ они надѣются, будетъ поддерживать Россія». И въ самомъ дѣлѣ Кейзерлингъ, по крайней мѣрѣ, былъ за конфедерацію. Бенуа былъ противъ нея, боясь всеобщей войны и совѣтуя своему королю быть нейтральнымъ; иначе при согласномъ дѣйствіи Россіи съ Пруссіею, вся Европа увидитъ, что дѣло идетъ объ увеличеніи этихъ державъ на счетъ Польши. Фридрихъ отвѣчалъ, чтобы Бенуа держалъ себя страдательно среди этихъ движеній, но чтобы не давалъ Россіи ни малѣйшаго повода подозрѣвать, что Пруссія дѣйствуетъ противъ нея.

26 сентября князь Долгорукій пріѣхалъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Финкенштейну, и былъ встрѣченъ извѣстіемъ о смерти короля польскаго. «Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, сказалъ Финкенштейнъ, я бы очень желалъ, чтобы союзный трактатъ между Россіею и Пруссіею былъ заключенъ, чтобы король имѣлъ оправданіе предъ другими государями, почему онъ поступаетъ въ Польшѣ согласно съ императрицею». Долгорукій отвѣчалъ, что проектъ оборонительнаго союза, присланный королемъ императрицѣ, разсматривается ею, и скоро заготовленъ будетъ съ русской стороны контръ-проектъ. «Хотя договоръ еще и не заключенъ, прибавилъ Долгорукій, однако я надѣюсь, что король не откажется отъ своихъ словъ, что относительно выбора короля польскаго во всемъ будетъ согласенъ съ императрицею; король сказалъ это мнѣ и то же самое написалъ императрицѣ». — «Король, отвѣчалъ Финкенштейнъ, остается при прежнемъ намѣреніи, только желательно, чтобы союзный договоръ могъ быть заключенъ поскорѣе».

11 октября у Долгорукаго былъ новый разговоръ съ Финкенш-

тейномъ о союзѣ, по поводу польскихъ дѣлъ. Министръ объявилъ, что новый курфюрстъ саксонскій писалъ королю, что явится кандидатомъ на польскій престолъ и надѣется не встрѣтить этому препятствія со стороны Пруссіи, ибо Польша будетъ гораздо сильнѣе, имѣя королемъ Пяста; Марія Терезія также ходатайствуетъ въ пользу саксонскаго курфюрста. Такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что еще стануть приставать къ королю съ этимъ, то онъ проситъ императрицу какъ можно скорѣе дать ему знать о своей резолюціи и поскорѣе привести къ концу заключеніе союзнаго договора, чтобъ дать королю право прямо отвѣчать державамъ на счетъ польскаго дѣла.

Дѣйствительно, едва Августъ III испустилъ духъ, какъ невѣстка его, новая курфюрстина саксонская, отправила письмо къ Фридриху II съ просьбою помочь ея мужу въ достиженіи польскаго престола, и быть посредникомъ между нимъ и Россіей, предлагая сдѣлать для послѣдней всевозможныя удовлетворенія. Фридрихъ, отправляя копію этого письма въ Петербургъ писалъ Екатеринѣ: «Если в. и. в. подкрѣпите теперь свою партію въ Польшѣ, то никакое государство не будетъ имѣть права этимъ оскорбиться. Если образуется противная партія, то велите только Чарторыйскимъ попросить вашего покровительства; эта формальность доставитъ предлогъ, въ случаѣ нужды, отправить войско въ Польшу; мнѣ кажется, что если вы объявите саксонскому двору, что не можете согласиться на избраніе курфюрста въ короли польскіе, то Саксонія не двинется и не запутаеть дѣла».

На встрѣчу этому письму шло письмо изъ Петербурга въ Берлинъ: «Получивши извѣстіе о смерти короля польскаго, мнѣ было естественно обратиться къ в. величеству, писала Екатерина Фридриху: такъ какъ мы согласны на счетъ избранія Пяста, то слѣдуетъ намъ теперь объясниться, и безъ дальнѣйшихъ околичностей я предлагаю в. величеству между Пястами такого, который болѣе другихъ будетъ обязанъ в. величеству и мнѣ за то, что мы для него сдѣлаемъ. Если в. величество согласны, то это стольникъ литовскій, графъ Станиславъ Понятовскій, и вотъ мои причины. Изъ всѣхъ претендентовъ на корону онъ имѣетъ наименѣе средствъ получить ее, слѣдовательно наиболѣе будетъ обязанъ тѣмъ, изъ рукъ которыхъ онъ ее получитъ».

Этого нельзя сказать о вождях нашей партіи: тотъ изъ нихъ, кто достигнетъ престола, будетъ считать себя обязаннымъ сколько намъ, столько же и своему умѣнью вести дѣла. В. величество миѣ скажете, что Понятовскому нечѣмъ будетъ жить; но я думаю, что Чарторыйскіе, заинтересованные тѣмъ, что одинъ изъ родственниковъ будетъ на престолѣ, дадутъ ему приличное содержаніе. В. величество не удивляйтесь движеніямъ войскъ на моихъ границахъ: это въ связи съ моими государственными правилами. Всякая смута миѣ противна, и я пламенно желаю, чтобы великое дѣло совершилось спокойно».

Фридрихъ отвѣчалъ, что согласенъ и немедленно же прикажетъ своему министру въ Варшавѣ дѣйствовать заодно съ Кейзерлингомъ въ пользу Понятовскаго; по варшавскимъ извѣстіямъ, Французы и Саксонцы интригуютъ изо всѣхъ силъ, чтобы внушить Полякамъ отвращеніе къ Пясту; но онъ не боится этихъ интригъ, ибо твердо увѣренъ, что если русскій и прусскій министры вмѣстѣ объявятъ главнымъ вельможамъ о желаніи своихъ государей, то сейчасъ согласятся. Вѣнскій дворъ не вмѣшается въ выборы, лишь бы соблюдены были формальности. Относительно Порты онъ предупредилъ желанія императрицы: приказалъ своему министру въ Константинополѣ дѣйствовать согласно съ желаніями обоихъ дворовъ; въ Берлинѣ ожидаютъ пріѣзда турецкаго посланника, которому внушится, что избраніе Пяста въ короли польскіе вполне согласно съ интересами султана. «Я, съ своей стороны, писалъ Фридрихъ, не пощажу ничего, чтобы могло успокоить умы; употребляю все усилія, чтобы все прошло спокойно и безъ кровопролитія, и заранѣе поздравляю ваше императ. величество съ королемъ, котораго вы дадите Польшѣ». Король не упустилъ случая утверждать, что смотритъ на мирное избраніе Понятовскаго какъ на дѣло рѣшенное. Екатерина послала ему въ подарокъ астраханскихъ арбузовъ; Фридрихъ отвѣчалъ на эту любезность (7 ноября): кромѣ рѣдкости и превосходнаго вкуса плодовъ, безконечно дорого для меня то, отъ чьей руки получилъ я ихъ въ подарокъ. Огромное разстояніе между астраханскими арбузами и польскимъ избирательнымъ сеймомъ: но вы умѣете соединить все въ сферѣ вашей дѣятельности; та же рука, которая разсылаетъ арбузы, раздастъ короны и сохраняетъ миръ въ Европѣ».

Вся эта податливость и любезность оказывалась въ ожиданіи скораго заключенія союза. Но въ Петербургѣ хотѣли извлечь всевозможныя выгоды изъ этого ожиданія, и заключить союзъ только въ крайности. Въ октябрѣ Наннинъ говорилъ Сольмсу на маскарадѣ: «Только императрица да я стоимъ за прусскую систему; я поддерживаю эту систему не изъ-за какихъ-нибудь выгодъ, но потому что вижу въ ней самыя большія выгоды для моего двора и самую громкую славу для моей государыни. Вѣнскій дворъ имѣетъ здѣсь столько друзей, которые стоятъ за старую систему. Я одинъ противъ нихъ и требую поддержки. Одинъ король вашъ государь можетъ меня поддержать полнымъ соглашеніемъ съ видами моей государыни».

«Дѣйствуйте съ нами заодно въ Польшѣ и въ награду ожидайте союза»—говорили въ Петербургѣ.—«Прежде заключите союзъ, и тогда мы будемъ дѣйствовать заодно съ вами въ Польшѣ», говорили въ Берлинѣ...

А союза заключать не хотѣлось въ Петербургѣ. Сольмесъ писалъ Фридриху: «У императрицы обычай каждаго выслушивать, и чрезъ это она подчиняется различнымъ вліяніямъ. Люди неблагонамѣренныя нашли слабое мѣсто, которымъ пользуются при каждомъ случаѣ: они увѣряютъ Екатерину, что въ томъ или другомъ случаѣ она не угодитъ народу. Страхъ потерять любовь націи вкоренился въ ней и дѣлаетъ ее робкою». Екатерина не хотѣла союза ни съ одною державою, считая это преждевременнымъ; тѣмъ болѣе она должна была останавливаться предъ союзомъ съ Пруссіею, который слишкомъ бы сблизилъ ея царствованіе съ царствованіемъ предшествовавшимъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было сажать на польскій престолъ Понятовскаго?

Въ Берлинѣ никакъ не хотѣли допустить, чтобъ Россія въ дѣлахъ польскихъ дѣйствовала заодно съ Пруссіею, т.-е. чтобъ Пруссія подчинялась здѣсь желаніямъ Екатерины; а въ дѣлахъ турецкихъ дѣйствовала заодно съ Австріею. По поводу заявленія такой политики была любопытная сцена у князя Долгорукаго съ Финкенштейномъ.

Турецкій посланникъ, о которомъ писалъ Фридрихъ, наконецъ пріѣхалъ въ Берлинъ, и Финкенштейнъ сообщилъ Долгорукому, что по требованію посланника самъ король хочетъ написать про-

ектъ союзнаго договора между Пруссіею и Портою. Долгорукій поблагодарилъ за такую откровенность, но замѣтилъ, что о союзѣ между Портою и Пруссіею узнають въ Петербургѣ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ, ибо хотя онъ будетъ заключенъ только съ цѣлю обороны противъ Австріи, однако со многихъ сторонъ можетъ коснуться и Россіи, которая должна быть тѣсно связана съ вѣнскимъ дворомъ относительно Порты, для общей безопасности обѣихъ странъ и для охраны всего христіанства. Поэтому императрицѣ будетъ очень пріятно, если король уклонится отъ турецкаго союза въ виду общеевропейскаго интереса, ибо это будетъ союзъ съ непримиримымъ врагомъ всѣхъ христіанскихъ народовъ; нужды же для Пруссіи въ этомъ союзѣ нѣтъ никакой, а произойдетъ предосужденіе славы короля и подозрѣніе на счетъ вредныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ имъ противъ христіанскихъ государей, особенно сосѣднихъ; тогда какъ уклоненіе отъ турецкаго союза будетъ вполне соответствовать настоящимъ обстоятельствамъ, чести и значенію прусской державы и настоящей откровенной дружбы съ императрицею; уклоненіе это послужило бы для императрицы несомнѣннымъ опытомъ соглашаемаго теперь между Россіею и Пруссіею союза. Финкенштейнъ перебилъ дальнѣйшую рѣчь Долгорукаго, сказавши, вовсе не кстати, что получено извѣстіе объ арестованіи гессенскимъ ландграфомъ агента голландской республики. Изъ этого болѣе чѣмъ безцеремоннаго поступка князь Долгорукій убѣдился, что король и его министерство не захотятъ слушать объ уклоненіи отъ турецкаго союза, почему и далъ знать о союзѣ австрійскому посланнику барону Риду, съ тѣмъ, чтобъ вѣнскій дворъ дѣйствовалъ противъ него въ Константинополѣ ²⁸⁵.

Но въ Вѣнѣ никакъ не могли помириться съ русскою политикою, ни до, ни послѣ Губертсбургскаго мира.

Отъ 2 января отправленъ былъ рескриптъ въ Вѣну къ князю Дмитрію Мих. Голицыну: «Находящійся здѣсь прусскій министръ графъ Сольмсъ къ нашему министерству отзывался, что король его собственно желаетъ мира и никакихъ конкетовъ имѣть не хочетъ, что очищеніе Саксоніи охотно по присовѣтованію нашему произведетъ, если за тѣмъ послѣдуетъ и миръ съ вѣнскимъ дворомъ при условіи, что прусскій король удерживаетъ всѣ свои владѣнія, какія имѣлъ до войны, а вначе, не заклю-

чивъ мира, не отдастъ Саксоніи польскому королю. Объ этихъ отзывахъ прусскаго министра повелѣваемъ вамъ сообщить тамошнему двору чрезъ министерство словеснымъ разговоромъ въ дружеской конфиденціи, и навѣдаться при этомъ, захочетъ ли вѣнскій дворъ заключить миръ на этомъ условіи». Канцлеръ отвѣчалъ Голицыну, что прусскому королю нечего толковать о завоеваніяхъ, когда онъ долженъ хлопотать о возвращеніи у него завоеваннаго. Этими и ограничились всѣ объясненія. На внушеніе Голицына, что императрица готова быть посредницею въ мирныхъ переговорахъ между Австріею и Пруссіею, былъ отвѣтъ, что переговоры должны скоро кончиться или миромъ, или разрывомъ. Переговоры кончились миромъ. Начались сношенія по поводу польскихъ дѣлъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, по указу императрицы, Голицынъ сдѣлалъ Кауницу внушеніе о польскихъ дѣлахъ, потребовавъ прежде сохраненія непроницаемой тайны: такъ какъ надобно ожидать скорой кончины короля польскаго, то императрица уже начала помышлять о назначеніи ему преемника, и хотя выборъ не опредѣленъ, а предоставленъ вольнымъ голосамъ, однако хорошо имѣть въ запасѣ достойнаго кандидата, и потому императрица спрашиваетъ у императрицы-королевы въ дружеской откровенности о тѣхъ особахъ, которыя были бы способны для взаимныхъ интересовъ обоихъ императорскихъ дворовъ, а всего нужнѣе, чтобъ австрійскому министру въ Варшавѣ вѣрно было поступать съ русскимъ министромъ единодушно. Графъ Кауницъ въ своемъ отвѣтѣ увѣрялъ Голицына, что Марія Терезія очень лестно и пріятно будетъ услышать о такой дружеской откровенности со стороны императрицы Екатерины, при чемъ объявилъ, что съ австрійской стороны не было еще относительно Польши никакихъ намѣреній и распоряженій, слѣдовательно ничего въ отвѣтъ сказать не можетъ; но спросилъ, не имѣетъ ли русскій дворъ въ виду какого-нибудь кандидата; Голицынъ отвѣчалъ, что кандидата еще нѣтъ, и императрица желаетъ одного, чтобъ выборъ произошелъ вольными голосами и не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ это дѣло, пока не представится опасность нарушенія вольности и законовъ польскихъ.

Между тѣмъ въ Вѣнѣ были сильно встревожены слухомъ, что между Россіею и Пруссіею заключенъ союзный договоръ, и

Мерси сдѣлалъ запросъ объ этомъ въ Петербургѣ. Голицыну вѣдно было увѣрить Кауница, что извѣстіе ложное, вымышленное недоброжелательными людьми, которые, завидуя доброму согласію между обоими императорскими дворами, стараются ихъ поссорить; что не только нѣтъ такого трактата на дѣлѣ, но и предложенъ онъ никогда не былъ. Когда Голицынъ потребовалъ у Кауница копіи мнимаго договора и указація, откуда она получена, то Кауницъ отвѣчалъ, что копіи нѣтъ, и слухъ дошелъ изъ разныхъ мѣстъ, между прочимъ и самъ король прусскій давалъ знать о союзѣ нарочными знаками и примѣчаніями.

Относительно польскаго дѣла Кауницъ увѣдомилъ, что Марія Терезія желаетъ избранія одного изъ саксонскихъ принцевъ, если только выборъ можетъ произойти свободно. Этимъ дѣло пока и кончилось въ виду выздоровленія Августа III; но когда послѣдовала его кончина, Голицынъ 12 октября имѣлъ аудіенцію у Маріи Терезіи, на которой между другими разговорами, императрица-королева упомянула партикулярнымъ образомъ, что ей было бы очень пріятно, еслибъ императрица Екатерина заступилась за новаго курфюрста саксонскаго, чтобъ онъ могъ быть выбранъ польскимъ королемъ, при чемъ она желаетъ и надѣется, что выборъ новаго короля будетъ произведенъ спокойнымъ образомъ и на основаніи законовъ польскихъ. Изъ дальнѣйшихъ объясненій и переписки между обѣими императрицами оказалось, что вѣнскій дворъ прежде всего желалъ свободного выбора; въ случаѣ, еслибъ австрійскій кандидатъ, курфюреть саксонскій при исполнѣ свободныхъ выборахъ не былъ предпочтенъ другому кандидату, то императрица - королева согласна, чтобъ король былъ выбранъ изъ Пястовъ, но только такой, который бы подавалъ несомнѣнную надежду, чтобъ при немъ не было и помышленія о раздѣлѣ Польши; наконецъ сборъ русскаго войска на польскихъ границахъ въ Вѣнѣ не признавали необходимымъ, и считался опаснымъ, потому что это обстоятельство можетъ подать поводъ къ безпокойству другимъ интересующимся державамъ.

Голицынъ писалъ, что въ Вѣнѣ опять сильно обезпокоены извѣстіями о союзномъ договорѣ между Россією и Пруссією, извѣстіями, что между Екатериною и Фридрихомъ II-мъ производится непосредственная переписка и часто пересылаются курьеры. Панинъ сдѣлалъ на донесеніи Голицына свое замѣчаніе:

«Ваше величество конечно дать изволили опыты познанія общаго натурального интереса съ австрійскимъ домомъ; а союзъ съ прусскимъ дворомъ развѣ тогда вѣнскій можетъ безпокоить, когда оный насъ своими конфискованными сдѣлать похочетъ: инакоже тотъ союзъ съ Пруссіею дѣло есть совсѣмъ не новое, а при настоящемъ и толь важномъ для Россіи дѣлѣ безпомѣшательнаго избранія польскаго короля, уже и необходимо нужное». Когда Голицынъ донесъ, что Кауницъ настаивалъ на одинакой необходимости для обоихъ императорскихъ дворовъ сохраненія правъ и преимуществъ Польши, то Панинъ сдѣлалъ такую замѣтку: «Господинъ Кауницъ суетно поставляетъ свои интересы равными съ нашими въ разсужденіе Польши. Нѣтъ политика, который бы не зналъ великой разницы: мы потеряемъ треть своихъ силъ и выгодъ, если Польша будетъ не въ нашей зависимости ²⁸⁶».

Чтобъ помѣшать сближенію Россіи съ Пруссіею, вѣнскій дворъ указывалъ петербургскому на опасность сношеній Пруссіи съ Турціею. Императрица замѣтила на счетъ этого указанія: «Все сіе не иное, какъ одна ревность, а время всѣмъ покажетъ, что мы ни за кѣмъ хвостомъ не тащимся».

До конца года Екатерина надѣялась справиться съ польскимъ дѣломъ безъ заключенія союза съ Пруссіею, хотя Панинъ и внушалъ о его необходимости. Надежду императрицы особенно поддерживало то, что со стороны Австріи и Франціи не предвидѣлось большихъ препятствій.

Еще въ февралѣ Екатерина поручила повѣренному въ дѣлахъ при французскомъ дворѣ, князю Дмитрію Алексѣвичу Голицыну, спросить министерство слегка, нѣтъ ли у нихъ уже кандидата на польскій престолъ. Голицынъ отвѣчалъ, что, какъ онъ могъ замѣтить, во Франціи прочать польскій престолъ одному изъ Чарторыйскихъ. Тогда, 4-го апрѣля пошелъ къ нему рескриптъ: «Ваше извѣстіе нѣкоторымъ образомъ согласно съ тѣмъ, что донесъ намъ графъ Кейзерлингъ изъ Варшавы, а именно, что съ французской стороны обнадеживали фамилію Чарторыйскихъ въ добромъ расположеніи къ ней христіаннѣйшаго короля, который готовъ ей во всемъ способствовать, если только она окажется къ Франціи чистосердечную довѣренность и не допустить усиливаться въ Польшѣ русскому вліянію. Такое внушеніе съ

Французской стороны сдѣлано было не однимъ Чарторыйскимъ, но и Полятовскимъ, изъ чего естественно заключить можно, что Франція старается, чтобъ будущій король польскій былъ преданъ ей одной, а Россіи недругъ». Въ слѣдствіе выздоровленія Августа III Голицыну предписано было не вызываться самому о польскомъ вопросѣ, но прилежно развѣдывать о прямыхъ склонностяхъ и намѣреніяхъ французскаго двора по этому важному дѣлу.

Во французскихъ извѣстіяхъ мы не находимъ подтвержденія словъ Голицына о Чарторыйскихъ. Надобно думать, что онъ принялъ выраженіе желанія содѣйствовать замыслу Чарторыйскихъ относительно преобразованій за желаніе видѣть одного изъ Чарторыйскихъ на польскомъ престолѣ. Дѣйствительно Бретейль предлагалъ своему правительству содѣйствовать преобразованію польской конституціи въ видахъ усиленія Польши. «Страшно подумать, писалъ онъ, что должность или земля, данная одному, а не другому, дѣлаетъ почти всѣхъ Поляковъ врагами общаго блага и сохраненія свободы. Я знаю, сколько подобное поведеніе имѣетъ отвратительнаго (*dégoûtant*) для державъ, заботящихся о поддержаніи этого республиканскаго государства. Чѣмъ болѣе я обращаю вниманія на Россію и на честолюбіе ея правительницы, тѣмъ болѣе склоняюсь къ мысли, что необходимо сжалиться надъ ослѣпленіемъ Поляковъ и вывести знать изъ корыстнаго застоя». Въ этомъ смыслѣ могъ дѣйствовать и представитель Франціи въ Варшавѣ; но иначе смотрѣли на дѣла въ Версали. Вотъ что писалъ Людовикъ XV 17 марта (н. с.): «Относительно будущихъ королевскихъ выборовъ въ Польшу, я прежде всего желаю, чтобъ Поляки были свободны въ своемъ выборѣ; потомъ желаю, чтобъ выбранъ былъ одинъ изъ братьевъ дофини (одинъ изъ саксонскихъ принцевъ), преимущественно Ксаверій. Если Поляки возьмутъ принца Конти, я противиться не буду. Другіе принцы нашего дома не пригодны». Но еще прежде король писалъ о положеніи Франціи вообще и относительно польскаго вопроса въ частности. «Никто лучше меня не знаетъ, что мы заключили невыгодный и безславный миръ; но при нашихъ несчастныхъ обстоятельствахъ лучшаго заключить было нельзя, и я отвѣчаю, что еслибы мы продолжали войну, то въ будущемъ году заключили бы худшій

миръ. Пока я живъ, я не отстану отъ союза съ императрицею (Марією-Терезією) и никогда не войду въ тѣсную связь съ этимъ прусскимъ королемъ. Будемъ поправляться собственными средствами, будемъ готовиться, чтобъ настоящіе наши враги насъ не поглотили. Для этого не должно возобновлять войну. Жаль, что польскій тронъ становится празднымъ въ эту минуту; къ счастью королю лучше послѣ операциі. Будемъ содѣйствовать, по возможности, новому выбору; но съ такимъ ничтожнымъ количествомъ денегъ, какое у насъ остается, я не начну войны изъ за польскаго престола».

8-го мая (н. с.) въ королевскомъ совѣтѣ читался министерскій докладъ о польскихъ дѣлахъ. «Надобно изслѣдовать, говорилось здѣсь, имѣетъ ли Франція политическій интересъ вмѣшиваться въ польскія дѣла. Одной отдаленности Польши отъ Франціи уже довольно, чтобъ рѣшить вопросъ отрицательно во всякое время. Настоящая система предписываетъ такое рѣшеніе еще настоятельно. Напрасно толкуютъ о раздѣлѣ Польши. Интересъ державъ, которыя могли бы произвести раздѣлъ, охраняетъ Польшу отъ этой опасности. Польша находится между Австрією, Пруссією, Россією и Турцією: эти четыре державы, смотряція другъ на друга глазами зависти и соперничества, болѣе охранители Польши, чѣмъ враги ея. Каждая изъ нихъ имѣетъ прямой и существенный интересъ защищать ее, потому что каждая больше всего боится усиленія другой на счетъ Польши. Такимъ образомъ Франція можетъ сложить на эти четыре державы заботу блюсти за сохраненіемъ Польши. Раздѣлъ этого государства долженъ произойти только въ слѣдствіе особенныхъ событій, послѣ кровопролитныхъ войнъ, въ которыхъ королю не для чего принимать участія. Наконецъ, если даже предположить, противъ всякаго вѣроятія, что эти четыре державы согласятся раздѣлить Польшу, или, въ слѣдствіе какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ, одна изъ нихъ овладѣетъ какою-нибудь польскою областью, то еще сомнительно, чтобъ это событіе могло интересовать Францію. Теперь боятся, чтобъ Россія и король прусскій не согласились овладѣть пригодными имъ польскими землями; но такой раздѣлъ будетъ одинаково противенъ интересамъ Австріи и Турціи, и должно положиться на ихъ бдительность; но еслибы, по нерадѣнію, они не могли помѣшать этому, то и

туть Франціи нечего тревожиться. Согласіе, установленное между Россією и Пруссією съ дѣлю увеличенія ихъ владѣній, не можетъ быть продолжительно. Это увеличеніе, приближая ихъ другъ къ другу, заставитъ ихъ болѣе бояться другъ друга; оно возбудитъ между ними зависть, которая скоро перейдетъ во вражду, и эти двѣ державы сами образуютъ равновѣсіе силъ на сѣверовостокѣ Европы. Раздѣлъ Польши—это широкое поле, по которому могутъ разгуливать праздные мечтатели, но на которомъ мудрые политики не должны рисковать заблудиться. Надобно держаться простого, вѣрнаго и вѣроятнаго, и кажется достаточно доказано, что польскія революціи не касаются Франціи, что она можетъ получить отъ нихъ или выгоду или вредъ очень отдаленные. Поэтому имѣется право заключить, что не существуетъ никакого прямого отношенія между Францією и Польшею, а если и есть, то такое темное, невѣрное, зависящее отъ такихъ необыкновенныхъ и отдаленныхъ обстоятельствъ, что неразумно заниматься ими предпочтительно предъ другими предметами, заслуживающими все вниманіе короля и его министерства и требующими издержекъ дѣйствительно полезныхъ и необходимыхъ для сохраненія французской монархіи. Не должно скрывать, что если король рѣшится доставить польскій престолъ какому-нибудь кандидату, то надобно пожертвовать для этого значительными суммами. Издержки не ограничатся одними выборами: надобно будетъ еще поддерживать избраннаго короля. И такъ предстоитъ опасность понапрасну пожертвовать достоинствомъ короля и деньгами для такого дѣла, въ которомъ, даже при употребленіи самыхъ сильныхъ средствъ, успѣхъ, по меньшей мѣрѣ, очень невѣренъ. Притомъ нельзя поручиться, чтобъ дѣло, вовсе не касающееся Франціи, не возбудило новыхъ волненій въ Европѣ и не воспламенило всеобщей войны, которую съ трудомъ потушили, и возобновленія которой необходимо избѣгать».

Этотъ докладъ объясняетъ намъ вполнѣ поведеніе Франціи въ польскихъ дѣлахъ описываемаго времени.

Отъ 2-го октября Голицынъ писалъ: «заподлинно могу донести, что прямого и основательнаго намѣренія относительно новаго польскаго короля здѣшній дворъ еще не принялъ. Если ваше императ. величество заблагоразсудите нынѣ въ томъ благо-

временно съ нимъ согласиться, то время къ тому весьма способное по многимъ резонамъ: 1) Франція находится въ слѣдствіе недавней войны и слабости правительства въ изнуренномъ состояніи. 2) Казна ея совершенно истощена и долги чрезвычайныя, а источники доходовъ до сихъ поръ еще не найдены. 3) Песмотря на то, естественно, чтобъ она осталась спокойною по польскому дѣлу; она будетъ интригами своими перечить всѣмъ намѣреніямъ вашего величества; но 4) чувствуя, какъ мало ей надежды пересилить ихъ, она теперь, не болѣе какъ для одного виду, нѣсколько можетъ быть и поспорить, а наконецъ съ радостію согласится на все, что ваше величество ни пожелаете, дабы показать, что она имѣетъ въ Польшѣ большое вліяніе и безъ ея согласія ничто въ Европѣ не дѣлается». На этомъ донесеніи Паничъ приписалъ: «Представленіе князя Голицына разумно, и, основавъ систему здѣсь, конечно требуетъ достоинство политики знатной имперіи вашего величества, чтобъ открытымъ образомъ въ дѣлахъ дѣйствовать, не примѣшивая персоналитетовъ; а Франція конечно сіе приметъ съ удовольствіемъ и будетъ беречь и уважать насъ для переду».

Герцогъ Пралэнъ при свиданіи съ Голицынымъ послѣ полученія извѣстія о смерти Августа III, сказалъ дружески, а не министеріально: «Я не вѣрю слуху, будто императрица договорила съ королемъ прусскимъ отнять у Польши нѣкоторыя провинціи и раздѣлить между собою: въ такомъ случаѣ Франція не можетъ остаться спокойною, потому что она гарантировала оливскій договоръ. Но кромѣ этого случая, вы можете быть увѣрены, что король мой государь желаетъ одного только, чтобъ дана была польской республикѣ полная власть выбрать самой себѣ короля, а для насъ все равно, будетъ ли онъ Полякъ или иностранецъ». 21 октября Пралэнъ объявилъ Голицыну официально, что король не будетъ вмѣшиваться въ польскія дѣла, кромѣ случая нарушенія правъ республики другими державами, ибо онъ, король, не можетъ тутъ остаться равнодушнымъ, какъ порука за оливскій договоръ; и что хотя естественно желаніе короля видѣть на польскомъ престолѣ саксонскаго курфюрста по ближнему родству и союзу, однако онъ отнюдь не станетъ принимать сильныхъ къ тому мѣръ и способовъ, а желаетъ, чтобъ выборы были свободные». Голицынъ, передавая слова

Пралэна своему двору, прибавилъ: «Дофинъ и дофина употребляютъ всѣ старанія, чтобы здѣшній дворъ принялъ болѣе горячее участіе въ интересахъ брата ихъ курфюрста саксонскаго; но заподлинно могу донести, что никакого успѣха въ томъ не имѣютъ, и что до сихъ поръ настоящее намѣреніе версальскаго двора—не мѣшаться сильно въ дѣло, а оставаться почти нейтральнымъ, къ чему Франція понуждается дурнымъ внутреннимъ своимъ состояніемъ». Панинъ на этомъ донесеніи сдѣлалъ замѣтку: «На сіе просто совсѣмъ положиться нельзя; отсюда до времени избранія польскаго короля остается почти цѣлый годъ; между тѣмъ Франція будетъ размѣривать польскія дѣла прогрессами, а можетъ быть и нѣкоторыми переменами своей политической системы, и ея въ Польшѣ посольство безмолственнымъ не будетъ, а имѣвъ общую съ курфюрстомъ партію и своихъ собственныхъ партизановъ, коихъ конечно совсѣмъ не кинетъ, можетъ, согласясь съ курфюрстомъ, кинуть милліона два или три ливровъ, чтобъ или сюрпризомъ или замѣшательствомъ сдѣлать своего короля, а потомъ негосировать, особливо если между тѣмъ усмотритъ какую-либо слабость въ мѣрахъ имъ противныхъ и въ томъ Поляковъ своихъ друзей удостовѣрять».

9 декабря Голицынъ объявилъ французскому министерству конфидентно, что императрица приняла намѣреніе помогать избранію Пяста, надѣясь, что и французскій король не откажется приказать своимъ министрамъ въ Варшавѣ и Дрезденѣ дѣйствовать согласно съ Русскими. Пралэнъ обѣщавъ донести объ этомъ королю; но замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ у Польши отнимется свобода выбрать себѣ короля какого захочетъ; а декларация посла, графа Кейзерлинга, гдѣ онъ совершенно исключаетъ изъ кандидатовъ саксонскаго курфюрста, противна заявленному желанію сохранить права польской республики; тогда какъ Франція желаетъ, чтобъ выборы были совершенно отданы на волю республики, все равно—выберетъ ли она Пяста или иностраннаго принца.

Пришло извѣстіе с кончинѣ курфюрста саксонскаго; но это нисколько не переменило рѣшенія французскаго двора; Пралэнъ сообщилъ Голицыну отвѣтъ королевскій: король не можетъ содѣйствовать избранію Пяста съ исключеніемъ иностранныхъ кандидатовъ, ибо такое избраніе уже не будетъ свободное; от-

вѣчая довѣрїю императрицы, король не скрываетъ, что его желаніе было и есть, чтобъ избранъ былъ саксонскій курфюрстъ, а такъ какъ онъ умеръ, то кто-нибудь изъ его братьевъ; но король обѣщаетъ, что никакихъ масильственныхъ мѣръ къ тому не употребитъ, а станетъ дѣйствовать одними увѣщанїями и добрыми услугами, если только другія державы своими насилїями не заставятъ его дѣйствовать иначе.— Панинъ, на донесенїи Голицына объ этомъ отвѣтъ, сдѣлалъ замѣтку: «Франція подлинно такъ говоритъ, какъ думаетъ, и слѣдовательно кромѣ большихъ интригъ и нѣкоторой суммы денегъ для препятствїя намъ не употребитъ, а оное однако же распространитъ несумѣнно противъ насъ и тогда, когда будетъ выборъ и между однихъ Пиастровъ, абы не исключить себя изъ участїя въ польскихъ дѣлахъ».

Отношенїя Россїи къ Франціи, какъ они уже достаточно опредѣлились въ первый годъ царствованїя Екатерины, не требовали, чтобъ Франція держала въ Россїи знатнаго представителя, тѣмъ болѣе, что значенїе русскаго представителя при версальскомъ дворѣ, кн. Голицына, не соответствовало значенїю барона Бретейля, и послѣдній былъ перемѣщенъ въ Швецію. Весною, въ Москвѣ онъ имѣлъ прощальную аудїенцію у императрицы. «Вы будете моимъ врагомъ въ Швеціи, сказала ему Екатерина: вы будете моимъ врагомъ; въ этомъ я увѣрена». Посланникъ изъ учтивости началъ увѣрять, что напрасно императрица такъ думаетъ, что съ этого времени Европа станетъ жить въ мирѣ, подъ покровительствомъ русской государыни.— «Такъ вы думаете, сказала Екатерина, что Европа теперь смотритъ на меня? Такъ я имѣю какое-нибудь значенїе въ кабинетахъ? Дѣйствительно, я думаю, что Россїя заслуживаетъ вниманїя. У меня лучшая армія въ цѣломъ мїрѣ; у меня есть деньги, и чрезъ нѣсколько лѣтъ у меня будетъ ихъ много. Еслибы я слѣдовала моимъ склонностямъ, то война приходилась бы мнѣ больше по вкусу, чѣмъ миръ; но человѣколюбіе, справедливость и разумъ меня удерживаютъ. Я надѣюсь постоянно сохранять миръ. Однако меня не надо подталкивать, какъ императрицу Елисавету, чтобъ я начала войну: я буду воевать, когда это будетъ необходимо, буду воевать по убѣжденїямъ разума, а не изъ угодливости». Потомъ императрица склонила разговоръ на неспособность своихъ министровъ: «къ счастью, сказала она, молодые

люди утѣшаютъ меня надеждою; а я не пренебрегаю ничѣмъ, что можетъ нравиться моему народу». Дошла очередь до Турціи. Бретейль замѣтилъ, что на Востокѣ вліяніе Франціи можетъ быть полезно для Россіи. — «Такъ вы думаете, гордо возразила императрица, что въ диванѣ у васъ больше вліянія, чѣмъ у меня?» Бретейль выставилъ на видъ старую дружбу у Франціи съ Портою, дружбу, основанную на дальнемъ разстояніи одного государства отъ другаго; онъ упомянулъ объ услугахъ, оказанныхъ Франціею Россіи, при заключеніи послѣдняго мира съ Турціею при императрицѣ Аннѣ. — «Война, отвѣчала Екатерина, велась Россіею блистательно, миръ былъ бы еще болѣе блистателенъ, еслибъ Австрійцы вели себя добросовѣстно. Но они насъ завязили тамъ. Петръ III отплатилъ имъ. Мы поквитались».

Беранже, оставшійся въ Россіи повѣреннымъ въ дѣлахъ, по отѣздѣ Бретейля, успокоилъ свой дворъ относительно замысловъ Россіи и Пруссіи увеличить свои владѣнія на счетъ Польши. Онъ писалъ въ декабрѣ: «Теперь нѣтъ больше вопроса о раздѣлѣ Польши: долженъ ли я вѣрить словамъ русскихъ министровъ, что у нихъ никогда и не думали посягать на цѣлость Польши, или единогласно высказанное рѣшеніе всѣхъ державъ — воспротивиться такому намѣренію остановило ихъ, вѣрно одно, что Россія въ эту минуту не предприметъ завоеваній. Я разговаривалъ объ этомъ съ вице-канцлеромъ, и онъ объявилъ, что интересъ Россіи требуетъ поддержанія польскихъ владѣній во всей ихъ цѣлости и не допускать ни одну державу усиливаться на ея счетъ. Этотъ министръ выставлялъ мнѣ чистоту намѣреній императрицы въ этомъ отношеніи; онъ прибавилъ, что со стороны прусскаго короля возможны менѣе безкорыстные виды, но что Россія будетъ имъ противодѣйствовать, какъ только они обнаружатся»²⁸⁷.

Можно было успокоиться со стороны Пруссіи, Австріи, Франціи. Опаснѣе была Турція, которую могли возбудить другіе.

Обрѣзковъ началъ свои донесенія обнадеживаніями въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Порты. Въ апрѣлѣ прислалъ онъ любопытное донесеніе о черногорскихъ дѣлахъ: «Многія бѣдствія и притѣсненія, настоящія и впредь быть могущія отъ Турокъ и венеціанской республики черногорскому народу, предъявленные въ доношеніи въ св. Синодъ митрополитовъ Саввы и Василія Петровичевъ, по большей части раждаются въ непокойномыслии

послѣднѣго изъ оныхъ преосвященныхъ, и которое не допускаетъ его съ нѣкоторымъ сосѣдомъ жить въ добромъ согласіи. И имѣлъ случай съ разными людьми, такъ латинскую, какъ и грекороссійскую православную вѣру исповѣдующихъ, да и самими Черногорцами разговаривать и отъ всѣхъ единогласно слышу сколько похвалы о преосвященномъ Саввѣ, толико хуленія о Василии, съ таковымъ предреченіемъ, что ежели перваго смерть застигнетъ, послѣдній, по бѣглому разуму и неспокойному его духу, черногорскій народъ всемѣрно чрезъ непродолжительное время въ совершенное раззореніе приведетъ, почему данный имъ совѣтъ въ письмѣ государственнаго канцлера, въ отвѣтъ на оное ихъ доношеніе писанномъ,—имѣть мирожитіе со всѣми сосѣдами, былъ весьма ко времени, который и впредь для собственной черногорскаго народа пользы подтверждать не безнужно есть. Да и предъявленія ихъ касательно происковъ венецкой республики со употребленіемъ нарочитаго иждивенія ввести въ окрестныя ихъ мѣста архіерея-уніата такожь сомнѣнію подвержены, ибо какъ каждому извѣстно, что между всѣми державами, латинскую вѣру исповѣдующими, венецкая республика наименѣе заботится преклонять народы къ признанію папы за главу церкви, но совершенно терпитъ во владѣніи ея вольность совѣсти, чему жители острововъ Корфу, Цанте и Цефалонія, исправляющіе православную вѣру безъ наималѣйшаго притѣсненія, явнымъ доказательствомъ служить могутъ; однакожь я, изыскавъ случай, не премину съ св. константинопольскимъ патріархомъ о семъ поизясниться, хотя по истинѣ сказать, по извѣстнымъ его качествамъ и который за деньги все сдѣлать въ состояніи, изъ того невеликой пользы быть уповаю».

Но съ половины года начинаютъ приходиться изъ Константинополя тревожныя извѣстія. Въ іюль Обрѣзковъ добылъ инструкцію Порты посланнику, отправлявшемуся въ Берлинъ для заключенія союза съ Пруссіею. Въ инструкціи говорилось: во время пребыванія въ Польшѣ дать знать Полякамъ, что Оттоманская Порта не лишитъ польской республики помощи и покровительства и отнюдь не позволитъ нарушенія ея древнихъ правъ и вольностей. Съ прусскими министрами совѣщаться о польскихъ дѣлахъ въ случаѣ смерти настоящаго короля и дать имъ знать о точномъ намѣреніи Порты, что она никогда не по-

терпитъ на польскомъ престолѣ австрійскаго принца. На этой инструкціи, сообщенной Обрѣзковымъ въ Петербургъ, Панинъ написалъ: «Какъ приемлема Портою въ польскихъ дѣлахъ участіе происходитъ наипаче по прояскамъ и жалобамъ Поляковъ чрезъ хана крымскаго, при ней Портѣ производимыхъ и отъ представленій хана крымскаго, на которыхъ она совершенно утверждается, то консулу Никифорову указомъ предписано уже, да и впредь подтверждено будетъ, дабы онъ употребилъ прилежное стараніе склонить хана въ здѣшнюю сторону, а чрезъ него и Порту удалить отъ всякаго заступленія за Поляковъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и въ другихъ будущихъ происшествіяхъ въ польской республикѣ, въ чемъ нынѣ можно предупредить болѣе при ханѣ, нежели при Портѣ и безъ дальнихъ иногда издержекъ въ разсужденіи посланныхъ уже къ нему съ консулемъ подарковъ». Изъ этой замѣтки узнаемъ, что исполнилось наконецъ давнее желаніе русскаго двора имѣть консула при ханѣ крымскомъ. 20 февраля кievскій генераль-губернаторъ Глѣбовъ далъ знать иностранной коллегіи, что онъ посылалъ къ крымскому хану съ письмами поручика Баставика, которому ханъ объявилъ, что согласенъ имѣть при себѣ русскаго консула, но требовалъ, чтобъ объ этомъ русское правительство прямо къ нему написало, ибо тогда только онъ будетъ имѣть возможность представить Портѣ объ этомъ дѣлѣ. Потомъ Баставикъ обратился къ придворнымъ ханскимъ старшинамъ съ вопросомъ, чѣмъ генераль-губернаторъ можетъ поблагодарить хана за его благосклонность, и они предложили ему реестръ подаркамъ, которые состояли въ тысячѣ червонныхъ, мѣхахъ и каретѣ съ лошадьми. 9 апрѣля императрица писала канцлеру: «Для Бога скорѣе назначьте кандидата для крымской посылки, можете надеяться, что кто добровольно поѣдетъ, можетъ себя ласкать великихъ авантажей впередъ, и дѣйствительно я ничто не пожалѣю за такую знатную и нужную услугу». Не раньше какъ черезъ мѣсяць былъ отысканъ кандидатъ, и 9 мая императрица пишетъ опять Воронцову: «Михайло Ларіоновичъ, пожалуй поспѣшите поѣздкою Никифорова и, сколько можно, снабдите его всеми подарками, что они требуютъ, дабы для бездѣлицы не испортились столь великія и важныя дѣла. Я не могу довольно Бога благодарить за столь счастливый во всехъ дѣлахъ успѣхъ. Продолжи Богъ милость свою далѣ!»

20 октября пришло въ Константинополь извѣстіе о кончинѣ Августа III и въ тотъ же день былъ свергнутъ великій визирь и на его мѣсто назначенъ былъ Мустафа-паша, бывший двараза прежде визиремъ. Въ 1756 году Обрѣзкову велѣно было стараться о его сверженіи и прислано было для этого 10,000 червонныхъ; деньги тогда остались цѣлы, потому что Мустафа былъ свергнутъ и безъ Обрѣзкова. Мустафа, по отзывамъ резидента, былъ не только преисполненъ злостью и хитростью, но изо всѣхъ Турокъ самый способный къ командованію войскомъ. На донесеніи Обрѣзкова объ этихъ событіяхъ Панинъ замѣтилъ: «Новый визирь можетъ быть теперь не столько противъ насъ пойдетъ, когда узнаетъ перемѣну нашей системы въ разсужденіи вѣнскаго двора и съ нимъ сопряженныхъ польскихъ дѣлъ». Обрѣзкову послано было приказаніе: 1) доказывать Портѣ ея собственную выгоду въ раздѣленіи польскими дѣлами нашего интереса отъ интереса австрійскаго; 2) въ разсужденіи тѣснаго союза вѣнскаго двора съ Франціею, Испаніею и со всѣми италіанскими державами, отступленіе отъ него Россіи по польскимъ дѣламъ также полезно Туркамъ; 3) внушенія эти должны быть умѣренны и клониться только къ тому, чтобъ удержать Порту въ покоѣ, а деньги употреблять именно съ этою цѣлью; 4) если не удастся удержать Порту въ покоѣ, то стараться тѣми же деньгами низвергать визиря, если онъ свои безпокойныя намѣренія оказывать станетъ.

Въ Константинополѣ началась дипломатическая борьба: французскій посланникъ Вержень представилъ Портѣ необходимость для нея вмѣшаться въ польскія дѣла и не позволять Россіи господствовать въ Польшѣ; прусскій посланникъ Рексенъ выставилъ соглашеніе Россіи и Пруссіи по польскимъ дѣламъ за самое полезное для Польши, и требовалъ, чтобъ Порты не допустила уловить себя французскими и другими внушеніями, клонящимися къ тому, чтобъ доставить польскую корону въ третій разъ саксонскому дому и такимъ образомъ сдѣлать ее наследственною. Обрѣзковъ обѣщаніемъ хорошаго подарка уговорилъ переводчика Порты сдѣлать ей заявленіе, будто онъ узналъ, что между Франціею и Австріею положено: если не удастся возвести на польскій престолъ саксонскаго принца, то стараться возвести герцога пармскаго, тестя эрцъ-герцога Іосифа, близкаго

родственника и французскому королю; такимъ образомъ всѣ католическія державы и папа со всѣмъ духовенствомъ и іезуитами станутъ притѣснять вольность польской республики. Въ слѣдствіе обѣихъ этихъ представленій Порты объявила прусскому посланнику, что ей пріятно согласіе Пруссіи съ Россіею относительно предоставленія Полякамъ свободы выбрать себѣ короля изъ своихъ. За три тысячи червонныхъ Обрѣзкову удалось побудить Порту дать и французскому посланнику отвѣтъ въ томъ же смыслѣ, и послать указы крымскому хану, господарямъ молдавскому и волошскому, чтобъ они сообразовались съ рѣшеніемъ Порты, ибо при дворахъ этихъ владѣтелей велись всякаго рода интриги противъ Россіи ²⁸⁸.

Сильная дипломатическая борьба между Россіею и Франціею должна была происходить также на другомъ, сѣверномъ полуостровѣ Европы. 28 марта Остерманъ доносилъ: «По нынѣшнимъ здѣшнимъ изнурительнымъ обстоятельствамъ нельзя думать, чтобъ шведскій дворъ покусился вмѣшаться въ польскія дѣла, развѣ будетъ побужденъ къ тому Франціею, которая заплатитъ ему доимочныя субсидіи и будетъ продолжать свое прежнее ремесло, подкупать шведскіе государственныя чины». 26 августа Остерманъ далъ знать, что Франція предложила Швеціи новый десятилѣтній оборонительный союзъ на такихъ условіяхъ: Франція въ 1763 году заплатитъ Швеціи милліонъ ливровъ, потомъ съ будущаго года во все время союза будетъ платить по полтора милліона ливровъ въ годъ, а Швеція за это отдастъ во французскую службу шесть линейныхъ кораблей и шесть фрегатъ вооруженныхъ, которые Франція возвратитъ по минованіи союза натурою или по оцѣнкѣ деньгами. На этомъ донесеніи Панинъ написалъ: «О представленіи французскаго двора шведскому можно, кажется, въ конфиденцію аглинскому двору чрезъ его здѣсь посла и здѣшняго министра въ Лондонѣ дать знать, дабы чрезъ то, съ одной стороны, возбудить атенцію и жалюзію аглинскаго двора къ французскому пріумножить; съ другой стороны уваженіе, нужду и склонность онаго вступить съ здѣшнимъ въ тѣснѣйшее содруженіе и тѣмъ кондиціи по мѣрѣ полагаемаго союзнаго оборонительнаго и коммерціи трактатовъ выгоднѣе и полезнѣе для здѣшняго двора учинить». Но шведскій сенатъ постановилъ — требовать отъ Франціи уплаты субсид-

ныхъ допмокъ, простиравшихся до четырехъ милліоновъ ливровъ и прежде этого не входить ни въ какія новыя соглашенія; Шляпы и Колпаки соединились въ общемъ негодованіи на Францію. Одинъ *благонамѣренный* сенаторъ говорилъ по этому поводу Остерману: «Положеніе нашихъ дѣлъ дошло до крайности: Франція, повидимому, не въ состояніи удовлетворить нашимъ требованіямъ, и мы принуждены будемъ созвать чрезвычайный сеймъ; французская партія сама этого хочетъ, а между народомъ сильное неудовольствіе въ слѣдствіе принятыхъ государственными чинами на послѣднемъ сеймѣ противорѣчивыхъ мѣръ; начинаютъ говорить о пересмотрѣ и поправкѣ основныхъ законовъ. Благонамѣренные патріоты находятся при этомъ безо всякой поддержки, ибо съ англійскимъ дворомъ, за неимѣніемъ здѣсь его министра, они не могутъ имѣть прямого сношенія, а Россія, по всѣмъ примѣтамъ, не хочетъ мѣшаться въ наши внутреннія дѣла. Слѣдовательно имъ не остается другаго способа, какъ въ видахъ самосохраненія повиноваться времени и слѣдовать безпрекословно случайнымъ обстоятельствамъ, которыя не много добраго общають. Я не могу скрыть, что дѣйствительное оказаніе нѣкоторой малой поддержки и покровительства со стороны вашей императрицы много бы помогло благонамѣреннымъ и для отстраненія новыхъ обязательствъ съ французскимъ дворомъ, и для возстановленія своего значенія въ народѣ; и еслибъ императрицѣ угодно было предложить шведскому двору 300,000 рублей или хотя меньше, то я могу честію своею обнадѣжить, что нація обратитъ свою довѣренность къ совѣтамъ императрицы, а министерство съ французскою партією не посмѣютъ принуждать народъ къ наложенію на себя новаго французскаго ига». Остерманъ донося объ этомъ внушеніи со стороны благонамѣреннаго сенатора, прибавилъ: «При настоящемъ движеніи здѣшней національной мысли, открытіе чрезвычайнаго сейма очень деликатно. Во-первыхъ, съ нѣкотораго времени Шведы, отъ мала до велика, приписываютъ всѣ свои неурядки фундаментальнымъ законамъ, почему желаютъ ихъ пересмотрѣть и переправить. Къ этому стремятся трое важныхъ лицъ: генераль графъ Ферзенъ, государственный секретарь баронъ Германсонъ и полковникъ Синклеръ, которые находятся въ самомъ тѣсномъ согласіи другъ съ другомъ и явно хвалятся без-

предѣльною къ себѣ довѣренностью королевы. Во-вторыхъ, окончательное истощеніе государственныхъ доходовъ, не достаетъ денегъ на необходимыя государственныйя потребности. Въ-третьихъ, при настоящихъ вексельныхъ замѣшательствахъ къ немалому государственному разоренію служить остановка въ торговлѣ иностранной. Въ-четвертыхъ, явная ненависть между дворянскимъ и мѣщанскимъ чинами, и въ-пятыхъ, несносная дороговизна необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ. Вину всего этого народъ возлагаетъ на несовершенство правительственной формы и нарушенія равновѣсія между тремя властями: королевскою, сенатскою и государственныхъ чиновъ. Съ основаніемъ можно полагать, что первымъ и главнымъ дѣломъ на сеймѣ будетъ возстановленіе этого равновѣсія, и тутъ нельзя угадать, которая сторона перетянетъ. Миѣ предписано сохранять равновѣсіе между партіями посредствомъ внушеній; но теперь однихъ внушеній недостаточно: когда французской партіи не будетъ большой денежной подпоры изъ Франціи, то она соединится съ придворною партіею, и тогда старинныя Боннеты (Колпаки) останутся яко овцы безъ пастыря, и мало-помалу исчезнутъ, а придворная партія получитъ всю силу въ свои руки, и на чемъ она остановится, это предсказать трудно». — Панинъ замѣтилъ: «Трудно ожидать, чтобъ шведская нація обратила свою любовь и довѣренность къ здѣшней сторонѣ, имѣя во вѣки чувствовать и Россійской имперіи приписывать потерю своей консидаціи и инфлюенціи въ европейскихъ дѣлахъ, и особливо настоящее свое весьма изнурительное состояніе. Все сіе однакожъ не мѣшаетъ Швеціи чувствовать всю тяжесть французскаго ига и вслѣдствіе того, стараясь онаго избавить, послѣдовать здѣшнимъ видамъ».

Изъ Франціи пришло извѣстіе, что тамъ опредѣлено заплатить Швеціи 3 милліона ливровъ съ разсрочкою, послѣ чего Людовикъ XV открылъ шведскому правительству свое намѣреніе относительно польскихъ дѣлъ по смерти Августа III: король желаетъ возведенія на польскій престолъ саксонскаго курфюрста, но предоставляетъ дѣло свободнымъ выборамъ, и если жребій падетъ на Пяста, то препятствовать этому не будетъ; если же кѣмъ-нибудь будетъ принято намѣреніе раздробить польскую республику по частямъ, то онъ будетъ противиться этому всѣми

силами и будетъ просить содѣйствія въ этомъ дѣлѣ у всѣхъ своихъ союзниковъ; поэтому желаетъ знать, какъ думаетъ объ этомъ шведское правительство, правительство такой державы, которой собственный интересъ требуетъ сохраненія въ цѣлости польской республики. Изъ Швеціи отвѣчали, что взгляды шведскаго короля вполне согласны съ французскими. Король достаточно чувствуетъ важность сохраненія вольности республики польской, конституціи и ея цѣлости, и потому нимало не намѣренъ препятствовать вольнымъ выборамъ, и если курфюретъ саксонскій получитъ корону, то это будетъ очень пріятно королю шведскому. Панинъ замѣтилъ: «Шведскій отвѣтъ весьма цѣломудренъ».

Между тѣмъ въ Петербургѣ почли необходимымъ выдать шведскому правительству 300,000 недоплаченныхъ субсидій. Получивъ объ этомъ извѣщеніе отъ своего двора, Остерманъ обратился къ извѣстному *благонамѣренному* сенатору, и тотъ отвѣчалъ, что надобно сдѣлать это предложеніе не прежде открытія сейма, иначе министерство воспользуется возможностью удовлетворить финансовымъ нуждамъ, возьметъ деньги и сейма не созоветъ. Вслѣдъ за тѣмъ пришло изъ Петербурга объявленіе императрицы, что она намѣрена поддерживать въ Польшѣ избраніе Пяста; шведскій король отвѣчалъ, что вопросъ о королевскомъ избраніи въ Польшѣ возникъ такъ недавно, что трудно относительно него принять какое-нибудь рѣшеніе; королевскіе выборы есть собственно дѣло польскаго народа, который и долженъ рѣшить, кто ему лучше—свой или чужой ²⁸⁹.

Относительно участія Даніи въ польскомъ вопросѣ Корфъ писалъ, что это государство войскомъ никому не поможетъ, какія бы большія субсидіи ни были предложены. Финансы въ печальномъ положеніи. Гораздо ближе были дѣла шведскія. Министръ иностранныхъ дѣлъ Бернсторфъ говорилъ Корфу: «Видно, что Франція противъ прежняго уже не такъ много занимается шведскими дѣлами; поэтому польза сосѣднихъ дворовъ требуетъ принять въ уваженіе ту опасность, въ которой повидимому Швеція теперь находится; благоразуміе требуетъ принимать предосторожности противъ готовящейся бури. Для спокойствія Европы нѣтъ ничего вреднѣе самодержавія въ Швеціи. Исторія доказываетъ, что безпрестанныя и кровопролитныя войны на-

добно приписывать самодержавнымъ шведскимъ королямъ». Корфъ замѣтилъ, что если такъ, то между Россіею и Даніею должно быть заранѣе сдѣлано соглашеніе на этотъ счетъ. — «Мы уже думали объ этомъ, отвѣчалъ Бернсторфъ, но какъ начать? Изъ всѣхъ мѣстъ и изъ самаго Стокгольма получили мы извѣстія, что шведская королева сыскала способъ войти въ сильную дружбу съ императрицею россійскою и вовлечь ее въ интересъ своего дома; я не буду изслѣдовать, вѣрно это или нѣтъ; но такъ какъ разглашеніе уже сдѣлано, то при такихъ деликатныхъ обстоятельствахъ, можемъ ли мы, не подвергнувъ себя отвѣтственности, предложить своему государю объ установленіи такого соглашенія, которое императрица тѣмъ легче отклонить, что по своимъ большимъ силамъ не можетъ такъ много опасаться отъ Швеціи, какъ Данія; чтоже выйдетъ, если мы сдѣлаемъ первое предложеніе о такомъ соглашеніи? только то, что навлечемъ на своего короля непримиримую злобу шведскаго двора!» — «Страхъ совершенно напрасный, отвѣчалъ Корфъ: императрица поступаетъ по правиламъ, основаннымъ на существенныхъ интересахъ своей имперіи. Если вы хотите узнать мнѣніе императрицы по шведскимъ дѣламъ, то пусть вашъ посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Остенъ предложитъ войти въ соглашеніе по этимъ дѣламъ при условіи глубочайшей тайны». Бернсторфъ общалъ посовѣтоваться съ товарищами, и въ слѣдующую конференцію объявилъ, что король далъ предложенное Корфомъ порученіе Остену, причемъ Бернсторфъ далъ знать, что король велѣлъ своему министру въ Варшавѣ дѣйствовать согласно съ русскими министрами относительно королевскихъ выборовъ ²⁹⁰.

Англійскій посолъ графъ Бѣкингамъ сильно хлопоталъ о скорѣйшемъ заключеніи союзнаго и коммерческаго трактата; но мы видѣли, съ какою осторожностію относились въ Россіи къ заключенію союзовъ. 15-го февраля Екатерина писала канцлеру: «Мнѣ кажется послу аглинскому отвѣтствовать удобно на сіе домогательство о союзномъ трактатѣ, что желательно было бы напередъ согласиться о мѣрѣ въ случаѣ выбора будущаго короля польскаго, такъ какъ я уже не единожды оному послу внушить приказала, но еще мнѣніе его двора неизвѣстно; а если онъ на то скажетъ, что они на все согласны, что я по онимъ дѣламъ предприиму, тогда можно отвѣтствовать, что сіи генераль-

ные термины не довольны, если они не въ инструкціи англійскаго министра въ Варшавѣ, дабы онъ согласно могъ поступать съ моимъ посломъ». На конференціи съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ въ Москвѣ 8-го марта Бэкингамъ жаловался, что дворъ его сердится на него, будто бы онъ съ своей стороны не довольно старается о союзѣ. Воронцовъ и Голицынъ отвѣчали ему, что онъ самъ можетъ быть свидѣтелемъ, какъ много императрица уважаетъ дружбу англійскаго короля, и если до сихъ поръ не начато дѣло о возобновеніи обоихъ трактатовъ, то всю вину надобно приписать множеству нужнѣйшихъ внутреннихъ дѣлъ, которыми теперь занята императрица и которыя, повидимому, до возвращенія двора въ Петербургъ не оставляютъ ей свободнаго времени заняться внѣшними дѣлами. 22-го апрѣля Бэкингамъ объявилъ, что король его государь отправилъ въ Варшаву къ своему резиденту указъ, чтобъ онъ во всѣхъ случаяхъ и особенно въ случаѣ смерти королевской дѣйствовалъ согласно съ русскимъ посломъ.

8-го іюля Бэкингамъ подалъ записку: «Король мой государь отложилъ свои домогательства о возобновеніи союза на томъ основаніи, что дворъ не долго пробудетъ въ Москвѣ. Теперь же, рассчитывая что дворъ долженъ уже находиться въ Петербургѣ, приказалъ мнѣ самой императрицѣ и министрамъ ея изъяснить свое прискорбіе о томъ, что еще не начато дѣло, столь нужное для сохраненія европейскаго мира и для выгодъ обоихъ народовъ, между которыми сама природа опредѣлила союзъ. Желательно было бы, чтобъ Россія это дѣло разсмотрѣла внимательно, ибо союзу уже давно надлежало быть постановленнымъ. Медленность въ заключеніи союза умалила кредитъ обоихъ дворовъ, а прочія державы, имѣющія виды, противныя видамъ Англій и Россіи, этимъ временемъ воспользовались. Англійскій дворъ ни о какомъ другомъ союзѣ такъ не старается, какъ о русскомъ; онъ знаетъ, какъ важень этотъ союзъ для обоихъ народовъ не только въ разсужденіи ихъ самихъ, но и въ разсужденіи обязательствъ, постановляемыхъ ими съ прочими державами, и потому королю мало понятна политика русскаго двора, отлагающая возобновеніе оборонительнаго союза во время всеобщаго мира въ Европѣ; и для чего бы также не заключить коммерческаго трактата, который болѣе важень для Россіи,

чѣмъ для Англіи. Короля ни въ чемъ нельзя упрекнуть, ибо онъ подалъ всевозможные опыты своего почтенія къ императрицѣ удовлетвореніемъ ея желаній относительно польскихъ дѣлъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Искренній союзъ съ Россіею необходимо почитается первымъ и лучшимъ основаніемъ политики, и когда разъ онъ будетъ установленъ, то легко можемъ установить систему мудрую и правильную, согласную съ нашими собственными интересами и съ сохраненіемъ спокойствія въ Европѣ. Когда мы будемъ дѣйствовать согласно и говорить однимъ языкомъ, то будемъ говорить съ другими дворами вѣско и съ достоинствомъ, и на наши слова будутъ обращать вниманіе».

Такое сильное представленіе побудило составить проектъ союзнаго договора. Если съ такою неотвязчивостью требуютъ союза, если прямо говорятъ, что союзъ съ Россіею считается въ Англіи первымъ и лучшимъ основаніемъ политики, то не должны скупиться на удовлетвореніе русскимъ требованіямъ. Финансы имперіи не въ завидномъ положеніи; выборы польскаго короля потребуютъ большихъ издержекъ; богатая Англія должна помочь. Еще больше побужденій для Англіи помочь Россіи въ Швеціи, ибо тамъ будетъ борьба противъ Франціи, а эта борьба для Англіи всегда на первомъ планѣ. Въ такомъ смыслѣ составлены были двѣ секретныя статьи русскаго проекта союзнаго договора съ Англіею. Въ первой говорилось, что въ случаѣ смерти Августа III-го, англійскій министръ въ Варшавѣ долженъ дѣйствовать сообща съ русскимъ министромъ и употреблять всѣ усилія для возведенія на польскій престолъ такого лица, относительно котораго оба двора согласились между собою, и такъ какъ при этомъ нельзя обойтись безъ издержекъ, то англійскій король обѣщаетъ имѣть въ Польшѣ значительную денежную сумму для достиженія этой общей цѣли; императрица сдѣлаетъ то же съ своей стороны. Но если дѣла въ Польшѣ дойдутъ до такой крайности, что русская императрица, по содѣйству, будетъ принуждена оружіемъ поддерживать виды обѣихъ договаривающихся державъ, въ такомъ случаѣ англійскій король обѣщаетъ прислать императрицѣ 300,000 рублей, какъ скоро русскія войска вступятъ въ Польшу. Во второй секретной статьѣ говорилось, что и въ Швеціи русскій и англійскій министры должны дѣйствовать сообща для ослабленія партіи, под-

держиваемой другими государствами, и для сохраненія равновѣсія между этою партіею и другою, ей противоположною.

Въ Англіи обѣ эти статьи нашли совершенно невозможными. Бёкингамъ долженъ былъ представить русскому министерству, какъ неудобно для Англіи входить въ споры по поводу выборовъ польскаго короля съ опасностью вовлечься въ новую войну. Кромѣ того была еще третья статья, на которую посолъ ни какъ не соглашался, именно на включеніе Турціи въ число державъ, противъ которыхъ, въ случаѣ ихъ нападенія на Россію, Англія должна помогать послѣдней.

«Наше министерство, говорилъ Бёкингамъ, не можетъ принять этого пункта, не подвергнувъ себя великому негодованію торгующей въ Левантѣ компаніи; какъ скоро Порта услышитъ о такомъ союзѣ, то совершенно уничтожитъ англійскую торговлю въ своихъ владѣніяхъ». Вице-канцлеръ возражалъ ему, что если съ одной стороны исключить Турцію, то съ другой надобно будетъ исключить Францію, и тогда нечего будетъ заключать бесполезный для обѣихъ сторонъ союзъ. Бёкингамъ хлопоталъ, чтобъ одновременно шли переговоры о торговомъ трактатѣ; но съ русской стороны было рѣшено сдѣлать союзный договоръ условіемъ для заключенія торговаго, чтобъ принудить Англію къ большей податливости относительно перваго.

Легко понять, какъ въ слѣдствіе этой медленности въ заключеніи договоровъ было непріятно положеніе русскаго министра въ Лондонѣ, графа Александра Воронцова. Англійскіе министры говорили ему, что при европейскихъ дворахъ толкуютъ о неуспѣхѣ Бёкингама въ заключеніи договоровъ, приписывая этотъ неуспѣхъ вліянію Франціи, и что эти толки вредятъ значенію Англіи. Эти толки подтверждались газетными извѣстіями объ отличіяхъ, какими пользовался при русскомъ дворѣ французскій посланникъ Бретейль. Статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, графъ Галифаксъ, объявилъ Воронцову, что по заключеніи союзнаго договора между Россіею и Англіею можно допустить къ нему и берлинскій дворъ, который присоединится съ охотою по затруднительности своего положенія, ибо дворы вѣнскій и версальскій остаются въ союзѣ; наконецъ отъ императрицы будетъ зависѣть допустить въ союзъ и другіе дворы, потому что лондонскій дворъ будетъ во всемъ сообразоваться съ ея намѣреніями.

Къ этой непріятности для графа Александра Воронцова при соединилась еще другая: дядя его, графъ Михаилъ Ларионовичъ пересталъ завѣдывать иностранными дѣлами и уѣхалъ за границу. Но передъ оставленіемъ иностранныхъ дѣлъ канцлеръ столкнулся съ Бѣкингамомъ: послѣдній прислалъ ему письмо, въ которомъ извѣщалъ, что король назначилъ ему, Воронцову, двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ вознагражденія за убытки, причиненные ему англійскими каперами, которые овладѣли принадлежавшими ему вещами; но при этомъ Бѣкингамъ далъ знать, что такая щедрость оказана на такой именно случай, когда между Россією и Англією постановленъ и подписанъ будетъ торговый договоръ на выгодныхъ для Англіи условіяхъ. Воронцовъ закричалъ объ оскорбленіи, безчестіи. Бѣкингамъ заявилъ канцлеру свое сильное сожалѣніе о случившемся, приписалъ все своей излишней горячности и самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его забыть дѣло, которое этимъ и кончилось. Графъ Александръ писалъ дядѣ отъ 30-го іюля: «Ваше сіятельство легко себѣ представить можете, съ какимъ возчувствованіемъ увидѣлъ я неожиданность поступка лорда Буккингама; сколь малую идею ни имѣлъ я о талантахъ сего посла, не могъ я себѣ вообразить, чтобъ его безразсудность до такой превратности и безумности простираться могла, какъ онъ теперь явно оказалъ симъ страннымъ своимъ письмомъ. Я заподлинно вашему сіятельству донести могу, сколь дворъ его за то съ справедливостію на него негодуетъ. Его величество король, подошедъ сего дня ко мнѣ, говорить изволилъ, сколь онъ имѣетъ причину быть недовольнымъ поступкомъ своего посла, особливо въ разсужденіи его къ вамъ письма, который (поступокъ) ни мало не основанъ на данныхъ ему повелѣніяхъ, что онъ меня проситъ вашему сіятельству о томъ донести и притомъ увѣрить, что зная честность вашего характера, никто здѣсь не могъ бы когда-либо осмѣлиться съ успѣхомъ вамъ толь странную пропозицію, какъ онъ посоль то учинилъ, уповательно отъ своего незнанія».

Наконецъ положеніе графа Воронцова въ Лондонѣ ухудшилось въ слѣдствіе поднятія польскаго воцроса по смерти Августа III. Въ Петербургѣ хотѣли, чтобъ Англія энергически содѣйствовала видамъ Россіи въ Польшѣ; въ Лондонѣ были очень далеки отъ сколько-нибудь энергическихъ мѣръ въ такомъ дѣлѣ, въ

которомъ интересы Англiи вовсе не затрогивались, слѣдовательно всѣ представленiя русскаго министра должны были оставаться безуспѣшными. Донести императрицѣ о своихъ не успѣхахъ было очень непрiятно для Воронцова, особенно когда теперь иностранными дѣлами сталъ прямо завѣдывать человекъ, сильно къ нему нерасположенный. Панинъ выражалъ это нерасположенiе въ замѣткахъ, которыя онъ дѣлалъ на донесенiяхъ Воронцова. Такъ въ одномъ изъ своихъ донесенiй Воронцовъ писалъ, что всѣ его представленiя со времени смерти польскаго короля не имѣли большаго успѣха у англiйскаго министерства. Панинъ замѣтилъ: «Можно было бы загодя биться объ закладъ, что эти представленiя останутся безъ успѣха, потому что они были необдуманы и дурно ведены». Тамъ, гдѣ Воронцовъ употребилъ обычную извинительную фразу, что при всей ревности къ службѣ императрицы у него недостаетъ надлежащаго знанiя и искусства, Панинъ замѣтилъ: «Ни что не можетъ быть справедливѣе этого». Воронцовъ извѣщалъ, что онъ ѣздилъ въ деревню къ бывшему министру и теперь главѣ оппозицiи, знаменитому Питту, чтобъ поговорить съ нимъ о дѣлахъ, и особенно вывѣдать его мысли о Польшѣ, о томъ, чего можно ожидать отъ Англiи въ вопросѣ, долженствующемъ интересоватъ всѣ великiя державы Европы. Питтъ, по словамъ Воронцова, отвѣчалъ ему съ своимъ обычнымъ краснорѣчiемъ, но осторожно. Панинъ замѣтилъ: «Бьюсь объ закладъ, что онъ говорилъ съ нимъ какъ говорятъ съ мальчикомъ, не заслуживающимъ уваженiя». Впрочемъ смыслъ словъ Питта былъ тотъ, что такъ какъ повсему видно, что при королевскихъ выборахъ въ Польшѣ прусскiй король будетъ дѣйствовать заодно съ Россiею, то, по его мнѣнiю, Англiя должна съ жаромъ поддерживать требованiя этихъ двухъ государствъ, которыхъ дружба для нея очень дорога; но что трудно опредѣлить съ точностию, въ чемъ должно состоять содѣйствiе Англiи, ибо оно зависитъ отъ множества обстоятельствъ, которыя не могутъ быть ему извѣстны, какъ человеку, уже два года находящемуся внѣ дѣлъ. Воронцовъ писалъ, что одинъ общiй прiятель Питту и ему увѣрялъ его, что Питтъ выражалъ крайнее удивленiе, почему настоящее министерство ничего не дѣлаетъ по польскому вопросу, почему оно послѣ полученiя извѣстiя о смерти Августа III не отправило немед-

ленно курьера въ Петербургъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, и съ увѣреніемъ, что если Франція вмѣшается въ дѣло, то Англія не только употребитъ все средства воспрепятствовать этой державѣ въ исполненіи ея намѣреній, но постарается совершенно уничтожить ихъ. Питтъ прибавилъ, что если министерство будетъ и впередъ вести себя такъ въ польскомъ дѣлѣ, то онъ выскажетъ свое мнѣніе въ палатѣ общинъ, выразитъ свое удивленіе, что лондонскій дворъ обнаруживаетъ такое равнодушіе въ такомъ важномъ дѣлѣ. На это Панинъ замѣтилъ: «Онъ обманываетъ, онъ лжетъ. Никогда человекъ со смысломъ не скажетъ, что извѣстный дворъ долженъ отправить курьера къ другому двору съ предложеніемъ услугъ. Дворы предлагаютъ другъ другу добрыя услуги только въ случаѣ несчастія; здѣсь это великодушіе, тогда какъ въ другомъ случаѣ это низость и подлость».

Воронцовъ долженъ былъ потребовать отъ польскаго министерства, чтобъ оно перевело своего резидента Ратона (Wroughton) изъ Дрездена въ Варшаву. Воронцовъ въ письмѣ къ графу Галифаксу имѣлъ неосторожность прибавить, что исполненіе этого желанія императрицы можетъ ускорить желанное заключеніе союзнаго договора съ Россією. За это онъ получилъ отъ императрицы такой рескриптъ: «Какъ мы вообще имѣемъ причину довольными быть ревностію и тщаніемъ вашимъ къ службѣ, такъ напротивъ того не хотимъ нынѣ скрыть удивленія нашего по поводу французской піесы, которую прислали вы сюда, по сообщеніи оныя статскому секретарю графу Галифаксу. Вы не можете сами не признаться, что весьма неумѣренно и неприлично окончаніе помянутой піесы, когда въ замѣну переведенія аглинскаго резидента изъ Дрездена въ Варшаву полагается нѣкоторымъ образомъ кондиціею съ нашей стороны ускореніе трактуемыхъ между нами и Англією трактатовъ. Мы требовали отъ аглинскаго двора такой угодности, которая сама по себѣ ничего не значитъ и не можетъ имѣть слѣдствій, ибо весьма равно для Англіи содержать министра своего въ Дрезденѣ или Варшавѣ, потому что въ одномъ и другомъ мѣстѣ можетъ онъ ей равныя показывать услуги, а въ соотвѣтствіе сей малой угодности обязали вы насъ въ такомъ дѣлѣ, которое интересуется пользу и честь имперіи нашей, когда мы не иначе съ Англією или съ

другою какою державою намѣрены заключать трактаты, какъ съ равною для обѣихъ сторонъ выгодною. Сверхъ того вышепомянутое важное, но по всѣмъ околичностямъ крайне излишнее прибавленіе въ французскомъ переводѣ вами передѣланнаго рескрипта, не только не имѣеть основанія правды, но съ собственнымъ вашимъ графу Галафаксу торжественнымъ увѣреніемъ, что вы неправды сказать ни для чего на свѣтѣ не въ состояніи, совсѣмъ несогласно, когда о такомъ кондиціалномъ требованіи къ вамъ не писано, да и писать о томъ невозможно было. Итакъ вы, объявля оное за истину, подвергли какъ собственный свой, такъ и дворовый кредитъ безвременно явному предосужденію. Примѣчая вамъ такимъ образомъ справедливое наше по сему случаю удивленіе, удостовѣрены мы, что ошибка ваша произошла отъ избытка усердія и для того довольствуемся только въ запасъ подтвердить вамъ, дабы вы впредь осторожнѣе поступая не дѣлали безъ нужды письменныхъ сообщеній, а особливо въ такихъ дѣлахъ, гдѣ и одни словесныя изъясненія достаточны быть могутъ».

Воронцовъ оправдывался, но противорѣчилъ себѣ въ своихъ оправданіяхъ: выставлялъ, что сдѣланная имъ прибавка ни къ чему не обязываетъ Россію, представляя голый комплиментъ, и въ то же время утверждалъ, что безъ этого прибавленія англійскій дворъ не рѣшился бы исполнить требованіе русскаго, перевезти Ратона изъ Дрездена въ Варшаву, по своей холодности къ польскимъ дѣламъ.

Въ концѣ ноября Воронцовъ писалъ, что Англія долго не приметъ никакого участія въ общихъ дѣлахъ Европы. Но въ Петербургѣ, кромѣ польскихъ дѣлъ, считали нужнымъ содѣйствіе Англіи еще въ шведскихъ дѣлахъ. По поводу субсиднаго трактата, предложеннаго Франціею Швеціи, Екатерина приказала Воронцову въ дружеской откровенности обратить вниманіе англійскаго министерства на это французское предложеніе и побудить его къ скорой посылкѣ своего посланника въ Стокгольмъ. Воронцовъ отвѣчалъ, что это было бы совершенно согласно и съ англійскими интересами, ибо несмотря на заключеніе мира между Франціею и Англіею, британскіе министры не могутъ не понимать, что союзъ между Испаніею и Франціею имѣеть цѣлью одну Англію, чтобъ современемъ, при первомъ удобномъ

случаѣ, нанести ей ударъ. Несмотря на то онъ, Воронцовъ долженъ сказать, что хотя бы лондонскій дворъ и держалъ въ Швеціи своего министра, то никакъ не помѣшаетъ союзу этой державы съ Франціею, развѣ только обѣщаніемъ субсидій; но извѣстно, что Англія никому въ мирное время субсидій не даетъ, а еще менѣе при настоящемъ министерствѣ, которое не посмѣетъ потребовать у націи ни малѣйшей суммы. Туча, собирающаяся отъ оппозиціи, страшитъ министровъ болѣе, чѣмъ всѣ политическія въ Европѣ приключенія и союзы, противъ Англіи заключенныя. На этомъ донесеніи Екатерина написала: «Когда другія виднѣйшія политическія консидаціи не дозволяютъ распространить свое стараніе, чтобъ совсѣмъ того не допустить, или другимъ подобнымъ перебить то, что заключается въ предосужденіе интересовъ; тогда благоразуміе требуетъ старанія изыскивать и положить такія антравы тому заключенному дѣлу, дабы оно въ слѣдствіяхъ своихъ оставалось безъ всякаго дѣйства. Таковой надлежитъ теперь быть нашей съ англійскимъ дворомъ общей политикѣ въ разсужденіи шведской съ Франціею новой аліянціи. Ибо совсѣмъ ея не допустить къ заключенію, намъ надобно употребить такую корюбцію (коррупцію), которая бы произвела чрезвычайный сеймъ и революцію въ правительствѣ шведскомъ, а Англія бы дала столько субсидей, чтобъ та держава могла себя искупить изъ всѣхъ своихъ нуждъ и недостатковъ. Но какъ ни то, ни другое не можетъ согласоваться съ нашими другими настоящими дѣлами, то и надлежитъ соединенно стараться при тамошнемъ дворѣ сочинить и содержать такую партію, которая бы своимъ перевѣсомъ въ дѣлахъ національныхъ приводила въ слабость помянутую аліянцію и не допускала бы ея дѣйствія. Я о семъ пространно разсуждала съ посломъ аглинскимъ, а и на случай пріѣзда въ Стокгольмъ аглинскаго министра тоже можетъ служить новыми инструкціями графу Остерману».

16 декабря Воронцовъ увѣдомилъ свой дворъ о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ графомъ Сандвичемъ, преемникомъ Галфакса по сѣверному департаменту иностранныхъ дѣлъ. Сандвичъ именемъ короля объявилъ ему, что къ англійскому резиденту въ Варшавѣ посылаются указы, чтобъ онъ при избраніи новаго польскаго короля наблюдалъ двѣ вещи: свободу голосовъ при выборахъ и неперемѣнное сохраненіе областей польской ре-

спублики, чтобъ они никѣмъ не были захвачены. Воронцовъ отвѣчалъ, что никакъ не ожидалъ такого сообщенія, и что касается сохраненія въ цѣлости польскихъ владѣній, то предписаніе на этотъ счетъ излишне послѣ объявленія Россіи, что она не имѣетъ намѣренія раздроблять Польшу. На этомъ объявленіи дѣйствительно основана цѣлость всѣхъ частей Польши, ибо еслибы русская императрица намѣрена была отнять у Польши какую-нибудь область, то какимъ бы образомъ англійскій резидентъ, господинъ Ратонъ могъ спасти отъ этого республику? Этотъ отвѣтъ очень понравился Екатеринѣ, она написала на депешѣ: «Сей отвѣтъ похвалы достоинъ, лучше сказать было невозможно ²⁹¹».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) *Протоколъ учрежденнаго при дворѣ собранія. 1762 года, 18-го мая.* Тайный секретарь Волковъ вручилъ собранію подписанное его и. в—ствомъ оному повелѣніе, въ томъ состоящее, чтобъ 1) стараться получить отъ Даніи наслѣдныя его величества земли силою, и къ тому нетокмо все потребное тотчасъ приуготовить, но и дѣйствительно за дѣло приниматься. 2) Чтобъ армія всегда въ хорошемъ состояніи содержана была и никакого недостатка не претерпѣвала. 3) Чтобъ потребныя для того денежныя суммы имѣть и въ готовности содержать, и о всѣхъ государственныхъ доходахъ попеченіе возымѣть, а излишніе расходы сократить. 4) Чтобъ въ будущемъ примиреніи принять участіе, и 5) чтобъ не оставлять въ небреженіи и прочія обширныхъ здѣшнихъ областей границы. И въ слѣдствіе того онъ же тайный секретарь словесно объявилъ, что начатіе войны противъ Даніи почитаетъ его и. в—ство толь нужнымъ и справедливымъ, а нынѣшнее время въ разсужденіи пребыванія здѣшнихъ войскъ въ Германіи и генеральной почти всюду войны толико къ тому удобнымъ, что подобнаго можетъ быть никогда не случится, что потому пропущеніе онаго было бы во всемъ непростительно. Потому его и. в—ство и хочетъ, чтобъ данныя его о томъ повелѣнія какъ наискорѣе возможнѣйшимъ образомъ и по лучшему разумѣнію самимъ дѣломъ исполняемы, а никакія къ затрудненію онаго клонящіяся представленія его в—ству подаваемы не были. И наконецъ, что буде потребныхъ на то денежныхъ суммъ, яко главнѣйшихъ и необходимыхъ способовъ на лицо нѣтъ, а присканныя сенатомъ четыре милліона рублей на чрезвычайные расходы не такъ скоро получены быть могутъ, какъ того настоящая нужда требуетъ, то его и. в—ство находитъ удобное и ближайшее къ тому сред-

ство въ дѣланіи банкоцеттелей. По выслушаніи всего того предъ-
явленный способъ къ скорому полученію денегъ найденъ осно-
вательнымъ.

2) *Записка графа А. П. Бестужева-Рюмина императрицѣ
Екатерины II:*

«Для всевысочайшаго ея и. в—ства извѣстія и на всемилости-
вѣйшее благоизобрѣтеніе. Ея и. в—ству безъ сумнѣнія отъ кол-
легіи иностр. дѣлъ донесено о заступленіи здѣшняго голландскаго
посланника за нѣкотораго купца Рейнгольда подѣлу заключеннаго
коммерцъ-коллегіею контракта (на полѣ собственноручная за-
мѣтка Бестужева: «которые во всемъ свѣтѣ свято содержатся») о
смолѣ: но какъ помянутый посланникъ нѣсколькочратно просилъ
о томъ графа Алексѣя Бестужева-Рюмина, а на послѣдокъ и при-
ложенную при семъ записку прислалъ, то графъ Бестужевъ
обойтись не можетъ оную при семъ всеижайше представить,
въ такомъ намѣреніи, что не соизволитъ ли ея и. в—ство се-
нату повелѣть, по разсмотрѣніи сего дѣла непродолжительную
резолуцію, и буде можно купцу удовольствованіе учинить, на
основаніи того, что онъ просить».

Замѣчаніе императрицы: Я видела оная прозба и она ото-
слана въ сенатъ монополіи признани за вредни и не одинъ го-
родъ разаренъ всѣ exclusions служатъ другимъ въ примеръ и
много такихъ примеръ будетъ есть ли одному дадутъ въ про-
чемъ я услышу сенатская разсужденія. Гдѣ общество выгри-
ваетъ тутъ на партикулярной ущербъ не смотрютъ.

3) *Записка и. Екатерины II. (1-го іюня 1763 г.).* Миѣ кажется
легкоможно отвѣтствовать Киргисъ касацкому хану на его домога-
тельствы о дозволеніи перейти съ своимъ скотомъ Яика. Онъ
признается за подданной Россіи, слѣдовательно онъ послушенъ
будетъ и не пайдетъ съ своимъ скотомъ гдѣ имъ заказано по-
неже всякой Россійской подданной не смѣетъ переходить гдѣ
ему не позволено, а естли у нихъ корма для скота не доволь-
но, то покупаютъ за деньги или вымѣняють на товаръ, или за-
пасаютъ на зиму, чего и имъ совѣтуется дѣлать, и естли бы
они хотѣли порядошно селиться, то бы имъ удобнѣе было всего
нужное для человѣческой жизни имъ имѣть, о семъ Тевкелевъ
имѣетъ идеи кажется изрядные. Онъ савѣтуетъ пригласить ихъ
дабы они дали одну крѣпость построишь и берется на то самъ

оныхъ внутреннихъ народовъ склонить, и какъ бы онъ интриговать не дѣлалъ противъ Давыдова не худо бы было, естлибъ вице-канцлеръ князь Галицынъ позволя (должно быть: позвавъ) его Тевкелеву къ себѣ и объявилъ бы ему, что я приказала съ нимъ посовѣтовать о вышеписанномъ а князю Александру Михайловичу надобно въ ту свиданіи имѣть великую терпѣнію понеже Тевкелевъ нѣсколько радотироваетъ, и дабы онъ болѣе гавариль надобно ему показать податливость входить въ его представленіи, онъ многово полезнаго знаетъ и весьма великая вѣбра тѣ народы къ нему имѣють, а послѣ того разговора желаю знать мнѣнія вице-канцлера и коллегіи иностранныхъ дѣлъ дабы можно было установить систематическая обхожденія съ ними что служить опослѣ можетъ и съ прочими похожими народами, а по сю пору не видно, чтобъ пнако ихъ вели какъ *du jour à la journée*».

4) *Реляція Кейзерлинга изъ Варшавы отъ 26 марта 1763 года.*
«Дѣлалъ я нѣкоторыя покушенія, чтобъ литовскаго гетмана Мосальскаго къ пріятію пенсіи склонить, токмо тщетно, ибо онъ всегда стоялъ на томъ, дабы ничего не принимать. О благонамѣренности же его, такъ и сына его, епископа виленакаго я удостовѣренъ, что послѣ подтвердилъ и поступокъ ихъ на послѣднемъ сенатусъ-конспіумъ. Результата никто изъ нихъ не подписалъ, и гетманъ еще до окончанія сенатусъ-конспіума въ Вильну отѣхалъ, а епископъ всемъ покушеніямъ и понужденіямъ твердо противился. Я знаю, что фамилія Мосальскихъ охотно желала бы за справедливую цѣну купить маестности Домбровенскія, принадлежавшія прежде сего князю Меншикову, а нынѣ состояція за фамилією Сапѣговъ. Процессъ о томъ еще не рѣшенъ, да и быть этому сумнительно, потому что дѣло принадлежитъ до трибунала, котораго судьи избираются. Еслибъ князя Меншикова склонить, чтобъ онъ притязанія свои на сіи маестности уступилъ Мосальскому за справедливую цѣну, тобъ я уступательное письмо къ нему для подписанія переслалъ. (Здѣсь замѣтка и. Екатерины: о семъ гг. канцлеры могутъ говорить съ кн. Меншиковымъ, однако я никакъ его къ тому принудить или прѣневолить не желаю, но кажется сумма денегъ лучше, нежели пустыя претензіи). — Я и самъ помышлялъ, не надобно ли гетмана Браицкаго пенсією къ интересу в. и. в. — ства

приклонить. Токмо его кредитъ не столь великъ, и не больше силы его, какову онъ по своему чину при арміи имѣеть, которая изъ шляхетства состоитъ. Онъ непостояненъ, нескрываетъ и находится совсѣмъ въ рукахъ жены старосты Торжинскаго, такъ и его самого да нѣкотораго духовнаго, коихъ преданность Франціи весьма извѣстна. По такимъ обстоятельствамъ сумнительно его на нашей сторонѣ имѣть, къ тому же нельзя ему и тайности нашего дѣла ввѣрить. Изъ пересланныхъ денегъ я безъ нужды ничего не употреблю, токмо и предусмотрѣть не могу же будетъ ли отъ того всегда польза, такъ какъ пахарь не знаетъ, всѣ ли посѣявныя имъ сѣмена взойдутъ».

5) *Письмо Фридриха II къ императрицѣ Екатеринѣ изъ Бреслава отъ 7 февраля 1762 года.*

Madame Ma soeur. Je felicite votre Majesté imperialle de tout mon coeur sur son avènement au Trone, vous pouvez etre persuadé Madame que j'y prens une tres sincere part, je ne puis m'empêcher de vous regarder ainsi que l'Empereur comme mes vrais amis, je ne puis m'expliquer plus librement sur ce sujet mais je me flate que votre Majesté imperialle sera perssuadé que mes sentimens repondent entierement au siens et que je ne desire que de vous donner Madame ainsi qu'a l'Empereur des marques de ma haute estime et de mon atachement etant avec la plus grande consideration Madame ma soeur de V. M. J. le fidelle et bon frere Federic.

6) *Собственноручная инструкция императрицы Екатерины II полковнику Пучкову (1763 года).*

Секретная инструкция полковнику Пучкову: 1) Надлежитъ вамъ ѣхать въ Вильну въ Литву. 2) Изъ иностранной коллегіи вамъ даны будутъ восемь тысячъ рублей. 3) Канцлеръ графъ Воронцовъ вамъ письмо отдастъ отъ себя къ графу Флеммингу великому подскарбію Литванскому, сей послѣдній вамъ поможетъ дѣйствомъ и совѣтомъ. 4) А комиссія ваша состоитъ въ нижеслѣдующемъ. Потому что королевская польская партія стараестя во всѣхъ мѣстахъ республики усилиться, то и ищетъ она и нынѣ въ будущемъ въ Литвѣ трибуналъ учинить, чтобъ отъ ея воли и желаній оный зависѣлъ, воевода виленскій признаетъ по ихъ обстоятельствамъ чрезъ допущеніе или недопущеніе къ присягѣ избранныхъ депутатовъ, въ которомъ намѣреніи молодому князю

Радзивилу оное мѣсто дано, чтобъ чрезъ него на свою сторону перевѣсъ сдѣлать; а потому что большая часть дворянства къ $\frac{4}{15}$ апрѣля въ Вильну сберется такъ мы разсудили, чтобъ для лучшаго исполненія намѣренія нашего, а польскому двору противные по курляндскимъ пограничнымъ распрямъ между нами и внутреннимъ польскимъ обстоятельствамъ, по которымъ надлежитъ нашей российской партіи перевѣсъ имѣть васъ отправить и дать вамъ восемь тысячъ рублей дабы вы тѣмъ могли себя подкрѣплять по обстоятельствамъ, и посовѣтовавъ съ графомъ Флеммингомъ; и какъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ оскорбительныя и вымышленныя противъ Россіи вѣвдаютъ между мелкимъ дворянствомъ мысли, такъ слѣдовательно, чтобъ оныя во всѣхъ мѣстахъ сколь можно отвращать стараться надлежитъ. Екатерина.

7) Собственноручное письмо императрицы Екатерины II-в къ графу Кейзерлингу.

Monsieur le comte Kayserling, je vous fait cette lettre pour savoir votre avis; l'Angleterre me presse extremement pour conclure un traité de Commerce et d'Alliance avec moi, j'ai voulu voir avant que d'y entendre quel tour les affaire de l'Europe prendroit, c'est a cet effet que j'ai éludé sous different pretexte de meme entrer dans les propositions qu'on me faisoit, apresent que je n' a plus de bons pretexte á aleguer, j'ai ordonner d'entendre les propositions de l'ambassadeur d'Angleterre, le college des affaires étrangere a fait un projet pour un traité d'Alliance et deffensive, mais avant que d'y entrer je voudrais savoir ce que vous en pensé. j'ai ordonnée de declarer à la cour de Vienne et celle de Prusse en confidence que l'Angleterre me faisoit des propositions de traité d'Alliance que je n'y avoit pas voulu entrer avant que de leur en faire part, j'ai fait cela afin que les deux cours ne prenne point d'ombrage et puisse me faire des propositions de traité d'amitié de quoi j'ai écrite au roy de personne il y a huit jours. Je vous dirai tout net que mon but est d'être liés d'amitié avec toute les puissances et meme jusqu'a la deffensive afin de pouvoir toujours me ranger du coté du plus oppressé et etre par la l'Arbitre de l'Europe; je vous prie de me dire si je me trompe et cela tres librement je vous envoie si joint le projet fait au college.

8) Отъ той же къ тому же:

a Peterhof 6 juillet 1763. Monsieur le Comte Kayserling. Ensuite de Vos rapports secrets adressés à moi en propre, je vous ai fait connaître mes intentions que je ne veux ni ne puis statuer d'autre époque que la mort du roy de Pol. pour donner la main à la confederation de ce pais la. je ne m'étonne pas cependant de l'impatience que mes amis font voir par leurs démarches pressées, afin d'amener les affaires à ce denouement avant le terme, leur interet est si grand et leur vues sont si importante que si ils y parviennent, ils seront excusables aux yeux du publique dans tous les moyens. Il n'en est de même à mon égard, ma vraie gloire souffrira sans doute si je vais contribuer au detronement d'un prince voisin et ami et cela pour aucune autre cause que sa trop grande confiance peut être dans un ministre fourbe et faible (qui est même au bord du tombeau) qui est autant téméraire dans les entreprises que lâche dans leur execution. Mais commencer la confederation et la faire durer jusqu'à sa mort, ce tems indéterminé ne pourra-t-il pas absorber chez moi des sommes d'argent si considérables et altérer et varier tout mon credit et l'influence chez les autres, que sûrement on aura de la peine à évaluer le pris de l'un et de l'autre par cet avantage que mon Empire doit se promettre par la suite de l'élection d'un roy national, au reste je ne crois pas avoir besoin à Vous parler ici de la nature politique relative à mon Empire d'une confederation courte qui se termineroit par le rétablissement du bon ordre dans les affaires intérieures du pais (si tout est que cet ordre en effet peut avoir lieu dans un gouvernement comme celui là) je vous connais trop M-r le comte Kayserling pour un ministre éclairé et fidèle pour que je puis me douter un instant de votre zèle et votre pénétration pour l'intérêt autant principal que permanent de mon Empire; car ce n'est pas sans doute cette sorte de despotisme casuelle d'un parti soutenu par des intrigues et des ressources de sa cour qui puis se former à la fin un gouvernement monarchique qui est un objet d'allarmes seul et vrai pour des voisins, ainsi ne doit on point regarder ce despotisme présent plutôt comme la perpétuité d'une anarchie fondée dans le principe de leur forme de gouvernement que comme un acheminement réelle à un état régulier de la nation. J'ai voulu vous indiquer ces considérations primitives uniquement pour votre propre direction afin que vous

puissiez reconoitre mes principes sur lesquels je vous ai envoyé les derniers ordres de ma main, de retenir mes amis de la confederation prematurée en leur donnant en meme tems des assurances des plus positives que nous les soutiendrons fidelement en tout ce qui est raisonnable jusqu'au terme de la mort du roy auquel terme nous agirons sous doute en leur faveur. j'ai cru d'autant plus necessaire de vous faire cette lettre que j'ai vue dans votre depeche adressé au college sous N^o 47 du $\frac{9}{20}$ de ce mois que le parti mal intentionné se donne beaucoup de mouvemens pour exiger un armement entre eux et dans leurs troupes, quand je confronte cet avis avec celui que vous m'aviés donné dans votre derniere relation adressés a moi en propre et qui est que nos amis s'arment et enrolent le monde avec autant d'ardeur et d'empressement comme si ils avoient deja mon consentement positif a former la confederation sur le champ, je trouve asses vraisemblable que les premiers ayent cru y estre agacé d'avantages par cette ardeur inconsideré des notre. L'entrée presente en Pol: de mes quatres regimens peut occasionner encore plus de fermentation dans les esprits, surtout relativement aux marches et a la conduite de ces troupes que vous avés a diriger en consequence de mes ordres. Ainsi je trouve bon de vous prescrire que vous ayés a diriger l'un et l'autre avec toute la prudence et la sagacite que je vous connais, en vos contentant d'adoucissement de ceux qui peuvent se trouver veritablement insupportables pour les bien intentionnés dans la conduite du tribunal de Vilna, afin que cet expedient que nous avons accordé a leur sollicitation n'excede point notre intention qui est de ne point laissé venir leurs affaires a une rupture ouverte avant notre terme, et pour cette fin je veut que vous abregiés le sejour du mes regimens dans ce pays la, autant, qu'il vour sera possible et que vous leurs fassiés prendre le chemin le moïn affecté pour leur retour dans leur quartier. Vous sentirés bien vous meme que tout ce que je vous prescrit ici n'est que pour prevenir une confederation contraire a mes interets.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Журналы и протоколы Сената, 7 февраля.
2. Тамъ же.
3. Архивъ кн. Воронцова, VII, 526.
4. Hermann, Geschichte des russ. Staats, V, 243.
5. Иностранцы говорятъ, будто при восшествіи на престолъ Петра III было возвращено изъ ссылки 20,000 человекъ! Эту цифру можно было бы объяснить тѣмъ, что число ссыльныхъ при Елисаветѣ дѣйствительно увеличилось въ слѣдствіе отмены смертной казни; но мы не имѣемъ извѣстій, чтобы при Петрѣ были возвращены изъ ссылки всѣ разбойники и смертоубійцы. Князь Щербатовъ (о поврежденіи правовъ въ Россіи, стр. 64) считаетъ до 15,000 человекъ сосланныхъ за корчемство; но мы знаемъ, что они возвращены по указу Елисаветы. Екатерина II въ одной изъ записокъ своихъ говоритъ: „Хотя при смерти своей императрица Елисавета Петровна освободила до 17,000 колодниковъ, однако при коронаціи моей оныхъ еще до 8000 было“. (Записка въ Государ. Архивѣ).
6. Записки кн. Шаховского, 174.
7. Журналы и протоколы Сената.
8. Записки кн. Шаховского, стр. 181.
9. Журналы и протоколы Сената, 25 апрѣля, 6 марта.
10. Тамъ же. Сенатъ слушалъ указъ 20 мая; но какъ видно изъ перваго приложенія къ нашей книгѣ, совѣтъ уже собирался 18 мая.
11. Тамъ же 4 марта.
12. Тамъ же, означенныя числа.
13. Biographie Peter's III, II, 16.
14. Пол. Собр. Зак. № 11444.
15. Исторія Россіи, XXIV.
16. Русская Старина, 1874, кн. XI.
17. Исторія Россіи, XX, 174 и слѣд.
18. Русскій Архивъ 1867 г., № 1.

19. Пол. Собр. Зак. № 11445.—По свидѣтельству Кастера (*Histoire de Catherine II*, I, 264) деклараціи о вольности дворянской и объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи были переданы канцлеромъ Воронцовымъ Гудовичу, а послѣднимъ императору, который, не разсматривая ихъ, прочелъ въ Сенатѣ; Гудовичъ убѣдилъ Петра сдѣлать это, представивъ, какое вредное впечатлѣніе производить на народъ дурной образъ жизни его, Петра, и что надобно поправить дѣло, объявивъ важныя милости.

20. Русскій Архивъ 1867 г., № 1.

21. Журналы и протоколы Сената 29 января.

22. Тамъ же 19 февраля и 22 марта.

23. Пол. Собр. Зак. № 11481, 11493.

24. Тамъ же, № 11,560.

25. Тамъ же, № 11,420.

26. Тамъ же, № 11,434, 11,435.

27. Журналы и протоколы Сената 11 января; 1, 11 и 22 марта; 30 мая; 3 и 20 іюня.

28. Тамъ же, 8 и 23 мая. Пол. Собр. Зак. № 11,489.

29. Пол. Собр. Зак. № 11550, 11581. О банкѣ см. Прилож. 1.

30. Тамъ же № 11,461.

31. Тамъ же № 11,442.

32. Тамъ же № 11,458.

33. Тамъ же № 11,532.

34. Тамъ же, № 11,416.

35. Исторія Россіи, XXIV, 59.

36. *Mémoires de la princesse Daschkoff*, I, 56, 57, 58 (*Bibliothèque russe et polonaise vol. IX*). Есть одно указаніе на то, что въ началѣ Семилѣтней войны Петръ какъ-то успѣлъ дать знать Фридриху о своемъ желаніи, чтобъ тотъ не заключалъ союза съ королемъ датскимъ. Это указаніе находится въ письмѣ Фридриха къ своему посланнику Гольцу, отправлявшемуся въ Петербургъ: „*Vous lui (Петру III) direz que j'avais décliné jusqu'ici soigneusement toutes les propositions d'alliance que le Danemark m'avait faites, comme l'Empereur l'avait souhaité de moi au commencement de la guerre*“. Приводя эту выдержку изъ письма, г. Щебальскій въ своемъ соч. „*Политическая система Петра III*“ говоритъ: „*Это письмо (отъ 7 февраля н. с.) находится въ берлинскомъ государ. архивѣ, гдѣ его списалъ вмѣстѣ со многими другими любопытными документами и отдалъ въ мое распоряженіе почтенный изслѣдователь русскихъ архивовъ Г. В. Есиповъ*“. Эти документы приложены подъ № XV къ упомянутому сочиненію и состоятъ преимущественно въ депешахъ Гольца.

37. Прассе у Германна, V, 229.

38. Архивъ кн. Воронцова, VII, 525.—Фридрихъ II во время войны уведомлялъ Русскій дворъ о событіяхъ въ своемъ семействѣ чрезъ министра своего въ Варшавѣ.

39. Дѣла Прусскія 1762 года.

40. Oeuvres de Frédéric XXV, 307; XXVI, 236.

41. Тамъ же, XVII, 365. Письмо Фридриха II къ Гудовичу отъ 22 мая: „Je vous regarde comme la colombe qui porta la branche d'Olivier à l'arche; vous êtes le premier instrument dont la Providence s'est servie pour cimenter cette heureuse union avec ce cher et admirable empereur. Je vous en conserve une reconnoissance éternelle et. c.

42. Дѣла Прусскія 1762 года.

43. Русская Старина 1871 годъ, кн. 3.

44. Журналы и протоколы Сената, 6 мая.

45. Memoires de Frédéric II, II, 224.

46. Дѣла Прусскія 1762 года.

47. Дѣла Датскія 1762 года.—Собственноручный ультиматумъ Петра III относительно требованій отъ Дани: „№ 1: die Restitution Schleswig Femern und Heiligland. № 2 zur Wiedervergütung die danische Hälfte von Holstein mit allen Vestungen die dazu gehören“.

48. Дѣла Австрійскія 1762 года.

49. Русская Старина, 1871 годъ, № 3.

50. Дѣла Французскія 1762 года.

51. Дѣла Англійскія 1762 года.—Шеферъ II, 463 и слѣд.

52. Дѣла Шведскія 1762 года.

53. Депеши прусскаго резидента въ Варшавѣ Бенуа, извлеченныя изъ Берлинскаго архива Геуссеромъ и помѣщенныя въ изданіи Мюнхенской Академіи: Forschungen zur deutschen Geschichte.

54. Приводимъ это любопытное письмо въ подлинникѣ: Madame, Votre Majesté me permettra de lui adresser ces lignes pour lui dire avec le plus profonds chagrin que hier ayant entendue par le comte Schuwaioff quelle étoit fâché contre moy par a port le prince de Saxe j'ose lui représenter les raisons qui m'ont forcé a estre avec lui si froid et que je ne lui parle presque pas. Votre Majesté scaura dont que ce meme prince s'est montré a la bataille de Zorndorff en lache poltron. Mais ce qui est encore plus pis c'est que le prince par sa fuite indigne n'a pas seulement fait du tort a lui mais plus encore a Votre Majesté par ce que quelques regiments voyant fuir le prince coururent avec pensent sil le prince est déjà obligé a fuire nous sommes tous perdues par ca V. M. peut aisement elle meme voir que je fletrirai trop mon honneur par ca si j'aurais avec lui des grandes liaisons et plus que je ferai du torp au nom dun neveu d'elle si je ferai cette basesse.

55. Дѣла Курляндскія 1762 года. Виронъ отрелся отъ Курляндіи въ пользу принца Георгія 16 апрѣля; нѣмецкій подлинникъ отреченія утверждень императоромъ чрезъ собственноручную подпись: „*approbatur—Peter*“; конференціи совѣтникъ Сальдернъ сообщилъ актъ канцлеру 21 апрѣля.

56. Дѣла Турецкія 1762 года.

57. Архивъ кн. Воронцова, кн. VII.

58. Письмо М. Л. Воронцова къ Петру III въ Госуд. Архивѣ; второе изъ приведенныхъ писемъ отъ 12 апрѣля.

59. Письмо на французскомъ языкѣ въ Государств. Архивѣ: *Vous sayer, M-re, plus que moi que le honneur d'un état consiste que toutes ler parties qui le forment, soient dirigées avec l'ordre et l'exactitude. Je vous en recommande deux qui font dans les siecles éclairés, la gloire et l'honneur des Nations: ce sont les sciences et les arts. C'est l'universite et l'academie qui sont sous ma direction, il me faut des réglemens, il me faut des instructions. Je demande votre conseil, dois-je présenter à S. M. J. par ecrit, ou vous me ferez de bouche. Ce que ma plume ne sauroit faire ni sitôt ni si parfait.*

60. Русскій Архивъ 1867, № 1.

61. Тамъ же.

62. *Mémoires de la princesse Daschkoff*, I, 41.

63. Указъ въ Государ. Архивѣ.

64. Болотовъ.

65. *Castera, Histoire de Catherine II, t. I, p. 273.*—О сильномъ неудовольствіи духовенства говорить также Кейтъ въ своей денешѣ 7 іюня (*La cour de la Russie* 184).—Что касается Кастера, то имъ надобно пользоваться съ большою осторожностію, но съ осторожностію же должно и отвергать сообщаемыя имъ извѣстія. Онъ слышалъ и читалъ много вѣрнаго и не вѣрнаго, не имѣя возможности отнестись критически къ своему матеріалу, не записывалъ немедленно, а составлялъ потомъ по памяти свой рассказъ. Такъ напримѣръ, въ рассказѣ о судьбѣ Ивана Антоновича, наполненнаго невѣрностями, у Кастера сохранилось извѣстіе о бурѣ, застигшей Ивана при перевозѣ его изъ Шлюссельбурга въ Кексгольмъ, извѣстіе вполне вѣрное какъ увидимъ; но и тутъ у Кастера это извѣстіе отнесено къ другому времени.

66. *On peut dire que ce prince a beaucoup contribué à rendre les Allemands haissables et à precipiter la chute de son maitre.*

67. *Herrmann*, V, 251.—Записки Штелина въ Госуд. Архивѣ.

68. Болотовъ, II, ч. 8, письмо 92.

69. Тамъ же.—Подтверженіе отзыва о Трубецкомъ см. у кн. Дашковой, I, 53.

70. Записки Штелина.
71. Hergmann V, 265.
72. Дашкова, I, 59.
73. Анекдоты П. К. Загряжской въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Пушкина, изд. Исакова.
74. Журналы и протоколы Сената, 5 апрѣля.
75. Пол. Собр. Зак. № 11401 и 11477.
76. Записки Штелина.
77. Раумеръ II. 517. La cour de la Russie, 185; Hergmann V, 257.
78. Сборникъ Русск. Истор. Общ. IX, 509.
79. Архивъ кн. Воронцова, VII, 448.
80. Указы Петра III въ Государ. Архивѣ.
81. Москов. Отд. Военнаго Архива, Дѣла Румянцева; Щебальскаго—
Политическая система Петра III, стр. 176 и слѣд.
82. Письмо въ Государ. Архивѣ.
83. См. примѣч. 81.
84. Слова Болотова.
85. Исторія Россіи XXII, гл. II; XXIV, стр. 30.
86. Дѣло о Брауншвейгской фамилии въ Государ. Архивѣ.
87. Раумеръ II, 509.
88. Письмо въ Forschungen zur deutschen Geschichte.
89. La cour de la Russie, 187 et sq. Раумеръ, II, 508.
90. La cour de la Russie, 202; Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 68.
91. Записки Екатер. II къ сочиненію Денины въ Москов. Публич. Муз.; напечат. въ Дневникѣ Храповицкаго, изд. Барсукова, стр. 482.
92. Mémoires de Frédéric II. изд. Бутарика, II, 227.
93. Записки въ Государ. Архивѣ.
94. Correspond. secrète de Louis XV; t. II, p. 25.
95. Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 61. Дашкова рассказываетъ, что Петръ III произвелъ Панина въ генералы отъ инфантеріи; Панинъ сказалъ Мельгунову, объявившему ему объ этомъ пожалованіи, что если онъ не можетъ уклониться отъ этой чести, которой онъ недостойнъ, то онъ немедленно удалится въ Швецію. Императоръ съ изумленіемъ услышалъ объ этомъ отказѣ. „Я всегда думалъ, сказалъ онъ, что Панинъ умный человѣкъ; но съ этихъ поръ я такъ думать не буду“. Тутъ въ рассказѣ долженъ быть пропускъ: вѣроятно Мельгуновъ прибавилъ, что при новомъ чинѣ Панинъ долженъ будетъ принять участіе въ военныхъ упражненіяхъ, ибо Панинъ, будучи дѣйствительнымъ камергеромъ, имѣлъ и военный чинъ генераль-поручика, и Петру III было естественно дать ему слѣдующій военный чинъ.
96. Исторія Россіи XXIV, 64.

97. Castéra, Hist. de Cather., I, 263.
98. Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 82.—Vie de Pierre III, I, 230.—
99. Указы Петра III въ Государ. Архивѣ.
100. Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 18.
101. Тамъ же, стр. 102.
102. Исторія Россіи XXIV, 187.
103. По свидѣтельству Болотова.
104. Письмо къ Понятовскому, въ Государ. Архивѣ.—Изъ Орловыхъ Екатерина указываетъ троихъ, не называя по именамъ; всѣхъ Орловыхъ было пятеро: Иванъ, Григорій, Алексѣй, Ѳедоръ и Владиміръ.
105. Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 110, 132.
106. Сочиненія Державина, по изданію Грота, VI, 429 и слѣд.—Кромѣ разсказа Державина, до насъ дошли нѣкоторые извѣстія о событіяхъ въ Преображ. полку въ автобіографической запискѣ графа Семена Романовича Воронцова, служившаго въ первой гренадерской ротѣ. Узнавши, что въ Измайловскомъ и Семеновскомъ полкахъ провозглашена Екатерина, графъ Семень поскакалъ въ свой полкъ, который напелъ выстроеннымъ и готовымъ выступить. На выходы Воронцова противъ переворота, офицеры—Бредихинъ, Баскаковъ, кн. Ѳ. Борятинскій ничего не отвѣчали, только переглядывались другъ съ другомъ. Полное сочувствіе нашель онъ въ капитанѣ Петрѣ Ив. Измайловѣ, вмѣстѣ съ которымъ они стали уговаривать гренадеръ сохранить вѣрность Петру III. То же дѣлалъ и второй майоръ полка, Петръ Петров. Воейковъ. Гренадеры отвѣчали на увѣщанія: „Мы умремъ за него“. Воейковъ повелъ ихъ къ Казанскому собору. Но на дорогѣ присоединился къ нимъ князь Меншиковъ и сзади колонны крикнулъ: „Vivat императрица Екатерина Алексѣевна, наша самодержица!“ и вдругъ вся колонна повторила этотъ крикъ. Старанія Воейковыхъ и Воронцова удержать ее были тщетны. Воейковъ (который?) бросилъ шпагу, крича изо всѣхъ силъ: „Ступайте къ черту, каналы, е. м., измѣнники! Я съ вами не буду!“ поворотилъ лошадь и поскакалъ къ себѣ домой. Воронцовъ бросился къ рѣкѣ, чтобъ нанять первую лодку и плыть въ Ораніенбаумъ, но былъ схваченъ. (Архивъ кн. Воронцова, кн. VIII, 4 и слѣд.). Извѣстія Воронцова и Державина не противорѣчатъ другъ другу: Преображенцы, въ числѣ которыхъ находился Державинъ, встрѣтили гренадерскую роту на Литейной послѣ того какъ та стала повторять крикъ Меншикова, и когда Воейковъ, послѣ тщетныхъ попытокъ остановить ее, принужденъ былъ бѣжать.
107. Пол. Собр. Зак. № 11582.
108. Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 101 и слѣд.
109. Тамъ же.
110. Дашкова, I, 110.—Прассе у Германна V, 291.
- Ист. Рос. т. XXV.*

111. Сочин. Державина VI, 864.—Castéra I, 375.—Дашкова, I, 113.—
Письмо Воронцова къ Екатеринѣ въ Моск. Ар. Мин. Ин. Д.

112. Бумаги о восшествіи на престолъ Екатерины II въ Сенатскомъ
Архивѣ въ Петербургѣ.

113. Mémoires de Segur, ed. Barrière, I, 292.

114. Журналы Сената 10 августа и 2 декабря 1764 года; 6 июня
1765 года.—Записки Державина 433.

115. Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 108 и слѣд.

116. Записки кн. Шаховского, стр. 192.

117. Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 29.

118. Письмо отъ 27 августа, хранится въ Государ. Архивѣ.

119. Полн. Собр. Зак. № 11659.

120. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 128, 131.

121. Terlow m'a servi beaucoup. Adadourof radote, Elagin est près
de moi.—Въ чемъ состоитъ бредъ Ададунова? Вредилъ ли онъ отъ во-
сторга, или въ этомъ словѣ высказался не очень лестный взглядъ Ека-
терины на Ададунова?

122. Денепа Кейта въ Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 12.

123. См. бумаги, относящ. къ восшествію на престолъ Екатерины II
въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

124. Le tout se passait sous ma direction très particulière. говорить
она въ письмѣ къ Понятовскому.

125. Ivan Schouvalow, le plus bas et le plus lâche des hommes, a écrit,
dit on, à Voltaire qu'une femme de dixneuf ans avait changé le gouver-
nement de cet empire: détrompez, je vous prie, ce grand écrivain.

126. Эту записку можно отнести къ первымъ мѣсяцамъ царствованія
Екатерины, но никакъ не слѣдующія двѣ: 1) Иванъ Перфильевичъ!
сѣзди къ Роману Ларионовичу и скажи ему, что я даю позволеніе до-
чери его Елисаветѣ Романовнѣ, дабы она въ его домѣ на Москвѣ жила
до тѣхъ поръ, покамѣстъ у ней свой будетъ; также скажи ему, чтобъ
онъ непременно отдѣлилъ ее, дабы она имѣла съ чѣмъ жить, и вы сами
видѣли, что онъ не такъ бѣденъ, какъ притворяется. Дай ему также
знать, чтобъ она на Москвѣ жила въ тишинѣ, не подавая людямъ
много причинъ о себѣ говорить; но сіе ты какъ отъ себя скажешь». Во
второй запискѣ говорится о поукнѣ дома въ Москвѣ для Елисаветы
Романовны. Ясно, что обѣ записки относятся къ 1763 году, когда по-
слѣ отъѣзда императрицы изъ Москвы дѣло шло о переводѣ Воронцовой
изъ деревни въ этотъ городъ. Всѣ три записки напечатаны въ Сборн.
Русск. Истор. Общ. VII, 149, 150; но издатель невѣрно отнесъ всѣ три
къ первымъ мѣсяцамъ Екатерининскаго царствованія. Мы не хотимъ на-
стаивать, что и первая непременно принадлежитъ къ этому времени.

127. Съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III; но возвра-
тился съ дороги въ слѣдствіе событій 28 июня.

128. Архивъ кн. Воронцова, кн. V.

129. Тамъ же, VII, 573.

130. Сборн. Русск. Истор. Общ VII, 138.

131. Въ Государств. Архивѣ.

132. Сборникъ указовъ И. Екатерины 1764 года; перепечатано въ въ „Осмнадцатомъ Вѣкѣ“, кн. IV.

133. Журналы и протоколы Сената, 6 июля. — По возвращеніи изъ Сената Екатерина писала генераль-прокурору Глѣбову: Пришлите ко мнѣ списокъ: 1) сколько у меня въ Лифландіи мызь? 2) и кому они отданы на аренды? 3) и есть ли порожнія или вѣту? Ведите табель сдѣлать и принесите ко мнѣ. *Благодарствую за ваше давишное поведеніе въ Сенатѣ.* Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 120.

134. Фридрихъ II говорилъ Сегюру: „Catherine couronnée et libre a cru, comme une jeune femme sans expérience que tout était fini; un ennemi si pusillanime ne lui paraissait pas dangereux. Mais les Orloff, plus audacieux et plus clairvoyants ne voulant pas qu'on fit contre eux de ce prince un étendard, l'ont abattu. L'impératrice ignorait ce forfait et l'apprit avec un désespoir qui n'était pas feint; elle pressentait justement le jugement que tout le monde porte aujourd'hui contre elle; car l'erreur de ce jugement est et doit être ineffaçable, puisque, dans sa position, elle a recueilli les fruits de cet attentat et s'est vue obligée, pour avoir des appuis, non seulement de ménager, mais même de conserver près d'elle les auteurs du crime puisqu'eux seuls avaient pu la sauver. Je vous conseille, pour approfondir ce fait, de voir un vieillard très estimable qui est je crois a présent à Mittau; c'est M. de Kaiserling. Il a tout vu, tout su; il a été à cette époque l'intime confident des chagrins secrets de l'impératrice“. Mémoires de Ségur, I, 292. Надобно замѣтить, что Фридрихъ II въ это время былъ сердитъ на Екатерину. — Въ мемуарахъ кн. Дашковой (I, 146) читаемъ слѣдующее извѣстіе о письмѣ, присланномъ императрицѣ отъ Алексѣя Орлова изъ Ронни: „Cette lettre importante fut conservée avec grand soin par Catherine II, parmi d'autres documents précieux, dans une cassette dont Paul, après la mort de l'impératrice, confia l'examen au prince Besborodko. Le prince lisait ces papiers en présence du nouvel empereur. Quand il eut achevé la lecture de la lettre d'Alexis Orloff, Paul faisant le signe de la croix s'écria: „Dieu soit loué! Les quelques doutes que j'avais sur ce sujet relativement à ma mère sont maintenant dissipés!“ L'impératrice et M-elle Nelidoff étaient présentes et l'empereur ordonna que la lettre fût lue aussi aux grands-ducs et au comte Rostoptschin.

135. Пол. Собр. Зак. № 11599.

136. Журналы и протоколы Сената означ. чиселъ.

137. Мужа извѣстной Екатерины Романовны.

138. Пол. Собр. Зак. № 11616.
139. Журн. и прот. Сената, 7 августа.
140. Тамъ же, 11 июля, 12 и 19 августа.
141. Тамъ же, означенныя въ текстѣ числа.
142. Письмо отъ 12 июля, хран. въ Государ. Архивѣ.
143. Архивъ Синода, дѣло объ Арсеніи Мацѣвичѣ.
144. Журналы Сената.
145. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 135.
146. Письмо отъ 13 августа, наход. въ Государ. Архивѣ.
147. Mémoires, I, 137.
148. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 151.
149. Исторія Россіи, XXIV, 193.
150. Въ Государ. Архивѣ.
151. Указаніе на заличаніе домовыхъ церквей при Петрѣ III.
152. обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ императорскую древнюю резиденцію, богоспасаемый градъ Москву, и освященнѣйшаго коронованія ея августѣйшаго в—ства, всепресв., держав., великія госуд. имп. Екатерины Вторыя, самодержицы всероссійскія, матери и избавительницы Отечества.
153. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 157.
154. Письмо въ Госуд. Архивѣ.
155. Дѣло о Брауншвейгской фамиліи.
156. Въ коронацію всѣ Орловы получили графскій титулъ.
157. Дѣло въ Государств. Архивѣ.
158. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 171.—Сохранился приказъ Екатерины о наградахъ людямъ, показавшимъ свое усердіе въ этомъ дѣлѣ; роль Мих. Шинова видна изъ этого документа: „ротмейстеру конной гвардіи Яминскому 3000 рублей, капитану Измайловскаго полка Гриневу 3000 рублей, капитану поручику того же полка Михаилу Шинову 1000 червонныхъ, да табакерку по моему выбору. Сержанту Преобр. полка Толстому 600 червонныхъ. Побѣдинскому 2000 рублей. Ивану Хрущову 2000 рублей. Объ Шиновѣ, Побѣдинскомъ и Толстомъ поговорить съ графомъ Григорьемъ Орловымъ, онъ ихъ сыщеть, а Ивана Хрущева Василий Шкуринъ знаетъ. Чихачеву 1000 рублей. Тамъ же, стр. 178. Въ Государ. Архивѣ сохранилось письмо Екатерины къ Кейзерлингу: „M. le comte Kayserling, je vous envoie par le sergent de mes gardes Tolstoi (c'est le meme qui a decouvert le complot des Chruschow et Gouriew).
159. Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова, прилож. стр. 5.
160. Денеша Бёкингама отъ 25 октября н. с. въ Сборникѣ Русск. Истор. Общ. XII, 46.
161. Тамъ же, стр. 52.

162. La cour de la Russie, 224, 225, 226.
163. Журналы Сената, 18 ноября.
164. Пол. Собр. Зак. № 11689.
165. Дѣла въ Сенатскомъ Архивѣ въ Петербургѣ 1762 года.
166. Журналы и протоколы Сената 20 августа, 17 сентября, 9 октября, 14, 22 и 26 ноября.
167. Журналы и протоколы Сената, 30 окт., 7 и 15 ноября.
168. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 188.
169. Пол. Собр. Зак. № 11716.
170. Дѣла 1762 года въ Сенатскомъ Архивѣ въ Петербургѣ.
171. Журналы и проток. Сената 30 сентября.
172. Тамъ же, 6 ноября.
173. Тамъ же, означ. число.
174. Тамъ же, 16 сентября.
175. Бумаги, относящіяся къ этому дѣлу, находятся частію въ Государственномъ Архивѣ въ Петербургѣ, частію въ Архивѣ Мин. Ин. Д. въ Москвѣ.
176. Blum—Ein russischer Staatsmann (Сиверск.), I, 144 и слѣд.
177. См. подроб. въ моемъ курсѣ Новой Исторіи, II, 168.
178. Alexis de S. Priest—Le partage de la Pologne 87.
179. Mémoires de Erodéric II, II, 258.
180. Forschungen zur deutschen Geschichte.
181. Mémoires, II, 226.
182. Дѣла Прусскія 1762 года.—Forschungen zur deutsch. Gesch.
183. Дѣла Датскія 1762 года.
184. Дѣла Шведскія того же года.
185. Письмо Бестужева къ н. Екатеринѣ отъ 29 авг. въ Моск. Ар. Мин. Ин. Д. Тамъ же другое письмо, показывающее продолженіе отношеній Бестужева къ Биронамъ: „Всемиловѣйшая государыня мать отечествія, всенародная радость. Принадая къ стомамъ в. н. в, всенижайше прошу по всевысочайшему вашему ко мнѣ милосердію и издавна особливому благоволенію сіе мое дерзновеніе всещедрѣйшше отпустить, что всенижайшее герцога курляндскаго прошеніе о всемиловѣйшемъ пожалованіи герцогинѣ его ордена св. Екатерины на всевысочайшее ваше соизволеніе и великодушіе осмѣлился представить, не соизволено ль будетъ всемиловѣйшше при отпускѣ оный наложить для кредиту герцогу у короля и республики польской и для его тамъ подкрѣпленія“.
186. Тамъ же.
187. Письмо въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.
188. Дѣла Польскія 1762 года.
189. Forschungen zur deutsch. Geschichte.
190. Дѣла Курляндскія 1762 года.

191. Дѣла Турецкія того же года.
192. Дѣла Австрійскія того же года.
193. Дѣла Французскія того же года. — *Correspondance secrète de Louis XV, I, 279.*
194. Дѣла Англійскія 1762 года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. т. XII.
195. С.-Петербургскія Вѣдомости 1763 года, № 3.
196. Тамъ же, № 9.
197. Журналы Сената 16 января, 19 февраля 1763 года.
198. Соч. Державина, VI, 437.
199. Журналы Сената, 9 іюня.
200. Тамъ же, 5 августа, 5 ноября.—Записки Екат. въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.
201. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 637. Можно догадываться, что Чернышеву оказано было неудовольствіе по поводу дѣла Хитрово (см. ниже), что и заставило его подать въ отставку.
202. Письмо собственноручное изъ Москвы, 13 января 1763 г. въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Письмо оканчивается такъ: „И такъ въ ожиданіи другаго отъ васъ письма, въ которомъ имѣете мнѣ знать дать, исполните ли вы жадное желаніе всей вашей фамиліи видѣть васъ или остаетесь ли вы при силѣ вашего послѣдняго письма. Въ томъ и въ другомъ случаѣ я неотмѣнно остаюсь вамъ доброжелательная Екатерина“.—Это второе письмо императрицы къ Румянцеву; сохранилось въ томъ же архивѣ первое письмо, не собственноручное, а только подписанное, отъ 5 августа 1762 г., гдѣ Екатерина, въ отвѣтъ на письмо Румянцева, извѣщавшаго о своей болѣзни, позволяла ему для излѣченія жить въ деревнѣ или ѣхать на воды.
203. Журналы Сената, 13 іюня; Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 278.
204. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 282, 283.
205. Исторія Россіи, XXIV, 55.
206. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 298.
207. Журналы Сената, 2 апрѣля.
208. Денеша Сольмса отъ 9 января. *Forschungen zur deutsch. Geschichte.*
209. Денеша Сольмса отъ 12 августа, тамъ же.
210. Замѣтка Екатер. на книгу Денины, рукоп. Моск. Публ. Муз. № 1350.
211. Дѣло объ Арсеніи въ Архивѣ св. Синода.—Второе слѣдств. дѣло по доносу Лебедева въ Гос. Архивѣ.—Любопытна записка Екатерины кн. Вяземскому объ Арсеніи: „Какъ Г. П. фонъ Бенкендорфъ нынѣ оберъ-коммendantомъ въ Ревелѣ опредѣлень, то не изволишь ли писать къ нему, чтобъ онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе, такое какъ и Тизенгаузенъ имѣлъ, а то боюсь, чтобъ, не бывши ему поручень, Враль не

заводилъ въ междуцарствіи свои какія ни на есть штуки, и чтобъ не стали слабѣя за симъ звѣркомъ' смотрѣть, и намъ отъ того не выливались новыя хлопоты". — Арсеній умеръ 28 февраля 1772 года, исповѣдавшись и приобщившись Св. Таинъ.

212. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 287.

213. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 234.

214. Госуд. Архивъ.—Переписка Екатер. съ Суворовымъ напечатана въ Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 289 и слѣд. — Дашкова (I, 169) вмѣсто Панина заставляетъ объясняться съ императрицею дядю своего, Воронцова, говорить, что Ржевскій сообщилъ Орлову о замыслѣ.

215. Пол. Собр. Зак. № 11843.

216. Письмо и дѣло въ Гос. Архивѣ. — Въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. сохранилось письмо Николая Рославлева изъ крѣпости св. Елисаветы отъ 12 августа 1763 года, къ Елагину: „Государь мой братецъ Иванъ Перфильевичъ! Если братецъ хочешь помочь бѣднѣйшему и несчастливѣйшему человѣку, такъ одинаго ради человѣколюбія прошу, чтобъ меня отсюда вывести хотя умереть поближе къ Москвѣ, а я очень боленъ, кровь изъ горла идетъ и съ постели не встаю, лѣчить же некому, худой самый лѣкаръ, жена бѣдная также больна да притомъ брюхата“ и проч.

217. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 292.

218. Пол. Собр. Зак. № 11855.

219. Тамъ же, № 11,845.

220. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 235.

221. Журналы Сената означ. чисель.

222. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 324.

223. Тамъ же, 279.

224. Пол. Собр. Зак. № 11989.

225. Журналы Сената.

226. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 286.

227. Полн. Собр. Зак. № 11869.

228. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 286.

229. Тамъ же, 285.

230. Журналы Сената, 8 января.

231. Исторія Россіи XXIV, 364, 431.

232. Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 218; неудачное оправданіе Габ-бова см. тамъ же, VII, 340.

233. Журналы Сената, 13 ноября.

234. Донесеніе въ Гос. Архивѣ.

235. Журналы Сената, 25 февраля.

236. Тамъ же, 2 іюня.

237. Тамъ же, 17 ноября.

238. Донесеніе въ Госуд. Арх.

239. Журналы Сената, 7 ноября.
240. Тамъ же, 31 іюля.
241. Тамъ же, 15 января.
242. Тамъ же, 23 октября.
243. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 232.
244. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Письмо къ Голицыну отъ 5 іюня
1763 г.
245. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 234.
246. Моск. Арх. Мин. Ин. Д.
247. Собр. постановл. по части раскола, I, 598.
248. Пол. Собр. Зак. № 11814, 11844.
249. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 316.
250. Пол. Собр. Зак. № 11790.
251. Журналы Сената, 14 апрѣля.
252. Тамъ же, 1 іюля.
253. Тамъ же, 12 сентября.
254. Тамъ же, 21 іюля.
255. Мнѣніе въ Гос. Арх.
256. Журналы Сената, 5 августа.
257. Тамъ же, 23 октября.
258. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 322.
259. Записка Екатер. въ Гос. Архивѣ.
260. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 234.
261. Журналы Сената, 16 сентября.
262. Пол. Собр. Зак. № 11988.
263. Журналы Сената 21 августа и 15 октября.
264. Сенатскій Арх. въ С.-Петербургѣ.
265. Сенатскія меморіи въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.
266. Журналы Сената, 9 декабря.
267. Тамъ же, 18 апрѣля и 4 ноября.
268. Моск. Арх. Мин. Ин. Д.
269. Пол. Собр. Зак. № 11908. Мысли Бецкаго о воспитаніи будутъ
изложены въ 3-й главѣ слѣдующаго тома: Просвѣщеніе въ Россіи отъ
основанія Москов. Университета до кончины Ломоносова (1755—
1765 г.).
270. Журналы Сената, 13 мая.
271. Тамъ же, 19 ноября.
272. Тамъ же, 15 и 29 мая, 6 іюня, 9 іюля.
273. Пол. Собр. Зак. № 11749.
274. Журналы Сената, 15 апрѣля.
275. Пол. Собр. Зак. № 11879, 11880.
276. Указы Петра III въ Гос. Арх.

277. Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 90.
278. Извѣстія изъ бумагъ Госуд. Арх.
279. Пол. Собр. Зак. № 11861.
280. Журналы Сената, 23 января. — Моск. Арх. Мин. Ин. Д. — См. прилож. 3.
281. Донесеніе въ Гос. Архивѣ.
282. Дѣла Курляндскія 1763.
283. Французское письмо оканчивается нѣмецкою фразою: die Haiden-
mouken werden in Pohlen geliebt.
284. Дѣла Польскія 1763 года.
285. Дѣла Прусскія 1763 года. — Переписка и. Екатерины съ Фрид-
рихомъ II въ Госуд. Архивѣ. — Forschungen zur deutsch. Geschichte.
286. Дѣла Австрійскія 1763 года.
287. Дѣла Французскія 1763 года. — Correspondance secrète de Louis
XV; I, 288, 290. — Alexis de S. Priest — Etudes diplomatiques, I, 73, 95.
288. Дѣла Турецкія 1763 года.
289. Дѣла Шведскія 1763 года.
290. Дѣла Датскія 1763 года.
291. Дѣла Англійскія 1763 года.
-

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВА I. Царствованіе Императора Петра III Оедоровича. Милости новаго государя. — Возвращеніе ссыльннхъ. — Новый генераль-прокуроръ Глббовъ. — Новый совѣтъ. — Голштинскіе принцы и другіе вліятельные люди. — Первыя распоряженія въ Сенатѣ. — Манифестъ о вольности дворянской. — Уничтоженіе Тайной Канцеляріи. — Судный департаментъ въ Сенатѣ; раздѣленіе Юстиціи и Вотчиной Коллегій и Суднаго приказа на департаменты. — Рѣшеніе по дѣлу о церковныхъ имѣніяхъ. — Указъ о возвращеніи бѣжавшихъ раскольниковъ. — Крестьянскія волненія. — Состояніе финансовъ. — Военныя приготовленія. — Миръ и союзъ съ Пруссіею. — Столкновенія съ Даніею. — Сношенія съ Австріею, Франціею, Англіею, Швеціею, Польшею и Турціею. — Неудовольствіе въ Россіи на перемѣну виѣшней политики. — Затруднительное положеніе канцлера Воронцова и Ив. Ив. Шувалова. — Неудовольствіе самыхъ приближенныхъ лицъ. — Неудовольствіе духовенства и войска. — Признаки разстройства правительственной машины. — Общее неудовольствіе вслѣдствіе поведенія Петра III-го. — Опасенія прусскихъ министровъ относительно этого неудовольствія. — Переписка Фридриха II съ Петромъ III по этому поводу. — Румянцевъ и заграничная армія. — Иванъ Антоновичъ. — Тяжкое положеніе императрицы Екатерины. — Н. И. Панинъ; гетманъ Разумовскій. — Движенія въ гвардіи. — Княгиня Дашкова. — Орловы. — Ускореніе движенія въ пользу Екатерины. — Провозглашеніе ея самодержавною императрицею 28 іюня. — Походъ ея въ Петергофъ. — Неудачныя попытки Петра III; онъ отказывается отъ престола.

ГЛАВА II. Царствованіе Императрицы Екатерины II Алексѣевны. Награды участникамъ въ событіи 28 іюня. — Возвращеніе графа Бестужева-Рюмина и князя Шаховскаго. — Торжественное оправданіе Бестужева. — Адауровъ и Елагинъ. — Судьба Гудовича, Волкова и Мельгунова. — Положеніе Ив. Ив. Шувалова. — Воронцовы. — Мниихъ. — Екатерина въ Сена-

тѣ. — Кончина Петра III. — Мысль о монументѣ Екатерины. — Финансовыя мѣры. — Мѣры: противъ взяточничества; противъ монополій. — Крестьянскія волненія. — Дѣло о церковныхъ имѣніяхъ. — Дѣло объ учрежденіи императорскаго совѣта. — Приготовленія къ коронаціи. — Переписка Теплова съ Панинымъ. — Приѣздъ императрицы въ Москву. — Коронація. — Дѣло Гурьевыхъ и Хрушова. — Забота объ улучшеніи состоянія обѣихъ столицъ. — Отмѣна смѣщиковъ. — Продолженіе крестьянскихъ волненій. — Комиссія о церковныхъ имѣніяхъ. — Вызовъ иностранныхъ колонистовъ. — Стараніе возвратить русскихъ бѣглецовъ. — Окончаніе дѣла объ императорскомъ совѣтѣ. — Общій характеръ внѣшней политики Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. — Сношенія съ Пруссією, Данією, Швецією, Польшею, Курляндією, Турцією, Австрією, Францією и Англією. 125

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны. Отставка старыхъ вельможъ. — Неприятности Ив. Ив. Шувалову по университетскому управленію; отъѣздъ его за границу. — Отъѣздъ за границу канцлера графа Воронцова. — Н. И. Панинъ старшій членъ иностранной коллегіи. — Распоряженіе императрицы по этой коллегіи. — Захаръ Чернышевъ и Румянцевъ. — Волковъ оренбургскій губернаторъ. — Тотлебенъ вывезенъ за границу. — Столкновеніе Бестужева и Панина. — Дѣло Арсенія Мацѣевича. — Путешествіе Екатерины въ Ростовъ. — Дѣло Хитрово. — Возвращеніе двора въ Петербургъ. — Раздѣленіе Сената на департаменты. — Злоупотребленія въ областяхъ. — Окончаніе дѣла иркутскаго слѣдователя Крылова. — Паденіе генераль-прокурора Глѣбова. — Донесенія кн. Вяземскаго о состояніи восточныхъ областей. — Смуты между купечествомъ. — Ограниченіе пштыи и конфискаціи. — Неудачный исходъ комиссіи о правахъ дворянства. — Дѣло о раскольникахъ. — Крестьянскія волненія. — Мифы Петра Ив. Панина о крестьянскихъ побѣдахъ. — Ревизія. — Новые штаты. — Распоряженія о соли. — Мѣры относительно торговли. — Основаніе Воспитательнаго Дома. — Учрежденіе медицинской коллегіи. — Пожары. — Русскія поселенія на Востокахъ. — Иностранныя поселенія. — Паденіе Хорвата. — Дѣла киргизскія и казахскія. — Движеніе въ Малороссіи для установленія наследственнаго гетманства. — Вопросъ объ избраніи польскаго короля по смерти Августа III. — Сношенія по этому вопросу съ иностранными державами . . . 235

Приложенія	357
Примѣчанія	364

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Стран. строка

11 19 происходятъ
 19 20 повершить
 31 32 даже
 — 34 и нашей
 82 29 зеленымъ
 84 23 привычки
 8, 38 но только
 87 5 претензіи
 94 22 дрору
 95 18 Фридрихъ III
 103 16 и имѣли
 113 26 повернуть
 139 17 обыкновенными
 196 30 невыгодныя
 236 31 Еще 17 декабря
 272 18 высказывалось
 282 10 привычка: у нѣкоторыхъ
 289 12 званія
 290 7 часъ
 303 15 съ тѣмъ вмѣстѣ
 314 18 могли
 331 31 считался
 338 13 абн
 352 38 но отравило

Должно читать:

происходить
 повернуть
 якоже
 о нашей
 зеленыхъ
 привычки
 не только
 презрѣніе
 двору
 Фридрихъ II
 и имѣвшіе
 повернулъ
 обыкновеннымъ
 невыгодный
 Еще 17 декабря 1762 года
 высказывалась
 привычка у нѣкоторыхъ
 знанія
 годъ
 съ тѣмъ вмѣстѣ объявляло, что
 могло
 считали
 дабы
 не отравило

42.858.а

ИСТОРИЯ РОССИИ.

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1876.

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

СОЧИНЕНИЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1876.



18
73.а

Г Л А В А I.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1764 годъ.

Заботы сената о памятникѣ императрицъ. — Заговоръ Мировича. — Поѣздка Екатерины въ прибалтійскія области. — Шлюссельбургское происшествіе. — Судъ надъ Мировичемъ и казнь его. — Князь Вяземскій назначенъ исправлять должность генераль-прокурора. — Наставленіе ему, написанное императрицею. — Споръ въ сенатѣ по поводу генераль-рекетмейстерской должности. — Рѣшеніе вопроса о конфискованныхъ имѣніяхъ. — Финансовыя распоряженія. — Первый русскій корабль на Средиземномъ морѣ. — Заботы о торговлѣ. — Крѣпостные люди у купцовъ. — Бѣгле. — Половники. — Неудачный ходъ ревизіи. — Наставленіе губернаторамъ. — Пенсіи. — Окончаніе комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ. — Раскольники. — Записка Теплова о безнорядкахъ въ Малороссіи. — Окончательное уничтоженіе гетманства. — Румянцевъ—предсѣдатель малороссійской коллегіи. — Наставленіе ему императрицы. — Преобразование Новой Сербіи. — Слободско-украинская губернія. — Состояніе восточной украины. — Дѣло о камчатской экспедиціи. — Дѣла польскія. — Насилія на сеймикахъ. — Чарторыйскіе требуютъ вступленія русскаго войска въ Польшу. — Конвокаціонный сеймъ. — Начало преобразованій. — Бѣгство Радзивила и Браницкаго отъ русскихъ войскъ. — Избраніе въ короли Станислава Понятовскаго. — Новый король проситъ императрицу позволить преобразование въ польской конституціи. — Екатерина не соглашается. — Неудача диссидентскаго дѣла. — Союзъ Россіи съ Пруссіею. — Фридрихъ II внушаетъ, что нельзя позволять въ Польшѣ преобразованій. — Неудовольствія у Россіи съ Австріею по поводу польскихъ дѣлъ. — Натянутыя отношенія между Россіею и Франціею. — Старанія русскаго двора удержать Порту отъ вмѣшательства въ польскія дѣла. — Вражда крымскаго хана къ Россіи. — Консулъ Никифоровъ въ Крыму. — Перемѣна французской политики относительно Швеціи. — Усиленіе борьбы ея здѣсь съ Россіею. — Продолженіе дружбы у Россіи съ Даніею. — Проектъ барона Корфа о „Съверномъ союзѣ“. — Неудачные переговоры съ Англіею о союзѣ.

Прошло почти два года съ тѣхъ поръ, какъ сенатъ опредѣлялъ воздвигнуть памятникъ императрицъ: такъ какъ дѣло было передано въ Академію Наукъ, то сенатъ велѣлъ справиться у

Академіи, какое дѣлается распоряженіе о сооруженіи монумента въ безсмертную славу ея императорскаго величества. Академія отвѣчала, что еще ничего не сдѣлано, потому что изъ комиссіи о каменномъ строеніи въ Петербургѣ не получено извѣстія, на какомъ мѣстѣ будетъ удобно поставить памятникъ. Тогда сенатъ приказалъ послать въ Академію указъ сдѣлать два проекта, одинъ для памятника, который бы могъ быть поставленъ на Васильевскомъ острову, противъ Академіи и коллегій, а другой для памятника на площади, находящейся противъ новаго каменнаго Зимняго дворца. Академія доносила, что профессоръ Штелинь имѣетъ семь инвенцій (проектовъ) памятника, и профессоръ Ломоносовъ обѣщаль сдѣлать инвенцію ¹.

Но въ то время, какъ въ Академіи занимались проектами памятника Екатеринѣ, двое офицеровъ обдумывали планъ, какъ бы свергнуть ее съ престола во имя шлюссельбургскаго заточника, Ивана Антоновича. Мы видѣли, что императрица приказала уговаривать Ивана, чтобъ онъ постригся въ монахи, и дѣло уже ладилось. Безъ означенія числа до насъ дошла записка Екатерины: «Мое мнѣніе есть, чтобъ... изъ рукъ не выпускать, дабы всегда въ охраненіи отъ зла остался; только постричь нынѣ и перемѣнить жилище въ не весьма близкой и въ не весьма отдаленной монастырь, особливо въ такой, гдѣ богомолья нѣтъ, и тутъ содержать подъ такимъ присмотромъ, какъ и нынѣ; еще справиться можно, нѣтъ ли посреди муромскихъ лѣсовъ, въ Колѣ, или въ новгородской епархіи такихъ мѣстъ.» Но съ этимъ намѣреніемъ «охранить навсегда отъ зла» опоздали.

Въ то время когда Карлъ XII приближался къ Малороссіи, переяславскимъ полковникомъ здѣсь былъ Федоръ Мировичъ; вмѣстѣ съ Мазепою, Мировичъ передался на сторону Карла XII, и послѣ пораженія шведскаго короля успѣлъ скрыться въ Польшѣ, бросивъ въ Малороссіи жену и двоихъ малолѣтнихъ сыновей, Якова и Петра. Дѣти переѣхали въ Черниговъ къ двоюродному дядѣ своему, тамошнему полковнику, извѣстному Павлу Полуботку, и жили у него до 1723 года. Въ этомъ году Полуботокъ взялъ ихъ съ собою въ Петербургъ; но его скоро посадили въ крѣпость, и Мировичи лишились всякой поддержки. По указу императрицы Екатерины I-й, ихъ опредѣлили въ Академію для науки; но по причинѣ или подъ предлогомъ неполуче-

нія жалованья они перестали заниматься въ Академіи и жили въ Петербургѣ, неизвѣстно чѣмъ и какъ. Въ 1728 году Петръ Миновичъ подалъ просьбу цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, чтобъ быть ему при ея домѣ, и цесаревна опредѣлила его къ себѣ въ секретари. Въ слѣдующемъ году Петръ Миновичъ поѣхалъ съ цесаревною въ Москву, куда взялъ съ собою и брата, который въ Москвѣ опредѣлился въ секретари къ польскому посланнику, графу Потоцкому, и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Польшу, а въ 1731 году переѣхалъ опять въ Москву, гдѣ женился на купчихѣ Акишевой. Но въ 1732 году оба Миновича попали въ Тайную Канцелярію, послѣ чего сосланы въ Сибирь и записаны тамъ въ дѣти боярскіе за то, что Петръ Миновичъ списалъ копію съ указа о Полуботкѣ и противъ той копіи написалъ письмо къ посылкѣ въ Польшу къ измѣннику отцу своему, и за то, что Петръ, вопреки запрещенію, ѣздилъ въ Малороссію, а Яковъ въ Польшу ².

Сына этого Якова, Василия Миновича мы встрѣчаемъ въ описываемое время подпоручикомъ Смоленскаго пѣхотнаго полка. Прошедшее и настоящее тяжело лежало на немъ, а въ природѣ своей онъ не находилъ средствъ противодѣйствовать этому гнету. Онъ считалъ себя человѣкомъ знатнаго происхожденія и не могъ выставлять этого происхожденія, потому что оно обличало въ немъ измѣнничьяго внука; онъ тяготился своимъ небольшимъ чиномъ, который не давалъ ему никакихъ правъ на отличія; оскорблялся обращеніемъ старшихъ офицеровъ, которые одинаково обходились съ оберъ-офицерами изъ дворянъ, какъ и съ оберъ-офицерами изъ разночинцевъ. Наконецъ попытка поправить свое состояніе и состояніе трехъ сестеръ не удалась: Миновичъ просилъ возвратитъ имъ хотя часть отобраннаго у дѣда его имѣнія, и получилъ отказъ; просилъ назначить пенсію сестрамъ, и въ этомъ отказано. Ища выхода изъ своего положенія, Миновичъ, какъ видно, попалъ въ масонскую ложу; но мистицизмъ произвелъ на духовную его природу дѣйствіе опіума. Для людей, подобныхъ Миновичу, страшное искушеніе представляло воспоминаніе 28 іюня: «тогда удалось имъ, отъ чего же теперь не удастся намъ?» вотъ вопросъ, который неотвязно долженъ былъ преслѣдовать недовольнаго, раздраженнаго Миновича. 1 апрѣля 1764 года Миновичъ рѣшился искать случая

освободить Ивана Антоновича из Шлюссельбурга и провозгласить императоромъ. Онъ открылся пріятелю своему, поручику Великолуцкаго пѣхотнаго полка Анолону Ушакову; тотъ согласился помогать ему въ предпріятіи, и оба рѣшили, для безопасности, не открывать замысла никому болѣе. 13 мая, въ Казанскомъ соборѣ, Мировичъ и Ушаковъ отслужили по себѣ панихиду, какъ по умершихъ. Уже было извѣстно, что Екатерина лѣтомъ намѣрена отправиться для обозрѣнія прибалтійскихъ областей, и заговорщики рѣшили произвести возстаніе черезъ недѣлю по отбытіи двора изъ Петербурга: когда Мировичъ будетъ караульнымъ офицеромъ въ Шлюссельбургѣ, то Ушаковъ пріѣдетъ туда на шлюпкѣ подъ видомъ курьера и отдастъ Мировичу манифестъ отъ имени императора Іоанна Антоновича; когда солдаты, по прочтеніи манифеста, станутъ на сторону Іоанна, то освободить его и привезти на шлюпкѣ въ Петербургъ, гдѣ пристать на Выборгской сторонѣ и везти Ивана въ артиллерійскій лагерь, который долженъ былъ сыграть ту же самую роль, какую Измайловскій полкъ сыгралъ 28 іюня 1762 года. 25 мая Ушаковъ отправленъ былъ военною коллегіею съ казною къ генералу князю М. Н. Волконскому и во время этой поѣздки утонулъ въ рѣкѣ. Но это происшествіе не отвратило Мировича отъ замысла: онъ рѣшился привести его въ исполненіе одинъ, въ назначенное время.

Послѣ Петра Великаго Екатерина была первая государыня, которая предпринимала путешествіе по Россіи съ правительственными дѣлами. Мы видѣли, что въ 1763 году она ѣздила изъ Москвы въ Ростовъ, и хотя поѣздка въ этотъ городъ имѣла религіозную дѣль, однако императрица воспользовалась случаемъ, чтобъ изъ Ростова проѣхать далѣе на сѣверъ, въ Ярославль. Теперь она предприняла путешествіе на западъ для обозрѣнія прибалтійскихъ областей, причемъ особенно хотѣла посмотреть Балтійскій Портъ, или Рогервикъ, о которомъ такъ долго толковали, на который было потрачено такъ много трудовъ и денегъ.

Императрица отправлялась съ правительственными дѣлами; но гренадеры говорили, что она ѣдетъ въ Ригу за тѣмъ, что хочетъ выйти тамъ замужъ за Орлова и сдѣлать его принцемъ.

Екатерина выѣхала изъ Петербурга 20 іюня и чрезъ Ямбургъ отправилась въ Нарву, гдѣ происходила торжественная встрѣча;

на нѣмецкія рѣчи эстляндскаго рыцарства и нарвскаго бургоми-стра именемъ императрицы отвѣчалъ по-русски графъ Григ. Григ. Орловъ. Изъ Нарвы императрица отправилась въ Ревель, гдѣ была также торжественная встрѣча, на триумфальныхъ воротахъ видѣлась надпись: Екатерина II, матери отечества несравненной (*Matri Patriae incomparabili*). 26 іюня Екатерина писала изъ Ревеля Ив. Ив. Неплюеву, оставленному главноначальствующимъ въ Петербургѣ: «Здѣсь весьма мнѣ ради и не знаютъ, что затѣять, чтобъ показать свое удовольствіе. Я звана обѣдать къ рыцарству, а на другой день къ мѣщанству, и всѣ вонистину съ великимъ усердіемъ». 30-го іюля Екатерина выѣхала изъ Ревеля въ Балтійскій Портъ, откуда писала Панину: «Славный Балтійскій Портъ потерялъ славу моимъ сюда прибытіемъ; желаю васъ увидѣть въ добромъ здоровьѣ; уже скучно становится такъ долго таскаться въ дорогѣ». Запоздавши въ дорогѣ по причинѣ песковъ и сильныхъ жаровъ, которые заставили 40 верстъ ѣхать шагомъ, Екатерина 9-го іюля утромъ въѣхала въ Ригу. Здѣсь, среди торжествъ и народныхъ ликованій, Екатерина съ веселымъ лицомъ отвѣчала на поздравленія, а между тѣмъ забота лежала на сердцѣ: она получила отъ Панина письмо съ извѣстіемъ о *дивагъ*, происшедшихъ въ Шлюссельбургѣ.

Панинъ, жившій съ великимъ княземъ наслѣдникомъ въ Царскомъ Селѣ, получилъ изъ Шлюссельбурга отъ коменданта Бередникова такое донесеніе отъ 5-го іюля: «Сего числа пополуночи во второмъ часу стоящій въ крѣпости въ недѣльномъ караулѣ Смоленскаго пѣхотнаго полку подпоручикъ Василій Яковлевъ сынъ Мировичъ весь караулъ въ фронтъ учредилъ и приказалъ заряжать ружья съ пулями, а какъ я, услыша стукъ и заряданіе ружей, вышелъ изъ квартиры своей и спросилъ, для чего такъ безъ приказу во фронтъ становятся и ружья заряжаютъ, то Мировичъ прибѣгъ ко мнѣ и ударилъ меня прикладомъ ружья въ голову и пробилъ до кости черепа, крича солдатамъ: «Это злодѣй, государя Іоанна Антоновича содержалъ въ крѣпости здѣшной подъ карауломъ, возьмите его! Мы должны умереть за государя!» Подхватили меня и въ арестѣ находился я до пятого часа утра, держанъ былъ приставленными солдатами за все мое платье. Пока я содержался, Мировичъ двукратно покушался идти съ заряженными ружьями противъ караула гарнизонной

команды, которая находилась въ вѣдомствѣ капитана Власьева и поручика Чекина, гдѣ многими патронами съ пули стрѣлялъ, напротивъ того и ему отвѣтствовано. Мировичъ привезъ шести фунтовую пушку къ казармѣ, гдѣ содержатся колодники. Что притомъ происходило, не знаю, ибо видѣть не могъ; напоследокъ Мировичъ привелъ съ собою въ арестъ предъ фронтъ капитана Власьева и Чекина и мертвое тѣло безымяннаго колодника принесено командою его, гдѣ, по установленіи фронта, со всѣми солдатами цѣловался, сказывая имъ, что это онъ одинъ поирѣшилъ и барабанщику велѣлъ бить зорю утреннюю, а потомъ полный походъ; тутъ я закричалъ, чтобъ его арестовали, что и было исполнено; при арестѣ найдены мною у него манифесты, присяга и повелѣнія, писанные его рукою».

Панинъ, получивши это донесеніе, немедленно отправилъ въ Шлюссельбургъ подполковника Кашкина съ приказаніемъ узнать всѣ обстоятельства дѣла и произвести допросъ Мировичу, и въ то же время послалъ донесеніе въ Ригу къ императрицѣ. 9-го іюля Екатерина получила это донесеніе и отвѣчала Панину: «Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши рапорты и всѣ дивы, происшедшія въ Шлюссельбургѣ: руководство Божіе чудное и неиспытанное есть! Я къ вашимъ весьма хорошимъ распоряженіямъ много прибавить не могу, какъ только, что теперь надлежитъ слѣдствіе надъ виновными производить безъ огласки и безъ всякой скрытности (понеже само собою оное дѣло не можетъ остаться секретно, болѣе двухъ сотъ человѣкъ имѣя въ немъ участіе). Безымяннаго колодника велите хоронить по христіанской должности въ Шлюссельбургѣ безъ огласки же. Мнѣ разсудилось, что есть ли неравно искра кроется въ цеплѣ, то не въ Шлюссельбургѣ, но въ Петербургѣ, и весьма желаю бы, чтобъ это не скоро до резиденціи дошло; и кой часъ дойдетъ до Петербурга, то уже надобно дѣло повести публично; и того ради велѣла заготовить указъ къ генералу-поручику той дивизіи Веймарну, дабы онъ слѣдствіе произвелъ, который вы ему отдадите; онъ же человѣкъ умный и далѣе не пойдетъ какъ ему повелѣно будетъ. Вы ему сообщите тѣ бумаги, которыя для его извѣстія надобны, а прочія у себя храните до моего прибытія; я весьма любопытна знать, арестованъ ли поручикъ Ушаковъ и нѣтъ ли болѣе участниковъ? Кажется у нихъ планъ былъ. Сіе

письмо или нужное изъ онаго покажите Веймарну, дабы оно служило ему въ наставленіе. Шлюссельбургскаго коменданта и вѣрныхъ офицеровъ и команду господинъ Веймарнъ имѣеть обнадежить нашею милостію за ихъ вѣрность. Весьма, кажется, нужно осмотрѣть, въ какой дисциплинѣ находится Смоленскій полкъ».

Между тѣмъ 8-го іюля Ив. Ив. Неплюевъ, остававшійся главноначальствующимъ въ Петербургѣ, увѣдомилъ Панина, что въ столицѣ хотя и знаютъ о происшедшемъ въ Шлюссельбургѣ, но никакихъ предосудительныхъ толкованій не слышно. Послѣ этого, въ три часа пополудни является въ Царское Село Тепловъ съ письмомъ отъ Неплюева: въ письмѣ говорилось, что въ Петербургѣ тихо, тѣмъ болѣе, что молва увѣряетъ и о смерти «того фантома, для котораго злодѣйство начато было». Но кромѣ письма Тепловъ объявилъ, что Неплюевъ поручилъ ему сказать Панину изустно слѣдующее: «Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, то бы, ни мало не мѣшкая, возмутителя Мировича взялъ въ Царское Село и въ сокровенномъ мѣстѣ пытку изъ него вывѣдалъ о его сообщникахъ; или ежелибъ сей арестантъ былъ въ моихъ рукахъ, тобъ я у него въ ребрахъ пощупалъ, съ кѣмъ онъ о своемъ возмущеніи соглашался, ибо нельзя надивиться, чтобъ такой малый человѣкъ столь важное дѣло собою однимъ предпріялъ, а сіе мученіе нужно для того, чтобъ тѣ сообщники не скрылися». «Почему же Иванъ Ивановичъ мнѣ объ этомъ не написалъ?» спросилъ Панинъ у Теплова.—«Я его и просилъ, отвѣчалъ Тепловъ, чтобъ онъ или письмомъ о томъ къ вамъ отписалъ, или бы записку мнѣ далъ, въ чемъ состоитъ его требованіе отъ васъ: но Иванъ Ивановичъ мнѣ сказалъ, что онъ отъ своихъ словъ не отречется, въ чемъ ссылался на князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, который притомъ былъ». Панинъ описалъ императрицѣ свой разговоръ съ Тепловымъ; но Неплюевъ и самъ 10-го числа написалъ Екатеринѣ, что надобно Мировича истязать.

Того же самаго 10-го іюля пріѣхалъ въ Рягу Кашкинъ и подалъ императрицѣ первый допросъ Мировича, который сказалъ: «Намѣреніе мною учиненнаго злодѣяства предпріято сего году апрѣля съ 1 числа, а къ сему меня побудили слѣдующія причины: 1) Когда мнѣ случалось бывать во дворцѣ, тогда видя, что до

штабъ-офицера, также и прочихъ статскихъ чиновъ людей свободно предъ ея императорское величество допускають, а ниже оныхъ, какъ то и оберъ-офицеровъ, не пускають. 2) Когда случилось быть такимъ операмъ, въ которыхъ ея императорское величество присутствовать соизволила, что я также допущемъ не былъ. 3) Что штабъ-офицеры не такое почтеніе, какое офицеръ по своей чести имѣть къ себѣ долженствуетъ, отдають, яко же и то что тѣхъ, кои изъ дворянъ, съ тѣми, кои изъ разночинцевъ, сравнивають. 4) Когда я просилъ о выдачѣ мнѣ изъ отписаннаго предковъ моихъ имѣнія, сколько изъ милости ея императорскаго величества пожаловано будетъ, то въ резолюціи написано было слѣдующее: по прописанному здѣсь просителю никакого права не имѣють и для того надлежитъ Сенату отказать имъ; на вторичную просьбу о пожалованіи пенсіи тремъ сестрамъ моимъ также отказано. Хотѣлъ я государя Іоанна Антоновича высвободить и привести предъ артиллерійскіе полки». Изъ показаній Мировича и другихъ причастныхъ дѣлу лицъ вскрылись слѣдующія подробности. Сначала Мировичъ хотѣлъ открыть Власьеву свое намѣреніе, и 4 іюля, въ воскресенье, встрѣтись съ этимъ офицеромъ, началъ было ему говорить: «не погубите ли вы меня прежде предпріятія моего?» Но Власьевъ прервалъ его рѣчь и сказалъ: «Если предпріятіе ваше такое, что можетъ васъ погубить, то я и слышать объ немъ не хочу.» Послѣ этого Мировичъ сталъ уговаривать солдата Писклова, который отвѣчалъ, что если солдатство будетъ согласно, то и онъ согласенъ и подговорилъ еще двоихъ солдатъ. Затѣмъ самъ Мировичъ подговорилъ солдата Босова, троихъ капраловъ; нѣкоторые сначала отказывались, но оканчивали словами: «Если всѣ, то и я.» Мировичъ рѣшился начать дѣло немедленно, боясь, что Власьевъ догадался, о какомъ предпріятіи начиналъ онъ говорить съ нимъ, и донесъ объ этомъ куда слѣдуетъ. Во второмъ часу пополудни Мировичъ изъ офицерской кордегардіи сбѣжалъ внизъ въ солдатскую караульную, закричалъ: «къ ружью!» и, ставъ передъ фрунтомъ, велѣлъ заряжать ружья. Когда вышелъ Бередниковъ, то онъ взялъ его за воротъ халата и отдалъ подъ стражу, послѣ чего двинулся съ своимъ отрядомъ къ казармѣ, гдѣ стояла гарнизонная команда. На окликъ: «кто идетъ?» Мировичъ отвѣчалъ: «иду къ государю!» Изъ гар-

низона раздался ружейный залпъ, Мировичъ велѣлъ своимъ отвѣчать, но потомъ, опасаясь, чтобъ не застрѣлить Ивана Антоновича, велѣлъ отступить. Тутъ команда пристала къ нему: «Покажи видъ, почему поступать?» Мировичъ прочелъ изъ манифеста, отъ имени Ивана, тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, могли особенно тронуть солдатъ, по прочтеніи сказалъ: «Поздравляю васъ съ государемъ!» и сталъ кричать гарнизонной командѣ, чтобъ не стрѣляли, иначе противъ ихъ будутъ изъ пушки стрѣлять. Видя, что угрозы не помогаютъ, Мировичъ дѣйствительно велѣлъ тащить пушку и опять послалъ сказать гарнизону, что будетъ палить; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что гарнизонъ уже положилъ оружіе. Мировичъ съ своею командою бросился въ казарму, вошелъ — темно, послалъ за огнемъ, но когда принесли свѣчи, то онъ увидалъ лежащее среди казармы на полу тѣло заколотого человѣка; Власьевъ и Чекинъ стояли тутъ; Мировичъ, взглянувъ на нихъ, сказалъ: «Ахъ вы безсовѣстные! боитесь ли Бога? за что вы невинную кровь пролили?» — «Мы сдѣлали это по указу, отвѣчали офицеры, а вы отъ кого пришли?» — «Я пришелъ самъ собою, сказалъ Мировичъ.» — «Мы, продолжали офицеры, все это сдѣлали по своему долгу, и имѣемъ указъ, вотъ онъ!» Они подали Мировичу бумагу, но онъ не сталъ ее читать. Тутъ подступили къ нему солдаты съ вопросомъ, не прикажетъ ли заколотъ офицеровъ. «Не трогайте, отвѣчалъ онъ: теперь помощи намъ никакой нѣтъ, они правы, а мы виноваты?» Сказавши это, Мировичъ подошелъ къ тѣлу, поцѣловалъ его въ руку и ногу, велѣлъ солдатамъ положить его на кровать и вынести изъ казармы на фрунтового мѣсто, гдѣ и происходило то, о чемъ доносилъ Бередниковъ Панину.

Власьевъ показалъ, что онъ дѣйствительно заподозрилъ въ Мировичѣ злое намѣреніе изъ словъ, сказанныхъ имъ 4 іюля, и, переговоривъ съ Чекинымъ, отправилъ Панину рапортъ объ этомъ; но курьеръ былъ задержанъ переполохомъ 5 числа. Они убили Ивана Антоновича, когда услышали, что пушку заряжаютъ. Власьевъ счелъ нужнымъ при допросѣ утанитъ, что у нихъ былъ указъ не отдавать Ивана Антоновича никому живаго; онъ показалъ, что они отвѣчали Мировичу: «Кто надъ нимъ (Иваномъ) что сдѣлалъ, тотъ поступалъ по указу.» — «Только, прибавилъ

Власьевъ, онаго (указа) я никогда и ни откуда не имѣлъ, слѣдственно у меня какъ въ рукахъ не было, такъ и показывать было нечего, а сказали мы объ указѣ отъ смертнаго страха.» О покойномъ они показали то же, что было извѣстно изъ прежнихъ донесеній: при очень крѣпкомъ здоровьѣ не имѣлъ онъ никакого тѣлеснаго недостатка, кромѣ сильнаго косноязычія; посторонніе почти вовсе не могли его понимать, и постоянно находившіеся при немъ понимали съ трудомъ; онъ не могъ произнести слова, не поднимая рукою подбородка. Вкуса не имѣлъ, ѣлъ все безъ разбора и съ жадностію. Въ продолженіе 8 лѣтъ не примѣчено ни одной минуты, когда бы онъ пользовался настоящимъ употребленіемъ разума; самъ себѣ задавалъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ; говорилъ, что тѣло его есть тѣло принца Іоанна, назначеннаго императоромъ россійскимъ, который уже давно отъ міра отошелъ, а на самомъ дѣлѣ онъ есть небесный духъ, и именно св. Григорій, потому всѣхъ другихъ людей почиталъ мерзвѣйшими тварями; говорилъ, что такъ какъ люди другъ передъ другомъ и св. иконамъ кланяются, то этимъ и оказывается ихъ мерзость и непотребство, а небесные духи, въ числѣ которыхъ и онъ, никому поклоняться не могутъ; желалъ быть митрополитомъ, для чего выпросилъ себѣ у Бога позволеніе временемъ и поклоны класть, какъ слѣдуетъ митрополиту. Права былъ свирѣпаго и никакого противорѣчія не сносилъ; грамотѣ не зналъ, памяти не имѣлъ, молитва состояла въ одномъ крестномъ знаменіи. Все время или ходилъ, или лежалъ; ходя иногда хохоталъ.

Того же 10 іюля, какъ видно еще до приѣзда Кашкина, Екатерина написала Панину полурусское, полудуфранцузское письмо, обличавшее сильное волненіе: «Никита Ивановичъ! Не могу я довольно васъ благодарить за разумныя и усердныя ко мнѣ и отечеству мѣры, которыя вы приняли по плюссельбургской исторіи. У меня сердце щемитъ когда я думаю объ этомъ дѣлѣ, и много-много благодарю васъ за мѣры, которыя вы приняли и къ которымъ конечно нечего больше прибавить. Провидѣніе дало мнѣ ясный знакъ своей милости, давши такой оборотъ этому предпріятію. Хотя зло пресѣчено въ корню, однако я боюсь, чтобъ въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, глухіе слухи не надѣлали бы много несчастныхъ, ибо двое негодяевъ,

которыхъ Богъ наказалъ за гнусную ложь, написанную ими въ своемъ самозванномъ манифестѣ на мой счетъ, не преминули (по крайней мѣрѣ такъ можно предполагать) посѣять свой ядъ, и доказательствомъ служить для меня то, что въ день моего отъѣзда изъ Петербурга одна бѣдная женщина нашла на улицѣ письмо, написанное поддѣльною рукою, гдѣ говорилось то же самое; письмо передано князю Вяземскому (исправлявшему должность генераль-прокурора по смѣнѣ Глѣбова) и теперь у него; надобно допросить этихъ офицеровъ, они ли написали и распространили письмо; я боюсь, чтобы зло не имѣло еще другихъ послѣдствій, ибо говорятъ, что этотъ Ушаковъ въ связи съ большимъ числомъ мелкихъ придворныхъ служителей. Наконецъ надобно положиться на Господа Бога, который благоволитъ открыть, я не смѣю въ этомъ сомнѣваться, все это ужасное покушеніе. Я не останусь здѣсь ни одного часа болѣе, чѣмъ сколько нужно, не показывая однако, что я спѣшу, и возвращусь въ Петербургъ, и здѣсь надѣюсь, мое возвращеніе не мало будетъ содѣйствовать уничтоженію всѣхъ клеветъ на мой счетъ. Вспомните также вранье того офицера, что Соловьевъ привелъ; да съ великаго поста болѣе двѣнадцати подобныхъ было и всѣ о той же матеріи. Велите пожалуйста разсмотрѣть, не они ли (Мировичъ и Ушаковъ) тому виновниками были. Хотя въ семъ письмѣ я къ вамъ съ крайнею откровенностію все то пишу, что въ голову пришло; но не думайте, чтобы я страху предалась; я сіе дѣло не болѣе уважаю, какъ оно въ самомъ существѣ есть, сирѣчь дешперальный и безразсудный *соур*, однакожь надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачества распространялись, дабы, если возможно, разомъ пресѣчь и тѣмъ избавить отъ несчастія невинныхъ простяковъ.»

Допросъ, привезенный Кашкинымъ, не вполне удовлетворилъ Екатерину, какъ видно изъ письма ея къ Панину отъ 11 іюля: «Хотя по вашимъ примѣчаніямъ съ основаніемъ видится, будто у Мировича сообщниковъ нѣтъ, однако полагаться не можно на злодѣя, такого твердаго въ своемъ предпріятіи, но должно съ разумною строгостію изслѣдовать сіе дѣло. Брата утопшаго Ушакова также допросить надобно, не вѣдалъ ли онъ братниныхъ мыслей? Еще же знать желаю, въ артиллеріи (куда они вести (Ивана) намѣрены были) нѣтъ ли сообщниковъ, тѣмъ бо-

лѣе, что командиръ у нихъ весьма не любимъ, о чемъ неоднократно уже до меня доходило эхо. Я нынѣ болѣе спѣшу какъ прежде возвратиться въ Питербурхъ, дабы сіе дѣло скорѣе окончить и тѣмъ дальнихъ дурацкихъ разглашеній пресѣчь».

Но какъ ни торопилась Екатерина въ Петербургъ, она должна была еще ѣхать въ Митаву. Биронъ пріѣхалъ въ Ригу и умолялъ императрицу посѣтить его въ его резиденціи, которую онъ получилъ отъ щедрой и благодѣтельной руки ея величества, всемилостивѣйшей своей избавительницы и покровительницы. Екатерина должна была согласиться ѣхать въ Митаву уже и потому, чтобъ не показаться испуганною и торопящеюся въ Петербургъ; 13 іюля она отправилась въ Курляндію, на границахъ которой была встрѣчена герцогомъ и его обоими сыновьями. Въ митавскомъ дворцѣ, Биронъ, ставши на колѣна, цѣловалъ руку своей щедрой благодѣтельницы и благодарилъ за посѣщеніе. «Герцогъ, писала Екатерина Панину, по возвращеніи въ Ригу, принялъ меня съ великолѣпіемъ, и медаль нарочно сдѣлалъ для приему, и деньги кидалъ въ народъ. Народъ здѣшній ждалъ моего пріѣзда изъ Митавы до перваго часа за полночь, и какъ увидѣли мою карету, то съ виватомъ проводили меня до моего дома. Пишу къ вамъ это, чтобъ показать, что Ливонцы начинаютъ поддаваться вліянію своихъ завоевателей».

Но среди торжествъ въ Митавѣ и Ригѣ мысль все была занята Шлюссельбургомъ. На дорогѣ изъ Риги въ Петербургъ, 16 іюля она писала Панину: «Сколь я желаю, чтобъ Богъ вывелъ, если есть, сообщниковъ, столь я Всевышняго молю, дабы невинныхъ людей въ семъ дѣлѣ не пропадало. Я прочла календарь и записки онаго злодѣя, изъ которыхъ единомышленныхъ не видится, но только изъ одного листа видно, что онъ меня убить хотѣлъ; а чтобъ они по Петербургу не разглашали свои намѣренія, тому кажется вѣрить не можно, понеже со святой недѣли много о семъ происшествіи почти точные доносы были, которые моимъ неуваженіемъ презрѣны». 18 іюля письмо къ Неплюеву: «Осторожность вашу не иначе какъ похвалить могу, что вы за Мировичами приказали безъ огласки подсматривать; однако если дѣло не дойдетъ до нихъ, то арестовать ихъ не для чего, понеже пословица есть: братъ мой, а умъ свой. Все же я никакъ не желаю, чтобъ невинные пострадали».

25 іюля імператрыца вярнулася ў Петербургъ. Паслѣ слѣдствія надъ Мировичемъ, произведеннаго Веймарномъ и не открывшаго ничего новаго, учрежденъ былъ чрезвычайный судъ изъ сената и синода, къ которымъ были присоединены сановники первыхъ трехъ классовъ и предсѣдатели коллегій. 25 августа судъ отправилъ къ імператрицѣ депутатовъ съ просьбою позволить ему поступать по большинству голосовъ, не сносаясь съ нею. Екѣтерина написала собственноручно на докладъ: «Что принадлежитъ до нашего собственнаго оскорбленія, въ томъ мы сего судимаго всемилостивѣйше прощаемъ; въ касающихся же дѣлахъ до цѣлости государственной, общаго благополучія и тишины, въ силу поднесеннаго намъ доклада, на сего дѣла случай отдаемъ въ полную власть сему нашему вѣрноподданному собранію». При отбираніи голосовъ, должно ли приступить къ сененціи, оберъ-прокуроръ Соймоновъ сталъ говорить президенту медицинской коллегіи барону Черкасову, что нѣкоторые изъ духовенства приговариваютъ Мировича пытать. Тутъ исправлявшій должность генераль-прокурора князь Вяземскій подошелъ и повелительнымъ тономъ запретилъ Соймонову продолжать разговоръ о мнѣніи духовенства, а у Черкасова потребовалъ немедленнаго отвѣта, должно ли приступить къ сененціи? Черкасовъ второпяхъ отвѣчалъ, что должно; но потомъ, 2 сентября, представилъ письменное мнѣніе, что Мировича надобно пытать съ цѣлію открыть сообщниковъ или наустителей. «Намъ необходимо нужно, писалъ онъ, жестокимъ розыскомъ злодѣю оправдать себя не токмо передъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами; а то опасуюсь, чтобъ не имѣли причины почестъ насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися или и комедіантами». Собраніе осердилось и просило імператрицу защитить его отъ оскорбленій Черкасова. Послѣдній долженъ былъ извиниться, объявилъ, что въ добромъ намѣреніи употребилъ слова, которыми собраніе почло себя оскорбленнымъ. Написаніе сененціи возложено было на Адама Вас. Олсуфьева, генераль-поручика Веймарна и президента юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ Эмме. Члены синода объявили, что, какъ духовные, подписывать смертный приговоръ не могутъ, хотя и признають, что Мировичъ достоинъ жесточайшей казни. Смертная казнь совершилась 13 сентября, передъ полуднемъ, на пе-

тербургскомъ островѣ, на обжорномъ рынкѣ. Сохранилось извѣстіе, что Мировичъ всходилъ на эшафотъ съ твердостью и благоговѣніемъ. Державинъ оставилъ намъ извѣстіе о томъ, какое впечатлѣніе произвела смертная казнь на народъ, отвыкшій отъ нея въ царствованіе Елисаветы. «Народъ, стоявшій на высотахъ домовъ и на мосту, не обикшій видѣть смертной казни и ждавшій почему-то милосердія Государыни, когда увидѣлъ голову въ рукахъ палача, единогласно ахнулъ и такъ содрогся, что отъ сильнаго движенія мостъ поколебался и перила обвалились. Солдаты, дѣйствовавшіе вмѣстѣ съ Мировичемъ въ Шлюссельбургѣ, прогнаны сквозь строй и потомъ разосланы по отдаленнымъ гарнизонамъ. Власевъ и Чекинъ получили по 7000 рублей награжденія, отставлены отъ службы съ сохраненіемъ жалованья и дали подписку—подъ лишеніемъ чести и живота не утруждать императрицу относительно содержанія, жить всегда въ отдаленіи отъ великихъ и многочисленныхъ компаній, обонимъ вмѣстѣ нигдѣ въ компаніяхъ не быть и на дѣлахъ, особенно приказныхъ, не подписываться, въ столичные города безъ крайней нужды не ѣздить и если придется ѣхать, то не вмѣстѣ, объ извѣстномъ событіи никогда не говорить³.

До отъѣзда своего въ прибалтійскія области императрица присутствовала четыре раза въ сенатѣ, и по возвращеніи изъ путешествія—три. Сенатъ, раздѣленный на департаменты, сталъ жить новою жизнью. Мы видѣли, что генераль-прокуроръ Глѣбовъ, въ слѣдствіе разысканія Крыловскаго дѣла, не могъ оставаться при своей важной должности. 3 февраля сенатъ получилъ указъ: «въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, касающихся до генераль-прокурора Глѣбова, ея императорское величество повелѣваетъ впредь отправлять генераль-прокурорскую должность генераль-квартирмейстеру князю Александру Вяземскому»⁴. Екатерина написала ему собственноручно секретнѣйшее наставленіе, которое начинается очень недѣльнымъ отзывомъ о Глѣбовѣ, при чемъ задѣтъ и благодѣтель его, графъ Петръ Ив. Шуваловъ. Выходка противъ Шувалова показываетъ такое сильное раздраженіе, вынесенное изъ прошедшаго, которое заставило забыть, что подобная выходка въ инструкціи генераль-прокурору вовсе не у мѣста. «Прежнее худое поведеніе, корыстолюбіе, лихоимство и худая въ слѣдствіе сихъ свойствъ

репутація, недовольно чистосердечія и искренности противъ меня нынѣшняго генераль-прокурора, все сіе принуждаетъ меня его смѣнить и совершенно помрачаетъ и уничтожаетъ его способность и прилежаніе къ дѣламъ; но и то прибавить должно, что не мало къ тому его несчастію послужили знаемость и короткое обхожденіе въ его еще молодости съ покойнымъ графомъ Петромъ Шуваловымъ, въ котораго онъ рукахъ совершенно находился и наполнился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для самихъ ихъ. Все сіе производитъ, что онъ болѣе къ темнымъ, нежели къ яснымъ дѣламъ имѣетъ склонность, и часто отъ меня въ его поведеніяхъ много было сокровеннаго, чрезъ что по мѣрѣ и моя довѣренность къ нему умалаялась; а вреднѣе для общества ничего быть не можетъ, какъ генераль-прокуроръ такой, который къ своему государю совершеннаго чистосердечія и откровенности не имѣетъ; такъ какъ и для него хуже всего не имѣть отъ государя совершенной довѣренности, понеже онъ, по должности своей, обязывается сопротивляться наисильнѣйшимъ людямъ, и слѣдовательно власть государская одна его подпора. Вамъ должно знать, съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Ежедневные случаи васъ будутъ ко мнѣ предводительствовать (т.-е. приводить); вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ наивысшее благополучіе и славу отечества и иного не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, каковаго бъ они званія ни были; мои мысли всѣ къ тому лишь только стремятся, чтобъ какъ изнутри, такъ и внѣ государства сохранить тишину, удовольствіе и покой. Увидя и отъ васъ вѣрность, прилежаніе и откровенное чистосердечіе, тогда вы ласкать себя можете получить отъ меня повѣренность безпредѣльную. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Я слышу, что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человѣка; я же надѣюсь вамъ опытами показать, что у двора люди съ сими качествами живутъ благополучно. Еще къ тому прибавлю, что я ласкательства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечнаго обхожденія и твердости въ дѣлахъ. Въ сенатѣ найдете вы двѣ партіи; но здравая политика съ моей стороны требуетъ оныя отнюдь не уважать, дабы имъ чрезъ то не подать твердо-

сти и они бы скорѣе тѣмъ исчезли, а только смотрѣла я за ними не дремлемымъ окомъ, людей же употребляла по ихъ способности къ тому или другому дѣлу. Обѣ партіи стараться будутъ нынѣ васъ уловить въ свою сторону. Вы въ одной найдете людей честныхъ нравовъ, хотя и недалководныхъ разумомъ; въ другой, думаю, что виды далѣе простираются, но не ясно, всегда ли оныя полезны. Иной думаетъ, для того что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то вездѣ по политикѣ той его любимой земли все учреждать должно, а все другое безъ изыатія заслуживаетъ его критики, несмотря на то, что вездѣ внутреннія распоряженія на правахъ націи основываются. Вамъ не должно уважать ни ту, ни другую сторону, обходиться должно учтиво и безпристрастно, выслушать всякаго, имѣя только единственно пользу отечества и справедливость въ виду, и твердыми шагами идти кратчайшимъ путемъ къ истинѣ. Въ чемъ вы будете сумнительны, спроситесь со мною и совершенно надѣйтесь на Бога и на меня, а я, видя такое ваше удобное мнѣ поведеніе, васъ не выдамъ. Всѣ мѣста и самый сенатъ вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ; а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ—почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ, случилось слышать въ сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ сенатъ представить, до чего однакожь я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что сему радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оныя не въ силѣ законовъ, представлять въ сенатъ, а напоследокъ и ко мнѣ. Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется. Одва форма лишь канцелярская исполняется, а думать еще иные и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ и интересъ государственный страждетъ. Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ

границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ членамъ прежніе примѣры прелестны, однакожь пока мѣсть я жива, то останемся какъ долгъ велитъ. Россійская имперія есть столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя всякая другая форма правленія вредна ей, ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣеть, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитая общее добро своимъ собственнымъ, а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники есть»⁵.

Первый шагъ князя Вяземскаго на новомъ поприщѣ былъ не удаченъ. 30 января произошло разногласіе между сенаторами: девять сенаторовъ полагали, чтобъ генераль-рекетмейстеру принимать только такія прошенія, которыя означены въ его инструкціи, а прочія по разнымъ въ сенатѣ дѣламъ принимать, въ силу указовъ, по департаментамъ оберъ-секретарямъ; но другіе пять сенаторовъ подали мнѣніе, что всѣ челобитныя принимать одному генераль-рекетмейстеру. Эти мнѣнія 13 февраля читаны были въ сенатѣ въ присутствіи императрицы, и, несмотря на старанія согласить сенаторовъ, каждый изъ нихъ остался при своемъ мнѣніи. Послѣ этого князь Вяземскій поднесъ дѣло на высочайшее разсмотрѣніе и притомъ представилъ свое мнѣніе, что и онъ согласенъ съ пятью сенаторами, чтобъ всѣ челобитныя принимать одному генераль-рекетмейстеру. Екатерина написала на доношеніи: «генералу-рекетмейстеру поступать по своей инструкціи, а челобитныя принимать по департаментамъ»⁶.

30-го іюля императрица, присутствуя въ сенатѣ, произнесла рѣшеніе, прекращавшее домогательства потомковъ на возвращеніе имѣній, конфискованныхъ у предковъ ихъ, рѣшеніе, согласное съ рѣшеніемъ на просьбу Мировича. Въ 1727 году отобраны были имѣнія у вдовы гетмана Скоропадскаго; дочь Скоропадскихъ, какъ извѣстно, была за графомъ Толстымъ: теперь секундъ-майоръ гвардіи графъ Толстой отъ своего имени и отъ имени всѣхъ племянниковъ билъ челомъ о возвращеніи имъ имѣній Скоропадскаго, какъ наследникамъ. Императрица указала: «Какъ тѣ маестности отписаны и другимъ розданы по именнымъ

указамъ, то если сверхъ того нынѣ возобновлять наслѣдство гетмана Скоропадскаго, то уже ничего твердаго быть не можетъ и для того имѣнію остается за тѣми, за кѣмъ оно донинѣ состоитъ»¹.

Въ инструкціи кн. Вяземскому императрица, между прочимъ, говорила: «Весьма, по обширности имперіи, великая нужда состоитъ въ умноженіи циркуляціи денегъ, а у насъ нынѣ по счетамъ монетнаго департамента не болѣе 80 милліоновъ серебра въ народѣ, которую сумму расположа по числу людей, придетъ по 4 рубля на человѣка, если еще не меньше. Разные были проекты, изъ которыхъ наконецъ вышла мѣдная монета, на которую много очень жалобы, однакожь пока не будетъ знатнаго умноженія серебра въ государствѣ, сей вредъ сносить должно, а нынѣ объ ономъ стараться надлежитъ, какъ ужъ и начато, чтобъ не было разнаго вѣсу монеты, содержащей одинакую цѣну, такъ какъ и разныхъ цѣнъ одного вѣсу и металла; да чтобъ серебро возможнымъ способомъ вовлечь въ государство, такъ какъ на примѣръ хлѣбнымъ торгомъ, какъ о томъ и комиссіи и коммерціи уже приказано. О выписываніи серебра иного сказать не могу, какъ только, что сія матерія весьма деликатна и многимъ о семъ неприятно слышать, однакожь вамъ надлежитъ и въ сіе дѣло вникнуть». Въ самомъ началѣ года велѣно было дѣлать золотую монету такъ, чтобъ внутренняя доброта была точно въ 15 разъ больше противъ серебряной; золотую монету дѣлать 88 пробой, каждый имперіаль (10 рублей) вѣсомъ по 3 золотника и по $\frac{3}{44}$ доль, а полуимперіаль по одному золотнику и по $\frac{47}{88}$ доль; серебряную монету дѣлать 72 пробойю».

Доходы прошлаго 1763 года простирались до 16,507,381 рубля; доходы 1764 года увеличились до 21,593,136 рублей. Несмотря на то по прежнему были въ затрудненіи относительно удовлетворенія государственнымъ нуждамъ. Коммерцъ-коллегія донесла сенату, что академія художествъ требуетъ изъ определенной для нея годовой суммы въ 20,000 рублей изъ таможенныхъ сборовъ за минувшій январь и февраль мѣсяцы 3,333 рубля 33 коп.; но таможенные сборы отданы были на откупъ на шесть лѣтъ по нынѣшній 1764 годъ изъ сложности сбора трехъ лѣтъ съ наддачею 170,000 рублей въ годъ, а изъ этой суммы велѣно вносить въ комнату ея императорскаго величества 150,000

рублей, да въ Московскій университетъ 20,000; а по вступленіи таможенныхъ сборовъ въ казну, гдѣ и надданной суммы никакой уже нѣтъ, велѣно помянутые 150,000 по прежнему вносить въ кабинетъ, и коммерцъ-коллегія еще 20,000 на академію художествъ отпустить не смѣетъ. Сенатъ также не посмѣлъ разрѣшить, и подалъ докладъ императрицѣ, которая велѣла отпустить деньги⁹. Именнымъ указомъ велѣно было изъ процентныхъ денегъ коммерческаго банка отпустить 10,400 рублей на каналъ между рѣками Волховомъ и Сясью, но фельдмаршалъ Минихъ донесъ о крайнемъ недостаткѣ денегъ для работъ при Балтійскомъ портѣ: каторжные невольники находились въ самомъ бѣдственномъ состояніи въ слѣдствіе невыдачи имъ на нынѣшній годъ никакой одежды и обуви; Минихъ требовалъ на содержаніе невольниковъ годовой суммы 30,751 рубль, да на уплату за подряженные и принятые матеріалы 16131 рубль; а хотя изъ адмиралтейской коллегіи и отпущено 30,000 рублей, но эти деньги велѣно употреблять на одно только мольное сооруженіе и самонужнѣйшія работы, и потому онъ, Минихъ, на другіе расходы употреблять ихъ смѣлости не имѣетъ. Сенатъ отвѣчалъ, что изъ отпущенныхъ по именному указу 30,000 рублей теперь употреблять только на самые необходимые расходы, именно на содержаніе каторжныхъ невольниковъ и приготовленіе для нихъ одежды и обуви; ему, графу Миниху, уже запрещено было впредь до указа дѣлать подряды, и это запрещеніе теперь подтверждается, и долженъ онъ подать въ сенатъ вѣдомость, на какіе матеріалы подряды сдѣланы и на какую сумму. Но чрезъ нѣсколько дней тотъ же Минихъ представилъ сенату донесеніе изъ канцеляріи Ладожскаго канала, о совершенномъ обветшаніи канала. Сенатъ приказалъ: такъ какъ графъ Минихъ представляетъ единственно на основаніи донесенія канцеляріи канала, безъ собственнаго осмотра, и такъ какъ возобновеніе Ладожскаго канала есть дѣло государственное очень нужное: то послать графу Миниху указъ, что сенатъ рекомендуетъ ему, если здоровье дозволитъ, Ладожскій каналъ осмотрѣть самому и подать въ сенатъ смѣту съ мнѣніемъ. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ требовалъ увеличенія штата своей канцеляріи: сенатъ отказалъ. Эта экономія была необходима, ибо въ августѣ штатсконтора потребовала указа объ отпускѣ заимообразно изъ при-

сутственныхъ мѣсть 250,000 рублей до получения изъ губерній подлежащихъ штатсъ-конторѣ сборовъ; сенатъ приказалъ выдать требуемую сумму изъ экспедиціи передѣла мѣдныхъ денегъ; а въ октябрѣ сенатъ рѣшилъ доложить императрицѣ, что за крайнимъ недостаткомъ денегъ въ штатсъ-конторѣ слѣдуетъ выдавать пенсіи изъ суммъ коллегіи-экономіи, а на пенсію нужно 72,000.

О безпорядкѣ, какой былъ въ камеръ-конторѣ, узнаемъ изъ ея донесенія сенату: оставшіеся въ коллегіи послѣ умершихъ повытчиковъ безъ принятія другими повытчиками и безъ рѣшенія съ 732 по 753 годъ счеты съ документами во время пожаровъ съ прочими дѣлами снаниваны безъ разбору и перекладываны изъ одного мѣста въ другое. Съ 1753 года коллегія сколько ни старалась разобрать ихъ и сдѣлать пересмотръ, не могла однако привести въ надлежащій порядокъ, тѣмъ болѣе, что въ книгахъ листы погнили, а иные изодраны, документовъ и выписей большею частію нѣтъ, и впередъ, сколько въ этомъ ни упражняться, трудъ будетъ бесполезный.—Рѣшивши подать докладъ, чтобъ дѣла эти оставить безъ разбора и, запечатавъ хранить въ архивѣ для справокъ, сенатъ прибавилъ: въ представленіи камеръ-коллегіи показано, что счеты остались послѣ умершихъ повытчиковъ безъ принятія ихъ преемниками, которые должны были принять ихъ и немедленно описать ихъ порядочно; но этого не было сдѣлано, что причитается за крайній непорядокъ бывшимъ тогда присутствующимъ, и хотя нельзя думать, чтобъ впредь могли произойти такія неисправности и упущенія, однако сенатъ почитаетъ долгомъ своимъ напомнить камеръ-коллегіи, чтобъ въ храненіи дѣлъ и произведеніи счетовъ въ свое время поступаемо было съ крайнею внимательностію ¹⁰. О безпорядкахъ по шталмейстерскому управленію говоритъ императрица въ письмѣ своемъ къ Елагину: «Иванъ Перфильевичъ! Подаль мнѣ Репнинъ чрезъ шталмейстера Нарышкина докладъ о ихъ недостаткахъ, прося денегъ. Пожалуй, вникни въ ихъ домостройство или домонестройство, да притомъ знай, что я вѣдаю отъ штатсъ-конторскаго прокурора, что они уже всѣ 1765 года получили или, лучше сказать, забрали, а я запретила тамо (чего они не знаютъ) имъ болѣе впередъ дать; да сверхъ того Репнинъ вся-

кой день принимает снова всяких распудренных дворянчиковъ, которые ничего не смыслятъ окромѣ петиметрства».

Въ инструкціи кн. Вяземскому императрица говорила: «Великое отягощеніе для народа есть соль и вино на такомъ основаніи, какъ оныя нынѣ находятся. Въ корчемствѣ столько винныхъ, что и наказывать ихъ почти невозможно, понеже цѣлыя провинціи себя оному подвергли, а что пресѣчь нельзя, нехудо къ тому изыскивать способы къ отправленію и облегченію народному». 23 марта учреждена была коммиссія для разсмотрѣнія государственныхъ соляныхъ и винныхъ сборовъ. Въ инструкціи коммиссіи говорилось: «Полагая за главное всему дѣлу правило, что виннымъ и солянымъ сборамъ неотмѣнно быть должно, изыскивать вообще такія средства, чтобъ оныя сборы казнѣ соблюдены и умножены, а притомъ бы и народу не въ тягость были»¹².

Относительно банковъ сенатъ получилъ два указа императрицы: 1) При учрежденіи государственныхъ банковъ опредѣлено, что и партикулярные люди могутъ свои деньги приносить въ нихъ для отдачи въ ростъ, и потому отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ Воспитательнаго дома, нѣсколько и получено. Ея императорское величество, желая у партикулярныхъ людей отнять всякое сомнѣніе и утвердить банковый кредитъ, повелѣваетъ такія приносимыя деньги раздавать особо, не мѣшая съ казеннымъ капиталомъ, и получаемые съ нихъ проценты, равно какъ и самые капиталы, не только никуда по присылаемымъ указамъ въ расходъ не употреблять, но и въ казнѣ отнюдь не держать, а раздавать также въ ростъ, присовокупляя проценты къ капиталу, или возвращать вкладчикамъ по ихъ желанію, и Воспитательному дому, и прежде истеченія сроковъ возвращать безъ всякой остановки по востребованію, все же сіе такъ твердо содержать, что хотя иногда нечаянно и за подписаніемъ ея императорскаго величества присланъ былъ бы указъ въ противность онаго, не исполнять, а представлять ея императорскому величеству. 2) Такъ какъ многіе купцы явились неисправны въ платежѣ своихъ долговъ по коммерческому банку, а нѣкоторые и ненадежны, то ея императорское величество 4 марта 1764 года повелѣла оному банку быть въ вѣдомствѣ всей коммерцъ-коллегіи, и хотя къ первоположенному капиталу 500,000 и числится нынѣ всей суммы и съ капиталомъ 802,720 рублей, изъ кото-

рыхъ не прошли еще нѣкоторые сроки, но просроченныхъ уже явилось болѣе 382 рублей. Изъ такихъ обстоятельствъ банка сего ея императорское величество предусматриваетъ потерю не малаго капитала. Для сихъ причинъ и надзираніе всей коллегіи ея императорское величество почитаетъ не за довольное еще средство къ поправленію сего дѣла, потому что при многихъ голосахъ наблюденіе канцелярскаго порядка въ употребляемыхъ ко взысканію казенныхъ долговъ средствахъ можетъ произвести излишнюю потерю времени, а паче всего дѣйствіе по точности указовъ не дозволяетъ имѣть никакого списхожденія въ таковыхъ случаяхъ, гдѣ иногда можно, по разсмотрѣнію, чиня надежныя отсрочки, и казну удовольствовать, и купца не разорить. Чего ради ея императорское величество повелѣваетъ купеческому банку быть въ вѣдомствѣ камергера графа Николая Головина, чтобы оный просроченныя деньги и съ интересами ихъ собралъ вмѣстѣ съ президентомъ коммерцъ-коллегіи Евреиновымъ, и принимали такія мѣры, чтобы купцамъ надежнымъ разоренія не учинить, ни казна бѣ не потерпѣла¹³.

Сенатъ долженъ былъ найоминать мануфактуръ-коллегіи указъ Петра Великаго 1724 года о донесеніи въ Сенатъ по два раза въ годъ, приходятъ ли фабрики и мануфактуры въ совершенство и какое производство гдѣ и' когда размножено¹⁴. Бергъ-коллегіи было подтверждено указомъ, чтобы она употребила всевозможное стараніе о заведеніи и размноженіи въ Россіи стальныхъ и желѣзныхъ фабрикъ и сравнять ихъ произведенія съ произведеніями штейерскихъ фабрикъ, ибо екатеринбургская сталь, изъ которой дѣлаются ружья, уступааетъ штейерской, а дѣлаемая на Демидовскихъ заводахъ косы хуже нѣмецкихъ и расходу на нихъ мало. Вице-президентъ мануфактуръ-коллегіи Сукинъ донесъ, что въ этой коллегіи не только по многимъ сенатскимъ указамъ исполненія не сдѣлано, но и по именному указу о мануфактурахъ и купечествѣ по собраннымъ извѣстіямъ еще сочиняется выписка; а президентъ мануфактуръ-коллегіи, извѣстный Волковъ, объявилъ, что коллегія, безъ его совѣтовъ, продолжаетъ раздавать привилегіи на заведеніе новыхъ фабрикъ, и требовалъ чтобы не для его персоны, но изъ уваженія къ указу и для службы ея императорскаго величества, коллегія поступала не такъ рѣшительно, а спрашивала его согласія. Сенатъ при-

казалъ потребовать отвѣта у коллегіи. Дѣло шло о позволеніи кн. Долгорукову завести хрустальную фабрику, и коллегія отвѣчала, что хотя разсужденіе объ этомъ въ ней и происходило, однако рѣшительнаго опредѣленія подписано не было и позволенія кн. Долгорукову не дано.

Новый вице-президентъ конторы главнаго магистрата кн. Мещерскій донесъ, что по вступленіи его въ присутствіе онъ нашель, что контора: 1) не имѣеть у себя настольнаго реестра нерѣшеннымъ дѣламъ; 2) реестра законамъ, которыми долженъ руководствоваться главный магистратъ; 3) списка колодникамъ; 4) по должности регистратора и архивариуса ничего нѣтъ къ исполненію; 5) настольнаго реестра денежной казни нѣтъ; 6) протоколы не переплетены; 7) нѣтъ вѣдомости, сколько купечества находится въ вѣдѣніи конторы и на какую сумму простираются положенные на него оклады; 8) архивъ представляетъ комнату, гдѣ по полу валяются дѣла въ кулькахъ и связкахъ; 9) денежная казна охраняется только тѣмъ однимъ, что сундуки стоятъ въ судейской палатѣ; 10) команда солдатская какъ для охраненія денежной казны, такъ и колодниковъ такая, что до 20 человѣкъ колодниковъ распустила, а теперь подаютъ донесенія о побѣгѣ колодниковъ, которые бѣжали еще въ прошломъ году; 11) секретарь Таушевъ отъ старости исполнять должность не можетъ, а секретарь Петровъ по нерасторопности у такихъ дѣлъ, которыя требуютъ скорого рѣшенія по вексельному праву, быть не способенъ. 25 человѣкъ купцовъ подали въ сенатъ жалобу на коммерцъ-коллегію, что она не опредѣляетъ купца Сушенкова браковщикомъ пеньки и льна; коммерцъ-коллегія въ отвѣтъ просила дать ей сатисфакцію за ложное на нее челобитье, потому что Сушенковъ не опредѣленъ по немѣнью мѣста, и такъ уже трое браковщиковъ лишннихъ. Приказали: Сушенкову объявить, что нѣтъ мѣста и потому его опредѣлить нельзя, а когда будетъ мѣсто, то просить ему въ коммерцъ-коллегіи ¹⁵.

1764 годъ былъ замѣчателенъ въ исторіи русской внѣшней торговли появленіемъ перваго русскаго корабля на Средиземномъ морѣ, ибо до сихъ поръ далѣе Кадикса ни одинъ русскій корабль, ни военный, ни торговый, не бывалъ. Образовалась компанія тульскаго купца Владимірова съ другими тульскими же купцами для непосредственнаго торга съ Италіею чрезъ Среди-

земное море. Императрица на свое иждивеніе построила для компаніи фрегатъ о 36 пушкахъ. Фрегатъ этотъ, названный «Надежда Благополучія», отправился нагруженный русскими товарами (жѣлѣзомъ, юфтью, парусными полотнами, табакомъ, вѣрою, воскомъ и канатами) изъ Кронштадта 11 августа въ Ливорно, подъ командою капитана Плещеева. Факторомъ компаніи въ Ливорно былъ казанскій купецъ Пономаревъ, который прислалъ въ Петербургъ извѣстіе, что 20 ноября фрегатъ прибылъ въ Ливорно благополучно, и 24 ноября, въ Екатерининъ день, происходила въ греческой ливорнской церкви торжественная служба на русскомъ языкѣ: служилъ іеромонахъ съ фрегата, служилъ въ богатомъ облаченіи, присланномъ императрицею въ греческую церковь.

Коммерцъ-коллегіи данъ былъ именной указъ: *для пользы купечества* ввести здѣсь въ употребленіе печатные листочки о цѣнахъ товаровъ, называемые прейсъ-куранты, на потребныя же къ сему расходы принять оной коллегіи отъ кабинета нашего 200 рублей ¹⁶. Постановленіе издано какъ новое, не знали, что повторяютъ предписаніе Петра Великаго. Императрица *для пользы купечества* велѣла разослать безденежно во всѣ гильдіи купеческія напечатанную на русскомъ языкѣ книгу: «Описаніе торгу амстердамскаго» ¹⁷. Новая комиссія о коммерціи вспомнила указъ Петра Великаго и приняла тоже за самыя нужнѣйшее и полезнѣйшее дѣло, чтобъ русскимъ молодымъ купеческимъ дѣтямъ путешествовать по славнымъ своею торговлею государствамъ и городамъ, и еслибъ кто пожелалъ сына своего посадить въ чужихъ краяхъ въ контору купеческую, на нѣсколько лѣтъ для обученія теоріи и практикѣ, то не только этого не запрещать, но почтять за похвальное и полезное отечеству дѣло ¹⁸.

Но прежде чѣмъ посылать дѣтей своихъ учиться въ заграничныя конторы, астраханскіе купцы чрезъ магистратъ свой подали въ сенатъ просьбу позволить имъ держать у себя покупныхъ людей съ платежомъ подушныхъ, ибо, по немнѣнію по близости уѣздовъ, безъ своихъ покупныхъ людей всѣхъ своихъ промысловъ лишиться могутъ. Сенатъ приказалъ: старыхъ держать, а новыхъ не покупать (кромѣ крещеныхъ Калмыковъ), а астраханскому губернатору велѣтъ разсмотрѣть, надобно ли на будущее время дать имъ позволеніе покупать у помѣщиковъ

людей для употребленія ихъ въ матросы и при своемъ мнѣніи въ сенатъ приложить вѣдомость, сколько до сихъ поръ тамошнимъ купечествомъ заведено мореходныхъ судовъ и сколько требуется на нихъ матросовъ. Тогда же позволено было купцу Федорову удержать троицъ людей, купленныхъ имъ для обученія матросскому ремеслу, но подтверждено, чтобъ онъ мореходное судно непременно построилъ, а иначе велѣно будетъ ему продать этихъ людей тѣмъ, кому можно ихъ держать¹⁹.

Такъ продолжалъ тяготѣть надъ русскою землею исконный ея недостатокъ, недостатокъ въ людяхъ, въ рабочихъ рукахъ, невозможность добыть вольнонаемнаго работника. Надобно было содержать землю военного человѣка и надобно было прикрѣпить къ этой землѣ работника; надобно было завести фабрику — надобно было приписать къ ней крестьянъ; надобно было поощрить мореплаваніе, постройку мореходныхъ судовъ — надобно было дать крѣпостного матроса, вольнаго рабочаго не было и не было ему нужды идти въ трудную и непривычную работу.

Но гдѣ историкъ видитъ рабство, тамъ и безъ свидѣтельствъ долженъ предполагать бѣгство и возмущеніе. Пришла вѣдомость, что въ 1763 году изъ уѣздовъ Ржевы Пустой и Заволочья бѣжить за рубежъ 84 человѣка помѣщичьихъ крестьянъ и людей; за то добровольно явилось изъ Польши бѣглыхъ 500 человѣкъ. Этихъ выходцевъ нужно было двигать дальше на востокъ, потому что въ прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства мѣста не было: въ псковскихъ дворцовыхъ волостяхъ не только не нашлось пустыхъ земель, но сами крестьяне занимали пахотную землю и сѣнокосы у *псковскихъ козаковъ*, у помѣщиковъ и монастырей дорогою цѣною. Несмотря на сильныя мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ для возвращенія бѣглыхъ изъ польскихъ владѣній, въ концѣ года воеводская канцелярія Ржевы Пустой и Заволочья донесла, что черезъ форпосты лѣсами выходятъ изъ Польши воры, разбойники и бѣглые солдаты, разбиваютъ помѣщиковъ и крестьянъ, крадутъ пожитки, скотъ, и, подговаривая, проводятъ въ Польшу бѣглыхъ; въ нынѣшнемъ году, писала канцелярія, особенно много людей оказалось въ бѣгахъ и воровствѣ; въ Польшѣ бѣглымъ и разбойникамъ главное пристанище въ полоцкомъ и невелискомъ повѣтахъ, въ имѣніяхъ князя Радзивила. Города Невля, принадлежащаго Радзивилу, губернаторъ

Бобятинскій, подъ видомъ услуги русскому правительству, за беретъ въ Польшѣ русскихъ бѣглецовъ, семей по одной и по двѣ, привезетъ на границу и требуетъ за нихъ по 30 и 20 рублей, а безъ того не отдастъ; отдастъ одну семью, а вмѣсто того приметъ 10 или 20 бѣглыхъ русскихъ семей. Тотъ же Бобятинскій присылаетъ въ русскія уголья крестьянъ своихъ, насильственно рубить и увозить строевой лѣсъ.

Мы видѣли, что еще при Петрѣ Великомъ была попытка закрѣпить половниковъ на сѣверѣ, но не удалась, теперь эта попытка опять повторяется и также неудачно. Первый департаментъ сената опредѣлилъ, что свободный переходъ половниковъ изъ черносошныхъ крестьянъ отъ владѣльца къ владѣльцу не полезенъ, надобно его запретить, оставить ихъ жить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто до сихъ поръ поселился и уравнивать ихъ съ государственными черносошными крестьянами, а у купцовъ, если они купили земли вопреки указамъ, кромѣ жалованныхъ и написанныхъ по писцовымъ книгамъ, отобрать въ казну. Но въ общемъ собраніи всѣ сенаторы объявили, что изъ черносошныхъ крестьянъ выходятъ въ половничество совершенно бѣдные, неудовольствія отъ этого до сихъ поръ никакого не было, надобно только наблюдать, чтобъ крестьяне жили въ половникахъ по доброй ихъ волѣ; однако сенаторы перваго департамента, кн. Яковъ Шаховской и Адамъ Олсуфьевъ, остались при своемъ мнѣніи.

Императрица узнала, что крестьяне терпятъ притѣсненія отъ проходящихъ войскъ, принуждаются къ бесполезнымъ работамъ. Слѣдствіемъ была слѣдующая записка къ вице-президенту военной коллегіи графу Чернышеву: «Прикажите наискрѣпчайшимъ образомъ изслѣдовать по приложенному при семъ письму, и если найдется, что оно такъ, какъ здѣсь написано, то не забудьте образецъ сдѣлать для дисциплины, и чтобъ наши перестали нашихъ грабить; и какая нужда теперь можетъ быть, чтобъ чрезъ болота дѣлать мосты: нынѣ и петербургскія болота засохли»²⁰.

Несмотря на извѣстный разговоръ Екатерины о ея распоряженіи въ сенатѣ на счетъ ревизіи, ревизія шла не очень удачно: въ началѣ марта сенатъ доложилъ, что 16 января, по высочайшему повелѣнію, отправлены нарочные курьеры и велѣно съ ними прислать въ сенатъ краткія вѣдомости по формѣ, сколько до сихъ поръ по поданнымъ сказкамъ оказалось душъ, но, кро-

мѣ Астраханской губерніи, ни одинъ курьеръ ни откуда еще не возвращался, и изъ присланныхъ разными губерніями доношеній видно, что во многихъ мѣстахъ еще очень мало сказокъ собрано, а сибирская губернская канцелярія доноситъ, что по обширности губерніи не скоро ихъ и собрать можетъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ императрица велѣла публиковать во всемъ государствѣ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобъ всѣ неподанныя до сихъ поръ ревизскія сказки непременно поданы были къ 1-му сентябрю. По поводу ревизіи изъ нѣкоторыхъ мѣстъ приходили извѣстія, вскрывавшія въ народонаселеніи остатки допетровской старины: такъ великолукская канцелярія объявила, что являются ревизскія сказки отъ козачьихъ и рейтарскихъ недорослей и прочихъ чиновъ, которые не верстаны помѣстнымъ окладомъ, а иные хотя и верстаны, да положены въ подушный окладъ. Сенатъ приказалъ: всѣхъ, имѣющихся за козачьими и рейтарскими недорослями крестьянъ опредѣлить въ подушный окладъ; а для чего означеннымъ людямъ, въ противность указамъ, до сихъ поръ дозволено имѣть крестьянъ, о томъ губернатору представить въ сенатъ ²¹.

Печальныя извѣстія о безпорядкахъ въ областяхъ, особенно отдаленныхъ, привели императрицу къ мысли сосредоточить власть въ рукахъ губернаторовъ, ибо по немногочисленности тогдашнихъ губерній она могла надѣяться на достаточное число людей достойныхъ ея довѣренности. До насъ дошла любопытная записка Екатерины къ Елагину: «Слушай Перфильевичъ, если въ концѣ сей недѣли не принесешь ко мнѣ наставленій или установленныхъ губернаторской должности, манифестъ противъ кожедирателей да дѣло Бекетьева совѣмъ отдѣланная, то скажу, что тебѣ подобнаго лѣнивца на свѣтѣ нѣтъ, да никто столько ему порученныхъ дѣлъ не волочить, какъ ты» ²². Наконецъ Перфильичъ принесъ «наставленіе губернаторамъ», которое было обнародовано 21 апрѣля. Наставленіе начинается указаніемъ неоспоримой истины, что «все цѣлое не можетъ быть отнюдь совершенно, если части его въ неурядкѣ и неустройствѣ пребудутъ; главные же части, составляющія цѣлое отечество наше, суть губерніи, и онѣ самыя тѣ, которыя болѣе всего поправленія требуютъ». Императрица обѣщаетъ современемъ произвести это поправленіе, а теперь пока самымъ нужнымъ дѣломъ счи-

таеть дать новыя правила для губернаторовъ. Губернаторъ называется повѣренною отъ государя особою, главою и хозяиномъ всей губерніи. Относительно взяточниковъ въ наставленіи говорится: «Хотя о душевредномъ лихоимствѣ и гнусныхъ взяткахъ многими строжайшими указами обнаружено, и мы особливо нынѣ надѣемся, что всѣ наши вѣрноподданные, чувствуя материнское наше опредѣленіемъ достаточнаго имъ жалованья милосердіе, не прикоснутся къ толь мерзкому лакомству, прелестному только для однихъ подлыхъ и ненасытнымъ сребролюбіемъ помраченныхъ душъ: однако, еслибъ въ которой губерніи, противъ чаянія нашего, таковой врагъ отечества и явился, то, по прямомъ изобличеніи въ маломъ ли или великомъ лихоимствѣ, можетъ его губернаторъ не только немедленно лишить мѣста, но и при своемъ доношеніи отослать къ должному осужденію въ юстицію». Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ-то: при пожарѣ, голодѣ, наводненіи, моровой язвѣ, сильныхъ разбойничьихъ движеніяхъ, при народномъ возмущеніи, губернаторъ принимаетъ главное начальство надъ всѣми служащими и неслужащими въ его губерніи находящимися людьми до тѣхъ поръ, пока такое приключеніе прекратится. Относительно сосредоточенія власти въ рукахъ губернатора говорится: «Какъ въ разсужденіи великаго имперіи нашей пространства, не бывавъ во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ, лежащихъ въ разныхъ климатахъ и разными выгодами довольствующихся, заочно невозможно ни всѣхъ пользъ провидѣть, ни всѣхъ неустройствъ отвратить, ниже достаточно снабдить предосторожностію: то для того всѣ земскія правительства, находящіяся въ губерніяхъ, кромѣ Москвы и Петербурга, которыя губернскимъ канцеляріямъ не подчинены, какъ напримѣръ таможни, магистраты, пограничныя комиссіи, полиціи и ямскія правленія, словомъ, всѣ, какого бъ званія ни были, гражданскія мѣста, отнынѣ должны состоять въ вѣдомствѣ губернатора, какъ истиннаго опекуна врученной отъ насъ ему губерніи, дабы онъ, получая отъ нихъ рапорты и подробныя о должностяхъ и порядкахъ ихъ извѣстія, точныя обо всемъ свѣдѣнія имѣть и утѣсненныхъ людей, не могущихъ за отдаленностію идти съ жалобами своими къ вышнимъ тѣхъ мѣстъ правительствамъ, защищать и оборонять могъ. Сверхъ того губернаторъ, имѣя о всѣхъ до губерніи его касающихся дѣлахъ и

обстоятельствахъ прямыя отъ всѣхъ извѣстiя, а изъ того собирая понятiя и познанiя, и чрезъ нихъ предусматривая согласно съ выгодами, торгами и промыслами ея обитателей, разныя пользы, какъ къ приращенiю нашего интереса, такъ и къ общему добру служащiя, сенату нашему и намъ самимъ о томъ представлять, а вкрадшiеся непорядки или и самое упущенiе и недостатокъ въ узаконенiяхъ подобными же представленiями исправлять и отвращать можетъ: ибо онъ во всемъ томъ предъ нами, яко хозяинъ своей губернiи, отчетъ и отвѣтъ дать долженствуетъ и незнанiемъ или непроницательствомъ отговариваться не можетъ. Губернаторъ долженъ объѣзжать свою губернiю каждые три года, наблюдая всѣ ли какъ должно исполняютъ свои обязанности. Губернаторъ долженъ заботиться о земледѣлiи «какъ источникъ всѣхъ сокровищъ и богатствъ государственныхъ, и о размноженiи свойственныхъ каждой губернiи и провинци продуктовъ, отпускаемыхъ за моря». Губернаторъ заботится объ исправности дорогъ, объ истребленiи воровъ и разбойниковъ. О количествѣ послѣднихъ можно заключить изъ словъ самаго наставленiя: «Материнскимъ соболѣзнуя духомъ, мы повелѣваемъ каждому губернатору прилагать паче всего всевозможнѣйшiя мѣры и попеченiя къ истребленiю таковыхъ отечеству и всему роду человѣческому злодѣевъ, вывѣдывая и искореняя ихъ пристани» ²³. Относительно воеводъ отмѣненъ былъ указъ 1672 года, по которому нельзя было назначать воеводъ въ тѣ мѣстности, гдѣ у нихъ были деревни ²⁴. Въ концѣ года валуйскiй воевода Клементьевъ за взятки былъ лишенъ всѣхъ чиновъ. Подполковникъ Свѣчинъ, посланный въ Казанскую губернiю для осмотра дубовыхъ лѣсовъ, доносилъ: опредѣленные къ новокрещенымъ защитники и ихъ подчиненные, вмѣсто защиты разоряютъ новокрещенъ взятками и поборами, именно надворные совѣтники: Зеленый, Сокольниковъ; майоры: Ларионовъ, Воропоновъ, Лазаревъ; титулярный совѣтникъ Мякишевъ, поручикъ Алексѣевъ; прапорщики: Яшковъ, Шипиловъ; регистраторы Гавриловъ, Чеадаевъ. Сенатъ приказалъ: изслѣдовать казанскому губернатору, а защита отрѣшена и новокрещенская контора уже уничтожена ²⁵.

Правительство постоянно указывало на новые штаты, какъ на средство противъ взяточничества; но послѣдовательность требовала отнять у чиновника побужденiе копить денежку на чер-

ный день, на старость и болѣзнь, копить на счетъ просителей и подчиненныхъ, послѣдовательность требовала назначенія пенсiи, и пенсiи были назначена статскимъ чинамъ за 35 лѣтъ службы или мѣше, въ случаѣ болѣзни ²⁶.

Въ 1704 году окончила свое дѣло комиссія о церковныхъ имѣнiяхъ или духовная комиссія. Указомъ сенату 26 февраля императрица объявляла объ утвержденiи доклада комиссiи. Монастырскихъ крестьянъ было исчислено до 911,000, исключая Малороссiи и губернiй: Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской, гдѣ исчисленiе было произведено позднѣе; каждый крестьянинъ обложенъ былъ оброкомъ по рублю 50 копѣекъ въ годъ, что доставляло сумму въ 1,366,299 рублей. Такъ какъ архіерейскіе дома имѣли крестьянъ и должны были получать за нихъ вознагражденiе въ постоянномъ окладѣ, то всѣ епархіи раздѣлены были на три класса: въ первый зачислены были только три епархіи — Новгородская, Московская и Петербургская; во второй 8 и въ третiй 15; на всѣ архіерейскіе дома отчислено было въ годъ по 149,586 рублей. Всѣхъ монастырей было 947, изъ нихъ мужскихъ 728, женскихъ 219; но изъ нихъ большая часть не имѣла населенныхъ земель, а изъ имѣвшихъ нѣкоторые имѣли очень много крестьянъ, а другіе очень мало. Имѣвшіе крестьянъ монастыри и слѣд. имѣвшіе право получать за нихъ вознагражденiе въ постоянномъ денежномъ окладѣ вошли въ число штатныхъ и раздѣлены были на три класса: въ первомъ мужскихъ считалось 15 монастырей, во второмъ 41, въ третьемъ 100; на всѣ эти штатные монастыри положено было выдавать въ годъ 174,750 рублей; женскіе монастыри были также раздѣлены на три класса, и на нихъ назначено было въ годъ 33,000 рублей. Монастыри, не имѣвшіе крестьянъ, оставлены были на прежнихъ своихъ средствахъ существованiя, и изъ нихъ остался только 161 монастырь, а прочіе были упразднены или обращены въ приходскія церкви. Каждый архіерейскiй домъ долженъ былъ имѣть богадѣльню съ опредѣленнымъ по классамъ епархіи количествомъ призрѣваемыхъ; всѣхъ богадѣленныхъ обоюга пола полагалось 765 человекъ, каждому шло по 5 рублей въ годъ, слѣдовательно вся назначенная для нихъ изъ коллегiи экономiи сумма простиралась до 3825 рублей. Содержанiе оставшихъ военныхъ при архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ

признано неудобнымъ, «ибо духовнымъ властямъ таковыхъ отставныхъ, яко воинскихъ людей, въ надлежащемъ порядкѣ содержать, а тѣмъ военнымъ людямъ въ спокойствіи подѣ правленіемъ и смотрѣніемъ духовныхъ быть весьма не сходственно. Къ тому же отставные, имѣющіе у себя женъ и дѣтей, съ трудомъ могутъ себя положеннымъ окладомъ продовольствовать, и для того дѣти ихъ принуждены скитаться помѣру или кормиться работою у постороннихъ людей, а другіе къ вотчинникамъ въ подушный окладъ записывались». Поэтому рѣшено было отставныхъ военныхъ отправлять не въ монастыри, а въ назначенные города, числомъ 31 городъ, гдѣ имъ на первый разъ отводились квартиры у обывателей, и давать жалованья: гвардіи оберъ-офицерамъ по 100 рублей, унтеръ-офицерамъ по 20, капраламъ и рядовымъ по 15; армейскихъ полковъ: подполковникамъ по 120 рублей, майорамъ по 100, капитанамъ по 65, поручикамъ по 40, подпоручикамъ и прапорщикамъ по 33, унтеръ-офицерамъ по 15, рядовымъ по 10 рублей. Число такихъ отставныхъ военныхъ было опредѣлено, именно 4353 человекъ, а сумма, на нихъ отпускаемая, должна была простираться до 80,600 рублей. Право на такое «*вѣчное пропитаніе*» изъ субалтернъ-офицеровъ имѣли тѣ, у которыхъ было меньше 25 душъ крестьянъ, изъ капитановъ—меньше 30, а изъ штабъ-офицеровъ—меньше 40 душъ, включая въ то число недвижимыя имѣнія, принадлежащія женамъ ихъ. Вдова, оставшаяся послѣ военнаго, если имѣетъ не болѣе сорока лѣтъ, а недвижимое имѣніе ея не больше вышеозначеннаго, получаетъ одинъ разъ годовое жалованье мужа; если же старше 40 лѣтъ и замужъ идти не захочетъ, то получаетъ по смерти осьмую долю мужняго жалованья; дѣти—мужскаго пола до 12, а женскаго до 20 лѣтъ,—получаютъ двѣнадцатую долю отцовскаго жалованья; съ 12 лѣтъ мальчики поступаютъ въ школы, дѣвицы выдаются замужъ съ приданымъ, равняющимся цѣлому годовому жалованью отца ихъ; если же, по болѣзни или какому-нибудь увѣчью, замужъ идти не могутъ, то получаютъ по смерти двѣнадцатую долю отцовскаго жалованья. Сумма, опредѣленная на содержаніе вдовъ и сиротъ, простиралась до 34,400 рублей.²⁷ Устройствомъ семинарій комиссія не имѣла еще возможности заняться, и потому это дѣло отложено было на будущее время.

Отобраніе монастырскихъ населенныхъ имѣній оправдывалось и тѣмъ, что излишокъ доходовъ съ нихъ пойдетъ, между прочимъ, на содержаніе заслуженныхъ воиновъ; поэтому легко представить себѣ безпокойство императрицы, на которую пала отвѣтственность за эту мѣру, когда ей донесли, что мѣра лишается своего оправданія, что инвалиды ходятъ поміру; она не могла уснокоиться и тогда, когда справедливость донесенія была официально отвергнута. Въ концѣ ноября Екатерина дала секретную инструкцію капитану и поручику Семеновскаго полка Дурново: «Вхатъ вамъ надлежитъ отселѣ въ Москву. Пріѣхавъ туда, навѣдываться вамъ подъ рукою, есть ли на Москвѣ остаточные сверхъ опредѣленія въ инвалиды отставныхъ солдатъ, прежде при монастыряхъ живущихъ. Здѣсь слухъ носится, будто коммиссія духовная менѣе положила инвалидовъ, нежели при монастыряхъ солдатъ было, и многія сотни остались безъ хлѣба и поміру по Москвѣ будто шатаются, почему отъ меня къ графу Солтыкову писано, и отъ него ко мнѣ присланъ рапортъ, изъ котораго противное значить; однакожъ какъ Михаилъ Баскаковъ самъ таковыхъ милостыни просящихъ видѣлъ, то нынѣ васъ посылаю, чтобъ вы истину узнали, о таковыхъ провѣдывали и, сколько возможно, именно ихъ переписывали и обнадеживали ихъ, что они мною не оставлены будутъ, а вы мнѣ пришлите роспись и подавайте такую же графу Солтыкову, которому уже отъ меня приказано, на первый случай, выдать по два рубля на человѣка. Изъ Москвы поѣдете въ Александрову слободу подъ видомъ богомольства, гдѣ вамъ провѣдывать, много ли старицъ сверхъ штатныхъ, сколько имъ дается и въ чемъ ихъ нужды состоятъ и, обнадеживая ихъ немедленнымъ монимъ о томъ разсмотрѣніемъ, пріѣзжайте обратно сюда»²⁸.

Расколъ постоянно давалъ о себѣ знать. Крестьяне деревни Любача, Медвѣцкой волости, въ Новгородской губерніи, собравшись въ количествѣ 35 душъ въ избу къ крестьянину Ермолину, объявили, что сожгутся. Посланъ былъ поручикъ Копыловъ съ командою; ему велѣно уговаривать ихъ, обѣщать, что если они запишутся въ расколъ и подадутъ о томъ сказки, то будутъ отпущены по домамъ безъ всякаго наказанія за сборище; для увѣщанія отпращены были также архимандритъ и протопопъ; но раскольники объявили: «Ваша вѣра неправая, а наша

истинная христіанская, крестъ четвероконечный престестный, почитаемъ осьмиконечный, да и въ божественномъ писаніи у васъ много неправостей, и если насъ станутъ разорять, то мы не дадимся и сдѣлаемъ то, что Господь прикажетъ; а если насъ разорять не станутъ, то мы горѣть не хотимъ; пусть дадутъ намъ грамоту за рукою Государыни, чтобъ быть намъ по прежнему, а въ двойномъ окладѣ не быть и въ церкви ходить насъ принуждать не будутъ». На дворѣ вырыли себѣ колодезь, а въ избѣ и на дворѣ днемъ и ночью горѣла свѣча; потомъ пришли къ нимъ еще 26 душъ мужчинъ и женщинъ и заперлись вмѣстѣ. 20 августа раскольники просили Копылова позволить имъ сходить въ огородъ взять себѣ капусту и другихъ овощей, что и было имъ позволено. Вышло изъ избы человекъ 20 мужчинъ и женщинъ съ ружьями, рогатинами, топорами и дубинами и, набравши себѣ капусту и другихъ овощей, возвратились въ избу и опять заперлись, а на другой день выходили въ поле для сбора бобовъ. Скотъ, платье и прочіе пожитки продали за безцѣнокъ или отдали на милостыню, хлѣбъ несжатый пропалъ. Копыловъ говорилъ имъ не разъ, чтобы сжали хлѣбъ, но они отвѣчали: «пусть жнетъ кто хочетъ, а насъ Господь и безъ того прокормить.» Сенать приказалъ доложить императрицѣ, не прикажетъ ли забрать ихъ непримѣтно командою подъ караулъ и сослать въ Нерчинскъ; Екатерина написала на докладѣ: «Выбрать изъ тамо живущихъ раскольниковъ поумнѣе которые и поблагонравиѣе, и послать оныхъ уговаривать; а буде сего не послушаютъ, то учинить по сему докладу». Новгородскій губернаторъ Сиверсъ донесъ, что въ исполненіе этого указа сысканы имъ въ Новгородѣ нѣкоторые къ тому способные люди, которые два раза отправлялись къ запертымъ раскольникамъ и наконецъ успѣли уговорить ихъ разойтись по домамъ и записаться въ окладъ. Мы видѣли, что синодъ смотрѣлъ на Ржевѣ Володимировъ какъ на гнѣздо потаеннаго расколичества. И теперь онъ потребовалъ отрѣшенія отъ магистратскаго присутствія бургомистра Немилова, ратмановъ Видонова и Волоскова за содержаніе ими потаеннаго раскола и другія противности и дерзости, и отсылки ихъ вмѣстѣ съ другими купцами и раскольникими для слѣдствія, по требованію тверскаго архіерея. Сенать передалъ дѣло новгородскому губернатору. Оказывалось, что расколь-

внѣ отбивали своихъ, за которыми архіерей присылалъ команду, причеиъ Видоновъ бранилъ монаховъ блудниками и прелюбо-дѣями. Когда на пасхѣ священники пришли къ Видонову съ образами, то онъ запрестольный образъ Богородицы положилъ себѣ на плеча; заиѣлъ бездѣльную морзкую пѣсню, велѣлъ по-садской женкѣ Волосковой эту пѣсню подтягивать и оба пляса-ли съ образомъ. Тверской епископъ Аванасія опредѣлилъ Ржев-скаго соборнаго протопопа Ивана Алексѣева наблюдать за по-таснными раскольниками. Протопопъ началъ прилагать объ этомъ ревностное стараніе. Раскольники разсердились на него за это; трое изъ нихъ—Иванъ Меньшой, Климентій Чупятовъ и Михайло Орловъ подкупили находившихся у Ржевскихъ кабацкихъ от-купщиковъ подпоручика Коробьина и отставнаго матроса Ше-варина, съ ними, съ ихъ солдатами и съ кабацкими чумаками пришли къ дому протопопа ночью подъ предлогомъ выемки за-претнаго вина, разломали ворота и двери, заперли протопопа въ избѣ, сломали у чулана замки, пограбили 84 рубля денегъ, да на 42 рубля пожитковъ, взяли также поставленный у него на сбереженіе помѣщикомъ Рукинымъ боченокъ вина, самого про-топопа били смертно, также двѣнадцатилѣтнюю дочь его и ма-лолѣтнюю служанку; потомъ связали протопопу руки и надѣвъ на него женскую раскольничью шубу, привезли на квартиру кабацкихъ откупщиковъ, а послѣ отвезли въ воеводскую канце-лярію и отдали подъ карауль²⁹.

Астраханскій епископъ Мееодій донесъ, что раскольникъ Га-вриловъ, пойманный въ Дубовкѣ, объявилъ, что до послѣдняго издыханія желаетъ пребывать въ расколѣ, и когда дубовскій протопопъ съ войсковымъ дьякомъ стали силою принуждать его поклониться образу св. Димитрія Ростовскаго, то онъ вышибъ образъ изъ рукъ дьяка и ударилъ по немъ рукою, отъ чего образъ упалъ на землю. Губернская канцелярія, куда отосланъ былъ Гавриловъ, рѣшила, что преступника должно сжечь, но такъ какъ смертныя казни болѣе не производятся, то наказать кнутомъ и сослать на нерчинскіе заводы. Но синодъ опредѣ-лилъ: такъ какъ продерзость раскольника Гаврилова произошла не отъ собственнаго его умысла, но потому, что протопопъ и дьякъ силою заставляли его кланяться образу, то они, и осо-бенно протопопъ, какъ человекъ духовный, больше виновны, а

потому протопопа и дьяка, оказавшихся въ немаломъ невѣжествѣ и винѣ, епархіальному архіерею оштрафовать духовною епитимією, а съ Гавриловымъ губернская канцелярія должна поступить такъ, какъ повелѣваютъ поступать указы съ незаписными раскольниками ³⁰.

Въ извѣстной инструкціи, данной кн. Вяземскому императрица, между прочимъ, говорила: «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно было, однакожь и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сии провинціи, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо въ персону какая была произведена въ оное достоинство».

Эта инструкція вѣроятно была написана уже послѣ того, какъ получено было извѣстіе о происходившихъ въ Малороссіи движеніяхъ въ пользу наслѣдственнаго гетманства ³¹. Это извѣстіе должно было, если не породить, то утвердить въ умѣ Екатерины мысль о необходимости уничтоженія гетманства, «чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло.» Для точнѣйшаго уясненія дѣла естественно было ей обратиться къ человѣку, который хорошо зналъ Малороссію и вѣроятно не разъ, въ разговорахъ, упоминалъ о тамошнемъ безнарядѣ—то былъ Тепловъ. Теперь Тепловъ долженъ былъ составить записку объ этомъ безнарядѣ, которая дошла до насъ. Въ Малороссіи, по словамъ Теплова, все управлялось не правомъ и законами, а силою и кредитомъ старшинъ и обманомъ грамотныхъ людей. Въ слѣдствіе такого управления число свободныхъ землевладѣльцевъ чрезвычайно уменьшилось, а число крѣпостныхъ земледѣльцевъ, напротивъ того, увеличилось. При поступленіи Малороссіи подъ державу всероссійскую было населено менѣе чѣмъ въ половину противъ настоящаго, а между тѣмъ свободныхъ крестьянскихъ дворовъ было гораздо больше, чѣмъ теперь; свободные козаки обращены въ крѣпост-

ное состояніе старшинами и другими чиновными и богатыми людьми. По смерти гетмана Скоропадскаго, по ревизіи, произведенной великорусскими офицерами, свободныхъ дворовъ было 44,961. Изъ этого числа по 1750 годъ роздано не больше 3000 дворовъ, что составляетъ самую малую разность, особенно если принять во вниманіе увеличеніе народонаселенія; и несмотря на то, нынѣшній гетманъ графъ Разумовскій и четырехъ тысячъ дворовъ свободныхъ не нашелъ, о прочихъ же ему донесено, что всѣ крестьяне въ Польшу побѣжали, гдѣ однако, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, крестьянамъ въ подданствѣ у польскихъ пановъ гораздо труднѣе жить, чѣмъ въ Малороссіи, потому что польскіе паны все имѣніе крестьянское почитаютъ своимъ собственнымъ и берутъ подати когда сколько имъ вздумается ³². Въ самомъ же дѣлѣ нашлось, что всѣ государевы двory и съ землями раскупили старшина и другіе богатые люди у самихъ мужиковъ, которые, будучи свободны, не этому самому будто бы могли сами себя и съ землями продавать. А такъ какъ необходимо, чтобъ всякая купчая утверждена была въ присутственномъ мѣстѣ и подписана сотникомъ той мѣстности, гдѣ находится продаваемая земля, то многія фальшивыя купчія обличаются и тѣмъ, что сотникъ произведенъ въ этотъ чинъ, напримѣръ, въ 1745 году, а купчая скрѣплена имъ, какъ сотникомъ, въ 1737 году. Старшины все это знали, но такъ какъ они всячески стараются, чтобъ всѣ государевы земли переходили въ частныя руки, то никакого препятствія этому не дѣлали. Искорененіе козаковъ, т. е. переходъ ихъ въ помѣщичьи крестьяне происходилъ такъ быстро отъ того, что достаточный козакъ всегда откупался отъ службы, а недостаточный, избѣгая ея, предпочиталъ жить подъ именемъ крестьянина, чѣмъ идти въ походъ; кромѣ того, оставаясь козакомъ, онъ долженъ былъ платить съ имѣнія своего большую подать, которая доходила до рубля и больше, а назвавшись мужикомъ, не имѣющимъ земель, ни собственности, платилъ въ годъ алтынъ, или двѣ копѣйки по раскладкѣ, наравнѣ съ другими *подсудками*; а во всякое время сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобъ тѣ приняли отъ нихъ на ихъ земли купчія и такимъ образомъ избавили ихъ отъ обязанности идти въ походъ.

Малороссійскіе города, мѣстечки, села, деревни, слободы и

хутора съ пахатными и сѣнокосными землями не имѣютъ никакого обмежеванія, все основывается на старинномъ будто занятіи и на крѣпостяхъ, большею частію фальшивыхъ, но инныя владѣютъ землями просто вслѣдствіе наѣзда сильного на слабаго. Наѣзды сопровождаются смертоубійствами, что ведетъ къ безконечнымъ, разорительнымъ процессамъ. Козаки, оставшіеся незакрѣпощенными, живутъ разбросанные по разнымъ мѣстамъ, вдали отъ своего сотника и находятся въ рукахъ разныхъ помѣщиковъ. Хотя гетманскіе универсалы и гласятъ, что помѣщикамъ до козаковъ и земель ихъ въ той деревнѣ, или и мѣстечкѣ, которыя помѣщику принадлежатъ, дѣла никакого нѣтъ: однако, есть ли возможность бѣдному и безпомощному козаку противиться и сотнику въ сотнѣ, и сильному помѣщику въ томъ селѣ или деревнѣ, гдѣ козакъ живетъ? Козаки строятъ сотнику домъ, косятъ на него сѣно, выставляютъ подводы, не упоминая о другихъ разореніяхъ. Избраніе въ сотники происходитъ такимъ образомъ: какъ скоро придетъ вѣсть, что сотникъ умеръ, то прежде чѣмъ объ этомъ узнаетъ гетманъ, полковые старшины посылаютъ надобнаго имъ человѣка въ сотню для управленія ею до опредѣленія новаго сотника. Этотъ человѣкъ не сомнѣвается, что сотня его, и, пріѣхавъ на мѣсто, выкатываетъ нѣсколько бочекъ вина безграмотнымъ козакамъ, подкупаетъ священника и дьячка, тѣ соберутъ рукоприкладства отъ пьяныхъ и выборъ готовъ. Избранный истратитъ нѣсколько червонныхъ въ высшемъ мѣстѣ и утверждается сотникомъ. Эти сотники воспитываются такимъ образомъ: люди изъ лучшихъ семей, выучивъ сына читать и писать по-русски, посылаютъ его въ Кіевъ, Переяславль или Черниговъ для обученія латинскому языку; не успѣвъ молодой человѣкъ здѣсь немного поучиться, какъ отецъ беретъ его назадъ и записываетъ въ канцеляристы, изъ которыхъ онъ и поступаетъ въ сотники, хотя козаки, которые его выберутъ, и имени его прежде не слыхивали.

Сильно вредитъ малороссійскому народу вольный переходъ съ мѣста на мѣсто; благодаря ему бѣдные помѣщики часъ отъ часу приходятъ въ большую бѣдность, богатые усиливаются, а мужики становятся пьяницами, лѣнниками и нищими, которые въ благословенной плодородіемъ странѣ умираютъ съ голоду. Богатые землю помѣщики населяютъ ее такимъ образомъ: опре-

дѣленный для того служитель идетъ переманивать крестьянъ у бѣдныхъ помѣщиковъ, прельщая ихъ большими льготами, что удается очень легко, потому что бѣдный помѣщикъ заставляетъ крестьянина своего больше работать, чѣмъ богатые; или богатый помѣщикъ выставитъ на пустой землѣ своей большой деревянный крестъ, на которомъ для грамотныхъ напишетъ, а для неграмотныхъ проверченными скважинами означитъ, на сколько лѣтъ онъ обѣщаетъ новопоселившимся льготы отъ всѣхъ оброковъ и господскихъ работъ. Лѣнныя мужики не перестаютъ навѣдываться, гдѣ выставленъ крестъ, на поселеніе слободы, и, провѣдавъ, выбираютъ мѣсто, которое имъ покажется льготнѣе. Такимъ образомъ вылеживають мужикъ урочные годы въ крайней лѣнности, а къ концу срока провѣдываетъ о новой кличкѣ на слободку, ищетъ новаго креста, и такимъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакого хозяйства, а таскается отъ одного креста къ другому, перевозя свою семью. Они не заводятъ у себя никакого домоводства и потому, чтобъ удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, ибо переходъ надобно сдѣлать тайкомъ отъ помѣщика, который подъ предлогомъ, что крестьянинъ все свое имѣніе нажилъ на его землѣ, какъ скоро узнаетъ о намѣреніи его перейти, грабитъ все его имѣніе. Такъ поступаютъ помѣщики не сильные; а сильные, заманивши однажды на свою землю мужика, много и другихъ способовъ имѣютъ не выпустить его отъ себя. Такимъ образомъ въ плодородной Малороссіи земледѣлецъ терпитъ голодъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ поданныхъ, государственная же выгода не только не возрастаетъ, но часть отъ часу уменьшается.

Тепловъ оканчиваетъ свою записку такъ: «Сіи суть только генерально показанные не порядки въ малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судебныхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію: тогда мнѣжайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, ~~за~~мышлялъ императоръ Петръ Великій, но понеже край малороссійскій до познанія его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало не малаго времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были

по всему сему начатки премудраго государя, да времени не доставало то привести въ порядокъ, что исподоволь дѣлать надлежало; а между тѣмъ смерть сего великаго монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслить»³³.

Эта любопытная записка, подтверждаемая извѣстіями, которыя мы вносили въ свою исторію, начиная съ XVII вѣка, представляетъ намъ наглядное объясненіе тѣхъ явленій, которыя происходили въ западной Европѣ на рубежѣ древней и средней исторіи, когда въ слѣдствіе неразвитости экономическаго быта и слабости государственной, исчезали мелкіе землевладѣльцы, становясь подданными землевладѣльцевъ сильнѣйшихъ. Эта же записка объясняетъ намъ и уничтоженіе перехода крестьянъ на сѣверѣ, когда увидали необходимость обезпечить бѣднаго служилаго человѣка, помѣщика, отъ переманивателей и крестовъ богатаго землевладѣльца.

Записка Теплова могла только окончательно утвердить императрицу въ намѣреніи покончить съ безпорядочнымъ бытомъ Малороссіи и начать съ уничтоженія гетманства. Движенія для установленія наслѣдственнаго гетманства служили предлогомъ, ибо безъ того трудно было бы отнять гетманство у Разумовскаго, показавшаго столько преданности въ трудныхъ обстоятельствахъ. Дѣло впрочемъ и тутъ кончилось нескоро. До насъ дошла записка Екатерины къ Н. И. Паничу, къ сожалѣнію безъ числа: «Никита Ивановичъ, гетманъ былъ у меня, и я имѣла съ нимъ экспликацію, въ которой онъ все то же сказалъ, что и вамъ, а наконецъ просилъ меня, чтобъ я съ него столь трудный и его персонѣ опасный чинъ сняла. Я на то отвѣтствовала, что я теперь о его вѣрности уже сумнѣваться не могу, а впредь съ нимъ далѣе изъяснюсь. Теперь извольте ему моимъ именемъ сказать, сегодня или завтра, чтобъ онъ письменно подалъ то, что онъ мнѣ говорилъ». Въ другой запискѣ къ тому же лицу императрица пишетъ: «приведите, пожалуй, скорѣе къ окончанію дѣло гетманское»³⁴. Гетманъ подалъ наконецъ просьбу объ увольненіи: «Посвящая во всѣ времена преданности моей и вѣрности къ священной особѣ вашего императорскаго величества все мое благосостояніе, теперь нахожу, что дальнѣйшее въ гетманскомъ званіи мое пребываніе можетъ коснуться сего моего главнаго въ жизни обязательства, и потому дерзаю всеподданнѣйше про-

ситъ ваше императорское величество о снятіи съ меня столь, тяжелой и опасной мнѣ должности. Всемилостивѣйшая государыня! Вы всевысочайше знать изволите состояніе и обстоятельства моей многолюдной фамилии. Я себя и съ нею подвергаю монаршимъ стопамъ съ достовѣрною надеждою, что сей моего чистосердечія и вѣрности поступокъ обратитъ ко мнѣ и къ дѣтямъ моимъ вашего императорскаго величества монаршее призрѣніе и щедроту и не будетъ мнѣ къ чувствительному ущербу ихъ воспитанія, содержанія и пристроенія»³⁵.

Императрица передала просьбу гетмана на обсужденіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которая доложила, что «всемѣрно воспользоваться надлежитъ просьбой Разумовскаго: для того что по многимъ и важнымъ политическимъ уваженіямъ гетманское въ Малой Россіи правленіе въ разсужденіи существа своего и искусствъ (опытовъ) прошедшихъ временъ съ интересомъ государственнымъ весьма несходно. По увольненіи гетманскомъ поручить правленіе Малой Россіи одной изъ здѣшнихъ знатныхъ повѣренной особѣ, при ней 4 великороссіянамъ и 4 малороссіянамъ. Прежде великороссіяне сидѣли по правую, а малороссіяне по лѣвую сторону, что утверждало въ малороссіянахъ развратное мнѣніе, по коему поставляютъ себя народомъ отъ здѣшняго совѣтъ отличнымъ; для уничтоженія сего мнѣнія всю малороссійскую старшину уравнять въ классахъ съ здѣшними и сидѣть членамъ коллегіи смѣшанно по старшинству. Способнѣйшими для занятія членскихъ мѣстъ признаются изъ малороссіянь: обозный генеральный Кочубей, писарь генеральный Туманскій, есаулъ генеральный Журавка, да хорунжій генеральный Апостоль. Быть въ коллегіи прокурору изъ великороссіянь»³⁶.

10 Ноября данъ былъ сенату именной указъ объ учрежденіи малороссійской коллегіи вмѣсто гетманскаго правленія. Предсѣдателемъ назначенъ генераль графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ; малороссійскими членами назначены были лица указанныя иностранною коллегіею; великороссійскими императрица назначила генераль-майора Бранта и полковника князя Платона Мещерскаго, избраніе же двоихъ другихъ членовъ предоставлялось сенату; прокуроромъ императрица назначила подполковника Алексѣя Семенова; двоихъ секретарей, одного изъ великороссіянь, а другого изъ малороссіянь, и канцелярскихъ служителей

долженъ былъ выбрать графъ Румянцевъ. Утверждено было представленное иностранною коллегіею уравненіе въ классахъ. О значеніи Румянцева въ указѣ говорилось: «Сему опредѣленному отъ насъ главному малороссійскому командиру быть въ такой силѣ, какъ генераль-губернатору и президенту малороссійской коллегіи, гдѣ онъ, по дѣламъ суда и расправы, имѣеть и голосъ предсѣдателя; а въ прочнхъ дѣлахъ, яко-то: содержанія въ народѣ добраго порядка, общей безопасности и исполненія законовъ, долженъ онъ поступать съ властію губернаторскою, т. е. какъ особливо повѣренный отъ насъ въ отсутственномъ мѣстѣ. Запорожской Сѣчѣ быть нынѣ вѣдомой въ семъ малороссійскомъ правительствѣ ³⁷».

Новый малороссійскій командиръ получилъ отъ императрицы обширное наставленіе относительно своей должности. «Извѣстны каждому, говорилось въ этомъ наставленіи, пространной Малороссіи обширность, многолюдство живущаго въ ней народа, великое ея плодородіе и по добротѣ климата различныя предъ многими имперіи нашей мѣстами преимущества; но напротивъ того не меньше извѣстно всѣмъ и то, что Россія при всемъ томъ весьма малую, а во время послѣдняго гетманскаго правленія почти и никакой отъ того народа пользы и доходовъ понынѣ не имѣла. Сверхъ сего вкоренившіеся тамъ многіе непорядки, неустройства, несообразное смѣшеніе правленія воинскаго съ гражданскимъ, отъ неясности различныхъ чужихъ законовъ и правъ происхожденія; въ судѣ и расправѣ безконечныя волокиты и притѣсненія; самопроизвольное нѣкоторыхъ мнимыхъ привилегій и вольностей узаконеніе, а настоящихъ частое и великое во зло употребленіе; весьма вредныя какъ владѣльцамъ, такъ и самимъ посполитымъ людямъ съ мѣста на мѣсто переходы; закосиѣлая почти во всемъ народѣ къ земледѣлію и другимъ полезнымъ трудамъ лѣность, и такая же примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ великороссійскаго ненависть, представляютъ вамъ весьма пространную значительнаго наблюденія и старанія вашей матерію». Румянцевъ долженъ былъ имѣть подробную и вѣрную карту своей губерніи, и кромѣ этой генеральной карты еще нѣсколько специальныхъ, а городамъ и знатнымъ строеніямъ планы и чертежи. «Изъ такихъ картъ, плановъ и чертежей составляемая книга, правда, не можетъ скоро сдѣлана быть: одна-

кожъ что не начато, то никогда и сдѣлано не будетъ.» Румянцовъ своею гражданскою властію долженъ былъ помогать архіереямъ при ихъ заботахъ о наблюденіи закона Божія, «довольно вѣдая что истинный страхъ Божій есть первое средство къ истребленію посполновенныхъ къ порокамъ и злодѣйствамъ склонностей, а напротивъ того къ вкорененію въ людяхъ добронравія и честности. Надлежитъ вамъ искуснымъ образомъ присматривать и за архіереями и ихъ подчиненными, дабы различными законами въ нихъ властолюбія ухищреніями не выступали они изъ надлежащихъ сана своего предѣловъ, простирая иногда власть свою духовную надъ мірскою, иногда же разсѣвая въ народѣ простомъ и суевѣрномъ разные ихъ намѣреніямъ полезныя, общему же покою предосудительныя плевелы, къ тому же не безъизвѣстно, что обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя здѣсь къ чинамъ духовнымъ какъ въ заграничныхъ польскихихъ, такъ и въ самыхъ малороссійскихъ училищахъ, по развратнымъ правиламъ римскаго духовенства, заражаются многими ненасытнаго властолюбія началами, котораго вредными слѣдствіями наполнены прошедшихъ временъ исторіи европейскія. Сего ради должны вы стараться узнать совершенно власть тамошняго духовенства по всѣмъ ея околичностямъ, такожъ имѣнія и доходы. И какъ по сему весьма нужно, чтобъ въ архіереи и архимандриты посвящаемы были такіе люди, отъ которыхъ бы, по настоящему смиренію и крѣпости духовной, резонабельныхъ сентиментовъ ожидать было можно, то не худо, чтобъ вы заранѣе таковыхъ знали и въ свое время на убылыя архіерейскія и архимандричьи мѣста прямо отъ себя намъ самимъ кандидатами представляли, описывая притомъ искусство и образъ мыслей и житія ихъ. Необходимая надобность состоитъ въ томъ, чтобъ извѣстно было правительству и вамъ точное число народа малороссійскаго, и не оставите вы представить намъ мнѣніе ваше, на какомъ основаніи и какимъ образомъ новую во всей Малороссіи ревизію учредить. И какъ не можно располагаемымъ поборамъ ни прочнаго въ установленіи своемъ основанія имѣть, ниже въ извѣстной всегда суммѣ обращаться, покуда продолжаться будутъ земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто переходы, то надлежитъ вамъ прилагать крайнее стараніе ваше, тамошній народъ всѣми удобовозможными способами привести къ тому, чтобъ

оныя переходы вовсе пресѣчены были. Впрочемъ, думаемъ мы, что при безпристрастномъ о сихъ переходахъ разсужденіи какъ помѣщики, такъ и земледѣльцы сами ясно понять должны существительную оныхъ на обѣ стороны бесполезность. Непостоянство и непрочность переменныхъ въ земледѣліи и въ сельской экономіи распорядковъ, конечно, помѣщикамъ въ пользу служить не могутъ; земледѣльцы же, питаясь въ семъ случаѣ одною только вольности мечтою, не понимаютъ, что полагаемые въ земледѣліи труды ихъ не токмо для нихъ и ихъ потомковъ на непремѣнныхъ селеніяхъ несравненно полезнѣе, но, и укоренясь на оныхъ, вольности своей чрезъ то не лишатся, по примѣру крестьянъ многихъ европейскихъ государствъ, гдѣ они хотя некрѣпостные и некабальные, живутъ однакожъ и остаются для собственной своей выгоды всегда на однихъ мѣстахъ».

Румянцеву предписывалось обратить особенное вниманіе на первоначальную промышленность въ слѣдствіе необыкновеннаго плодородія страны, на усиленіе табачнаго производства и на размноженіе тутовыхъ деревьевъ, также на улучшеніе овцеводства; стараться о сбереженіи лѣсовъ, объ исправномъ содержаніи путей сообщенія; накрѣпко смотрѣть и провѣдывать тайно и явно, нѣтъ ли кому утѣсенія въ судѣ. Въ заключеніе говорится: «Осталось еще упомянуть объ одномъ пунктѣ, который особливо при учрежденіи нынѣшняго въ Малороссіи новаго правленія заслуживаетъ нѣкотораго политическаго примѣчанія. Стоитъ оный въ упомянутой сокровенной ненависти тамошняго народа противъ здѣшняго, который опять, съ своей стороны, пріобыкъ оказывать не непримѣтное къ малороссіянамъ презрѣніе. И какъ та ненависть особливо примѣчается въ старшинахъ тамошнихъ, кой, опасаясь видѣть когда-нибудь предѣлы беззаконному и корыстолюбивому ихъ своевольству, болѣе вперяютъ оную въ простой народъ, страшая его сперва нечувствительною, а современемъ и совершенною утратою правъ ихъ и вольности, то нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они, при настоящей правленія ихъ переменѣ, тѣмъ паче не усугубили тайно коварство свое, что пресѣченіе прежнихъ беспорядковъ и установленіе лучшихъ учреждений не будетъ согласоваться съ ихъ прихотями и собственною корыстію. Въ семъ разсужденіи не оставите вы наблюдать прилежно, но безъ явнаго виду и огласки поведенія

тамошнихъ старшинъ, особливо же тѣхъ кои хотя мало подозрительными себя окажутъ, дабы иногда умышляемое зло заблаговременно свѣдано и предупреждено быть могло. И хотя время само собою откроетъ глаза народу и докажетъ, сколь много онъ облегченъ и благоденствовать будетъ, когда устройствомъ лучшихъ во всемъ порядковъ увидитъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тирановъ, однакожь и въ нынѣшнее время разные способы поспѣшествовать вамъ могутъ праводушіемъ, безкорыстливостію, снисхожденіемъ и ласкою истребить неосновательныя его опасенія и приобрести къ себѣ любовь его и довѣренность»³⁸.

Какъ видно, это наставленіе привезъ къ Румянцеву Тепловъ, потому что отъ 15 ноября сохранилась слѣдующая записка Екатерины къ Румянцеву³⁹: «Графъ Петръ Александровичъ, *при семъ* посылаю къ вамъ Теплова, дабы вы имѣли съ нимъ большую конверзацію о Малороссіи.» Наставленіе было написано явно подъ вліяніемъ записки Теплова; очень вѣроятно, что и наставленіе было написано тѣмъ же Тепловымъ. Это участіе Теплова въ уничтоженіи гетманства заставляло нѣкоторыхъ смотрѣть на него какъ на измѣнника въ отношеніи къ Разумовскому; толковали даже что и донесеніе о движеніи въ пользу наследственнаго гетманства подано Тепловымъ; ходилъ разсказъ, что когда Разумовскій, по пріѣздѣ изъ Малороссіи, явился во дворецъ, гдѣ его встрѣтилъ Тепловъ съ распростертыми объятіями, то графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ сказалъ: «И лобза его же предаде.»

Гетманство въ Малороссіи было уничтожено, и на этотъ разъ окончательно. Еще прежде, весною описываемаго года, елисаветинское военное поселеніе на южной украинѣ, или Новая Сербія преобразована была въ губернію; братья Панины, Никита и Петръ, разсматривавшіе докладъ извѣстнаго генераль-поручика Мельгунова объ этомъ преобразованіи, представили императрицѣ, что новую губернію надобно назвать Екатерининскою; но императрица написала въ резолюціи: называть — Новороссійская губернія. Екатерина утвердила представленіе Паниныхъ о присоединеніи къ Новороссійской губерніи угла земли отъ верховья рѣки Ингула косою линіею до мѣстечка Орель, лежащаго у польской границы по рѣкѣ Сньюхъ; этотъ степной уголь считался въ запорожскомъ владѣніи. Императрица назначила глав-

главнымъ командиромъ новой губерніи Мельгунова, который долженъ былъ прїѣзжать каждую зиму въ Петербургъ для поднесенія докладовъ объ успѣхѣ дѣла. Успѣхъ этотъ долженъ былъ состоять въ скорѣйшемъ населеніи пустыннаго края. Для этого желающимъ селиться даны были льготы: каждому давался участокъ (изъ 26 десятинъ, если на землѣ лѣсъ есть, и изъ 30 десятинъ безлѣсной земли) земли въ вѣчное потомственное владѣніе, позволена была вольная продажа соли и вина и беспошлинный вывозъ и ввозъ товаровъ; кто записывался въ полки, тому давалось по 30 рублей безвозвратно, записавшимся на поселеніе по 12 рублей безъ различія, будетъ ли то иностранный подданный или русскій, вышедшій изъ-за границы. Всякій можетъ взять землѣ сколько пожелаетъ съ условіемъ населить ее; но въ вѣчное владѣніе никому не дается болѣе 48 участковъ; никто также больше 48 участковъ купить не можетъ. Поселенцы освобождаются отъ податей на извѣстное число лѣтъ, — отъ 6 и 8 до 16, по разсмотрѣнію главнаго командира, который беретъ въ расчетъ удобность земли и заселенія ея. Поселенцы должны были строить дома каменные или мазанки для сохраненія лѣса, на заборы и огороды дерева не употреблять, огораживать землянымъ валомъ; винокурень никто не могъ имѣть, кромѣ того, кто посѣетъ и выраститъ строевой лѣсъ, хлѣбное вино дозволено было вывозить изъ Польши; кто посѣялъ лѣсъ, тотъ получаетъ право вѣчнаго владѣнія засѣяннымъ урочищемъ. Докладъ оканчивался статьею о школахъ: въ школу брать всѣхъ малолѣтнихъ, учить читать, писать, ариметикѣ, закону; а кто способенъ или самъ пожелаетъ, тѣхъ иностраннымъ языкамъ и другимъ наукамъ; немущихъ и сиротъ содержать на казенномъ коштѣ; достаточнымъ же за содержаніе въ казну платить, а за науку ни съ кого ничего не требовать. Для женскаго пола такой же воспитательный домъ учредить: изъ сего послѣдуетъ немалое поправленіе суровыхъ и жестокосердыхъ обычаевъ способомъ благонравныхъ женщинъ, а особливо и то вкоренить весьма нужно, чтобъ женщины съ младенчества обучались и привыкали бы къ домостройству и всякой приличной работѣ. Для сиротъ и увѣчныхъ больницу, а для приказныхъ дѣтей дома учредить на казенномъ коштѣ, дабы во всемъ селеніи ни-

щаго и странствующаго, также и безвиннаго младенца, безъ призрашнїи не находилось»⁴⁰.

Кромѣ упомянутаго угла, отрѣзаннаго отъ такъ называемыхъ запорожскихъ владѣній къ новороссійской губерніи, къ ней же присоединена была провинція Екатерининская, составленная изъ земель, лежащихъ за пограничною линіею въ степи, на которыхъ оказались русскія поселенія, отъ устья рѣки Усть-Самары по устье рѣки Луганчика, включая сюда же Новосербію и Володаги.⁴¹) Въ концѣ года императрица утвердила докладъ сенаторовъ, кн. Шаховскаго, Панина и Олсуфьева объ учрежденіи изъ всѣхъ слободскихъ полковъ особой губерніи, подъ именемъ Слободско-Украинской. Изъ доклада узнаемъ, что до тѣхъ поръ «служба козачья состояла на содержаніи свойственничьемъ и подпомощниковъ, и на сіе общество расписывались, для содержанія и снабженія каждаго козака, ежегодныя складки, которыя непремѣнными и равными никогда быть не могли; а какъ нерѣдко случалось, что или во время или послѣ росписанія такой складки, изъ росписаннаго числа душъ многіе переходами на владѣльческія земли и иными случаями выбывали, и оставалась иногда только половина, то уже одни оставшіеся, будучи принуждены содержать козаковъ и снабждать ихъ всѣми потребностями, несли великую тягость.» Изъ этого любопытнаго извѣстія мы видимъ, какъ на русскихъ украинахъ сохранялись еще первоначальныя формы быта, формы первоначальныхъ союзовъ—родоваго и закладничества, подлѣ свойственниковъ видимъ и захребетниковъ которые здѣсь называются подпомощниками и подсосѣдками. Собственниковъ, подпомощниковъ и подсосѣдковъ въ новой губерніи было 154,808 душъ, и каждая душа платила по 95 копѣекъ; живущихъ за разными владѣльцами и старшинами подданныхъ Черкасъ (Малороссіянъ) было 328,814 душъ, платившихъ по 60 коп. Свободный переходъ поселянъ съ мѣста на мѣсто существовалъ и здѣсь въ описываемое время. Губернатора, воеводу и прокурора въ новую губернію велѣно опредѣлить, на первый случай, изъ Великороссіянъ, а въ товарищи губернаторскіе и воеводскіе изъ тамошнихъ заслуженныхъ старшинъ⁴².

Восточная украина требовала также постояннаго вниманія. Бибиковъ доносилъ изъ Казанской губерніи: «Съ того времени

какъ состоялся указъ о штатахъ, присутствующіе здѣсь въ губернской канцеляріи и по разнымъ конторамъ судьи отъ мздоимства и взятокъ, какъ слышно, воздерживаются, а если лихоимство и есть, то конечно съ большею предъ прежнимъ скромностію, секретари и подъячіе не такъ нагло взятокъ по дѣламъ требуютъ: но они не преминули однако разгласить, будто бы опять, пока на жалованье сумма соберется, велѣно кормиться отъ дѣл. Миѣ отъ нѣкоторыхъ секретарей и воеводъ здѣшней губерніи слышать случалось, что нынѣ опредѣленное жалованье и четвертой доли прежнихъ ихъ поживѣ не замѣняетъ; но разглашенному же отъ секретарей и подъячихъ слуху привыкшій давать взятки простой народъ безъ затрудненія давать подарки будетъ. Здѣшній губернаторъ князь Тенишевъ, находясь здѣсь около 8 лѣтъ и бывъ прежде вице-губернаторомъ, какъ видно, доволенъ тѣмъ, что до сихъ поръ собралъ и отъ мздоимства воздерживается, но не достаетъ ему нужныхъ для его должности знаній, потому въ дѣлахъ слѣдуетъ совѣтамъ секретарскимъ, и чрезъ то секретарское и подъяческое пронырство къ отягощенію челобитчиковъ находить средство помѣщаться. Коллежскій совѣтникъ Кудрявцевъ и прокуроръ Воронцовъ, кромѣ подписанія своего имени, едвали какое ни есть дѣло исправлять въ состояніи съ тою только разницею, что Кудрявцевъ, какъ сказываютъ, къ мздоимству склоненъ, а прокуроръ тому чуждъ. Въ губернской же канцеляріи присутствуетъ губернаторскій товарищъ и Казанской гимназіи директоръ надворный совѣтникъ Кожинъ, который не только отъ мздоимства вовсе свободенъ, но и все свое стараніе и попеченіе прилагаетъ о томъ, чтобъ дѣла по предписаннымъ законамъ и безъ замедленія отправлялись; но такъ какъ ему никто не помогаетъ, то признается и самъ, что вкоренившійся въ дѣлахъ непорядокъ, пронырства секретарей и подъячихъ отворотить почти способовъ не найти»⁴³.

Еще въ началѣ 1763 года императрица, будучи въ Сенатѣ, слушала челобитную новокрещенъ Казанскаго, Чебоксарскаго и Козмодемьянскаго уѣздовъ, чтобъ ихъ всѣхъ уволить отъ рекрутской повинности, а только бы брать дѣтей ихъ въ школы; называться новокрещенными не запрещать и положенныя на нихъ вновь подушныя деньги сложить, для защиты ихъ отъ при-

существенных мѣсть опредѣлить по прежнему надворнаго совѣтника Сокольникова или другого кого. Императрица велѣла сенату имѣть конференцію съ синодомъ. Дѣло шло медленно, и только черезъ годъ утвержденъ былъ докладъ, поданный конференціею. Докладъ состоялъ въ слѣдующихъ пяти статьяхъ: 1) иновѣрцамъ не платить податей за новокрещенныхъ и не отправлять за нихъ рекрутской повинности, чтобъ этимъ не принуждать ихъ къ побѣгамъ, тѣмъ болѣе, что иновѣрцевъ осталось уже не много, большая часть крестилась; 2) по истеченіи трехлѣтней льготы, новокрещенымъ все платить и исполнять наравнѣ съ государственными крестьянами, а вмѣсто рекрутъ брать съ нихъ деньгами; 3) новокрещенской конторѣ и разнымъ защитникамъ не быть, а вѣдать новокрещенъ въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ; 4) хотя сенатъ и синодъ представили, чтобъ въ Казанской губерніи учрежденнымъ для новокрещенъ школамъ не быть, ибо синоду извѣстно, что обучающіеся въ нихъ новокрещенскія дѣти по большей части къ обученію неспособны; но императрица собственноручно написала: «школъ не отрѣшать, а имъ дать на волю дѣтей въ школахъ или при приходскихъ церквахъ обучать и никому принужденія не чинить;» 5) для обращенія иновѣрцевъ быть проповѣдникамъ въ Казанской епархіи троимъ, въ тобольской, иркутской и тамбовской—по два, въ нижегородской, рязанской, вятской и астраханской по—одному ⁴⁴.

По ту сторону Уральскихъ горъ вскрывала печальныя явленія коммиссія, назначенная для новой раскладки ясака. Якутскій казачій пятидесятникъ Баженовъ сказывалъ, что онъ отправляется въ ясачные тунгузскіе шесть улусовъ для сбора лошадей; но это порученіе онъ купилъ, заплативши за него воеводѣ Лебедеву 150 рублей, которые принужденъ былъ занять. Лебедевъ показалъ, что Баженовъ принесъ ему 150 рублей добровольно, и онъ взялъ въ слѣдствіе крайней бѣдности, за неполученіемъ жалованья; и съ другихъ, отправлявшихся за ясакомъ бралъ безъ вымогательства, и принужденъ былъ это дѣлать по тамошней дороговизнѣ, за неимѣніемъ такихъ дѣлъ, отъ которыхъ можно себя содержать; онъ проѣхалъ до Якутска 9000 верстъ на своемъ иждивеніи, заявши до 1500 рублей. Лебедевъ лишень былъ всѣхъ чиновъ съ запрещеніемъ опредѣлять его къ какимъ бы то ни было дѣламъ.

Въ Сибири издавна существовала особаго рода промышленность—разрывать кургановъ или бугровъ съ цѣлью поживиться вещами, закопанными въ могилы вмѣстѣ съ покойниками въ древнія времена. Теперь правительство узнало, что разрывать бугры или зюнгарскія кладбища въ Сибири запрещено, и сдѣланъ былъ запросъ сибирскому губернатору Чичерину о причинахъ запрещенія. Чичеринъ отвѣчалъ что такое *бугрованіе* въ степи запрещено подъ жестокимъ наказаніемъ по той причинѣ, что съ этого бугрованья непріятель хваталъ въ плѣнъ русскихъ людей или побивалъ ⁴⁵.

Въ маѣ мѣсяцѣ сенатъ слушалъ любопытное изложеніе дѣла о камчатской экспедиціи и сношенійхъ съ Китаемъ по поводу амурскихъ береговъ. Камчатская экспедиція началась съ 1724 года; бывший ея начальникъ капитанъ-коммандоръ Берингъ доходилъ до американскихъ береговъ, а капитанъ Шпанбергъ былъ у японскихъ береговъ, гдѣ народъ оказался склоннымъ къ торговлѣ, но по причинѣ трудности доставлять припасы въ эту экспедицію, она въ 1743 году остановлена впредъ до новаго указа. Въ 1753 году, по предложенію Петра Ив. Шувалова, въ сенатѣ опредѣлено относительно возобновленія экспедиціи спросить мнѣнія у сибирскаго губернатора Мятлева. Мятлевъ представилъ, что прежде всего надобно усилить хлѣбопашество въ Нерчинскомъ уѣздѣ и хлѣбъ отпускать во всѣ крѣпости и остроги, лежащія по сѣверовосточнымъ берегамъ, рѣками — Ингодю, Аргуномъ и Амуромъ. Но коллегія иностранныхъ дѣлъ представила, что рѣка Амуръ уступлена по трактату въ китайскую сторону. По мнѣнію коллегіи надобно было при соединеніи рѣки Ингоды съ Аргуномъ пріискать удобное мѣсто для постройки судовъ и справиться о глубинѣ рѣки Амура, и если глубины довольно, то строить тутъ и морскія суда, отъ китайскаго же двора требовать свободнаго плаванія по Амуру для русскихъ судовъ; если же рѣка Амуръ явится мелководна, то домогаться въ Пекинѣ позволенія на устьѣ Амура построить небольшую крѣпость и завести корабельныя верфи; когда возобновится экспедиція, то склонять въ подданство такіе народы, которые никакой другой державѣ не подвластны. По этому представленію въ сенатѣ было опредѣлено: иностранная коллегія должна домогаться у китайскаго двора свободнаго плаванія по

Амуру, а между тѣмъ на рѣкѣ Ингодѣ, гдѣ она соединялась съ Аргуномъ, прискаты удобное мѣсто къ строенію судовъ, къ чему употреблять морскихъ служителей, оставшихся въ Сибири отъ камчатской экспедиціи и геодезистовъ; построить два судна, которыя бы могли Амуромъ и потомъ моремъ плыть въ русскіе порты, приготовить для этихъ судовъ все нужное и провіантъ на людей, и когда китайскій дворъ позволитъ свободное плаваніе по Амуру, то суда эти отправить немедленно съ приказаніемъ описать подробно рѣку Амуръ и прилежація къ ней мѣста.

Только въ 1756 году отправленъ былъ въ Пекинъ совѣтникъ Братищевъ; по возвращеніи его, въ сентябрѣ 1758 года коллегія иностранныхъ дѣлъ представила въ сенатъ, что китайскій дворъ отказалъ въ позволеніи русскимъ судамъ плавать по Амуру, и въ грамотѣ китайскаго трибунала отъ 23 сентября 1757 года написано, что богдыханъ указалъ слѣдующее: «у насъ отъ вѣка того не бывало, чтобъ Россіи позволено было въ какое-нибудь мѣсто провозить свой хлѣбъ рѣкою Амуромъ, чего и нынѣ никоимъ образомъ позволить нельзя». Въ журналѣ бытности въ Пекинѣ Братищева показано, по развѣдыванію находящагося при немъ секундъ-майора Якоби, что богдыханъ, разсмотря русскую грамоту, въ которой заключалась просьба о пропускѣ русскихъ судовъ по Амуру, сказалъ: «Хитрая Россія просить съ почтеніемъ, да притомъ и объявляетъ, что уже для того плаванія и суда приказано готовить, чѣмъ даютъ знать, что и не получа позволенія могутъ сами идти.» Въ 1764 году сенатъ возобновилъ дѣло и, по его требованію, коллегія иностранныхъ дѣлъ донесла: «какъ ни увѣрена она въ необходимости и пользѣ того, чтобъ русскія суда рѣкою Амуромъ ходили свободно, но, по извѣстному упорству въ томъ китайскаго двора, не находятъ теперь способовъ возобновить свои домогательства»⁴⁶.

Отъ далекихъ береговъ Амура вниманіе отвлекалось событіями, происходившими на берегахъ Вислы. Выборы польскаго короля должны были имѣть рѣшительное вліяніе на опредѣленіе отношеній императрицы къ ея главнымъ совѣтникамъ по иностраннымъ дѣламъ: Бестужеву—Рюмину и Панину. Бестужевъ проигрывалъ въ довѣрїи Екатерины, твердя, что надобно оставить польскій престолъ въ саксонской династіи; Панинъ выигрывалъ тѣмъ, что вполнѣ согласовался съ желаніями императрицы. До-

несеніе Кейзерлинга о противодѣйствиі Бестужева видамъ Екатерины ⁴⁷ окончательно убило кредитъ «батюшки Алексѣя Петровича», который съ этихъ поръ не участвуетъ больше въ дѣлахъ до самой смерти своей, послѣдовавшей 10 апрѣля 1766 года. Панинъ одинъ ведетъ иностранныя дѣла, хотя и безъ канцлерскаго титула.

Отъ 24 декабря 1763 года Кейзерлингъ и Репнинъ передали императрицѣ требованія ея кандидата на польскій престолъ, графа Понятовскаго: 1) будущему королю опредѣлить ежегодныя субсидіи и при томъ гарантировать ему прочность престола; 2) полки гвардіи и нѣсколько легкихъ войскъ должны состоять въ непосредственной командѣ короля, а не гетмана, какъ было до сихъ поръ; 3) власть королевская въ раздачѣ чиновъ и награжденій по прежнему должна остаться неотмѣнною. «Эти пункты, писали послы, какъ сами по себѣ ни важны, кажется еще равновременны. Вашему императорскому величеству и королю прусскому непременно нужно, чтобъ въ Польшѣ фундаментальные законы были сохранены, слѣдовательно должно быть сохранено и то, что касается правъ королевскихъ.» Соперникомъ молодому Понятовскому былъ одинъ старикъ Браницкій. «Новыхъ кандидатовъ на тронъ нѣтъ, писалъ Репнинъ, все одинъ и тотъ же гетманъ Браницкій. Внутреннія смуты очень скучны, но не поддерживаемыя ни однимъ государствомъ, онѣ непременно прекратятся сами собою. Отнявши у партій надежду на успѣхъ, можно заставить ихъ уступить своихъ друзей; лишь бы только мы избавились отъ иностранцевъ, лишь бы только конвокаціонный сеймъ исключилъ ихъ изъ числа кандидатовъ, то все кончено. Коронное войско и вооруженія партіи Браницкаго беспокоятъ нашихъ друзей; они боятся даже измѣническихъ ударовъ, и дѣйствительно, если можно чего бояться, такъ только этого; остальное не страшно, благодаря милостивой поддержкѣ вашего величества. Возможность существованія партіи гетмана короннаго зависить отъ союза ея съ виленскимъ воеводою, княземъ Радзивиломъ, который вашему величеству извѣстенъ какъ безумецъ, руководствующійся только капризомъ. Я думаю, что надобно снять маску относительно этихъ господъ и заговорить съ ними громко, если они будутъ упорствовать въ своихъ вооруженіяхъ. Что касается воеводы Кіевскаго (Потоцкаго), то,

кажется, онъ уже начинаетъ немного ощупывать почву, хотя сохраняетъ еще высококомѣрный тонъ и большія претензіи.»

Это было писано 12 января; а въ письмѣ своемъ отъ 27 февраля Ренинъ уже говоритъ о необходимости вступленія русскаго войска въ польскія владѣнія: «Нашъ кандидатъ и его фамилія довольны милостями вашего величества и совершенно покойны на счетъ ложныхъ слуховъ, разсѣваемыхъ противною партією; но также правда, что вступленіе войскъ необходимо для успокоенія ихъ партій, да и для того, чтобъ доказать мелкой шляхтѣ, какъ ложны внушенія нашихъ враговъ. Войско нужно тѣмъ болѣе, что коронный гетманъ, озлобленный малымъ успѣхомъ своимъ на сеймикахъ, старался силой поддерживать тамъ свою партію и позволялъ себѣ вопіющія нарушенія законовъ и присяги. Виленскій воевода позволилъ себѣ новыя насилія послѣ того, какъ поклялся вести себя умно; такія явныя злоупотребленія породятъ страшныя смуты и междоусобную войну, такъ чтобъ избѣжать ея, надобно ихъ припугнуть. Вступленіе войска вашего величества сдѣлаетъ ихъ осторожнѣе. У насъ теперь новый кандидатъ на польскій тронъ—князь Любомирскій, подстолий коронный. Онъ открылъ свое намѣреніе примасу; кievскій воевода, прѣхавшій вмѣстѣ съ подстолиемъ, объявилъ, что онъ и его друзья охотно подадутъ свои голоса въ пользу вельможи, столь достойнаго короны по своему происхожденію, богатствамъ и личнымъ достоинствамъ; дѣйствительно, это одинъ изъ главныхъ богачей страны; наши партизаны всегда рассчитывали на него и онъ всегда былъ имъ преданъ». На донесеніи о Любомирскомъ Панинъ написалъ: «Ваше величество сего оригинала знать изволите: онъ здѣсь былъ съ поздравленіемъ восшествія вашего на престоль». Екатерина приписала на это собственноручно: «Къ коровѣ сѣдло не пристало».

На сеймикахъ дѣйствительно шла ожесточенная борьба партій, при чемъ дѣло не обошлось безъ кровопролитія. Изъ Вѣны писали: «Гетманъ и его партія позволили себѣ много насилій на послѣднихъ сеймикахъ. Этими оскорбленіями, равно какъ открытымъ и безпримѣрнымъ употребленіемъ военной силы, гетманъ проигрываетъ свое дѣло въ пользу противниковъ, ибо даетъ имъ предлогъ призвать на помощь русскіхъ. Русскіе придутъ и, что важно, явятся въ глазахъ народа защитниками

свободы». Чарторыйскіе видя, что имъ не сладить съ партіею гетмана, который располагалъ короннымъ войскомъ и саксонскимъ отрядомъ, обратились прямо къ императрицѣ съ просьбою прислать имъ на помощь 2000 человекъ конницы и два полка пѣхотныхъ. По поводу этой просьбы Панинъ написалъ для императрицы *ремарк*: «Тысяча легкихъ войскъ уже готова и ожидаетъ польскихъ комиссаровъ для препровожденія, что казалось бы уже и довольно въ соотвѣтствіе саксонскимъ войскамъ; но, по видимому, наши друзья ищутъ сколько возможно облегчить свои собственные депансы и себя усиливать нашими ресурсами, почему мое всеподданнѣйшее мнѣніе: другую тысячу по ихъ желанію хотя и заготовить, но однакожь къ графу Кейзерлингу напередъ написать, чтобъ наши друзья гораздо осмотрѣлися, не могутъ ли они такимъ безвременнымъ введеніемъ къ себѣ чужестранныхъ войскъ воспривинствовать противу себя національную недовѣренность и противъ насъ подозрѣнія, чѣмъ наипаче противные могутъ воспользоваться и отъ чужестранныхъ державъ достать себѣ большими деньгами подкрѣпленіе, а намъ навести отъ нихъ какія-либо безпокойства новыми дѣлами съ ихъ стороны: И такъ не лучше ли остаться при первомъ нашемъ планѣ, чтобъ не притворяясь и не отлагая, устремиться къ изгнанію Саксонцевъ изъ Польши производимыми движеніями нашихъ войскъ на границахъ и перепущеніемъ въ Польшу готовыхъ уже тысячи козаковъ, а потомъ стараться единодушно взять поверхность надъ противными нынѣ раздробленными факціями собственнымъ вооруженіемъ благонамѣренныхъ магнатовъ и подкрѣпленіемъ ихъ нашими деньгами, нашимъ кредитомъ и нашею въ ихъ дѣлахъ инфлюенціею, соединенною съ королемъ прусскимъ, и наконецъ тою опасностію, которую натурально Поляки имѣть должны отъ насъ, когда ихъ дѣла пойдутъ противъ нашей воли, а особливо въ такое время, когда у насъ со всѣхъ сторонъ руки останутся свободны, что мы несомнѣнно имѣть и будемъ, если съ благоразумною умѣренностію пойдемъ въ семь дѣлъ, не напрягая излишне свои струны». Екатерина написала на это: «Я весьма съ сими мнѣніемъ согласна и, прочитавъ промеморію, почти всѣ тѣ же рефлексіи дѣлала».

Отрядъ русскаго войска, бывшій въ польской Пруссіи для

охраны магазиновъ, остававшихся еще отъ Семилѣтней войны, долженъ былъ, подъ начальствомъ генерала Хомутова, вступить въ Польшу и направиться поскорѣе или къ Варшавѣ или къ Бѣлостоку, резиденціи короннаго гетмана, что должно было заставить Бранницкаго быть осторожнѣе. «Правда, писалъ Репнинъ Панину, что этого войска мало; но для Польши довольно; я увѣренъ, что пять или шесть тысячъ Поляковъ не только не могутъ осилить отрядъ Хомутова, но и подумать о томъ не осмѣлятся. Прусской король внушилъ намъ чрезъ своего посланника, что все это дѣло должно быть устроено въ Петербургѣ. Это внушеніе можетъ происходить отъ нежеланія войти по польскимъ дѣламъ въ какое-нибудь серьезное обязательство; я же долженъ донести, что и Полякамъ, нашимъ друзьямъ неприятно будетъ видѣть войско прусскаго короля въ здѣшной землѣ; они всю надежду полагаютъ на нашу государыню, ее желаютъ видѣть первенствующею во всемъ этомъ дѣлѣ, ее чтобъ прусскій король былъ во вторыхъ».

Волненія между Поляками усиливались; австрійскій посолъ Мерси раздувалъ пламя, давалъ обѣщанія безъ конца, уговаривая противниковъ Россіи держаться твердо. Кейзерлингъ и Репнинъ потребовали отъ Хомутова, чтобъ онъ сталъ въ Закрочимѣ, въ 50 миляхъ отъ Варшавы. Извѣщая объ этомъ Панина, Репнинъ писалъ ему, что необходимо поспѣшить заключеніемъ союзнаго договора съ Пруссіею, ибо если Фридрихъ II объявитъ, что не потерпитъ вступленія Австрійцевъ въ Польшу, то они и не подумаютъ объ этомъ, и ядовитыя предложенія Мерси подвергнутся заслуженному ими презрѣнію. Репнинъ требовалъ также вступленія русскихъ войскъ въ Литву: тамъ нужно было подкрѣпить конфедерацію, составленную противъ партіи Радзивила. Требуемое войско вошло въ Литву двумя колоннами: одна, подъ предводительствомъ князя Волконскаго, двигалась чрезъ Минскъ; другая подъ начальствомъ князя Дашкова (мужа знаменитой Екатерины Романовны) шла на Гродно.

20 апрѣля (н. с.) 26 польскихъ магнатовъ подписали письмо императрицѣ, въ которомъ говорили: «Мы, не уступающіе никому изъ нашихъ согражданъ въ пламенномъ патріотизмѣ, съ горестію узнали, что есть люди, которые хотятъ отличиться неудовольствіемъ по поводу вступленія войскъ вашего импера-

торскаго величества въ нашу страну и даже сочли приличнымъ обратиться съ жалобою на это къ вашему величеству. Мы видимъ съ горестію, что законы нашего отечества недостаточны для удержанія этихъ мнимыхъ патріотовъ въ должныхъ предѣлахъ. Съ опасностію для насъ мы испытали съ ихъ стороны притѣсненіе нашей свободы, именно на послѣднихъ сеймикахъ, гдѣ военная сила стѣсняла подачу голосовъ во многихъ мѣстахъ. Намъ грозило такое же злоупотребленіе силы и на будущихъ сеймахъ, конвокаціонномъ и избирательномъ, на которыхъ у насъ не было бы войска, чтобъ противопоставить его войску государственному, вмѣсто защиты угнетающему государству, когда мы узнали о вступленіи русскаго войска, посланнаго вашимъ величествомъ для защиты нашихъ постановленій и нашей свободы. Цѣль вступленія этого войска въ наши границы и его поведеніе возбуждаютъ живѣйшую признательность въ каждомъ благонамѣренномъ Полякѣ, и эту признательность мы сочли своимъ долгомъ выразить вашему императорскому величеству». Въ числѣ подписей находятся имена: Островскаго (епископа Куявскаго), Шептицкаго (епископа Плоцкаго), Замойскаго, пятерыхъ Чарторыйскихъ (Августа, Михаила, Станислава, Адама, Юсифа), Станислава Понятовскаго, Потоцкаго, Любомирскаго, Сулковскаго, Соллогуба, Велепольскаго.

Не пренебрегали никакими средствами для поднятія Понятовскаго въ глазахъ Поляковъ. По внушенію Репнина, прусскій резидентъ писалъ Фридриху II, что надобно прислать стольнику орденъ Чернаго Орла, и орденъ былъ присланъ такъ скоро, что Рѣпнинъ и Понятовскій были въ затрудненіи: они ждали ордена Андрея Первозваннаго для стольника и послѣдній обѣщалъ не надѣвать Чернаго Орла прежде полученія Андрея. Но обстоятельства заставили перемѣнить рѣшеніе: въ Варшаву вдругъ пріѣзжаетъ другой кандидатъ на престолъ, гетманъ Браницкій, и чтобъ произвести на него впечатлѣніе, Понятовскій надѣлъ Чернаго Орла. «Такой явный знакъ расположенія прусскаго короля сильно подкрѣпитъ наши дѣла, писалъ Репнинъ; но чтобъ дать Понятовскому еще больше значенія, надобно прислать ему Андреевскій орденъ: онъ страстно его желаетъ, не смѣя просить».

Въ концѣ апрѣля начали съѣзжаться въ Варшаву сенаторы, послы (депутаты) и разные паны на конвокаціонный сеймъ;

каждый приводилъ съ собою, по обычаю, сколько-нибудь вооруженныхъ людей; но Радзивиль привелъ 3000 вооруженныхъ, также и у гетмана короннаго Браницкаго былъ большой отрядъ войска; но для подкрѣпленія *фамилии* русское войско стояло двумя лагерями— въ Уяздовѣ и на Солцѣ; у Чарторыйскихъ было также и свое войско. Днемъ открытія сейма назначено было 7 мая (н. с.). Въ этотъ день Варшава представляла городъ, занятый двумя враждебными войсками, готовыми къ бою. Партія Чарторыйскихъ явилась на сеймъ; но членовъ противной партіи не было; они съ ранняго утра совѣщались у гетмана, и наконецъ подписали протестъ противъ нарушенія народнаго права появленіемъ русскихъ войскъ. Хотѣли сорвать сеймъ — не удалось; требовали составить немедленно тутъ же въ Варшавѣ конфедерацію, но Браницкій струсилъ, объявилъ, что не видитъ для себя безопасности въ столицѣ, и выступилъ изъ Варшавы съ цѣлью составить конфедерацію въ болѣе удобномъ мѣстѣ; но время тратилось въ безплодныхъ толкахъ, а между тѣмъ слѣдомъ за гетманомъ шелъ русскій отрядъ Дашкова, перешедшій изъ Литвы въ Польшу.

Въ 21 мили отъ Варшавы этотъ отрядъ имѣлъ небольшое дѣло съ гетманскимъ арьергардомъ; при этомъ дѣлѣ случился и Репнинъ, пріѣхавшій повидаться съ Дашковымъ. По поводу стычки Репнинъ писалъ: «Могу справедливо сказать, что храбрости и желанія нельзя больше имѣть, какъ наши войска показали; но и бѣгъ непріятельскій также былъ скоръ, что никакъ не возможно было успѣхъ распространить, потому особливо, что невступно въ три дни наши войска 21 милю перешли и преслѣдовать далѣе уже не въ силахъ были. Еще же долженъ по справедливости сказать, что усердиѣе и расторопиѣе нельзя быть, какъ дѣйствительно князь Дашковъ есть».

Репнинъ осыпалъ также похвалами Понятовскаго: «Благодарнѣе челоуѣка и намъ преданнѣе мы бы нигдѣ и николи не нашли: и онъ первый въ собраніи сейма говорилъ, чтобъ государыню возблагодарить за милостивое ея республики подкрѣпленіе чрезъ входъ російскихъ войскъ; онъ же отвратилъ взятое было почти всѣми намѣреніе, чтобъ производить сеймики множествомъ (большинствомъ) голосовъ, а не единогласіемъ, и то тотчасъ сдѣлалъ, какъ скоро мы къ нему объ ономъ отозвались». Но

иначе отозвался Репнинъ Панину о соотечественникахъ Понятовскаго: «Я не отъ лѣни и не отъ нерадѣнія въ подробности здѣшнихъ партикулярностей не вхожу, а изъ страху, чтобъ не изолгаться или бы не показаться лживымъ. Ваше высокопревосходительство не можете себѣ изобразить, сколь мало основанія имѣеть почти генерально вся здѣшняя нація: что нынѣ за вѣрное сказываютъ, что съ клятвами увѣряютъ и очевидцами чему выдаются, то на завтра откроется совершенною ложью».

Обоимъ посламъ, Кейзерлингу и Репнину, хотѣлось какъ можно скорѣйшаго заключенія союзнаго договора съ Пруссіею. Желанный договоръ наконецъ былъ имъ доставленъ, и Репнинъ писалъ Панину по этому поводу (отъ 25 мая): «Трактатъ, заключенный съ прусскимъ королемъ весьма послу (Кейзерлингу) показался; одного только онъ еще желалъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ безъ согласія общаго въ другія обязательства ни въ какія не вступали; но я, помня разсужденія вашего высокопревосходительства по сему самому пункту, по причинѣ стараго съ Англіею трактата, чтобъ сколь возможно зависимости отъ другой короны убѣгать, старался оныя ему внушать, и не знаю вправду ли, но кажется мнѣ, что наконецъ онъ съ тѣмъ и согласился. Всѣ порученныя намъ дѣла, уповаю, что къ желаемому концу доведены будутъ; одно только возстановленіе во всѣ старыя преимущества диссидентовъ весьма трудно кажется или почти и совсѣмъ невозможно; да если осмѣлюсь свое мнѣніе донести, то не вижу, чтобъ оно для насъ такъ и полезно было: введеніе ихъ по прежнему въ гражданскіе чины увеличить ихъ силу, тоже съ ними и короля прусскаго; въ нашемъ же законѣ уже знатныхъ никого не осталось, и такъ съ силой ихъ наша нимало не пріумножится, а кажется, что нашъ интересъ есть, чтобъ никакой чужестранный дворъ здѣсь сильнѣе нашего не былъ». Обоимъ посламъ не хотѣлось диссидентскимъ дѣломъ затруднять положенія Чарторыйскихъ, затруднять дѣло, которое они считали главнымъ своимъ дѣломъ — выборъ Понятовскаго въ короли.

Въ іюнѣ кончился конвокаціонный сеймъ: на немъ установлена генеральная конфедерація, которая соединилась съ литовскою, и маршалкомъ коронной конфедераціи былъ выбранъ князь Чарторыйскій, воевода русскій: постановлено при коро-

левскихъ выборахъ не допускать иностранныхъ кандидатовъ: могъ быть избранъ только польскій шляхтичъ по отцу и матери, исповѣдующій римско-католическую вѣру. На этомъ же сеймѣ Чарторыйскіе попытались начать дѣло преобразованія: учреждены были двѣ комиссіи: военная и финансовая (скарбовая); эти комиссіи уменьшали власть гетмановъ и главныхъ финансовыхъ управителей (подскарбіевъ), которые становились только ихъ предсѣдателями, и потому королю давалась возможность ввести лучший порядокъ въ управленіи войскомъ и финансами. Войсковой комиссіи вмѣнено было въ обязанность немедленно же исполнить постановленіе 1717 года относительно полнаго количества людей въ полкахъ, чѣмъ количество войска уже и увеличивалось.

Потихоньку начаты были преобразованія, повидимому только незначительныя. Чарторыйскіе достигали своей цѣли русскими деньгами и русскимъ войскомъ; въ вознагражденіе сеймъ призналъ императорскій титулъ русской государыни. Въ актъ конфедерации внесена публичная благодарность императрицѣ русской, и съ выраженіемъ этой благодарности долженъ былъ отправиться въ Петербургъ писарь коронный, графъ Ржевускій. А между тѣмъ русское войско должно было окончательно очистить Польшу отъ могущественныхъ враговъ *фамиліи*. Радзивиль, вышедшій изъ Варшавы вмѣстѣ съ гетманомъ, отдѣлился отъ него на дорогѣ, чтобъ пробраться въ свою Литву; но подъ Слонимомъ потерпѣлъ пораженіе отъ русскихъ. Съ 1200 конницы онъ переправился за Днѣстръ у Могилева и ушелъ въ Молдавію; но пѣхоту его и артиллерию князь Дашковъ догналъ въ деревнѣ Гавриловкѣ и взялъ въ плѣнъ. Изъ Молдавіи Радзивиль перебрался въ Венгрію, а оттуда въ Дрезденъ. Гетманъ Браницкій, преслѣдуемый Русскими, также не могъ держаться въ Польшѣ, и ушелъ въ Венгрію.

Въ то время какъ дѣла шли такъ успѣшно, Репнинъ увѣдомил Панина о своемъ подозрѣніи, что у русскаго кандидата есть соперникъ, именно дядя Понятовскаго, князь Августъ Чарторыйскій, воевода русскій. «Я подозрѣваю, писалъ Репнинъ, что Чарторыйскій самъ желаетъ короны и не выражаетъ этого желанія только потому что не надѣется на успѣхъ. Мои подозрѣнія основываются

на маломъ усердіи къ успѣху самыхъ необходимыхъ вещей, потому что онъ часто не въ духѣ, и именно тогда предлагаются ему самыя существенныя дѣла; онъ не возьмется ни за что безъ понужденія, надобно сказать ему десять разъ прежде, чѣмъ онъ что-нибудь сдѣлаетъ. Мы желали, чтобъ королевское избраніе произошло посредствомъ делегатовъ; но чтобъ не оскорбить мелкой шляхты, дали полную свободу въ этомъ дѣлѣ; многія воеводства воспользуются этою свободою и не явятся массою; но появятся массою тѣ воеводства; въ которыхъ князь Адамъ имѣетъ наибольшее вліяніе, именно русское (галицкое) и сендомирское. Потомъ онъ взялъ у насъ 1000 червонныхъ для галицкаго сеймика, и такъ какъ здѣсь образовалась конфедерація противъ насъ, то мы начали разыскивать, отъ чего это, и оказалось, что Чарторыйскій не послалъ денегъ въ Галичъ; боюсь, не сдѣлалъ ли онъ того же относительно и другихъ мѣстъ. Много разъ сообщалъ я свои опасенія послу (Кейзерлингу), прусскіе министры дѣлали то же самое; но къ несчастію посоль считаетъ всѣхъ такими же добрыми и честными людьми, какъ самъ, и не можетъ повѣрить, чтобъ были люди, у которыхъ одно въ головѣ, а другое на языкѣ. Такъ какъ время выборовъ приближается, то можно было бы окончательно выяснить намѣренія императрицы въ рескриптѣ, который мы должны будемъ прочесть нашимъ друзьямъ и особенно князьямъ Чарторыйскимъ; въ рескриптѣ можно сказать, что намѣреніе императрицы относительно стольника неизмѣнно, что она обнадеживаетъ своимъ покровительствомъ и расположеніемъ всѣхъ, которые стоятъ за него; что успѣхъ не можетъ быть сомнителенъ, ибо императрица будетъ поддерживать стольника и его приверженцевъ всѣми данными ей отъ Бога средствами, и будетъ защищать его и его партію противъ всякаго, какого состоянія и фамиліи онъ бы ни былъ. Такой рескриптъ наполнить радостью истинныхъ друзей дѣла, и страхомъ тѣхъ, которые хотѣли бы уклониться въ другую сторону. Надобно имѣть также войско въ окрестностяхъ, и уже сдѣлано распоряженіе, чтобъ отъ 7 до 8000 человекъ было въ трехъ миляхъ отсюда прежде начала избирательнаго сейма.» Рѣшениѣ оканчивалъ письмо словами: «ради Бога, чтобъ это оставалось межъ нами; посоль не знаетъ объ этомъ моемъ письмѣ къ вамъ, и я ни за что на свѣтѣ не пожелаю, чтобъ онъ

заподозрилъ, что я предлагаю что-то безъ его вѣдома, ибо въ такомъ случаѣ я непременно потеряю его дружбу и довѣріе. На этомъ письмѣ Панинъ написалъ: «Мое мнѣніе—лучшебъ доводить до того, чтобъ фамилія или ея друзья нашего кандидата прежде назвали, а мы бъ къ тому приступили; однакожъ, яко сіе важной разницы не дѣлаеть, то можно оставить на избраніе на мѣстѣ, что тамъ выгоднѣйшимъ найдено будетъ» (т. е. предоставить посламъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію). Подъ этою замѣткою Екатерина написала: «Мнѣ кажется, что намъ не годится называть кандидата, дабы до конца сказать можно было, что республика вольно дѣйствовала».

Несмотря на нежеланіе Екатерины объявлять своего кандидата, *на мѣстѣ* признано было необходимымъ не скрыватья долѣе. 27 іюля Кейзерлингъ и Репнинъ поѣхали къ примасу, гдѣ уже нашли прусскихъ министровъ и князей Чарторыйскихъ вмѣстѣ со многими другими панами, и Кейзерлингъ прямо объявилъ при всѣхъ примасу, что императрица желаетъ видѣть на польскомъ престолѣ графа Понятовскаго, котораго онъ, посоль, именемъ ея величества, будетъ рекомендовать всей націи на избирательномъ сеймѣ. Прусскій посоль сказалъ то же отъ имени своего государя; а князя Чарторыйскіе, также рекомендуя племянника, благодарили оба двора за расположеніе къ ихъ фамиліи. Этотъ поступокъ, по отзыву Репнина, былъ нуженъ, чтобъ вывести изъ сомнѣнія многихъ колеблющихся, незнавшихъ кому изъ своихъ друзей именно Россія прочить корону, и шли слухи, что стольникъ только подставка, королемъ же будетъ воевода русскій. Желаніе русскаго двора, чтобъ въ короли былъ избранъ именно Станиславъ Понятовскій, повело къ предположенію, что слѣдствіемъ этого избранія будетъ брачный союзъ между новымъ королемъ и русскою императрицею. Любопытно, что приверженцы Понятовскаго и дядья его Чарторыйскіе принуждали его дать обязательство при избраніи жениться и жениться на католичкѣ; Понятовскій не соглашался дать такое обязательство, жаловался Репнину, просилъ его отписать Панину, чтобъ его не принуждали жениться, говорилъ, что онъ не намѣренъ вступать въ бракъ, да это и не нужно, потому что Польша—государство не наследственное. Но слухъ о предполагаемомъ бракѣ успѣли довести до Константинополя; Порта

испугалась и объявила, что будетъ согласна на избраніе въ польскіе короли какого угодно Пяста, только не Понятовскаго. Тогда рѣшено было внести въ условія избранія (*parta conventa*), что если король женится, то непременно на католичкѣ.

16 августа тихо начался избирательный сеймъ и тихо кончился 26; стольникъ литовскій, графъ Понятовскій, былъ избранъ безъ малѣйшаго прекословія; Поляки были приведены этимъ въ большое удивленіе и говорили, что такого спокойнаго избранія никогда не бывало. Въ бытность свою въ Парижѣ Понятовскій свелъ тѣсную дружбу съ знаменитою Жофрэнъ, о которой подробнѣе будетъ говорено послѣ; онъ находился съ нею въ перепискѣ и не иначе называлъ ее какъ: *татап*. Онъ такъ описывалъ ей свое избраніе: «Спокойствіе и тишина въ этомъ громадномъ собраніи были такъ велики, что всѣ знатныя дамы королевства присутствовали на полѣ избранія, не испытывая ни малѣйшаго неудобства, и я имѣлъ удовольствіе быть провозглашеннымъ какъ всѣми мужчинами, такъ и всѣми женщинами моего народа, присутствовавшими при избраніи, потому что примасть, проходя мимо ихъ экипажей, дѣйствительно былъ такъ любезенъ, что спрашивалъ дамъ, кого онѣ желаютъ въ короли. Зачѣмъ вы не были тамъ? вы бы назвали своего сына».

Легко себѣ представить восторгъ Жофрэнъ, когда она узнала, что молодой, блестящій Полякъ, которому она покровительствовала въ Парижѣ, избранъ въ короли: «Будущее проходитъ передъ моими глазами, какъ въ эпическихъ поэмахъ, писала она ему: я вижу Польшу возрождающуюся изъ своего праха, я вижу ее въ лучезарномъ блескѣ, какъ новый Иерусалимъ! О мой дорогой сынъ, мой обожаемый король! съ какимъ восторгомъ я буду видѣть въ васъ предметъ удивленія для цѣлой Европы!»

Въ Петербургѣ также сильно радовались; императрица писала Панину: «Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали. Сей случай наивышше умножаетъ къ вамъ мою довѣренность, понеже я вижу, сколь безошибочны были всѣ вами взятые мѣры». Дѣйствительно, авторитетъ Панина съ этихъ поръ является во всей силѣ. Ведя также переписку съ Жофрэнъ, Екатерина писала ей по поводу избранія Понятовскаго: «Поздравляю васъ съ возвышеніемъ вашего сына; я не знаю, какъ онъ сдѣлался королемъ, но конечно на то была воля Провидѣнія, и больше всего

надобно поздравлять съ этимъ его королевство; у Поляковъ не было человѣка, который бы сдѣлалъ ихъ болѣе счастливыми по-человѣчески; говорятъ, что сынъ вашъ ведетъ себя отлично, и я этому очень рада; направлять его на путь истинный въ случаѣ нужды предоставляю вашей материнской нѣжности». Жофрэнъ, въ перенискѣ своей съ дорогимъ сыномъ, разумѣется не могла не касаться отношеній его къ «далекимъ странамъ» и къ ихъ властителямъ. Мы уже упоминали о сильно распространившихся за границу слухахъ на счетъ брака Понятовскаго съ Екатериною. Жофрэнъ писала новому польскому королю по этому поводу: «У нея (Екатерины) много дѣла, и надобно много времени, чтобъ передѣлать все это дѣло. Я утверждала, что вы съ нею не видались (во время поѣздки Екатерины въ Лифляндію), я утверждаю, что вы на ней не женитесь, о чемъ многіе говорили съ неудовольствіемъ. Вотъ какъ объясняли дѣло: она вовсе не крѣпко держится на престолѣ; она уступитъ его сыну, а сама выйдетъ замужъ за короля польскаго».

Для Понятовскаго дѣло шло не о бракѣ, а объ опредѣленіи отношеній къ государынѣ, которая возвела его на престолъ. Съ первой же минуты избранія онъ уже разрознивалъ свои интересы съ ея интересами, заискивая дружбы двора, самаго враждебнаго Россіи. Въ томъ же письмѣ, гдѣ онъ описывалъ Жофрэнъ свое избраніе, онъ говорилъ: «Я сильно нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ относительно дѣла, котораго я желаю всего болѣе и конечно болѣе, чѣмъ вы думаете: это дружба французскаго короля. Если только во Франціи захотятъ быть со мною въ добрыхъ отношеніяхъ, то я обещаю вамъ, что съ удовольствіемъ пойду на встрѣчу и сдѣлаю половину дороги». Это относительно вѣшной политики; относительно же внутренней разрозненности интересовъ была еще рѣзче. Когда чадъ, произведенный счастіемъ избранія, прошелъ, и онъ очутился лицомъ къ лицу съ затруднительностію своего положенія, съ препятствіями, которыя стояли на дорогѣ осуществленію плановъ преобразованія Польши, усиленію королевской власти, то Станиславъ писалъ своей маменькѣ Жофрэнъ: «Ахъ, я знаю хорошо, что я долженъ дѣлать, но это ужасно! Терпѣніе, осторожность, мужество! в еще: терпѣніе и осторожность! вотъ мой девизъ». Объ Екатеринѣ онъ писалъ: «Тамъ очень умны, тамъ. Но ужь очень гоняются за

умомъ. Это металлъ самый дорогой, но для обработки его нужна искусная рука, руководимая добрымъ сердцемъ. Нѣкогда были въ этомъ согласны; а теперь судьба и, быть можетъ, вкусъ перемѣнили многое!»

Что же заставило Понятовскаго думать, что *тамъ* умъ не руководится болѣе добрымъ сердцемъ?

Кейзерлингъ не долго пережилъ избраніе Понятовскаго: еще въ началѣ августа Репнинъ увѣдомилъ Паница, что посольствъ очень боленъ, а 19 сентября Кейзерлингъ умеръ. Въ министерской суммѣ послѣ покойнаго осталось 85,566 червонныхъ: ихъ Репнинъ хотѣлъ употребить на уплату тѣмъ лицамъ, которымъ было обѣщано: 3,000 червонныхъ на мѣсяцъ воеводѣ русскому, 300 червонныхъ на содержаніе солдатъ Огинскаго; 1,200 червонныхъ на мѣсяцъ королю для перваго его обзаведенія и содержанія до конца коронаціоннаго сейма, ибо прежде онъ не могъ получить никакихъ доходовъ. Кромѣ того нужно было доплатить примасу 17,000 червонныхъ въ число обѣщанныхъ ему 80,000 рублей, да канцлеру его 4,000 червонныхъ.

Императрица, кромѣ означенныхъ выше денегъ, по «особливому своему благоволенію и дружбѣ», подарила Понятовскому на первый случай для учрежденія дома 100,000 червонныхъ. Бѣдный король за всѣ благодѣянія и подарки могъ отправить своей благодѣтельницѣ только ящикъ трюфлей; но мы знаемъ, чего отъ него желали въ благодарность за корону. Репнинъ повелѣлъ немедленно дѣло о новомъ договорѣ между Россією и Польшею; но Поляки, зная, что новый договоръ будетъ для нихъ невыгоденъ, сильно противились его заключенію. Россія хотѣла гарантировать настоящее состояніе республики: Поляки этого боялись, представляя, что по праву гарантіи Россія будетъ вмѣшиваться во всѣ ихъ дѣла.

Но самымъ труднымъ дѣломъ было диссидентское. Екатерина не могла его откладывать. Еще въ 1762 году Георгій Конискій объявилъ синоду, что *мессіонары* сажаютъ въ тюрьму и грабятъ тѣхъ, которые не хотятъ отстать отъ благочестія; что, по словамъ одного плебана, папа писалъ къ королю и канцлеру литовскому, чтобъ впредь православнымъ епископамъ привилегій не давать, а настоящаго епископа плетями выгонимъ; положили письма его, Конискаго, перехватывать. Поэтому ему возвращаться

въ Могилевъ опасно и для тамошней церкви бесполезно; просилъ отрѣшить его отъ епархіи и опредѣлить на безмолвное житіе въ монастырь съ пропитаніемъ, потому что онъ, повреда въ бытность свою въ Бѣлоруссіи слухъ и зрѣніе, страдаетъ частыми головными болями. Въ февралѣ 1763 года синодъ поднесъ императрицѣ докладъ съ прошеніемъ о защитѣ въ Польшѣ благочестія, представляя, что Конискому ѣхать туда крайне опасно, и вообще православному епископу править тамошнею епархією нельзя, пока не будетъ употреблено особливаго ея императорскаго величества защищенія. Когда рѣшеніе на докладъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, замедлилось, синодъ вошелъ съ новымъ докладомъ, что Конискій пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и проситъ о рѣшеніи его дѣла. Жалобы шли не отъ одного Конискаго: кіевскій митрополитъ Арсеній писалъ, что трембовльскій староста Потоцкій отнялъ у православныхъ четыре церкви и передалъ уніатамъ; въ Пинскѣ отнято было у православныхъ 14 церквей. Въ слѣдствіе этого 5 апрѣля 1764 года Кейзерлингъ и Ревнинъ получили такой рескриптъ императрицы: «Излишно описывать здѣсь извѣстное вамъ самимъ дѣло утѣсненія въ Польшѣ нашихъ единовѣрныхъ и прочихъ диссидентовъ. Кто не вѣдаетъ, что одни и другіе равно подвержены гоненію римскаго духовенства, которое не только безъ остатка почти похитило всѣ имъ законами и многими привилегіями дозволенные епархіи, монастыри и церкви, но и до того еще властію и пронырствомъ своимъ довело, что знатная часть согражданъ такъ сказать изъ сообщества отринуты за то одно, что исповѣдуютъ законъ другой. Но пока еще сіе зло вовсе не окоренится, то дабы нынѣшній междуцарствія случай не упуститъ втунѣ, повелѣваемъ мы вамъ на основаніи даннаго вамъ обобщаго общаго нашего наставленія, какъ нынѣ при сеймѣ конвокаціи, такъ и впредь при сеймѣ коронаціи, употребить всевозможное стараніе ваше, дабы какъ собственные наши единовѣрные, такъ и прочіе диссиденты, обязанные между собою ко взаимной оборонѣ формальнымъ актомъ 1599 года, во всѣ прежнія свои права и преимущества точнымъ и яснымъ закономъ возстановлены, да и для переду какъ въ персонахъ и имѣніяхъ своихъ, такъ и въ принадлежащихъ имъ епархіяхъ, монастыряхъ и церквахъ отъ всякихъ нападковъ римскаго духовенства

охранены, и прежде отнятыя, сколько возможно, имъ возвращены были. Въ произведеніи сего намѣренія въ дѣйство, полагаемъ мы на искусство ваше и лучшее на мѣстѣ усмотрѣніе удобныхъ обстоятельствъ, между которыми изъ лучшихъ полагаемъ мы случай благонамѣренной конфедераціи, если такая воспослѣдуетъ, ибо тогда гораздо легче будетъ преодолѣть въ одной части дворянства слѣпое духовенству порабощеніе и ненависть къ людямъ, кои не одинакого съ ними исповѣданія.

17 октября Екатерина писала Репнину: «Мнѣ остается рекомендовать вамъ всего болѣе два дѣла: дѣло о диссидентахъ и дѣло о границахъ; моя слава заинтересована въ обоихъ, помните это, оба дѣла въ вашихъ рукахъ, дѣйствуйте согласно съ указами и инструкціями». Слова: *«помните это»* должны были приводить въ отчаяніе Репнина.

Диссидентское дѣло, по его отзывамъ, было трудно въ слѣдствіе народнаго энтузіазма. «Привести ихъ (диссидентовъ) въ полное равенство съ католиками считаю невозможнымъ безъ насилія, доносилъ посоль; надѣюсь доставить имъ только свободное исповѣданіе вѣры и право получать староства не судебныя». — «Само собою разумѣется, писалъ ему Панинъ, что говоря о диссидентахъ, надобно всегда предпочтительно упоминать о нашихъ единовѣрцахъ. Кромѣ общихъ имъ съ другими диссидентами претензій, имѣютъ они еще собственные жалобы, которыя не меньше заслуживаютъ справедливаго разсмотрѣнія. Не думаю я, да и думать почти нельзя, чтобъ можно было въ одинъ разъ возвратить диссидентамъ все то, чего они лишились; но довольно, когда они въ нѣкоторое равенство правъ и преимуществъ республики приведены и отъ новаго гоненія совершенно охранены будутъ, дабы, въ противномъ случаѣ, продолженіемъ прежняго утѣсненія не могли они, и въ томъ числѣ и наши единовѣрцы, къ невозвратному ущербу государственныхъ нашихъ интересовъ, вовсе искоренены быть. Нѣтъ нужды распространяться здѣсь, сколь много польза и честь отечества нашего, а особливо персональная ея императорскаго величества слава заинтересованы въ доставленіи диссидентамъ справедливаго удовлетворенія. Для приклоненія къ тому короля и всѣхъ способствовать могущихъ магнатовъ довольно уже и кромѣ формальныхъ трактатами опредѣленныхъ обязательствъ представ-

лять имъ въ убѣжденіе, что когда ея императорское в—ство для пользы республики не жалѣла ни трудовъ, ни денегъ, дабы ея, въ толь смущенное и критическое время, каковы для нея бывали обыкновенно прежнія междуцарствія, сохранить отъ безпокойствъ, гражданскаго нестроенія и другихъ съ онымъ неразлучно соединенныхъ бѣдствій безъ всякой для себя изъ того корысти, то коль справедливо она можетъ требовать и ожидать отъ благодарности королевской и всея республики, чтобъ правосудное и столь къ персональной ея в—ства славъ, сколько къ собственной чести нынѣшняго польскаго вѣка служащее представительство и заступленіе ея возымѣло дѣйствіе свое въ пользу нѣкоторой части ихъ согражданъ, кои вопреки торжественнымъ трактатамъ, собственнымъ польскимъ фундаментальнымъ законамъ, общей вольности вольнаго народа и множеству королевскихъ привилегій, невинно страдаютъ подъ игомъ порабощенія за одно исповѣданіе другихъ признанныхъ христіанскихъ религій, въ коихъ они рождены и воспитаны. Къ симъ представленіямъ можетъ ваше с—ство присовокупить всѣ тѣ, кои вы сами за приличныя почести изволите, отзываясь въ случаѣ крайности, т. е. когда всѣ другія средства втунѣ истощены будутъ, что и то имъ предостерегать должно, дабы ея императорское в—ство, увидя къ заступленію своему въ справедливомъ дѣлѣ столь малое со стороны республики уваженіе, не нашлась на послѣдокъ отъ ихъ дальняго упорства приневоленною одержать нѣкоторыми вынужденными способами то, чего она отъ признанія знатнаго имъ своего благодаренія и дружбы иначе достигнуть не могла, и чтобъ для того ея в—ство не указала далѣе оставить въ земляхъ ея (т. е. республики) тѣ самыя войска, кои по сю пору столь охотно и съ такимъ знатнымъ иждивеніемъ употребляемы были для единой пользы и службы республики, которая долженствовала бы сама собою чувствовать, что утѣсеніемъ одной части согражданъ уничтожается общая ея вольность и равенство. При вынужденномъ иногда употребленіи сей угрозы надобно будетъ вашему с—ству согласовать съ вами и самое дѣло, и сходно съ тѣмъ учреждать и дальнѣйшее войскъ нашихъ въ Польшѣ пребываніе, дабы по крайней мѣрѣ страхомъ вырвать у Поляковъ то, чего отъ нихъ ласкою добыться не можно было».

Для Россіи главнымъ дѣломъ было диссидентское; для короля и *фамиліи*—преобразованія. Хотѣли немедленно же, на коронаціонномъ сеймѣ провести два важныхъ преобразованія: ввести на сеймикахъ большинство голосовъ, а на сеймѣ каждое отдѣльное дѣло должно было пока рѣшаться единогласіемъ, но какъ скоро нѣсколько дѣлъ рѣшено такимъ образомъ, то протестъ одного депутата относительно одного какого-нибудь дѣла, дѣйствительный относительно послѣдняго, не срываетъ сейма, т. е. не уничтожаетъ всѣхъ другихъ его рѣшеній, что начали означать выраженіемъ: *liberum iuspro*.

Но для проведенія этихъ преобразованій нужно было согласіе сосѣднихъ дворовъ, преимущественно русскаго, и Станиславъ-Августъ вздумалъ увѣрять Екатерину, что преобразованія необходимы для успѣха диссидентскаго дѣла. «Я не распространяюсь въ изъявленіяхъ благодарности, писалъ король императрицѣ (4 ноября): вы не этого желаете. Вы слишкомъ велики для этого, и притомъ было бы трудно уравнивать слова съ чувствомъ. Но я обращаюсь къ хорошо извѣстному вамъ характеру моему. Вы знаете, какую власть имѣеть надо мною благодарность, а благодарность моя къ вамъ чрезмѣрна, она равняется моей преданности. Вы можете смѣло сказать самой себѣ: «Мой лучший, мой самый вѣрный другъ теперь король, онъ привязанъ ко мнѣ честностію и личною склонностію столько же, сколько интересомъ». Къ счастью ваши добродѣтели и ваше благородное безкорыстіе позволяютъ мнѣ воздать должное вамъ и моему государству. Вы желаете, чтобъ Польша была свободна; я желаю того же и съ этою цѣлію я хочу спасти ее изъ бездны безпорядка, который въ ней царствуетъ. Большому числу ревностныхъ патріотовъ до того наскучила анархія, что они начинаютъ довольно громко говорить, что предпочтутъ абсолютную монархію постыднымъ злоупотребленіямъ своеволія, если невозможно достигнуть болѣе правильной свободы. Я хочу предохранить ихъ отъ этого отчаянія. Но единственное средство для этого сеймовыя преобразованія. Диссиденты составляютъ часть гражданъ, надъ которыми, по вашему желанію, я царствую. Такъ какъ ваше величество сильно занимаетъ ихъ судьба, то это заставляетъ меня дѣйствовать въ ихъ пользу предъ католическою націею, слишкомъ ревнивою быть можетъ относительно извѣст-

ныхъ преимуществъ. Но для успѣха въ этомъ дѣлѣ, какъ вездѣ, нужно болѣе порядка на сеймѣ, а этого нельзя достигнуть безъ исправленія нашихъ сеймиковъ. Здѣсь замѣшанъ собственный интересъ вашего величества.

Но «тамъ были очень умны, тамъ», хотя еще и руководились добрымъ сердцемъ: королю было внушено, что преобразованія преждевременны. Станиславъ-Августъ повиновался и писалъ (13 декабря): «Смѣю думать, что ваше императорское величество видите самое сильное доказательство моего безпредѣльнаго къ вамъ уваженія въ жертвѣ, какую я принесъ вамъ на сеймѣ: я пожертвовалъ тѣмъ, что всего болѣе лежало у меня на сердцѣ. Большинство голосовъ на сеймикахъ и уничтоженіе *liberum veto* суть предметы самыхъ пламенныхъ моихъ желаній. Вы пожелали, чтобъ этого еще не было—и это не было даже предложено. Считаю себя въ правѣ думать, что мое поведеніе расположить ваше величество благопріятно отнестись къ дѣлу въ будущемъ. Желаніе сдѣлать вамъ угодное и мое собственное расположеніе заставляли меня сдѣлать для диссидентовъ то, чего вы для нихъ требовали. Вашъ посоль увѣдомить васъ, какой результатъ произведенъ былъ фанатическимъ крикомъ. Ожесточеніе въ сенатѣ дошло до того, что хотѣли принести въ жертву самого примаса, какъ онъ смѣлъ сдѣлать легкое упоминеніе объ этомъ дѣлѣ. Отъ высокой справедливости вашего величества я ожидаю признанія, что я не могъ и не долженъ былъ рисковать болѣе послѣ этого опыта».

Посоль увѣдомилъ о печальномъ для него исходѣ сейма, особенно по диссидентскому дѣлу.

6-го декабря Репнинъ писалъ: «Диссиденты одни болѣе меня въ оскорбленіе приводятъ; ласку и угрозы въ пользу ихъ употреблялъ, только по сихъ поръ признаюсь, что мало надежды имѣю, и антузіазмъ такъ великъ, что ни резоны, ни страхъ никакого дѣйствія не дѣлають». Послѣ этого грустнаго предисловія 13 декабря Репнинъ доносилъ: «Хотя не актомъ, но конституціей сего сейма подтвержденіе трактата 1686 года сдѣлано, пограничная коммиссія и негоціація объ новой аліанціи опредѣлены, положа основаніемъ новымъ обязательствамъ взаимную гарантію владѣній обѣихъ державъ и правъ, привилегій и вольности республики. Знаю я, что сія гарантія совершенно теперь

не исполнена (т. е. постановленіе о ней не приведено къ совершенному окончанію), однакожь при будущемъ новомъ трактатѣ отказать уже и Поляки не могутъ, какъ вещь повелѣнную и требованную отъ нихъ же цѣлымъ сеймомъ. Сія конституція столь же тверда, какъ бы и актъ, который мнѣ былъ предписанъ (императрицею), и касаясь до чужестранной державы, нарушена быть отнюдь не можетъ. Главныя же причины въ несоглашеніи ихъ на актъ я вижу тѣ, чтобы гарантія совѣмъ уже совершилась, а имъ можетъ быть хочется чрезъ нее выиграть тѣ въ сеймикахъ и въ сеймахъ учрежденія, объ которыхъ они уже просили; а другое, не хотя ту гарантію отъ прусскаго короля принять, ни рѣшительно сказать, что съ нимъ въ альянціи войдутъ, которое я въ актъ внести хотѣлъ: они же всё безъ изытія къ нему довѣренности никакой не имѣютъ, и я, сколько могу, то испровергаю, но по сихъ поръ вижу, что напрасно. Если я не совѣмъ въ точности исполнилъ высочайшія повелѣнія, то истинно отъ самой невозможности; и сіе сдѣлано отъ страху, чтобъ войска здѣсь не остались: конституція жъ сія до тѣхъ же желанныхъ предметовъ довести можетъ, какъ и актъ. При семъ долженъ я справедливость отдать королю, что онъ совершенно преданъ всемилостивѣйшей государынѣ и дѣла ея нелицемѣрно за свои считаетъ. Я принужденъ былъ для успѣху во всѣхъ дѣлахъ сказать партикулярно королю и нѣкоторымъ магнатамъ также въ конфиденцію, что мнѣ не велѣно войскъ выводить, пока дѣло нашего двора не кончутъ, не выключая и диссидентовъ: какъ же я видѣлъ, что сіе послѣднее ни страхомъ ни увѣщаніемъ не дѣлалось, то хотѣлъ въ націи возбудить благодарность, дабы хоть тѣмъ къ желаемому концу дойти, и въ слѣдствіе чего согласился на королевское желаніе, чтобы онъ объявилъ въ публичку, что войска наши назадъ идутъ, но и тѣмъ для диссидентовъ ничего сдѣлать не могъ; головой ихъ дѣло, представленное въ тотъ же день, и выслушать не хотѣли, и сдѣлался такой шумъ, что, позабывъ почтеніе къ королю, съ мѣстъ своихъ всё повскакали, и хотѣли, чтобъ имъ выставили того, кто осмѣлился въ пользу диссидентовъ прожектъ сдѣлать и отдать маршалу сейма. Король, примасъ и малая часть разсудительныхъ людей, которые тутъ были, не смѣли, видя ту неуѣренность, ни одинъ слова промолвить; и хотя

проектъ былъ отданъ маршалу отъ короля и примаса, но боясь въ томъ признаться, для прекращенія того приступу, сказали, что отъ чужестранныхъ министровъ тотъ проектъ присланъ, чѣмъ подлинно то шумное выисканіе прекратили, никто не смѣя болѣе противъ сего говорить: но однакоже прочесть не дозволили, крича все какъ бѣшаные, что уже диссидентовъ состоянію рѣшено прошедшими сеймами и перемѣны никакой не сдѣлають; и тотъ безобразный крикъ прежде не кончился, поколь совѣтъ матеріи не принудили перемѣнить. Въ тотъ же день поутру прежде сего представленія, видя нерѣшимость и почти робость королевскую, подалъ я еще меморіаль объ диссидентахъ, что также сдѣлали прусской, дацкой и англинской резиденты, дабы тѣмъ побудить оное дѣло трактовать; но король въ полдень мнѣ далъ знать, чтобъ лучше сократить оный въ генеральныхъ терминахъ; яжъ, не видя въ томъ пользы, къ нему биллетомъ въ той силѣ и отозвался, настоя, чтобъ конечно вышепомянутый проектъ предъявленъ былъ, и для выигранія еще времени, чтобъ сеймъ хотя на два дни продолжили; на что онъ мнѣ отвѣчалъ также биллетомъ, прося однакоже, чтобъ никому то извѣстно не было, кромѣ ея величества; а я и на оный биллетъ тоже ему донесъ, что не могу отступить отъ своихъ требованій, почему и было представлено дѣло, какъ ужъ выше описалъ. Я жъ былъ въ то время нарочно неподалеку сената, имѣлъ тамъ своихъ шпионовъ, которые тотчасъ меня о всемъ томъ увѣдомили, почему въ тотъ же моментъ цыдулку написалъ къ князю Адаму Чарторыйскому, что хотя король и объявилъ націи что войска наши выдутъ, но онъ зналъ, что мнѣ того сдѣлать нельзя, если диссидентское дѣло не прослушаютъ и не рѣшатъ. Сіе дошедши до короля, привело его въ тревогу и въ новое движеніе въ пользу диссидентовъ, но самъ не смѣя говорить, велѣлъ маршалу сейма, чтобъ онъ то дѣло продолжалъ представлять, что дѣйствительно неоднократно и дѣлано, но, какъ выше доносилъ, ничто не помогло. Къ генераламъ Штофелю и Ренненкамифу я пишу, чтобъ они въ силу повелѣній ея императорскаго величества, возвращались въ свои квартиры въ Россію; а король, безпокоясь весьма, чтобъ они, какъ я сказалъ, не остались здѣсь, очень меня объ томъ возвращеніи просилъ, на которое я ему донесъ, что хотя повелѣ-

нія мнѣ данныя того не гласятъ, особливо дѣло диссидентское не имѣя никакого успѣха, однако, видя подлинное его попеченіе о дѣлахъ нашего двора, я то на себя беру, льстясь, что всемилостивѣйшая государыня оное опробуетъ, увѣренъ бывъ о подлинной его искренности и дружбѣ.—Я то едѣлалъ изъ усердія къ успѣху дѣлъ нашего высочайшаго двора, и дѣйствительно подтвержденію трактата оное очень помогло; несчастливъ только тѣмъ и истинно утѣшиться не могу, что диссидентское дѣло такъ дурно обратилось. Вижу теперь, что антузіазмъ закона (религій) опаснѣе всего на свѣтѣ и труднѣе такожь всего оной превзойти. Однако какъ исполненіе стараго трактата, такъ заключеніе новаго оставляютъ право и поводъ къ поправленію состоянія диссидентовъ, и для защищенія ихъ отъ ябедъ, сколько есть во власти короля, и къ побужденію его къ тому сію мысль весьма нужно оставить, что войска не велѣно было въ пользу ихъ выводить, подтверждая оное тѣмъ, что генерала князя Долгорукова корпусъ дѣйствительно для того жъ совѣмъ изъ земли не выводится, а-жь намѣренъ его къ виленскимъ магазейнамъ послать за чрезвычайной здѣсь дороговизной, и болѣе теперь войска здѣсь конечно не нужно.

«Вижу теперь, писалъ Рейнинъ, что антузіазмъ закона опаснѣе всего на свѣтѣ». Въ томъ же смыслѣ писалъ Станиславъ-Августъ къ своей маманъ Жофрэнъ: «Ахъ, дорогая маманъ, народныя предрасудки вещь ужасная! Я преодолѣлъ нѣкоторые изъ нихъ на этомъ сеймѣ, но былъ принужденъ оставить еще многіе, и вмѣните мнѣ это въ заслугу, потому что это мнѣ много испортило крови, но благоразуміе превозмогло. При малѣйшей попыткѣ въ пользу не католиковъ, раздавался фанатическій крикъ, противъ котораго я могъ бы бороться, но предпочелъ оказать предъ нимъ уваженіе, чтобъ поскорѣе утушить, и я проложилъ себѣ другую дорогу, болѣе длинную и потаенную, но которая проведетъ меня, подъ конецъ, къ возможности: поступать челоувѣколюбиво съ диссидентами. Больше всего имъ и мнѣ повредило то въ этомъ случаѣ, что они разсѣяли слухъ, будто я хочу сравнять ихъ совершенно съ послѣдователями господствующаго исповѣданія, чего никогда не было и не будетъ въ моей головѣ»⁴⁸.

Туча надвинулась очень быстро. Ни король, ни Реннингъ, смущенные, не хотѣли еще признавать сграшной опасности, не видали начала конца.

Связь Россіи съ Пруссією, условленная возведеніемъ на престолъ Понятовскаго, должна была скрѣпляться еще болѣе.

Генералъ Гадомскій, присланный отъ польской республики къ прусскому королю съ объявленіемъ о смерти Августа III-го, былъ нѣсколько разъ у князя Долгорукаго и передавалъ свои разговоры съ Фридрихомъ II-мъ по поводу избранія новаго короля. Фридрихъ прямо объявилъ ему, что, по его мнѣнію, гораздо полезнѣе для Поляковъ выбрать Пяста, и что онъ, король, будетъ во всемъ поступать согласно съ сдѣланными въ Варшавѣ деклараціями отъ имени русской императрицы, и такъ какъ графъ Понятовскій уже рекомендованъ ею, то онъ думаетъ, что Поляки, для собственнаго спокойствія, должны на то согласиться. Къ этому король прибавилъ, что ходящіе въ Польшѣ слухи о намѣреніи его послать туда корпусъ своихъ войскъ совершенно неосновательны и выдуманы его злодѣями, хотящими смутить умы и накинуть на него подозрѣніе; что онъ ничѣмъ не хочетъ нарушать польской вольности, только одинъ случай принудить его послать войско въ Польшу — это когда вѣнскій дворъ первый пошлетъ туда свои войска: на это онъ спокойно смотрѣть не будетъ и сдѣлаетъ то же самое. Вотъ почему онъ совѣтуетъ Полякамъ предупредить поступки вѣнскаго двора, противныя ихъ спокойствію. «Господинъ Гадомскій, доносилъ Долгорукии, кажется того же мнѣнія, что Полякамъ лучше слѣдовать представленіямъ вашего величества и короля прусскаго; онъ мнѣ сказалъ, что хотя принцъ Ксаверій саксонскій и старается скрытно о своемъ избраніи въ короли, и имѣетъ значительную партію, но Поляки предпочтутъ собственное спокойствіе интересамъ этого принца».

Въ началѣ апрѣля Долгорукии имѣлъ конференцію съ Финкенштейномъ. Прусскій министръ сказалъ ему, что нѣкоторые польскіе магнаты скрытнымъ образомъ старались уговорить графа Мерси, чтобъ онъ объявилъ кандидатомъ на польскую корону одного изъ австрійскихъ принцевъ, объявляя, что этимъ прекратятся всѣ партіи въ Польшѣ, которыхъ избѣжать нельзя, если выбрать Пяста. Мерси до сихъ поръ еще не далъ имъ ни-

какого отвѣта; король уже писалъ объ этомъ въ Петербургъ къ графу Сольмсу, для увѣдомленія императрицы; но, прибавилъ Финкенштейнъ, его величество находитъ нужнымъ отписать объ этомъ русскому резиденту въ Константинополь: вѣнскій и версальскій дворы стараются привести Порту въ сомнѣнїе относительно поступковъ петербургскаго и берлинскаго дворовъ въ Польшѣ, внушаютъ ей, будто польская вольность находится въ великой опасности; такъ русскій резидентъ могъ бы внушить Портѣ, что, напротивъ, вѣнскій дворъ старается поколебать польскую вольность, выставляя своего принца кандидатомъ, чего, какъ извѣстно, Порты терпѣть не будетъ, и, получа такое извѣстїе, меньше станетъ вѣрить внушенїямъ австрійскаго и французскаго пословъ. Долгорукій въ тотъ же день далъ объ этомъ знать Обрѣзкову въ Константинополь.

Въ своихъ письмахъ къ императрицѣ Фридрихъ II-й продолжалъ обнадеживать ее въ успѣхѣхъ польскаго дѣла: «Я хорошо знаю эту націю (польскую), писалъ король 16 февраля, и потому увѣривъ, что разбрасывая деньги кетати и употребляя прямо угрозы противъ злонамѣренныхъ, вы ихъ приведете къ желанной вами цѣли. Но мнѣ кажется, что угрозы и общїя объявленїя должно употреблять только по истощенїи всѣхъ средствъ великодушїя, всѣхъ внушенїй и совѣтовъ частныхъ, чтобъ отнять у сосѣдей всякій предлогъ вмѣшиваться въ дѣло, которое вы считаете своимъ». Фридрихъ писалъ (7 апрѣля), что Франція и Австрія будутъ мѣшать Екатеринѣ при избранїи польскаго короля только тайкомъ, интригами, а не силою; что надобно бояться одного, чтобъ они своими интригами не подняли Порту. Что же касается Поляковъ, то вступленїе русскихъ войскъ съ сильными объявленїями противъ гетмана Браницкаго и князей Радзивила и Любомирскаго укротятъ ихъ пылъ». «Большая часть Поляковъ, писалъ Фридрихъ, пусты и подлы (*vains et laches*), горды когда считаютъ себя внѣ опасности, и ползаютъ когда бѣда надъ головою, и я думаю, что не будетъ пролито крови, развѣ отрѣжутъ носъ или ухо у какого-нибудь шляхтича на сеймѣ». 12 мая король писалъ: «Поляки получили нѣкоторую сумму денегъ отъ саксонскаго двора; кто захочетъ получить ихъ, произведетъ нѣкоторый шумъ, но все и ограничится шумомъ. Ваше величество

приведете въ исполненіе свой просктъ: этотъ оракулъ вѣрнѣе Калхасова».

А между тѣмъ, узнавши, что Бенуа въ Варшавѣ, сдѣлалъ заявленіе одинакое съ русскимъ посломъ, Фридрихъ II былъ этимъ недоволенъ и велѣлъ дать знать своему министру: «Нужно было ограничиться только заявленіемъ, что король не хочетъ увеличенія своихъ владѣній на счетъ Польши, а не требовать прямо избранія Писта: хотя король и согласенъ въ этомъ отношеніи съ императрицею, но все же желалъ бы избѣжать подозрѣнія, что хочетъ вмѣшиваться въ свободные выборы».

Король былъ согласенъ съ императрицею и относительно диссидентовъ; но велѣлъ отписать Бенуа: «Дѣлайте для диссидентовъ все возможное по обстоятельствамъ, ибо не надобно рисковать спутать дѣло изъ любви къ нимъ».

Въ Берлинѣ ожидали съ нетерпѣніемъ заключенія союзнаго договора съ Россією. Сольмсъ, въ донесеніяхъ къ королю приписывалъ медленность въ заключеніи договора множеству дѣлъ и обычной медлительности русскаго двора. Наконецъ 31 марта желанный договоръ былъ подписанъ: оба государства обезпечивали взаимно европейскія владѣнія другъ друга. Въ случаѣ нападенія на одну изъ договаривающихся сторонъ употреблялись сначала добрыя услуги для прекращенія войны, въ случаѣ неуспѣшности, черезъ три мѣсяца по востребованіи, союзникъ выставляетъ 10,000 пѣхоты и 2000 кавалеріи, въ случаѣ же нужды оба государства соглашаются объ увеличеніи этого числа и о защитѣ всѣми силами. 1-я секретная статья: если нападеніе послѣдуетъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ, на Россію со стороны Турціи и Крыма, а на Пруссію за Везеромъ, то вмѣсто войска помощь можетъ быть доставлена деньгами, именно уплатою по 400,000 рублей. 2 секретная статья: союзники обязываются дѣйствовать за одно въ Швеціи для поддержанія равновѣсія между борющимися тамъ партіями; въ случаѣ опасности для существующей формы шведскаго правленія союзники соглашаются на счетъ средствъ отвратить опасное событіе. 3-я секретная статья: король гарантируетъ голштинскія владѣнія великаго князя. 4-я секретная статья: союзники обязываются не позволять перемѣны въ польской конституціи, предупреждать и уничтожать всѣ намѣренія, которыя могли бы къ этому клониться, прибѣ-

гая даже къ оружію. Статья отдѣльная: союзники обязываются покровительствовать диссидентамъ и уговаривать польскаго короля и республику возстановить ихъ въ прежнихъ правахъ; если же нельзя, то выжидая удобнаго времени, стараться, по крайней мѣрѣ, чтобъ диссиденты не подвергались притѣсненіямъ. Союзъ былъ заключенъ на 8 лѣтъ; но можно было возобновить его и прежде.

Долгорукій донесъ, что графъ Финкенштейнъ словесно объявилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ о заключеніи союзнаго договора, при чемъ не утаилъ и секретной статьи о Польшѣ; такое же устное объявленіе иностраннымъ министрамъ сдѣлано и имъ, Долгорукимъ; только одному англійскому посланнику Митчелю, съ которымъ онъ искреннѣе обходится, чѣмъ съ другими, онъ прочелъ весь договоръ и разсказалъ содержаніе секретной статьи. На этомъ донесеніи Павинъ написалъ: «За сіе Долгорукій достоинъ реприманда, по какому повелѣнію онъ смѣлъ сказать о секретной конвенціи; да и вся реляція несправна, ибо невозможно статья, чтобъ берлинскій дворъ всѣмъ чужестраннымъ министрамъ сообщилъ секретный артикуль о польскихъ дѣлахъ, потому что здѣсь согласились оный сообщить только вѣнскому и лондонскому дворамъ. «Сильный репримандъ былъ отпращенъ; но Долгорукій отвѣчалъ, что онъ не счелъ нужнымъ утаивать секретную статью отъ англійскаго посланника, когда въ Петербургѣ постановлено сообщить и лондонскому двору и ему, Долгорукову, велѣно обходиться съ Митчелемъ откровенно.

Когда австрійскій посланникъ Ридъ представилъ Фридриху II, что для успокоенія польской республики Марія Терезія желала бы публичнаго объявленія со стороны Пруссіи, что войска прусскія не будутъ введены въ Польшу прежде вступленія туда войска другой державы, король выслушалъ Рида съ неудовольствіемъ и отвѣчалъ: «Я уже сообщалъ вѣнскому двору договоръ, заключенный мною съ русскою императрицею; я теперь обязанъ поступать во всемъ согласно съ нею; императрица до сихъ поръ ничего не сдѣлала въ противность обѣщанію сохранять вольность и права польской республики; а что русскія войска теперь въ Польшѣ находятся, то это не причина къ жалобѣ; союзъ между Пруссіею и Россіею натуральный: какъ ближніе сосѣди

польской республики для собственного интереса мы должны соединиться и охранять заодно вольность и фундаментально законы Польши». Король приказалъ Финкенштейну немедленно сообщить Долгорукову объ этомъ разговорѣ съ Ридомъ для донесенія императрицѣ, и прибавить отъ его имени, что всѣ польскія безпокойства происходятъ отъ внушеній вѣнскаго двора; извѣстно, когда коронный гетманъ графъ Браницкій выѣхалъ изъ Варшавы и остановился въ трехъ миляхъ отъ этой столицы, то австрійскій посолъ графъ Мерси поѣхалъ къ нему и уговаривалъ его, чтобъ твердо держаться.

Осенью попытки новаго польскаго короля приступить къ преобразованиямъ сильно встревожили берлинскій дворъ, тѣмъ болѣе, что изъ Петербурга и Варшавы Фридрихъ II получилъ донесенія, что русскій дворъ смотритъ на эти попытки хладнокровно и даже съ поблажкою. Сольмсъ доносилъ изъ Петербурга, что польскій посланникъ графъ Ржевускій представилъ Панину мемуаръ, гдѣ просилъ согласія императрицы на ограниченіе злоупотребленія *liberum veto* въ смыслѣ *liberum veto*. Панинъ готовъ былъ уступить, представляя, что Польша, избавленная отъ сеймоваго беззарядья, поправивши свою торговлю, юстицію и полицію, можетъ быть полезнаю союзницею и замѣнить Австрію относительно Турокъ. Но Сольмсъ получилъ изъ Берлина приказъ: «сохрани васъ Богъ помогать предложенію Ржевускаго!»

Бенуа изъ Варшавы прислалъ тоже тревожныя извѣстія, что Россія смотритъ на польскія преобразованія слишкомъ легко. Репнинъ начинаетъ очень влиять на счетъ этого дѣла; и тогда только началъ серьезно на него смотрѣть, когда ему Бенуа внушилъ, какъ серьезно смотритъ на него король прусскій. Репнинъ сталъ говорить объ этомъ Станиславу-Августу, тотъ сильно огорчился и началъ говорить съ такою горячностью, какой Репнинъ никогда прежде не замѣчалъ въ немъ: «Какъ! Это наши друзья, наши союзники будутъ препятствовать тому, чтобы мы вышли изъ нашего застоя!» «Поляки, писалъ Бенуа, будутъ содѣйствовать такимъ образомъ своею собственной погибели и заставятъ своихъ сосѣдей раздробить нѣкогда Польшу, чтобы посредствомъ формы англійскаго правленія, у нихъ уста-

новленной она не сдѣлалась слишкомъ страшны при своей обширной государственной области».

Фридрихъ написалъ Екатеринѣ (30 октября): «Многіе изъ польскихъ вельможъ желаютъ уничтожить *liberum veto* и замѣнить его большинствомъ голосовъ. Это намѣреніе очень важно для всѣхъ сосѣдей Польши. Согласенъ, что намъ нечего беспокоиться при королѣ Станиславѣ; но послѣ него? Если ваше величество согласитесь на эту перемѣну, то можете раскаяться и Польша можетъ сдѣлаться государствомъ опаснымъ для своихъ сосѣдей, тогда какъ поддерживая старые законы государства, которые вы гарантировали, у васъ всегда будетъ средство производить перемѣны, когда вы найдете это нужнымъ. Чтобъ воспрепятствовать Полякамъ предаваться ихъ первому энтузіазму, всего лучше оставить у нихъ русскія войска до окончанія сейма».

Панинъ, по словамъ Сольмса, все твердилъ, что было бы слишкомъ жестоко мѣшать Полякамъ выйти изъ варварства; но на Екатерину письмо Фридриха произвело сильное впечатлѣніе и она отказала въ согласіи на преобразование. «Панинъ нахмурился, писалъ Сольмсъ, но скрылъ свою досаду; ему хотѣлось приобрести славу возстановителя Польши»⁴⁹.

Но былъ еще третій сосѣдъ Польши, который также сильно интересовался всѣмъ, что въ ней происходило.

29 января австрійскій посланникъ князь Лобковичъ заявилъ вице-канцлеру, что императрица-королева желаетъ знать, кому съ русской стороны предпочтительно прочтется корона польская, чтобъ объ этомъ заблаговременно можно было между собою согласиться; что сообщеніе объ этомъ было обѣщано, но обѣщаніе до сихъ поръ не исполнено, а сдѣланная въ Варшавѣ русскимъ и прусскимъ министрами декларація противна прежнимъ увѣреніямъ, что республикѣ будетъ предоставлено свобода избранія: исключеніе иностранныхъ принцевъ никакъ не вяжется съ этими увѣреніями. Если Россія для подкрѣпленія своего кандидата прежде избранія введетъ свои войска въ Польшу, въ такомъ случаѣ вѣнскій дворъ, по своему значенію и близкому сосѣдству, не можетъ равнодушно смотрѣть, чтобъ какая-нибудь посторонняя держава посадила въ Польшѣ короля противъ вольнаго избранія, и потому принуждена будетъ вмѣшаться въ дѣло. Въ случаѣ вольнаго избранія на польскій престолъ саксонскаго

принца, намѣрена ли императрица противиться этому силою? На конференціи 3 февраля Лобковичъ опять спрашивалъ, не будетъ ли императрица противиться избранію саксонскаго принца, ибо хотя вѣнскій дворъ и желаетъ вольнаго избранія этого принца, но не намѣренъ подкрѣплять его силою, въ надеждѣ, что императрица также не будетъ подкрѣплять силою своего кандидата; что для обузданія безпокойныхъ головъ въ Польшѣ было бы полезно, когдабъ оба императорскіе двора заблаговременно согласились поддерживать вольное избраніе. 9 февраля Лобковичъ навѣдывался о резолюціи императрицы на его предложеніе; но получилъ отъ вице-канцлера въ отвѣтъ, что резолюціи еще нѣтъ, да дѣло и не требуетъ поспѣшности.

29 марта вице-канцлеръ сообщилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ записку, въ которой русскій дворъ объявлялъ, что въ слѣдствіе большихъ безпорядковъ въ Польшѣ и насилій короннаго гетмана графа Браницкаго, также виленскаго воеводы князя Радзивила и сообщниковъ ихъ, императрица можетъ быть, противъ своего желанія, найдется вынужденною ввести часть своихъ войскъ въ земли республики для защиты благонамѣренныхъ патріотовъ и сохраненія спокойствія въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. Лобковичъ замѣтилъ, что онъ ни о какихъ насиліяхъ гетмана Браницкаго не знаетъ, что же касается до князя Радзивила, то онъ не такъ виноватъ, какъ объ немъ говорится въ русской запискѣ; вообще жъ ему, послу, очень прискорбно, что Россія въ польскихъ дѣлахъ не ограничивается одними желаніями, и онъ, зная миролюбивыя расположенія своего двора, боится нарушенія драгоцѣннаго покоя. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что насчетъ насилій Браницкаго и сумасбродныхъ поступковъ Радзивила не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; что же касается намѣреній русскаго двора, то они остаются прежнія и заключаются въ защитѣ вольности и законовъ польскихъ и въ недопущеніи, чтобъ въ Польшѣ какъ-нибудь возбуждены были внутреннія неурядица; если, слѣдуя этимъ правиламъ, Россія будетъ принуждена употребить и войско, то сдѣлаетъ она это конечно не по охотѣ, а будучи побуждена существеннѣйшими своими интересами, которые перевѣшиваютъ интересы всѣхъ другихъ дворовъ.

На сеймикѣ въ Грауденцѣ (въ прусской провинціи) явилось войско Браницкаго, чтобъ дать торжество своей сторонѣ; но этому помѣшало русское войско, охранявшее тамъ магазины. Партія Чарторыйскихъ оправдывала поступокъ русскаго войска; противная партія кричала противъ вмѣшательства иностранной силы. 5 апрѣля Лобковичъ жаловался на это вмѣшательство; онъ говорилъ, что протестъ Поляковъ противъ него ничѣмъ оспоренъ быть не можетъ, и это присутствіе русскаго войска разумѣется нарушаетъ въ означенномъ мѣстѣ польскую вольность. Вице-канцлеръ возражалъ, что русскія войска, выступившія уже изъ Грауденца, принуждены были возвратиться туда для защиты магазиновъ, могшихъ потерпѣть среди народнаго безпорядка; Лобковичъ основывается на протестѣ одной стороны, но надобно, чтобъ онъ прочелъ манифестъ и другой, подписанный 270 лицами, тогда какъ протестъ подписанъ только 220-ю; что корпусъ генераль-майора Хомутова не нарочно приведенъ былъ въ Грауденцъ, а находился тамъ уже нѣсколько лѣтъ; что когда русская армія дѣйствовала въ пользу императрицы - королевы, то вѣнскій дворъ не жаловался на нарушеніе польской вольности отъ присутствія русскаго войска. Лобковичъ отвѣчалъ, что хотя онъ и не видалъ манифеста другой партіи, однако сомнѣвается, чтобъ онъ былъ также основателемъ какъ протестъ первой; что не его дѣло говорить о прошедшемъ, а главное онъ опасается, чтобъ русскіе магазины не появились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде совѣмъ не было. На докладѣ объ этой конференціи Екатерина написала: «При сочиненіи отвѣта князю Лобковичу не худо дать имъ примѣтить, что здѣсь весьма странно кажется, что при всякомъ случаѣ насъ въ допросъ ведутъ».

Въ Вѣнѣ Кауницъ точно также говорилъ князю Голицыну, что австрійскому двору вовсе неизвѣстно о выставляемыхъ русскимъ дворомъ насильственныхъ поступкахъ Браницкаго и другихъ Поляковъ; но извѣстно о вступленіи въ Польшу значительнаго корпуса русскихъ войскъ. «Намѣреніе мое было, писалъ Голицынъ, посредствомъ разговора съ княземъ Кауницомъ извѣдать мысли здѣшняго двора по польскимъ дѣламъ, но ни мало не оказалъ онъ къ тому податливости. Я отъ здѣшняго мнѣ-

стерства не ожидаю теперь никакой откровенности, когда одной по сіе время не оказалось».

Всего страннѣе было это раздражающее «ведение въ допросъ», при твердомъ рѣшеніи вѣнскаго двора ни подь какимъ видомъ не начинать войны изъ-за Польши. Марія Терезія говорила по поводу этой страны, что дрожить при малѣйшей искрѣ отъ страха, что изъ искры произойдетъ пламя. Относительно претензій принца Ксаверія Саксонскаго на польскій престолъ Марія Терезія сказала: «При настоящемъ положеніи моихъ финансовъ я могу дать ему только 100,000 гульденовъ — плохая помощь! О посылкѣ же войска въ Польшу я не смѣю и думать, потому что это можетъ вовлечь меня въ новую войну, тогда какъ я страдаю еще отъ ранъ, нанесенныхъ послѣднею войною»⁵⁰.

Точно также странно должно было казаться въ Петербургѣ и поведеніе Франціи, которая при всякомъ случаѣ «вела въ допросъ» безъ рѣшимости противодѣйствовать видамъ Россіи. Людовикъ XV въ началѣ года писалъ: «Наши послѣднія письма изъ Вѣны ясно говорятъ, что тамошній дворъ не дастъ ни войска, ни денегъ принцу Ксаверію, но общаетъ ему всѣ добрыя услуги и уговариваетъ его представиться кандидатомъ (на польскій престолъ). При такихъ обстоятельствахъ всѣ деньги, которыя мы дадимъ, будутъ потеряны, а у насъ нѣтъ столько денегъ, чтобъ ихъ бросать. Думаю, что Испанія взглянетъ на дѣло точно также».

3 февраля французскій повѣренный въ дѣлахъ Беранже говорилъ вице-канцлеру князю Голицыну, что всякая посторонняя держава имѣетъ право подкрѣплять кандидата своего, не исключая однако самовластно всѣхъ другихъ, вопреки польской вольности. Потомъ 1 марта говорилъ, что исключеніе Россією саксонскихъ принцевъ противорѣчитъ самимъ русскимъ деклараціямъ о сохраненіи вольности и правъ республики. Князь Голицынъ отвѣчалъ, что Россія конечно больше, чѣмъ его дворъ, имѣетъ интереса заботиться о ненарушимости польской конституціи, и рекомендуетъ Пяста именно потому, что большая и здравая часть народа этого желаетъ. Когда 29 марта вице-канцлеръ сообщилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ записку о возможности вступленія русскихъ войскъ въ Польшу въ слѣдствіе насилій Браницкаго и Радзивила, то Беранже началъ было на

всякій пунктъ записки дѣлать свои разсужденія и вопросы; но князь Голицынъ сказалъ ему, что онъ можетъ довольствоваться тѣмъ, что находится въ запискѣ, и повторилъ, что интересы Франціи относительно Польши и ея вольности никакъ не могутъ равняться съ русскими. Въ Версали герцогъ Пралэнъ говорилъ русскому министру, князю Дмитрію Алексѣевичу Голицыну, какъ бы желательно было, чтобъ Россія не вмѣшивалась въ польскія дѣла, распродала бы свои магазины въ Польшѣ и вывела оттуда свои войска, и такимъ образомъ отняла бы у Поляковъ всякій предлогъ къ жалобамъ. Противъ этого мѣста донесенія Голицына Панинъ замѣтилъ: «А между тѣмъ сеймъ отложить, чего въ Польшѣ и домогаются, чтобъ нашу партію тамъ поставить безъ защиты и Браницкому съ войсками все форсировать.»

Тогда же Пралэнъ говорилъ Голицыну, что ихъ очень тревожитъ слухъ, будто императрица велѣла приблизить къ польскимъ границамъ значительное число войска, и дружески признался, что если, сверхъ ожиданія, вольность и права польской республики будутъ нарушены и она формально потребуетъ помощи у Франціи, то послѣдняя найдется въ очень затруднительномъ положеніи. Въ концѣ апрѣля Пралэнъ, передавая Голицыну извѣстіе о вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу, выражалъ объ этомъ свое сожалѣніе, во первыхъ, потому, что по законамъ польскимъ нельзя выбрать короля, пока чужестранныя войска находятся въ предѣлахъ республики; во вторыхъ, сама императрица объявила, что не допуститъ вторженія иностранныхъ войскъ въ Польшу; въ третьихъ, не малая часть Поляковъ приносятъ теперь христіаннѣйшему величеству жалобы, представляя, что русская императрица, исключая иностранныхъ кандидатовъ и вводя свои войска въ Польшу, нарушила ихъ права, и требуютъ помощи отъ Франціи. Насилія графа Браницкаго и князя Радзивила, дающія поводъ ко вступленію русскихъ войскъ, на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ велики или, лучше сказать, ихъ и вовсе нѣтъ; но враги увеличиваютъ ихъ въ глазахъ императрицы, чтобъ лишить этихъ вельможъ ея покровительства; по смерти королевской Браницкій ни мало не умножилъ число войскъ коронныхъ; очень было бы желательно, чтобъ императрица, оставя Поляковъ раздѣлываться другъ съ другомъ какъ хотять, велѣла вывести свои войска изъ Польши; въ этомъ случаѣ Франція

дасть торжественное обѣщаніе не только ни подъ какимъ видомъ не мѣшаться въ польскія дѣла, но и ни копѣйки денегъ туда не посылать.—На полѣ противъ этого мѣста донесенія Голицына было замѣчено: «Слѣдовательно теперь дають и видягъ, что безъ успѣха».

Праланъ, въ дружеской откровенности признавался Голицыну, что польскія требованія помощи крайне его затрудняютъ и онъ не знаетъ что дѣлать. Голицынъ писалъ по этому поводу своему двору: «Я легко вѣрю, что польскія требованія затрудняютъ здѣшній дворъ, не столько вслѣдствіе нежеланія его вмѣшиваться въ польскія дѣла, сколько въ слѣдствіе внутренняго плохого состоянія государства. Впрочемъ поступки свои онъ будетъ распорядитъ, смотря на австрійскій дворъ, который болѣе принимаетъ участіе въ польскихъ дѣлахъ, чѣмъ здѣшній.» На это Панинъ замѣтилъ: «Конечно правда!»

13 мая Голицынъ донесъ, что французскій посолъ въ Варшавѣ, маркизъ де Поми представилъ своему двору, что слабое его стараніе въ пользу польской республики и слабая защита французскихъ сторонниковъ, производятъ большой ропотъ и унижаютъ достоинство Франціи. Дворъ принялъ это въ уваженіе и послалъ Поми отзывныя грамоты; но Поми, отъѣзжая, долженъ былъ объявить, что такъ какъ республика теперь въ волненіи и въ ней находятся чужестранныя войска, то король считаетъ нужнымъ отозвать своего министра до возстановленія спокойствія. Голицынъ писалъ: «Здѣшнія обстоятельства относительно Польши дѣйствительно странны и очень тягостны для министерства. Король и Шуазели никакъ не намѣрены мѣшаться въ польскія дѣла, что на этихъ дняхъ вновь объявлено австрійскому послу, особенно не имѣя надежды на успѣхъ по невозможности употребить много денегъ или послать войско. Но дофинъ и дофина требуютъ послѣдняго и приписываютъ равнодушіе Франціи недоброжелательству Шуазелей.»

По дальнѣйшимъ извѣстіямъ Голицына во Франціи сильно желали окончанія польскаго междуцарствія, и больше всего боялись, чтобъ не было двойнаго избранія, ибо тогда Франція нашлась бы въ затруднительномъ положеніи: помочь противной Чарторыйскимъ партіи нѣтъ средствъ, а не помочь — значитъ потерять въ Польшѣ все значеніе. Наконецъ пришло извѣстіе

объ избраніи Станислава Понятовскаго, и французская королева стала толковать съ отцемъ своимъ Станиславомъ Лещинскимъ, какъ бы сдѣлать, чтобъ новый король назывался Станиславомъ вторымъ, для указанія на королевскія права Станислава перваго (Лещинскаго), а если этого нельзя, то назвался бы Станиславомъ Августомъ ⁵¹.

Непосредственно Франція не имѣла средствъ противодействовать видамъ Россіи въ Польшѣ; но изъ Константинополя приходили извѣстія, что тамъ французскій посоль не остается въ бездѣйствіи. 4 января Порты прислала Обрѣзкову письменный отзывъ, гдѣ говорилось, что она сама не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ польскія дѣла, ни въ вольное избраніе короля изъ Пястовъ, и желаетъ, чтобъ и другія сосѣдственныя державы поступали такимъ же образомъ; но получено извѣстіе, будто Россія, согласясь съ королемъ прусскимъ, намѣрена силою принудить Поляковъ выбрать себѣ въ короли графа Понятовскаго, и хотя это извѣстіе и невѣроятно, однако Порты спрашиваетъ, не можетъ ли посланникъ дать какое-нибудь объясненіе. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что этому извѣстію нельзя подавать никакой вѣры; прусскій посланникъ Рексинъ подалъ записку такого же содержанія. Въ концѣ февраля Обрѣзковъ доносилъ, что французскій король, видя согласіе Порты на избраніе Пяста, нашелъ способъ подѣйствовать на султана посредствомъ одного неаполитанскаго доктора, служащаго въ женскомъ отдѣленіи сераля и имѣющаго свободный доступъ къ султану. Благодаря этому неаполитанскому доктору, 7 февраля явился къ Обрѣзкову переводчикъ Порты по повелѣнію султана съ вопросомъ, въ какомъ положеніи находятся польскія дѣла и какая по нимъ окончательная резолюція императрицы. Когда Обрѣзковъ спросилъ, что за причина такого неожиданнаго вопроса, то переводчикъ, въ крайнемъ секретѣ, открылъ, что султанъ перемѣнилъ свои мысли относительно избранія въ польскіе короли Пяста, и что въ этой перемѣнѣ всего больше участвовали льстивыя внушенія французскаго посла, который толкуетъ, что султанъ безъ всякаго затрудненія можетъ посадить на польскій престолъ кого хочетъ и никакая держава не посмѣетъ этому противиться, и пріобрѣтетъ онъ чрезъ это имени своему безсмертную славу, а имперіи своей знаменитость. Обрѣзковъ, зная по опыту, что

въ подобныхъ случаяхъ твердый отвѣтъ Портѣ не въ примѣръ бываетъ полезнѣе мягкаго, отвѣчалъ, что ничего новаго не можетъ быть по польскимъ дѣламъ и, по данному разѣ императрицею наставленію, онъ, посланникъ, можетъ Порту увѣрить съ одной стороны, что императрица не будетъ препятствовать избранію въ польскіе короли Пяста; но, съ другой стороны, если бы недоброхотными къ отечеству Поляками или какою-нибудь иностранною державой нарушено было спокойствіе польской республики, то императрица на это равнодушно смотрѣть не будетъ, но употребить всѣ мѣры и силы свои къ защитѣ Польши и къ возстановленію въ ней спокойствія. Переводчикъ Порты нашелъ, что этотъ отвѣтъ способенъ увѣрить султана, что покушеніе его возвести на польскій престолъ кого ему угодно будетъ не такъ дешево стоитъ, какъ увѣряють Французы, и султанъ поудержится отъ поступковъ, которые могли бы компрометировать Порту. Отвѣтъ подѣйствовалъ: прусскій посланникъ опять подалъ Портѣ записку о необходимости избранія природнаго Поляка, и когда первый французскій переводчикъ Дюваль подалъ рейсъ-эффенди записку, что и саксонскіе принцы, какъ дѣти покойнаго польскаго короля, могутъ считаться природными Поляками, то рейсъ-эффенди бросилъ записку Дювалю въ глаза и сказалъ, какъ послу не стыдно безпрестанно утруждать министерство такими пустяками, развѣ онъ сановниковъ Порты считаетъ дѣтьми несмысленными?

Мы видѣли, что съ начала царствованія Екатерины хотѣли идти по польскимъ дѣламъ согласно съ Пруссіею, а по турецкимъ согласно съ Австріею; но понятно, что такое раздвоеніе въ политикѣ было крайне затруднительно. Такъ въ Берлинѣ, когда князь Долгорукій хотѣлъ отклонять прусское правительство отъ заключенія союза съ Турціею, то потерпѣлъ неудачу; а въ Константинополѣ, когда Обрѣзковъ старался сблизаться съ австрійскимъ интернунціемъ для противодѣйствія тому же турко-прусскому союзу, то интернунцій принималъ его совѣтъ и предложенія холодно и подозрительно. На донесеніи объ этомъ Обрѣзкова Панинъ написалъ: «Миѣ видится и намъ уже пора о семъ дѣлѣ замолчать, оставя вѣнскій дворъ его жребію, да и въ существѣ Россія не потрясется отъ той альянціи (Пруссіи съ Турціею), а вѣнскій дворъ далеко уже отшелъ отъ натуральной

съ нами конекція, чтобъ еще намъ стряпать за его собственные интересы съ обращеніемъ къ себѣ отъ другихъ за то зависти».

Въ апрѣлѣ польскій резидентъ Станкевичъ отъ имени гетмана Браницкаго увѣдомилъ Порту, что избирательный сеймъ не можетъ быть вольнымъ, если Порты не обнадѣжить гетмана и республику своею помощію, ибо Польша окружена со всѣхъ сторонъ безчисленными русскими войсками, а внутри ея содержатся значительные русскіе магазины подъ прикрытіемъ также сильныхъ отрядовъ войска, къ которому высылаются еще новые и по всему королевству разглашено, что русская императрица не допуститъ избранія въ короли никого другого, кромѣ Понятовскаго, и какъ только онъ будетъ избранъ, то императрица выйдетъ за него замужъ и чрезъ это присоединитъ Польшу къ Россійской имперіи. Если это намѣреніе исполнится, то понятно какой вредъ потерпитъ Турція. Но, благодаря искусству Обрѣзкова дѣлать внушенія вліятельнымъ лицамъ, представленія Станкевича остались безъ послѣдствій. Обрѣзковъ писалъ, что переводчикъ Порты, Григорій Гика, пожалованный въ молдавскіе князья, совѣтовалъ ему слѣдующее: какъ скоро въ Польшѣ будетъ избранъ въ короли человекъ угодный императрицѣ, то пусть новый король сейчасъ же пришлетъ грамоты къ султану и визирю съ объявленіемъ о своемъ избраніи и съ заявленіемъ своего желанія снискать благоволеніе Порты, ибо ничто не можетъ такъ побудить Порту къ согласному дѣйствию съ Россією и Пруссією, какъ уваженіе, которое ей окажется: оно пощекочетъ ея честолюбіе и отклонитъ нареканіе, что нанесенъ ущербъ ея значенію избраніемъ польскаго короля единственно по волѣ русской императрицы. Обрѣзковъ прибавлялъ, что по его мнѣнію Гика не самъ собою подалъ этотъ совѣтъ, но усмотря желаніе всего турецкаго министерства. Гика увѣрялъ также Обрѣзкова, что когда пріѣдетъ въ Молдавію, то будетъ усердно служить императрицѣ, какъ по польскому, такъ и по другимъ дѣламъ. За это Обрѣзковъ подарилъ ему соболій мѣхъ въ 1000 рублей; а Панинъ написалъ на реляціи: «Да и конечно онъ (Гика) такъ, что упустить его не должно; такъ не соизволитель ваше величество указать заранѣе о томъ инструировать своихъ министровъ въ Польшѣ, равно какъ и о томъ, чтобъ Станкевича какъ нанкорѣе отозвать и по возвращеніи дать ему возчув-

ствовать, что онъ къ такимъ непристойностямъ употребить себя дозволилъ». Императрица на это написала: «Быть чо сему; а ревность, искусство и усердіе Обрѣзкова довольно похвалить не можно, да благословить Господь Богъ и впредь дѣла наши тако».

Но радость была еще рановременна. Отъ 15 іюня Обрѣзковъ донесъ, что Порта опять сильно встревожена увѣдомленіями Браницкаго, крымскаго хана и французскаго посла, что Россія скрытно дѣйствуетъ въ пользу Понятовскаго, какъ жениха императрицы Екатерины. Къ Обрѣзкову явился переводчикъ Порты съ объявленіемъ отъ визиря, что если Понятовскій дѣйствительно будетъ избранъ въ короли, то это произведетъ охлажденіе между Турціею и Россіею. Потомъ визирь велѣлъ сказать Обрѣзкову: «одному Богу извѣстно, какъ я стараюсь объ утвержденіи доброй дружбы между Турціею и Россіею, но всѣ мои старанія останутся напрасными, если Понятовскій будетъ избранъ въ короли, не потому, что Порта опасается брака его съ императрицею: она принимаетъ ваши увѣренія, что этого не будетъ; но потому, что кромѣ Россіи и Пруссіи, всѣ державы признаютъ его недостойнымъ; по вступленіи на престолъ, можетъ онъ вступить въ бракъ съ принцессою изъ австрійскаго или бургонскаго домовъ и отдастъ чрезъ это Польшу въ зависимость отъ нихъ. Однимъ словомъ доставленіе польской короны Понятовскому и вступленіе въ войну съ Турціею для Россіи одно и то же, и я, хотя бы и остался на своемъ мѣстѣ, то ничѣмъ уже помочь не могу; а кромѣ Станислава Понятовскаго можно выбирать кого угодно, хотя бы брата его родного, лишь былъ бы въ законномъ бракѣ».

Обрѣзкову и тутъ удалось успокоить Порту; «но, писалъ онъ императрицѣ, худая моя судьбина, какъ видно, устремилась не давать мнѣ ни малаго отдохновенія». Пришло письмо отъ крымскаго хана, что на требованіе его представить настоящее состояніе республики, онъ получилъ бумагу, подписанную многими кастелянами и воеводами, которые заявляютъ, что республика состоитъ изъ одной фамиліи Чарторыйскихъ, соединенной съ примасомъ; эта фамилія, опираясь на силы Россіи, устроила сеймъ съ разными распоряженіями, противными обычаямъ республики и всему королевству крайне предосудительными, но со-

гласными съ видами русскаго двора; главная цѣль Чарторыйскихъ — возведеніе на престолъ ненавистнаго всей Польшѣ Понятовскаго, и если польская шляхта не будетъ защищена Портою, то принуждена будетъ уступить превосходной силѣ и разбѣжаться по другимъ государствамъ, оставляя Польшу въ распоряженіе Россіи. Въстѣ съ ханскимъ письмомъ пришло донесеніе хотинскаго пашы, что князь Радзивиль, будучи разбитъ и гонимъ русскими войсками, прибѣжалъ въ турецкія владѣнія и отдался подъ покровительство Порты, принося жалобы на Россію. Султанъ пришелъ въ сильную ярость и велѣлъ своему министерству сдѣлать такой отзывъ Обрѣзкову, чтобъ тотъ достаточно могъ понять великое его неудовольствіе. Дѣйствительно, 20 іюля Обрѣзковъ получилъ отзывъ, составленный, по его словамъ, въ терминахъ грубѣйшихъ и неучтивѣйшихъ. Поведеніе Россіи относительно Порты называлось непристойнымъ и безчиннымъ, Обрѣзковъ величался лжецомъ и обманщикомъ. Обрѣзковъ, зная по опыту, что въ Турціи надобно имѣть и лисій хвостъ и волчій ротъ, на другой день подалъ записку, гдѣ далъ почувствовать, что такія выраженія непристойны въ сношеніяхъ между знатными державами, и что порицанія неосновательны, что Польша—республика независимая и кого бы ни избрала себѣ королемъ, ни одна держава на это досадовать не можетъ; что послѣдняя война у Россіи съ Турціею также произошла въ слѣдствіе разныхъ извѣстій, которымъ очень легко повѣрили, и война эта стоила каждой изъ воевавшихъ сторонъ можетъ быть болѣе 100,000 человекъ. При переводѣ этой записки переводчикъ Порты нашель, что она очень жива и можетъ еще болѣе раздражить султана, потому не дурно было бы измѣнить нѣкоторыя выраженія. «Виновата Порта, отвѣчалъ Обрѣзковъ, мною ничего лишняго и неумѣреннаго не сказано; впрочемъ я бы кой-что и перемѣнилъ, еслибъ и Порта съ своей стороны исключила изъ своего отзыва все грубое и неприличное». — «Порта не требуетъ, чтобъ вы этотъ отзывъ послали къ вашему двору», замѣтилъ переводчикъ. — «Я не польскій резидентъ Станкевичъ, отвѣчалъ Обрѣзковъ: моя должность обо всемъ здѣсь происходящемъ доносить императрицѣ». Послѣ этого переводчикъ, именемъ министерства, просилъ Обрѣзкова не посылать бумагу въ Петербургъ, а 30 іюля Обрѣзковъ и прусскій посланникъ Рек-

сивъ получили повѣстку прїѣхать на другой день на конференцію къ главному секретарю великаго визиря. Конференція эта имѣла цѣлю уничтожить впечатлѣніе бумаги увѣреніями въ желаніи султана сохранять дружбу съ Россіею.

2 сентября, получивъ наставленіе изъ Петербурга, Обрѣзковъ черезъ своего переводчика велѣлъ сказать переводчику Порты, что слухи о бракѣ императрицы съ Понятовскимъ послѣ избранія его въ короли, суть не только «самомерзкія клеветы, но явныя оскорбленія, или, лучше сказать, богохульства для освященной ея персоны», на которыя она гнушается и отвѣчать, будучи вполне увѣрена, что Порта «такимъ богомерзкимъ пустобрѣчiamsъ никакой вѣры не подала». Нечего также опасаться, что графъ Понятовскій вступитъ въ супружество съ какою-нибудь иностранною принцессою, ибо Россія и Пруссія имѣютъ болѣе чѣмъ Порта побужденій препятствовать, чтобъ Польша не подпала зависимости отъ какой-нибудь иностранной державы; кромѣ того подлинно извѣстно, что графъ Понятовскій уже помолвленъ на одной знатной польской дѣвицѣ. Когда послѣ того Обрѣзковъ сообщилъ рейсъ-эффенди, что на сеймѣ въ условія новому королю внесенъ пунктъ, что если король будетъ избранъ не женатый, то не можетъ вступать въ бракъ шаче какъ съ природною полькою, то рейсъ-эффенди со смѣхомъ сказалъ: «Полно притворяться, называй прямо Понятовскаго, дѣло уже извѣстное, что никто другой, кромѣ его, королемъ не будетъ; думаю, что онъ уже и выбранъ».

Избраніе Понятовскаго въ короли не прекратило франко-австрійскихъ движеній въ Константинополѣ. Султану было внушено, что избраніе незаконное, потому что вынужденное, и если Порта не признаетъ Станислава королемъ, то и дворы вѣнскій и версальскій его не признаютъ, да и всѣ христіанскія державы примѣру ихъ послѣдуютъ. Портѣ дано было знать, что Россія и Пруссія рекомендовали Понятовскаго, и эта рекомендація поддержана русскимъ войскомъ, посредствомъ котораго преданная Россіи партія и будетъ управлять Польшею. Эти извѣстія и внушенія сильно подѣйствовали. Переводчикъ русскаго посольства, отправленный Обрѣзковымъ къ рейсъ-эффенди, нашелъ этого министра въ страшномъ волненіи. «Хорошо это было сдѣлано, началъ онъ, что русскій и прусскій послы рекомендовали

сейму Понятовскаго, послѣ того какъ здѣсь русскій резидентъ и прусскій посланникъ письменно и словесно увѣряли насъ, что отъ ихъ дворовъ ни одинъ кандидатъ не будетъ представленъ? Резидентъ вашъ меня погубилъ, потому что я, вѣря ему, подкрѣплялъ его представленія и чрезъ это сдѣлался отвѣтственнымъ. Будь проклята минута, когда я съ нимъ познакомился! Порта предлагала Россіи, нельзя ли исключить графа Понятовскаго изъ кандидатовъ на польскій престолъ. Россія отвѣчала, что безъ нарушенія данныхъ увѣреній о невмѣшательствѣ никого исключить нельзя: но когда исключить нельзя, то само собою разумѣется, что и рекомендовать нельзя, тѣмъ болѣе, что рекомендованъ именно тотъ, исключенія котораго желала Порта. Развѣ Порта не имѣетъ послѣ того права полагать, что все это сдѣлано ей въ досаду и въ насмѣшку? и не будутъ ли ваши непріатели пользоваться этимъ случаемъ, чтобъ вредить вамъ? Сами вы строите и сами разстроиваете! Пусть резидентъ подастъ письменный отвѣтъ, основанный на крѣпкомъ фундаментѣ, которымъ сниметъ навозъ, наваленный на мою голову. Я имя резидента сдѣлалъ золотымъ, а онъ обратилъ и свое и мое имя въ чугунное. Порта новоизбраннаго короля никогда не признаетъ и грамоты его не приметъ, и нѣтъ другого способа поправить дѣло, какъ ссадить Понятовскаго, и если резидентъ не подастъ точнаго увѣренія, что Россія употребитъ для этого стараніе, то пусть больше не дѣлаетъ никакихъ представленій: слушать ихъ не будутъ».

Въ совѣтѣ, держанномъ при Портѣ, рѣшено, что рекомендація Понятовскаго, сдѣланная русскимъ дворомъ и подкрѣпленная многочисленнымъ войскомъ, совершенно противна правамъ республики и даннымъ Россіею торжественнымъ увѣреніямъ; что Портѣ, для сохраненія ея значенія между христіанскими державами, необходимо стараться о низверженіи Понятовскаго, какъ Австрія и Россія низвергли Лещинскаго, возведеннаго Франціею. Изъ поспѣшности, съ какою Россія хлопотала о возведеніи Понятовскаго, можно заключить, что она имѣетъ разные, скрытые и вредные виды. Если Россія своими обѣщаніями обманула Порту въ дѣлѣ всему свѣту извѣстномъ, то чего можно ожидать въ частныхъ дѣлахъ между нею и Портою? Строеніе крѣпостей и обладаніе Кабардами могутъ служить отвѣтомъ. Ни на какія

объщанія нельзя болѣе полагаться, и потому Порты безъ потери времени должна принять необходимыя мѣры къ охраненію себя отъ умысловъ русскаго двора. Въ слѣдствіе доклада этого рѣшенія султанъ выразилъ желаніе, чтобъ употреблены были всѣ способы для сверженія Понятовскаго съ престола; но по вопросу, можетъ ли Порта употребить для этого силу оружія и будетъ ли это согласно съ ея выгодами, муфтіи и духовенство высказались отрицательно, почему вопросъ и остался нерѣшеннымъ.

2 сентября рейсъ-эффенди пригласилъ къ себѣ на конференцію Обрѣзкова и Рексина и началъ жалобами на поступокъ Россіи и Пруссіи, рекомендовавшихъ Понятовскаго; Турокъ такъ *прижалъ* Обрѣзкова (собственныя слова протокола конференціи), что надобно было признаться, что или русскій дворъ не сдержалъ своихъ общаній, или министры русскій и прусскій въ Варшавѣ преступили повелѣнія своихъ дворовъ; но признаться въ первомъ было позорно для русскаго двора, признаться во второмъ—рейсъ-эффенди сейчасъ скажетъ: если министры поступили вопреки воли императрицы, то ей можно, безо всякаго предосудженія, соединиться съ Портою для низложенія Понятовскаго. Въ такой крайности Обрѣзковъ отвѣчалъ, что по соглашенію между тремя державами, Россіею, Пруссіею и Турціею, король польскій имѣлъ быть избранъ изъ Пястовъ вольными голосами безъ исключенія и рекомендаціи; Порта была первая, которая покусилась исключить изъ числа кандидатовъ Понятовскаго, человѣка желаннаго согражданами, и Россія и Пруссія рекомендовали этого желаннаго Поляками кандидата, почему рекомендація съ исключеніемъ уравниваются. Рейсъ-эффенди былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ и сначала не зналъ что сказать; потомъ, одумавшись, сказалъ, что исключеніе уже было прежде сдѣлано относительно графа Браницкаго; но Обрѣзковъ доказалъ, что исключеніе Браницкаго никогда не предлагалось ни словесно, ни письменно. Тогда рейсъ-эффенди сказалъ: «Это дѣло прошлое и болѣе объ немъ говорить нечего; но Порта имѣетъ законную причину сѣтовать на польскую республику за пренебреженіе: она избрала королемъ именно того, котораго Порта желала исключить». Обрѣзковъ отвѣчалъ, что въ Польшѣ не знали о желаніи Порты исключить Понятовскаго, да если бъ

Полякамъ и дано было знать объ этомъ, то они не повѣрили бы: не могли бы они себѣ представить и связать съ извѣстнымъ правосудіемъ Порты, чтобъ она, основываясь на злостныхъ внушеніяхъ постороннихъ людей, возненавидѣла человѣка, ей ни мало неизвѣстнаго. Тутъ Обрѣзковъ распространился въ похвалахъ Понятовскому и кончилъ увѣреніемъ, что новый польскій король будетъ оказывать Портѣ особенное уваженіе. Рейсь-еффенди, разсмѣявшись, сказалъ: «Резидентъ хорошій стряпчій, умѣеть дыму поддаться; я не знаю, какую султаново величество изволить принять резолюцію; но хотѣлъ бы я знать, если Порта отправитъ къ каждому польскому вельможѣ визирское письмо съ вопросомъ, какимъ образомъ происходило избраніе нынѣшняго короля, то отвѣтитъ ли каждый, что избраніе было вольное, и какъ русской дворъ взглянетъ на этотъ поступокъ Порты». Обрѣзковъ отвѣчалъ: «Польша держава самовластная; Порта имѣетъ съ нею договоры и по этимъ договорамъ знаетъ, чего можетъ отъ Поляковъ требовать; а какъ взглянетъ на это мой дворъ, я догадаться не могу. Поступокъ этотъ будетъ такъ необыченъ, что Поляки могутъ спросить, по какому праву Порта отъ нихъ этого требуетъ». — «Со всѣхъ сторонъ, сказалъ рейсь-еффенди, приходятъ къ Портѣ извѣстія, что королевское избраніе было насильственное и вопреки желанію большинства». Обрѣзковъ отвѣчалъ, что Порта должна была приготовиться получать подобныя извѣстія и клеветы, особенно со стороны Франціи и Австріи, между которыми было условлено возвести на польскій престолъ саксонскаго принца брата дофины; кромѣ того Австрія, досадуя на Россію за уклоненіе отъ союза съ нею, старается всѣми силами возбудить противъ Россіи Турцію, чтобъ этимъ заставить императрицу опять вступить въ тѣсный союзъ съ вѣнскимъ дворомъ. Тутъ рейсь-еффенди сказалъ переводчику Порты: «Помнишь, что я тебѣ говорилъ? теперь видишь, что я не ошибался». (Противъ этого донесенія Екатерина написала: «Рейсь-еффенди мужикъ преумный; надобно стараться его къ намъ приласкать»).

Порта не повѣрила извѣстію, что къ коронаціи Станислава Понятовскаго въ Варшаву пріѣдетъ русская императрица для вступленія съ нимъ въ бракъ; но Порта обезпокоилась извѣстіями, что въ Польшѣ готовятся большія перемены, уничтоже-

не *liberum veto*, и рейсъ-эффенди требовалъ отъ Обрѣзкова и Рексина, чтобъ они доставили Портѣ отъ польской республики письменное точное увѣреніе, что польская конституція никогда не потерпитъ ни малѣйшаго измѣненія, особенно въ статьѣ о *liberum veto*. Прусскій посланникъ согласился было донести объ этомъ своему двору; но Обрѣзковъ уклонился учтивымъ образомъ и уговорилъ Рексина сдѣлать тоже, находя требованіе предосудительнымъ для достоинства польскаго королевства и не приносящимъ ни малѣйшей пользы Россіи. На донесеніи объ этомъ Панинъ сдѣлалъ замѣтку: «Сіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалу политическому проищанію резидента Обрѣзкова, ибо такую отъ Польши деклараціею Турки получили бы знатную ступень мѣшаться въ польскія дѣла и почли бы себя сущими гарантами ея правительства, слѣдовательно раздѣлили бы впредь съ Россіею то, что по сіе время ей одной отъ Польши хотя неохотно, но тѣмъ не меньше существенно и отъ другихъ державъ признается».

Что въ Европѣ была Польша, то въ Азій была Кабарда, слабая страна, находившаяся между двумя сильными вліяніями—русскимъ и турецко-крымскимъ. Ханъ, стремясь привести Кабарду въ свою зависимость, съ одной стороны, заподозривалъ предъ ея владѣльцами намѣренія Россіи, ставя на видъ, что охраняетъ ихъ отъ грозящей имъ бѣды; а съ другой, жаловался на нихъ русскому правительству и требовалъ удовлетворенія, чтобъ раздражить ихъ еще болѣе противъ Россіи. И относительно польскихъ дѣлъ ханъ велъ себя враждебно, пересылая въ Константинополь непріязненныя Россіи внушенія, а передъ консуломъ толковалъ о своей силѣ, о средствахъ вредить или быть полезнымъ Россіи, которая поэтому должна была его уважать. По этому поводу Никифоровъ получалъ повелѣнія изъ иностранной коллегіи осаживать хана. Ханъ потребовалъ себѣ въ подарокъ кречета: Никифоровъ получилъ приказаніе внушить, что императрицѣ извѣстно, что онъ, ханъ вмѣсто старанія укрѣплять дружбу между Россіею и Турціею, всячески, напротивъ того, хлопочетъ о томъ, какъ бы повредить ей: самъ вѣритъ всѣмъ клеветамъ на Россію и желаетъ, чтобъ и Порты имъ вѣрила. Этими поступками самъ себя лишаетъ большой награды, а потому не прежде можетъ надѣяться получить отъ Россіи какія-

нибудь благодаренія, какъ послѣ совершенной перемѣны своего поведенія.

Первый выборъ консула въ Крымъ оказался неудаченъ. Никифоровъ дѣлалъ большія ошибки: началъ уговаривать хана, чтобъ тотъ не мѣшался въ польскія дѣла, прежде чѣмъ тотъ промолвилъ о нихъ одно слово: этимъ со стороны консула было внушено, что Россія нуждается въ ханѣ, заискиваетъ въ немъ; вмѣсто того, чтобъ представить подарки хану отъ имени кievскаго генераль-губернатора, представилъ ихъ прямо отъ имени императрицы; Никифоровъ былъ заподозрѣнъ и въ нечистыхъ поступкахъ относительно казны. Наконецъ неосторожное поведеніе консула въ самомъ щекотливомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ религіозномъ, послужило поводомъ къ его отозванію. Въ октябрѣ крѣпостной человѣкъ Никифорова Михайло Авдѣевъ, 15 лѣтъ отъ роду, ушелъ и принялъ магометанство, а консулъ съ своими людьми взялъ его силою опять къ себѣ, и подалъ жалобу на нарушеніе народныхъ правъ; татары, напротивъ, требовали выдачи Авдѣева, какъ уже магометанина, причѣмъ одинъ изъ чиновныхъ татаръ сказалъ: «Хотя бы и консулъ пришелъ, то мы, по своимъ книгамъ и суду, могли бы его обусурманить», и когда переводчикъ консула жаловался на эти слова каймакаму или намѣстнику ханскому, то сидѣвшій тутъ муфтіи сказалъ: «хотя бы ваша и кралица сюда пришла, то бы мы и ее побусурманили». Въ отвѣтъ на донесеніе объ этомъ Никифоровъ получилъ сильный выговоръ отъ иностранной коллегіи; поступокъ его названъ горячимъ и непростительнымъ, ибо онъ долженъ былъ знать, что ренегаты почитаются погибшими и о возвращеніи ихъ никто не старается; грубыя выраженія муфтіи на счетъ императрицы суть слѣдствія его же консульской неосторожности⁵².

Французскія хлопоты остались на этотъ разъ безъ послѣдствій въ Турціи; Польшу Франція предоставила ея судьбѣ; но тѣмъ съ большею настойчивостію дѣйствовала она въ Швеціи. Система дѣйствія была измѣнена: до сихъ поръ Франція поддерживала противниковъ усиленія королевской власти, слѣдуя общему тогда правилу, что слабость королевской власти дастъ другимъ державамъ болѣе возможности вмѣшиваться въ дѣла страны и проводить въ ней свое вліяніе. Но теперь родился вопросъ: что выгоды для Франціи: дѣлать ли постоянно въ

Швеція вліяніє съ Россією, поддерживая большими деньгами свою партію, или, усиливъ королевскую власть, противопоставить Россіи опаснаго уже по самой близости врага, который будетъ всегда готовъ сдержать Россію въ ея неприятныхъ для Франціи стремленіяхъ? Примѣръ Польши заставлялъ Францію сдѣлать перемѣною политики относительно Швеціи. Французскій посланникъ въ Варшавѣ Поми писалъ своему двору: «Всѣ Поляки говорятъ прекрасно, но немногіе осмѣливаются что-нибудь дѣлать, и что дѣлаютъ—выходитъ дурно. Теперь поддерживать свободу Польши значитъ защищать открытое мѣсто безъ гарнизона, безъ офицеровъ, безъ военныхъ запасовъ, безъ хлѣба, безъ укрѣпленій.» Въ Версали не хотѣли сдѣлать и изъ Швеціи такого же удобнаго для защиты мѣста. Въ инструкціяхъ Шуазёля Бретейлю говорилось: «Франція была введена обстоятельствами въ заблужденіе, слишкомъ благопріятствовала ослабленію королевской власти въ Швеціи, изъ чего возникло метафизическое, невозможное правленіе. Растрачивали деньги на слабыя партіи, а Швеція становилась все слабѣе и незначительнѣе. По этому надобно доставить королю болѣе власти.»

Въ началѣ года Остерманъ увѣдомилъ императрицу, что генералъ графъ Ферзенъ тѣсно сблизился съ недавно пріѣхавшимъ въ Стокгольмъ французскимъ посломъ борономъ Бретейлемъ, и объявилъ королевѣ, что старается склонить Бретейля содѣйствовать уничтоженію на будущемъ сеймѣ вкоренившихся въ Швецію безпорядковъ, что ему Бретейль и обѣщаль; и датскій дворъ также склоняется этому содѣйствовать. Королева поэтому продолжаетъ быть очень ласкова къ Ферзену и даже усилила наружные знаки своей милости къ Бретейлю; удостоиваетъ своимъ разговоромъ и датскаго посланника, чего прежде никогда не бывало.—Панинъ замѣтилъ на донесеніи Остермана: «Знать, что жребій шведской королевѣ быть обманутою французскими послами: въ мое время передъ сеймомъ, на которомъ графу Браге отсѣкли голову, маркизь д'Авренкуръ, обѣщавъ ей свое вспоможеніе и вывѣдавъ изъ нея на одномъ маскератѣ всѣ ея тогдашнія намѣренія и предпріятія противу сенаторей его креатуръ, предалъ ее имъ, Бретель же гораздо вороватѣе Давренкура.» — Ферзенъ увѣрялъ, что французскому послу въ инструкціяхъ предписано не подражать поведенію своего предшественника Дав-

ренкура, который дѣйствовалъ противъ короля и королевы. Панинъ замѣтилъ: «Повидимому Бретейль очень хорошо завелъ свои машины, налагая все прошедшее на счетъ своего предмѣстника, и королева конечно будетъ обманута. Ея величество тутъ не припамятуетъ, что Бретейль не присланъ ее мирить съ Давренкуромъ, но исправлять дѣла оставшихся въ Швеціи французскихъ креатуръ, а что графъ Ферзенъ тотъ самый, который былъ первымъ жрецомъ Браговой головы въ пораженіи ихъ шведскихъ величествъ.»

Когда Остерманъ сталъ внушать надежнымъ людямъ, что напрасно королева вѣритъ Ферзену и французскому двору, то ему отвѣчали, что королева, по ея рѣшительному увѣренію, отнюдь никогда не согласится приступить къ французской системѣ; не вѣритъ она ни Ферзену, а еще менѣе сенатору Шеферу; но по причинѣ господства французской партіи, она принуждена пользоваться ихъ ласканіями, ибо, если ни въ чемъ другомъ нельзя успѣть, то, по крайней мѣрѣ, она избавится отъ гоненія, тѣмъ болѣе, что королева не имѣетъ никакого подлиннаго обнадеживанія ни съ русской, ни съ англійской стороны, въ чемъ будетъ состоять ихъ помощь, а французскій посоль обѣщаетъ на будущей сеймъ милліонъ ливровъ, и если сеймъ не будетъ чрезвычайный, отложится до обыкновеннаго срока, то французскій дворъ пришлетъ еще три милліона ливровъ. Панинъ замѣтилъ на донесеніи объ этомъ: «Все сіе пустыя замѣтки и больше показываютъ десимюлацію ея величества передъ благонамѣренными, нежели истинность ея сентиментовъ, ибо какъ возможно согласить теперь оказываемое ею порабощеніе духа противу французской партіи съ тою характера ея гордостію и презрѣніемъ всѣхъ очевидныхъ тогда опасностей, которыя она оказывали, когда ни снаружи, ни внутри Швеціи не только подкрѣпленія, ниже малѣйшей къ тому надежды не имѣла.»

Остерману было предписано имѣть дружественныя сношенія съ приверженцами двора и съ благонамѣренными патріотами, при чемъ онъ не долженъ былъ никого поощрять къ созыванію чрезвычайнаго сейма. Благонамѣренные, по обычаю, неотступно просили Остермана узнать точнѣе, въ чемъ будетъ состоять помощь со стороны Россіи, дабы они заблаговременно могли бодрствовать противъ французскихъ быстрыхъ уловленій и со-

держатъ королеву въ добромъ къ себѣ расположеніи. Они высказывали желаніе чрезвычайнаго сейма, выставляя на видъ, что безъ него своеволие такъ укоренится, что рано или поздно самодержавіе само собою введено будетъ, и если это не сдѣлается при жизни короля, то непремѣнно послѣдуетъ вдругъ по кончинѣ его. Панинъ замѣтилъ по этому поводу: «Разумный домо-водецъ когда что торгуешь, онъ соображаетъ прежде всего цѣну съ надобностію, съ своимъ достаткомъ и съ пользою, которую изъ того получаетъ: то же привило служить аксіомомъ и въ политикѣ. Неоспоримый интересъ вашего величества принять участіе, чтобъ развращеніемъ не воспослѣдовало въ Швеціи генеральное опроверженіе всему правительству; но опредѣлить мѣру сего участія разсудительнымъ образомъ невозможно прежде, покамѣстъ совершенно о томъ не увѣримся, какой точно конецъ получать польскія дѣла; безъ крайней же нужды, которой еще въ Швеціи не предъусматривается, благоразуміе не дозволяетъ совсѣмъ полагаться на одну надежду и потому брать рѣшительныя мѣры.»

Между тѣмъ Панинъ, сначала думавшій, какъ мы видѣли, что Бретейль обманываетъ королеву, сталъ приходить къ мысли, что французскій посланникъ можетъ хлопотать объ установленіи самодержавія въ Швеціи, въ чемъ заключается настоящій интересъ Франціи. На реляціи Остермана отъ 19 марта Панинъ замѣтилъ: «Не то страшно, что Бретейль увѣряетъ о нехотѣннн своемъ мѣшаться во внутреннія дѣла: послѣ въ нихъ во время сейма вмѣшается и тѣмъ обманетъ дворовую партію; но того вправду бояться надобно, чтобъ Франція, усыпляя всѣхъ своимъ защищеніемъ правительства противъ короля, онъ Бретейль вдругъ не соединился съ дворскими партизанами своей системы и не подалъ бы нечувствительно способа имъ схватить самодержавство, что въ существѣ есть и будетъ истинный интересъ Франціи, лишь бы только достовѣрно можно было ей его достигнуть.»

Въ началѣ мая Остерману посланъ былъ указъ стараться отвращать королеву отъ впаденія въ сѣти французскихъ партизановъ, а съ другой стороны удерживать благонамѣренныхъ (копачковъ) отъ несвоевременнаго отдѣленія отъ придворной партіи. Остерманъ отвѣчалъ, что изъ придворной партіи онъ получаетъ

увѣренія о преданности короля и королевы императрицѣ; если и происходят сношенія съ французскими партизанами, то они наружныя, безъ всякой твердости. Королева довольно испытала, какъ мало она можетъ вѣрить ихъ обольщеніямъ, и потому увѣренія со стороны императрицы предпочитаетъ всему и на нихъ однихъ полагаетъ прямую свою надежду, какъ бы съ французской стороны ни старались перемѣнить ея мысли. Благонамѣренныя же патріоты полагаютъ все свое спасеніе въ защитѣ императрицы и съ неонисанною благодарностію принимаютъ обнадеживанія въ русской помощи, обѣщаясь слѣдовать великодушнымъ совѣтамъ императрицы и не только не подавать вида объ отдѣленіи себя отъ придворной партіи, но еще сильнѣе искать королевской милости. Въ началѣ іюля Остерманъ донесъ о разговорѣ своемъ съ королевою, которая увѣряла его, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, въ своей особенной и безпредѣльной преданности императрицѣ и желаніи заслужить ея всевысочайшую дружбу. Остерманъ просилъ ее принять увѣренія въ добромъ расположеніи императрицы къ ней и королю и не вѣрить никакимъ другимъ внушеніямъ, приходящимъ съ противной стороны, выдуманнѣмъ людьми, завидующими доброму согласію между Россією и Швецією. Королева сказала на это: «Вы не ошибаетесь, говоря о зависти; прошу васъ вѣрить, что я никакимъ внушеніямъ вѣры не даю, и въ доказательство моего усердія къ императрицѣ и довѣрія къ вамъ, не могу отъ васъ скрыть, какъ мнѣ прискорбно слышать о враждебныхъ замыслахъ датскаго и вѣнскаго дворовъ противъ императрицы.» — «Эти вредныя замыслы мнѣ неизвѣстны, отвѣчалъ Остерманъ, и я могу удостовѣрить ваше величество, что опасности тутъ нѣтъ никакой, и все дѣйствуетъ одна зависть.» — «И я имѣю такую же надежду, сказала королева, но по искреннему своему къ вамъ усердію не могу скрыть своего безпокойства». Остерманъ настаивалъ, чтобъ королева не вѣрила никакимъ внушеніямъ, потому что передъ этимъ она дала ему знать, какъ ей прискорбно было увѣдомиться, что императрицѣ донесено, будто бы она, королева, не дружелюбно къ ней относится, а потому и императрица съ своей стороны къ ней неблагоклонна и хорошо расположена къ одному королю.

24 августа Остерманъ писалъ о разговорѣ своемъ съ прусскимъ посланникомъ барономъ Кокцеємъ, который все твердилъ, что уполномоченъ своимъ государемъ сообразовать свои поступки съ поступками русскаго министра. Кокцей далъ знать Остерману, что введенію самодержавія въ Швеціи одинаково противно интересамъ Россіи и Пруссіи; но согласно съ интересами обонхъ дворовъ возстановленіе на будущемъ сеймѣ правъ и преимуществъ королевскихъ, какъ-то: права объявлять войну, заключать миръ, устанавливать новыя съ иностранными дворами обязательства, по примѣру преимуществъ англійскаго короля. Остерманъ имѣлъ наивность заключить изъ этихъ словъ, что Кокцей должно быть не получилъ инструкціи по внутреннимъ шведскимъ дѣламъ и разсуждаетъ о правахъ короля по словамъ членовъ придворной партіи. Въ томъ же донесеніи Остерманъ увѣдомилъ о состоявшемся опредѣленіи о созваніи чрезвычайнаго сейма. «Отъ этого опредѣленія, писалъ Остерманъ, всѣ благонамѣренныя патріоты ожидаютъ большой пользы, если получатъ отъ вашего императорскаго величества обѣщанное вспоможеніе; если теперь при самомъ началѣ случай упущенъ будетъ, то послѣ нельзя будетъ поправить дѣла и двойнымъ иждивеніемъ». По мнѣнію благонамѣренныхъ патріотовъ вспоможеніе должно было состоять изъ 300,000 рублей, изъ которыхъ 100,000 должно было выдать немедленно, а на остальные дать ассигнаціи и выплатить ихъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Благонамѣренный сенаторъ графъ Левенгельмъ объявилъ Остерману, что онъ сильно уговаривалъ королеву наблюдать строгій нейтралитетъ какъ въ выборѣ ландмаршала, такъ и при всѣхъ другихъ выборахъ; но не могъ въ этомъ успѣть и довольно примѣтилъ, что она имѣетъ довѣріе къ совѣтамъ графа Ферзена и надѣется, по его обѣщанію, получить въ свое распоряженіе французскія деньги. 24 сентября Остерманъ сообщилъ о любопытномъ разговорѣ Левенгельма съ французскимъ посломъ Бретейлемъ. Левенгельмъ старался убѣдить посла, чтобъ онъ не употреблялъ подкупа: всѣ бѣдствія Швеціи, говорилъ онъ, проистекали отъ того, что нація, будучи подкупами раздроблена на разныя части, не могла никогда содѣйствовать истинной пользѣ своего отечества, и теперь, если подкупы будутъ продолжаться, то надобно ожидать тѣхъ же самыхъ бѣдствій, и посоль пріобрѣтетъ для своего дво-

ра больше вреда, чѣмъ пользы. Бретейль, выслушавъ все это, отвѣчалъ, что онъ ни мало не намѣренъ слѣдовать примѣрамъ своихъ предѣстниковъ; но если соперники его будутъ употреблять подкупы, то и онъ естественно принужденъ будетъ обороняться тѣмъ же самымъ оружіемъ. «Кого вы признаете здѣсь своими соперниками?» спросилъ Лёвенгельмъ.—«Англійскаго посланника Гудрика и русскаго Остермана,» отвѣчалъ Бретейль. Гудрикъ дѣйствительно предложилъ Остерману 40,000 фунтовъ стерлинговъ для дѣйствій сообща.

Изъ Россіи Остерману прислано было 50,000 рублей и наставленіе: «Мы постояннымъ и ненарушимымъ интересомъ поставляемъ въ Швеціи непоколебимое соблюденіе узаконеннаго въ 1720 году вольнаго образа правленія и сопротивленіе введенію самодержавства. На такомъ основаніи мы признаемъ благонамѣренными патріотами всѣхъ тѣхъ, которые стараются только о возстановленіи должнаго равновѣсія между тремя властями и уничтоженія беспорядковъ, происшедшихъ отъ своевольнаго и превратнаго толкованія формы правленія. Это возстановленіе и уничтоженіе беспорядковъ мы почитаемъ совершенно исполненнымъ, если уничтожатся всѣ безъ изъятія сенатскія толкованія и сеймовыя опредѣленія, особливо акты, обнародованные на сеймѣ 1756 года, а въ самой формѣ правленія переправится оговорка, находящаяся въ заглавіи, именно, что «государственные чины предоставляютъ себѣ на генеральномъ сеймѣ право толкованія и исправленія установленной формы правленія, если это впредь понадобится». Вмѣсто этого должно быть внесено слѣдующее: «Если впредь понадобится толкованіе или исправленіе правительственной формы, то государственные чины предоставляютъ себѣ на генеральномъ сеймѣ право составить проектъ для обнародованія всей націи, которая на слѣдующемъ сеймѣ, въ данныхъ депутатамъ полномочіяхъ и инструкціяхъ, должна этотъ проектъ одобрить, и тогда только онъ можетъ получить силу закона».—Повелѣваемъ вамъ истиннымъ и благонамѣреннымъ патріотамъ подавать всякое вспоможеніе не только совѣтами, но и деньгами: вы должны стараться составить изъ этихъ патріотовъ дѣйствующій корпусъ, чего иначе достигнуть нельзя, какъ избраніемъ для нихъ одной главы, къ чему мы удостоиваемъ сенатора графа Лёвенгельма, какъ самаго разум-

наго и искуснаго въ дѣлахъ изъ всѣхъ благонамѣренныхъ партіотовъ, присоединя къ нему въ помощь сенатора графа Горна, полковника Рудбека и статсъ-секретари барона Дюбена, какъ людей, изстари расположенныхъ къ нашему двору. Вы должны имъ объявить: 1) что нише вспоможеніе не назначается на личное преслѣдованіе членовъ противной партіи, равно какъ не на доставленіе частныхъ выгодъ тому или другому изъ благонамѣренныхъ партіотовъ, но единственно на поправленіе государственныхъ дѣлъ и на поправленіе всей благонамѣренной партіи въ надлежащую силу и кредитъ у народа, и потому они не должны позволять друзьямъ своимъ вмѣшиваться въ частныя предпріятія. 2) Чтобъ они всѣми мѣрами старались обуздывать высокомысліе придворной партіи, особенно начальника ея, полковника Синклера, причемъ однако должны избѣгать явнаго разрыва съ этою партіею, а старались склонить ее къ своимъ благонамѣреннымъ видамъ. 3) Приложили бы стараніе привлечь на свою сторону сенатора графа Гепкена, и уговорили бы его потомъ возвратиться въ сенатъ, а напротивъ того сенатора Шефера принудили бы оттуда добровольно выйти. 4) Въ секретную комиссію посадить сколько можно болѣе честныхъ и искусныхъ людей, дабы наконецъ 5) воспользоваться склонностію и самихъ сенатскихъ приверженцевъ къ независимости отъ чужихъ державъ и положить начало низверженія французской системы предписаніемъ своему министерству, чтобъ оно не вмѣшивалось ни въ какія обязательства съ чужестранными дворами, могущія вывести Швецію изъ нейтральнаго состоянія въ случаѣ военныхъ замѣшательствъ въ Европѣ». Екатерина хотѣла составить въ Швеціи свою независимую партію или поднять старую партію колпаковъ, которая бы, съ одной стороны, противодѣйствовала французскому вліянію, съ другой, сдерживала королеву и придворную партію отъ стремленія къ перемѣнѣ конституціи 1720 года. Разумѣется, придворная партія не могла смотрѣть на это равнодушно. Въ концѣ октября одинъ изъ главныхъ членовъ этой партіи имѣлъ разговоръ съ Остерманомъ, изъ котораго тотъ заключилъ, что приверженцы двора желаютъ, чтобъ русскія и англійскія деньги были отданы въ руки королевы для составленія одной партіи подъ именемъ придворной, отъ которой колпаки вполнѣ бы зависѣли. Упомянутый членъ придворной партіи

толковалъ Остерману, что особенная партія, независимая отъ сената или короля, никогда ничего съ пользою сдѣлать не можетъ, и приводилъ въ примѣръ событія на сеймѣ 1747 года. Остерманъ увѣрялъ его, что у него вовсе нѣтъ намѣренія отдѣлать колпаковъ отъ придворной партіи; а такъ какъ печальныя событія на сеймѣ 1747 года произошли отъ тогдашнихъ французскихъ оболещеній, то это самое и побуждаетъ его теперь просить короля и королеву предостеречь себя отъ нихъ; ибо когда ихъ величества, по своей дружбѣ къ императрицѣ, будутъ имѣть неизмѣнное вниманіе къ ея совѣтамъ, то не только не будетъ особенной партіи, но и союзъ между Россіею и Швеціею станетъ такъ крѣпокъ, что всѣ французскія стремленія не будутъ въ состояніи ему повредить. Между тѣмъ одинъ изъ благонамѣренныхъ (должно быть тотъ же Лёвенгельмъ) далъ знать Остерману о своемъ разговорѣ съ королевою: Луиза-Ульрика требовала отъ него, чтобъ онъ старался поправить въ народѣ кредитъ Ферзена и Синклера, при чемъ выставляла на видъ честность ихъ намѣреній; но благонамѣренный не согласился на ея желанія и отвѣчалъ, что еслибы онъ взялся исполнить ея волю, то пользы никакой ей не принесетъ, а собственный кредитъ въ народѣ потеряетъ. При этомъ благонамѣренный упрашивалъ королеву, чтобъ она не вѣрила французскимъ обнадеживаніямъ, передаваемымъ ей чрезъ Ферзена и Синклера, а предпочитала увѣренія, идущія съ русской и англійской стороны, какъ больше согласныя съ національнымъ интересомъ. Королева отвѣчала: «Я еще не знаю, въ чемъ будетъ состоять русская поддержка: если, какъ я думаю, только въ томъ, чтобъ возстановить правительственную форму 1720 года, то я большой выгоды въ этомъ не вижу, и потому естественно предпочитаю тѣхъ, которые обѣщаются больше содѣйствовать въ мою пользу».

12 ноября пріѣхалъ къ Остерману извѣстный важный членъ придворной партіи (Синклеръ?) и объявилъ, что король и королева на будущемъ сеймѣ не начнутъ никакого самаго малаго дѣла, не узнавъ прежде отъ него, Остермана, мнѣнія объ этомъ дѣлѣ императрицы и всѣ свои поступки будутъ согласовать съ ея волею. Остерманъ въ отвѣтъ пропѣлъ свою обычную пѣсню, что ихъ величества прежде всего не должны вѣрить внушеніямъ, дѣлаемымъ со стороны французскихъ приверженцевъ, графа

Ферзена съ товарищами. Гость началъ съ божбою увѣрять, что король и королева не только не вѣрятъ внушеніямъ французскихъ приверженцевъ, но скоро произойдетъ и явный разрывъ двора съ ями. Наконецъ посланный объявилъ, что съ французской стороны немедленно начнется закупка дворянскихъ полномочій, слѣдовательно со стороны ихъ величествъ очень нужно было бы употребить такіе же способы, чтобъ не быть предупрежденными. Остерманъ понялъ, къ чему все это клонится, и отвѣчалъ, что надѣется очень скоро получить высочайшія инструкціи, безъ которыхъ не можетъ быть никакого отвѣта; но чтобы показать королю и королевѣ свое усордіе къ ихъ пользамъ, Остерманъ выдалъ посланному 20,000 талеровъ (купферъ-мюнце), съ общаніемъ, по согласію съ англійскимъ посланникомъ, выдать такую же сумму въ началѣ будущей недѣли; деньги должны были идти на закупку полномочій.—Павинъ замѣтилъ на донесеніи: «Сумма гораздо не велика, и потому не дурно, что приманку сдѣлалъ, больше же давать уже не станетъ».

Но, получивъ русскія деньги, посланный отправился къ англійскому посланнику Гудрику съ вопросомъ, какая сумма назначена изъ Англій въ пользу ихъ величествъ, и съ требованіемъ, чтобъ сумма была выдана. Гудрикъ отговорился, что онъ не можетъ ничего дать безъ согласія съ русскимъ посланникомъ, къ которому и надобно адресоваться. Посланный явился къ Остерману съ объясненіемъ, что если императрица намѣрена употребить денежныя издержки въ пользу короля, то никакихъ другихъ распоряженій не нужно, довольно того, чтобъ требуемые 200,000 рублей были готовы, безъ полученія которыхъ королю было бы неприлично самому вмѣшиваться и поощрять другихъ къ дѣятельности. Остерманъ отвѣчалъ, что если императрица помогаетъ деньгами, то естественно должна знать, на что будутъ употреблены ея деньги, чтобы, по прежнимъ примѣрамъ, онѣ по напрасну не были истрачены; англійскій дворъ тѣмъ болѣе любопытствуетъ знать, куда употребляются деньги, что его вступленіе въ здѣшнія дѣла большею частію зависитъ отъ добраго начала относительно избранія ландмаршала и членовъ секретной комиссіи изъ числа благонамѣренныхъ. Тогда посланный объявилъ, что онъ того же дня снесется съ тремя главными

членами благонамѣренной партіи, и, опредѣливши съ ними, сколько нужно денегъ, будетъ ихъ требовать отъ Остермана и англійскаго посланника, при чемъ назвалъ имена этихъ благонамѣренныхъ, чтобъ Остерманъ могъ отъ нихъ узнать, правду ли онъ говорить. Остерманъ, увидавъ его на такой доброй дорогѣ, далъ ему еще 4000 плотовъ вмѣсто 15,000, которыхъ онъ требовалъ и Гудрикъ обѣщаль выдать такую же сумму. «Кромѣ сего добраго успѣха, доносилъ Остерманъ, и та польза приобрѣтена, что собственно ихъ величества зачинаютъ больше полагаться на подаваемые имъ мною съ вашей всевысочайшей стороны увѣренія и къ моему поведенію свое высокое удовольствіе оказывать изволятъ. Единая только вредительность еще остается, что оный дворовый партизанъ съ своимъ сообщникомъ оберъ-камергеромъ графомъ Гиленстолпомъ предупѣли такой полный кредитъ у ихъ величествъ имѣть, что никто съ нимъ не сравнивается. Его величество при оказаніи своей къ вашему императорскому величеству истинной благодарности за ваше обѣщанное ему вспоможеніе и высокаго удовольствія ко мнѣ все-нижайшему, мнѣ объявить соизволилъ, чтобъ я, въ случаѣ какаго ему сообщенія, адресовался для того къ упомянутому графу Гиленстолпу, яко его величеству вѣрному слугѣ. Такое со стороны его величества нечаянное повелѣніе меня не мало удивило. Вашему императорскому величеству извѣстна та персона, которую я съ самаго начала моей здѣшной бытности всегда продолжительно для такого внушенія употреблялъ; его къ вашему всевысочайшему двору и персонально къ его величеству преданность довольно мнѣ знаема. Уважая съ одной стороны повиновеніе королевскому повелѣнію, а съ другой необходимую надобность мнѣ онаго для вышеозначеннаго внушенія удержать, понудило меня съ глубочайшимъ респектомъ у его величества испросить милостивое позволеніе употреблять въ случаѣ надобности ту же персону, которую я дондесъ употреблялъ, показавъ въ резонъ, что хотя по причинѣ имѣющейся къ нему довѣренности, которая мнѣ главнѣйшимъ всегда правиломъ служить имѣеть, онаго Гиленстопа употреблять не премину: однакожь въ разсужденіи врученія мнѣ тою персоною королевскаго отправленнаго къ вашему императорскому величеству изъясненія, употребленіемъ къ тому, при случаѣ получе-

нія вашего всевысочайшаго отвѣтствія Гиленстолаца натурально оная персона будетъ имѣть причину думать о имѣющейся къ оной какой недовѣренности, которую оная толь меньше заслуживаетъ, что, сколько мнѣ извѣстно, никто больше оной его величеству не преданъ. Король, принявъ милостиво мое изъясненіе, отвѣтствовалъ, что онъ самъ въ преданности той персоны не сумѣваетъ, и слѣдовательно мнѣ даетъ позволеніе по прежнему и оную употреблять: но какъ оная въ дѣлахъ обрѣтается, такъ Гиленстолцъ къ взаимному сношенію нѣсколько способнѣе. Я, настоявъ въ прежнемъ моемъ всенижайшемъ прошеніи, принявъ смѣлость къ тому присовокупить, чтобъ его величество милостиво склонился употребить для лучшаго сохраненія секрета ту же персону, доказывая что можетъ случиться такое дѣло, которое подлежитъ его единственному знанію, на что его величество милостиво и согласился изволилъ, и, принявъ отъ меня увѣреніе о вашемъ всевысочайшемъ намѣреніи въ угодность его на будущемъ сеймѣ содѣйствовать, когда вашимъ совѣтамъ послѣдовано будетъ, изъяснился, что онъ, будучи о томъ увѣренъ, надѣется, что и его совѣту иногда слѣдовано будетъ, еже я покрылъ тѣмъ, что то само разумѣется, ибо иначе общее съ обѣихъ сторонъ согласіе состояться не можетъ. Ея величество королева, оказавъ равную благодарность, много распространялась похвалами къ именитому дворовому партизану, доказывая его великій разумъ и искусство, чему и я комплиментами отвѣтствовалъ; и какъ дошла матерія дискурса до извѣстныхъ французскихъ партизановъ, она требовала моего мнѣнія: не приличнѣ ли я признаваю продолженіе наружной къ нимъ учтивости на куртагахъ, нежели явнаго разрыва, котораго будто нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ желаютъ? такъ я принявъ смѣлость представить, что не токмо отъ такой наружной учтивости отвращать, но болѣе къ оной согласовать причину имѣю: довольно того, что я ея величества слово имѣю, что она къ нимъ никакой довѣренности имѣть не изволить».

Но въ слѣдъ за этимъ Остерманъ долженъ былъ донести, что расхваленный королевою «дворовый партизанъ» обманываетъ: онъ дѣйствительно началъ совѣтоваться съ «бонетами» (колпаками), но скоро пересталъ давать имъ отчетъ въ употребленіи русскихъ и англійскихъ денегъ, началъ представлять необходимость

выбора въ секретную комиссію нѣкоторыхъ членовъ Французской партіи; не соглашался чтобъ часть этихъ денегъ шла на устройство столовъ для бѣдныхъ депутатовъ, и чтобъ эти столы учреждались колпаками, сталъ избѣгать свиданія съ послѣдними. И король началъ съ ними изъясняться сдержаннѣе, сталъ повторять, что не сомнѣвается въ преданности графа Ферзена и другаго вождя Французской партіи, статсъ-секретаря барона Германсона ⁵³.

Данія не подавала ни малѣйшаго повода къ безпокойству. Датскій дворъ вполне соглашался со всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось въ Польшѣ со стороны Россіи. Въ концѣ іюня Корфъ увѣдомилъ императрицу о разговорѣ своемъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ барономъ Бернсторфомъ, который, расхваливая поведеніе Чарторыйскихъ и Понятовскихъ, удивлялся необыкновенно разумнымъ дѣйствіямъ Екатерины: въ короткое время царствованія своего она совершила великія и полезныя дѣла какъ внутри, такъ и внѣ своей имперіи почти непонятнымъ и для другихъ дворовъ примѣрнымъ образомъ; умѣла привести въ согласіе Поляковъ, собравшихся на созывательный сеймъ, такъ что даже отважились поправить извѣстныя ошибки въ польскихъ фундаментальныхъ законахъ, на что въ продолженіи вѣковъ не осмѣливались покунуться и почитали за невозможное дѣло. «Но, прибавилъ Бернсторфъ: не будетъ ли Польша опасна своимъ сосѣдямъ, когда придетъ въ совершенный порядокъ?» Корфъ, поблагодаря его за откровенный отзывъ, сказалъ, что выраженіе: *совершенный порядокъ* уже показываетъ, какъ еще много недостаетъ для того, чтобъ Польша стала опасною своимъ сосѣдямъ, на чемъ надобно и успокоиться. Императрица очень желаетъ заслужить имя установительницы мира, однако при томъ хорошо знаетъ связь своихъ интересовъ съ положеніемъ другихъ державъ. Исправленіе польскихъ законовъ коснулось преимущественно экономическаго штата польскаго короля и гражданскихъ законовъ, а *liberum veto* едва ли можетъ быть уничтожено и всегда будетъ служить средствомъ препятствовать намѣреніямъ короля и республики, если эти намѣренія покажутся опасными сосѣдямъ.

Баронъ Корфъ занимался въ Копенгагенѣ не одними датскими отношеніями. 25 февраля онъ просилъ у императрицы всемило-

стивѣйшаго позволенія открыть собственную свою систему, о которой онъ больше двухъ лѣтъ думалъ и которая состояла въ слѣдующемъ: «нельзя ли на сѣверѣ составить знатный и сильный союзъ державъ противъ бурбонскаго союза, который, кажется, чрезъ австрійскій домъ получаетъ себѣ приращеніе; если вѣнскій дворъ и до сихъ поръ находится въ союзѣ съ Франціею, то Англія перестанетъ по прежнему поддерживать равновѣсіе между Австріею и Франціею, слѣдовательно принуждена будетъ принять чью-нибудь сторону. Въ такомъ случаѣ что же ей другое остается дѣлать, какъ пристать къ сѣвернымъ державамъ? Но при этомъ какое множество различныхъ интересовъ надобно принять въ соображеніе! Если въ моемъ мнѣніи найдется что-нибудь полезное, то я увѣренъ, что такое дѣло предоставлено совершить вашему императорскому величеству»⁵⁴.

Это была знаменитая система «сѣвернаго союза, сѣвернаго концерта или аккорта», которая такъ понравилась Панину и которую онъ усыновилъ себѣ по смерти Корфа. Систему эту привести въ исполненіе было трудно именно потому, что нельзя было убѣдить въ ея пользѣ двухъ главныхъ предполагавшихся членовъ послѣ Россіи, — Пруссію и Англію. Фридрихъ II-й, зная страшную вражду къ себѣ Австріи и Франціи и не имѣя возможности сблизиться по прежнему съ Англіею, искалъ для себя обезпеченія въ союзѣ съ Россіею, добился его, благодаря польскимъ дѣламъ, и не желалъ ничего болѣе, вовсе не хотѣлъ связывать себя никакою системою, никакими обязательствами со второстепенными, ничтожными въ его глазахъ державами. Англія, *отрѣзанный ломоть* относительно общей политической жизни континента, была еще болѣе чужда какой-нибудь системы, которая не представляла ей непосредственныхъ торговыхъ выгодъ, которая предполагала обязательства, расходы для какихъ-то отдаленныхъ цѣлей, причемъ хорошаго барыша нельзя было министерству расчестъ по пальцамъ предъ парламентомъ.

Мы видѣли, что Россія желала получить денежную помощь отъ Англіи въ шведскихъ и польскихъ дѣлахъ. Въ первыхъ, хотя съ великимъ трудомъ, еще можно было отъ нея что-нибудь вытянуть, ибо деньги шли на противодѣйствія враждебной ей Франціи; но уже никакъ нельзя было отъ нея требовать, чтобъ она истратила хотя фунтъ стерлинговъ по польскимъ

дѣламъ, къ которымъ была совершенно равн одушна. Мы видѣли въ слѣдствіе этого затруднительное положеніе русскаго министра въ Лондонѣ, графа Александра Ром. Воронцова. Невозможность уладить дѣло съ настоящимъ министерствомъ естественно сближала Воронцова съ оппозиціею. Это, разумѣется, не нравилось настоящему министерству и отсюда возникалъ вопросъ объ отозваніи Воронцова, что было очень пріятно Панину, нелюбившему Воронцовыхъ.

5 января англійскій посланникъ графъ Бѣкингамъ, на конференціи съ вице-канцлеромъ объявилъ, что его правительство ни какъ не можетъ дать Россіи 500,000 рублей субсидіи на текущія польскія дѣла. Настоящее положеніе его не позволяетъ ему этого сдѣлать. Что касается отозванія графа Воронцова, то оно можетъ быть пріятно лондонскому двору, ибо онъ, Бѣкингамъ, имѣетъ приказъ внушить русскому министерству, чтобъ оно не совсѣмъ вѣрило несправедливымъ донесеніямъ Воронцова о настоящемъ положеніи внутреннихъ дѣлъ Англии, тѣмъ болѣе, что примѣчена связь Воронцова съ вождями противной двору партіи и можно безъ ошибки сказать, что эти вожди диктуютъ ему его депеши. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что Воронцовъ будетъ отозванъ въ угодность лондонскому двору; а впрочемъ доношенія этого министра всегда были сходны съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Англии; по нимъ не видно, чтобъ онъ имѣлъ какую-нибудь связь съ противною двору партіею въ предосужденіе настоящаго министерства, и должно думать, что знакомство его съ вождями оппозиціи состояло въ однихъ ничего не значащихъ учтивостяхъ. Послѣ этого Бѣкингамъ началъ просить о заключеніи договоровъ безъ проволочки времени, и получилъ отвѣтъ, что съ русской стороны охотно желаютъ совершенія такого полезнаго обѣимъ державамъ дѣла, но трудно ожидать въ немъ успѣха, когда англійское министерство такъ неподатливо на удовлетвореніе русскихъ требованій, когда оно такъ равнодушно смотритъ на всѣ внѣшнія дѣла европейскаго континента, которыя могутъ принять очень вредный для англійской короны оборотъ, ибо Франція строитъ свою политическую систему на крѣпкомъ основаніи, умножая свои морскія силы вмѣстѣ съ Испаніею, утверждая свои союзы съ разными дворами, особенно съ вѣнскимъ и сардинскимъ. Панинъ въ своемъ разго-

воръ съ Бѣкингамомъ далъ ему понять, что договоръ между Россією и Англією не будетъ заключенъ, если Англія не согласится помочь Россіи деньгами въ польскихъ и шведскихъ дѣлахъ; что русскій дворъ уже выслалъ въ Польшу два милліона рѣблей, и несмотря на то русскіе приверженцы требуютъ новой помощи, потому что Франція расточаетъ тамъ большія суммы.

Пресмникомъ Воронцову назначенъ былъ извѣстный Гроссъ. Относительно его Бѣкингамъ въ конференціи 3 февраля выразилъ мнѣніе, будто онъ сильно преданъ Франціи и потому не можетъ быть пріятенъ въ Англіи. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что Гроссъ человѣкъ извѣданной вѣрности и вездѣ, гдѣ ни былъ, умѣлъ пріобрѣсть себѣ похвалу и одобреніе двора своего; во время послѣдней войны имѣлъ онъ дѣйствительно, какъ и всѣ другіе русскіе министры, болѣе тѣсное согласіе съ французскими, чѣмъ съ англійскими посланниками, но это происходило не отъ личнаго его мнѣнія, а отъ тогдашней системы. Бѣкингамъ, ничего не отвѣчая на это, опять сталъ жаловаться на медленность въ заключеніи договоровъ, представляя, что дворъ его предпочитаетъ дружбу Россіи всякой другой, и не принимаетъ ни чьихъ предложеній, но долженъ будетъ принять ихъ, если съ русской стороны ничего не будетъ сдѣлано. 12 февраля Бѣкингамъ опять жаловался на медленность въ заключеніи договоровъ. Голицынъ отвѣчалъ, что эта медленность происходитъ отъ того, что дѣло разсматривается особливою коммерческою комиссією. 1-го марта Бѣкингамъ объявилъ, что его дворъ считаетъ заключеніе союзнаго и коммерческаго договоровъ съ Россією дѣломъ неудавшимся и потому намѣренъ отозвать его и приписываетъ неудачу дѣла преимущественно бывшему въ Лондонѣ русскому министру графу Воронцову, тогда какъ торговый договоръ болѣе полезенъ Россіи, чѣмъ Англіи, которая можетъ обойтись безъ русскихъ произведеній, имѣя довольное число такихъ же въ своихъ новыхъ американскихъ владѣніяхъ. Вице-канцлеръ отвѣчалъ прежнее, что вина неуспѣха въ заключеніи договоровъ на сторонѣ Англіи, которая не только не приняла русскихъ предложеній, но и не представила ни малѣйшаго средства къ соглашенію. Въ Россіи вполне увѣрены въ пользѣ торговли для обоихъ народовъ: доказательствомъ служить то,

что Англичане продолжают пользоваться выгодами стараго трактата, хотя срокъ его и кончился.

Эти требованія Бёкингама и отвѣты Голицына продолжали повторяться до самой осени. 4 октября Бёкингамъ объявилъ вице-канцлеру о полученіи имъ отъ своего двора указа сообщить русскому министерству, что англійскій министръ въ Стокгольмѣ, который отправленъ въ Швецію въ угоду и по требованію русскаго двора, описывая настоящее состояніе дѣлъ въ Швеціи, признаетъ необходимымъ на первый случай издержать 40,000 рублей; посредствомъ этихъ денегъ онъ надѣется положить хорошее основаніе системѣ русскаго и англійскаго дворовъ въ Швеціи, до значительной степени уменьшить французское тамъ вліяніе и на сеймѣ опредѣлить форму шведскаго правленія согласно съ желаніями обоихъ дворовъ, русскаго и англійскаго; но для приведенія къ желанному концу всего дѣла онъ считаетъ нужнымъ истратить не меньше 120,000 рублей. По этому, продолжалъ Бёкингамъ, англійскій дворъ надѣется, что императрица охотно согласится принять половину этой суммы на себя. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что шведскія дѣла могутъ побудить русскій дворъ принять предложенія англійскаго; впрочемъ эти дѣла не менѣе должны возбуждать вниманіе и Англій, которой слѣдуетъ заботиться какъ о исправленіи формы правленія въ Швеціи, такъ и объ уничтоженіи господствующей тамъ французской партіи, объ отнятіи у сената похищенной имъ королевской власти и установленіи равновѣсія между королемъ и сенатомъ, чтобъ одинъ безъ другаго не могли объявлять войны, заключать договоры и союзы, налагать подати и проч. Кромѣ того у Англій есть еще особенный интересъ въ уничтоженіи вреднаго намѣренія французскаго двора постановить съ шведскимъ союзный морской трактатъ, по которому Швеція обязывалась бы давать Франціи, въ случаѣ морской войны, десять военныхъ кораблей, а уничтожить это намѣреніе иначе нельзя, какъ субсидіями Швеціи съ англійской стороны.

Гроссъ пріѣхалъ въ Лондонъ 16 февраля, и 19 имѣлъ разговоръ съ лордомъ Сандвичемъ, завѣдывавшимъ иностранными дѣлами по сѣверному департаменту. Сандвичъ началъ разговоръ о сильномъ желаніи короля, чтобъ наконецъ союзный и коммерческій договоры между Россією и Англією приведены были

къ окончанію, и прїѣздъ Гросса подаетъ ему нѣкоторую надежду относительно успѣха переговоровъ, по извѣстному искусству новаго министра въ дѣлахъ. Гроссъ отвѣчалъ то же самое, что Панинъ и Голицынъ обыкновенно отвѣчали Бѣкингаму въ Петербургѣ, именно, что виною медленности неподатливость съ англійской стороны. Сандвичъ объяснялъ дѣло тѣмъ, что въ русскомъ проектѣ есть два пункта, которыхъ Англія никакъ не можетъ принять,—одинъ пунктъ о Польшѣ, другой о Турціи. Англія не можетъ обязаться помогать Россіи въ случаѣ войны послѣдней съ Турціею, по своимъ существеннымъ торговымъ интересамъ; не можетъ также обязаться субсидіями для польскихъ дѣлъ, потому что казна истощена послѣднею войною, и такимъ обязательствомъ нынѣшніе министры возбудили бы противъ себя всенародный крикъ; а на всѣ другія предложенія императрицы въ Англіи охотно согласятся. Къ лорду Бѣкингаму отправленъ указъ, чтобъ всячески старался окончить оба трактата—союзный и коммерческій, если же увидитъ совершенную невозможность успѣть въ этомъ, то ожидалъ бы отзывной грамоты. Гроссъ спросилъ: въ случаѣ отозванія Бѣкингама, будетъ ли на его мѣсто отправленъ кто-нибудь другой? Назначится ли министръ второго ранга, отвѣчалъ Сандвичъ и прибавилъ, что по всемъ извѣстіямъ онъ не сомнѣвается, что въ Польшѣ все произойдетъ по желанію императрицы и что умѣренное поведеніе Англіи въ дѣлахъ польскихъ удержитъ Францію отъ глубокаго въ нихъ вмѣшательства. Но Панинъ замѣтилъ на донесеніи: «Увѣдомля англійскій дворъ о производимыхъ въ Польшѣ французско-вѣнскихъ возмущеніи и интригѣ, надлежитъ дать примѣтить, что англійская въ тѣхъ дѣлахъ умѣренность худо Францію удерживаетъ, но паче можетъ ободрять ея въ сѣверѣ инфлюенцію». Англія никакъ не хотѣла отказаться отъ своего *умѣреннаго поведенія*, и когда Гроссъ спросилъ Сандвича, какого рода инструкцію получилъ англійскій резидентъ въ Варшавѣ Ратонъ, Сандвичъ отвѣчалъ, что Ратонъ имѣетъ указъ поступать согласно съ русскими министрами *до нѣкоторой степени*, и въ разговорахъ отзываться, что его государю будетъ очень пріятно при будущемъ избраніи польскаго короля поступать во всемъ согласно съ намѣреніями русской императрицы, *если* притомъ будетъ сохранена вольность, и впередъ англійскій резидентъ

долженъ поступать по этому наставленію. Указывая на разность послѣднихъ словъ, Гроссъ писалъ: «Изъ этого ваше императорское величество собою заключить можете, что отсюда никакого существительнаго вспомошествованія въ польскихъ дѣлахъ ожидать не надлежитъ».

Въ маѣ по поводу заключеннаго между Россіею и Пруссіею союзнаго договора, Сандвичъ замѣтилъ Гроссу, что еслибы Англію пригласили приступить къ этому союзу, то она предпочла бы заключить съ Россіею особый договоръ, ибо ея обязательства, какъ морской державы, другія, чѣмъ обязательства короля прусскаго. Донося объ этомъ, Гроссъ писалъ, что не должно ли приписать словъ Сандвича зависти къ королю прусскому. Панинъ замѣтилъ на донесеніи: «И начинающемуся безпокойству, что по сию пору никакой рѣшительно системы не имѣютъ, а покориться еще не хотятъ; но когда вѣрнѣе увѣдомятся о новой негоціаціи между бурбонскихъ домовъ, то конечно съ нами не будутъ столько торговаться».

Донесеніе Гросса отъ 1 іюня было очень пріятно Панину. Гроссъ писалъ о своемъ разговорѣ съ Сандвичемъ, происшедшемъ наканунѣ, 31 мая. Гроссъ спросилъ, получено ли англійскимъ министерствомъ извѣстіе объ окончаніи переговоровъ между Франціею, Австріею и Испаніею, въ слѣдствіе чего Испанія приступаетъ къ Версальскому договору, а вѣнскій дворъ къ договору фамильному между государями бурбонскаго дома. Сандвичъ отвѣчалъ, что имѣетъ причину думать о заключеніи такого договора, и прибавилъ, что это обстоятельство естественно должно еще сильнѣе побудить англійскаго короля желать заключенія союзнаго договора съ Россіею; что съ англійской стороны готовы принять всѣ приличныя обязательства, только бы можно было ихъ оправдать передъ націею какъ взаимно-полезныя. Еслибы потребовалось, чтобъ и прусскій король былъ включенъ въ договоръ, то съ англійской стороны препятствія этому не будетъ, потому что противная двору партія разсѣваетъ слухи, будто настоящее министерство недовольно заключеніемъ союза между Россіею и Пруссіею, тогда какъ онъ, лордъ Сандвичъ, смотритъ на этотъ союзъ, какъ на хорошее основаніе обязательствамъ, принимаемымъ по желанію англійскаго министерства. «Однако, прибавилъ Сандвичъ, мнѣ было бы очень прискорбно,

еслибъ съ русской стороны было возобновлено прежнее предложение о принятіи участія въ польскихъ дѣлахъ съ уплатою субсидій, потому что министры королевскіе никакъ не могли бы оправдать эту мѣру предъ парламентомъ». — «Очень могли бы, замѣтилъ Гроссъ, еслибъ представили, какъ вредно было бы для Англіи вліяніе Франціи въ Польшѣ, когда бъ она его пріобрѣла тамъ, осиливъ Россію». — «Я хорошо знаю, отвѣчалъ Сандвичъ, что такое представленіе не имѣло бы желаннаго дѣйствія; но я съ вами согласенъ въ томъ, что въ обязательствахъ между Россією и Англією надобно соблюдать совершенное равенство, и что въ такихъ случаяхъ союза, гдѣ помощь войскомъ или флотомъ будетъ невозможна, надобно платить деньги». Панинъ замѣтилъ на донесеніи Гросса: «Разумнымъ производствомъ и твердостью конечно довести можно, что Англія заплатитъ часть убытковъ по польскимъ дѣламъ: ваше императорское величество сами всевысочайше усмотрѣть соизволите, что медленность съ нашей стороны въ сей негоціаціи не произвела ничего дурного, а впередъ можно надѣяться много лучшаго. И, можетъ быть, тутъ то же будетъ, что ваше величество видѣть изволили съ королемъ прусскимъ, когда онъ самъ того домогался, въ чемъ состоялъ главный предметъ нашей политики».

Съ этихъ поръ разговоры между Гроссомъ и англійскими министрами стали отличаться тѣмъ же однообразіемъ, какимъ отличались разговоры между Бекингамомъ, Панинымъ и княземъ Голицынымъ въ Петербургѣ. Англійскіе министры спрашивали, вѣтъ ли надежды на заключеніе союза безъ двухъ пунктовъ — турецкаго и польскаго; Гроссъ отвѣчалъ, что въ этихъ двухъ пунктахъ вся сущность. Когда въ іюлѣ англійскіе министры начали говорить, что если нельзя заключить союза съ Россією, то Англія принуждена будетъ стараться подкрѣпить себя другими союзами, то Панинъ написалъ: «Не найдутъ нигдѣ такого.»

Въ сентябрѣ англійское министерство объявило Гроссу, что хотя король постоянно намѣренъ избѣгать тягостныхъ военныхъ обязательствъ съ державами твердой земли: однако, въ разсужденіи того, что Франція старается впредъ получить отъ Швеціи помощь военными кораблями, англійскій народъ находитъ непосредственный свой интересъ въ уничтоженіи подобныхъ французскихъ видовъ и не пожалѣетъ денегъ на этотъ важный пред-

метъ; но такъ какъ Россія еще болѣе въ этомъ заинтересована, да и первое предложеніе шло съ ея стороны, то справедливость требуетъ, чтобъ половину иждивенія она приняла на себя. Панинъ замѣтилъ: «с'est sequ'on dit negocier en vrai marchand (это значитъ вести дѣло по-торгашески)».

Сандвичъ сообщилъ Гроссу подъ величайшимъ секретомъ двѣ добытыя англійскимъ правительствомъ французскія бумаги. Первая была письмо французскаго посланника въ Стокгольмѣ Бретейля къ герцогу Пралену отъ 31 августа 1764 года. Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ Беранже писалъ, что Екатерина намѣрена въ будущемъ году устроить лагерь въ Финляндіи. По мнѣнію Бретейля это дѣлалось съ цѣлю произвести давленіе на шведскій сеймъ. «Если, писалъ Бретейль, ничто не помѣшаетъ исполненію этого намѣренія русской государыни, то нельзя не предвидѣть пагубныхъ затрудненій, которыя послѣдуютъ отсюда для Швеціи. Я увѣренъ, что найду должную твердость между шведскими патриотами, но боюсь, что тѣ получатъ плохую помощь при печальномъ состояніи всѣхъ частей управленія. Всѣ извѣстія, приходящія изъ Россіи, согласно говорятъ, что неудовольствіе и духъ возмущенія тамъ со дня на день увеличивается. Правда, эти извѣстія прибавляютъ, что Екатерина удваиваетъ заботы и предосторожности, но мѣры тиранства скорѣе служатъ признакомъ волненія, чѣмъ средствомъ для его укрощенія, и въ рабской странѣ важное предпріятіе не бываетъ слѣдствіемъ обдуманнаго соглашенія; недовѣріе и близорукость каждаго препятствуютъ этому. Я знаю это по опыту; я былъ свидѣтелемъ быстроты, съ какою головы и души безъ чувства и мужества воспламенялись и стремились къ самымъ опаснымъ крайностямъ. Минута сводитъ нѣсколько людей, которыхъ надежда на лучшую будущность заставляетъ принимать немедленное рѣшеніе, а деньги быстро производятъ то же самое дѣйствіе на солдатъ. Изъ писемъ Беранже я вижу, что лица, заслуживающія вниманія и мнѣ извѣстныя, дѣлали ему предложенія и увѣряли въ своей преданности, если будутъ обезпечены покровительствомъ въ случаѣ несчастія и получаютъ теперь денежную помощь. Я не сомнѣваюсь, что онъ вамъ донесъ объ этомъ обстоятельстве, и я ручаюсь, что онъ принялъ предложеніе съ мудростію и однако такъ, что головы адресовавшихся къ нему

людей остались разгоряченными. Я увѣренъ, что онъ очень способенъ вести ихъ далѣе съ благоразуміемъ, если вы это ему поручите и если королю угодно будетъ пожертвовать четырьмя или пятьюстами тысячъ ливровъ, чтобъ попытаться низвергнуть Екатерину со всеми взгроможденными ею планами. Это малый исполненный усердія и самой строгой честности. Мнѣ кажется также, что искусный повѣренный въ дѣлахъ будетъ способнѣе къ такому дѣлу, чѣмъ министръ или посланникъ; а притомъ, чѣмъ бы ни кончилось это предпріятіе, ненависть, питаемая къ Франціи гордою императрицею, такъ велика, что уже больше быть не можетъ.»

Беранже далъ знать о томъ же самомъ Пралэну и получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Размышленія, которыя вы дѣлаете по поводу содержанія манифеста о смерти принца Ивана, показались намъ очень справедливыми; я прибавлю только, что русская государыня сдѣлала бы лучше, еслибы это событіе было пройдено молчаніемъ въ публичныхъ бумагахъ или было бы возбѣщено потише. Вы хорошо поступаете, дѣйствуя съ крайнею осторожностію; однако вы должны употребить всю свою дѣятельность, чтобъ проникнуть чувства и намѣренія націи; но вы должны ободрять людей, повѣряющихъ вамъ свои тайны единственно для того, чтобъ извѣщать насъ о ходѣ дѣла, никакъ не рискуя подавать совѣты въ такомъ деликатномъ дѣлѣ. Неудивительно, что отъ времени до времени проходятъ облака между королемъ прусскимъ и русскою императрицею: оба они крайне честолюбивы, оба имѣютъ политическіе виды и интересы, часто сталкивающіеся; ихъ союзъ неестественъ самъ по себѣ; онъ произошелъ въ слѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, а не въ слѣдствіе хорошо обдуманной съ той и другой стороны системы. Можетъ даже случиться, что польскія дѣла заставятъ ихъ поссориться. Я приму господина Одара, когда онъ ко мнѣ явится. Но то, какимъ образомъ онъ оставилъ Россію, и ничтожная польза, какую онъ извлекъ изъ важныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился, не говорятъ нисколько въ его пользу, и я не думаю, чтобъ его величество былъ расположенъ дать ему титулъ, на который можно смотрѣть какъ на награду за услугу, тогда какъ этой услуги никогда не было оказано, на которую

только надѣялись и которая не доставила намъ ничего очень полезнаго».

Такимъ образомъ Англія поквиталась съ Россією. Россія постоянно страдала ее усиленіемъ Франціи; Англія передаетъ извѣстія, что французское правительство покровительствуетъ враждебнымъ движеніямъ противъ императрицы въ самой Россіи. Но это не имѣло вліянія на дальнѣйшіе переговоры Россіи съ Англією.

Въ концѣ декабря Гроссъ передалъ Сандвичу проектъ торговаго договора между Россією и Англією, жалуясь на графа Бѣкингама, что онъ не захотѣлъ принять этого проекта. Сандвичъ отвѣчалъ, что удовлетвореніе императорскому двору уже сдѣлано отозваніемъ Бѣкингама (объ искусствѣ котораго онъ, Сандвичъ, самъ не высокаго мнѣнія), причемъ надѣется, что преемникъ Бѣкингама Макартней будетъ имѣть большій успѣхъ. Въ разговорѣ о торговомъ договорѣ Сандвичъ спросилъ, получилъ ли Гроссъ какое-нибудь наставленіе относительно оборонительнаго союза. Гроссъ отвѣчалъ вопросомъ: дѣйствительно ли англійскій дворъ непременно намѣренъ тѣсно соединиться съ Россією?—«Ничего такъ горячо не желаемъ и ничего не признаемъ согласнѣе съ своими естественными интересами», отвѣтилъ Сандвичъ.—«Всего удивительнѣе, сказалъ на это Гроссъ, что графъ Бѣкингамъ всегда настаивалъ на простомъ возобновленіи стараго союзнаго договора, который былъ заключенъ для подкрѣпленія австрійскихъ интересовъ, несмотря на то, что теперь европейскія отношенія совершенно измѣнились. Императрица надѣется, что при возобновленіи переговоровъ о союзѣ англійскій дворъ захочетъ независимо и прямо быть ея союзникомъ и этимъ способомъ утвердить равновѣсіе европейскихъ силъ въ своихъ рукахъ. Вотъ почему въ проектъ новаго оборонительнаго договора, переданнаго вамъ въ прошломъ году, были включены два секретные параграфа о Польшѣ и Швеціи, имѣющіе связь съ тою сѣверною системою, по которой сѣверныя державы соединяются между собою союзами и составляютъ твердое равновѣсіе въ Европѣ мимо бургонскаго и австрійскаго домовъ». Выслушавъ это съ примѣтнымъ удовольствіемъ, Сандвичъ спросилъ: «Въ новой системѣ упоминается ли король прусскій, потому что мы боимся обширныхъ замысловъ этого государя?» — «Мнѣ не предписано

ничего особеннаго въ разсужденіи короля прусскаго, сказалъ Гроссъ.—«Конечно, замѣтилъ на это Сандвичъ, это предложеніе будетъ охотно принято его великобританскимъ величествомъ; но какимъ образомъ будутъ устранены затрудненія, оказавшіяся въ прежнемъ проектѣ договора?» и на слова Гросса, что Россія желаетъ получить отъ Англіи 500,000 рублей какъ часть вознагражденія за издержки, употребленныя Россією при избраніи новаго польскаго короля, Сандвичъ подтвердилъ, что не смѣетъ и предложить этого королевскому совѣту, знааъ взгляды его членовъ и скудость казны. Впрочемъ Сандвичу понравилось предложеніе, что въ случаѣ войны съ Турцією Россія получаетъ отъ Англіи 500,000 рублей и платитъ такую же сумму Англіи въ случаѣ ея войны съ Испанією.

Но чрезъ нѣсколько дней Сандвичъ объявилъ Гроссу, что секретный параграфъ о дачѣ 500,000 рублей въ случаѣ турецкой войны не можетъ быть принятъ, потому что министерство должно сообщить его парламенту, который выдаетъ деньги; а въ такомъ случаѣ Порта и Франція объ этомъ узнаютъ и англійская торговля въ Левантѣ потерпитъ, войны же испанской въ Англіи мало боятся. (Тутъ Панинъ замѣтилъ: «Купеческая отговорка! нужды нѣтъ никакой открывать покамѣстъ казусъ не настоятъ, а когда настоятъ будетъ, тогда за 500,000 рублей нація не взбунтуетъ противъ правительства. Все сіе состоитъ только въ томъ, чтобъ какъ лавочникамъ торговаться, покамѣстъ время есть и сколько возможно выторговать). Гораздо лучше было бы, продолжалъ Сандвичъ, еслибъ прежній трактатъ просто возобновился съ внесеніемъ общаго параграфа о защитѣ благополучно послѣдовавшаго выбора короля польскаго и сохраненіи правительственной формы и вольностей польской республики. (Панинъ замѣтилъ: «Еще лавочная торговля. Когда по польскимъ дѣламъ намъ была въ нихъ (т.-е. Англичанахъ) вправду нужда, тогда они отъ нихъ отговаривались, и чтобъ ихъ отъ себя отклонить, представляли свою готовность къ шведскимъ дѣламъ, а теперь говорятъ на выворотъ). Гроссъ отвѣчалъ съ удивленіемъ: «Я не могу льстить себя надеждою, что у насъ согласятся на простое возобновленіе прежняго договора, потому что обстоятельства совершенно измѣнились: при подписаніи прежняго договора вѣнскій дворъ былъ главный союзникъ Россіи, Англія принимала

оборонительныя обязательства для подкрѣпленія вѣнскаго союза; а теперь императрица желаетъ соединиться съ Англіею непосредственно, почему и слѣдуетъ, чтобъ Англія помогала Россіи нѣкоторою суммою денегъ противъ Порты, какъ Марія Терезія обязывалась прежде помогать войскомъ; представленный съ нашей стороны эквивалентъ поданіемъ помощи противъ Испаніи очень недостаточенъ, ибо вѣроятно, что въ теченіи осьми лѣтъ Турки, съ которыми у насъ никакого спору нѣтъ, ничего не предпримуть противъ Россіи, а напротивъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ это время и по личному характеру короля испанскаго, и по различію интересовъ, и по фамильному договору съ Франціею, между Испаніею и Англіею откроется война. Еслибы, несмотря на все это, въ Англіи рѣшили исключить взаимно войну турецкую и войну испанскую, то я долженъ настоять на уплату 500,000 рублей за издержки, употребленныя по первому моему предложенію». На это Сандвичъ возразилъ, что если совѣтъ королевскій не могъ обѣщать участія въ польскихъ издержкахъ прежде избранія короля, то послѣ счастливаго рѣшенія этого дѣла еще меньше на это согласится. Въ заключеніе Сандвичъ замѣтилъ, что осмилѣтній срокъ договора имъ не нравится, и что націи и парламенту странно показалось бы, еслибъ въ настоящемъ союзномъ договорѣ Россіи предоставлены были большія выгоды, чѣмъ въ прежнемъ. (Панинъ замѣтилъ на это: «Не меньше бѣ и Россійской имперіи дико показалось, еслибъ при такомъ общій пользѣ и славѣ попечительномъ царствованіи Россійской дворъ не съ лучшими и справедливѣйшими для нея выгодами свои союзы заключилъ. Заключительно сказать Англичане считаютъ военный случай еще отдаленнымъ, и потому настоящее время въ свою пользу хотятъ выиграть и насъ своими затрудненіями къ тому привести, къ чему равновѣсіе взаимства склонить не можетъ. Напротивъ чего надежнѣйшій въ нашу сторону успѣхъ долженъ зависѣть отъ нашей собственной твердости и терпѣнія, средствомъ чего дожидаться можно ближайшей Англичанамъ нужды въ нашемъ союзѣ»).

Краткость срока для новаго союзнаго договора не нравилась въ Англіи; но Панинъ въ письмѣ своемъ къ Гроссу отъ 12 ноября изъясняетъ причины такого рѣшенія: «Извѣстное дѣло, что генеральныя дѣла не могутъ долго оставаться въ одинакомъ по-

ложеніи, и что случающіяся въ той или другой части Европы хотя частыя, но тѣмъ не меньше нечаянныя и чрезвычайныя происшествія причиняютъ однако въ интересахъ, въ правилахъ и мѣрахъ державъ великія и напередъ отнюдь непостигаемыя перемѣны, кои обыкновенно всю ихъ систему буде не совершенно уничтожаютъ, но крайней мѣрѣ много развращаютъ. Ся ради причины полагая восемь лѣтъ такимъ срокомъ, въ который по теченію дѣлъ обыкновенно нѣчто перемѣнное случается, изволила ея императорское величество не въ разсужденіи одного англійскаго двора, но въ разсужденіи всѣхъ своихъ настоящихъ и будущихъ союзниковъ положить за основаніе, чтобъ не опредѣлять своихъ обязательствъ больше, какъ на восемь лѣтъ, не для того, чтобъ тѣмъ избѣгать подаянія помочи, полагая, будто въ толь короткое время не будетъ настоять случай союза, но для того, чтобъ какъ при дѣйствительномъ онаго настояніи тѣмъ охотнѣе и усерднѣе оную подавать, такъ и въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ имѣть всю свободу соображать и распространять по онымъ обязательства свои и такимъ образомъ сугубо быть союзникамъ своимъ полезною».

Относительно приведенныхъ извѣстій объ интригахъ Бретейля и Беранже Панинъ такъ успокоивалъ Гросса: «Для вашего собственнаго успокоенія я за нужное нахожу вамъ сообщить, что совершенно мы здѣсь ни малѣйшей причины не имѣемъ опасаться прямого дѣйства намѣреній и дѣлъ нашихъ злодѣевъ, но паче надѣяться должны, что они своимъ явнымъ беззаконіемъ сами себя наконецъ посрамятъ. Беранже съ малымъ умишкомъ самый фанатикъ въ политическихъ тонкостяхъ, а Бретейль острый, но дерзкій въ дѣлахъ петиметръ. Теперь онъ въ Швеціи въ разсужденіи чрезвычайнаго сейма и тамошняго разстроеннаго положенія видитъ отверенный себѣ карьеръ дѣлъ подверженнымъ противнымъ перемѣнамъ, наипаче отъ нашего въ нихъ участія съ освобожденными руками отъ стороны польскихъ конъюнктуръ и, повидимому, яко запрометчивый молодой человекъ, вздумалъ къ тому времени завести у насъ какія ни есть внутреннія движенія, чѣмъ бы мы могли быть упражнены; а къ возбужденію на то своего двора пользуется какъ персонально къ себѣ преданностію того Беранже, такъ и его натуральною слѣпою тон-

костію, приводя его къ увеличиванію его собственныхъ фантомовъ».

Обширность Россіи заставляла правительство въ одно время вести переговоры о союзѣ съ крайнею державою на западѣ Европы и принимать мѣры предосторожности относительно китайскихъ границъ. Генераль-поручикъ Шпрингеръ донесъ въ іюлѣ изъ Усть-Каменогорской крѣпости, что по развѣдыванію оказывается на границахъ множество китайскаго войска. Въ слѣдствіе этого собралась конференція изъ Вильбоа, Панина, графа Захара Чернышева, графа Эрнста Миниха, кн. Александра Голицына, Веймарна и Олсуфьева, и донесла императрицѣ, что она рѣшила: 1) предписать виды и къ исполненію ихъ общія мѣры сибирскимъ губернаторамъ и другимъ управителямъ для приведенія въ лучшее состояніе этой отдаленной области; 2) постановить правила о китайской торговлѣ и таможенныхъ дѣлахъ; 3) сдѣлать новыя распоряженія относительно защиты границъ, чтобъ не подвергались онѣ внезапнымъ нападеніямъ; 4) ближайшими и пристойнѣйшими средствами начать съ китайцами переговоры для прекращенія настоящихъ замѣшательствъ, хотя до того времени, пока здѣшнія границы будутъ достаточно укрѣплены, чтобъ здѣшнія требованія можно было подкрѣплять съ оружіемъ въ рукахъ. Конференція полагала: 1) что необходимо раздѣлить Сибирь на двѣ губерніи и учредить губернаторовъ въ двухъ мѣстахъ, Тобольскѣ и Иркутскѣ, и притомъ переимѣнить правила относительно распространенія тамъ звѣриной ловли, правила, благодаря которымъ въ этой обширной и очень малолюдной странѣ значительная часть народа остается безъ всякаго попеченія, будучи разсыпана въ отдаленныхъ сѣверныхъ предѣлахъ, проводя жизнь почти скотскую, и наконецъ совершенно погибая. Надобно предписать тамошнимъ губернаторамъ и другимъ начальникамъ, чтобъ они выгодами и ласками привлекали людей къ выходу изъ тѣхъ холодныхъ предѣловъ, и сводя ихъ ближе другъ къ другу, заводили селенія къ южной сторонѣ; этими поселеніями и границы будутъ приведены въ лучшее состояніе, и польза, получаемая отъ земледѣлія и другихъ сельскихъ промысловъ, несравненно превзойдетъ ту, которая теперь получается отъ одной звѣриной ловли въ безплодныхъ сѣверныхъ земляхъ. 2) Китайцы перевели торговлю изъ Кяхты въ

Ургу, съ цѣлю заставить русскихъ купцовъ ѣздить въ свой китайскій городъ, и хотя теперъ Китайцы немножко сбавили своей спѣси и начинаютъ опять ѣздить въ Кяхту съ товарами, однако конференція разсуждала, нельзя ли въ пользу русскихъ купцовъ учредить особую вольную компанію, ибо въ такомъ случаѣ не будетъ перебивки въ цѣнахъ, и компанія будетъ для собственной пользы стараться, чтобъ не было тайнаго провозу товаровъ, почему въ сборѣ пошлинъ не будетъ происходить ущерба. Но пока учредится компанія, конференція полагаетъ нужнымъ: 1) позволить по прежнему всякому русскому купцу имѣть участіе въ этомъ торгѣ; 2) но вмѣсто того, чтобъ ѣхать прямо въ Кяхту, купцы должны останавливаться въ Селенгинскѣ, и здѣсь выбрать маклеровъ, которые и размѣниваютъ въ Кяхтѣ товары по установленной цѣнѣ, чтобъ купцы перестали другъ другу дѣлать подрывъ. Для безопасности Сибири содержать въ ней 11 полковъ; отправить въ Омскъ и Селенгинскъ полевую артиллерію; увеличить генералитетъ еще однимъ генераль-майоромъ, такъ чтобы генераль-поручикъ жилъ въ Омскѣ или гдѣ обстоятельства потребуютъ, одинъ генераль-майоръ въ Петропавловской крѣпости, другой въ Усть-Каменогорскѣ, третій въ Бійскѣ, четвертый въ Селенгинскѣ. Держать полки въ соединеніи, готовыми къ отпору непріятеля, а не по форпостамъ ⁵⁵.

Г Л А В А П.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1765 годъ.

Винные откупа.—Содержаніе войска.—Недовольство императрицы флотомъ и работами въ Балтійскомъ Портѣ.—Ревельская гавань.—Путешествіе Екатерины по Ладожскому каналу.—Каналь отъ Сяси до Волхова.—Дѣятельность сената по вопросу о малолѣтнихъ преступникахъ и укривательствѣ злодѣевъ.—Твердость императрицы въ ограниченіи пытокъ.—Записка Екатерины по поводу дѣла Волынскаго.—Новости въ сенатѣ.—Безпорядки въ коллегіяхъ.—Печальное извѣстіе о русской торговлѣ въ Константинополь.—Введеніе картофеля.—Дѣятельность новгородскаго губернатора Сиверса.—Коммиссія о государственномъ межеваніи.—Вопросъ объ устройствѣ казармъ.—Событія въ областномъ управленіи.—Медленность ревизіи.—Коммиссія о заводскихъ крестьянахъ.—Крѣпостные люди у купцовъ.—Почта.—Отмена сборовъ за поставленіе духовныхъ лицъ.—Опредѣленіе платы за требы.—Расколъ.—Дѣло нысгорскаго архимандрита Густа.—Столкновеніе воронежскаго епископа съ донскими козаками.—Дѣятельность Румянцева въ Малороссіи.—Столкновеніе иностранныхъ колонистовъ съ прежними русскими поселенцами.—Самозванцы.—Общій взглядъ на отношенія Россіи къ Польшѣ.—Диссидентское дѣло и столкновеніе Польши съ Пруссіею.—Сношенія Россіи съ другими европейскими государствами въ 1765 году.

Годъ начался рѣшеніемъ важнаго финансоваго вопроса. Мы видѣли, что относительно продажи соли и вина правительство находилось въ большомъ затрудненіи: сильно хотѣлось облегчить народъ уменьшеніемъ цѣны на соль, но нельзя было удешевить соль какъ бы желалось, потому что нельзя было отыскать новыхъ источниковъ дохода для покрытія необходимыхъ государственныхъ издержекъ. Легче соглашались на увеличеніе

цѣны вина; но тутъ усиливалось корчемство, которое требовало для своего искорененія много хлопотъ, и, что хуже всего, увеличивало страшно число уголовныхъ дѣлъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ винная продажа предоставлена была магистратамъ и ратушамъ, причоmъ происходили «превеликіе подлоги и утайки, вражды, доносителства, тяжбы и пресѣченіе купеческаго промысла». Въ большей части мѣстъ винная продажа состояла на откупѣ; но откупщикъ долженъ былъ впередъ заплатить въ казну болѣе 2 рублей за ведро при покупкѣ у нея вина, и послѣ, при продажѣ вина въ народъ, долженъ былъ получить себѣ около 40 копѣекъ для уплаты извѣстной откупной суммы: для правительства было ясно, что откупщики продавали тайкомъ подвозное вино вмѣсто казеннаго. 26 января императрица пріѣхала въ сенатъ въ началѣ 9-го часа, и, возвращая поднесенный ей докладъ комиссіи о соли и винѣ, объявила свою волю, чтобъ сенатъ немедленно приступилъ къ разсужденію о средствахъ, какъ согласить пользу государственную съ пользою всего общества, нимаю не упуская при этомъ изъ виду, чтобъ собираемый теперь съ вина доходъ если не умножить, то, по крайней мѣрѣ никакъ не умалить. Послѣ этого прочтенъ былъ докладъ съ собственными примѣчаніями императрицы, которая объявила, что эти примѣчанія не должны быть приняты за указъ, ибо приложены только для объясненія, кромѣ отмѣны въ наказаніяхъ за корчемство. Въ 12-мъ часу Екатерина удалилась; сенаторы стали разсуждать, какъ бы точнѣе исполнить ея повелѣніе и пришли къ слѣдующимъ рѣшеніямъ: 1) признать полезнымъ и необходимымъ отдачу винной продажи на откупъ. 2) Чтобы притомъ избѣгать всѣхъ излишнихъ расчетовъ, и удостовѣриться, что откупная сумма сполна будетъ доходить въ казну, положить основаніемъ откупной суммѣ расходъ вина по трехлѣтней сложности за послѣдніе три года. 3) Для большей надежности казнѣ на случай неисправности платежа откупной суммы, вино имѣть казенное и отдавать его откупщикамъ, по ихъ требованію, за наличныя деньги по расчету всей откупной суммы. 4) Откупщики должны продавать вино ведрами и бочками по 2 р. 64 коп. ведро, а продажа кружками и чарками оставляется на ихъ волю⁵⁶. Манифестъ объ откупахъ изданъ 1 августа; они должны были начаться съ 1767 года; до-

ходъ отъ продажи вина показанъ болѣе, чѣмъ на четыре милліона рублей ⁵⁷. На другой день послѣ публикованія этого манифеста князь Вяземскій предъявилъ сенату именной указъ, въ которомъ говорилось, что императрица, будучи обременена другими государственными дѣлами, дозволяетъ сенату рѣшить большинствомъ голосовъ и публиковать корчемный уставъ. Сенатъ при этомъ рѣшеніи не могъ не принять къ свѣдѣнію рѣшенія Екатерины по одному корчемному дѣлу: смоленская шляхтянка полковница Ирина Потемкина (вдова Владиміра Денисовича) попалась въ корчемствѣ и подала императрицѣ просьбу, въ которой повинилась, что велѣла служанкѣ изъ своего дома продавать вино, и такой проступокъ учинила какъ женщина по незнанію строгости законовъ. Императрица простила ее и приказала возвратить отписанное у нея имѣніе, если только дѣло дѣйствительно происходило такъ, какъ показано въ челобитной ⁵⁸. Третій годъ въ сенатѣ тянулось непріятное дѣло о вознагражденіи виноторговцамъ, у которыхъ было разграблено вино 28 іюня 1762 года. Въ 1763 году сенатъ призналъ справедливымъ вознаградить за расхищенное изъ кабаковъ простое вино зачетомъ откупщикамъ въ откупную сумму; на этомъ основаніи теперь онъ рѣшилъ подать императрицѣ докладъ, что справедливость требуетъ зачесть продавцамъ винограднаго вина ихъ убытокъ въ пошлинный сборъ, и убытокъ этотъ простирался на 24,331 рубль ⁵⁹.

Количество подушныхъ денегъ опредѣлено было въ 5,212,685 рублей. Вся эта сумма, по распоряженію еще Петра Великаго, шла на содержаніе войска; но кромѣ того на это содержаніе получались деньги изъ винныхъ, соляныхъ, таможенныхъ и другихъ сборовъ, такъ что вся сумма, назначенная на содержаніе войска, простиралась до 8,116,601 рубля ⁶⁰. Флотомъ императрица была очень недовольна, что видно изъ письма ея къ Н. И. Панину отъ 8 іюня, послѣ смотра: «У насъ въ излишествѣ кораблей и людей, но у насъ нѣтъ ни флота, ни моряковъ. Въ ту минуту, когда я подняла штандартъ и корабли стали проходить и салютовать, два изъ нихъ погибли было по оплошности ихъ капитановъ, изъ которыхъ одинъ попалъ кормою въ оснастку другого, и это во стѣ быть можетъ тузазахъ отъ моей яхты; добрый часъ они возились, чтобъ высвободить свои борта, что

наконецъ имъ и удалось къ великому ущербу ихъ мачтъ и оснастки. Потомъ адмиралу хотѣлось, чтобъ они выравнялись въ ливію; но ни одинъ корабль не могъ этого исполнить, хотя погода была превосходная. Наконецъ въ 5 часовъ послѣ обѣда приблизились къ берегу для бомбардированія такъ называемаго города. Впереди помѣстили одну бомбардирскую лодку, и когда хотѣли поставить около нея другую, то съ трудомъ успѣли такую найти, потому что никто не держался въ ливію. До 9 часовъ вечера стрѣляли бомбами и ядрами, которыя не попадали въ цѣль. Самъ адмиралъ былъ чрезвычайно огорченъ такимъ ничтожествомъ и признается, что все, выставленное на смотръ было изъ рукъ вонъ плохо. Надобно сознаться, что корабли походили на флотъ, выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, а не на военный» ⁶¹.

Мы видѣли, что Екатерина была также недовольна работами въ Балтійскомъ портѣ; а между тѣмъ сенатъ докладывалъ, что надобенъ новый налогъ для продолженія работъ по его укрѣпленію. Екатерина написала собственноручно: «Усмотрѣла я изъ сенатскаго доклада о Балтійскомъ портѣ, что безъ новаго налога оной работы никакъ продолжить не можно; мои же намѣренія со дня восшествія моего никогда не склонялись къ отягощенію подданныхъ, но единственно къ облегченію и благополучію оныхъ; всякій же безъ крайней надобности налогъ есть отягощеніе; того для необходимая надобность состоитъ, дабы единожды сдѣлать твердыя положенія порту Балтійскому, изъ чего родится первый вопросъ, нужной ли сей портъ для государства, и потомъ, какъ и сколько въ немъ изживенія для способности и безопасности употребить; причемъ еще и то вспомнить должно, чтобъ полезность преимущество имѣла предъ пышностью». Императрица велѣла фельдмаршалу Миниху, генераламъ Панину (Петру Ив.), Муравьеву, Чернышеву и адмиралу Мордвинову имѣть конференцію по этому предмету, представить свое мнѣніе вмѣстѣ съ планомъ работъ, «дабы единожды всѣ сумнительства о сей матеріи рѣшены были» ⁶². Конференція пришла къ тому, что надобно устроить при Ревелѣ морскую военную каменную гавань для помѣщенія 25 военныхъ кораблей и фрегатозъ, на что нужно денегъ 4 милліона рублей, а работниковъ 3000 человекъ; надобно употребить всѣ усилія для устрой-

ства ревельской гавани, постройки при Балтійскомъ портѣ остановить, а сдѣланный уже тамъ молъ обратить въ убѣжище для судовъ отъ штурмовъ; для окончанія здѣшнихъ работъ довольно 2000 каторжныхъ и 500 гарнизонныхъ солдатъ съ небольшимъ казеннымъ расходомъ. Ревельская гавань можетъ быть отстроена въ 12 лѣтъ, если будетъ ежегодно выдаваться по 400,000 рублей. Екатерина написала на докладѣ конференціи: «Сенатъ имѣеть означить, откуда ежегодно сію сумму брать безъ отягощенія народнаго»; а на планѣ написала: «Съ Богомъ, быть по сему». Сенатъ представилъ, что на строеніе при Ревелѣ каменной гавани, «яко на благоугодное и преползное для общества всѣхъ вѣрноподанныхъ дѣло», онъ полагаетъ употреблять по 200,000 рублей изъ суммы коллегіи-экономіи, оставшейся за употребленіемъ въ опредѣленные расходы, а другіе 200,000 рублей отчислять изъ прежде наложенныхъ на вино сборовъ ⁶³.

Въ августѣ императрица была въ Ладогѣ, проѣхалась по каналу: «Каналь прекрасенъ, но заброшенъ; путешествіе» по немъ очень удобно—во всю дорогу ни малѣйшаго потрясенія, писала она Панину. Екатерина осмотрѣла начало работъ по новому каналу отъ Сяси до Волхова ⁶⁴. На этотъ каналъ отпущено было 70,000 рублей ⁶⁵. Предполагался каналъ изъ Переяславскаго озера въ Волгу; но сенатъ подалъ докладъ, что надобно повременить проведеніемъ этого канала до болѣе точныхъ свѣдѣній. Провести его легко, все будетъ стоить не болѣе 8000 рублей; но переяславскіе купцы объявили, что имъ на судахъ отправлять нечего, да около Переяславля годнаго для постройки судовъ лѣса мало, и волжскія пристани не далѣе 80 верстъ ⁶⁶. 70,000 рублей на каналъ изъ Сяси въ Волховъ назначены были изъ процентныхъ денегъ коммерческаго банка; для усиленія дѣятельности обонхъ государственныхъ банковъ позволено было всякому вносить въ нихъ деньги для приращенія процентами, только не менѣе ста рублей ⁶⁷.

Въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ было нѣсколько чрезвычайныхъ засѣданій сената вмѣстѣ съ коллегіями и въ присутствіи императрицы. Первое засѣданіе, 10 марта, происходило по дѣлу о малолѣтнихъ преступникахъ за невмѣніемъ точнаго закона о наказаніяхъ имъ. Мы видѣли, что въ началѣ царствованія Елисаветы было по тому же предмету чрезвычайное засѣданіе сената

и было постановлено считать по уголовнымъ дѣламъ совершеннолѣтіе въ 17 лѣтъ. Отсутствие точнаго закона вѣроятно произошло въ слѣдствіе возраженія синода, что совершеннолѣтіе можно считать и съ 12 лѣтъ, потому что и въ бракъ позволено вступать ранѣе 17 лѣтъ, и къ присягѣ вѣлѣно приводить съ 12 лѣтъ, и вообще «человѣку меньше 17 лѣтъ доволный смыслъ имѣть можно». Императрица пришла въ засѣданіе, выслушала экстриктъ изъ дѣла и подачу голосовъ и удалилась. Послѣ ея ухода продолжалось расужденіе и постановили: по уголовнымъ дѣламъ совершенный возрастъ считать 17 лѣтъ; ранѣе этого возраста пытокъ не производить, а по изслѣдованіи представлять сенату; которые преступники будутъ менѣе 17 лѣтъ и смертной казни не заслуживаютъ, а только тѣлесное наказаніе, тѣхъ безъ представленія въ сенатъ наказывать отъ 15 до 17 лѣтъ плетями, отъ 10 до 15 розгами, десяти же лѣтъ и меньше отдавать для наказанія отцамъ, матерямъ или помѣщикамъ. Императрица утвердила это постановленіе ⁶⁸.

Черезъ недѣлю, 17 марта, другое такое же засѣданіе сената въ присутствіи императрицы: слушано было дѣло о вытяхъ за пристань и укывательство воровъ и разбойниковъ, какимъ образомъ взыскивать эти выти, со всѣхъ ли жителей или только съ однихъ пристанодержателей. Сенатъ постановилъ: взыскивать съ однихъ пристанодержателей, ибо истцы, въ виду большихъ вытей, большею частію стараются увеличивать свои иски; а чтобъ всѣхъ жителей опоручить круговою порукою въ искорененіи злодѣевъ, чтобъ не было съ ихъ стороны слабago смотрѣнія, и даже понаровки, то взыскивать съ нихъ штрафъ по 10 копѣекъ съ каждой ревизской души, а съ десятскихъ, сотскихъ, прикащиковъ и старостъ съ cadaго по 5 рублей, и штрафныя деньги отдавать истцамъ въ искъ, а за удовлетвореніемъ истцовъ остальные деньги могутъ быть употреблены на бѣдныхъ ⁶⁹. Въ концѣ апрѣля, въ присутствіи Екатерины, читался въ сенатѣ докладъ 2-го департамента и письмо на имя императрицы находящагося въ тарскомъ магистратѣ подъ карауломъ купца Зинкова о притѣсненіяхъ и взяткахъ съ него. Екатерина велѣла сибирскому губернатору изслѣдовать дѣло и съ виновными поступить по законамъ, только не ставить въ вину Зинкову письмо его на высочайшее имя ⁷⁰.

Борьба противъ пытки продолжалась. Мы видѣли, что въ 1763 году запрещено было производить пытки въ приписныхъ городахъ, велѣно отсылать преступниковъ въ провинціальныя и губернскія канцеляріи, и тутъ поступать съ крайнею осторожностію ⁷¹. Но въ 1765 году иркутская канцелярія прислала въ сенатъ доношеніе, что приписные къ ней города находятся отъ Иркутска въ разстояніи отъ 400 до 3000 верстъ, и если изъ нихъ посылать для розыску преступниковъ въ Иркутскъ, то они едва въ годъ могутъ туда дойти и на пропитаніе ихъ съ карауломъ на такомъ пути по безлюднымъ мѣстамъ нужна значительная сумма, которой взять негдѣ. Сенатъ согласился съ этимъ доношеніемъ и просилъ у императрицы указа. Екатерина написала: «Изъ сихъ мѣстъ колодниковъ въ губерніи не возить», а стараться дѣло окончить безъ пытокъ въ указанный срокъ» ⁷². Эта твердость въ данномъ случаѣ была тѣмъ благодѣтельныѣе, что въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ начальствующія лица и такъ позволяли себѣ страшныя злоупотребленія. Къ этому же году относится собственноручная записка Екатерины по поводу дѣла Волынскаго: «Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Императрица Анна своему кабинетному министру, Артемію Волынскому, приказывала сочинить проектъ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, который онъ и сочинилъ, и ей подалъ. Осталось ей полезное употребить, бесполезное оставить изъ его представленія. Но напротивъ того, его злодѣи, и кому его проектъ не понравился, изъ того сочиненія вытянули за волосы такъ сказать и взвели на Волынскаго измѣннической умысль и будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть государя, что отнюдь на дѣлѣ не доказано. Еще изъ сего дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточные рѣчи; ибо до пытокъ всѣ сіи несчастные утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили все, что злодѣи ихъ хотѣли. Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ лучше утвердительно вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодною кровію; всякій пытанный въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ что говорить. И такъ отдаю на разсужденіе всякому, имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣ-

рять пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброю совѣстію полагаться. Волинскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнилъ; но напротивъ того, добрый и усердный патриотъ в ревнителемъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества, и такъ смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ, и хотябъ онъ и заподлинно произносилъ тѣ слова въ нареканіе особы императрицы Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упомянуто, тобъ она, бывъ государыня цѣломудрая, имѣла случай показать, сколь должно уничтожить подобныя малости, которыя у ней не отнимали ни на верхка величества и не убавили ни въ чемъ ея персональныя качества. Всякій государь имѣетъ неисчисленные краткіе способы къ удержанію въ почтеніи своихъ подданныхъ; еслибъ Волинскій при мнѣ былъ, и ябъ усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ: я бы старалась всякими, для него неогорчительными способами, его привести на путь истинный. А еслибъ я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, ябъ ему сказала или дала разумѣть, не огорчая же его: будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ! Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены; изволь мѣряться на сей аршинъ; а если кто изъ васъ, мои дражайшіе потомки, сія наставленія прочтетъ съ уничтоженьемъ, такъ ему болѣе въ свѣтѣ, и особливо въ российскомъ, счастья желать нежели пророчествовать можно»⁷³.

Въ сенатѣ особенною пылкостью отличался по прежнему князь Яковъ Шаховской, несмотря на преклонные годы. Во время комиссіи надъ Хорватомъ послѣдній въ своихъ доношеніяхъ въ эту комиссію позволилъ себѣ выходки противъ Шаховского; теперь когда Хорватъ былъ уже осужденъ, вмѣсто смерти, на лишеніе всѣхъ чиновъ, Шаховской потребовалъ, чтобъ Хорватъ далъ ему удовлетвореніе за нанесенную обиду. На докладѣ сената объ этомъ Екатерина написала собственноручно: «Может ли для общества мертвый человѣкъ сатисфакцію дать? Если сей вопросъ рѣшенъ будетъ, то резолюцію дамъ»⁷⁴.

Изъ молодыхъ сенаторовъ особенною ретивостію отличался Петръ Ивановичъ Павинъ, что, какъ видно, не очень правилось его товарищамъ. Однажды онъ сталъ читать свое мнѣніе о вотчинныхъ дѣлахъ, кого и при какихъ случаяхъ надобно почитать настоящими вотчинниками. По выслушаніи мнѣнія девять чело-

вѣкъ сенаторовъ объявили, что они объ этомъ мнѣніи ничего сказать не могутъ, потому что мнѣніе подано ни по какому дѣлу, на будущій случай, и потому еще, что предлагать обо всемъ съ объясненіемъ законовъ принадлежитъ генераль-прокурору. Графы Ферморъ и Бутурлинъ объявили, что мнѣніе очень пространно и потому, не получа копию, войти въ разсужденіе нельзя. Олсуфьевъ объявилъ что подастъ свое мнѣніе. Этимъ дѣло и кончилось ⁷⁵.

Мы видѣли, что императрица позволила сенату провести корчменный уставъ рѣшеніемъ большинства голосовъ; въ концѣ года такое же позволеніе дано было относительно частнаго тяжбаго дѣла ⁷⁶. Въ описываемомъ году сенатъ въ первый разъ получилъ вакацію отъ 15 до 30 іюня; но для входящихъ дѣлъ, которыя бы требовали немедленнаго рѣшенія, должно было оставлять для присутствія по одному сенатору, изъ каждаго департамента, съ ихъ согласія ⁷⁷.

Безпорядки въ новой коллегіи экономіи подали поводъ сенату принять такое рѣшеніе: приказали—во всѣ присутственныя мѣста послать указы слѣдующаго содержанія: по случаю собственнаго ея императорскаго величества разсмотрѣнія о происшедшемъ въ нѣкоторомъ присутственномъ мѣстѣ непорядкѣ, изъ послѣдовавшаго за собственноручнымъ подписаніемъ тому мѣсту съ материнскимъ отъ ея величества исправленіемъ высочайшаго указа сенатъ, принявъ все въ томъ указѣ къ исправленію онаго мѣста изображенное за общее и всѣмъ прочимъ мѣстамъ наставленіе, для того, стараясь о исполненія онаго, предписываетъ нижеслѣдующіе пункты, содержащіе въ себѣ высочайшую волю и повелѣніе: 1) Дабы вмѣсто возложенныхъ на присутственныя мѣста трудовъ не поставляли они прямой своей должности въ приказныхъ только обрядахъ и не обращали бы упражненій своихъ въ единственные споры и дѣла не приходили бы чрезъ то въ совершенный упадокъ. 2) Не выступать изъ предѣловъ своего званія, не наносить одному противъ другого раздраженій и партикулярныхъ неудовольствій, не заходить другъ противъ друга въ недѣльные письменные голоса, а потомъ и въ персональные протесты. Довольствуются только по канцелярскому порядку репортами, что указы посланы; но никто о томъ не печется и не взыскиваетъ, чтобъ оныя самимъ дѣломъ испол-

нены были. 3) Дихоимственныя дѣла не неважными, а разрушающими правосудіе и повреждающими государственное положеніе почитать. 4) Членамъ не избѣгать отъ засѣданій отговорами ни старостію лѣтъ, ни болѣзненными припадками и тѣмъ не терять времени чрезъ развозъ канцелярскими служителями дѣлъ для подписки по домамъ, ибо не можетъ быть тамъ общаго разсужденія, гдѣ за таковыми членовъ извиненіями нѣтъ частаго общаго собранія. 5) Не причинять дѣламъ остановки неимѣніемъ полныхъ собраній. 6) Прокурорамъ помнить свою инструкцію. 7) Чтобъ досадуя на персону, никто не мстилъ пренебреженіемъ въ дѣлахъ должности своей, но старались бы порученныя дѣла почитать за предметъ чести и обязательства своего къ ея императорскому величеству и отечеству, слѣдовательно и труды свои нести такъ, чтобъ архивы наполнять документами прямыхъ дѣлъ, а не пустыми бумагами ⁷⁸.

Мы видѣли, что знаменитый Волковъ, ставши президентомъ мануфактуръ-коллегіи, жаловался, что это коллегія, безъ его вѣдома, позволила кн. Долгорукову завести хрустальную фабрику; коллегія оправдывалась тѣмъ, что дѣло еще не приведено къ окончанію; несмотря на то сенатъ предписалъ коллегіи безъ согласія президента никому не давать позволенія заводить фабрики ⁷⁹.

Сенатъ долженъ былъ остановить попытку возобновить старое донетровское распоряженіе съ ремесленниками. Лѣтомъ описываемаго года императрица велѣла устроить карусель, и оберъ-шталмейстеръ князь Репнинъ отправилъ въ главный магистратъ требованіе, чтобъ выслалъ портныхъ, Нѣмцевъ и Русскихъ для работы къ каруселю. Главный магистратъ отвѣчалъ, что, по своему регламенту, онъ не можетъ этого сдѣлать безъ сената, а сенатъ приказалъ: послать указъ кн. Репнину, что главный магистратъ отвѣчалъ согласно съ законами о непринужденіи цеховыхъ портныхъ къ работѣ, поэтому и сенатъ иначе опредѣлить не можетъ; а можетъ онъ, г. оберъ-шталмейстеръ, публиковать о свободной явкѣ портныхъ за настоящую плату и этими свободно явившимися, а не принужденными, исправляться ⁸⁰.

Въ юномъ русскомъ мануфактурномъ мірѣ произошло крупное явленіе, которое показывало, какъ не долго обширныя заведенія остаются въ одной фамиліи: статскій совѣтникъ Алексѣй

Затрапезновъ свою полотняную ярославскую фабрику со всеми принадлежностями продалъ коллежскому ассессору Савѣ Яковлеву за 600,000 рублей. Что касается внѣшней торговли, то мы имѣемъ отъ описываемаго времени печальное извѣстіе русскаго посланника въ Константинополь, Обрѣзкова, который доносилъ императрицѣ, что вольное кораблеплаваніе по Черному морю не можетъ привести русскую торговлю въ желаемое состояніе, по причинѣ чрезвычайнаго невѣжества и неразумія русскихъ купцовъ. Купцы эти съ заключенія послѣдняго мира не только не разбогатѣли, но многіе бѣднѣе стали; кредитъ ихъ подорванъ до такой степени, что не могутъ получить денегъ иначе, какъ за 20 и по меньшей мѣрѣ за 15 процентовъ, да и то отдавши подъ залогъ товары. Панинъ написалъ на этомъ донесеніи: «Выраженія не мягки, но къ несчастію вѣрны» ⁸¹.

Въ промышленности земледѣльческой произошла въ описываемое время важная новость: введенъ въ употребленіе картофель. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ прислалъ въ сенатъ доношеніе, не угодно ли будетъ для завода земляныхъ яблокъ выписать ихъ прямо изъ Ирландіи. Сенатъ приказалъ выписку этихъ яблокъ поручить медицинской коллегіи, но съ тѣмъ, чтобъ она поручила это кому-нибудь изъ купцовъ частнымъ образомъ. Императрица приказала на выписку картофеля употребить до 500 рублей ⁸². Медицинская коллегія издала наставленіе, какъ разводить и употреблять картофель; наставленіе это оканчивается такъ: «По толь великой пользѣ сихъ яблокъ, и что они при разводѣ весьма мало труда требуютъ, а оный непомѣрно награждаютъ, и не токмо людямъ къ пріятной и здоровой пищѣ, но и къ корму всякой домашней животинѣ служить, должно ихъ почесть за лучший въ домостройствѣ овощъ, и къ разводу его приложить всемѣрное стараніе, особливо для того, что оному большаго неурожая не бываетъ, и тѣмъ въ недостаткѣ и дороговизнѣ прочаго хлѣба великую замѣну дѣлать можетъ» ⁸³.

Въ продолженіе нашего разсказа о царствованіи Екатерины мы не рѣдко будемъ встрѣчаться съ этимъ новгородскимъ губернаторомъ Сиверсомъ, который предлагалъ выписать картофель изъ Ирландіи. Выборъ Сиверса въ губернаторы принадлежалъ къ числу самыхъ удачныхъ выборовъ Екатерины. Сиверсъ имѣлъ то, что такъ рѣдко можно было тогда найти между област-

ными правителями: приготовленіе къ дѣятельности, образованіе, бывалость за границею не по пустому, но съ обращеніемъ вниманія на тамошнія явленія. Разумѣется, мы не должны требовать отъ Сиверса, чтобъ онъ, при тогдашнихъ условіяхъ, при отсутствіи успѣвшихъ глубоко коренъ историческихъ учреждений, очень сдерживался въ своихъ бюрократическихъ стремленіяхъ, не предпочиталъ искусственныхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Сынъ эстляндскаго дворянина Яковъ Сиверсъ началъ свое поприще въ одной изъ тогдашнихъ практическихъ школъ, гдѣ молодые люди учились и служили вмѣстѣ; мы видимъ его въ началѣ царствованія Елисаветы юнкеромъ въ иностранной коллегіи. Въ старости, при воспоминаніи объ этомъ времени, у Сиверса вырывались слова: «Гдѣ ты, блестящее время безсмертной Елисаветы, когда восемь пословъ иностранныхъ также сильно добивались твоего союза, какъ и удивлялись твоей красотѣ». Будущность молодаго Сиверса была обезпечена покровительствомъ дяди, барона Карла Сиверса. Семнадцати лѣтъ Яковъ Сиверсъ поѣхалъ чиновникомъ посольства въ Копенгагенъ, откуда потомъ переѣхалъ въ Лондонъ. По возвращеніи изъ Англии, къ которой сильно пристрастился, онъ перемѣнилъ дипломатическую службу на военную, изъ чиновниковъ посольства сдѣлался премьеръ-майоромъ, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, во время которой велъ съ Ив. Ив. Шуваловымъ секретную переписку о ходѣ военныхъ дѣлъ. Разстроившееся во время войны здоровье заставило его ѣхать въ Италію, гдѣ онъ узналъ о вступленіи на престолъ Екатерины; вскорѣ послѣ того онъ возвратился въ Россію и въ 1764 году былъ назначенъ новгородскимъ губернаторомъ. Передъ отъѣздомъ въ свою губернію Сиверсъ провелъ мѣсяцъ въ Петербургѣ и въ это время имѣлъ, по крайней мѣрѣ, 20 аудіенцій у императрицы и каждая продолжалась по нѣскольку часовъ: обсуждались статьи общей и тайной губернаторской инструкціи, разсматривались карты и планы. Сиверсъ получилъ приказаніе писать прямо императрицѣ и приѣзжать въ Петербургъ, когда сочтетъ это нужнымъ.

Тогдашняя Новгородская губернія простиралась на 1700 верстъ въ длину и 800 въ ширину; черезъ нее шло сообщеніе между двумя столицами, она граничила, съ одной стороны, съ Литвою, съ другой съ Швеціею и Бѣлымъ моремъ. По прибытіи въ Нов-

городъ Сиверсъ нашелъ губернской архивъ, погребенный подъ развалинами упавшаго свода въ цейхаузѣ, гдѣ архивъ хранился; по двумъ или тремъ стамъ просьбамъ къ губернатору по гражданскимъ дѣламъ въ годъ рѣшалось по два или по три дѣла. Во всей губерніи не было собственно никакой полиціи. Приказанія воеводы или губернатора передавались сотскимъ, и такъ какъ сотскіе были обыкновенно безграмотные, то читалъ имъ ихъ и писалъ донесенія церковный дьячекъ. Со времени указа Петра III о вольности дворянской губернаторъ не имѣлъ права поручить ни одного дѣла жившимъ въ его губерніи дворянамъ, какъ это дѣлалось до 1762 года; теперь если дворяне принимали какое-нибудь порученіе отъ губернатора, то только выгодное. Болѣе тысячи преступниковъ содержалось въ тюрьмахъ, и болѣе тысячи другихъ было отпущено на поруки. Въ числѣ уголовныхъ преступниковъ было человѣкъ 20 дворянъ, и въ каждой изъ пяти провинцій до 50 человѣкъ подлежали пыткамъ. Сиверсъ доносилъ, что въ кратковременное его пребываніе въ Новгородѣ не проходило дня, въ который бы онъ не слышалъ о буйствѣ, насиліи и даже смертоубійствѣ въ спорахъ между сосѣдями, въ слѣдствіе чего онъ просилъ о возобновленіи генеральнаго межеванія. «Новгородская область, писалъ Сиверсъ императрицѣ, достойна носить прозвище Нормандіи. Думаю, что ни одна другая область въ цѣлой имперіи такъ не нуждается въ новомъ Уложеніи, которое бы сократило судопроизводство. Ябедническія увертки достигли здѣсь такой степени, что нѣтъ средствъ къ окончанію процессовъ. Въ теченіи 1764 года начато 53 процесса и ни одинъ не оконченъ, равно какъ и процессы прошлыхъ годовъ. При размышленіи о средствахъ создать и ободрить промышленность, первымъ бросившимися мнѣ въ глаза препятствіемъ была обязанность горожанъ беречь вино и соль и продавать соль, какъ казенный товаръ. Что касается крестьянина, то здѣсь главнымъ препятствіемъ служитъ неограниченная власть дворянъ налагать на своихъ крѣпостныхъ какой угодно оброкъ или, лучше сказать, поступать съ ними по внушенію алчности и по отсутствію сознанія собственнаго интереса. Несчастныя существа большею частію находятся подъ властію такихъ господъ, которые не знаютъ, что богатство крѣпостнаго составляетъ богатство господина. Неограниченная власть требовать съ

крестьянина какой угодно работы и брать какой угодно оброкъ, часто рѣшительно выше всякаго вѣроятія, есть безъ сомнѣнія главная причина, почему тысячи русскихъ бѣглецовъ наполняютъ Литву и Польшу. Гдѣ зло еще не дошло до такой крайности, тамъ крестьянинъ, видя, что земледѣльческія занятія не даютъ ему столько сколько требуетъ господинъ, принужденъ идти за 1000 верстъ искать большихъ заработковъ. Кромѣ происходящей отсюда очевидной невыгоды для земледѣлія, этого нерва государственнаго, произведенія земли продаются слишкомъ дорого, работникъ требуетъ слишкомъ высокой платы, что служить неодолимымъ препятствіемъ для фабрикъ. Увеличенію народонаселенія полагается не меньшее препятствіе въ томъ, что крестьянинъ долженъ покинуть свою семью». Сиверсъ, въ своей похвальной ревности къ облегченію участи земледѣльческаго народонаселенія заговаривается: еслибъ крестьянинъ, не чувствуя тягости отъ помѣщика, оставался на родной землѣ и воздѣлывалъ ее, то для фабрикъ еще менѣе было бы рукъ и заработная плата была бы еще выше. Главное зло происходило именно отъ малолюдности, отъ недостатка рабочихъ рукъ, что удерживало такъ долго и крѣпостное состояніе. Но если уничтоженіе этого печальнаго явленія было такъ трудно для правительства, то возможно было вмѣшательство правительства для положенія границъ произволу, и Сиверсъ требовалъ правительственнаго опредѣленія количества оброка и количества рабочихъ дней. «Я, пишетъ Сиверсъ, самъ нашелъ, что одинъ помѣщикъ бралъ по пяти рублей оброка съ крестьянъ, живущихъ на пескѣ и не имѣющихъ пашни». Сиверсъ требовалъ также опредѣленія денежной суммы, вносимъ которой крестьянинъ имѣлъ бы право выкупаться. Сиверсъ обратилъ вниманіе на то, что расширеніе Петербурга и надобность для него все въ большемъ и большемъ количествѣ строевого и дровяного лѣса отзовется вредно на Новгородской губерніи, обезлѣситъ ее и воспрепятствуетъ заведенію фабрикъ; онъ предлагалъ учрежденіе особой камеры, которая бы собирала свѣдѣнія о лицахъ и опредѣляла бы количество лѣса, которое можно было вырубить. Въ одной изъ новгородскихъ провинцій находились лѣсничіе, подвѣдомственные адмиралтей-коллегив: они занимались однимъ— продажей позволеній на рубку лѣса и тѣмъ обогащались. Для

предупрежденія недостатка или дороговизны топлива Сиверсъ предлагалъ вводить въ употребленіе торфъ, и особенно каменный уголь: ему подана была надежда, что послѣдній можно найти на берегахъ Ильменя. Сиверсъ находилъ недостаточнымъ управленіе прежними монастырскими крестьянами, находившимся теперь въ вѣдѣніи коллегіи-экономіи: одинъ человекъ съ двумя помощниками и писцомъ завѣдывалъ 20,000 душъ; крестьяне управляются сами и ихъ бурное самоуправленіе вредно для благосостоянія отдѣльныхъ лицъ. Для улучшенія быта жителей Новгорода Сиверсъ предлагалъ освободить ихъ отъ военныхъ постоевъ, и съ этою цѣлю построить казармы какъ для гарнизоннаго баталіона, такъ и для двухъ стоящихъ тамъ пѣхотныхъ полковъ; казармы должны быть построены на счетъ города, дворянства и окрестныхъ имѣній; предлагалъ основать публичную школу или гимназію для дѣтей дворянъ и горожанъ, а въ другихъ городахъ губерніи низшія школы и преобразовать духовныя семинаріи. Для улучшенія земледѣлія вообще въ Россіи Сиверсъ указывалъ на необходимость учрежденія земледѣльческаго или сельско-хозяйственнаго общества, которое было бы тѣмъ полезнѣе, чѣмъ невѣжественнѣе русское дворянство относительно средствъ удобренія полей и луговъ, осушенія болотъ, лѣсоводства, сельскихъ построекъ и проч. Сиверсъ говорилъ на счетъ учрежденія общества съ кн. Вяземскимъ и Олсуфьевымъ и они согласились съ нимъ; главное занятіе общества должно было состоять въ знакомствѣ съ сочиненіями по сельскому хозяйству, выходившими въ Англіи, Германіи, Швейцаріи и Швеціи. Члены общества отмѣчаютъ въ этихъ сочиненіяхъ то, что съ пользою можетъ быть примѣнено въ Россіи, и даютъ переводить отмѣченныя статьи, которыя составятъ содержаніе періодическаго изданія. Сиверсъ былъ свидѣтелемъ въ Англіи начала подобнаго общества, капиталъ котораго въ первое время не превышалъ и 50 гиней, а потомъ въ короткое время это общество стало раздавать многія тысячи фунтовъ стерлинговъ и снаряжать корабли для своихъ цѣлей ⁸⁴.

Для поднятія торговли и промышленности въ Новгородѣ Сиверсъ предлагалъ слѣдующія средства: новгородскому магистрату выдать 10,000 рублей на 10 лѣтъ изъ казны для раздачи новгородскому купечеству; купцу Власову выдать 5000 рублей для

усиленія кожевеннаго завода; позволить тому же Власову купить до 20 душъ мужскаго и женскаго пола, которыя были бы ему крѣпки (1). Изъ другихъ мѣстностей Новгородской губерніи Старая Руса сначала привлекла особенное вниманіе Сиверса: мы видѣли, что этотъ городъ недавно потерялъ отъ страшнаго пожара, надобно было его возстановить; кромѣ того, Сиверсъ очень цѣнилъ соляныя варницы старорусскія. Любопытно донесеніе Сиверса въ сенатъ о томъ въ какомъ состояніи нашель онъ Старую Русу: воеводская канцелярія помѣщалась въ такомъ маленькомъ и плохомъ домѣ, что можно сравнить его только съ двойною крестьянскою избою; судьи и канцелярскіе служители съ трудомъ помѣщались въ верхнемъ этажѣ: въ нижнемъ, въ среднѣй находилась казна, по одну сторону которой содержались колодники, а по другую архивъ; въ слѣдствіе такого соседства казны съ колодниками изъ нея уже было выкрадено около 300 рублей. Архивъ находился еще въ худшемъ состояніи, чѣмъ новгородскій: бумаги погнили, очень многихъ дѣлъ разобрать было уже нельзя, потому что листы рассыпались локутьями; неоконченныхъ счетовъ ревизіонъ-коллегія считала на старорусской канцеляріи болѣе 230. Сиверсъ представлялъ, что необходимо построить каменный домъ для воеводы и канцеляріи ⁸⁵.

Къ двумъ изъ общихъ мѣръ, предложенныхъ Сиверсомъ, было немедленно приступлено. 5 марта изданъ былъ указъ объ учрежденіи «Коммиссіи о государственномъ межеваніи» изъ генераловъ: Панина, Мельгунова, Муравьева, президента вотчинной коллегіи Лунина и князя Вяземскаго. Возстановлялось дѣло Елисаветы, приводилась въ исполненіе мысль Петра Ив. Шувалова, и потому въ указѣ говорилось: «Ея императорскому величеству подлинно извѣстно, что межеванье къ государственному и народному спокойствію весьма нужно; но теперь только то неизвѣстно, полезно ли его на такомъ основаніи производить, какъ донинѣ установлено, и не нашлось ли во время теченія онаго на самой практикѣ какихъ-либо неудобствъ и затрудненій, сначала иногда непредвидѣнныхъ» ⁸⁶. Другой проектъ Сиверса о казармахъ былъ пересланъ въ воинскую коммиссію и встрѣтилъ здѣсь сильныя возраженія. «Если разсуждать о семъ дѣлѣ по поверхности одной, не вникая въ самую внутренность вещей, то

покажется тотчасъ великая польза и помѣщику, и мѣщанину, и солдату, и казнѣ, ибо помѣщикъ за самую малую, такъ называемую добровольную дачу избавленъ будучи вѣчно отъ постоя, покойнѣе и земледѣльство свое и экономію продолжать можетъ; мѣщанинъ, не утѣсняемъ отъ постояльца, въ торгахъ своихъ и промыслахъ помѣшательства имѣть не будетъ; солдатъ спокоенъ останется, получа себѣ домъ ему принадлежащій, гдѣ онъ, какъ хозяинъ, жить спокойно станетъ, а при всемъ ономъ и казна ничего не теряетъ. Но коль скоро прилежнѣе и безпристрастнѣе важность сего разобрать, то встрѣчаются слѣдующія неудобности, службъ и воинскимъ порядкамъ вредныя, да и мѣщанству и крестьянамъ весьма не полезныя: 1) Солдатъ, получа собственный свой домъ, сдѣлается неминуемо хозяиномъ и долженъ онъ будетъ тогда за домомъ смотрѣть, снабждать его всѣмъ нужнымъ, что, занимая большую часть время у солдата, нечувствительно выведетъ его изъ его должности и вдругъ изъ исправнаго солдата сдѣлается сперва мѣщанинъ, а потомъ, умножа хозяйство свое и приуча себя къ корысти, начнетъ торговать и будетъ дурной солдатъ, дурной мѣщанинъ и дурной купецъ. 2) Теперешнее непремѣнныхъ квартиръ учрежденіе неописавшую пользу имѣетъ и ту, что солдатъ и его хозяинъ, будучи въ безпрестанномъ другъ съ другомъ обхожденіи, такъ между собою свыкаться начинаютъ, что не токмо за злодѣя себѣ хозяинъ постояльца не считаетъ, но пользу другъ отъ друга видя, согласно и живутъ, что все теперь ясно оказывается; а чрезъ отлученіе солдата отъ мѣщанина, они сдѣлаются наки чужды, согласіе кончится и старинное страшное о солдатѣ мнѣніе опять возобновится, которое теперь такъ счастливо изъ мыслей подлыхъ людей выходить начинается». Указавъ потомъ на огромныя издержки, какихъ потребуютъ постройка и содержаніе казармъ, воинская коммиссія однако принимала за полезное построить казармы для гарнизоновъ, относительно же другихъ войскъ построить квартиры только для одного штаба, ибо дѣйствительно отъ квартированія полковаго хозяйства и лазарета происходитъ городскимъ жителямъ утѣсеніе; построеніе же казармъ для гарнизоновъ, уменьшая излишнюю тѣсноту въ городѣ, не дѣлаетъ никакого вреда гарнизонной службѣ за тѣмъ, что гарнизонные солдаты не подвержены такой строгости и ежеминутному выступленію

въ походъ, какъ полевая войска. Императрица написала на докладъ комиссіи: «Съ удовольствіемъ прочитаю сей докладъ, полезнымъ его нахожу и исполнять по немъ» ⁸⁷.

Мы не можемъ покинуть дѣтельности Сиверса въ этомъ году, не упомянувъ о перопискѣ его съ Екатериною по поводу слѣдующаго случая. Двое крестьянъ, родные братья, рубили дрова въ лѣсу; пріѣзжаетъ третій, чужой и заводитъ ссору; отъ словъ дѣло доходитъ до драки; одинъ изъ братьевъ ударилъ чужого топоромъ, и тотъ падаетъ мертвымъ. Обоихъ братьевъ приводятъ на судъ. «Кто изъ васъ убійца?» спрашиваетъ судья.—«Я!» отвѣчаетъ старшій.—«Нѣтъ, я!» перебиваетъ младшій.—«Не вѣрьте ему, говоритъ старшій: онъ нарочно себя клеветъ, потому что у меня жена и дѣти». Младшій продолжаетъ утверждать, что онъ убійца. Сиверсъ донесъ Екатеринѣ, и та рѣшила споръ прощеньемъ преступника, который бы изъ братьевъ имъ ни былъ. Увѣдомляя императрицу, что помилованіе объявлено братьямъ, Сиверсъ писалъ: «Ихъ слезы служили самую краснорѣчивую благодарностію за жизнь, возвращенную имъ челоуѣколюбіемъ ихъ государыни». Екатерина отвѣчала: «Съ удовольствіемъ увидѣла я доброту вашего сердца изъ радости, съ какою вы объявили прощеніе двоимъ братьямъ, изъ которыхъ каждый объявлялъ себя преступникомъ, чтобъ спасти другого. Все это дѣло заслуживаетъ быть опубликовано въ газетахъ для чести сердца челоуѣческаго, и тутъ одна природа: нѣтъ ни науки, ни воспитанія» ⁸⁸.

Изъ исторіи областного управленія въ другихъ частяхъ Россіи замѣтимъ два извѣстія съ юга и сѣвера. Бѣлгородскій губернский прокуроръ Брянчаниновъ жаловался сенату на губернскую канцелярію и самого губернатора генераль-поручика Нарышкина, выставляя упущенія въ дѣлахъ; а губернаторъ жаловался на прокурора, что тотъ затрудняетъ производство дѣлъ. Сенатъ приказалъ: къ губернатору и въ губернскую канцелярію послать указъ, что главною причиною несогласія должна быть какая-нибудь скрытная ссора, и потому сенатъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе дѣла, что могло бы повести для обѣихъ сторонъ къ неприятнымъ послѣдствіямъ, желаетъ его въ самомъ началѣ потушить, въ надеждѣ, что и сами они, видя такое къ нимъ снисхожденіе, будутъ стараться ему соответствовать и не только оставлять все прежнее между собою несогласіе, но, помогая другъ

другу въ дѣлахъ, будутъ единодушно стараться о прямомъ исполненіи своей должности ⁸⁹.

Съ самаго далекаго сѣвера, пришло донесеніе правящаго воеводскую и комендантскую должность въ Кольскомъ острогѣ майора Абатурова съ жалобой на архангельскую губернскую канцелярію, которая наложила на него взысканіе за нескорую доставку вѣдомостей: указъ изъ губернской канцеляріи присланъ 11 августа, по которому обстоятельный репортъ сочинень и посланъ 15 августа, по немѣвнѣю оказіи, чрезъ Окіянь-море, почтъ же тамъ нѣтъ и учредить ихъ въ лѣтнее время за великими болотами никакъ нельзя, затѣмъ и прочіе вѣдомости и репорты, хотя въ указныи терминъ учинены и бывають, однако запечатанные лежатъ по мѣсяцу и больше и посылаются чрезъ Окіянь-море, гдѣ за великими штурмами бывають въ пути не малое время. Притомъ же дѣль сочинять и писать некому, ибо при воеводской канцеляріи находятся только два писца, изъ которыхъ первый почти ничего при огнѣ писать не можетъ и лѣтами такъ престарѣлъ, что съ нуждою ходитъ, а послѣдній едва только писать умѣетъ, и притомъ оба весьма худого состоянія и безпонятны; отъ губернской же канцеляріи приказныхъ служителей требовалъ онъ двукратно, но въ резолюціи на то получилъ, чтобъ ему въ доброе состояніе привести имѣющихся служителей, на что онъ репортовалъ, что ихъ какъ въ непорядкахъ закоснѣлыхъ людей поправить и въ состояніе привести никакъ невозможно, почему принужденъ онъ всякія текущія дѣла начерно писать. Всѣ тѣ воеводской канцеляріи прошедшихъ лѣтъ дѣла безъ переплету брошены въ холодной подлѣ канцеляріи каморѣ, и по большей части погнили и передраны, такъ что и разобрать не можно, за чѣмъ требуемыхъ ревизіонъ-коллегією съ 730 по 763 годъ счетовъ едва и отыскать можно ль, и ему не только означенный архивъ разбирать, и текущихъ дѣлъ исправлять нечѣмъ, и отъ того бѣ его защитить, ибо онъ болѣе склонность и охоту имѣетъ къ воинской службѣ ⁹⁰.

Срокъ для окончанія ревизіи давно уже прошелъ, а между тѣмъ оказывалось, что по разнымъ губерніямъ большое число душъ еще не обревизовано, а именно, по второй ревизіи показано было въ Московской губерніи 2,062,907: изъ этого числа теперь было обревизовано 1,916,859, тогда какъ оказалось

2,099,709, затѣмъ въ числѣ по прошедшей ревизіи осталось не обревизовано 115,100 душъ. Въ Новгородской губерніи 736,613, обревизовано 698,953; противъ того оказалось 800,146, не обревизованныхъ 41,676 душъ. Въ Бѣлгородской 655,382, обревизовано 631,659, противъ того оказалось 693,368, затѣмъ не обревизовано 31,358. Въ Воронежской 679,676, обревизовано 674,258, противъ того оказалось 809,184, не обревизовано 2,146. Въ Казанской 1,085,104, обревизовано 1,071,176, противъ того оказалось 1,207,648, не обревизовано 49,077. Въ Смоленской 246,262, обревизовано 217,077, противъ того оказалось 246,501, не обревизовано 29,185. Въ Сибирской 224,167, обревизовано 228,862, противъ того оказалось 279,000, не обревизовано 19,874. Сенатъ замѣтилъ, что хотя во многихъ провинціяхъ и уѣздахъ обревизованное число душъ превосходитъ число душъ прежней ревизіи, однако нигдѣ не упоминается, чтобъ подача сказокъ совершенно была окончена, и потому нельзя узнать, сколько еще осталось въ тѣхъ мѣстахъ необревизованныхъ душъ; губернаторы пишутъ, что сказки не всѣ еще поданы ⁹¹.

Извѣстія о волненіяхъ заводскихъ крестьянъ не прекращались. Въ Воронежской губерніи мастеровые и рабочіе на Липскомъ и другихъ заводахъ князя Репнина жаловались на обиды отъ повѣреннаго княжескаго и прикащиковъ; губернаторъ отправилъ въ городъ Романовъ для изслѣдованія подпоручика Рагозина. Повѣренный и прикащики заперлись, что никакихъ обидъ не дѣлали; тогда рабочіе, человекъ до 300, явились къ Рагозину и единогласно закричали, что они работать и въ послушаніи у князя Репнина и прикащиковъ его не будутъ, также не будутъ ничего отвѣчать и подписываться, а желаютъ исправлять казенныя работы, какъ они состояли до отдачи заводовъ князю Репнину. Губернаторъ (Логиновъ) писалъ въ сенатъ, что онъ почитаетъ ненужнымъ входить въ дальнѣйшее слѣдствіе, ибо все дѣло въ томъ, что этимъ людямъ не хочется называться помѣщичьими крестьянами. Сенатъ отвѣчалъ, что какъ онъ хочетъ, только чтобъ привелъ крестьянъ въ повиновеніе по указамъ. ⁹² Скоро послѣ этого императрица нарядила комиссію изъ Петра Панина, Муравьева, князя Вяземскаго, Шлаттера и Аполлона Пушкина относительно заводовъ и приписныхъ къ нимъ крестьянъ. Комиссія должна была разсмотрѣть прежнія положенія и

представить императрицѣ съ мнѣніемъ, въ чемъ прежнее устройство требуетъ исправленія, какъ къ тому приступать, сообразуя народное облегченіе и спокойствіе съ государственною прибылью, приводя каждаго въ правосудныя границы, благодаря которымъ, не опасаясь праведнаго наказанія, могли бы пользоваться справедливо приобрѣтеннымъ подземнымъ сокровищемъ къ обогащенію государственному. Коммиссія должна была рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) полезно ли чтобъ заводы были въ партикулярныхъ рукахъ, или лучше имъ 2) быть въ казенномъ содержаніи? 3) Если въ партикулярныхъ рукахъ заводамъ быть, 4) за дворянами, или за недворянами? 5) Какія мѣры брать, дабы впредь крестьяне не бунтовались? 6) Рассмотрѣть, отъ чего сей вредъ происходилъ. 7) Положить на мѣрѣ, какимъ образомъ казенныхъ по заводамъ должниковъ приводить къ заплатѣ долговъ. 8) Полезно ли умножать заводы? изъ чего послѣдуетъ 9) рассмотрѣніе о сбереженіи лѣсовъ ⁹³.

Въ концѣ года явилась жалоба казанскихъ чернопахатныхъ крестьянъ, приписныхъ въ Оренбургской губерніи къ Авзяно-петровскимъ заводамъ дворянина Евдокима Демидова, жалоба была подана повѣреннымъ крестьяниномъ Дехтеревымъ. Демидовъ представилъ въ Бергъ-коллегію 4 человекъ, въ томъ числѣ и Дехтерева, которые всѣ и были отправлены къ слѣдствію въ Екатеринбургъ въ канцелярію главнаго правленія заводовъ; но одинъ изъ нихъ Тунгусовъ бѣжалъ и подалъ челобитную императрицѣ. Тунгусова приговорили къ плетямъ и къ отсылкѣ на монетный дворъ въ работу на два мѣсяца, ибо недавно учрежденная коммиссія о горныхъ заводахъ въ мнѣніи своемъ заявила, что, по ея наблюденію, во многихъ подобныхъ крестьянскихъ жалобахъ главными виновниками бываютъ тѣ дерзновеннѣйшіе и ухищреннѣйшіе крестьяне, которые желая получить отъ товарищей своихъ награжденіе, нарочно уговариваютъ ихъ къ принесенію жалобъ отъ всего общества и вызываются быть повѣренными, будучи готовы за полученныя деньги сносить иногда и нѣкоторое страданіе ⁹⁴.

Но незадолго передъ тѣмъ сенатъ указалъ на любопытное отношеніе заводчиковъ къ работникамъ. Другой Демидовъ Прокфій просилъ объ увольненіи его отъ казенной поставки желѣза. Наведена была справка, и оказалось, что въ 1702 году,

по желанію и прошенію комиссара Никиты Демидова дозволено ему ставить въ казну всякіе военные снаряды по представленнымъ отъ него цѣнамъ, и для того отданы ему во владѣніе казенные верхотурскіе желѣзные заводы. На этомъ основаніи сенатъ рѣшилъ, что наследниковъ Демидова отъ казенной поставки освободить нельзя, и ставить они должны по прежнимъ цѣнамъ, потому что въ 1703 году въ верхотурскомъ уѣздѣ приписаны къ заводамъ Демидова Аяцкая и Краснопольская слободы, да село Петровское съ деревнями, и еслибъ Демидовы отъ поставки уволились, то и слободы съ деревнями надобно у нихъ взять; и хотя съ того времени какъ на работниковъ, такъ и на всякіе припасы цѣны нѣсколько возвысились, однако Демидовы даютъ приписнымъ рабочимъ прежнюю плату ⁹⁵.

Мценскій купецъ Коняевъ подалъ любопытное доношеніе въ сенатъ, что по нападкамъ, не дождавшисъ срока платежа взятыхъ имъ изъ мѣднаго банка денегъ, засадили его въ тюрьму и стали продавать имѣніе: продали крѣпостныхъ людей дешевою цѣною, пять душъ, въ томъ числѣ три женщины, проданы за 20 рублей; кромѣ того 8 душъ продано за 150 рублей, 4 мужескаго и 4 женскаго пола, въ томъ числѣ прикащикъ его, акредитованный магистратомъ для купечества и подрядовъ ⁹⁶. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого сенатъ въ своемъ указѣ 25 октября указалъ на одинъ изъ источниковъ крѣпостнаго отношенія крестьянъ къ купцамъ, источникъ, который мы встрѣчаемъ повсюду въ неразвитыхъ, бѣдныхъ обществахъ, именно закладничество вольное и невольное: многіе крестьяне, говоритъ сенатъ, отлучаются отъ домовъ своихъ въ разные города, но будучи у купцовъ въ работахъ и услуженіяхъ, обязываются векселями, и, въ случаѣ неуплаты, купцы протестуютъ эти векселя въ отдаленныхъ городахъ и по протестѣ долго держатъ у себя умышенно для накопленія процентовъ, и чрезъ то бѣдныхъ крестьянъ доводятъ до ссылки въ каторжную работу, откуда, по указу 1736 года, тѣ же самые заимодавцы этихъ крестьянъ скупаютъ за положенную плату и тѣмъ удерживаютъ ихъ вѣчно въ своихъ услугахъ; а нѣкоторые изъ крестьянъ, отбывая отъ платежа положенныхъ податей и поборовъ, чтобъ вѣчно себя въ услуги купцу укрѣпить и добровольно съ нимъ согласясь, даютъ въ немалой суммѣ векселя. Сенатъ велѣлъ послать

ко всѣмъ губернаторамъ указы—какъ наввозможно такіе безнорядки отвратить и искоренить. Помѣщики получили право людей своихъ, въ наказаніе за «продерзостное состояніе,» отдавать въ каторжную работу адмиралтейскъ-коллегіи на желаемое самими помѣщиками время ⁹⁷.

Обратили вниманіе на почту, которая находилась въ очень незавидномъ положеніи; должны были обратить вниманіе и на положеніе ямщиковъ. Генералъ-поручикъ Овцынъ представилъ, что въ 1705 году, по указу Петра Великаго, во всемъ государствѣ ямщики были расположены въ выти: выть имѣла по семи дворовъ, во дворѣ по четыре души ревизскихъ. Съ каждой выти велѣно было содержать для ямской и почтовой гоньбы по три лошади, и хотя многими указами запрещено брать лошадей сверхъ вытнаго числа и за разгономъ не принуждать ямщиковъ къ найму; но сколько въ которомъ яму вытей и указныхъ лошадей, о томъ никогда не было опубликовано въ народѣ, и проѣзжіе, по незнанію этого, принуждаютъ ямщиковъ жестокими побоями и силою нанимать лошадей съ убыткомъ, прибавляя къ прогонамъ по рублю и по два на лошадь, а иногда случается и больше. Отъ такихъ безчеловѣчныхъ побоевъ и наглостей ямщики несутъ великую тягость, а особливо на почтовыхъ станяхъ (какъ и теперь случилось у штатъ-фурьера Петрищева съ яжелбицкимъ ямщикомъ Григоріемъ Сѣрымъ). За неимѣніемъ въ тѣхъ мѣстахъ управителей защитить ямщиковъ некому, потому что почтовые станы во всемъ государствѣ состоятъ по большей части въ монастырскихъ деревняхъ, а управители отъ этихъ становъ живутъ на большомъ разстояніи. Въ запряжкахъ ямщики несутъ великую тягость и обиды отъ того, что многіе проѣзжіе требуютъ подорожныя на весьма малое число лошадей и запрягаютъ подъ четверомѣстную карету лошади по 4 и по 3, въ каретѣ садятся пассажировъ челоуѣка по 4 и 2 челоуѣка назади, да еще нѣсколько вещей кладутъ, и за такую великою тягостію ямщики принуждены бывають припрягать лишннихъ лошадей. 25 ноября отправлены были всѣмъ губернаторамъ указы: по всей губерніи сдѣлать росписаніе и станціи («и гдѣ потребно и новыя назначить станціи») — приписала Екатерина собственноручно), назнача, сколько на каждую должно поставить лошадей, и гдѣ именно этимъ станціямъ, а въ городахъ почто-

вымъ конторамъ быть надлежитъ, и не найдутся ли охотники къ опредѣленію въ комиссары и почтмейстеры изъ отставныхъ («проворныхъ» — приписала Екатерина собственноручно) субалтернъ-офицеровъ добраго поведенія и въ письменныхъ дѣлахъ знающихъ. Губернаторы обязаны были изыскать вездѣ сколько можно кратчайшій почтовый путь и представить удобнѣйшія средства къ поправленію большихъ дорогъ и всегдашнему ихъ содержанию въ добромъ состояніи ⁹⁸.

Мы видѣли, что Сиверсъ указывалъ на недостаточное управленіе прежними монастырскими крестьянами, отчего и доходывъ съ имѣній получалось менѣе, чѣмъ сколько можно было получить. А увеличеніе доходовъ коллегіи-экономіи было нужно: соединенныя комиссіи, Духовная и Военская, потребовали отъ этой коллегіи еще 12000 рублей въ годъ на инвалидовъ, которыхъ, сверхъ штата, оказалось 150 унтеръ-офицеровъ и 1000 рядовыхъ; ⁹⁹ сдѣлано также распоряженіе и о заштатныхъ богадѣленныхъ ¹⁰⁰. Сборъ со свадебъ за вѣчныя пошлины былъ отмѣненъ; но такъ какъ этотъ сборъ шелъ на лазареты, то коллегія экономіи должна была отпускать ежегодно на лазареты сумму, которая равнялась суммѣ сбора за вѣчныя пошлины въ лучшей годъ ¹⁰¹.

Еще въ манифестѣ 1764 года объ окончаніи комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ было сказано: «Избавили мы все бѣлое священство отъ сбора имъ разорительнаго данныхъ (отъ: дань) денегъ съ церкви, который прежними патриархами былъ установленъ и по сіе время въ отягощеніе священству продолжался, и оный вовсе сложили, такъ какъ и собираемую часть хлѣба, съ монастырей двадцатую, а съ церковей тридцатую на семинаріи, къ немалому оскуденію того же священства до сего бывшія, оставили». На томъ основаніи, что теперь на содержаніе архіереевъ и служителей ихъ положены опредѣленные оклады изъ коллегіи экономіи, отмѣнены были всѣ прежніе сборы съ поставленія въ архимандриты, игумены, протопопы и іеромонахи, также съ благословенныхъ грамотъ о строеніи и освященіи церковей, вдовымъ священникамъ и дьяконамъ съ епитрахильныхъ, постихарныхъ и перехожихъ грамотъ; епитрахальныхъ и постихарныхъ грамотъ вообще не давать; архіереямъ, переведеннымъ на новыя епархіи, старыхъ грамотъ въ нихъ священно-и цер-

жовнослужителямъ не подписывать; во время объѣзда епархій архіереямъ на подводы и ни на что отъ духовенства денегъ не требовать; удержанъ только одинъ сборъ съ поставленія священно-и церковнослужителей—съ первыхъ по 2 рубли, и со вторыхъ по рублю ¹⁰³. Для прекращенія жалобъ на вымогательства духовенствомъ большихъ денегъ за требы опредѣленъ былъ мѣнимъ платы за требы сельскому духовенству, съ запрещеніемъ домогаться большаго, которое могло быть получено только по доброй волѣ дающаго: за молитву родильницъ 2, за крещеніе младенца 3, за свадьбу, за погребеніе возрастныхъ 10, за погребеніе младенцевъ 3 копѣйки; за исповѣдь и причастіе запрещено было брать ¹⁰³.

Относительно раскола замѣтимъ слѣдующія явленія: синодъ прислалъ въ сенатъ вѣдѣніе: раскольники, въ числѣ 30 человекъ, изъ села Буборина новгородской епархій прошли въ Зеленецкій монастырь, выгнали братію и грабятъ церковное и монастырское имущество. Въ Олонецкомъ уѣздѣ раскольники собрались и заперлись въ избѣ у одного изъ своихъ, Иванова, вмѣстѣ съ невѣдомыми людьми. Староста, десятскіе и мірскіе люди подошли къ избѣ съ вопросомъ объ этихъ невѣдомыхъ людяхъ; вмѣсто отвѣта вышелъ изъ избы невѣдомый человекъ съ топоромъ въ рукахъ, ударилъ десятскаго и отсѣкъ ему руку; изумленная толпа не шевельнулась, невѣдомый человекъ спокойно возвратился въ избу, но въ слѣдъ за тѣмъ пламя вспыхнуло внутри ея и раскольники сгорѣли въ числѣ 15 человекъ ¹⁰⁴.

Въ описываемое время кончилось долго тянувшееся соблазнительное дѣло архимандрита Іуста и монаховъ Пыскорскаго (Пермскаго) монастыря, богатаго своими соловарнями; въ сенатъ представлено было 54 экстракта о винахъ означенныхъ лицъ, между прочимъ о перениленіи Спасителява образа, о наступаніи на образъ, служеніе на 4 просвирахъ, о боѣ пономаря и о сѣченіи іеромонаха въ церкви до крови, о спиленіи съ колоколовъ подписи и отобраніи отъ церковей колоколовъ, о снятіи съ иконъ окладовъ и сдѣланіи дорогой шапки, о покупкѣ кареты въ 500 рублей; о имѣніи ложнаго съ привѣсною печатью указа, о непомѣрныхъ поборахъ съ крестьянъ и о битвѣ на правожѣ, о смертоубійствѣ и мужеложствѣ архимандрита Іуста съ келейникомъ, котораго наградили 10,000 рублей, о дачахъ изъ монас-

тырскихъ суммъ во взятки духовнымъ и духовнаго вѣдомства лицамъ ¹⁰⁵.

На юговосточной украинѣ церковь сталкивалась съ донскими козаками, съ которыми давно уже не сталкивалось государство. Св. Тихонъ, епископъ воронежскій, жаловался синоду, что донское войско вступаетъ въ духовныя дѣла, въ дьячки и пономари опредѣляетъ и грамоты даетъ, а другихъ само собою отрѣшаетъ и въ козаки записываетъ; священника Терновской станицы, доносившаго о раскольникахъ, атаманъ забилъ въ колодку и отослалъ въ войсковую канцелярію, неизвѣстно за что; а наказной атаманъ Иловайскій прислалъ письмо, въ которомъ съ немалымъ нареканіемъ требовалъ, чтобъ архіерей не касался дѣтей священно-и церковнослужителей, потому что они отправляютъ козачью службу, а церковные причетники, по разсмотрѣнію и опредѣленію донскаго войска, производятся изъ козаковъ же ¹⁰⁶.

Воронежскій губернаторъ Лачиновъ также донесъ о любопытномъ явленіи въ землѣ донскаго войска. Въ Луганской станицѣ на ярмаркѣ произошелъ пожаръ отъ зажигателя: погорѣло купческаго и козачьяго товара болѣе чѣмъ на 127,000 рублей. Зажигатели, двое малороссіянь, Золотаренко и Черновъ, были пойманы и показали, что, пріѣхавъ на ярмарку, Золотаренко объявилъ о себѣ базарному старшинѣ Волошенинову, что онъ человѣкъ, имѣющій у себя тихую руку и быстрый глазъ, т. е. просто мошенникъ, и Волошениновъ позволилъ ему заниматься на ярмаркѣ своимъ промысломъ, и когда его привели съ полнымъ, отпускалъ на свободу. Черновъ находился въ услуженіи у Волошенинова и, мимо настоящихъ козаковъ, опредѣленъ былъ на ярмаркѣ есауломъ. Волошениновъ приказалъ Золотаренку и Чернову зажечь ярмарку съ условіемъ, чтобъ они отдали ему половину пограбленнаго на пожарѣ. По справкѣ оказалось, что атаманъ Ефремовъ опредѣлилъ Волошенинова старшиною вопреки сенатской грамотѣ 1757 года, которою приказывалось отрѣшить его отъ команды какъ человѣка неблагонадежнаго ¹⁰⁷.

Относительно Малороссіи графъ Румянцевъ въ маѣ мѣсяцѣ подалъ докладъ, что многіе города розданы во владѣніе частнымъ людямъ, большею частію послѣднимъ гетманомъ Разумовскимъ,

хотя въ гетманскихъ статьяxъ нигдѣ не сказано о правѣ раздавать города, а только деревни и мельницы. По мнѣнію Румянцева города, особенно обведенные валами, нужно было отобрать отъ частныхъ владѣльцевъ; Екатерина написала: «Всѣ города, не государевыми указами пожалованные, слѣдуетъ отобрать; а о тѣхъ городахъ, если государями пожалованы, о тѣхъ войти съ помѣщиками въ негоціаціи, дабы добровольно за удовлетвореніемъ оныя пока уступили; а прежде всего нужно узнать сколько такихъ городовъ и за кѣмъ и кѣмъ пожалованы». Городецкіе жители, писалъ Румянцевъ, отъ разныхъ притѣсеній разошлись, записались въ козаки, продолжаютъ торговать, но гражданской повинности не отбываютъ; города опустѣли и нѣкоторые только имя городовъ носятъ, а видъ имѣютъ пустырей; по мнѣнію Румянцева, надобно было запретить торговлю и промыслы тѣмъ, кто не записанъ въ городское общество, т. е. сдѣлать то же самое, что въ подобныхъ обстоятельствахъ сдѣлано было въ Великой Россіи въ XVII вѣкѣ. Екатерина написала: «Какъ изъ сего пункта усматривается, что города почти пусты, того ради сдѣлать разсмотрѣніе, не лучше ли въ политическомъ и коммерческомъ видѣ заводить въ пристойныхъ и удобныхъ мѣстахъ новые города полезнѣе старыхъ, а впрочемъ я согласна съ его (Румянцева) мнѣніемъ». Императрица согласилась на просьбу Румянцова выписать искусныхъ людей для улучшенія земледѣлія и скотоводства, и для сохраненія лѣсовъ; устроить почты; но подъ статью объ улучшеніи мѣстной артиллеріи написала: «Оставляется до времени». Въ Малой Россіи церковныя имѣнія еще не были отобраны, число въ нихъ дворовъ простиралось до 14111; Румянцевъ жаловался на дурное управление этими имѣніями; писалъ о надобности завести первоначальныя школы, также военную школу и госпитали ¹⁰⁸. Относительно этихъ пунктовъ сохранилось отдѣльное письмо Екатерины къ Румянцеву: «Желаю, чтобъ вы тамошнихъ нѣсколько называемыхъ пановъ склонили къ подачѣ челобитной, въ которой бы они просили о лучшемъ у нихъ учрежденіи школъ и семинарій и, если можно, о положеніи духовенства въ штатное состояніе отъ духовныхъ или свѣтскихъ такую же челобитну имѣть: тобъ мы уже знали, какъ починать. Мнѣ Николай Чичеринъ сказалъ, что митрополитъ кievскій самъ не прочь отъ сего учрежденія бу-

детъ, понеже онъ мѣсто дохода съ деревень имѣеть, нежели послѣдній великороссійскій архіерей, а мы бъ ему, преосвященному, еслибъ склонился о штатномъ положеніи просить, сдѣлалибъ весьма выгодныя для него кондиціи»¹⁰⁹.

Поселеніе иностранныхъ колонистовъ на юго-восточной украинѣ повело къ столкновеніямъ съ старыми русскими жителями въ этой, считавшейся пустою землѣ. Оказалось, что живущіе въ городѣ Саратовѣ и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ дворяне, купцы и прочіе разночинцы имѣютъ зимовья и при нихъ пашню и крестьянъ по большей части на такихъ земляхъ, на которыя не только никакихъ крѣпостей у нихъ нѣтъ, но и дачъ совсѣмъ не сдѣлано; городъ же Саратовъ наполненъ принадлежащими къ нему жителями, между которыми находятся невѣдомо какіе малолѣтки и такъ называемые саратовскіе дворяне. Поселившимся на земляхъ, лежащихъ между рѣками Волгою и Медвѣдицею собственнымъ ея величества и дворцовымъ села Золотого крестьянамъ земель не отведено и дачъ не сдѣлано, а крестьяне этихъ волостей, несмотря на то, что всѣхъ около лежащихъ земель обработать не въ силахъ, иностранцевъ селиться не пускали; такъ и прочіе старые жители, поселившіеся безъ указа по рѣкамъ Медвѣдицѣ, Хопру и Дону и по притокамъ ихъ, захвата всѣ лучшія земли, называютъ ихъ принадлежащими къ ихъ имѣніямъ. Ниже города Дмитріевска (Камышина) къ Царицыну поселены волжскіе козаки, которые, по сказкамъ саратовскихъ обывателей, сильно размножились, а между тѣмъ здѣсь было назначено селить иностранцевъ. Крестьяне Нарышкиныхъ, села Никольскаго и Покровскаго, по рѣкѣ Медвѣдицѣ указывали на свои владѣнія по этой рѣкѣ слишкомъ на 300 верстъ, захватывая въ томъ числѣ городъ Петровскъ и больше ста селеній. Президентъ канцеляріи опекуинства иностранныхъ колонистовъ графъ Гр. Орловъ выставилъ въ своемъ донесеніи сенату всѣ эти явленія очень естественныя на степной украинѣ какъ явленія, которыхъ терпѣть нельзя. Надобно было потѣснить слишкомъ просторно жившихъ русскихъ поселенцевъ, чтобъ помѣстить поселенцевъ иностранныхъ. Сенатъ приказалъ: всѣмъ владѣльцамъ, которые безъ дачъ и крѣпостей поселились въ опредѣленной для иностранцевъ окружности, отмѣрить, наравнѣ съ иностранцами, на каждую семью по 30 десятинъ и сдѣлать

дачу, а которые имѣютъ указыныя дачи и крѣпости, тѣмъ по нимъ и владѣть; если же по числу поселившихся крестьянъ этой дачи не достаточно, то домѣривать по числу душъ, а хотя по межевой инструкціи надобно бы съ тѣхъ владѣльцевъ взять въ казну по 10 копѣекъ съ десятины; но такъ какъ въ манифестѣ о вызовѣ иностранцевъ даны имъ земли безъ всякаго платежа, то подать ея императорскому величеству докладъ съ такимъ мнѣніемъ, что несогласно было бы съ ея милосердіемъ, когда выходящіе иностранцы стануть селиться на пространныхъ и изобильныхъ земляхъ безъ всякаго за нихъ платежа, а подданные ея императорскаго величества будутъ платить, умалчивая о томъ, каковая отъ этого у тамошнихъ старыхъ жителей можетъ вкорениться зависть къ иностранцамъ ¹¹⁰.

Такъ рѣшилъ сенатъ 8 марта: въ этомъ рѣшеніи онъ руководился тѣмъ взглядомъ, что заселялась страна пустая, сначала русскими колонистами, которые своимъ поселеніемъ взяли землю во владѣніе, завоевали ее для государства, если не у чужихъ народовъ, то у дикой природы, что было гораздо человѣчнѣе; теперь государство, изъ-за очень спорныхъ выгодъ искусственнаго увеличенія народонаселенія чуждымъ элементомъ, рѣшило среди русскихъ колонистовъ помѣстить иностранныхъ, давши имъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобномъ случаѣ, льготы, давши землю даромъ; рождался естественный вопросъ: за что же русскіе колонисты будутъ платить за занятую ими землю? Но 1 іюня сенатъ перемѣнилъ свое рѣшеніе, велѣлъ въ докладѣ вычеркнуть статью, чтобъ съ русскихъ землевладѣльцевъ не брать по 10 копѣекъ за десятину. Сенатъ былъ смущенъ мнѣніемъ князя Якова Петровича Шаховскаго, который объявилъ, что «согласиться не можетъ, ибо инаковое имѣетъ мнѣніе о помѣщикахъ, которые государственныя узаконенія, вмѣсто должнаго сохраненія, пренебрегши, своевольствомъ казенныя земли присвоили (?), заселили, и многіе съ оныхъ надобные для пользы государственныхъ лѣса, чрезъ долгія времена береженные (кѣмъ?), истребляли, также и прочими съ тѣхъ мѣсть угодыями пользуюсь, богателись, и впредь они и наслѣдники ихъ по такой дешевой покупкѣ богатиться будутъ, къ немалому не только соблазну, но и огорченію тѣхъ, которые и съ лучшими монархамъ и отечеству заслугами только для того, что не смѣя до непоз-

воленнаго имъ прикасаться, не только богатствъ, но и нужнаго къ содержанію своему не имѣютъ; такъ какъ учреждена коммиссія для разсмотрѣнія, какъ удобнѣе межеванье производить, по инструкціи ли 1754 года, или что изъ того отмѣнить или прибавить слѣдуетъ, то о всемъ томъ нынѣ, по его мнѣнію, представлять приличности нѣтъ, а надобно ожидать конфирмаціи доклада этой коммиссіи ¹¹¹. Въ этомъ дѣлѣ любопытна также мелочность, съ какою велось оно: первое рѣшеніе оставалось неисполненнымъ почти три мѣсяца, и потомъ измѣнено! Вскорѣ послѣ этого графъ Орловъ донесъ по тому же дѣлу: «отъ нѣкоторыхъ селеній по р. Хопру предъявлены данныя имъ на земли купчія и записи отъ такихъ людей, которымъ тѣ земли ни мало не принадлежать, а отведены продавцами изъ свободныхъ государственныхъ земель, присутственные же мѣста совершаютъ купчія безъ всякихъ справокъ, а нѣкоторымъ и вновь производятъ изъ дикихъ земель дачи. Живущіе за помѣщиками Малороссіяне, по причинѣ отягощенія отъ помѣщиковъ, просятъ объ отмежеваніи имъ особо земли ¹¹².

Въ этомъ году на украиняхъ, гдѣ обыкновенно не бываетъ недостатка въ горючихъ матеріалахъ, начало обнаруживаться явленіе, которое чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ повело къ большому пожару, явленіе самозванства. Солдатъ Гаврила Кремневъ изъ однодворцевъ, бѣжалъ изъ полку, прослуживъ въ немъ больше 14 лѣтъ. Въ бѣгахъ подговорилъ двоихъ крестьянъ помѣщика Кологривова и, ѣздя по разнымъ селамъ и деревнямъ Воронежской губерніи, разглашалъ сначала, что онъ капитанъ, посланъ съ указомъ, будто куреніе вина запрещено, сбора подушныхъ денегъ и рекрутчины не будетъ на 12 лѣтъ, а наконецъ назвался государемъ Петромъ III-мъ. Главнымъ помощникомъ его былъ попъ Левъ Евдокимовъ, который сначала возражалъ ему, что Петръ III скончался, и Кремневъ отвѣчалъ: «тогда умеръ солдатъ». Изъ невѣрующаго Евдокимовъ сталъ горячимъ приверженцемъ самозванца и утверждалъ, что будучи дворцовымъ пѣвчимъ, видѣлъ Петра Федоровича и маленькаго на рукахъ нашивалъ. Кромѣ Евдокимова, Кремневу помогали: отставной сержантъ Петровъ, капраль Григоровъ, дьячекъ Антонъ Поновъ; они согласились приводить однодворцевъ все больше и больше въ согласіе, потомъ привести ихъ къ присягѣ и ѣхать въ

Воронежъ, откуда послать въ Москву и Петербургъ съ извѣстіемъ, будто проявился государь, а за тѣмъ самимъ ѣхать въ обѣ столицы. Бѣглыхъ крестьянъ Кремневъ называль генералами—одного Румянцевымъ, а другаго Пушкинымъ. Императрица увидала изъ дѣла, что «преступленіе Кремнева произошло безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія, а единственно отъ пьянства, буйства и невѣжества; что дальнѣйшихъ и опасныхъ видовъ и намѣреній не крылось». На этомъ основаніи Кремневъ былъ освобожденъ отъ смертной казни; его сѣкли кнутомъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ разглашалъ, привязавши на груди доску съ надписью: бѣглець и самозванецъ, потомъ выжгли на лбу начальныя буквы этихъ словъ и сослали въ Нерчинскъ на вѣчную работу. Били плетью и сослали въ Нерчинскъ армянина Асланбекова, схваченнаго съ фальшивымъ паспортомъ и объявившаго себя также Петромъ III-мъ. Самозванство уже соединяется съ раскольниковствомъ: бѣглый солдатъ Іевъ Евдокимовъ, назвавшійся Петромъ II-мъ, проживаль у раскольниковъ. Брянскаго полка бѣглый солдатъ Петръ Ѳедоровъ Чернышевъ въ слободѣ Купенкѣ Изюмской провинціи сталъ разглашать о себѣ, что онъ бывший государь Петръ Ѳедоровичъ; ему повѣрилъ попъ слободы Купенкѣ Семень Иванецкій, по желанію Чернышева служилъ всеобщую и молебень, поминая его на ектеніяхъ императоромъ. На допросѣ Чернышевъ показаль, что онъ однопорець, женатъ, имѣетъ маленькаго сына Павла; важное названіе выговорилъ безъ всякаго намѣренія, а единственно потому, что въ разныя времена, будучи въ кабакахъ и шинкахъ, между незнакомыми людьми слыхаль въ разговорахъ о бывшемъ императорѣ; говорили разное: иной, что онъ дѣйствительно преставился, а иной, что еще живъ. Обоихъ ихъ высѣкли кнутомъ и сослали въ Нерчинскъ—Иванецкаго на житье, а Чернышева въ работу. Главный командиръ нерчинскихъ заводовъ генераль-майоръ Суворовъ прислаль донесеніе, что Чернышевъ и тамъ разглашаетъ о себѣ то же самое, чему нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей повѣрили и давали ему много подарковъ ¹¹³.

Но эти случаи были слишкомъ мелки; на нихъ не обращали большаго вниманія, какъ происходившіе «безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія». Сильнѣйшее вниманіе было обра-

щено на Польшу, хотя и здѣсь не предугадывали, что присутствуютъ при началѣ конца.

Послѣ того какъ южныя славянскія государства полегли передъ Турками, а Чехія потеряла свою независимость въ борьбѣ съ Габсбургами, славянскій міръ представлялся двумя обширными, независимыми государствами—Россією на востокъ и Польшею на западъ, и между этими государствами въ XVI и XVII вѣкахъ шла сильная борьба, иногда не на животъ, а на смерть. Оба государства образовались при одинакихъ условіяхъ; оба явились изначала съ обширною государственною областію и съ малымъ сравнительно народонаселеніемъ, оба были по преимуществу континентальныя, что условливало земледѣльческій характеръ, тугое развитіе города, промышленности, торговли, господство сельской формы, господство земли, землевладѣльческаго интереса, неумѣряемаго интересомъ горожанина, владѣльца движимаго имущества, и при господствѣ землевладѣльческаго интереса пренебреженіе интересомъ земледѣльца. Въ Польшѣ рано землевладѣльческое сословіе беретъ силу и, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, стремится къ одностороннему развитію, поработая сельское народонаселеніе, отстраняя городское отъ представительства и все болѣе и болѣе ограничивая королевскую власть. Польша представила республику съ избраннымъ президентомъ, хотя и носившимъ королевскій титулъ; но вся власть находилась въ рукахъ извѣстнаго ряда богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ бѣднѣйшіе находились въ зависимости безъ западно-европейскаго формальнаго закладничества или васальства, ибо на сеймахъ польскіе магнаты нуждались въ толпѣ приверженцевъ, которые бы имѣли, повидимому, совершенно вольные голоса, пользовались бы вполне одинаковыми правами съ самыми знатными и богатыми людьми. Крайность свободы или своеволія, крайнее развитіе личности, дошедши до неумѣнья подчиняться ничему, установило обычай, вынесенный изъ первоначальныхъ обществъ, обычай единогласнаго рѣшенія дѣлъ (*liberum veto*). *Liberum veto* поражало бездѣйствіемъ власть законодательную; крайняя слабость исполнительной власти порождала страшный внутренній беспорядокъ; отсутствіе большого постоянного войска, происшедшее сначала изъ боязни усилить королевскую власть и поддерживаемое нежеланіемъ давать деньги на

содержаніе арміи,—это отсутствіе военной силы дѣлало Польшу беззащитною извнѣ, дѣлало ее легкою добычею сильныхъ сосѣдей. Сознаніе печальнаго состоянія государства, сознаніе возможности близкой гибели явилось, и явились попытки предупредить бѣду уничтоженіемъ сеймовыхъ безпорядковъ, усиленіемъ королевской власти, созданіемъ войска; но попытки эти не могли увѣнчаться успѣхомъ, и не потому, чтобъ завистливые сосѣди этому препятствовали.—Въ другихъ государствахъ, въ Даніи, Швеціи, гдѣ также землевладѣльческое сословіе стремилось къ крайнему развитію своей власти на счетъ другихъ элементовъ, равновѣсіе было возстановляемо, королевская власть усиливалась въ слѣдствіе движенія другихъ сословій, получившихъ также значительное развитіе. Но въ Польшѣ односторонность развитія была такова, что одна шляхта имѣла значеніе, ибо духовенство было слито съ нею въ политическихъ интересахъ. Слѣдовательно въ Польшѣ попытка измѣнить конституцію могла быть только дѣломъ партіи изъ того же шляхетства; она могла случайно имѣть успѣхъ нынче, но торжество партіи противной уничтожало ее завтра, причемъ движеніе не получало питанія изнутри, изъ земли, а могло поддерживаться только внѣшнею силою сосѣднихъ государствъ.

Иначе дѣло шло въ Россіи. Здѣсь долго послѣ основанія государства, земля, по обилію своему и при скудости населенія, не могла имѣть важнаго значенія, не привязывала къ себѣ, не усаживала человѣка, въ слѣдствіе чего между князьями долго господствуютъ родовыя отношенія, заставляющія ихъ переходить изъ одной волости въ другую; дружина сохраняетъ свой первоначальный характеръ, переходитъ вмѣстѣ съ княземъ, получаетъ отъ него содержаніе движимостію; а чрезвычайное и быстрое распложеніе княжескаго рода отнимаетъ у членовъ дружины возможность пріобрѣсть значеніе въ качествѣ областныхъ правителей. Когда на сѣверѣ все начало устанавливаться, то дружина явилась безземельна или малоземельна и могла получить землю только отъ князя во временное или вѣчное владѣніе, въ видѣ помѣстій или вотчинъ; дружина явилась съ своимъ правомъ перехода, движенія, которое оказалось вовсе не кстати въ то время когда все усаживалось, устанавливалось и которое упразднилось совершенно въ слѣдствіе утвержденія единовластія,

когда не къ кому стало переходить; и такъ какъ другихъ правъ не было скоплено, то члены дружины стали холопами великаго государя. Въ нѣкоторыхъ городахъ, благодаря выгодѣ положенія торговли и, главное, княжескимъ родовымъ отношеніямъ и усобицамъ, развилось самоуправленіе; но это явленіе было одно-сторонне въ отношеніи къ мѣстности: мы видимъ его преимущественно, если не исключительно на западѣ, на сторонѣ пути «изъ Варягъ въ Греки», и когда прочный порядокъ вещей утвердился на востокѣ, то города—государи не могли противиться государю московскому и должны были приравняться къ городамъ восточнымъ. Восточная Россія, Московское государство образовалось такимъ образомъ съ сильною верховною властію, благодаря отсутствію сильнаго развитія въ другихъ органахъ государственнаго тѣла. Но кромѣ того малочисленное народонаселеніе, разбросанное по обширѣйшей странѣ, все болѣе и болѣе увеличивающееся пустынными пространствами, требовало для своего сосредоточенія, для направленія своихъ силъ къ общимъ цѣлямъ сильнаго правительства; наконецъ открытость страны, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, тяжелая многолѣтняя борьба съ варварскимъ востокомъ, необходимость постоянно отбиваться отъ враговъ для сохраненія независимости, требовали строгой дисциплины, постоянной диктатуры. Вотъ почему Россія явилась въ XVIII вѣкѣ среди европейскихъ государствъ съ отличительнымъ признакомъ, крѣпкимъ самодержавіемъ.

Такъ порознились Россія и Польша на своемъ историческомъ пути; но не эта разница была причиною борьбы между ними; она только имѣла важное значеніе относительно исхода борьбы.

Россія и Польша получили каждая свою историческую задачу, соотвѣтственно своему положенію. Польша должна была сдерживать напоръ Нѣмцевъ съ запада, Россія—напоръ варварскихъ ордъ съ востока. Польша не выполнила своей задачи, отступила предъ напоромъ, отдала свои области—Силезію, Померанію—на оубѣженіе, призвала Тевтонскихъ рыцарей для оубѣженія Пруссіи; но, отступивши на западѣ, она ринулась на востокъ, воспользовавшись ослабленіемъ Руси отъ погрома татарскаго: она захватила Галичъ и, посредствомъ Литвы, западныя русскія земли. Но въ это самое время Россія, окрѣпнувъ на востокѣ и управившись съ варварскими орами, начала двигаться на западъ для

естественнаго сплоченія всѣхъ русскихъ земель, всего русскаго народа въ одно государство; при этомъ движеніи въ западныхъ русскихъ областяхъ она нашла наѣздъ незваныхъ гостей, которые ополячивали русскій народъ посредствомъ католицизма. Столкновение было необходимо и столкновение страшное: Россія двигалась на западъ, Польша ей на встрѣчу двигалась на востокъ; мѣстомъ встрѣчи, мѣстомъ столкновения была западная Россія; съ самаго начала рождался вопросъ: западной Россіи оставаться ли Россіею и, соединясь съ восточною, Великою Россіею, составить одну Россію, или перестать быть Россіею, ибо въ Польшѣ очень хорошо поняли съ самаго начала, что западная Русь, оставаясь Русью, не будетъ крѣпка Польшѣ, особенно при борьбѣ послѣдней съ Великою Россіею; она могла быть крѣпка Польшѣ только въ томъ случаѣ, еслибъ потеряла русское народонаселеніе, т.-е. еслибъ это народонаселеніе, лишившись основы своей народности, вѣры восточнаго исповѣданія, превратилась въ народонаселеніе польское, католическое. Слѣдовательно внутренняя борьба въ двусоставномъ польскомъ государствѣ, борьба между польскою и русскою народностію необходимо должна была принять характеръ борьбы религіозной, при необходимомъ вмѣшательствѣ Великой Россіи, которая должна была заступаться за своихъ.

Въ XVII вѣкѣ эта борьба кончилась съ большимъ ущербомъ для Польши, которая должна была уступить часть западно-русскихъ областей Великой Россіи, уступить ей Кіевъ. Но понятно, что такой исходъ борьбы могъ только усилить стремленіе Поляковъ отнять у русскаго народонаселенія, оставшагося за Польшею, его вѣру и народность. Усиленіе мѣръ противъ православія приводило къ желаннымъ результатамъ въ одномъ самомъ важномъ для Польши пунктѣ. Польша была государство шляхетское, одна шляхта имѣла представительство, голосъ на сеймѣ, слѣдовательно необходимо было, чтобъ это сословіе представляло полное единство, состояло изъ однихъ Поляковъ-католиковъ, исключеніе изъ представительства русской православной шляхты или обращеніе этой шляхты чрезъ католицизмъ въ Поляковъ освобождалъ республику отъ вліянія сильной Россіи, которое проводилось бы русскими депутатами, русскими должностными лицами. Отнятіе политическихъ правъ

у некатолической шляхты всего болѣе содѣйствовало переходу ея въ католицизмъ, такъ, что въ описываемое время православной шляхты, по крайней мѣрѣ, значительной, было уже очень мало. Поляки тѣмъ удобнѣе могли проводить свои мѣры противъ православія, что Россія была занята другими дѣлами: Петръ Великій велъ войну съ Швеціею, при чемъ долженъ былъ стараться держать Польшу при своей сторонѣ. Петръ однако никакъ не хотѣлъ позволить гоненія въ Польшѣ на православныхъ: видя, что дипломатическія представленія ни къ чему ни ведутъ, онъ отправилъ своего комиссара въ Польшу наблюдать, чтобъ этого гоненія не было и православнымъ дана была полная управа въ обидахъ. Поднялся страшный крикъ противъ такого небывалаго вмѣшательства русскаго государя во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой, но крикомъ все и кончилось: съ Петромъ ссориться было нельзя. Послѣ Петра эта мѣра не была возобновляема, даже и въ царствованіе его дочери, ибо отношенія къ Пруссіи, Семилѣтняя война, не давали возможности ссориться съ Польшею, и заступничество Россіи за единовѣрцевъ, на которое она имѣла и формальное право по московскому договору, ограничивалось по прежнему дипломатическими представленіями. Но Екатерина находилась въ самомъ благопріятномъ положеніи сравнительно съ своими предшественниками, и она рѣшила воспользоваться этимъ положеніемъ, чтобъ, возведя на польскій престолъ короля, всѣмъ ей обязаннаго, порѣшить всѣ споры съ Польшею въ пользу Россіи. Дѣло о защитѣ православныхъ было, разумѣется, важнѣе всѣхъ, въ немъ была особенно заинтересована слава императрицы, ибо легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести на народъ покровительство, оказанное единовѣрцамъ, и покровительство, увѣнчавшееся небывалымъ успѣхомъ. Выигрывая необыкновенно въ расположеніи собственнаго народа этимъ народнымъ подвигомъ, получая чрезъ него такъ сказать вторичное, закрѣпляющее всѣ права вѣнчаніе русскою, православною государынею, что для Екатерины было такъ важно, она не могла быть равнодушна и къ той славѣ, которую должны были протрубить вожди общественнаго мнѣнія на западѣ, къ славѣ побѣдительницы фанатизма, нетерпимости, къ славѣ государыни, которая прекратила религіозное гоненіе, возвратила спокойствіе и гражданскія права людямъ, лишеннымъ ихъ въ слѣд-

ствие религіозной нетерпимости народа, живущаго подь сильнымъ вліаніемъ ненавистнаго католицизма. Далѣ слѣдовали другіе расчеты: возвращеніемъ правъ диссидентовъ вводился въ польскія правительственныя отправления элементъ, который естественно долженъ былъ находиться подь русскимъ вліаніемъ и привязывать, особенно въ дѣлахъ виѣшной политики, Польшу къ Россіи. При существованіи такого элемента казалось безопаснымъ позволить Польшѣ выйти изъ страшнаго беззарядья и чрезъ это приобрести нѣкоторую силу. Въ Петербургѣ не могли вполне сочувствовать внушеніямъ, наставаніямъ, приходившимъ изъ Берлина, чтобъ ни подь какимъ видомъ не позволять Польшѣ измѣнять свою конституцію. Въ Пруссіи, какъ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, выработалась вѣрность системѣ, основанной на самосохраненіи и приобрѣтеніи извѣстныхъ выгодъ, расширенія государственной области и т. п. Эта національная система проводится настойчиво, никакія другія соображенія въ расчетъ не принимаются, все должно быть принесено въ жертву системѣ; политика чрезъ это является узкою, своекорыстною, но легкою по своей простотѣ. Россія, введенная Петромъ Великимъ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, представляла въ этомъ отношеніи замѣтное различіе. Россію можно было упрекать въ неимѣніи ясно сознанной національной политики, но крайней мѣрѣ въ отсутствіи настойчивости въ достиженіи цѣлей этой политики; можно было упрекать относительно медленности въ возстановленіи полного господства русской народности въ западномъ краѣ и т. п. Причинъ этого явленія можно было искать въ племенномъ и народномъ характерѣ, въ юности русскаго народа, его неразвитости, новостіи въ общенародной жизни, недостаткѣ просвѣщеннаго взгляда на свои внутреннія и виѣшнія отношенія, въ привычкѣ сдѣлавши какое-нибудь дѣло, складывать руки, не пользоваться побѣдою. Всѣ эти объясненія въ извѣстной степени могутъ быть приняты; но не должно забывать и того обстоятельства, что Россія, войдя въ XVIII вѣкѣ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, принесла такую обширную государственную область, которая не давала развиваться въ русскомъ народѣ хищности, желанію чужого, наступательному движенію, а могла развить качества противоположныя и въ своихъ крайностяхъ вредныя, такъ нежела-

ніе чужого могло перейти въ невниманіе къ своему и т. д. Русскіе государственные дѣятели, разумѣется, не были чужды честолюбія, желанія усилить значеніе Россіи, но для этого они придумывали особенныя средства, идилическія въ глазахъ западныхъ политиковъ; чуждые стремленія пріобрѣтать что-нибудь для себя, расширять свою государственную область, они придумывали союзы съ чисто охранительнымъ значеніемъ, въ которыхъ сильныя государства были вмѣстѣ съ слабыми, и первые, разумѣется, принимали на себя обязанность блюсти выгоды послѣднихъ, какъ свои собственныя. Таковъ былъ знаменитый *сѣверный аккордъ*, который такъ старался осуществить Панинъ. Въ этотъ сѣверный союзъ должны были войти Россія, Пруссія, Англія, Швеція, Данія, Саксонія, Польша, и если Польша входила въ союзъ, разумѣется вѣчный и непоколебимый, то почему жь не дать ей возможности выйти изъ анархіи и усилиться, этимъ усиленіемъ она будетъ только полезна союзу. Идиллія, приводившая въ бѣшенство Фридриха II-го, который ждалъ перваго удобнаго случая, чтобъ попользоваться на счетъ Польши, Саксоніи, Швеціи, Даніи, а тутъ заставляють его блюсти ихъ интересы! Также наивно было предполагать, что Англія станетъ любить своихъ союзниковъ какъ сама себя.

Но всѣ эти легкія построенія сокрушились подъ тяжелыми стопами исторіи, когда диссидентскій вопросъ поднялъ въ двучленной Польшѣ ожесточенную борьбу между двумя народностями. Мы видѣли, какъ князь Репнинъ, находясь на мѣстѣ, предвидѣлъ страшныя, неодолимыя препятствія къ рѣшенію диссидентскаго вопроса; онъ представлялъ, что католическій фанатизмъ неодолимъ. Не надобно забывать причинъ, усиливавшихъ этотъ фанатизмъ. Прошли цѣлыя вѣка борьбы, въ которой Поляки, пользуясь своими государственными средствами, давили православное народонаселеніе; послѣднее питало сильную вражду къ притѣснителямъ; но вражда притѣснителей къ притѣсненнымъ бываетъ еще сильнѣе (ненавижу человѣка, котораго обидѣлъ); у православныхъ русскихъ отняты были права; они являлись людьми низшаго разряда; католикъ, съ молокомъ матери всасывалъ къ нимъ вражду и презрѣніе; еще сильнѣе была вражда отступниковъ и потомства отступниковъ: и вотъ является требованіе, чтобъ отношенія совершенно измѣнились, чтобъ право-

Славные не только получили полную свободу и безопасность относительно отправления своей религии, но получили бы назад равныя права съ католиками; человекъ, который нынче идетъ съ поникшею головою, гонимый и презрѣнный, завтра подниметъ голову и явится всюду, какъ полноправный согражданинъ, явится съ свѣжею памятью объ обидѣ и со средствами къ мести; но еслибы и обиженный, отъ радости, забылъ объ обидѣ, то обидчикъ объ ней не забудетъ; духовные католическіе не могутъ себѣ представить, какъ архіерей, священникъ презрѣнной мужицкой (хлопской) вѣры, трепетавшіе до сихъ поръ при видѣ католическихъ духовныхъ лицъ, получаютъ равное съ ними положеніе. Наконецъ, еслибы кто-нибудь изъ Поляковъ былъ чуждъ религіозной нетерпимости и способенъ забыть установленныя отношенія, то онъ не хотѣлъ бы забыть того, что республика его, двусоставная на дѣлѣ, стала, путемъ насилія одной части народа надъ другой, единою по праву, ибо представительство и власть принадлежали однимъ Полякамъ-католикамъ, а теперь, если уступить требованію уравниенія правъ диссидентовъ, это единство должно рушиться. Но каковы бы ни были побужденія, знамя для всѣхъ было одно, интересъ религіозный; а что означало поднятіе этого знамени, какъ не вѣковую борьбу между двумя частями народонаселенія, искусственно, насильственно сплоченнаго. Диссидентскій вопросъ былъ поднятъ не Екатериною II-ю; онъ былъ поднятъ исторіею: это былъ окончательный расчетъ по сдѣлкѣ Ягайла и послѣдняго изъ его потомковъ.

Избраніе Станислава Понятовскаго произошло спокойно; но были признаки, что враги новаго правительства еще не успокоились; а между тѣмъ диссидентскій вопросъ висѣлъ грозною тучею.

Изъ Молдавіи пришли вѣсти, что Порта грозитъ тамошнему господарю низверженіемъ, считая его подкупленнымъ отъ русскаго двора, и посланникъ новаго польскаго короля къ султану, Александровичъ все жилъ на турецкой границѣ, не получая паспорта для продолженія своего пути въ Константинополь. Репнинъ писалъ, что безпокойство Порты происходитъ не отъ однихъ внушеній вѣнскаго и французскаго дворовъ, но и отъ внушеній, приходящихъ прямо изъ Польши. Репнинъ не могъ указать, кто именно дѣлалъ эти внушенія, но подозрѣвалъ обоихъ

гетмановъ коронныхъ, воеводу кievскаго и епископа краковскаго, тѣмъ болѣе, что Станкевичъ, креатура гетмана короннаго, жилъ еще въ Константинополѣ и велъ интриги въ пользу враждебной Россіи партіи. 12 февраля Панинъ поднесъ императрицѣ на утверждение письмо свое къ Репнину: посолъ увѣдомлялся въ конфиденціи, что «мы не можемъ и не хотимъ считать польскія дѣла совершенно оконченными, пока не улучшено будетъ состояніе диссидентовъ, хотя бы это дѣло потребовало и вооруженной негоціаціи, и потому, писалъ Панинъ, рекомендую и вамъ, моему другу, готовить себя къ этому разумными средствами, не компрометируя заранѣе секрета, дабы противомыслящіе не воспользовались для возвращенія большихъ трудностей. Здѣсь удостовѣрены, что фамилія Чарторыйскихъ въ этомъ пунктѣ болѣе другихъ недоброжелательна и она-то была главною виновницею вашей неудачи на послѣднемъ сеймѣ Е. И. В. никакъ не отступитъ отъ этого предмета: такъ вамъ надобно, принимая въ расчетъ расположеніе и обстоятельства этой фамиліи, убѣждать и дѣйствовать съ ними заодно: въ случаѣ же безнадёжности, воспользоваться настоящею холодностію между нею и королемъ и возбуждать его величество противъ нея. При такомъ положеніи дѣлъ хотя вы и можете, по желанію графа Захара Григорьевича Чернышева, возвратить извѣстныя кирасирскіе эскадроны въ Россію, приказавъ имъ малыми маршами подвигаться къ границѣ; но прочія войска должны оставаться въ Польшѣ на всякій случай. Замѣчу еще вамъ, моему другу, съ равною довѣренностію: мнѣ кажется, что кромѣ начинающихся у васъ женскихъ сплетней и интригъ между фамиліею и кромѣ духа господства двоихъ братьевъ Чарторыйскихъ, новый государь принимается за свои дѣла болѣе горячо, чѣмъ прозорливо; надобно опасаться чтобъ мѣрняя все на внутренній польскій аршинъ, онъ не навелъ на себя такихъ хлопотъ, которыя могутъ привести въ разстройство весь сѣверный аккордъ и посадить его, короля между двухъ стульевъ. Онъ долженъ себѣ представить, что не только сѣверныя, но и всѣ другія державы, привынувъ сорокъ лѣтъ видѣть главами польской республики иностранныхъ государей, совершенно преданныхъ интересамъ собственныхъ областей, въ слѣдствіе этого опредѣлили болѣе или менѣе важную часть своей политической системы, и каждому

государству возстановленіе въ Польшѣ природныхъ королей представляется дѣломъ новымъ, революціею, слѣдовательно пока сѣверныя и другія державы совсѣмъ не осмотратся и не привыкнуть, съ теченіемъ времени, спокойнѣе смотрѣть на эту переѣну, пока не опредѣлятъ каждая свою систему по соображенію съ новымъ порядкомъ вещей въ Польшѣ; до тѣхъ поръ благоразуміе требуетъ отъ его польскаго величества, чтобъ онъ, для будущихъ своихъ выгодъ, изволилъ съ достаточною политическою экономіею и осторожностію касаться своихъ внутреннихъ дѣлъ, и, сколько возможно, воздерживаться отъ всего того, что можетъ получить видъ новости. Гораздо вѣрнѣе и надежнѣе будетъ, если онъ усугубитъ свое стараніе укрѣпить себя средствами истинной дружбы и союзовъ съ тѣми державами, которыя возстановленіе природныхъ королей въ Польшѣ ставятъ частію своей политической системы. Я не хочу рѣшать, кто болѣе правъ въ настоящемъ спорѣ между польскимъ и берлинскимъ дворами относительно учрежденія таможенъ и провода драгунскихъ лошадей чрезъ Польшу въ Пруссію: но искренно сожалью, что въ такое короткое время трактаты между ними уже подверглись объясненіямъ. Одна послѣшность можетъ повести къ другой, и король польскій, вмѣсто старанія истребить въ королѣ прусскомъ слѣды стараго противъ себя предубѣжденія, послѣдуя своимъ собственнымъ предубѣжденіямъ, можетъ позволить уловить себя австрійскому дому, который конечно употребитъ всѣ средства для приведенія въ разстройство наши общія дѣла. Пожалуй, мой любезный другъ, стереги сколько можно эти консидераціи и, по усмотрѣнію, употребляй ихъ съ королемъ въ разговорѣ, называя ихъ хотя своими, хотя моими, какъ лучше сами разсудите, представляя ему, что производимые и часто повторяемые общими ненавистниками толки о дѣлахъ его, могутъ наконецъ нечувствительно произвестъ нѣкоторое впечатлѣніе и на людей къ нему склонныхъ; но ему нечего будетъ опасаться этого, когда однажды навсегда будутъ приведены въ совершенство его связи и политическая система союзными трактатами съ дружескими державами. При такихъ деликатныхъ вашихъ обращеніяхъ, я, какъ вашъ искренній другъ, не могу обойтись, чтобъ не сказать вамъ, какъ необходимо нужны пространнѣйшія отъ васъ увѣдомленія. Пожалуй, мой дорогой, от-

ступи отъ образца покойнаго графа Кейзерлинга, и описывай со всѣми обстоятельствами, не только одни феты (праздники) или происшествія, но и разговоры ваши съ разными обращающимися въ дѣлахъ особами, присоединяя къ тому извѣстія объ отношеніяхъ этихъ особъ, о сходствѣ или разности ихъ интересовъ, дабы я, зная все, могъ вѣрнѣе опредѣлять мои собственные взгляды и мнѣнія; мнѣ надобно прежде всего знать людей, которые теперь заправляютъ дѣлами, ихъ характеры, степень ихъ вліянія на короля и кредита у націи».

Польскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Ржевускій, по разстроенному здоровью, желалъ возвратиться въ Польшу. Король по этому случаю сказалъ Репнину съ печальнымъ видомъ, что очень жалѣеть объ отъѣздѣ Ржевускаго изъ Петербурга въ то самое время, когда онъ тамъ такъ нуженъ, и прибавилъ, что извѣстія, полученныя отъ Ржевускаго, его печалатъ. Репнину хотѣлось, чтобъ король разсказалъ подробно, какія это извѣстія; но Станиславъ Августъ не открылся, и только изъ отрывочныхъ словъ Репнинъ могъ примѣтить, что его оскорбляетъ холодность русскаго двора къ вѣнскому и пріязнь къ Берлинскому, тогда какъ прусскій король, по его мнѣнію, никогда не допустить Польшу поправиться. Репнинъ отвѣчалъ на это, что король прусскій безъ всякаго сомнѣнія войдетъ во всѣ виды Россіи относительно Польши, и если приметъ на себя какія-нибудь обязательства, то станетъ содержать ихъ ненарушимо. Но австрійскій домъ, прибавилъ Репнинъ, и прежде старался и до сихъ поръ все старается своими внушеніями встревожить и вооружить Порту, и дѣлаетъ это изъ опасенія, чтобъ Польша не усилилась въ слѣдствіе неусыпной дѣятельности національнаго короля, который не имѣетъ постороннихъ интересовъ. «Хотя я вижу, писалъ Репнинъ Панину, какъ сильно здѣсь желаютъ сближенія нашего двора съ вѣнскимъ, однако могу почти увѣрить, что ни въ какое съ нимъ обязательство не войдутъ безъ согласія нашего двора, и здѣшняя система будетъ всегда слѣдовать нашей».

«Здѣсь удивляются, писалъ Панинъ 29 марта, что его польское величество не почтилъ знаками своей признательности нашихъ троихъ генераловъ, которые у васъ были съ войскомъ для подкрѣпленія его дѣлъ. Да мнѣ кажется и по всему у васъ

великое заблужденіе въ собственныхъ замыслахъ. Я истинно не желаю дурнаго, да и моя собственная слава тому противится, только съ основаніемъ боюсь, мой другъ, что у васъ спокойствіе не будетъ продолжаться, если воды въ вино лить не будутъ, а будутъ продолжать дѣла по началамъ своей самоопредѣленной собственной политики. То положеніе и обстоятельства кончились, когда внѣшняя политика сообразовалась съ внутренними партіями и интригами; теперь нужны къ дѣламъ министры, а не партизаны. При замѣшательствѣ дѣлъ фамилія и дядя мало помогутъ, а развѣ посторонніе дворы, воспользовавшись ихъ духомъ господства, употребятъ ихъ къ усиленію этихъ замѣшательствъ. Коротко и откровенно опишу вамъ здѣсь картину настоящаго положенія. Вамъ уже извѣстно наше неудовольствіе по дѣлу о диссидентахъ. Полученная о томъ здѣсь графомъ Ржевускимъ инструкція такъ мало соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ и откровенности, такъ слаба и составлена въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что я, по моей ревности къ сохраненію тѣснаго союза, не отважился сообщить ее государынѣ; и безъ того, по однимъ письмамъ королевскимъ, какъ ласкательно и разумно они ни писаны, е. в. изволитъ заключать, будто польскій дворъ хочетъ употребить все наши способы и силы для достиженія всехъ своихъ цѣлей, въ видѣ купческаго задатка за тѣ дѣла, о которыхъ только впередъ показываетъ склонность торговаться. Съ другой стороны, начатые легкомысленно и безвременно споры съ королемъ прусскимъ, повидимому, должны болѣе усилиться и неблагоразумно кончиться. До вашего свѣдѣнія конечно дошелъ меморіалъ о правахъ провинціи польской Пруссіи. Графъ Сольмесъ мнѣ сообщилъ, что такъ какъ съ польской стороны въ новой таможенѣ взята пошлина съ купленныхъ для прусской кавалеріи 500 лошадей, то король его государь установилъ и въ своихъ границахъ новую таможеню. Излишне толковать о томъ, что этотъ государь можетъ имѣть теперь въ мысляхъ, если не остережемся. Много хлопотъ произойдетъ, когда онъ объявитъ себя защитникомъ провинціи прусской; тутъ, мой другъ, не много поможетъ и сеймовое большинство голосовъ, въ которое у васъ такъ сильно влюблены. Швеція съ самаго начала пользовалась этимъ большинствомъ и едва ли не ему должна приписать свое окончательное погруженіе въ бездну

бѣдствій? Ко всему этому надобно прибавить безконечныя волненія и интриги серала противныхъ намъ союзниковъ, которыхъ, и особенно вѣнскій дворъ, у васъ уловить конечно не удастся. Изъ этого и предыдущаго письма моего вы довольно видите, какъ вы должны быть дѣтельны для охраненія нашихъ интересовъ, отъ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, зависитъ и существенный интересъ его польскаго величества. Чистосердечно скажу вамъ, что не вижу для него другаго средства, кромѣ уступки времени и благоразумнаго повиновенія обстоятельствамъ, нѣтъ государя, который бы могъ безвредно не соблюдать этого правила. Графъ Чернышевъ опасается, чтобъ отъ неподвижнаго пребыванія нашихъ войскъ на Вислѣ не явились изъ нихъ перебѣжчики. Такъ какъ я не вижу никакой возможности вывести ихъ изъ Польши прежде приведенія въ надежную форму дѣла о диссидентахъ, то и отдаю на ваше усмотрѣнiе, не найдете ли болѣе выгоднымъ тронуть ихъ въ маѣ и привести къ Гроднѣ, и чрезъ нѣсколько времени, смотря по обстоятельствамъ перевести къ Вильнѣ».

Дѣла запутывались. Старики Чарторыйскіе отступили предъ диссидентскимъ дѣломъ; каковы бы ни были ихъ религіозные и политическіе взгляды на это дѣло, они знали, что поддерживая русскія требованія, рискуютъ потерять силу и значеніе, безъ надежды провести дѣло обыкновенными средствами. Но въ Петербургѣ на нихъ сильно сердились, видѣли въ ихъ несодѣйствіи измѣну, ибо привыкли смотрѣть на нихъ какъ на вождей русской партіи, т.-е. какъ на покорныя орудія для достиженія русскнхъ цѣлей, тогда какъ Чарторыйскіе смотрѣли на Россію, какъ на орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Король еще не понималъ всего грознаго значенія диссидентскаго дѣла. Онъ былъ влюбленъ, по выраженію Панина, въ большинство голосовъ, т.-е. былъ такъ увлеченъ мыслию о преобразованіяхъ, что все другое ставилъ на второй планъ. Поэтому его гораздо болѣе беспокоила тѣсная связь Россіи съ Пруссією, ибо онъ очень хорошо зналъ, что Фридрихъ II настаиваетъ и всегда будетъ настаивать, чтобъ Екатерина не соглашалась на преобразованія польской конституціи; пограничныя споры давали возможность Станиславу Августу выразить свое раздраженіе противъ Прус-

сіи, что очень не нравилось въ Петербургѣ. А тутъ еще, курляндскія дѣла прибавляли затрудненій.

Отъ 20 марта Симолинъ писалъ Репнину, что Биронъ потерялъ любовь и довѣріе почти всей земли. Противники его, пользуясь этимъ случаемъ, отложили частную свою къ нему ненависть, взялись за общее дѣло, соединились съ остальными, и такимъ образомъ исчезло различіе партій, всѣ стали показывать свое усердіе только къ защитѣ отечественныхъ правъ. Симолинъ упрекалъ Бирона въ томъ, что онъ не отличаетъ ласками и наградами преданное ему дворянство, а съ другой стороны не обнаруживаетъ достаточной твердости въ обращеніи съ противниками. На слова его никто не хочетъ полагаться, потому что они никогда не исполняются; почти вся земля раздѣляетъ неудовольствіе дворянства, предъявляя, что права всѣхъ нарушены и будто нынѣшній герцогъ имѣетъ въ виду всѣхъ погубить, разорить, разогнать. Биронъ, съ своей стороны, жаловался королю на Симолина, что онъ съ нимъ не въ согласіи и былъ причиною неудовольствія дворянства на него, Бирона, почему Станиславъ Августъ просилъ русскій дворъ отозвать Симолина изъ Митавы. Но курляндскія недоразумѣнія исчезали предъ отношеніями важнѣйшими. «Съ сожалѣніемъ вижу, писалъ Репнинъ, что нѣтъ ничего легче, какъ возбудить здѣсь сомнѣніе противъ прусскаго двора; не знаю по какой причинѣ король не имѣетъ ни малѣйшей довѣренности къ прусскому королю; я изъ всѣхъ силъ стараюсь искоренять это недовѣріе, но напрасно». Масло было подлито въ огонь, когда пришло извѣстіе, что въ Маріенвердерѣ собраны прусскимъ правительствомъ работники для воздвиженія по берегу Вислы укрѣпленій и что везутъ туда артиллерию: хотять устроить тутъ новую таможду и принудить всѣ проходящія польскія суда платить десять процентовъ со всѣхъ ихъ товаровъ. Король объявилъ объ этомъ Репнину съ страшною досадою, жалуясь, что король прусскій старается всячески вредить ему и всей Польшѣ. «Я увѣренъ, говорилъ Станиславъ Августъ, что прусскій король старается поссорить меня съ Россіею». Репнинъ увѣрялъ его, что это неправда, и писалъ Панину: «Зная, какъ нужно возстановить согласіе между прусскимъ и польскимъ дворами, чтобъ удержать послѣдній въ желаемой нами системѣ и въ отдаленіи отъ вѣнскаго и французскаго дво-

ровъ, стану стараться о полюбовномъ соглашеніи по таможеннымъ дѣламъ». Для этого Репнинъ обратился къ прусскому резиденту, и тотъ обѣщаль сдѣлать своему двору представленія объ улаженіи спора. Но изъ разговора, бывшаго по этому случаю съ прусскимъ резидентомъ, Репнинъ узналъ, что послѣдній часть отъ часу становится недовольнѣе обхожденіемъ съ нимъ польскаго министерства, особенно канцлера литовскаго, и что при вѣнскомъ дворѣ прусскому министру дѣлаютъ внушенія о чрезвычайномъ желаніи польскаго двора быть въ союзѣ съ австрійскимъ домомъ; прусскій министръ доноситъ объ этомъ въ Берлинъ, что и порождаетъ холодность и сомнѣнія съ прусской стороны. Репнинъ увѣрялъ прусскаго резидента, что Польша вовсе не ищетъ союза съ вѣнскимъ дворомъ, что всѣ внушенія объ этомъ фальшивыя, зlostныя, чтобъ поссорить Польшу съ Пруссією; а Станиславу Августу представлялъ, что лучше было бы дружелюбно разобратъся съ прусскимъ королемъ, который огорчительныхъ требованій дѣлать не будетъ, какъ видно изъ словъ резидента; да и съ послѣднимъ не худо было бы поступать благосклоннѣе и откровеннѣе, а не такъ какъ поступаетъ канцлеръ литовскій, который своею гордостію портитъ дѣла.

А между тѣмъ Маріенвердерская таможня уже начала свои дѣйствія. Одинъ берегъ былъ прусскій, а другой польскій: такъ Прусаки силою оттягивали суда, плившія у польскаго берега и заставляли платить пошлину, даже и съ дровъ брали десятое полѣно. Никогда Репнинъ еще не заставалъ Станислава Августа въ такомъ горѣ, близкомъ къ отчаянію. Со слезами на глазахъ король говорилъ: «Еслибы мнѣ дали на выборъ отказаться отъ престола или терпѣть Маріенвердерскую таможню, которая будетъ держать подъ игомъ всю Польшу, то я не поколебался бы покинуть престоль; я считаю теперь себя несчастнѣе послѣдняго изъ моихъ подданныхъ; по сдѣланному расчету, сколько польскихъ товаровъ ежегодно проходитъ чрезъ Данцигъ, прусскій король извлечетъ изъ своей таможни около 3,600,000 прусскихъ гульденовъ, т.-е. около 900,000 рублей, что равняется доходу со всей бранденбургской Пруссіи. Я полагаю всю свою надежду единственно на посредничество императрицы». «Признаюсь, писалъ Репнинъ Панину, что нахожу поступки прусскаго короля жестокими и оскорбительными до невозможности».

Въ концѣ апрѣля Репнинъ извѣстилъ Панина, что у польскаго министерства была конференція съ прусскимъ резидентомъ, которая началась вопросомъ, что причиною, что его прусское величество учредилъ новую таможеню въ Мариенвердерѣ, причемъ министры просили объ отмѣнѣ. Резидентъ отвѣчалъ, что Мариенвердерская таможня учреждена въ возмездіе за новыя польскія таможенныя распоряженія. Дѣйствительно еще на конвокаціонномъ сеймѣ положено было увеличить таможенныя пошлины на ввозные товары для усиленія финансовыхъ средствъ республики. Но министры объявили резиденту, что новое польское таможенное учрежденіе не вызываетъ такого возмездія, да еще и не приведено въ дѣйствіе, притомъ обѣщали ему передать формальный меморіаль, въ которомъ будетъ доказано, что польская таможня не новая, а возобновленная и что новый тарифъ пошлинъ не въ убытокъ прусскимъ подданнымъ. На этомъ письмѣ Панинъ замѣтилъ: «Поздно, да и непристойно такъ допрашивать; латинскій (римскій) тонъ въ политическихъ дѣлахъ нынѣ не годится. Государя больше на поединокъ другъ друга не вызываютъ: такъ и нужда чтобъ безсильный сильнаго болѣе почиталъ». Но король польскій думалъ, что почитая самага сильнаго, можетъ рассчитывать на защиту его отъ притѣсненій менѣе сильнаго; Станиславъ Августъ говорилъ Репнину: «Система императрицы будетъ всегда моею; я всю мою жизнь сохраню воспоминанія о томъ, чѣмъ я ей обязанъ; я знаю, что она можетъ, и сдѣлаю поэтому все, чего она захочетъ. Но смѣю надѣяться, что сдѣлавши меня королемъ, она поддержитъ достоинство, которое станетъ мнѣ въ тягость, если будетъ унижено. Ея великодушіе и ея образъ мыслей заставятъ ее интересоваться своимъ дѣломъ, которое очутилось бы въ крайне бѣдственномъ положеніи, еслибъ она его покинула.

Репнинъ писалъ о королѣ, о своихъ разговорахъ съ нимъ, не упоминая, какъ относились Чарторыйскіе къ прусскому дѣлу. Было ясно, что посольскій удалился отъ прежнихъ главъ русской партіи. Еще 23 февраля онъ писалъ Панину: «Что же касается до моего обращенія съ князьями Чарторыйскими, то послѣ сейма коронаціи, усумнясь о ихъ прямотѣ, а особливо послѣ какъ я отказалъ платить впредь до указа воеводѣ русскому мѣсячной пенсіи, брать его единственно съ тѣхъ поръ холоденъ.

Учтивость основаніе дѣлаетъ нашего обхожденія, о дѣлахъ же я болѣе съ самимъ королемъ говорю. Братья королевскіе дѣлаютъ противную имъ (Чарторыйскимъ) партію». Прусскій посланникъ Бенуа хвалился, что Репнинъ удержалъ пенсію Чарторыйскаго по его совѣту. 13 мая Репнинъ писалъ Панину: «Я уже доносилъ, какимъ властолюбіемъ исполнены двое братья Чарторыйскихъ, и что кредитъ ихъ очень великъ въ націю; онъ усилился еще болѣе отъ того, что въ послѣднее междуцарствіе Чарторыйскіе были главами нашей партіи и чрезъ ихъ руки шли всѣ деньги, назначенныя для увеличенія числа партизановъ, которые и остались имъ преданы. Кредитъ ихъ содержится въ своей силѣ слабостію короля, который еще не можетъ окрѣпнуть и бросить привычку ни въ чемъ имъ не отказывать. Теперь я примѣчаю въ воеводѣ русскомъ еще новый замыселъ: онъ кажется желаетъ быть короннымъ гетманомъ по смерти графа Браницкаго, которой не долго будетъ дожидаться. Хотя этотъ чинъ противъ прежняго и ограниченъ, однако все еще можетъ усилить кредитъ Чарторыйскихъ, что по упрямству, гордости и властолюбивымъ замысламъ ихъ было бы противно видамъ и интересамъ нашимъ, и было бы хорошо этому помѣшать, а сдѣлать гетманомъ одного изъ королевскихъ братьевъ, которые, имѣя мало надежды перемѣнить воеводу русскаго, тѣмъ болѣе будутъ намъ благодарны за доставленіе этого достоинства, и кредитъ Чарторыйскихъ будетъ уравновѣшенъ». Панинъ написалъ на этомъ письмѣ: «Я въ семь письмѣ кромѣ полезнаго ничего не нахожу, и потому ожидаю только высочайшаго соизволенія, оставляя волѣ вашего величества, вести ли дѣло гетманскаго мѣста въ пользу королевскаго брата и котораго, или же для Адама Чарторыйскаго? Императрица написала: «Лучше перваго, а другой въ запасъ».

Чарторыйскіе вели себя не такъ какъ бы желалось въ Петербургѣ не по одному диссидентскому дѣлу. По совѣту литовскаго канцлера Станиславъ Августъ написалъ красивое, но очень рѣзкое письмо къ Фридриху II-му по поводу таможеннаго спора. Копія съ этого письма была переслана Екатеринѣ, которая написала Панину: «Признаюсь, я была испугана жаромъ, съ какимъ написанъ первый параграфъ этого письма. Оно конечно исполнено ума, но вовсе неприлично. О! какъ бы вы меня за-

бранили, еслибъ я написала такое блестящее и такое вредное для моихъ дѣлъ письмо. Прошу васъ, поставьте польскаго короля на ту же ногу, какъ вы поставили меня. Вы ему доставите этимъ величайшее благо, то есть, спокойное и разумное царствованіе; умѣрьте его живость, не дайте ему обнаруживать столько остроумія на счетъ пользы его собственныхъ дѣлъ».

Но Екатерина, желая, съ одной стороны, сдержать Станислава Августа, чтобъ не раздражать Фридриха II-го, съ другой, употребила стараніе сдержать и своего вѣрнаго союзника короля прусскаго: Бенуа изъ Варшавы писалъ въ Берлинъ, что князь Репнинъ умоляетъ его ради самого Бога смягчить своего короля относительно таможи; Репнинъ внушалъ, что конечно Фридрихъ II не захочетъ слишкомъ ожесточить варшавскій дворъ изъ уваженія къ великой дружбѣ, которая царствуетъ между російскою императрицею и королемъ польскимъ: противное могло бы произвести дурное вліяніе на императрицу. Сольмсъ доносилъ изъ Петербурга о настаиваніяхъ Панина на отмѣну таможенныхъ стѣсненій. Тщетно Сольмсъ внушалъ ему: «Не позволяйте Полякамъ пугать себя; повѣрьте что не показавши имъ зубовъ, нельзя ничего достигнуть»: Панинъ стоялъ на своемъ; наконецъ Екатерина писала сама Фридриху, и Мариенвердерская таможня была приостановлена до окончанія всего дѣла о пошлинахъ. Станиславъ Августъ писалъ по этому поводу императрицѣ (19 іюня): «Приостановка Мариенвердерской таможи доказываетъ истинную дружбу вашего императорскаго величества ко мнѣ и въ то же время сильное вліяніе вашей воли на короля прусскаго. Мнѣ было ужасно думать, что несчастіе, неизвѣстное Польшѣ во времена моихъ предшественниковъ, постигло ее въ мое царствованіе и со стороны государя, который рекомендовалъ меня націи для выбора въ короли; въ народѣ уже начали говорить, что эти таможни были вознагражденіемъ за помощь, которую я получилъ отъ прусскаго короля при моемъ избраніи».

Исполняя приказаніе императрицы сдерживать польскаго короля, направлять его на истинный путь, Панинъ писалъ Репнину отъ 20 іюля: «Всѣ ваши, мой любезный другъ, письма я по порядку получаю съ совершеннымъ удовольствіемъ, какъ равнымъ образомъ они конечно и въ вышнемъ мѣстѣ принимаются. Повѣрьте безъ ласкательства, которое у меня къ вамъ мѣста имѣтъ

не можетъ, что поведеніе и дѣла ваши сполна разумны и достаточны, сколько токмо желать возможно; продолжай, мой другъ, оныя по тѣмъ же правиламъ, пока получите новыя активныя наставленія, которыя точно опредѣлить я удерживаюсь еще въ ожиданіи окончательной рѣшимости турецкаго двора. Я нужды не имѣю вамъ экспликовать моего о томъ разсужденія: вы несумнѣнно сами оное себѣ представите, что какъ бы мы не оставались надежны о турецкомъ спокойствіи и недѣйствіи, однакожь при нерѣшенномъ дѣлѣ непріятелямъ нашимъ всегда останется больше способности тамъ тревожить наши дѣла, а особливо по причинѣ, когда начнемъ прямыя негоціаціи новыхъ обязательствъ въ вашемъ мѣстѣ, чѣмъ можетъ еще нерѣшимость турецкая продолжиться и произвести общія для насъ новыя заботы. Другое бѣ было дѣло, еслибъ у васъ сначала лучше познали свой существительный интересъ, и тогда бѣ вдругъ рѣшились въ сдѣланныхъ отъ насъ представленіяхъ для политической системы. Можно по сему съ надежностію сказать, чтобъ тѣмъ подлинно себя избавили послѣдующихъ нынѣ многихъ непріятностей, которыя теперь при самовольно сдѣланныхъ себѣ предубѣжденіяхъ столь часто смущаютъ и тревожатъ, а вѣнской бы дворъ не водилъ такъ какъ нынче по неизвѣстной дорогѣ, но давнобъ уже прямо и для себя одного искалъ возобновленія непосредственной корреспонденціи. Когда я уже столько вошелъ въ разсужденіе, то не оставлю въ молчаніи и ваше разумное примѣчаніе о скрытной политикѣ тѣхъ людей, которые хотятъ содержать въ своей зависимости его польское величество, отвращая его всякими ухватками отъ опредѣленной политической системы. Сіе подлинно ощутительно и нельзя думать, чтобъ столь просвѣщенный государь какъ король польскій наконецъ самъ онаго не почувствовалъ: тогда равно онъ и признаетъ, что въ десять мѣсяцевъ никто и ничему совершеннаго блаженства не достигаетъ, слѣдовательно, достигая онаго, возможнаго лишаться не будетъ, какъ потомъ и прусскаго короля пріязнь себѣ и своей республикѣ увѣчною (?) поставлять не станетъ, и потому одному, что сей государь уже послѣдніе дни доживаетъ, въ которые ему совершенно неостанетъ возможности все то исполнить, что его видамъ приписано быть можетъ; преемники же

его, не получа его духа, не будутъ имѣть и силу его въ производствѣ»

Очень рано начали хоронить Фридриха II. Онъ послѣ того прожилъ двадцать лѣтъ и успѣлъ значительно измѣнить карту Европы. Но Панину надобно было чѣмъ-нибудь успокоить раздраженіе Станислава-Августа, ибо раздраженіе было вполне законное. Отъ 19 сентября Репнинъ писалъ Панину, что польское таможенное устройство оказалось вовсе не во вредъ подданнымъ короля прусскаго, а скорѣе выгодно. Баронъ Гольцъ, присланный Фридрихомъ II-мъ въ Варшаву для конференціи съ польскимъ министерствомъ по таможенному дѣлу, признался Репнину, что и онъ видитъ только выгоды для прусскихъ купцовъ, и еслибы онъ былъ отъ нихъ посланъ, то конечно согласился бы на польскія представленія и увѣренъ, что прусскіе купцы были бы ему благодарны; но, будучи посланникомъ короля, а не подданныхъ, долженъ предпочитать личные королевскіе интересы, повинуюсь въ точности повелѣніямъ его величества. «Изъ этого изволите видѣть, писалъ Репнинъ, что не самое дѣло въ сущности своей вредно прусскому королю и противно трактату, и привязку только дѣлаютъ, выставляя предлогъ, для чего заранѣе взаимно не согласились». Екатерина, прочтя это письмо, написала на немъ: «Il a donc une autre gloire que le bien de ses sujets, ce sont de ses singularité qui ne saurait être comprehensible pour ma caboche. (Стало-быть для прусскаго короля есть другая слава кромѣ блага его подданныхъ: это такія странности, которыя не вмѣщаются въ моей головѣ.) По словамъ англійскаго посланника въ Петербургѣ, Макартнея, поведеніе прусскаго короля въ маріенвердерскомъ дѣлѣ значительно подорвало расположеніе къ нему петербургскаго двора. Бенуа долженъ былъ предложить польскому королю пенсію въ 150,000 талеровъ съ условіемъ, чтобъ онъ помогалъ Пруссіи въ таможенномъ дѣлѣ. Въ Петербургѣ Фридрихъ II хотѣлъ достигнуть своей цѣли раздачею денегъ, и уполномочилъ графа Сольмса употребить на это отъ 50 до 60,000 рублей; императрица обо всемъ этомъ узнала.

Рѣшеніе таможеннаго дѣла между Польшею и Пруссіею откладывалось до чрезвычайнаго сейма; на томъ же сеймѣ должно было рѣшиться и страшное диссидентское дѣло. 15 іюля пріѣхалъ въ Варшаву Георгій Конисскій и на другой же день пред-

ставленъ былъ королю, который, выслушавъ его рѣчь и принявъ челобитную, прочелъ ее, несмотря на то, что была длинная, и обѣщаль удовлетвореніе во всемъ томъ, на что православные имѣютъ права и привилегіи, только велѣлъ подождать пріѣзда въ Варшаву вице-канцлера литовскаго Пршездецкаго. Вице-канцлеръ пріѣхалъ и велѣлъ Конисскому передѣлать челобитную на двѣ: въ одной должно было заключаться исчисленіе обидъ, причиненныхъ православнымъ внутри могилевской экономіи, а въ другой—исчисленіе обидъ внѣ этой экономіи: первую велѣлъ подать въ камеру королевскую, вторую канцлерамъ короннымъ и ему, вице-канцлеру литовскому. Конисскій исполнилъ все это. «Съ тѣхъ поръ, доносилъ онъ синоду, какъ начали водить, такъ и понынѣ водятъ. Росписали къ нѣкоторымъ, въ челобитной моей показаннымъ обидчикамъ, чтобъ прислали отвѣты на мои жалобы; узнавъ объ этомъ отъ господъ министровъ, я представлялъ имъ, что мнѣ такимъ собираніемъ отвѣтовъ новая причиняется обида, потому что и не ко всемъ обидчикамъ за такими отвѣтами послано, да и посылать ко всемъ невозможное дѣло, потому что большая ихъ часть уже на судъ Божій позваны и я съ такихъ никакой сатисфакціи не прошу, только возвращенія отнятаго или только чтобъ впредь подобныя обиды дѣлать запрещено; да и которые обидчики въ живыхъ остались и пришлютъ отвѣты, то съ ихъ отвѣтовъ не доведется никакой чинить резолюціи, понеже сами себя виновными не признаютъ, а въ чемъ ложно извиняться захотятъ, я готовъ всегда опровергать и такимъ образомъ собиранію отвѣтовъ да доказательствъ конца не будетъ, и какъ имъ, обидчикамъ, таковая отвѣтовъ и доказательствъ изъ домовъ своихъ безъ малѣйшихъ убытковъ присылка очень понаровочна, такъ мнѣ ожидать оныхъ отвѣтовъ здѣсь въ Варшавѣ и большіе убытки нести весьма тяжело и несносно, и что на остатокъ изъ моихъ жалобъ нѣкоторыя суть таковыя, которыя по разсмотрѣніи документовъ письменныхъ никакому изслѣдованію не подлежатъ. Таковое однако мое представленіе мѣста у нихъ господъ министровъ не получило, еще учинили меня богатымъ: ты де богатъ, можешь здѣсь проживать, а отвѣтную сторону волочить сюда по скудости ихъ не доводится».

Такимъ образомъ Поляки сами вызывали со стороны Россіи рѣшительныя мѣры. «Сеймъ чрезвычайный, писалъ Репнинъ отъ 21 сентября, конечно нуженъ какъ для рѣшенія нашихъ дѣлъ, такъ и для разбора таможенного дѣла. Но надобно предварительно согласиться въ этихъ дѣлахъ. нашихъ два дѣла надобно будетъ рѣшить на сеймѣ: дѣло диссидентское и пункты новаго союзнаго трактата. О диссидентскомъ дѣлѣ я того мнѣнія, что вдругъ его на одномъ сеймѣ всего сдѣлать будетъ нельзя, а надобно, по послѣдней мѣрѣ, на два раздѣлить; для вѣрности же, что чистосердечно будутъ поступать, думаю, надобно заранѣе составить планъ и заключить формальную тайную конвенцію съ здѣшнимъ дворомъ—поступать въ диссидентскомъ дѣлѣ согласно съ обѣихъ сторонъ для достиженія желаемого конца. Король мнѣ клялся, что все на свѣтѣ сдѣлаетъ, что только ему будетъ возможно, согласился и на составленіе заранѣе плана, только съ оговоркою, что за точное исполненіе отвѣчать не можетъ, а обяжется въ одномъ, что употребитъ всевозможное стараніе къ достиженію желаемого успѣха. Король прибавилъ, что въ диссидентскомъ дѣлѣ готовится ко всякимъ непристойнымъ своевольствамъ и къ обнаженію сабель даже въ самомъ сенатѣ, которой наглости еще никогда не бывало и которая конечно будетъ очень оскорбительна его достоинству; мало того, опасности и настоящей междоусобной войны: и на все это отваживается въ доказательство преданности къ императрицѣ; но требуетъ, чтобъ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ не былъ оставленъ и былъ бы достаточно подкрѣпленъ какъ деньгами, такъ и войскомъ».

Паннинъ въ концѣ сентября объявилъ польскому повѣренному въ дѣлахъ Царскому, писалъ и Репнину, что относительно диссидентовъ, намѣреніе императрицы непремѣнно; что она не только сама собою, но и по соглашенію со всеми протестантскими державами, будетъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока диссиденты придутъ въ законное положеніе по правамъ и справедливости; что ея величество въ своемъ намѣреніи конечно не уступитъ произволу нѣкоторыхъ людей; но зная вполне просвѣщенный мнѣнія короля польскаго, нимало не сомнѣвается, что этотъ государь употребитъ все зависящія отъ него средства къ совершенію такого похвальнаго и для него самого полезнаго дѣла,

не обращая вниманія на пристрастные и фанатическіе совѣты, которые ему самому современемъ много хлопотъ надѣлаютъ.» Въ опасеніяхъ короля на счетъ трудности диссидентскаго дѣла Паниць видѣлъ внушенія Чарторыйскихъ; ихъ же внушеніямъ приписывалъ онъ и заискиванія польскаго двора у Франціи, рѣшеніе отпрать туда посланника. Паниць писалъ Репнину: «Королю и людямъ искренно къ нему привязаннымъ время подумать серіозно объ утвержденіи безопасности и силы собственнаго положенія, которое можетъ быть основано единственно на связи его съ нашими интересами по желаніямъ ея императорскаго величества; всѣ же постороннія тонкости болѣе вредны, чѣмъ полезны. Я, имѣвъ такое участіе въ его возвышеніи и по этому одному искренно желая его благосостоянія, не могу безъ сильнаго сожалѣнія видѣть, какъ поспѣшныя и по мелкимъ видамъ партіи составленныя резолюціи двора его частъ отъ часу причиняютъ большее охлажденіе и вводятъ въ новыя хлопоты. Можетъ ли его величество себѣ представить, чтобъ такое явное предпочтеніе къ державѣ, которая, будучи такъ отдалена границами, не имѣетъ никакого побужденія вмѣшиваться въ польскія дѣла, кромѣ желанія пріобрѣсть вліяніе интригами и подкупами, чтобъ явное предпочтеніе, оказываемое такой державѣ не могло не тронуть другія державы, ведшія себя иначе при избраніи его величества? Пусть Англія, Швеція, Данія не помогали этому избранію: но онѣ и не дѣйствовали противъ него и возведеніе на престолъ Станислава-Августа признали самымъ дружественнымъ образомъ; притомъ же и собственный интересъ побуждаетъ ихъ содѣйствовать внутреннему и виѣшнему спокойствію польской республики и всего сѣвера. Напротивъ того, Франція желаетъ больше всего несогласій и смуть на сѣверѣ; тѣсная связь съ Франціею никогда не спасала и впредь не можетъ спасти Польшу отъ хлопотъ съ сосѣдями, а пребываніе въ Польшѣ французскихъ посланниковъ усилить эти хлопоты и произвести холодность. Относительно самого себя король польскій, зная хитрость и высокоуміе французской политики, долженъ быть убѣжденъ, что Франція никогда не забудетъ случившагося съ Станиславомъ Лещинскимъ, и что не только она, но и австрійскій домъ не простятъ Россіи избраніе Станислава-Августа, и конечно всегда будутъ стараться поправить дѣло

посредствомъ саксонскаго двора. Для сохраненія собственной репутаціи я желалъ бы быть ложнымъ пророкомъ; но къ сожалѣнію ничего твердаго и спокойнаго предвидѣть не могу, если поведеніе въ вашемъ мѣстѣ не переменится; надобны не слова, а дѣла, безъ чего мы можемъ нечувствительно отойти отъ тѣхъ нашихъ политическихъ расположеній, которыми мы руководствовались при стараніи о возведеніи на престолъ Станислава-Августа, и остаться съ Польшею въ отношеніяхъ, какія были въ прежнее время».

Получивъ отъ Панина это письмо, Репнинъ тотчасъ же сообщилъ его содержаніе графу Ржевускому, который, по возвращеніи изъ Петербурга, жилъ въ Варшавѣ; тотъ отвѣчалъ, что дѣйствительно рѣшеніе отправить во Францію министра принято слишкомъ поспѣшно, и вмѣстѣ увѣрялъ въ искренней преданности короля императрицѣ и въ отсутствіи всякаго поползновенія раздѣлить польскую политику отъ русской; поспѣшность же относительно посылки министра во Францію объяснялъ тицеславнымъ желаніемъ короля быть поскорѣе отъ всѣхъ признаннымъ. Поговоря съ Репнинымъ, Ржевускій тотчасъ же поѣхалъ къ королю сообщить ему о письмѣ Панина. Слѣдствіемъ было то, что король прислалъ за Репнинымъ, котораго встрѣтилъ не со слезами только, но съ рыданіемъ и совершеннымъ сокрушеніемъ о томъ, что въ Петербургѣ усумнились въ его искренности и совершенной преданности. «Я, говорилъ онъ, теряю болѣе чѣмъ жизнь и корону, когда лишаюсь дружбы и довѣрія императрицы; выходитъ, что ея императорское величество никогда меня не знала, если сомнѣвается въ моемъ прямотушіи». — «Изъ этого разговора я между прочимъ ясно видѣлъ, писалъ Репнинъ, что короля вовлекъ въ этотъ поступокъ братъ его, генералъ австрійской службы Понятовскій; этотъ генералъ думаетъ, что и въ раю не такъ хорошо какъ въ австрійской арміи; онъ убѣдилъ короля тайкомъ, безъ объясненія со мною, обѣщать министра во Францію, боясь, что если король предварительно сталъ бы говорить со мною, то я не согласился бы. Я не могу себѣ представить, чтобъ раскаяніе короля было притворно, ибо такой горести, слезъ и сокрушенія я мало видывалъ». Дѣйствительно, самъ король послѣ признался Репнину, что все надѣлалъ братъ его генералъ, которому онъ приказалъ

предварительно объявить обо всемъ Репнину; тогда какъ генераль сдѣлалъ это объявленіе не предварительно, а послѣ того какъ уже дано было обѣщаніе отправить во Францію министра. Но мы видѣли изъ письма короля къ Жоффрэнъ, какъ хотѣлось ему завести дипломатическія сношенія съ французскимъ дворомъ. Переписка по этому же предмету продолжалась и въ 1765 году. Извѣстный Бретейль изъявлялъ желаніе быть посланникомъ въ Варшавѣ по старой дружбѣ съ новымъ польскимъ королемъ. Станиславъ-Августъ писалъ ему, что и онъ желаетъ его видѣть французскимъ министромъ въ Варшавѣ, если французскій дворъ дастъ ему инструкцію дѣйствовать по новому, а не по старому: «Я васъ спрашиваю, писалъ король, хотите ли вредить вашему старому и доброму другу, внушая моимъ подданнымъ: *берегитесь вашего короля, у него дурные замыслы*; тогда какъ французскому министру всего легче и естественнѣе держать Полякамъ такую рѣчь: «Франція постоянно твердила, что желаетъ добра и возвышенія Польшѣ, ибо это было бы полезно и для самой Франціи. Теперь у васъ король, который старается объ удовлетвореніи этому желанію: такъ я, Французъ, увѣщаваю васъ ревностно помогать вашему королю. Я могу этому содѣйствовать съ своей стороны, ибо мы желаемъ, чтобъ вы стали народомъ, имѣющимъ значеніе (*une nation figurante*)». Однимъ словомъ, Станиславъ-Августъ хотѣлъ, чтобъ Франція содѣйствовала его преобразовательнымъ планамъ.

Но осуществленіе этихъ плановъ скоро начало представляться королю соединеннымъ съ величайшими трудностями, и не внѣшними только. Въ началѣ марта онъ уже жаловался своей маменькѣ Жоффрэнъ: «Трудность натурализаціи иностранцевъ, презрѣніе къ простому народу и его угнетеніе и католическая нетерпимость—вотъ три самыхъ сильныхъ національныхъ предрасудка, съ которыми я долженъ бороться въ Полякахъ. Они, въ сущности, народъ добрый, но воспитаніе и невѣжество дѣлаютъ ихъ страшно упрямыми на счетъ означенныхъ пунктовъ, и для излѣченія ихъ отъ этихъ предрасудковъ надобно идти тихо». Въ томъ же письмѣ король жалуется маменькѣ на французскую политику: «Вы играете въ мячъ съ Австрією. Она говоритъ, что вы препятствуете ей признать меня королемъ, а вы говорите, что препятствія этому родятся въ Вѣнѣ, и вмѣстѣ

шутаете головы этимъ бѣднымъ Туркамъ, которымъ внушаютъ паническій страхъ предъ какимъ-то бѣдствіемъ, долженствующимъ постигнуть ихъ изъ Польши. Не прогибвайтесь, ваша политика бредить, а моя дожидается».

Потомъ опять жалобы на свое положеніе. По поводу намѣреваемого приѣзда Жофрэнъ въ Варшаву, Станиславъ-Августъ писалъ ей: «Вы найдете своего сына очень занятымъ (и это еще не бѣда), но вы найдете его почти всегда печально занятымъ составленіемъ плановъ, въ осуществленіи которыхъ нѣтъ успѣха. Постоянныя препятствія или отъ предразсудковъ или отъ злонамѣренности внутри и внѣ; захочу сдѣлать что-нибудь хорошее—не могу по недостатку власти, какъ государь, ограниченный завистливою свободою, и какъ вождь народа безоружнаго. Петръ 1-й гранилъ большой дикій алмазъ, но онъ былъ господинъ и алмаза и орудій, которыми онъ производилъ граненіе. Присоедините къ тому темпераментъ меланхолическій и чрезвычайно чувствительный, и судите, каковъ я долженъ быть, особенно когда могущественный сосѣдь даетъ мнѣ чувствовать, что онъ затѣмъ только помогъ мнѣ достигнуть престола, чтобъ отнять у меня всякую возможность противиться его самымъ оскорбительнымъ обидамъ».

А тутъ еще Репнинъ внушаетъ Станиславу-Августу, чтобъ онъ женился на дочери португальскаго короля. Этого требовалъ Панинъ, потому что бракъ былъ выгоденъ для сѣверной системы: португальскій дворъ связанъ съ Англіею и его вліяніе никогда не будетъ вредить союзу Польши съ Россіею и со всѣмъ сѣверомъ.

А тутъ еще пріятныя отношенія къ родственникамъ, въ родѣ слѣдующаго: король имѣлъ крайнюю нужду въ деньгахъ, и нашелъ было случай занять ихъ; но воевода русскій съ своею дочерью, княгинею Любомирскою, узнавъ объ этомъ, помѣшалъ займу, убѣдивъ заимодавцевъ, что королю вѣрить нельзя. Король былъ очень этимъ раздосадованъ, но имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, уже рѣшился было заискать въ дядошкѣ. Тутъ Репнинъ, не желая, чтобъ онъ входилъ въ зависимость отъ дяди, предложилъ ему займы 20,000 червонныхъ, взявши съ него росписку, копію съ которой отослалъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ таможенное дѣло все тянулось. Фридрихъ II соглашался уничтожить маріенвердерскую таможеню только въ такомъ случаѣ, если Польша отмѣнитъ свой новый таможенный уставъ, какъ составленный безъ согласія прусскаго короля. Въ Петербургѣ рѣшили, что надобно на это согласиться, и Ренинъ объявилъ объ этомъ рѣшеніи королю. Станиславъ-Августъ отвѣчалъ, что это нанесетъ ему большой ущербъ, и распространился о несправедливости прусскаго короля, отъ котораго теперь надобно будетъ опасаться, что онъ постоянно безъ всякаго права будетъ вмѣшиваться во всѣ польскія дѣла и всему препятствовать, а Россія никогда не захочетъ вступить за Польшу и «защититъ свое бѣдное твореніе, оставляя его въ горести и порабощеніи». Эти послѣднія слова онъ сказалъ расстроганнымъ голосомъ и почти со слезами ¹¹⁴.

Станиславъ-Августъ тѣмъ болѣе долженъ былъ досадовать на холодность французскаго и австрійскаго дворовъ, что отъ нихъ скорѣе всего могъ ожидать поддержки противъ насилій Фридриха II; но даже если бы эта холодность исчезла, то это только запутывало его отношенія къ Россіи, заставляло его прибѣгать къ бесполезному двоедушію, ибо непріязненные отношенія между этими дворами и петербургскимъ усиливались все болѣе и болѣе. 26 февраля князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ доносилъ императрицѣ, что дѣло Любскаго коадьюторства рѣшено въ имперскомъ совѣтѣ въ пользу датскаго двора, причемъ главнымъ побужденіемъ служило то, чтобъ предупредить взаимное соглашеніе по этому дѣлу между Россією и Данією и такимъ образомъ сохранить достоинство римскаго императорскаго двора. Панинъ замѣтилъ: «Не предупредить, а думали сдѣлать шиканъ и въ затрудненіе привести нашу негоціацію (съ Данією): но и въ томъ и въ другомъ опоздали» ¹¹⁵.

Въ слѣдствіе извѣстныхъ прошлогоднихъ сообщеній изъ Англіи императрица не хотѣла имѣть болѣе Беранже французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при своемъ дворѣ. Беранже былъ отозванъ по требованію русскаго двора и на его мѣсто пріѣхалъ въ качествѣ полномочнаго министра маркизъ Боссэ ¹¹⁶.

Главнымъ союзникомъ Австріи и Франціи въ Константинополѣ былъ крымскій ханъ Крымъ-гирей. Въ апрѣлѣ ему удалось сильно раздражить султана противъ Россіи, и австрійскій интернунцій

Пенклеръ, узнавъ объ этомъ раздраженіи, тотчасъ предложилъ возобновленіе бѣлградскаго договора между Австріею и Турціею. Получивъ это извѣстіе отъ Обрѣзкова, Панинъ замѣтилъ: «Въ поступкѣ учиненнаго предложенія самому султану съ вѣнскаго стороны о возобновленіи трактата въ самое то время, когда султанъ насильнѣйше развращенъ противу насъ, оцутительно крѣится намѣреніе вѣнскаго двора, чтобъ показаніемъ желанія и новаго исканія вступить въ мирныя обязательства, наипаче ободрить Порту ко всякимъ противу насъ предпріятіямъ, яко въ такое время, въ которое возобновленіемъ того трактата мы лишимся совсѣмъ надежды получить аустрійскую помощь». Обрѣзковъ писалъ, что австрійскій интернунцій съ французскимъ посломъ употребляютъ всевозможныя средства для раздраженія султана противъ Россіи, и, зная по прежнему союзу съ ними и откровенности русскаго министра, какіе каналы онъ употребляетъ для полученія свѣдѣній о намѣреніяхъ Порты, стали теперь открывать послѣдней эти каналы. Панинъ написалъ на донесеніи Обрѣзкова: «Такой поступокъ во всемъ свѣтѣ почитается сущою измѣною. Обрѣзковъ довольно наставленъ, а послѣ такого уже поведенія ему не останется нужды ни въ какомъ уваженіи, слѣдовательно можно думать, что онъ употребитъ всевозможное къ обращенію тучи на аустрійскій домъ съ воспользованіемъ для насъ навигаціи на Черномъ морѣ. Ваше величество всегда будете въ состояніи удержать отъ той игры короля прусскаго, Турки жъ одни болѣе не сдѣлаютъ вреда Аустрійцамъ, какъ только нѣсколько посломаютъ ихъ гордость и сдѣлаютъ имъ впередъ нашу дружбу драгоцѣннѣе французской и всякой другой».

Обрѣзкову былъ посланъ такой рескриптъ: «Изъ послѣдней вашей реляціи мы усматриваемъ, сколько вѣнскій дворъ, жертвуя болѣе и болѣе своими непоколебимыми интересами интересу настоящаго своего ослѣпленнаго соединенія съ Франціею и ничѣмъ необузданному своему желанію возвращенія потерянной Шлезіи съ распространеніемъ своего владычества между германскими штатами, наконецъ въ вашемъ мѣстѣ сымаетъ маску и не употребляетъ уже болѣе никакого уваженія въ приведеніи Порты къ разрыву съ нами, ибо невозможно основательно приписать тому двору никакого другаго вида или намѣренія въ учиненномъ

отъ него при настоящемъ смятеніи дѣлъ султану предложеніи о возобновленіи съ нимъ извѣстнаго трактата, какъ чтобъ выгоднѣйшимъ и скорѣйшимъ онаго одержаніемъ наипаче ободрить и возбудить Порту къ непріятельскимъ противъ имперіи нашей предпріятіямъ, къ тому же вѣроломное и переданническое поведеніе того двора министра открытіемъ оной (Портѣ) прежнихъ вашихъ средствъ и каналовъ, (извѣстныхъ ему) для тогдашнихъ съ нимъ общихъ интересовъ не оставляетъ намъ ничего болѣе, какъ единое для пользы и успѣха наше собственное уваженіе, и потому мы положили чрезъ сіе вамъ точно предписать нашу императорскую волю и повелѣніе, по которымъ вы имѣете съ дознаннымъ нами вашимъ искусствомъ и благоразуміемъ употребить всевозможные способы и всѣ ваши силы, чтобъ натягаемую австрійскимъ домомъ тучу обратить на него самого по настоящему между нами и его прусскимъ величествомъ тѣсному союзу. Мы будемъ всегда имѣть способы сего государя удержатъ отъ чрезмѣрнаго уже тогда обремененія войною съ его стороны вѣнскаго двора; Турки же одни конечно не много оному принесутъ существительнаго ушерба, но рогъ его гордости и высокѣмѣрія, чаятельно, довольно посломаютъ. Вы Портѣ представлять можете выгоды ея собственной политики, когда мы раздѣляемся въ дѣлахъ съ австрійскимъ домомъ, яко съ такою державою, которая, по положенію своихъ областей, всегда имѣетъ взаимно съ Портою междуособные интересы и виды важнѣйшіе и непримирительнѣйшіе, а напротивъ того, для твердѣйшаго сохраненія общей тишины, мы составляемъ нашу политическую систему съ берлинскимъ дворомъ и съ польскою республикою, которую какъ мы по собственному нашему натуральному интересу не можемъ допустить сдѣлать себя активной, каковъ есть въ публичныхъ дѣлахъ аустрійскій домъ, такъ и она сама въ разсужденіи своей внутренней конституціи не въ состояніи того достигнуть; отдаленная же отъ турецкихъ границъ прусская держава не должна имѣть ни малаго мѣста между уважаемыми штатскими резонами Порты оттоманской относительно къ нашему союзу съ нею, ибо оный непосредственно до порты касаться не можетъ, а ненавистники наши, и особливо вѣнскій дворъ, напрасно ищутъ представлять Портѣ мечтательную опасность (пронистекающую) отъ того союза (для) польской незави-

симости, потому что тѣмъ самымъ мы ее уже дѣйствительно освободили изъ чужестранныхъ рукъ и возвратили ей истинную ея вольность и независимость; да пускай и такъ бы было, чтобъ нашимъ съ прусскимъ королемъ союзомъ содержима Польша была въ нѣкоторыхъ границахъ ея политическихъ видовъ: такъ и сіе Портѣ предосужденія приносить не можетъ. Къ обращенію настоящаго въ султанѣ зараженія къ войнѣ противъ вѣнскаго двора вы нынѣ можете особливо воспользоваться окончаніемъ срока бѣлградскаго мирнаго трактата; а если султанъ войны желаетъ, то конечно справедливѣе и полезнѣе оную предпринять противу аустрійскаго дома, нежели противу Россіи: справедливѣе, потому что будучи мирныя обязательства окончены, тутъ уже нѣтъ вѣроломства; полезнѣе, потому что съ той только стороны могутъ найтись дѣйствительные предметы завоеванія. И противу же чего въ разсужденія Россіи имъ надобно будетъ разорвать съ нами торжественно постановленный вѣчный миръ, который во всѣхъ своихъ статьяхъ съ нашей стороны свято хранится, да и сіе учинить безъ всякой разсудительной надежды какого-либо прочнаго и полезнаго себѣ пріобрѣтенія».

Но въ то время какъ принимались такія мѣры противъ вѣнскаго двора, въ надеждѣ на тѣсный союзъ съ его прусскимъ величествомъ, въ секретнѣйшемъ донесеніи отъ 16 мая Обрѣзковъ далъ знать, что пріатели его, секретарскіе подъячіе рейс-ефенди сообщили о полученіи Портою какого-то извѣстія относительно дворовъ русскаго и прусскаго, которое приводитъ ее въ раздраженіе и затрудненіе. Оказалось, что прусскій посланникъ Рексинъ предложилъ Портѣ заключить съ Пруссіею оборонительный союзъ противъ вѣнскаго двора, прибавивъ, что такъ какъ дружба между Россіею и Пруссіею теперь самая сильная и кредитъ прусскаго короля при петербургскомъ дворѣ превосходитъ всякое вѣроятіе, то заключеніе предлагаемаго союза не только будетъ пріятно петербургскому двору, но и дастъ возможность прусскому королю доставить Портѣ разныя удобства со стороны Россіи; если же Порты уклонится и теперь отъ союза, который предлагается уже въ послѣдній разъ, то, быть можетъ, увидитъ удивительныя слѣдствія своего упорства. Порты приняла послѣднія выраженія за явныя угрозы и, не признавая возможнымъ, по географическому положенію, чтобъ Пруссія

могла нанести ей вредъ, сочла, что прусскій король хочетъ употребить Россію орудіемъ этого вреда и пришла въ сильное раздраженіе, особенно самъ султанъ. Рейсъ-эффенди сказалъ Обрѣзкову: «не жалуйтесь на противниковъ, потому что мнимые ваши друзья больше вамъ вредятъ». Тутъ Панинъ замѣтилъ: «Ни по какому резону нельзя теперь думать, чтобъ король прусскій разсудилъ намъ злодѣйствовать, слѣдовательно служить вѣнскому двору». Но въ слѣдующемъ донесеніи Обрѣзковъ увѣдомилъ о письменномъ сообщеніи Рексина Портѣ, что Россія многіе старинныя польскіе уставы совершенно испровергла, а иные измѣнила, такъ что теперь вольность республики подвержена неминуемой опасности; что Россія хотѣла было уничтожить и *liberum veto*, и это непременно бы исполнилось, еслибы не помѣшала тому король прусскій; на этотъ разъ ему удалось отъвертнуть такую опасность, грозящую одинаково и Пруссіи и Турціи, ибо съ уничтоженіемъ *liberum veto* король польскій сталъ бы самовластнымъ, но прусскій король не можетъ знать, будетъ ли такъ счастливъ на будущее время, зная, что намѣреніе Россіи не оставлено вовсе, а только отложено до удобнѣйшаго времени, почему Фридрихъ II вынужденъ безпрестанно за этимъ смотрѣть, тогда какъ заключеніе прусско-турецкаго союза уничтожило бы разомъ всѣ эти опасности. Обрѣзковъ писалъ: «Такъ какъ устремленіе противниковъ всеобщее, особенно же новыя злостныя подвиги (Рексина) чрезвычайныя, то нельзя еще съ точностію предсказать, получимъ ли мы хотя малое отъ нынѣшней заботы отдохновеніе». На это Панинъ замѣтилъ: «Къ сему времени Рексинъ уже конечно обузданъ будетъ полученіемъ новыхъ согласныхъ инструкцій касательно до оборота Турокъ противъ вѣнскаго двора».

Императрица, считая ниже своего достоинства входить непосредственно въ объясненія съ Фридрихомъ II-мъ по поводу «столь поноснаго дѣла», какъ выражался Панинъ, поручила послѣднему привести это дѣло въ такое состояніе, чтобъ истина была совершенно открыта, а королю не оставалось бы ничего другаго, какъ или признать поступки своего министра измѣническими, или явно остаться въ числѣ людей невѣрныхъ и *каверзныхъ*. Когда Панинъ обратился къ графу Сольмсу за объясненіемъ, тотъ въ отвѣтъ прочелъ ему собственноручное письмо

Фридриха II-го, гдѣ говорилось, что его прусское величество отъ времени заключенія съ Россією союза, не только не искалъ и впредь искать не намѣренъ турецкаго союза, но и ни съ какою другою державою ни въ какіе переговоры не вступить, не давши знать о томъ предварительно русскому двору. Король думаетъ, говорилось въ письмѣ, что основаніемъ подозрѣнія относительно турецкихъ дѣлъ могла послужить прошлогодняя посылка отъ него одного майора въ Константинополь единственно съ цѣлію уяснить поведеніе Рексина, подавшаго нѣкоторый поводъ къ сомнѣнію. Пришло второе, болѣе подробное донесеніе Обрѣзкова; Панинъ снова обратился къ Сольмсу, и тотъ не нашелся ничего отвѣтить. «Ваше превосходительство изъ того сами довольно усмотрите, писалъ Панинъ Обрѣзкову, какого поступка отъ короля прусскаго въ вашемъ мѣстѣ ожидать должно къ опроверженію того, что его министръ учинилъ, если онъ захочетъ остаться правъ и безъ алтераціи сохранить настоящую свою съ нами систему». Даже въ томъ случаѣ, по мнѣнію Панина, если Рексинъ, по безразсудной ревности, и раздулъ дѣло, другаго заключенія о политикѣ прусскаго короля вывести нельзя, какъ то, что онъ колеблется между Россією и другими державами относительно своей безопасности и настоящихъ выгодъ. Обрѣзковъ отвѣчалъ Панину присылкою новыхъ документовъ, именно проекта вѣчнаго оборонительнаго союза между Портою и Пруссією (состоявшаго изъ одиннадцати статей, при чемъ Россія не исключалась: союзъ заключался противъ всѣхъ христіанскихъ и сосѣднихъ съ Портою и съ Пруссією державъ), и потомъ присылкою представленія, поданнаго Рексинимъ Портѣ въ ноябрѣ 1764 года о неотлагательномъ заключенія этого союза. Въ этомъ представленіи были прибавлены еще двѣ статьи: 1) Если между Портою и русскимъ дворомъ произойдетъ какое-нибудь неудовольствіе, то король долженъ употреблять добрыя услуги и посредничество наилучшимъ образомъ и стараться всѣми средствами предупредить и отвратить могуція произойти отъ этого дурныя послѣдствія. 2) Король обѣщаетъ, что отъ избранія настоящаго польскаго короля Портѣ никакого вреда не будетъ. «По моему слабому разсужденію и предвидѣнію, писалъ Обрѣзковъ, мнѣ кажется, что нѣтъ той жертвы, какой бы прусскій король ни принесъ для пріобрѣтенія турецкаго союза». Панинъ

замѣтилъ относительно присланныхъ Обрѣзковымъ документовъ: «Соображая между собою всѣ сіи обстоятельства, безъ ошибки можно заключить подтвержденіе прежнимъ нашимъ гаданіямъ, что король прусскій, воспользуясь избраніемъ польскимъ, хотѣлъ, для обнадеженія своей системы противъ аустрійскаго дома, схватить турецкую аліанцію; что его прибавочные два артикула представлены съ одной стороны для большаго акредитованія у Порты его съ нами союза, а съ другой, чтобъ тѣмъ же самымъ нѣсколько ослабить свои обязательства съ Турками въ разсужденіи насъ, еслибъ какія между нами и ими произошли замѣшательства въ слѣдствіе польскаго избранія, чего можетъ быть онъ тогда и опасался еще, и что Рексинъ ко всему оному прибавилъ свою собственную неумѣренную ревность, отъ которой происшедшія внушенія увеличивались по мѣрѣ сообщенія оныхъ отъ ушей къ ушамъ».

Въ сентябрѣ Сольмесъ передалъ Панину экстрактъ изъ депеши къ нему короля. Въ экстрактѣ говорилось, что его прусское величество приведенъ былъ въ крайнее изумленіе извѣстіемъ о поступкахъ своего министра въ Константинополь; что они ему были совершенно неизвѣстны и въ Рексиновыхъ депешахъ нѣтъ ни малѣйшаго тому слѣда, хотя король, будучи недоволенъ поведеніемъ Рексина, посылалъ въ Константинополь нарочнаго для его освидѣтельствованія, особливо по причинѣ его плохой экономіи въ деньгахъ, однако и тутъ не дошло до его величества ничего что бы относилось къ настоящему обвиненію Рексина; несмотря на то, его величество думаетъ, что извѣстія о поступкахъ Рексина не могутъ быть совершенно лишены основанія, и потому поручаетъ графу Сольмсу объявить Панину, что онъ крайне раздраженъ противъ Рексина и думаетъ, что всего лучше отозвать его изъ Константинополя; Рексинъ будетъ призванъ въ Берлинъ и поведеніе его будетъ изслѣдовано со всею строгостію, и если онъ дѣйствительно окажется виновенъ въ подлыхъ и злостныхъ внушеніяхъ противъ Россіи, то понесетъ должное за это наказаніе; что король пошлетъ въ Константинополь другого министра, чтобъ вывести Порту изъ заблужденія; онъ, король причиною, побудившею Рексина на такіе поступки, считаетъ дурное и распущенное хозяйство; вѣроятно онъ прельстился на деньги и допустилъ подкупить себя какой-нибудь изъ не-

доброжелательныхъ державъ. Сообщая объ 'этомъ Обрѣзкову, Панинъ просилъ его обходиться осторожно и съ новымъ прусскимъ министромъ, впрочемъ полагалясь совершенно на благоразуміе Обрѣзкова; вообще же взгляды его на это дѣло состоятъ въ томъ, что хотя король прусскій и могъ дать поводъ Рексину распространить интриги, противныя союзу между Россіею и Пруссіею какими-нибудь повелѣніями, касающимися проволочки неопредѣленныхъ отношеній между Турціею и Польшею, медленности въ признаніи королемъ Станислава-Августа: однако, изъ увѣреній Фридриха II и изъ его рѣшенія отозвать и предать Рексина суду, можно заключить, что послѣдній далеко зашелъ за предѣлы королевскихъ наставленій, и что король прусскій, по той или другой причинѣ, сильно почувствовалъ затруднительность своего положенія, и чтобъ выйти изъ него, снова обязался поддерживать при Портѣ русскіе интересы, и отступить скоро отъ нихъ будетъ для него уже труднѣе. Затруднительное положеніе Фридриха увеличилось еще тѣмъ, что Панинъ прочелъ Сольмсу копию съ письма англійскаго посла въ Константинополь Гренвиля къ англійскому же министру въ Петербургѣ Макартнею: въ письмѣ сообщалось о тѣхъ же поступкахъ Рексина противъ Россіи, съ прямымъ указаніемъ, что нерѣшительность и безпокойство Порты по дѣламъ польскимъ происходятъ болѣе отъ внушеній Рексина, чѣмъ отъ министровъ непріязненныхъ Россіи дворовъ ¹¹⁷.

На югѣ, въ Турціи трудно было отличить поведеніе союзника отъ поведенія враговъ; на сѣверѣ, въ Швеціи, борьба была болѣе открытая. Въ январѣ Остерманъ извѣщалъ, что несмотря на всѣ интриги и денежныя издержки французской партіи, ландмаршаломъ избранъ патриотъ полковникъ Рудбекъ; благонамѣренныя не жалѣли никакого труда при достиженіи этой цѣли и ревностно слѣдовали совѣтамъ Остермана. «Правда, писалъ Остерманъ, что мною и англійскимъ министромъ издержана немалая сумма денегъ: за то съ 1738 года никогда не было такого благополучнаго сейма, ибо всѣ четыре оратора выбраны изъ числа благонамѣренныхъ». Но Остерманъ сообщалъ и непріятное извѣстіе: королева старалась помѣстить въ секретную комиссію шесть знатныхъ членовъ французской партіи. Напрасно прусскій министръ Кокцей представлялъ ей, какъ это вредитъ

общему дѣлу; она отвѣчала, что если въ этомъ случаѣ не будетъ исполнено ея желаніе, то она удалится въ Дротингольшь, и прибавила: «очень жаль, что мои мысли некогда не сходятся съ братними, и удивляюсь, какъ это другія державы хотятъ лучше моего знать, на кого изъ здѣшнихъ людей полагаться; очень естественно, что я должна вступаться въ дѣло, которое такъ близко касается моего дома». — «Какія-нибудь да есть тайныя оболъщенія французскаго двора, писалъ Остерманъ: королева конечно льститя посредствомъ французскаго двора получить больше власти, чѣмъ посредствомъ в. и. в-ства. Опасность состоитъ въ томъ, что если королева будетъ продолжать оказывать такую же холодность къ благонамѣреннымъ и предпочтеніе членамъ французской партіи (какъ напримѣръ, на другой день избраніе ландмаршала посадила его къ игрѣ младшаго принца Барла, а къ себѣ взяла членовъ французской и придворной партіи), то это можетъ воспрепятствовать благонамѣреннымъ содѣйствовать вашему намѣренію въ пользу королевскую.

На основаніи донесеній Остермана Панинъ написалъ для императрицы свое мнѣніе: «Повидимому ихъ шведскія величества не престанутъ предпочитать разумному удовольствію свои безпредѣльныя желанія. Ваше в-ство конечно уже свято исполнили что долгъ дружбы и свойство требовать могъ, слѣдовательно по всѣмъ существительнымъ резонамъ никто болѣе зазреть не можетъ, когда соизволите указать ихъ оставить ихъ собственнымъ интригамъ и жребію, а напротивъ того, постановить дѣла благонамѣренной партіи на такомъ основаніи, чтобъ безъ дворовой зависимости съ единымъ вашимъ подкрѣпленіемъ она оставалась въ поверхности, къ исполненію чего уже немного лишняго труда надобно, тѣмъ наипаче, что можно королю оставить всегда отворенную дверь съ нею соединиться». Императрица подписала: «быть по сему».

Секретная коммиссія составила съ большинствомъ благонамѣренныхъ. «Теперь, писалъ Остерманъ, отъ в. и. в-ства зависитъ благополучное начало къ счастливому окончанію привести и заставить шведскій народъ вѣчно прославлять ваше имя. Это исполнится, если не помѣшаютъ внезапныя приключенія, а именно, если напримѣръ Франція, сильнѣйшимъ подкупомъ дастъ королю возможность нечаянно захватить самодержавіе, разру-

шить сеймъ, привести партію благонамѣренныхъ въ смятеніе или несогласіе и произвести холодность въ дружбѣ между в. в-ствомъ и королемъ съ королевою, ибо въ этомъ состоитъ и будетъ состоять главная цѣль французской шайки». Панинъ замѣтилъ при этомъ: «Разумно предусматриваетъ, но трудности велики; а еслибы впротіву всѣхъ ихъ отважились, то крайнія съ нашей стороны средства къ помѣшательству могутъ быть столь велики, что и однимъ такимъ разомъ вся сѣверная система рѣшится».

Остерманъ доносилъ, что онъ издержалъ по сіе время 802326 талеровъ мѣдною монетою, и въ остаткѣ у него только 665358 талеровъ мѣдною монетою. Панинъ замѣтилъ: «Поистинѣ сумма весьма невелика и сочиняетъ съ небольшимъ 30000 рублей, теперь къ оставшимъ въ добавокъ еще переведено 70000 рублей.» Англійскій министръ Гудрикъ издержалъ 360,000 талеровъ мѣдною монетою.

Прусскій министръ баронъ Кокцей не истратилъ ни одного талера; но, повидимому, сильно поддерживалъ Остермана. Въ февралѣ онъ сообщилъ послѣднему, что получилъ похвалу отъ своего короля за его внушеніе шведской королевѣ, какъ было бы несогласно съ общими и съ ея собственными интересами помѣщеніе въ секретную комиссію французскихъ партизановъ; Кокцей сообщилъ также, что Фридрихъ II велѣлъ ему поддерживать во всемъ Остермана. Касательно отвѣта королевы, что если французскіе сторонники не попадутъ въ секретную комиссію, то она удалится въ Дротнинггольмъ, Фридрихъ II писалъ, что въ томъ большой бѣды не будетъ, если королева и дѣйствительно уѣдетъ изъ Стокгольма. «Такое разсужденіе и здѣсь слышится, писалъ Остерманъ; но если принять во вниманіе нравъ королевы, то она и тамъ тихо себя вести не станетъ, но, подъ покровомъ непріятія участія въ дѣлахъ, еще болѣе будетъ имѣть средствъ, чрезъ своихъ приверженцевъ, интриговать на сеймѣ и скрытно препятствовать операціямъ благонамѣренныхъ. Узнавъ, что при дворѣ дѣйствительно принимается намѣреніе уѣхать въ Ульрихсдалъ подъ предлогомъ препровожденія тамъ великаго поста и приготовленія втораго принца Карла къ причастію, я просилъ кого слѣдуетъ отсовѣтовать ихъ величествамъ это дѣлать. Намѣреніе это принимается только для того, чтобъ

показать предъ публикою свое явное неудовольствіе на дѣйствія благонамѣренной партіи.»

Поѣздка въ Ульрихсдалъ состоялась, и Екатерина писала по этому случаю Панину: «Остерманъ можетъ черезъ третье лицо внушить королю и королевѣ, что я узнала о бесполезности моихъ совѣтовъ, что безразсудная поѣздка ихъ въ Ульрихсдалъ огорчила меня еще болѣе, и что онъ, Остерманъ, получилъ приказаніе не дѣлать болѣе бесполезныхъ или компрометирующихъ попытокъ, и если моя искренняя дружба и мои совѣты, столь важные для истинныхъ интересовъ короля не выслушиваются болѣе, я не стану вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Если вы этого не одобряете, то раздерите записку». — Панинъ не разодралъ записки.

Въ началѣ мая Остерманъ принужденъ былъ писать императрицѣ. «Какъ бы я ни желалъ увѣдомить о перемѣнѣ дворovýchъ поступковъ къ лучшему, но, по несчастію, не въ состояніи этого исполнить, напротивъ долженъ донести, что чѣмъ больше обнаруживается затруднительное положеніе французскихъ сторонниковъ, чѣмъ болѣе имѣютъ они побужденій бояться наказанія, тѣмъ болѣе король и королева стараются ихъ защищать. Такое королевское снисхожденіе къ французскимъ сторонникамъ естественно не можетъ привлекать сердца благонамѣренныхъ». Такъ сенаторъ графъ Левенгельмъ представилъ сенату при закрытыхъ дверяхъ настоящее критическое положеніе дѣлъ, именно, что король, вопреки желанію сейма, защищаетъ виновныхъ людей и оказываетъ свое неудовольствіе на мѣры, принимаемыя сеймомъ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что на этомъ сеймѣ помышляемо было опредѣлить правительственную форму къ удовольствію короля. Изъ такого поведенія королевскаго можно вывести одно, что его величество желаетъ чего-нибудь больше того, что государственные чины ему дать намѣрены; а такъ какъ сенатъ никакъ не можетъ согласиться на возстановленіе самодержавія, то нечего болѣе дѣлать, какъ, оставя короля въ покоѣ, соединиться съ націею и привести конституцію въ надлежащія предѣлы въ виду будущей безопасности для народній свободы. По этому поводу одинъ изъ благонамѣренныхъ сенаторовъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ королемъ, стараясь внушить ему о необходимости перемѣнить поведеніе. Король

отвѣчалъ, что удивляется какъ можно думать, что онъ ведетъ себя двулично, тогда какъ онъ постоянно держится однихъ и тѣхъ же взглядовъ. Остерманъ не хотѣлъ входить самъ въ объясненіе съ королемъ, дожидаясь пока французской партіи нанесенъ будетъ сильный ударъ открытіемъ на сеймѣ злоупотребленій членовъ этой партіи и исключеніемъ ихъ въ слѣдствіе этого изъ сената. «Безъ сомнѣнія, писалъ Остерманъ, французская партія употребитъ всѣ средства къ своему спасенію; но всѣ ея усилія останутся тщетными, если только мнѣ можно будетъ удержать въ согласіи членовъ русской партіи, гдѣ многіе заражены корыстолюбіемъ, другіе—неумѣреннымъ честолюбіемъ, третьи, изъ безразсуднаго тщеславія, стараются порочить поступки вождей партіи; а французская партія пользуется всѣмъ этимъ, чтобъ произвести между ними междоусобную вражду, и преимущественно поссорить другъ съ другомъ государственные чины».

Несмотря однако на такое невыгодное представленіе партіи колпаковъ или благонамѣренныхъ, вожди партіи, пользуясь своею поверхностью, начали дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ, какимъ дѣйствовали до сихъ поръ враги ихъ противъ нихъ, именно исключать враждебныхъ имъ людей изъ сената. Королева и король стали употреблять всѣ средства, чтобъ защитить гонимыхъ. Королева, на вечерѣ во дворцѣ, послѣ комедіи, передъ ужиномъ, завала къ себѣ въ кабинетъ жену ландмаршала и болѣе полутора часа улещала ее подѣйствовать на мужа, чтобъ онъ не старался объ исключеніи изъ сената членовъ французской партіи. Жена ландмаршала отвѣчала, что мужъ ея не въ состояніи ничего сдѣлать, такъ какъ это зависитъ отъ цѣлой партіи. Послѣ долгихъ споровъ королева наконецъ изъявила желаніе узнать, у кого въ рукахъ деньги, у ея мужа или у русскаго посланника, говоря, что она, королева, выпросила у русской императрицы подкрѣпленіе для партіи колпаковъ, и потому удивляется, что ландмаршалъ съ своими пріятелями такъ плохо повинуется королевскому желанію. Жена ландмаршала отвѣчала, что мужъ ея не имѣетъ никакихъ денегъ для подкуна.

Сенаторы, графъ Экеблатъ и баронъ Шеферъ подали въ отставку. Король съ насмѣшкою спросилъ у ландмаршала, сколько еще сенаторовъ онъ намѣренъ низвергнуть. Ландмаршалъ отвѣчалъ, что число опредѣлить не можетъ, все зависитъ отъ того,

сколько окажется виновныхъ. Король упрекалъ его въ томъ, что онъ до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ для его пользы; ландмаршалъ отвѣчалъ, что каждое дѣло требуетъ своего времени, и онъ надѣется исполнить свое обѣщаніе, если двое возмутителей, Синклеръ и бургомистръ Малмстейнъ, перестанутъ мѣшать ему во всѣхъ его намѣреніяхъ.

Колпакамъ нужно было исключить изъ сената семь членовъ. Для ихъ спасенія французскій посоль и придворная партія употребили всѣ усилія. Произошло сильное движеніе, причемъ многіе изъ колпаковъ, подъ видомъ сожалѣнія къ несчастной судьбѣ сенаторовъ, вдругъ перемѣнили поведеніе. Остермана увѣряли, что французскій посоль истратилъ при этомъ случаѣ 1200000 талеровъ купферъ-мюнце, увѣряя также, что и отъ датскаго двора были розданы деньги. Остерманъ не могъ поручиться за вѣрность этихъ извѣстій, но вѣрно было то, что раздавались табакерки, часы, и за одинъ голосъ заплачено было до 6000 талеровъ купферъ-мюнце; въ одномъ трактирѣ именемъ французскаго посла до 400 человекъ всякаго чина людей было угощаемо винами и ужиномъ. Въ слѣдствіе этого въ дворянскомъ чинѣ получили перевѣсъ тѣ голоса, которые были противъ исключенія сенаторовъ, но въ другихъ чинахъ большинство состоялось въ пользу требованія исключенія, причемъ происходилъ страшный шумъ. Французская партія начала дѣйствовать угрозами: распущены были слухи, что она намѣрена, съ помощію морскаго корпуса, арестовать ландмаршала и другихъ руководителей благонамѣренной партіи; неизвѣстные люди ночью напали на одного депутата мѣщанскаго и на одного крестьянскаго сословія и избили ихъ палками. По полученіи отъ Остермана этихъ извѣстій Панинъ написалъ для императрицы: «В. и. в-ство изъ сихъ депешей усмотрѣть изволите, сколько Бретейль, собравъ всѣ свои оставшіеся силы и ресурсы, предупредилъ въ дворянскомъ собраніи запутать дѣло о исключеніи семи сенаторовъ своихъ креатуръ. Все сіе однакоже втунѣ останется, если наши друзья сохранять учиненное уже о томъ рѣшеніе въ трехъ нижнихъ чинахъ, о чемъ конечно не можно имѣть большаго сомнѣнія. А по послѣдней мѣрѣ дѣло сіе можетъ обратиться въ негоціацію между партіями, какъ видно изъ письма ко мнѣ резидента Стахіева, гдѣ уже противная партія офирмуетъ нашимъ

въ жертву еще двухъ: своего втораго министра барона Гамльтона да сенатора Флеминга, для спасенія прочихъ, тѣмъ не меньше все министерство переменено будетъ. Впрочемъ я не думаю, чтобъ вашему величеству не угодно было опредѣленіе верховнымъ министромъ графа Горна, который по склонности своей къ покойной жизни чаятельно еще больше искать станетъ себѣ въ помощники барона Дюбина, о преданности же его къ намъ и о честномъ характерѣ сумнѣнія быть не можетъ. Остается смотрѣть, какъ далеко отчаянность распространится противниковъ; но надо прежде чтобъ они себя опредѣлили на общую гибель, ибо имѣвъ в. в-ство противу себя, имъ невозможно не предвидѣть, что занятіе Финляндіи зависить отъ соизволенія в. в-ства, и что они ни откуда супротивной помощи получить не могутъ, въ разсужденіи чего никакъ невозможно опасаться, чтобъ они дѣйствительно поступили на какое-либо отчаянное насильство противу сеймическихъ узаконеній и національнаго покоя.

Четыре сенатора враждебной партіи принуждены были выйти изъ Сената. Остерманъ, поздравляя императрицу съ этою побѣдою, писалъ однако, что побѣда еще неполная, потому что надобно замѣстить выбывшихъ сенаторовъ благонамѣренными, а такъ какъ при этомъ надобно бороться съ французскими деньгами, которыя Бретейль получаетъ каждый почтовый день, то необходимо и ему, Остерману, получить изъ Россіи по крайней мѣрѣ 50,000 рублей. Екатерина собственноручно написала на депешѣ: «Отправить безъ потерянія времени». Сенаторскія мѣста были замѣщены благонамѣренными, но не тѣми, которыхъ особенно желалось Остерману и вождямъ колпаковъ, именно: не вошли въ сенатъ бароны Дюбенъ и Рибингъ, благодаря нежеланію королевскому. «Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше открывается, писалъ Остерманъ, что покуда совершенно не истребится вѣдрившійся здѣсь французскій вредный корень, и въ самомъ королевскомъ поведеніи лучшаго оборота ожидать нельзя. По всѣмъ примѣтамъ довольно видно, что питаемая Бретейлемъ надежды о перевершеніи, если не на настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, на будущемъ сеймѣ всего того, что теперь сдѣлано, служатъ главнѣйшими побужденіями къ королевскому сопротивленію. Королева сама не разъ отзывалась объ этой надеждѣ въ разговорахъ своихъ съ благонамѣренными». Остерманъ думалъ, что лучшимъ

средствомъ для сокрушенія французскаго вліянія будетъ заключеніе Швеціею субсиднаго договора съ Англіею. Въ слѣдствіе этого императрица написала собственноручно Панину: «Пожалуй поговорите Макартицю, чтобъ они (т. е. Англичане) въ негоціацію не были такovy холодны, какъ при выдачѣ денегъ отъ нихъ случается, а то что мы хорошаго ни начнемъ, а они своимъ купеческимъ духомъ все портятъ, и старайтесь, чтобъ къ Гудрику посланы были надлежащія наставленія».

10 іюня король и королева имѣли тайное свиданіе съ Стахіевымъ въ Дротнинггольмѣ. Король началъ говорить, что не имѣя возможности видѣться наединѣ съ графомъ Остерманомъ, онъ призвалъ къ себѣ, по старому знакомству, его, Стахіева, для объясненія своихъ взглядовъ на работы настоящаго сейма и для предостереженія графа Остермана отъ фанатическихъ сѣтей. Онъ, король, не имѣетъ ни малѣйшаго подозрѣнія на счетъ благонамѣренныхъ предпріятій императрицы, напротивъ, относится къ намъ съ искреннею благодарностію, и потому откровенно хочетъ сказать, какъ ему прискорбно видѣтъ, что на сеймѣ все сильнѣе и сильнѣе становятся движенія фанатиковъ въ руководствуемой императрицею партіи, въ слѣдствіе чего дѣла, вмѣсто желаемаго поправленія, запутываются. Все это впрочемъ легко поправить, если графъ Остерманъ съ Гудрикомъ захотятъ нѣсколько обуздать своеволіе нѣкоторыхъ фанатиковъ, которые, овладѣвъ довѣренностію ихъ и вождей партіи, становятся часъ отъ часу несговорчивѣе и вмѣсто должнаго почтенія съ пренебреженіемъ отвергаютъ всѣ его благонамѣренные совѣты, а иногда отвѣчаютъ на нихъ угрозами. Стахіевъ отвѣчалъ, что графъ Остерманъ и онъ дѣйствуютъ постоянно въ королевскихъ интересахъ, но не могутъ скрыть, что нѣкоторые изъ приближенныхъ къ его величеству людей основали особую партію подъ именемъ придворной, которая подъ предводительствомъ полковника Синклера и губернатора Гамильтона, соединясь съ французскою партіею, дѣйствовала противъ благонамѣренныхъ, обольщая трусливыхъ людей покровительствомъ его величества. Тутъ вступилась въ разговоръ королева и начала утверждать, что, во первыхъ мнимая придворная партія очень малочисленна и сама по себѣ ничего не значитъ, если фанатизмъ будетъ обузданъ, ибо придворная партія только для этого и основана. «Я съ своей сто-

роны, говорила королева, могу васъ увѣрить честію, что не отдаю никакого предпочтенія французской партіи, напротивъ, желаю ея укрощенія, ибо сознаю всѣ неудобства, истекающія изъ ея господства; но признаюсь, не хочу взять на совѣсть личное гоненіе членовъ этой партіи, особенно тѣхъ, которыхъ я простила еще на послѣднемъ сеймѣ, когда они обнаружили раскаяніе и клятвенно обѣщались переимѣнить свое поведеніе, соединясь на этомъ сеймѣ съ благонамѣренными патриотами. Послѣдніе не прочь были отъ этого соединенія, но, достигнувъ господства въ слѣдствіе щедрой помощи изъ Россіи, теперь, вмѣсто исправленія государственныхъ дѣлъ, стараются только губить прощенныхъ мною членовъ французской партіи, чтобъ тѣмъ сравнять меня съ Марією Медичи во мнѣніи постороннихъ людей, которые никогда не повѣрятъ, чтобъ мнѣ нельзя было ихъ спасти, когда разъ я взяла ихъ подъ свое покровительство. Я никогда не требовала для нихъ высшихъ мѣстъ въ благонамѣренной партіи, но зная недостатокъ въ послѣдней разумныхъ и искусныхъ людей, хотѣла, на случай этого сейма, присоединить нѣкоторыхъ изъ французской партіи къ благонамѣреннымъ въ секретномъ комитетѣ, за что фанатики стали на меня клеветать, взводить на меня, что я хочу самодержавія и отдалась французской партіи. Опасаюсь, что вожди благонамѣренной партіи, и самъ ландмаршалъ, по природному своему легковѣрью, раздѣляетъ такой взглядъ на мое поведеніе: онъ уже давно пересталъ говорить со мною откровенно, особенно съ того времени, какъ разъ мнѣ случилось, въ слѣдствіе даннаго мною прощенія, не согласиться съ нимъ, чтобъ на сеймѣ потребовали отчета въ управленіи государственными дѣлами съ дѣйствительнымъ наказаніемъ преступникамъ. Все это дѣло прошлое, я болѣе объ этомъ говорить не хочу, и прошу только, чтобъ графъ Остерманъ хотя нѣсколько обуздаль фанатическую запальчивость и воспрепятствовалъ изгнанію изъ сената членовъ его, найденныхъ виновными по вексельнымъ дѣламъ, ибо я боюсь, что когда опустѣлыя такимъ образомъ въ сенатѣ мѣста наполнятся новыми, въ дѣлахъ несвѣдущими людьми, то эти новые сенаторы, какъ люди, повидимому, не очень довольные королемъ, будутъ еще несговорчивѣе прежнихъ относительно королевскихъ правъ и, пользуясь національною слѣпотой, будутъ стараться

о большемъ распространеніи сенатской власти, въ чемъ успѣютъ тѣмъ легче, что дворъ обвиняется неумѣренностію въ своихъ замыслахъ. Отдаю на ваше разсужденіе, достигнется ли тогда желаемое вашимъ дворомъ равновѣсіе между тремя правительственными властями, и можетъ ли король ожидать себѣ лучшаго жребія. Король и я, мы оба увѣрены, что императрица не для того вмѣшалась въ здѣшнія дѣла, чтобъ подвергнуть насъ притѣсненію, отдать насъ во власть необузданной партіи, которая до сихъ поръ скрываетъ отъ насъ планъ своихъ операцій, а вмѣсто того предлагаетъ намъ нравоучительныя наставленія. Не могу не замѣтить также, что уже шестой мѣсяць, какъ тянется сеймъ, денегъ издержано не мало, и ни одной прямой его операціи не кончено». — «Я и самъ признаю, отвѣчалъ Стахievъ, что на сеймѣ дѣла затянулись, а причина — происки французской партіи, которая старается ссорить благонамѣренныхъ для приведенія дѣлъ въ замѣшательство во всѣхъ четырехъ чинахъ. Вожди благонамѣренной партіи все болѣе и болѣе замѣчаютъ холодность вашихъ величествъ къ себѣ, да и сами союзные министры съ нѣкотораго времени находятся въ такомъ же положеніи, лишаясь счастья на куртагахъ говорить съ вашими величествами».

— «Я, перебила королева, уже это поправила и впередъ буду поступать иначе. Что же касается вождей партіи, то неудовольствіе происходитъ отъ того, что всякій хочетъ быть первымъ и принудить насъ себѣ кланяться». — «Да, проговорилъ король, я уже не знаю, кому наконецъ угождать!»

2 Августа Панинъ писалъ Остерману: «Когда шведскій дворъ оказалъ намъ такую невѣрность, то здравая политика требуетъ, чтобъ мы съ своей стороны своимъ дѣламъ положили другое основаніе. Надобно теперь больше всего стараться объ утвержденіи господства нашей партіи въ самомъ правительствѣ, чего можно достигнуть только перемѣною министерства и введеніемъ въ сенатъ нѣкоторыхъ членовъ изъ нашей партіи, чѣмъ однимъ обезпечится ея твердость и безопасность послѣ сейма, иначе съ его окончаніемъ можетъ разсыпаться и сама партія. А такъ какъ этою самою реформою сената народъ удостовѣрится, что и при настоящемъ образѣ правленія дѣла могутъ улучшаться, то естественно должно пройти и негодованіе его на эту форму, слѣдо-

вательно и у насъ пройдетъ опасеніе относительно ея перемѣны. Ваше сіятельство не имѣете никакой нужды сообразоваться съ желаніемъ и выгодами шведскаго двора, и должны обратить всю свою заботу на пользу и утверженіе прочнаго господства благонамѣренной партіи, причемъ желательно было бы сократить еще болѣе королевскую власть, чтобъ у ихъ шведскихъ величествъ осталось въ памяти слѣдствіе двукратной ихъ противъ насъ неблагодарности и чтобъ помнили они также, какъ вредно упорствовать противъ народнаго блага.

Сеймъ рѣшилъ дѣло о бракѣ наслѣднаго принца шведскаго Густава на датской принцессѣ. По этому поводу Панинъ писалъ Остерману: «Вы должны постараться, чтобъ образъ этого рѣшенія явно могъ показать во 1) королю и королевѣ шведскимъ, что еслибъ они не отвратили отъ себя поведеніемъ своимъ дружеское содѣйствіе императрицы, то конечно никто не могъ бы ихъ принудить на такой бракъ, который имъ такъ противенъ, и который теперь совершается только въ слѣдствіе неблагодарности ихъ къ ея императорскому величеству. 2) Датскому двору, что онъ уснѣхомъ своимъ обязанъ не низкой и презрѣнной своей политикѣ заискиванія покровительства и помощи французскаго двора, который еслибъ и прямо хотѣлъ, то не могъ бы ничего для него сдѣлать, но единственно желанію и подкрѣпленію ея императорскаго величества чрезъ преданную ей патріотическую партію. 3) Публикѣ, что эта партія, по истинному своему усердію къ отечеству, была единственнымъ орудіемъ и причиною датскаго брака ¹¹⁸.

11 марта былъ заключенъ оборонительный союзъ Россіи съ Даніею, въ третьей секретной статьѣ котораго обѣ договаривающіяся державы согласились поддерживать основную конституцію Швеціи и возстановить равновѣсіе властей. Но въ Петербургѣ узнали, что несмотря на этотъ договоръ датское правительство, въ угоду Франціи, ведетъ себя двусмысленно относительно шведскихъ событій, что король Фридрихъ V далъ 25,000 талеровъ сенаторамъ изъ французской партіи, лишившимся своихъ мѣстъ, именно Экеблату, Шеферу и Гамильтону. Панинъ поручилъ Корфу указать на это датскому министру иностранныхъ дѣлъ Бернсторфу, какъ на нарушеніе обязательствъ, и потребовать отъ датскаго двора 50,000 талеровъ, необходимыхъ для вознагражденія

денія того вреда, который сдѣланъ былъ 25,000 талеро́въ, пошедшими на подкупъ духовнаго сословія. Бернсторфъ прислалъ Корфу оправдательное письмо; но Панинъ не удовлетворился его оправданіями. Бернсторфъ утверждалъ, что король далъ 25,000 талеро́въ трои́мъ несчастнымъ сенаторамъ изъ великодушія, для ихъ собственнаго употребленія, а не для содѣйствія французской партіи, что такая ничтожная сумма не могла имѣть никакого значенія въ сеймовыхъ дѣлахъ; но Панинъ указывалъ, что сумма была положена въ Парижѣ у банкира датскимъ министромъ при французскомъ дворѣ, была въ распоряженіи у Бретейля, который и распорядился ею. Послѣ этого, писалъ Панинъ, чего нельзя ожидать отъ французскаго посланника, когда онъ для сеймовыхъ подкуповъ распорядился суммою, данною датскимъ королемъ на вспомошествованіе сенаторамъ въ ихъ несчастіи; Панинъ не отставалъ также отъ требованія 50,000 талеро́въ, необходимыхъ для общаго дѣла ¹¹⁹.

Содержаніемъ сношеній съ Англіею по прежнему были безплодные толки о союзѣ. Дѣлали другъ другу взаимные комплименты: Панинъ, въ замѣткахъ своихъ для императрицы, называлъ Англичанъ торгашами, лавочниками; новый англійскій посланникъ Макартней, жалуясь на медленность переговоровъ, писалъ своему министерству, что не можетъ быть иначе въ странѣ, гдѣ все дѣло ведется въ лавкахъ, величаемыхъ коллегіями, и мелкими купцами, которыхъ угодно называть членами комиссій. Это относительно торговаго договора; что же касается политическаго союза, то Макартней нашелъ другого противника уже не въ членахъ русскихъ комиссій; онъ писалъ: «Король прусскій не желаетъ, чтобъ русскій дворъ имѣлъ другихъ союзниковъ, кромѣ него. Онъ воздвигалъ всевозможныя препятствія въ дѣлѣ о договорѣ Россіи съ Даніей. Графъ Сольмсъ твердилъ Панину: «Англія въ настоящую минуту не имѣетъ союзниковъ; Россія и Пруссія—единственныя державы, съ которыми она рано или поздно можетъ вступить въ союзъ; она принуждена заискивать въ нихъ; выждите этого времени, и тогда мы предпишемъ ей какія угодно условія». Отъ 29 марта Гроссъ писалъ о разговорѣ своемъ съ графомъ Сандвичемъ, который объявилъ, что вѣнскій дворъ продолжаетъ безпокоиться по поводу военныхъ приготовленій короля прусскаго и тѣснаго союза этого государя съ Россіею. «Я,

говорилъ Сандвичъ, считаю неимовѣрнымъ, чтобъ теперь, когда всѣ державы такъ удалены отъ возобновленія войны, король прусскій одинъ захотѣлъ возбуждать замѣшательство, и потому опасенія вѣнскаго двора кажется излишни; но какъ бы то ни было, мы не почитаемъ сходнымъ съ здоровою политикой преждевременно брать ту или другую сторону, хотя вѣнскій дворъ дѣлаетъ намъ всякія дружескія внушенія». Гроссъ замѣтилъ, что вѣроятно вѣнскій дворъ, по соглашенію съ своими союзниками Франціею и Испаніею, хочетъ этими внушеніями удержать Англію отъ союза съ Россіею. «Дѣйствительно, отвѣчалъ Сандвичъ, вѣнскій дворъ сильно бы встревожился отъ возобновленія нашего союза; но я могу васъ увѣрить, что его британское величество всего болѣе желаетъ этого союза и готовъ заключить его немедленно, какъ скоро императрица согласится на простое возобновленіе стараго договора безъ обязательства со стороны Англии помогать противъ Турціи; такой договоръ послужилъ бы хорошимъ основаніемъ, по которому можно было бы распространять обязательства мало-по-малу, а не вдругъ». Панинъ написалъ на донесеніи Гросса объ этомъ разговорѣ: «Все содержаніе сей реляціи состоитъ въ тонкихъ англійскихъ инсинуаціяхъ, чтобъ и насъ къ союзу больше интересовать, и себѣ лучшія кондиціи доставить».

Въ Англии перемѣнилось министерство; въ Россіи думали, что дѣло присоединенія Англии къ сѣверной системѣ пойдетъ теперь живѣе. И дѣйствительно, новые англійскіе министры хвалили русскій планъ—противопоставить сѣверный союзъ фамильному договору между Франціею и Испаніею и союзу этихъ державъ съ Австріею; но статсъ-секретарь сѣвернаго департамента, герцогъ Графтонъ опять объявилъ Гроссу, что въ союзномъ договорѣ съ Россіею нельзя допустить случая союза относительно Турціи, ибо такое допущеніе было бы губительно для англійской торговли въ Турціи. Гроссъ замѣтилъ, что Франція, въ своемъ союзномъ договорѣ съ Австріею давно уже приняла обязательство помогать послѣдней противъ Турціи, однако ни въ разсужденіи своей торговли въ турецкихъ владѣніяхъ, ни относительно своего вліянія при Портѣ никакого ущерба не понесла, и странно, что такая сильная держава, какъ Англія, болѣе показываетъ робости предъ Турками, чѣмъ Франція, тѣмъ болѣе, что императрица не

требуетъ отъ Англіи дѣйствительной помощи войскомъ или флотомъ, а только небольшой денежной субсидіи. Графтонъ отвѣчалъ, что по добротѣ и дешевизнѣ французскихъ товаровъ, особливо каркасонскихъ суконъ, Турки не могутъ безъ нихъ обойтись, но легко могутъ запретить ввозъ англійскихъ товаровъ. «Я увѣренъ, говорилъ Графтонъ, что англійская торговля въ Турціи погибнетъ, если мы въ союзный договоръ съ вами внесемъ извѣстное обязательство, и потому не могу присовѣтовать этого королю, да не думаю, чтобъ и самъ Питтъ осмѣлился бы склонять короля къ этому поступку, который подвергся бы порицанію всей націи».

Панинъ, увѣдомляя Гросса, отъ 9 августа, о заключеніи торговаго договора между Россією и Англією, писалъ: «По моему мнѣнію, вамъ о возобновленіи союзнаго трактата много вызываться не надобно, дабы инако не показать, что мы объ ономъ много жадничаемъ». Но Панинъ требовалъ, чтобъ Гроссъ убѣдилъ новое министерство дѣйствовать сильнѣе въ Швеціи, помогать здѣсь Россіи деньгами. Потомъ Панинъ твердилъ Гроссу, что союзный договоръ никакъ не можетъ быть заключенъ безъ включенія Турціи въ случай союза; это условіе необходимо не потому, чтобы мы турецкую войну поставляли для себя опаснѣе и тягостнѣе другихъ, но для того только, чтобъ въ разсужденіи ея сохранить передъ Англією совершенное равенство съ прочими нашими союзниками, которые эту войну, наравнѣ съ другими, признали за случай общаго ихъ съ нами союза, и для того еще, чтобъ уступкою этого пункта не показать, что мы союзы европейскихъ державъ поставляемъ для себя нужнѣе, нежели сколько по признанію нашему нашъ собственный союзъ можетъ имъ быть нуженъ и полезенъ ¹²⁰.

Г Л А В А III.

Просвѣщеніе въ Россіи отъ основанія Московскаго университета до смерти Ломоносова.

1755—1765.

Вліяніе французской литературы при Елисаветѣ и Екатеринѣ II.—Умственное движеніе во Франціи въ описываемое время.—Отношенія русскихъ людей къ западному просвѣщенію при Елисаветѣ.—Сношенія Вольтера съ Ив. Ив. Шуваловымъ при Елисаветѣ.—Отношенія Екатерины II-й къ Вольтеру, Даламберу, Дидро.—Переписка Екатерины съ Жоффрэнъ.—Воспитаніе великаго князя.—Порошинъ, его записки, его судьба.—Послѣдняя дѣятельность Ломоносова и Тредіаковскаго.—Мюллеръ.—Шлёцеръ.—Московский университетъ.—Казанская гимназія.—Корнуса.—Посылка воспитанниковъ духовныхъ училищъ за границу.—Частное воспитаніе.—Напоминаніе синода о религіозно-нравственномъ воспитаніи.—Крестининъ.—Новыя воспитательныя учрежденія при Екатеринѣ II-й; Беккій.—Литература.—Театръ.—Искусство.

Мы уже говорили о тѣсной связи между двумя царствованіями—Елисаветы и Екатерины II-й ¹²¹. Основа этой связи заключается въ одинаковомъ нравственномъ движеніи общества, происшедшемъ отъ одинаковыхъ условій народнаго роста въ послѣднее десятилѣтіе первой половины XVIII вѣка и въ первыя десятилѣтія второй половины. Екатерина вмѣстѣ со многими сотрудниками своими воспитывалась, росла этимъ общимъ ростомъ при Елисаветѣ. Никита Ив. Панинъ не могъ бы сказать, что чуть его параличъ не убилъ, когда онъ читалъ дѣло Волинскаго ¹²², еслибъ между временемъ Анны и временемъ Екатерины не прошло время Елисаветы. Характеръ послѣдней и благопріятныя

условія ея царствованія, въ которое Россія могла придти въ себя, естественно должны были вести къ развитію литературному. Но это развитіе не могло совершаться независимо: Россія вошла уже въ общую жизнь Европы, вошла недавно и потому необходимо все вниманіе ея было обращено на Западъ, къ народамъ старшимъ по цивилизаціи, слѣдовательно русская мысль и ея выраженія не могли остаться безъ сильнаго вліянія умственной жизни на западѣ. Западная умственная жизнь, какъ при Елисаветѣ, такъ и при Екатеринѣ находилась въ одинакихъ условіяхъ, находилась подъ вліяніемъ французской литературы, слѣдовательно это же вліяніе должно было замѣтнымъ образомъ отразиться и въ русской умственной жизни, а потому намъ нельзя оставлять безъ вниманія важнѣйшихъ явленій французской литературы описываемаго времени. Мы приступаемъ къ исторіи русскаго просвѣщенія въ десятилѣтіе отъ основанія московскаго университета до смерти Ломоносова; но именно въ это десятилѣтіе почти завершилось то движеніе во французской литературѣ, которое имѣло такое рѣшительное вліяніе на умственную жизнь въ цѣлой Европѣ.

Вліяніе французскаго языка и литературы, столь сильное при «великомъ королѣ», Людовикѣ XIV-мъ и такъ много обязанное ему своею силою, нисколько не ослабѣло, но еще болѣе увеличилось въ царствованіе слабаго преемника его Людовика XV-го. При великомъ королѣ французская литература подчинялась его вліянію, сдерживалась имъ и приспособлялась къ нему; при Людовикѣ XV она не находила для себя болѣе сдержки ни въ государственной власти, ни въ обществѣ, а напротивъ и здѣсь, и тамъ было много условій, которыя съ одной стороны заставили внимательно взглядѣться въ окружающія явленія, указать на многія темныя стороны существующаго порядка, потребовать соблюденія важныхъ общественныхъ интересовъ, сдѣлать полезные, прямо «просвѣтительные» выводы; а съ другой стороны позволили ей до того увлечься отрицательнымъ направленіемъ, что она стала враждебно не только къ существующимъ формамъ государственной власти, но и къ общественнымъ основамъ. Усиленіе королевской власти при Людовикѣ XIV было необходимою реакціею смутѣ, извѣстной подъ именемъ фронды, показавшей несостоятельность людей и цѣлыхъ учрежденій, которые хо-

тѣли произвестъ какой-то переворотъ; при чемъ англійская революція не осталась безъ вліянія на воспримчивыхъ Французовъ. Но въ Англии смута кончилась сильною и тяжелою властію лорда-протектора, а потомъ возстановленіемъ Стюартовъ; и въ Англии отнеслись къ революціи, какъ явленію печальному, какъ бунту; тѣмъ болѣе Франція, изнуренная безплодною фрондою, должна была желать сильной королевской власти. Людовикъ XIV удовлетворилъ этому желанію и сначала оправдалъ его, давши много блеску и славы народу, страстному къ блеску и славѣ. Но Людовикъ XIV, въ свою очередь, перешелъ границы въ стремленіи усилить свою власть, что опять вызывало реакцію, тѣмъ болѣе, что великій король оставилъ Францію въ крайне печальномъ положеніи, возбуждавшемъ недовѣріе къ началамъ, которыми руководился Людовикъ. Естественно возбуждался вопросъ о необходимости исканія новыхъ началъ для болѣе удовлетворительной установки народной жизни.

При такомъ положеніи дѣлъ, разумѣется, важное значеніе должна была имѣть личность новаго короля. вмѣсто Людовика XIV, который умѣлъ такъ несравненно представлять короля, играть роль государя и этимъ очаровывать свой народъ, страстный къ великолѣпнымъ представленіямъ, къ искусному разыгрыванію ролей, — вмѣсто короля, который оставилъ много блеска, много славы, много памятниковъ искусствъ и литературы, который если не успѣлъ дать Франціи политическую игемонію въ Европѣ, то удержалъ за нею игемонію языка и литературы, игемонію обычая французской общественной жизни, — вмѣсто такого короля явился король, соединявшій въ своей личности все условія для того, чтобъ уронить верховную власть, явился человекъ, отличавшійся необыкновеннымъ нравственнымъ безсиліемъ. У Людовика XV-го не было недостатка въ ясности ума; но безсиліе воли было таково, что, при полномъ сознаніи необходимости какого-нибудь рѣшенія, онъ соглашался съ рѣшеніемъ противоположнымъ, какого хотѣли любовницы и министры ими созданные. Отсутствие воли сдѣлало изъ неограниченнаго монарха притворщика и обманщика, интригана, любящаго мелкія средства и извилистыя дороги; мы видѣли, какъ онъ, тайкомъ отъ своихъ министровъ, велъ свою особую дипломатическую переписку.

Сознавая безсиліе своей воли, Людовикъ XV-й не передалъ правленіе энергическому министру, въ родѣ кардинала Ришелье: онъ, какъ дѣлливый султанъ, заперся въ гаремѣ, оставивъ судьбы государства на произволъ интригамъ любимыхъ женщинъ и кліентовъ ихъ; вмѣсто короля, похожаго на послѣднихъ Меровинговъ, не управлялъ никто, похожій на Мартелла. Подлѣ своихъ королевъ Франція привыкла видѣть блестящую аристократію: какъ великолѣпный король Франціи служилъ образцомъ для государей Европы, такъ блестящее дворянство Франціи служило образцомъ для дворянства остальной Европы. Воинственная и славолюбивая нація достойно представлялась своимъ дворянствомъ, которое выставило столько героевъ, прославившихъ французское оружіе и приобрѣло значеніе перваго войска въ мірѣ. Но, по замѣчательному соотвѣтствію, паденіе монархическаго начала во Франціи вслѣдствіе слабости преемника Людовика XIV, послѣдовало одновременно съ нравственнымъ паденіемъ французскаго дворянства, съ помраченіемъ славы французскаго войска. Людовикъ XIV, который наслѣдовалъ своихъ знаменитыхъ полководцевъ отъ времени предшествовавшаго, не воспиталъ новыхъ, не смотря на свои частыя войны: доказательство, что война можетъ служить школою для существующихъ талантовъ, но не создаетъ талантовъ, когда кругъ, изъ котораго они могутъ явиться, ограниченъ и потому легко истощается частыми войнами. Такимъ образомъ двѣ силы, дѣйствовавшія постоянно въ челѣ народа и достойно его представлявшія, отказываются отъ своей дѣятельности. Отказывается отъ своей дѣятельности и духовенство, которое не выставляетъ болѣе изъ своей среды Боссюэтовъ и Фенелоновъ, не можетъ нравственными средствами бороться противъ враговъ религіи, старается употреблять противъ нихъ только матеріальныя средства, что, разумѣется, могло только содѣйствовать паденію духовнаго авторитета. Но какъ скоро дѣйствовавшія прежде на первомъ планѣ силы отказываются отъ своей дѣятельности, являются несостоятельными, то и начинается приготовляться болѣзненный переворотъ, перестановка силъ, называемая революціей. Это приготовленіе обнаруживается въ отрицательномъ отношеніи къ тому, что имѣло авторитетъ и что представлялось теперь формою безъ содержанія, безъ духа, безъ силы. Въ организмѣ французскаго общества въ это время

происходило то, что происходит во всякомъ организмѣ, гдѣ известный органъ омертвѣетъ или въ организмѣ втиснется какое-нибудь чуждое, бесполезное тѣло: въ организмѣ тогда чувствуется тоскливое желаніе освободиться отъ такого омертвѣвшаго органа или чуждаго тѣла, не участвующихъ въ общей жизни, ничего не дающихъ ей.

Это отрицательное отношеніе къ старымъ авторитетамъ необходимо должно было отразиться въ общественномъ словѣ, разговорѣ, который становился все громче и громче. Прежде высоко поднимался дворъ, блестящій, несравненный дворъ Людовика XIV: здѣсь было дѣйствительное величіе, внушавшее уваженіе, сила, съ которою каждому должно было считаться; въ этомъ храмѣ дѣйствительно обитало божество, предъ которымъ каждый преклонялся. Вниманіе всѣхъ было обращено туда, къ этому дѣйствительному средоточію силы и власти. Но послѣ Людовика XIV дворъ потерялъ прежнее значеніе, прежнее обаяніе, которыя давалъ ему великій король; духъ исчезалъ, оставалось одно внѣшнее, и само значеніе переходитъ въ другіе частные круги, гдѣ сходятся пожить общественной жизнию, а для Француза это значило играть роль, блистать, овладѣвать вниманіемъ, нравиться. Но чѣмъ же блистать, возбуждать вниманіе, нравиться? Движеніе прекратилось: нѣтъ больше религіозной борьбы; нѣтъ больше борьбы партій, происходившей отъ честолюбивыхъ стремленій принцевъ крови, могущественныхъ вельможъ; нѣтъ болѣе такихъ сильныхъ лицъ, которыя, привязавшись къ народному неудовольствію, могли поднять движеніе въ родѣ фронды; нѣтъ болѣе того сильнаго внутренняго и особенно военнаго движенія, какое было поднято великимъ королемъ и такъ поразило воображеніе народа, такъ заняло его вниманіе; нѣтъ и тѣхъ печальныхъ, страшныхъ минутъ, какія пережила Франція въ послѣднее время Людовика XIV. Нѣтъ движенія, дѣятельности, остается одинъ разговоръ; но въ чемъ же онъ могъ состоять? Сочувственно относиться было не къ чему, и относились отрицательно, враждебно. Но и здѣсь серіозное отношеніе, вдумываніе въ причины зла и придумываніе средствъ къ его уничтоженію возможны были лишь для немногихъ; у большинства же непріязненное отношеніе къ настоящему должно было выражаться въ насмѣшкѣ надъ нимъ, которой помо-

галь и складъ французскаго ума, и самая постановка окружающихъ явленій, гдѣ форма не соотвѣтствовала болѣе содержанію, дѣла не соотвѣтствовали значенію лицъ, ихъ совершавшихъ, а такое несоотвѣтствіе именію и возбуждаетъ насмѣшку.

Насмѣшка не щадила ничего. Уже шель третій вѣкъ, какъ западно-европейскіе народы переступили изъ своей древней исторіи, когда у нихъ преобладало чувство, въ новую, которая знаменуется развитіемъ ума на счетъ чувства. Какъ обыкновенно бываетъ при этомъ переходѣ въ жизни народовъ, умъ западныхъ народовъ, возбужденный къ дѣятельности расширеніемъ сферы знанія, знакомствомъ съ новыми народами и странами посредствомъ мореплаванія, открытія путей и земель, возбужденный изученіемъ древняго классическаго міра, сталъ критически относиться къ тому, чѣмъ до сихъ поръ жилось, во что вѣрилось; съ этого времени, времени поклоненія чуждому генію, генію классической древности, столь могущественному, такъ поразившему воображеніе памятниками искусства и мысли, начинается отрицательное отношеніе къ своему, къ своему прошедшему, къ своей древней исторіи или къ такъ называемымъ среднимъ вѣкамъ, къ религіозному чувству, господствовавшему въ эти вѣка и ко всѣмъ послѣдствіямъ этого господства. Враждебность начала, стремившагося теперь господствовать, къ прежде господствовавшему началу, мысли къ чувству, высказывалась очевидно: все, что напоминало чувство, основывалось на немъ, происходило отъ него, все это было объявлено предразсудкомъ. Исполненнымъ предразсудковъ являлся прежній бытъ и потому подлежалъ кореннымъ измѣненіямъ, послѣ чего долженъ былъ явиться новый міръ отношеній человѣческихъ, основанный на законахъ и требованіяхъ одного разума человѣческаго. Это стремленіе обозначилось въ самомъ началѣ новой исторіи и постепенно прокладывало себѣ все болѣе и болѣе широкую дорогу, встрѣчая въ разныхъ странахъ болѣе или менѣе сильныя препятствія, притаиваясь на время при невзгодѣ и вырываясь наружу при первомъ благопріятномъ обстоятельстве. Въ сферѣ религіозной оно высказалось въ возстаніи противъ авторитета римской церкви, въ ученіяхъ крайнихъ протестантскихъ сектъ; но вслѣдъ за тѣмъ явились ученія, которыя совершенно покончили съ положительною и даже со всякою религіею. Разумѣется,

сначала эти учения подвергались преслѣдованіямъ отъ церкви и государства, должны были скрываться, но не исчезали. Во Франціи въ XVII вѣкѣ эти учения встрѣтили сопротивленіе въ яansenизмѣ, въ сильномъ церковно-литературномъ движеніи при Людовикѣ XIV, въ поддержкѣ, которую церковь нашла у великаго короля, встрѣтили сопротивленіе, но продолжали жить втихомолку, дожидаясь своего времени. Это время пришло, когда умеръ Людовикъ XIV, когда вслѣдствіе слабости и недостойности его преемника началось высказываться отрицательное отношеніе народной мысли къ существующему порядку. Вождемъ этого новаго литературнаго движенія является Вольтеръ. Онъ начинаетъ легкими сатирическими стишками, но подозрѣнію сидитъ въ Бастиліи и 24 лѣтъ ставитъ на театрѣ свою первую пьесу «Эдипъ», возбуждившую сильное вниманіе и начавшую новую эпоху во французской и европейской континентальной литературѣ. Время чистаго искусства, время Корнеля и Расина прошло для Франціи. Въ Англии, въ слѣдствіе ранняго начала политическихъ движеній, политическія идеи вторглись въ область искусства: здѣсь политическія партіи въ стихахъ поэта, произносимыхъ со сцены, въ рѣчахъ Римлянъ, выведенныхъ имъ въ своей пьесѣ, видѣли указанія на борьбу политическихъ партій въ Англии. Теперь во Франціи въ литературу вторгаются идеи, обозначающія начало борьбы съ существующимъ порядкомъ, отрицательное отношеніе общества къ нему. Мысли, которыя занимаютъ общество, которыя составляютъ любимый предметъ разговоровъ въ гостиныхъ, входятъ въ литературу, въ публичное слово; разумѣется, въ публичномъ словѣ онѣ не могли высказываться въ тогдашней Франціи свободно, онѣ должны были являться въ видѣ намековъ; сочиненія же, въ которыхъ онѣ высказывались съ полною свободою, или ходили въ рукописяхъ, или печатались за границею. То сочиненіе могло рассчитывать на вѣрный успѣхъ, гдѣ общество встрѣчало мысли, которыя его занимали, и сочиненія Вольтера, появившіяся безпрестанно въ разныхъ формахъ—трагедіи, повѣсти, исторической монографіи, полемической статейки—всѣ были наполнены этими мыслями или намеками на нихъ. То, что въ гостиныхъ и кафе, вошедшихъ тогда въ моду, высказывалось отрывочно, смутно, то даровитый авторъ работывалъ въ стройное цѣлое, пояснялъ примѣрами, излагалъ

увлекательно, съ необыкновеннымъ остроуміемъ, не глубоко, но легко, общедоступно. Что было предметомъ сильныхъ желаній, что могло откровенно высказываться только въ своемъ кружкѣ, въ четырехъ стѣнахъ гостиной, то вдругъ слышали произносимымъ въ звучномъ стихѣ, при многочисленной публикѣ, на театальной сценѣ. Впечатленіе было могущественное, и авторъ приобрѣталъ чрезвычайную популярность: общество было благодарно своему вѣрному слугѣ, глашатаю своихъ мыслей и желаній, удивлялось его смѣлости, геройству, рѣшимости публично высказывать то, о чемъ другіе говорили только втихомолку. Успѣхъ Вольтера былъ обезпеченъ тѣмъ, что онъ явился вѣрнымъ слугою направленія, которое брало верхъ, для большинства было моднымъ, явился проповѣдникомъ царства разума человѣческаго и потому заклятымъ врагомъ, порицателемъ того времени, когда господствовало чувство, заклятымъ врагомъ церкви, христіанства, всякой положительной религіи, опредѣляющей отношенія къ высшему, духовному міру, предъ которыми разумъ человѣческій несостоятеленъ и долженъ преклоняться предъ высшимъ авторитетомъ, предъ таинственными, недоступными для него явленіями. Въ «Эдипѣ» поклонники разума уже рукоплескали знаменитымъ стихамъ, которые вовсе не шли ко времени Эдипа, но въ которыхъ подъ языческими жрецами выставилось современное духовенство: «Наши жрецы вовсе не то, что простой народъ о нихъ думаетъ, наше легковѣріе составляетъ всю ихъ мудрость».

При господствѣ французскаго языка и литературы въ Европѣ, слава Вольтера скоро перешла границы Франціи. Каждое произведеніе увлекательнаго автора,—а произведенія эти появлялись часто,—было событіемъ, которое всѣхъ занимало, о которомъ долго говорили; борьба съ многочисленными литературными противниками увеличивала только славу Вольтера, потому что онъ постоянно выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ; гибельно было подпасть подъ удары ловкаго и неутомимаго бойца, лестно и выгодно стало быть въ союзѣ съ владыкою общественнаго мнѣнія, царя моднаго направленія въ литературѣ и наукѣ; обиженный, за котораго заступался Вольтеръ, могъ быть увѣренъ въ успѣхѣхъ своего дѣла, и долженъ былъ трепетать судья, на несправедливый приговоръ котораго была принесена жалоба

Вольтеру. Было въ Европѣ время также сильнаго умственнаго движенія въ началѣ ея новой исторіи, и это движеніе вынесло знаменитаго учено-литтературнаго дѣятеля, Эразма Роттердамскаго; но важное значеніе Эразма много уступало значенію Вольтера. Коронованныя главы и члены владѣтельныхъ домовъ признали новое могущество, что обнаружилось въ исканіи союза и дружбы; выгоды дружбы и невыгоды вражды Вольтера были ими испытаны. Надобно прибавить, что могущественному положенію Вольтера способствовала независимость, которую обезпечивало за нимъ большое состояніе, прибрѣтенное литтературнымъ трудомъ и выгодными оборотами: въ 1749 году Вольтеръ уже получалъ слишкомъ 70,000 ливровъ дохода; сумму эту надобно утроить или учетверить, чтобъ сдѣлать равною нынѣшней.

Въ толпѣ, жадной къ легкому умственному наслажденію, царилъ Вольтеръ; его знали всѣ, какъ силу: въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, наравнѣ съ важными политическими извѣстіями изъ за границы, помѣщались извѣстія о распоряженіяхъ *знаменитаго* Вольтера относительно своей воспитанницы. Меньшею извѣстностію въ толпѣ, но не меньшимъ, если не большимъ значеніемъ среди людей, внимательныхъ къ движеніямъ мысли о человѣкѣ и обществѣ, пользовался современникъ Вольтера, Монтескьё. Отдавши дань модному отрицательному или обличительному направленію въ «Персидскихъ письмахъ», Монтескьё обнаружилъ счастливый переходъ своей умственной дѣятельности въ «Разсужденіи о причинахъ величія и паденія Римлянъ», и въ 1748 году издалъ свое знаменитое сочиненіе «Духъ Законовъ», быстро получившее важное значеніе во всей образованной Европѣ. Книга заслуживала свою репутацію тѣмъ, что впервые съ такою подробностію представила различныя формы государственнаго устройства, причины ихъ происхожденія, ихъ исторію у разныхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, христіанскихъ и не-христіанскихъ; прибавимъ къ тому легкость, доступность изложенія, умѣренность, сдержанность, научно-историческое уваженіе къ общественнымъ формамъ, какъ происшедшимъ не случайно, не произвольно, стремленіе извѣстными объясненіями, извѣстными указаніями привести къ правильному пониманію человѣческихъ отношеній и содѣйствовать благополучію человѣческихъ обществъ, какія бы формы для нихъ ни выработала исторія. Книга Мон-

тескѣ небывалою широтою плана, возбужденіемъ важныхъ историческихъ и юридическихъ вопросовъ производила могущественное вліяніе на умы современниковъ, порождала цѣлую литературу и въ то же время имѣла важное практическое значеніе, взмѣняя взгляды на существующія отношенія, взмѣняя ихъ ко благу народовъ и достигая этого указанною выше умѣренностію, сдержанностію, не пугая правительства революціонными требованіями, но указывая имъ средства содѣйствовать благосостоянію подданныхъ и при существующихъ основныхъ формахъ; ибо ни что такъ не вредитъ правильности свободнаго развитія человѣческихъ обществъ, какъ революціонныя требованія, пугающія не только правительства, но и народное большинство, заставляющія его опасаться за самые существенные интересы общества: человѣкъ убѣжденъ въ необходимости выйти изъ дому подышать чистымъ воздухомъ; но, испуганный ревомъ бури, ливнемъ и холодомъ, спѣшитъ затворить окна и предпочитаетъ остаться въ душной атмосферѣ своей тѣсной комнаты.

Понятно, что «Духъ Законовъ» не понравился ярымъ приверженцамъ отрицательнаго направленія. Они твердили толпѣ постоянно одно, что настоящее положеніе есть произведеніе предразсудковъ, заблужденій, неправдъ и потому должно быть разрушено, дать мѣсто новому общественному зданію, построеннаго на законахъ разума: а тутъ авторъ «Персидскихъ писемъ» съ обширною ученостію и необыкновенною силою мысли показываетъ, какъ то, что было объявлено произведеніемъ невѣжества и предразсудковъ, создавалось разумно, по извѣстнымъ законамъ, подѣ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій, показывалъ причины, почему извѣстная государственная форма измѣняется, крѣпнеть, или слабѣетъ, разрушается. Одинъ изъ самыхъ ярыхъ проводниковъ отрицательнаго направленія, Гельвецій писалъ Монтескѣ по поводу его книги: «Вы намъ говорите: вотъ міръ, какъ онъ управлялся... Вы часто приписываете ему разумъ и мудрость, которыя въ сущности принадлежатъ вамъ самимъ... Вы позволяете себѣ сдѣлку съ предразсудкомъ, какъ молодой человѣкъ, вступающій въ свѣтъ, позволяетъ себѣ сдѣлки съ старыми женщинами, которыя еще не отказались отъ претензій. Писатель, желающій быть полезенъ человѣчеству, долженъ заниматься уясненіемъ истинныхъ началъ для лучшаго

порядка вещей въ будущемъ, а не освящать опасныя начала... Идея прогресса только забавляетъ нашихъ современниковъ, но она вразумляетъ молодежь и служитъ потомству». — Но проводники отрицательнаго направленія, начиная съ Вольтера, должны были сдержаться въ своихъ публичныхъ отзывахъ о книгѣ Монтескьё въ виду ея громаднаго успѣха: менѣе чѣмъ въ полтора года появилось 22 изданія и переводы почти на всѣ языки».

Но отдѣлавшись холоднымъ поклономъ предъ знаменитымъ твореніемъ, которое пришлось не по ихъ вкусу и разумѣнію, проводники отрицательнаго направленія продолжали идти все дальше и дальше по своей дорогѣ. Съ именемъ Вольтера тѣсно соединены еще имена двоихъ проводниковъ отрицательнаго направленія — Дидро и Даламбера. Дидро по своему характеру былъ драгоцѣнный человѣкъ въ распространеніи какаго бы то ни было ученія, драгоцѣнный членъ партіи. Своею вдохновенною рѣчью онъ производилъ сильное обаяніе; кромѣ того трудно было сыскать человѣка, съ которымъ было бы такъ легко ужиться, человѣка болѣе снисходительнаго; его преимущества никого не стѣсняли, всякій чувствовалъ себя при немъ свободнымъ. Только немногіе, признавая за Дидро достоинства и пользуясь ими, могли замѣтить, что въ его мысляхъ нѣтъ послѣдовательности, въ его чувствахъ нѣтъ постоянства, что онъ могъ написать прекрасныя страницы, но никакъ не могъ написать книги. Какъ проводникъ отрицательнаго направленія онъ заявилъ себя въ «Философскихъ мысляхъ»; парижскій парламентъ въ 1746 году осудилъ книгу на сожженіе, но въ томъ же году она была переиздана въ Парижѣ, Лондонѣ и Гагѣ, и книга стала модною во всей Европѣ. Въ «Письмѣ о слѣпыхъ въ пользу зрячихъ», Дидро пошелъ еще дальше, чѣмъ въ философскихъ письмахъ; денеть Вольтеръ вооружился противъ атеизма Дидро, но когда послѣдняго посадили въ крѣпость за «Письмо о слѣпыхъ», Вольтеръ заступился за собрата, за философа: «Философы, говорилъ Вольтеръ, составляютъ малое стадо, которое нельзя отдавать на бойню. Они имѣютъ свои недостатки, какъ и другіе люди, они не всегда пишутъ отличныя сочиненія; но еслибъ они могли соединиться всѣ противъ общаго врага, это было бы доброе дѣло для рода человѣческаго. Чудовища, называемыя янсенистами и молинистами, куснувъ другъ друга, лаютъ вмѣстѣ на

бѣдныхъ приверженцевъ разума и человѣчества; послѣдніе должны, по крайней мѣрѣ, защищаться противъ нихъ». Философы, по мнѣнію Вольтера, должны были составлять тѣсно сомкнутое общество, дѣйствовать тайно, и въ случаѣ, когда надобно было отстоять своего, храбро отречься и лгать: «Надобно, писалъ онъ однажды, лгать какъ дьяволъ, не робко, не случайно только, но смѣло и всегда. Лгите, друзья мои, лгите, я вамъ заплачу за это при случаѣ. Тайнства Митры не должны быть открываемы, хотя бы это были тайнства свѣта; нѣтъ нужды, отсюда приходитъ истина, лишь бы приходила».

Это тайное общество начало дѣйствовать явною стѣнбитною машиною, когда Дидро вмѣстѣ съ извѣстнымъ математикомъ Даламберомъ начали съ 1751 года издавать знаменитую Энциклопедію. Священная книга откровеній разума человѣческаго, разумѣется, должна была начинаться изложеніемъ блестящихъ успѣховъ разума во Франціи и Европѣ съ XVI вѣка: это изложеніе написано было Даламберомъ.

Но что такое разумъ? Сначала проповѣдники его царствія разумѣли подъ нимъ высшее духовное начало въ природѣ человѣческой; но начала матеріалистическихъ ученій уже давно высказались въ сочиненіяхъ англійскаго философа Локка и въ 1734 году были распространены во Франціи, а слѣдовательно и по всему континенту тѣмъ же Вольтеромъ въ его «Англійскихъ письмахъ». Аббатъ Кондильякъ развилъ локковы начала въ «Опытѣ о происхожденіи познаній человѣческихъ» (1746) и въ «Трактатѣ объ ощущеніяхъ» (1754); но и Кондильякъ остановился на дорогѣ, не сдѣлая матеріалистомъ. Дойти до крайнихъ результатовъ въ этомъ ученіи суждено было Гельвецію. Гельвецій съ молодю сталъ участвовать въ выгодной дѣятельности по откупамъ податей, нажилъ большое состояніе и, обезпеченный въ этомъ отношеніи, сталъ думать, какъ бы пріобрѣсти и славу, сначала славу друга и покровителя литераторовъ и ученыхъ, а потомъ и самому занять видное мѣсто въ средѣ ихъ. Сначала сталъ писать стихи; но видя, что на этомъ поприщѣ прославиться трудно, сталъ заниматься, какъ тогда говорили, философією и въ 1758 году выдалъ книгу: «De l'Esprit.» Какъ обыкновенно бываетъ въ движеніяхъ, подходящихъ въ извѣстное время подъ требованія и вкусы общества, люди посредственныхъ спо-

собностей, желая обратить на себя вниманіе и пробиться впередъ, стремятся отличиться мыслями и требованіями во что бы то ни стало новыми и смѣлыми, забѣгать впередъ, надавать на аукціонѣ. Такъ поступилъ и Гельвецій и дошелъ въ своей книгѣ до крайнихъ матеріалистическихъ выводовъ, отвергнувъ духовное начало въ человѣкѣ и поставивши корысть, стремленіе къ удовольствію единственнымъ побужденіемъ дѣятельности человѣческой. Книга Гельвеція была строго запрещена во Франціи; авторъ, чтобъ остаться въ покоѣ, принесъ повинную, объявилъ, что поставляетъ свою славу въ подчиненіе христіанству всѣхъ своихъ мыслей, мнѣній и способностей своего существа. Но другого рода слава была приобрѣтена. Строгое запрещеніе распалило любопытство и книга Гельвеція четыре раза была перепечатана въ Амстердамѣ, хотя для потомства остался въ силѣ приговоръ знаменитаго Тюрго, что книга Гельвеція есть произведеніе философское, но безъ логики, литературное, но безъ вкуса, въ ней толкуется о нравственности, но не честно. Патріархъ отрицательной литературы, Вольтеръ говорилъ, что не одобряетъ ни заблужденій книги Гельвеція, ни пошлыхъ истинъ, которыя онъ съ торжествомъ повторяетъ; но онъ заступился за Гельвеція, какъ за солдата изъ своего отряда, укоряя его только за неосторожность — зачѣмъ вырѣзалъ свое имя на кинжалѣ, которымъ поражалъ общаго врага, зачѣмъ выставилъ на книгѣ свое имя, зачѣмъ напечаталъ ее во Франціи.

Книга Гельвеція произвела тяжелое впечатлѣніе на Ж. Ж. Руссо: онъ хотѣлъ было писать возраженія на нее, но остановился въ виду правительственнаго гоненія на нее. Ж. Ж. Руссо стоялъ поодаль отъ той группы писателей, которою мы до сихъ поръ занимались, но тѣмъ не яснѣе имѣлъ могущественное вліяніе на умы современниковъ. Въ то время, когда литература проповѣдовала царство разума человѣческаго, когда съ торжествомъ указывала на великія и благодѣтельныя явленія, начавшіяся съ того времени, когда разумъ сталъ освобождаться изъ оковъ темныхъ силъ, господствовавшихъ въ средніе вѣка, изъ оковъ фанатизма, суевѣрія и предрасудковъ, когда съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали того великаго времени, когда свѣтъ разума возсіяетъ въ полномъ блескѣ и въ слѣдствіе этого блаженство водворится на землѣ, когда признавалось беспорноку

истиною, что золотой вѣкъ не назадъ, какъ думали древніе, а впередъ, — въ это самое время писатель, особенно способный овладѣвать вниманіемъ, душою читателя, объявляетъ, что вѣра въ прогрессъ напрасна, что движеніе общества по пути цивилизаціи, какъ можно большее удаленіе его отъ того состоянія, которое называется дикимъ и варварскимъ, вовсе неведетъ къ увеличенію благосостоянія человѣчества, къ нравственному улучшенію. Въ 1749 году дижонская академія объявила тему на конкурсъ для будущаго 1750 года: «Возстановленіе наукъ и искусствъ способствовало ли къ очищенію нравовъ»? Явился отвѣтъ отрицательный и авторомъ его былъ Руссо. Вліянію наукъ и искусствъ приписаны были всѣ пороки общества, всѣ добродѣтели были найдены у народовъ дикихъ. Блестящее сочиненіе имѣло громадный успѣхъ, возбудило всеобщее вниманіе и сильныя споры. До сихъ поръ вожди отрицательнаго направленія въ литературѣ имѣли преимущественно въ виду борьбу съ религіознымъ авторитетомъ, ограничивавшимъ свободу разума, предполагавшимъ несостоятельность послѣдняго; борьба противъ политическихъ учрежденій была на второмъ планѣ. Эти вожди пользовались выгоднымъ положеніемъ въ обществѣ, были его любимцами, оракулами, имѣли обезпеченное, нѣкоторыя обширное состояніе, слѣдовательно имѣли возможность наслаждаться прелестями утонченной жизни, по своему воспитанію, по своему обращенію, привычкамъ принадлежали къ отборному обществу, чувствовали себя въ немъ легко, свободно: поэтому они не имѣли никакихъ побужденій проповѣдовать общественную перестройку, ихъ требованія отъ богатыхъ и сильныхъ ограничивались тѣмъ, чтобъ они относились къ бѣднымъ и слабымъ съ большимъ человѣколюбіемъ и правдою. Но вотъ по силѣ своего таланта между этими такъ называемыми философами получаетъ мѣсто человѣкъ на нихъ, не похожій. Руссо былъ сынъ женеваго часовщика; послѣ разныхъ тревожныхъ жизни, судьба привела его въ Парижъ; но съ своимъ новымъ отечествомъ онъ имѣлъ общаго только языкъ, во всемъ другомъ онъ былъ ему чуждъ, и, несмотря на оторванность отъ прежняго отечества, въ немъ подъ часъ рѣзко сказывался гражданинъ Кальвинистской республики. Онъ вытерпѣлъ много униженія и лишеній; онъ очутился въ кругу вельможъ, богачей, и модныхъ

писателей; но въ этомъ кругу ему было неловко, онъ не могъ быть здѣсь такъ свободенъ и развязенъ, какъ Вольтеръ съ товарищами; приладиться къ обществу, принять его обращеніе, стараться нравиться, начать играть роль онъ не могъ, потому что не былъ французъ, не имѣлъ по этому природной способности быть салоннымъ человѣкомъ. Сознаніе своей неисправимой неловкости, невозможности играть ту роль, какую играли другіе вокругъ него, сознаніе, что постоянно затмѣвается другими, это сознаніе въ соединеніи съ крайнимъ самолюбіемъ и болѣзненностію, чрезвычайною раздражительностію нервовъ заставили Руссо вести себя такъ, что объ немъ начали отзываться сначала какъ о чудакѣ, дикарѣ, а потомъ какъ о человѣкѣ сумасшедшемъ и невозможномъ для общества. Такая неловкость и унижительность положенія, нужда, особенно въ сравненіи съ довольствомъ другихъ писателей, которыхъ онъ не считалъ выше себя, содѣйствовали тому, что Руссо отрицательно, враждебно отнесся къ основному общественному строю, нашель его чрезмѣрно сложнымъ и извращеннымъ, отступившимъ отъ первоначальной простоты, которая одна давала человѣку возможность сохранять чистоту нравовъ. Та же дижонская академія въ 1753 году предложила на конкурсъ другую тему: «отъ чего произошло неравенство между людьми и основывается ли оно на естественномъ законѣ»? Руссо отвѣчалъ и на этотъ вопросъ: первый, кто огородилъ извѣстный участокъ земли, и сказалъ: «это мое»! былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Въ такомъ основаніи Руссо видѣлъ общественное грѣхопаденіе, отъ котораго проистекли всѣ бѣдствія для рода человѣческаго. Руссо остался вѣренъ этой основной мысли и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ: воспитаніе и политическія учрежденія должны имѣть цѣлю возвращеніе человѣка къ первобытной простотѣ отношеній.

Кромѣ вліянія, какое имѣли сочиненія Руссо на послѣдующія явленія французской исторіи, кромѣ вліянія, какое имѣли его мысли о воспитаніи на все европейское общество, сочиненія Руссо имѣютъ то важное историческое значеніе, что въ нихъ рѣзко высказалась реакція господствовавшему стремленію достигнуть торжества разума человѣческаго, отрѣшиться какъ можно скорѣе и безвозвратнѣе отъ первой половины народной жизни, въ которой преобладаетъ чувство надъ разумомъ. Руссо,

какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ реакціяхъ, перегнулъ дугу въ противоположную сторону, утверждая, что состояніе размышленія противоестественно и человѣкъ размышляющій есть человѣкъ испорченный. Но несмотря на справедливыя возраженія противъ Руссо, противъ его крайностей, софизмовъ, искусственнаго, фантастическаго объясненія общественныхъ явленій, искусственнаго, невозможнаго построенія человѣческихъ отношеній, несмотря на стремленія приблизиться къ естественнымъ отношеніямъ, — несмотря на все это, Руссо совершенно справедливо указалъ въ извѣстномъ отношеніи на односторонность господствовавшаго стремленія. Человѣку пріятно увлекаться мыслию о прогрессѣ, но внимательный взглядъ на явленія въ природѣ и обществѣ заставляеть убѣдиться, что абсолютнаго прогресса нѣтъ, нѣтъ золотого вѣка впереди, а есть извѣстное движеніе, которое мы называемъ развитіемъ, причемъ все, переходя въ извѣстный возрастъ или моментъ развитія, можетъ пріобрѣтать выгодныя стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ утрачиваетъ выгодныя стороны оставленнаго позади возраста. Пріобрѣтается плодъ, теряется цвѣтъ; лѣто, несмотря на свои выгодныя стороны, лишено прелестей весны; человѣкъ вполне развитой, въ полномъ обладаніи умственныхъ силъ и крѣпкій опытомъ жизни жалѣеть о прелестяхъ юности и даже дѣтства, прелестяхъ для него невозвратимыхъ. Вотъ почему подлѣ похвалы успѣхамъ настоящаго времени, при надеждахъ на большіе успѣхи въ будущемъ законно существуетъ похвала доброму старому времени. Обѣ эти похвалы ведутъ обыкновенно къ безконечному и ожесточенному спору, потому что обѣ основаны на односторонности, примиреніе заключается въ признаніи развитія и его законовъ; а возможно здоровое состояніе общества зависить отъ умѣнья, при переходѣ въ извѣстный возрастъ, не отдаваться безотчетно господствующему въ этотъ возрастъ началу, а умѣрять его другими необходимыми для жизненнаго равновѣсія началами, не утверждать, вмѣстѣ съ Руссо, что состояніе размышленія есть состояніе противоестественное для человѣка, и въ то же время признавать основное, жидительное значеніе чувства.

Но Руссо, при господствѣ въ его характерѣ страстности и фантазіи, не могъ хотя сколько-нибудь сдержать отрицательное

направленіе литературы, напротивъ подкатилъ къ стѣнамъ полуразрушенной крѣпости новый опасный таранъ. Успѣхи осаждающихъ условливались впрочемъ не ихъ стѣнобитными орудіями, а преимущественно плохую защитой гарнизона. Духовенство оказывалось несостоятельнымъ въ борьбѣ словомъ и дѣломъ, представляя противоположность между своимъ поведеніемъ и тѣмъ нравственнымъ идеаломъ, которое было выставлено христіанствомъ. Государство, въ сильныхъ финансовыхъ затрудненіяхъ, обратилось къ духовенству, владѣвшему громадными имѣніями и доходами, и потребовало свѣдѣнія обо всѣхъ имуществвахъ и доходахъ церковныхъ. Духовенство отказалось дать это свѣдѣніе, причемъ обратилось къ королю съ такими словами: «Самомалѣйшія новизны въ правилахъ и обычаяхъ религіозныхъ подвергаютъ религію великой опасности; сосѣднія государства представляютъ гибельныя тому доказательства, и никогда эти примѣры не могли насъ болѣе утратить, какъ въ настоящее время. Гнусная философія распространилась какъ смертельный ядъ и изсушила корень вѣры почти во всѣхъ сердцахъ; скандалъ нечестія, гордаго числомъ и качествомъ своихъ приверженцевъ, не знаетъ болѣе мѣры. Государь, вы должны оказать теперь религіи самое сильное покровительство, потому что она никогда еще не подвергалась такимъ сильнымъ нападѣніямъ». Вольтеръ не остался въ долгу; онъ нанесъ духовенству ударъ, прикрывшись щитомъ свѣтской власти: «Правительство тогда только хорошо, когда оно едино; не должно быть двухъ властей въ одномъ государствѣ. Употребляютъ во зло различіе между властію духовною и свѣтскою. У меня въ домѣ развѣ признаютъ двоихъ хозяевъ: меня и наставника моихъ дѣтей, которому я плачу жалованье? Я желаю, чтобъ уважали наставника моихъ дѣтей, но я вовсе не желаю, чтобъ онъ имѣлъ хотя малѣйшую власть въ моемъ домѣ. Во Франціи, гдѣ разумъ усиливается съ каждымъ днемъ, этотъ разумъ научаетъ насъ, что церковь должна участвовать въ государственныхъ тяжестяхъ по соразмѣрности съ своими доходами, и что сословіе, долженствующее особенно учить справедливости, должно первое подать примѣръ справедливости. Такое правительство будетъ готтентотское, при которомъ можно будетъ извѣстному числу людей сказать: кто работаетъ, тотъ пусть и платитъ, мы не должны ничего платить,

потому что мы ничего не дѣлаемъ. То правительство оскорбить Бога и людей, при которомъ граждане могли бы сказать: государство намъ дало все, а мы должны за него только молиться. Разумъ внушаетъ намъ, что когда государь захочетъ уничтожить какое-нибудь злоупотребленіе, народъ долженъ ему въ этомъ содѣйствовать, хотя бы злоупотребленіе считало за собою давность 4000 лѣтъ. Разумъ насъ научаетъ, что государь долженъ быть полновластнымъ распорядителемъ всей церковной полиціи. Великое счастье для государя, когда много философовъ, ибо философы, не имѣя частнаго интереса, могутъ говорить только въ пользу разума и блага общественнаго. Величайшее счастье для людей, когда государь философъ: государь-философъ знаетъ, что чѣмъ болѣе силы беретъ въ его государствѣ разумъ, тѣмъ менѣе производятъ зло суевѣріе, споры и ссоры богословскія».

«Гнусная философія изсушила корень вѣры почти во всѣхъ сердцахъ», говорило французское духовенство; но было много людей во Франціи, въ сердцахъ которыхъ корень вѣры не былъ изсушенъ: доказательствомъ служило то, что они за отцовскую вѣру терпѣли страшныя притѣсненія, работали на галерахъ, покидали отечество: то были протестанты. Католическое духовенство, неспособное предохранить сердца своей паствы отъ вліянія философіи, поддерживало гоненіе на протестантовъ и тѣмъ давало врагамъ своимъ, философамъ лучший случай вооружаться противъ религіи, во имя которой производилось гоненіе. Католическое духовенство оказывалось несостоятельнымъ въ борьбѣ съ философіею, отъ него не было слова и дѣла назиданія, и люди, въ сердцахъ которыхъ корень вѣры не былъ изсушенъ философіею, для того чтобъ дать питаніе этому корню, обращались къ мнимо-религіознымъ явленіямъ, которыя прямо переносили въ браминскую Индію и не имѣли ничего общаго съ христіанствомъ. Въ Великую Пятницу 1759 года публика сходилась смотрѣть, какъ распинали сестру Франциску, начальницу конвульзіонерокъ, какъ желѣзными гвоздями прибавали ко кресту ея руки и ноги, какъ пронзали коньемъ лѣвый бокъ.... Какъ обыкновенно бываетъ, зрители раздѣлялись во мнѣніяхъ: одни вполнѣ вѣрили въ дѣйствительность явленія; другіе утверждали, что это ловкое фокусничество; третьи говорили, что хотя тутъ и есть обманъ, но есть и явленія необъяснимыя. Во вся-

комъ случаѣ представленія конвульзійнерокъ служили новымъ предлогомъ къ нападкамъ на христіанство.

Съ другой стороны народъ былъ свидѣтелемъ страшныхъ зрѣлищъ: во Франціи, считавшейся центромъ европейской цивилизаціи, преступника разрывали шестью лошадьми. Исполнители приговора заботились объ одномъ, чтобъ какъ-нибудь не сократить мученій; отецъ, жена, дѣти преступника изгонялись изъ отечества. Легко понять, какую силу получали голоса, возставшіе противъ такихъ ужасовъ, требовавшіе уничтоженія всѣхъ этихъ обычаевъ добраго стараго времени; легко понять, какъ эти голоса являлись благовѣстіемъ будущаго золотого вѣка.

Страна изнемогала подъ тяжестью налоговъ; а между тѣмъ у Людовика XV шелъ однажды такой разговоръ съ министромъ герцогомъ Шуазелемъ: Король: «Какъ вы думаете, сколько стоитъ моя карета?» — Шуазель: я бы заплатилъ за нее 5 или 6000 франковъ; но такъ какъ ваше величество платите по-королевски, то она можетъ стоить и 8000. — Король: вы жестоко ошиблись: карета стоитъ мнѣ 30,000 франковъ. — Шуазель: Такія возмутительныя злоупотребленія невыносимы, необходимо положить имъ предѣлъ, и я вызываюсь на это, если вашему величеству угодно будетъ поддержать меня. — Король: любезный другъ! воровство въ моемъ домѣ громадное, но нѣтъ никакой возможности прекратить его: слишкомъ много людей, и, главное слишкомъ много людей сильныхъ здѣсь заинтересовано; всѣ мои министры мечтали привести въ порядокъ расходы двора, но, испуганные препятствіями при исполненіи, бросали дѣло. Кардиналь Флери былъ очень силенъ, былъ полновластнымъ хозяиномъ Франціи, и умеръ, не посмѣвши привести въ исполненіе ни одной изъ идей, какія имѣлъ относительно этого предмета. И потому успокойтесь и не трогайте порока неизлѣчимаго». Легко понять, какъ подобныя явленія усиливали отрицательное направленіе въ обществѣ и литературѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали царства разума. Но среди побѣдныхъ кликовъ въ честь разума, имѣющаго избавить отъ всѣхъ золъ, наслѣдникъ Людовика XV, заплатившій преждевременную смертію за тяжкую жизнь, проведенную въ мысляхъ о будущемъ, писалъ: «Новая философія, оправдывая своеволіе народовъ, даетъ въ тоже время государямъ право торжествовать, если они захотятъ

ею руководствоваться, ибо если интересъ настоящей минуты и личный интересъ считаются единственнымъ правиломъ всѣхъ нашихъ дѣйствій, государь будетъ имѣть не меньшее искушеніе употреблять во зло свою власть, какъ и народы свергнуть его авторитета. Что страсти только внушаютъ, тому наши философы учатъ. Если законъ интереса будетъ принятъ и заставить забыть законъ Божій, тогда всѣ идеи справедливаго и несправедливаго, добродѣтели и порока, нравственнаго добра и зла уничтожатся, троны поколеблются, подданные станутъ непослушны и мятежны, государи немилостивы и нечеловѣколюбивы. Народы будутъ всегда или въ возмущеніи или подъ гнетомъ». Французскіе историки, указывая на свои революціи и царствование Наполеоновъ, говорятъ, что дофинъ былъ пророкомъ.

Въ такомъ положеніи находилась страна—представительница Западной Европы, западно-европейской цивилизаціи, когда русскіе люди въ своей новой исторіи перешли уже въ другой періодъ своего развитія. Отъ Петра Великаго до Елисаветы, на первыхъ порахъ своего знакомства съ Западною Европою, собственно въ школьное время, они учились тамъ въ разныхъ мѣстахъ, перенимали то или другое нужное знаніе какъ дѣти по заданному уроку, иногда, часто по неволѣ. Со времени Елисаветы отношенія русскихъ людей къ Западной Европѣ стали болѣе сочувственны, болѣе пристрастны, въ то же время отношенія къ просвѣщенію вообще стали болѣе свободны и самостоятельны; русскіе люди съ жадностію бросаются не на то или другое знаніе, специально имъ нужное, но на европейскую литературу, которая представлялась тогда французскою литературою, упиваются новымъ, широкимъ міромъ идей, легкостію французской мысли, съ какою она перелетала отъ одного предмета на другой, вскрывала новыя отношенія между ними; восхищаются ея острою, съ какою она подтачивала такъ называемые предрассудки; русскіе люди читали, переводили, создавали свою литературу, которая не могла не находиться подъ сильнымъ вліяніемъ образцовой литературы французской. Страсть къ чтенію, которая овладѣла въ это время русскими людьми, видна изъ всѣхъ мемуаровъ времени. Чтеніе это, какъ обыкновенно бываетъ, производило различное впечатлѣніе на читающихъ. Въ однихъ, вліяніе прочитаннаго не было сильно; знакомство съ

литтературою служило имъ для внѣшнихъ только цѣлей, для наведенія лоска; обычное въ переходныя времена двувѣріе, поклоненіе новымъ богамъ безъ покинутія старыхъ видимъ и здѣсь; въ другихъ, отрицательное направленіе модной французской литтературы поколебало религіозныя и нравственныя убѣжденія; въ третьихъ, произошла борьба, окончившаяся рано или поздно торжествомъ религіозныхъ убѣжденій; четвертые съ наслажденіемъ читали блестящія остроуміемъ произведенія отрицательной литтературы, не слѣпо имъ вѣрили, но находили много правды и успокоивались тѣмъ, что отрицалось не свое, а чужое, нападки сыпались на католицизмъ, католическое духовенство. Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ при господствѣ извѣстнаго направленія, переходящемъ большею частію въ деспотизмъ и употребляющемъ своего рода терроръ, мало находится людей, которые бы прямо высказали свои убѣжденія, свое неодобреніе господствующему направленію, неодобреніе тому или другому его представителю: такъ и въ Россіи въ описываемое время люди и несочувствующіе, напримѣръ Гельвецію, съ уваженіемъ отзывались о его книгѣ; не хотѣлось явиться обскурантомъ, казалось, что давши неодобрительный отзывъ о знаменитой книгѣ, тѣмъ самымъ дѣлаютъ выходку вообще противъ просвѣщенія.

Мы уже видѣли, что при Елисаветѣ между даровитыми и чуткими къ общественнымъ явленіямъ людьми, которые упивались чтеніемъ произведеній французской литтературы, находилась и великая княгиня Екатерина. Сильный умъ молодой женщины высказался здѣсь въ томъ, что она отдала свое предпочтеніе Монтескѣ, вполнѣ того заслуживавшему. Но слишкомъ ученый, серьезный и охранительный Монтескѣ сіялъ вдали спокойнымъ свѣтомъ; болѣе близкія, доступныя свѣтила блистали ярче, производили большее впечатлѣніе, раздраженіе, и между ними царилъ Вольтеръ. Съ этимъ новымъ могуществомъ считали нужнымъ завести сношеніе и представители старыхъ государствъ, но которые хотѣли прославиться новою дѣятельностію, сообразною съ провозглашенными потребностями времени. Еще въ началѣ царствованія Елисаветы, въ 1745 году Вольтеръ, жадный къ извѣстности, почестямъ и отличіямъ всякаго рода, чрезъ извѣстнаго французскаго министра въ Петербургѣ, Дальона, началъ добиваться, чтобъ петербургская академія наукъ избрала его въ

свои почетные члены. Дальонъ хлопоталъ въ академіи, хлопоталъ у канцлера Бестужева, и Вольтеръ былъ избранъ. Но въ то же время Вольтеръ предложилъ русскому правительству написать исторію Петра Великаго, прося сообщенія источниковъ ¹²³. Побужденія понятны: при своей впечатлительности Вольтеръ не могъ не быть пораженъ величіемъ преобразователя Россіи и, главное, его просвѣтительною дѣятельностію. Въ памяти Вольтера и его современниковъ запечатлѣлись три царственныхъ образа, стоявшіе на первомъ планѣ въ первой четверти столѣтія, и подобныхъ которымъ послѣдующее время не представляло: Людовикъ XIV, Карлъ XII, Петръ Великій, и Вольтеръ хотѣлъ быть историкомъ всѣхъ тропей, что ему и удалось исполнить. Но начало царствованія Елисаветы было неблагоприятно для его попытки получить согласіе и помощь русскаго правительства: литературное движеніе, знакомство съ французскою литературою только еще начинались; канцлеръ Бестужевъ принадлежалъ къ поколѣнію, которое не могло быть подъ обаяніемъ Вольтера, а вражда къ Франціи не могла расположить его въ пользу французскаго писателя, за котораго хлопоталъ Дальонъ. Бестужевъ отзывался, что написаніе исторіи Петра Великаго лучше поручить петербургской академіи наукъ, чѣмъ иностранцу. Обратились къ президенту академіи наукъ, Вольтеръ изъявилъ желаніе самъ пріѣхать въ Петербургъ; но Разумовскій отклонилъ и то и другое.

Вольтеръ не долго дожидался. Вліяніе литературы, во главѣ которой стоялъ онъ, усиливалось все болѣе и болѣе въ Россіи, и одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ литературнаго движенія сталъ самымъ вліятельнымъ лицомъ при дворѣ Елисаветы: то былъ Ив. Ив. Шуваловъ. При его посредствѣ дѣло скоро уладилось (1757 г.). Вольтеръ сталъ писать исторію Петра Великаго; изъ Россіи обязались доставлять ему матеріалы. Но какъ было это сдѣлать? Кто тогда въ Россіи имѣлъ понятіе о матеріалахъ исторіи Петра Великаго? Кто изучилъ ихъ настолько, чтобъ могъ составить сколько-нибудь удовлетворительное извлеченіе для писателя иностранца? Шуваловъ обратился за помощію къ знатокамъ. Ломоносовъ, не историкъ по призванію и приготовленію, смотрѣвшій на дѣло преимущественно съ литературной точки зрѣнія, отвѣчалъ: «Къ сему дѣлу, по

правдѣ, г. Вольтера никто не можетъ быть способнѣе, только о двухъ обстоятельствахъ нѣсколько подумать должно. Первое, что онъ человѣкъ опасный и подалъ въ разсужденіи высокихъ особъ худые примѣры своего характера ¹²⁴. Второе, хотя довольно можетъ получить отъ насъ записокъ, однако переводъ ихъ на языкъ, ему знакомый, великаго труда и времени требуетъ. Что до сего надлежитъ, то принимаю смѣлость предложить слѣдующее: во первыхъ долженъ онъ себѣ сдѣлать краткій планъ, который можетъ сочиненъ быть изъ сокращеннаго описанія дѣлъ государевыхъ, которое я имѣю, къ чему онъ и сочиненный мною панегирикъ не безъ пользы употребить можетъ, ежели на французскій языкъ переведенъ будетъ. По сочиненіи плана и его сюда сообщеніи, думаю, что лучше къ нему посылать переводы съ записокъ по частямъ, какъ порядокъ въ планѣ покажетъ, а не всё вдругъ. И такъ станетъ онъ сочинять начало, между тѣмъ прочій переводъ поспѣвать можетъ, и такъ сочиненіе скорѣе начаться и къ окончанію приходитъ имѣеть. Ускореніе сего дѣла для престарѣлыхъ лѣтъ Вольтеровыхъ весьма надобно. У меня сколько есть записокъ о трудахъ великаго нашего монарха, всё для сего предпріятія готовы». Извѣстій о Петрѣ, по увѣренію современниковъ, было переслано много къ Вольтеру; но когда ему хотѣлось уяснить какой-нибудь вопросъ по источникамъ, ему должны были отказывать въ средствахъ или по самой обширности ихъ, или и по другимъ побужденіямъ. Такъ Вольтеръ требовалъ присылки посольскихъ дѣлъ; Шуваловъ обратился къ Мюллеру, и тотъ отвѣчалъ: «Правда, что дипломатическія сношенія входятъ въ исторію государя, но царствованіе Петра Великаго было такъ продолжительно, что почти невозможно привести всё переговоры, развѣ написать громадную исторію въ фоліантахъ, что кажется не по генію г. Вольтера». Но еслибы было по генію г. Вольтера написать множество фоліантовъ объ исторіи Петра, то какъ бы тогда поступили относительно пересылки посольскихъ дѣлъ? Вольтеру хотѣлось уяснить по русскимъ источникамъ любопытный для Западной Европы вопросъ о степени участія Петра въ намѣреніяхъ Гёрца возстановить Стюартовъ въ Англіи. Мюллеръ отвѣчалъ, что есть напечатанные мемуары, представленные по этому поводу англійскому правительству русскими министрами въ Лондонѣ, Веселов-

скимъ и Бестужевымъ, и что «негодится историку противорѣчить такимъ подлиннымъ актамъ». Цензура посылаемаго Вольтеру принадлежала Шувалову; такъ Ломаносовъ писалъ ему: «Сокращенное описаніе самозванцевъ и стрѣleckихъ бунтовъ еще переписавъ, имѣю честь подать вашему превосходительству. Сами можете отмѣтить, что вамъ не разсудится за благо перевести на французскій языкъ. Сокращеніе о житіи государей царей Михаила, Алексея и Феодора стараюсь привести къ окончанію подобнымъ образомъ».

Въ 1759 году вышла первая часть Исторіи Петра Великаго. Въ Петербургѣ она не удовлетворила ожиданіямъ, потому что эти ожиданія были очень велики. Упрекали автора въ краткости изложенія, указывая на количество извѣстій, ему пересланныхъ; упрекали за то, что онъ не воспользовался многими изъ этихъ извѣстій, и вмѣсто того внесъ свои мнѣнія и сужденія. Но Мюллеръ справедливо замѣтилъ, что несообразно было съ гениемъ Вольтера писать громадныя фоліанты. Вольтеръ сдѣлалъ все что могъ, и несмотря на всѣ недостатки, ошибки и промахи, книга его въ свое время была вовсе не лишняя не только на западѣ, но и въ Россіи, и стоила тѣхъ шубъ, которыя были отправлены за нее автору. Фридрихъ II былъ страшно раздраженъ тѣмъ, что первый писатель времени посвятилъ свой талантъ прославленію великаго русскаго царя; раздраженіе понятное: Фридрихъ сдѣлалъ бы и съ Австрійцами и съ Французами, но Россія приводила его на край гибели, и средства ей для этого даны были Петромъ. «Скажите мнѣ пожалуйста, писалъ онъ Вольтеру ¹²⁵, съ чего это вы вздумали писать исторію волковъ и медвѣдей сибирскихъ? И что вы еще можете рассказать о царѣ, чего нѣтъ въ жизни Карла XII? Я не буду читать исторіи этихъ варваровъ; мнѣ бы даже хотѣлось вовсе не знать, что они живутъ на нашемъ полушаріи». Вольтеръ по поводу этого наивнаго письма писалъ Даламберу: «Люкъ (Luc — такъ Вольтеръ звалъ Фридриха II въ насмѣшку) мнѣ пишетъ, что онъ немножко скандализованъ, что я, по его выраженію, пишу исторію волковъ и медвѣдей: впрочемъ они вели себя въ Берлинѣ медвѣдями очень благовоспитанными» ¹²⁶. Но Вольтеръ не обращалъ большаго вниманія на выходки Фридриха и былъ очень доволенъ, что заслужилъ благосклонность русской государыни. Нѣтъ сомнѣнія,

что у него при этомъ были особые виды: при союзѣ Россіи съ Франціею, Елисавета могла упросить Людовика XV снять опалу съ Вольтера, позволить ему возвратиться въ Парижъ, по которомъ Вольтеръ не переставалъ тосковать. Вотъ почему смерть Елисаветы сильно его огорчила: «Моя императрица русская умерла, писалъ онъ племянницѣ (Флоріантѣ), и по странности моей звѣзды выходитъ, что я потерпѣлъ чрезвычайно большую потерю»¹²⁷.

Черезъ полгода въ Петербургѣ опять переменѣна. Екатерина давно уже сознавала важное значеніе, пріобрѣтенное литературою, то руководительное значеніе, какое получили литературные вожди и патриархъ ихъ Вольтеръ. Теперь она вступила на престолъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя заставляли ее внутри и внѣ искать союзниковъ, приверженцевъ, оправдателей, хвалителей. Понятно, что обращаясь на западъ, желая тамъ внушить уваженіе къ себѣ, довѣріе къ своей силѣ и прочности своего престола, она не могла не остановиться на Вольтерѣ; понятно ея раздраженіе, когда ей шепнули, что Ив. Ив. Шуваловъ, находившійся въ перепискѣ съ Вольтеромъ, внушаетъ царю философамъ невыгодное о ней представленіе¹²⁸. Какъ только Бретейль возвратился въ Петербургъ, императрица велѣла спросить его, знакомъ ли онъ съ Вольтеромъ, и не можетъ ли внушить ему болѣе правильныя представленія о роли, которую играла кн. Дашкова въ событіяхъ 28 іюня¹²⁹. А между тѣмъ изъ петербургскаго дворца уже шли къ Вольтеру письма съ оправданіями этихъ событій: ихъ писалъ его знакомый, женевецъ Пиктэ, принятый Екатериною для иностранной переписки¹³⁰. Вольтеръ, не имѣвшій ни малѣйшихъ побужденій жалѣть о Петрѣ III-мъ, въ письмахъ къ Шувалову выражалъ свое удовольствіе относительно переменъ 28 іюня, называя Екатерину Семирамидою¹³¹. Сначала Екатерина и Вольтеръ обмѣнивались комплиментами въ письмахъ Пиктэ, а потомъ, неизвѣстно съ точностію когда, начинается между ними и непосредственная переписка. По крайней мѣрѣ въ іюлѣ 1763 года, въ письмѣ къ одному пріятелю, Вольтеръ обнаруживаетъ сильное сочувствіе къ императрицѣ и заботу о ея участи: «Неужели правда, что огонь тлѣетъ подъ пепломъ въ Россіи, что существуетъ большая партія въ пользу императора Ивана? что моя дорогая им-

ператрица будет низвергнута и у насъ будетъ новый предметъ для трагедіи?» Опасенія скоро разсѣялись, и Екатерина пріобрѣла въ патріархѣ философовъ самаго ревностнаго приверженца, готоваго защищать ее противъ всѣхъ, противъ Турокъ и Поляковъ, готоваго указывать ей самыя блестящія цѣли: едва ли Вольтеръ не первый сталъ толковать о томъ, что Екатерина должна взять Константинополь, освободить и возсоздать отечество Софокла и Алкивиада, такъ что Екатерина должна была сдерживать его слишкомъ разыгравшуюся фантазію.

Но кромѣ желанія пріобрѣсти такихъ сильныхъ союзниковъ, кромѣ желанія пріобрѣсти высокое мѣсто покровительницы европейскаго просвѣщенія, кромѣ этихъ собственно *политическихъ* цѣлей, у Екатерины были и другія побужденія, заставлявшія ее сближаться съ самыми видными изъ философовъ. Она была дочь своего вѣка; чуткая въ сильной степени къ высшимъ интересамъ человѣка, она страстно слѣдила за умственнымъ движеніемъ столѣтія, и не сочувствуя здѣсь всему, преклонялась однако вообще предъ движеніемъ, и, ставши самовластною государынею, хотѣла примѣнить его результаты къ устройству народной жизни. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ Вольтеру Екатерина писала: «Правда, что мы многого не понимаемъ изъ того, что къ намъ приходитъ съ юга. Мы изумляемся, читая произведенія, дѣлающія честь роду человѣческому и видя, съ другой стороны, какъ мало пользуются ими. Мой девизъ — пчела, которая летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись: *полезное*. У васъ низшіе научаютъ, и легко высшимъ пользоваться этимъ наставленіемъ; у насъ наоборотъ». Въ другомъ письмѣ читаемъ: «Я должна отдать справедливость своему народу: это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы, неоспоримо признанныя за истинныя; благодаря этимъ аксіомамъ, правила, долженствующія служить основаніемъ новымъ законамъ, получили одобреніе тѣхъ, для кого они были составлены. Я думаю вамъ бы понравилось сидѣть за столомъ, гдѣ сидятъ вмѣстѣ православный, еретикъ и мусульманинъ, спокойно слушаютъ голосъ идолопоклонника и всѣ четверо совѣщаются о томъ, чтобъ ихъ мнѣніе могло быть принято всѣми. Они такъ хорошо забыли обычай поджаривать другъ друга, что еслибъ кто-нибудь пред-

ложилъ депутату сжечь своего сосѣда въ угоду Высшему Существо, то отвѣчаю, что не было бы ни одного, который бы не отвѣтилъ: онъ человекъ какъ и я, а по первому параграфу инструкціи ея императорскаго величества, мы должны дѣлать другъ другу какъ можно больше добра, и никакого зла. Увѣряю васъ, что дѣла идутъ буквально такъ какъ я вамъ говорю: еслибы понадобилось подтвержденіе, у меня бы нашлось 640 подписей съ подписью епископа впереди. На югѣ быть можетъ скажутъ: какія времена, какіе нравы! но сѣверъ поступитъ какъ луна, которая идетъ своей дорогой». Вольтеръ въ своемъ письмѣ выражалъ удивленіе предъ государынею, которая умѣла сдѣлать духовенство полезнымъ и послушнымъ ¹³².

Еще прежде чѣмъ началась переписка съ Вольтеромъ, Екатерина обратилась къ Даламберу съ приглашеніемъ пріѣхать въ Россію для содѣйствія воспитанію наслѣдника престола цесаревича Павла Петровича ¹³³. Даламберъ отказался; Екатерина продолжала наставлять; она писала ему: «Я понимаю, что вамъ какъ философу, не стоитъ ничего презрѣть величіе и почести міра сего; вы рождены или призваны содѣйствовать счастію и даже просвѣщенію цѣлаго народа, и отказаться отъ этого, по моему мнѣнію, значитъ отказаться дѣлать добро, которому вы такъ преданы; ваша философія основана на человеколюбіи, такъ позвольте же мнѣ вамъ сказать, что не отдать себя ему въ служеніе, когда это возможно, значитъ уклониться отъ своей цѣли. Я знаю вашу высокую честность, и потому не могу приписать вашего отказа тщеславію: я знаю, что причина заключается въ любви къ спокойствію, въ желаніи посвятить все свое время литературѣ и дружбѣ; но что же мѣшаетъ? Пріѣзжайте со всѣми вашими друзьями, я обещаю вамъ и имъ всѣ удовольствія и удобства, отъ меня зависящія, и быть можетъ вы найдете здѣсь больше свободы и спокойствія, чѣмъ у васъ». Но Даламберъ рѣшительно отказался. «Еслибы дѣло шло о томъ только, чтобъ сдѣлать изъ великаго князя хорошаго геометра, писалъ онъ, порядочнаго литератора, быть можетъ посредственнаго философа, то я бы не отчаялся въ этомъ успѣть; но дѣло идетъ вовсе не о геометрѣ, литераторѣ, философѣ, а о великомъ государѣ, а такого лучше васъ, государыня, никто не можетъ воспитать». Нѣтъ сомнѣнія, что одна изъ главныхъ причинъ отказа

заклучалась въ томъ, что не было увѣренности въ прочности положенія Екатерины.

Отказъ не повелъ къ ссорѣ; переписка продолжалась; Даламберъ жаловался на гоненія, жаловался, что за сочиненіе его объ «Уничтоженіи іезуитовъ», сочиненіе одинаково полезное религіи и государству, у него отняли пенсію, которая слѣдовала ему отъ академіи наукъ; при этомъ, писалъ Даламберъ, утѣшеніемъ служило ему то, что король не зналъ объ этой несправедливости. Екатерина отвѣчала: «У васъ во Франціи должно быть большое количество великихъ людей, если ваше правительство не считаетъ себя обязаннымъ покровительствовать тѣмъ, которыхъ генію удивляются въ странахъ самыхъ отдаленныхъ. Вы находите для себя утѣшеніе въ томъ, что король французскій не знаетъ объ оказанной вамъ несправедливости: я нахожу, что это вовсе не утѣшительно для него; вѣроятно окружающіе его по деликатности не даютъ ему знать объ этомъ. На сѣверѣ, (безъ сомнѣнія климатъ тому причиною, здѣсь чувства не такъ утонченны), на сѣверѣ государямъ не позволяютъ не знать объ отличныхъ умахъ, имѣющихъ право на ихъ милости. Они обязаны поощрять таланты, иначе заподозрятъ, что у нихъ самихъ нѣтъ талантовъ».

Не забыть былъ и третій знаменитый философъ, имя котораго неразлучно съ именемъ Вольтера и Даламбера, Дидро. Екатерина купила у Дидро его библіотеку за 15,000 ливровъ, оставила ее у него въ пожизненное пользованіе и назначила ему еще 1000 франковъ, какъ хранителю ея книгъ. Вольтеръ писалъ въ восторгѣ: «Кто бы могъ вообразить, 50 лѣтъ тому назадъ, что придетъ время, когда Скины будутъ такъ благородно вознаграждать въ Парижѣ добродѣтель, знаніе, философію, съ которыми такъ недостойно поступаютъ у насъ ^{134?}» — «Вся литературная Европа рукоплещетъ отличному знаку уваженія и милости, какой ваше императорское величество оказали Дидро; онъ достоинъ его во всѣхъ отношеніяхъ по своимъ добродѣтелямъ, талантамъ, сочиненіямъ и положенію», писалъ Даламберъ императрицѣ. Екатерина отвѣчала: «Я не предвидѣла, что покупкою библіотеки Дидро пріобрѣту себѣ столько похвалъ. Было бы жестоко разлучить ученаго съ его книгами; мнѣ часто случалось бояться, чтобъ меня не разлучили съ моими книгами, поэтому въ старину

было у меня правило никогда не говорить о моихъ чтеніяхъ. Мой собственный опытъ запретилъ мнѣ доставлять это огорченіе другому»¹³⁵. Мы не знаемъ, во сколько справедливо, что Екатерина, будучи великою княгиней, могла опасаться, что ее разлучать съ книгами; по крайней мѣрѣ она не говоритъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ.

Новая литературная сила была привлечена; но одновременно съ этою силою въ Парижѣ явилась другая сила. Литтераторы имѣли нужду собираться вмѣстѣ; кромѣ того явилась надобность въ посредствующихъ мѣстахъ, гдѣ бы литтераторы могли сходиться съ представителями старой силы, представителями знати, высшаго общества. Человѣкъ, могшій, умѣвшій собирать въ своей гостиной отборное по уму, талантамъ и положенію общество, естественно получалъ большую силу, важное значеніе, и нѣтъ ничего удивительнаго, что это значеніе было приобрѣтено тремя женщинами, записавшими свои имена въ исторіи умственнаго движенія XVIII вѣка; эти имена: Дюдефанъ, Лепинасъ и Жофрэнъ. Преимущественно послѣдняя обладала въ высшей степени способностію «держать литтературную гостиную». Выдающійся талантъ, обширная ученость могли только мѣшать въ этомъ дѣлѣ, они давили бы общество, не давали ему простора, а между тѣмъ хозяину литтературной гостиной нельзя также исчезнуть нравственно; онъ долженъ держать связь, посредничать, онъ долженъ разгадать извѣстную трудную загадку—царствовать, а не управлять. Г-жа Жофрэнъ разгадала эту загадку. Она вовсе не была ученая женщина и имѣла тактъ нисколько не скрывать недостатковъ своего образованія, доходившихъ до познанія ореографіи; но своимъ здравымъ смысломъ и вмѣстѣ женскою мягкостію умѣла внушать своимъ даровитымъ и ученымъ посѣтителемъ чрезвычайное къ себѣ уваженіе и привязанность; между ними и ею устанавливались родственныя отношенія; она становилась матерью, готовою помочь каждому и словомъ и дѣломъ, а извѣстно, что дѣти съ большею охотою обращаются за помощію къ матерямъ, чѣмъ къ отцамъ. Благодаря этимъ качествамъ г-жа Жофрэнъ стала знаменитою держательницею литтературной гостиной, стала силой; ни одинъ значительный путешественникъ не оставлялъ Парижа, не добившись чести быть представленнымъ г-жѣ Жофрэнъ, въ слѣдствіе чего извѣст-

ность ея скоро перешла границы Франціи; съ одинакимъ уваженіемъ относились къ ней при вѣскомъ и петербургскомъ дворахъ, и Екатерина сочла нужнымъ войти съ нею въ непосредственную переписку.

Мы видѣли, въ какомъ непріятномъ положеніи находилась Екатерина лѣтомъ и осенью 1764 года по поводу шлюссельбургскаго происшествія. Когда прошло первое безпокойство относительно важности и обширности заговора, являлся неотвязчивый и мучительный вопросъ: что скажутъ? особенно что скажутъ на этомъ западѣ, гдѣ о русскихъ дѣлахъ имѣютъ такъ мало понятія, не хотятъ и не могутъ вникать въ ихъ подробности, судятъ по первому впечатлѣнію и судятъ обыкновенно уриво, зложелательно? Повѣрятъ ли, что Мировичъ дѣйствовалъ по собственному побужденію? Дѣйствительно, на западѣ посѣвшили засудить безъ суда, и пошли недоброжелательные толки на счетъ участія Екатерины въ дѣлѣ. Вольтеръ и Даламберъ толковали въ этомъ же смыслѣ: первый горячился, второй отзывался цинически ¹³⁶. Но когда эти господа позволяли себѣ относиться къ дѣлу съ женскою легкостію и страстію къ сплетнѣ, Жоффрэнъ отнеслась къ нему съ мужскою серіозностію и спокойствіемъ: она желала одного, чтобы дѣлу была дана полная гласность. Екатерина писала ей: «Мое дурное расположеніе духа прошло; извиняюсь, что писала вамъ въ эти минуты, когда это гнусное дѣло такъ меня печалило и давило. Я исполнила ваши желанія, велѣла вести дѣло со всевозможною обстоятельностью, разборъ процесса былъ сдѣланъ публично, приговоръ произнесенъ открыто, въ которомъ я ничего не перемѣнила; все будетъ напечатано. Завистники мои воспользуются случаемъ, чтобы позлословить; но я успокоиваюсь на искренности и правдивости моего поведенія и презираю тѣхъ, которые ошибутся относительно моей души» ¹³⁷. Но Жоффрэнъ была недовольна тѣмъ, зачѣмъ Екатерина издала манифестъ съ изложеніемъ дѣла; она писала Станиславу Понятовскому: «Оставляя въ сторонѣ факты, находятъ, что она (Екатерина) издала смѣшные манифесты, особенно манифестъ о смерти Ивана: она вовсе не была обязана что-нибудь говорить объ этомъ; процессъ Мировича былъ совершенно достаточенъ, въ немъ дѣло являлось просто и ясно. Думаю, что я ее хорошо знаю, и думаю, что она нуждается въ

руководителѣ. Боюсь, чтобъ ея умъ и страсть къ остроумію не увлекли бы ее когда-нибудь»¹³⁸. Мы видѣли, что сама Екатерина сознавала въ себѣ эту страстность, заставлявшую ее принимать слишкомъ быстрыя рѣшенія; сама сознавала необходимость человѣка, который бы ее сдерживалъ.

Жофрэнъ написала самой Екатеринѣ свое мнѣніе о манифестѣ. Та разгорячилась, и въ горячности написала неудачную защиту, не удержавшись и отъ нѣкоторыхъ рѣзкостей: «Вы разсуждаете о манифестѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ. Онъ былъ сочиненъ вовсе не для иностранныхъ державъ, а для того, чтобъ увѣдомить россійскую имперію о смерти Ивана; надобно было сказать какъ онъ умеръ, болѣе ста человѣкъ были свидѣтелями его смерти и покушенія измѣнника, не было поэтому возможности не написать обстоятельнаго извѣстія; не сдѣлать этого — значило подтвердить злонамѣренные слухи, распускаемые министрами дворовъ завистливыхъ и враждебныхъ ко мнѣ; шагъ былъ деликатный; я думала, что всего лучше сказать правду. У васъ болтаютъ о манифестѣ, но у васъ болтали и о Господѣ Богѣ, и здѣсь также болтаютъ иногда о Французахъ. Вѣрно то, что здѣсь этотъ манифестъ и голова преступника прекратили всякую болтовню. Слѣдовательно цѣль была достигнута манифестомъ, *ergo* онъ былъ хорошъ».

Императрица описывала Жофрэнъ свой день, свои занятія: «Я встаю въ 6 часовъ постоянно, читаю и пишу одна до восьми». Екатерина открыла Жофрэнъ, что она писала отъ 6 до 8 часовъ утра: это была знаменитая законодательная работа, изданная потомъ подъ именемъ «Наказа комиссіи объ Уложеніи». Постоянно работая головою, питая ее обильною пищею посредствомъ чтенія, Екатерина рано начала записывать свои мысли; но это записываніе не было безцѣльнымъ занятіемъ. «Я желаю только добра странѣ, куда Богъ меня привелъ», писала Екатерина, будучи великою княгиней: «Богъ мнѣ въ этомъ свидѣтель. Слава страны составляетъ мою собственную. Вотъ мой принципъ; была бы я очень счастлива, еслибъ мои идеи могли этому способствовать». Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ идей, которыя записала Екатерина: «Противно христіанской религіи и правосудію обращать въ рабство людей (которые всѣ рождаются свободными). Церковный соборъ освободилъ всѣхъ крестьянъ въ Гер-

маніи, Франціи, Испаніи и т. д. Такой переворотъ теперь въ Россіи не былъ бы средствомъ приобрести любовь землевладѣльцевъ, исполненныхъ упорства и предразсудковъ. Но вотъ легкій способъ: постановить, чтобъ впредь при продажѣ имѣнія крестьяне освобождались; въ теченіи ста лѣтъ все или, по крайней мѣрѣ, большая часть земель мѣняетъ господь—и вотъ народъ свободный. — Свобода—душа всѣхъ вещей! безъ тебя все мертво. Я хочу, чтобъ повиновались законамъ, а не рабовъ. Хочу общей дѣли — сдѣлать счастливыми, а не каприза, ни странностей, ни жестокости. Когда правда и разумъ на нашей сторонѣ, должно выставить ихъ предъ глаза народу, сказать: такая-то причина привела меня къ тому-то, разумъ долженъ говорить за необходимость. Будьте увѣрены, что онъ возьметъ верхъ въ глазахъ толпы: сдаются истинѣ, но рѣдко сдаются рѣчамъ тщеславнымъ. Миръ необходимъ этой обширной имперіи; мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ; наполните жителями наши обширныя пустыни, если возможно. Для этого я не думаю, чтобы полезно было принуждать нашихъ инородцевъ къ принятію христіанства; многоженство полезно для увеличенія народонаселенія. Вотъ правила для внутренней политики. Относительно внѣшней миръ доставитъ намъ больше значенія, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной. Власть безъ довѣрія народнаго ничего не значитъ для того, кто хочетъ быть любимымъ и славнымъ; этого легко достигнуть: примите за правило вашихъ дѣйствій и уставовъ благо народное и правосудіе, неразлучныя другъ съ другомъ. Изданіе новаго закона есть дѣло сопряженное со множествомъ неудобствъ, оно требуетъ самаго напряженнаго размышленія и благоразумія; единственное средство узнать — хорошо или дурно ваше постановленіе — это распространить о немъ слухъ на рынкѣ и велѣть доносить вамъ, что объ немъ говорятъ; но кто вамъ донесетъ о послѣдствіяхъ въ будущемъ? — Больше всего остерегайтесь издать законъ и потомъ отмѣнить его; въ этомъ обнаружится ваше неблагоразуміе и слабость и вы лишитесь довѣрія народнаго, если только это не будетъ законъ временный: въ такомъ случаѣ объявить сначала объ этомъ, обозначить причины и срокъ, по истеченіи котораго можно возобновить его или отмѣнить. Я желаю ввести, чтобъ изъ лести мнѣ говорили истину;

даже придворный пойдетъ на это, когда увидитъ, что вы это любите и что это путь къ милости. Кто не уважаетъ заслугъ, самъ ихъ не имѣетъ; кто не старается отыскать заслуги и не открываетъ ее, тотъ недостоинъ и неспособенъ царствовать. Самый варварскій и достойный Турокъ обычай — сначала наказать, а потомъ производить слѣдствіе. Если вы найдете чело-вѣка виновнымъ, что вы будете дѣлать? онъ уже наказанъ. Будете ли вы имѣть жестокость наказывать его два раза? А если онъ невиненъ, то чѣмъ вознаградите его за несправедливый арестъ, за безчестіе, лишеніе должности и проч.? Всего больше ненавижу я конфискацію имущества виновныхъ; ибо кто на землѣ можетъ отнять у дѣтей и всѣхъ нисходящихъ наслѣдство, которое они получаютъ отъ самого Бога? Не знаю, мнѣ кажется всю мою жизнь я буду чувствовать отвращеніе къ чрезвычайнымъ суднымъ комиссіямъ, особенно секретнымъ. Зачѣмъ отнимать у обыкновенныхъ судовъ, дѣла, подлежащая ихъ вѣдѣнію? Быть *стороною* и назначать еще судей—значитъ показывать, что боишься имѣть правосудіе и законы противъ себя. Пускай знатный чело-вѣкъ судится сенатомъ, какъ въ Англіи; во Франціи перъ судится перами. Не будетъ больше опасности позволить нашимъ молодымъ людямъ заграничное путешествіе (часто боятся, чтобъ они не ушли совсѣмъ), когда сдѣлаютъ имъ отечество *любезнымъ*; я заключаю великій смыслъ въ этомъ словѣ. Государство не много потеряетъ, если лишится двухъ или трехъ пустыхъ головъ, и если отечество будетъ таково, какимъ я желаю его видѣть, то мы будемъ имѣть больше *новобранцевъ*, чѣмъ *бѣлцовъ*; издалека приходили бы за нашими дѣвушками и приводили бы своихъ къ намъ; разъ дѣло пойдетъ такимъ образомъ, то просвѣщеніе распространится нѣсколькими поколѣніями ранѣе и тамъ, гдѣ его теперь нѣтъ. Снисхожденіе, примирительный духъ государя сдѣлаютъ болѣе, чѣмъ миллионы законовъ и политическая свобода дастъ душу всему. Часто лучше внушать преобразованія, чѣмъ вводить ихъ властію»¹³⁹. Изъ этихъ замѣтокъ видно, какъ мысль Екатерины давно уже работала надъ законодательными вопросами, подъ вліяніемъ прочитаннаго изъ западной современной литературы, и преимущественно подъ вліяніемъ книги Монтескье. Въ письмахъ къ Даламберу и г-жѣ Жоффрэнъ видно, какъ Екатерина относилась

къ этой книгѣ. Обѣщая прислать свой Наказъ, Екатерина пишетъ Даламберу: «Вы увидите, какъ для пользы своей имперіи я обобрала президента Монтескье, не называя его: надѣюсь, что если съ того свѣта онъ видитъ мою работу, то проститъ этотъ литературный грабежъ для блага двадцати милліоновъ людей, какое изъ того должно послѣдовать. Онъ такъ любилъ человечество, что не будетъ формализировать, его книга—это мой молитвенникъ ¹⁴⁰». Упрекая Жоффрэнъ въ странномъ мнѣніи, что въ Россіи дѣти наследуютъ отцамъ только съ соизволенія государя, Екатерина писала: «Правда, что до меня конфискація производилась слишкомъ легко, но я это уничтожила во многихъ случаяхъ и законодательство въ этомъ отношеніи будетъ совершенно измѣнено. Имя президента Монтескье, упомянутое въ вашемъ письмѣ, вырвало у меня вздохъ; еслибъ онъ былъ живъ, я бы не пощадила..... Но нѣтъ, онъ бы отказался какъ и..... (Даламберъ). Его Духъ Законовъ есть молитвенникъ государей, если только они имѣютъ здравый смыслъ ¹⁴¹».

Въ одномъ изъ писемъ къ Жоффрэнъ Екатерина говоритъ вообще о вліяніи новой философской литературы на сочиненіе Наказа: «Прошу васъ сказать Даламберу, что я скоро пришлю ему тетрадь, изъ которой онъ увидитъ, къ чему могутъ служить сочиненія гениальныхъ людей, когда хотятъ дѣлать изъ нихъ употребленіе; надѣюсь, что онъ будетъ доволенъ этимъ трудомъ; хотя онъ и написанъ перомъ новичка, но я отвѣчаю за исполненіе на практикѣ ¹⁴²». Въ іюнь Екатерина писала той же Жоффрэнъ: «64 страницы о законахъ готовы, остальное явится по возможности; я отошлю эту тетрадь г. Даламберу; я все здѣсь сказала и послѣ этого не скажу ни слова всю жизнь; всѣ тѣ, которые видѣли мою работу, единодушно говорятъ, что это верхъ совершенства, но мнѣ кажется, что еще надобно почистить; я не хотѣла, чтобъ кто-нибудь мнѣ помогалъ, боюсь, чтобъ помощники не нарушили единства ¹⁴³». Сходно съ этимъ Екатерина говоритъ о Наказѣ въ своей запискѣ о томъ, въ какомъ состояніи она нашла Россію при своемъ воцареніи: «Всѣ требовали и желали, чтобъ законодательство было приведено въ лучшій порядокъ. Я начала читать, потомъ писать Наказъ комиссіи уложенія. Два года я и читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдую единственно уму и сердцу

своему съ ревностиѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастья имперіи и чтобъ довести до высшей степени благополучіе всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предупѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи мною заготовленныя людямъ разнымъ, всякому по его способностямъ и, между прочими, князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: «Ce sont des axiomes á renverser des murailles» (это аксіомы способныя разрушить стѣны). Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ» ¹⁴⁴. Мы еще обратимся въ своемъ мѣстѣ къ этому произведенію Екатерины.

Даламберъ не поѣхалъ въ Россію содѣйствовать воспитанію великаго князя, и это воспитаніе производилось своими домашними средствами. Главнымъ руководителемъ оставался по прежнему Ник. Ив. Панинъ; изъ его помощниковъ въ дѣлѣ воспитанія рѣзко выдѣлялся молодой офицеръ, учитель математики, Семень Андреевичъ Порошинъ, воспитанникъ кадетскаго корпуса. Родившійся въ годъ восшествія на престолъ Елисаветы, Порошинъ принадлежалъ къ тому поколѣнію даровитыхъ русскихъ людей, которые съ жаромъ примкнули къ начавшемуся тогда литературному движенію; знаніе иностранныхъ языковъ, давая возможность удовлетворить жаждѣ къ чтенію, расширило его умственный горизонтъ; онъ съ уваженіемъ относился къ вождемъ такъ называемаго просвѣтительнаго движенія на западѣ, но уваженіе не переходило въ увлеченіе; подобно Екатеринѣ Порошинъ принялъ за образецъ пчелу, которая изъ разныхъ растений высасываетъ только то, что ей надобно. Порошинъ умѣлъ остаться русскимъ человѣкомъ, горячимъ патриотомъ, имѣвшимъ прежде всего въ виду пользу и славу Россіи. Съ этимъ-то высокимъ значеніемъ образованнаго человѣка и горячаго патриота явился Порошинъ среди людей, призванныхъ участвовать въ воспитаніи наследника престола, и, разумѣется, немедленно же обратилъ на себя вниманіе и пріобрѣлъ болѣе другихъ вліянія надъ ребенкомъ. Главная цѣль Порошина при воспитаніи будущаго государя состояла въ томъ, чтобъ внушить ему горячую, безпредѣльную любовь къ Россіи, уваженіе къ

русскому народу, къ знаменитымъ дѣтелямъ его исторіи. При этомъ Порошинъ долженъ былъ бороться съ большими трудностями, часто испытывать горькую досаду. Десятилѣтній великій князь постоянно слышалъ вокругъ себя о процвѣтаніи наукъ и искусствъ на западѣ, слышалъ постоянныя похвалы тамошнему строю быта вообще, отзывы о тамошнемъ богатствѣ, великолѣпій, о томъ какъ Россія отстала отъ западной Европы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, причемъ нѣкоторые позволяли себѣ отзываться о русскомъ и русскихъ даже съ презрѣніемъ. Порошинъ считалъ своею обязанностію уничтожить впечатлѣніе, производимое подобными разговорами на великаго князя. Разумѣется, Петръ Великій съ своею небывалою въ исторіи дѣятельностію, заставившею западную Европу съ уваженіемъ обратиться къ Россіи, выручалъ здѣсь Порошина: за то съ какимъ же благоговѣніемъ относился онъ къ преобразователю, къ его сподвижникамъ и птенцамъ! Но и тутъ искушеніе. Времена Петра Великаго были еще въ свѣжей памяти, а между тѣмъ прошло уже царствованіе Елисаветы, отучившее отъ крови, произведшее посредствомъ литературныхъ вліяній переворотъ въ нравственныхъ понятіяхъ; по мѣркѣ этихъ новыхъ понятій время Петра являлось уже грубымъ и жестокимъ. Не было исторіи, но было множество анекдотовъ, которые своими живыми красками производили особенно сильное впечатлѣніе. Порошинъ, не имѣя поддержки въ несуществовавшей тогда исторической наукѣ, разумѣется долженъ былъ обращаться къ общему разсужденію, что всякій человѣкъ, какъ бы великъ ни былъ, имѣетъ недостатки; но представленіе великаго человѣка настоящимъ, живымъ человѣкомъ съ великими качествами, великими страстями и неразлучными съ человѣческою природою ошибками, такое представленіе мало доступно ребенку, да и не ребенку только; и взрослый съ великимъ трудомъ достигаетъ до такого по возможности цѣльнаго представленія; ему гораздо легче представлять историческихъ дѣтелей сплошными, окрашенными въ одинъ цвѣтъ, бѣлый—такъ весь бѣлый, черный—такъ весь черный.

Порошинъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что однажды «говорили о нашемъ факторѣ, который въ Ливорнѣ, что его весьма тамъ хорошо принимаютъ. Его высочество спросить изволилъ: а кто таковъ этотъ факторъ? На сей русскій вопросъ отвѣтствовалъ

туть нѣкто, не сказавъ о его имени: *c'est un russe, Monseigneur. Il est pourtant un homme assez entendu.* «Я желалъ бы (слова Порошина), чтобъ въ уши великаго князя меньше такихъ выраженій входило; въ такомъ бы случаѣ лучше соблюли мы пользу свою. Когда Всевышній обрадуетъ насъ и сподобитъ увидѣть государя цесаревича въ совершенномъ возрастѣ, тогда по остротѣ своей конечно самъ онъ увидитъ, какіе есть въ нашемъ народѣ недостатки. Но разность тутъ такую я предвижу, что ежели вложена въ него будетъ любовь и горячность къ народу, то, усматривая народныя слабости, будетъ усматривать, какія есть въ немъ достоинства и добродѣтели, и объ отвращеніи тѣхъ слабостей, такъ какъ чадолюбивый отецъ, пешишь и стараться будетъ; а что ежели напротивъ того отъ неосторожныхъ рѣчей или ненавистныхъ внушеній получить отвращеніе и презрѣніе къ народу, то будетъ видѣть въ немъ одни только пороки и слабости, не видя его добродѣтелей, пренебрегать, а не исправлять ихъ, гнушаться именемъ Россіянина. А отъ сего какія для отечества и для него самого произойти могутъ слѣдствія, всякой подумавъ назадъ кое о чемъ (т. е. о Петрѣ III), легко разсудить». Въ другое время за обѣдомъ разговаривали о придворныхъ маскарадахъ. «Говорили, что ежели такъ продолжаться будетъ, то немногіе современемъ станутъ и ѣздить: стола нѣтъ, пить ничего не допросишься кромѣ кислыхъ щей, игры нѣтъ. Иные говорили тутъ, что та бѣда, что у насъ на даровое падки, и еслибъ вседавать, такъ изошло бы много. Сіе примѣчаніе, сказанное при его высочествѣ, весьма мнѣ не понравилось; ибо такіе разговоры вкоренить въ него могутъ худую идею о характерѣ нашей публики, скорѣе нежели бъ прямо кто ругать ее при немъ сталъ».

Однажды великій князь хвалилъ письменный столъ, сдѣланный русскими ремесленниками, и прибавилъ: «такъ то нынѣ Русь умудрися!» Порошинъ не упустилъ случая сказать, что «нынѣ у насъ много весьма добрыхъ мастеровыхъ людей; что все это заведеніе его пращѣдушки, государя Петра Великаго; что то, что имъ основано, можно бы довести и до совершенства, еслибъ не пожалѣть трудовъ и размышленія».

Но скоро послѣ этого другой разговоръ: «Пострадалъ я сего дня за столомъ ужасно. И какъ не страдать, когда вотъ что про-

исходило: разговорились мы о государѣ Петрѣ Великомъ; нѣкто, прешедъ молчаніемъ всѣ великія качества сего монарха, о томъ только твердить разсудилъ за благо, что государь часто напивался до пьяна и билъ министровъ своихъ палкою. Потомъ какъ зачалъ онъ выхвалять Карла XII, короля шведскаго, и я сказалъ ему, что Вольтеръ пишетъ, что Карль XII достоинъ быть въ арміи государя Петра Великаго первымъ солдатомъ, то спросилъ у него его высочество: неужели это такъ? На сіе говорилъ онъ его высочеству, что можетъ быть и написано, однако то крайнее ласкательство; наконецъ какъ я говорилъ о письмахъ государевыхъ, котерыя онъ изъ чужихъ краевъ писалъ сюда къ своимъ министрамъ, и упоминалъ, что для лучшаго объясненія его исторіи, надобно непременно имѣть и тѣ письма; что я многія у себя имѣю и прочее, то первый нѣкто никакого болѣе на то примѣчанія не изволилъ сдѣлать, какъ только, какъ смѣшны эти письма тѣмъ, что государь въ нихъ писывалъ иногда: Мингеръ адмпраль, и подписывалъ: Питеръ. Признаюсь, что такія рѣчи жестоко меня тронули, и много труда мнѣ стоило скрыть свое неудовольствіе и удержать запальчивость. Я всему разумному и безпристрастному свѣту отдаю на разсужденіе, пристойно ли, чтобы престола російскаго наследникъ и государя Петра Великаго родной правнукъ такимъ недоброхотнымъ разговорамъ былъ свидѣтель? Чьи дѣла большее въ немъ возбудить вниманіе, сильнѣйшее произвестъ въ немъ дѣйствіе и для свѣдѣнія его нужнѣе быть могутъ, какъ дѣла Петра Великаго? Они по всей подсолнечной громки и велики, превозносятся съ восторгомъ сыновъ російскихъ устами. Если бы не было никогда на російскомъ престолѣ такого несравненнаго мужа, тобъ полезно было и вымыслить таково, его высочеству для подражанія. Мы имѣемъ толь преславнаго героя, и что дѣлается? Я не говорю, тобъ государь Петръ Великій совсѣмъ никакихъ не имѣлъ недостатковъ. Но кто изъ смертныхъ не имѣлъ ихъ?» Порошинъ счелъ нужнымъ читать своему воспитаннику Вольтерову исторію Петра Великаго, и при всякомъ удобномъ случаѣ самъ разсказывалъ о Петрѣ что зналъ; очень былъ доволенъ, когда и другіе говорили «съ должными похвалами». Когда однажды зашелъ разговоръ, что большая разница между дерзостью и неустрашимостію, то Порошинъ «говорилъ о государѣ Петрѣ Великомъ, что

онъ отъ природы, какъ сказываютъ, не весьма храбръ былъ, но что слабость свою преодолѣвалъ разсужденіемъ, и въ безчисленныхъ случаяхъ показывалъ удивительное мужество, что не только не умаляетъ его великости, но еще утверждаетъ ее». Легко понять, какъ сочувствовалъ Порошинъ людямъ, одинаково съ нимъ смотрѣвшимъ на Петра; такъ читаемъ въ его запискахъ: «Говоря о предпріятіяхъ сего государя, сказалъ графъ Иванъ Григорьевичъ (Чернышевъ) съ нѣкоторымъ восхищеніемъ и слезы на глазахъ имѣя, это истинно Богъ былъ на земли во времена отцовъ нашихъ. Для многихъ причинъ несказанно радъ я былъ такому восклицанію».

Не одинъ разъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ доставлялъ счастливыя минуты Порошину. «Никита Ивановичъ (Панинъ) и гр. Иванъ Григорьевичъ разсуждали, что еслибъ въ другихъ мѣстахъ жить такъ оплошно, какъ мы здѣсь живемъ, и такъ открыто, тобъ давно все у насъ перекрали и насъ бы перерѣзали. Причиною такой у насъ безопасности, полагали Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ, добродушіе и основательность нашего народа вообще. Графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ сказалъ къ тому: «Повѣрьте мнѣ, это только глупость. Нашъ народъ есть то, чѣмъ хотятъ, чтобъ онъ былъ. Его высочество на сіе послѣднее изволилъ сказать ему: А чтожь, развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ былъ онъ? Въ этомъ мнѣ кажется худобы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ того только зависить, чтобъ тѣ хороши были, кому хотѣтъ надобно, чтобъ онъ былъ таковъ или инаковъ. Разговаривая о полицмейстерахъ, сказалъ графъ Александръ Сергѣичъ: «Да гдѣжь у насъ возьмешь такого человѣка, чтобъ данной большой ему власти во зло не употребилъ? Государь съ нѣкоторымъ сердцемъ изволилъ на то молвить: Чтожь, сударь, такъ развѣ честныхъ людей совсѣмъ у насъ нѣтъ? Замолчалъ онъ тутъ. Послѣ стола, отведши великаго князя, хвалилъ его графъ Иванъ Григорьевичъ за доброе его о здѣшнихъ гражданахъ мнѣніе и за сдѣланный отвѣтъ графу Александру Сергѣичу».

Порошинъ разсказывалъ великому князю, что во время пожара, бывшаго у него въ сосѣдствѣ, четверо какихъ-то офицеровъ гвардіи напали на одного человѣка, который шелъ по улицѣ въ малиновомъ платьѣ съ позументомъ. Цесаревичъ сказалъ на это:

«человѣкъ-отъ въ малиновомъ кафтанѣ ужъ конечно былъ Нѣмецъ». Порошинъ не вытерпѣлъ: «По какой причинѣ изволили вы молвить, что въ малиновомъ кафтанѣ былъ Нѣмчинъ? ежели то было въ такомъ мнѣніи, будто бы русскій человѣкъ не могъ имѣть столько мужества и предприимчивости, то весьма изволите въ томъ ошибаться: храбрость російскаго народа и многія изящныя его дарованія какъ по исторіи извѣстны, такъ и на нашей памяти въ послѣднюю войну всему свѣту доказаны и отъ самихъ непріятелей нашихъ признаны. Сверхъ того такіе вашего величества отзывы весьма вамъ могутъ быть вредны: можете расхолодить сердца, которыя нынѣ всѣ единодушно горятъ къ вамъ усердіемъ и вѣрностію».—«Государь цесаревичъ, говоритъ Порошинъ, самъ очень былъ тронуть и божился мнѣ, что ему подумалось, что въ малиновомъ кафтанѣ человѣкъ началъ ссору, и что ему кажется, что всегда въ малиновыхъ кафтанахъ Нѣмцы по трактирамъ ходятъ и забіячества начинаютъ». Когда такимъ образомъ внушалось постоянно объ умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ русскаго народа, дававшихъ ему способность къ успѣхамъ впередъ на всѣхъ поприщахъ, то легко было говорить прямо о томъ, какъ въ настоящее время Россія отстала отъ западной Европы въ матеріальномъ отношеніи. Ник. Ив. Панинъ рассказывалъ, что онъ ѣхалъ изъ Швеціи въ Россію черезъ городъ Торнео. «Каковъ этотъ городъ? спросилъ великій князь: хуже нашего Клину или лучше?» Панинъ отвѣчалъ: «Ужъ Клину-то нашего конечно лучше. Намъ, батюшка, нельзя еще о чемъ бы то ни было разсуждать въ сравненіи съ собою. Можно разсуждать такъ, что это тамъ дурно, это хорошо, отнюдь къ тому не примѣняя, что у насъ есть. Въ такомъ сравненіи мы вѣрно всегда теряемъ».

По печальному опыту предшествовавшаго царствованія считали нужнымъ предупредить въ великомъ князѣ развитіе привязанности къ иностранному владѣнію, наслѣдованному отъ отца. Порошинъ рассказываетъ подъ 26 числомъ августа 1765 года: «На сихъ дняхъ получено извѣстіе о кончинѣ цесаря (Франца 1-го). Долго говорили между прочимъ его высочеству, что сія кончина ему, какъ принцу нѣмецкой имперіи, болѣе всѣхъ должна быть чувствительна: каковъ-то милостивъ будетъ къ нему новый цесарь и проч. Никита Ивановичъ и графъ Захаръ

Григорьевичъ (Чернышевъ) пристали такожъ къ сей шуткѣ и надъ великимъ княземъ шпыняли. Онъ изволилъ все отвѣчать: что вы ко мнѣ пристали? Какой я нѣмецкій принцъ! я великій князь россійскій. Графъ Иванъ Григорьевичъ (Чернышевъ) подкрѣплялъ его».

Тотъ же печальный опытъ заставлялъ при воспитаніи великаго князя относиться съ большою осторожностію къ военнымъ упражненіямъ. Порошинъ оставилъ намъ по этому поводу такое разсужденіе: «Его императорское высочество приуготовляется къ наслѣдію престола величайшей въ свѣтѣ Имперіи россійской; многочисленное и преславное воинство ждуть будетъ его мановенія, науки и художества просить себѣ проищанія его и покровительства, коммерція и мануфактуры неутомимаго попеченія и вниманія, пространныя рѣки удобнаго соединенія требовать будутъ; словомъ сказать, обширное государство неисчетные пути откроетъ, гдѣ можетъ поработать ученіе, остроуміе и глубокомысліе великое, и по которымъ истинная слава во всей вселенной промчится и въ роды родовъ не умолкнетъ. Такія ли огромныя дѣла оставляя, пуститься въ офицерскія мелкости? Я не говорю, чтобъ государю совѣзмъ не упоминать про дѣло военное. Никакъ! въ томъ опять сдѣлано было бы упущеніе; но надобно влагать въ мысли его такія свѣдѣнія, которыя составляютъ великаго полководца, а неисправнаго капитана или прапорщика. Сверхъ сего въ бездѣльи пускаться весьма опасно. Онѣ и такого человѣка, который совѣзмъ къ нимъ не склоненъ, притянуть къ себѣ могутъ. Лѣности нашей то весьма угодно, а тщеславіе не преминетъ уже стараться прикрыть все видомъ пользы и необходимости. Легче въ бездѣлкахъ упражняться, нежели въ дѣлахъ великихъ. Такимъ образомъ пораздумавшись, положилъ я себѣ твердо, чтобъ государю къ этимъ и тому подобнымъ мелочамъ отнюдь вкусу не давать, а стараться какъ можно приучить его къ дѣламъ генеральнымъ и государскія великости достойнымъ». Вотъ почему Порошинъ съ восторгомъ упоминаетъ объ одномъ военномъ разговорѣ, происходившемъ въ присутствіи великаго князя. «Обѣдали у насъ графы: Захаръ Григорьевичъ и Иванъ Григорьевичъ Чернышевы, Петръ Ив. Панинъ, вице-канцлеръ кн. Александръ Мих. Голицынъ, Мих. Мих. Филозофовъ, Александръ Фед. Талызинъ и кн. Петръ Вас. Хо-

ванскій. Говорили по большей части графъ Захаръ Григор. и Петръ Ивановичъ о военной силѣ россійскаго государства, о способахъ, которыми войну производить должно въ ту или другую сторону предѣловъ нашихъ, о послѣдней войнѣ прусской и о бывшей въ то время экспедиціи на Берлинъ подъ главнымъ предводительствомъ графа Захара Григорьевича. Всѣ сіи разговоры такого рода были и столь основательными наполнены разсужденіями, что я внутренно несказанно радовался, что въ присутствіи Его Высочества изъ устъ россійскихъ, на языкѣ россійскомъ, текло остроуміе и обширное знаніе».

Религіозное образованіе наслѣдника было поручено ученому монаху и знаменитому тогда проповѣднику Платону (Левшину), бывшему въ послѣдствіи московскимъ митрополитомъ. Порошинъ отзывается о Платонѣ постоянно съ великимъ уваженіемъ. 20 сентября 1764 года, въ день рожденія великаго князя, Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: «въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша».—«Сею проповѣдью, говоритъ Порошинъ, ея величество приведена была въ слезы и многіе изъ слушателей плакали, когда проповѣдникъ на концѣ предлагалъ о терпѣніи ея величества въ понесеніи трудовъ для пользы и безопасности отечества, о успѣхахъ его высочества въ преподаваемыхъ ему наукахъ и о слѣдующей оттуда надеждѣ россійской». Въ другой разъ Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: «будьте милосерды якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть». Порошинъ слышалъ отзывъ Екатерины по поводу этой проповѣди: «Отецъ Платонъ сердитъ сегодня былъ; однакожъ очень хорошо сказывалъ. Удивительный даръ слова имѣеть». Порошинъ записалъ и другой отзывъ Екатерины по поводу проповѣди Платона: «Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все что хочетъ; хочетъ онъ, чтобъ мы плакали, мы плачемъ; хочетъ, чтобъ мы смѣялись, мы смѣемся». Никита Ив. Панинъ восхищался здравыми мыслями, ясною головою Платона, и говорилъ: «Дай Богъ только, чтобъ этотъ человѣкъъ духовный у насъ не испортился, обращаясь между прочими, въ числѣ которыхъ всякихъ довольно». Но когда потребовалось отъ Панина позволеніе напечатать катихизисъ отца Платона, то авторъ долженъ былъ долго объ этомъ стараться, не потому, говоритъ Порошинъ, чтобъ Никита Ив. на печатаніе не соглашался, но что книга у его превосходительства

заложена была въ бумагахъ далеко, отыскать времени не дошло.»

Къ сентябрю 1765 года великій князь окончилъ съ отцомъ Платономъ первую часть Богословія, и былъ экзаменъ въ присутствіи императрицы. «Его высочество, говоритъ Порошинъ, весьма хорошо и смѣло изволилъ отвѣтствовать. Никита Ив. поднесъ государынѣ отвѣты, писанные рукою его высочества на богословскіе вопросы отца Платона. Въ сихъ вопросахъ между прочимъ одинъ есть, чтобы доказать примѣромъ, какъ страсти наши противъ разума воюютъ. Его высочество изволилъ написать тутъ: на примѣръ, разумъ говоритъ: не ѣзди гулять, дурна погода; а страсти говорятъ: нѣтъ, ничего, что дурна погода; поѣзжай, утѣшь насъ! Его величество не изъ чужихъ страстей примѣръ себѣ выбрать изволилъ! При экзаменѣ были графъ Мих. Лар. Воронцовъ, графъ Александръ Борис. Бутурлинъ и множество придворныхъ. Во время экзамена старикъ Александръ Борисовичъ, подошедъ ко мнѣ, говорилъ: «Слава Богу, что отъ такихъ лѣтъ Его Высочество духомъ страха Божія наполняется. Сожалительно, что покойная императрица Елисавета Петровна не дожила до того удовольствія, чтобы въ такомъ состояніи его видѣть». Послѣ экзамену ея величество долго изволила разговаривать съ его преподобіемъ отцомъ Платономъ о раскольникахъ, о разныхъ ихъ ересяхъ и о способахъ къ ихъ обращенію. Удивился я тутъ между прочимъ, услышавъ, что ея величество книгу «Увѣтъ Духовный» читывать изволила.

Порошинъ замѣтилъ о великомъ князѣ: «Вообще справедливость ему отдать должно, что онъ обыкновенно службѣ Божіей съ благочиніемъ и усердіемъ внимать изволилъ. Да укрѣпитъ его Господь и впредь во благочестіи и въ православной вѣрѣ нашей непоколебимо!» Описывая, какъ проводилъ великій князь день Успенія Богородицы, Порошинъ говоритъ: «Одѣвшись, изволилъ читать съ отцомъ Платономъ св. Писаніе. Потомъ разбирали мы книжку, въ которой служба на сегодняшній праздникъ, и пѣли оттуда стихъ: «Побѣждаются естества уставы въ тебѣ, Дѣва чистая» и проч.

И одновременно съ этимъ постоянно замѣчается сильное вліяніе господствующаго литературнаго направленія. Такъ однажды великій князь вздумалъ сочинить описаніе публичнаго

маскарада; Порошинъ сохранилъ это сочиненіе; здѣсь первую группу составляли петиметры, вторую докторъ съ больными, третью комедіанты, ужинающіе съ знатными господами, которые обходятся съ ними за панибрата, четвертую педанты: «Идутъ четыре человѣка педантовъ; разсуждаютъ объ наукахъ все неправильно и не кстати, и сердятся на новыхъ философовъ, которые разуму послѣдуютъ». Есть и группа раскольниковъ: «Идутъ раскольники и бранятъ нашихъ священниковъ, для чего они по старымъ книгамъ не служатъ и на семи просвирахъ не поютъ обѣдни». Въ запискахъ Порошина находимъ слѣдующій разговоръ его съ великимъ княземъ: «За чаемъ разговорились мы о сочиненіяхъ г. Монтескье, о которомъ вчера читали. Спрашивалъ у меня его высочество, какія онъ писалъ книги? О чемъ я доносилъ ему подробно. Потомъ спросить изволилъ: а книгу *Esprit* кто писалъ, и о чемъ она, скажи мнѣ пожалуй хорошенько? Сказывалъ я великому князю о Гельвеціусѣ, сочинителѣ сей книги, и толковалъ, въ чемъ состоитъ его сочиненіе, стараясь, сколько могъ, подать его высочеству не во многихъ, но сильныхъ словахъ настоящее о томъ понятіе. Разговорились мы и вообще о книгахъ. Его высочество изволилъ сказать: куды какъ книгъ-то много, ежели всѣ взять сколько ни есть ихъ; а все-таки пишутъ да пишутъ. Говорилъ я его высочеству, что для того все пишутъ да пишутъ, что много еще есть вещей и дѣлъ совсѣмъ неоткрытыхъ и неизвѣстныхъ, которыя мало-помалу открываются, и что многія извѣстныя и открытыя требуютъ объясненія и дополненія; что чтеніе человѣку, чѣмъ онъ выше надъ прочими, тѣмъ полезнѣе; но что между множествомъ книгъ весьма много есть дурныхъ и посредственныхъ, для чего надобенъ необходимо выборъ: первое, чтобъ книги были самыя лучшія; второе, чтобы онѣ съ тѣмъ состояніемъ соотвѣтствовали, въ которомъ упражняющійся въ чтеніи находится; что хотя и говорятъ, что «ремесла за плечми не носятъ», однако одно другого можетъ быть нужнѣе и необходимѣе; что со всѣмъ тѣмъ есть такія книги, которыя для всякаго состоянія къ просвѣщенію разума необходимы; что въ числѣ такихъ книгъ почитаю я и сочиненія г. Монтескье и *Esprit* Гельвеціусовъ; что такихъ книгъ не такъ много, чтобы въ нихъ очесться было можно». Наслышавшись о Генриадѣ Вольтера, маленькій великій князь за-

ставилъ Порошина принести себѣ эту книгу и слушалъ ее со вниманіемъ.

Относительно воспитанія великаго князя Порошинъ долженъ былъ выдержать любопытный споръ съ однимъ изъ своихъ товарищей. «Я нѣсколько поспорилъ съ Тимоѣемъ Ив. Остервальдомъ. Онъ говоритъ, что надобно, чтобы у великаго князя на половинѣ всякую недѣлю два раза были куртаги, дабы публика его узнала и онъ бы къ обхожденію привыкалъ. Я съ нимъ мнѣніемъ не былъ согласенъ и говорилъ, что еще начинать нынѣ рано, предлагая тому слѣдующія причины: великій князь безъ того всякое воскресенье ходитъ на ту половину на куртагъ, по вечерамъ иногда бываетъ у государыни; если дозволить всѣмъ съѣзжаться къ нему каждую недѣлю по два раза, то сіе можетъ разбить вниманіе его къ ученью; родится неминуемо отъ людей, которые къ нему уже такъ какъ къ великому князю прѣѣзжать будутъ, ласкательство, отъ чего предлагаемая послѣ нами ему правда черства будетъ казаться и непріятна; видя себя такъ часто большимъ, не мило будетъ послѣ идти въ меньшіе и слушаться; теперь хотя и узнаетъ его публика, какой отъ того ждуть прибыли? Онъ дитя еще, не имѣетъ довольно знаній, чтобы блистать могъ; лучше стараться украсить его достоинствами и разными знаніями, и потомъ допустить узнать его».

Но мы видѣли, что къ столу великаго князя, по распоряженію Панина, приглашались гости, разговоры которыхъ приводятся у Порошина, приводится и объ участіи великаго князя въ этихъ разговорахъ. Для насъ эти разговоры очень любопытны кромѣ того, что показываютъ взгляды дѣятелей того времени: эти люди хорошо помнятъ недавнюю старину, хорошо помнятъ первую половину вѣка; но они уже прожили время, измѣнившее во многомъ ихъ понятія и они относятся отрицательно къ хорошо знакомой имъ старинѣ; еслибъ не было этого отрицательнаго отношенія, то они бы не стали говорить объ извѣстныхъ явленіяхъ, считая ихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Такимъ образомъ, благодаря Порошину, мы присутствуемъ при столкновеніи взглядовъ двухъ поколѣній, двухъ половинъ XVIII вѣка. Никита Ив. Панинъ однажды рассказывалъ, какъ одинъ генералъ сказывалъ о себѣ въ большой компаніи, что онъ смолоду не чистъ былъ на руку, и что какъ одинъ разъ у Борнса Петровича Шереметева что-то

тяпнулъ, и Шереметевъ его послѣ отдулъ батожемъ, то съ тѣхъ поръ какъ рукой сняло. Тотъ же генераль, бывъ въ одно время у гетмана (Разумовскаго), разсуждалъ, «какія недотыки нынѣ люди стали: нельзя выбрать, а бывало-де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь». Другой разсказъ: «Пришолъ съ той половины изъ-за стола ея величества князь Сергѣй Вас. Гагаринъ. Шутилъ съ нимъ Никита Ив. и разговаривалъ о прежней жизни, какъ они еще унтеръ-офицерами были, разсказывалъ, какъ тогда гвардіи майоръ Шепелевъ у князя Сергѣя Вас. отнялъ табакерку, и послѣ его же хотѣлъ батожемъ высѣчь». Никита Ив. Панинъ говорилъ Порошину, что онъ собралъ отовсюду рапорты, гдѣ какіе колодники содержатся, и по какимъ дѣламъ, въ разныя правленія разосланные. «Изволилъ говорить, что превеликая у него теперь о томъ книга; что вчера читалъ ее и съ удивленіемъ видѣлъ, что люди за такія вины кнутыями сѣчены и въ ссылки посыланы были, за которыя бы выговоромъ только строгимъ наказать было достойно; что потому можно нѣкоторымъ образомъ разсуждать о нравахъ тѣхъ временъ». Изъ разговоровъ за столомъ у наслѣдника узнаемъ, что въ царствованіе Елисаветы прекратился обычай держать шутовъ, и прекратился именно въ слѣдствіе отвращенія къ нему этой государыни. «Разсказывалъ Никита Ив. о шутѣ Балакиревѣ, также и о графѣ Апраксинѣ, которые оба во время государыни Анны Іоанновны были. О Балакиревѣ сказывалъ съ похвалою, что шутки его никогда никого не язвили, но еще многихъ часто и рекомендовали. Графъ Апраксинъ, напротивъ того, несносный былъ шутъ, обижалъ часто другихъ и за это часто битъ бывалъ. Г. Салдернъ и я (Порошинъ) говорили Никитѣ Ив., что въ тогдашнее время вездѣ мода была на дураковъ, и у всѣхъ почти дворовъ ихъ держали; но что нынѣ совсѣмъ этотъ обычай миновался. Соглашался на то и его превосходительство, сказывая при томъ, что покойная государыня Елисавета Петровна терпѣть не могла, чтобъ у кого въ домѣ такой шутъ былъ». Въ другомъ мѣстѣ Порошинъ разсказываетъ: «Говорили, какъ покойный государь (Петръ Великій) въ Парижѣ былъ. О Биронѣ, о Бутурлинѣ и прочіе анекдоты; также анекдоты царства Анны Іоанновны: шуты на яицахъ сидѣли, куры Богу молились въ образной». Обычай миновался; но корень его еще не совсѣмъ

былъ вырванъ; ибо оставалась въ обществѣ значительная доля дѣтскости, неразвитости. Доказательство приводитъ самъ Порошинъ: «Пришелъ къ намъ Никита Ив., и пошли въ садъ гулять. Тамъ присталъ къ намъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ. До приходу еще его высочества въ саду, попался графу Ив. Григорьевичу тутъ на встрѣчу какой-то просвирнинъ сынъ, малый лѣтъ уже тринадцати, но весьма простой и глухой; одѣтъ странно, въ сапогахъ, въ порткахъ, въ лебяжьей фуфайкѣ и въ колпакѣ. Этого дурака сыскали и привели къ великому князю. Съ полчаса съ нимъ стояли: его высочество, Никита Ив. и мы всѣ дѣлали ему разные вопросы, и его высочество глупымъ его отвѣтамъ очень много изволилъ смѣяться. Графъ Ив. Григорьевичъ между тѣмъ, глядя его по головѣ, приговаривалъ: «отвѣчай, другъ мой Иванушка, не бойся, отвѣчай Иванъ Петровичъ». Подлинно, что сцена была смѣшная». Хотѣлось бы, къ чести Порошина, предположить, что въ послѣднихъ словахъ его заключается иронія. Но это не одинъ случай; въ дневникѣ Порошина часто встрѣчаемъ извѣстія, изъ которыхъ видно, что надъ молодымъ княземъ Куракинымъ, неразвитымъ и трусливымъ, потѣшались у наслѣдника какъ надъ шуткомъ, напримѣръ: «Никита Ив. (Панинъ) самъ Куракина повелъ въ темныя сѣни къ Строганову и, попугавъ, возвратился. Прочіе повели Куракина къ Строганову. Тамъ Строгановы слуги наряжались въ бѣлую рубашку и парикъ. Куракинъ жестоко трусилъ».

Иногда рассказывалось и о настоящихъ, вовсе не смѣшныхъ явленіяхъ. «Сѣли мы за столъ. Рассказывалъ государь, что онъ сегодня отъ ея величества слышать изволилъ, что недавно пойманъ на разбой въ Московской губерніи одинъ дворянинъ, за которымъ душъ около 400 было. Дворянинъ сей былъ въ отпуску изъ службы, просрочилъ долго, къ полку не смѣлъ явиться и пошелъ въ разбой».

Мы еще не разъ будемъ имѣть случай обращаться къ драгоценнымъ запискамъ Порошина. Веденіе этихъ записокъ авторъ считалъ своею обязанностію, имѣя при этомъ воспитательную цѣль. Онъ ихъ читалъ великому князю, «который несказанно былъ доволенъ и съ крайнимъ вниманіемъ изволилъ слушать. Говорилъ только о нѣкоторыхъ касающихся до него правдахъ, нельзя ли ихъ выпустить». Порошинъ отвѣчалъ со смѣхомъ, что

есть пословица: изъ пѣсни слова не выкинешь. Къ несчастію записки Порошина обнимаютъ только два года 1764 и 1765-й. Въ концѣ послѣдняго года изъ записокъ видимъ, что противъ автора ихъ уже ведется интрига. Порошинъ говоритъ очень темно объ интригѣ, лицъ не называетъ. Можно видѣть только, что, выдаваясь слишкомъ рѣзко изъ толпы своими достоинствами, отличаясь добросовѣстностію, желаніемъ быть какъ можно чаще съ наслѣдникомъ и служить ему своими совѣтами и свѣдѣніями, Порошинъ приобрѣлъ сильное вліяніе на впечатлительнаго ребенка. Нашлись люди, которымъ это не понравилось, и которые постарались произвести холодность между великимъ княземъ и Порошинымъ. Мы видѣли, какъ Порошинъ отнесся къ предложенію завести куртаги у наслѣдника; какъ видно, онъ находилъ что великій князь и безъ того имѣетъ много разсѣяній, вредныхъ для серьезныхъ занятій; такъ въ запискѣ занесено: «У меня очень дурно учился, такъ что я, броса бумага, взялъ шляпу и домой уѣхалъ. Причины дурному сегодняшнему ученію иной я не нахожу, какъ ту, что учиться онъ началъ нѣсколько поздно, а послѣ моихъ лекцій оставалось еще фехтовать и сходить за ширмы подтянуть чулки и идти на концертъ. И такъ боялся и нетерпѣливствовалъ, чтобъ не опоздать». Встрѣчаемъ и такія жалобы Порошина на своего воспитанника: «Говорилъ все о штрафахъ, и я бранилъ его за то: «съ лучшими намѣреніями въ мірѣ вы заставите ненавидѣть себя, государь». «Очень сталъ вѣтренъ». Въ концѣ мѣсяца Порошинъ записалъ: «На меня все-таки сердить». А ребенокъ жаловался, что ему мало развлеченій, зачѣмъ въ вольный маскарадъ его не водятъ, жилище свое въ горести называлъ монастыремъ Павловскимъ, Никиту Ив. Панина настоятелемъ, а себя вѣчно дежурнымъ монахомъ. Съ другой стороны, завистливые кавалеры указывали Панину, что Порошинъ забралъ себѣ слишкомъ много вліянія на великаго князя. Порошинъ рассказываетъ такой любопытный случай: «Я не былъ сегодня дежурнымъ; однако государь цесаревичъ просилъ меня, чтобы пришелъ я къ нему и поговорилъ съ нимъ о чемъ-нибудь, или бы что прочиталъ ему. Его высочество откушалъ у себя въ опочивальнѣ одинъ. Пошли мы за Никитою Ив., за большой столъ обѣдать; съ великимъ княземъ остался дежурный кавалеръ, мой товарищъ. Изъ-за стола хотѣлъ было я итти къ го-

сударю цесаревичу, дабы оный дежурный могъ отойтить обѣдать; но вмѣсто меня кавалеръ, который былъ поддежурный, захотѣлъ самъ идти къ его высочеству, такъ какъ ему и слѣдовало. Не противорѣчилъ я въ томъ ни мало, не хотя изъ такой бездѣлицы сдѣлать другому огорченіе; такъ и сдѣлалось. Пошелъ онъ другога смѣнить, а тотъ на его мѣсто пришелъ обѣдать. Какъ обѣдъ нашъ совѣмъ кончился, пришли мы всѣ за Никитою Ив. къ его высочеству въ опочивальню. Лишь вошелъ я, то примѣтилъ, что его высочество весьма раздраженъ и на вышеупомянутаго поддежурнова кавалера смотрѣлъ очень косо. Подошедъ, спрашивалъ я государя цесаревича, что онъ такъ гнѣвенъ! Изволилъ отвѣчать мнѣ, указывая на онаго кавалера: «вотъ дуракъ-отъ на меня сердится, что я тебя люблю». До того дошло, что его высочество жаловался Никитѣ Ивановичу на поддежурнова онаго кавалера, что онъ на него сердится. Кавалеръ поддежурной, къ немалому моему удивленію, совѣмъ изъ себя выступя, говорилъ его превосходительству, что какъ скоро пришелъ онъ изъ-за стола къ вел. князю смѣнить другога, то его высочество осердясь сказалъ ему: «за чѣмъ тебя чертъ принесъ, для чего не пришелъ ко мнѣ Порошинъ»? Еще въ жару своемъ продолжалъ оный кавалеръ, что его высочество по большей части изволитъ всегда разговаривать со мною (т. е. съ Порошинымъ), что гнѣвается, когда другой подойдетъ тутъ, что изволитъ говорить, что они всѣ меня ненавидятъ за то, что онъ меня любитъ, что изволитъ браниться и говорить, что какъ бы они меня ни ненавидѣли, онъ еще больше любить меня будетъ на зло имъ, что и самъ-де Никита Ивановичъ приказываетъ ему (Порошину) давать мнѣ (великому князю) наставленія, а мнѣ его слушаться и пр. Никита Ивановичъ кричалъ на великаго князя, для чего онъ такъ неучтиво съ кавалеромъ своимъ обходится; что ежели онъ такъ поступаетъ, то его превосходительство запрещаетъ, чтобъ съ нимъ одинъ на одинъ никто не оставался, что очень дурно его высочеству такъ изъясняться, а что и того дурнѣе, ежели оныя его рѣчи происходятъ отъ какихъ внушеній. Подъ 8 ноябрь 1765 года записанъ любопытный разговоръ: «Изъ постороннихъ обѣдалъ у насъ только Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Какъ я между прочимъ подшпынялъ надъ его высочествомъ, что онъ на блюдо трески

изволить смотрѣть съ крайнимъ аппетитомъ, а можетъ быть кушать ея не дадутъ, то будучи тѣмъ нѣсколько тронутъ, изволил онъ говорить: «ну, пусть это такъ: теперь позволь же мнѣ и про тебя нѣчто сказать. Знаете ли, сударь Никита Ивановичъ, что вы ему больше досады сдѣлать не можете, какъ ежели начнете говорить съ нимъ по-нѣмецки; на смерть этого языка не любить». Говорилъ я на то, что не любить мнѣ его не для чего, а что рѣдко говорю, это отъ того, что случаевъ къ тому мало имѣю. Иванъ Перфильевъ примолвилъ къ тому: «для чего ему не любить нѣмецкаго языка? Онъ въ немъ очень силенъ и по-нѣмецки говоритъ великій мастеръ». На сіе сказалъ я Ивану Перфильевичу, что бываютъ часы, когда и никакимъ языкомъ говорить не хочется. Никита Ивановичъ очень въ сіе вслушался, чего мнѣ и хотѣлось, потому что съ тѣмъ намѣреніемъ и сказалъ я то».

Интрига достигла своей цѣли. Спустя нѣсколько времени встречаемъ въ запискахъ жалобу Порошина на холодность великаго князя и на придворныя шутки, а подъ 3 декабря записано: «Когда я дежурный, то прежде нежели чай сберутъ, изволить его высочество обыкновенно самъ входить ко мнѣ и разговаривать со мною. Сего утра того не было, и какъ я вошелъ къ государю цесаревичу, то онъ, принявши меня очень холодно и долго бывши въ молчаніи, изволилъ наконецъ самъ перервать сіе молчаніе и спросить меня: а что это значить, что я передъ чаемъ не вошелъ къ тебѣ? Отвѣтствовалъ я, что лучше о томъ надобно знать его высочеству; что я вижу, что его высочество на меня сердится, а за что—подлинно не знаю. На сіе изволилъ мнѣ говорить государь цесаревичъ съ нѣкоторымъ жаромъ: ты это заслуживаешь: знаю я теперь, что все то значило, что ты прежде ни говорилъ со мною, и я уже обо всемъ рассказалъ Никитѣ Ивановичу». Разказано было и о запискахъ. «Во время оныхъ перетолкованій его высочеству рѣчей моихъ и разсужденій, на справедливости и усердіи основанныхъ, говоритъ Порошинъ, привели государя цесаревича, что и о журналѣ моемъ разказать онъ изволилъ (хотя прежде и общался, чтобы никому объ оныхъ не сказывать, и донинѣ ненарушимо хранилъ свое общаніе), думая, что и то будетъ служить мнѣ въ предосужденіе и въ обличеніе коварныхъ моихъ, какъ они называли, умысловъ;

и въ самомъ дѣлѣ, и о сихъ запискахъ увѣрили его высочество, что онѣ современемъ будутъ только служить къ его стыду и посрамленію». Панинъ потребовалъ записки. Если онъ и прежде, по извѣстнымъ внушеніямъ, перемѣнилъ свой взглядъ на Порошина, то записки окончательно должны были оттолкнуть его отъ ихъ автора. Въ нихъ на первомъ планѣ великій князь и Порошинъ; о Панинѣ говорится съ уваженіемъ, но нравственное значеніе его не выдается впередъ. Нѣкоторыя изъ лицъ, посѣщавшихъ великаго князя, выставлены безопадно съ точки зрѣнія автора записокъ, что не могло не обезпечить Панина, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ лицъ были очень крупны, и Порошинъ назначалъ записки для чтенія великому князю; могло показаться опаснымъ и непріятнымъ, что малѣйшее слово всѣхъ посѣщавшихъ наследника, слово, сказанное невзначай (въ томъ числѣ и каждое слово самого Панина), было записано и будетъ потомъ возобновлено въ памяти великаго князя, а можетъ быть передастся и кому-нибудь другому. Панинъ былъ откровененъ съ Порошинымъ въ своихъ отзывахъ о лицахъ высокопоставленныхъ, и все это было записано, на примѣръ: «Никита Ивановичъ изволилъ долго разговаривать со мною о нынѣшнемъ генераль-прокурорѣ кн. Вяземскомъ и удивляться, какъ фортуна его въ это мѣсто поставила: упоминаемо тутъ было о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать сіе удивленіе».

Подъ 28 декабря 1765 года Порошинъ записалъ: «хотя и была у меня съ его высочествомъ экспликація, однако послѣ тѣхъ интрижекъ и наущничествъ все еще не примѣчаю я къ себѣ со стороны его высочества той довѣренности, той горячности и тѣхъ отличностей, которыя прежде были. Отъ Никиты Ивановича поднесенныхъ ему тетрадей записокъ не получилъ я еще, и никакого объ нихъ мнѣнія, ни худого ни добраго, не слыхалъ отъ его превосходительства. При такихъ обстоятельствахъ продолженіе сего журналу становится мнѣ скучнымъ и тягостнымъ. Если они не перемѣнятся, то принужденъ буду его покинуть, дабы употребить это время на то, что авось либо болѣе къ спокойствію моему послужитъ».

Въ началѣ 1766 года Порошинъ вдругъ былъ удаленъ отъ двора великаго князя и получилъ приказаніе отправиться на

службу въ Малороссію. Въ письмѣ Фонъ-Визина къ сестрѣ находится приписка: «Порошинъ удаленъ отъ двора за невѣжливость, оказанную имъ дѣвицѣ Шереметевой». Вотъ все, что мы знаемъ о предлогѣ удаленія. Въ страшной, неожиданной бѣдѣ, которая отнимала у него все будущее, все будущее его семейства, пятнала безчестною опалою, прогнаніемъ отъ двора, Порошинъ обратился съ просьбою о защитѣ къ графу Григор. Григор. Орлову, о недоброжелательствѣ котораго къ Панину постоянно твердили современники. Но Орловъ, несмотря на всю свою силу, не могъ ничего сдѣлать. Панинъ въ это время пользовался неограниченнымъ довѣріемъ императрицы, она считала его непогрѣшительнымъ и потому необходимымъ въ дѣлахъ внѣшней политики и не могла позволить сдѣлать ему какую-нибудь непріятность. Мы видѣли отношенія Екатерины къ Панину въ письмѣ ея къ нему по поводу письма Станислава Понятовскаго къ Фридриху II-му о таможахъ. Приведемъ еще любопытный документъ. Русскій посоль въ Варшавѣ, князь Репнинъ, въ письмѣ своемъ къ Панину изъявлялъ безпокойство по поводу какой-то неизвѣстнаго рода опасности, грозившей Панину. Послѣдній отвѣчалъ ему (12 февраля 1765 г.): «Я сколь сердечно чувствую ваше дружеское обо мнѣ смятеніе, столь и сожалѣю, что скаредный случай извѣстнаго лѣкаря вамъ оное воспричинствовалъ. Пожалуй, мой другъ сердечный, будь спокоенъ и увѣренъ, что все, кромѣ моего презрѣнія, ничего не заслуживаетъ». Екатерина приписала къ этимъ строкамъ: «А я Екатерина говорю, что Панину бояться ничего» (т. е. бояться нечего). Никита Ивановичъ, въ пріятномъ убѣжденіи, что ему бояться нечего, позабылъ объ императорскомъ совѣтѣ, и однажды, когда говорили о казни Лопухиныхъ, также о временахъ Анны Іоанновны, дѣлалъ такую рефлексію, что «ежели бы и теперь ихъ братья боярамъ дать волю и ихъ слушаться, тобъ другъ друга и нынче съчь и головы рубить зачали. И такъ въ иныхъ строгостяхъ винили министерство».

Несмотря на то, что Орловъ не могъ ничего сдѣлать для Порошина, тотъ полагалъ на него большую надежду въ будущемъ, и передъ отъѣздомъ писалъ ему: «Хотя по великодушному и милостивому вашего сіятельства за меня заступленію желаемаго нынѣ и не послѣдовало; но благодарность моя за ваши ко мнѣ

благодѣянія столь же велика, какъ бы я и получалъ все, о чемъ ваше сіятельство предстательствовали. Я болѣе утруждать ея императорское величество уже не осмѣливаюсь. Конечно, я прежними повторительными за меня великодушныхъ людей прошеніями еще большій гнѣвъ на себя обратилъ.... Клянуся сердце-вѣдцемъ Богомъ и честію, что кромѣ моего проступка, о коемъ ваше сіятельство вѣдать изволите, ни малѣйшаго преступленія за собой не знаю; а видно, что по какимъ-либо внушеніямъ донесено ея величеству что-нибудь большее.... Вы великодушнымъ своимъ предстательствомъ, хотя нѣсколько времени спустя, доставить можете возмущенному моему духу спокойство. Не предайте меня забвенію».

На дорогѣ къ мѣсту новаго назначенія, въ Москвѣ, 3 мая Порошинъ написалъ другое письмо къ Орлову: «Имѣя нынѣ вѣрный случай писать, не могъ я преминуть, чтобъ не писать къ вашему сіятельству. Перемена моего состоянія, будучи мнѣ столь тягостна и чувствительна, безпрестанно побуждаетъ меня озираться на прошлыя дѣла свои и разбирать, какія бѣ между ими могли быть причиною сего несчастнаго въ жизни моей происшествія. Вижу и слышу, что о поступкахъ моихъ при государѣ цесаревичѣ сдѣлано такое описаніе, отъ коего теперь я страдаю: размышляя о нихъ, сужу себя безъ всякаго самолюбія и поворства, и повторяя стократно грустное таковое упражненіе, не нахожу ничего, что бѣ могло служить къ моему предосужденію. Съ самаго моего вступленія ко двору его императорскаго высочества обратилъ и посвятилъ я на то всѣ свои силы, чтобъ быть государю великому князю полезнымъ и тѣмъ бы, сколько отъ меня зависѣло, споспѣшествовать высокоmaterнымъ намѣреніямъ ея императорскаго величества и сладчайшему упованію всего россійскаго общества. При его высочествѣ служилъ я около четырехъ лѣтъ. Во все сіе время былъ при немъ почти безотлучно и, съ ущербомъ собственныхъ своихъ забавъ и удовольствій, на которыя влекли меня и лѣта мои и безчисленные случаи, старался не упустить изъ виду онаго своего предмету. По сему побужденію испросилъ я самъ для себя должность, чтобъ предлагать государю великому князю нужныя для военнаго искусства математическія науки, писалъ для его высочества особый курсъ, въ которомъ заключались: ариметика, гео-

метрія, начальныя основанія механики и гидравлики, фортификація съ атакою и обороною крѣпостей, артиллерія и правила тактики. Археометику государь великій князь всю почти съ доказательствами у меня окончилъ и въ геометріи сдѣлалъ начало. Оный курсъ намѣренъ я былъ вмѣстѣ съ учебными математическими тетрадами руки его высочества поднести ея императорскому величеству. Кромѣ сего приготавливалъ я сочиненіе, названное мною: «Государственный механизмъ». Въ ономъ хотѣлось мнѣ для его высочества вывести и показать разныя части, какъ движется государство, изъяснить на примѣръ, сколько надобно солдатъ, сколько земледѣлецъ, сколько купецъ и проч. и какою кто долею споспѣшествуетъ всеобщему благоденствію, что не можетъ государство быть никоимъ образомъ благополучно, когда одинъ какой чинъ процвѣтаетъ, а прочіе въ небреженіи. Расположеніе сего сочиненія было уже у меня и сдѣлано. Онымъ же главнымъ своимъ намѣреніемъ упражняясь, началъ я съ нѣкоторымъ человѣкомъ (Платономъ?) почтеннымъ отъ всѣхъ за его ученіе и преніящныя дарованія, переписку о разныхъ нравоучительныхъ и историческихъ матеріяхъ, которую собирались мы напечатать и поднести его высочеству. Сверхъ всего сего вѣдая, что въ дѣтскихъ его высочества лѣтахъ не всегда пріятно и весело слушать формально предлагаемыя истины и знанія, старался вмѣшивать и доводить до него оныя, сколько смыслилъ, во всѣхъ моихъ повседневныхъ съ нимъ обращеніяхъ и разговорахъ, иногда такъ, чтобъ и самому его высочеству то непріятно было, дабы не навелъ скуки и отвращенія. Въ таковыхъ случаяхъ, кромѣ всякихъ историческихъ свѣдѣній и анекдотовъ, кромѣ многихъ правилъ о красотѣ російскаго языка, которые нечувствительно тщился я подавать государю цесаревичу, наблюдалъ, чтобъ въ его высочествѣ осталось за законъ и основаніе, чтобъ разсматривать и отличать прямыя достоинства, не ослѣпляясь блистательною и часто обманчивою наружностью, чтобъ любить народъ російскій, отдавая потомъ справедливость каждому достойному изъ чужестранныхъ, чтобъ твердо и непоколебимо быть въ глубокомъ почтеніи туды, куды онымъ его высочество долженъ. Во всѣхъ таковыхъ своихъ упражненіяхъ то имѣлъ за единственное себѣ ободреніе и утѣшеніе, чтобъ заслужить современемъ высочайшее благоволеніе всемилости-

вѣйшей и премудрой самодержицы. Теперь истинно не могу удержать слезъ своихъ, что посреди такового тихаго и, какъ бы казалось, не непохвальнаго теченія вверженъ въ наилютѣйшее безпокойство, приведенъ подъ гнѣвъ у ея императорскаго величества. Ударъ сей тѣмъ мнѣ несноснѣе, что пораженъ имъ незанно и нечаянно и по оному своему поведенію могли ожидать того, примите въ милостивое разсужденіе! Правда, что и прежде сего по онымъ всегдашнимъ моимъ съ государемъ цесаревичемъ обращеніямъ будучи я отъ его высочества почтенъ особливою склонностію и милостію, видѣлъ, что то завистливому невѣжеству непріятно было и принужденъ былъ сносить иногда отъ онаго нѣкоторыя притѣсенія, кои однакожь презиралъ я и ни во что ставилъ. Случилось на примѣръ нѣкогда, что его высочество, увѣряя меня съ отнѣбною горячістію, что онъ меня жалуешь, услышалъ, что я ему говорю, что тому не вѣрю, потому что изволить говорить, что жалуешь, а когда въ излишности его увеселеній или въ невниманіи при ученіи уговаривать станешь, такъ иногда не изволить и слушать. Самъ государь великій князь такъ былъ тронуть, что изволилъ дать мнѣ слово, чтобъ всегда меня слушаться. И подлинно, долгое время отъ сего успѣхъ я видалъ: какъ скоро объ ономъ потомъ договорѣ напоминаю ему, то вѣрно изволить послушаться и отстать отъ той неприличности, въ коей его оговаривалъ. Сіе безвинное и почти шуточное для его жъ высочества пользы положенное условіе было перетолковано такъ, что будто я хочу, чтобъ только великій князь меня одного слушался и мнѣ бѣ только слѣдовалъ, и однимъ словомъ, чтобъ дѣлалъ все то только, чего я ни захочу. Были тутъ прибавлены и другіе тому подобныя перетолки и низости, какіе только маленькій и темный духъ пакостникъ вымыслить можетъ. Но о всемъ томъ тогда жъ изъяснялся я съ его высокопревосходительствомъ нашимъ главнокомандующимъ, и онъ изволилъ мнѣ тогда дать знать, что входитъ въ мои изъясненія. А нынѣ что такое на меня взведено, ей-ей обстоятельно ни отъ кого не слыхалъ и клянусь вашему сіятельству честью и всѣмъ что есть святаго на свѣтѣ, что ничего не знаю. Защитите меня, милостивый государь, многомоцнымъ ходатайствомъ вашимъ. Лишенному всего ваше сіятельство можете все доставить и тѣмъ обязать меня на вѣки. Не-

винность моя за меня будетъ вамъ поборствовать. На васъ, милостивый государь, единственная моя несомнѣнная надежда. Несчастьемъ своимъ гублю я своихъ родителей, гублю сестеръ своихъ и брата, кои отъ меня только всей себѣ помощи ожидали. Войдите въ бѣдственное мое состояніе. На сихъ дняхъ поѣду я въ Ахтырку. Но откуда бѣ не могла достать меня помощная рука ваша?»¹⁴⁵

Въ правителѣ Малороссіи, Румянцевѣ, Порошинъ встрѣтилъ человѣка, который съумѣлъ оцѣнить его способности. Въ 1768 году онъ былъ назначенъ командиромъ Старооскольскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ въ слѣдующемъ году выступилъ въ походъ противъ Турокъ; въ этомъ походѣ Порошинъ заболѣлъ. Болѣзнь была незначительная, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что вторая армія, къ которой принадлежалъ Старооскольскій полкъ, переходитъ подъ начальство Петра Ив. Панина. Это извѣстіе поразило Порошина какъ громомъ, онъ потерялъ память, такъ что когда Румянцевъ пріѣхалъ къ нему проститься передъ отъѣздомъ, то больной послѣ спрашивалъ брата, что графъ съ нимъ говорилъ. Вскорѣ послѣ этого Порошина не стало¹⁴⁶. Исчезъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ русскихъ образовъ второй половины XVIII вѣка; начато было хорошее слово, хорошее дѣло, и порвано въ самомъ началѣ.

Въ Запискахъ Порошина встрѣчаемъ отзывы о современныхъ дѣятеляхъ русскаго просвѣщенія. Ломоносовъ занимаетъ первое мѣсто: «Говорилъ я его высочеству, записалъ Порошинъ, что это стихотворецъ вѣку блаженныя памяти бабки его Елисаветы Петровны. Дай Боже, продолжалъ я, чтобъ въ вѣкъ вашего высочества такіе были. Эдакіе люди не растутъ какъ грибки изъ земли; надобно для того хорошія учрежденія, одобреніе и покровительство. А головъ годныхъ много въ Россіи, хотя такія головы, какъ Ломоносова, и рѣденьки нѣскольکو». Въ послѣднія шесть лѣтъ царствованія Елисаветы Ломоносовъ принималъ дѣятельное участіе въ управленіи академіею и учрежденіями, входившими въ ея составъ. Въ 1757 году онъ былъ назначенъ присутствующимъ въ академической канцеляріи вмѣстѣ съ Шумахеромъ; но такъ какъ послѣдній былъ уже старъ и дряхлъ, то въ товарищи Ломоносову назначенъ былъ еще унтеръ-библіотекаръ Таубертъ, зять Шумахера. Таубертъ, также какъ

и тесть его, смотрѣлъ на свое мѣсто только со стороны его выгоды, и потому у него немедленно же начинается борьба съ Ломоносовымъ, который велъ ее съ обычною своею страстностію. Ломоносовъ потребовалъ необходимыхъ преобразованій, указывалъ на то, что академія загромождена бесполезными ремесленными заведеніями, а учрежденія необходимыя въ упадкѣ. Онъ писалъ: «Для умноженія книгъ російскихъ, чѣмъ бы удовольствоваться требующихъ охотниковъ, недостаетъ станковъ, переводчиковъ, а больше всего, что нѣтъ російскаго собранія, гдѣ бы обще исправлять грубыя погрѣшности тѣхъ, которые по своей упрямкѣ худыя употребленія въ языкъ вводятъ. Университетъ и гимназія весьма въ худомъ состояніи и требуютъ, чтобъ канцелярія больше къ нимъ прилежала». Намекая на Шумахера и Тауберта, Ломоносовъ продолжалъ: «Въ канцеляріи желающіе рекомендовать себя художествами, то есть за великій мерить почитающіе то, когда чужихъ трудовъ что-нибудь поднесутъ знатымъ людямъ, сіи всякими мѣрами желаютъ и стараются науки унижить, говоря: 1) что университетъ здѣсь (въ Петербургѣ) ненадобенъ и что все, до того надлежащее, уступить московскому университету; 2) такое недоброхотное мнѣніе дѣломъ оказалось, когда лучшіе ученики изъ гимназіи въ монетную канцелярію отданы были». Ломоносовъ добился, что средства гимназіи были усилены; но тщетно настаивалъ, чтобъ всѣ диссертациі переводить на русскій языкъ и на немъ печатать. «Черезъ сіе, писалъ онъ, избѣжимъ роптаній и общество російское не останется безъ пользы. И сверхъ того студенты, коихъ я на то назначу, будутъ привыкать къ переводамъ и сочиненіямъ диссертаций съ профессорскихъ примѣровъ». Составляя уставъ и штатъ университета и гимназіи, Ломоносовъ предлагалъ имѣть 60 гимназистовъ и 30 студентовъ; противъ этого возражали Таубертъ и академикъ Фишеръ. Ломоносовъ такъ описывалъ свой споръ съ ними: «Фишеръ, принимая Таубертовы совѣты, спорилъ противъ числа студентовъ и гимназистовъ, точно его слова употребляя: «что куда-де столько студентовъ и гимназистовъ? Куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ? Сіи слова часто твердилъ Таубертъ Ломоносову въ канцеляріи, и хотя отвѣтствовано, что у насъ нѣтъ природныхъ россіянъ ни аптекарей, да и лѣкарей мало, также механиковъ искусныхъ, гер-

ныхъ людей, адвокатовъ и другихъ ученыхъ и ниже своихъ профессоровъ въ самой академіи и въ другихъ мѣстахъ; но не внимая сего, всегда твердилъ и другимъ внушалъ Таубертъ: куда со студентами?» Ломоносовъ добился, что президентъ академіи Разумовскій, конечно подъ вліяніемъ И. И. Шувалова, поручилъ «учрежденіе и весь распорядокъ университета и гимназій одному Ломоносову, по сочиненнымъ отъ него регламентамъ», и въ началѣ 1760 года было объявлено въ вѣдомостяхъ, что графъ Разумовскій втрое умножилъ число содержащихся на казенномъ счету гимназистовъ, а потому родители приглашаются отдавать своихъ дѣтей для опредѣленія къ гимназическимъ наукамъ. Удаляя инспектора гимназій Модераха, въ которомъ «не усмотрѣвъ болѣе охоты заботиться о молодыхъ людяхъ», Ломоносовъ высказалъ мнѣніе, что «инспекторомъ долженъ быть 1) природный россиянинъ для того, чтобы впервыхъ имѣлъ о учащихъ усердное попеченіе, какъ о своихъ свойственникахъ или дѣтяхъ; 2) чтобы главный командиръ больше имѣлъ повиновенія и не всегда бы чинилъ для малѣйшихъ причинъ отговорки, ссылаясь на свой контрактъ и угрожая требованіемъ абшида (увольненія); 3) чтобы зная російскій языкъ и обряды совершенно и бывъ самъ здѣшнимъ и въ чужихъ краяхъ студентомъ, звалъ бы съ порученными ему поступать съ умѣренной строгостью».

29 апрѣля 1757 года именнымъ указомъ велѣно находящихся какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ въ частныхъ домахъ иностранныхъ учителей въ ихъ наукахъ свидѣтельствовать и экзаминовать въ Петербургѣ въ Десьянсъ-Академіи, а въ Москвѣ въ императорскомъ университетѣ, и безъ такого свидѣтельства и аттестатовъ никому въ дома не принимать и до содержанія школъ не допускать. Ломоносовъ нашель, что въ Десьянсъ-Академіи испытанія производятся слабо и предписалъ экзаминовать строже.

Но при этой дѣятельности совѣтника академической канцеляріи продолжалась дѣятельность ученая и литературная. Въ 1756 году Ломоносовъ въ публичномъ собраніи Академіи говорилъ на русскомъ языкѣ «слово о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее». Болѣе значенія специалисты приписываютъ послѣдующимъ его трудамъ: Слову о рожденіи металловъ отъ трясенія земли (1757 года), въ которомъ находятъ

драгоценныя замѣчанія, и «разсужденіе о большей точности морскаго пути» (1759 года). Въ томъ же 1759 году Ломоносовъ исходатайствовалъ у сената разсылку по всемъ губерніямъ составленныхъ имъ вопросовъ для собранія географическихъ извѣстій о Россіи. Нельзя оставить безъ вниманія, что Ломоносовъ два раза предлагалъ послать хорошаго живописца въ старинные русскіе города, «чтобъ имѣющихся въ церквахъ изображеній государскихъ иконописною и фресковою работою, на стѣнахъ пли гробницахъ состоящихъ, снять точныя копіи величиною и подобіемъ. А сіе учинить бы для того: 1) дабы отъ съѣдающаго времени отнять лики и память нашихъ владѣтелей и сохранить для позднѣйшихъ потомковъ; 2) чтобъ показать и въ другихъ государствахъ россійскія древности и тицаніе предковъ нашихъ; 3) чтобъ санктпетербургская академія художествъ имѣла случай употребить свое искусство, какъ бы изобразить ихъ надлежащею живописью въ приличныхъ положеніяхъ со стариннаго манеру, не теряя подлиннаго подобія». Въ послѣдній годъ елисаветинскаго царствованія, по поводу прохожденія Венеры чрезъ солнце, Ломоносовъ написалъ сочиненіе объ этомъ явленіи, гдѣ первый указалъ на существованіе атмосферы около Венеры.

Литтературная дѣятельность Ломоносова выражалась по прежнему въ одахъ на торжественные случаи, важныхъ для насъ по указанію на современные событія. Такъ въ одѣ 1757 года на день рожденія великой княжны Анны Петровны Ломоносовъ говоритъ о борьбѣ двухъ союзныхъ императрицъ противъ Фридриха II-го:

Присяжны преступивъ союзы,
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ повергнуть тщится узы
Желаніе чужихъ державъ.
Творецъ, воззри въ концы вселенны,
Воззри на земли утѣсненны,
На помощь страждущимъ возстань,
Позволь для общаго покою,
Подъ сильною твоею рукою
Воздвигнуть противъ брани брань.
Сіе рекла Елисавета
Противныя страны трепещуть,
Вопль, шумъ вездѣ, и кровь и звукъ,

Ужасные перуны мечутъ
Размахи сильныхъ русскихъ рукъ.
О ты союза героиня
И сродна съ нашею богиня!
По васъ поборникъ вышній Богъ.
Онъ правду вашу защищаетъ,
Обиды наглѣя отмщаетъ,
Надъ злобою возвысилъ рогъ.

Въ той же одѣ Ломоносовъ не прямо благодарить Елисавету за свое назначеніе совѣтникомъ академической канцеляріи:

Правители, судьи внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы съ трепетомъ внимлите:
Сіе глаголетъ вамъ Господь:
Храните праведны заслуи,
И милуйте сиротъ и вдовъ;
Сердцамъ неживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ;
Присягу сохраняйте вѣрно,
Пріязнь къ другимъ нелицемѣрно;
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду,
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Петрову дщерь.

Успѣхи русскаго оружія въ Семилѣтней войнѣ разумѣется должны были найти глашатая въ Ломоносовѣ; но, входя совершенно въ настроеніе духа своей героини, онъ заставляеть Елисавету послѣ побѣдъ молить Бога мира о мирѣ:

Парящей слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мвишь, что ты великъ?
Еще ли смотри на рокъ Саксоновъ,
Всеобщимъ датедемъ законовъ
Слывешь въ желаніи своемъ?
Лишенный собственныя власти,
Еще ли стремишься въ буйной страсти
Вселенной наложить яремъ?
Чтобъ жить союзникамъ свободнымъ,
Жалѣя, двинулась войной,

Узрѣвъ растерзанны союзъ,
Наверженны скиптрамъ узъ,
Рекла: какъ злыхъ не укрочу?
Агчѣбъ ихъ свѣта не доставеть:
Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянетъ!
О честь россійскаго народа,
Въ дни наши воиновъ примѣръ,
Что силой перваго похода
Двукратно сопостатовъ стерь! (Солтыковъ)
Тебѣ тотъ лавры уступаетъ,
Кто прочимъ храбро исторгаетъ,
Кто виѣ привыкнулъ побѣждать;
При дверяхъ домъ свой защищая
И крайнѣ силы напрягая,
Не могъ противъ тебя стоять.....
Съ верховъ цвѣтущаго Парнаса,
Смотря на рвеніе сердець,
Мы ждемъ желаемаго гласа:
Еще побѣда и конецъ,
Конецъ губительныя брани!
О Боже, мира Богъ, возстани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
По имени Петровой дщери
Военны запечатая двери,
Питай насъ тишиной твоей!
Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоить свой тлѣнь?
Ещель мы мало утомились
Житейскихъ тягостью бремень?
Возри на плачь осиротѣвшихъ,
Возри на слезы престарѣвшихъ,
Возри на кровь рабовъ твоихъ!
Къ тебѣ, любовь и радость свѣта,
Въ сей день зоветь Елисавета;
Низвергни брань съ концовъ земныхъ!

Когда дни Елисаветы были уже сочтены, когда въ послѣдній разъ праздновалось восшествіе ея на престоль, раздалась послѣдняя ода Ломоносова «дщери Петровой». Въ послѣдній разъ достойнымъ образомъ онъ высказалъ значеніе знаменитаго царствованія, заставивъ Елисавету говорить при восшествіи своемъ на престоль:

На отческій престоль всхожу
Спасти отъ злобы утѣсненныхъ

И щедрой властью покажу
Свой родъ, умножу просвѣщенныхъ.
Моей державы кротка мочь
Отвергнетъ смертной казни почъ,
Владѣть хочу зефира тише.

Вѣрно и очень поэтично выставляетъ здѣсь Ломоносовъ значеніе войны:

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ въ бодрости будила,
Чтобъ въ пѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что въ кругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны снѣтъ
И подъ лѣнивymi листьями
Презрѣнный производить гадъ.
Война плоды свои раститъ,
Героевъ въ мѣръ рождаетъ славныхъ,
Обширныхъ областей есть щитъ,
Могущество крѣпитъ державныхъ.
Воззримъ на древни времена:
Россійска повѣсть тѣмъ полна.

Но если война имѣетъ такое значеніе, то все же мѣръ выше,
и Елисавета

... въ сердцѣ держать сей совѣтъ
Размножить миромъ нашу славу,
И выше, чѣмъ военный звукъ,
Поставить красоту наукъ.

Къ концу царствованія Елисаветы Ломоносовъ окончилъ часть задачи, которую онъ самъ и другіе лучшіе люди представляли священной и славною обязанностію перваго таланта времени; написаны были двѣ первыя пѣсни поэмы «Петръ великій». Вмѣстѣ съ этою обязанностію Ломоносовъ хотѣлъ выполнить и другую — отблагодарить И. И. Шувалова, которому посвятилъ поэму и подъ посвященіемъ подписалъ 1 ноября, день рожденія мецената. Сомнѣніе, будетъ ли окончена поэма, естественно должно было крадываться въ грудь Ломоносова, и потому онъ говоритъ между прочимъ въ посвященіи:

И если въ полѣ семь прекрасномъ и широкомъ
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ,
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родить сыновъ Россія,
Лишь были бъ завсегда защитники такіе,
Каковъ ты промысломъ въ сей день произведешь,
Для счастья наукъ въ отечествѣ рождень.

Въ это время Виргиліева Энеида служила образцомъ или, лучше сказать, правиломъ для эпическихъ поэмъ. Вольтеръ въ своей Генриадѣ заставляетъ героя поэмы, Генриха Наварскаго ѣхать въ Англію, чтобъ рассказать королевѣ Елисаветѣ исторію религіозной борьбы во Франціи, какъ Эней рассказываетъ Дидонѣ о разрушеніи Трои. Неудивительно, что и въ поэмѣ Ломоносова Петръ, претерпѣвши бурю, рассказываетъ соловецкому архимандриту о стрѣлецкихъ бунтахъ. Но у знаменитаго Помора было тутъ еще другое побужденіе: ему хотѣлось привести своего героя на берега родного сѣвернаго моря и вложить въ его уста пророчество о будущемъ великомъ значеніи этого моря:

Тогда плывущимъ Петръ на полночь указалъ,
Въ спокойномъ плаваньи сіи слова сказалъ:
Какая похвала россійскому народу
Судьбой дана пройти покрыту льдами воду!
Хотя тамъ кажется поставленъ плыть предѣлъ,
Но бодрость подають примѣры славныхъ дѣлъ.
Полденный свѣта край обшелъ отважный Гама
И солнца достигъ, что мнила древность храма.
Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ!
Подвигнуты хвалою, исполненны надежды,
Которой лишены пугливые невѣжды,
Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ;
Что въ нихъ произвели болѣзни, голодь, морь.
Иное небо тамъ и новыя свѣтила,
Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитѣ сила.
Бездонной океанъ травой какъ лугъ покрытъ;
Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозить.
Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
Что портить въ жилахъ кровь свирѣпныхъ ядовъ злѣе,
Лишаетъ долгій зной здоровья и ума.
А стужа въ сѣверѣ ничтожить вредъ сама.

Самъ ледъ, что кажется толь грозень и ужасень,
 Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасень.
 Колумбы росскіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
 Межъ льдами новый путь отворятъ на востокъ,
 И наша достигнетъ въ Америку держава.

Сильный умъ, развитой самою многообразною дѣятельностію, не могъ не останавливаться на разныхъ поразительныхъ общественныхъ явленіяхъ, а сильное патріотическое чувство заставляло умъ искать средствъ для устранения зла въ родной странѣ. Этимъ объясняется письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову о размноженіи и сохраненіи російскаго народа, которое должно было быть только первымъ изъ 8 писемъ, относящихся къ разнымъ подобнымъ предметамъ; но къ сожалѣнію до насъ дошло одно это первое письмо. Въ описываемое время въ литературѣ западной Европы шли сильные толки о необходимости умноженія народонаселенія. Это, разумѣется, не могло остаться безъ вліянія на русскіхъ читающихъ людей, тѣмъ болѣе, что въ Россіи эти толки имѣли полную законность: съ начала русской исторіи обширность страны и относительная ничтожность народонаселенія полагали сильное препятствіе общественному развитію и важнымъ государственнымъ мѣрамъ. Екатерина, подъ вліяніемъ взглядовъ, господствовавшихъ въ западной литературѣ и находившихъ сильный отголосокъ въ Россіи, дошла до того, что считала нужнымъ охраненіе магометанства на окраинахъ, ибо эта религія, дозволяя многоженство, способствуетъ усиленію народонаселенія. Ломоносовъ до этого не дошелъ; но готовъ былъ требовать отъ русской церкви чрезвычайныхъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, способствовали размноженію и сохраненію народонаселенія. Для насъ теперь сочиненіе Ломоносова особенно важно по указанію на нѣкоторые обычаи. Такъ Ломоносовъ указываетъ на вредный обычай женить мальчиковъ на взрослыхъ дѣвицахъ, такъ что часто жена могла быть по лѣтамъ матерью мужа; потомъ супружество насильное: ибо гдѣ любви нѣтъ, ненадежно и плодородіе. Для той же цѣли умноженія народонаселенія Ломоносовъ считаетъ нужнымъ разрѣшеніе четвертаго и даже пятаго брака, разрѣшеніе духовенству втораго брака и запрощеніе молодымъ постригаться въ монахи. Очень живо описываетъ Ломоносовъ вредъ отъ невоздержанія

во время заговѣнья и розговѣнья: Паче другихъ временъ пожирають у насъ Масляница и св. Недѣля великое множество народа однимъ только переменнымъ употребленіемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что готовясь къ воздержанію Великаго поста во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частыя похороны доказываютъ то ясно. Разговѣнье тому жъ подобно. Приближается Свѣтлое Христово Воскресеніе, всеобщая христіанская радость; тогда, хотя почти безпрестанно читають и многократно повторяются страсти Господни, однако мысли наши уже на св. Недѣлѣ. Наконецъ заутреню въ полночь начали и обѣдню до свѣту отпѣли. «Христосъ воскрес!» только въ ухахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены. Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри—рвутъ, ломаютъ, валяютъ, опровергають, терзають; тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитыя напитки; тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ, тамъ валяются обнаженные и блудомъ утомленные недавніе строгіе постники. Неоспоримое есть дѣло, что неравное теченіе жизни и круто переменное питаніе тѣла не только вредно человѣку, но и смертоносно, такъ что вышеписанныхъ строгихъ постниковъ, притомъ усердныхъ и ревностныхъ празднолюбцевъ самоубійцами почесть можно».

Немалый ущербъ, по словамъ Ломоносова, причиняется народу убійствами въ дракахъ и отъ разбойниковъ. Драки происходятъ между сосѣдами, особенно между помѣщиками за землю и ничѣмъ кромѣ межеванія, прекратить ихъ нельзя. Какъ самую дѣйствительную мѣру противъ разбойниковъ, Ломоносовъ предлагаетъ укрѣпленіе городовъ, куда бы разбойники не могли пробираться для продажи награбленныхъ вещей. «Многія мѣста есть въ Россіи глухія, на 500 и больше верстъ безъ городовъ, прямыя убѣжища разбойникамъ и всякимъ бѣглымъ и безпаспортнымъ людямъ: примѣромъ служить можетъ лѣсистое пространство около рѣки Велуги, которая на 700 верстъ теченіемъ отъ вершинъ до устья простираясь, не имѣетъ при себѣ ни единого

города. Туда съ Волги укрывается великое множество зимою бурлаковъ, изъ коихъ не малая часть разбойники. Крестьяне содержатъ ихъ во всю зиму за полтину человѣка, а буде онъ что работаетъ, то кормятъ и безъ платы, не спрашивая пашпорта. По такимъ мѣстамъ должно основать и поставить города, давъ знатымъ селамъ гражданскія права, учредить ратуши и воеводства и оградивъ надежными укрѣпленіями и осторожностями отъ разбойниковъ». Ломоносовъ, разумѣется, не могъ пропустить убавки народонаселенія отъ заграничныхъ побѣговъ: «Побѣги бывають болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ. И такъ мнѣ кажется лучше пограничныхъ съ Польшею жителей облегчить податями и снять солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государству. Для расколу много уходитъ російскихъ людей на Ветку: находящихся тамъ бѣглецовъ не можно ли возвратить при нынѣшнемъ военномъ случаѣ? Мѣсто бѣглецовъ за границы удобно наполнить можно приѣмомъ иностранныхъ. Нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время принуждаетъ не только одинокихъ людей, но и цѣлыя разоренныя семейства оставлять свое отечество и искать мѣсть отъ военнаго насильства удаленныхъ. Пространное владѣніе великой нашей монархини въ состояніи вмѣстить въ свое безопасное нѣдро цѣлыя народы и довольствоваться всякими потребамы».

Забавою, отдохновеніемъ отъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ служила Ломоносову его мозаичная фабрика. Въ журналѣ сената 14 ноября 1757 года записано слѣдующее: «Внушенъ былъ канцеляріи академіи наукъ членъ коллежскій совѣтникъ Ломоносовъ и подалъ отъ той канцеляріи доношеніе, при которомъ внесены составленныя имъ, Ломоносовымъ, на его заводахъ мозаичныя живописныя вещи со достоинствомъ отъ академіи. Приказали въ канцелярію академіи наукъ послать указъ, что сенатъ, видя таковыя его во изобрѣтеніи мозаики полезныя успѣхи, ибо та мозаика какъ добротою матерій, такъ крѣпостію и видомъ живописныхъ вещей, по признанію академіи, какъ римской, такъ и другихъ земель, не уступаетъ, гдѣ она въ нѣсколько сотъ лѣтъ едва происходитъ могла, съ удовольствіемъ похваляетъ, и въ канцелярію строеній и въ прочія мѣста, гдѣ публичныя зданія съ украшеніемъ строятся, послать указы, чтобъ

его, Ломоносова, для убранія оныхъ, гдѣ потребно будетъ, мозаикою за надлежащую цѣну призывать».

Неудивительно, что занятія Ломоносова мозаикою подвергались насмѣшкамъ, когда враги его въ стихахъ и прозѣ позволяли себѣ не находить въ немъ никакого достоинства и указывать только на одну извѣстную его слабость и низкое происхожденіе! Для образчика, что позволяли себѣ враги Ломоносова писать противъ него, приведемъ Тредіаковского «Гимнъ пьяной голова»:

Голова въ казнѣ доходы
Уменьшаетъ по вся годѣ;
Пьяницамъ любезный братъ,
Взявши годовой окладъ,
Безполезно прониваетъ
И безпутство причиняетъ.
Не дадутъ когда вина,
Сходить онъ тогда съ ума!
Не напрасно онъ дерзаетъ;
Пользу въ томъ свою считаетъ,
Чтобъ обманствомъ вѣкъ прожить,
Общество чтобъ обольстить
Либо мозаикомъ должнымъ,
Или бисеромъ подложнымъ.
Съ хмѣлю безобразенъ тѣломъ
И всегда въ умѣ незрѣломъ,
Ты, преподло бывъ рождень,
Хоть чинами и почтенъ;
Но безмѣрное шпанство,
Бѣшенство, обманъ и чванство
Всѣхъ когда лишать чиновъ,
Будешь пьяный рыболовъ.

Брань посыпалась на Ломоносова особенно по поводу его шуточного стихотворенія: «Гимнъ бородѣ». Духовенство сочло себя оскорбленнымъ, и синодъ въ мартѣ 1757 года подалъ императрицѣ жалобу на автора «ругательнаго пашквиля». Тредіаковский воспользовался случаемъ и явился съ своими стихотворными и прозаическими пашквилями на Ломоносова. Жалоба синода не имѣла дѣйствія, благодаря конечно Шувалову, и Ломоносовъ заплатилъ Тредіаковскому стихами:

Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль!
Твой мерзкій складъ давно и смѣхъ намъ и печаль:
Печаль, что ты языкъ російскій развращаешь,
А смѣхъ, что ты тѣмъ зломъ затмить достойныхъ чаешь.
Но плюемъ мы на срамъ твоихъ поганыхъ врагъ;
Уже за тридцать лѣтъ ты записной дуракъ.
Давно изгага всѣмъ читать твои синички,
Дорогу некошину, вонючія лисички.
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробинъ, на злость твою взирая, улыбался:
Ученія его, и чести, и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода.

Тредіаковскому досталось не отъ одного Ломоносова. По вліянію духа времени, не могли равнодушно сносить словъ Тредіаковского, что людей, осмѣливающихся ругаться надъ предметами всеобщаго уваженія, дѣльно сжигать въ струбахъ, и явились стихи:

Пронесся слухъ: хотять кого-то будто сечь;
Но время то прошло, чтобъ наше мясо печь.
Спаси, о Боже! насъ отъ звѣрскаго ихъ гнѣва.
Забыли то они, какъ ближнаго любить,
Лишь мыслять, какъ его удобнѣй погубить,
И именемъ Твоимъ стремятся только твердо
По прихотямъ людей разить немилосердо.

Самая легкость побѣды надъ Тредіаковскимъ, особенно въ послѣднемъ случаѣ, когда профессоръ элоквенціи заявилъ себя болѣе, чѣмъ съ смѣшной стороны и не могъ не вызвать защитниковъ Ломоносову, — все это должно было уменьшать раздраженіе. Не то было въ борьбѣ съ Сумароковымъ, который извиль глубже, потому что былъ даровитѣе Тредіаковского. Послѣдній не могъ сильно раздражать, потому что своимъ неуклюжимъ стихомъ возбуждалъ улыбку, оружіе было слишкомъ тупо; Сумароковъ стихомъ своимъ возбуждалъ также улыбку, но улыбка эта относилась не къ нему, а ко врагу его, противъ котораго былъ направленъ стихъ. Сумароковъ писалъ удачныя пародіи на торжественныя оды Ломоносова; Ломоносовъ зналъ, какъ въ глазахъ толпы проигрываетъ предметъ серіозный, высокій, когда ловкая насмѣшка коснулась его формы, и раздражался. Вотъ образчикъ пародіи, или *вздорной* оды, какъ называлъ сумароковскія пародіи Ломоносовъ:

Громъ, молніи и вѣчны льдины,
Моря и озера шумятъ,
Везувій мечеть изъ средины
Въ подсолнечну горящій адъ.
Съ востока вѣчно дымъ восходитъ,
Ужасны облака возводитъ
И тьмою кроетъ горизонтъ.
Ефесь горитъ, Дамаскъ пылаетъ,
Тремя Церберъ гортаньми лаеъ,
Средземный возжигаетъ понтъ.....
Весь ротъ я, Музы, разѣваю
И столько хитро воспѣваю,
Что пѣсни не пойму и самъ.

Раздраженіе между Ломоносовымъ и Сумароковымъ доходило до высшей степени. Сумарокова подавляло ученое значеніе Ломоносова; но онъ не хотѣлъ преклониться предъ этимъ значеніемъ, считая себя не только равнымъ, но и выше Ломоносова по таланту поэтическому; это мнѣніе страшно оскорбляло Ломоносова; но ему приходилось считаться съ Сумароковымъ, который имѣлъ многихъ почитателей, былъ приваемаемъ въ домахъ сильныхъ людей и могъ вредить Ломоносову своими отзывами о немъ. И. И. Шуваловъ стоялъ между двумя огнями: онъ высоко ставилъ Ломоносова, но не могъ принести въ жертву такую литературную знаменитость, такого заслуженнаго писателя, какимъ являлся для современниковъ Сумароковъ. Для Шувалова, разумѣется, было бы всего пріятнѣе, еслибъ Ломоносовъ и Сумароковъ примирились, признали значеніе другъ друга и дѣйствовали бы заодно, какъ, напр. дѣйствовали энциклопедисты во Франціи. Но вотъ какое однажды письмо получилъ Шуваловъ отъ Ломоносова: «Никто въ жизни меня больше не избидилъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т.е. сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, который ничего другого не говоритъ, какъ только всѣхъ бранить, себя хвалить, и бѣдное свое реномичество выше всего человѣческаго знанія ставить. Я забываю всѣ его озлобленія, и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца; только дружитья и обхо-

даться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ крапиву.... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показала я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, несмотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизни защитникъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю; мстить за обиды и не думаю, и только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаетъ онъ пользу отечеству, я по малому таланту также готовъ стараться; а съ такимъ человѣкомъ обхожденіе имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позорить, которыхъ и духу не смыслить. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земскихъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Г. Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздора наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станеть, и радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. Ежели вамъ любезно разпространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти, постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте».

Шуваловъ не могъ гнѣваться на Ломоносова въ слѣдствіе того представленія, какое имѣлъ о немъ и какое выразилъ въ подписи къ его портрету, приложенному къ полному собранію сочиненій Ломоносова 1757 года:

Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ витію,
 Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію,
 Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
 То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ,
 Открылъ природы храмъ богатимъ словомъ Россось
 Примѣръ ихъ остроги въ наукахъ Ломоносовъ.

Изъ этой подписи оказывается, что Шуваловъ не былъ по-этомъ; но значеніе Ломоносова въ исторіи русской науки и литературы указано вѣрно; особенно замѣчательнъ послѣдній стихъ: для русскаго патріота было утѣшительно думать, что способность русскаго народа занять почетное мѣсто среди просвѣщенныхъ народовъ доказана явленіемъ Ломоносова.

При такомъ отношеніи Шувалова къ Ломоносову, послѣднее время царствованія Елисаветы, т. е. *время Шувалова*, было самымъ счастливымъ для Ломоносова. Послѣ этого легко понять, какимъ тяжкимъ ударомъ поразила его смерть Елисаветы. Отъ ея преемника трудно было ожидать добра для Россіи; но по крайней мѣрѣ въ первые дни царствованія Петра III-го не выходило наружу еще ничего такого, что бы могло остановить Ломоносова написать оду на восшествіе на престолъ Петра, и, разумѣется, совѣтъ и уговариванія могли исходить отъ того же Шувалова, также отъ Воронцова. Ода слаба тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Петрѣ, возвышается—гдѣ идетъ рѣчь о Елисаветѣ, которая на первомъ планѣ; Петръ обязанъ всеѣмъ Елисаветѣ, онъ будетъ силенъ только ея благословеніемъ, когда будетъ подражать ей. Елисавета, отходя въ вѣчность, говоритъ Петру:

Владѣй, храни, возвысь народъ,
Моей опасностью спасенный,
Увѣрь всеѣхъ мной благословенный,
Что ты Петровъ и Аннинъ плодъ.

И въ этой одѣ Ломоносовъ высказалъ свою любимую мысль о сѣверномъ пути въ Восточный океанъ:

Тамъ мерзлыми шумить крилами
Отецъ густыхъ снѣговъ борей,
И отворяетъ ходъ межъ льдами,
Давъ волѣ путь въ востокъ твоей;
Чтобъ Хины, Инды и Японы
Подверглись подъ твои законы.

Ломоносовъ не позволилъ себѣ подлаживаться, въ угоду новому императору, подъ такія отношенія, которыя не могъ считать правильными и полезными для Россіи. Онъ не могъ не знать о разладѣ между Петромъ и Екатериною, и однако въ одѣ Петръ Великій, исчисляя заслуги Елисаветы, говоритъ:

Но больше чту сію заслугу,
Что ты, усердствуя къ нему (Петру III),
Достойную дала супругу,
Любезну отчеству всему.

Но очень скоро оказалось, что добрыя желанія неисполнимы. Любопытно, что и относительно Ломоносова высказался тотъ же характеръ Петра III-го, который замѣчается во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. 29 января сенатъ получилъ указъ императора: фарфоровую фабрику, находившуюся въ вѣдомствѣ кабинета, поручить въ вѣдомство коллежскому совѣтнику Ломоносову, а 25 февраля эта фабрика взята отъ Ломоносова опять въ вѣдомство кабинета. Легко понять, какое тяжкое время переживалъ Ломоносовъ въ первую половину 1762 года, онъ, истый русскій человѣкъ, уже очень ясно опредѣлившій свои отношенія къ чуждому элементу; этого тяжелаго положенія нельзя не поставить если не причиною, то въ числѣ причинъ опасной болѣзни, которая продержала его внѣ ученой дѣятельности февраль и мартъ мѣсяцы. 30 іюня, на другой день Петрова дня, именинъ государя, назначено было торжественное засѣданіе академіи; Ломоносовъ долженъ былъ говорить рѣчь; въ концѣ рѣчи, по обычаю, должно было помѣстить похвалу царствующему государю; Ломоносовъ помѣстилъ краткую похвалу въ общихъ, сухихъ выраженіяхъ. Но засѣданія не было: 28 іюня вошла на престолъ Екатерина, и Ломоносовъ написалъ оду, напомнившую лучшія его оды, ибо событіе давало полный просторъ его патриотическому чувству, онъ могъ прославлять государыню, которая:

И отъ презрѣнія избавить
Возлюбленный російскій родъ.....

Ломоносовъ спрашиваетъ:

Слыхаль ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О стыдъ, о странный оборотъ!

Петръ Великій встаетъ изъ гроба и говоритъ:

Я мертвъ терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну

Въ супружество я поручилъ,
Дабы чрезъ то моя Россія
Подъ игомъ области чужія
Лишилась власти, славы, силъ?
На толь, чтобъ всё труды несчетны
И прибрѣтены плоды
Разрушились и были тщетны,
И новы возрасли бѣды?
Натоль воздвигъ я градъ священный,
Дабы врагами населенный
Россіянамъ ужасенъ былъ,
И вмѣсто радостной столицы
Тревожилъ дальняя границы,
Которыя распространилъ?

По поводу судьбы Петра III-го Ломоносовъ дѣлаетъ такое обращение къ державнымъ главамъ:

Услыште, судиѣ земныя
И всѣ державныя главы:
Законы нарушать святыя
Отъ буйности блюдитесь вы
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученемъ, милостью, трудомъ,
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу:
То Богъ благословитъ вашъ домъ.
О коль велико, какъ прославятъ
Монарха вѣрные раби!
О коль опасно, какъ оставятъ
Отъ тѣсноты своей въ скорби!
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру:
Она свирѣности узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ
Твердѣе всякаго щита.

Ломоносовъ не утерпѣлъ чтобъ не сдѣлать обращенія къ иностранцамъ:

А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златя,

Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдямъ дружбу,
Позволила по вѣрѣ службу
Безпреткновенно приносить!
На то ль склонились къ вамъ монархи
И согласились іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?
И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истинны вещей.
Искусство вышше доведомъ,
Что было надъ російскимъ родомъ
Умышлено отъ вашихъ главъ
Къ поправкѣ нашего закона,
Російскаго къ паденю трона,
Къ рушенію вародныхъ правъ.
Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ!
Исчислите тѣмъ сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и не чужихъ предѣлахъ,
И у святаго алтаря.

Говорятъ, что въ первое время царствованія Екатерины, отличавшееся особенною щедростію на награды и деньгами и чинами, первый русскій писатель былъ забытъ, быть можетъ не безъ намѣренія, какъ старинный почитатель ненавистныхъ государынѣ Шуваловыхъ. На это замѣтимъ, что щедро были награждены только люди болѣе или менѣе участвовавшіе въ переворотѣ. Но не включая Ломоносова въ число этихъ лицъ, Екатерина не могла позволить себѣ выразить свое неудовольствіе противъ перваго писателя, противъ знаменитаго патріота, въ то время какъ всѣми силами старались придать перевороту патріотическое значеніе. Очень можетъ быть, что отношенія Ломоносова къ Шуваловымъ не нравились, ибо въ этихъ отношеніяхъ нельзя было не признавать заслуги Шувалова, его права на славу, на вѣчную славу, а это признаніе было неприятно; но — тамъ

были очень умны, тамъ». и остерегались высказывать подобныя непріятныя чувства; знали, напримѣръ, что Шуваловъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Вольтеромъ; но вмѣсто того, чтобъ сердиться на Вольтера, поспѣшили сблизиться съ нимъ. Другое дѣло Разумовскій, Тепловъ и подобные имъ господа: они могли мстить Ломоносову за то, что онъ въ послѣднее время, вопреки имъ и благодаря Шувалову, получилъ первенствующее значеніе въ академіи; они могли съ наслажденіемъ сейчасъ же поднять Тауберта надъ Ломоносовымъ, дать первому чинъ статскаго совѣтника, могли съ удовольствіемъ говорить дурное про Ломоносова при императрицѣ или вовсе не говорить, что вѣрнѣе вело къ цѣли. Но и при такихъ обстоятельствахъ, и въ такое хлопотливое для Екатерины время, мы видимъ, что она исполняетъ желанія Ломоносова. 8 іюля 1762 года въ журналѣ сената записано: по указу ея императорскаго величества, по представленію Ломоносова объ успѣхахъ находящагося при мозаичномъ дѣлѣ Гамбурца Цилха, дать ему чинъ коллежскаго регистратора. Милость важная — сдѣлать чиновникомъ мастерового, ибо этотъ мастеровой былъ братъ жены Ломоносова.

Но Ломоносовъ не могъ равнодушно перенести возвышенія Тауберта надъ нимъ, и здѣсь нельзя видѣть одного оскорбленнаго честолюбія; въ возвышеніи Тауберта надъ собою онъ видѣлъ знакъ паденія того, за что ратовалъ во все продолженіе своей академической службы. Ломоносовъ опять заболѣлъ, и въ упадкѣ нравственныхъ и физическихъ силъ рѣшился оставить службу; но по своей природѣ онъ не могъ этого сдѣлать молча, и въ прошеніи на имя императрицы высказалъ все, что у него лежало на сердцѣ: «Въ службѣ вашего императорскаго величества состоя тридцать одинъ годъ, обращался я въ наукахъ со всякимъ возможнымъ раченіемъ и въ нихъ приобрѣлъ толь великое знаніе, что по свидѣтельству разныхъ академій и великихъ людей ученыхъ принесъ я ими знатную славу отечеству во всемъ ученомъ свѣтѣ, чему показать могу подлинныя свидѣтельства. И таковымъ ученіемъ, одами, публичными рѣчьми и диссертациями пользовалъ и украшалъ я вашу академію передъ всѣмъ свѣтомъ двадцать лѣтъ. 2) Моими сочиненіями стиль російскій несравненно вычистился передъ прежнимъ и много способнѣе сталъ къ выраженію идей трудныхъ, въ чемъ свидѣтельствуешь общая

апробація моихъ сочиненій и во всякихъ письмахъ употребляемая изъ нихъ слова и выраженія, что къ просвѣщенію народа много служить. 3) Присутствуя въ канцеляріи академіи членомъ, отправлялъ я должность мою по положеннымъ на меня департаментамъ со всякимъ раченіемъ такъ, что гимназія, университетъ и географическій департаментъ пришли во много лучшее передъ прежнимъ состояніе. 4) Помянутою моею ревностною и вѣрною службою и многими трудами пришло мое здоровье въ великую слабость, и частый ломъ въ ногахъ и раны не допускаютъ меня больше къ исправленію должности, такъ что прошлой зимы и весны лежалъ я 12 недѣль въ смертной постели и нынѣ тяжело боленъ. 5) Не взирая на мои вышеупомянутые труды и ревностную и безпорочную службу для приращенія наукъ въ отечествѣ близъ 12 лѣтъ въ одномъ чинѣ, оставленъ я произвожденіемъ и обойденъ многими меня младшими въ статскихъ чинахъ, которымъ при семъ реестрѣ сообщается, и тѣмъ приведенъ въ великое уныніе, которое болѣзнь мою сильно умножаетъ. И дабы благоволено было сіе мое прошеніе принять и меня для вышепомянутой болѣзни уволить отъ службы вашего императорскаго величества вовсе; а за понесенные мною сверхъ моей профессіи труды и для того что я многократно многими въ произвожденіи младшими безъ всякой моей прослуги обойденъ, наградить меня произвожденіемъ въ статскіе дѣйствительные совѣтники съ ежегодною пенсіею по 1800 рублевъ по мою смерть». Намъ нельзя съ улыбкою отзываться о чиновлюбіи знаменитаго ученаго. Всякое явленіе объясняется изъ положенія страны, общества въ извѣстное время. Если въ извѣстной странѣ всѣ ходятъ вооруженные — вѣрный знакъ, что тамъ нѣтъ общественной безопасности; въ описываемое время въ Россіи значительный чинъ былъ тотъ же револьверъ, необходимый для извѣстной безопасности. Ломоносовъ вполнѣ объясняетъ, почему ему и собратіямъ его нужны были чины: знаменитый, но безчиновный ученый долженъ былъ дожидаться въ передней у Тенлова и толкаться вмѣстѣ съ подъячими въ канцеляріи. Отъ этого и ученые иностранные, сколько-нибудь извѣстные, отвѣчали отказомъ на приглашенія академіи.

На просьбу Ломоносова отвѣта не было. Отложить докладъ по ней было легко: императрица уѣзжала въ Москву на коро-

націю и пребыла тамъ долго, при чемъ не было недостатка въ большихъ заботахъ и неприятностяхъ. Разумовскій былъ силенъ и не могъ забыть, какъ во время его президентства громче всѣхъ раздавался голосъ Ломоносова о беспорядкахъ въ академіи, какъ съ небольшимъ за шесть мѣсяцевъ до смерти Елисаветы въ самомъ сенатѣ повторены были обычныя жалобы Ломоносова на эти беспорядки, которые приписаны, изъ учтивости, долгому отсутствію президента изъ Петербурга и рѣшено было ходатайствовать о назначеніи ему товарища. 5 іюля 1761 года правительствующій сенатъ имѣли разсужденіе о состояніи здѣшней академіи наукъ и нашли, что она, получая на содержаніе свое изъ штатсъ-конторы превеликую денежную сумму, чрезъ толь долгое время не приноситъ никакой пользы государству: не имѣеть по сіе время довольнаго числа изъ російскихъ людей профессоровъ, адъюнктовъ, переводчиковъ и студентовъ; что студенты и ученики академическіе, по причинѣ недостатка нужныхъ для ученія ихъ профессоровъ и за нечтеніемъ лекцій напрасно теряютъ свои лѣта и казенную сумму; что выписанные чужестранные профессеры отъ слабаго надъ ними смотрѣнія по контрактамъ не читаютъ лекцій и напрасно получаютъ великое жалованье, да уже и въ контрактахъ своихъ выписываемые изъ иностранныхъ земель профессеры включаютъ, чтобъ имъ лекцій не читать, а дѣлать бы только диссертациі, кои можно доставить и за малыя деньги или получать отъ почетныхъ академіи членовъ; что художества при академіи въ худомъ состояніи и изъ російскихъ людей по сіе время хорошихъ мастеровъ нѣтъ; что библіотека въ превеликомъ беспорядкѣ и не имѣеть весьма многихъ нужныхъ для академіи книгъ, хотя на приращеніе оныя ежегодно дается довольная денежная сумма; что кунсткамера никакого приращенія не имѣеть; что во всѣхъ оныхъ департаментахъ беспорядокъ, бесполезность и напрасная трата казенной суммѣ; что многія при академіи должности, которыя бы могли російскими подданными быть отправляемы, иностраннымъ поручаются съ большимъ жалованіемъ, и что сіе не отъ чего иного происходитъ, какъ отъ того, что академіи президентъ, находясь въ долговременномъ отсутствіи, не можетъ самъ своею особою надсматривать, а члены, коимъ онъ въ отсутствіи своемъ поручилъ надъ академіею смотрѣніе, вмѣсто надлежащаго отпра-

ленія своея должности и равнодушнаго (т. е. покойнаго, безпристрастнаго) объ академіи попеченія, непрестанно ссорясь и изъ одного несогласія выводя другое, одинъ другому въ полезныхъ предпріятіяхъ препятствуютъ и, стараясь одинъ передъ другимъ преимуществовать, возбудили себѣ отъ всѣхъ своихъ подкомандныхъ презрѣніе, такъ что многіе изъ профессоровъ, презирая членовъ, не дѣлаютъ никакого уваженія посылаемымъ изъ канцеляріи о дѣлахъ къ пользѣ служащихъ ордерамъ, и какъ по онымъ не чинятъ исполненія, такъ и по заключеннымъ съ академіею контрактамъ не поступаютъ, и наконецъ несогласіемъ своимъ до того довели, что прав. сенатъ, по причинѣ президентскаго отсутствія, принужденъ былъ дѣла академическія брать въ свое разсмотрѣніе, что нигдѣ и ни въ чемъ она не наблюдаетъ ни мало экономіи; сумма, опредѣленная на содержаніе академіи, 53,000 слишкомъ рублей и при томъ также получаемая великая сумма отъ книжной лавки не только вся исходитъ, но еще сверхъ того на всякія починки и строенія академическія всегда особливныя суммы академіею отъ правительствующаго сената требуются, а книжная лавка никогда должнымъ порядкомъ не считается, и куда деньги употребляются, о томъ ревизіонъ-коллегія не знаетъ. Того ради правительствующій сенатъ опредѣлилъ ея императорскому величеству поднести докладъ, не соблаговолитъ ли указать для лучшаго распорядка при академіи быть гофмаршалу двора великаго князя камергеру графу Головкину, котораго правительствующій сенатъ признаетъ къ тому способнымъ, смотря по его наукамъ, а когда президентъ сюда прибудетъ, то Головкину быть при немъ товарищемъ.

Теперь уже никто не назначалъ товарища Разумовскому, хотя по прежнему не онъ управлялъ академіею. Ломоносовъ продолжалъ болѣть; но это положеніе его не стѣсняло его враговъ. Разумовскій подписалъ предложеніе взять изъ-подъ его вѣдѣнія географическій департаментъ. Большой левъ не далъ себя лягнуть; онъ подалъ въ академическую канцелярію представленіе: «Мое о новомъ россійскомъ атласѣ раченіе не токмо географическому департаменту и академической канцеляріи, но и правительствующему сенату довольно извѣстно, ибо 1) моимъ хожденіемъ истребованы отъ сената указы, во всѣ города россійскаго государства разосланные съ запросами географическими

и получаютъ довольные отвѣты. 2) Получено отъ сената позволеніе и опредѣлены требованныя вспоможенія для географическихъ экспедицій по моему жъ представленію. 3) Изъ камеръ-коллегии востребованы и присылаются реестры душъ мужеска полу для великой надобности къ сочиненію російскаго атласа моимъ же стараніемъ. 4) Сочинено 9 російскихъ ландкартъ къ новому російскому атласу подъ мою же дирекцію. 5) Геодезисты и студенты географическаго департамента, кои прежде ландкарты только копировали, нынѣ же уже сами отъ себя ихъ сочиняютъ чрезъ мое попеченіе. 6) Сочинена экстрактомъ топографія тѣхъ городовъ, изъ коихъ присланы довольные отвѣты подъ моимъ стараніемъ. Въмѣсто награжденія за неусыпное мое о географическомъ департаментѣ стараніе и успѣхи вижу себѣ горестное наказаніе, ибо что можетъ быть несноснѣе, какъ моимъ раченіемъ исходатайствованные и расположенные къ полезному успѣху способы видѣть отъ меня по ложнымъ причинамъ отнятые съ поношеніемъ за благодареніе! Ломоносовъ удержалъ за собою географическій департаментъ.

Несмотря на ослабленіе силъ, Ломоносовъ не переставалъ заботиться объ академической гимназій, и о томъ, чтобъ русскимъ ученымъ даны были всѣ средства заниматься наукою, просилъ прибавить по 12 рублей на содержаніе гимназиста: «ей, писалъ онъ, по нынѣшней дороговизнѣ 36 рублями содержать невозможно». Просилъ о доступности для профессора Попова обсерваторію, также для адъюкта Красильникова, геодезистовъ и студентовъ: «ибо она для того и построена, чтобы пользоваться природнымъ Россіянамъ къ пользѣ отечества». Къ этому же времени относится любопытныя для исторіи русскаго просвѣщенія записка Ломоносова о трудахъ его по академическому университету и гимназій. «По врученіи ему, Ломоносову, въ единственное смотрѣніе университета соединилъ онъ студентовъ въ общежитіи, снабдивъ довольнымъ столомъ, приличнымъ платьемъ и прочими надобностями; учредилъ порядочныя лекціи и издавалъ ихъ каталоги, какъ въ университетахъ ведется. Въ гимназій хотя не мало было гимназистовъ, однако въ весьма бѣдномъ и безполезномъ состояніи, затѣмъ что: 1) жалованье имъ давалось въ руки, которое брали себѣ ихъ родители или свойственники и держали больше на себя, нежели на школьни-

ковъ, такъ что въ школы приходили въ бѣдныхъ рубищахъ, претерпѣвали наготу и стужу и стыдно было ихъ показать постороннимъ людямъ. Притомъ же нища ихъ была весьма бѣдная и единъ иногда хлѣбъ съ водою. Въ такихъ обстоятельствахъ наука мало шла имъ въ голову. 2) Да и времени имъ къ тому не было, затѣмъ что дома должны были служить отцу и матери для бѣдности, и въ гимназію ходя по дальнему разстоянію, теряли лучшіе часы и всегда случай имѣли рѣзвиться и отъ школъ отгуливать. И такъ не дивно, что чрезъ семь лѣтъ не было произведено изъ гимназіи въ университетскіе студенты ни единого человѣка. Но послѣ порученія оной гимназіи совѣтнику Ломоносову въ единственное смотрѣніе, всѣ оныя неудобства отвращены и пресѣчены, ибо гимназисты соединены, какъ и студенты, въ общежитіе, снабжены приличною одеждою и общимъ довольнымъ столомъ по мѣрѣ опредѣленнаго имъ жалованья; не теряютъ времени ни ходьбою на дома, ни службою родителямъ, ниже заочною рѣзвостію, будучи у инспектора гимназіи и у нарочныхъ надзирателей передъ глазами въ одномъ домѣ».

Только весной 1763 года въ Москвѣ узнали или начали думать о просьбѣ Ломоносова. 23 апрѣля императрица писала Олсуфьеву: «Я чаю Ломоносовъ бѣденъ; стоворитесь съ гетманомъ, не можноть ему пенсіонъ дать и скажи мнѣ отвѣтъ». 2 мая данъ былъ именной указъ сенату о вѣчной отставкѣ Ломоносова съ оставленіемъ по смерти половиннаго жалованья и съ производствомъ въ статскіе совѣтники; но 13 мая указъ былъ вытребованъ назадъ изъ сената, по какимъ побужденіямъ — неизвѣстно. Быть можетъ успѣли внушить, что причиною просьбы Ломоносова объ отставкѣ была не болѣзнь, но неудовольствіе, обида, что нельзя жертвовать Ломоносовымъ какому-нибудь Тауберту. Трудно было не поразиться мыслию, что въ академіи уже не будетъ болѣе Ломоносова; употреблялись всѣ усилія, чтобъ вызвать знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ въ академію, и въ то же время лишали академію своей признанной знаменитости! У современниковъ была привычка дурно отзываться объ академіи, говорить, что она наполнена иностранцами, бесполезна для Россіи; повторяли обыкновенно слова Ломоносова и забывали о самомъ Ломоносовѣ, забывали, что въ академіи находится

русскій ученый, который одинъ стоитъ многихъ и многихъ другихъ и котораго знаменитая дѣятельность тѣсно, неразрывно была соединена съ академію. Ломоносовъ безъ академіи, академія безъ Ломоносова были немислимы. Ломоносова оставили въ академіи, и въ концѣ года дали ему чинъ статскаго совѣтника и назначили жалованья 1875 рублей.

Въ это время академія спѣшила изданіемъ въ свѣтъ «Древней Россійской Исторіи» Ломоносова, заказанной ему, какъ мы видѣли, Шуваловымъ. Понятно, что Шуваловъ и современные ему лучшіе русскіе люди хотѣли имѣть русскую исторію, написанную достойнымъ образомъ, и при этомъ не могли не обратить взоровъ на перваго писателя времени, съ такимъ успѣхомъ испробовавшаго свои силы на разныхъ поприщахъ. Ломоносовъ не родился историкомъ, не былъ приготовленъ къ занятію исторіею, какъ наукою вообще, тѣмъ менѣе къ занятію русскою исторіею, которая и для него, какъ для всѣхъ его современниковъ, была доступна менѣе всѣхъ другихъ знаній. Историческая наука была только въ зародышѣ на западѣ. Въ Россіи задачу историка поставили, повидимому, просто, разумѣя краснорѣчивое описаніе дѣяній предковъ. Ломоносовъ говоритъ: «Всякъ кто увидитъ въ россійскихъ преданіяхъ равныя дѣла и героевъ, греческимъ и римскимъ подобныхъ, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ; но только вину полагать долженъ на бывшій нашъ недостатокъ въ искусствѣ, каковымъ греческіе и латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности». Не сознавалось, что историческое изложеніе находится въ полной зависимости отъ научнаго, философскаго и политическаго пониманія описываемаго, какъ у историка, такъ и у цѣлаго народа, въ зависимости отъ научнаго и политическаго развитія этого народа, отъ его характера и способностей, отъ всего строя его жизни; хотѣли (и долго потомъ продолжали хотѣть и даже теперь хотятъ) отдѣлать отъ всего этого такъ называемое краснорѣчивое, художественное изложеніе, которое само по себѣ имѣло будто бы возможность дать жизнь и красоту историческимъ лицамъ и событіямъ,—и получали пышную, ходульную и мертвую фразу, въ которой не было ни образа, ни подобія древней жизни.

Не имѣя возможности изучить вполне русскую исторію, Ломоносовъ, разумѣется, не могъ уяснить себѣ ея хода, характера главныхъ явленій, опредѣляющихъ эпохи; поэтому онъ не могъ представить никакой системы и удовольствовался, какъ выражается самъ, «нѣкоторымъ общимъ подобіемъ въ порядкѣ дѣяній россійскихъ съ римскими, гдѣ находятъ владѣніе первыхъ королей соотвѣтствующее числомъ лѣтъ и государей самодержавству первыхъ самовластныхъ великихъ князей россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разные княженія и на вольные города, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство кесарей представляетъ согласнымъ самодержавству государей московскихъ».

Но ясность смысла, какую обладалъ отецъ русской науки, видна и въ самомъ слабомъ его сочиненіи, именно въ рѣшеніи нѣкоторыхъ частныхъ приготовительныхъ вопросовъ. Напримѣръ онъ говоритъ: «Славяне и Чудь по нашимъ, Сарматы и Скиѣи по ви́шнимъ писателямъ, были древніе обитатели въ Россіи. Единородство Славянъ съ Сарматами, Чуди со Скиѣями для многихъ ясныхъ доказательствъ неоспоримо. Имя Скиѣи по старому греческому произношенію со словомъ Чудь весьма согласно; не происходитъ отъ греческаго и безъ сомнѣнія отъ Славянъ взято». О составленіи народовъ встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: «Сихъ народовъ, положившихъ по разной мѣрѣ участіе свое въ составленіи Россіянъ, должно пріобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе, дабы увидать оныхъ древность, и сколь много ихъ дѣла до нашихъ предковъ и до насъ касаются. Разсуждая о разныхъ племенахъ, составившихъ Россію, никто не можетъ почестъ ей въ уничтоженіе. Ибо ни о единомъ языкѣ утвердить невозможно, чтобъ онъ сначала стоялъ самъ собою безъ всякаго примѣшенія. Большую часть оныхъ видимъ военными сноскоиствами, преселеніями и странствованіями въ такомъ между собою сплетеніи, что разсмотрѣть почти невозможно, коему народу дать вѣщее преимущество».

Послѣ такихъ любопытныхъ и правильныхъ замѣчаній тѣмъ непріятнѣе для читателя перейти къ разсказу Ломоносова о событіяхъ русской исторіи. Въ расположеніи извѣстій оставлена нетронутую безсвязность лѣтописца; но простота и характери-

стическія черты времени, отличающія лѣтописный разсказъ, исчезли подъ цвѣтами новѣйшаго краснорѣчія, подъ странными опредѣленіями и объясненіями; нѣкоторыя извѣстія лѣтописца, въ слѣдствіе ходульной постановки, совершенно затемнены. По поводу призванія троихъ князей братьевъ и занятія ими трехъ разныхъ областей, Ломоносовъ говоритъ: «Такимъ образомъ по единой крови и по общей пользѣ согласные между собою государи въ разныхъ мѣстахъ утвердись, шатающіеся разномысленныхъ народовъ члены крѣпкимъ союзомъ единодушнаго правленія связали. *Роптати пріобыкшіе Новгородцы* страшились Синеусова вспоможенія Рюрику; ибо онъ обладалъ сильнымъ бѣлозерскимъ чудскимъ народомъ, называемымъ Весью. Труворъ, пребывая въ близости прежняго жилища, скоро могъ поднять Варяговъ къ собственному и братій своихъ защищенію. И такъ имѣя отовсюду взаимную подпору, неспокойныхъ головъ, которыя на избраніе Рюриково не соглашались, принудили къ молчанію и къ оказанію совершенной покорности, такъ что хотя Синеусъ по двулѣтномъ княженіи скончался, и Труворъ послѣ того жилъ недолго, однако Рюрикъ въ Великій Новгородъ преселился и надъ Волховымъ обновилъ городъ».

Битва Ольгина войска съ Древлянами, въ которой маленькій Святославъ началъ дѣло, описывается такъ: «Для вящшаго ободренія своихъ войскъ пріемлетъ (Ольга) въ участіе военачальства сына своего Святослава, *младостію и бодростію процвѣтающаго*. Пришедшихъ на Искорость встрѣтили Древляне вооруженною рукою; и какъ обѣихъ сторонъ полки сошлись къ сраженію, Святославъ кинулъ копьѣ въ неприятели, и пробилъ тѣмъ коня сквозь уши». (Въ лѣтовисѣ: «сунуль копьемъ Святославъ на Древлянъ, и копьѣ пролетѣло между ушами коня, ударило въ ноги коню, потому что Святославъ былъ ребенокъ»). Разсказъ о крещеніи Владиміра начинается словами: «Примѣтили во Владимірѣ окрестные народы богопочитательный духъ древняго законодавца римскаго Нумы». Ломоносовъ довелъ свою російскую исторію до смерти Ярослава I.

Но во время печатанія «Російской исторіи» Ломоносовъ издалъ «Первыя основанія металлургіи или рудныхъ дѣлъ» и чрезвычайно усердно занимался предпріятіемъ, которое постоянно лежало у него на сердцѣ, и отъ котораго онъ ждалъ великой

славы и пользы для Россіи. Въ день рожденія великаго князя Павла Петровича, 20 сентября 1763 года Ломоносовъ поднесъ ему, какъ генераль-адмиралу, сочиненіе свое: «Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію». Въ посвященіи Ломоносовъ говорилъ: «Сѣверный океанъ есть пространное поле, гдѣ подъ вашего императорскаго высочества правленіемъ усугубиться можетъ россійская слава, соединенная съ непримѣрною пользою, чрезъ изобрѣтеніе восточно-сѣвернаго мореплаванія въ Индію и Америку». Сочиненіе достигло цѣли: въ маѣ 1764 года состоялось высочайшее повелѣніе о снаряженіи экспедиціи, какъ видно въ слѣдствіе особеннаго старанія графа Ивана Чернышева, патріотизмомъ котораго такъ восхищался Порошинъ. Несмотря на двукратную неудачу экспедиціи, отправлявшейся уже по смерти Ломоносова, вопросъ воскресаетъ въ наше время и вмѣстѣ воскресаетъ память о горячемъ участіи въ немъ знаменитаго Помора.

Въ 1764 году замѣтно вообще особенно милостивое расположеніе императрицы къ Ломоносову: можетъ быть это явленіе совпадаетъ съ неловкимъ положеніемъ при дворѣ Разумовскаго въ слѣдствіе извѣстныхъ малороссійскихъ событій. Въ 48 номерѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей читали слѣдующее извѣстіе: «Монаршее благоволеніе къ наукамъ и художествамъ есть нѣкоторое божественное одушевленіе оныхъ. Снисхожденіе величества подобно живительной силѣ, которую благорастворенный воздухъ вливаетъ въ животныя и произрастающія отъ нѣдръ земныхъ творенія. Таковымъ несравненнымъ и въ самыхъ издавна благоустроенныхъ народахъ рѣдко слыханнымъ примѣрамъ предшествовалъ въ Россіи безсмертная памяти государь Петръ Великій, посѣщая не токмо знатныя ученые общества, но и частныя дома въ наукахъ и художествахъ людей искусныхъ и рачительныхъ. Таковымъ прехвальнымъ подражаніемъ ему послѣдуетъ достойная дѣль его преемница, всемилостивѣйшая самодержица наша». Послѣ этого вступленія слѣдуетъ извѣстіе, что 7 іюня, въ четвертомъ часу пополудни, императрица пріѣзжала въ домъ къ Ломоносову съ нѣкоторыми знатнѣйшими придворными особами, смотрѣла производимыя Ломоносовымъ работы мозаичнаго художества для монумента Петра Великаго, также и

новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты. Екатерина уѣхала въ концѣ шестого часа.

Очень вѣроятно, что такое выраженіе особенной милости императрицы помогло вскорѣ послѣ этого Ломоносову одержать побѣду надъ своимъ соперникомъ Таубертомъ. Послѣдній купилъ изъ академическихъ доходовъ отъ книжной продажи домъ Строгановыхъ для помѣщенія книжныхъ складовъ, анатомическаго театра, типографскихъ служителей, гравера и т. п. Но инспекторъ академической гимназіи представилъ въ канцелярію, что домъ, гдѣ помѣщается гимназія, никуда негодится по своей ветхости: «Учители, говорилось въ представленіи, въ зимнее время даютъ лекціи въ классахъ, одѣвшись въ шубу, разминаясь вдоль и поперекъ по классу, а ученики, не снабженные теплымъ платьемъ, не имѣя свободы встать съ своихъ мѣстъ, дрогнуть и заболѣваютъ и принуждены бываютъ оставить хожденіе въ классы. Чего ради не дивно, ежели успѣхи ученическіе не соотвѣтствуютъ приложенному старанію учителей». Ломоносовъ немедленно представилъ объ отдачѣ подѣ гимназію вновь купленнаго строгановскаго дома, доказывая, что книжный торгъ и ремесла до академіи не принадлежать, а между тѣмъ изъ восьми занимаемыхъ ею домовъ не находится ни одного подѣ помѣщеніемъ университета и гимназіи, «которые два департамента суть наинужнѣйшіе къ приращенію наукъ въ отечествѣ, откуда не токмо сама академія должна производить природныхъ своихъ членовъ, но и во все государство своихъ юристовъ, медиковъ, аптекарей, металлурговъ, механиковъ, астрономовъ, коихъ всѣхъ принуждена и понынѣ Россія заимствовать изъ другихъ земель не безъ нареканія нашему народу». Президентъ велѣлъ отдать строгановскій домъ подѣ университетъ и гимназію «для прописанныхъ въ представленіи г. статскаго совѣтника Ломоносова резоновъ».

Любопытно, что въ то время, какъ императрица оказывала знаки своей милости Ломоносову, въ запискахъ Порошина мы не встрѣчаемъ ни разу, чтобъ знаменитѣйшій русскій ученый и писатель былъ приглашенъ къ наслѣднику престола, тогда какъ нерѣдко приглашался соперникъ Ломоносова—Сумароковъ. Предлоги къ такому исключенію, разумѣется, могли быть найдены;

но можно находить и причину въ томъ, что человѣкъ, завѣдывавшій воспитаніемъ великаго князя, не могъ преодолѣть нерасположенія своего къ знаменитости, такъ близкой къ Шуваловымъ и Воронцовымъ. Какъ видно великій князь получилъ нѣкоторыя внушенія противъ Ломоносова; это видно изъ слѣдующихъ строкъ въ запискахъ Порошина: «Разговорились мы (съ великимъ княземъ) о г. Ломоносовѣ и о г. Сумароковѣ, и потомъ вообще о людяхъ ученыхъ. Говорилъ я его высочеству, какъ принимать ихъ и какое почтеніе отдавать имъ должно для ободренія наукъ и покровительства. При семъ и то разсужденіе кстати пришло, что о людяхъ никогда вдругъ по наружному ихъ виду разсуждать и о достоинствахъ ихъ судить не должно». Порошинъ, по своему направленію, разумѣется не пропускалъ случая внушать своему воспитанику уваженіе къ Ломоносову. «Пришло мнѣ, говоритъ онъ, не знаю какъ-то въ голову изъ Ломоносова похвальнаго слова государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ то мѣсто, гдѣ написано: «Ты едина истинная наследница, ты дочь моего просвѣтителя» (слова сіи прибѣгнувшая Россія говоритъ государынѣ). И какъ я это выговорилъ, то его высочество смѣючись изволилъ сказать: *это конечно уже изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова*. Хотя онъ сіе и шутя сказать изволилъ, однако же говорилъ я ему на то: «желательно, милостивый государь, чтобы много такихъ дураковъ у насъ было. А вамъ, мнѣ кажется, неприлично такимъ образомъ о такомъ россіянинѣ отзываться, который не только здѣсь, но и во всей Европѣ ученіемъ своимъ славенъ. Вы великій князь россійскій. Надобно вамъ быть и покровителемъ музъ россійскихъ. Какое для молодыхъ учащихся Россіянъ будетъ ободреніе, когда они примѣтятъ или услышатъ, что уже человѣкъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ, пренебрегается? Чего имъ тогда ожидать останется, изъ которыхъ природа конечно немногихъ Ломоносовыми сдѣлала? Правда, что Ломоносовъ имѣетъ многихъ завистниковъ; но сіе самое доказываетъ его достоинство. Великія дарованія всегда возбуждаютъ зависть. До того испорчено человѣческое сердце, что по большей части хулятъ такихъ, которые хвалы достойны, а хвалятъ такихъ, которые хулу заслуживаютъ. Немного такихъ людей, чтобы всѣмъ отдавали справедливость».

Въ самомъ началѣ 1765 года сенатъ слушалъ донесеніе Ломоносова, что мозаическая картина полтавской баталіи, назначавшаяся для надгробнаго памятника Петру Великому въ Петропавловскомъ соборѣ, готова и съ рамою, и что сумма, на нее отпущенная изъ казны, издержана и Ломоносовъ затратилъ свои деньги. Сенатъ рѣшилъ осмотрѣть картину, и по осмотрѣ нашелъ, что «картина изрядствомъ мозаичной работы, пристойно изобрѣтеннымъ изображеніемъ, равно и рѣдкостью можетъ быть употреблена для украшенія монумента по надлежащемъ въ исправности рисунка и въ чемъ бы еще потребно было исправленіи, толь наипаче, что по собственному его, Ломоносова, объявленію то сдѣлано быть можетъ». Планъ монумента сенатъ рѣшилъ передать Бецкому на разсмотрѣніе архитекторовъ; рѣшилъ также выдать Ломоносову затраченныя имъ деньги 999 рублей.

Это извѣстіе послѣднее: 4 апрѣля, въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ Ломоносовъ скончался. Густая толпа народа проводила гробъ его въ Невскій монастырь. Въ бумагахъ Ломоносова осталась собственноручная записка, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: «За то терплю, что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобъ выучились Россіяне, чтобы показали свое достоинство. Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалуютъ»¹⁴⁷. Порошинъ рассказываетъ о впечатлѣніи какое произвела вѣсть о смерти Ломоносова на великаго князя Павла Петровича, который несмотря на приведенное выше замѣчаніе, сдѣланное ему Порошинымъ, повторилъ прежнюю шутку: «Что о дуракѣ жалѣть, казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ». Ребенокъ забылъ замѣчаніе наставника, что о людяхъ, подобныхъ Ломоносову, негодится употреблять бранныхъ словъ, даже придавая имъ противоположный смыслъ; но въ настоящемъ случаѣ былъ любопытенъ цѣлый отзывъ, который великій князь отъ кого-нибудь да слышалъ, что Ломоносовъ перебралъ много денегъ у казны и ничего не сдѣлалъ, т.-е. относительно мозаики.—Далѣе Порошинъ рассказываетъ, что пріѣхалъ законоучитель, архимандритъ Платонъ, пошла опять рѣчь о Ломоносовѣ: Платонъ жалѣлъ о его кончинѣ, возбуждая такое же сожалѣніе и въ великомъ князѣ.

Не долго пережилъ Ломоносова русскій сочленъ его по академіи, имя котораго часто печальнымъ образомъ соединяется съ

его именемъ, Тредіаковскій. Положеніе Тредіаковскаго было незавидное и прежде, какъ мы видѣли, и въ описываемое время ухудшалось все болѣе и болѣе. Причина заключалась въ несоотвѣтствіи его дарованій и заслугъ съ тѣмъ мнѣніемъ, какое онъ самъ имѣлъ о своихъ дарованіяхъ и заслугахъ. Потомство не станетъ отрицать его заслугъ, его трудолюбія, пользы его переводовъ для своего, да и для позднѣйшаго времени, признаетъ правильность нѣкоторыхъ его мыслей, даже найдетъ у него значительное количество сносныхъ стиховъ; и еслибы Тредіаковскій удовольствовался значеніемъ недаровитаго, но трудолюбиваго ученаго, неутомимаго переводчика неоспоримо полезныхъ книгъ, то думаемъ, что и современники не отказали бы ему въ своемъ уваженіи. Но Тредіаковскій, при своихъ небольшихъ средствахъ, хотѣлъ играть роль первостепенную, хотѣлъ имѣть значеніе первокласнаго ученаго и писателя, и видя что этого значенія достигнуть ему невозможно, сталъ терзаться завистью къ людямъ, достигшимъ этого значенія, сталъ искать случаевъ высказывать всякими средствами свое раздраженіе противъ нихъ. Борьба была неравная; враги не были великодушны, они задавили слабого Тредіаковскаго своими насмѣшками, отдали его на позоръ толпѣ, и Тредіаковскій все болѣе и болѣе поникалъ во мнѣніи общества даже въ то время, когда люди, приглядывавшіеся къ явленіямъ на западѣ, считали долгомъ порядочнаго человѣка уважать ученаго, писателя.

Мы видѣли, какъ въ царствованіе Анны поступилъ съ Тредіаковскимъ Вольтеръ, раздраженный насмѣшливыми стихами его; но и въ царствованіе Елисаветы, несмотря на смягченіе правовъ и на иныя отношенія къ литературѣ и писателямъ, Тредіаковскій подвергся сильнымъ непріятностямъ, какимъ не подвергался ни одинъ изъ его товарищей, опять за подметный пасквиль, и подвергся непріятностямъ именно потому, что оскорбленный могъ свободно излить свою желчь на человѣка, который не пользовался уваженіемъ. Въ 1755 году Тредіаковскій подкинулъ пасквиль на президента академіи, на Мюллера и другихъ иностранныхъ ея членовъ, на Сумарокова; но болѣе всего досталось Теплому. Насъ непріятно поражаютъ страстныя выходки тогдашнихъ дѣятелей науки и литературы; но выходки эти происходили въ явной борьбѣ; а тутъ былъ подметный

пасквиль, и конечно такое средство борьбы не могло усилить уваженія къ Тредіаковскому. Тепловъ написалъ жалобу, въ которой доказывалъ, что пасквиль сочиненъ именно Тредіаковскимъ. «Въ многорѣчїи своемъ, пишетъ Тепловъ, которое есть истинное Тредіаковскаго, по всей пьесѣ отъ начала до конца, онъ столь особливъ же, что едва ли можно въ родѣ человѣческомъ быть другому Тредіаковскому. Школьныя фигуры риторическія онъ употребляетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и не кстати, и почти непрерывно, которыми и сію пьесу начинилъ. Эпитеты его обыкновенныя, репетиція безпрестанная, амплификація также, за которую отъ многихъ уже бить не единожды. Шутки въ словахъ, которыя у него за *bon mot* приемяются, неизбѣжны во всѣхъ его сочиненіяхъ, а и въ сей его пьесѣ суть такія же, напримѣръ: трикъ, тракъ, трекъ и на фра, фре, фри, система чесноколуцкая, съ копылье сбился авторъ и проч... На всякаго сочинителя толкъ безбожія наводитъ изъ маловажныхъ словъ: и то же самое въ семъ пасквилѣ находится по многимъ страницамъ. На г. полковника Сумарокова писалъ критику и подалъ въ синодъ доношеніе, а въ академію извѣтъ: въ той же силѣ изблевалъ свой ядъ и въ сей скаредной подметной тетрадкѣ неоднократно. Про себя говоритъ, что онъ за то ненавидимъ, что грековѣрь, и Ролленовъ переводъ для того не печатается, что въ немъ добродѣтель предпочтена порокамъ. Тому уже болѣе года, какъ Тредіаковскій почалъ жалобы и письменныя, и словесныя разносить, что онъ изнуренъ трудами, оставя въ Астрахани домъ и не безприбыльный садъ виноградный, странствуетъ для наукъ; Роллена вторично перевелъ и остается безъ награжденія. Но потому, что служба его всегда состояла въ негодномъ и стыдѣ академіи приносящемъ трудъ, т. е. въ гнусномъ стихосложеніи, въ пусторѣчїи латыни, а къ тому въ переводѣ Роллена, который имъ еще въ Невскомъ монастырѣ прежде профессорства его окончить; въ сочиненіи псалмовъ Давидовыхъ нескладными и безразумными стихами; въ сложеніи Θεопты, и ко всѣмъ симъ негоднымъ и неприличнымъ для академіи трудамъ въ приписаніи нелѣпыхъ предисловія, то все сіе удерживаемо было, кромѣ Ролленова переводу, и не допускаемо въ печать для убѣжанія стыда академіи». Тредіаковскій клялся, что не онъ сочинилъ пасквиль; но его клятвамъ не вѣрили.

«Сіе подозрѣніе, говоритъ Тредіаковскій, толь мнѣ дорого стало, что едва я себя съ отчаянія добровольной не предалъ смерти. Да и какъ было терпѣть! Г. Тепловъ, призваннаго меня въ домъ его графскаго сіятельства (Разумовскаго), не обличивъ и не доказавъ ни чѣмъ, да и не чѣмъ пустымъ, ругаль какъ хотѣлъ м..... и грозилъ шпагою заколотъ. Тщетная моя была тогда словесная жалоба: и какъ я на другой день принесъ письменное прошеніе его графскому сіятельству, то одинъ изъ лакеевъ, увидѣвъ меня въ прихожей, сказалъ мнѣ, что меня пускать въ камеры не велѣно. А понеже я съ природы не имѣю нахальства, смѣю похвалиться, то услышавъ такое запрещеніе отъ лакея, тотчасъ вонъ побѣжалъ, чтобъ скорѣе уйти домой, и съ собой унести свой стыдъ, а о прошеніи уже моемъ, хотя и законномъ, позабылъ я помышлять».

Прошеніе подалъ онъ въ академію не прямо на Теплова, а на Мюллера, за то, что тотъ помѣстилъ въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ стихи Сумарокова о беззаконной любви, также гимнъ въ прославленіе «прескверной изъ богинь б....., которой имя Венера» и проч. «Отъ наглости и гордости его (Мюллера) виситъ безъ сомнѣнія надъ нами, академиками, множество напастей. Сіи два его порока суть подобны вихрю: они станутъ нашимъ согласіемъ кутить и мутить; они, чтобъ изъяснить себѣ лучше, производятъ между нами будутъ раздоры. Прошу мнѣ безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣрить, что лишимся мы всѣ нашего покоя, когда вы за благо не разсудите сію, сошедшуюся надъ нашими головами бурю отогнать и усмирить предосторожно и ревностно. Самъ же я не могу ѣздить къ его сіятельству г. президенту и не могу представлять ни словесно, ни письменно: ибо совѣтникъ Тепловъ, живущій въ его домѣ, и нынѣ чрезмѣрнымъ пренебніемъ весьма доброжелательствующій похабственному Мюллеру, котораго за нѣсколько лѣтъ ненавидѣлъ крайне,—Тепловъ, говорю, ругаль меня поносными бранями безъ всякаго права» и проч.

Такъ всюду Тредіаковскій трудился чтобъ подконать всякое уваженіе къ себѣ, и когда онъ объявилъ, что будетъ въ 1757 году диктовать студентамъ правила краснорѣчія и толковать Горація, то канцелярія академіи постановила представить президенту объ увольненіи Тредіаковскаго отъ лекцій, и опре-

дѣленіи его исключительно къ переводамъ, или если уже допустить его до преподаванія, то развѣ поручить толкованіе древней и новой исторіи, что онъ можетъ дѣлать и на русскомъ языкѣ. Такое рѣшеніе понятно; у всякаго былъ готовъ вопросъ: какъ можетъ преподавать краснорѣчіе челоѣкъ, пишущій какъ Тредіаковскій? Къ несчастію для Тредіаковского многіе и многіе въ словахъ Теплова, что служба Тредіаковского всегда состояла въ негодномъ и стыдѣ академіи приносящемъ трудѣ, не видали преувеличенія, не видали только бранчивой выходки раздраженнаго челоѣка.

Но Тредіаковскій былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что у него отняли должность профессора элоквенціи, которою онъ такъ гордился. Онъ пересталъ ходить въ академію, и когда въ слѣдующемъ году президентъ велѣлъ потребовать отъ него объясненія причинъ этого нехожденія, то Тредіаковскій отвѣчалъ длинною жалобою: «Невидимый въ лице, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, оуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще и во нравахъ оглашаемый, все жъ то или по злобѣ, или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы, или наконецъ его собственной потребности, чтобъ употребляющаго меня праведно и съ твердымъ основаніемъ и въ окончаніяхъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ цѣлыхъ, всемѣрно низвергнуть въ пропасть безславія, всеконечно уже изнемогъ я въ силахъ къ бодрствованію: чего ради и настала мнѣ нужда уединиться». Тредіаковскій объявлялъ, что несмотря на болѣзнь, онъ продолжаетъ переводъ Роллена и сочинилъ три большія диссертациі: первую о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ, вторую о родоначаліи Россовъ, третью о Варягахъ Руссахъ словенскаго званія, рода и языка. Но этимъ не удовольствовались и потребовали, чтобъ онъ ходилъ въ академію и должность свою отправлялъ по прежнему, иначе не будетъ получать жалованья. Тогда Тредіаковскій подалъ просьбу объ отставкѣ и получилъ ее въ 1759 году, продолжая однако называться членомъ академіи. Такъ назвался онъ и при изданіи знаменитой «Тилемахиды», вышедшей въ 1766 году. Тредіаковскій умеръ въ 1769 году, и уже по смерти его изданы упомянутыя подъ 1758 годомъ три историческія диссертациі, подъ

заглавіемъ: «Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ». Вопросъ о происхожденіи Варяговъ Руси Тредіаковскій разрѣшаетъ такъ, что Варяги суть «предварители» (отъ варюю, предваряю), т.-е. аборигены, а Русь—ружане померанскіе. Такимъ образомъ впервые было научно высказано знаменитое мнѣніе о рюгенскомъ отечествѣ Рюрика, мнѣніе, котораго такъ сильно держатся поборники славянскаго происхожденія Варяговъ-Руси, хотя при этомъ стараются прикрывать себя болѣе славнымъ именемъ Ломоносова; но Ломоносовъ выводилъ Рюрика изъ Пруссіи, а Пруссовъ дѣлалъ Славянами ¹⁴⁸.

Поборникъ противнаго мнѣнія о происхожденіи Варяговъ-Руси, Мюллеръ былъ послѣднія пять лѣтъ царствованія Елисаветы заваленъ трудами, не относившимися къ главному его занятію—русскою исторіей. Въ сентябрѣ 1762 года онъ писалъ: «Здѣсь мой Опытъ Новой Русской Исторіи не встрѣтилъ вовсе благосклоннаго отзыва, почему я долженъ былъ отложить его въ ожиданіи лучшихъ временъ, что мнѣ легко при большомъ запасѣ архивныхъ рукописей. Теперь, кажется, наступило благоприятное время, потому что ея императорское величество, нынѣшняя всемилостивѣйшая государыня наша, высказываетъ милостивое удовольствіе къ моимъ трудамъ. Жаль только, что у меня слишкомъ много другихъ академическихъ занятій. Протоколы засѣданій, внѣшняя и внутренняя переписка, изданія въ свѣтъ Комментарій и русскаго журнала (Ежемѣсячныя сочиненія), надъ которыми я, не имѣя помощниковъ, работаю осьмой уже годъ, отнимаютъ у меня чрезвычайно много времени, а между тѣмъ силы меня покидаютъ, и я едва въ состояніи выносить работу до 12 и до часу ночи. Историкъ страны, о которой еще такъ мало писано, долженъ быть занятъ одною этою работою».

Этотъ «Опытъ Новой Русской Исторіи», о которомъ говоритъ здѣсь Мюллеръ, представляетъ замѣчательный трудъ; на немъ мы должны остановиться. *Опытъ* начинается съ правленія Бориса Годунова. Причину, почему сочиненіе начато съ этого времени, авторъ объясняетъ такъ: «Труды покойнаго тайнаго совѣтника Татищева извѣстны не только въ Россіи, но и за границу. Хотя сочиненная имъ русская исторія еще не издана: однако кто не пожелаетъ видѣть ее напечатанною? Его тридцатилѣтнее прилежаніе заслуживаетъ, чтобъ воздали ему эту

справедливость. Татищевъ заблагоразсудилъ окончить свою исторію смертію царя Θεодора Іоанновича, какъ послѣдняго изъ варяжской династіи. Миѣ показалось приличнымъ начать тамъ, гдѣ онъ кончилъ, и такимъ образомъ довершить зданіе российской исторіи». Въ началѣ разсказа о событіяхъ насъ останавливаетъ опредѣленіе характера Бориса Годунова, потому что это опредѣленіе надолго осталось въ русской исторіи. «Борисъ Годуновъ, по остротѣ ума и необыкновенному искусству въ дѣлахъ правленія, долженъ быть включенъ въ число величайшихъ людей своего времени. Но его нравственный характеръ не соответствовалъ достоинствамъ умственнымъ, отъ чего и происходитъ, что объ немъ обыкновенно слышится мало хорошаго.... Борисъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые для достиженія верховной власти считаютъ все средства позволенными.... Это былъ другой Сеиъ, и различенъ отъ послѣдняго только тѣмъ, что не было Тиверія, который могъ бы покарать его злодѣянія». Произносилъ этотъ общій приговоръ, Мюллеръ, однако, не позволилъ себѣ быть неразборчивымъ относительно всѣхъ извѣстій о преступленіяхъ Годунова, встрѣчаемыхъ у разныхъ писателей, особенно иностранныхъ: онъ подвергаетъ эти извѣстія критикѣ и отвергаетъ тѣ изъ нихъ, которыя ея не выдерживаютъ. Съ такою же осторожностію поступаетъ Мюллеръ и относительно другихъ извѣстій, передаваемыхъ иностранными писателями, внесшими въ свои сочиненія все, что слышали, безъ разбору; заслуга Мюллера, какъ критика, видна особенно изъ того, что послѣдующіе писатели уже только соображаются съ его приговорами. Вообще, какъ легко замѣтить, Мюллеровъ «Опытъ Новой Русской Исторіи» послужилъ для позднѣйшихъ писателей образцомъ при изображеніи тѣхъ же временъ: характеръ Годунова, характеръ его правленія, рѣшеніе вопроса о происхожденіи самозванца, выведенное изъ критическаго разсмотрѣнія иностранныхъ извѣстій, опредѣленіе характера Лжедмитріева,—все это перешло изъ книги Мюллера и въ сочиненія первой половины XIX вѣка.

Въ 1765 году послѣдовала перемѣна въ судьбѣ Мюллера: онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ получилъ мѣсто главнаго надзирателя (директора) воспитательнаго дома: общае, данное ему Панинымъ и Бецкимъ, поручить ему современемъ въ завѣды-

ваніе московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ служило важнымъ побужденіемъ для Мюллера къ такой перемѣнѣ рода службы.

Еще въ 1762 году Мюллеръ выписалъ себѣ помощника: то былъ Августъ Людвигъ Шлёцеръ.

Германская наука въ первой половинѣ XVIII вѣка дала русской наукѣ, для обработки русской исторіи, двухъ ученыхъ: Байера и Мюллера. Байеръ явился въ Россію уже ученымъ пріобрѣтшимъ извѣстность; но поприще его здѣсь не было продолжительно, а незнаніе языка русскаго позволяло ему касаться только немногихъ вопросовъ, при рѣшеніи которыхъ онъ могъ довольствоваться одними иностранными языками. Мюллеръ пріѣхалъ въ Россію 20-ти лѣтъ, и всѣ силы своей долгой молодости посвятилъ Россіи: отъ береговъ Невы до береговъ Амура, въ архивѣ московскомъ и въ областныхъ архивахъ по сю и по ту сторону Уральскаго хребта, неутомимый Мюллеръ черпалъ извѣстія о судьбахъ необозримой страны, такъ недавно еще открытой для Европы, собиралъ, сводилъ матеріалы, непрерывно развлекаемый вопросами, сыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ; архивариусъ, профессоръ, академикъ, исторіографъ, путешественникъ, географъ, статистикъ, журналистъ, Мюллеръ былъ неутомимымъ работникомъ при громадной, тяжело, медленно двигающейся машинѣ русской цивилизаціи. Мюллеръ работалъ неутомимо надъ отысканіемъ, собираніемъ и разработкою матеріаловъ изъ разныхъ эпохъ русской исторіи, для объясненія той или другой стороны въ настоящей жизни русскаго народа; а между тѣмъ въ его старомъ отечествѣ, въ Германіи, наука шла впередъ; и когда утомленный Мюллеръ потребовалъ у Германіи себѣ помощника, который бы трудился подобно ему, содѣйствовалъ ему въ отыскваніи и собираніи матеріаловъ, въ приведеніи ихъ въ порядокъ, въ составленіи каталоговъ, — Германія выслала ему Шлёдера, представителя новой науки. Мюллеръ не понималъ уже, чего хотѣлъ Шлёцеръ; требованія Мюллера Шлёцеръ считалъ странными, унижительными для себя, и двое ученыхъ, хотѣвшіе жить и дѣйствовать вмѣстѣ, скоро растолкнулись двумя враждебными силами, изъ которыхъ одна называется *старымъ*, а другая *новымъ*.

Шлёцеръ, родившійся въ 1735 году, лишился отца, сельскаго пастора на пятомъ году жизни, и ранняя нужда закалила характеръ безпомощнаго сироты, который самъ долженъ былъ пробивать себѣ дорогу въ жизни. Десятилѣтнимъ ребенкомъ онъ уже сталъ давать уроки, и когда все вокругъ его уже спало, маленькій Шлёцеръ сидѣлъ надъ мелкимъ шрифтомъ изданій классиковъ и приобрѣлъ навсегда сильную близорукость. Въ Геттингенскомъ университетѣ Шлёцеръ встрѣтилъ профессора, начинавшаго своимъ преподаваніемъ новую эпоху въ исторической наукѣ: то былъ знаменитый Михаелисъ, который, при изученіи еврейскихъ древностей, впервые началъ требовать критики текста, изслѣдованія точнаго значенія словъ, знакомства съ родственными еврейскому языкамъ, съ обычаями Востока и его поэзіею. Подъ вліяніемъ чтеній Михаелиса опредѣлился навсегда характеръ ученой дѣятельности Шлёцера. Онъ издѣтства питалъ страсть къ путешествіямъ; чтеніе Михаелиса дало опредѣленную цѣль пламеннымъ мечтамъ молодого человѣка и путешествіе на библейскій Востокъ сдѣлалось завѣтною думою Шлёцера, наполнившею всю его молодость.

Но такое далекое путешествіе и въ то время было невозможно безъ значительныхъ средствъ, которыхъ у Шлёцера не было. Надобно было прежде накопить денегъ. Шлёцеръ ѣдетъ домашнимъ учителемъ въ Швецію, становится корреспондентомъ политической газеты, что сильно развиваетъ въ немъ любовь къ политикѣ; занимается въ купеческой конторѣ, пишетъ книги: «Исторію торговли и мореплаванія»; «Біографіи знаменитыхъ шведскихъ людей»; «Исторію шведской литтературы».

Въ декабрѣ 1760 года геттингенскій профессоръ Бюшингъ вызванъ былъ въ Петербургъ для занятія мѣста пастора при тамошней нѣмецкой церкви св. Петра. При этомъ случаѣ Бюшингъ получилъ просьбу отъ своего родственника и друга Мюллера прислать ему помощника для ученыхъ занятій и вмѣстѣ домашняго учителя. Бюшингъ обратился съ этою просьбой къ Михаелису, и тотъ, зная задушевную мысль Шлёцера, предложилъ мѣсто ему: Михаелисъ представлялъ Шлёцеру, что изъ Россіи онъ можетъ ѣхать на Востокъ, и новость пути придастъ этой поѣздкѣ большой интересъ; путешествіе можетъ быть совершено покойнѣе и безопаснѣе: безъ сомнѣнія, русская академія,

а можетъ быть и само правительство, будутъ ему покровительствовать.—«Совершить далекое путешествіе, имѣя въ виду еще дальнѣйшее—кого больше меня могло прельстить подобное предложеніе? говоритъ самъ Шлѣцеръ. Предложеніе Мюллера быть у него домашнимъ учителемъ за сто рублей въ годъ считалъ я для себя столь же мало унижительнымъ, какъ мало унижительнымъ считалъ для себя въ романахъ молодой маркизъ находиться въ услуженіи у отца своей возлюбленной дамы». Но здѣсь уже видимъ мы начало тѣхъ недоразумѣній, которыя необходимо должны были повести къ столкновеніямъ между Мюллеромъ и Шлѣцеромъ: Мюллеръ вызывалъ студента, домашняго учителя, который долженъ былъ также помогать ему въ ученыхъ занятіяхъ, дѣлать то, что онъ ему укажетъ, и который будетъ въ восторгѣ, если со временемъ Мюллеру удастся пристроить его какъ-нибудь къ академіи. Но Шлѣцеръ не считалъ себя студентомъ; онъ гордился обширнымъ ученнымъ приготовленіемъ, какого въ его глазахъ не имѣлъ Мюллеръ и его ровестники; Шлѣцеръ считалъ себя уже извѣстнымъ писателемъ, котораго знали и уважали ученые знаменитости Германіи; онъ смотрѣлъ на мѣсто у Мюллера какъ на средство для достиженія своей завѣтной цѣли; видѣлъ, что условія для него унижительны, а между тѣмъ принималъ ихъ.

Шлѣцеръ въ Петербургѣ, у Мюллера, который имѣлъ большой каменный домъ на Васильевскомъ островѣ, на набережной; въ домѣ все обличало не роскошь, но довольство; у Мюллера былъ хорошій нѣмецкій столъ, былъ свой экипажъ. Самъ Мюллеръ имѣвшій 36 лѣтъ отъ роду, во время первой встрѣчи съ Шлѣцеромъ (въ 1761 году), былъ очень красивый мужчина, поразительно высокаго роста и крѣпости. Правственный характеръ Мюллера Шлѣцеръ описываетъ такъ: «Это былъ остроумный, находчивый человѣкъ; изъ маленькихъ его глазъ выглядывалъ сатиръ. Въ образѣ мыслей его было какое-то величіе, справедливость, благородство. Горой стоялъ онъ за честь Россіи, несмотря на то, что тогда держали его еще въ черномъ тѣлѣ; въ сужденіяхъ о правительствѣ былъ чрезвычайно воздерженъ. Достоинства Мюллера не были какъ должно оцѣнены, потому что, вопервыхъ, онъ не могъ пресмыкаться; вовторыхъ, ему чрезвычайно много вредила по службѣ его горячность. Онъ на-

жилъ себѣ множество враговъ между товарищами отъ властолюбія, между подчиненными—отъ жесткости въ обращеніи. Будучи самъ неутомимо трудолюбивъ и точенъ во всемъ, требоваль и отъ другихъ обоихъ этихъ качествъ въ одинакой степени.

Расположившись у Мюллера, Шлёцеръ задалъ себѣ задачу—изучить русскую исторію по источникамъ, читать лѣтописи, для чего нужно было предварительное изученіе русскаго и церковно-славянскаго языка. Шлёцеръ признается, что русскій языкъ достался ему гораздо труднѣе, чѣмъ всѣ пятнадцать языковъ, которые онъ изучалъ прежде; но ему помогала «охота за корнями», какъ онъ выражается: зная сто корней въ какомъ-нибудь языкѣ, Шлёцеръ уже легко усваиваль себѣ 400 производныхъ словъ, и изъ десяти коренныхъ словъ почти всегда девять было такихъ, какія можно было найти и въ другомъ какомъ-нибудь языкѣ. Время словопроизводствъ, основанныхъ на одномъ только ви́шнемъ сходствѣ звуковъ,—словопроизводствъ, которыми прославились Рудбекъ за границею, Тредіаковскій у насъ, проходило; сравнительная этимологія только-что начиналась. Мюллеръ смѣялся надъ Рудбекомъ, и не имѣлъ понятія о тѣхъ способахъ словопроизводства и словосравненія, которыя употребляль Шлёцеръ, и удивлялся, какъ самъ прежде не замѣтилъ, что Славянинъ идею нахождения выражаетъ точно также какъ Римлянинъ: *in-venio na-um*. Шлёцеръ приставаль къ Мюллеру съ вопросомъ: что означаютъ вообще русскія окончанія—*ость, тель, ивъ, шій*; тотъ не понималь вопроса, потому что, говорить Шлёцеръ, въ его студенческіе годы еще не существовала философія языка.

Когда успѣшныя занятія русскимъ и церковно-славянскимъ языкомъ дали Шлёцеру возможность заглянуть въ русскія лѣтописи, то ученая алчность его была возбуждена въ высшей степени: передъ нимъ было нетронутое поле, которое онъ первый долженъ былъ обработать; другіе, по своимъ ученымъ средствамъ, не въ состояніи этого сдѣлать; онъ одинъ имѣеть возможность получить честь перваго издателя, перваго объяснителя лѣтописей народа, перваго по своему могуществу въ Европѣ (таково было представленіе о русскомъ народѣ послѣ Семилѣтней войны!).

Страсть къ занятіямъ и умѣнье заниматься, обнаруженный Шлёцеромъ, заставили Мюллера еще въ 1762 году толковать о помѣщеніи своего домашняго учителя въ академію въ качествѣ адъюнкта. Но каково же было его удивленіе, когда вмѣсто выраженія благодарности, онъ услыхалъ отъ Шлецера отвѣтъ, что это мѣсто низко для него. Шлёцеръ такъ рассуждалъ о своихъ достоинствахъ: «Я долженъ былъ заниматься русскими лѣтописями, критикою ихъ. Что были за люди, которые славились тогда своими познаніями въ русской исторіи? Люди безъ всякаго ученаго образованія, люди, которые читали только свои лѣтописи, не зная, что въ Россіи существовала исторія. Но я, по крайней мѣрѣ, былъ ученый критикъ, четыре года учился въ школѣ Геснера, Михаелиса, Ире; я былъ въ этомъ отношеніи единственный человекъ въ Россіи; я уже съ 1755 года былъ авторомъ, и мои сочиненія не подверглись ни одной неблагоклонной рецензіи. Большая часть тогдашнихъ членовъ санкт-петербургской академіи конечно не могла стыдиться моего товарищества». Адъюнктъ получалъ триста рублей жалованья: Шлёцеръ объявилъ, что и жалованья этого для него мало. Мюллеръ возражалъ: «Я началъ съ двумястами рублей». Шлёцеръ отвѣчалъ: «Вы начали на двадцатомъ году жизни, а мнѣ ужъ скоро будетъ 27 лѣтъ; я уже давно началъ и не на русскія деньги». Мюллеръ предполагалъ, что Шлёцеръ, имѣя въ виду заниматься русскою исторіей, дастъ обязательство не оставлять никогда русской службы, потому что ученому, занимающемуся русскою исторіей, могутъ быть ввѣрены государственныя тайны, и нельзя потомъ позволить ему уѣхать за границу и обнародовать ихъ; Мюллеръ самъ былъ связанъ такимъ обязательствомъ. Но Шлёцеръ не хотѣлъ заключать съ академіею и обычнаго контракта съ условіемъ оставаться въ ней пять лѣтъ. Къ причинамъ отказа должна была присоединяться и та, что адъюнктская должность предполагала зависимость отъ Мюллера въ ученыхъ занятіяхъ, а Шлёцеръ, считавшій себя выше Мюллера, не хотѣлъ подчиниться его руководству.

Мюллеръ разсердился на упряма, не хотѣвшаго, по его мнѣнію, собственнаго счастья, и, говоря съ нимъ въ послѣдній разъ объ адъюнктствѣ въ академіи, кончилъ такъ: «Ну такъ ничего не остается больше вамъ дѣлать, какъ съ первымъ кораблемъ отпра-

виться назадъ въ Германію». Шлёцеръ, у котораго была погребенность поспорить съ Мюллеромъ, призналъ эти слова неблаго-родными, несправедливыми. Шлёцеру не хотѣлось такъ рано уѣхать изъ Россіи, ибо въ такомъ случаѣ пребываніе его въ Россіи не окупалось; капиталъ, скопленный для восточнаго путешествія, не увеличился. Шлёцеръ нашелъ въ Россіи кладъ—лѣтописи, изданіемъ которыхъ въ Германіи онъ могъ приобрести большую ученую извѣстность; но для полного приготовленія къ этому дѣлу надобно было еще остаться въ Россіи. Шлёцеръ обратился къ могущественному Тауберту, и тотъ устроилъ ему мѣсто адъюкта при академіи на *неопредѣленное* время и помѣстилъ его учителемъ при дѣтяхъ президента графа Разумовскаго на всемъ готовомъ содержаніи. При этомъ понадобился Мюллеръ: онъ написалъ президенту академіи просьбу о назначеніи Шлёцера адъюнктомъ для занятій русскою исторіей, расхваливъ своего кандидата какъ нельзя больше. Шлёцеръ страшно разсердился на Мюллера, какъ онъ смѣлъ сказать, что выписалъ на свой счетъ его изъ Гёттингена! Но главная вина Мюллера состояла въ томъ, что въ своей просьбѣ онъ представилъ Шлёцера, какъ молодого человѣка, который подъ его руководствомъ долженъ заниматься изданіемъ собранныхъ имъ историческихъ и географическихъ извѣстій о Россіи. Шлёцеръ успѣшилъ показать Мюллеру, какъ онъ будетъ заниматься подъ его руководствомъ. Послѣ присяги въ академической канцеляріи Шлёцеръ съ Мюллеромъ поѣхали вмѣстѣ домой, и дорогою старикъ началъ говорить: «Ну вотъ теперь вы начнете свои адъюнктскія занятія, прежде всего составите реестръ къ послѣднему тому Русскаго Историческаго Сборника (Sammlung russischer Geschichte)». Шлёцеръ отвѣчалъ: «Составлять реестры слишкомъ унизительно для адъюкта императорской академіи». Съ этихъ поръ Мюллеръ не беспокоилъ болѣе Шлёцера, и тотъ могъ заниматься русскою исторіей совершенно независимо. Результатомъ этихъ занятій былъ выводъ, что для успѣшнаго занятія русскими лѣтописями необходимо изученіе византійской литературы и славянскихъ нарѣчій.

Но кромѣ этихъ занятій источниками русской исторіи, занятій важныхъ, потому что впервые производились чисто научнымъ способомъ, мы не можемъ оставить безъ вниманія и другой дѣ-

тельности Шлёцера, педагогической. Мы видѣли, что Шлёцеръ, благодаря Тауберту, получилъ мѣсто домашняго учителя при дѣтяхъ графа Разумовскаго. Графъ Кирилла, говоритъ Шлёцеръ, былъ хорошій человѣкъ, и потому хотѣлъ дать сыновьямъ своимъ хорошее воспитаніе; въ средствахъ не было недостатка, потому что онъ получалъ 600,000 годового дохода. Но главное препятствіе къ хорошему воспитанію гетманскихъ дѣтей представляла маменька: тогда какой-то ученый человѣкъ присовѣтовала отцу удалить дѣтей отъ маменьки, не высылая ихъ изъ Петербурга. Совѣтъ былъ принятъ, наняли большой домъ на Васильевскомъ островѣ, въ 10 линіи, и здѣсь поселились трое молодыхъ графовъ Разумовскихъ: Алексѣй, Петръ и Андрей, да еще три мальчика—Тепловъ, Олсуфьевъ и Козловъ. Гувернеромъ при дѣтяхъ былъ Бурбье, французскій лакей, но образованный лакей, умѣвшій писать по-французски безъ ошибокъ, потому что много читалъ. При немъ были три учителя, жившіе въ домѣ, и двое изъ нихъ адъюнкты академіи — Румовскій математикъ и Шлёцеръ; другіе учителя прѣзжали давать уроки. Содержаніе института стоило графу ежегодно 10,000 рублей, и содержался онъ великолѣпно, по словамъ Шлёцера. Общій планъ преподаванія составленъ былъ безъ Шлёцера и онъ не нашелъ въ немъ—географіи! Шлёцеръ потребовалъ немедленно географіи отъ Тауберта, инспектора института; мало того, онъ представилъ необходимость другой науки, необходимость *познанія отечества*: такъ онъ назвалъ русскую статистику. Первый урокъ начался вопросами: «Какъ велика Россія сравнительно съ Германіею и Голландіею? Что такое юстиць-коллегія? Какимъ товаромъ производитъ торговлю русскій человѣкъ? Откуда получаетъ онъ свое золото и серебро?» Понятно, что самъ учитель только тутъ началъ заниматься статистикою Россіи, и при добываніи свѣдѣній съ нимъ случилось слѣдующее происшествіе: осенью 1763 года спросилъ онъ въ одной купеческой компаніи, почему нынѣшнею весною вывезено было пеньки гораздо менѣе, чѣмъ прежде, и означилъ цифру вывоза; тутъ одинъ маклеръ отвелъ его въ сторону и просилъ не давать впередъ подобныхъ вопросовъ и не обнаруживать такихъ опасныхъ знаній: «Васъ могутъ принудить, сказалъ онъ, объявить, отъ кого вы получили это извѣстіе, и вы сдѣлаете черезъ это человѣка несчаст-

нымъ». Сначала Шлёцеръ преподавалъ своимъ воспитанникамъ русскую статистику по иностраннымъ, исполненнымъ ошибокъ, источникамъ; но скоро Таубертъ, по знакомству съ президентами и членами коллегій, началъ доставлять ему официальные источники, изъ которыхъ Шлёцеръ дѣлалъ извлеченія, потомъ о каждомъ предметѣ составлялъ маленькія рукописныя книжки и раздавалъ ихъ своимъ воспитанникамъ; на книжкахъ была надпись: «à l'usage de l'Académie de la X ligne» (для употребленія въ академіи X-й линіи, т.-е. Васильевского острова). Русская географія явилась въ такомъ же маленькомъ форматѣ и быстро распространилась; многіе домашніе учителя списывали ее, по ней преподавалась русская географія и въ академической гимназіи. Всеобщую исторію преподавали сначала по учебнику Cugas съ вопросами и отвѣтами, переведенному на русскій языкъ съ прибавкою русской исторіи; но Шлёцеръ не хотѣлъ преподавать по этому учебнику, началъ составлять свой, и при этомъ составленіи попалъ на тѣ мысли, которыя послѣ развивалъ на лекціяхъ въ Гёттингенѣ. Въ Петербургѣ, приравливаясь къ потребностямъ русскихъ учениковъ своихъ, Шлёцеръ пришелъ къ мысли, что надобно ввести въ исторію цѣлые народы, едва прежде извѣстные въ ней по имени: калмыки или монголы, думалъ онъ, потрясавшіе вселенную, гораздо важнѣе Ассирійцевъ или Лонгобардовъ. Но если, по мнѣнію Шлёцера, для русскихъ учениковъ важнѣе было знать подробности монгольской исторіи, чѣмъ лонгобардской, то зачѣмъ же онъ послѣ перенесъ это уваженіе къ монголамъ въ Гёттингенъ, гдѣ преподавалъ Нѣмцамъ, для которыхъ конечно подробности лонгобардской исторіи были важнѣе подробностей монгольской. Это объясняется изъ матеріальности стремленій Шлёцера: въ исторіи своей онъ поражается только матеріальнымъ величіемъ, пренебрегая проявленіями духовныхъ силъ человѣка и народовъ: въ его глазахъ Мильтиадъ—деревенскій староста въ сравненіи съ Аттилою или Тамерланомъ; гёттингенскіе слушатели Шлёцера помнятъ, какъ горячо защищалъ онъ съ каѳедры права вышней жизни или матеріальные интересы противъ духовныхъ требованій. Мы конечно не можемъ сочувствовать этому взгляду Шлёцера; мы очень хорошо знаемъ, что для счастья и спокойствія человѣческихъ обществъ матеріальныя стремленія должны быть сдержи-

ваемы, а не защищаемы, не поощряемы, ибо они всегда и вездѣ могущественно обнаруживаются безо всякой защиты и поощренія; мы знаемъ, что они должны быть поставлены въ служебное отношеніе къ духовнымъ требованіямъ; въ исторіи мы видимъ осязательно истину священнаго изреченія: «Духъ есть иже живить, плоть ничтоже пользуетъ». Мы знаемъ, когда являются Аттилы, Тамерланы и другіе потрясатели вселенной, когда являются внѣшніе или внутренніе разрушители общественнаго строя и цивилизаціи: когда общество презрять духовную жизнь, духовные интересы, духовныя силы, когда предается чувственности, матеріальнымъ стремленіямъ, когда воздвигнетъ алтари Молоху и золотому тельцу, тогда и являются на историческую сцену вожди нечистыхъ силъ, чтобъ овладѣть запродавшеюся имъ добычею. Заслуга Шлёцера состоитъ не въ установленіи вѣрныхъ взглядовъ на явленія всемірной исторіи: его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ ввелъ строгую критику, научное изслѣдованіе частныхъ, указалъ на необходимость полного, подробнаго изученія вспомогательныхъ наукъ для исторіи; благодаря шлецеровой методѣ, науки стали на твердыхъ основаніяхъ, ибо онъ предпослалъ изученію исторической физиологіи занятіе историческою анатоміей.

Наступилъ 1764-й годъ. Шлёцеръ приближался къ тридцатому году своей жизни. Ему было хорошо въ Петербургѣ; но его беспокоило будущее: «До сихъ поръ, писалъ онъ Михаелису, перекочевывалъ я, какъ номадъ, изъ одной науки въ другую, не по юношеской вѣтрености, но увлекаемый теченіемъ обстоятельствъ. Многообразныя свѣдѣнія, которыя я чрезъ это приобрѣлъ, должны быть мнѣ полезны, когда я наконецъ остановлюсь на чемъ-нибудь одномъ». О путешествіи на Востокъ уже нечего было больше думать; Шлёцеръ началъ думать о томъ, слѣдуетъ ли ему оставаться въ петербургской академіи, издавать русскія лѣтописи, создавать русскую статистику, распространять въ великомъ русскомъ народѣ познанія о другихъ народахъ. Первое, изученіе русскихъ лѣтописей было для него очень привлекательно.

Но Шлёцеръ, по природѣ своей, не былъ способенъ къ страстнымъ привязанностямъ, не былъ способенъ забывать все для любимаго предмета занятій; до тридцати лѣтъ этого любимаго

предмета онъ еще не нашелъ, кочеваль отъ одной науки въ другую. По своей расчетливой природѣ онъ при началѣ каждаго труда спрашивалъ: а что я за него получу, какія приобрѣту матеріальныя выгоды? Такъ и теперь спрашивалъ онъ себя: какая мнѣ будетъ награда, если я, прекративъ кочеванье, остановлюсь на русской исторіи? Мѣсто ординарнаго профессора съ 860 рублями жалованья! Но въ Петербургѣ этимъ жить нельзя, особенно если жениться. Шлѣцеръ началъ думать, что надобно оставить Россію и въ Германіи издать свои *Rossica*, т.-е. приобрѣтенные матеріалы по русской исторіи и статистикѣ. Весною 1764 года Шлѣцеръ подалъ доношеніе въ академію, гдѣ, вопервыхъ, просилъ объ отпускѣ въ Германію на три года, вовторыхъ просилъ, что если академія одобряетъ его дѣятельность и считаетъ достойнымъ оставаться при ней, то чтобъ соблаговолила сообщить ему свое рѣшеніе до его отъѣзда, причѣмъ онъ желаетъ представить планъ занятій, которыя онъ намѣренъ предпринять въ будущемъ для пользы наукъ вообще и для распространенія ихъ въ русской публикѣ. Планъ распался на два: первый заключалъ указанія, какъ изучать отечественные памятники критически, грамматически и исторически, и какъ изучать иностранные памятники, заключающіе извѣстія о русской исторіи. Второю планъ касался распространенія свѣдѣній въ русскомъ народѣ. Милліоны русскихъ людей, представлялъ Шлѣцеръ, могутъ читать и писать, сотни тысячъ могутъ читать книги и страстно стремятся къ приобрѣтенію свѣдѣній. Но иностранные языки извѣстны не многимъ, слѣдовательно надобно помогать большинству въ приобрѣтеніи познаній посредствомъ переводовъ; кто же долженъ помогать? Разумѣется, академія, столь богатая средствами; ея призваніе состоитъ не въ томъ только, чтобъ дѣлать открытія по наукамъ для цѣлаго міра; ея русскій міръ къ ней ближе. Но что она сдѣлала? Байеръ и другіе издали очень хорошіе, самостоятельные, непереводаемые учебники для молодого императора Петра II; но съ 1736 по 1764 печальное затишье, и ни одного самостоятельнаго сочиненія, все одни переводы. Латинскіе комментаріи академіи заключали въ себѣ конечно важныя статьи, но русскіе не читали ихъ, русскіе считали большія суммы, которыя шли на академію, и громко говорили, что за такія суммы народъ получаетъ только календарь; отъ этого

уменьшается уваженіе къ иностранцамъ, изъ которыхъ преимущественно состоитъ академія. Послѣдняя, по мнѣнію Шлёцера, должна была распространять въ русскомъ народѣ свѣдѣнія въ малыхъ приѣмахъ, римскую исторію, напримѣръ, издать не въ 26 томахъ (намекъ на Тредіаковскаго), а въ одномъ или двухъ; многотомныя классическія сочиненія иностранныхъ писателей не издавать; даже легкія, всѣмъ доступныя иностранныя сочиненія должно не переводить, а передѣлывать. Шлёцеръ предлагалъ свои услуги при составленіи учебниковъ или народныхъ книгъ по предметамъ, ему извѣстнымъ, по исторіи, географіи и статистикѣ; онъ предлагалъ или передѣлывать уже существующія иностранныя сочиненія, или изъ девяти хорошихъ сочиненій составлять десятое.

Противъ продолженія дѣятельности Шлёцера въ академіи съ обычною своею страстностію вооружился Ломоносовъ. Его подозрительность къ нѣмцамъ, къ ихъ властолюбивымъ, вреднымъ замысламъ была возбуждена въ высшей степени. До сихъ поръ иностранцы, вызывавшіеся въ академію, занимались каждый своею наукою; Мюллеръ занимался русскою исторіею, былъ русскимъ исторіографомъ, и за то Ломоносовъ зорко слѣдилъ за каждымъ его шагомъ въ самостоятельной дѣятельности по русской исторіи, не проводитъ ли иностранецъ какихъ-нибудь нехорошихъ мыслей, не оскорбляетъ ли величія русскаго народа, постоянно придирался, постоянно протестовалъ. Но вотъ теперь является нѣмецъ, который едва пріѣхалъ въ Петербургъ, едва успѣлъ познакомиться съ русскимъ языкомъ, съ русскими древними письменными памятниками, какъ уже хочетъ распоряжаться повластнымъ хозяиномъ и въ области русской исторіи и въ области русскаго языка. Дерзость неимовѣрная! Но понятно, что самъ онъ не могъ дойти до такой степени дерзости: это все Таубертъ: онъ привялъ Шлёцера подъ свое покровительство, когда тотъ разсорился съ Мюллеромъ, заплативъ ему черною неблагодарностію; онъ приставилъ Шлёцера учителемъ къ гетманскимъ дѣтямъ, ввелъ его въ академію, и теперь хочетъ противопоставить ему, Ломоносову и въ занятіяхъ русскою исторіею, и даже русскимъ языкомъ: Шлёцеръ, по настоянію Тауберта, уже написалъ русскую грамматику. Самую сильную выходку сдѣлалъ Ломоносовъ противъ этой грамматики: «Хотя всякъ рос-

сїйскому языку искусный легко усмотрѣть можетъ, сколь много нестерпимыхъ погрѣшностей въ сей безпорядочной грамматикѣ находится, показующихъ сочинителю великіе недостатки въ такомъ дѣлѣ; но больше удивится его неразумной наглости, что зная свою слабость и вѣдая искусство, труды и успѣхи въ словесныхъ наукахъ природныхъ Россіянъ, не обинуясь приступилъ къ этому, и какъ бы нѣкоторый пигмей поднималъ альпійскія горы. Но больше всего оказывается не токмо незнаніе, но и сумазбродство въ произведеніи словъ російскихъ». Приводя нѣсколько словопроизводствъ, Ломоносовъ заключаетъ: «Изъ сего заключить можно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродить въ російскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина». Мюллеръ въ своемъ отзывѣ нисколько не отрицалъ достоинствъ Шлѣцера; онъ настаивалъ на одно, что этотъ ученый непроченъ академіи и Россіи: «Если онъ обяжется служить два, три, пять, положимъ десять лѣтъ, то чѣмъ долговременнѣе будетъ его пребываніе въ Россіи, тѣмъ больше онъ добудетъ въ свои руки извѣстій о ней, которыми, по возвращеніи въ Германію, онъ воспользуется съ большою для себя выгодною: но я не вижу, что же выйдетъ изъ этого для чести и пользы Россіи?»

Шлѣцеръ подалъ просьбу самой императрицѣ объ отпускѣ за границу, и въ концѣ просьбы испрашивалъ всемилостивѣйшаго соизволенія продолжать начатыя труды «подъ собственнымъ ея величества покровительствомъ, въ безопасности отъ притѣсеній и всякаго рода препятствій, обработать прагматически древнюю русскую исторію отъ начала монархіи до пресѣченія Рюрикова дома, по образцу всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, согласно съ вѣчными законами исторической истины и добросовѣстно какъ слѣдуетъ вѣрнѣйшему ея величества подданному. Въ случаѣ же, если онъ, Шлѣцеръ не будетъ имѣть счастья достигнуть этого лучшаго изъ своихъ желаній, да удостоится онъ и по отъѣздѣ своемъ пребывать въ связи съ академіею ея величества въ качествѣ иностраннаго члена пансіонера». Просьба была подана чрезъ генералъ-рекегмейстера Козлова, котораго сынъ учился у Шлѣцера въ академіи X-я линіи, и перешла на разсмотрѣніе къ Теплову, котораго сынъ учился тамъ же. Оба, и Козловъ, и Тепловъ имѣли полную возможность убѣдительно представить Екатеринѣ блестящія способности и богатая

ученія средства Шлёцера, необходимость удержать такого человека на пользу русскаго просвѣщенія, и слѣдствіемъ было то, что Шлёцеръ былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ русской исторіи съ жалованьемъ по 860 рублей и съ условіемъ, что свои работы онъ долженъ представлять ея императорскому величеству, или кому отъ ея величества разсмотрѣніе оныхъ поручено будетъ ¹⁴⁹.

Если мы теперь отъ старой относительно академіи наукъ съ ея постоянною борьбою между русскими и иностранными членами, перейдемъ къ новорожденному университету московскому, то насъ здѣсь остановитъ любопытное явленіе: только двое профессоровъ русскихъ, Поповскій и Барсовъ, начавшіе свое образованіе въ московскихъ духовныхъ школахъ и окончившіе его при академіи наукъ, послѣ къ нимъ присоединился магистръ Савичъ; всѣ остальные иностранцы. Поповскій преподавалъ философію и краснорѣчіе и сталъ извѣстенъ преимущественно переводомъ (съ французскаго) знаменитой въ свое время поэмы Попе: «Опытъ о человѣкѣ». Поповскій, трудясь надъ переводомъ «Опыта» и люди, дававшіе важное значеніе переводу и ставившіе его въ большую заслугу Поповскому, платили дань вѣку. «Опытъ о человѣкѣ» есть написанное гладкими стихами длинное разсужденіе, гдѣ изложено ученіе англійскихъ поклонниковъ разума, ученіе, которое французскіе писатели, Вольтеръ съ товарищами, распространили по всей Европѣ. О человѣкѣ изъ поэмы Попе можно было узнать, что въ дѣтскомъ возрастѣ для человѣка нужны игрушки, въ зрѣломъ мундиры и орденскія ленты, а въ старческомъ молитвенники — и все это имѣетъ одно и то же значеніе. Развитіе человѣка начинается съ подражанія животнымъ, которыя учатъ его искусствамъ, а религіозное чувство есть произведеніе страха. Деспотизмъ и свобода имѣютъ одинъ источникъ—себялюбіе; въ человѣческой природѣ господствуютъ два начала—себялюбіе и разумъ: себялюбіе побуждаетъ, а разумъ сдерживаетъ. Синодальная цезура передѣлала много стиховъ въ переводѣ Поповскаго, не заботясь о цензурѣ. Эти стихи напечатаны были крупнымъ шрифтомъ. Второй трудъ Поповскаго былъ также переводъ Локковой книги о воспитаніи. Другой русскій профессоръ, Барсовъ началъ преподаваніемъ математики, а

кончилъ преподаваніемъ русской словесности; Савичъ преподавалъ географію.

Съ 1756 года начали набѣзжать въ Москву иностранные профессора, такъ что университетъ для ихъ помѣщенія выхлопоталъ себѣ право имѣть собственную гостиницу¹⁵⁰. Московская публика знакомилась съ новымъ учрежденіемъ посредствомъ публичныхъ актовъ, которые бывали довольно часто: передъ началомъ и концомъ курса и въ высокаторжественные дни. На этихъ актахъ кромѣ чтенія рѣчей профессорами, устраивались диспуты между студентами подъ руководствомъ профессоровъ. Такъ 17 декабря 1758 года на актѣ былъ диспутъ изъ натуральной теологіи на латинскомъ языкѣ подъ руководствомъ профессора теологіи Фромана¹⁵¹. Наконецъ публика могла входить въ связь съ университетомъ посредствомъ публичныхъ курсовъ (которые тогда назывались приватными, а университетскіе курсы для студентовъ назывались публичными). Профессоръ Дильтей немедленно по пріѣздѣ своемъ въ 1756 году объявилъ приватныя лекціи о правѣ натуральномъ на французскомъ языкѣ съ общаніемъ весь курсъ окончить въ полгода. Въ 1761 году Дильтей читалъ публичныя лекціи о естественномъ правѣ, геральдикѣ, исторіи и географіи; цѣна каждому курсу была 12 рублей, съ немущихъ же никакого платежа не требовалось. Въ 1762 году Дильтей объявилъ что начнетъ приватныя историческія лекціи на французскомъ языкѣ и обучать будетъ универсальной исторіи и хронологіи отъ сотворенія свѣта до Р. Х. Но чтобъ не терять времени въ писаніи оныхъ уроковъ, то онъ сочинилъ и перевелъ свои историческія лекціи и издалъ ихъ въ печать по два рубля экземпляръ. А ежели любители наукъ сею книжкою пользоваться пожелаютъ, не слушая толкованія, то оныя имѣютъ прислать два рубля въ домъ помянутаго профессора съ изъясненіемъ своего имени и ранга, почему немедленно получаютъ три первые листа. Дильтей сначала составлялъ одинъ весь юридическій факультетъ, и только съ 1764 года видимъ другого профессора юриста Лангера. Въ 1765 году Дильтей имѣлъ большія непріятности въ университетѣ; отъ него хотѣли избавиться, наряжено было слѣдствіе, причемъ главный упрекъ состоялъ въ нерадѣніи. Дильтей, съ своей стороны, указывалъ, что въ послѣднее время у него былъ одинъ только студентъ, что для успѣш-

наго преподаванія русской юриспруденціи необходимо прежде положить основанія въ изученіи права естественнаго и римскаго, и русскіе законы расположить въ какой-нибудь системѣ, причѣмъ излагать ихъ должны русскіе профессора на русскомъ языкѣ. Дѣло дошло до императрицы Екатерины, которая именнымъ указомъ велѣла оставить Дильтея въ университетѣ.

Въ медицинскомъ факультетѣ сначала былъ также одинъ профессоръ Керштенсъ, читавшій врачебное веществословіе; въ 1764 году поступилъ Эразмусъ, первый открывшій кафедру анатоміи, хирургіи и повивальнаго искусства; для его лекцій былъ устроенъ анатомическій театр; но полиція не хотѣла исполнять требованій университетскаго начальства, не доставляла труповъ.

Въ 1757 году читался въ университетѣ на французскомъ языкѣ курсъ экспериментальной физики аббатомъ Франкози: «Собраніе было немалое любителей наукъ, между которыми находились и дамскія персоны»¹⁵².

Въ обѣихъ гимназіяхъ было 36 учителей: 16 русскихъ и 20 иностранцевъ. О преподаваніи въ этихъ гимназіяхъ мы имѣемъ нѣсколько извѣстій въ запискахъ фонъ-Визина, бывшаго однимъ изъ первыхъ учениковъ университета. Здѣсь, для уразумѣнія словъ фонъ-Визина, надобно замѣтить, что гимназіи были слиты съ университетомъ и объ ученикѣ, проходившемъ гимназическій курсъ, говорилось, что онъ учится въ университетѣ. «Самая справедливость, говорятъ фонъ-Визинъ, велить мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній (т.-е. позднѣйшій) университетъ уже не тотъ какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій намъ экзамень въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлаютъ приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состоитъ: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны, говорилъ онъ, но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ, продолжалъ онъ, удара по столу рукою, извольте слушать всё, что говорить стану. Когда стануть спрашивать о какомъ-нибудь

имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь: если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете. Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного Нѣмца, который принять былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣ прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговиць, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: Куда течетъ Волга? «Въ Черное море», отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища: «въ Бѣлое», отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ: «не знаю», сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась полатыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку; и паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ.... Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣнь, а съ другой—нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу, латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и русскій языкъ зналъ очень хорошо». У Фонтъ-Визина встрѣчаемъ также извѣстіе о курсѣ Шадена, бывшаго ректоромъ гимназіи: «Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что усѣхи наши были очевидны». Шаденъ преподавалъ логику на латинскомъ языкѣ ¹⁵³.

Фонтъ-Визинъ поминаетъ университетъ добромъ за то, что выучился въ немъ хорошо по-латыни и довольно нѣмецкому языку. Но другіе воспитанники университета не могли похвалиться послѣднимъ. Когда генераль-поручикъ Корфъ, управлявшій во время Семилѣтней войны завоеванною провинціею Пруссіею, потребовалъ присылки къ нему молодыхъ людей, которые могли бы служить при немъ переводчиками французскаго, нѣ-

мецкаго и польскаго языковъ, то правительство обратилось въ университетъ, и тотъ выслалъ въ Кёнигсбергъ четырехъ студентовъ и шесть человекъ учениковъ. Но когда они пріѣхали въ Кёнигсбергъ, то Корфъ нашелъ, что въ переводчики они не годятся да и ни къ какимъ должностямъ опредѣлить ихъ нельзя по незнанію нѣмецкаго языка, притомъ же ученики несовершеннолѣтніе и только начали учиться. Губернаторъ назадъ отсылать ихъ не заблагоразсудилъ, и распорядился такимъ образомъ: «пріемля въ разсужденіе, что оныя студенты и ученики какъ уже нѣсколько лѣтъ обучались и на то не малый коштъ употребленъ, приказалъ обучаться имъ наукамъ въ Кёнигсбергъ во всемъ какъ и прочіе тамъ студенты и ученики употребляютъ, и жалованья давалось студентамъ по 90, а ученикамъ по 50 рублей въ годъ» ¹⁵⁴.

Сравнительно университетъ стоялъ высоко, несмотря на свою юность; лучшіе молодые люди изъ окончившихъ курсъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ отсылались въ университетъ для дальнѣйшаго образованія: такъ въ 1756 году сенатъ приказалъ кадетскаго корпуса капитану Кожину, за хорошее его обученіе противъ прочихъ выпущенныхъ изъ корпуса капитановъ, дать чинъ подпоручика и отослать въ московскій университетъ по требованію куратора Шувалова ¹⁵⁵. Университетъ долженъ былъ увеличить число приготовленныхъ молодыхъ людей русскихъ для такихъ занятій, для какихъ до сихъ поръ употреблялись иностранцы. Въ 1761 году медицинская канцелярія напечатала въ газетахъ приглашеніе иностранцамъ отдавать дѣтей своихъ для обученія хирургіи: сенатъ велѣлъ призвать главнаго доктора въ медицинской канцелярії Лерха и секретаря и внушить имъ, что объявленіе въ вѣдомостяхъ сдѣлано очень неосновательно и чтобъ впередъ въ такихъ дѣлахъ поступали осторожно, ибо для обученія хирургіи можно сыскать довольно и русскихъ людей, какъ-то изъ Московскаго университета, изъ академіи наукъ, изъ семинарій и другихъ училищъ, гдѣ преподается латинскій языкъ ¹⁵⁶. До сихъ поръ каждая коллегія имѣла свою школу, образовывала для себя молодыхъ людей, носившихъ названіе юнкеровъ. Въ 1763 году вышелъ указъ: въ сенатѣ и прочихъ мѣстахъ юнкеровъ не имѣть, а наличныхъ всѣхъ изъ дворянъ помѣстить въ сухопутный и морской корпуса, а не изъ дворянъ въ мо-

сковскій университетъ, а другихъ, которые по лѣтамъ не могутъ ученія продолжать, въ военную и гражданскую службу по способностямъ ¹⁵⁷.

Но чтобъ университетъ какъ можно скорѣе могъ удовлетворить потребностямъ разныхъ мѣстъ имѣть образованныхъ русскихъ людей, считали необходимымъ увеличивать льготами число воспитанниковъ университета. Многимъ родителямъ препятствовала отдавать дѣтей въ университетъ мысль, что въ то время когда молодой человекъ будетъ заниматься науками, ровесники его, поступаю прямо на службу, опередятъ его чинами. Поэтому на другой же годъ по основаніи университета, 17 мая 1756 года состоялся указъ, которымъ позволено недорослямъ изъ шляхетства, бывшимъ въ указные сроки на смотряхъ, учиться въ университетѣ до 16 лѣтъ, и по склонности къ наукамъ и до 20; успѣвшихъ въ наукахъ повелѣно опредѣлять въ штатскіе чины, по достоинствамъ ихъ, и давать имъ ранги оберъ-офицеровъ арміи; о принимаемыхъ въ ученіе сноситься съ герольдіею; записаннымъ въ военную и гражданскую службу дозволялось въ одно и то же время учиться и числиться на службѣ съ производствомъ чиновъ; о тѣхъ же, которые сверхъ 20 лѣтъ желали изучать высшія науки, повелѣно представлять сенату. Въ 1761 году встрѣчаемъ случай, что сенатъ, прямо въ видахъ поощренія молодыхъ людей заниматься въ университетѣ, беретъ отличнаго студента къ себѣ въ канцелярію, что считалось особенно почетнымъ: «приказали: студенту Бражникову, за обученіе въ Московскомъ университетѣ на своемъ коштѣ наукъ и юриспруденціи и дабы другіе находящіеся въ томъ университетѣ студенты въ обученіи наукъ прилежаніе свое имѣть могли, дать чинъ коллежскаго регистратора и быть ему при дѣлахъ въ канцеляріи прав. сената» ¹⁵⁸.

Университетъ снабженъ былъ библіотекой, которая была отворена для всѣхъ каждую среду и субботу отъ 2 до 5 часовъ. При университетѣ заведены были типографія и книжная лавка; синоду предписано было всю гражданскую часть духовной типографіи со всѣми ея инструментами и книгами, напечатанными гражданскою печатью, передать московскому университету. Книжная лавка, тотчасъ послѣ своего открытія, объявила, что она получила не малое число иностранныхъ книгъ. Кромѣ книгъ,

преимущественно учебныхъ, въ университетской книжной лавкѣ продавались математическіе инструменты англійской работы, микроскопы, телескопы, глобусы, камеръ-обскуры, рисовальныя книги, ландкарты и проч. Привилегированными университетскими *книгосодержателями* были Школярій и Веверъ. Съ 26 апрѣля 1756 года университетъ началъ издавать Московскія Вѣдомости.

Явились и частныя пожертвованія, Демидовыхъ и другихъ. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1757 года встрѣчаемъ извѣстіе: «Мы живемъ въ такія счастливыя времена, въ которыя не только мужескій полъ, но и дамы крайнюю склонность показываютъ къ наукамъ. Примѣръ сему показала покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Наумова супруга, Марья Михайловна, которая подарила въ университетъ 1000 рублей» ¹⁵⁹.

Мы присутствовали при слабыхъ, бѣдныхъ зачаткахъ учрежденія, которому суждено было имѣть важное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія; мы видѣли истокъ большой рѣки въ видѣ ничтожнаго болотнаго ручейка; мы слышали свидѣтельство одного изъ самыхъ даровитыхъ воспитанниковъ новорожденного учрежденія о недостаточности, о беспорядкахъ преподаванія въ немъ; но этотъ самый свидѣтель въ то же самое время говоритъ, что, несмотря на всѣ недостатки и беспорядки, онъ выучился двумъ языкамъ, древнему и новому, что послужило средствомъ пріобрѣтенія другихъ познаній, слѣдовательно время ученія не прошло даромъ. Тотъ же Фонъ-Визинъ, говоря о пользѣ, полученной имъ отъ университета, прибавляетъ: «А паче всего въ немъ я получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ». Мы еще обратимся въ послѣдствіи къ той роли, какую игралъ университетъ въ литературномъ движеніи; но для насъ чрезвычайно важны слова Фонъ-Визина, что во время составленія его записокъ университетъ былъ уже не тотъ, какой былъ вначалѣ, «и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ». Для насъ важна эта способность и быстрота совершенствованія. Условія успѣха зависѣли отъ времени, въ какое былъ основанъ университетъ. Мы видѣли, что это было время, когда Россія пришла въ себя, заговорила, когда явилась литература, страсть къ чтенію, къ театру, къ наукѣ; живые, даровитые люди наполнили университетъ, учрежденный въ чрезвычайно удобной мѣстности по ея

центральному положенію: отцы, подъ вѣяніемъ новаго духа, не медлили ни минуты отдавать туда своихъ сыновей, въ которыхъ усматривали способности. Легко понять, какое значеніе должно было имѣть это сосредоточеніе даровитой, возбужденной молодежи въ одномъ тѣсномъ кругу. Нѣкоторые, и не послѣдніе по дарованіямъ (Потемкинъ, Новиковъ), не выдержали до конца, при искушеніи, въ которое вводила самая безпорядочность преподаванія; но возбужденіе умственной дѣятельности осталось и выразилось разнымъ образомъ на различныхъ поприщахъ жизни. Что же касается возможности совершенствованія университета, совершенствованія преподаванія, то не надобно забывать, что Московскій университетъ былъ основанъ подъ вліяніемъ мысли, которой Ломоносовъ былъ такимъ неутомимымъ провозгласителемъ, мысли, что все въ Россіи должно существовать для русскихъ, для развитія русскихъ силъ, каждое учрежденіе должно какъ можно скорѣе наполняться русскими дѣятелями и снабжать ими другія младшія учрежденія. Отсюда, какъ только окажется даровитый и трудолюбивый студентъ, его отправляютъ въ заграничные университеты, чтобъ по возвращеніи на родину могъ быть профессоромъ, замѣнить иностранца-наемника. Въ 1765 году число русскихъ профессоровъ увеличилось воспитанниками Московскаго университета, возвратившимися изъ-за границы—Веняминовымъ и Зыбелинымъ: оба читали на медицинскомъ факультетѣ; двое другихъ—Десницкій и Третьяковъ, приготовлялись за границею къ занятію юридическихъ кафедръ; Афонинъ для естественныхъ наукъ; Савичъ былъ отправленъ въ Казань, въ званіи профессора, командующаго гимназіями; но уже выдавались двое молодыхъ русскихъ ученыхъ, которые въ послѣдствіи заняли кафедры при университетѣ—Аничковъ и Чеботаревъ. Иностранцы, несмотря на то, что составляли большинство, не имѣли силъ противодѣйствовать этому направленію, ибо оно настойчиво шло сверху. Шуваловъ внимательно наблюдалъ за тѣмъ, чтобъ въ его университетѣ не повторилось явленіе, за которое такъ сильно упрекали академію наукъ. Большинство иностранцевъ въ конференціи или совѣтѣ сдерживалось ближайшею властью директора, необходимаго именно въ слѣдствіе этого большинства иностранцевъ, и между директорами не было ни одного Шумахера или Тауберта. Иностран-

цы, несмотря на свое большинство вначалѣ, не были на своей почвѣ въ Москвѣ, а Русскіе, несмотря на меньшинство, были у себя дома, были родныя дѣти, хозяева.

Кромѣ двухъ гимназій въ Москвѣ, въ 1758 году открыта была, по настоянію Ив. Ив. Шувалова, гимназія въ Казани, самомъ важномъ городѣ восточной Россіи. О преподаваніи въ московскихъ гимназіяхъ мы привели свидѣтельство Фонъ-Визина; о преподаваніи въ Казанской гимназіи приведемъ свидѣтельство другой литературной знаменитости, Державина. Но для сравненія начнемъ съ разсказа Державина о его образованіи въ Оренбургѣ до поступленія въ гимназію. По седьмому году онъ отданъ былъ учиться нѣмецкому языку къ сосланному за какую-то вину въ каторжную работу Іосифу Розѣ, у котораго учились мальчики и дѣвочки, дѣти лучшихъ людей, служившихъ въ Оренбургѣ. «Сей наставникъ, говоритъ Державинъ, кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коихъ разсказывать было бы отвратительно, былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей тверженіемъ наизусть вокаболъ и разговоровъ и списываніемъ оныхъ». Въ Казанской гимназіи, по словамъ Державина, «преподавалось ученіе языкамъ: латынскому, французскому, нѣмецкому, ариѳметикѣ, геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію; однакоже, по недостатку хорошихъ учителей, едва ли съ лучшими правилами какъ и прежде (т.-е. у Розы). Болѣе жъ всего старались, чтобъ научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ при случаѣ экзаменовъ,—что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однакоже доставило людскость и нѣкоторую развязъ въ обращеніи»¹⁶⁰.

Что касается старыхъ учебныхъ заведеній, то для сухонутнаго кадетскаго корпуса въ 1765 году были изданы высочайше утвержденныя пункты, въ которыхъ говорилось: «Всѣхъ тѣхъ воспитанниковъ, которымъ отъ роду 20 лѣтъ и болѣе, а при-

томъ добропорядочнаго поведенія, выпустить по ихъ достоинствамъ: которые кончили геометрію, могутъ переводить съ какаго-нибудь языка, изучили хотя нѣкоторыя спеціальныя карты въ географіи, въ исторіи дошли до половины или до седьмого періода, умѣютъ на манежѣ школу ѣздить, фехтовать въ контру, такихъ выпустить прапорщиками. Которые изучили пять степеней высшихъ наукъ—тѣхъ выпускать подпоручиками, а которые изучили болѣе семи степеней, тѣхъ поручиками. Которые, по слабости здоровья, военной службы нести не могутъ, или сами пожелаютъ, выпускать въ гражданскую тѣми же чинами. Которые хорошаго поведенія, но не будутъ имѣть изъ предписанныхъ знаній и двухъ степеней, такихъ исключить изъ корпуса кадетами, званіе выше унтеръ и ниже оберъ-офицерскаго. Всякія тѣлесныя наказанія кадетамъ въ корпусѣ отрѣшить; наказаніе должно состоять въ пониженіи изъ разряда лучшихъ кадетъ въ разрядъ худшихъ; лучшимъ кадетамъ дать большее отличіе въ одеждѣ, пищѣ и выпускать съ высшими офицерскими чинами ¹⁶¹.

Учебныхъ заведеній было немного; но и въ этихъ немногихъ чувствовался недостатокъ въ учителяхъ, что видно изъ публикацій морского корпуса. Въ 1763 году онъ напечаталъ въ вѣдомостяхъ патріархальную публикацію: «Желающимъ опредѣлиться въ морской шляхетный кадетскій корпусъ въ учителя для преподаванія въ ономъ географіи, генеалогіи, французскаго языка и другихъ наукъ; также поставить на шитье гардемеринамъ епанечъ синяго сукна, каразеи, подкладочнаго холста и синихъ гарусныхъ пуговицъ, явиться немедленно въ канцелярію означеннаго корпуса». Въ 1764 году новая публикація: «Въ морской кадетскій шляхетный корпусъ потребны: навигацкихъ наукъ профессоръ 1, корабельной архитектуры учитель 1, подмастерья 1, механикъ 1, подмастерье 1; для обученія словеснымъ наукамъ, философіи, географіи, генеалогіи, реторики и проч. учителей 3, дацкаго языка учитель 1, шведскаго учитель же 1, подмастерьевъ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, дацкаго и шведскаго языковъ, къ каждому языку по одному, переводчиковъ 2, танцмейстеръ 1, геодезіи учитель 1, геодезистовъ 3».

При Елисаветѣ, графъ Петръ Ив. Шуваловъ устроилъ въ Петербургѣ соединенную артиллерійскую и инженерную школу, и

въ 1760 году подалъ донесеніе въ сенатъ: «Въ 1745 году велѣно содержать въ Оренбургѣ инженерныхъ учениковъ 10 человекъ, и по обученіи въ тамошней школѣ производятся они въ кондукторы, въ которомъ чинѣ состоя съ прочими по списку наряду, производятся въ оберъ-офицеры; а такъ какъ въ тамошней школѣ обучаютъ только ариѳметикѣ, геометріи и части фортификаціи, въ учрежденной же имъ, Шуваловымъ, въ Петербургѣ соединенной артиллерійской и инженерной школѣ учатъ нѣмецкому и французскому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, геометріи простой, алгебрѣ, коническимъ сѣченіямъ, механикѣ, гидравликѣ, эрометріи, архитектурѣ гражданской, географіи математической, химіи, основанію экспериментальной физики, натуральной исторіи, военной экзерциціи, танцованію, артиллеріи, фортификаціи и фейерверочному искусству, то оренбургскіе съ петербургскими учениками никакъ сравниться не могутъ и первые съ обидою знающимъ производятся, слѣдовательно оренбургскихъ надобно опредѣлять въ здѣшнюю соединенную школу, дабы оныя могли начатыя науки окончить и прочимъ обучиться». Сенатъ согласился ¹⁶².

Относительно воспитанниковъ духовныхъ училищъ въ 1765 году была принята любопытная мѣра: оберъ-прокуроръ синода, бывшій передъ тѣмъ директоромъ Московскаго университета, Меллиссино, предложилъ св. синоду высочайшую волю, состоявшую въ томъ, чтобы изъ обучающихся въ семинаріяхъ учениковъ, которые дошли уже до реторики и подаютъ хорошую надежду *въ понятіи* и предъ прочими взяли преимущество въ честныхъ поступкахъ, избрать десять человекъ для отправленія ихъ въ Англію, чтобы въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ, въ пользу государства, могли научиться высшимъ наукамъ и восточнымъ языкамъ, не выключая и богословія. А чтобы они въ порядкѣ себя содержали, избрать инспекторами двухъ человекъ, которымъ бы можно было поручить попеченіе объ этихъ студентахъ. Нашлось болѣе 10 способныхъ учениковъ и охотниковъ изъ учителей, и одни изъ нихъ были отправлены въ Оксфордъ, другіе въ Геттингенъ, третьи въ Лейденъ. Въ инструкціи посланнымъ въ Англію говорилось: «Обучаться вамъ греческому, еврейскому и французскому языкамъ; не упоминается о латинскомъ и англійскомъ, ибо латинскому уже обучились, въ

которомъ должны себя разговорами и чтеніемъ книгъ экзерцировать, а аглинскому языку самое обращеніе, а притомъ и преподаваемая лекціи научать должны. Нѣмецкій языкъ и другіе восточные діалекты оставить всякому по произволению. Всѣмъ обучаться моральной философіи, исторіи, наипаче церковной, географіи и математическимъ принципіямъ, также и не пространной богословіи. Инспектору наблюдать, чтобъ ежедневно читаны были поутру утреннія, а ввечеру на сонъ грядущихъ молитвы. Въ воскресные и великихъ праздниковъ дни (понеже отъ церкви въ удаленіи будутъ) читать и пѣть нѣсколько псалмовъ, также прочесть того дня Апостолъ и Евангеліе. Въ сіи же дни читать на иностранныхъ языкахъ по порядку нѣсколько главъ изъ Ветхаго Завѣта по разсужденію инспектора, съ возможнымъ изъясненіемъ. Сего богослуженія должность тѣмъ съ большимъ усердіемъ совершать обязаны студенты, что они отсюду отправляются наибольше съ тѣмъ, чтобъ желаемою пользою услужить св. церкви. Дважды въ годъ, а по крайней мѣрѣ одна, на праздники Рождества Христова или св. Пасхи, ѣздитъ въ лондонскую грекороссійскую церковь для исповѣди и св. причастія, и ни мало не мѣшкая возвращаться. Всѣмъ вообще ходить на публичныя диспуты и другія ученые университетскія собранія, также и на проповѣди, прислушиваясь къ чистотѣ ихъ языка и проповѣдническаго штиля. При слушаніи тамошней богословіи могутъ случаться догматы, нашей церкви противные: инспектору надлежитъ заблаговременно ихъ лекціи разсмотрѣть, и ежелибъ такія противности случились, о томъ студентовъ въ осторожность съ истолкованіемъ увѣдомить, дабы слушаніе оныхъ имъ также служило впредь единымъ нужнымъ пастырскимъ свѣдѣніемъ разницы догматовъ между христіанскими исповѣданіями» ¹⁶³.

Мы говорили до сихъ поръ объ училищахъ, учрежденныхъ государствомъ и находившихся подъ его надзоромъ. Но было еще ученіе домашнее, гдѣ недостатокъ надзора со стороны необразованныхъ родителей и недостатокъ учителей должны были вести къ очень печальнымъ явленіямъ. Въ Оренбургѣ, по свидѣтельству Державина, каторжникъ Роза училъ мальчиковъ и дѣвочекъ по-нѣмецки и обращался съ ними варварски; но такъ было не въ одномъ Оренбургѣ; въ обѣихъ столицахъ, не только

въ областяхъ, брали къ дѣтямъ или отдавали дѣтей въ частныя пансіоны всякому иностранцу, безъ возможности повѣрки его знанія и нравственности. Правительство должно было вмѣшаться въ дѣло, и по указу 5 мая 1757 года иностранцы, желавшіе поступать въ домашніе учителя или заводить частныя школы, должны были держать экзаменъ въ Петербургѣ въ Академіи наукъ, а въ Москвѣ — въ университетѣ. Чтобъ показать, кто и чему училъ въ частныхъ школахъ, приведемъ нѣсколько объявленій объ открытіи такихъ школъ въ обѣихъ столицахъ. Въ Петербургѣ въ 1757 году г. де-Лаваль объявилъ, что съ женою своею намѣрены принимать къ себѣ дѣвицъ для обученія французскому языку, географіи, исторіи, рисованію и ариѳметикѣ. Тогда же два ученыхъ Француза съ однимъ Нѣмцемъ, безъ означенія своихъ именъ, объявили, что принимаютъ къ себѣ дѣтей для обученія французскому и нѣмецкому языкамъ и наукамъ совсѣмъ новымъ, легкимъ и краткимъ способомъ, а жены ихъ служанокъ обучаютъ мыть, шить и экономіи. Содержатель школы Сосеротте объявилъ, что получилъ отъ академіи наукъ аттестатъ въ искусствѣ и способности обучать людей публично исторіи, географіи, употребленію глобуса, митологіи, геральдикѣ, французскому штилю, начальнымъ основаніямъ въ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и ариѳметики. У него для начинающихъ учиться будутъ въ классахъ подмастерья; притомъ онъ также для желающихъ составлять будетъ на всѣхъ гѣхъ трехъ языкахъ просительныя и другія письма. Въ 1758 году двѣ французенки, не говоря своихъ именъ, объявили, что намѣрены содержать французскую школу для женщинъ, которыя притомъ обучаемы быть имѣютъ правоученію, исторіи, географіи, также ежели кто пожелаетъ, ариѳметикѣ, музыкѣ, танцованію, рисованію, доброму домостроительству и прочему, что требуется къ воспитанію честныхъ женщинъ. Французскій комедіантъ Пьеръ Рено объявилъ, что принимаетъ къ себѣ молодыхъ людей для обученія французскому языку, танцованію и пѣнію. Французенка Риншаръ объявила, что принимаетъ къ себѣ дѣвицъ для обученія французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и прочему и что касается до добраго воспитанія. Въ 1761 году находимъ такое объявленіе: «На Петербургской сторонѣ, за инженернымъ корпусомъ, въ домѣ Розен-

баума обучаются дѣвцы нѣмецкому и французскому языкамъ, также домосодержанію и что къ тому принадлежитъ, за что съ нихъ берется платы напередъ по 100 рублей съ каждой». Отъ русскихъ встрѣчаемъ только два объявленія: Въ 1760 году знаменитаго Тредіаковского, который объявилъ, что намѣренъ принимать къ себѣ дѣтей въ пансіонъ и безъ пансіона, для обученія французскому и латинскому языкамъ и переводить съ оныхъ на російскій, также праву натуральному, исторіи и географіи, о чемъ охотники съ нимъ самымъ обстоятельнѣе изъясниться могутъ. А въ 1763 году объявилъ Московскаго университета учитель, Антонъ Любанскій, что намѣренъ обучать юншество privately ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи и алгебрѣ, также латинскому языку, російскому правовисанію и географіи. Въ томъ же году встрѣчаемъ такія объявленія: «У учителя Стиллау имѣются для продажи разныя иностранныя книги; оный же учитель принимаетъ на свое содержаніе дѣвицъ для обученія французскому и нѣмецкому языкамъ, также шить и кружева плести». — Учитель Шарль Мовэ обучаетъ пенсіонеровъ обоюга пола нѣмецкому, латинскому и французскому языкамъ, также ариѳметикѣ, геометріи, исторіи, рисовать и играть на клавирѣ.

Въ Москвѣ въ 1758 году мадамъ де Мога объявила: если кто пожелаетъ отдать своихъ дѣтей дѣвицъ на ея содержаніе для обученія французскаго языка и географіи, то она не преминетъ удовольствоваться, показывая притомъ благородныя поступки, пристойныя къ ихъ природѣ. Въ 1760 году мадамъ Сиринъ начала обучать малыхъ дѣтей обоюга пола французскому и нѣмецкому языкамъ, читать, писать, рисовать, также убирать на головѣ и другимъ приличнымъ къ воспитанію женскаго пола вещамъ. Въ 1761 году французскій учитель Эрье намѣренъ былъ обучать дворянство по-французски, географіи, политикѣ, ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи, архитектурѣ.

Одна академическая гимназія въ Петербургѣ, три или четыре военныхъ училища, двѣ гимназіи въ Москвѣ и одна въ Казани, вотъ всѣ средства, которыми располагало свѣтское образованіе въ Россіи. Больше училищъ завести было нельзя, ибо прежде всего негдѣ было взять для нихъ учителей, и нужда заставляла частныхъ людей обращаться къ первому иностранцу, который объявилъ себя способнымъ чему-нибудь выучить дѣтей ихъ.

Но тутъ была еще другая сторона: во всѣхъ приведенныхъ нами объявленіяхъ ни одинъ педагогъ не заявлялъ, что въ его школѣ будетъ преподаваться законъ Божій по ученію православной церкви. Церковь должна была обратить на это вниманіе. Въ 1764 году сенать, слушавъ вѣдѣніе синода, напоминавшее что Елисаветинскими указами 1743 и 1744 годовъ велѣно дворянамъ и разнаго званія людямъ обучать дѣтей своихъ прежде обученія русскимъ книгамъ, букварю и катехизису и упражнять въ чтеніи церковныхъ книгъ, дабы узнавъ чрезъ это христіанскую должность и догматы православной вѣры, могли право поступать и охранять себя отъ иновѣрныхъ развратниковъ, и если кто въ назначенное время явится не искусенъ въ толкованіи букваря и катехизиса, такихъ, пока не обучатся, не повышать въ чины, а родителей и опекуновъ штрафовать. Сенать отвѣчалъ: «Понеже нынѣ между многими другими, о пользѣ народной неуспынными стараніями, воспослѣдовали новыя наиполезибѣйшія о воспитаніи и обученіи російскаго юношества учрежденія, въ коихъ главнымъ пунктомъ положено вселять ученіемъ страхъ Божій, законъ Его и благочестіе кучно съ любовію къ добродѣтелямъ и похвальному житію, и таковыя воспитательныя училища сверхъ прежнихъ какъ въ С.-Петербургѣ при академіи художествъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, такъ и во всѣхъ губерніяхъ учредить, и данною ея императорскимъ величествомъ духовной комиссіи инструкціею особо повелѣно во всякой епархіи при домахъ архіерейскихъ имѣть училищныя дома и учредить въ двухъ или трехъ монастыряхъ каждой епархіи малыя гимназіи съ тѣмъ, дабы о семъ, яко главномъ дѣлѣ Божіи и первомъ способѣ къ насажденію плодовъ духовныхъ всеприлежѣйше подумать и когда соотвѣтствующими сему стараніями святѣйшаго правительствующаго синода безъ сомнѣнія желанныя въ томъ успѣхи послѣдуютъ, то тѣмъ самымъ вышеписанное святѣйшаго синода богоугодное намѣреніе совершенно исполнится».

Ловко отписались. Но въ концѣ того же года пришло напоминовеніе о томъ же предметѣ не отъ синода, а отъ свѣтскаго учрежденія, и пришло изъ тѣхъ мѣстъ, откуда явился Ломоносовъ. Архангельскій губернскій магистратъ прислалъ въ сенать доношеніе гражданина Василья Крестинина, опредѣленнаго магистратомъ наблюдать за исполненіемъ указа 743 года о обу-

ченіи всякаго чина дѣтей грамотѣ, букварю и катехизису. Крестиницъ указывалъ на необходимость заведенія малыхъ школъ, въ которыхъ обучались бы всякаго чина и обоего пола дѣти въ городѣ, всѣ безъ исключенія, достаточныя вносили бы извѣстную сумму денегъ за обученіе, а за бѣдныхъ должны платитъ учителямъ жалованье магистратъ. Архангельскій магистратъ, признавая предложеніе Крестинина полезнымъ, просилъ сенатъ, чтобъ въ слѣдующемъ 1765 году начать по всѣмъ городамъ російскаго отечества обученіе катехизису. Сенатъ рѣшилъ поднести императрицѣ докладъ съ представленіемъ: 1) Такія малыя школы учредить на первый разъ въ городѣ Архангельскѣ, а для примѣра прочимъ городамъ публиковать объ этомъ съ пристойною похвалою архангельскому магистрату и Крестинну, чтобъ и другіе магистраты и граждане были поощрены. 2) Сочиненіе Θεοφана Прокоповича «Кратковъ ученіе» напечатать, и азбуку сочиня такую, какую предлагаетъ Крестиницъ, напечатать же отъ святѣйшаго синода, а къ ней приложить правила Ивана Гартунга, изданныя въ Кёнигсбергѣ, равно какъ и выбранныя ректоромъ Гибнеромъ библейскія священныя исторіи перевести на русскій языкъ въ академіи наукъ и отослать для освидѣтельствованія въ святѣйшій синодъ и немедленно по напечатаніи разослать въ школы. 3) Для учителей сочинить общее наставленіе ¹⁶⁴.

Сенатъ въ отвѣтъ своемъ синоду указывалъ на вновь учрежденное училище въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Петербургѣ. Это было женское училище, извѣстное подъ именемъ Смольнаго монастыря, учрежденное въ 1764 году. Училище раздѣлялось такимъ образомъ: первый возрастъ отъ 6 до 9 лѣтъ; здѣсь учебныя предметы: 1) исполненіе закона и катехизисъ, 2) всѣ части воспитанія и благонравія, 3) російскій, 4) иностранныя языки, 5) ариѳметика, 6) рисованіе, 7) танцованіе, 8) музыка вокальная и инструментальная, 9) шитье и вязанье всякаго рода. Второй возрастъ отъ 9 до 12 лѣтъ; предметы занятій: продолженіе всего прежняго и сверхъ того: географія, исторія, нѣкоторая часть экономіи или домостроительства. Третій возрастъ: отъ 12 до 15 лѣтъ: продолженіе всего прежняго, притомъ словесныя науки, къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и правоучительныхъ книгъ, 2) часть архитектуры и геральдики;

3) зачинають дѣйствительно вступать въ экономію по очереди. Четвертый возрастъ отъ 15 до 18 лѣтъ: 1) знаніе совершенное закона, 2) всѣ правила добраго воспитанія, благонравія, свѣтскаго обхожденія и учтивости, 3) повтореніе всего прежняго, въ чемъ совершеннаго знанія еще не имѣють. 4) Во всѣ части экономіи дѣйствительно вступаютъ по очереди.

Роль Ив. Ив. Шувалова относительно просвѣщенія, заведенія училищъ, при новой императрицѣ перешла къ Ивану Ивановичу Бецкому, имя котораго уже нѣсколько разъ нами упоминалось. Долгое пребываніе Бецкаго за границу, наблюденіе тамошнихъ учреждений для просвѣщенія, а главное — преданность такъ называемому просвѣтительному движенію на западѣ, дружба съ его вождами, между прочимъ съ знаменитою Жофрэнъ дали ему большое значеніе въ Петербургѣ по возвращеніи его изъ-за границы. Главный директоръ канцеляріи строеній при Петрѣ III, Бецкій, естественно приближался, дѣлался домашнимъ человѣкомъ при Екатеринѣ II-й, такъ любившей поговорить съ бывалымъ на западѣ, образованнымъ человѣкомъ, какихъ около нея было немного. Бецкій подалъ мысль объ учрежденіи въ Москвѣ воспитательнаго дома на пожертвованія частныхъ людей; это учрежденіе отдано въ его главное завѣдываніе, равно какъ и Смольный монастырь. Екатерина въ письмахъ къ Жофрэнъ, такъ говоритъ объ отношеніяхъ своихъ къ Бецкому и о его дѣятельности при описаніи своего дня: «Я встаю всегда въ 6 часовъ утра, читаю и пишу одна до 8; потомъ приходятъ ко мнѣ съ докладами, и это продолжается до 11 часовъ и болѣе, послѣ чего я одѣваюсь. По воскресеньямъ и праздникамъ я хожу къ обѣднѣ, а въ другіе дни выхожу въ пріемную комнату, гдѣ обыкновенно дожидается меня цѣлая толпа людей; поговоривъ съ ними полчаса или три четверти, сажусь за столъ, а по выходѣ изъ-за него является *кадкій генералъ* (Бецкій) для моего наученія, беретъ книгу, а я свою работу. Наше чтеніе, если не прервется приходомъ писемъ или другими препятствіями, продолжается до пяти часовъ съ половиною, затѣмъ я иду въ театръ, или играю въ карты или болтаю съ кѣмъ-нибудь до ужина, который оканчивается до 11 часовъ, когда я ложусь спать. Не сердитесь на генерала (Бецкаго), котораго вы такъ браните (вѣроятно за то, что не пишетъ): дѣйствительно, онъ страшно за-

вать не только служебными дѣлами (по канцеляріи строеній), но еще множествомъ новыхъ учрежденій и проектовъ, мы его зовемъ дѣтскимъ магазиномъ». На этомъ письмѣ Жоффрэнъ написала: «Императрица называетъ гадкимъ генераломъ (le vilain général) генерала Бецкаго, своего любимца: это очень любезный человѣкъ, который часто пріѣзжалъ въ Парижъ и подолгу здѣсь оставался. Онъ мой другъ».

Въ другомъ письмѣ, благодаря Жоффрэнъ за присылку маленькаго столика, Екатерина говоритъ, что и онъ будетъ заваленъ бумагами и всякими вещами, какъ и всѣ другіе, и болѣе всѣхъ виновать въ этомъ генераль (Бецкій): «Онъ начнетъ съ того, что положить на столъ свою книгу и увеличительное стекло, потомъ какой-нибудь планъ, нѣсколько свертковъ, конверты, письма, наконецъ камни граненые и неграненые, часто кладетъ вещи, которыя нашелъ на улицѣ, и онъ же потомъ мнѣ говорить: «Ахъ, государыня, никогда у васъ не найдешь уголка, гдѣ бы можно положить что-нибудь».

Частыя поѣздки за границу и долгое пребываніе тамъ, какъ видно, оказали вліяніе на Бецкаго: русскимъ людямъ не нравилось пристрастіе Бецкаго къ иностранному; многое въ его учрежденіяхъ находили не серьезнымъ, мелочнымъ, быющимъ на видѣнность. Порошинъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, говоритъ: «Никита Ивановичъ ѣздилъ сего вечера въ воспитательное училище при академіи художествъ; тамъ былъ экзаменъ или какіе-то игрушки мнимаго російскаго Кольберта»¹⁶⁵. Сумароковъ, по своему характеру, выражался рѣзче: «Александръ Петровичъ, пишетъ тотъ же Порошинъ, разговорился съ Никитою Ивановичемъ (Панинымъ) о г. Кювильи, говорилъ, что онъ такая бестія и такая невѣжа, какой другой нѣтъ въ Россіи. Какъ Никита Ивановичъ сказалъ ему, что Ив. Ив. Бецкій г. Кювильи очень доволенъ и увѣряетъ, что онъ въ новыхъ его учрежденіяхъ весьма много ему споспѣшествуетъ, то Александръ Петровичъ говорилъ на то: «Таковы-то вотъ и учрежденія! Вы конечно о нихъ, какъ разумный человѣкъ, по одной наружности судить не будете. Кювильи надобно метлами отсюда вонъ выгнать, а Бецкова подь присмотромъ прямо разумнова и основательнаго человѣка опредѣлить на мѣсто Кювильи, смотрѣть, чтобъ мальчики хорошо были одѣты и комнаты у нихъ вычищены». Еще примолвилъ

Александръ Петровичъ: «Есть де нѣкто г. Таубертъ: онъ смѣется Бецкому, что робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ; а мнѣ кажется, и Бецкій и Таубертъ оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ россійскомъ»¹⁶⁶.

Сумароковъ былъ по прежнему на первомъ планѣ какъ драматическій писатель. Но онъ не довольствовался этою дѣятельностію, и въ описываемое время является какъ журналистъ. Въ 1759 году въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ появилось объявленіе: «Отъ начала сего 1759 года по прошествіи каждаго мѣсяца будетъ выходить журнальная книжка на четырехъ листахъ. Цѣна въ годъ по два рубля съ полтиною. Продаваться будетъ въ Милліонной у книгопродавца Миллера. Инако продаваны не будутъ какъ тѣмъ, которые подпишутся на весь годъ, заплативъ деньги. Журналъ сей называется *Трудолюбивая Пчела*. Издателемъ былъ Сумароковъ. Содержаніемъ журнала служили оригинальныя и переводныя стихотворенія; переводы изъ классиковъ, особенно изъ Овидія, причемъ стихи часто переводятся прозою; разсужденія, напримѣръ о пользѣ мифологіи, о двухъ главныхъ добродѣтеляхъ, которыя писателю исторіи имѣть необходимо должно, т.-е. объ искренности и несуетвѣрномъ богопочтаніи. Пропущены еще кой-какія главныя качества, и слѣдствіе этого пропуску представила сама «Трудолюбивая Пчела» въ своихъ историческихъ разсказахъ, которыми поучала своихъ невинныхъ читателей. Одинъ разсказъ носитъ названіе: «О первоначаліи и созиданіи Москвы», и заключаетъ въ себѣ извѣстіе о пустынникахъ Подонѣ и Сарѣ, отъ которыхъ крутицкіе архіереи въ Москвѣ назывались Сарскими и Подонскими. Въ томъ же духѣ самъ Сумароковъ написалъ статейку подъ названіемъ «Россійскій Вилеємъ», подъ которымъ разумѣлъ село Коломенское, гдѣ будто бы родился Петръ Великій; авторъ говоритъ, что городъ Коломна назывался прежде Колонна и построена итальянскимъ выходцемъ, членомъ знаменитой фамиліи Колонна.

Но гораздо выгоднѣе выставляется передъ нами издатель въ статьяхъ другого рода, къ которому у него было больше призванія. Такова его статья «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка». «Воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ не-

обходимости, говорить Сумароковъ, есть не обогащеніе, но порча языка. Честолюбіе возвратитъ насъ когда-нибудь съ сего пути несумнѣннаго заблужденія; но языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать его трудно, а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ совершеннаго очищенія не можно будетъ больше надѣяться. Сказывано мнѣ, что нѣкогда Нѣмка московской нѣмецкой слободы говорила: «*Mein* мужъ *kam* домой, *stieg* черезъ заборъ *und fiel ins* грязь». Это смѣшно, да и это смѣшно: «Я въ дистракціи и дезеспере, аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я ку сюръ противъ риваля своего буду реванжироваться». Въ другой статьѣ Сумароковъ говоритъ: «Правонисаніе наше подъячіе и такъ уже совсѣмъ испортили. А что до порчи касается языка—Нѣмцы насыпали въ него словъ нѣмецкихъ, петиметры французскихъ, предки наши татарскихъ, педанты латинскихъ, переводчики св. писанія греческихъ. Нѣмцы складъ нашъ по нѣмецкой учредили грамматикѣ. Но что еще больше портитъ языкъ нашъ? худые переводчики, худые писатели, а паче всего худые стихотворцы». Любопытна статья «О несправедливыхъ основаніяхъ», въ которой авторъ возстаетъ противъ нѣкоторыхъ понятій и обычаевъ времени. «Много знать слыветъ у невѣжъ—знать понедантски или по школьному. Мало знать или, поглубѣе выговорить, ничего не знать—слыветъ у нихъ: знать по-кавалерски. Ктожъ педанты и кто кавалеры? Педанты, по ихъ мнѣнію, суть профессоры и прочіе ученые люди, которые, не по моему мнѣнію, а по справедливости, ежели они достойны своего званія, суть люди перваго въ обществѣ класса. А имя кавалера обыкновенно дается дворянамъ; и такъ знать по-кавалерски есть знать по-дворянски, знать столько, сколько благородному человѣку пристойно, т.-е. мало и неосновательно, чтобъ умѣть начинать говорить о всемъ и не умѣть окончить ни о чемъ, скакать изъ матеріи въ матерію, показываясь, будто все знаешь, хотя этому кромѣ такихъ же невѣжъ и никто не повѣритъ, доказывать не понедантски доводами, но по-дворянски крикомъ, изо всей мочи хотѣть, и потомъ, ежели самымъ лучшимъ и благороднѣйшимъ образомъ рѣчь окончить т.-е. по-петиметрски, такъ надлежитъ запѣть французскую пѣсню, или кто не знаетъ французскаго языка, хотя и русскую, только чтобъ не было въ ней ни склада,

ни лада, въ каковыхъ пѣсняхъ нѣтъ недостатка. Многіе думаютъ, что нѣтъ нужды воинъ въ наукахъ кромѣ инженерства и артиллеріи: ежели мы возьмемъ рядоваго солдата, такъ ему и въ томъ нѣтъ нужды: ему только надобно выучиться владѣть ружьемъ. Но обрѣтающійся въ военной службѣ дворянинъ или офицеръ уповаешь на высшія восходить степени, а иногда быть и полководцемъ, которому знаніе наукъ, а ими чистое просвѣщеніе разума не меньше профессора необходимо, и всѣ почти въ древности знатнѣйшіе полководцы были люди ученые. Въ новѣйшія времена такожь; а гдѣ недоставало знанія наукъ или любленія оныхъ, тамо слѣдовала погибель».

Сумароковъ, прославившійся нападками на недостатки тогдашняго русскаго суда въ своихъ комедіяхъ, помѣстилъ злыя выходки противъ подъячихъ и въ своемъ журналѣ. Въ статьѣ, подъ названіемъ: *Письмо* говорится: «Утѣшенная Истина пришла нѣкогда предъ Юпитера и, жалуясь на приказныхъ служителей, просила, чтобъ онъ истребилъ изъ нихъ тѣхъ, которые до взятковъ охотники, ради народнаго спокойства. Ударилъ Юпитеръ, повалились подъячіе. Народное рукоплесканіе громче юпитерова удара было. Обрадовалась Истина; но въ какое смятеніе пришла она, когда увидѣла, что самые главные злодѣи изъ приказныхъ служителей остались цѣлы. Что ты сдѣлалъ, о Юпитеръ! главныхъ ты пощадилъ грабителей! вскричала она. И когда она на нихъ указывала, Юпитеръ извинялся невѣдѣніемъ и говорилъ ей: кто могъ подумать, что это подъячіе? я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ. Ахъ! говорила она: отцы сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей ходили въ чирикахъ, дѣды въ лантяхъ, а прадѣды босикомъ». Противъ этого же общественнаго зла направлены письма: О нѣкоторой заразительной болѣзни, о думномъ дякѣ, къ подъячему самого Сумарокова.

Сумароковъ не долго издавалъ свою Трудолюбивую Ичелу, поссорившись съ академіею наукъ за цензуру и за типографскіе счета. Онъ отомстилъ за это академіи статьями «Блохи» и «Сонъ», напечатанными въ журналѣ: «Праздное время, въ пользу употребленное», который издавался въ Петербургѣ въ 1760 г. Въ статьѣ: «Блохи» Сумароковъ говоритъ: «Кто блохъ теритъ не можетъ, тотъ не можетъ быть авторомъ. Ежели кто авто-

ромъ быги способность имѣть, и въ томъ упражняться станеть, того во всю его жизнь блохи беспокоятъ, а кто сей способности не имѣя, авторомъ станеть противъ воли музъ и Аполлона, оный самъ блоха будетъ и вѣчно другихъ станеть беспокоить... Предки нынѣшнихъ блохъ не такъ жестоки были, какъ ихъ потомки, ибо въ прежнія времена меньше было школь и слѣдственно меньше невѣжества; такова главная причина нашего заблужденія. О ежели бы меньше школь и больше хорошихъ учителей, меньше учениковъ и больше разумныхъ учениковъ было, и чтобы *Виргилій*, *Овидій*, *Цицеронъ*, *Титъ Ливій* не за то почитаемы были, что писали по-латински, а за то, что хорошо писали! Блохъ, досаждающихъ авторамъ, два рода: переученныя и недоученныя. Переученныя блохи во всей Европѣ называются блохи латинскія, а недоучеными называются по имени страны той, въ которой онѣ рождаются. Еще въ нашемъ государствѣ есть блохи, которыя нѣмецкими называются, а я ставлю гадинъ сихъ блохами финскими, и онѣ только въ сихъ мѣстахъ держатся, гдѣ *Ингрія* съ *Финляндіею* граничитъ, ибо во всей *Германіи* нѣтъ и подобія блохъ сихъ, и что кромѣ *Петербурга* ихъ нѣтъ видѣ, ни въ самой *Финляндіи*, и потому должно ихъ называть блохами невскими».

Въ другой статьѣ: *Сонъ* приводится челобитная *Мельпомены* русской *Палладѣ* (*императрицѣ Елисаветѣ*): «Великая и премудрая богиня! бьетъ челомъ тебѣ российская *Мельпомена* и всѣ съ нею российскія музы, а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты: 1) Призваны мы на российскій *парнассъ* отцемъ твоимъ великимъ *Юпитеромъ* ради просвѣщенія сыновъ российскихъ, и отъ того времени просвѣщаемъ мы россиянь по крайней нашей возможности. 2) Прекрасный и всѣхъ евронеискихъ языковъ, по исполненіи нашей должности, способнѣйшій языкъ российскій отъ иноплеменническихъ нарѣчій и отъ иноплеменническаго склада часъ отъ часу въ худшее приходитъ состояніе, а они о томъ только пекутся, чтобъ мы, российскія музы, въ нашемъ искусствѣ никакого не имѣли успѣха, чтобъ они учеными, а сыны российскіе невѣжамъ почитались, хотя они сами о словесныхъ наукахъ, на которыхъ зиждется вся премудрость, и понятія не имѣютъ. 3) Властвуя они здѣшнимъ *парнассомъ*, помоществуемы иноплеменниками *Хамова колѣна*, храмъ

мой оскверняютъ и весь парнасѣтъ россійскій въ крайнее приводятъ замѣшательство, и, оставивъ парнасскія дѣла, пишутъ только справки и выписки, въ которыхъ на парнасѣтъ ни малѣйшей нѣтъ нужды и что парнасскому уставу совсѣмъ противно, и сверхъ того нѣкоторые Хамова колѣна берутъ и взятки и безграмотныхъ писцовъ въ грамотныя посвящаютъ, а грамотныхъ они въ безграмотныя пишутъ, не взирая на мнѣнія аполлоновыхъ любимцевъ, у которыхъ тѣ писцы обучаются. 4) Россійскимъ авторамъ дѣлаютъ иноплеменники всякое препятствіе; да и работы свои авторамъ издавати едва возможно, ибо печатаніе книгъ по предложенію и по основанію недоброжелательныхъ иноплеменниковъ несносно дорого. А учивено оное ради того, чтобы въ Россіи авторовъ было меньше, и чтобы Россіяне въ чужіе вперялись языки, а свой бы позабывали и, не зная красоты онаго, имъ бы гнушались, какъ имъ, отъ ненависти, они гнушаются, что отчасти нѣкоторые безмозглыя головы уже и дѣлаютъ. 5) О заведеніи ученаго въ словесныхъ наукахъ собранія, въ которомъ бы старались искусные писатели о чистотѣ россійскаго языка и о возвращеніи россійскаго краснорѣчія иноплеменники, наблюдая собственное свое прибыточество и вражду къ россійскому парнасу, никогда и недумывали, хотя такія собранія необходимо нужны. Подъ игомъ иноплеменниковъ науки уснѣховъ имѣти не могутъ. И нигдѣ, среди своего отечества, писатели отъ иноплеменниковъ не зависятъ, не только отъ иноплеменниковъ невѣждъ; также и храмы музъ состоятъ подъ надзираніемъ сыновъ отечества.

Литтературное движеніе обнаружилось и въ Москвѣ скоро послѣ основанія университета. Фонъ-Визинъ благодаритъ университетъ больше всего зато, что въ немъ получилъ онъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Въ концѣ 1759 года въ Московскихъ Вѣдомостяхъ было объявлено, что съ 1760 года университетъ будетъ издавать періодическое сочиненіе, каждую педѣлю по одному листу. То былъ журналъ: «Полезное увеселеніе». Издавалъ его служившій при университетскомъ управленіи Херасковъ, пеутомимый стихослагатель, подражавшій Ломоносову; сотрудниками были: жена Хераскова, Сумароковъ, Поповскій, братья Фонъ-Визины и другіе менѣе извѣстные писатели. Здѣсь же впервые встрѣчается имя Богдановича; въ 1761 году онъ

помѣстилъ въ журналѣ стихотвореніе: «Законъ», направленное противъ—закона!

«Покровомъ быть въ бѣдахъ вдовамъ и сиротамъ
Безъ всѣхъ гражданскихъ правъ удобно можно намъ».

Университетъ издалъ это стихотвореніе безъ протеста со стороны юридическаго факультета, т.-е. Дильтея. Въ московскомъ университетѣ не было тѣхъ препятствій, на которыя жаловался Сумароковъ въ Петербургѣ: не было строгой цензуры ученыхъ, не было и противодѣйствія со стороны иноплеменниковъ. Въ Москвѣ иноплеменники не шли прямо противъ русскаго парнасса; но иностранныхъ профессоровъ было много, а русскихъ очень мало, и это затрудняло литературное дѣло. «Полезное увеселеніе» издавалось только три года. Профессоръ Рейхель въ 1762 году вздумалъ издавать журналъ: Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія или смѣшанная бібліотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожь до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ. Журналъ не пошелъ; издатель сложилъ вину на переводчиковъ, между которыми встрѣчаемъ опять обоихъ братьевъ Фонъ-Визинныхъ. Рейхель писалъ Миллеру: «Въ переводчикахъ недостатка не было; хороши ли они были, про то знаютъ боги; но это племя испорченное. Они не хотятъ переводить то, что имъ предлагаютъ, но выбираютъ сами, и выборъ ихъ падаетъ обыкновенно на особаго рода вещи. Еслибы я съ этими людьми не взялъ возжей въ руки, то изъ моего изданія вышла бы помойная яма». Хорошъ былъ также издатель, который по незнанію русскаго языка, предоставлялъ богамъ рѣшить, хороши ли были переводчики. Но журналы съ русскими издателями не переводились при университетѣ: въ 1763 году Херасковъ издавалъ «Свободные часы», а Богдановичъ «Невинное упражненіе»; въ 1764 году студентъ Санковский издавалъ «Доброе намѣреніе».

Кромѣ участія въ журналахъ, воспитанники университета занимались переводами отдѣльныхъ сочиненій, которыя продавали содержателямъ университетской книжной лавки; тѣ охотно брали рукописи переводовъ и печатали ихъ, надѣясь на хорошей сбытъ при усиливавшейся охотѣ къ чтенію въ обществѣ. Чѣмъ иногда книгопродавцы платили молодымъ переводчикамъ за ихъ

труды, расскажетъ намъ Фонъ-Визинъ. «Въ университетѣ, говорить онъ, былъ тогда книгопродавецъ, который услышалъ отъ моихъ учителей, что я способенъ переводить книги. Сей книгопродавецъ предложилъ мнѣ переводить Гольберговы басни; за труды обѣщалъ чужестранныхъ книгъ на 50 рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть со временемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условленныя деньги мнѣ отдалъ. Но какія книги! Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами, кои развратили мое воображеніе и возмутили душу мою». Въ Петербургѣ также хлопотали о переводахъ. Въ 1761 году синодъ одобрилъ къ напечатанію переведенную Волчковымъ всеобщую исторію Боссюэта (Рѣчь на универсальную исторію епископа мозанскаго Босвета). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сенатъ слушалъ доношеніе надворнаго совѣтника Волчкова: въ 1757 году по указу сената велѣно ему перевести книгу Гюгона Гроція о мирномъ и военномъ правѣ въ 2 томахъ и за переводъ опредѣлено по 300 рублей на годъ, а перевести обязался онъ въ 5 лѣтъ, и нынѣ первый томъ подносить. Приказали: отослать въ св. синодъ для цензуры и требовать непродолжительнаго освидѣтельствванія, дабы книги скорѣе напечатаны и въ народную пользу употреблены быть могли, а притомъ требовать, чтобъ синодъ о имѣющихся въ своемъ вѣдомствѣ на иностранныхъ языкахъ непереведенныхъ духовныхъ книгахъ сенату сообщилъ краткій реестръ, почему сенатъ не преминетъ взять попеченіе, дабы оныя дозволеннымъ всякому переводомъ съ пристойнымъ награжденіемъ скорѣе для общей пользы народу выданы были, и чтобъ изъ академіи наукъ такой же реестръ немедленно въ сенатъ былъ поданъ. Синодъ продержалъ Гуго-Гроція три года; въ 1764 году Волчковъ представилъ второй томъ и просилъ отыскать и первый томъ, посланный въ синодъ въ 1761 году¹⁶⁷. Въ 1761 году въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ читалось объявленіе: «Симъ объявляется, чтобъ имѣющіе у себя исправно переведенныя на російскій языкъ книги, которыя бы для народной пользы могли быть напечатаны, объявили оныя въ академической книжной лавкѣ, за что чинено будетъ имъ пристойное награжденіе деньгами или равномѣрно нѣкоторымъ числомъ

экземпляровъ по напечатаніи той книги. Ежели кто пожелаетъ въ свободное время переводить книги изъ платы, то оныя даны будутъ ему изъ оной же книжной лавки, выбирая такія матеріи, къ которымъ кто наибольше склонности и способности имѣть будетъ. — Разумѣется переводы серьезныхъ книгъ расходились не очень быстро, и потому, чтобъ побудить заниматься ими, правительство предлагало вознагражденіе; гораздо быстрѣ расходились переводные романы; въ Петербургѣ и Москвѣ публиковалось о продажѣ такихъ книгъ: Повѣсть о княжнѣ Жеванѣ, королевѣ мексиканской, Любовь безъ успѣха—испанская повѣсть, Любовь сильнѣ дружбы, Геройскій духъ и любовныя прохлады Густава Вазы, короля шведскаго, Приключенія Зелитовы, Любовный вертоградъ, Несчастливая Флорентинка, Побочный сынъ короля наварскаго, Двѣ любовницы—гишпанская повѣсть и проч. Сумароковъ въ Трудолюбивой Пчелѣ возставалъ противъ романовъ: «Романовъ столько умножилось, что изъ нихъ можно составить половину библіотеки цѣлаго свѣта. Пользы отъ нихъ мало, а вреда много. Хорошіе романы хотя и содержатъ нѣчто достойное въ себѣ, однако изъ романовъ въ нудъ вѣсомъ спирту одного фунта не выйдетъ, чтеніемъ онаго больше употребится времени на бесполезное, нежели на полезное».

Въ концѣ описываемаго времени, именно въ 1764 году, явилось въ Москвѣ литературное произведеніе особаго рода на французскомъ и русскомъ языкахъ: каталогъ книгъ дѣйствительно существующихъ или вымышленныхъ, сочинителями которыхъ были выставлены извѣстные лица, большею частію высокопоставленные, причемъ заглавіе книги соотвѣтствовало какому-нибудь качеству этихъ лицъ или событію въ ихъ жизни,⁵ обыкновенно въ насмѣшливомъ смыслѣ. Каталогъ начинался ласкательнымъ отзывомъ о самой императрицѣ и великомъ князѣ: «Увѣчанная добродѣтель, соч. г-жи».... (Екатерина). «Искусство и средство нравиться, соч. ея сына» цесаревичъ (Павель), «Энциклопедія, соч. г. Павина». — «Торжество Вакха, соч. г. Бутурлина» (извѣстный фельдмаршалъ). «Графъ Тюфьеръ, соч. г. Елагина» (насмѣшка надъ чванствомъ Елагина). «Исторія прошедшаго времени, соч. г. Шувалова». «Полезъ путешествій, соч. Канцлера» (Воронцова). «Затмѣніе, соч. княгини Дашковой» (указаніе на немилость къ ней императрицы). «Никогда обо всемъ не подумаешь,

соч. графа Девьера» (намекъ не извѣстное порученіе, принятое имъ отъ Петра III относительно Кронштадта), и т. д. ¹⁶⁸ Главнo-командующій въ Москвѣ, графъ Солтыковъ донесъ императрицѣ объ этомъ сочиненіи въ такихъ выраженіяхъ: «Развращенное здѣсь на Москвѣ между молодыми людьми своевольство и наглость до такой высокой степени возрасли, что нѣкоторые изъ нихъ, не устращаясь высокомонаршаго правосуднаго гнѣва и забывая всякую честь и честность, дерзнули по всему городу потаенно разсѣять ругательныя сочиненія, состоящія въ каталогахъ на французскомъ и русскомъ языкахъ, въ которыхъ до 300 человекъ и больше какъ извнатиѣшнихъ, такъ и прочихъ фамилій, въ томъ числѣ дамы и дѣвицы, не взирая ни на чины, ни на достоинство наичувствительнѣйшими и язвительнѣйшими выраженіями обезчещены и обижены» Солтыковъ требовалъ, чтобъ пасквили были сожжены рукою палача, и Екатерина приказала исполнить это требованіе. ¹⁶⁹ Въ Петербургѣ въ 1765 году появился «Сопъ» Эмпина, заключавшій въ себѣ сатиру на управленіе академіею наукъ, новыми воспитательными заведеніями Бецкаго и сухопутнымъ кадетскимъ корпусомъ: «Во снѣ видѣлъ я сухощавую старуху. Она завезла меня на нѣкоторый островъ. Тамъ разныя собранія и сообщество находятся, и старуха моя повела меня въ ученое собраніе (академіи наукъ), котораго главный членъ (Разумовскій) былъ ужасный медвѣдь, ничего незнающій и только въ томъ упражняющійся, чтобы вытаскивать медъ изъ чужихъ ульевъ и присвоивать чужія пасѣки къ своей норѣ; онъ же слово «науки» разумѣлъ разно: то почиталъ оное за званіе города, то за званіе села; совѣтникъ сего собранія былъ прожорливый волкъ (Таубертъ) и ненавидѣлъ тамошнихъ звѣрей, ибо онъ былъ не того лѣсу звѣрь и потому называли его чужелѣннымъ... Въ томъ собраніи былъ третій членъ (Ломоносовъ), который совѣтъ не походилъ на тамошнихъ звѣрей и имѣлъ видъ и душу человѣческую; онъ былъ весьма разуменъ и всякаго почтенія достоинъ, но въ снѣ собраніемъ ненавидимъ за то, что родился въ тамошнемъ лѣсу, а прочіе онаго собранія ученые скоты, ищучи своей паствы, зашли на оный островъ по случаю.—Старуха моя завезла меня въ новозаведенное собраніе (академіи художествъ), гдѣ разнымъ художествамъ разныхъ животныхъ обучали. Изъ нихъ многіе были уже весьма

искусны и умѣли ставить и зажигать плошки въ праздничные дни; многіе изъ нихъ учились быть комедіантами, чему я весьма удивившись, спросилъ у своей старухи: «Что это за новый обычай я здѣсь вижу? У насъ художникъ съ комедіантомъ весьма различныя твари: одни любятъ праздность и роскошь, другіе трудъ и безпрестанную работу; одни уронъ обществу причиняютъ, а другіе пользу». На что мнѣ такъ отвѣчала старуха: «Этого собранія главный членъ (Бецкій) чуднаго сложенія и дѣлаетъ учрежденія по своему вкусу; правда, что онъ родился въ здѣшнихъ лѣсахъ, однако своихъ животныхъ не любитъ и весьма пристрастенъ къ чужелѣснымъ, потому что не знаетъ числа своихъ отцовъ и думаетъ, что въ рожденіи его могли имѣть большое участіе чужелѣсныя животныя, какъ здѣсь очень въ модѣ, и проч.»¹⁷⁰.

Авторъ сатиры, какъ видно, былъ послѣдователь Руссо, отвергалъ пользу театра; но сильное большинство русскихъ сколько-нибудь образованныхъ людей не раздѣляло его мнѣнія. Мы видѣли приготовленія къ учрежденію публичнаго русскаго театра. Въ октябрѣ 1756 года было объявлено, что «ея императорское величество изволила указать для умноженія драматическихъ сочиненій, кои на руссійскомъ языкѣ при самомъ началѣ справедливую хвалу отъ всѣхъ имѣли, установить руссійскій театръ, котораго дирекція поручена бригадиру Сумарокову». Но Сумароковъ пробылъ директоромъ только до 1761 года. Есть извѣстіе, что онъ удаленъ въ слѣдствіе какой-то ссоры съ актрисами; но какъ бы то ни было, Ив. Ив. Шуваловъ умѣлъ придать этому удаленію самый благовидный характеръ. Придворная контора донесла сенату: «Въ сообщеніи, присланномъ отъ Ив. Ив. Шувалова, написано: ея императорское величество изволила указать г. бригадира Сумарокова, имѣющаго дирекцію надъ руссійскимъ театромъ, по его желанію отъ сей должности уволить, жить ему гдѣ пожелаетъ, а за его труды въ словесныхъ наукахъ, которыми онъ довольно сдѣлалъ пользы и за установленіе руссійскаго театра производить жалованье, каковое онъ нынѣ имѣетъ. Г. Сумароковъ, пользуясь высочайшею милостію, будетъ стараться, имѣя свободу отъ обязанностей, усугубить свое приложеніе въ сочиненіяхъ, которыя сколько ему чести, столь всѣмъ любящимъ чтеніе удовольствія при-

носить будутъ». ¹⁷¹ Въ Москвѣ Шуваловъ тѣсно соединилъ театръ съ университетомъ: въ 1760 году въ университетѣ на казенномъ содержаніи было 30 студентовъ, и четверо изъ нихъ готовились для театра. Въ 1757 году въ Московскихъ Вѣдомостяхъ было объявлено: «Женщинамъ и дѣвицамъ, имѣющимъ способность и желаніе представлять театральныя дѣйствія, также пѣть и обучать тому другихъ, явиться въ канцелярію университета»; и въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1761 года вызовъ былъ сдѣланъ такъ: «Знающія грамотѣ дѣвицы, желающія опредѣлиться въ службу ея императорскаго величества при придворномъ театрѣ явиться могутъ у перваго придворнаго русскаго театра актера Ѳедора Волкова». Директоръ университета повезъ лучшихъ воспитанниковъ московскаго университета въ Петербургъ для представленія куратору Шувалову; въ числѣ этихъ воспитанниковъ былъ и Фонъ-Визинъ, который описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него театромъ: «Ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію (т.е. переведенную на русскій языкъ) *Генрихъ и Перилла*. Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно; комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аѳанас. Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ». Но два поколѣнія порознились во взглядахъ. Когда послѣ въ 1763 году Фонъ-Визинъ написалъ изъ Петербурга сестрѣ, что у него былъ актеръ Дмитревскій съ женой, то отецъ Фонъ-Визина написалъ сыну, что это предосудительно ¹⁷².

Но не всё раздѣляли восхищеніе молодого Фонъ-Визина относительно русскихъ актеровъ; охотники до французскаго театра, существовавшаго при дворѣ, не очень благосклонно отзывались о русскихъ актерахъ, и эти отзывы повторялъ маленькій великій князь. Однажды онъ сказалъ Порошину, что Дмитревскій въ чужіе края ѣдетъ смотрѣть англійскаго и французскаго театра. Когда Порошинъ спросилъ, скоро ли Дмитревскій ѣдетъ и на долго ли, то великій князь отвѣчалъ: «я, братецъ, въ подробности о комедіантахъ не вхожу, а особливо о русскихъ». — «Для чегожь бы о русскихъ комедіантахъ не входить въ подробности?» спросилъ Порошинъ. — «Для того, что они дурно играютъ», отвѣчалъ великій князь ¹⁷³.

Кромѣ русскаго и французскаго театровъ въ Петербургѣ была опера, которая находилась подъ дирекцію италіанца Локателли. Въ концѣ декабря 1757 года въ вѣдомостяхъ читалось объявленіе, что 8 декабря на большомъ театрѣ близъ лѣтнаго дворца представлена будетъ для публички новоприбывшимъ комической оперы директоромъ Локателліемъ на италіанскомъ языкѣ опера: «Убѣжище боговъ», съ котораго переводъ на російскій языкъ продается въ академической книжной лавкѣ. Иногда опера сопровождалась двумя балетами; съ *смотрителей* бралось по рублю; послѣ представленія оперы въ оперномъ же домѣ сожигали фейерверкъ. Въ сентябрѣ 1759 года было объявлено, что 10 числа представлена будетъ новая опера: «Нощной барабанщикъ или графъ Карамелла», причемъ новая пѣвица и новый пѣвецъ пѣть будутъ. Также объявляется, что впредь сколь часто представлена будетъ новая опера или новыя балеты, за первый и за второй разъ положено брать за входъ по одному рублю, а за слѣдующіе послѣ того представленія по полтинѣ. Въ оперномъ же театрѣ происходили и русскія представленія. Въ вѣдомостяхъ печатались и отзывы объ игрѣ артистовъ. Такъ въ 1764 году читали: «Октября 24 на придворномъ театрѣ представлена была опера Карль Великій, причемъ пѣвица г-жа Колонна съ превосходнымъ искусствомъ представляла первую роль и пріятнымъ своимъ голосомъ не токмо высочайшую ея императорскаго величества получила апробацію, но и всѣхъ слушателей привела въ восхищеніе. Потомъ представленъ былъ балетъ, Аполлонъ и Дафна, въ которомъ танцовщица г-жа Фузи столь же

рѣдкое оказала проворство, что ея императорское величество изволила изъявить всевысочайшее свое о томъ удовольствіе, а всѣ смотрители часто повторяемымъ біеніемъ въ ладонъ засвѣдѣтельствовали, коликой она достойна похвалы».

На другой годъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, въ апрѣлѣ 1758 года Локателли получилъ право завести и въ Москвѣ оперный домъ «на своемъ коштѣ» ¹⁷⁴. Въ 1759 году встрѣчаемъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе, что 16 іюля на оперномъ московскомъ театрѣ представлена будетъ новая опера графъ Карамелла, начало въ половинѣ седьмого. Въ октябрѣ объявлялось, что въ оперномъ театрѣ Локателли будетъ первый публичный маскарадъ. И въ Москвѣ въ оперномъ домѣ у Локателли давались русскія представленія, которыми завѣдывалъ директоръ университета; къ этому директору сохранился любопытный ордеръ куратора Ив. Ив. Шувалова: «Я слышалъ, что наши комедіанты, когда хотятъ играть, а когда не хотятъ, то изполовина начатой комедіи или трагедіи перестаютъ и такъ, не докончавъ, оставляютъ, причиною представляя холодъ, изъ которыхъ непорядковъ нельзя ожидать ни плода ни прибыли, и тѣмъ самымъ отгоняютъ охотниковъ къ спектаклямъ, почему народъ съѣзжается гораздо прежняго менѣе» ¹⁷⁵. Связь университета съ театромъ высказывалась въ университетскихъ праздникахъ, которые такъ описываются въ вѣдомостяхъ: послѣ акта съ рѣчами, вечеромъ знатныя персоны и дворянство приглашены были отъ университета въ оперный домъ на италіанскую интермедію, послѣ которой въ университетскомъ домѣ для оныхъ же персонъ у г. директора былъ ужинъ. Театръ былъ основанъ для умноженія драматическихъ сочиненій; но русскія драматическія сочиненія умножались медленно, и для поддержки театра нужно было передѣлывать и переводить иностранныя. Изъ переводчиковъ иностранныхъ драматическихъ произведеній особенно потрудились: Иванъ Кропотовъ, переведшій лучшія комедіи Мольера; Андрей Нартовъ, сынъ извѣстнаго токаря Петра Великаго, и Ельчаниновъ.

Кромѣ актеровъ, оперныхъ пѣвцовъ и балетчиковъ западная Европа высылала въ Петербургъ и Москву также людей, могшихъ занять вниманія русскихъ людей и другими средствами. Въ Петербургѣ, на Милліонной улицѣ показывались восковыя

персоны въ натуральной величинѣ и въ изрядномъ платьѣ, всякіе же восковыя фрукты и кушанья. Притомъ мальчикъ 11 лѣтъ скакалъ, кувыркался, баланцировалъ и волтижировалъ, а не большая обезьяна, наряженная въ платье, дѣлала многія штуки и возила собаку на телѣжкѣ по канату; знатныя персоны платили по ихъ изволенію, а прочія за восковыя фигуры платили по 25 коп., а вмѣстѣ съ мальчикомъ и обезьяною по 50. Голландскій ташеншилеръ Рейманъ объявлялъ, что досталъ новыя штуки, также и разныхъ звѣрей показываеъ, кто желаетъ смотрѣть его штуки или имъ учиться, тѣ могли призывать его въ свои дома; онъ также раздаеъ книжки, по которымъ можно выучиться ташеншилерскому искусству, наконецъ онъ же продаеъ спиртъ, которымъ можно выводить пятна на платьѣ. Въ Москвѣ французскій механикъ Дюмолинъ показывалъ курьезныя самодѣйствующія машины, канарейку, которая такъ натурально пѣла, какъ живая. Показывалась птица струсъ, которая больше всѣхъ птицъ въ свѣтѣ, ѣсть сталь, желѣзо, разнаго рода деньги и горячіе угольи. За смотрѣніе каждый изъ благородныхъ могъ заплатить по своему изволенію, съ купечества бралось по 25 копѣекъ, а простому народу цѣна объявлялась при самомъ входѣ. Но среди этихъ заморскихъ диковинъ, дѣлавныхъ канареекъ, русскіе люди сохраняли свою старую охоту къ пѣвчимъ птицамъ, и въ Петербургѣ объявлялось о продажѣ московскихъ соловьевъ, которые были свистами и пѣніемъ коленасты съ раскатами; также сбрыхъ дроздовъ съ изрядными колѣнами, а черныхъ съ курантами и ямскимъ свистомъ.

Учрежденный въ 1755 году, Московскій университетъ въ 1757 году подалъ доношеніе въ сенатъ объ учрежденіи академіи художествъ. «Щедротю ея императорскаго величества, говорилось въ доношеніи, подъ ея покровительствомъ науки въ Москвѣ приняли свое начало и тѣмъ ожидается желанная польза отъ ихъ успѣховъ; но чтобъ оныя въ совершенство приведены были, то необходимо должно установить академію художествъ, которой плоды когда приведутся въ состояніе, не только будутъ славою здѣшней имперіи, но и великою пользою казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранныя посредственнаго знанія, получая великія деньги, обогащаются, возвращаются, не оставя по сіе время ни одного русскаго ни въ какомъ

художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать. Причина тому, что многіе молодые люди, имѣя великую склонность, а болѣе природное дарованіе, не имѣютъ знанія въ иностранныхъ языкахъ, почему бы толкованіе своего мастера разумѣли, а еще меньше основаній наукъ, необходимыхъ къ художеству. Если правительствующій сенатъ также какъ и о учрежденіи университета оное представленіе принять изволитъ и сіе апробовать, то нѣкоторое число взявши способныхъ изъ университета учениковъ, которые уже и опредѣлены учиться языкамъ и наукамъ, принадлежащимъ не художеству, можно ими скоро доброе начало и успѣхъ видѣть. Сія академія будетъ учреждена въ С.-Петербургѣ по причинѣ, что лучшіе мастера не хотятъ въ Москву ѣхать какъ въ надеждѣ имѣть отъ двора работы, такъ и для лучшаго довольствія иностранныхъ здѣшней жизни»¹⁷⁶.

Представленіе было принято и немедленно приведено въ исполненіе, потому что представленіе университета значило представленіе Ив. Ив. Шувалова. Университетъ остался за Шуваловымъ и по удаленіи его за границу; но академія художествъ передана была Бецкому: «въ отсутствіи генераль-поручика Шувалова говорилъ указъ, принять въ правленіе академію художествъ гекераль-поручику Бецкому, а какъ она академія сообщена была къ университету, по причинѣ что помянутый Шуваловъ въ обонхъ сихъ мѣстахъ дирекцію имѣлъ, нынѣ ея императорское величество за полезно разсудила оную академію совѣмъ отъ университета отдалить и правленіе особливое въ ней учредить»¹⁷⁷. Порошинъ оставилъ намъ описаніе торжественнаго засѣданія въ академіи художествъ. «Поѣхали въ академію художествъ. Встрѣтилъ тамъ государя цесаревича Ив. Ив. Бецкій совѣмъ своимъ собраніемъ. Все весьма было чинно и церемониально. Извѣстно, что Ив. Ив., располагать церемоніи и глазамъ дѣлать увеселеніе весьма искусенъ. Пришедъ въ покой, сѣлъ тамъ за богатоубранный столъ. Конференцъ-секретарь Салтыковъ читалъ вслухъ письма отъ вице-канцлера князя Голицына, отъ графа Ив. Григ. Чернышева и отъ Адама Вас. Олсуфьева, которые объявляли желаніе свое быть принятыми въ число почетныхъ любителей. Еще читано письмо отъ Гр. Ник. Теплова, который желалъ быть принятъ въ почетные члены. По прочтеніи каждого письма, Ив. Ив. качалъ головою

по два раза, сперва на правую, потомъ на лѣвую сторону. Послѣ сего всѣ члены академіи привстаніемъ своимъ, какъ видно, знакъ согласія своего показывали. Тогда приказалъ Ив. Ив. конференцъ-секретарю объявить о томъ, кто принятъ. Всѣ приняты, которыхъ письма читали. Началось баллотированье. Подъ Ив. Ив. Бецкимъ въ академіи нынѣ директоръ Какориновъ. По штату положено, чтобъ всякіе четыре мѣсяца изъ профессоровъ выбирались въ директоры по баллотированію. Баллотировали Какорина, профессоровъ: Жилета (скульптуры), Ламота (архитектуры) и Торелли (живописи). Досталось по балламъ остаться по прежнему Какоринову. Симъ засѣданіе кончилось. Пошли смотрѣть картинъ, писанныхъ съ натуры, которыя всѣ весьма порядочно были расположены. На шесть изъ нихъ, которыя какъ сказываютъ, прежде еще признались за лучшія, конференцъ-секретарь приложилъ печать, для раздачи послѣ премій. Потомъ смотрѣли чертежи нововыѣзжаго изъ чужихъ краевъ нашего архитектора г. Баженова, которые подлинно хорошо расположены и вымыслены и отъ всѣхъ присутствовавшихъ во многомъ числѣ дамъ и кавалеровъ общую похвалу получили» ¹⁷⁸. Цесаревичъ самъ былъ членомъ академіи, которая объявила въ вѣдомостяхъ, что великій князь прислалъ съ Порошинымъ письмо и вмѣстѣ рисунокъ трудовъ своихъ, «который академія сохранить вѣчнымъ себѣ монументомъ ради показанія потомству, въ какомъ почтеніи свободныя художества нынѣ въ Россіи, во дни царствованія Вторыя Екатерины». Въ письмѣ цесаревича говорилось: «Почтенная академія художествъ! привилегія всемилостивѣйше данная вамъ отъ матери моей государыни присвоить вашему корпусу любителей художествъ, возбудила во мнѣ желаніе распространить мою любовь, охоту и почитаніе къ художествамъ, представя себя быть сочленомъ вашимъ. Примите здѣсь въ знакъ особливаго моего уваженія къ полезнымъ трудамъ вашимъ опытъ начальныхъ моихъ въ томъ упражненій и увѣрьтесь симъ залогомъ, что я при продолженіи оныхъ всегда буду вамъ доброжелательнымъ Павелъ» ¹⁷⁹.

Это было учрежденіе будущаго. Теперь взглянемъ, что было сдѣлано уже относительно искусства въ Россіи въ описываемое десятилѣтіе. Зимній дворецъ былъ оконченъ къ самому концу царствованія Елисаветы. Но дочь Петра Великаго заботилась о

возстановленіи священнаго зданія, построеннаго въ память рожденія отца ея. Въ 1757 году она приказала: «Исакиевскую соборную церковь на другое мѣсто не переносить, только всѣми архитекторами, механиками и *каменными* мастерами осмотрѣть, возможноль ее безъ разбиранія укрѣпить; еслижъ не возможно, то разобрать и новую построить, а прежде всего берегъ укрѣпить.» Сенать велѣлъ созвать—оберъ-архитектора (Растрелли) и всѣхъ архитекторовъ, преимущественно архитектора при коммерцъ-коллегіи, Фростенберга, который обладалъ особеннымъ искусствомъ въ механикѣ. Нашли что церковь укрѣпить нельзя, надобно ее разобрать и построить новую. Въ 1761 году сенать опредѣлилъ къ построенію Исакиевской церкви архитектора Чевакинскаго подъ смотрѣніемъ оберъ-архитектора Растрелли «понеже правительствующій сенать о искусствѣ и знаніи архитектора Чевакинскаго довольно извѣстенъ». Въ то же время исправлялась колокольня Петропавловскаго собора: сенать поручилъ Растрелли опредѣлить къ этому дѣлу архитектора изъ русскихъ. Подрядчикъ взялся разобрать Исакиевскую церковь за 2445 рублей. Чевакинскій представилъ, что необходимо укрѣпить берегъ каменною стѣною, употребляя какъ въ водѣ, такъ и сверхъ воды дикій тесанный камень съ свинцомъ, а бутъ изъ тосненской плиты съ известью отъ самаго дна Невы, что будетъ стоить 9934 рубля. Сенать согласился. Знаменитый Растрелли сошелъ съ поприща въ началѣ царствованія Екатерины: въ 1763 году онъ уволенъ отъ всѣхъ занятій за старостію и слабостію и за 48-лѣтнюю *добропорядочную* службу получилъ 1000 рублей ежегодной пенсіи. Но подлѣ его имени мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ именъ русскихъ архитекторовъ: кромѣ приведеннаго выше Чевакинскаго, князя Дмитрія Ухтомскаго (строителя колокольни въ Троицкой лаврѣ), брата его князя Сергѣя, Мичюрина, Бланка, троихъ Яковлевыхъ, Василья, Ивана и Семена, Никитина, Рославлева, Суровцова. Въ разсказѣ Порошина мы встрѣтили имя только что пріѣхавшаго изъ-за границы русскаго архитектора Баженова, котораго работы такъ всѣмъ понравились; въ 1756 году архитектуріи ученикъ Семень Баженовъ пожалованъ былъ помощникомъ архитектурнымъ въ рангѣ подпоручика и съ жалованьемъ по 150 рублей ¹⁸⁰.

Относительно живописи нуждались особенно въ портрети-стахъ; представителемъ этого искусства въ высшихъ сферахъ былъ графъ Ротари; изъ русскихъ извѣстенъ былъ Алексѣй Антроповъ, написавшій для сенатской канцелярїи портретъ импера-тора Петра III-го за 400 рублей ¹⁸¹. О знаменитомъ портретѣ Екатерины II-й, написанномъ датскимъ живописцемъ Ерихсе-номъ, находимъ извѣстїе у Порошина: «Портретъ писалъ дат-скій живописецъ и очень схоже. Ея величество въ пѣхотномъ гвардейскомъ мундирѣ и на той сѣрой лошади написана, на ко-торой она во время восшествїя своего на престоль изъ Петер-гофа обратно сюда шествовать изволила. Волосы написаны рас-пущенные и платье все въ ныли, какъ мы своими глазами ви-дѣли» ¹⁸².

Еще 22 іюля 1743 года императрица Елисавета приказала сдѣ-лать два мѣдныхъ *портрета* (статуи) Петра Великаго. 19 авгу-ста 1764 года канцелярїя отъ строеной донесла сенату, что одинъ изъ этихъ портретовъ сидящій на конѣ сдѣланъ итали-авцомъ, штукатурныхъ дѣлъ мастеромъ Александромъ Мартел-ліемъ, и требовала 40937 рублей на окончательную отдѣлку па-мятника, на сооруженіе пьедестала и на выдачу жалованья ма-стеру и рабочимъ. Сенатъ рѣшилъ: такъ какъ ему неизвѣстно, будетъ ли угодно ея императорскому величеству приказать окон-чить эту статую, то пусть генераль-поручикъ Бецкій доложить объ этомъ императрицѣ. 16 октября Бецкій донесъ: вылитый изъ мѣди портретъ Петра Великаго ея императорское величество апробовать не соизволила, въ разсужденїи, что не сдѣланъ искусствомъ такимъ, каково бѣ должно представитъ великаго монарха и служить къ украшенію столичнаго города ¹⁸³.

Мы окончимъ главу указаніемъ на явленіе, еще небывалое въ новой Россїи. Мы видѣли, что новгородскій губернаторъ Си-версъ писалъ о пользѣ хозяйственнаго общества въ Россїи, представляя въ примѣръ успѣхъ англійскаго общества. Обще-ство составилось и въ октябрѣ 1765 года первые 15 членовъ поднесли императрицѣ уставъ при письмѣ: «Мы всеподданнѣй-ше соединились добровольнымъ согласіемъ установить между нами собраніе, въ которомъ вознамѣрились общимъ трудомъ ста-раться о исправленїи земледѣлія и домостройства. Ревность на-ша и усердіе сколь ни велики, но когда подкрѣплены не будутъ

покровительствомъ монаршимъ, то и трудъ нашъ будетъ безъ оживотворенія. Сего ради дерзновеніе приедемъ просить вашего императорскаго величества, дабы имѣли счастье быть подъ единственнымъ только вашего императорскаго величества покровительствомъ, и чтобъ общество наше управлялось въ трудахъ своихъ собственными своимъ между собою обязательствами и установленіями, почему и называлось бы во всѣхъ случаяхъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ». Императрица отвѣчала: «Планъ и уставъ вашъ, которыми вы другъ другу обязались, мы похваляемъ; изволите быть благонадежны, что мы оное приедемъ въ особенное наше покровительство». Императрица дала обществу собственный свой девизъ: пчелы, въ улей медь приносящія, съ надписью: *полезное*, и 6000 рублей на покупку дома. Первымъ предсѣдателемъ былъ графъ Григор. Григор. Орловъ ¹⁸⁴.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Журналы Сената 1764 года 19 марта.
2. Дѣла Тайной Канцеляріи 1732 года.
3. Дѣло о Мировичѣ и переписка императрицы Екатерины по этому дѣлу въ Государственномъ Архивѣ. О послѣднихъ минутахъ Мировича разсказъ А. С. Строганова въ Запискахъ Порошина.
4. Журналы Сената 3 февраля 1764 года.
5. Сборникъ Рус. Истор. [Общ. VII, 345.
6. Журналы Сената 2 іюня.
7. Тамъ же 30 іюля.
8. Тамъ же 12 января.
9. Тамъ же, 10 и 26 марта.
10. Тамъ же, 27 апрѣля, 30 іюня, 5, 18 и 19 августа, 19 октября, 2 ноября.
11. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 404.
12. Пол. Собр. Зак. № 12105.
13. Журналы Сената 1 и 2 апрѣля.
14. Пол. Собр. Зак. № 12037.
15. Журналы Сената 12 мая, 21 іюля, 2 и 20 августа, 15 сентября и 20 октября.
16. Пол. Собр. Зак. № 12009. Петербург. Вѣдомост. 1765 г. отъ 7 января.
17. Журналы Сената 11 февраля.
18. Пол. Собр. Зак. № 12150.
19. Журналы Сената 20 августа.
20. Тамъ же, 7 и 9 февраля, 4 октября и 9 декабря.—Записка Екатерины Чернышеву отъ 11 мая въ Государ. Архивѣ, въ копіи.
21. Тамъ же, 5 марта, 26 апрѣля, 14 іюня.
22. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 351.
23. Полн. Собр. Зак. № 12137.
24. Тамъ же, № 12181.
25. Журналы Сената 2 ноября и 2 декабря.

26. Тамъ же, 27 апрѣля.
27. Пол. Собр. Зак. № 12060.
28. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 394.
29. Журналы Сената 24 сентября и 11 ноября.
30. Собр. постановлений по части раскола I, 600.
31. См. Исторію Россіи XXV, 298.
32. Тепловъ не обратилъ вниманія на самое важное возраженіе противъ этого показанія о бѣгствѣ крестьянъ въ Польшу: извѣстно, что туда бѣжали крестьяне крѣпостные, спасаясь отъ помѣщичьихъ притѣсненій, а свободнымъ зачѣмъ было бѣжать?
33. Записка эта напечатана во II томѣ Записокъ о южной Руси; но безъ основанія отнесена здѣсь ко временамъ императрицы Елисаветы.
34. Сборникъ Русск. Истор. Общ., VII, 375.
35. Въ Государ. Архивѣ.
36. Тамъ же.
37. Пол. Собр. Зак. № 12277.
38. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 376.
39. Въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.
40. Пол. Собр. Зак. № 12099.
41. Тамъ же, № 12211.
42. Тамъ же, № 12293.
43. Донесеніе въ Государ. Архивѣ.
44. Журналы Сената 1 марта.
45. Тамъ же, 16 февраля, 21 іюня.
46. Дѣло въ Сенатскомъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ.
47. Исторія Россіи XXV, 321.
48. Дѣла польскія 1764 года.—Correspondance enédite du roi Stanislas-Auguste Poniatowski et de madame Goeffrin.—Раумеръ III, 354.
49. Дѣла прусскія того же года. Письма Фридриха II въ Государ. Архивѣ.—Forschungen zur deutschen Geschichte.
50. Дѣла австрійскія того же года. Correspondance secrète de Louis XV, I, 312, 313.
51. Дѣла французскія того же года. Раумеръ, III, 331, 352.
52. Дѣла турецкія и крымскія того же года.
53. Дѣла шведскія того же года.—Раумеръ, III, 215, 319.
54. Дѣла датскія того же года.
55. Дѣла англійскія того же года.—Конференція о китайскихъ дѣлахъ въ бумагахъ Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ.
56. Журналы Сената, 26 января.
57. Пол. Собр. Зак. № 12444.
58. Журналы Сената, 1 и 2 августа.

59. Тамъ же, 6 іюня.
 60. Пол. Собр. Зак. № 12472.
 61. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 23.
 62. Тамъ же, стр. 50.
 63. Журналы Сената, 4 мая.
 64. Собр. Русск. Истор. Общ. X, 36.
 65. Пол. Собр. Зак. № 12452.
 66. Журналы Сената, 2 декабря.
 67. Тамъ же, 23 сентября.
 68. Тамъ же, 10 марта и 3 мая.
 69. Тамъ же, 17 марта.
 70. Тамъ же, 29 апрѣля.
 71. Исторія Россіи, XXV, 273.
 72. Пол. Собр. Зак. № 12345.
 73. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 56.
 74. Журналы Сената, 17 августа.
 75. Тамъ же, 20 мая.
 76. Тамъ же, 17 октября. Это дѣло Чагина съ Козиннымъ.
 77. Тамъ же, 14 іюня.
 78. Тамъ же, 31 октября.
 79. Пол. Собр. Зак. № 12426.
 80. Журналы Сената, 6 іюня.
 81. Тамъ же 25 января. Донесеніе Обрѣзкова въ Моск. Архивѣ Мин.
- Ин. Дѣль.**
82. Тамъ же, 11 и 18 апрѣли, 20 мая.
 83. Пол. Собр. Зак. № 12406.
 84. Blum—Ein russischer Staatsmann, I.
 85. Журналы Сената, 10 мая.
 86. Пол. Собр. Зак. № 12347.
 87. Тамъ же, № 12372.
 88. Переписка Сиверса съ Екатериною въ Государ. Архивѣ и въ Москов. Архивѣ Мин. Иностран. Дѣль.
 89. Журналы Сената, 13 іюня.
 90. Тамъ же, 3 марта.
 91. Тамъ же, 16 мая.
 92. Тамъ же, 8 іюля.
 93. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 32.
 94. Журналы Сената, 12 декабря.
 95. Тамъ же, 18 іюля.—Въ челобитьи Демидова въ Сибирскій Приказъ 10 февраля 1702 года говорилось: бьетъ челомя Тулянинъ, оружейнаго и желѣзнаго дѣла мастеръ Никита Демидовъ: на Тулѣ де у

него желѣзные заводы и на тѣхъ заводахъ льютъ всякіе воинскіе припасы; а нынѣ по именному указу около Тулы дубовыхъ лѣсовъ на уголье и ни на какія дѣла рубить не велѣно и за угольемъ на тѣхъ заводахъ чинится остановка: а великому государю пожаловать бы его Демидова, велѣть съ Москвы отпустить въ Сибирь на Верхотурскіе желѣзные заводы и на тѣхъ заводахъ воинскіе припасы лить и проч. Любопытна причина ухода Демидова къ Уральскимъ горамъ: запрещеніе Петра истреблять дубовыя лѣса около Тулы!

96. Тамъ же 2 іюня.
97. Пол. Собр. Зак. № 12498, 12311.
98. Обѣ бумаги въ Государ. Архивѣ.
99. Пол. Собр. Зак. № 12329.
100. Тамъ же, № 12334.
101. Журналы Сената, 14 іюля.
102. Пол. Собр. Зак. № 12379.
103. Тамъ же, № 12378.
104. Журналы Сената 9 и 17 іюня.
105. Тамъ же 17 августа.
106. Пол. Собр. Зак. № 12454.
107. Журналы Сената, 10 октября.
108. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 9.
109. Письмо отъ 9 іюля 1765, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.
110. Журналы Сената, 8 марта.
111. Тамъ же, 1 іюня.
112. Тамъ же, 11 іюля.
113. Бумаги Государств. Архива.
114. Дѣла польскія 1765 года.—Forschungen zur deutschen Geschichte.
115. Дѣла австрійскія того же года.
116. Дѣла французскія того же года.
117. Дѣла турецкія того же года.
118. Дѣла шведскія того же года.
119. Дѣла датскія того же года.
120. Дѣла англійскія того же года.—Сборн. Русск. Истор. Общ. т. XII.
121. Исторія Россіи, XXIV, 420 и слѣд.
122. Записки Порошова, 74.
123. Вѣстникъ Европы 1807 года, № 7.—Современникъ 1854 года № 10 (моя статья: Герардъ Фридрихъ Мюллеръ).—Пекарскаго—исторія Академіи Наукъ (біографія Мюллера и Ломоносова).
124. Здѣсь Ломоносовъ должно быть разумѣлъ отношенія Вольтера къ Фридриху II.
125. 31 октября 1760. *Beuchot-Oeuvres compl. de Voltaire*, LIX, 110.

126. Тамъ же, р. 137.
127. Тамъ же, р. 155.
128. Исторія Россіи XXV, 132.
129. La cour de la Russie, р. 231.
130. Des noires terres—Voltaire et la société française, 6 série, р. 372.
131. Oeuvres compl. LX, 558. Письмо отъ 13 августа 1762. Il ne manquera plus qu'un Ninias á votre Semiramis pour rendre la ressemblance parfaite... Il peut resulter un très-grand bien de ce petit mal.
132. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 35, 38.
133. Я такъ выражаюсь, основываясь на собственныхъ словахъ Екатерины: „pour contribuer á l'education de mon fils“. Тамъ же VII, 179.
134. Oeuvres complètes, LXII, 311, 312, письмо къ Дамилавилю 1765 г.
135. Сборн. Русск. Истор. Общ. X, 45.
136. Voltaire-Oeuvres completes, t. LXII, 7, 11, 38.
137. Сборн. русск. Истор. Общ. I, 257.
138. Correspondance in édite du roi St. Aug. Poniatowski et de M-me Geoffrin, 122.
139. Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 82 и слѣд.
140. Тамъ же, X, 31.
141. Тамъ же, I, 269.
142. Тамъ же, 272.
143. Тамъ же, 276.
144. Записка въ Государ. Архивъ.
145. Подлинникъ въ Государ. Архивъ.
146. Предисловіе къ запискамъ Порошина, XVII.—Кромѣ этихъ записокъ, изданныхъ въ 1844 году, см. Русскій Архивъ 1869 года № 1; также Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, 1860—1861, кн. IV.—Въ запискахъ Порошина, въ концѣ находятся любопытныя строки: „Размышленію моему извѣстное дѣло, коимъ оно болѣе всего занято, раздѣлено у меня на три части: на выѣздъ, изъясненіе и рѣшительную негоціацію. Первая часть совершается сегодня; приступъ сдѣланъ; какъ всѣ три къ концу приведу, то въ рай преселенъ буду, идеже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе. 7 января. Первую часть своего дѣла совершилъ я; былъ тамъ сегодня въ первый разъ, гдѣ обитаетъ мое благополучіе; коль быстро проходятъ тѣ минуты, въ которыя сердце непріятнѣйшими чувствіями восхищается“. Ясно, что дѣло идетъ о любви и сватовствѣ. Если предположить, что предметомъ страсти Порошина была Шереметева, то объясненіе его могло почестся дерзостію по неравенству положенія, ибо странно думать, чтобъ такой человѣкъ, какъ Порошинъ позволилъ себѣ другого рода дерзость передъ

дамою. Любопытно, что Шереметева была послѣ невѣстою самого Па-
нина Никиты Ив., но умерла.

147. Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина.—Биларскаго—матеріалы
для біографіи Ломоносова.—Исторія И. Академіи Наукъ—Пекарскаго,
т. II.—Моя статья: Писатели русской Исторіи XVIII в. въ изданіи Ка-
лачова: Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній.—Журналы и прото-
колы Сената 1757 года, ноября 14; 1761 года, іюня 5; 1762 года, ян-
варя 29, февраля 25, іюля 8; 1765 года, января 14 и 28.

148. Матеріалы для біографіи Тредіаковскаго въ Запискахъ Акад.
Наукъ IX.—Пекарскаго—Исторія Академіи Наукъ, т. II.—Моя статья:
Писатели Русской Исторіи XVIII вѣка.

149. Моя статья: „Августъ Людвигъ Шлѣцеръ“ въ Русскомъ Вѣст-
никѣ 1856 года.

150. Журналы и протоколы Сената; Москов. Вѣдомости 1757 года,
№ 28.

151. Москов. Вѣдом. 1758 года.

152. Тамъ же, означ. годы.

153. Сочиненія Фонъ-Визина, по изд. Ефремова, стр. 533 и слѣд.

154. Журналы Сената 1759 года, 29 ноября.—Объ этихъ студентахъ
говорить также Волотовъ въ своихъ запискахъ.

155. Тамъ же, 9 іюля.

156. Тамъ же, 1 февраля.

157. Тамъ же, 15 декабря.

158. Тамъ же, 27 ноября.

159. Москов. Вѣдом. 1757 г. № 96; 1760 г. № 4 и 23.

160. Сочинен. Державина VI, 415, 419.

161. Полн. Собр. Зак. № 12481.

162. Журналы Сената 13 марта 1760 года.

163. Инструкція въ Москов. Архивѣ Мин. Иц. Дѣлъ.

164. Журналы Сената 21 октября и 9 декабря.

165. Записки Порошина, стр. 490.

166. Тамъ же, стр. 435.

167. Журналы Сената 1761 года, января 30 и іюня 11; 1764 года,
мая 13.

168. Русскій Архивъ, 1871, № XII.

169. Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 392.—Журналы Сената 1765,
2 февраля.

170. Русскій Архивъ 1873 года, № 10.

171. Журналы Сената 1761 г., августа 20.

172. Сочиненія Фонъ-Визина, изд. Ефремова, стр. 367.

173. Записки Порошина, стр. 383.

174. Журналы Сената, 28 апрѣля 1758 года.
 175. Истор. москов. универ., стр. 84.
 176. Пол. Собр. Зак. № 10776.
 177. Журналы Сената, 1763 года 3 марта.
 178. Порошинъ, стр. 422 и слѣд.
 179. С.-Петербург. Вѣдомости 1765 года, № 48.
 180. Журналы Сената 1756 годъ, октября 3; 1757 г. декабря 31; 1761 г. мая 30, іюля 24, ноября 5; 1763 г. мая 15, октября 24; 1764 г. іюня 1.
 181. Тамъ же, 1761 годъ, мая 7, 1762 годъ, мая 30.
 182. Порошинъ, стр. 312.
 183. Журналы Сената, 1764 годъ означенныя числа.
 184. Пол. Собр. Зак. № 12502.
-

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

1) Письмо Н. И. Панина по поводу Восточной украины:

Всемиловѣйшая государыня! Въ присланныхъ ко мнѣ отъ вашего императорскаго величества чрезъ князя Вяземскаго репортахъ въ сенатъ отъ генераль-поручика Шпрингера я хотя не нахожу большой опасности въ настоящемъ положеніи, однакоже тѣмъ не меньше кажется нужно, чтобъ собравъ всѣ разновременныя и отъ разныхъ людей разнымъ же людямъ порученныя дѣла и предпріятія, единожды постановить той сторонѣ систему: причемъ оставаться на настоящее время, какіе виды имѣтъ къ будущему и чѣмъ послѣ чего до того достигать; инакоже тамошнія дѣла, будучи по своему отдаленію, паче всѣхъ другихъ не сручны, всегда будутъ и сами подвергаться и насъ здѣсь подвергать безпокойствамъ и замѣшательствамъ, особливо когда ихъ проэкрты въ сторонѣ, а исполнители по большей части во всемъ ожидаютъ и полагаются на здѣшнія резолюціи, которыя однакоже и не пнако какъ по большей части нерѣшительными, всегда же поздними къ нимъ доходятъ. Въ разсужденіи сихъ консидерацій я принимаю смѣлость всеподданнѣйше представить не соизволитель ваше величество указать въ сегодняшнее собраніе по тѣмъ дѣламъ призвать генерала поручика Веймарна какъ такова чловѣка, которой былъ въ томъ краю при командѣ и многія тогдашнія несбыточные затѣи по клочкамъ имѣлъ въ своихъ рукахъ и объ нихъ трактовалъ; почему онъ конечно въ состояніи подать собранію многія основательныя объясненія.

Собственноручное рѣшеніе императрицы: «Позовите Ваймарну и приведите все сіе дѣло въ такомъ положеніе какъ вамъ Богъ луче на умъ положетъ».

2) Собственноручная записка Н. Ив. Панина: *Экстракт моего письма къ генералу порудчику Веймарну.*

Вчерашняго числа ввечеру я получилъ обыкновенный штафетъ изъ Риги отъ 10 числа, ея императорское величество во все милостивѣйшемъ ко мнѣ писемѣ приказывать съ цѣломудреннымъ разсужденіемъ изволить «дабы въ деспарадномъ и безразсудномъ предпріятіи узнать до фундамента сколь далеко дурачество распространялось, и тѣмъ, если, возможно, однимъ разомъ пресѣчь и избавить отъ несчастія впередъ невинныхъ простаковъ». Причемъ ея величество напоминаетъ и примѣчать изволить, что съ великаго пѣста болѣе двѣнадцати разъ по той же матеріи разное вранье открывалось; да и въ послѣднемъ мѣстѣ предъ ея отсутствіемъ одинъ гвардіи прапорщикъ выписанной нынѣ въ армейскіе полки (о которомъ я съ вашимъ превосходительствомъ уже говорилъ) также вралъ слышанное на кабакахъ отъ самой подлости, будто бы пр. Иванъ жилъ тогда въ деревнѣхъ подъ Шлюсельбургомъ, а многіе армейскіе штабъ-офицеры и солдаты ему присягали и много людей изъ города къ нему туда на поблону вѣзять: И такъ изволеніе ея величества «чтобъ разсмотрѣть, не настоящіе ли злодѣи были причиною и тѣмъ разглашеніямъ» какъ о томъ почти и сумнѣваться не возможно. Почему ваше превосходительство соблаговолите, при своихъ распросахъ и нужныхъ иногда истязаніяхъ, доискиваться, когда, какъ, гдѣ и между кѣмъ какіе плевелы разбѣиваемы были для пріуготовленія духовъ къ предпринимасемому отъ нихъ злодѣйству.

3) Собственноручное письмо императрицы Екатерины II къ графу П. А. Румянцеву, отъ 9 июля 1765 года.

Графъ Петръ Александровичъ я остановила отсылку указа въ духовной комиссіи о которомъ упомянуто въ 16 пунктѣ моего сегодншняго письма къ вамъ, и желаю, чтобъ вы тамошнихъ нѣскольکو называемыхъ пановъ склонили къ подачѣ челобитни въ которой бы они просили объ лучей у нихъ учрежденіи школъ и семинарій, и есть ли можно, о положеніи духовенства въ штатнаго состоянія, отъ духовныхъ или свѣтскихъ такой же челобитни имѣть, тобъ мы уже знали, какъ начинать. Мнѣ Николаѣ Чичеринъ сказалъ, что митрополитъ кіевской самъ не прочь отъ сего учрежденія будетъ понеже онъ менѣе дохода съ де-

ревень имѣть нежели послѣдній великороссійской архіерей, а мы бѣ ему преосвященному естли бѣ сложился о штатномъ положеніи просить, едѣлали бѣ весьма выгодныя для него кондѣціи. Я все сіе поручаю вашей испытанной ревности и искусству, прошу екскузовать меня, что я по сію пору не отвѣтствовала впредь прилежиѣ буду и остаюсь навсегда съ неотмѣнной повѣренности и доброжелательства.

(Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

Д О П О Л Н Е Н І Я.

Къ тому XXIII:

Показаніе графа Чернышева Захара: 1753 года, января 11, будучи въ компаніи съ г. полковникомъ Левонтьевымъ, скоро послѣ обѣда соглашались мы съ прочими, бывшими въ оной компаніи ѣхать въ гости, а Левонтьевъ не соглашаясь съ онымъ, привелъ меня ему сказать, что онъ мудреный человекъ и своеправный, что съ нимъ никогда ни въ чемъ согласиться нельзя, на что онъ въ отвѣтъ сказалъ, что я де Шотланецъ и слова своего не перемѣню, ужъ я вамъ сказалъ, чтобъ вы ко мнѣ ѣхали, такъ противъ и остаюсь; то я ему сказалъ, что ты великая диковинка, а буде желаешь, чтобъ мы къ тебѣ ѣхали, то надлежитъ тебѣ просить, ибо тебѣ честь дѣлаютъ, кто прѣзжаетъ, а не ты имъ, что ихъ у себя принимаешь, на что онъ мнѣ сказалъ—ты врешь и ну къ черту; то я ему сказалъ: увидимъ кто у насъ къ черту пойдетъ; и я вышелъ вонъ и помѣшавъ немного въ другой горницѣ, увидѣлъ, что онъ съ великою прытостью изъ той горницы, гдѣ мы сидѣли, бѣжить, то я хотѣлъ въ другую горницу отойти, но онъ сзади меня въ щеку ударилъ, то я для опасенія своего обнаживъ шпагу, оборотился на него и увидѣлъ и у него въ рукахъ обнаженную шпагу, и въ самое то время онъ меня сію по головѣ ударилъ, отъ чего и теперь на оной рана есть, я же въ дѣйствительную оборону свою покололъ его въ бокъ, но онъ, брося свою шпагу изъ рукъ, кинулся на меня и съ ногъ сшибъ, и какъ услышали оное въ другой горницѣ, то г. полковникъ Панинъ прѣзжая, его съ меня снялъ.—Левонтьевъ показалъ: какъ онъ Чернышеву

сказалъ врешъ, то Чернышовъ сказалъ ступай, и самъ вышелъ, Левонтьевъ за нимъ сунулся, но держалъ его князь Василій Долгорукій и не пускалъ минутъ съ семь, однакожь онъ вырвался, Чернышовъ уже стоитъ съ обнаженною шпагою и пошелъ на него и покололъ; онъ выхватя, своею Чернышова въ голову порубилъ, который упалъ, онъ сълъ ему на груди и тутъ его сволокли. (Изъ Государ. Архива.)

Къ тому XXIV:

Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1761 года, въ № 97 (4 декабря) напечатано слѣдующее заявленіе: Коллежскій совѣтникъ Андрей Володиміровъ сынъ Удаловъ изъ покупнаго его Нижегородскаго уѣзда села Фроловскаго изъ деревень бѣжавшимъ дворовымъ людямъ и крестьянамъ отъ какихъ-либо неспособныхъ не порядковъ, а гдѣ нынѣ они живутъ неизвѣстно, чрезъ сіе даетъ знать свое намѣреніе въ пользу ихъ и свою, чтобъ они возвращались на прежнее свое жилище, или бѣ здѣсь являлись у него въ С.-Петербургѣ; онъ будетъ принимать ихъ со всякимъ къ нимъ вспомошествованіемъ такъ какъ ихъ помѣщикъ, и содержаны будутъ впредь въ добромъ порядкѣ безъ отягощенія, и тѣмъ были бѣ неизмѣнно утѣрены.

Къ тому XXV:

Примѣч. 201. Въ шведскихъ дѣлахъ 1768 года есть переводъ записки шведскаго посланника въ Петербургѣ Дюбена, гдѣ сказано: «Генералы—графъ Захаръ Чернышовъ, Румянцевъ и Панинъ за великую обиду себѣ ставили, что главная команда надъ назначеннымъ въ Польшу корпусомъ поручена была младшему генералу князю Волконскому, почему Чернышовъ просился въ отставку, и какъ тотчасъ онъ въ томъ удовольствованъ и о такой его отставкѣ обнародовано было весьма унижительно для него указомъ, то онъ въ немалой заботѣ находился и всевозможнымъ образомъ старался оныя въ службу принятымъ быть, что наконецъ, хотя и не безъ великихъ затрудненій, графы Орловы ему неходатайствовали.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВА I. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексеевны. 1764 годъ. Заботы сената о памятникахъ императрицъ. — Заговоръ Мировича. — Поѣздка Екатерины въ прибалтійскія области. — Шлюссельбургское происшествіе. — Судъ надъ Мировичемъ и казнь его. — Князь Виземскій назначенъ исправлять должность генераль-прокурора. — Назначеніе ему, написанное императрицею. — Споръ въ сенатѣ по поводу генераль-рекетмейстерской должности. — Рѣшеніе вопроса о конфискованныхъ имѣніяхъ. — Финансовыя распоряженія. — Первый русскій корабль на Средиземномъ морѣ. — Заботы о торговлѣ. — Крѣпостные люди у купцовъ. — Бѣглецы. — Половники. — Неудачный ходъ ревизіи. — Наставленіе губернаторамъ. — Пенсія. — Окончаніе комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ. — Раскольники. — Записка Тенлова о безпорядкахъ въ Малороссіи. — Окончательное уничтоженіе гетманства. — Румянцевъ — предсѣдатель малороссійской коллегіи. — Наставленіе ему императрицы. — Преобразование Новой Сербіи. — Слободско-украинская губернія. — Состояніе восточной Украйны. — Дѣло о камчатской экспедиціи. — Дѣла польскія. — Насилія на сеймикахъ. — Чарторыйскіе требуютъ вступленія русскаго войска въ Польшу. — Конвокаціонный сеймъ. — Начало преобразованій. — Бѣгство Радзивіа и Браницкаго отъ русскыхъ войскъ. — Избраніе въ короли Станислава Понятовскаго. — Новый король проситъ императрицу позволить преобразование въ польской конституціи. — Екатерина не соглашается. — Неудача диссидентскаго дѣла. — Союзъ Россіи съ Пруссіею. — Фридрихъ II внушаетъ, что нельзя позволять въ Польшѣ преобразованій. — Неудовольствія у Россіи съ Австріею по поводу польскихъ дѣлъ. — Натянутыя отношенія между Россіею и Франціею. — Старанія русскаго двора удержать Порту отъ вмѣшательства въ польскія дѣла. — Вражда крымскаго хана къ Россіи. — Консулъ Никифоровъ въ Крыму. — Переѣзна французской политики относительно Швеци. — Усиленіе борьбы ея здѣсь съ Россіею. — Продолженіе дружбы у Россіи съ Даніею. — Проектъ барона Корфа о „Сѣверномъ союзѣ“. — Неудачные переговоры съ Англіею о союзѣ.

ГЛАВА II. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны, 1765 годъ. Винныя откупа. — Содержаніе войска. — Недовольство императрицы флотомъ и работами въ Балтійскомъ Портѣ. — Ревельская гавань. — Путешествіе Екатерины по Ладожскому каналу. — Каналь отъ Сяси до Волхова. — Дѣятельность сената по вопросу о малолѣтнихъ преступникахъ и укрывательствахъ злодѣевъ. — Твердость императрицы въ ограниченіи цытокъ. — Записка Екатерины по поводу дѣла Волынскаго. — Новости въ сенатѣ. — Безпорядки въ коллегіяхъ. — Печальное извѣстіе о русской торговлѣ въ Константинополѣ. — Введеніе картофеля. — Дѣятельность новгородскаго губернатора Сиверса. — Комиссія о государственномъ межеваніи. — Вопросъ объ устройствѣ казармъ. — Событія въ областномъ управленіи. — Медленность ревизіи. — Комиссія о заводскихъ крестьянахъ. — Крѣпостные люди у купцовъ. — Почта. — Отмѣна сборовъ за поставленіе духовныхъ лицъ. — Опредѣленіе платы за требы. — Расколъ. — Дѣло цыкорскаго архимандрита Густа. — Столкновеніе воронежскаго епископа съ донскими козаками. — Дѣятельность Румянцева въ Малороссіи. — Столкновеніе иностранныхъ колонистовъ съ прежними русскими поселенцами. — Самозванцы. — Общій взглядъ на отношенія Россіи къ Польшѣ. — Диссидентское дѣло и столкновеніе Польши съ Пруссіею. — Сношенія Россіи съ другими европейскими государствами въ 1765 году.	125
ГЛАВА III. Просвѣщеніе въ Россіи отъ основанія Московскаго университета до смерти Ломоносова. 1755—1765. Вліяніе французской литературы при Елисаветѣ и Екатеринѣ II. — Умственное движеніе во Франціи въ описываемое время. — Отношенія русскихъ людей къ западному просвѣщенію при Елисаветѣ. — Сношенія Вольтера съ Ив. Ив. Шуваловымъ при Елисаветѣ. — Отношенія Екатерины II-й къ Вольтеру, Даламберу, Дидро. — Переписка Екатерины съ Жоффрэннъ. — Воспитаніе великаго князя. — Порошинъ, его записки, его судьба. — Последняя дѣятельность Ломоносова и Тредиаковскаго. — Мюллеръ. — Шлёцеръ. — Московскій университетъ. — Казанская гимназія. — Корпуса. — Посылка воспитанниковъ духовныхъ училищъ за границу. — Частное воспитаніе. — Напоминаніе синода о религіозно-правственномъ воспитаніи. — Крестининъ. — Новыя воспитательныя учрежденія при Екатеринѣ II-й; Бецкій. — Литература. — Театръ. — Искусство.	203
Примѣчанія.	
Приложенія.	

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Напечатано:		Должно читать:
	Стр.		
29	12	землю	землею
—	21	бѣжить	бѣжало
44	1	столь,	столь
49	36	приказныхъ	приносныхъ
58	16	ее чтобъ	а чтобъ
78	27	отдѣльныхъ	отдаленныхъ
80	2	фундаментально	фундаментальные
84	3	раздражащее	раздражающее
97	35	дасть	даеть
99	24	замѣтки	затѣи
134	17	это коллегія	эта коллегія
138	34	о лицахъ	о лѣсахъ
—	37	адмиралтей коллегіи	адмиралтейскъ-коллегіи
155	21	Купенкѣ	Купенки
159	36	освобождать	освобождало
212	22	построеннаго	построенному
215	29	тѣмъ не яснѣе	тѣмъ не менѣе
240	29	таково	такова
261	1	разсужденіе	Разсужденію
276	26	и не чужихъ	и на чужихъ
304	19	науки стали	наука стала
308	34	о цензурѣ	о цезурѣ
326	33	построена	построень
329	14	недоучеными	недоученыя
335	37	приложеніе	прилежаніе
338	37	вниманія	вниманіе

48. 858. a